

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

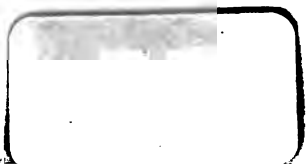
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190881 0

*QCA

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

6
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

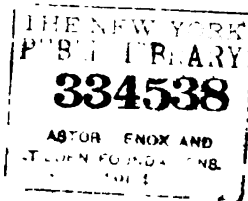
1864.

ЯНВАРЬ.

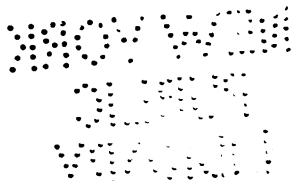
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 12 января, 1864 года,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮШИНА И КОМП.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Когда мы рассматриваемъ какой-нибудь отдѣльный поступокъ, тогда мы обыкновенно, по человѣческой слабости, вдаемся въ лиризмъ, и, смотря по свойствамъ даннаго поступка, чувствуемъ приливы негодованія или благоговѣнія, ужаса или восторга, огорченія или удовольствія. Всѣ эти чувства въ значительной степени ослабѣваютъ, когда мы начинаемъ принимать въ соображеніе, кромѣ голаго факта, ту ближайшую причину, изъ которой развился этотъ фактъ. Если отъ ближайшихъ причинъ мы станемъ переходить къ причинамъ болѣе отдаленнымъ, то лирическіе порывы наши постоянно будутъ остывать болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, взволновавшій насъ фактъ будетъ интересовать насъ только какъ предметъ изученія.

Человѣкъ А. въ извѣстномъ случаѣ поступилъ хорошо или дурно. Спрашивается, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе? Потому, конечно, что ему иначе нельзя было поступить. Во-первыхъ, случай былъ именно тотъ, а не другой, а во-вторыхъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ именно А, а не В и не С. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ поступокъ, надо рассмотреть, во-первыхъ, обстоятельства даннаго случая, а во-вторыхъ, характеръ дѣйствующаго лица. Видя, что наши лирическія изліянія неумѣстны въ отношеніи къ от-

дѣльному поступку, мы обыкновенно переносимъ ихъ на характеръ самаго человѣка. Но и въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ неосмотрительно. Если извѣстный поступокъ есть неизвѣстный результатъ извѣстнаго характера, поставленнаго въ извѣстное положеніе, то характеръ въ свою очередь есть такой же неизвѣстный результатъ многихъ физиологическихъ, климатическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ данныхъ. Если бы мы могли прослѣдить жизнь человѣка съ минуты его рожденія до того времени, когда характеръ оказался совершенно сформированнымъ, то мы увидѣли бы передъ собою непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Спрашивается, на какое же звѣно этой цѣпи мы имѣемъ разумное основаніе издавать нашъ гнѣвъ или наше благоговѣніе? Намъ приходится воздерживаться или отъ лирическихъ увлеченій, или обращать ихъ на первое звѣно цѣпи, т. е. на новорожденного младенца. Но если даже мы способны дойти въ своемъ лиризмѣ до такой нелѣпости, то намъ все таки и здѣсь предстоитъ разочарованіе. Новорожденный ребенокъ совсѣмъ не первое звѣно; онъ въ свою очередь слѣдствіе безчисленнаго множества причинъ. Перваго звѣна мы никогда не найдемъ. Метафизики были терпѣливыѣ насъ, однако ничего не нашли, и принуждены были кое-что выдумать. Слѣдовательно лиризму нашему окончательно приходится уступать въ пространство. Въ житейской практикѣ не всегда удобно и часто бесполезно бываетъ прогонять лиризмъ серьезнымъ размышленіемъ и основательнымъ изученіемъ причинъ. Во-первыхъ, на это занятіе пришлось бы тратить очень много времени, а во-вторыхъ, біографіи окружающихъ насъ людей очень рѣдко представляютъ что-либо интересное. Но когда мы беремся за изученіе историческихъ явленій, тогда всякій лиризмъ долженъ быть устраненъ съ невозможною строгостью. Присутствіе лиризма всегда, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ размышленіи, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Когда мы понимаемъ вполнѣ какое-нибудь явленіе, тогда мы не можемъ ни негодовать противъ него, ни благоговѣть передъ нимъ.

Для потребностей практической жизни намъ достаточно знать окружающіе предметы на столько, на сколько эти предметы могутъ обусловливать собою наши поступки. Если я имѣю съ г. А. денежные дѣла, то мнѣ необходимо знать, мощеннѣ ли онъ, или нѣ мощеннѣ; но мнѣ нѣтъ никакой практической надобности размышлять

о томъ, что именно сдѣлало его мошенникомъ, или помогло ему остаться честнымъ человекомъ.

Когда же я пускаюсь въ теоретическія размышленія, тогда мнѣ необходимо вести исслѣдованіе такъ далеко, какъ только позволяютъ наличные матеріалы и мои собственныя умственные силы. Кто въ теоретическихъ размышленіяхъ останавливается на половинѣ дороги, удовлетворяясь полужнаниемъ и полупониманіемъ, тому, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности заниматься такими размышленіями. Кто въ области мысли обрекаетъ себя на ту узкость и поверхностность сужденій, которая господствуетъ въ нашей вседневной жизни, тому не вѣтъ и забираться въ область мысли. Кто разбираетъ историческія событія съ тѣмъ близорукимъ пристрастіемъ, съ которымъ онъ разсуждаетъ о своихъ добрыхъ знакомыхъ, тому было-бы лучше вовсе не заниматься исторіею. Исторія обогащаетъ насъ новыми идеями, и расширяетъ нашъ умственный горизонтъ только въ томъ случаѣ, когда мы изучаемъ какое нибудь событіе въ его естественной связи съ его причинами и съ его послѣдствіями. Если мы вырвемъ изъ исторіи отдѣльный эпизодъ, то мы увидимъ передъ собою борьбу партій, игру страстей, фигуры добродѣтельныхъ и перочимыхъ людей; однимъ мы станемъ сочувствовать, противъ другихъ будемъ негодовать; но сочувствіе и негодованіе будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не поставимъ вырваннаго эпизода на его настоящее мѣсто, пока мы не поймемъ той простой истины, что весь этотъ эпизодъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ совершенно логично и неизбежно вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ. Какъ ни проста эта истина, однако многіе писатели, разсуждающіе объ исторіи, и многіе историки, пользующіеся очень громкою извѣстностью, совершенно теряютъ ее изъ виду въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Раскройте, напримѣръ, Маколе, и вы увидите, что онъ на каждой страницѣ кого-нибудь оправдываетъ или кого нибудь обвиняетъ, кому нибудъ свидѣтельствуеетъ свое почтеніе или кому нибудъ дѣлаетъ строжайшій выговоръ. Всѣ эти оправданія или обвиненія, почтенія или выговоры служатъ только признаками неяснаго или неполнаго пониманія событій. Моралистъ вытѣсняетъ историка, потому что у историка не хватаетъ матеріаловъ, или не достаетъ проникательности. Въ приговорахъ Маколе заключается такой смыслъ: я, говоритъ онъ, умнѣе такого-то историческаго дѣятеля; я честнѣе такого-то; я понимаю политику лучше такого-то; я бы не сдѣ-

даль такой-то ошибки и т. д. На это читатель имѣть полное право возразить, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ прекрасныхъ свойствъ ума и сердца, которыми обладаетъ Маколе; ему нѣтъ дѣла до того, какъ поступилъ бы историкъ, находясь въ такомъ или въ другомъ положеніи; ему любопытно было знать, какъ поступила дѣйствительно историческая личность, почему она поступила такъ, а не иначе, и почему ея поступки имѣли важное значеніе для ея современниковъ. Дѣло историка разсказать и объяснить; дѣло читателя передумать и понять предлагаемое объясненіе; когда историкъ и читатель, каждый съ своей стороны, исполнять свое дѣло, тогда уже не останется мѣста ни для оправданія, ни для обвиненія. Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона. Исторія до сихъ поръ не сдѣлалась наукою, но, между тѣмъ, только въ исторіи мы можемъ найти матеріалы для рѣшенія многихъ вопросовъ первостепенной важности. Только исторія знакомитъ насъ съ массами; только вѣковые опыты прошедшаго даютъ намъ возможность понять, какъ эти массы чувствуютъ и мыслятъ, какъ онѣ измѣняются, при какихъ условіяхъ развиваются ихъ умственные и экономическія силы, въ какихъ формахъ выражаются ихъ страсти, и до какихъ предѣловъ доходитъ ихъ терпѣніе. Исторія должна быть осмысленнымъ и правдивымъ разсказомъ о жизни массы; отдѣльныя личности и частныя событія должны находить въ ней мѣсто на столько, на сколько они дѣйствуютъ на жизнь массы или служатъ къ ея объясненію. Только такая исторія заслуживаетъ вниманія мыслящаго человѣка, а въ такой исторіи очевидно нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, потому что хвалить или порицать массу все равно, что хвалить березу за бѣлый цвѣтъ коры, или полемизировать противъ дождливой погоды. Масса есть стихія, а стихію, конечно, нельзя ни любить, ни ненавидѣть; ее можно только разсматривать и изучать. До сихъ поръ масса была всегда затерта и забыта въ дѣйствительной жизни; точно также затерта и забыта она была и въ исторіи. На первомъ планѣ стояла въ исторіи біографія и нравственная философія. Вся колоссальная знаменитость Маколе и всѣ успѣхи его безчисленныхъ подражателей основаны на рисованіи историческихъ портретовъ и на торжественномъ произнесеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Эти портреты и приго-

воры иѣшаютъ читателю додуматься до настоящаго назначенія исторіи, и, слѣдовательно, положительно вредятъ успѣхамъ разумаго и плодотворнаго историческаго изученія. Нравственная философія также мало относится къ исторіи, какъ, напримѣръ, къ органической химіи или къ сравнительной анатоміи. Что же касается до біографіи, то она должна занимать въ исторіи очень скромное мѣсто. Частная жизнь только тогда интересна для историка, когда она выражаетъ въ себѣ особенности той коллективной жизни массъ, которая составляетъ единственный предметъ, вполне достойный историческаго изученія.

Собираясь говорить съ читателями о томъ переворотѣ, который, въ концѣ прошедшаго столѣтія, опрокинулъ во Франціи всѣ средне-вѣковыя учрежденія, я счелъ излишнимъ высказать сначала нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ изученіи. Познакомившись съ этими мыслями, читатель пойметъ заранѣе, какъ я намѣренъ вести мой рассказъ. Онъ увидитъ, что я не хочу произносить никакихъ приговоровъ, потому что всякій приговоръ надъ историческимъ событіемъ — я считаю вопіющею несправедливостію; онъ увидитъ далѣе, что я вовсе нерасположенъ впутываться въ біографическія подробности, и разрывать грудь тѣхъ придворныхъ и городскихъ скандаловъ, слуховъ и интригъ, которыми такъ богата эта тревожная эпоха. Меня занимаетъ исключительно общая, бытовая, всемірно-историческая сторона французскаго переворота. Я не буду ни ужасаться передъ нимъ, ни оправдывать его, потому что я твердо убѣжденъ въ томъ, что всякое отдѣльное событіе, какъ бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбежное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбежныхъ и простыхъ причинъ. Рассматривая французскій переворотъ, какъ логически-необходимый результатъ всей средне-вѣковой исторіи французскаго королевства, я не могу питать къ этому перевороту ни грѣховной симпатіи, ни добродѣтельнаго отвращенія. Я могу только разбирать его причины, рассматривать его развитіе, и указывать на ту связь, въ которой находится самая катастрофа со всѣмъ историческимъ прошедшимъ французской націи. Мое дѣло объяснять и рассказывать, а не уснать страницы восклицательными знаками. Руководителемъ моимъ на трудномъ и скользкомъ пути будетъ Генрихъ Зибель, опытный и серьезный историкъ, у котораго, однако, не смотря на всю его серьезность, прорываются изрѣдка стремленіе къ приговорамъ и желаніе заявить добродѣтельное отвращеніе. Я постараюсь быть серьезнѣе самаго Зибеля, и объективнѣе

омага г. Гончарова. Постараюсь, однимъ словомъ, приблизиться къ величественному спокойствію гомеровскаго эпоса. Читатель понимаетъ, что на трудномъ и скользкомъ пути безъ гомеровскаго спокойствія жить смеленія.

II.

Всѣ французскіе короли изъ династіи Гуго Капета съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились къ тому, чтобы подчинить своей верховной власти крупныхъ и мелкихъ феодалныхъ владѣтелей, господствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, и старавшихся съ своей стороны отстоять и упрочить за собою полную самостоятельность. Писанное право было на сторонѣ феодалныхъ владѣтелей; матеріальная сила также склонялась часто на ихъ сторону; но притязанія центральной королевской власти пользовались полнымъ сочувствіемъ задавленныхъ массъ, которыхъ живнь ежеминутно отравлялась придиричивымъ и хищнымъ деспотизмомъ безчисленнаго множества герцоговъ, графовъ, маркизовъ, рыцарей и разныхъ другихъ доблестныхъ и породистыхъ грабителей. Массы видѣли въ королѣ своего заступника и покровителя, и короли, понимавшіе свою выгоду, дѣйствительно часто принимали сторону городскихъ общинъ, возмущавшихся противъ феодалныхъ владѣтелей. Политика королей обыкновенно сообразовалась съ ближайшими требованіями обстоятельствъ; имъ хотѣлось приобрести какъ можно больше власти, а для этого надо было содержать на свой счетъ такое войско, которое не зависѣло бы отъ произвола феодаловъ; на содержаніе войска были необходимы деньги, и къ деньгамъ стремились съ незапамятныхъ временъ всѣ помыслы французскихъ королей. Имъ случалось иногда предавать за значительную сумму какому нибудь городу льготную грамоту, предоставлявшую городской общинѣ право самоуправления и независимость отъ феодалнаго владѣтеля; вслѣдъ за тѣмъ, владѣтель съ своей стороны вносилъ убѣдительную сумму, и тогда льготная грамота немедленно уничтожалась, къ величайшему изумленію добродушныхъ горожанъ. Филиппъ IV Красивый сжегъ Тампьеровъ единственно для того, чтобы коверкать ихъ мѣня; тотъ же самый Филиппъ по нѣскольку разъ въ годъ перечеканивалъ монету, портилъ ее изумренною прихвѣсью мѣди, и извлекалъ изъ этихъ операций значительныя выгоды для королевской казны. Продолжительныя войны съ Англіею, разво-

равнѣи объ страны и подвергнувшия странной опасности политическую самостоятельность Франція, содѣйствовали укрѣпленію королевской власти. Собраніе государственныхъ чиновъ предоставило Карлу VII право входить ежегодно во всея королевствѣ опредѣленную подать, предназначавшуюся для содержанія постоянной и правильно организованной арміи. Королевскіе чиновники получали такимъ образомъ возможность проникать въ земли владѣтельныхъ дворянъ, и по немногу стали упрочивать въ нихъ свое вліяніе, клонившееся впрочемъ исключительно къ обещанію королевской казны, а вовсе не къ облегченію работающихъ и клатящихъ сословій. Къ прямымъ налогамъ присоединились косвенные, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ былъ своею непопулярностію налогъ на соль. Королевская власть стала укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ увеличивались и упрочивались источники ея доходовъ. Со времени Франциска I, она успѣла пріобрѣсти уже неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными общественными силами феодальнаго государства. Дворяне оставили свои замки, и стали искать себѣ придворныхъ должностей. Всѣ попытки феодальной аристократіи возвратити себѣ прежнюю самостоятельность оканчивались полнѣйшими неудачами. Волненіе Лиги и Фронды были послѣдними проблесками средневѣковой стройности. Твердыя и крутыя мѣры Генриха IV, Ришелье и Мазарини положили коонецъ всѣмъ этимъ волненіямъ, и приготовили собою эпоху Людовика XIV. Въ дѣйствительности Людовикъ XIV былъ деспотомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ въ дѣлахъ управленія руководствовался только своими собственными соображеніями или фантазіями; ему иногда приходили въ голову такія мысли, которыя, по выраженію Зибеля, выходятъ изъ границъ европейскаго пониманія. Однажды онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ вопросъ: не долженъ ли онъ, подобно магометанскимъ властителямъ востока, пользоваться правомъ собственности надъ пахатною землею своего королевства? Въ другой разъ онъ запретилъ подъ страхомъ наказаній всякую частную благотворительность, на томъ основаніи, что никто кромѣ короля не имѣетъ права быть во Франціи заступникомъ и покровителемъ бѣдныхъ людей. Не смотря на то, Людовикъ XIV по праву оставался все таки королемъ феодальнаго государства, въ которомъ, какъ извѣстно, центральная власть на каждомъ шагѣ встрѣчала себѣ препятствія и противодѣйствія со стороны разныхъ сословныхъ и корпоративныхъ учреждений и привилегій. Вся средневѣковая путаница властей продолжала существовать при Людовикѣ

XIV, и оставалась неотъемлемою до самой революціи. Духовенство завѣдывало своими дѣлами почти совершенно независимо отъ короля; колоссальныя помѣстья, принадлежавшія церкви, не платили никакой подати, кромѣ такъ называемаго *don gratuit*, назначавшагося въ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по расположенію духовенства къ правительству. Въ рукахъ духовенства находилось народное обученіе, въ которое вовсе не вѣшивалась королевская власть. Дворянство имѣло свои провинціальныя собранія, въ которыхъ оно обсуживало мѣстныя потребности края, занималось раскладкою податей, и иногда выдвигало противъ королевскихъ чиновниковъ упорную оппозицію. Въ отправленіи правосудія не было ни единства, ни цѣлесообразности; въ каждой провинціи было свое обычное право (*droit coutumier*); каждый землевладелецъ и каждая городская община имѣли свой судъ и расправу; апеллировать на ихъ рѣшенія можно было въ королевскіе президентіальные суды, но кругъ дѣятельности этихъ судовъ оставался до такой степени неопредѣленнымъ, что у нихъ на каждомъ шагу происходили столкновенія съ другими инстанціями. Высшая судебная власть сосредоточивалась въ парламентахъ; ихъ было прежде девять, а потомъ пятнадцать, и всѣ они въ своемъ судебномъ округѣ были верховными судилищами; всѣ они гордо опирались на вѣковыя права, и постоянно спорили за нихъ между собою, съ низшими инстанціями, вырывавшимися изъ подъ ихъ контроля, и наконецъ съ королевскими министрами, старавшимися ограничить ихъ притязанія. Парламенты, и особенно важнѣйшій изъ нихъ, Парижскій, утверждали постоянно, что никакое распоряженіе короля не имѣетъ законной силы, пока оно не внесено въ парламентскіе реестры; иногда, находя королевскія распоряженія несогласными съ требованіями права, или опасными для блага государства, парламенты отказывались внести эти распоряженія въ реестръ. Иногда парламенты собственною властью отдавали приказанія по важнѣйшимъ отраслямъ полицейскаго управленія; иногда они призывали къ суду королевскихъ чиновниковъ за превышеніе власти или за какое нибудь другое нарушеніе закона. Правительство упорно сопротивлялось притязаніямъ парламентовъ. Отвергнутое распоряженіе короля записывалось въ реестръ насильно; приказаніе парламента по полицейскому управленію въ случаѣ надобности отиѣнялось; обвиненные чиновники освобождались отъ судебныхъ преслѣдованій; въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ парламенты принуждены были покоряться, но, какъ только представлялся случай, такъ они тотчасъ начинали и съ невозмутимомъ стойкостью выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая всегда кончалась торжествомъ вооруженной силы надъ вѣковыми документальными правами. Стойкость парламентовъ основывалась преимущественно на томъ обстоятельстве, что назначеніе парламентскихъ совѣтниковъ не зависѣло отъ короля. Всѣ мѣста въ парламентахъ передавались по наследству отъ отца къ сыну. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, короли продавали различныя должности не только въ пожизненное, но и въ наследственное владѣніе. Такимъ образомъ были проданы всѣ мѣста въ парламентахъ. Такимъ же образомъ продавались мѣста при дворѣ, въ арміи, въ лѣсномъ управленіи, въ вѣдомствѣ податныхъ сборовъ, въ городскихъ и цеховыхъ управленіяхъ. Многія должности создавались единственно для продажи; чтобы выручить за нихъ болѣе значительную сумму денегъ, правительство давало покупателямъ дворянское достоинство, и уже во всякомъ случаѣ освобождало ихъ отъ многихъ тягостныхъ повинностей. Королевская власть была такимъ образомъ окружена при Людовикѣ XIV легиономъ несмѣняемыхъ чиновниковъ и цѣлыми тысячами старинныхъ правъ, замкнутыхъ корпорацій, неприкосновенныхъ привиллегій и разныхъ другихъ, на половину обезмысленныхъ остатковъ и призраковъ отдаленнаго прошедшаго. Людовикъ XIV не уничтожалъ этихъ реликвій; онъ чувствовалъ, что, если тронуть этотъ старый порядокъ, то придется перестраивать заново все общественное зданіе. Такая титаническая работа была ему не по силамъ и не по вкусу; не отличаясь шириною общихъ взглядовъ, и не чувствуя въ себѣ призванія быть радикальнымъ реформаторомъ, онъ совершенно удовлетворялся тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старое документальное право уступало напору его державной воли. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изворачивался мелкими средствами; онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и какъ человѣкъ практическій, вовсе не заботился о томъ, почему исполняется его воля, — потому ли, что эт аволя совпадаетъ съ принципомъ существующаго закона, или потому, что она опирается на матеріальную силу. На тѣхъ людей, которые находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ дѣйствовалъ непосредственнымъ вліяніемъ своей личности; онъ привлекалъ ихъ своею неотразимомъ любезностью, или внушалъ имъ почтеніе своею поразительною вели-

чавостью; для достиженія своихъ цѣлей онъ ниспалъ въ ходъ всё чувствительныя струны человѣческой души. Онъ эксплуатировалъ въ свою пользу тщеславіе дворянства, властолюбіе чиновничества, нетерпимость духовенства, и, наконецъ, стремленіе къ приобретенію, въ одинаковой степени свойственное аристократамъ, бюрократамъ и церковникамъ. На кого не дѣйствовали кроткія ласки, на того можно было навести счастливый страхъ, и наконецъ, оставались еще въ запасъ насильственными мѣры. Если въ какойнибудь провинціи слышался ропотъ, то ропотъ этотъ умолкалъ при вступленіи въ провинцію военнаго отряда; если какойнибудь городской магистратъ не во время вспоминалъ о своихъ неотмѣненныхъ правахъ, то въ городѣ ставились на постой войска, и магистратъ убѣждался въ томъ, что права его составляютъ анахронизмъ; наконецъ, парламентскіе совѣтники и чиновники, получившіе свои должности по наследству, не могли быть замѣнены другими лицами, но за то для нихъ и вообще для всякаго человѣка, изъясляющаго притязаніе на самостоятельность, были всегда готовы въ ограниченномъ количествѣ гостепріимныя каморы Бастиліи, Венсенскаго замка и разныхъ другихъ общеполесныхъ учрежденій. Всѣми этими и многими другими средствами Людовикъ XIV пользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Его положенію завидовали, и его примѣру безуспѣшно подражали всѣ современные ему государи Европы. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтъ лѣтъ онъ стоялъ на такой недостижимой высотѣ, на которой слухъ его не могъ быть возмущенъ ни тихою жалобой, ни робкимъ противорѣчіемъ. Всѣ силы Франціи были въ его рукѣ, и онъ расходовалъ эти силы по своему благоумотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Одна война быстро слѣдовала за другою; деньги и рабочія руки тратились на завоевательныя походы, имѣвшія чисто династическій интересъ, поднимавшія на Францію оружіе почти всей остальной Европы, и, вслѣдствіе этого, оманичившіяся обыкновенно неудачами и унижательными мирными трактатами. Королевская казна постоянно нуждалась въ деньгахъ, а между тѣмъ народъ постоянно платилъ такъ много, что самый изобрѣтательный финансовый гений не находилъ возможности увеличивать массу налоговъ. Чтобы добывать деньги, приходилось выдумывать новыя должности и продавать ихъ частнымъ лицамъ, приходилось отдавать на откупъ всѣ отрасли частной промышленности, приходилось вводить монополіи и привилегіи.

логи во всё отправление народной жизни. Дошло до того, что ремесло перевозчиковъ, сакальщиковъ и носильщиковъ было продано въ исключительную собственность нѣсколькимъ семействамъ. Само собою разувѣется, что монополисты выручали затраченные капиталы, вытягивая ихъ изъ народа; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, всё войны Людовика XIV, всё его Версальскіе дворцы, фонтаны и праздники всю свою тяжесть лежали на плачахъ французскихъ крестьянъ и французскихъ работниковъ, которымъ уже не на кого было сложить эту тяжесть. Голодъ и заразительныя болѣзни опустошали цѣлыя провинціи; сотни тысячъ жителей питались жемудрами и древесною корою, при чемъ конечно умственное и нравственное состояніе ихъ совершенно соответствовало высотѣ ихъ матеріальнаго довольства. Въ концѣ царствованія Людовика XIV ему окончательно измѣнила даже та военная слава, которая съ незапамятныхъ временъ составляла для французовъ необходимое утѣшеніе во время неурожавъ и тяжелыхъ налоговъ. Когда исчезло это послѣднее утѣшеніе, тогда народъ понялъ, что положеніе его дѣйствительно тяжело.

III.

При такихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Людовика XV и регенство Филиппа Орлеанскаго. Регентъ, какъ извѣстно, былъ человекъ веселый и беззаботный, а король, когда выросъ и возмужалъ, сдѣлался еще веселѣе и беззаботнѣе регента. Дворъ и высшія сословія государства, подражая властелину, дышали веселостью и беззаботностью. Король былъ человекъ очень остроумный, и приближенные его были также, по большей части, люди не глухие и не лишенные образованія; всё они понимали или, по крайней мѣрѣ, чувствовали, что государственная машина трещитъ и расклевывается, что старому обществу приходитъ конецъ, и что въ воздухѣ эпохи носятся идеи, радикально враждебныя всѣмъ средневѣковымъ учрежденіямъ и авторитетамъ. Всё чувствовали непрочность своего положенія, но такъ какъ положеніе само по себѣ, въ данную минуту, было все таки пріятно, то они и спѣшили имъ наслаждаться, подражая мудрымъ эпикурейцамъ древности, и съ полнымъ успѣхомъ прогоняя всякія невозможныя мысли о внутреннемъ днѣ или о будущемъ финансовомъ дефицитѣ. Въ эту веселую эпоху практической

мудрости возникла известная поговорка: «après moi le déluge»; въ эту же эпоху король говорилъ съ лукавою улыбкою, что на его вѣкъ хватить, а ужъ наследникъ пустай выпутывается, какъ самъ знаетъ. Все это было очень остроумно, но все это нисколько не нравилось среднему сословію, которое постоянно поглядывало то вверхъ, на аристократію, то внизъ, на народъ, и при этомъ все о чемъ-то размышляло, и весьма неодобрительно покачивало головами. Это сословіе, имѣвшее матеріальное обезпеченіе и свободное время для умственныхъ занятій, было насъвозъ проникнуто идеями XVIII столѣтія, отвергавшими въ основныхъ принципахъ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ все міросозерцаніе средневѣковой эпохи. Средневѣковой человѣкъ за предѣлами церковнаго догмата не видѣлъ ничего, кромѣ мірской суеты, грѣховной жи и дьявольскаго искушенія; на землю онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто изгнанія и заточенія; на всей природѣ онъ видѣлъ печать первобытнаго проклятія; себя самаго онъ считалъ мерзкимъ сосудомъ всякой нечистоты; къ уму своему онъ чувствовалъ недовѣріе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока авторитетъ католицизма оставался на высотѣ, недоступной для критической мысли. Но когда стали появляться попытки свести его съ этой высоты, и когда эти попытки стали повторяться все чаще и чаще, когда, наконецъ, сумма нѣсколькихъ счастливыхъ попытокъ образовала собою реформацію, тогда самые вѣрующіе католики принуждены были сознаться въ томъ, что элементъ грѣховной жи проникъ даже въ истолкованіе церковнаго догмата; тогда исчезла граница между областью истины и областью жи, эту границу каждому отдѣльному человѣку пришлось отыскивать силами собственнаго ума; и проклятому еретикъ, и спасающемуся католику поневолѣ пришлось размышлять, сначала для того, чтобы поражать другъ друга полемическими аргументами, а черезъ нѣсколько времени уже просто потому, что размышленіе вошло въ привычку и сдѣлалось потребностью. Люди начали открывать истины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Земля завертѣлась подъ ногами такихъ людей, которые готовы были присягать и божиться, что она всегда стояла и до сихъ поръ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Солнце, которое каждый день всходитъ и садится на нашихъ глазахъ, вдругъ остановилось, или, по крайней мѣрѣ, было объявлено неподвижнымъ свѣтиломъ. Каждый благомыслящій человѣкъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на землѣ къ низу

ногами и вверху головою, но вдругъ обнаружилось, что земля есть шарообразное тѣло, по которому намъ или нашимъ антиподамъ приходится ходить къ верху ногами, такъ, какъ мухи ходятъ по потолку. Уже однихъ этихъ открытій было совершенно достаточно для того, чтобы поставить въ тупикъ всякаго порядочнаго человѣка. Если земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то что же послѣ этого твердо и неизменно? Если я самъ не знаю, какъ я хожу по землѣ, къ верху головою, или къ верху ногами, то что же я знаю? Гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Гдѣ голова, гдѣ ноги? Если меня обманываютъ зрѣніе и осязаніе, то что же меня не обманываетъ? Существуетъ-ли вокругъ меня что нибудь? Существовую-ли я самъ? И какъ, и зачѣмъ, и почему? Всѣ эти вопросы кажутся намъ странными теперь, потому что мы уже привыкли къ той мысли, что мы многого не знаемъ, и что многое на всегда останется намъ неизвѣстнымъ. Мы теперь выучились терпѣливо ждать отвѣта на наши вопросы со стороны опыта, и выучились, вмѣстѣ съ тѣмъ, не задавать такихъ вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой опытъ. Но средневѣковыя люди впродолженіи многихъ столѣтій знали рѣшительно все, и вдругъ имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они не знаютъ рѣшительно ничего; они рѣшили всѣ вопросы, и въ одинъ прекрасный день оказалось, что всѣ ихъ рѣшенія никуда не годятся. Сотрясеніе произошло, конечно, такое сильное, что мыслителямъ пришлось ощущивать самихъ себя, и вовсе не на шутку сомнѣваться въ собственномъ существованіи. И скептицизмъ Юма, и идеализмъ Берклея, и трансцендентальный идеализмъ Канта были неизбежнымъ логическимъ слѣдствіемъ того общаго движенія мысли, которое разрушило и стерло въ порошокъ всѣ колоссальныя построенія среднихъ вѣковъ. Прониклая съ неудержимою силою во всѣ отрасли умственной дѣятельности прокладывая себѣ новые пути по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, духъ критики и изслѣдованія создавалъ или передѣлывалъ за-ново философію, естествознаніе и политику. Любовь къ природѣ, уваженіе къ человѣческой личности, и признаніе безусловной диктатуры человѣческаго ума сдѣлались основными элементами и руководящими принципами новаго умственнаго движенія. Во имя этихъ принциповъ стало отвергаться съ немолочною строгостью все, что унижало и порабощало человѣческую личность, и все, что оказывалось несостоятельнымъ передъ судомъ человѣческаго разума. Когда государство Людовика XV въ цѣломъ

составъ своемъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ было подвергнуто такому анализу, который не имѣлъ ни исторической давности, ни документальной законности, тогда все это государство передъ лицомъ анализирующей мысли оказалось безвозвратно осужденнымъ на неминуемое разрушеніе. Приговоръ теоретическаго мышленія имѣлъ въ этомъ случаѣ неотразимую силу, потому что мыслители приводили только въ научную систему или облекали въ стройную литературную форму тѣ разрозненные идеи отрицанія, которыя возбуждались въ каждомъ отдѣльномъ членѣ общества ежедневными столкновеньями съ живою дѣятельностью. Политическая тактика самаго Людовика XV открывала этимъ идеямъ доступъ во все сферы тогдашняго общества. Король не могъ удерживать за собою постоянный перевѣсъ надъ всеми силами своего феодальнаго государства; у него не было ни того искусства, ни той настойчивости, которыя обнаруживалъ во все продолженіе своего царствованія его прадѣдъ, Людовикъ XIV; но обладая этими личными качествами, Людовикъ XV поочередно беролся и вступалъ въ союзъ съ различными общественными силами тогдашней Франціи; сначала онъ соединился съ іезуитами противъ парламентовъ, потомъ, при помощи парламентовъ, вступилъ въ борьбу съ вліяніемъ духовенства, а потомъ опять сдѣлался клерикаломъ для того, чтобы смирить парламенты. Когда одно изъ привилегированныхъ сословій находилось такимъ образомъ въ королевской милости, тогда другое было въ опалѣ и составляло оппозицію. Первое противалось веселостью и беззаботностью, свойственною королю и его придворнымъ, а второе въ это время пропитывалось идеями отрицанія, и, чувствуя себя обиженнымъ, старалось распространить неудовольствіе въ обществѣ. Когда первое дѣлалось вторымъ, а второе первымъ, тогда веселость и беззаботность перваго помрачались оппозиціонными идеями отрицанія, а идеи отрицанія втораго мгновенно прояснялись въ лучахъ веселости и беззаботности. Въ результатъ оказывалось, что правительственные сословія въ совершенствѣ выучились наслаждаться жизнью, и въ то же время потеряли всякое довѣріе къ своей собственной дѣятельности. Великія слова: «argés moi le déluge» — сдѣлались девизомъ всехъ людей, когда либо приближавшихся къ вѣнценосной особѣ Людовика XV. Но тѣ сословія, которымъ постоянно суждено было составлять молчаливую оппозицію, не поняли великаго значенія этихъ сакраментальныхъ словъ; имъ не правила ни веселость, ни беззаботность, ни политическая тактика

короля, ни періодическая оппозиція привилегированныхъ классовъ. Имъ особенно не нравилось то, что на сторонѣ королевской власти была вся матеріальная сила, а на сторонѣ феодальныхъ сословій все документальное право. Они спрашивали себя, на чью сторону склоняется разумъ?—и отвѣчали себѣ на этотъ вопросъ, что разумъ отвергаетъ и то, и другое, и требуетъ чего нибудь совершенно непохожаго на существующій порядокъ. Что же касается до массы простаго народа, то онъ, конечно, не занимался теоретическими выкладками, но между тѣмъ не чувствовалъ также преобладающей наклонности къ веселости и къ беззаботному наслажденію. Ему казались особенно обиднымъ то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ приходится больше работать для того, чтобы сильнѣе голодать; это смущала также та простая мысль, что въ будущемъ не предвидится ни уменьшенія налоговъ, ни увеличенія годовыхъ заработковъ. Представлялся гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? А если «быть», то какъ сводить концы съ концами? Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ представлялся людямъ, никогда не читавшимъ Шекспира, и даже незнакомымъ съ французскою азбукою. Можно было ожидать, что они когда нибудь рѣшатъ этотъ вопросъ довольно круто, и во всякомъ случаѣ очень прямолинейно.

IV.

Важнѣйшею отраслью народнаго хозяйства во Франціи прошлаго столѣтія было земледѣіе. Изъ 25 милліоновъ жителей имъ занимались 21 милліонъ; изъ 51 милліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распахано 35 милліоновъ. Двѣ трети этого распаханнаго пространства принадлежали крупнымъ собственникамъ, то есть, церкви, дворянству и богатымъ финансистамъ и законовѣдамъ. Остальная треть составляла собственность крестьянъ, и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и приносили имъ очень мало пользы. Въ сельскомъ быту встрѣчались такимъ образомъ двѣ крайности; рядомъ съ обладателями сотенъ и тысячъ гектаровъ стояли владѣльцы десяти или пяти квадратныхъ сажень земли; между этими крайностями не существовало срединны, но было совѣмъ такихъ землевладѣльцевъ, которыхъ существованіе было бы обеспечено продуктами

земли, и которые, между тѣмъ, находились бы въ необходимости постоянно трудиться и собственноручно заниматься своимъ хозяйствомъ. Для крупнаго собственника такія занятія были немислимы, а счастливому обладателю пяти квадратныхъ саженъ надо было искать заработковъ на сторонѣ, потому что въ собственныхъ помѣстьяхъ ему не къ чему было приложить свой трудъ. Богатые землевладѣльцы перестали жить въ своихъ имѣньяхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ феодальное рыцарство превратилось въ блестящую толпу придворныхъ. Они переселились въ столицу, сгруппировались вокругъ особы короля, и появлялись въ своихъ замкахъ только тогда, когда прожито было слишкомъ много денегъ, и только затѣмъ, чтобы набить потуже кошелькъ, и снова ѣхать въ Парижъ, и снова платить обычную дань прелестямъ цивилизованной жизни. Земли, изъ которыхъ извлекалось содержаніе дворянскихъ кошельковъ, были раздѣлены на мелкіе участки въ 10 или въ 15 гектаровъ, и отдавались въ аренду крестьянамъ, которые были обязаны выплачивать владѣльцу половину сыраго земледѣльческаго продукта. За это имъ давался отъ хозяина зерновой хлѣбъ на первое обмѣненіе полей; кромѣ того они получали также отъ хозяина рабочей скотъ и земледѣльческія орудія. Самому владѣльцу было конечно скучно возиться и рассчитывать съ мужиками, и потому онъ обыкновенно отдавалъ гуртомъ свои доходы на откупъ какому нибудь адвокату или нотаріусу, который, какъ человѣкъ практической, всегда умѣлъ съ большимъ избыткомъ выручить откупную сумму, и собрать обильную дань и съ земли, и съ крестьянъ, и съ самаго хозяина. Крестьяне знали, что половина ихъ хлѣба неизменно должна пойти къ владѣльцу или къ откупщику; имъ не было никакого расчета заботиться объ улучшеніи земли, и они постоянно вели спустя рукава свое земледѣльческое хозяйство; когда надо было пахать, они занимались въ извозъ, потому что изъ посторонняго заработка имъ ничего не приходилось отдавать хозяину; они загоняли гусей въ свои пшеничныя поля, потому что пшеница была на половину хозяйская, а гуси цѣликомъ принадлежали крестьянину; *) наконецъ они старались оставлять какъ

*) Этотъ фактъ, цѣликомъ заимствованный мною у Зибеля (*Geschichte der Revolutions Zeit*, I Band, J. 21). доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что гуси и пшеница составляли ядро раздора между землевладѣльцами и крестьянами задолго до рожденія гг. Фета и Семена. При этомъ должно замѣтить, что гуси постоянно являются представителями демократическихъ интересовъ.

можно больше земли подъ паромъ, потому что на этой землѣ можно было кормить скотину, которая также составляла нераздѣльную собственность крестьянина. Земледѣіе велось такимъ образомъ безъ усердія, безъ знанія, и совершенно безъ капитала. Хорошіе урожаи были невозможны; пшеница рождалась самъ—пять и самъ—шесть, а въ Англіи въ тоже самое время она давала самъ—двѣнадцать. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ то время самая высокая рента въ Англіи не превышала одной четвертой доли сыраго продукта. Кромѣ того, англійскіе землевладѣльцы изъ этой ренты платили церковную десятину и налогъ для бѣдныхъ, а французскіе оптиматы, отбирая въ свою пользу половину продукта, оставляли въ пользу бѣдныхъ только общественныя тягости и разнородныя повинности, отъ которыхъ высшія сословія были совершенно освобождены. Крестьяне должны были исправлять разныя обязательныя работы на господскомъ дворѣ, извѣстныя подъ общимъ названіемъ соугѣес; они должны были выплачивать церковную десятину, и они же безъ всякаго вознагражденія должны были мостить и чинить большія и проселочныя дороги. За вычетомъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей оказывалось, что крестьянинъ, бравшій на аренду 10 гектаровъ, только въ счастливый годъ могъ прокормить свою семью продуктомъ своего поля. О продажѣ хлѣба и объ удобствахъ жизни нечего было и думать. Крестьянинъ тупѣлъ отъ постоянной нужды, и хозяйство съ каждымъ годомъ велось небрежнѣе. Большія полосы пахотной земли оставались заброшенными, и поросли бурьяномъ; къ 1750 году, по словамъ Бене, около четвертой доли пахотной земли было запущено и заброшено; пространство этихъ оставленныхъ полей постоянно увеличивалось, такъ что въ 1790 году больше 9 милліоновъ гектаровъ удобной земли было превращено въ пустыню. Милліоны крестьянскихъ хижинъ стояли безъ оконъ, въ цѣлыхъ провинціяхъ народъ ходилъ босикомъ; во всякомъ случаѣ не было никакой обуви, кромѣ деревянныхъ башмаковъ. Пища состояла изъ хлѣба, изъ мучной колбасы, и иногда изъ свиного сала; мясо и вино были почти неизвѣстны; не слѣдуетъ также обольщаться словомъ «хлѣбъ»; то что французскій крестьянинъ называлъ хлѣбомъ, представляло мало сходства съ тѣмъ, что принято называть хлѣбомъ въ образованномъ обществѣ; крестьянскій хлѣбъ относился къ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское patois относилось къ языку Вольтера и Руссо; въ этотъ

такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и мякина, и каштаны, и желуди, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни времени, ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума. Грамотность не существовала во французскихъ деревняхъ; книги или газеты были въ нихъ совершенно неизвѣстны. Проповѣдь приходскаго священника замѣняла крестьянамъ всѣ остальные источники просвѣщенія. Но сельское духовенство было почти такъ же бѣдно, и вельдствие этого, почти такъ же необразованно, какъ и масса прихожанъ. Религіозныя понятія крестьянъ представляли самую своеобразную мозаику, составленную изъ христіанскихъ представленій и изъ остатковъ друидизма. Пламенная и слѣпая ненависть крестьянъ къ протестантамъ представляется главнымъ и почти единственнымъ результатомъ того вліянія, которымъ сельское духовенство пользовалось въ своихъ приходахъ. Въ южной Франціи, крестьяне, благодаря своимъ пастырямъ, видѣли въ каждомъ протестантѣ опаснаго колдуна, котораго слѣдуетъ бить и убивать изъ любви къ Богу и для спасенія собственной души. О томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, за предѣлами села или прихода, крестьяне не знали ничего. Поѣздка на базаръ въ ближайшій городъ считалась путешествіемъ труднымъ и не безопаснымъ, потому что дороги находились въ первобытномъ состояніи, и бродяжничество существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Если кому нибудь изъ крестьянъ случалось отправиться въ дальній городъ на заработки, или если ему приходилось пойти въ солдаты, то онъ обыкновенно уже не возвращался на родину и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, такъ что земляки его нисколько не могли воспользоваться его житейскою опытностью. При ограниченности своихъ понятій, крестьянинъ видѣлъ въ помѣщикѣ и въ его повѣренномъ не только ближайшую, но даже единственную причину того голода и той неблагоприятной работы, изъ которыхъ состояла вся его жизнь. Крестьянинъ замѣчалъ, что помѣщикъ пріѣзжаетъ въ свой замокъ только затѣмъ, чтобы собрать побольше денегъ; пріѣздъ владѣльца сопровождался обыкновенно усиленною строгостью въ требованіи запущенныхъ недоимокъ. Ни самъ владѣлецъ, ни его повѣренный не отличались мягкостью и любезностью въ обращеніи съ простымъ народомъ. Экономическіе интересы обоихъ классовъ населенія были диаметрально противоположны между собою; случаи мелкихъ столкновеній представлялись на каждомъ шагу; въ понятіяхъ, въ потребно-

стихъ и во вѣснѣхъ не могло быть ничего общаго; люди замка смотрѣли на живущихъ съ презрѣніемъ и съ отвращеніемъ, а люди хижинъ смотрѣли на замокъ съ ненавистью и со страхомъ. «Иногда крестьянину, говоритъ Зибель, случалось взглянуть на башни господскаго дома, то любимую мечтою его было когда нибудь съечь этотъ замокъ, въ которомъ былъ записанъ счетъ его недоимокъ.» Провинція Анжу составляла счастливое исключеніе изъ общаго правила; въ этой провинціи крестьяне не умирали съ голоду, и дворяне не были предметомъ ненависти для простаго народа. Анжуйское дворянство не умикомъ предостаямъ придворной жизни, не покинуло своихъ родовыхъ помѣстій, и въ силу этого удержала за собою уваженіе своихъ поселянъ. Въ этой провинціи дворяне и крестьяне росли вмѣстѣ, и знали другъ друга съ дѣтства; фермы переходили отъ отца къ сыну, и помѣнялись, крестившіи волахъ дѣтей у самихъ фермеровъ, никогда не рѣшались за неаккуратность въ плательствѣ или въ исполненіи повинностей прогнать съ своей земли крестьянина, выросшаго на его глазахъ и воспитываемаго особенно дурныхъ поведеніемъ. Помѣщикъ жилъ крупный вождь въ своемъ замкѣ, самъ управлялъ имѣніемъ, самъ ходилъ въ поле наблюдать за ходомъ работъ, самъ велѣвалъ въ нужды своимъ фермерамъ, потому что разоренный фермеръ былъ бы плохимъ владѣльщикомъ, самъ высматривалъ съ нихъ за несправности, и самъ подавалъ имъ примѣръ дѣятельности. По праздничнымъ днямъ онъ вмѣстѣ съ крестьянами ѣздилъ на базаръ, и отставалъ своихъ вассаловъ, когда изъ тѣхъ были малые чиновники. Эта патриархальная простота неизбѣжно соединялась съ патриархальною грубостью, но крестьяне ею не обижались, и были очень довольны тѣмъ, что на нихъ не наваливаются тяжести, превышающія человѣчскія силы. — Сѣверныя провинціи королевства, Фландрія, Артуа, Пикардія, Нормандія и Иль-де-Франсъ во многихъ отношеніяхъ отличались отъ другихъ частей Франціи; въ этихъ провинціяхъ крестьяне брали земли на аренду по многолѣтнимъ контрактамъ, и вносили арендную плату не зерномъ, а деньгами, при чемъ, конечно, сумма арендной платы оставалась неизменною на весь срокъ контракта. Земля обрабатывалась тщательно, съ знаніемъ дѣла, и съ приложеніемъ капитала. Урожай былъ вдвое лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства, и крестьяне, живя безбѣдно, стояли въ умственномъ отношеніи гораздо выше своихъ братьевъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ тому же сословію.

Но число этих сравнительно счастливых и просвѣщенныхъ земледѣльцевъ совершенно исчезало въ общей грядѣ непроницаемаго невѣжества и безвыходной нищеты.

V.

Въ городахъ старой французской монархіи господствовала замкнутая денежная аристократія. Городскія должности, замѣщавшіяся во время среднихъ вѣковъ посредствомъ выборовъ, съ XVII столѣтія стали въ непосредственную зависимость отъ воли короля, и, подобно многимъ другимъ государственнымъ должностямъ, были проданы разнымъ богатымъ людямъ въ потомственное владѣніе. Семейства, въ которыя такимъ образомъ попало наследственное обладаніе важными должностями, стали во главѣ городской аристократіи. Къ нимъ прикнули члены большихъ финансовыхъ компаній, откупщики косвенныхъ налоговъ, сборщики прямыхъ податей, важнѣйшіе банкиры и главные акціонеры торговыхъ обществъ, пользовавшихся различными монополіями. Этотъ кружокъ, въ который можно было попасть только по рожденію, или по особому разрѣшенію правительства, съ полнымъ самовластіемъ господствовалъ на биржахъ, и управлялъ движеніемъ капиталовъ во всей странѣ. Центромъ биржевыхъ спекуляцій и ареною самаго роскошнаго ажіотажа былъ Парижъ. Джонъ Ло, какъ извѣстно, на вѣчныя времена обезсмертилъ свое имя тою акціонерною горячкою, которую ему удалось возбудить въ Парижѣ, и чрезъ Парижъ въ цѣлой Франціи во время регентства веселаго и беззаботнаго Филиппа Орлеанскаго. Тысячи колоссальныхъ состояній возникали и исчезали въ одинъ день; бумаги переходили изъ рукъ въ руки съ невѣроятною быстротою; за приливами безграничнаго восторга слѣдовали припадки паническаго страха, и, хотя дѣло кончилось тѣмъ, что Ло принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, чтобы не сдѣлаться жертвою разворенившихся акціонеровъ, однако страсть къ биржевой игрѣ не унялась, и продолжала по прежнему отвлекать капиталы отъ производительнаго приложенія, и практическіе умы — отъ полезной дѣятельности. Прелесть игры понимали и король, и министры, и придворныя дамы, и дворянство, и духовенство, и парламенты; вѣчный финансовый дефицитъ и постоянное возрастаніе государственнаго долга наполняли и переполняли биржу бумажными цѣнностями; членамъ правительства каждый день пред-

ставилась возможность эксплуатировать въ свою пользу потребности государства и довѣріе частныхъ лицъ; и члены правительства, отличавшіеся въ то время изумительною эластичностью нравственныхъ убѣжденій, съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовались выгодами своего положенія. Парижъ до революціи не былъ фабричнымъ городомъ, и оптовая торговля его была незначительна, такъ что все его промышленное движеніе было основано на мелкой ремесленной дѣятельности и на крупной биржевой игрѣ. Для характеристики того времени любопытно замѣтить, что тогдашніе богачи съ особеннымъ удовольствіемъ покупали пожизненные ренты, то есть они заранѣе отнимали у своихъ наследниковъ капиталъ, и за то, въ теченіе своей жизни, получали съ этого капитала большіе проценты. Въ этомъ обстоятельствѣ чувствуется еще разъ вліяніе господствовавшего принципа «*argès moi le déluge*». Тогдашніе богачи, подобно птицамъ небеснымъ, не собирали въ житницы и не заботились о завтрашнемъ днѣ, потому что завтрашній день казался имъ весьма ненадежнымъ. Торговля и ремесленная дѣятельность во всемъ королевствѣ была подчинена строжайшему цеховому устройству. Генрихъ III произнесъ то замѣчательное сужденіе, что только король даруетъ право труда, и эти слова сдѣлались руководящимъ принципомъ французскаго правительства въ отношеніи къ ремесленному населенію королевства. Заниматься ремесломъ позволялось только тому, кто принадлежалъ къ ремесленному цеху; каждый цехъ управлялся мастерами, которые одни имѣли право принимать въ цехъ постороннія лица, а постороннее лицо, поступавшее въ цехъ, подвергалось испытанію со стороны мастеровъ, и кромѣ того должно было платить за свое принятіе и государству, и цеху, и мастерамъ. Выгода мастеровъ состояла въ томъ, чтобы удерживать за собою и за своими семействами монополію своего ремесла, потому они старались не принимать въ цехъ ни одного посторонняго лица, что имъ и удавалось въ большей части случаевъ. Часто самые статуты цеха ограждали ихъ отъ всякихъ прищельцевъ, опредѣляя положительно, что мастерами могутъ быть только сыновья мастеровъ или вторые мужья овдовѣвшихъ мастерицъ. Такимъ образомъ столяры, булочники или портные составляли такую же замкнутую аристократію, какую образовали изъ себя наследственные чиновники, парламентскіе совѣтники или банкиры. Вся Франція была покрыта громадною сѣтью различныхъ аристократій, и кому не удалось родиться въ томъ или другомъ изъ этихъ счастливыхъ круж-

новъ, тому почти нечего было дѣлать на земномъ шарѣ; и почти нечѣмъ было отбиваться отъ голодной смерти. Ему надо было идти въ услуженіе, наняться въ пошеюшки, или отдаваться въ безусловное распоряженіе мастера, который зналъ его безвыходное положеніе, и следовательно бралъ его въ набабу на произвольно назначаемыхъ условіяхъ. Мушакъ, голодавшій въ деревнѣ, не находилъ себѣ облегченія и въ городѣ. Изъ всѣхъ аристократій, отравлявшихъ жизнь французскаго пролетарія, ремесленная аристократія была, по всей вѣроятности, самое тяжелое; ея существованіе связывало простаго чело-вѣка по рукамъ и по ногамъ, и, кромѣ того, самымъ радикальнымъ образомъ извращало глубочайшія основы народнаго характера. Пролетарію приходилось чувствовать зависть и ненависть не только къ тому, кто былъ богатъ и знатенъ, но и къ своему брату бѣдняку, если только этотъ бѣднякъ имѣлъ право заниматься такою работою, которая для простаго пролетарія составляла запрещенный плодъ. Съ богатыми и знатыми пролетарій встрѣчался рѣдко; богатаго и знатнаго онъ видалъ издали; напротивъ того, привилегированнаго бѣдняка онъ встрѣчалъ на каждомъ шагѣ, и каждая такая встрѣча растравляла его раны и поддѣрживала его враждебныя чувства. Пока пролетарій стоялъ въ тѣни, до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на его чувства и на весь складъ его характера; злоба была смѣшна, и страданія его возбуждали только презрѣніе; но когда пролетарій подѣ знаменательнымъ именемъ санколота въ свою очередь сдѣлался важнымъ лицомъ, тогда всплыли на верхъ всѣ чувства, посѣянные въ его душѣ вѣками порабощенія, тогда систематически искаженный характеръ его сдѣлался двигателемъ мировыхъ событій, и тогда историкамъ пришлось ужасаться передъ тѣми результатами, которыя выработала исторія въ своемъ вѣковомъ теченіи. Пролетарій явился тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его весь средневѣковой порядокъ вещей. Превращенный историческими обстоятельствами въ голоднаго волка, пролетарій не обнаружилъ глубины кротости, и историки изумались и ужаснулись. — Ремесленная аристократія была, подобно чиновной аристократіи, созданіемъ королевскаго правительства; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, короли продавали цеховыя привилегіи точно такъ же, какъ они продавали общественыя должности; французскіе правители въ этомъ случаѣ дѣйствовали какъ покупатели пожизненныхъ рентъ или вообще какъ люди, проживающіе капиталъ. Они брали съ своего государства

больше проценты въ настоящемъ, и чрезъ это готовили въ будущемъ ему и кому нибудь изъ своихъ наследниковъ неизбѣжную катастрофу. Различныя аристократія, выработанныя историческою жизнью, или учрежденныя волею королей, глубоко сознавали свою взаимную солидарность и ту роковую связь, въ которой находились между собою различные камни стараго общественнаго зданія. Когда Тюрго въ 1776 году уничтожилъ замкнутые цехи, тогда со всѣхъ сторонъ поднялись яростныя вопли: парижскій парламентъ, принцы, нери, доктора правъ объявили въ одинъ голосъ, что всѣ Французы, начиная отъ ступеней трона и кончая бѣднѣйшею мастерскою, составляютъ и всегда должны составлять непрерывную цѣпь твердо организованныхъ корпорацій, которыхъ неприкосновенность совершенно необходима для существованія государства, и которыхъ разрушеніе неизгладимо повлечетъ за собою окончательную гибель всего общественнаго порядка. Противъ такихъ предвѣщаній не могъ устоять Людовикъ XVI; опасный Тюрго потерялъ министерскій портфель, и цехи были восстановлены въ прежней своей величіи. Фабричная промышленность современъ Кольбера пользовалась постояннымъ покровительствомъ и находилась подъ постоянною опекою центральной власти. До Кольбера Франція не производила ни тонкаго сукна, ни шелковыхъ матерій, ни стеклянныхъ издѣлій, ни мыла, ни дегтя; фабричное производство почти не существовало, такъ что Кольберу пришлось выписывать мастеровыхъ изъ Германіи, изъ Швеціи и изъ Италіи. Чтобы эти иноземныя сѣмяна принялись на французской почвѣ, Кольберъ взялъ на себя трудъ обеспечивать сбытъ фабрикуемыхъ товаровъ и защищать новорожденныя фабрики отъ иностранной конкуренціи; всѣ товары должны были производиться по назначеннымъ образцамъ; заграничныя товары подверглись огромнымъ пошлинамъ; отступленіе отъ назначенныхъ образцовъ влекло за собою денежные штрафы, сожженіе изготовленныхъ товаровъ незаконной формы, и часто позорныя наказанія провинившагося фабриканта. Технические усовершенствованія сдѣлались невозможными, потому что изобрѣтательность считалась уголовнымъ преступленіемъ. При такихъ условіяхъ, все развитіе мануфактурной промышленности приняло искусственное и чисто аристократическое направленіе. При Кольберѣ фабрикаціе шерстяныхъ тканей занимались 60,400 работниковъ, а выдѣлкою кружева 17,300 человекъ. Такимъ образомъ на 100 работниковъ, приготовлявшихъ необходимыя вещи, приходится больше

20 человекъ, удовлетворявшихъ требованіямъ роскоши. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кольбера мы встрѣчаемъ фактъ гораздо болѣе любопытный: оказывается, что фабрикація мыла приносила въ годъ 18 милліоновъ дохода, а производство пудры доставляло до 24 милліоновъ. Если, какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, французскій пролетарій никогда въ жизни не имѣлъ въ рукахъ куска мыла, то уже по одному этому факту можно составить себѣ понятіе объ общей высотѣ его эстетическаго развитія. Обстоятельства принуждали его быть грязнымъ циникомъ, и этотъ грязный цинизмъ въ свое время далъ себя знать всему французскому обществу и всей феодальной Европѣ. Если бы французскій пролетарій могъ умываться, какъ слѣдуетъ порядочному человеку, то навѣрное не было бы ни террора 1793 г., ни завоевательныхъ малостей великаго Наполеона. Это можетъ показаться парадоксомъ и неумѣстной шуткою, но стоитъ повнимательнѣе взглянуть на дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, что тутъ парадоксальна только внѣшняя форма выраженія. А шутки тутъ и въ виду не имѣются. Кто сколько нибудь имѣетъ понятіе о смыслѣ событій, совершающихся во всемірной исторіи, тотъ знаетъ, что каждый голодный день пролетарія, каждая прорѣха на его рубищѣ, каждая болячка на его истомленномъ тѣлѣ составляютъ общественныя явленія колоссальной важности, и ведутъ за собою такія послѣдствія, которыхъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Покровительствуя фабричной промышленности, французское правительство стѣсняло развитіе земледѣлія. Высокія таможенныя пошлины возвышали цѣну на земледѣльческія орудія, и, слѣдовательно, принуждали массу крестьянъ работать плохими и неудобными инструментами. Сверхъ того, правительство, желая искусственными средствами поддерживать въ странѣ дешевыя цѣны на хлѣбъ, для того чтобы городскіе работники не терпѣли недостатка въ продовольствіи, запрещало вывозъ земледѣльческаго продукта за границу. Хлѣбъ былъ дѣйствительно дешевъ вслѣдствіе этихъ распоряженій, но сельское хозяйство не имѣло возможности совершенствоваться, количество производимаго хлѣба не увеличивалось, и, слѣдовательно, въ общей массѣ народнаго богатства не замѣчалось никакого приращенія. Хлѣбъ былъ дешевъ, но трудъ былъ еще дешевле, такъ что рабочій человекъ все-таки продолжалъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи. За годъ до революціи, въ 1788 году, городской работникъ получалъ въ день около 26 су, а работница около 15 ти; въ

1853 году городской работникъ получалъ не менѣе 42 су, а работница не менѣе 26-ти. Въ деревнѣ рабочий день въ 1788 году стоилъ 15 су, а въ 1853 году онъ возвысился до 25 су. До революціи было въ году по крайней мѣрѣ тридцатью праздничными днями больше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы увидимъ, что фабричный работникъ стараго времени получалъ въ годъ около 350 ливровъ, между тѣмъ какъ теперь такой же работникъ добываетъ до 630 франковъ (1 франкъ—1 ливру). Годовой заработокъ сельскаго поденщика составлялъ до революціи около 160 ливровъ, а въ наше время онъ доходитъ до 300 франковъ. Фунтъ печенаго хлѣба до 1789 года, при всѣхъ усиліяхъ правительства понизить его цѣну искусственными средствами, стоилъ въ самое дешевое время 3 су; такая цѣна держалась только въ Парижѣ, благодаря особеннымъ стараніямъ правительства и городскихъ властей, а въ провинціяхъ хлѣбъ обыкновенно стоилъ дороже; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1820 по 1840 годъ, средняя цѣна печенаго хлѣба была 17 сантимовъ за фунтъ, что равняется 3 су; а въ 1851 году фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ Парижѣ 14 сантимовъ, т. е. 2 су. Печеный хлѣбъ въ наше время такимъ образомъ оказывается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, а между тѣмъ пшеница повысилась въ цѣнѣ. Около 1780 года гектолитръ пшеницы стоилъ отъ 12 до 13 франковъ, а около 1840 года онъ стоилъ отъ 19 до 20 франковъ. Пониженіе цѣны на печеный хлѣбъ при возвышеніи цѣнъ зерноваго хлѣба объясняется тѣмъ, что превращеніе зерна въ муку и муки въ хлѣбъ испытало въ новѣйшее время очень значительныя усовершенствованія; теперь определенное количество зерноваго хлѣба даетъ почти въ полтора раза больше печенаго хлѣба, чѣмъ сколько оно давало въ прошломъ столѣтіи. То количество питательнаго вещества, которое тогда терялось, вслѣдствіе несовершенства снарядовъ и неистукства рабочихъ рукъ, теперь сохраняется и приноситъ непосредственную пользу. Можно сказать безъ преувеличенія, что такого рода усовершенствованіе обогатило страну сильнѣе, чѣмъ могло бы обогатить ее открытіе неисчерпаемой золотой руды; но такія усовершенствованія возможны только тогда и тамъ, гдѣ и когда личная изобрѣтательность и промышленная дѣятельность развиваются въ массахъ вмѣстѣ съ сознаниемъ собственного достоинства. Полезныя изобрѣтенія не возникаютъ среди подавленнаго и

притупленного народа, или, если имъ даже случается возникнуть, то они не прививаются къ обыкновенной жизни, и не приносятъ общественной пользы. — Сопоставляя цифры заработной платы съ цѣнами хлѣбныхъ цѣнъ, мы видимъ, что теперешній работникъ можетъ купить почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ могъ купить работникъ времени Людовика XVI. Точно такой же результатъ получился бы, если бы стали разсматривать цѣны другихъ събытныхъ принадлежностей; въ отношеніи къ одеждѣ, перевѣсь настоящаго времени надъ прошедшимъ оказался бы еще значительнѣе, потому что въ фабрикахъ тканей произведено въ послѣднее полу столѣтіе больше усовершенствованій, чѣмъ въ какой либо другой отрасли промышленности. До революціи, Франція во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, а правительство ея было гораздо расточительнѣе, чѣмъ всѣ правительства; сбѣжившія другъ друга въ этой странѣ въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ отношеніи къ торговлѣ, Франція, по вывозу и ввозу товаровъ, была въ прошломъ столѣтіи вдвое бѣднѣе, въ отношеніи къ сельскому хозяйству втрое бѣднѣе, въ отношеніи къ фабричному и ремесленному производству вчетверо бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Соображая эти обстоятельства, Зибель выводитъ заключеніе, что бюджетъ въ 500 милліоновъ составляя для страны въ XVIII столѣтіи такую тяжесть, какую теперь составилъ бы бюджетъ въ 1400 милліоновъ. Финансовый дефицитъ долженъ измѣряться такимъ же масштабомъ. Сто милліоновъ дефицита въ старой монархіи равняются тремъстамъ милліоновъ дефицита нашего времени. Встрѣчаясь съ такимъ ежегоднымъ дефицитомъ, правительство поневолѣ должно было придти въ недоумѣніе. Государственная машина отказывалась служить, и потому поневолѣ надо было приняться за пересмотръ ея цѣлаго состава и всѣхъ отдѣльныхъ частей.

VI.

За четыре года до революціи, въ 1785 году, французское правительство собирало съ своихъ подданныхъ, прямыми и косвенными налогами, на текущіе государственные расходы, 558 милліоновъ ливровъ. Кромѣ того, на мѣстныхъ управленія провинцій собиралось 41 милліонъ; эта сумма расходовалась на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ она взималась, и не поступала въ государственное казначей-

ство. Далѣе, церковь, содержащая себя до революціи совершенно независимо отъ общаго бюджета, получала 133 милліона десятичной подати и 16 милліоновъ разныхъ другихъ сборовъ. Въ пользу судейскаго сословія собиралось 29 милліоновъ; землевладѣльцы, имѣвшіе право устроить въ своихъ земляхъ заставы, собирали на эти заставы 2 1/2 милліона; каждая торговая сдѣлка, совершавшаяся въ пошестѣ, приносила землевладѣльцу опредѣленную пошлину, и сумма всехъ этихъ пошлинъ, на всемъ пространствѣ королевства, доходила въ теченіи года до 37 милліоновъ. Изобрѣтательные рыцари и остроумное ихъ потомство располагали еще множествомъ другихъ замысловатыхъ способовъ эксплуатаціи. Всѣ эти способы были дозволены закономъ или, по крайней мѣрѣ, освящены обычаемъ; каждый изъ нихъ имѣлъ за себя неисчерпаемое количество юридическихъ и историческихъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и однакоже самымъ свѣжимъ по своей убѣдительности былъ фактъ, или было право, — называйте какъ хотите, — вооруженнаго насилія. Всѣ эти способы съ блестящимъ успѣхомъ прилагались въ жизни французскаго народа до 1789 года. Вслѣдствіе этого, въ общемъ результатѣ оказывалось, что вромѣ 600 милліоновъ, поступавшихъ въ государственное казначейство и въ различныя провинціальныя управления, французскій народъ платилъ въ разныя стороны, разнымъ почтеннымъ людямъ до 280 милліоновъ. Итого получается 880 милліоновъ, что, по масштабу представленному въ концѣ предыдущей главы, равняется, для настоящаго времени, суммѣ въ 2400 милліоновъ. При этомъ не мѣшается замѣтить, что правительство Людовика Филиппа никогда не издерживало въ годъ больше 1500 милліоновъ, и что, не смотря на то, оппозиція въ палатѣ депутатовъ и самостоятельная политическая пресса постоянно твердили министерству, вплоть до февраля 1848 года, о необходимости убавить расходы и сложить съ народа часть налоговъ. Старый порядокъ въ финансовомъ отношеніи былъ для народа слишкомъ въ полтора раза тяжелѣе администраціи июльской монархіи, не говоря уже о томъ, что этотъ старый порядокъ парализовалъ всѣ производительныя силы народа сѣтью привилегій, монополій и запрещеній. Для народа вовсе не состояло облегченія то обстоятельство, что только двѣ трети собираемыхъ съ него денегъ шли на поддержку правительства; народу было бы легче платить правительству всѣ 880 милліоновъ, и за то избавиться разъ навсегда

отъ всѣхъ внутреннихъ заставъ, десятинъ, пошлинъ за продажу и покупку, и отъ всѣхъ изобрѣтеній остроумнаго рыцарства. Народъ понималъ это, и потому неудовольствіе его направлялось преимущественно не на центральное правительство, а на привилегированныя сословія. Народъ чувствовалъ, что его постоянно приносятъ въ жертву привилегированнымъ классамъ, какъ при распредѣленіи налоговъ, такъ и при расходованіи государственныхъ суммъ. Во-первыхъ, цѣлая треть платимыхъ повинностей (280 милліоновъ) прямымъ путемъ переходила изъ рукъ работающаго пролетарія въ руки веселящагося аристократа. Во-вторыхъ, аристократы платили сполна только ковенные налоги, падающіе на предметы потребленія; отъ остальныхъ налоговъ ихъ избавляло или сословное преимущество, или занимаемая должность, или какая-нибудь другая основательная причина, которую пролетарій никакъ не могъ привести въ свою пользу. Въ отношеніи къ аристократу всякій сборщикъ податей могъ быть только смиреннымъ просителемъ, а въ отношеніи къ пролетарію та же особа была начальствомъ, которое приходилось умилять посильными и непосильными жертвоприношеніями. Сборщикъ податей, или откупщикъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи, наживалъ себѣ обыкновенно значительное состояніе, а такъ какъ всѣ эти состоянія получались все-таки изъ трудовыхъ денегъ народа, то легко сообразить, что, кромѣ 880 милліоновъ, французскій народъ платилъ еще ежегодно разными негласными путями довольно значительныя суммы, которыхъ величину нельзя опредѣлить даже круглыми цифрами. Эти сборщики и откупщики обыкновенно давали правительству займы значительныя суммы въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ; забирая такимъ образомъ свои доходы впередъ, правительство платило за нихъ большіе проценты, такъ что сборщики и откупщики, служившіе посредниками между народомъ и казначействомъ, тянули деньги и изъ народа и изъ казначейства, разоряли по мѣрѣ силъ обѣ стороны и доводили свое собственное благосостояніе до самыхъ почтенныхъ размѣровъ. Отношенія между казначействомъ и сборщиками были до такой степени сложны, что, напримѣръ, въ бюджетъ 1785 года ставятся на счетъ долги за 1784 годъ и суммы, забранныя впередъ за 1787 годъ. По всѣмъ этимъ счетамъ подводится итогъ въ 850 милліоновъ, а чистыхъ денегъ оказывается въ казначействѣ 327 милліоновъ. Я не берусь объяснить читателю, изъ какихъ именно элементовъ состоитъ общій итогъ въ 850

милліонъ; этого не объясняетъ и Зибель, и вообще вопросъ этотъ имѣетъ интересъ очень спеціальныи; привожу я эту цифру только для того, чтобы показать, какъ запутаны были расчеты между казначействомъ и его ближайшими агентами; вся эта запутанность конечно обращалась въ пользу сборщиковъ, которыхъ усилія постоянно направлялись къ той общей цѣли, чтобы народъ платилъ какъ можно больше, а казначейство получало какъ можно меньше. На сколько хороша была система собиранія доходовъ, на столько же сообразно съ общественною пользою было расходованіе собранныхъ денегъ. На содержаніе двора полагалось по бюджету 35 милліонъ, но тратилось до сорока, и въ эту сумму не входили расходы на королевскія охоты и путешествія, на жалованье высшихъ придворныхъ чиновниковъ, и на ремонтъ королевскихъ замковъ. Военное министерство по бюджету должно было получать 114 милліонъ, а получало 131 милліонъ; изъ этихъ денегъ 39 милліонъ расходовалось на административную часть, 44 милліона на содержаніе солдатъ, и 46 милліонъ на жалованье офицерамъ. Въ совершенной независимости отъ соображеній министра находились личныя распоряженія короля, израсходовавшаго въ 1785 году 136 милліонъ на «подарки придворнымъ, министру финансовъ и парламентскимъ совѣтникамъ, на уплату постороннихъ займовъ, на проценты и учеты чиновникамъ казначейства, на отпущеніе разныхъ личныхъ повинностей, и на непредвидѣнныя издержки всякаго рода». Въ этомъ же году на мосты и дороги истрчено 4 милліона, на общественныя зданія меньше 2-хъ милліонъ, и на ученія и учебныя заведенія съ небольшимъ 1 милліонъ. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на эти предметы тратилось ежегодно по 59 милліонъ, т. е. слишкомъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1785 году. Больницы и воспитательные дома получали въ 1785 году 6 милліонъ отъ государства, 6 милліонъ отъ церкви, и 24 милліона собственныхъ доходовъ; въ современной Франціи благотворительныя заведенія получаютъ въ годъ до 119 милліонъ. Изъ всего этого видно, что старая монархія сохраняла неизмѣнную вѣрность своему феодальному происхожденію; каковы бы ни были внутреннія противорѣчія между отдѣльными ея учрежденіями, но всѣ они съ непобѣдимою силою стремились къ тому, чтобы разворить массу и обогатить то меньшинство, для котораго существовала вся государственная машина. Но когда эта цѣль была достигнута, когда

масса была разворота до последней крайности, тогда стали съ ужасною быстротою исчезать самые источники дохода. Начались огромныя недоимки; пришлось дѣлать займы, платить большіе проценты, увеличивать платежи процентовъ дефициту, а потомъ замазывать дефицитъ новыми займами, требовавшими новаго платежа процентовъ. Долгъ увеличивался вмѣстѣ съ дефицитомъ, а кредитъ уменьшался вмѣстѣ съ производительною силою страны. Министры предпринимали разныя финансовыя операціи, но такъ какъ нѣтъ такой финансовой операціи, которая изъ франка могла бы сдѣлать лидуру, или взять что нибудь съ крестьянина, во исчисляго рою не ничего, то все глубокомыслие министровъ оказывалось бессильнымъ передъ сопрягательными цѣрами долговъ и ежегодныхъ дефицитовъ. Все царствованіе Людовика XVI состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ попытокъ вынутаться изъ отчаяннаго положенія финансовъ. Изъ всѣхъ совѣтниковъ Людовика XVI одинъ Тюрго понималъ вполнѣ, что финансовую бѣду нельзя лечить финансовыми мѣрами, что необходимо увеличить производительную дѣятельность народа, и что причины, парализующія эту дѣятельность, заключаются въ самыхъ основаніяхъ феодальнаго государства. Распоряженія Тюрго носились на все отрасли народной жизни. Онъ разрѣшилъ вывозъ хлѣба за границу и снялъ съ крестьянъ дорожныя повинности; онъ уничтожилъ цехи и основалъ большое кредитное учрежденіе, подъ названіемъ учетной кассы; онъ измѣнилъ податную систему и сталъ готовить всѣхъ собственниковъ государства къ участію въ политическихъ правахъ; онъ хотѣлъ произвести сверху и постепенно тѣ реформы, которыя революціонныя собранія произвели снизу и мгновенно; но постепенность Тюрго показалась всѣмъ привилегированнымъ классамъ бурною и сумасбредною заносчивостью. Братъ Короля, графъ Карлъ Артуа, тотъ самый, по милости котораго старшая линия Бурбоновъ въ 1830 году была окончательно лишена французскаго престола, сталъ во главѣ недовольныхъ, а недовольныя распоряженіями Тюрго были и дворъ, и вся аристократія, и духовенство, и парламенты, и цеховые мастера, и всѣ, кромѣ крестьянъ и пролетаріевъ, которые въ то время еще не имѣли своего сужденія въ государственныхъ вопросахъ. Карлъ и придворные стали дѣйствовать на короля ежедневными воздыханіями о гибельныхъ преобразованіяхъ неосторожнаго министра, а другіе недовольные аристократы въ это время стали волновать народъ, чтобы показать королю, насколько дѣятель-

ность Тюрго противна желаниямъ нации и опасна для общественнаго спокойствія. Народъ, по своей безграничной наличности, дѣйствительно сталъ шумѣть на улицахъ Парижа въ пользу тѣхъ самыхъ привилегій, которыя морили его голодомъ. Людовику надѣла вся эта тревога, и министерство Тюрго продержалось всего полтора года; какъ только Тюрго вышелъ въ отставку, такъ вцарилась старая система управленія во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей величественной неподвижности. Невскерь сталъ поправлять финансы займами, Калоннъ сталъ поощрять своими совѣтами предвѣрную роскошь, говоря, что только роскошь поддерживаетъ кредитъ, а что кредитъ необходимъ для существованія государства. Невскерь, во время своего перваго министерства, занялъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 милліоновъ, и наконецъ сталъ въ тупикъ. Калоннъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что всякій кредитъ имѣетъ границы. Въ 1787 году онъ увидѣлъ передъ собою дефицитъ въ 198 милліоновъ, что составляетъ по масштабу нашего времени, почти 600 милліоновъ. Покрыть этотъ дефицитъ было необходимо, а покрыть было нечѣмъ; увеличить подати не было никакой возможности; кредитъ былъ истощенъ до чиста. Тогда Калоннъ вдругъ перемѣнилъ политику, и пошелъ по слѣдамъ Тюрго; начался опять скрежетъ зубовъ; противъ короля и противъ министерства зашумѣли придворные, провинціальныя дворяна, сборщики податей, суды, полицейскіе чиновники, общинныя совѣты и цеховые мастера. Въ ряды оппозиціи воцарились, какъ мы видимъ, такія лица, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ имѣютъ значеніе только, какъ послушныя орудія центральной власти. Государство видимо разлагалось, потому что перестало удовлетворять существеннымъ потребностямъ общества, и во всѣхъ частяхъ своихъ оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе было въ то время уже такъ сильно, что къ нему, какъ къ высшей апелляціонной инстанціи, обращались за разрѣшеніемъ своего спора, съ одной стороны министерство, поневолѣ ударившееся въ прогрессъ, съ другой стороны, аристократическая оппозиція, ухватившаяся за старину со всюю страстью инстинктивнаго самосохраненія, и съ полнымъ сознаніемъ своего вѣкового права. Само министерство освободило прессу для того, чтобы она заклеивала въ глазахъ цѣлой націи ушорныхъ защитниковъ привилегій и феодальнаго быта. Парижскій парламентъ, защищавшій, подобно цеховымъ юристамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, фор-

мальную легальность аристократических притязаний, потребовалъ съ своей стороны, въ пику министерству, чтобы собраны были государственные чины (*états généraux*), которыхъ Франція не видала въ продолженіи двухъ столѣтій. Собраніе аристократическихъ нотаблей, попытавшихъ произвести реформы, не осмелило этого дѣла, и повторило требованіе парижскаго парламента. Между тѣмъ Калонна замѣнилъ уже Бриенъ, а Бриенна Неккеръ, но отъ этой перемѣны лицъ не перемѣнилось положеніе финансовъ, и Неккеръ, съ удовольствіемъ изображая собою либеральнаго и просвѣщеннаго министра, ввелъ французское королевство въ новую эпоху его существованія: государственные чины были созваны къ 27 апрѣля 1789 года.

VII.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся во Франціи отъ 1789 до 1795 года, я заранѣе долженъ предупредить читателя, что онъ не найдетъ у меня описанія тѣхъ сценъ, величественныхъ или ужасныхъ, которыя происходили въ это тревожное время на площадяхъ, на улицахъ или въ залахъ національныхъ собраній. Чтобы изобразить эти сцены, надо, во-первыхъ, обладать такимъ художественнымъ талантомъ, котораго я въ себѣ не чувствую; а во-вторыхъ, надо написать очень большую книгу, что совершенно неудобно по многимъ причинамъ. На этомъ основаніи, я постараюсь, по возможности, совершенно уклониться отъ рисованія историческихъ картинъ, а въ началѣ моей статьи я уже обѣщаль читателю уклониться отъ біографическихъ подробностей и отъ судебныхъ приговоровъ надъ личностями и событіями. Стало быть, мнѣ остается только слѣдить за главными фазами того общественнаго движенія, о которомъ мы говоримъ; мнѣ остается выводить одну фазу изъ другой, показывать, почему движеніе приняло одно направленіе, а не другое, разсматривать общія причины, скрывающіяся за личностями выступающихъ дѣятелей, и придающія этимъ личностямъ всю ихъ дѣйствительную силу; я желалъ бы представить читателю не рядъ картинъ изъ разсматриваемой нами исторической эпохи, а ландкарту, по которой онъ могъ бы познаться съ мѣстными условіями, вызвавшими переворотъ и сообщавшими ему импульсъ и направленіе. Такую ландкарту или такой анатомическій рисунокъ можно было бы считать излишнимъ, если бы читающая часть нашего об-

щества обладала большимъ запасомъ продуманныхъ и осмысленныхъ историческихъ свѣдѣній; но такъ какъ, по правдѣ сказать, подобныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, ни въ большомъ, ни въ маломъ количествѣ, то я позволяю себѣ думать, что моя статья не будетъ совершенно бесполезна, и постараюсь устроить такъ, чтобы эту ландшафтную картину можно было разсматривать, не проклиная составителя за сухость изложенія. Теперь мы можемъ обратиться къ Собранію государственныхъ чиновъ.

Собраніе государственныхъ чиновъ или сословія состояло въ старой Франціи изъ представителей дворянства, духовенства и третьяго сословія (*tiers-état*) или городскихъ общинъ. Это собраніе созывалось королемъ въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда центральная власть нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, и безъ этой поддержки не рѣшалась требовать отъ націи какихъ нибудь необыкновенныхъ пожертвованій или чрезвычайныхъ усилій. При ближайшихъ предшественникахъ Людовика XVI, государственные чины не созывались ни разу, потому что Людовикъ XIV и Людовикъ XV хозяйничали въ своемъ королевствѣ совершенно безцеремонно, и находили, что никакое пожертвованіе націи не можетъ быть необыкновеннымъ, и никакое усиліе не можетъ быть чрезвычайнымъ. Когда государственные чины созывались въ былое время, тогда они разсуждали о предлагавшихся вопросахъ въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ; сообразно съ духомъ всѣхъ средневѣковыхъ учреждений, сословія оставались разъединенными даже тогда, когда обсуживали дѣла, относящіяся къ интересамъ всего государства. Въ 1789 году сословія созывались затѣмъ, чтобы спасти государство отъ банкротства; спасти государство можно было только самыми обширными реформами, и именно такихъ реформъ ожидала отъ собранія вся здоровая часть общественнаго мнѣнія; на собраніе это смотрѣла вся Франція; отъ него цѣлый народъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ждалъ хлѣба насущнаго, то есть избавленія отъ тѣхъ феодальныхъ учреждений, которыя разоряли земледѣльцевъ и ремесленниковъ, парализируя ихъ производительный трудъ. Желанія правительства въ этомъ случаѣ не могли расходиться съ желаніями народа; правительству были необходимы реформы, потому что безъ реформъ нельзя было выпутаться изъ долговъ; безъ реформъ не на что было жить, и невозможно было управлять. Реформы не нравились только духовенству, дворянству, парламентамъ, цеховымъ мастерамъ, то

есть, тѣмъ людямъ которыхъ питали и грѣли монополии и всѣ средне-вѣковыя порядки; только съ ихъ стороны можно было ожидать оппозиціи; эта оппозиція могла производить много шума въ залѣ Тюльерійскаго дворца, или въ аристократическомъ салонѣ, но въ общемъ голосъ народа она совершенно терялась и переходила въ едва замѣтный ропотъ, которому нельзя было придавать никакого серьезнаго значенія. Эта оппозиція только въ томъ случаѣ могла бы сдѣлаться препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованій, когда бы она получила въ собраніи свой отдѣльный легальный органъ. Если бы государственныя чины, по старому обычаю, открыли свои засѣданія не есслівиями, въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ, тогда можно было бы предвидѣть, что всѣ предложенія и рѣшенія третьяго сословія будутъ задерживаться, искажаться или отвергаться духовенствомъ и дворянствомъ. Слѣдовательно, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: какъ будутъ засѣдать государственныя чины? Въ одномъ ли общемъ національномъ собраніи, или въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ? Нельзя сказать, чтобы съ этимъ вопросомъ была связана судьба ожидаемыхъ преобразованій; преобразованія эти были уже необходимы, потому что ихъ необходимость сознавалась и чувствовалась всею нацією; ихъ не могли уже ни отсрочить, ни исказить никакіе дебаты и никакіе отрицательные результаты въ подачѣ голосовъ. Но оставалось узнать, какъ произвести реформы? Путемъ ли мирныхъ преній и легальныхъ постановленій собранія, или какъ нибудь совсѣмъ иначе, безъ всякой легальности и безъ малѣйшаго благообразія? Можно было предвидѣть, что система трехъ палатъ надѣлаетъ народу и правительству много хлопотъ, и что при этой системѣ мудрено будетъ удержаться на путяхъ добродѣтели и легальности. Общественное мнѣніе безусловно отвергало эту систему, но правительство, отъ котораго зависѣло рѣшеніе капитальнаго вопроса, церемонилось съ аристократіею, и, созывая государственныя чины, не сказало ничего о томъ, какъ будутъ происходить ихъ совѣщанія. Оно опредѣлило только, что третье сословіе выставитъ въ двое больше представителей, чѣмъ выставляло два столѣтія тому назадъ. Это нововведеніе могло быть чрезвычайно важно въ случаѣ общаго собранія, потому что тогда оно упрочивало за третьимъ сословіемъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ голосовъ; но при системѣ трехъ палатъ, двойное число представителей не имѣло никакого зна-

тели, а третье сословіе оставалось совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ легальною оппозиціею духовенства и дворянства.

5-го мая 1789 года, король открылъ въ Версали засѣданіе государственныхъ чиновъ; онъ произнесъ рѣчь; послѣ него заговорилъ хранитель большой печати, Барантенъ, и наконецъ министръ финансовъ Неккеръ; во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много добродушія, много благихъ желаній, и еще большіе внушительныхъ совѣтовъ, но о важнѣйшемъ вопросѣ, о томъ, какъ засѣдать государственнымъ чиновъ, не сказано ни слова. Неккеръ говорилъ три часа, и отличился тѣмъ, что торжественно солгалъ передъ представителями націи насчетъ положенія финансовъ; онъ показалъ годовой дефицитъ въ 56 милліоновъ, между тѣмъ, какъ со времени собранія нотаблей, обществу постоянно слышало о дефицитѣ въ 120 или въ 140 милліоновъ. Ложь Неккера дала ему возможность сказать, что король созвалъ государственные чины, не потому, что онъ нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому, что онъ хочетъ оказать націи всякую милость. Ложь Неккера и молчаніе о существенномъ вопросѣ выхлести изъ одного общаго источника, — изъ душевннственнаго и нерѣшительнаго отношенія правительства къ націи вообще, и къ представителямъ ея въ особенности. Правительство нуждалось въ деньгахъ, следовательно, въ реформахъ, и, слѣдовательно въ томъ собраніи, при содѣйствіи котораго возможно было произвести реформы; но если съ одной стороны, оно нуждалось въ томъ собраніи, то, съ другой стороны, оно еще больше боялось его. Хорошо, если собраніе придумаетъ такія реформы, которыя дадутъ много денегъ, и затѣмъ оставятъ все въ должномъ порядкѣ; а что если оно заговоритъ о такихъ реформахъ, которыя съ должнымъ порядкомъ совѣтъ не уживаются? Что тогда дѣлать съ этимъ собраніемъ, на которое смотритъ вся Франція? И гдѣ остановятся ея реформаторскіе подвиги? И что оно считаетъ должнымъ порядкомъ? И что, если его должный порядокъ совѣтъ не похожъ на настоящий должный порядокъ? Все это были такіе вопросы, которые не могли не придти въ голову совѣтникамъ короля; и людямъ, находящимся въ ихъ положеніи, надъ этими вопросами очень стоило задуматься. Они дѣйствительно задумались, и въ этой задумчивости захватилъ ихъ день, назначенный для открытія засѣданій. Они явились передъ представителями націи, не рѣшивши въ умѣ своемъ, гдѣ заключается для нихъ настоящая опасность, въ финансовомъ дефицитѣ, или въ ожи-

даемомъ всемогуществѣ созваннаго собранія. Когда Неккеръ сидѣлъ передъ пустою кассою и передъ печальными итогами предстоящихъ расходовъ, тогда онъ думалъ, что собраніе лучше дефицита; когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ собраніемъ въ 1,200 чело-вѣкъ, и когда онъ слышалъ, какими криками восторга встрѣчаютъ и провожаютъ народъ представителей третьяго сословія, тогда онъ навѣрное подумалъ, что ужъ лучше жить съ дефицитомъ, чѣмъ съ собраніемъ. — Думалъ или не думалъ Неккеръ такимъ образомъ, объ этомъ исторія молчитъ, но достовѣрно извѣстно то, что правитель-ство Людовика XVI при самыхъ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ го-сударственными чинами начало бояться могущества собранія, совер-шенно упуская изъ виду, что именно это могущество необходимо для короля и для его министровъ, какъ единственное средство про-извести реформы, и реформами поправить отчаянное положеніе фи-нансовъ.

Выслушавъ навидательныя рѣчи, и не найдя въ нихъ ожидаемаго рѣшенія, сословія стали рѣшать основной вопросъ силами собствен-ныхъ умовъ; три недѣли продолжались между ними переговоры о томъ, какъ повѣрять выборы; переговоры эти ни къ чему не по-вели. Неккеръ попробовалъ явиться посредникомъ между высшими сословіями, настаивавшими на отдѣльной повѣртіи выборовъ, и де-путатами общинъ, не допускавшими ничего такого, что могло бы привести къ утвержденію трехъ-палатной системы. Но посредниче-ство Неккера осталось безуспѣшнымъ; дворянство объявило рѣши-тельно, что оно само провѣрило свои выборы, и уже образовало изъ себя отдѣльную палату. Увидѣвъ бесполезность переговоровъ, третье сословіе, избѣгавшее до той минуты окончательнаго разрыва съ бытовыми формами прошедшаго, сдѣлало съ своей стороны смѣ-лый шагъ впередъ. Къ 14 іюня оно окончило у себя провѣрку вы-боровъ, и въ тотъ же день начались въ его палатѣ разсужденія о томъ, подъ каимъ именемъ оно приступитъ къ своей дѣятельности. Назвать себя представителями третьяго сословія было вполнѣ ле-гально, потому что такъ всегда дѣлалось въ старой Франціи, но по-ступить такимъ образомъ значило бы отдать интересы народа въ руки дворянства и духовенства; это значило бы подвергнуть всю Францію страшному разочарованію, и поднять такую бурю народнаго гнѣва, противъ которой не устояло бы ни собраніе государствен-ныхъ сословій, ни верховное правительство. Объ этомъ нечего было

и думать; большинство депутатовъ всѣми силами души ненавидѣло старый порядокъ, а тѣ немногія единицы, которыя чувствовали робкое желаніе падить остатки прошедшаго, не имѣли въ собраніи никакого вѣса и боялись обнаруживать свои тайныя влеченія. Мирабо предложилъ, чтобы депутаты третьяго сословія назвали себя представителями народа въ національномъ собраніи; эта формула давала чувствовать, что депутаты третьяго сословія не составляютъ собою полного національнаго собранія, но во всякомъ случаѣ служатъ представителями самой многочисленной и самой важной части націи. Сійѣсъ пошелъ дальше: онъ предложилъ, чтобы третье сословіе просто и прямо объявило себя національнымъ собраніемъ. 17-го числа это предложеніе было принято, и депутаты духовенства и дворянства, вслѣдствіе рѣшенія третьяго сословія, оказались просто отсутствующими членами національнаго собранія. Они могли отсутствовать, сколько имъ было угодно; никто не интересовался знать причины ихъ отсутствія, и никто не считалъ этого отсутствія препятствіемъ для начала работъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что Мирабо былъ неизмѣримо краснорѣчивѣе Сійѣса, и что Французы всегда были способны подкупаться краснорѣчіемъ, то побѣда Сійѣса должна показаться намъ фактомъ очень выразительнымъ. Сійѣсъ побѣдилъ именно потому, что предложеніе его было смѣлѣе и крайнѣе всѣхъ остальныхъ. По этому предложенію третье сословіе не только утверждало свое преобладаніе надъ остальными сословіями, но оно рѣшительно поглощало ихъ въ себѣ, и, въ сознаніи своего полновлстія, объявляло, что будетъ игнорировать всѣ тѣ элементы, которые осмѣлятся присвоивать себѣ отдѣльное существованіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что это первое собраніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ учредительнаго *) (*assemblée constituante*) было самымъ умѣреннымъ и консервативнымъ изъ всѣхъ революціонныхъ собраній; кромѣ того, оно было создано всего шесть недѣль тому назадъ; оно еще не знало, какъ велико его могущество и вліяніе на народъ, члены его были мало знакомы между собою; обояніе королевской власти было еще сильно; Бастилія на-

*) Его часто называютъ по русски конституціоннымъ, но это названіе, во-первыхъ, ничего не выражаетъ, потому что всякій парламентъ есть конституціонное собраніе, а во-вторыхъ, оно и невѣрно. Конституціонный по-французски *constitutionnel*, а *constituant*—тотъ, кто организуетъ, учреждаетъ, создаетъ конституцію.

поминала еще о необходимости быть осторожнымъ, и не смотря на все это, предложеніе Сійеса было принято съ восторгомъ единственно потому, что оно соответствовало простымъ требованіямъ разума, и протівѣрило старой легальности. Если мы сообразимъ всё эти обстоятельства, то изъ одного этого факта, встречающагося намъ на самомъ порогѣ французской революціи, будемъ въ состояніи понять, какіе неистощимыя запасы пламеннаго, безстрашнаго и безоуднаго отрицанія накопились въ сознаніи и въ чувствахъ всего французскаго народа во время долгихъ вѣковъ безгласности и страданія. Народъ не оставался въ бездѣйствіи въ то время, когда сословія вели между собою переговоры; газеты, печатныя объявленія на стѣнахъ, рѣчи подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и въ садахъ Пале-Рояля знакомили Парижанъ съ событіями дня и скрѣпляли связь ихъ съ представителями третьяго сословія; 9-го и 10-го іюня въ залу засѣданій являлись депутаціи отъ различныхъ торговыхъ, и благодарили третье сословіе за то, что оно поддерживаетъ «*Les intérêts du peuple*». А третье сословіе соображало, что, если безо всякой надобности являются десятки торговыхъ, то, въ случаѣ надобности, могутъ явиться тысячи работниковъ; конечно, такіа соображенія не оставались безъ вліянія на ходъ совѣщаній, и значительно ослабляли заслуженный авторитетъ Бастиліи. Первый декретъ національнаго собранія, постановленный имъ въ тотъ самый день, когда оно приняло предложеніе Сійеса, показываеетъ ясно, какое понятіе составляло себѣ третье сословіе о предѣлахъ своей власти. Собраніе объявило, что всё взимавшіяся до сихъ перъ подати-незаконны, потому что ихъ установило правительство безъ согласія націи; къ этому рѣшенію была прибавлена оговорка, что собраніе позволяетъ продолжать вниманіе прежнихъ податей только до тѣхъ поръ, пока представители націи будутъ заниматься пересмотромъ государственныхъ учреждений; если же собраніе, какимъ бы то ни было образомъ, будетъ распущено, то вниманіе податей должно прекратиться. Этотъ декретъ былъ разосланъ во всё провинціи, такъ что распущеніе собранія дѣйствіемъ королевской власти могло отнять у правительства всё денежныя средства, или, въ случаѣ собранія налоговъ вооруженною силою, могло повести за собою междоусобную войну и распаденіе королевства. Чѣмъ наступательнѣе дѣйствовало національное собраніе, за которымъ правительство еще не признавало этого титула, тѣмъ громче и восторженнѣе аплодировали носторонніе зрители

и слушатели, наполнявшие густыми толпами галлерей или трибуны въ залѣ засѣданій; а чѣмъ сильнѣе шумѣли галлерей, тѣмъ сильнѣе чувствовало себя собраніе, и тѣмъ несбыточнѣе казались всякія печальныя размышленія о Бастили.

VIII.

Невозможно было ожидать, чтобы храброе французское дворянство отступило безъ борьбы передъ завоевательными тенденціями національнаго собранія; поговорою дворянства было очень значительно и особенно очень шумно; министры съ своей стороны наводили, что депутаты третьяго сословія тоскуютъ на достоинство короны, но когда зашла рѣчь о томъ, какъ поступать съ нарушителями должнаго порядка, тогда въ советѣ министровъ обнаружился расколъ, и оппозиціею оказался тотъ самый Неккеръ, который при открытіи собранія, 5-го мая, для соблюденія интересовъ короны, отважно солгалъ передъ депутатами насчетъ цѣны годоваго децимата. Теперь онъ заговорилъ иначе. Какъ министръ финансовъ, удрученный безденежьемъ, какъ платоническій обожатель англійской конституціи, и особенно, какъ большой любитель денежной популярности, онъ рѣшился превозмочь въ себѣ антипатію къ могуществу національнаго собранія, и подалъ королю советъ освятить своимъ королевскимъ словомъ совершившійся фактъ, то есть, признать существованіе національнаго собранія, и приказать дворянству и духовенству соединиться съ депутатами третьяго сословія. Неккеръ былъ увѣренъ, что національное собраніе во всякомъ случаѣ дастъ правительству нѣчто донести, и устроить для французской націи очаровательную конституцію съ двумя палатами; итѣнъ въ виду такую привлекательную перспективу, можно было помириться съ тѣмъ, что «на первый разъ будетъ работать только одна палата», и что, такимъ образомъ, не будетъ соблюдена та *pondération des pouvoirs* (уравновѣшеніе властей), которая до сихъ поръ составляетъ для доктринеровъ всякъ видъ завету, подобную философскому камню и животному эликсиру. Кромѣ того, Неккеръ разсудилъ, что если собраніе очень сильно, то съ нимъ дѣлать боѣе не слѣдуетъ сообразяся, и тѣмъ боѣе необходимо уступить ему съ привѣтливою улыбкою тѣмъ лицамъ, которыя оно, по своей грубости, способно вѣять насильно. (Не остальные члены короны, официальные и неофициальные, въ это время по-

чувствовали особенно живо свое кровное родство со всеми умравшими привилегіями; уступка третьему сословію казалась имъ государственною измѣною, и король, въ которомъ всегда легко было возбудить сознание долга, убѣдился въ томъ, что онъ долженъ противодействовать распоряженіямъ поворожденнаго національнаго собранія. Начались приготовленія къ королевскому засѣданію, и 20 іюня, депутаты третьяго сословія, собравшіеся для своихъ обыкновенныхъ занятій, увидѣли, что зала ихъ занерта, потому что въ ней производились эти приготовленія. Они знали по слухамъ, что королевское засѣданіе будетъ направлено противъ ихъ послѣднихъ распоряженій, и рѣшились заранѣе обязать себя къ самому энергическому сопротивленію. Отъ занертыхъ дверей залы они длинною процессіею отправились по улицамъ Версаля къ пустому дому, служившему для игры въ мячъ (*jeu de raquette*) и тамъ дали вѣзду и подписку «не расходиться и не допускать распушенія собранія, а собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока будетъ составлена и утверждена на прочномъ основаніи новая конституція государства». 22 числа, депутатовъ, по распоряженію графа Артуа, не пустили въ *jeu de raquette*; тогда они отправились засѣдать въ церковь Св. Людовика, и въ этотъ день къ нимъ присоединилось 148 представителей духовенства, такъ что духовныя лица, противившіеся соединенію, остались въ меньшинствѣ. 23 числа произошло королевское засѣданіе. Король обѣщалъ самыя либеральныя реформы; завѣдываніе финансами предоставлялось сословіямъ; обременительныя подати отменялись; въ юстиціи и въ военномъ вѣдомствѣ предлагалось проавести преобразованія; устраивались провинціальныя собранія, уничтожались произвольные аресты, и упразднялась цензура. Обсудить всѣ эти вопросы и привести ихъ къ окончательному разрѣшенію король предоставлялъ государственнымъ сословіямъ. Разсужденія сословій должны были происходить въ трехъ отдѣльных палатахъ. Рѣшительное слово королевской власти было такимъ образомъ произнесено; національному собранію приходилось существовать не только помимо королевской воли, но даже прямо наперекоръ этой воли. Дѣйствіе королевской рѣчи обнаружилось немедленно, какъ только Людовикъ XVI усѣлъ выдти изъ залы. Когда оберъ-церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе короля, пригласилъ депутатовъ третьяго сословія разойтись, тогда Мирабо отвѣчалъ на это приглашеніе короткою, но очень непочтительною рѣчью, которая конча-

лась такъ: «идите, скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно сдвинуть отсюда только штыками». Эти слова нарушали и легальность, и этикетъ, и даже парламентскіе обычаи, потому что отъ лица собранія имѣлъ право отвѣчать только президентъ, а президентомъ былъ членъ трехъ академій Балли, которому конечно въ голову не пришло бы сказать важному придворному чиновнику грубость, цѣлкомъ сохранившуюся въ исторіи. Но на этомъ безчинствѣ дѣло не остановилось. Собраніе тотчасъ приняло свои мѣры для того, чтобы сдвиганіе штыками, рекомендованное графомъ Мирабо, сдѣлалось совершенно невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, особенно затруднительнымъ. Не выходя изъ залы, оно, по предложенію Барнава, постановило рѣшеніе, что «личность каждаго изъ депутатовъ неприкосновенна,» и что «всякое лицо, всякая корпорація, судъ, административное мѣсто или комиссія,» которые будутъ подвергать депутата аресту, слѣдствію или суду за предложенія, совѣты, мнѣнія или рѣчи въ собраніи государственныхъ сословій, «должны признаваться за людей безчестныхъ, измѣнниковъ націи и преступниковъ.» Это рѣшеніе осталось бы мертвою буквою, если бы королевская власть располагала такою преданною военною силою, какая находилась въ распоряженіи генерала Бонапарте въ день 18 брюмера; и это рѣшеніе было не нужно въ томъ случаѣ, когда собраніе было увѣрено въ поддержкѣ народа и даже въ сочувствіи солдатъ, которые, въ это время, по словамъ Камилла Демулена, всѣ сдѣлались философиями. Но, какъ бы то ни было, это рѣшеніе, какъ громогласное выраженіе собственной храбрости, значительно возвысило энергію всего собранія. Объявивъ себя неприкосновеннымъ, оно въ самомъ дѣлѣ подумало, что ему всѣ повѣрять на слово, и что до него никто не посмѣетъ дотронуться. Ходъ событій разбился въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ много подобныхъ иллюзій, но учредительное собраніе дѣйствительно не потерпѣло ни малѣйшей обиды, хотя защищало его, конечно, не декретъ о неприкосновенности депутатовъ. Защищало его преимущественно глубокое расстройство королевской арміи; каждый отдѣльный полкъ представлялъ миниатюрный портретъ феодальнаго общества; офицеры, назначавшіеся исключительно изъ дворянъ, играли роль привилегированныхъ классовъ, а солдаты изображали безправную массу народа; между офицерами и солдатами не было никакой связи, на долю первыхъ выпадали удо-

волею жизни и лавры военной славы; вторымъ доставались только труды службы, паяки отъ начальства, раны отъ непріятелей, и подѣ старость вынужденное нищество и бродяжничество. Надежды на повышеніе по службѣ у солдата не было; привязанности къ своему дѣлу у него не могло быть, и ненависть къ старому порядку, въздвигнута въ немъ обстоятельствами, была въ немъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильна, какъ и во всѣхъ другихъ непривилегированныхъ гражданахъ французскаго государства. Кроме того, народные ораторы говорили такъ трожко и такимъ простымъ языкомъ, что солдаты слушали и понимали ихъ рѣчи, и пріучаясь смотрѣть на приближающійся переворотъ, какъ на единственное спасеніе отъ палокъ, отъ офицерскаго высокомерія и отъ безнадежно тяжелой службы. Чѣмъ ближе стоялъ полкъ къ Парижу, тѣмъ менѣе могло на него положиться ближайшее начальство и королевское правительство. Въ этому можно прибавить, что даже многіе изъ офицеровъ, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, были увлечены идеями своего времени, и считали вооруженное нападеніе на гражданъ совершенно позволительнымъ преступленіемъ. Соображая эти обстоятельства, читатель придетъ, вѣроятно, къ тому заключенію, что армія, составленная изъ подобныхъ элементовъ, была гораздо опаснѣе для короля и для его министровъ, чѣмъ для непослушныхъ членовъ національнаго собранія. Въ Парижѣ народъ былъ не спокоенъ; его тревожила участь депутатовъ, и каждый день распространялись самыя преувеличенныя слухи о намѣреніяхъ двора и аристократіи разогнать представителей третьяго сословія, и задушить всякую попытку преобразованій; считая архіепископа парижскаго однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ національнаго собранія, народъ ворвался 25 іюня въ его домъ, и отрядъ французской гвардіи, призванный для усмиренія мятежа, отказался дѣйствовать противъ народа. По случаю дороговизны хлѣба, голодный народъ ежедневно производилъ безпорядки передъ булочными, и солдаты постоянно оставались нейтральными, не смотря на приказанія и угрозы своихъ начальниковъ. Аристократическая партія при дворѣ не отказывалась однако отъ надежды направить національное собраніе на путь добродѣтели и легальности; она убѣдила короля сдѣлать еще одну энергическую попытку. Рѣшено было: — призвать изъ провинцій нѣсколько свѣжихъ полковъ, не успѣвшихъ еще превратиться въ элассосскія шиномы; назначить главнокомандующимъ стараго маршала

Время, которого подвиги во время семилетней войны должны были наполнить сердца солдатъ похвальными чувствами, несомнѣнными съ односложіемъ; уволить отъ службы Неккера за его любовь къ патриотизму; составить министерство изъ элементовъ строго консервативныхъ; и, наконецъ, поговорить тогда внушительнымъ образомъ съ версальскими собраниями и съ парижскими демагогами. Все это было приведено въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней статьи: поговорить внушительнымъ образомъ не удалось ни въ Версали, ни въ Парижѣ, потому что, какъ только парижане узнали 12 июля объ отставкѣ Неккера и трехъ другихъ министровъ, такъ они тотчасъ сами начали разговоръ; въ тотъ же день тысячи ремесленниковъ разграбили нѣсколько оружейныхъ лавокъ и сожгли таможенные дома у городскихъ заставъ; войска почти вездѣ отказались сражаться противъ народа; начальники принуждены были выйти съ ними изъ города и поставить ихъ на марсовомъ полѣ для того, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не перешли на сторону возмущившихся гражданъ — 13 июля, весь Парижъ былъ во власти инсургентовъ, и, для обезпеченія частной собственности, въ этотъ же день была организована національная гвардія, въ которую, кромѣ горожанъ, поступили сотни солдатъ французской гвардіи, рѣшительно отложившихся отъ своихъ начальниковъ, и объявившихъ себя открыто друзьями народа и врагами стараго порядка. Ратушу заняли избиратели третьяго сословія, которые уже съ первыхъ чиселъ мая постоянно собирались для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Они смѣнили городовую власть, назначили королеву, и сами составили городской совѣтъ и комитетъ безопасности, который тотчасъ дѣятельно занялся вооруженіемъ и организациею національной гвардіи. Между тѣмъ, движеніе въ городѣ продолжалось и усиливалось; 14 июля народъ взялъ инвалидный домъ, нашелъ въ немъ 20 пушекъ и 28,000 ружей, и, усиливши этою находкою свое вооруженіе, пошелъ на Бастилію. Она была взята приступомъ, комендантъ и офицеры перебиты, а солдаты гарнизона спасены съ большимъ трудомъ отрядомъ французской гвардіи, дѣйствовавшей заодно съ инсургентами. 15-го, король явился въ національное собраніе, сказалъ, что войска отозваны изъ Парижа, обѣщалъ тотчасъ пригласить Неккера въ министерство, и просилъ представителей націй уговорить волненіе въ столицѣ. 16-го, депутація отъ національнаго собранія отправилась въ Парижъ, была принята съ восторгомъ и переслала гражданамъ извѣщенія короля; парижане такъ воодушевились,

что тотчасъ, безъ всякихъ формальностей, въ одинъ голосъ назначили президента національнаго собранія, Балли — своимъ меромъ, а генерала Ла-Файетта — начальникомъ національной гвардіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е число, цѣвъ аристократической партіи, подъ предводительствомъ графа Артуа и принца Конде, отправился за границу, подавая такимъ образомъ первый сигналъ къ открытію длиннаго ряда эмиграцій. 17-го Іюля, король причастился святыхъ таинъ; сдѣлалъ свое завѣщаніе, и поѣхалъ въ Парижъ, подъ покровительствомъ Балли и другихъ популярныхъ депутатовъ. Поѣздка обошлась благополучно; между королемъ и парижанами состоялось полное примиреніе, но верховная власть оказалась для короля безвозвратно потерянною. Она перешла въ руки національнаго собранія, которое однако въ значительной степени должно было раздѣлить ее съ городонымъ управленіемъ Парижа и съ національною гвардіею. Парижскія событія отозвались съ изумительною быстротою и съ неотразимою силою во всѣхъ концахъ французскаго королевства. Въ теченіи нѣсколькихъ дней исчезло съ лица земли все, что поддерживало старое государство. Во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія поднялись сословія, городоные магистраты, горожане, крестьяне, пролетаріи, всѣ, кто могъ найти себѣ въ революціи средство воротить старое право, завоевать новое, или освободиться отъ обременительной повинности, или просто вымѣстить зло на богатыхъ и знатныхъ баловняхъ разрушавшагося порядка вещей. Въ Бретани всѣ города назначили себѣ новые муниципалитеты, и изъ королевскихъ арсеналовъ взяли оружіе для національной гвардіи. Въ Канѣ народъ взялъ приступомъ цитадель и разорилъ домъ вѣдомства солянаго налога. Королевскіе интенданты не показывались нигдѣ; парламенты не подавали признака существованія; о низшихъ судьянцахъ не было ни слуха, ни духа; все, что при старомъ порядкѣ имѣло оффиціальныи санъ и величественную походку, старалось теперь скрыться отъ глазъ толпы, и навсегда изгладить въ ея умѣ воспоминаніе о своемъ недавнемъ могуществѣ. Старый судъ, старая полиція, старое управленіе, все исчезло; во всѣхъ городахъ образовались, для огражденія личной и имущественной безопасности гражданъ, постоянныя комитеты, которые, при помощи національной гвардіи, формировавшейся и вооружавшейся вездѣ чрезвычайно быстро, старались и часто успѣвали предупреждать грабежи, убійства и разныя другія быстрыя проявленія народной расправы. Національная

гвардія вооружалась всякимъ оружіемъ, какое попадалось подъ руку; ружья, пикі, кинжалы, сабли-все шло въ дѣло; такъ какъ столкновение съ войскомъ было невозможно, потому что войско отказалось дѣйствовать противъ гражданъ, то національная гвардія своимъ солиднымъ видомъ должна была только укрощать излишнюю пылкость пламенныхъ патриотовъ, а для этой цѣли ея пестрое вооруженіе было совершенно достаточно. Конечно дѣятельность комитетовъ и национальной гвардіи не могла оградить вполне безопасность гражданъ; гдѣ народу попадался сборщикъ податей, таможенный чиновникъ, непоближенный судья или офицеръ съ аристократическими понятіями, тамъ происходило насиліе и убійство; во многихъ городахъ народъ повѣсилъ нѣсколькихъ купцовъ, въ полной увѣренности, что они провозвоятъ искусственную дороговизну хлѣба. Все это было очень негѣло, несправедливо и безобразно; но-благоразумія, справедливости или нищета могъ ожидать или требовать отъ тогдашняго французскаго народа только тотъ, кто не имѣлъ понятія о средневѣковой исторіи Франціи, и о томъ внутреннемъ положеніи, въ какомъ застала ее революція 1789 года. Еслибы невѣжество, нищета и угнетеніе дѣйствовали на человѣка только въ ту минуту, когда онъ ихъ испытываетъ, тогда они приносили бы нашей породѣ только незначительную долю того зла, которое приносятъ на самомъ дѣлѣ. Въ томъ то и бѣда, что невѣжество, нищета и угнетеніе отравляютъ не только настоящее, но и далекое будущее. Они не только причиняютъ человѣку страданіе, но они этими страданіями уродуютъ его умъ и характеръ: когда устранены обстоятельства, мѣшавшія развитію просвѣщенія, когда уничтожены учрежденія, стѣснявшія трудъ и разорявшія работника, когда человѣку даны человѣческія права, тогда сдѣлано великое и прекрасное дѣло; но все таки, было бы совершенно неблагоразумно ожидать, что тогда всѣ родители съ кроткою радостью пошлютъ дѣтей своихъ въ школы, что всѣ лежебоки тотчасъ примутся за работу, что всѣ пьяницы проникнутся отвращеніемъ къ кабаку и любовью къ отечеству и къ аккуратности, что, наконецъ, всѣ люди, не знавшіе до той минуты никакихъ правъ, въ одно мгновеніе поймутъ, что у нихъ есть свои права, и что, слѣдовательно, они должны уважать права своего сосѣда. Такихъ благодѣтельныхъ превращеній не производитъ никакая реформа, какъ бы она хорошо ни была задумана, и съ какою бы осторожною мудростью она ни вводилась въ жизнь. Превращеніе произойдетъ, если

реформа соответствует естественным потребностям людей, но произойдет оно не скоро; плоды благодетельной реформы всегда лежат впереди, и тѣмъ дальше отодвигаются впередъ, чѣмъ важнѣе реформа и чѣмъ упорнѣе та борьба, которую ей приходится выдерживать съ укоренившимися зломъ. Можно замѣтить здѣсь мимоходомъ, что наша извѣстная теорія постепенности основана на простомъ недоразумѣннн: введенная реформа приноситъ плоды постепенно—это правда, это говорить самая элементарная логика здраваго смысла; но наши публицисты и мыслители, не равобравни дѣла, увидѣли только, что слова *реформа* и *постепенно* стоятъ рядомъ; они и связали эти два слова по своему, и стали доказывать, что реформа должна вводиться въ жизнь постепенно, то есть не въ видѣ органическаго и омысленнаго цѣлаго, а въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, не имеющихъ равно минаюаго самостоятельнаго смысла. Зерно превращается въ растеніе не вдругъ, а постепенно; изъ этого общезвѣстнаго факта вывели то своеобразное заключеніе, что слѣдуетъ класть въ землю не все зерно, а сначала одниъ кусочекъ зерна, потому, немного негодя, другой, потомъ третій до тѣхъ поръ, пока изъ кусочковъ не составится цѣлое зерно. Можетъ быть, при такой методѣ сѣянн, рекомендуемой нашими публицистами, вырастетъ дѣйствительно богатая жатва. Не знаю. Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ компетентныя спеціалисты.

IX.

Въ деревняхъ, гдѣ бѣдствія феодальнаго быта давали чувствовать себя всего сильнѣе, взятіе Бастиліи послужило знакомъ къ самому разрушительному взрыву народныхъ страстей. На сѣверѣ Франціи, тамъ, гдѣ крестьяне платили за землю деньгами, и жили въ довольствѣ, отрицаніе старинны выршилось въ томъ, что тотчасъ прекратились всѣ обязательныя работы, всѣ платежи десятинъ и всякое отправление повинностей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне отобрали въ свою пользу ту землю, которую помѣщикъ обрабатывалъ для себя, но вообще жизнь мѣстнаго дворянства осталась въ безопасности, замки уцѣлѣли; переворотъ совершился, такимъ образомъ, на сѣверѣ, довольно благообразно. Напротивъ того, въ центрѣ и на югѣ королевства, гдѣ народъ былъ разоренъ и голоденъ, разыгрались всѣ трагическія сцены, характеризующія собою крестьянскія войны.

Мужикъ тутъ еще не думалъ улучшать свой бытъ; ему хотѣлось прежде потѣшиться; у него пробудилась потребность мстить и разрушать. Въ Оверни и въ Дюфине крестьяне собрались сначала въ горахъ, и оттуда, вооруженные всякимъ дрекольемъ, толпами спустились въ долины; замки горѣли, монастыри разрушались, дворяне истреблялись съ утонченною жестокостью въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила такая толпа. Въ Франшъ-Конте Везульская національная гвардія попробовала остановить дѣйствія мѣстныхъ поселянъ, но поселяне разбили гвардію, загнали ее въ городъ Везуль, и даже взяли приступомъ самый городъ. Въ провинціи Маконне собралась толпа крестьянъ въ 6000 человекъ; кто изъ мужиковъ не присоединялся къ этой толпѣ, у того сжигали дворъ; въ теченіи двухъ недѣль эти люди разграбили, разрушили и сожгли больше 70-ти дворянскихъ замковъ, и убили двѣсти тридцать крестьянъ, не одобрявшихъ ихъ движеніе. Кончилось тѣмъ, что собралась національная гвардія изъ нѣсколькихъ окрестныхъ городковъ, и разсѣяла эту толпу, разбивши ее въ настоящемъ сраженіи. Такіе же случаи, только, быть можетъ, не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, происходили съ половины іюля почти на всемъ пространствѣ французской территоріи; въ однихъ мѣстахъ лилась кровь, въ другихъ дѣло обходилось безъ кровопролитія, но вездѣ феодальный порядокъ исчезъ совершенно, а такъ какъ новаго порядка еще не было, то общество, по выраженію Зибеля, вездѣ разложилось на свои естественные элементы. Со времени взятія Бастиліи начинается во всей Франціи непосредственное господство народа. Національное собраніе издаетъ законы, но его дѣятельность имѣетъ значеніе только въ той степени, въ какой она выражаетъ собою народную волю; законы, не пользующіеся сочувствіемъ народа, остаются мертвою буквою; проводить въ національномъ собраніи идеи непопулярныя или консервативныя становится опаснымъ; пощада старины начинаетъ считаться измѣною передъ націею; всѣмъ ходомъ событій въ теченіи послѣдующихъ годовъ революціи управляютъ движенія народа, но отвѣтить на вопросъ: что такое народъ? становится довольно труднымъ. Если-бы въ половинѣ 1789 года мы могли спросить у каждаго взрослого француза отдѣльно — чего онъ хочетъ? и еслибы было возможно расположить общественныя дѣла сообразно съ тѣмъ отвѣтомъ, который дало бы на нашъ вопросъ большинство французскихъ гражданъ, то, навѣрное, получились бы результаты, совершенно непохожіе на

то, что произошло въ дѣйствительности. Навѣрное, большинство не захотѣло бы ни смерти короля, ни террора, ни республики, ни императорскихъ войнъ. Невѣрное также, большинство захотѣло бы быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ, т. е. не принужденнымъ дѣлать то, что ему не нравится. Но эти желанія всякому политику, обращающемуся къ народу посредствомъ *suffrage universel*, показались бы наивными до нелѣпости, и для большинства совершенно неосуществимыми, хотя каждый человѣкъ отдѣльно, лично для себя считаетъ подобныя желанія въ высшей степени скромными. Всѣ практическіе люди вообще, а политики, обращающіеся къ *suffrage universel* въ особенности, знаютъ твердо, что облагодѣтельствовать можно только избранное меньшинство, и притомъ не иначе, какъ на счетъ кроткаго большинства. Большинство также знаетъ это; оно не можетъ доказать неизбѣжность этого факта экономическими выкладками и историческими примѣрами; но оно привыкло къ тому, что всегда такъ бываетъ; привычка терпѣть лишенія не заглушила въ немъ потребностей, вложенныхъ природою въ каждый живой организмъ, но довела большинство до того, что оно плохо вѣритъ въ возможность когда нибудь удовлетворять этимъ потребностямъ вполне. Бываютъ минуты, когда это привычное недовѣріе къ будущему уступаетъ мѣсто страстному взрыву надежды; но надежда не осуществляется, потому что для осуществленія ея необходимъ не минутный взрывъ, а необходима долговременная, напряженная и строго послѣдовательная дѣятельность. До сихъ поръ еще не было на свѣтѣ такого народа, въ которомъ большинство было бы способно къ сознательной коллективной дѣятельности. За минутою надежды всегда слѣдовало горькое разочарованіе, а потомъ прежнее апатическое недовѣріе. Но кромѣ кроткаго большинства, пронигнутого произвольнымъ скептицизмомъ, въ каждомъ народѣ существуетъ обыкновенно энергическое и безпокойное меньшинство, которое ни подъ какимъ видомъ не хочетъ, и даже, по складу своего ума, не можетъ помириться съ приговоромъ житейской мудрости, утверждающимъ, что «такъ всегда было, стало быть, такъ и быть должно». Почему должно? говорить это неугомонное меньшинство; со всѣмъ не должно! Пустяки! Что люди сдѣлали, то люди могутъ передѣлать! Когда большинство народа относится къ своему будущему съ холодною беззаботностью привычнаго отчаянія, тогда люди меньшинства не имѣютъ вліянія ни на массу своихъ соотечественниковъ, ни на общій ходъ

событій; тогда событія опредѣляются въ своемъ развитіи такими случайными и мелкими причинами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ потребностями и стремленіями, съ хорошими свойствами или съ дурными страстями миллионовъ. Въ это время люди меньшинства много говорятъ и пишутъ, но на нихъ обращаютъ вниманіе только для того, чтобы преслѣдовать ихъ насмѣшками, или въ этихъ людей вырабатываются въ такія времена несправимые нечестители, а въ низшихъ слояхъ общества люди такого типа легко превращаются въ энергическихъ преступниковъ, потому что неудовольствіе ихъ противъ несовершенствъ жизни выражается не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ конкретныхъ поступковъ. Когда въловая апатія большинства смѣняется минутнымъ пробужденіемъ лихорадочной энергіи и наступленной надежды, тогда люди меньшинства тотчасъ выдвигаются впередъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы; на нѣсколько недель или на нѣсколько дней они становятся оракулами и идолами толпы.

X.

Въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія съ 4 на 5 августа, дворянство, соединившееся съ духовенствомъ и съ третьимъ сословіемъ послѣ взятія Бастиліи, великодушно отказалось отъ своихъ феодалныхъ правъ, которыя въ то время опасно было предъавлять и которыми во всякомъ случаѣ не возможно было пользоваться. Декреты, изданныя національнымъ собраніемъ послѣ этого ночнаго засѣданія, отмѣнили множество денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыя фактически уже не существовали; законодательная власть записала только на бумагѣ то, что было совершено на французской территоріи общимъ движеніемъ народа въ концѣ іюля. Отказавшись отъ феодалныхъ правъ, собраніе стало разсматривать объявленіе о правахъ челоуѣка, представленное Ла-Файетомъ 11 іюля, и составившее введеніе къ новой конституціи. Идея о такомъ объявленіи была заимствована у Американцевъ. Собраніе долго обсуживало проектъ Ла-Файета, разбирало каждый параграфъ отдѣльно, взвѣшивало каждое выраженіе, и, наконецъ, 27 августа, утвердило окончательную редакцію, въ которой основная мысль автора осталась неизмѣненною. Зибель, въ исторіи революціоннаго времени,

и Шлоссеръ въ исторіи XVIII столѣтія, говорятъ оба, что объявленіе о правахъ человѣка было со стороны собранія дѣломъ очень неблагоприятнымъ, и что дѣйствіе этого объявленія оказалось въ слѣдствіи въ высшей степени разрушительнымъ. Читатель, безъ сомнѣнія, расположенъ скорѣе согласиться съ приговоромъ двухъ замѣчательныхъ историковъ, чѣмъ съ моимъ личнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ за себя никакого авторитета. Несмотря на это расположеніе читателя, которое я съ своей стороны вполне понимаю и одобряю, я отважусь въ этомъ случаѣ не согласиться ни съ Зибелемъ, ни съ Шлоссеромъ. Мнѣ кажется, что оба они придаютъ слишкомъ много значенія бумажнымъ декретамъ національнаго собранія. То настроеніе умовъ, которое побуждало общество требовать объявленія о правахъ, и которое заставило это общество съ восторгомъ принять пронаведеніе Ла-Файета и національнаго собранія, можетъ, конечно, быть названо разрушительнымъ. Но самое изданіе объявленія ничего не прибавило и не могло прибавить къ возбужденію умовъ. Оно не сказало рѣшительно ничего новаго тѣмъ французамъ, которые въ Парижѣ штурмовали Бастилію, а въ провинціяхъ разрушали феодальные замки и средневѣковыя учрежденія. Было бы странно думать, что печатная фраза, какая бы она ни была задорная, можетъ развратить невинные умы тѣхъ людей, которые привыкли слушать на улицахъ такихъ ораторовъ, какъ Дантонъ и Кампль Демуленъ, и которые, кромѣ того, привыкли исполнять немедленно то, о чемъ разсуждали съ ними эти господа. Политическая теорія, проведенная въ объявленіи о правахъ, была давно уже приложена къ дѣлу, и національное собраніе въ этомъ случаѣ, какъ въ отиѣненіи феодальныхъ учрежденій, изложило только на бумагѣ то, что каждый уличный мальчишка въ Парижѣ зналъ изъ практической жизни. Объявленіе о правахъ было слѣдствіемъ и симптомомъ народнаго настроенія; пока продолжалось это народное настроеніе, сначала во всей массѣ населенія, а потомъ въ энергическомъ меньшинствѣ, до тѣхъ поръ принципы Ла-Файетовской деклараціи воплощались въ ежедневныхъ явленіяхъ жизни; когда горячій пароксизмъ прошелъ, тогда декларація со всѣми ядовитыми сѣменами, которыя усматриваютъ въ ней Зибель и Шлоссеръ, оказалась такимъ же старымъ лоскуткомъ бумаги, какъ большая часть изъ 2500 законовъ, изданныхъ учредительнымъ собраніемъ, и какъ множество французскихъ конституцій, возникшихъ и погибавшихъ одна за другою. Декларация правъ была

идея въ 1789 году, а, спустя пятнадцать лѣтъ, благополучно царствовавшая уже императоръ Наполеонъ I, который всякія деклараціи называла идеологією, и который дѣйствительно имѣлъ полное основаніе презирать идеологію, потому, что она не имѣла французамъ жертвовать за ея сантани состояніемъ и жизнью. Гдѣ же, послѣ этого, разрушительное дѣйствіе этой деклараціи? Наконецъ, стоитъ только слѣгчить декларацію правъ съ любымъ номеромъ газетъ, читавшихся въ то время въ Парижѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что декларація, даже какъ кусокъ печатной бумаги, по содержанію и по формѣ выраженія, гораздо скромнѣе и невиннѣе тѣхъ произведеній, которыя составляли ежедневную умственную пищу французской публики. Но каждый разсудительный человекъ понимаетъ, что и газеты того времени только удовлетворяли существующимъ потребностямъ, а не создавали ихъ своимъ появленіемъ. Бриссо, Карра, Горса, Мустало, Дануленъ, Фреронъ, Мара были очень яркими значками своей эпохи, но не они создали эпоху, а напротивъ того, эпоха произвела на свѣтъ ихъ литературное и политическое направленіе. Въ общемъ результатъ можно сказать, что объявленіе о правахъ человека было такою же вывѣсною революціи, какъ и знаменитая трехцвѣтная кокарда, которою Франція обязана тому же генералу Ла-Файету. Французы по силу своего ума и по особенностямъ своего національнаго характера чрезвычайно любятъ всякіе «вещественные знаки», и потому они ухватились обѣими руками и за декларацію, и за кокарду, и придали тому и другому какое-то мистическое значеніе; старые наполеоновскіе солдаты, какъ извѣстно, плакали и ругались, когда имъ приходилось снимать съ ниверовъ трехцвѣтную кокарду и принимать бѣлую; они продолжали дорожить вывѣсною, когда идея давно уже улетучилась. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности увѣрять читателя въ томъ, что ни пестрота кокарды, ни всяцкіе періоды деклараціи не имѣли никакого вліянія на развитіе революціи. Агитаторы могли порою ссылаться на тотъ или другой параграфъ деклараціи, но если бы декларація вовсе не существовала, тогда бы эти агитаторы стали бы только подробно развѣивать въ своихъ рѣчахъ или статьяхъ тѣ принципы, на которые они, при существованіи деклараціи, могли просто указывать. Да и, наконецъ, надо помнить, что эти принципы были уже тогда общимъ умственнымъ достояніемъ насъ. Декларация повторила еще разъ то, что уже было всею извѣстно и затвержено наизусть. Народъ желалъ только, чтобы со-

бравіе провнесло ту мысль, которая правится ему, народу, точно такъ же, какъ онъ желалъ потомъ, чтобы собраніе принимало участіе въ той или другой патріотической процессіи. Это пристрастіе къ знаменательнымъ штучкамъ составляетъ очень любопытную черту французскаго національнаго характера, и историкъ, безъ сомнѣнія, долженъ ее отиѣтить и принять въ соображеніе. Но это пристрастіе дѣйствуетъ, разумѣется, только на декоративную сторону событій, а не на общее ихъ направленіе, которое всегда зависитъ отъ общихъ и великихъ причинъ. — Окончивъ обсужденіе деклараціи, національное собраніе стало разсматривать основныя положенія будущей конституціи. На очереди стояли слѣдующіе вопросы: будетъ ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или нѣсколькимъ? будутъ ли промежутки между засѣданіями законодательнаго корпуса? будетъ ли король имѣть участіе въ законодательной власти? зависитъ ли отъ короля утвердить или отвергнуть статьи той конституціи, которая вырабатывается теперешнимъ національнымъ собраніемъ? Всѣ эти вопросы, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и упорныхъ премій, были рѣшены въ такомъ смыслѣ, что надежды Неккера пересадить на французскую землю англійскую конституцію оказались совершенно несбыточными мечтами. Законодательная власть была предоставлена одному собранію выборныхъ депутатовъ. Промежутковъ между его засѣданіями не допускалось. Король долженъ былъ безусловно принять составленную конституцію. Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти послѣдующихъ собраній былъ рѣшенъ посредствомъ компромисса между требованіями лѣвой стороны и желаніями монархистовъ. Положили, что король можетъ отсрочивать предлагаемый законъ, но что онъ обязанъ утвердить его, если два слѣдующія собранія также признаютъ отсроченный законъ необходимымъ. Пока національное собраніе разсуждало въ Версали о высшихъ вопросахъ философской политики и государственнаго права, простой народъ въ Парижѣ былъ одержимъ двумя такими заботами, которыхъ, конечно, не могла устранить въ данную минуту никакая конституціонная система. Во-первыхъ, народу мерещились вездѣ заговоры аристократовъ; во-вторыхъ, хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ былъ увѣренъ, что дороговизну производятъ купцы, которыхъ слѣдуетъ перевѣшать. Каждый день разыгрывались на эти двѣ неистощимыя темы самыя разнообразныя трагикомедіи; общія основы этихъ эпизодовъ тогдашней уличной жизни пронинуты глубокимъ трагиз-

мощь: гнетущая бѣдность народа и непобѣдимое недоверіе его ко всему, что держитъ въ рукахъ общественную власть, лежатъ въ основаніи ежедневныхъ парижскихъ событій; развязка этихъ событій была обыкновенно ужасна, но тотъ отдѣльный поводъ, который въ одну минуту поднималъ цѣлую бурю, та народная логика, которая обнаруживалась въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ толпы, были обыкновенно полны до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго. Не было того слуха, не было той басни, которые не подхватывались бы массою, и не облетали бы въ одну минуту цѣлые кварталы, если только этотъ слухъ и эта басня попадали въ тонъ господствующему настроенію, то есть, если они говорили о коварствѣ двора и корыстолюбіи барышниковъ, или объ ошибкахъ городского управленія. Городское управленіе съ половины іюля находилось въ рукахъ избирателей, то есть вынужденныхъ гражданъ столицы; они назначили посредствомъ выборовъ большой контролирующій совѣтъ изъ трехъ сотъ членовъ; а этотъ совѣтъ выбралъ изъ среды себя городской совѣтъ въ шестьдесятъ членовъ, который, подъ предсѣдательствомъ выборнаго мера, сталъ заниматься текущими дѣлами управленія. Меромъ былъ сдѣланъ, какъ я уже говорилъ, президентъ національнаго собранія Бальи, человѣкъ пользовавшійся популярностью и уваженіемъ. Избиратели и члены городского управленія дѣйствовали заодно съ народомъ при штурмѣ Бастиліи, и вообще при борьбѣ съ старымъ правительствомъ; но когда третье сословіе одержало рѣшительную побѣду въ собраніи, въ столицѣ и во всемъ государствѣ, когда предводители вооруженной уличной оппозиціи, въ свою очередь, сдѣлались начальствомъ, тогда между новымъ начальствомъ и народомъ тотчасъ начались неудовольствія. Начальство, какъ начальство, старалось водворить порядокъ, но, такъ какъ порядокъ, при разгоряченномъ состояніи умовъ, при застоѣ всѣхъ работъ, и при всеобщей нищетѣ, былъ рѣшительно невозможенъ, то популярность новаго начальства утратилась въ первые же дни его господства, среди безплодныхъ попытокъ укротить народную тревогу. Пролетарій увидѣлъ съ наивнымъ изумленіемъ и съ комическимъ, или вѣрнѣе, опять таки трагикомическимъ гнѣвомъ, что побѣда третьяго сословія къ нему (пролетарію) совсѣмъ не относится, и что всякія политическія права существуютъ и имѣютъ значеніе только для людей состоятельныхъ, то есть для тѣхъ людей, которымъ при всякомъ порядкѣ вещей живется не совсѣмъ плохо. Пролетарій, несмотря на свою неразвитость,

или, какъ говорятъ другіе писатели, по причинѣ своей неразвитости, смекнулъ въ одну минуту, что кромѣ родовой аристократіи есть еще аристократія денежная, и что этой послѣдней аристократіи онъ, пролетарій, доставилъ надъ первой полную побѣду, отъ которой ему, пролетарію, не досталось ничего, кромѣ горячихъ подзатыльниковъ. Избиратели третьяго сословія, одержавшіе побѣду и овладѣвшіе городскою властью, находили, что это превосходно, и Бальи говорили: «превосходно», и Лазайетъ съ національною гвардіею говорилъ — «превосходно», но пролетарій, опять таки по своей неразвитости, совѣсть не могъ взять въ толкъ, что тутъ превосходнаго? Но такъ какъ начальству толковать съ пролетаріемъ было нѣкогда, и такъ какъ, кромѣ того, не было надежды, чтобы они до чего нибудь могли дотолковаться, то городскія власти и національная гвардія, состоявшая изъ имущихъ горожанъ въ Августѣ и въ Сентябрѣ стали дѣйствовать противъ демократической прессы и противъ уличныхъ ораторовъ, которымъ они весьма горячо сочувствовали въ Іюнѣ и въ Іюлѣ, то есть тогда, когда они еще не были городскими властями и національными гвардейцами. Начальственные распоряженія городскихъ властей повели только къ тому результату, что простой народъ, проклинавшій до того времени аристократовъ и барышниковъ, сталъ проливать еще и буржуазію, и сталъ ненавидѣть послѣднюю тѣмъ сильнѣе, что до того времени онъ считалъ ее своею естественною союзницею и будущею спасительницею. Однимъ предметомъ ненависти у пролетарія стало больше, и это обстоятельство не содѣйствовало ни къ просвѣщенію его ума, ни къ смягченію его характера. Положеніе буржуазіи вообще, и городскихъ властей въ особенности, было затруднительно и тяжело до послѣдней степени. Буржуазія могла ежеминутно ожидать, что народъ обратится противъ собственной же съ тою разрушительною энергіею, съ какою буржуазія обратилась противъ аристократическихъ привилегій породы. Городскимъ властямъ приходилось еще круче: имъ надо было во что бы то не стало, добывать для Парижа достаточное количество продовольствія; годъ былъ неурожайный; провинціи и города удерживали свои запасы хлѣба для самихъ себя; надо было покупать большія партіи хлѣба за границею, по дорогой цѣнѣ, потому давать бѣднякамъ деньги, чтобы имъ было на что купить себѣ хлѣба. Послѣдняя часть программы была необходима, потому что при началѣ волненій большая часть ремесленныхъ заведеній Парижа закрылась; капиталы

выпрятались; роскошь сдѣлалась опасною, а такъ какъ промышленность Парижа была основана преимущественно на удовлетвореніи требованіямъ аристократической роскоши, то огромное число рабочихъ остались на улицѣ, безъ хлѣба и безъ занятій. Городскія власти придумали открыть общественныя мастерскія; тысячи пролетаріевъ стали стекаться въ нихъ въ тотъ день, когда раздавалась недѣльная плата, и только сотни приходили работать. Слухи о легкихъ заработкахъ разнеслись по окрестностямъ и Парижъ сталъ наполняться тысячами прошлаго населенія, такъ что тѣмъ больше городскія власти старались объ устраненіи голода, тѣмъ труднѣе становилась ихъ задача. Средства городской казны были совершенно недостаточны для того, чтобы кормить все бѣдное населеніе Парижа; но Бальи объявилъ Неккеру, что если въ Парижѣ хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, то изъ этого получится новая революція; стало быть, пусть Неккеръ беретъ денегъ, откуда хочеть, и пусть прокармливаетъ этими деньгами Парижъ. Дѣлать было нечего, Неккеръ доставалъ денегъ, и одинъ милліонъ за другимъ исчезалъ въ парижскихъ желудкахъ. Новой революціи не произошло, но спокойствіе не становилось; пролетаріи хотѣли, чтобы имъ было хорошо, а имъ всетаки было дурно, хотя городъ и государство разорялись на покупку хлѣба для ихъ продовольствія; надежда на лучшее была пробуждена и нужно было много передрыгъ для того, чтобы надежда эта опять заглохла, и всетаки она можетъ заглохнуть только на время, и періодическія пробужденія ея всегда будутъ сопровождаться страшными потрясеніями, до тѣхъ поръ, пока люди не захотятъ и не съумѣютъ осуществить ее тѣмъ или другимъ способомъ. Въ началѣ октября, народъ вдругъ вообразилъ себѣ, что дороговизна прекратится, и что воѣ его дѣла пойдутъ превосходно, если онъ убѣдитъ или заставитъ короля и національное собраніе переѣхать изъ Версаля въ Парижъ; какими соображеніями руководствовался тутъ самъ народъ, этого отгадать невозможно, потому что у него была своя собственная логика; но тѣ люди, которые натолкнули народъ на эту идею, имѣли свои причины желать присутствія короля въ Парижѣ. Городское управленіе съ наслажденіемъ думало о королевскихъ суммахъ (*liste civile*), которыя король, послѣ пріѣзда въ Парижъ поневоля долженъ будетъ отдавать на продовольствіе города, для поддержанія спокойствія. Ла-Файетъ понималъ, что начальникъ парижской національной гвардіи, будетъ господствовать надъ коро-

лемъ и надъ собраніемъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго кліенты интриговали во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія, хотѣлъ, посредствомъ популярности добыть себѣ регенство, а со временемъ, можетъ быть, и корону; ему не хотѣлось, чтобы король прѣхалъ въ Парижъ, но онъ желалъ, чтобы народъ, отираившись за королемъ въ Версаль, заставилъ его бѣжать оттуда, куда нибудь подальше; его бы не огорчило также то обстоятельство, если бы король и до-оинъ погибли въ мятежѣ. Словомъ, съ разныхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ обнаруживалось въ различныхъ коноводахъ желаніе натравить народъ на Версаль, а народъ, не своему обыкновению, разыгралъ роль увѣсстаго орудія. 5-го октября совершилось нашествіе народа на королевскую резиденцію, а 6-го, короля и его семейство привезли въ Парижъ. Я говорю, что его привезли, потому что тутъ о свободномъ актѣ воли его не могло быть и рѣчи. Съ минуты своего отъѣзда изъ Версаля, до самой своей смерти, Людовикъ XVI постоянно находился въ плѣну, и въ опасности. 19 октября, національное собраніе также переехало въ Парижъ.

XI.

Ни побѣда третьяго сословія въ національномъ собраніи, ни волненія пролетаріевъ въ Парижѣ, ни возстанія крестьянъ во всѣхъ провинціяхъ государства не могли содѣйствовать поправленію финансовъ. Бѣдность французскаго народа и, вслѣдствіе этого, бѣдность государства, прямымъ или косвеннымъ образомъ, составляетъ основу всѣхъ трагическихъ событій французской революціи. Непосредственная нужда въ денежныхъ средствахъ, нужда, не терпящая отлагательства, постоянно вовлекала всѣ различные министерства и законодательныя собранія революціонной эпохи въ такія финансовыя и политическія мѣры, которыя немедленно вели за собою безчисленныя затрудненія и complicacіи. Уничтоженіе феодальныхъ повинностей и эмансипація всѣхъ различныхъ отраслей труда непремѣнно должны были со временемъ удвоить и утроить массу народнаго богатства, но послѣдствія этихъ преобразованій могли обозначиться не раньше, какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, а между тѣмъ пролетарію хотѣлось ѣсть сегодня, а правительству необходимы были деньги на текущіе расходы; надо было дѣйствовать такъ или иначе,

чтобы выпутываться из сложившихся затруднений. 10 октября, епископ отенский, знаменитый Талейранъ, предложилъ въ національномъ собраніи воспользоваться церковными имуществами для потребностей государства. 12 октября, Мирабо предложилъ объявить церковныя имущества собственностью націи. 2 ноября, національное собраніе приняло предложеніе Мирабо. Отбирая въ свою пользу имѣнія духовенства, государство, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало на себя обязанность оплачивать расходы богослуженія и выдавать жалованье священникамъ. Вся эта операція казалась чрезвычайно выгодною по слѣдующему расчету: имѣнія духовенства приносили ему до 70 милліоновъ годового дохода, а доходъ съ посемельной собственности въ то время равнялся обыкновенно во Франціи одной тридцать-третьей части продажной цѣны; слѣдовательно, помножая 70 на 33, мы получаемъ цифру 2,310, и такимъ образомъ оказывается, что продажей церковныхъ имущества можно выручить сумму въ 2,310 милліоновъ. Эту сумму слѣдуетъ употребить на выкупъ шестипроцентныхъ и семипроцентныхъ государственныхъ бумагъ; когда этотъ выкупъ будетъ произведенъ, тогда государство освободится отъ 150 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; если изъ этихъ, остающихся въ элонимъ, 450 милліоновъ, государство будетъ употреблять на содержаніе церкви даже 100 милліоновъ, то все-таки государство будетъ имѣть каждый годъ 50 милліоновъ чистаго барыша. Цифры были заманчивы, но расчетъ былъ неярренъ въ самомъ основаніи. Во-первыхъ, въ общую сумму доходовъ, равнявшуюся 70 милліонамъ, входили доходы съ имѣній мальтійскаго ордена, и съ имущества, принадлежавшихъ школамъ и госпиталямъ; за исключеніемъ этихъ имѣній и имущества, которыя, по имѣнію всего собранія, должны были оставаться неприкосновенными, церковныя имущества давали не 70, и 50 милліоновъ дохода. Во-вторыхъ, не всѣ церковныя имущества состояли въ посемельныхъ владѣніяхъ; у духовенства было много городскихъ домовъ, государственныхъ бумагъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ; всѣ эти предметы не могли принести при продажѣ сумму, равняющуюся тридцати тремъ годовымъ доходамъ. Кромѣ того продажа огромныхъ посемельныхъ владѣній неизбежно должна была понизить цѣну на земли, потому что предложеніе непременно оказалось бы сильнѣе запроса. Стало быть, даже для земель духовенства нельзя было рассчитывать на ту продажную цѣну, которая въ то время давалась во Франціи при нормальныхъ условіяхъ продажи. На

основаніи этихъ соображеній, надо было вмѣстѣ цѣны 33 поставить цѣну 25, а такъ какъ и другой множитель 70 понижался до 50, то и произведеніе окажется не 2,310, а всего только 1,250. Получивши такимъ образомъ отъ продажи церковныхъ имуществъ 1,250 милліоновъ, можно было освободить государство только отъ 80 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; стало быть, чтобы получить отъ всей этой колоссальной операціи барышъ, надо было устроить такъ, чтобы содержаніе церкви стоило въ годъ меньше 80 милліоновъ. Но устроить это, не являя внутреннѣхъ учрежденій церковнаго управленія, было невозможно. Крайняя лѣвая сторона собранія и радикалы въ обществѣ и въ народѣ, радовались этой необходимости внести волю націи [въ церковныя учрежденія. Но легко можно было предвидѣть, что столкновеніе законодательной власти съ древними статутами католической церкви приведетъ въ волненіе всѣхъ клерикальные инстинкты страны. Инстинкты эти не были достаточно сильны для того, чтобы одержать перевѣсъ надъ революціоннымъ движеніемъ, но, при крайней необразованности сельскаго населенія, они легко могли выразиться въ противуреволуціонныхъ восстаніяхъ, могли положить основаніе междоусобной войнѣ и послужить современемъ исходною точкою для будущей католической реакціи. Надъ подобною перелективою государственные люди учредительнаго собранія могли бы задуматься, если бы вообще они имѣли возможность сдѣлать свободный выборъ; но именно свободнаго-то выбора у нихъ и не было; оставить государство безъ денегъ было невозможно; стало быть, надо было продавать церковныя имущества и утѣшать себя тѣмъ, что утро вечера мудренѣе, и что, когда представится затрудненіе, тогда можно будетъ придумать какую нибудь спасительную мѣру. Поддерживая 12 октября свое предложеніе о церковныхъ имуществѣхъ, Мирабо дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ особенныхъ расчетовъ, которыми онъ до поры до времени не считалъ нужнымъ дѣлиться съ остальными членами учредительнаго собранія. Онъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ дворомъ, получалъ отъ него деньги, старался усилить правительство и имѣлъ въ виду стать во главѣ министерства, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться его руководителемъ. Много и часто было говорено о томъ, что Мирабо продалъ свои убѣжденія, и измѣнилъ народному дѣлу; если негодующіе противъ него историки имѣютъ въ виду его личный характеръ, то я, конечно, не стану его оправдывать, и даже не волю-

ну на себя труда объяснять его поступки, потому что мнѣ въ этой статьѣ до отдѣльныхъ личностей нѣтъ никакого дѣла. Принимая деньги отъ двора, Мирабо поступалъ, во всякомъ случаѣ, какъ величанинъ, причеиъ, конечно, величина вѣтки соответствовала силѣ его ораторскаго таланта и могуществу его популярности. Но о продолжѣ убѣжденій и объ вѣннѣ народному дѣлу здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Мирабо съ начала до конца своей дѣятельности оставался вѣренъ себѣ; онъ никогда неворачивалъ назадъ, а онъ просто, дойдя до известной точки, сказалъ, что дальше идти не слѣдуетъ; сказать не потому, что былъ подумленъ, а потому что всегда считалъ эту известную точку тѣмъ предѣломъ, на которомъ должно остановиться. Этотъ фактъ важенъ и любопытенъ для насъ потому, что Мирабо является самымъ дароватымъ представителемъ и самымъ крупнымъ воплощеніемъ тѣхъ идей и стремленій, которые, выдвинувшись впередъ въ самомъ началѣ революціи, скоро должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе яркимъ и рѣзко обозначеннымъ направленіямъ. Политическая программа Мирабо осталась невыполненной не потому, что его личность перестала пользоваться довѣріемъ честныхъ гражданъ, а потому что требованія партій и массъ, еще неутомленныхъ революціонною борьбою, были въ то время безпредѣльно широки; ихъ не могла ни принизить, ни удовлетворить никакая отдѣльная система. Въ перепискѣ своей съ графомъ Дамаркомъ, довѣреннымъ лицомъ королевы, Мирабо развиваетъ свои политическія убѣжденія, стараясь доказать королю и его приближеннымъ, что, только дѣйствуя сообразно съ этими убѣжденіями, можно спасти государство отъ окончательной катастрофы. Въ этихъ письмахъ, посредствомъ которыхъ Мирабо велъ свои переговоры съ дворомъ, очевидно должно было бы выразиться съ полною реальностью отступничество Мирабо отъ интересовъ народа, если бы только это отступничество вообще когда-нибудь существовало. Но Мирабо рассуждаетъ здѣсь о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ рассуждалъ о нихъ всегда и вездѣ. Онъ конституціонную монархію считаетъ лучшей изъ всѣхъ известныхъ политическихъ системъ, причеиъ онъ однако придаетъ особенную важность не внѣшнимъ формамъ управленія, а тѣмъ отношеніямъ къ народной жизни; онъ хочетъ, чтобы не было частныхъ привилегій и монополій, чтобы трудъ оставался свободнымъ отъ комбанднаго и ценоваго гнета, чтобы капиталъ былъ освобожденъ

отъ монополіи столичной биржи, чтобы судопроизводство не находилось въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и отъ парламентскихъ фамилій, чтобы государственные финансы не разстроивались придворными прихотями, чтобы національное единство не ослаблялось внутренними таможенными и провинціальными привилегіями. Словомъ, отъ хочеть, чтобы правительство было сильно и популярно, то есть, чтобы оно пользовалось своею силою только для народнаго блага; для этого отъ находить необходимыми, чтобы король былъ независимъ отъ фантазій парижскаго пролетаріата, но чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно и добросовѣстно, заодно съ національнымъ собраніемъ, и чтобы онъ былъ связанъ съ этимъ собраніемъ самымъ нерасторжимымъ союзомъ. Фактическую возможность такого союза Мирабо видитъ въ томъ, что совѣтниками короны должны быть постоянно самые вліятельные предводители парламентскаго большинства. Такъ какъ Мирабо никогда не стремился къ республикѣ, и такъ какъ онъ всегда пользовался волненіями пролетаріата только какъ орудіемъ противъ феодальной оппозиціи, то въ письмахъ своихъ къ графу Ламарку онъ остается совершенно вѣренъ политическимъ идеямъ всей жизни. Чтобы привести эти идеи къ осуществленію, ему, дѣйствительно, необходимо было быть министромъ. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, въ то время была не исполнима даже для него, но уже всякому другому человѣку за нее нечего было и браться. Чтобы заранѣе избавить свое будущее министерство отъ гнетущаго безденежья, Мирабо пустилъ въ ходъ предложеніе о церковныхъ имуществахъ. Какъ только предложеніе это было принято, такъ Мирабо тотчасъ двинулъ впередъ рядъ новыхъ проектовъ. Онъ предложилъ обезпечить спокойствіе Парижа закупкою большихъ запасовъ хлѣба, поручить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому вѣдомству, независимому отъ министерства финансовъ, дозволить этому вѣдомству пустать въ обращеніе кредитные билеты, обезпеченные церковными имуществами, и, наконецъ, предоставить министрамъ короля совѣщательный голосъ въ національномъ собраніи. Последнее предложеніе, которое Мирабо дѣлалъ уже одинъ разъ въ концѣ Сентября, прямо клонилось къ министерской кандидатурѣ самаго оратора. Но въ собраніи господствовало такое настроеніе отдѣльныхъ партій, при которомъ составленіе сильнаго министерства было совершенно невозможно. Можетъ быть, такое министерство было бы чрезвычайно благотворно для Франціи, если бы оно составилось и начало дѣйствовать, но вся бѣда заклю-

челась въ томъ, что оно не могло, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не составиться, ни удержаться. Оппозиція противъ правительства была бесконечно сильна и въ національномъ собраніи, и на улицахъ, и въ провинціяхъ; въ оппозиціи собранія соединялись самые разнородные элементы, которые только въ оппозиціи и могли соединиться между собою, потому что всѣ были недовольны настоящимъ, и, между тѣмъ, всѣ хотѣли совершенно различныхъ вещей въ будущемъ. Республиканцы крайней лѣвой стороны и аристократы крайней правой стороны сходились между собою на томъ пунктѣ, что Мирабо не долженъ быть министромъ; и тѣ и другіе хотѣли, чтобы правительство было слабо, потому что и тѣ и другіе хотѣли произвести переворотъ въ свою пользу, а между тѣмъ въ то время еще ни тѣ, ни другіе не были въ силахъ образовать правительство изъ самихъ себя. Что же касается до умѣренныхъ членовъ собранія, то между ними господствовало личное вліяніе Неккера и Лавайета, которые видѣли въ Мирабо опаснаго соперника, способнаго отнять у нихъ могущество, и затмить ихъ популярностъ. Изъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ партій и кружковъ составлялось въ общей сложности огромное большинство, и собраніе отвѣчало на предложеніе Мирабо такимъ объявленіемъ, которое попало не въ бровь, а въ глазъ; оно объявило 7 ноября, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть членомъ министерства. Весь политическій планъ Мирабо разрушился окончательно; остались только предложенія его насчетъ церковныхъ имуществъ и насчетъ покуши хлѣба для Паризжа; и то, и другое было необходимо во всякомъ случаѣ, и не зависѣло ни отъ какихъ политическихъ комбинацій. Въ теченіи всей зимы, съ 1789 на 1790 годъ, различные комитеты учредительнаго собранія изучали во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ. 19 Декабря, собраніе рѣшило, что слѣдуетъ, на первый разъ, продать изъ нихъ на сумму 400 милліоновъ. 6 февраля, выслушавъ докладъ своего комитета, собраніе рѣшило, что, прежде всего, должно упразднить монастыри и продать ихъ земли. По этому случаю было произнесено насчетъ монашества много непочтительныхъ рѣчей, въ которыхъ присутствовавшіе аббаты и епископы съ умасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ усмотрѣли духъ Дидро и Вольтера. Епископъ навсійскій заблагодарасудилъ даже спросить, продолжается ли католическое вѣроисповѣданіе считаться государственною религіею Франціи. Собраніе оставило этотъ язвительный вопросъ безъ отвѣта и насто-

яло на упраздненіи монастырей. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы все епископы и аббаты, сидѣвшіе въ собраніи, были подвержены приливамъ ужаса и сердечнаго смущенія. Въ числѣ епископовъ былъ Талейранъ, котораго ничто не сокрушало и не ужасало, и которому принадлежала даже инициатива въ дѣлѣ жертвенныхъ имуществъ; а въ числѣ аббатовъ сидѣли Сийесъ, сдѣлавшій первый рѣшительный шагъ въ борьбѣ третьяго сословія съ привилегированными классами, и Грегуаръ, не уступавшій въ радикализмѣ своему другу, Робеспьеру. Тлетворный духъ времени проникалъ такимъ образомъ даже въ ряды того сословія, которое было связано съ средневѣковымъ прошедшимъ всеми своими воспоминаніями и всеми интересами своего могущества. Стонали католическіе пастыри, сохранившіе чистоту сердца, содрогались величія тѣни Григорія VII, Инноцентія III, и Игнатія Лойолы, а монастырскія помѣстья все-таки пошли въ продажу, и пошли тѣмъ скорѣе, что въ дѣло вмѣшался парижскій городской совѣтъ, которому забота о насущномъ хлѣбѣ, по очень понятнымъ причинамъ, не оставляла ни минуты покоя. Балли постоянно убѣждалъ Неккера однимъ и тѣмъ же разсужденіемъ, которое отъ повторенія не становилось избыточнымъ, и не теряло своей силы. — Если, говорилъ онъ, пролетаріямъ нечего будетъ ѣсть, они все поставятъ вверхъ дномъ; не хотите революціи, такъ давайте денегъ. — Въ первые два зимніе мѣсяца, у Неккера забрали на покупку хлѣба 17 милліоновъ, да, кромѣ того, на общественныя мастерскія уходило по 360, 000 ливровъ въ мѣсяць. Для Парижа не было ничего завѣтнаго; со времени пріѣзда короля, на продовольствіе столицы тратились и королевскія суммы, и все это поѣдалось съ восхитительною быстротою. Когда въ національномъ собраніи покончилось дѣло о монастыряхъ, тогда городской совѣтъ рѣшился отломить для своихъ питомцевъ кусокъ предстоящей добычи. 10 марта, Балли явился къ рѣшеткѣ національнаго собранія, изобразилъ бѣдственное состояніе государственнаго кредита, выразилъ необходимость поскорѣе продать церковныя помѣстья, и объявилъ собранію, что парижская коммуна готова взять на себя продажу своихъ монастырскихъ имуществъ, оцененныхъ въ 150 милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы ей за хлопоты уступили четвертую часть тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены. А за это, прибавилъ Балли, городъ выстроитъ собранію прекрасный дворецъ. (*) Какъ ни оригина-

*) Sybel. Geschichte der Revolutions Zeit. Band I, s. 140.

нальнѣ было то обстоятельство, что одно общественное учрежденіе публично предлагаетъ другому такому же учрежденію нагарычь, и какъ ни соблазнительна была для собранія, заседавшаго въ манежѣ, перспектива имѣть собственный «прекрасный дворецъ», однако представители націи устояли противъ искушеній лугаваго Балли, и нашли, что заплатить за коммисію почти 40 милліоновъ будетъ черезчуръ роскошно. Балли сматчился, просилъ 16 милліоновъ. Собраніе согласилось. Этотъ эпизодъ изображаетъ очень картинно то безвыходное отчаяніе, въ которое постоянное безденежье погружало всё общественныя вѣдомства. Понятно, что наивныя слова Балли о прекрасномъ дворцѣ были просто судорожнымъ усиленіемъ утопающаго схватиться за соломинку. Несчастнаго старика совсѣмъ затормозили съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ меромъ. Городекой совѣтъ дѣлалъ ему замѣчанія, большой контролирующій совѣтъ присылалъ ему выговоры; въ каждомъ парижскомъ кварталѣ былъ свой совѣтъ, который о дѣйствіяхъ мера отзывался неодобрительно; и всё требовали денегъ, и всѣмъ деньги были дѣйствительно необходимы, а Балли узнавъ это, сообщалъ свое знаніе Неккеру, и обопяъ имъ приходилось отчаяваться. Тутъ поневолѣ договорились до прекраснаго дворца. 17-го марта, собраніе положило поручить продажу монастырскихъ имѣній городскимъ общинамъ королевства, и предоставить послѣднимъ опредѣленную долю чистой выручки. Затѣмъ опредѣлено было выпустить 400 милліоновъ ассигнацій, присвоить имъ внутри государства курсъ наравнѣ съ звонкою монетою, и потомъ принять ихъ обратно въ казну, какъ уплату отъ покупателей монастырскихъ имуществъ. Въ это самое время, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ собранію докладъ, который окончательно озадачилъ все благочестивое духовенство. По проекту комитета, духовенство устранялось отъ управленія церковными имуществами, и управленіе передавалось свѣтскимъ вѣдомствамъ. Нація приняла на себя долги духовенства, доходившіе до 149 милліоновъ, и обязывалась выдавать на содержаніе церкви 133 милліона, вмѣсто прежнихъ 170 тн, составлявшихся изъ десятинной подати и изъ доходовъ. Но такъ какъ и эта сумма, по мнѣнію вѣчестиваго комитета, была слишкомъ велика, то предлагалось дать церкви на будущее время совершенно новое устройство, при которомъ она ежегодно обходилась бы государству въ 65 милліоновъ. Съ 170 милліоновъ перейти на 65 для всѣхъ благочестивыхъ лю-

дей было чрезвычайно общино, и потому намъ совершенно понятны тѣ крики негодованія, которыми истинные столпы католичества встрѣтили мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи. Но собраніе не обратило вниманія на жалобы называющихся пастырей и очень серьезно стало разсматривать и обсуживать проектъ комитета.

XII.

Въ ту самую зиму, въ которую національное собраніе завоевало въ пользу націи церковныя имущества, оно также положило основаніе новому административному раздѣленію и устройству французской территоріи. Старое историческое раздѣленіе на провинціи было отиѣнено, и вся Франція распалась на 83 департамента, которые подраздѣлялись на 574 округа, и 4730 кантоновъ. На всемъ пространствѣ французскаго королевства существовало въ то время около 44,000 городскихъ и сельскихъ общинъ, которыя всѣ получили новое устройство по одному общему образцу. Каждая община должна была управляться выборнымъ совѣтомъ, и всѣ должности въ общинѣ должны были замѣщаться по непосредственнымъ выборамъ гражданъ, безо всякаго вмѣшательства или вліянія сверху. Округомъ управлялъ совѣтъ изъ 12 лицъ, а департаментомъ совѣтъ изъ 36 лицъ. Члены того и другаго совѣта выбирались на два года коллегіями избирателей, составлявшимися по непосредственнымъ выборамъ гражданъ каждаго отдѣльнаго кантона. Департаментскій совѣтъ раскладывалъ подати по округамъ и общинамъ, наблюдалъ за исправностью сбора, и препровождалъ собранныя суммы въ государственную казну. Онъ завѣдывалъ мѣстными путями сообщенія, и заботился о полицейскомъ благочиніи. Въ его распоряженіи находились департаментскія суммы; ему довѣренъ былъ надзоръ за общепользными учрежденіями, и ему принадлежало также начальство надъ мѣстнымъ отрядомъ жандармовъ. Окружной совѣтъ подчинялся департаментскому, и завѣдывалъ тѣми мѣстными подробностями администраціи, въ которыя неудобно было вникать департаментскому начальству. Впрочемъ, окружные совѣты съ самаго своего происхожденія на свѣтъ считались совершенно излишнею инстанціею, которая только замедляла теченіе дѣлъ, не принося въ замѣтъ этого неудобства никакой осязательной пользы. Всѣ должностныя лица въ

департаментѣ, въ округѣ и въ общинѣ, только по приговору суда могли быть отрѣшены отъ должности до истеченія того срока, на которой они были выбраны. Они были обязаны исполнять законныя приказанія короля, но король собственною властью не могъ ни награждать, ни наказывать ихъ. Если какое нибудь изъ этихъ истинныхъ вѣдомствъ совершало противузаконный поступокъ, или обнаруживало небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, то вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли распустить это вѣдомство и предать его членовъ суду, разрешался въ національномъ собраніи. Королю представлялось впрочемъ право приостановить дѣятельность провинціальныхъ вѣдомствъ на то время, пока національное собраніе будетъ разсматривать вопросъ о его виновности. Вся система была, какъ мы видимъ, основана на всеобщемъ приложеніи выборнаго начала. Въ выборахъ участвовали отъ 4 до 9 милліоновъ гражданъ, называвшихся полноправными или активными; они должны были быть совершеннолѣтними, должны были прожить по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ томъ округѣ, въ которомъ они подавали голосъ, и, наконецъ, должны были вносить сумму подати, равную подневной платѣ трехъ дней. Эти активные граждане не выбирали прямо депутатовъ національнаго собранія, а назначали посредствомъ выборовъ коллегіи избирателей, которыя выбирали какъ депутатовъ, такъ и членовъ департаментскихъ окружныхъ совѣтовъ. Чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть въ собственности или въ пользованіи землю, которая бы равнялась въ богатыхъ провинціяхъ цѣнѣ четырехъ сотъ, въ среднихъ—двухъ сотъ, а въ бѣдныхъ—ста пятидесяти рабочихъ дней. Депутатомъ могъ быть человекъ, не имѣющій никакой собственности. Мнѣніе мое о томъ, что *декларация правъ человека и гражданина* не имѣла въ себѣ той разрушительной силы, которую приписываютъ ей Зибель и Шлоссеръ, находитъ себѣ довольно сильное подтвержденіе въ этомъ бѣгломъ очеркѣ выборной системы, установленной національнымъ собраніемъ. То самое собраніе, которое съ величайшимъ воодушевленіемъ пустило въ свѣтъ декларацию, отклонилось отъ основныхъ принциповъ этой декларации на первомъ шагѣ своей законодательной дѣятельности. Декларация, составляющая введеніе къ конституціи, говоритъ, что все граждане равны, а первыя статьи конституціи противорѣчатъ введенію, и говорятъ, что есть граждане активные и граждане пассивные, и что различіе между тѣми и другими основывается на раз-

личіи имущества. Потому называется, что есть избиратели и не-избиратели, которые опять так различаются между собою по имуществу. Если сами творцы декларации так развзяно уклоняются въ сторону отъ своего политическаго исповѣданія вѣры, то очевидно это исповѣданіе не имѣетъ въ себѣ такой чудодѣйственной силы, которая сама по себѣ могла бы покорять себѣ умы и направлять ихъ къ разрушенію красивыхъ политическихъ системъ. Ниспие классы, не смотря на декларацию, увидѣли себя въ числѣ пассивныхъ гражданъ; тогда они нашли себѣ предводителей, и обнаружили вскорѣ очень значительную степень активности. Печать оставалась совершенно свободною; — національная гвардія срывала иногда со стѣнъ плакарды, а парижскій городской совѣтъ требовалъ иногда, чтобы каждый печатный листокъ выставлялъ имя отвѣтственнаго издателя, но подобныя распоряженія были совершенно случайны и произвольны, всегда вызывали противъ себя сильный отпоръ, и никогда не достигали своей общей цѣли, то есть, не могли ни запугать радикальныхъ писателей, ни ослабить ихъ вліянія на массу пролетаріата. Право ассоціаціи также не было ограничено никакимъ закономъ, и пассивные граждане, которымъ отказано было въ голосѣ на выборахъ, приобрѣли себѣ, благодаря праву ассоціаціи и указаніямъ радикальной прессы, такую организацію, которая въ скоромъ времени сдѣлалась сильнѣе всѣхъ оціанальныхъ властей государства. При самомъ началѣ засѣданій національнаго собранія, нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны образовали клубъ, называвшійся бретанскимъ, и собиравшійся въ Пуасси. Сначала въ этотъ клубъ принимались только депутаты, а потомъ, когда собраніе, вслѣдъ за королею, переѣхало въ Парижъ, въ клубъ стали допускать всѣхъ людей подходящаго образа мыслей. Засѣданія клуба стали происходить въ яковинскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ члены этого общества стали называться яковинцами. Число ихъ разрослось очень быстро, весною 1791 года ихъ было уже 1800 человекъ въ одномъ Парижѣ: во всѣхъ провинціяхъ сформировались яковинскіе клубы, находившіеся въ постоянной перепискѣ между собою и съ центральнымъ парижскимъ обществомъ. Въ концѣ 1790 года, всѣхъ яковинскихъ клубовъ во Франціи было до двухъ сотъ, и нѣкоторые изъ нихъ считали въ себѣ болѣе 1000 членовъ; конечно, очень многіе изъ этихъ членовъ не были ни фанатиками, ни демагогами; многіе записывались въ клубъ изъ подражанія другимъ, а впоследствии для

того, чтобы оградить себя отъ подозрѣній въ недостатокѣ патриотизма, во ядрѣ каждаго клуба состояло нѣзъ горячихъ демократовъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за парижскими событіями, и готовыхъ, по первому сигналу со стороны вождей центрального общества, произвести народное движеніе въ своемъ городѣ или въ своей провинціи. Эти ревностные якобинцы находились въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ массаи пассивныхъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ, которые вполне вѣрили этимъ вождямъ, и легко поднимались на ноги при первомъ востребованіи. Когда на всю Францію раскинулась такимъ образомъ сѣтъ демократическихъ обществъ, проповѣдывавшихъ съ неукротимымъ жаромъ истребительную войну противъ королевской власти, противъ аристократовъ, противъ духовенства, противъ капиталистовъ, словомъ, противъ всего, что стояло выше пролетарія, когда въ каждой провинціи голодная масса нашла себѣ коноводовъ, неразрывно связанныхъ съ нею и между собою единствомъ надеждъ и стремленій, тогда пассивные граждане сдѣлались невзмѣримо сильнѣе активныхъ. Но здѣсь я опять долженъ повторить ту мысль, которая не разъ находила себѣ приложеніе въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Не отдѣльныя-единицы и не частныя явленія создаютъ общія положенія, а на оборотъ общія положенія сообщаютъ единицамъ и явленіямъ всю ихъ силу и весь ихъ смыслъ. Не клубы, не рѣчи ораторовъ, не газеты Демулена и Мара производили въ низшихъ слояхъ французскаго общества неумолимое озлобленіе, а напротивъ, существовавшее озлобленіе порождало и поддерживало и клубы, и яростныя рѣчи, и неистовыя газеты. Вожди и агитаторы давали существующей силѣ организацию и единство общаго направленія, но эта сила существовала совершенно независимо отъ нихъ, и часто толкала ихъ впередъ, тогда, когда они считали удобнымъ пріостановиться. Ораторы и журналисты могли разрабатывать въ отдѣльныхъ приложеніяхъ общіе мотивы народнаго настроенія, но чуть только они пробовали уклониться отъ этихъ мотивовъ, — тотчасъ масса кричала имъ, что они измѣнники, и что ихъ немедленно потащатъ къ фонарному столбу. Исторія революціи переполнена трагическими эпизодами, въ которыхъ вчерашній любимецъ массы погибаетъ сегодня отъ рукъ этой массы, въ ту самую минуту, когда онъ, полагаясь на свою популярность, пробуетъ внести въ движеніе свои личныя взгляды, не совмѣстные съ общими стремленіями его недавнихъ восторженныхъ

обомателю. Такъ погибли Жирондисты, но, чтобы не забывать вперёдъ, я приведу въ прилѣкъ Мирабо, который въ 1789 году казался французскому народу воплощеніемъ революціи, и котораго жизнь была однако въ опасности въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ онъ совѣтовалъ въ національномъ собраніи предоставить королю право безусловно отвергать проекты законовъ. Самая исторія парижскаго Якобинскаго клуба показываетъ, что не клубъ распался страсти народа, а на оборотъ распаленное состояніе народныхъ страстей находило себѣ въ клубѣ одно изъ своихъ проявленій. Въ началѣ существованія Якобинскаго клуба, въ немъ господствовали своимъ краснорѣчіемъ жирондисты, поэты и романтики революціи, мечтавшіе объ античныхъ республиканскихъ добродѣтеляхъ, чувствовавшіе глубокое отвращеніе къ тѣмъ коммунистическимъ стремленіямъ, которые шевелились въ гомодной толпѣ людей безъ панталонъ (*sans culottes*). Если бы можно было предположить, что раздраженіе массъ производится рѣчами ораторовъ и статьями журналистовъ, то надо было бы ожидать, что жирондисты, какъ люди превосходно владѣвшіе словомъ и перомъ навсегда сохранятъ за собою господство въ клубѣ, въ столицѣ и во Франціи; надо было бы ожидать, что они обратятъ пролетарія къ добру и къ красотѣ, и наложатъ на всю общественную жизнь печать своего эстетическаго вліянія. На повѣрку же оказывается, напротивъ того, что реальный элементъ безынталонности выгналъ въ очень короткое время поэзію античной добродѣтели изъ клуба, изъ столицы и изъ Франціи. Стало быть, мы видимъ, что окружающіе элементы передѣляли на свой образецъ Якобинскій клубъ; слѣдующая сила лежала и лежитъ всегда и вездѣ — не въ единицахъ, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ общихъ, и преимущественно, въ экономическихъ условіяхъ существованія народныхъ массъ. Покончивъ съ пассивными и активными гражданами, я могу сказать нѣсколько словъ о судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для Франціи національнымъ собраніемъ, въ теченіи зимы 1789 года. — Господскіе суды, королевскіе трибуналы, парламенты, вообще всѣ судебныя учрежденія старой монархіи были уничтожены; послѣ іюльскихъ дней 1789 года, и послѣ ночнаго засѣданія съ 4-го на 5-ое августа, эти учрежденія, тѣсно связанныя съ общимъ строемъ феодальнаго государства, потеряли всю свою силу, но, такъ какъ національное собраніе успѣло создать новую систему судоустройства и судопроизводства только въ ок-

ябрь 1790 года, то Франция больше года оставалась фактически безъ судовъ, и это беззаконство, конечно, не могло содѣйствовать возрожденію спокойствія и законности. Уничтоженіе парламентовъ и введеніе новыхъ судовъ обременили государство новыми, значительными расходами, и увеличили сумму государственнаго долга. Такъ какъ мѣста въ парламентахъ были проданы старому монархіею въ вѣчное и неотчуждаемое владѣніе, то, уничтожая парламенты, надо было выкупить эти мѣста, и сумма, которую приходилось уплатить по расчету парламентскимъ совѣтникамъ и владѣльцамъ наследственныхъ мѣстъ въ другихъ судахъ, доходила до 350 милліоновъ. Кроме того, новые суды, по самой умѣренной смѣтѣ, должны были стоить дороже старыхъ; парламентскій совѣтникъ удовлетворялся очень незначительнымъ жалованьемъ, потому что онъ имѣлъ въ виду, во первыхъ, наследственность своей должности, во вторыхъ, ея политическое вліяніе, и, въ третьихъ, тѣ значительныя суммы денегъ, которыя, по средневѣковымъ обычаямъ и законамъ, взимались въ пользу еудей съ тяжущихся сторонъ. Новый судья не долженъ былъ пользоваться ни одною изъ этихъ трехъ выгодъ; слѣдовательно, за всѣ эти выгоды его надо было вознаграждать жалованьемъ; поэтому уничтоженіе старыхъ судовъ и устройство новыхъ прибавляло по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ къ суммѣ ежегодныхъ государственныхъ расходовъ. Необходимость правосудія для развитія народнаго благосостоянія такъ очевидна и такъ значительна, что за полезную реформу въ судебныхъ учрежденіяхъ можно, не колеблясь, платитъ ежегодно болѣе 20 милліоновъ; эти деньги не пропадаютъ, и соблюдать экономію въ ущербъ правосудію было бы, во всякомъ случаѣ, не позволительно и не расчетливо. Но любопытно замѣтить, что въ тогдашней Франціи всѣ отрасли общественной жизни требовали радикальныхъ реформъ, а всѣ реформы требовали затраты денегъ, и чѣмъ радикальнѣе и полезнѣе были реформы, тѣмъ больше онѣ могли обогатить государство въ будущемъ, тѣмъ дороже онѣ обходились въ настоящемъ. И всѣ онѣ скопились къ одному времени, такъ что не законодатели управляли ходомъ преобразованій, а напротивъ, общее положеніе дѣлъ увлекало за собою и постоянно насаждало волю законодателей. Старина падала отъ своей собственной ветхости, и падала разомъ повсемѣстно, не дожидаясь того, чтобы ее отыгнали декретами, и не спрашивая о томъ, есть ли чѣмъ замѣнить ее. Но такъ или иначе, замѣнять чѣмънибудь

разрушившееся учрежденіе было необходимо, а на это требовались деньги, а средства государства были забраны впередъ и истрачены правительствами прежнихъ столѣтій, тѣми правительствами, которыя продавали общественныя должности, и оставили потомству въ знакъ памяти бессильную администрацію, слѣпую аристократію, развращенный судъ, неоплатный государственный долгъ, и озлобленіе массъ, заглушающее въ нихъ всякое пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Тѣ представительныя собранія, которыя въ доброе старое время завѣщало такое роковое послѣдство, пахотились въ самомъ трагическомъ положеніи. Дорога легальности и осторожной послѣдовательности въ пересмотрѣ и въ обновленіи отдѣльныхъ частей государственнаго механизма была имъ отрѣзана. Легальность была невозможна отчасти потому, что оппозиція привилегированныхъ классовъ уступала только дѣйствию силы, отчасти потому, что долги государства превышали его средства, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда дѣйствовали революціонныя собранія. Осторожная послѣдовательность была невозможна потому, что вся старина обрушивалась разомъ, такъ что надо было все отиѣнять и все создавать заново. Между тѣмъ, каждое нарушеніе легальности заключало въ себѣ зародышъ будущей борьбы, и необходимыхъ насилій; каждое отступленіе отъ осторожности и послѣдовательности вело къ ошибкамъ, и запутывало еще болѣе страшно запутанное положеніе дѣлъ. «Какое управленіе, говорилъ однажды Мирабо, какая эпоха! Всего надо опасаться, и на все надо отваживаться. Создается возмущеніе тѣми средствами, которыя употребляются для его предупрежденія. Постоянно необходима умѣренность, и всякій разъ умѣренность кажется медлительностью и малодушіемъ. Постоянно необходима сила, и каждое приложеніе силы кажется тираніею. Со всѣхъ сторонъ сыпятся совѣты, а довѣрять приходится только самому себѣ. Приходится бояться людей благомыслящихъ, потому что ихъ безпокойство и увлеченіе опаснѣе всякихъ заговоровъ. Изъ благоразумія приходится уступать; становиться во главѣ волненія, чтобы умѣрять его; и при всѣхъ страшнѣйшихъ затрудненіяхъ надо еще сохранять на лицѣ веселое выраженіе». Мирабо былъ достаточно уменъ, и достаточно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и умовъ, чтобы предчувствовать въ будущемъ неизбежность государственнаго банкротства, произвольныхъ конфискацій, и длиннаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Но самъ Мирабо, умершій весною 1791 года, и учредительное собраніе, ото-

шедшее отъ дѣлъ правленія осенью того же года, были все таки гораздо счастливѣе своихъ преемниковъ, и въ особенности счастливѣе національнаго конвента. Учредительному собранію досталось на долю провозгласить принципы революціи, а конвенту пришлось вбивать эти принципы въ жизнь, бороться съ тою реакціею, которую раздражило первое собраніе, расплачиваться по тѣмъ счетамъ, которые оставила старая монархія, покрывать тѣ издержки, которыхъ требовали новыя учрежденія, и наконецъ принимать на себя отвѣтственность за все тѣ неизбѣжныя насилія, до которыхъ учредительному собранію удалось не дожить. Весь блескъ гражданскихъ доблестей, и все благозвучіе либеральныхъ словъ остались собственностью учредительнаго собранія, а вся злокачественная грязь черной исполнительской работы, безъ которой все либеральныя слова остались бы словами, великодушно предоставлены національному конвенту. Поэтому французскіе либералы до сихъ поръ съ пафосомъ превозносятъ «*Les grands principes de 1789*» и вслѣдъ за тѣмъ казнятъ своимъ негодованіемъ «*les excès de 1793*».

Такъ какъ роль учредительнаго собранія состояла преимущественно въ томъ, чтобы провозглашать принципы революціи, то и на судебную реформу его слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія принципа, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя подробности должны были измѣниться, и дѣйствительно измѣнились со временемъ, сообразно съ указаніями опыта. Главныя основанія новаго судоустройства заключались въ томъ, что все судьи выбирались активными гражданами изъ числа образованныхъ юристовъ; — судъ присяжныхъ прилагался къ уголовнымъ дѣламъ; гражданскіе процессы рѣшались безъ участія присяжныхъ, не смотря на то, что демократы національнаго собранія сильно настаивали на введеніи присяжныхъ во все отрасли судопроизводства. Здѣсь можно замѣтить, что въ Америкѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовныя, такъ и гражданскіе процессы; Токвилль, котораго еще ни одинъ человекъ въ мірѣ не обвинялъ въ яростномъ демократизмѣ, находитъ, что участіе присяжныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ процессовъ очень сильно содѣйствуетъ развитію юридическаго смысла въ американскомъ народѣ. — Судьи выбирались гражданами на шесть лѣтъ; для гражданского процесса устраивался въ каждомъ округѣ трибуналь первой инстанціи, и одинъ изъ этихъ трибуналовъ долженъ былъ служить другому апелляціонною инстанціею. Третью и послѣднюю инстанцію составлялъ высшій ап-

политический судъ, который долженъ былъ засѣдать въ Парижѣ. Для уголовныхъ дѣлъ учреждалось въ каждомъ департаментѣ судебное мѣсто, а въ Парижѣ кассационный судъ, изъ котораго по жребію должны были назначаться члены національнаго суда, чтобы судить преступленія противъ націи (*crimes de lèse-nation*). Когда въ національномъ собраніи рассматривался вопросъ объ учрежденіи этого національнаго суда, Казалесъ, одинъ изъ депутатовъ правой стороны, потребовалъ, чтобы были точно опредѣлены тѣ преступленія, которыя оскорбляютъ націю и подлежатъ вѣденію исключительнаго трибунала. На это отвѣчалъ депутатъ крайней лѣвой стороны, адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса; онъ сказалъ, что національный судъ долженъ поражать знатныхъ вельможъ, враждебныхъ народу, и искажающихъ его нравственное развитіе; главное дѣло по его мнѣнію состояло въ томъ, чтобы въ этомъ судѣ засѣдали искренніе друзья революціи. — Въ этихъ словахъ ясно заключался тотъ смыслъ, что революція для своего самосохраненія и для своихъ дальнѣйшихъ побѣдъ надъ старымъ обществомъ, нуждается въ послушномъ орудіи, и что правосудіе должно подчиниться политикѣ. Не смотря на то, что Робеспьеръ не пользовался сильнымъ вліяніемъ въ учредительномъ собраніи, его мнѣніе было принято; предложеніе Казалеса оставлено безъ вниманія, и собраніе рѣшило, что члены національнаго суда будутъ назначаться не по жребію, какъ предполагалось прежде, а по выбору активныхъ гражданъ всѣхъ департаментовъ. — Чтобы покончить съ судебными реформами, достаточно будетъ упомянуть, что судопроизводство сдѣлалось гласнымъ, подсудимые получили защитниковъ, пытка и произвольные аресты отменены; наконецъ учреждены мирные суды, коммерческіе трибуналы, и семейные суды.

XIII.

Разговоры опечаленнаго духовенства о мученическихъ вѣщахъ и хищныхъ посягательствахъ національнаго собранія стали обнаруживать свое вліяніе. Народъ, оставшійся одиночнымъ въ то время, когда нѣко дѣло о борьбѣ противъ феодализма, раздѣлился на партіи, когда идеи XVIII столѣтія коснулись церковной іерархіи, и вопіющіе потребности государства принудили національное собраніе наложить руку на церковныя имущества. Католицизмъ, не мѣнявшій

уже для жителей Пармы ни малѣйшей прелести, означался сильнымъ и живучимъ въ городахъ и селахъ отдаленныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, агитація въ пользу католическаго духовенства находила себѣ пишу не столько въ религиозныхъ чувствахъ народа, сколько въ его экономическихъ интересахъ; дѣло въ томъ, что духовенство содержало свои имѣнія въ большомъ порядкѣ, и не страдало тѣми спазматическими припадками бездешья, которыя часто удручали храброе дворянство. Вслѣдствіе этого духовенство не отдавало своихъ доходовъ на откупъ разнымъ аферистамъ, не притѣсняло своихъ фермеровъ неумѣренными требованіями, и вообще вело свои денежные дѣла ровно, спойно и правильно, такъ что крестьяне, находившіеся съ нимъ въ сношеніяхъ, благословляли свою судьбу, и очень дорожили своими арендами. Когда разнесся слухъ о предстоящей продажѣ церковныхъ имуществъ, тогда всѣ арендаторы этихъ помѣстій, не бывшіе въ состояніи купить себѣ ту ферму, которую они нанимали, пришли въ смятеніе, боясь, что будущій владѣлецъ окажется притѣснителемъ, или согонитъ ихъ прочь съ своей земли. Въ Эльзасѣ составила за неирриносновенность католической религіи прошеніе, и въ три недѣли набралось 21,000 подписей; съ одинаковымъ усердіемъ подписывали католики, протестанты и евреи, потому что всѣ они были арендаторами церковныхъ имѣній, и, слѣдовательно, всѣ связаны между собою единствомъ интересовъ; въ Бретани начались противуреволюціонныя движенія, во главѣ которыхъ появились католическіе священники. На югѣ королевства дѣло пошло до кровопролитныхъ схватокъ между патриотами и клерикалами. Въ Нимѣ національная гвардія и пролетаріи, принадлежавшіе къ католической партіи, поколотили армейскій полкъ, пылавшій патриотизмомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же городѣ составилось католическое общество изъ 4,000 человекъ, которые немедленно пригласили сосѣдніе департаменты соединиться съ ними въ братскій союзъ за христіанскую религію. Эта мысль нашла себѣ отголосокъ, и въ религиозное братство вступили немедленно города Нерпиньянъ, Тарнъ и Тулуза. Въ городѣ Але народъ прегвалъ за городскіе ворота войска, державшіеся революціонныхъ принциповъ; въ Монтобанѣ національная гвардія сразилась съ католическимъ пролетаріатомъ, который побѣдилъ и разогналъ нечестивыхъ друзей прогресса. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, учрежденное собраніе усматривало, что *le peuple com-
saint* (властительный народъ) часто противорѣчитъ самому себѣ, и

что его, въ большей части случаевъ, мудроно урезонить. Во всей Франціи не было той деревни, въ которой народъ согласился бы платить десятину послѣ июльскихъ событій 1789 года, а между тѣмъ, когда отсутствіе десятинной подати вело за собою необходимость преобразовать внутреннее устройство церкви, тогда *peuple souverain* во многихъ мѣстахъ переполнился католическими восторгомъ, и не хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ; я, говорить *peuple souverain* платить не желаю, а въ церкви пускай остается все по старому; а откуда взять денегъ — это дѣло правительства; на то оно правительство. Такъ какъ не было возможности пригласить народъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ отчетовъ, и убѣдить его цифрами и фактами въ неисполнимости его требованій, то національное собраніе рѣшилось поскорѣе окончить церковныя преобразованія, и утвердить ихъ силою въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ зашевелится католическая реакція. Приступая къ такому образу дѣйствій, національное собраніе очевидно вступало въ борьбу съ проявленіямъ народной воли, но, такъ какъ эта воля оказывалась раздвоенною, то законодателямъ поневолѣ надо было примкнуть рѣшительно къ одной изъ двухъ партій, и объявить другую партію толпою мятежниковъ, хотя, разумѣется странно было ругать людей мятежниками въ такой странѣ, въ которой вся нація считала июльскіе мятежи славнѣйшими подвигами своей исторіи.

Впрочемъ, въ революціяхъ дѣло обыкновенно идетъ не о томъ, чтобы убѣдить противника, а о томъ чтобы побѣдить и уничтожить его; здѣсь, какъ и вообще въ практической дѣятельности, послѣдовательность часто становится невозможною, и отступаетъ далеко на задній планъ передъ неотразимою необходимостью. Собираясь дѣйствовать энергическими мѣрами противъ католическихъ реакцій, національное собраніе не нарушало однако принципа религіозной свободы; собраніе видѣло въ оместоченныхъ аббатахъ и въ ихъ восторженныхъ послѣдователяхъ только политическихъ враговъ революціи, и всѣ позидвѣйшія распоряженія его по этому предмету вытекали исключительно изъ этого основнаго взгляда. 29-го мая 1790 года, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ учредительному собранію проектъ новаго устройства церкви. По этому проекту, избиратели каждаго округа назначаютъ себѣ приходскихъ священниковъ, а избиратели департамента — мѣстнаго епископа. Каждый избранный даетъ присягу въ вѣрности націи, королю и конституціи. Капитулы и ду-

ховное судопроизводство уничтожаются, потому что преступления противъ религiи становятся невозможными съ той минуты, когда официально признанъ принципъ религiозной свободы со всѣми своими послѣдствiями. Папа теряетъ, по проекту комитета, право давать диспенсаціи и утверждать духовныхъ сановниковъ въ ихъ званiи. При этомъ должно замѣтить, что папа уже давно имѣлъ основанiе гнѣваться на свою галликанскую паству, потому что уже знаменитая ночь 4-го августа, уничтожая десятичную подать, отиѣнила депретоми ежегодное препровожденiе денегъ въ Римъ. Легко можно вообразить себѣ, что весь проектъ комитета долженъ былъ казаться истиннымъ католикамъ непрерывнымъ рядомъ святотатствъ; граждане, которые согласятся войти въ эту перестроенную церковь, должны были считаться еретиками, а духовныя лица, которые дадутъ требуемую присягу — богохульниками, безбожниками, и, хуже того, ересiархами. Чѣмъ должны считаться члены собранiя и комитета — я и выразить не умѣю, но во всякомъ случаѣ, такъ какъ папа, очевидно, не могъ утвердить нововведенiя, то религiозная война противъ нечестивыхъ соотечественниковъ становилась для всѣхъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи первѣйшею изъ священныхъ обязанностей. Видно было, что духовенство смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнiя: когда въ собранiи происходили пренiя о церковныхъ преобразованiяхъ, тогда вѣрующіе епископы и аббаты не говорили ни слова; отвергая весь проектъ отъ начала до конца, они не хотѣли разсматривать его подробности, и были намѣрены во всякомъ случаѣ рѣшительно отказаться отъ требуемой присяги. Споръ поддерживался центромъ собранiя и лѣвою стороною; онъ относился къ частностямъ; шла рѣчь о величинѣ жалованья, о капитулахъ, о томъ, кому выбирать епископовъ, народу или духовенству. Политики собранiя были равнодушны къ этому спору, въ которомъ горячились и торжествовали одни яansenисты, видѣвшіе наконецъ осуществленiе своей задушевной мысли о самостоятельности галликанской церкви и о побѣдѣ надъ ультрамонтанскими тенденціями. Робеспьеръ попробовалъ провести мысль объ уничтоженiи безбрачiя духовенства, но собранiю показалось, что это ужъ черезъчуръ смѣло, и попытка эта осталась безуспѣшною. 15 iюня, когда тянулись эти пренiя, въ національное собранiе былъ представленъ отъ Нинисаго католическаго союза адресъ, требовавшій повелительнымъ тономъ благоговѣнiя вѣредъ церковь и полного восстановленiя королевской

власти. Католичествошло такимъ образомъ объ руку съ роялизмомъ, и учредительное собраніе, враждовавшее съ послѣднимъ, рѣшилось разорвать всякія дружескія отношенія и съ первымъ. Адресъ Нима былъ признанъ преступнымъ дѣйствіемъ мятежа. Въ это время на югѣ ежеминутно можно было ожидать сильнаго столкновенія между цѣлыми городами. Бордо выставилъ отрядъ патриотовъ противъ Мантобана, въ которомъ господствовали католики, и объ партіи долго стояли лагеремъ другъ противъ друга, но на этотъ разъ усилія министерства и національнаго собранія отклонили, или, вѣрнѣе, отсрочили проволочку. Разсужденія о церковныхъ преобразованіяхъ продолжались въ національномъ собраніи до 12 іюля и окончились тѣмъ, что проектъ комитета былъ утвержденъ, съ тѣми частными замѣненіями или дополненіями, которыя были внесены въ него во время преній. Духовенство, какъ отдѣльная корпорація, перестало существовать. Около того же времени прекратилось существованіе дворянства. 19 го іюня, прусскій баронъ Клоестъ, большой любитель либеральныхъ эфектовъ, ввелъ въ залу національнаго собранія толпу людей, наряженныхъ въ костюмы разныхъ народовъ, и, отъ имени всего человѣчества, произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ собраніе за его подвиги, и умолялъ Францію подать знакъ къ освобожденію всего земнаго шара. Президентъ отвѣчалъ на эту общечеловѣческую рѣчь серьезно и торжественно, а члены собранія воспользовались присутствіемъ человѣчества, чтобы уничтожить послѣдніе остатки аристократизма. Объ этомъ особенно усердно хлопотали либералы изъ дворянъ Ламетъ, Лавальетъ, Эгиллонъ, Сень-Фарже, которые, не шутя, воображали себѣ, что, отрекаясь отъ своихъ титуловъ, они совершаютъ подвигъ самопожертвованія, и оказываютъ любезному отечеству бессмертную услугу. Правая сторона поспорила и пошумѣла, но, по обыкновенію, на ея оппозицію никто не обратилъ вниманія, и въ тотъ же день составленъ былъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ титуловъ и всѣхъ орденовъ. Любопытно замѣтить, что эта законодательная мѣра, не заключающая въ себѣ ничего революціоннаго и существеннаго, причинила храброму дворянству гораздо больше сторченія, чѣмъ тѣ декреты, которые, послѣ нечаяго сасѣданія 4-го августа, уничтожили феодальныя привилегіи, и отняли у дворянства мѣхъ связанные съ ними доходы. Потери донести можно было перенести изъ любви къ отечеству, но потеря дворянской чести была слишкомъ чувствительна, такъ что

эмиграция стала значительно усиливаться послѣ диктатора объ уничтоженіи титуловъ. Если Ласкайель, Лангетъ и другіе либералы того же сорта видѣли въ этомъ дикретѣ великій шагъ законодательной мудрости, то дворяне стараго заката видѣли въ немъ великое поруганіе родовой святости. Либералы и консерваторы межъ дворянъ сдѣлались между собою на томъ, что тѣ и другіе придавали этой законодательной мѣрѣ мировое значеніе, а Мирабо отъ души смѣялся надъ обѣими сторонами, которыя, конечно, стояли другъ друга. Долго ли еще придется Франціи, въ самыя серьезныя и торжественныя минуты своей исторіи, украшать себя суетливыми золотомъ лико классическихъ спомъ и театральнo-героическнхъ движеній, это такой вопросъ, на который можетъ отвѣтить только будущее; что же касается до первой революціи, то въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ, радясь съ потрѣбленною нагетомъ дѣйствительности, встрѣчается много мишуры, и народъ восхищается этою мишурою, добродушно улыбаясь изъ виду, что всѣ его бѣдствія ведутъ свое начало отъ мишурнаго блеска Людовиковъ, Генриховъ, Карловъ, Францисковъ, Филипповъ и многихъ другихъ свѣтилъ монныхъ разгнровъ. Нѣтълиши себя оспроужною интермедіею барона Кюотса и наследившихъ самоотверженіемъ либеральныхъ дворянъ, собраніе обратило свое вниманіе на предметы серьезные. — Наде было заняться преобразованиемъ арміи, въ которой съ самаго начала революціи офицеры и солдаты открыто враждовали между собою, и постоянно тянули въ разныя стороны. Чѣмъ волнѣе и шире развѣртывалась реформаторская дѣятельность учредительнаго собранія, тѣмъ сильнѣе становилось неудоовольствіе офицеровъ, и тѣмъ страстнѣе выражалась привязанность солдатъ къ дѣлу революціи. Многие изъ офицеровъ эмигрировали, а солдаты устроили себя во всѣхъ полкахъ клубы, и требовали, чтобы имъ увеличили жалованье, облегчили производствѣ въ офицерскіе чины, предоставили контроль надъ полковыми суммами, и отиѣняли тѣлесныя наказанія. Полковые клубы отправляли свои депутаціи къ полковникамъ, а иногда и прямо къ военному министру или къ національному собранію. Депутаціи эти объявляли часто, что солдаты не желаютъ повиноваться аристократамъ и вѣрять свободы. Во многихъ провинціяхъ, армейскіе полки соединялись съ національною гвардіею, и правдошамъ вѣстѣ союзу братства, давая клятву защищать общими силами націю, короля и конституцію. Национальное собраніе постоянно ободряло составленіе

этихъ союзѣвъ, называвшихся федераціями, но, такъ какъ большинство офицеровъ вовсе не было расположено служить націи и защищать конституцію, то союзы эти увеличивали вражду между начальниками и подчиненными, вслѣдствіе чего необходимость преобразованій по арміи съ каждымъ днемъ становилась болѣе настоятельной. Прежде всего національное собраніе опредѣляло, что на будущее время всѣ вопросы, относящіеся къ величинѣ и къ устоямъ арміи, къ порядку ея пополненія, къ употребленію ея въ государствѣ, къ жалованью всѣхъ чиновъ, къ принятію на службу иностранныхъ солдатъ, и къ военнымъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ, — подлежать рѣшенію законодательныхъ собраній. Потомъ слѣдовали самыя преобразованія: жалованье рядовыхъ увеличено, доступъ къ офицерскимъ чинамъ открытъ всѣмъ способнымъ людямъ, солдату предоставлены въ мирное время всѣ права гражданина. Но, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ тогдашней государственной жизни, старина разваливалась сама собою прежде, чѣмъ можно было обновить, замѣнить или уничтожить ее мѣрами законодательства. Во всѣхъ полкахъ происходили уже частныя волненія, тѣмъ болѣе, что декретъ, уничтожившій дворянскіе титулы, превратилъ офицеровъ въ рѣшительныхъ враговъ революціи, и довелъ до крайнихъ предѣловъ недобѣріе солдатъ къ ихъ ближайшему начальству. Въ началѣ августа Мирабо предложилъ собранію распустить всю армію и сформировать ее заново, но Мара, питавшій къ солдатамъ большую нѣжность за ихъ радикальный образъ мыслей, вслѣдъ за тѣмъ посоветовалъ въ своей газетѣ парижанамъ поставить восемь сотъ висѣлицъ, и на первую изъ нихъ повѣсить подлаго измѣнника Мирабо, а на остальные всѣхъ тѣхъ, кто подастъ голосъ за его предложеніе. Мара, какъ извѣстно, никогда не подавалъ другихъ совѣтовъ, и, что всего удивительнѣе, эти однообразные совѣты всегда приводили пролетаріевъ въ восторгъ, хотя, разумѣется, они почти никогда не исполнялись. Въ настоящемъ случаѣ, національное собраніе побоялось раздражить людей крайней партіи, и предложеніе Мирабо было отвергнуто. Въ послѣднихъ числахъ августа произошла, наконецъ, серьезная тревога. Въ Нанси возбужтались три полка, овладѣли городомъ, и соединились съ вооруженными пролетаріями; къ чему клонилось возстаніе нансійскихъ солдатъ неизвѣстно, потому что это возстаніе очень скоро было задавлено; генералъ Буае собралъ не большой отрядъ надежнаго войска, пошелъ на Нанси, и произвелъ такое кровопро-

літіе, что въ одномъ изъ возмущившихся полковъ осталось всего 40 человекъ. Національное собраніе, серьезно перепуганное нансійскимъ бунтомъ, публично выразило генералу Булье свою признательность. Робеспьеръ возражалъ противъ этого рѣшенія, но его не послушали. Въ Парижѣ пансійскія событія отозвались сильнымъ раздраженіемъ умовъ противъ министровъ, которыхъ народъ считалъ первыми виновниками кровопролитія. Въ сентябрѣ собраніе опредѣлило для арміи порядокъ производства въ чины. Королю предоставлялось назначать только маршаловъ и отрядныхъ генераловъ; офицеры должны были производиться по старшинству службы; въ унтеръ-офицеры должны были производиться способнѣшіе солдаты, по представленію старыхъ унтеръ-офицеровъ роты. Наконецъ, къ военному судопроизводству былъ примѣненъ институтъ присяжныхъ.

д. Шварцъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ ПОМПЕИ.

(ИЗЪ ЛЕОПАРДИ)

Такъ вотъ судьба твоя, великій городъ,
 Покрытый прахомъ вѣсколькихъ лѣковъ!
 Гдѣ прежде жизнь безумная кипѣла,
 Теперь лежатъ обломки тѣхъ дворцовъ,
 Въ которыхъ роскошь развратила
 Твоихъ изнѣженныхъ сыновъ.

* *
 *

Вокругъ тебя все также небо блещетъ,
 Поля цвѣтутъ въ тѣни твоихъ садовъ,
 И море сильнее качаетъ флаги,
 Плывшіе къ тебѣ со всѣхъ концовъ;
 А ты костями лишь торгуешь
 Твоихъ классическихъ гробовъ!

* *
 *

Не жалко мнѣ тебя, великій городъ,
 Что ты погябъ подъ пепломъ и огнемъ:
 Рабы не стоятъ лучшей доли —
 Поэтъ и жизнь гнушаются рабомъ;
 Рабу нѣтъ выбора другого
 Между позоромъ и мечомъ.

Г. С—ловъ.

РОССІЯ ДО ПЕТРА ПЕРВАГО.

I.

ВЛІЯНІЕ ПРИРОДЫ.

Громадность Россіи наши историки объясняютъ обыкновенно равнинностью страны. Но такъ ли это? Россія съ восточной Пруссіей лежитъ въ одной равнинѣ, однако не слилась. Въ Германіи, маленькія княжества не имѣютъ географическихъ границъ, а между тѣмъ каждое изъ нихъ живетъ своей политической жизнью. Англія отдѣлена отъ Индіи океаномъ, но онъ не помѣшалъ Англіи завладѣть Индіей. Напротивъ того Финляндія, гористая и озерная страна, составляетъ съ Россіей одно государство.

Естественными границами государствъ принимаются рѣки и горы. Но эти границы имѣютъ значеніе только для первобытныхъ племенъ. Молодой народъ, засѣвшій между горами, будетъ держаться въ своихъ границахъ пока онъ молодъ; но ничто не помѣшаетъ ему нарушить эти границы, когда обстоятельства принудятъ его къ тому, и когда у него найдется довольно силы чтобы вытѣснить сосѣда. Россія забралась къ устьямъ Волги, Дона и Днѣпра не потому, что бы въ этомъ заключалась ея историческая задача, какъ думаютъ нѣкоторые, а потому, что великорусское племя оказалось сильнѣе тѣхъ, кто прежде жилъ при устьяхъ этихъ рѣкъ. Если бы задача каждаго народа заключалась въ томъ, чтобы забираться непременно къ устьямъ рѣкъ, то швейцарцамъ слѣдовало бы тоже завладѣть

всѣмъ Рейномъ. Такая же задача предстояла бы и для баденцовъ, нассаусцовъ, пруссаковъ и французовъ, потому что всѣ они живутъ на Рейнѣ.

Ни въ жизни отдѣльныхъ людей, ни въ жизни цѣлыхъ народовъ не существуетъ никакихъ задачъ — живутъ потому, что живется. Поэтому странно слышать, когда ученые историки толкуютъ объ историческихъ задачахъ и увѣряютъ, что задача Россіи просвѣтить востокъ. Если каждый народъ имѣетъ задачей просвѣщать своего со-сѣда, въ такомъ случаѣ задача Германіи просвѣщать Россію, задача Франціи просвѣщать Германію, задача Америки просвѣщать Англію. Передача полезныхъ знаній совершается не потому, чтобы въ этомъ заключалась задача знающаго; напротивъ, незнающій заимствуетъ ихъ потому, что онѣ ему полезнѣе. Все это дѣлается безъ всякихъ задачъ и задуманныхъ впередъ соображеній. Жизнь каждого народа такъ трудна и многосложна, что и безъ указательной обязанности ему есть что дѣлать. Допуская справедливость логики историческихъ задачъ, пришлось бы сказать, что задача Москвы снабжать товарами Нижній Новгородъ, задача Нижняго Новгорода снабжать Казань, а задача Казани снабжать Астрахань; а между тѣмъ все это дѣлается просто потому, что города эти лежатъ на водномъ пути. Рѣки и моря играютъ чрезвычайно важную роль въ исторической жизни народовъ, но поселится ли народъ на потокахъ какой нибудь рѣки, или на ея устьѣ, — это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: водный путь можетъ сохранить для страны все свое экономическое значеніе, даже и не находясь въ предѣлахъ этой страны. Что же касается до историческаго стремленія народовъ къ устьямъ рѣкъ, то въ подтвержденіе этой мысли можно представить столько же фактовъ, сколько и противъ нея. Поэтому лучше подобнымъ стремленіямъ не давать особенной важности и не объяснять ими причины большаго и малаго размѣра государствъ.

Точно такой же границей служатъ и горы. Кавказъ очень гористъ, однако это не помѣшало Россіи покорить его. Швеція отъ Норвегіи отдѣляется трудно проходимыми горами, но обѣ эти страны составляютъ одно государство. Шотландію не спасли горы отъ Англій; а между тѣмъ Пиренеи остались границей между Франціей и Испаніей, не смотря на то, что Людовику XIV показалось, что ихъ болѣе нѣтъ и что Наполеонъ перевелъ черезъ нихъ болѣе 300,000 французскаго войска и даже вступилъ самъ торжественно въ Мад-

рѣкъ. Народы сливаются и составляютъ или не составляютъ одно политическое тѣло совсѣмъ не отъ того, раздѣляютъ ли ихъ или нѣтъ рѣки и горы, а отъ другихъ причинъ. Такъ называемыя естественныя границы могутъ служить только предлогами для оправданія политическихъ насилій или политическаго безсилія, но не въ состояніи объяснить исторію ничего въ судьбѣ нислѣдуемаго имъ народа. Чтобы народъ не могъ забраться за естественную границу, нужно чтобы она была дѣйствительно непроходимой; но мы видимъ, что и океанъ не спасаетъ отъ завоеваній, когда нѣтъ силы противъ врагу; а иногда и на одной и той же равнинѣ живутъ два, три народа и если ихъ не раздѣляютъ живыя урочища, то они проведутъ борозды и поставятъ пограничныя камни.

Придавая такое большое значеніе равнинности Россіи, историки забываютъ, что наши болота и лѣса по своей непроходимости стояли самыхъ широкихъ рѣкъ и самыхъ великихъ и свалистыхъ горъ; но болота и лѣса не только не помѣшали русскимъ забраться на Бѣлое море и на Печору; но не помѣшали зайти до тундръ Сибири и до Восточнаго океана. Для такихъ молодцовъ, какъ Дежневъ, не значутъ ничего ни горы, ни моря. Въ утлыхъ, жалостныхъ посудинахъ онъ обогнулъ сѣверо-восточную Азію и открылъ проливъ, названный впослѣдствіи Беринговымъ. Это было въ 1648 году. «Носило меня, пишетъ Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берегъ, въ передній конецъ за Анадырь рѣку; а было пасъ на кочѣ всѣхъ двадцать пять человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодные и голодные, наги и босы, и шелъ я бѣдный Семейка съ товарищами до Анадыра рѣки, ровно десять недѣль, и попали на Анадырь рѣку, вверху близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ и съ голоду мы бѣдные врознь разбѣжались. Осталось пасъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ и пошли мы въ судахъ вверхъ по Анадыру рѣкѣ и шли до Анаульскихъ людей, взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли». Такіе же молодцы были Ермакъ, Поярковъ, Хабаровъ, Степановъ. Въ командѣ Ермака было всего 540 человѣкъ. Когда Іоаннъ получилъ донесеніе Ермака о завоеваніи имъ Сибири, то велѣлъ Строгановымъ приготовить пятнадцать струговъ такой величины, чтобы каждый поднималъ по двѣдцати человѣкъ съ запасомъ; значить на всю Сибирь царь посылалъ только триста человѣкъ ратныхъ людей. Воевода Воейковъ до-

послалъ, что у него въ походѣ противъ Кучума было три сына боярскихъ, голова татарскій, три атамана, да 397 человекъ литвы, казаковъ и юртовскихъ и волостныхъ татаръ. Съ такими силами былъ окончательно разбитъ Кучумъ и померена вся его страна. Правда и у Кучума было всего 500 человекъ войска. Съ самыми незначительными силами казаки и разные охочіе люди пробирались по пустыннымъ пространствамъ все дальше и дальше на востокъ, пока не добрались до Восточнаго океана и остановились потому, что идти уже дальше было некуда. Подчиняя мѣстныхъ жителей, казаки и служилые люди спрашивали ихъ о земляхъ лежащихъ далѣе. Такъ Василій Власевъ собиралъ отъ бурятъ свѣдѣнія о Ламѣ, о Тунгуской вершинѣ, спрашивалъ про Мугальскихъ людей, далеко ли они живутъ, есть ли у нихъ города и остроги, какой у нихъ бой—лучный или огнестрѣльный; въ китайское государство какой дорогой ходять и сколько до Китая судовымъ ходомъ или сухимъ путемъ? Какъ далеко отъ нихъ Шилка рѣка, какой на ней родится хлѣбъ, далеко ли отъ нихъ добывается серебряная и мѣдная руда? Трудны или легки были подобныя странствованія, читатель можетъ видѣть изъ того, что Постникъ Ивановъ доносилъ, что если въ Юнагирскую землю послать даже сто человекъ служилыхъ людей, то имъ можно быть сытыми рыбой и звѣрмъ, безъ хлѣба. Поярковъ отправился изъ Якутска на Амуръ съ 133 человеками. Шелъ онъ Леной, потомъ Адапомъ, потомъ волокомъ до одного изъ притоковъ Зеи, впадающей въ Амуръ. Воображая, что онъ плыветъ по Шилгѣ, Поярковъ добрался до устья Амурса, тутъ онъ зазимовалъ, а лѣтомъ поплылъ моремъ къ устью Ульи, потомъ волокомъ до одного изъ притоковъ Алдана и воротился въ Якутскъ. Изъ своего небольшого отряда Поярковъ потерялъ 80 человекъ, изъ нихъ 25 были убиты Дучерами, на Амурѣ, а остальные умерли съ голоду. Нужда была такъ велика, что люди ѣли своихъ умершихъ съ голоду товарищей и убитыхъ въ бою иноземцевъ. Съѣли они пятьдесятъtrupовъ. Когда Поярковъ плылъ по Зеѣ, то туземцы не допускали его до берега, называя русскихъ погаными людодѣлами. Всѣ эти трудности не сравнятся, разумѣется, съ переходомъ какихъ—нибудь естественныхъ границъ, въ родѣ рѣкъ или горъ. Люди проходятъ тысячеверстныя разстоянія, въ краѣ дикомъ и пустынномъ, мрутъ съ голоду, а все-таки идутъ, потому что ихъ привлекаетъ пожива—бсакъ, соболи, серебро и золото. Такимъ образомъ край въ 250 т. квад-

ратныхъ илилъ приобрѣтается съ потерей какой нибудь тысячи чело-
вѣкъ. Препятствія, встрѣчаемыя людьми въ своемъ походѣ, не мо-
гутъ ихъ задержать; они забираются въ глубь страны и выходятъ
ликовецъ къ Восточному океану совсѣмъ не потому, что имъ при-
ходилось идти равниной, а потому что не встрѣтили на пути такой
силы, которая могла бы ихъ задержать. Голодъ, холодъ и разныя
матеріальныя лишенія не казались русскому человѣку такой ужасной
вещью, чтобы они могли удержать его отъ подобныхъ странствован-
ній. Къ лишеніямъ привыкъ онъ и дома; а пожива была на столько
привлекательна, что пересиливала неприятности лишеній. Герберштейнъ
говорилъ, что во время походовъ московскіе ратники довольствуются
очень немногимъ: люди съ состояніемъ запасаются толокномъ, вет-
чиной и солью; богатые присоединяютъ къ этому перецъ; слуги же
никогда по два и по три дня остаются безъ пищи. Но забираясь въ
Сибирь и на Амуръ люди шли не на голодъ; голодъ былъ случай-
ность: охочій человѣкъ шелъ за лсакомъ и за поживой.

Хотя занятіе пустыхъ мѣстъ въ Сибири дѣлалось большею частью
охочими людьми, но оно имѣло все-таки по преимуществу завоева-
тельный характеръ, потому что совершалась или по распоряженію
правительственной власти, или съ ея поддержкой. Иначе колонизова-
лись пустыя мѣста на сѣверѣ Россіи новгородцами. Хотя и здѣсь
не обходилось безъ враждебныхъ столкновеній, но вообще занятіе пу-
стыхъ мѣстъ имѣло болѣе мирный характеръ. Водь, жившая въ ны-
нѣшней Петербургской губерніи, была подчинена Новгороду еще во
времена до-историческія. Карелы, жившіе вокругъ Ладожскаго и
Онежскаго озеръ, были союзниками новгородцевъ и вмѣстѣ съ ними
отбивали нападенія Шведовъ. Впослѣдствіи карельскій край заселялся
незамѣтно русскими, безъ всякихъ враждебныхъ отношеній; по край-
ней мѣрѣ объ нихъ ничего неизвѣстно. Точно также совершилось
незамѣтно и занятіе Заволочья, т. е. края по Двинѣ и ея прито-
камъ. Край этотъ былъ заселенъ финскимъ племенемъ и отличался
богатствомъ пушныхъ звѣрей. Подобнымъ же образомъ новгородцы
забрались на Печору, въ Пермь и Юрру, къ пермякамъ и зыря-
намъ. Югра была самымъ отдаленнымъ краемъ новгородскихъ вла-
дѣній. Ученые полагаютъ, что она лежала за Уральскимъ хребтомъ,
въ предѣлахъ Оби и Нижняго Иртыша. Нельзя сказать, чтобы Нов-
городская колонизація обходилась безъ потерь: въ лѣтописи указы-
вается нѣсколько случаевъ, когда данскими побивали новгородскихъ

сборщиковъ. Тѣмъ не менѣе новгородцы находились съ своими колоніями преимущественно въ торговыхъ сношеніяхъ. Пермь, Печора и Югра вели значительную торговлю во времена самыя отдаленныя. Это привлекало къ нимъ скандинавскихъ искателей приключеній и тоже самое привлекало и Новгородцевъ. Изъ югорскаго края и Перми новгородцы получали серебро и золото. Черезъ Югру шолъ торговый сибирскій путь и кромѣ того чрезъ Пермь рѣками Волгой, Камой, Печорой и Двиной существовало торговое сообщеніе глубокаго сѣвера съ Каспійскимъ моремъ. Этимъ путемъ шли товары изъ Персіи, Бухаріи, Арменіи, Аравіи и Индіи. Когда Новгородцы завладѣли краемъ, они завладѣли и его торговлей.

Отношенія Новгорода къ его владѣніямъ отличались болѣе промышленнымъ характеромъ. Новгородцы не стѣсняли инородцевъ нисколько ни въ религіозномъ отношеніи, ни подавляли ихъ народности. Иначе поступала московская власть. Когда свобода Новгорода была подавлена Иваномъ III, онъ задумалъ покорить и новгородскія колоніи. Въ Пермь и въ Югру были посланы съ войсками московскіе воеводы; они опустошали селенія и города и, забирая въ плѣнъ предводителей, приводили народъ въ покорность московскому княженію силою оружія. Иванъ III дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ торговый Великій Новгородъ. Великому князю нужны были не торговыя сношенія, а полное подчиненіе народа и лишеніе его саомыбтной жизни. Поэтому, послѣ изъявленія Югрой покорности и присяги въ вѣрности, были отправлены туда вновь воеводы съ ратными людьми. Мѣстные князьки встрѣтили ихъ съ покорностью, предлагали миръ и подданство, но воеводамъ нужно было не это. Они забрали князьковъ въ плѣнъ и пошли съ огнемъ и мечемъ по югорской землѣ. Было взято въ плѣнъ пятьдесятъ князей, которыхъ отправили въ Москву и разорено сорокъ городковъ.

Такимъ образомъ причину громадности Россіи нужно объяснять все не равнинностью ея материка и не тѣмъ, что ядро русскаго населенія засѣло у истоковъ главныхъ водныхъ путей, а исключительно легкостью, съ какою совершались пріобрѣтенія земель и восточнымъ положеніемъ Россіи. И для московской центральной власти и для промышленнаго Новгорода нужны были денежныя средства; для Новгорода они заключались въ новыхъ торговыхъ мѣстностяхъ и въ дани, а для Московскаго государства исключительно въ дани. На западъ и югъ идти было некуда, потому что тамъ стояла сила,

превышавшая силы Московскаго государства, и вотъ Россія двинулась на сѣверъ и востокъ, гдѣ не могли устоять противъ нея слабыя финскія племена и безсильное сибирское населеніе. Во всемъ этомъ помогло прежде всего восточное положеніе Россіи. Если бы славяне, подобно западнымъ европейцамъ, помѣстились бы между сильными сосѣдями, то разумѣется имъ не удалось бы расширить въ такой степени предѣлы своей страны; но русскіе—славяне заняли крайній востокъ Европы, среди мелкихъ племенъ, чуждыхъ всякой гражданственности и безсильныхъ. Въ этомъ же восточномъ положеніи, т. е. въ сосѣдствѣ съ кочевниками, выходящими изъ Азіи, и въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ и сибирскихъ инородцевъ, заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ особенностей въ историческомъ развитіи всей нашей государственной и частной жизни.

Вопросъ — почему Россія такъ велика и какую роль играла при этомъ равнинность и рѣки—не особенно важенъ въ научномъ отношеніи. Здѣсь важно не то, почему страна велика, а не имѣла ли величина русскаго материка вліянія на характеръ всей общественной и частной жизни народа? Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, получаетъ уже смыслъ, потому что равнинность и многоводіе составляютъ одно изъ условій мѣстной природы страны, слѣдовательно ими обуславливаются разныя климатическія и экономическія условія и опредѣляется вліяніе природы на всю культуру общества.

Понятіе о природѣ имѣетъ весьма широкій смыслъ. Подъ природою нужно понимать рѣшительно всѣ внѣшнія вліянія, дѣйствующія такъ, или иначе, на организмъ человѣка. Здѣсь важны и большая или меньшая плоскость, т. е. равнинность страны, почва, климатъ, потому что отъ нихъ зависитъ растительность страны и слѣдовательно земледѣльческая культура и пища населенія. Здѣсь важны и естественныя богатства земли и характеръ ея растительнаго покрова, потому что ими опредѣляется промышленная дѣятельность народа. Наконецъ здѣсь важна и степень населенія, или величина материка, потому что отъ этого зависитъ большая или меньшая напряженность въ столкновеніяхъ людей и разнообразіе ихъ гражданскихъ отношеній.

Мѣстная природа слагается изъ чрезвычайно разнообразныхъ дѣтелей; каждый изъ нихъ имѣетъ свою важность и значеніе; но къ сожалѣнію современныя естественныя науки еще не настолько развиты, чтобы можно было указать въ точности на вліяніе каждаго отдѣльнаго фактора, совокупность которыхъ составляетъ то, что на-

зывается природой. Наука не знаетъ, какія именно перемѣны происходятъ въ организмѣ человѣка, если онъ живетъ въ печальной, холодной мѣстности и питается скудной растительной пищей. Наука не знаетъ, насколько измѣняется химическій составъ нервовъ и мозга человѣка, подвергающагося разнымъ матеріальнымъ влияніямъ; какъ именно и въ чемъ именно измѣняется его организмъ и отравленіи его растительной и животной жизни. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что, какъ сказалъ Георгъ Форстеръ, «исторія провведеній земли тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствами, мыслями и дѣйствіями», и справедливость этого можетъ быть доказана историческими фактами и сравненіями народовъ.

Природа Россіи, особенно древней, отличалась особенностями, которыя должны были обнаружить и особенное вліяніе на организмъ, а слѣдовательно и на характеръ русскаго человѣка. Вотъ свѣдѣнія, оставленные намъ иностранцами о внѣшнемъ видѣ русской природы. Путешественники, посѣщавшіе Россію, говорятъ согласно, что она была очень богата лѣсами. Иосафатъ Барбаро, бывшій у насъ въ XV столѣтіи, пишетъ, что «лѣтомъ въ Россіи никто не отваживается въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, поражаемыхъ оврестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми». Тоже самое говоритъ и Кантарини, но прибавляетъ, что Москва окружена обширными лѣсами, покрывающими все пространство Россіи. О дорогѣ отъ Москвы до Трокъ Кантарини говоритъ слѣдующее: «Нужно замѣтить, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 24 января по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха, чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень мы останавливались для обѣда, и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими; а также проруби на льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега. Подоживъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно сажались вокругъ костра и подкрѣпляли себя пищей; когда же одинъ боже начиналъ сильно забнутьъ отъ стужи, то мы переворачивались на другой».

Сто лѣтъ спустя, т. е. при Алексѣѣ Михайловичѣ, проѣхавъ по этой дорогѣ Ливезъ и говорить о ней тоже самое. По его замѣчанію,

путь отъ Олонецка до Москвы опасенъ отъ множества медвѣдей и слученъ по причинѣ непрерывныхъ лѣсовъ. Единственная дорога между этими городами шла по полосѣ вырубленнаго лѣса, шириной около 30 футовъ, съ бревенчатою по болотамъ настилкою. Отъ пустынности края, посольству, при которомъ находился Лизекъ, приходилось часто ночевать въ лѣсу. Выѣхавъ изъ Москвы, Мейербергъ, сдѣлалъ до Вязьмы 130 верстъ однимъ непрерывнымъ лѣсомъ, въ которомъ была только одна деревня — Царево-Займище. Близъ Москвы мѣстность была не лучше. Путешественники сдѣлали лѣтомъ 70 миль.

По замѣчанію Олеарія Московія, за исключеніемъ мѣстъ, расчищенныхъ изъ подъ лѣсовъ палежами, для образованія пашень, представляеть одинъ непрерывный лѣсъ, въ высшей степени изобильный дичью пернатой и четвероногой. О русскомъ холодѣ онъ говоритъ, что нѣтъ мѣха, который бы могъ защитить носъ, уши, руки и ноги отъ мороза. Въ первую свою поѣздку, въ 1634 году, Олеарій былъ свидѣтелемъ такого сильнаго мороза, что въ Москвѣ, на главномъ рынкѣ, находившемся передъ дворцомъ, земля дала трещину въ семнадцать сажень длины и въ футъ ширины; смола замерзала не достигая земли. Также былъ непріятенъ и лѣтній жаръ, не столько самъ по себѣ, сколько отъ множества мухъ, комаровъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ. На эту же непріятность жауется и Карлейль. Во время его пути, всякій день, при вставаніи утромъ, кто нибудь изъ свиты оказывался такъ искусаннымъ насѣкомыми, точно будто бы онъ страдалъ оспой. На протяженіи 500 лье сдѣланныхъ Карлейлемъ по болѣе населенной части государства, именно изъ Архангельска, чрезъ Устюгъ, Вологду, Ярославль въ Москву и потомъ чрезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, онъ видѣлъ лѣса постоянно. О дорогѣ отъ Москвы на Ревель Олеарій говоритъ, что по ней не встрѣчается ничего кромѣ лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и насѣкомыхъ.

Но особенно лѣсистъ былъ сѣверный край. По замѣчанію Герберштейна, народъ, живущій на Вагѣ, почти никогда не употребляетъ хлѣба и питается звѣрями. Жители Устюжской области также не употребляютъ почти никогда хлѣба, а питаются рыбой и звѣрями. Вятская область болотистая и безплодная. Въ ея лѣсахъ, говоритъ Мейербергъ, огромное количество меда, четвероногой дичи и рыбы, которыми питаются мѣстные жители, не заботясь о хлѣбѣ. По словамъ Олеарія Бѣлозерскій край такъ болотистъ, лѣсистъ и перепол-

ненъ рѣками, что проѣздъ въ него возможенъ только зимой, когда холодъ заморозитъ болота и рѣки. Вообще вся Новгородская и Псковская области были очень лѣсисты и болотисты.

Западъ отличался такой же лѣсистостью. Лѣса нынѣшней Гродненской и Волынской губерній Мейерберъ называетъ страшными. Тамосиные жители, дѣлая въ лѣсахъ палежи, получали безъ другаго удобрения, кромѣ земли, въ первые 3 — 4 года хлѣбъ въ огромномъ количествѣ. Такая же система земледѣлія существовала и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

На югѣ лѣсовъ было менѣе; а отъ южной части нынѣшней Тамбовской губерній шла ниже степь безлѣсная и ненаселенная. Около Брянска лежалъ громадный лѣсъ въ 24 мили шириной. На крайнихъ предѣлахъ его были расположены Брянскъ, Путивль и Черниговъ. Ниже Путивля шла степь вплоть до Тавриды. Западную границу степи составлялъ Кіевъ.

Каптарини, проѣхавшій всю степь сначала изъ Кіева югомъ на Астрахань, а потомъ изъ Астрахани на Рязань въ Москву, говоритъ, что степь очень велика и не имѣетъ ни малѣйшаго слѣда дорогъ. Онъ и его спутники оставались не рѣдко цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить коней. Апрель, ѣхавшій изъ Саратова въ Москву, зимой, первые три дня пути не встрѣчалъ ни деревьевъ, ни жилищъ. Путешествіе это было для него тѣмъ болѣе трудно, что нужно было везти съ собою дрова, воду и продовольствіе для людей и для лошадей. Такая же пустыня была и около Симбирска.

Изъ этихъ описаній слѣдуетъ составить такое общее заключеніе о характерѣ мѣстности, занятой русскими. Безпредѣльные, почти сплошные лѣса, а на сѣверѣ и совершенно сплошные, потому что Карлейль говоритъ, что наши лѣса составляютъ остатокъ огромнаго Герцинскаго лѣса, простиравшагося нѣкогда по всему сѣверу Европы и который ни въ одно изъ сосѣднихъ государствъ такъ не замѣтенъ какъ въ Россіи. Лѣса наполнены болотами и рѣками и вообще изобилуютъ водами, такъ что сообщеніе становится возможнымъ только зимой, когда рѣки и болота замерзнутъ. Изъ этого понятно, почему первыя селенія располагались по рѣкамъ и почему все движеніе населенія и торговля шли водяными путями — сухимъ путемъ было идти невозможно. Природа лѣсовъ не отличалась богатствомъ и разнообразіемъ растительности — сосна, ель, береза составляли главныя насажденія лѣсовъ сѣвера, а другія болѣе живо-

иссныя породы — дубъ, липа, росли въ при-волжскихъ мѣстахъ. Скудные растительностію лѣса, съ другой стороны, были богаты всякими звѣремъ, дичью, медомъ; а рѣки изобиловали рыбой. Избытокъ водъ и болотъ производилъ климатъ сырой, дождливый и холодный, короткое лѣто съ ранними осенними и поздними весенними морозами. Неприятность такого лѣта усиливалась множествомъ насѣкомыхъ — комаровъ, мухъ, оводовъ, слѣпней, осъ и машкоры. Зима отличалась продолжительностью и суровостью. Такой печальный климатъ при унылой природѣ и ровной однообразной мѣстности могъ имѣть на человѣка только подавляющее вліяніе; въ этой природѣ не могло заключаться ничего способнаго поселить къ ней особенную привязанность и ту любовь, какая замѣчается въ жителяхъ странъ болѣе богатыхъ разнообразіемъ растительности, внѣшней красотой мѣстности и благораствореннымъ климатомъ. Разнообразная и болѣе щедрая природа Западной Европы воспитала въ тамошнемъ человѣкѣ чувство изящнаго, любовь къ красотѣ и погребности этой красоты. Отсюда то стремленіе къ садамъ, къ устройству цвѣтниковъ, къ украшенію жилищъ разнообразной зеленью, какими отличаются жители Запада и особенно нѣмцы. Русская унылая природа не могла дѣйствовать такимъ образомъ на воображеніе человѣка; она наводила скорѣе грусть и уныніе, и оставляя воображеніе въ покоѣ, могла возбуждать только разсудочность. Вотъ почему въ русскихъ, даже и до сихъ поръ, когда условія страны измѣнились уже много, замѣтно совершенное равнодушіе къ красотамъ природы. Сердце и воображеніе русскаго человѣка не трогается никакимъ видомъ, ему ненужна зелень, онъ равнодушенъ къ цвѣтамъ, и если заводитъ садъ, то чисто съ экономическою цѣлью, чтобы получать отъ него выгоды. Нѣтъ ничего печальнѣе русскихъ деревень въ унылыхъ степныхъ мѣстностяхъ: ни травки, ни кустика, ни деревца; люди дикіе находятъ, что живется и такъ — безъ зелени, а заводить ее на потѣху, безъ выгоды, только тратить даромъ время. Въ до-Петровскую эпоху русскіе были еще равнодушнѣе; о садахъ они не имѣли никакого понятія и знали только огороды. Поэтому въ Москвѣ были очень недовольны, когда Елисавета - англійская приняла посланника Іоанна IV, Бекмана, въ Виндзорскомъ саду, который онъ назвалъ огородомъ и королева писала по этому случаю къ царю: «Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты и туда никого не пускаютъ только великихъ и люби-

мыхъ слугъ для чести, и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Слѣдовало бы его за эти лживыя и ложныя слова наказать и даже побить.» Очевидно, что москвичи не понимали разницы между садомъ и огородомъ. Впрочемъ это обстоятельство не мѣшало москвичамъ при случаѣ отстаивать садоводственную честь своего отечества. Такъ, когда Алексѣй, Михайловичъ отправилъ къ персидскому шаху посольство и Аббасъ поднѣвъ букетъ цвѣтовъ изъ золотого, стоявшаго предъ нимъ сосуда, спросилъ: «Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть-ли? То послы отвѣчали: «У великаго государя цвѣты этимъ подобные есть, піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разнообразныхъ цвѣтовъ много.» Отвѣтъ былъ уклончивый, потому что шахъ спрашивалъ о московскомъ государствѣ, а послы отвѣтили, что цвѣты есть у царя, но имъ и нельзя было отвѣтить иначе, потому что цвѣты не были въ обычаѣ народа, а водились только у иностранцевъ, да у тѣхъ изъ русскихъ, которые стали подражать иностраннымъ обычаямъ.

Первое вліяніе однообразной, равнинной и богатой лѣсомъ мѣстности заключалось въ томъ, что она, не возбуждая воображенія, задерживала и всѣ связанныя съ нимъ способности. (Отъ этого архитектура, живопись, музыка, поэзія не могла ни создаться, ни развиваться русскими и вотъ причина той бѣдности въ искусствахъ, какую представляла до-Петровская Русь. Развитію архитектуры мѣшало еще и другое обстоятельство. У древнихъ грековъ, бѣдныхъ лѣсами и богатыхъ горнокаменными породами, при климатѣ, требовавшемъ защиты отъ солнца, должны были необходимо явиться крытыя галереи; строительный матеріалъ допускалъ возможность разнообразной его обдѣлки и потому понятно, что явились архитектурныя украшенія, колонны, гортки. Русскій строительный матеріалъ былъ другаго сорта; изъ него могло быть здѣлано только бревно и больше ничего. Нужно было складывать избу прочную, отъ холода и непогоды. Тутъ шло дѣло не о наслажденіи природой, которой наслаждаться было нельзя, а о томъ, чтобы укрыться отъ вредныхъ климатическихъ вліяній. Не только избы крестьянъ, но даже и дома зажиточныхъ людей не имѣли внутри никакихъ украшеній. Стѣны были просто деревянные, голыя и только богатыя ризницы съ образами скрашивали нѣсколько эту пустоту. Живопись не могла развиваться, не только вслѣдствіе неблагоприятнаго вліянія печальной природы, но и вслѣдствіе религіознаго догмата... Но если природа съ одной стороны ста-

вила препятствіи развитію воображенія и вкуса, то этимъ самѣмъ она давала большой просторъ развитію другихъ способностей, имено разсудочности, расчету.

Въ ближайшей связи съ природою страны находится земледѣльческое хозяйство народа и его пища. По словамъ иностранцевъ, земледѣіе у насъ было лядное, т. е. выжигали мѣсто изъ подъ лѣса и сѣяли хлѣбъ на землѣ, удобренной золой. Такая система полеводства существуетъ у насъ еще и теперь въ мѣстахъ очень лѣсистыхъ. Эта система предполагаетъ недостатокъ луговъ и недостатокъ скота, что и было дѣйствительно въ до-Петровской Россіи. Но съ нею связывается еще и другое обстоятельство—непосѣдность, являющаяся вслѣдствіе кочеваго земледѣлія. Кочевое земледѣіе сообщаетъ кочевой характеръ и самому земледѣльцу. Отсюда та непривязанность къ землѣ, которую обнаруживали русскіе крестьяне, — непривязанность особенно усиливавшаяся тѣмъ, что крестьянинъ не былъ землевладѣльцемъ. Поэтому онъ бродилъ вѣчно отъ одного земельного собственника къ другому и вѣчно расчищалъ новыя мѣста для новыхъ наменъ. Разумѣется не одно это обстоятельство имѣло вліяніе на бродячесть народа. Императоръ Маврикій говоритъ, «что у славянъ недоступны жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землю, не имѣя ничего лишняго наружѣ и живя какъ разбойники.» Такая жизнь могла явиться только вслѣдствіе боязни грабежа и разоренія; а на то и на другое русскіе имѣли всегда возможность жаловаться. Сначала ихъ грабили и разоряли Авары, Ковары, потомъ явились Печенѣги, Половцы, княжескія усобицы, тамъ татары, тамъ польскія наслія, наконецъ вѣчныя внутреннія притѣсненія. Четыреста лѣтъ подобной жизни, въ мѣстности, неизмѣвшей ничего особенно привлекательнаго и при отсутствіи земельной собственности, должны были воспитать въ народѣ привычку къ бродячей жизни. Вотъ почему ни одинъ народъ Европы не находилъ такъ легко своего дома и не переселился на новыя мѣста, какъ русскіе. *Разбрестись розно* стало наконецъ даже обычнымъ выраженіемъ, которымъ народъ оканчивалъ всѣ свои жалобы къ царю на мѣстныя неудобства и на притѣсненія властей. Эта же вѣчная готовность бросить свое мѣсто, когда что нибудь не нравится, или стѣсняетъ, поддерживали въ народѣ любовь къ свободѣ; она создала поселенія русскихъ недо-

вольныхъ и раскольниковъ въ мѣстахъ глухихъ и пустынныхъ, способствуя такимъ образомъ русской колонизаціи; она же создала и казачество. Неосѣдность эта замѣчается даже до сихъ поръ въ русскомъ народѣ, и побѣгъ есть самая обыкновенная форма протеста, которую крестьянинъ выражаетъ свое неудовольствіе.

При всемъ обиліи въ лѣсахъ дичи, русскій не былъ охотникомъ и главнѣйшую его пищу составляли земледѣльческіе продукты его сельскаго хозяйства и рыба. Недостатокъ въ пищу мускульнаго фибрина не могъ сообщить населенію большой силы, потому что только мясо производить мясо. Въ настоящее время справедливость этого замѣчанія легко провѣрить сравненіемъ англійскаго рабочаго, питающагося ростбифомъ, съ лапландцемъ или гренландцемъ, живущимъ въ суровомъ климатѣ и питающимся преимущественно рыбой. Да и современный русскій крестьянинъ, въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ и лѣсистыхъ, можетъ служить живымъ подтвержденіемъ той же мысли. Здѣсь кстати опять припомнить Георга Форстера. «Имѣетъ ли пища вліяніе на ваши высшія отправленія? спрашиваетъ онъ. Имѣетъ ли она непосредственное или посредственное вліяніе на умъ и сердце? Пусть разрѣшатъ это наши внуки (Форстеръ жилъ въ прошедшемъ столѣтіи и путешествовалъ вмѣстѣ съ Кукомъ); мы знаемъ только съ достовѣрностью, что кротость, любовь и чувствительность сердца составляютъ существенныя черты характера человѣка, который питается плодами хлѣбнаго дерева.» И въ настоящее время кочующіе народы, питающіеся плодами и молокомъ, отличаются мирнымъ, кроткимъ характеромъ и добродушіемъ. Такъ было и прежде. Слѣдовательно очевидно, что и кротость и доброта славянъ, которую находили въ нихъ иностранцы, происходила преимущественно, а иногда и исключительно отъ ихъ растительной, прохлаждающей пищи, заключающей мало началъ для мускульнаго фибрина. Скучная пища, бѣдная природа, суровый климатъ, трудности, какія приходилось выносить въ жизни отъ разныхъ причинъ, политическихъ и неподитическихъ, — воспитали въ русскихъ выносливость, терпѣливость и снисходительность. Неолопамятство и выносливость русскихъ можно подтвердить цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ. Герберштейнъ такъ охарактеризовалъ русскаго воина: «Татаринъ, сброшенный съ коня, лишанный оружія, тяжело раненный, все еще обороняется до послѣдняго вздыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ. Турокъ, видя себя

въ безнадежномъ положеніи, начинаютъ смиренно умолять врага о помилованіи. Московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помощи.» Правда, что Фила, воевода Коломана, отзывался о русской храбрости и стойкости не особенно похвально; онъ говорилъ, что одинъ камень много горшковъ побиваетъ; но это отзывъ пристрастнаго и самоувѣреннаго врага; русскіе имѣли много случаевъ доказать, что они вовсе не такіе горшки, какъ отзывался о нихъ венгерскій воевода. Въ открытомъ полѣ наши точно не были сильны; взятіе укрѣпленій и приступы имъ не всегда удавались, за то они отличались въ укрѣпленіяхъ и могли долго и стойко выносить осаду. Лучшимъ фактомъ, въ подтвержденіе этого, можетъ служить защита Шенномъ Смоленска, такъ прославившая воеводу и затѣмъ неудачная осада Смоленска тѣмъ же самымъ героемъ Шенномъ, за которую онъ заплатился въ Москвѣ головой. Отличаясь болѣе миролюбивымъ характеромъ русскіе, разумѣется, не особенно любили войну. Правда, что князья имѣли страсть вздорить и драться; но въ своихъ войнахъ они употребляли дружины, состоявшія обыкновенно изъ разныхъ искателей приключеній и безпокойныхъ головъ. Это даже и на воинственныхъ князьяхъ отражалось общее миролюбивое настроеніе и, разумѣется, ни одинъ народъ не представляетъ столько случаевъ, гдѣ войска сходились и расходились не сразившись, какъ русскіе. Это особенно было замѣтно въ сѣверномъ русскомъ населеніи, отличавшемся большимъ хладнокровіемъ и расчетливостію, чѣмъ южная и югозападная Русь. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Князья Святославъ Ярославичъ Тверской, Даниилъ Александровичъ Московскій и Новгородцы, выступивъ противъ князя Дмитрія Александровича Переяславскаго, и сойдясь съ его войскомъ у Дмитровымъ, простояли пять дней и заключили миръ, не вступая въ сраженіе. Князь Юрій Московскій и Михаилъ Тверской сошлись съ своими войсками на Волгѣ, не далеко отъ Костромы, простояли долго и заключили договоръ. Подобная же встрѣча произошла у этихъ же самыхъ князей потомъ и въ другой разъ. Князья Василій Михайловичъ Кашинскій и Всеволодъ Александровичъ Холмскій ссорились между собой очень сильно и, какъ говоритъ лѣтописецъ, была людямъ тверскимъ тягость и многіе люди тверскіе отъ такого нестроевнн разошлись и чуть-чуть не дошло даже до кровопролитія, а кровопролитія все-таки не было. Въ теченіе 234 лѣтъ, съ половины XIII и почти до конца XV столѣтія, изъ девятиста извѣстій о междуособ-

ныхъ войнахъ на сѣверѣ Россіи упоминается только о двадцати битвахъ; слѣдовательно семьдесятъ походовъ обошлись безъ кровопролитій. Подобную же черту можно подмѣтить и нынче между крестьянами. До ссоры доходить у нихъ дѣло легко; противники сойдутся, побранятся, погрозятся другъ-другу, думаешь что подерутся, а дѣло кончится одними ругательствами и угрозами. Что въ народѣ не было жестокости видно изъ того, что до Московскаго самовластия Русь не знала ни смертной казни, ни пытокъ, ни кнута. Убійство, сдѣланное случайно въ дракѣ, въ нетрезвомъ видѣ, или другимъ случайнымъ образомъ, не считалось уголовнымъ преступленіемъ и наказывалось денежной пеней. Англія въ это время тоже не знала смертной казни и всѣ жестокости, которыми такъ поражала потомъ Европа и Русь, и которыя часто существуютъ и донныѣ, были изобрѣтены впоследствии учеными и человѣколюбивыми юристами. Разуетсяя, нельзя утверждать, чтобы вовсе не встрѣчались случаи звѣрства и жестокости, неизбежные между людьми нецивилизованными. Но подобныя вещи случались только или на войнѣ, или въ пьяномъ видѣ, т. е. въ такія минуты, когда человѣкъ былъ разгоряченъ и не находился въ нормальномъ состояніи. Извѣстно напримѣръ, что нижегородцы, въ одномъ походѣ противъ Мордвы, затравивали нѣсколько человѣкъ собаками. Смоленцы во время похода на Литву отличились разъ тоже страшною жестокостію: они сажали младенцевъ на копыя, вѣшали дѣтей головами внизъ на жердахъ, взрослыхъ давили бревнами. Случалось, что русскіе также не церемонились и съ своими одноземцами. Вятчане въ своихъ походахъ съ Шемякой переморили много православныхъ. Они сжигали ихъ въ избахъ, выжигали глаза, сажали младенцевъ на колья и продавали плѣнныхъ татарамъ. При всемъ томъ подобныя жестокости не имѣли общаго характера; воображеніе не брало особеннаго перевѣса надъ разсудочностію и расчетомъ, и страстность являлась только иногда, моментально и въ видѣ исключенія. Отъ этого и въ своей религіозности русскій не выказывалъ страстныхъ увлеченій и фанатическихъ наклонностей...

Но одно изъ главныхъ вліяній на развитіе общественной жизни и образованіе народнаго характера имѣла величина Россіи, т. е. рѣдкость населенія относительно пространства. По первой ревизіи 1722 года считалось у насъ 5,062,500 мужчинъ податныхъ сословій, изъ этого нужно заключить, что при Иванѣ Грозномъ, населеніе не было болѣе полутора милліона. И это незначительное населеніе было расположено на площади въ 150,000 географическихъ миль, или на

5 кв. верстъ приходилось по одному человѣку, т. е. населеніе было вполновну рѣже, чѣмъ нынче въ Архангельской губерніи. При такой разсѣдненности селъ, каждый поселокъ жилъ самъ по себѣ, какъ отдѣльная колонія; экономической связи между частями не было, общихъ экономическихъ интересовъ тоже, гражданская связь и гражданскія отношенія были крайне слабы, потому что люди, раздѣленные десятками, а иногда и сотнями верстъ, не могли имѣть никакихъ сношеній, каждый починокъ былъ самъ по себѣ и могъ обходиться вполне безъ всякаго сосѣдства. Такая жизнь была весьма удобна для того, чтобы развивать въ людяхъ чувство независимости, личной свободы, и произвола, но была совершенно негодна для развитія гражданственности и выработки общественныхъ отношеній. Поэтому то народъ и могъ жить нѣсколько вѣковъ сряду въ первобытной простотѣ, не обнаруживая ни гражданскихъ стремленій, ни попытки къ гражданскому устройству; весь его гражданскій смыслъ обнаруживался въ томъ, что онъ переходилъ на новыя мѣста, когда старья по чему-нибудь ему не нравились. Эта ширь, разъединяя людей, лишала ихъ только силы; для разбитаго поодинокѣ народа не была возможна ни гражданская, ни военная стойкость. У него не было никакихъ средствъ для защиты ни противъ притѣсняющаго его царскаго воеводы и тиуна, ни противъ разоряющаго его непріятеля. Одно средство спасенія заключалось въ бѣгствѣ. Кто могъ воспитать въ себѣ пассивное мужество, тотъ воспиталъ его и въ себѣ и въ своихъ потомкахъ; но у кого не достало подобной способности, тотъ искалъ независимой жизни или въ лѣсныхъ дебряхъ сѣвера и въ Сибири, или въ заволжскихъ и въ южныхъ степяхъ, между казаками. Городская жизнь была совершенно подобна деревенской и отличалась такимъ-же малолюдствомъ, слѣдовательно экономическимъ и гражданскимъ безсиліемъ. Вотъ какое населеніе было въ нѣкоторыхъ городахъ во второй половинѣ XVII вѣка, или точнѣе въ 1654 году, въ то время когда въ московскомъ государствѣ свирѣпствовала моровая язва. Въ Калугѣ было жителей 2613 человѣкъ, изъ нихъ умерло отъ чумы 1836 человѣкъ и осталось въ живыхъ только 777 человѣкъ. Въ Торжкѣ все населеніе составляло 910 человѣкъ, осталось въ живыхъ 686; въ уѣздѣ было 3018 жителей, изъ нихъ умерло 217 чел. Въ Звенигородѣ жителей 361 чел. умерло 164 чел. Въ уѣздѣ—жителей 1396 человѣкъ, умерло 707. Въ Коломенѣ жителей 409 человѣкъ, изъ нихъ умерло 109. Въ уѣздѣ—

жителей 2447, умерло 1539 челов. Въ Твери—724, жителей, умерло 336. Въ Тульѣ жителей 2568, изъ нихъ умерло 1808 челов. Въ Угличѣ жителей 695, умерло 319. Въ Суздалѣ было жителей 2567, умерло 1177. Но безпрестанныя войны и раззоренія отъ кочевниковъ нарушали и эту невыгодную пропорцію, т. е. искусственнымъ образомъ увеличивали пространство уменьшеніемъ числа жителей. Въ теченіе періода времени, о которомъ уже было сказано, что въ немъ происходило 90 междоусобныхъ войнъ, случилось вромѣ того 133 непріятельскихъ нашествій, и въ томъ числѣ 48 татарскихъ, т. е. въ теченіе 234 лѣтъ случилось 232 военныхъ опустошеній. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какъ кочевники пустошили страну, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1095 году Половцы подошли къ Юрьеву и не смотря на то, что получили отъ князя Святополка плату за миръ, не уходили въ свою степь. Тогда Юрьевцы, наскучивъ жизнью въ безпрестанномъ страхѣ, бросили свой городъ и ушли всѣ въ Кіевъ. Половцы сожгли пустой Юрьевъ. Князь Святославъ жаловался, что онъ получилъ во владѣніе Черниговъ, съ семью пустыми городами, въ которыхъ сидятъ только псаря, да Половцы. Въ междоусобіе Изяслава Давидовича съ князьями кіевскими и черниговскими Половцы, кромѣ опустошенія нѣсколькихъ волостей и не считая ими убитыхъ людей, увели въ плѣнъ изъ одной смоленской волости болѣе 10,000 человекъ. Флетчеръ говоритъ, что по дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ онъ видѣлъ до 50 большихъ деревень совершенно пустыхъ. Олеарій пишетъ, что мѣстность ниже Симбирска совершенно необработана и необитаема и покрыта развалинами городовъ и селеній, разрушенныхъ нѣкогда Тамерланомъ. Характеръ опустошеній, производимыхъ дикими ордами—печенѣгами, половцами, манголами—былъ всегда одинъ и тотъ же. Они неистовствовали подъ жителями, не давая никому пощады, разрушали города и селенія до основанія; загоняли въ плѣнъ десятками тысячъ, а если не хотѣли брать въ плѣнъ, то рѣзали сплошь, не разбирая ни пола, ни возраста. Что же касается до опустошеній, производимыхъ у себя самими русскими, во время княжескихъ усобицъ, то авторъ слова о полку Игоревѣ говорилъ объ этомъ времени такъ: «Земля русская съялась и росла тогда усобицами, на ней рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть па добычу».

Люди, разъединенные непроходимыми болотами, рѣками и лѣсами

и подавляемые поодиночѣ внѣшними врагами и даже своими одноземцами, могли развивать въ себѣ только сознаніе безсилія предъ такой сокрушающей ихъ природой; бороться съ этими вліяніями было невозможно и оставалось только одно—воспитывать въ себѣ пассивное мужество и способность переносить потери и лишенія съ стойкостью, заслуживавшей лучшей участи. Континентальное положеніе страны усиливало еще болѣе неблагоприятное вліяніе мѣстной природы, потому что не давая выхода народнымъ силамъ, мѣшали развитію активности. Природа Швеціи не была лучше русской природы, но Швеція окружена морями и норманны сдѣлались пиратами. Необходимость существовать однимъ военнымъ грабежѣмъ сдѣлала изъ норманновъ, народъ самый воинственный. Не было въ Европѣ страны, не испытавшей на себѣ силу норманскаго оружія. Они покорали Ильменскихъ славянъ, завладѣли Англіей, основали королевства во Франціи, въ Испаніи, опустошали берега Средиземнаго моря, служили Византіи, наконецъ дали правителей Россіи. И все это явилось потому, что скудная природа страны не давала имъ дома средствъ для существованія, а окружавшее ихъ море представляло возможность дѣлать легко набѣги на своихъ сосѣдей и развивало въ людяхъ мужество, стойкость и неустрашимость. Континентальная страна не представляетъ ничего подобнаго. Выхода силамъ нѣтъ и потому они по необходимости должны или упасть все болѣе и болѣе, или сосредоточиться и развиться въ разныя пассивныя свойства народнаго характера. Но и русская натура, закаленная своей суровой природой, когда обстоятельства способствовали развитію активности, создавала и у насъ своихъ норманновъ; то были новгородскіе ушкуйники.

Ушкуйниками были новгородскіе удалыцы, составлявшіе разбойничьи шайки и производившіе грабежи по Волгѣ и по другимъ, впадающимъ въ нее рѣкамъ, на ушкуяхъ, или въ лодкахъ особой конструкціи. Въ водянымъ набѣгамъ приучили новгородцевъ Шведы, нападавшіе на новгородскія владѣнія. Отважность нашихъ удалыцовъ была такъ велика, что они на своихъ ушкуяхъ ходили даже въ Норвегію. Но особенно доставалось отъ нихъ Волгѣ, когда развитіе торговли обѣщало хорошую поживу. Такимъ дѣломъ не гнушались даже и новгородскіе бояре, составлявшіе иногда свои шайки, чтобы грабить бесерменовъ и раззорять невѣрныхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключалась причина, почему новгородское вѣче смотрѣло снисходи-

тельно на подвиги этихъ удалцовъ, хотя они зачастую грабили и своихъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ сказывалось національное чувство: невѣрныхъ ушкуйники грабили и убивали, а своихъ только грабили. Только разъ они поступили съ своими жестоко и то за предательство. Въ 1375 году двѣ тысячи новгородцевъ на семидесяти ушкуяхъ поплыли въ Кострому. Костромичи, въ числѣ пяти тысячъ, выступили противъ нихъ съ оружіемъ; но ушкуйники, раздѣлившись на два отряда и устроивъ засаду, разбили костромичей. Кострому грабили они цѣлую недѣлю, чего нельзя было взять съ собой, то сожгли и, набравъ много плѣнныхъ, особенно женщинъ, поплыли по Волгѣ внизъ. По пути они ограбили и сожгли Нижній Новгородъ и затѣмъ, поплыли въ Астрахань, распродавъ по пути плѣнныхъ болгарамъ. Но въ Астрахани удалцы поплатились жестоко за свой дикій набѣгъ. Татарскій князь заманилъ ихъ къ себѣ и истребилъ всѣхъ до одного человѣка, и награбленное добро взялъ себѣ.

II.

Вліянія нравственныхъ.

Внѣшняя природа, дѣйствуя на организмъ человѣка, сообщаетъ ему тотъ или другой закалъ, т. е. создаетъ въ немъ непримѣнно извѣстнаго рода впечатлительность и особенныя органическія способности, по которымъ въ немъ ливится или перевѣсъ воображенія надъ разсудочностію, или перевѣсъ разсудочности надъ воображеніемъ, пассивность или активность, т. е. способность переносить терпѣливо и молча гнущія внѣшнія вліянія, или стремленіе освободиться отъ нихъ; воинственность или миролюбивое направленіе; способность большой или меньшей прогрессивности, находящейся въ прямой связи съ активными способностями. Все это зависитъ исключительно отъ качествъ организма и тѣхъ его физиологическихъ особенностей, которыя вырабатываются въ немъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе благопріятной для организма внѣшней природы. Что же касается до такъ называемыхъ нравственныхъ качествъ, то они зависятъ отъ того, что именно и въ какомъ видѣ удастся узнать людямъ и какъ заставить ихъ дѣйствовать обстоятельства. Въ этомъ

отношеніи вліяніе знаній совершенно однородно съ вліяніемъ вѣтшей природы. Богатая природа разовьетъ въ человѣкѣ воображеніе, скудная задержитъ эту способность. Бѣдная приморская страна сдѣлаетъ изъ своего жителя предприимчиваго и смѣлаго морехода; бѣдная континентальная земля создаетъ скромнаго и невзыскательнаго домохозяина, умѣющаго ограничивать свои желанія и довольствоваться малымъ. Смотря потому, въ какой странѣ поселится человѣкъ, изъ него и выйдетъ то, что можетъ выйдти подъ ея вліяніемъ. Точно также и съ знаніями; человѣкъ приметъ тѣ, какія получаютъ къ нему доступъ, а доступъ знаній, въ началѣ исторической жизни народа, зависитъ отъ его сосѣдства. Изъ всѣхъ нравственныхъ вліаній самое могущественное, разумѣется, религіозное. Но въ какомъ видѣ оно будетъ принято народомъ и какое получить въ немъ направленіе—зависитъ отъ его органическихъ условій, отъ большой или меньшей силы расудочности или воображенія, и отъ традиціонныхъ отношеній.

Восточные славяне поклонялись физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ — домашнимъ геніямъ. Славяне вѣрили въ загробную жизнь и полагали, что души умершихъ родителей наблюдаютъ за благосостояніемъ на землѣ ихъ потомковъ. При разбросанной, одиночной жизни и недостаткѣ общности, религія имѣла больше домашній, семейный характеръ. А отъ этого религія восточныхъ славянъ не развилась до размѣровъ общаго богослуженія; у нихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ, ни общенациональныхъ празднествъ. Вѣра въ загробную жизнь и въ связь съ духами создала волхвовъ, кудесниковъ, вѣдьмъ и вѣдуновъ. Сходство языческихъ вѣрованій славянъ, съ языческими вѣрованіями своихъ сосѣдей нѣмцевъ и финновъ воспитало въ славянахъ большую религіозную и национальную терпимость. Эта терпимость продолжалась у насъ и въ первыя времена христіанства. Святославъ хотя и не слушалъ убѣжденій своей матери и не принималъ крещенія, но за то и не запрещалъ его другимъ. Язычники только смѣялись надъ христіанами. Впрочемъ, когда язычники увѣрили Святослава, что неудача военныхъ походовъ происходитъ отъ христіанъ, находившихся въ дружинѣ, то онъ сталъ ихъ преслѣдовать и даже разорилъ въ Кіевѣ христіанскіе храмы; а между тѣмъ оставилъ своихъ дѣтей при ихъ бабкѣ христіанкѣ. Подобной же терпимостью отличались русскіе и потомъ. Такъ, Нов-

городцы-христиане не выказывали никакого усердія къ крещенію язычниковъ - инородцевъ и даже навлекли на себя за это упреки шведовъ. Но подобная терпимость могла быть свойственна народу, а не князьямъ, привывшимъ къ войнамъ и къ военному постою. А потому и крещеніе Руси совершалось вовсе не такъ мирно, какъ воображаютъ у насъ обыкновенно. Въ Кіевѣ оно обошлось безъ шума, потому что Кіевъ лежалъ на торговомъ пути въ Византію; чрезъ него проходили въ Грецію варяжскія дружины, въ Кіевѣ наконецъ производилась большая торговля и происходили постоянныя сношенія съ Константинополемъ. Поэтому, еще до появленія норманскихъ князей въ Россіи, въ Кіевѣ уже были христиане и число ихъ постоянно увеличивалось. Ольга приняла христианство потому, что познакомилась съ нимъ въ Кіевѣ и видѣла хорошую, нравственную жизнь {христианъ. Только отъ свычки съ христианами языческаго населенія Кіева и княжеской дружины, въ которой было тоже много христианъ, Владимиру удалось такъ легко придать христианству характеръ государственной религіи. Но не такъ легко крестилась остальная Русь. Послѣ крещенія кіевского Владиміръ отправилъ Добрыню съ епископами крестить народъ и въ остальной Руси. Добрыня отправился вверхъ по Днѣпру и далѣе до Великаго Новгорода. Хотя и здѣсь уже было христианство и даже существовала церковь, по господствующей религіей оставалось все еще язычество. Когда Новгородцы узнали, что Добрыня идетъ ихъ крестить съ военной силой, то собравшись на вѣче поклялись не пускать его въ городъ и не позволять испровергнуть идоловъ. Добрыня старался уговорить выступившихъ противъ него новгородцевъ, но они вывезли двѣ камнестрѣльныя машины, поставили ихъ на мосту и не хотѣли рѣшительно слушать Добрыню. А между тѣмъ священники ходили по городу, и кто не хотѣлъ креститься добромъ, тѣхъ тащили въ воду силой. Новгородскій тысяцкій Угоняй, разѣзжая по городу, возбуждалъ пародъ противъ крещенія: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе», говорилъ онъ. Народъ, озлившись на насиліе, винулся на домъ Добрыни, разграбилъ его, убилъ жену Добрыни и нѣкоторыхъ изъ его родни. Послѣ этого тысяцкій князя Владиміра, Путята, переѣхалъ ночью черезъ Волховъ, съ пятьюстами воинами, вошелъ въ городъ, схватилъ Угоняя и другихъ знатныхъ новгородцевъ и отправилъ ихъ къ Добрынѣ. Узнавъ объ этомъ Новгородцы, въ числѣ 5000, напали на Путяту, другіе бросались

разрушать церковь и грабить дома христіанъ. Тогда Добрыня пошелъ на выдучку своихъ и велѣлъ жечь городъ. Новгородцы, испугавшись, кинулись тушить пожаръ, а люди знатные и богатые пошли къ Добрыни просить мира. Народу не оставалось ничего болѣе какъ уступить силѣ и принять крещеніе. Одни пошли къ рѣкѣ добровольно, другихъ поволокли войны силой. Но и тутъ язычники старались еще вернуться и многие некрещенные увѣряли, что они крещены. Чтобы устранить сомнѣніе, крещенымъ надѣвали на шею крестки, и у кого креста не было, тѣхъ тащили крестить. Весь этотъ шумъ и кровопролитіе произошли вовсе не потому, чтобы христіанство было такъ ненавистно Новгородцамъ, а только отъ военнаго усердія Добрыни, оскорбившаго своимъ насиліемъ новгородскую гордость. Подобнымъ же образомъ, хотя и съ меньшимъ кровопролитіемъ, крестилъ Добрыня и въ другихъ мѣстахъ.

Христіанство, вводимое такимъ путемъ, должно было еще долго бороться съ языческими вѣрованіями и обычаями. Язычникамъ христіанство не нравилось особенно потому, что оно требовало строгой жизни, къ которой не привыкли славяне. «Руси есть веселье бити, сказалъ Владиміръ, не можетъ быть безъ того». А христіанство требовало, чтобы отъ этого веселья отказывались. Потомъ христіанство смотрѣло строго на брачныя отношенія, къ которымъ славяне тоже не привыкли. Славяне вообще были весьма падки къ женщинамъ, а Владиміръ превзошелъ въ этомъ отношеніи самыхъ даже ревностныхъ полководцевъ Магомета, такъ что ни одинъ турецкій султанъ не имѣлъ у себя такихъ гаремовъ, какіе были у кіевского князя. Кромѣ пяти законныхъ женъ у Владиміра было 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлградѣ и 200 въ селѣ Берестовѣ, и того 800! Лѣтописецъ говорить, что онъ былъ несытъ блуда. Разумѣется, бѣдные люди не имѣли возможности обзаводиться такъ богато, но и у нихъ было въ обычаяхъ имѣть по нѣскольку женъ. И всего это христіанство ихъ лишило. Понятно, что принятое во многихъ мѣстахъ по принужденію, оно не пускало крѣпкихъ корней и народъ держался того, что было ему болѣе по вкусу. Обычай имѣть двухъ женъ сохранялся въ народѣ долго; народъ приносилъ жертвы своимъ прежнимъ богамъ, которыхъ христіанскіе попы называли бѣсами; народъ не вѣнчался у священниковъ, думая что этотъ обрядъ существуетъ только для князей, да для знатныхъ; больныхъ дѣтей женщины носили къ волхвамъ; явилась и нелюбовь къ духовнымъ лицамъ, такъ

что встрѣча черноризца считалась несчастной и чтобы не случилось чего дурнаго встрѣтившійся возвращался домой. «На игрищахъ видимъ множество людей, говорить лѣтописецъ, какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло отъ дьявола замышленное, а церкви стоять пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви». Немило было христіанство народу и потому, что оно вооружалось противъ народныхъ увеселеній, пѣсенъ, плясокъ и игръ, сохранившихся со временъ язычества.

Вообще христіанство прививалось не съ особенною быстротою и языческія понятія и знанія уступали туго христіанскимъ идеямъ. Когда въ 1092 г. случилась на югѣ какая-то смертоносная язва, то народъ приписывалъ ее ударамъ мертвецовъ, вѣдвшихъ по воздуху. Въ Ростовской области сдѣлался разъ голодъ. Въ это время пришли изъ Ярославля два волхва и стали увѣрять, что они знаютъ, кто держитъ хлѣбъ. Въ каждомъ погостѣ, куда они приходили, они указывали на лучшихъ женщинъ и говорили: «вотъ эти держатъ жито, эти медъ, эти рыбу». У приводныхъ къ нимъ женщинъ они разрѣзывали тѣло за плечами и ловко показывали, будто бы внимаютъ изъ разрѣза жито, или медъ, или рыбу. Женщинъ этихъ волхвы убивали, а имущество ихъ забирали себѣ. При князѣ Глѣбѣ Святославичѣ явился въ Новгородѣ волхвъ, началъ выдавать себя за бога, хулить христіанство, говорилъ, что все знаетъ и хотѣлъ перейти пѣшкомъ Волховъ. Народъ повѣрилъ волхву и хотѣлъ убить епископа. Тогда епископъ, облачившись и взявъ крестъ, сказалъ народу, что кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему; а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту. Князь Глѣбъ съ дружиной присталъ къ епископу, а народъ пошелъ за волхвомъ. Но Глѣбъ убилъ его и народъ разошелся. Вообще народъ держался крѣпко за волхвованье и поученія высшихъ пастырей церкви помогали мало. Во времена болѣе къ намъ близкія волхвованье и вѣра въ чародѣйство была еще въ полной силѣ, даже между людьми, стоявшими во главѣ управленія. О Годуновѣ говорятъ, что онъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощью привлекалъ къ себѣ любовь царя. Но вотъ любопытное извѣстіе и объ отравленіи крымскаго царевича Муратъ Гирея, въ Астрахани, относящееся къ царствованію Федора Иоанновича. Царевича испортили вѣдунъ, присланный бусурманами. Воевода привелъ лекаря араба, но тотъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать, пока не приведутъ вѣдуновъ. Вѣдуновъ

переватали, стали ихъ мучить и они сказали, что если кровь боль-ныхъ не замерзла, то можно пособить. Тогда арабъ велѣлъ колду-намъ выбросить изъ себя въ лаханъ всю кровь, которую они выпили изъ соннаго царевича, его женъ и другихъ татаръ. Кровь царевича и одной изъ его женъ, по словамъ колдуновъ, оказалась замерзшей и потому спасти ихъ не было возможности. По смерти царевича воеводы донесли обо всемъ царю и тотъ отправилъ въ Астрахань Астаея Пушкына, съ приказаньемъ пытать вѣдуновъ, узнать отъ нихъ, по чьему умыслу они испортили царевича и потомъ ихъ сжечь. Пуш-кинъ пыталъ ихъ весьма усердно, но тѣ ничего не сказали. Тогда арабъ далъ совѣтъ положить имъ въ ротъ конскія удила, повѣстл ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ; тутъ они повинились во всемъ. Когда жгли колдуновъ, слетѣлось множе-ство сорокъ и воронъ. Когда Дмитрій самозванецъ былъ убитъ и похороненъ, то пошли слухи, что сильные морозы стоятъ по его волшебству и что надъ его могилой дѣлаются разные чудеса. По приказанью Шуйскаго трупъ вырыли, сожгли и, смѣшавши пепель съ порохомъ, выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ Дмитрій. Вообще Шуйскій отличался великимъ суевѣремъ и въ сво-ихъ грамотахъ объявляя народу прямо, что Лжедмитрій прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ. Въ 1632 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пи-салъ искоскямъ воеводамъ, что ему донесли изъ Вязьмы, будто баба-вѣдуня наговариваетъ въ литовскихъ городахъ на хмѣль, отправляемый въ Россію, чтобы навести на насъ моровую язву. Поэтому запрещалось, подъ смертною казною, покупать хмѣль въ Лявѣ. Константинопольскій патріархъ Кирилъ извѣщалъ въ 1630 году царя чрезъ синастрійскаго митрополита Іоакима, чтобы госу-дарь велѣлъ остерегать свое здоровье отъ грамотъ турецкаго султана и его подарковъ: — не случилось бы какого нибудь насылочнаго дурна, потому что турецкій султанъ сердитъ на царя за его миръ съ поль-скимъ королемъ. Послѣ того, какъ само правительство вѣрило всему, и воспитывало народъ въ суевѣрїи, не должно казаться страннымъ, что въ 1606 году пытали огнемъ въ Перми и дали три встряски крестьянину Талеву, оговоренному въ томъ, что онъ напускаетъ на людей якоту.

Новымъ идолъ, явившимся къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и вновь создававшемуся, подъ византійскимъ вліяніемъ, иному міросозерцанію приходилось выдерживать весьма продолжительную борьбу съ старыми

славянскими понятиями, сложившимися при обстоятельствах, способствовавших полной личной свободѣ. Дѣло это было тѣмъ труднѣе для представителей церкви, что и само духовенство по своимъ понятіямъ и образу жизни почти не отличалось отъ народа, который оно должно было поучать. Лѣтописецъ говоритъ, что церковей наставляли много, а священниковъ нѣтъ; и вотъ полезъ въ духовные всякій, кому не хотѣлось работать. Когда митрополитъ Θεодосій повыгналъ недостойныхъ священнослужителей, то многія церкви остались безъ священниковъ. Геннадій Новгородскій, въ донесеніи къ митрополиту Симону, рассказываетъ про свою возню при выборѣ священниковъ вотъ что: «приведутъ ко мнѣ мужика: я велю дать ему читать апостоль; а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь—онъ и по тому едва бредеть; я ему откажу—а онъ кричитъ: земля, господинъ, такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотъ умѣлъ; но въдъ это всей землѣ поворъ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить. Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совѣтъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, да неусердно, а потому и живетъ долго». Такіе грамотѣи были, разумѣется, плохими помощниками при устройствѣ церковныхъ порядковъ. Въ 1545 году десятники жаловались новгородскому архіепископу, что священники пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ двоеженцовъ и троеженцовъ, другихъ вѣнчаютъ четвертымъ и пятымъ бракомъ. На церковномъ соборѣ 1551 года говорилось, что монахи и монахини бродятъ по міру, просвири надъ просвирами приговариваютъ; монахи и попы пьянствуютъ, вдовы попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ. Въ церквахъ стоять въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы поютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страха стоять и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собой и въ монастыряхъ тоже. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ; на Великъ-день пасху, сыры, яйца, рыбу, а въ другіе дни калачи, пироги, блины, корован и всякіе овощи. Въ Москвѣ все это вносятся въ жертвенникъ и въ алтарь. Былъ обычай, что когда дѣти рождаются въ такъ называемой сорочкѣ, то ее приносили къ священнику и тотъ клалъ ее на престолъ до шести недѣль. Мужчины и женщины, мо-

нахи и монахини мылись въ баняхъ виѣсть. Патріархъ Іосифъ жаловался, въ царствованіе Михаила Федоровича, что дѣти поповъ и мірскихъ людей безчинствуютъ въ алтарѣ во время службы; во время церковнаго пѣнія ходять шпыни и отъ нихъ въ церквахъ «великая смута и мятежъ;» они то бранятся, то дерутся; иные притворяются налоумными, другіе во время службы ползаютъ, пищать и въ простыхъ людяхъ возбуждаютъ великій соблазнъ. На соборѣ 1503 г. было постановлено, чтобы монахи и монахини не жили въ монастыряхъ виѣсть, и что если попъ или дьяконъ напьется пьянъ, то чтобы на другой день обѣдни не служилъ. Въ кельи къ монахамъ ходили женки и дѣвки. Даже и въ отдаленномъ Соловецкомъ монастырѣ монахи вели довольно веселую жизнь: тамошніе старцы любили особенно водку и красное нѣмецкое вино и держали ихъ у себя въ кельяхъ.

Все это, разумѣется, было не хорошо; но еще хуже, что старцы обнаруживали наклонности, несогласныя съ обѣтомъ смиренія и послушанія. Напримѣръ, въ Кирилло-Бѣловерскомъ монастырѣ завелся разъ настоятель довольно свободнаго житія и когда его укорялъ въ этомъ святой старецъ Досифей, то настоятель его билъ. Блаженный старецъ былъ уже много разъ битъ игуменомъ; но разъ игуменъ такъ толкнулъ блаженного, что тотъ упалъ на землю какъ мертвый. Выздоровѣвши Досифей пришелъ къ игумену и сказалъ ему: «хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ.» Строптивый игуменъ ушелъ изъ монастыря. На мѣсто его выбрали другаго, и тоже изъ чужаго монастыря, любившаго говорить за трапезой о вещахъ бесполезныхъ. Благочестивые старцы начали его удерживать, но игуменъ по прикѣру своего предшественника колотилъ ихъ за то палкой. Ушелъ и этотъ. Выбрали третьяго. Тотъ оказался тоже разрушителемъ монастырскаго благочинія, такъ что всѣ лучшіе старцы разбѣжались. Въ томъ же монастырѣ былъ старецъ Александръ, изъ знатныхъ и богатыхъ людей, который бранилъ игумена и старцовъ б..... дѣтлин, а прочихъ монаховъ и служителей колотилъ, билъ плетью, сажалъ на цѣль и ковалъ въ желѣза. Старцы жаловались на него царю. Но царь имъ отвѣчалъ, что они напрасно жалуются, потому что сами виновны, принимая къ себѣ знатныхъ и богатыхъ съ цѣлой дворней. «Если намъ, говоритъ Иванъ IV, благоволятъ Богъ у васъ постриться, то монастыря у васъ не будетъ, а виѣсто его будетъ царскій дворецъ!» Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы. Постригае-

мый дасть обѣтъ повиневаться игумну, слушаться всей братіи и любить ее; но Шереметеву какъ назвать монаховъ братіемъ? У него и десятый холопъ, что въ кельи жаветь, ѣсть лучше братій, которые ѣдятъ въ трапезѣ». Такъ своевольничали бояре; но не меньшей строптивостью отличалась и простая братія. Во времена Михаила Федоровича въ троицкомъ монастырѣ былъ архимандритомъ извѣстный Діонисій, особенно заботившійся о монастырскомъ просвѣщеніи и о смилчненіи нравовъ духовенства. Между прочими монахами былъ у Троицы и Логинъ, составившій себѣ громкую извѣстность необыкновенно пріятнымъ и чистымъ голосомъ. Никто не могъ равняться съ нимъ въ пѣніи и композиціи духовныхъ напѣвовъ. Правда, что въ своихъ музыкальныхъ увлеченіяхъ онъ искажалъ иногда смыслъ словъ, такъ что вмѣсто сѣмени у него выходило племени, но отъ Логинъ не давалъ смыслу большой важности. Вмѣстѣ съ музыкальнымъ талантомъ Логинъ отличался и необычайнымъ буйствомъ. Онъ бранилъ и билъ простыхъ монаховъ и никто не смѣлъ сказать ему ни слова. Логинъ сердился на архимандрита особенно за то, что онъ заставлялъ монаховъ читать поученія св. отцовъ и самъ часто читалъ ихъ и нерѣдко пѣлъ на клиросѣ. «Не ваше дѣло пѣть или читать, говорилъ ему Логинъ; зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобы съ мотовиломъ своимъ (посохъ) на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять.» Разъ, въ заутреню, Діонисій хотѣлъ читать, но Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ у него изъ рукъ книгу, нагой полетѣлъ на землю и произошелъ великій соблазнъ. Діонисій перекрестился и пошелъ молча на клиросъ. Логинъ, кончивъ чтеніе, началъ плевать въ архимандрита и бранить его. Но Діонисій отвѣтилъ ему на это только: «Перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію и не смущай братію; можно намъ, объ этомъ переговорить и послѣ заутрени.» Въ отвѣтъ Логинъ выхватилъ изъ рукъ архимандрита посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Наконецъ, послѣдній фактъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ Савинѣ монастырѣ были оставлены одно время 18 стрѣльцовъ, которыхъ архимандритъ поставилъ на конюшенномъ дворѣ. Пришелъ къ нимъ казначей Никита, пьяный, и спросилъ, по чьему указу они тутъ стоятъ. Получивъ отвѣтъ, онъ принялся бить десятника, а оружіе, сѣдла и стрѣльное платье велѣлъ выбросить вонъ со двора. Царь нарядилъ слѣдствіе и написалъ къ Никитѣ письмо такого рода: «Отъ царя и в. к. Алексѣя

Михайловича всея Россіи врагу Божию и богоненавистцу и христово-продавцу и раззорителю чудотворцева дома и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, неподобному шпыню и злому, пронырливому злодѣю, казначею Никитѣ. Уподобился ты сребролюбцу Іудѣ: какъ оиъ продалъ Христа за тридцать сребренниковъ, такъ и ты промѣнялъ, проклятый врагъ, чудотворцевъ домъ, да и мои грѣшныя слава на свое умное и збойливое пьянство и на умныя, на глубокія, пронырливыя вражія мысли; самъ сатана въ тебя, врага Божія, вселлася; кто тебя сиротину спрашивалъ надъ домою чудотворцевымъ, да и надо мною грѣшнымъ властвовать? Кто тебѣ сію власть мимо архимандрита дасть, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить? О враже проклятый! Да ты же, сатанинъ угодникъ, пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражѣ, что стрѣльцы у твоей мельи стоятъ: и дорого добръ, то у тебя скота стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у иврополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу...» и т. д. въ этотъ же родъ.

Такия понятія о правѣ и о человѣческихъ отношеніяхъ существовали у насъ въ концѣ XVII столѣтія. Время грубаго насилія было, разумеется, вездѣ; было оно также и въ Западной Европѣ; но подобное тому, что рассказано здѣсь, Европа видѣла у себя въ X, XI столѣтіяхъ, а позже случалось только во время военныхъ событій, а не въ мирное время. Двѣнадцатый вѣкъ славился въ Европѣ школами въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнѣ, Камбрѣ, Суассонѣ, Шалонѣ на Марнѣ, Люгжихъ, Безансонѣ, Орлеанѣ, Парижѣ, Кельжѣ, Брауншвейгѣ, Падерборнѣ и въ десяткѣ еще другихъ городовъ. Въ Европѣ въ X вѣкѣ преподавались кромѣ философіи, реальныя науки, математика, физика, механика. Европа имѣла уже тогда своихъ знаменитыхъ ученыхъ, труды которыхъ не теряли своей цѣны до конца среднихъ вѣковъ. Въ XII столѣтіи многія монахини и знатныя дамы занимались риторикой и поэзіей. Въ XVI ст. явился Коперникъ, нѣсколько позже Кеплеръ, а въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ писалъ свое письмо къ буйному казначею, Никитѣ, Ньютонъ читалъ королевскому обществу въ Лондонѣ свое безсмертное *Philosophia naturalis principia mathematica*.

Наши научныя свѣдѣнія того времени были нѣсколько ограниченнѣе. Напримѣръ, лѣтописцы, т. е. народъ передовой по образованію, люди книжные, рассказывали, что Болгары произошли отъ до-

чери Лота, «иже зачастую отъ отца своего» и поэтому племя ихъ нечисто. Половцы же только частью гуляютъ на свободѣ, а послѣднія ихъ колѣна, которыя явятся въ концѣ свѣта, заклепаны Александромъ Македонскимъ въ горѣ. Случилось это такъ. Увидѣвъ нечистыхъ людей отъ племени Аестова, которые бѣли всякую скверность, комаровъ, мухъ, змѣй, и нехоронившихъ мертвецовъ, Александръ испугался, что, размножившись, они могутъ осквернить землю и загнать ихъ въ полунощныя страны, въ высокія горы. И тутъ Богъ велѣлъ горамъ окружить ихъ, и горы окружили, не сойдясь только на 12 локтей, и въ этомъ промежуткѣ устроены мѣдныя ворота. Въ XVII столѣтіи познанія нашихъ передовыхъ ученыхъ были уже нѣсколько обширнѣе. Въ 1627 году Лаврентій Зизаній Тустапоскій, протополь Корецкій, привезъ въ Москву книгу своего сочиненія и представилъ ее патриарху Филарету. Тамъ измѣнилъ въ ней заглавіе и замѣтилъ, кромѣ того, нѣкоторое несходство съ русскими и греческими переводами. Патриархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ богоявленскому игумну Ильѣ и справщику типографіи Григорію. Разговоръ, или, лучше сказать, ученый диспутъ, происходилъ въ присутствіи государева боярина князя Черкаскаго и думнаго дьяка Лихачева. Григорій и Ильѣ дѣлали, между прочими, слѣдующія замѣчанія: «У тебя въ книгѣ написано, говоримъ они Зизанію, о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и прочихъ звѣздахъ. И все это взято изъ астрологіи, а астрологія заимствована отъ еллинскихъ волахвовъ и отъ идолослужителей, поэтому къ нашему православію нейдетъ» — Но отчего же не идетъ, спрашивалъ Зизаній? Я не писалъ о колесѣ счастья и о рожденіи человѣческомъ, не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашей жизнью; я писалъ только для знанія — пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія. — «Да зачѣмъ писалъ для знанія, возражали ему Ильѣ и Григорій? Къ чему выбиралъ ты изъ астрологіи ложныя рѣчи и названія звѣздъ, да кромѣ того многое и самъ сочинялъ и объяснялъ неправильно?» — Что же я объяснялъ неправильно и какія выбиралъ ложныя рѣчи и названія звѣздъ? — «А развѣ это правда, что облака надувшись сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ? А огонь и звѣзды ты называешь звѣрями живущими на тверди небесной.» — Да, какъ же по вашему писать о звѣздахъ? — «Мы ищемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: Богъ создалъ два свѣтила великія и звѣзды

и поставилъ ихъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а звѣрами Моисей ихъ не называлъ.» — Но какъ эти свѣтила движутся и обращаются? — «По повелѣнію Божию, ангелы служатъ, тварь вода.» — На это Эвзаній не нашелъ другаго выраженія, кромѣ того, что волею Богъ, да государь, святѣйшій патриархъ Филаретъ, и прибавилъ, что онъ и самъ знаетъ, то въ его книгѣ написано много недѣльнаго, оттого и пріѣхалъ, тобы ему разрѣшили его недоумѣніе. Но кромѣ этого у него нашлись и другія отступленія отъ греческихъ церковныхъ правилъ, и ученые Григорій и Илья замѣтили ему при этомъ, что они держатся строго старопечатныхъ греческихъ книгъ, а если къ нимъ приходятъ новыя, то изъ нихъ они любятъ только тѣ, которыя сходятся вполнѣ съ книгами старыми, книги же съ новизнами они не принимаютъ, хотя онѣ и написаны по гречески. Вообще мы не отличались въ старину особеннымъ искусствомъ въ ученыхъ и теологическихъ диспутахъ. Когда шведскій король Магнусъ затѣялъ противъ новгородской области крестовый походъ, то онъ отправилъ къ новгородцамъ пословъ, которые объявили на вѣщъ отъ имени короля: «Привините на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; если же наша лучше, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ все какъ одинъ человѣкъ; если же не хотите соединиться съ нами, то я иду на васъ со всею моею силою.» Владыка, поседнищъ, тысящій и все новгородцы, подумавъ велѣли отвѣчать Магнусу: «Если хочешь узнать какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патриарху, потому что мы приняли православную вѣру отъ грековъ; а съ тобой о вѣрѣ намъ спорить нечего...» Должно было не надеяться на своихъ философовъ. Не большую же силу выказалъ въ теологическомъ спорѣ съ Посевинскимъ и Иванъ Грозный. Иванъ говорилъ: «Намъ съ вами, т. е. съ латинянами, не сойтись о вѣрѣ: наша вѣра христіанская съ давнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а римская церковь сама по себѣ. .. Ты говоришь, что ваша вѣра римская съ греческою одна; но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую; греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Египта предварать рука ея къ Богу; а Египція все равно, что Византія; Византія же просіла въ христіанствѣ, потому и слыветъ вѣра греческой; а мы исповѣдуемъ вѣру истин-

ную христіанскую ... Мы о большахъ дѣлахъ съ тобою говорить не хотимъ, чтобы тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло—у тебя борода подсѣченная, а бороды подсѣвать и подбривать не вѣльно не только попу, но и мірянамъ; ты въ римской вѣрѣ пошь, а бороду стрижешь; възъ какого ученья взялъ ты это?... Пану Григоріа носить у васъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ; и вотъ первое, въ чемъ наша христіанская вѣра расходится съ римской: въ нашей вѣрѣ крестъ христовъ на враговъ побѣда, у насъ неводится писать крестъ ниже пояса.... Папа, который живетъ не по Христову учению и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, не пастырь.» — Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить, — отвѣтилъ Поссевинъ и диспутъ прекратился.

Относительно возможности научнаго и философскаго развитія Россія находилась въ обстоятельствахъ далеко менѣе благоприятныхъ, чѣмъ Западная Европа. Тамъ новые народы поселились на римской почвѣ, римская цивилизація и римская гражданственность имѣли уже вездѣ свои корни, западная философія и знанія были продолженіемъ философіи и знаній древняго Рима. Однимъ словомъ, почва была уже подготовлена и даже погъваны сѣмена. Славяне же пришли на землю новую, гдѣ не было ничего кромѣ дикихъ лѣсовъ и болотъ; финскія племена, съ которыми будущіе русскіе пришли въ первое столкновеніе, стояли если не ниже, то и не выше ихъ. До всего, сѣдовательно, нужно было доходить своимъ умомъ, какъ первобытному человѣку; а эта работа трудная и медленная, особенно при тѣхъ вѣншихъ помѣхахъ, какія встрѣчали русскіе на каждомъ шагѣ. При возможности легкаго заимствованія знаній отъ сосѣдей наша цивилизація пошла бы быстрѣе. Но востокъ не могъ сообщить намъ ничего полезнаго. Византія передала только религіозное ученіе; а отъ запада, который бы могъ насъ научить, мы отдалялись все болѣе и болѣе и крѣпче и крѣпче заирали свою страну отъ вліянія западныхъ идей.

Въ первыя времена христіанства нетерпимость къ Западу у насъ не существовала и вообще неважалось никакой важности различію вѣроисповѣданій и національностей. Генрихъ I, французскій, былъ женатъ на русской княжнѣ Аннѣ, дочери Ярослава I; Святославъ былъ женатъ на нѣмецкой принцессѣ Одѣ, братъ которой былъ католическимъ духовнымъ самовиномъ; Императоръ германскій Геррихъ IV былъ женатъ также на русской. Но съ постепеннымъ утвержденіемъ

у насъ христіанства и распространеніемъ релігіозныхъ убѣжденій, порядкомъ этотъ сталъ измѣняться и на ринскую вѣру мы приучались смотрѣть все богѣе и богѣе непріязненно, такъ что брачные союзы нашихъ княжескихъ фамилій съ владѣльцами западныхъ государствъ наконецъ прекратились. Противъ обычая выдавать русскихъ князей замужъ въ чужія страны, гдѣ служить на опрѣсновахъ, вооружался первый митрополитъ Іоаннъ-Феодосій; по поводу латинской вѣры онъ говорилъ князю Изяславу, что вѣра латинянь, т. е. католиковъ злая, и законъ не чистъ, потому что они не целуютъ крестъ, въ постъ ѣдятъ мясо, служатъ на опрѣсновахъ. Поэтому христіанамъ (православнымъ) не должно отдавать за нихъ своихъ дочерей замужъ, ни самимъ жениться на католичкахъ; не должно съ ними брататься и куматься, не должно съ ними пить и ѣсть изъ одного сосуда. Если они попросятъ у христіанъ ѣсть, то давать имъ пищу въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ посуды нѣтъ, то можно дать и въ своихъ, но только потомъ слѣдуетъ ихъ вымыть и прочесть надъ ними молитву. Нѣтъ спасенія людямъ, живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацинской. Вѣру ихъ не слѣдуетъ хвалить, свою же напротивъ нужно хвалить безпрестанно. Когда иновѣрный спорить о вѣрѣ съ христіаниномъ, то слѣдуетъ помогать христіанину; а если кто скажетъ, что и ту вѣру дакъ тоже Богъ, то отвѣтитъ на это — что же по твоему Богъ двухвѣрный? — въдъ написано: «единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе». Подобныя мысли прививались къ народу довольно быстро: псковичи спрашивали митрополита Фотія, можно ли имъ пользоваться хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ нѣмецкой земли? Митрополитъ дозволялъ, но велѣлъ очищать эти предметы молитвою іерейскою. При Іоаннѣ III нетерпимость развилась уже сильно, и авторитетъ получалъ безусловную силу. Когда Софія Палеологъ подъѣжала къ Москвѣ, то возникъ вопросъ: можно ли, сопровождавшему ее кардиналу, послу нашимъ, позволить войти въ городъ впереди Софьи и чтобы предъ нимъ если латинскій крестъ? Митрополитъ Филиппъ отвѣтилъ на это: «пелъзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подѣлать близко; если ты князь позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ одними воротами въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города. Неприятнее намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ чужю вѣру, тотъ своей поругался.» У легата отобрали крестъ

и спрятали его въ сани. На одномъ изъ частныхъ споровъ помесскихъ священниковъ съ нѣмцами наши говорили: если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ слѣдуете богоубійцамъ жидамъ? Зачѣмъ поститесь въ субботу и приносите въ жертву омерзеномъ. Зачѣмъ вводите незаконно два Духа, говоря—и въ Духа Святаго животоворящаго, отъ Отца и Сына исходящаго? Что же касается до осьмаго собора (соборъ этотъ происходилъ для соединенія церквей восточной и западной), то объ немъ мы и слышать не хотимъ, онъ неугоденъ Богу, потому что сказано: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седемь.»

III.

Частная и общественная нравственность.

Чтобы нравственныя понятія могли привиться къ народу, нужно не только, чтобы онъ могъ воспитаться въ нихъ теоретически, но чтобы и всѣ внѣшнія условія жизни позволяли осуществить теорію на практикѣ. Если же практика даетъ дѣятельности народа характеръ несогласный съ теоріей нравственности, то никакія поученія не достигнутъ своей цѣли. Изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей новгородскаго епископа Луки Жидята видно, что онъ училъ народъ не лѣниться ходить въ церковь, ложиться спать помолившись Богу, въ церкви стоять со страхомъ божіимъ, любить другъ друга, терпѣть обиды и не мстить за нихъ, помогать бѣднымъ и странникамъ, избѣгать бѣсовскихъ игрищъ, не говорить срамныхъ словъ, въ напасти терпѣть, уповая на Бога, быть смиреннымъ, потому что у гордаго сидитъ въ сердцѣ дьяволъ, судить по правдѣ и не брать взятокъ, бояться Бога, чтить князя, повиноваться своимъ господамъ, не убивать, не красть, не лгать, не пить до пьянства. Вѣроятно въ этомъ же родѣ поучали и другіе пастыри церкви и если каждому русскому былъ извѣстенъ этотъ кодексъ нравственности, то значитъ, что каждый былъ знакомъ съ требованіями нравственными

въ теоріи. Но что изъ всего этого могло быть осуществимо на дѣлѣ? Промовѣдникъ укаazuje на смиреніе и повинновеніе властимъ, старшимъ и господамъ. Правило это могло быть исполнено легче всего, потому что не повиноваться силѣ было невозможно, а что сила была велика, мы увидимъ ниже. Что же касается до другихъ правилъ, то исполненіе ихъ затруднялось весьма сильно разными внѣшними обстоятельствами. Одинъ современникъ-иностранецъ говоритъ, что во всѣхъ сословіяхъ раздоры и несогласія, никто не вѣритъ другъ другу, богачи берутъ проценты больше жидовскихъ, деньги даются не иначе, какъ подъ залогъ, превышающій свое занятое сумму и сверхъ того по четыре процента еженедѣльно. Бѣдныхъ вездѣ притѣсняютъ, повсюду плутовство; пьянствомъ и обжорствомъ отличаются всѣ сословія. Госцѣвскій укорялъ русскихъ божь въ лицо, что у нихъ братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣритъ, что отъ этого обычая московское государство только гибнетъ. Олеарій, отдавая справедливость умственнымъ способностямъ русскихъ, обвиняетъ ихъ въ грубости, въ излишней склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ, въ лживости. Господа своихъ холоповъ не кормятъ, а даютъ имъ деньги, по въ такомъ маломъ размѣрѣ, что люди, чтобы не умереть съ голоду, должны отваживаться на рѣзительныя средства; отъ этого въ Москвѣ частыя убійства и воровство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что между русскими того времени было развито воровство, лживость, пьянство, притѣсненіе слабыхъ; эти главные виды безнравственности имѣли затѣмъ свои развитія. Если подобныя недостатки могли явиться, не смотря на поученія пастырей церкви, то очевидно, что практика жизни, имѣвшая подобное направленіе человѣческими способностямъ, не соотвѣтствовала теоріи нравственности. Способствуя обстоятельствамъ жестокости и блонравію, не являясь бы безчестности и неблагопріятію. На одну изъ причинъ зла Олеарій указываетъ прямо — голодъ заставлялъ людей отваживаться на воровство и убійство. Ясно, что нужда была главной причиной слабой общественной безопасности.

О бѣдности народа можно легко судить по слѣдующимъ фактамъ. Страна должна была выносить безпрестанно внѣшнія войны, внутреннія смуты и нашествія иноземцевъ: то печенѣги, то половцы, то усобицы князей, то татары, то литва, то польша, то шведы; ни одинъ почти годъ не обходился безъ войны, а вся тягость ея падала, разумѣется, на народъ. Къ этому присоединялись еще не-

урожаю, сопровождавшіеся всегда сильной смертностью отъ голода и повальныхъ болѣзней. Въ 1552 году въ Новгородѣ и его волостяхъ свирѣпствовалъ моръ, и Новгородская область лишилась отъ него 279,594 человекъ. Въ 1567 году явилась въ казанскихъ краяхъ мышь, въ такомъ количествѣ, что въ полѣ не осталось ни одного колоса, и кромѣ того она поѣла весь хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ. Люди мерли отъ голоду. Подобныя явленія были почти также часты, какъ военныя опустошенія. А въ какой степени все это было легко для страны, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія царю Михаилу о богатствѣ угличскаго края: «На Угличѣ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцовъ и воротняковъ нѣтъ же ни одного человека, только шесть человекъ пушкарей, да и тѣ голодны и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ угличскаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди, отъ набацнаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной дороговизны, съ женами дѣтьми побрели розно; а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнію страшливы и къ преступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ литвы были выжжены и высѣчены и разорены безъ остатка; а изъ уѣзда сонныя люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ.» Въ смутное время въ теченіе только двухъ лѣтъ погибло на войнѣ 300,000 боярскихъ дѣтей.

Война, истребляя людей, лишала страну рабочихъ рукъ, а чѣмъ было меньше рабочихъ, тѣмъ страна производила меньше. Между тѣмъ, при громадной территоріи и при беспокойныхъ сосѣдяхъ, расходы были чрезвычайно велики и покрывались все тѣмъ же незначительнымъ населеніемъ, постоянно ослабляемымъ войнами. При неразвитіи промышленности и торговли и при слабой производительности страны, государственные доходы увеличивались не увеличеніемъ средствъ населенія, а просто возвышеніемъ налоговъ. Когда требовались деньги и люди, говорилось народу—дай, а изъ какихъ средствъ ему давать, того не соображали. Флетчеръ говоритъ, что народъ былъ страшно обремененъ налогами; а то, что извѣстно о поборахъ того времени, подрѣзываетъ вполнѣ слова Флетчера. Псковскій лѣтописецъ сообщаетъ, что въ 1535 году псковичи порядили 500 пи-

щальниковъ, 3000 лошадей въ телегахъ и человѣка на конѣ, 3000 четвертей овсяной крупы для тележна, 3000 палтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху и столько же моношлянаго сѣмени. Когда посонные люди (крестьяне) разбѣгались во время похода, то слѣдовало ставить вмѣсто ихъ другихъ людей. Такъ въ 1561 г. царскіе воеводы потеряли много людей на войнѣ изъ крестьянъ, а другіе разбѣгались и вмѣсто бѣжавшихъ слѣдовало поставить другихъ, отъ этого расходы увеличивались вдвое. Во время похода Ивана IV подъ Полоцкъ у него въ войскѣ было 80,000 посонныхъ людей и псковичи давали конному по 5 рублей, а пѣшему по два рубля. Когда въ 1570 году царь пришелъ въ Новгородъ, то перебилъ множество людей, велѣлъ кромѣ того собирать крестьянъ къ себѣ въ войско, мостилъ дорогу въ Ливонскую землю; а обвинявшіе псковичи и новгородцы, не имѣя денегъ для найма людей, понесли сами и перемерли злою смертью отъ голода и отъ мороза, отъ мостовъ и наряду. Народъ платилъ деньгами и натурой, и трудно сказать, какой налогъ былъ для него тяжелѣе, хотя очевидно, что для страны натуральныя повинности были убыточны. Въ провадъ какого-нибудь лица все содержаніе для него и его свиты составлялось натурой, а свита кромѣ того еще притѣсняла и грабила народъ. Во время походовъ продовольствіе войску составлялось изъ окрестныхъ мѣстъ тоже натурой. Вообще разнообразіе натуральныхъ повинностей было весьма богато. Крестьяне платили хлѣбомъ разныхъ видовъ, поставляли мясо, строили города, мостили дороги, строили дома для князей, воеводъ и помѣщиковъ, косили для нихъ сѣно, ловили рыбу, ходили на охоту по приказанію ловчихъ, давали кормы и подводы всѣмъ прѣзжающимъ — князьямъ, воеводамъ, помѣщикамъ, волостелямъ, тиунамъ и всевозможнымъ другимъ чиновникамъ. Но какъ ни натуральныя, ни денежныя повинности не удовлетворяли всѣмъ расходамъ правительства, то придумывались и другія, иногда весьма сложныя финансовыя мѣры. До особенно значительнаго развитія были доведены откупы. Въ новгородской четверти сданы были на откупъ: квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмѣльное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь, сабаки. Все это, убивая промышленность, нищало народъ, такъ что ему оставалось только одно — бѣжать розно; но этимъ только еще болѣе увеличивались тягости остальныхъ, потому что наличные платили за отсутствующихъ. Въ 1640 г. жители Шуй жаловались царю, что

въ 1631 году считалось у нихъ по писцовымъ книгамъ 154 тiglioвыхъ двора, а потомъ опустѣло 32 двора, да сгорѣло 82 и осталось разломанныхъ двориковъ 40 и, не смотря на такое разворочіе, жители держатъ на правожѣ и требуютъ прежнихъ недоимокъ. Нужно полагать, что платить было не изъ чего, когда не помералъ и правожѣ. Вообще «выбиваніе» податей составляло систему, но люди болѣе усердные не затруднялись въ приисканіи способовъ и болѣе рѣшительныхъ. Андрей Образцовъ, отправленный въ 1618 году на Бѣло-озеро для сбора денегъ, въ отвѣтъ на выговоръ за медленность доносилъ: «я, государь, посадскимъ людямъ не наровилъ и сроковъ не дамъ; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, *побивая на смерть...*» Такия мѣры способствовали еще болѣе тому, что обивавшій и запуганный народъ разбѣгался. Въ 1633 году разбѣжалось много крестьянъ въ тотемскихъ волостяхъ и по разслѣдованію на мѣстѣ онавалось, что крестьяне разбрелись отъ тяжелыхъ податей, невыносимыхъ правожей, отъ солдатскихъ кормовъ и другихъ денешныхъ и натуральныхъ повинностей. Кромѣ этихъ поборовъ собственно на государственныя потребности крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ и монастырскихъ земляхъ, должны были отбывать повинности землевладѣльцевъ, кромѣ того содержать воеводъ и другія власти, посланныя на кормленіе. Хорошо, если помѣщикъ былъ человекъ добрый, хотя о такихъ исторія и не упоминаетъ. Гораздо же чаще слышались жалобы на утѣненія, доходившія иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Крестьяне села Ширанги жаловались, напримѣръ, царю на своего помѣщика князя Артемья Шейдинова, что онъ, пріѣхавъ къ нимъ, надѣлалъ всевозможныя буйства, билъ, мучилъ крестьянъ, сажалъ ихъ въ ледники, бралъ къ себѣ на постелю некрещенныхъ татарокъ и, собравъ съ крестьянъ оброкъ, побѣжалъ въ Ярославль съ татаркой. Въ Ярославлѣ князь ваялъ къ себѣ еще и русскую женку, Матрену Бѣлошейку, и, растративъ деньги на дѣвокъ, пріѣхалъ опять въ Ширангу, чтобы собрать съ крестьянъ другой оброкъ. Крестьяне платить отказались; тогда онъ поставилъ ихъ на правожѣ и выколотилъ изъ нихъ другой разъ 50 руб. деньгами, 40 ведеръ вина, 10 варъ пива, 10 пудовъ меду, да отобралъ еще у крестьянъ хорошихъ лошадей, а тѣхъ крестьянъ, которые жаловались на него еще за прежнія его буйства и утѣненія, грозился изрубить своими руками. Даже торговая служила для

вероя гнетомъ, и нерѣдко вогнанныка просили, чтобы въ деревнѣ не было ярмарокъ, потому что крестьянамъ отъ этихъ торговъ больше убытку чѣмъ прибыли, ибо торговцы бьютъ и грабятъ крестьянъ, травятъ ихъ хлѣбъ и сѣно и нажимаютъ вмѣстѣ съ истинными властями всеми способами сельское населеніе.

При бѣдности народа, заставлявшей его брести рѣзно, мудро было заниматься сельскому хозяйству; люди богобоязливые старались пріютиться въ другомъ мѣстѣ, гдѣ представлялась большая вѣроятность спокойной жизни; а люди мѣтѣ сміриые выходили или на большую дорогу, или принимались за воровство. Воровство и грабежъ, смотря потому гдѣмъ они производились, выражались въ различныхъ формахъ, и потому до-петровская Русь представляетъ разные виды народнаго и чиновничьяго воровства, точно также какъ и разные виды народнаго и чиновничьяго разбоя. Чтобы не перечислять мелочныхъ фактовъ, мы, въ подтвержденіе того какъ было развито въ то время воровство, приведемъ два авторитета: Ивана Грознаго и царя Алексѣя Михайловича. Иванъ IV отдавая мастеру англичанину слитки золота, чтобы сдѣлать изъ нихъ посуду, велѣлъ ему смотрѣть хорошенько за дѣломъ и прибавилъ: «мои русскіе всё воры». — Англичанинъ улыбнулся, и когда царь спросилъ его, чему онъ улыбается, мастеръ отвѣчалъ: «Ваше величество забыли, что мы сами русскій». — Я не русскій, отвѣтилъ Иванъ, прежде мои германцы. — Послѣ смерти патріарха Іосифа Алексѣй Михайловичъ писалъ къ Никону... «А келейной казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдь, словорядокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ; а переписывать я самъ келейную казну, а если бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы мнѣ не сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали...» Слѣдовательно воровство, какъ средство пріобрѣтенія, было развито довольно повсемѣстно. Тому самое можно сказать и о грабежѣ. Не говоря про Волгу, но и въ другихъ мѣстахъ разбойники и грабители были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Литовскіе купцы безпрестанно жаловались на разбой въ московскихъ областяхъ. Разъ московскихъ мѣщанъ, ѣздившихъ съ большимъ обозомъ торговать въ Стародубъ, побилъ до смерти подъ самымъ городомъ и ограбилъ. Литовскіе купцы, оставившись разъ въ одной монастырской слободѣ, были приглашены въ гости монастырскимъ человѣкомъ Окуловымъ. Отпуская гостей

на подворье, Окуловъ далъ имъ въ провожатые четырехъ человекъ, которые напали дорогою на купцовъ, прибили ихъ и отняли отъ нихъ 23 рубля. При малонаселенности и пустынности страны разбойникамъ дѣйствовать было весьма удобно, а скрываться въ дремучихъ лѣсахъ и того удобнѣе. Худо, что разбойничало престопа родѣ, но еще хуже, что разбойничали также стрѣльцы, боярскіе дѣти и даже бояре. Архангельскій воевода донесилъ въ 1630 году, что сто стрѣльцовъ, посланныхъ въ Пустозерскій острогъ, дорогою воровали и грабили, били крестьянъ и безцестили ихъ жемъ. Приказчики мелкихъ помѣщичьихъ составляли изъ крестьянъ шайки и грабили проезжающихъ; а приказчики большихъ господъ разбойничали среди бѣлаго дня, точно въ непріятельской странѣ. Сохранялось извѣстіе объ одномъ изъ нихъ, Твароговѣ, который, развѣзшая съ своей шайкой по торгамъ, грабилъ товаръ и билъ людей. Нѣкоторые помѣщики дѣлали формальные наѣзды, точно татары или кавказцы. Служащіе люди вели себя не лучше. Когда болгарскихъ дѣтей вели на службу, то смотрѣли за ними дорогою весьма строго, чтобы они не дѣлали никому насилія, не отнимали силой отъ крестьянъ продовольствія и корму для лошадей. Въ 1495 году посолъ литовскаго князя Александра жаловался Ивану III на его московскихъ пословъ князя Ряполовскаго и Михаила Русалку, что они на возвратномъ пути изъ Вильно грабили встрѣчныхъ купцовъ и жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги. Князь Тюфякичъ, посланный Михаиломъ Федоровичемъ къ персидскому шаху, велѣлъ въ городѣ Ардебилѣ украсть татарчонка, котораго онъ продалъ въ Кумыщной землѣ, а въ Кумыщной землѣ онъ укралъ дѣвку и вывезъ ее оттуда въ сундукѣ. Ваятки, особенно въ томъ видѣ какъ они брались у насъ въ то время, слѣдуетъ отнести къ стяжаніямъ этой же категоріи. Подчиненные брали ихъ, не только потому, что имъ почти нечѣмъ было существовать, но еще и потому, что слѣдовало дѣлаться со старшими. При Годуновѣ областные правители получали жалованья—100, 50 и 30 рублей, смотря по области и изъ этого скуднаго жалованья должны были еще дѣлиться съ начальниками четьей или приказовъ. Понятно, что они грабили народъ, а народъ ихъ ненавидѣлъ. Хотя Борисъ и очень старался искоренить лихоимство, но, разумѣется, не искоренилъ, потому что не въ его силѣ было измѣнить всю систему. При Годуновѣ было постановлено, что если судья будетъ уличенъ во взяткѣ, то долженъ возвратить взятое,

укупить штрафъ отъ 500 до 2,000 руб., и кромѣ того конфисковалось его имѣніе. Это научило судей брать, а тяжущихся давать осторожнѣе; напримѣръ, давали деньги на святой, при христосованьи, мыывая ихъ незамѣтно въ руку; но лихоимство, и самое наглое, все-таки не прекратилось. Голштинскіе купцы, бывшіе у насъ въ 1638 году для заключенія торговаго трактата, жаловались на дьяка Назарья Чистова, который сказалъ имъ, что безъ него царь ничего не рѣшитъ. Голштинцы обѣщали ему 2,000 еимковъ, кромѣ того дали въ закладъ залпону въ 3,000 еимковъ. Когда же Чистову принесли деньги, то онъ сталъ требовать 3,000, а залпону не отдавъ. Чистовъ заперся во всемъ и послы уѣхали, не получивъ отъ правительства никакого удовлетворенія. Мангазейскій воевода Кокоревъ отличался такимъ правомъ: если торговый или промышленный человѣкъ придетъ къ его женѣ или сыну съ небольшимъ подаркомъ, то Кокоревъ посадить такого въ тюрьму, да не только его, но и его собакъ и котомъ беретъ съ него выкупъ за него и за собакъ. Когда воевода устраивалъ для торговыхъ людей пиры, преобразившіеся впоследствии въ именины городничаго и полиціймейстера, и торговый человѣкъ приносилъ мало, такому бросали приносъ въ лицо и самого проносили въ шею до воротъ. И знатные люди, въ родѣ князей Ромодановскихъ, были не лучше Чистовыхъ и Кокоревыхъ. Посланный въ Устюгъ по одному дѣлу, Ромодановскій началъ съ пытки вѣнскихъ людей; тогда посадскіе дали ему сначала сто рублей, а потомъ принесли еще 550 рублей. Кромѣ того Ромодановскій бралъ деньги съ заключенныхъ въ тюрьмѣ. Что же касается управленія неравнаго, то вотъ что дѣлалось при патриархѣ Никонѣ. Недовольные Никономъ, жалуются на него царю, между разными обвиненіями писали, что: «... хотя которому попу и бить челомъ тебѣ государю, не за тѣмъ ходить будешь полгода или годъ, да покъ или дьяковъ паслы правъ будетъ, потому въ приказъ сторожа ни за что не пустятъ даромъ, а уже про дьяка и говорить нечего. Когда у патриарха назначеномъ былъ Какошиловъ, то людямъ его платили по полтинѣ и по рублю, а самому рублей 5 или 6, да кромѣ того гостиницы—кош, рыба, да чтобы рыба была живая; женѣ его приносить гостиницы—мыла и ягодъ на рубль и больше; если же не дать людямъ, то ни за что не пустятъ на дворъ.» Когда по указу царя наказывали кнутомъ за лихоимство дьяка Кривоштанова, то Какошиловъ, явившій тогда съ одного протокона 10 рублей, изъ боязни, чтобы тотъ

на него не пожаловался, сказалъ патриарху, будто протопопъ похи, нулъ эти деньги его женѣ. «Патриархъ приказалъ его же, протопопа, посадить на цѣпь, и муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ...» Во всемъ этомъ важенъ въ историческомъ отношеніи тотъ фактъ, что всѣ, начиная отъ царя до послѣдняго подданнаго, жалуются на воровство, и на всякія притѣсненія и все-таки не дѣлается ничего, чтобы этого не было. Причина въ томъ, что всѣ были хороши, что каждому хотѣлось только ограничить другаго, но никто не хотѣлъ отказаться отъ своего кулачнаго права и отъ права личнаго произвола и насилія надъ другимъ. Между крестьянами и посадскими болѣе важноточные старались освободиться отъ государственныхъ тягостей и свалить ихъ на бѣдныхъ и посредствомъ разныхъ уловокъ и подкупа властей достигали этого. Между служилыми людьми, т. е. чиновниками и боярами, сильные разоряли слабыхъ, переманивая отъ нихъ крестьянъ на свои земли. Дѣти боярские жаловались безпрестанно, что они разорены отъ бояръ, окольничихъ, властей духовныхъ и отъ войны. Слабому было жить трудно, но и сильнаго тѣснилъ еще болѣе сильный. Простору и малочисленности давали каждому возможность развиваться въ произволь и самоуправство, и при общей бѣдности и экономическомъ неразвитіи страны все то казалось хорошимъ и полезнымъ, что приносило деньги. Такимъ образомъ, разные виды самоуправства и насилія были въ сущности разными видами пріобрѣтенія средствъ для существованія; денежный расчетъ былъ душой жизни и руководящей нитью всѣхъ побужденій. Отрашные проценты, доходившіе до двухсотъ въ годъ, и большіе залогн лучше всего доказываютъ общую бѣдность страны и недостатокъ капиталовъ. Труду была помѣха во всемъ, слѣдовательно и накопленіе результатовъ труда было невозможно, потому что всякое сбереженіе отнималось или болѣе сильными, или поступало на государственныя нужды. Лучшимъ образчикомъ денежной жадности можетъ служить воевода Беклемишевъ. При нашествіи Ахмата великій князь велѣлъ Беклемишеву оставить Аловсинъ, но воевода не хотѣлъ уйти, пока жители не дадутъ ему денегъ. Ему давали пять рублей, а онъ требовалъ еще рубль для жены, и пока заключалась эта сдѣлка, подошли татары и повели приступъ.

Всякихъ видовъ ложь, и обманъ, и недоувѣріе другъ въ другу являлись необходимымъ слѣдствіемъ подобныхъ отношеній — слабый дол-

застъ былъ обманывать и хитрить, потому что никто ему не было опасенъ; бѣдный долженъ былъ также обманывать и хитрить, чтобы избавиться и отъ платящей и добыть неправдой денегъ, потому что правдой они не давались. Въ такой системѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія одно за другимъ. Рязь Шереметьевъ жаловался на князя Носдреватого, замечившаго у него свою отчину, что онъ вышѣсть съ князьемъ Токмаковскимъ составляетъ фальшивыя выписки. Космаки сдѣлали обыскъ и въ запертой комнатѣ у князя Токмакова нашли на постели челоуѣка; въ головѣ у него лежало письмо, а въ ногахъ стояли чернила, да водка. Спросили объ этомъ Токмакова и тотъ отвѣтилъ, что мужика этого ему подкинулъ нѣмецъ, отступившись съ присланными царемъ для изслѣдованія людьми. Тогда спросили неизвѣстнаго и онъ отвѣтилъ: «Я челоуѣкъ убогій, корчюсь норовомъ; двора у меня въ Москвѣ нѣтъ; жемъ по добрымъ людямъ, гдѣ день, гдѣ ночь; на дворъ князя пришелъ я обѣдать къ его челоуѣку Андрею, да обѣдая, по грѣхамъ, въ комнатѣ и уснулъ; а князя Токмакова я не знаю». Однако оказалось, что Власть—извѣстный плутъ и поддѣлыватель фальшивыхъ документовъ. И такая промышленность была въ ходу. Все это, разумѣется, не могло развивать ни взаимнаго довѣрія, ни гражданской нравды. Вообще ложью не гнушался тогда никто, если находили, что она ведетъ къ цѣли. Послѣ смерти Дмитрія самозванца къ народу разосланы грамоты, въ которыхъ говорилось между прочимъ: «... когда Григорія поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ и на государство учинился бѣсовскою помощію и людей всѣхъ прельстилъ чертенинствомъ...» Ничего этого Григорій никогда не говорилъ. Въ другой грамотѣ отъ царя Шуйскаго значилось, что въ комнатѣ самозванца найдены многія ссыльныя веровскія грамоты съ Литвой и Наншею о разореніи московскаго государетва. И этого не было тоже. Послать, отправленнымъ въ 1606 году въ Польшу, было наказано говорить королю, что царца Марса, Василій Ивановичъ Шуйскій, бояре, дворяне, всякіе служилые люди и купцы обличили Григорія Отрепьева, и онъ сознался предъ народомъ въ своихъ богомерскихъ нахреніяхъ и тогда весь московскій народъ осудилъ его истиннымъ судомъ,—убилъ. И это была чистая выдумка. Подобная система едва ли была способна уменьшить ложь и, разумѣется, безпринципныи помощь быть меньше, чѣмъ кто либо, права жаловаться на лживость народа, когда они первые забегались такъ мало о правдѣ. Не самый страш-

ный урокъ взаимнаго недовѣрія далъ Борисъ Годуновъ. Подозрѣвая бояръ въ нерасположеніи къ себѣ, онъ устроилъ шпіонство. Человѣку князя Шестунова, за доносомъ на своего господина, была объявлена царская благодарность на площади, предъ всѣмъ народомъ, и за такое усердіе даны помѣстья и вѣчно служить въ дѣтяхъ боярскихъ. Всѣ, кому захотѣлось денегъ и награды, винулись въ шпіонствѣ и доносы: «доносили другъ на друга жены, черницы, монахи, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцовъ, отъ такого ужаса мужья отъ женъ таялись и въ этихъ окланныхъ даносахъ много крови пролилось неповинной; многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами разорили...»

Печальная жизнь среди лѣсовъ, болотъ и притѣсеній всякаго рода требовали больше чѣмъ любая другая жизнь душевнаго отдыха и забвенія всѣхъ горестей. Простоліудину былъ въ этомъ случаѣ одинъ выходъ: «бѣсовскія игры», на которыя такъ нападало духовенство, и вино. И жизнь горожанина была такимъ же лѣсомъ. Умственныхъ наслажденій не существовало потому, что народный умъ, находившійся въ обстоятельствахъ самыхъ неблагоприятныхъ для его развитія, не могъ создать еще ничего; умственная жизнь Запада и тамошніе обычаи строго не допускались къ намъ изъ боязни, чтобы не вышла порча православію; литературы свѣтской не существовало, время одного Слова о полку Игоревѣ; а были книги только церковныя, не могущія удовлетворять волюнѣ мірянина—и вотъ всё, начиная отъ послѣдняго крестьянина, до самаго знатнаго вельможи, искали удовольшенія въ чувственныхъ удовольствіяхъ, потому что другихъ не было, да и не могло быть. Пили всё одинаково, даже женщины. Когда Иванъ III отправлялъ пословъ въ Литву, то наказывалъ имъ, чтобы за обѣдомъ у короля у нихъ между собой было бы все гладко, и чтобы пили бережно, не до пьяна, и гдѣ бы имъ не случилось пить, чтобы они всегда пили осторожно и берегли себя. Въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Польшу въ 1637 году, было сказано: «Если король позоветъ къ себѣ обѣдать, то дворянамъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣшко, чтобы они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не унижались и словъ дурныхъ между собою не говорили; а среднихъ и мелкихъ людей въ палату съ собой не брать для того, чтобы отъ нихъ пьянства и безчинства не было; велѣть имъ сидѣть

къ другой палатѣ, а бражники и князницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать.» Совершенно тоже самое было наказано послать отпращившимъ въ 1654 году къ австрійскому императору съ извѣстіемъ о возшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича. Обычай тотъ былъ такъ общъ, что болре, по поводу сватовства датскаго принца Вольдемара, на Иринѣ Михайловнѣ, говорили королевичу: «можетъ быть, онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, останется доволенъ ея красотою; также пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться до пьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна».

Изъ всего изложеннаго читатель можетъ заключить легко и самъ, что обыкновенно взводимое на татаръ обвиненіе, будто они испортили нашу нравственность и что все дурное явилось у насъ вслѣдствіе монгольскаго владычества, совершенно неосновательно. Прежде всего ошибка въ томъ, что будто бы монголы были народъ совершенно дикій. Ошибка эта происходитъ отъ того, что не обращаютъ вниманія на страну, изъ которой явились монголы. Страна эта была Китай, пріимая въ то время уже прочную цивилизацію. Дѣйствительно, монголы нестествовали надъ побѣжденными народами, разрушали до основанія города и истребляли жителей, но какъ говорить одинъ вѣстный нѣмецкій историкъ, «даже среди этихъ отвратительныхъ восточностей можно было видѣть, какъ глубоко проникъ уже въ эти орды элементъ китайской цивилизаціи и съ какою мудростію пользовался имъ умъ, управлявшій этими массами. Въ походахъ Чингисъ-Хана видно только калмыцкое варварство и въ основаніи его военныхъ распоряженій лежатъ монгольскіе и тюркскіе нравы; но во всемъ, что касается государственнаго быта, въ постановленіяхъ, манифестахъ, законодательствѣ, ясно видно китайское вліяніе, дѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе и явственнѣе, что Чингисъ-Ханъ и его сыновья, подобно древнимъ римлянамъ, охотно принимали и усваивали себѣ отъ враговъ то, что считали годнымъ». Татары, или правильнѣе Монголы, поработи въ Россію, оставили ей и ея князей, и ея устройство, и внутреннее управленіе, довольствуясь только данью. Первое время, когда дань была отдана на откупъ бесерменскимъ купцамъ, насъ часто посѣщали баскаки и монгольскіе отряды. Но въ XIV и XV столѣтіяхъ мы уже не знали баскаковъ и дань собирали съ народа сами князья и отвозили ее въ Орду. Очевидно, что сближенія съ та-

тархани у насъ не было да и не могло быть; а потому не могло быть и воображаемаго разрушительнаго вліянія монголовъ на нашу частную жизнь и на нашу общественную нравственность. Вліяніе монголовъ было только политическое и экономическое. О политическомъ мы сказать неслѣ. Что же касается до экономическаго, то это можно опредѣлить приблизительно слѣдующимъ расчетомъ. Если расходы на татаръ составляли ежегодно не болѣе рубля на человѣка, то во все время монгольскаго владычества страна уплатила, по мѣшной мѣрѣ, четыреста милліоновъ рублей. Понятно, на сколько это истощало силы и безъ того уже бѣднаго народа, который долженъ былъ держаться въ уровнѣ самыхъ низкихъ матеріальныхъ потребностей и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не имѣлъ возможности улучшить свое положеніе. Къ этому нужно присоединить еще и потери въ людяхъ. Не считая перваго пораженія русскихъ на Калкѣ и мелочныхъ вторженій, мы укажемъ только на Куликовскую битву. Если вѣрить лѣтописцу, то съ нашей стороны легло болѣе 360,000, и московское государство такъ обезлюдѣло, что не было въ состояніи выставить войска противъ Тохтамыша. Въ представленіи народа монгольское владычество являлось чисто экономическимъ бѣдствіемъ: то была кара божія, разворившая и обезлюдившая страну. Разумѣется, уменьшеніе населенія и бѣдность были главными причинами медленно развивавшейся гражданственности, но въ этомъ были виноваты не одни монголы исключительно. Они только усилили вліяніе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя существовали и безъ нихъ и которыя не исчезли и послѣ ихъ владычества.

М. Шкалгуновъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ИТАЛИЙСКИЕ ПОЭТЫ.

Джузеппе Джусти.

I.

Современная, въ узкомъ смыслѣ слова, жизнь, т. е. переживаемый нами теперь историческій моментъ мало производитъ поэтовъ повсюду, и Италія на этотъ разъ не составляетъ исключенія. Главная причина этого, я полагаю, та, что *современность*-то наша собственно въ *будущемъ*, — что можетъ показаться совершенною нелѣпностью, не переставая однакоже быть истиною. Въ самомъ дѣлѣ, истинно живыя начала современной общественности не созрѣли еще въ нашемъ сознаниі. Самая замѣтная общественная среда, т. е. та, въ рукахъ которой сосредоточивается всякая видимая дѣятельность, не живетъ, а *донашивается* когда-то осмысленную жизнь, какъ наши чиновники *донашивали* вицундры по старой формѣ. И главное—эта *донашиваемая жизнь* никому не мила. У всѣхъ есть, правда, очень неопредѣленное стремленіе къ чему-то лучшему, мѣшающее съ любовью останавливаться на этой отжившей современности.

Дѣло въ томъ, что ни одно сѣмя *не оживетъ, аще не умретъ*. Это также вѣрно относительно развитія всякаго зародыша въ жизни общественной, какъ и въ агрономіи. И въ обоихъ случаяхъ самый процессъ развитія — подземный, скрытый. Но на этомъ и оканчивается аналогія:

разложение, которое при агрономическом посѣвѣ совершается закульными путемъ, въ мирѣ обществѣнности, совершается не только на нашихъ глазахъ, но и съ полнымъ нашимъ участіемъ. Не только «май жизни»—весна цвѣтетъ для каждаго человѣка для каждаго поколѣнія, одинъ разъ и не больше, «но и лѣто—пора жатвы не повторяется. Новая среда пожнетъ плодъ посѣяннаго предъидущей. Но между этими двумя средами легко можетъ быть среда промежуточная. Ей нечего было ни сѣять, ни пожинать. Время этихъ промежуточныхъ поколѣній, время сомнѣній, трезвости, безпристрастнаго разбора и прошедшаго и будущаго, съ которыми чувствуется не больше, какъ холодная родственная, кровная связь. Смѣлая, добросовѣстная пытливость—лучшая изъ отличительныхъ чертъ такой переходной эпохи. Знаніе, а не упоенье, не блаженство удѣлъ ея. Она можетъ быть богата весьма полезными открытіями по всемъ частямъ, гдѣ достаточно разсудочной спекуляціи; но надеждъ и пророческаго пониманья дѣйствительности у нея нѣтъ—на нихъ у нея не хватаетъ силы, да она и стыдится ихъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было и тѣмъ въ отдѣльныхъ лицахъ; не всѣ одинаково подвержены давленію общаго строя, и потому рѣчь идетъ здѣсь только о степеняхъ, а не о совершенномъ уничтоженіи. Строгихъ рубрикъ, отдѣловъ нѣтъ ни въ природѣ, ни въ исторіи—это довольно избитая истина, и я привожу ее вовсе не въ назиданіе читающимъ, а для того, чтобы быть понятнымъ въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ пишу.

Вообще же я говорю только, что до полнаго художественнаго развитія этотъ невѣсомый, неисчислимый и неподверженный ни одному изъ разсудочныхъ процессовъ элементъ жизни, не доходитъ въ промежуточныхъ поколѣніяхъ. Онъ исчерпанъ живыми тогда, когда современность не донашивалась, а была во всей прелести своей свѣжести и новизны. Счастливые предшественники наши, упившіеся дѣйствительными прелестями красавицы, оставили въ наслѣдство намъ свой опытъ. А природа, а жизнь, по прежнему неисчерпаемая и безлично благосклонная ко всемъ одинаково предоставляетъ и намъ бездну непочатаго еще и дѣйствительнаго. Но для этого нужно отнести къ ней съ непочатомъ страстностью юности, пожертвовать, можетъ быть, своею опытностью—на что именно насъ и не хватаетъ. Не влюбляются же опытные мужи такъ, какъ пылкіе юноши—на это однако немногіе думаютъ пенять. Если сердечно мы и жалѣемъ о томъ, что для насъ лично пора восторженныхъ заблужденій прошла, то тѣмъ не менѣе мы разумно утѣ-

шаемъ себя мудрою истинною, что для всякаго возраста есть свои заботы, свои дѣла, свои радости и страданія. «La Vieillesse a serpendant sa beauté», говорилъ Альфонсъ Ламартинъ, глядя на портретъ, который вздумалось ему снять съ себя, будучи семидесяти лѣтъ отъ роду.

Мы предпочли воспользоваться опытомъ прошлаго, отжившаго поколѣнія. Мы собственно *продолженіе* его, а не *будущее*, то, о которомъ оно мечтало, къ которому оно стремилось. Но это его будущее вечное и нѣмь. Мы не стремимся къ нему такъ порывисто, не мечтаемъ о немъ, потому что имѣемъ на счетъ его въкоторыя одурачившія сомнѣнія.

Но только по этимъ сомнѣніямъ и догадкамъ мы не составимъ о немъ себѣ художественнаго понятія. А оно живо въ поэтической дѣятельности того предъидущаго, котораго мы являемся какъ-бы дозрѣвшимъ продолженіемъ, живо потому, что только та художественная дѣятельность и переживаетъ минуту, которая служитъ выраженіемъ хоть одной надеждѣ, одному стремленію человѣка, и его эпохи...

Вотъ почему, говоря о современныхъ итальянскихъ поэтахъ, я начинаю съ Джусти. Тѣ же надежды, тѣ же стремленія живы здѣсь и теперь, какъ тогда, когда онъ писалъ карандашомъ въ карманной книжкѣ колкія строфы подъ шумъ ораторствующихъ на трибунѣ собратіи своихъ по тосканскому народному собранію. Только надежды эти поблекли теперь «при словѣ разсудка», что не помѣшаетъ имъ осуществиться, когда настанетъ эпоха не однихъ разсужденій и словъ, но и самого дѣла.

Два имени: Леопарди и Джусти исчерпываютъ всю современную въ этомъ смыслѣ дѣятельность Италіи. Въ оставляемые ими пробѣлы и промежутки съ трудомъ укладываются талантливыя ничтожности въ родѣ Маливи и бездарныя знаменитости, какъ напр. Ричарди, больше известный впрочемъ своимъ оригинальнымъ полученіемъ графскаго титула, чѣмъ стихами.

Составляя совершенную противоположность одинъ другому, Леопарди и Джусти пополняютъ одинъ другого и сходятся на одномъ отрицаніи безпощадномъ и страстномъ всего, что давала имъ или что могла дать окружающая среда ихъ и на безграничной любви къ Италіи, а черезъ преломляющую призму своей національности—на любви ко всему человѣческому. Въ язвительной насмѣшкѣ одного и въ безвыходномъ, иррациональномъ поэтическомъ отчаяніи другого слышится постоянно эта горячая, страст-

ная нота. Такъ возмущаются уродливою бессмысленностью настоящаго только люди, у которыхъ живо сознаніе иного, безмѣрно высшаго существованія. Сомнѣніе, жизненность, неопозволявшая примириться на отвлеченіи, постоянно выбивали и того и другого изъ торной колеи чуждой намъ идеализаціи, романтизма и вызывали ихъ на твердую почву живой дѣйствительности.

Леопарди, болѣе сосредоточенный въ самомъ себѣ и менѣе Джусти отражавшій окружающую его среду во всѣхъ ея минутныхъ отклоненіяхъ, тѣмъ самымъ уже доступнѣе сочувствію всѣхъ. Джусти популярнѣе и интереснѣе, именно какъ умное, колкое и всегда художественное изображеніе итальянской жизни, по сочувствію своему каждой народной отличительной чертѣ своихъ соотечественниковъ, потому наконецъ, что мало найдется итальянцевъ во всѣхъ классахъ тамошняго народонаселенія, которые бы не слышали его стиховъ, и которые, услышавъ ихъ хотя бы одинъ разъ, не удержали бы ихъ въ памяти.

Я не считаю всенародную подачу голосовъ вѣрнымъ средствомъ опредѣлять достоинство художественнаго произведенія и сравнительно съ Леопарди большая популярность Джусти не служитъ въ моихъ глазахъ ручательствомъ за его превосходство надъ нимъ. Есть формы, въ которыхъ истинно прекрасное недоступно тому, кому недосугъ остановиться передъ нимъ. Застольная пѣсня съ меткими, чисто народными выраженіями всѣмъ по плечу... И независимо отъ формы, — насмѣшка меньше пугаетъ, чѣмъ безвыходное отчаяніе, въ которомъ слышится проклятіе, соединенное съ стономъ тоскующей души. Въ насмѣшкѣ есть примиреніе, а въ отчаяніи его нѣтъ. Скептицизмъ Леопарди пугалъ даже Мадзини, а нѣтъ разнощика въ цѣлой Тосканѣ, который бы не смѣялся отъ души надъ пѣсенками Джусти, не чувствуя, какъ она заставляетъ отвалиться отъ его души какой-нибудь до того закоснѣлый наростъ, что его можно было принять за естественный и нужный организму отростокъ.

Говоря о популярности Джусти, какъ о чемъ-то дающемъ ему право на всеобщее вниманіе, я имѣлъ въ виду не только то, что его всѣ читали или, за безграмотностью, слышали. Это въ Италиі очень обыкновенно при большой дешевизнѣ изданій и значительномъ распространеніи грамотности. Важнѣе то, что Джусти будетъ точно также читаться и будущимъ поколѣніемъ и даже той частію Италиі, которая принимаетъ только пассивное участіе въ умственной жизни націи. За это ручается тонкое, — не скажу, — пониманіе, а скорѣе чувство его

всѣхъ основныхъ началъ народной жизни;— тотъ тактъ, которымъ онъ уйдя отъ чисто внѣшняго видимаго отклоненія забраться до тѣхъ обидъ народныхъ чертъ, которыми обуславливалась возможность этого частнаго случая... Нелѣзность и подлость, замѣчаемая имъ въ общественной жизни, объясняется у него политическими обстоятельствоми и обратно...

II.

Италія слыветь садомъ въ Европѣ. Тоскану—la fiorita Toscana— итальянцы называютъ своимъ садомъ. Это до такой степени вѣрно, что, живя здѣсь скоро соскучишься по полямъ и лѣсамъ, по простой и нехудожественной сельской природѣ—ее здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Скажу больше: въ Италиіи зелень—рѣдкость, точно также, какъ во всякомъ слишкомъ хорошо разработанномъ и слишкомъ тщательно содержимомъ саду. Села здѣсь, т. е. нивы, поля какъ-то не *сами по себѣ*: они состоятъ при городкахъ, какъ полисадники при домикахъ на петербургской сторонѣ. Это придаетъ здѣшней жизни какой-то мраморный характеръ, конечно очень художественный, изящный. Мы можемъ прельщаться имъ, но намъ онъ не по душѣ. А la longue намъ въ немъ если и не тѣсно, то все какъ то неловко. Мы ищемъ чего-то болѣе привольнаго, дикаго. Таковы здѣсь горные пейзажи. Но горная дичь какъ-то слишкомъ сродни этимъ мраморнымъ городамъ; и она прельщаетъ насъ, но не манитъ. Это неродная намъ природа.

Издѣлка вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ попадетъ глухая деревушка. Она печальнымъ пятномъ лежитъ на роскошно разработанной поверхности этого чудеснаго края. Слишкомъ примѣтные слѣды отсталости, можетъ быть даже застоя, отражаются на ней. Они оскорбляютъ, горько поражаютъ своею противоположностью съ остальнымъ, но во мнѣ, когда я вижу ихъ, всегда зашевелится что-то отрадное,—словно, приѣхавъ домой, встрѣчаешь горе, но горе родное...

Этотъ задавленный сельскій элементъ-визанка итальянской жизни— элементъ вѣчной реакціи противъ всякаго передоваго движенія,— почва, на которой съ успѣхомъ стѣютъ всякую дрянъ папскіе легаты, шпіоны и разбойники Бурбоновъ,—эти ракообразные агитаторы, влекущіе Италію во временахъ выстраданной ею тираниіи. Тупое, страдательное,

отставаніе себя и своего клочка земли, живота и достоянія противъ цивилизаціи, враждебно подступающей въ видѣ образованнаго городского спекулятора — вотъ все существованіе итальянскаго земства. Оно или гордится своимъ отчужденіемъ, лукаво презирая и обкрадывая по возможности горожанъ, либо стремится отрѣчься отъ самого себя, перейти во враждебный лагерь — единственное условіе, подь которымъ можно избѣжать печальной участи быть всосаннымъ тиною этой мертвящей жизни... Любая кормилица или судожойка, точно также какъ выше по общественной лѣстницѣ, — любой толстенькій студентъ въ Пизѣ или Сьенѣ съ очевидной склонностью къ ружейной охотѣ, къ добродушному лукавству и къ *dolce far niente* — все это личныя попытки примиренія двухъ враждующихъ вѣчно въ Италіи сословій, — попытки, даже въ смыслѣ частнаго случая, обыкновенно неудачныя. Варварское *комтадинское* происхожденіе тѣмъ хуже укрывается подъ благопріобрѣтенымъ грузомъ городского просвѣщенія, чѣмъ больше самый пациентъ смотритъ на свою пріобрѣтаемую гражданственность, какъ на павлиныя перья, которыми ворона думала прикрыть свой плесейскій уборъ...

Басня о «воронѣ въ павлиныхъ перьяхъ», которую невольно вспоминаешь когда рѣчь зайдетъ о людяхъ, вышедшихъ изъ одного сословія съ намѣреніемъ войти въ другое — въ этомъ случаѣ едвали идетъ къ дѣлу. Въ основаніи факта, о которомъ я говорю, лежатъ нѣчто весьма серьезное, и я не имѣю даже желанья относиться съ холодной точки зрѣнія моралистовъ....

Если оставить въ сторонѣ итальянскихъ кормилицъ и трактирныхъ молодцовъ и принять въ соображеніе остающуюся за вычетомъ нѣк многочисленную толпу, ежегодно выбрасываемую изъ себя итальянскимъ земствомъ, то мы встрѣтимся съ явленіемъ, имѣющимъ свой собственный типъ, типъ страшный и оригинальный въ одно и то же время.

Дантъ писалъ въ странѣ и во времена, неизвѣстнаго понятія о *миллизмѣ* въ гамлетовскомъ или въ фаустовскомъ смыслѣ этого слова. Онъ не могъ понять всей глубины мученій, протекающихъ для человека изъ неприлагаемости его къ средѣ, въ которой онъ осужденъ прозябать. Ему казалось, что онъ очень милостиво поступилъ съ душами, которыхъ все наказаніе въ томъ, что они не могутъ пристать ни къ тому, ни къ другому берегу. Но мы опытиѣ его въ этомъ дѣлѣ... Мнѣ и въ голову никогда не приходитъ смѣяться или морализировать, когда я встрѣчаю въ итальянскихъ городахъ — по преимуществу между

пизанскими и сьенскими студентами—это поколѣніе, народившееся въ привольѣ хотя и непрощающей здѣсь сельской жизни. Только между ними еще и встрѣчаются здѣсь молодые люди. Городское же поколѣніе, подавленное пауперизмомъ или богатствомъ, необходимостью пугливой и тяжелой работы, или обязательнымъ бездѣйствіемъ, никогда не бываетъ молодо...

Но въ городѣ трудно ужиться тому, кто съ дѣтства инстинктивно привыкъ требовать отъ жизни легкаго и дешеваго удовлетворенія оправданныхъ какимъ-то всеобщимъ иѣмымъ признаемъ своихъ потребностей. Вѣчное движеніе городской жизни, казавшееся заманчивымъ человѣку, развившемуся среди тилаго застоя итальянскаго земства, при первомъ сближеніи съ нимъ, теряетъ въ его глазахъ всякую прелесть. Онъ не можетъ искренно хотѣть вжиться въ нее, усвоить ее себѣ; точно также не можетъ предпочесть ей оставленнаго для нея покоя своей родной деревни, а потому и покой этотъ вовсе не чуждъ утомительнаго броженія въ заколдованномъ кругѣ. И самый кругъ этотъ еще тѣснѣе, еще удушливѣе можетъ быть самодержавнаго иѣщества промышленно и учено-дѣятельныхъ городовъ...

Среда, о которой здѣсь идетъ рѣчь, очень немногочисленна въ Италіи; но такъ какъ это самая больная ея среда, сохранившая здоровья ровно на столько, на сколько нужно, чтобы не утратить сознание своего жалкаго положенія, то и хорошо съ одной стороны, что она не разрастается до болѣе значительныхъ размѣровъ. Но чтобы это совсѣмъ было хорошо—я не думаю.

Лицевой и задній фасадъ итальянской жизни, замкнутые въ себѣ—процвѣтающее и подавляющее иѣщество и угнетенный сельскій классъ—оба вертятся, какъ бѣлки, въ колесѣ. Разница значительная въ размѣрахъ, но не больше. И тутъ и тамъ совершенно одинаковое довольство собою и своей долей—забота о томъ только, чтобы побольше размѣститься въ колесѣ, въ которую бросила ихъ судьба или случайность,—размѣститься конечно на плечахъ и на шеяхъ своихъ соотчужденцевъ. И за этой подавляющей заботой мало остается времени и желанія подумать о томъ, чтобы вырваться изъ своей узкой, искусственной лѣчки... Очевидно, вѣка могутъ пройти—тотъ, кто вчера сидѣлъ на плечахъ десяти братьевъ своихъ во Христѣ, теперь въ свою очередь лежитъ задавленный ими... а выходу все-же не будетъ...

Среда, непримкнувшая ни къ тому, ни къ другому берегу, чувствующая и сознающая оторванность свою отъ обоихъ, можетъ, ко-

нечно, также бездѣтельно и туго проводить жизнь свою, хотя и другимъ образомъ. Недостатокъ въ человѣкѣ того творческаго начала, которое оплодотворяетъ всякую дѣятельность, чисто органической; онъ зарождается и развивается въ этой общественной средѣ, которая гнѣтъ въ тинномъ самодовольствіи. Если человѣка удовлетворяетъ его прошедшее и настоящее — значить онъ пересталъ жить и дѣйствовать. Поэтому будемъ скромнѣе, когда намъ приходится зубоскалить или швырять грязью въ такъ называемыя утопіи и туманныя надежды на лучшее будущее...

Было время, когда общество крайне снисходительно относилось къ этимъ непризнаннымъ душамъ, «сотканнымъ изъ лучшаго эфира» и гордившихся тѣмъ, что

Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Мы увидѣли, что это пристрастие доходило до излишнихъ крайностей, что часто рѣшительная физиологическая негодность, т. е. невозможность жить въ дѣйствительномъ мірѣ, скрывалась подъ казавшимися намъ художественными и поэтическими стремленіями романтическихъ натуръ. Но эта болѣзнь прошла, только не всѣхъ мертвецовъ еще снесли на кладбище. Нѣкоторые изъ нихъ не покончили съ своей агоніей, и когда ихъ трупы начинаютъ разлагаться, они рѣшаются бороться съ той живой силой, которая ихъ убила. Въ такомъ положеніи находятся въ Италіи идеалисты, съужившіе опозитизировать даже католическій догматъ. Но мертвые уступаютъ дорогу живымъ; на мѣсто больныхъ и поврежденныхъ мечтателей явились другіе дѣятели — общественной пользы, которыхъ *золотая середина* называется также утопистами, но уже не восхищается ими, а боится ихъ и клеветаетъ на нихъ. Это люди мысли и дѣла, съ горячей вѣрой въ человѣка и въ его лучшее назначеніе. У этихъ людей вмѣсто розовыхъ фразъ замѣтна ядовитая или горькая улыбка на губахъ; — вмѣсто художественныхъ *увы* и *ахъ!* срывается съ языка глубокій стонъ, нарушающій блаженные сны самодовольнаго мѣщанства.

Такъ какъ эти *мечтатели* очень положительны въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, то за эту положительность ихъ ненавидятъ. При неополитанскихъ Бурбунахъ они слѣдѣли въ душныхъ казематахъ, а те-

перь ихъ выпустили, но съ приказаніемъ молчать; пока не возстановится порядокъ, придуманный министрами Виктора Эммануила...

Если далеко неполныиъ, то очень вѣрныиъ выраженіемъ этого типа людей былъ Джузеппе Джусти. Италіанскіе биографы его вскользь и мелькомъ упоминають о томъ, что онъ родился въ Монзумано, глухой деревушкѣ близъ Пешин, извѣстной своими минеральными водами и живописныиъ гротомъ. Я упоминаю объ этомъ потому, что этииъ обстоятельствомъ прямо обусловливалась одна изъ сторонъ его дѣятельности, и для насъ, конечно, одна изъ самыхъ интересныиъ ея сторонъ.

Какъ ни рано оставилъ онъ нероскошный замокъ своего отца, какъ ни полно повидимому вжился онъ во всѣ тревоженія флорентійской жизни, онъ никогда не могъ заглушить въ себѣ одно весьма часто то жившее его чувство—своей разорванности съ средою, въ которой онъ самъ осудилъ себя жить изъ весьма понятнаго стремленія къ дѣятельности. Городская Италія никогда не была ему родною, онъ не былъ запертъ въ ея пользу никакими традиціями, никакими воспоминаніями безсознательно прожитаго имъ на этомъ мѣстѣ времени.

А это время у Джусти было несравненно художественнѣе, богаче живыми впечатлѣніями, чѣмъ у самаго счастливаго изъ горожанъ. Если бы онъ раньше оставилъ деревню, т. е. до того времени, пока началъ омушать всю мелочность и пустоту жизни, развивавшейся, или лучше разлагавшейся среди живописной природы, которую онъ рано привыкъ любить, то вѣроятно въ немъ сохранились бы буколическія стремленія, рождавшая ненависть ко всему городскому безъ всякаго разбора. Но этого не случилось. Онъ вынесъ изъ дѣтства близкое знакомство съ италіанскою націей безъ ненависти къ той или другой изъ ея рубрикъ.

Характеръ его уже сложился прежде, чѣмъ онъ испыталъ на себѣ всю подавляющую тяжесть односторонней просвѣщенности безжизненныиъ тосканскіиъ городовъ. Въ пизанскомъ университетѣ и во флорентійскіиъ академіяхъ и народныхъ собраніяхъ, воодушевленныхъ подогрѣтыиъ цинизмомъ, заимствованныиъ изъ руководствъ древней исторіи, Джусти оставался «санфомъ въ Афинахъ», но не въ карикатурномъ смыслѣ. Онъ понималъ, что онъ нечужой здѣсь, что онъ имѣетъ свои права; но едвали могъ найти удовлетвореніе въ окружающемъ; онъ «чувствовалъ», что ему было чуждо это окружающее. Онъ вмѣшалъ въ себѣ два враждебныя начала раздвоеннаго италіанскаго быта, и въ немъ онъ были примирены; а кругомъ продолжали презирать и ненавидѣть другъ друга, и ни министры Леопольда, ни триумвиры впо-

слѣдствіи никогда не подумали о томъ, что первый и единственно возможный для Италіи шагъ впередъ долженъ быть примиреніе двухъ неизвѣстно изъ-за какой необходимости враждующихъ сторонъ. Самъ Джусти никогда не могъ понять этой простой мысли въ ея общности и цѣлости; но всѣ его и пѣсни были въ сущности ни что иное, какъ развитіе именно ея, но только въ частностяхъ и въ примѣненіяхъ...

Тоскана и вся Италія во времена Джусти была въ самомъ страстномъ припадкѣ націонализма. На патриотизмъ, на правъ національности всѣ общественные ея дѣятели основывали свои стремленья. А между тѣмъ только онъ одинъ и былъ націоналенъ.

Городская, промышленная жизнь ведетъ къ космополитизму во первыхъ потому, что она развивается на интересахъ общихъ, часто противоположныхъ интересамъ національнымъ; во-вторыхъ потому, что она питается отвлеченностями, — она менѣе связана, обусловлена тѣми космическими и другими случайностями, которыми опредѣляется національность. Эго имѣть, какъ вѣроятно и все на свѣтѣ, свою хорошую и дурную сторону. Мысль общенароднаго братства выработана городами — поэтому-то она и остается отвлеченною.

Земледѣлецъ всегда горячій приверженецъ своей національности и крѣпко стоитъ за нее. Объ общенародномъ братствѣ онъ не думаетъ, потому что привыкъ думать о томъ только, что само навязывается ему своею докучною насущностью. Потому же физиологически онъ-то и есть, несравненно больше чѣмъ горожанинъ, представитель своей націи. Горожанинъ можетъ иногда сохранить нѣкоторыя изъ своихъ національныхъ чертъ. Чѣмъ меньше онъ развитъ, тѣмъ больше въ немъ осталось ихъ. Земледѣлецъ можетъ развиваться столько, на сколько данныя національнаго характера способны быть развиваемы, т. е. изъ узко-национальныхъ стать общечеловѣческими. Горожанинъ легко понимаетъ всѣ выгоды, которыя могутъ произойти для челоуѣческаго изъ общенароднаго братства — для этого ему нужны нѣкоторыя спекулятивныя способности и не особенно высокая степень развитія. Каждый шагъ въ развитіи земледѣльца есть шагъ къ общенародному братству. Национальность земледѣльческихъ классовъ служить вѣчнымъ тормозомъ къ развитію городской промышленности. Сама по себѣ эта національность одна изъ природныхъ, непосредственныхъ ячеекъ общества, точно также, какъ семья, община...

Передовые изъ сотоварищей Джусти по національному собранію смотрѣли на національность свою, какъ на средство поднять массы про-

тивъ ненавистнаго имъ австрійскаго правительства. Джусти ненавидѣлъ австрійское иго, на сколько оно препятствовало развитію живыхъ началъ итальянской народности, т. е. безмѣрно, но вслѣдствіе этого у него оставалась возможность самыя средства, которыми думали избавить Италію отъ иноземныхъ притѣснителей, разбирать съ насмѣшливою враждебностью контадина надъ всею недѣйствительнымъ и отвлекающимъ.

Такъ какъ обѣ стороны итальянскаго быта въ возможно полномъ своемъ по тому времени развитіи, были тѣсно сплавлены въ немъ въ одно цѣлое и составляли его личность, какъ поэта, то нельзя найдти одного или нѣсколькихъ стихотвореній его, которыми бы можно было указать на степень развитія въ немъ той или другой изъ нихъ. Но также трудно найдти между ними и такое, въ которомъ бы эта полнота и національность его не отпечатались бы весьма ярко и во всей нераздѣльной цѣлости своей.

Впрочемъ объ этомъ еще много придется говорить. А здѣсь остановимся только на самомъ его языкѣ. Въ этомъ всего рѣзче высказывается тѣсное, не скажу знакомство, а скорѣе самое близкое родство его съ живыми и оригинальными до нельзя тосканскими контадинами — земледѣльцами, на которыхъ горожане тогда только и могутъ смотреть безъ смѣху, когда дѣло коснется денежныхъ расчетовъ съ ними. А между тѣмъ тосканскій мужикъ едва ли смѣшате всякаго другого мужика. Смѣшате всего противоположность этихъ наивно-лукавыхъ, выразительныхъ фizioномій съ безличными и сглаженными до стеротипности мѣщанскаго быта лицами горожанъ. Впрочемъ въ Тосканѣ, благодаря щедрости и благодатности здѣшней природы, и въ городахъ мало встрѣчается «лицъ» вовсе «безличныхъ», но еще меньше правда такихъ, которыя бы не носили на себѣ отпечатка той изюженной добродѣтели, которая какъ казенная пуговица, сравнивать всѣхъ благонамѣренныхъ горожанъ до безразличнаго уровня...

Оригинальность фizioномій контадина составляетъ не столько самое лице, сколько наивность чувства, соединенная съ лукавствомъ, а главное — его языкъ живописный до нельзя, обработанный по своему не въ ущербъ самобытности... Тому, кто самъ не видалъ и не слышалъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не видалъ классическаго «Стенчело» на сценѣ тосканскихъ грошевыхъ театровъ, тому, говорю я, невозможно передать въ чемъ именно дѣло.

Этим-то живописнымъ языкомъ Джусти выставляетъ на видъ своимъ соотечественникамъ не только необходимость, но и возможность снѣтія въ одно раздвоеннаго народа. Выставляетъ ее онъ, никогда не называя по имени, можетъ быть и безсознательно, — во всякомъ случаѣ отрицательно. Онъ даетъ почувствовать всю пустоту этой раздвоенной жизни въ безконечномъ числѣ весьма различныхъ ея проявленій, отъ мелочныхъ и до считаемыхъ важными. Личностью своею онъ заставляетъ каждого почувствовать, что раздѣленіе это ложно, недействительно. И странно: гордые горожане, которыхъ всего больше раздражаетъ именно сознание своей совершенной тождественности съ презираемымъ сельскимъ классомъ, — сознание того, что различіе между ними чисто случайное, нелѣпое, недействительное, — только въ одномъ Джусти и могутъ примириться съ этимъ оскорбительнымъ для нихъ притязательности сознаниемъ...

Джусти особенно любилъ этотъ живописный языкъ контадиновъ и изучалъ его до мельчайшихъ подробностей. Это пристрастіе чуть было не побудило его отдаться исключительно филологіи. Но такъ какъ человѣкъ неизбежно вноситъ во всякое серьезное занятіе ту часть своей личности, которая ему дорога по преимуществу, то Джусти свои научныя занятія подчинялъ неволью одному личному стремленію, никогда впрочемъ, неразвившемуся въ немъ такъ аналитически полно, чтобы сдѣлать плодотворною его науку. Онъ живо чувствовалъ потребность живаго тосканскаго языка, которому между прочимъ ничто не мѣшало стать живымъ итальянскимъ. И онъ создалъ его, но только не филологическими своими трудами, а своими пѣснями.

Все, что есть роскошнаго, живописнаго въ *ratoix* всѣхъ существующихъ мелкихъ и крупныхъ, замкнутыхъ или незамкнутыхъ въ себѣ итальянскихъ корпорацій и общественныхъ подраздѣленій, вошло въ оригинальный, живой и роскошный, чисто народный языкъ этого поэта. Какъ отъ картины Рубенса или Деканъ (*Decamps*), отъ него вѣетъ неувимую поэзію красокъ...

А весьма немногочисленныя лингвистическія попытки его вышли тѣмъ немоще весьма неудачны, безжизненны и затерялись по большей части никому неизвѣстными. Одна изъ нихъ впрочемъ избѣгла общей участи — его изданіе народныхъ тосканскихъ поговорокъ и пословицъ, снабженное собственными его объясненіями и притѣчаніями къ каждой изъ нихъ. Впрочемъ, сборникъ этотъ интересенъ никакъ не тою частью своею, которая принадлежитъ самому автору. Я думаю, что Джусти

всего бѣгѣ подчинялся весьма распространенному въ его время мнѣнію: будто человекъ «праздно бременить землю», если не имѣетъ какого-нибудь скучнаго для себя дѣла, — такъ не въ видѣ ли уступки этому мнѣнію, которое самъ онъ раздѣлялъ, занимаясь Джусто своими ничто необъясняющими и непополняющими поясненіями и прибавленіями къ народнымъ поговоркамъ?..

III.

При первомъ взглядѣ на портретъ Джусто, мнѣ все кажется, будто я вижу дурно сдѣланный портретъ Пушкина. Отчасти это можетъ быть и отъ того, что всѣ портреты Джусто, которые мнѣ случалось видѣть, дурно сдѣланы. Впрочемъ такъ какъ другихъ нѣтъ, то я предполагаю что эти не безъ сходства. Понятіе о человекѣ никогда не полно, если не знаешь его внѣшности. Она часто можетъ быть и обманчива, но всегда многое объясняетъ... При потребности знать, какая фізіономія была у Джусто и т. п. ничто не противорѣчитъ тому, чтобы у него была именно такая фізіономія, какая изображена на его портретахъ, — я довольствуюсь ими...

Разбирая черты его чисто тосканскаго лица, съ нѣсколькими поднятыми вверхъ бровями, со вдавленной переносицей и рѣдкой бородкой, я мало нахожу въ немъ похожаго на африканское лице нашего поэта. Сходство есть, но въ общемъ, скорѣе въ «музыкѣ лица», чѣмъ въ отлѣчныхъ чертахъ его; да пожалуй еще въ темныхъ, курчавыхъ, какъ у негра, волосахъ...

И я убѣжденъ, что это не ошибка рисовальщика. Между ними есть то внутреннее сходство, которое необходимо должно было заявить себя въ самой внѣшности. Та же жизненность, разносторонняя впечатлительность, умѣнье найти въ себѣ «свой отъликъ», безъ олимпійскаго величія Гете, безъ романтизма и слезливаго разочарованія жизнью...

Нѣкоторое сходство въ случайномъ положеніи ихъ, относительно среды, въ которой жили, необходимо происходила изъ этого внутренняго сходства, такъ какъ разница между ихъ взаимными обстановками несомнѣнная.

Изъ того, что сказано уже въ общихъ чертахъ, въ началѣ предыдущей главы, легко составить себѣ понятіе о томъ, чѣмъ шла жизнь

Джустини въ первое время его призана во Флоренцію, по окончаніи курса въ пизанскомъ университетѣ.

Существованіе его было на столько обезпечено, что онъ могъ не выбирать себѣ прикладной дѣятельности единственно по инстинкту самосохраненія. А по душѣ трудно было вообще человѣку выбрать тотъ или другой изъ проселковъ общественной дѣятельности въ тѣ времена, когда все стремилось къ какой-то замкнутости въ себѣ и совершенной оторванности отъ живой общественности...

Впрочемъ, картину, и довольно полную, тогдашняго состоянія Италіи, оставилъ намъ самъ Джустини, и его живые художественные очерки гораздо интереснѣе и полнѣе того, что бы я могъ сказать объ этомъ предметѣ. Къ сожалѣнію, большую часть его стихотвореній я не могу, «по совершенно независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ», представить на судъ читателей въ болѣе или менѣе подстрочномъ переводѣ.

Однако, прежде чѣмъ говорить о дѣятельности человѣка, мнѣ бы хотѣлось хоть сколько-нибудь ознакомить и съ его личностью...

Насколько могу, заставаю и здѣсь самого Джустини говорить за себя. Предупреждаю только, что онъ едва ли не меньше всѣхъ другихъ современныхъ итальянскихъ и неитальянскихъ поэтовъ занять собою. Онъ не оставилъ исповѣдей *спеціальныхъ* или *генеральныхъ*; весьма немногія изъ его стихотвореній относятся лично къ нему, къ событіямъ его жизни. И самыя письма его въ стихахъ и въ прозѣ къ друзьямъ: къ Джироламо Томази, Коноци, семейству d'Azelio, свидѣтельствуютъ всего больше о томъ, что у него не было близкихъ, передъ которыми бы онъ чувствовалъ желаніе высказаться. Письма эти (о которыхъ еще скажу нѣсколько словъ послѣ) весьма интересны во многихъ отношеніяхъ, но мало объясняютъ самую личность поэта, въ особенности же въ ту эпоху его жизни, которая у всѣхъ бываетъ полнѣе, блестяще остальныхъ; но которая у Джустини, благодаря случайнымъ сдѣланнымъ обстоятельствамъ, едвали несамая бѣдная эпоха. Я говорю, конечно, о порѣ его первой молодости.

Первыя дошедшія до публики стихотворенія Джустини — я говорю это, полагаясь на вѣрность хронологіи, сообщаемой всѣми его биографами и издателями — относятся къ 1833 г., когда ему было около двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Въ послѣднее время, т. е. по введеніи въ Тосканѣ конституціоннаго уложенія о печати, во Флоренціи сдѣлано два изданія Джустини, весьма полныхъ, болѣе даже полныхъ, чѣмъ слѣдовало; такъ въ послѣднее изъ нихъ вошли даже такія стихотворенія, кото-

рыя Джустини никогда не писалъ, какъ напр. довольно плохой переводъ «Бога» Беранже. Тѣмъ не менѣе «*Паровая Гильотина*» (*La guigliottina a vapore*) и «*Предложеніе перемѣнить образъ жизни*» (*La Ropugazione o il proponimento di cambias vita*) остаются первыми по времени его произведеніями, а и то, и другое написано имъ послѣ паденія революціи въ Романьяхъ въ 1832 или 1833 году.

Ни то, ни другое изъ нихъ не принадлежитъ къ разряду лучшихъ его стиховъ, однако въ нихъ уже достаточно выработанности и нѣкоторой технической опытности, не позволяющей принять ихъ за первые опыты... Я знаю, что у насъ такое замѣчаніе можетъ очень показаться страннымъ. Но итальянская публика, хотя бы и очень не разборчивая въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ свои очень строгія требованія относительно слога, внѣшней отдѣлки литературныхъ произведеній. Да есть къ тому же весьма положительныя данныя на то, что Джустини самъ очень тщательно обрабатывалъ каждую свою строчку, перечеркивая и переписывая ее по нѣскольку разъ...

Но, отложивъ въ сторону всякія другія соображенія, я просто задаю себѣ вопросъ: могъ ли человѣкъ, одаренный замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ и рѣдкою впечатлительностью, не писать стиховъ до двадцати-пятаго года своей жизни? Я не могу допустить подобной возможности.

Но что случилось съ его первыми стихами? это неразрѣшенная до сихъ поръ задача. А потому, о первыхъ годахъ молодости, о его студенчествѣ, сперва въ Пистоѣ, потомъ въ Пизѣ, трудно сказать что нибудь...

Биографы сообщаютъ по этому поводу нѣсколько малозначущихъ событій его внѣшней жизни. Но вовсе не это интересно...

Гораздо позже, уже совершенно возмужавъ, Джустини вспоминаетъ торжественный день своей разлуки съ университетомъ. Перевожу здѣсь вѣрнѣе это весьма широкое его стихотвореніе:

«У меня навсегда останется въ памяти день, когда я получилъ за свои умственные доблести и за приличную плату дипломъ на званіе «*Eccellentissimo*» и печально оставилъ наше веселое пизанское столпотвореніе.»

*) *Eccellentissimo* — превосходящѣйшій—въ Италіи титулъ докторскаго званія. Джустини не говоритъ дипломъ на званіе, а *diviso*, что значить дивизъ, вундиръ, форменная отличка. Но переводить слово въ слово-значило бы сдѣлать его совершенно непонятнымъ.

«Усталый вошелъ я триумфаторомъ съ цѣлой вотагой въ Уззего» (кофейная подъ вывѣской *Гусара* въ Пиэв, гдѣ собирается студенчество), и, угостивъ въ послѣдній разъ чернымъ кофеемъ человекъ двадцать пріятелей, заплативъ шесть раоі стараго долга — покатилъ на ждавшей меня у воротъ таратайкѣ — покатылъ, но не весело, а съ опущеннымъ носомъ и въ смущеніи.»

«Четыре года прожиты беззаботно, на свободѣ! Книжки заброшены въ уголъ — открывается широкій входъ въ жизнь, что на первыхъ порахъ возбуждаетъ и радостныя отчасти ощущенія.»

«Какъ ни упивайся знаніемъ, какъ ни глотай томъ за томомъ—человѣкомъ отъ этого не станешь, а развѣ *chiarissimo* (тоже что и *eccellentissimo*).» Только что выберешься изъ ученыхъ стѣнъ, споткнешься на первомъ же попавшемся камушкѣ. Эхъ! Отъ слова до дѣла длинна дорога!»

«Каюсь—но я любилъ слушать уроки но только не съ кафедры. Неможно безпутства мнѣ казалось необходимымъ дополненіемъ къ профессорскимъ лекціямъ. Въ небрежности есть своя мудрость.»

«Мнѣ дорого мое истертое платье время мое студентства и наше квакерское *ты*, которымъ дѣйственные тогда еще уста наши встрѣчали новаго товарища. Теперь обманъ жизни приучилъ насъ ко лжи и безсознательно называешь каждаго встрѣчнаго почтительнымъ *вы*, значительно облегчающимъ дальнѣйшее надувательство.»

«Въ нашъ пустой *банкирскій* вѣкъ, кромѣ университета встрѣтишь тотъ цинизмъ, съ которымъ мы не боялись выказывать нашу бѣдность, протертые локти, а иногда и голодъ?»

«Наши веселые дни и вечера, проходившіе въ искреннихъ спорахъ, въ шуткахъ и насмѣшкахъ! Нѣтъ не забывается то время, которое прожито безъ обмана, безъ лести—когда и волоса и мозгъ не прилизывались изъ приличія.»

«А сколько тогдашнихъ юныхъ Сократовъ сгали потомъ плутами или полоумными... Боже сохрани насъ заживаться такъ долго на этомъ свѣтѣ!»

«Пусть же ученіе уступитъ мѣсто веселью, какъ теорія практикѣ, или пусть, по крайней мѣрѣ, идуть въ перемѣжку книжки съ пирушками. Пора бы перестать морщиться на молодежь за ея невоздержность.»

«А сами строгіе моралисты съ своимъ занятымъ вѣчно и дѣловымъ видомъ лучше бы перестали думать о томъ, какъ выгодноѣ запродать

свою душу, стать-ли шпиономъ, или иными путями поразиться на счетъ чужаго кармана?»

«Сигара, стаканъ пуншу, иной разъ сумаэбродная выходка, да подь счастье надуть лакействующихъ на кафедрѣ ословъ и плутовъ.»

«Вотъ, гг. туристы, мои грѣхи и подвиги. Сумаэбродство, такъ строго порицаемое вами, въ моихъ глазахъ заслуживаетъ уваженіе. Всѣ эти натанутыя на серьезную мину рожи мальчишекъ о томъ только и думаютъ, чтобы съѣсть другинь на шею.»

«Съ какой радостью увижу я опять нашу наклонившуюся на бокъ прапорную колокольню — послѣ долгихъ лѣтъ разлуки видъ ея напомнитъ мнѣ, что я не сломился и не погнулся.»

«А тѣ, которые благо разумно тогда чуждались насъ, когда мы забывъ не только «jus Romanum», но и университетскій уставъ, пѣли *трехъцѣлныя* пѣсни—тѣ, что слушая насъ прикидывались глухими.»

«Теперь разжирѣли и погребли себя въ животности подь бременемъ нѣсколькихъ крестовъ. Мы же по прежнему — какое сумаэбродство! — не служимъ и не грязнимся, а все веселы.»

«За то всякій, кто боится быть укушеннымъ, передь тѣми отступить или молчать. Намъ же каждый открываетъ беззаботно и мысля свои, и объятія. Нѣтъ право, сообразивши все, благо разумнѣе оставаться сумаэбродомъ.» (*Воспоминанія о Пизѣ*) «Le memorie di Pisa») написаны въ 1841 г. см. «Le Poesie di G. Giusti» edizione diamantata. Firenze. 1861 стр. 144.

Итальянскіе студенты давно уже не составляютъ отдѣльной корпораціи. Съ каждымъ годомъ духъ *филистерства*, меркантильнаго взгляда на жизнь и на науку, все больше завладѣваетъ университетскими кружками. Но до сихъ поръ есть еще много молодыхъ людей, неутратившихъ ни юношеской полноты и страстности, ни, слѣдовательно, исключительности въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Этимъ, конечно, не по плечу господствующее въ обществѣ направленіе, съ которымъ они въ полномъ разрывѣ. Разрывъ этотъ, вытекающій изъ весьма близкаго всегдъ намъ источника, вовсе не ограничивается необходимымъ,

разумнымъ проявленіемъ. Какъ все на свѣтѣ, онъ стремится дойти до крайности, до нелѣпости по дорогѣ, перейдя черезъ художественную полноту. Въ Италіи, однако, ему еще далеко до крайнихъ этихъ предѣловъ и слава Богу! скажемъ мы, вспомнивъ Германію...

Но итальянскіе юноши не такъ смотрять на это. Имъ бы хотѣлось устроить свое собственное, сообразное съ ихъ склонностями общество, возвести свои немногочисленные кружки въ когда-то сильныя своимъ значеніемъ корпораціи—оградить ихъ отъ мелочнаго вліянія биржи и прилавка.

Этимъ кружкамъ, (о которыхъ многое бы можно сказать, если бы они не являлись здѣсь, т. е. въ моемъ разсказѣ чисто эпизодически) недостаетъ между прочимъ одного—своихъ пѣсенъ. Недостатокъ этотъ весьма многозначительный въ классической странѣ музыки и поэзіи... Я впрочемъ упоминаю о немъ для того только, чтобы читатели поняли: почему «Воспоминанія о Пизѣ» Джусти были очень восторженно приняты юнымъ поколѣніемъ студентовъ и теперь живы въ немъ. Не обойдется въ самомъ дѣлѣ ни одна студенческая пирушка безъ того, чтобы длинное стихотвореніе это не было пропѣто дружнымъ хоромъ молодыхъ и свѣжихъ голосовъ. Этого одного, мнѣ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы многіе съ живымъ интересомъ прочли едвали не единственную въ Италіи общезвѣстную студенческую пѣсню, хотя бы въ прозаическомъ переводѣ, дающемъ небольшое, какъ остовъ, скелетъ поэтическаго произведенія.

Но для біографіи Джусти его «Воспоминанія о Пизѣ» имѣютъ еще и другой довольно существенный интерес...

Какъ печальна должна была быть его молодость и какъ пусто прошли годы его молодости, если воспоминанія студенчества вдохновляютъ его на какой-то робкій, незорѣлый дифирамбъ или апологію ребяческому разгулу.

Этотъ вопросъ невольно задаешь себѣ, и на него отвѣтъ нерадостный.

Въ оригиналѣ стихотвореніе это закупаетъ въ свою пользу необыкновенною жизненностью какою-то неуловимой художественностью формы и меткостью нѣкоторыхъ выраженій, вошедшихъ въ пословицу, какъ у насъ было изъ «Гора отъ Ума». Эти достоинства, составляющія рѣдкій отпечатокъ самого характера поэта, какъ-то обманываютъ на счетъ содержанія. И хотя въ стихотвореніи есть современная глубокая мысль, но ее-то мало и замѣчаютъ.

Мысль эта едва ли принадлежит тому возрасту, о котором Джусти здесь вспоминает,—скорѣе тому, когда онъ вспоминаетъ.

Студенчество его было дѣйствительно таково, какими онъ его рисуетъ. Онъ точно любилъ «пополнять профессорскія лекціи» столкновениемъ съ жизнью. Но едва ли онъ думалъ тогда о томъ, что подобное поновленіе необходимо, что изъ аудиторіи выйдешь съ титуломъ: «*Chiazzissimo*», но не человѣкомъ. А стать человѣкомъ, кажется, было во всякое время его стремленіемъ, но едва ли сознаннымъ имъ самимъ.

Какъ недоношено еще въ немъ это сознаніе, когда онъ тридцатиницъ мужемъ пишетъ свои «Воспоминанія.»

Впрочемъ, если бы во время студенчества въ немъ уже было оно сознательно, онъ бы искалъ и навѣрное нашелъ бы столкновенія болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, которыя прошли мимо, не вызвавъ въ его поэтической душѣ, откликавшейся на все, ни одного глубокаго ощущенія.

Его долго мучило то апатическое бездѣйствіе, въ которомъ онъ прожил много лѣтъ. Онъ искалъ какого-нибудь дѣла чисто практическаго, недоумѣвая самъ своему таланту, готовый отрѣчься отъ сумазбродства, которое онъ прославляетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ.» Онъ пробовалъ адвокатскія занятія; занимался философіей. Онъ даже хотѣлъ заняться всякимъ дѣломъ именно такъ, какъ тѣ педанты, надъ которыми онъ смѣялся сперва нѣсколько раздражительно, не безъ злобы, потому до крайности остро и итѣтко.

Всѣ эти попытки его увѣчались, конечно, ничѣмъ къ великой его жести. Но постоянныя неудачи, всюду встрѣчаемый обманъ, разрывъ въ немъ рано нѣкоторую холодность ко всему, скептическую апатію, о которой поговоримъ потомъ, потому что она гораздо позже развилась въ немъ до болѣе замѣчательныхъ размѣровъ. Но уже въ 1833 г., когда онъ писалъ свои «Предположенія пережвѣнить образъ жизни», многія фразы его для него лично казались вовсе не такою прошею, а какою онъ были приняты.

A quindici anni immaginava anch'io
Che un'uomo onesto, un povero minchione
Potesse qualche volta aver ragione:

Furbo, per Dio!

И многие теперь еще принимают стихи эти за полную выходку против тогдашнего гражданского положенія Тосканы.....

IV.

Что касается до предположенія «перемѣнить образъ жизни» не въ стихахъ, а въ дѣйствительности, Джустини столько разъ перемѣнял его, что въ сущности все выходитъ одно и то же. Его разрывъ со всѣми окружающими средами долго казался ему самому дѣломъ каприза, ребяческою невыдержанностью.

Нѣкоторые изъ первыхъ его произведеній (*Бездомница—Il Singhi-llino,—Коронація—Покровъ—Dies irae* и проч.) ходили въ рукописи по всей Тосканѣ. Имя автора не скоро стало извѣстно публикѣ. Никто не сомнѣвался уже въ его громадномъ сатирическомъ талантѣ, всѣ сочувствовали его честнымъ и дѣйствительно передовымъ взглядамъ. А самъ Джустини все еще не считалъ свою поэтическую дѣятельность за «дѣло».

Постоянно добиваясь какихъ-то серьезныхъ занятій,—ожидая чего-то, считая свое настоящее какимъ-то переходнымъ положеніемъ, онъ мало заботился о томъ, чтобы существенно осмыслить свой образъ жизни... Во Флоренціи онъ продолжалъ ту же беззаботную жизнь, какъ и въ Цивѣ. Недостатокъ въ кружкѣ товарищей онъ пополнялъ бессмысленнымъ и пошлымъ обществомъ, въ которое очень скоро былъ втянутъ по праву дворянскаго происхожденія и собственныхъ достоинствъ... Только эти новыя столкновенія не прошли также безслѣдно, какъ его студенческія встрѣчи. Онъ сталъ догадываться: стчего ему такъ не по себѣ въ эристократическихъ салонахъ, въ кружкахъ чиновниковъ, считавшихъ себя поиѣщиками всего Великаго-Герцогства... Каждое столкновеніе его съ этими кружками дѣйствовало на его нервы—чувствительные до того, что самъ онъ называлъ себя несчастнымъ бродячимъ барометромъ—раздражало его, возбуждало его умъ и талантъ. Вмѣсто того, чтобы внутренно пенять на себя за то, что не умѣетъ примириться съ пошлостью, онъ сталъ набрасывать бѣглыя, но живыя и весьма осмысленныя картины съ попадавшими подъ руку оригиналовъ и въ этомъ на-

ходить для себя какое-то примирение... Эти сатиры «безъ заднихъ мыслей» вѣрны действительности, какъ фотографическіе снимки. Джусти вѣдѣ служить не вѣдаться въ карикатуру... Таковы его: на кон-трастъ ученикъ, первая застольная пльсія (il Brindisi), многія другія и наконецъ *Баль*, длинная довольно сатира въ трехъ частяхъ, которую переводку здѣсь какъ по тому, что она чрезвычайно интересна, какъ важное изображение современнаго итальянскаго общества (въ смыслѣ beau-monde, но вѣвъ котораго находятся развѣвъ нѣсколько отдельныхъ кружковъ, да и тѣ какою-нибудь своею стороною примыкають къ нему), такъ и потому еще, что это стихотвореніе болѣе другихъ можетъ служить представителемъ цѣлаго ряда стихотвореній Джусти, которыя мыше называть я сатирами «безъ задней мысли».

БАЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Г-жа *Хилоска*, выдающаяся сѣверная красавица, приглашаетъ насъ на пышный балъ въ историческихъ залахъ дома, когда-то принадлежавшаго Фаринати, а теперь отдаваемаго въ наймы его скромными по-томками...

«Какъ мужикъ, любующійся чертиками, пляшущими въ волшебномъ фоварѣ подъ шарманку шарлатана—такъ и я разсматриваю толкущихся въ богатыхъ комнатахъ и съ наглыми рожами бароновъ, князей, герцоговъ, превосходительнѣйшихъ, церемонно раскланивающихся другъ съ другомъ...»

«Лакей, поглядывающій отъ времени до времени на горящія свѣчи— въ исправности-ли онѣ,—провозглашаетъ громко неменѣе громкіе тигулы *) появляющихся. И среди всѣхъ этихъ чиновъ и знаменитостей

*) Въ оригиналѣ непереводаемое выраженіе: *le borie anticipa* и пр. Мысль та, что лакей, докладывая принимаетъ выраженіе лица важное, собранно съ важностью, что долженъ войти—своей экономіей впередъ дастъ почувствовать все чванство вѣвъ прибывшихъ.

мое голое имя дереть уши, как среди торжественной сонаты вдруг сфальшивившая флейта или кларнет...»

«Тонная и разряженная богиня праздника олимпийским движением головы благословляет счастливых и собирает их вокруг своего дивана, как сельдей в боченки.»

«Заплатив ей дань комплиментов отрывистых и прѣсных, намъ bon-top толпится въ корридоръ, взаимно толкаются, наступаютъ другъ другу на ноги и бормочутъ: «pardon, pardon»...

«О картины! статуя! о священная рухлядь, полинявшая и дышащая на меня пятывѣковой давностью—покрытая когда-то новымъ лакомъ и славою, а теперь скромнымъ arrigioni (отдается внаймы).»

«Простите мужику до того плебею, что не умѣетъ говорить иначе какъ по итальянски—простите ему, что онъ оскверняетъ васъ своимъ дыханіемъ.....»

«Добравшись, наконецъ, до котла съ нефитическими испареніями, я вытаскиваю шею и сквозь завитые чубы и локоны смотрю, какъ прыгаютъ деревянныя фигуры, словно бѣсъ ихъ обуялъ.»

«Нѣмецкія куклы, только что изъ лавки, сухія, прямыя—какія-то черныя и накрахмаленныя скелеты и привидѣнія.»

«Нѣтъ тѣни веселости или разгула, а самая изыщѣйшая надутость. Души закупорены герметически и только поры открыты—они и драблюю свою любовь ощущаютъ какъ-то порами.»

«Надутое и самое приличѣйшее чванство. Вѣчная, ничего неговорящая болтовня.»

«...Но разговоры, карточная игра и танцы кончены... Дамы и мужчины осаждаютъ лакеевъ съ подносами и бутылками.—Круженіе.—Водоворотъ.»

«И съ этого вечера многіе уйдутъ не только съ полными желудками, но и корманъ наполнять; только головы у всѣхъ будутъ пусты.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Посвящается молодымъ исковерканнымъ невѣстамъ и вновь оштукатуреннымъ ихъ маменькамъ между дипломатическимъ золотеннымъ мундировъ, крестовъ и украшеній изъ лавки моднаго шарлатана.»

«Я вижу нѣсколько разжившихся плебеевъ; моему уму, нѣсколько свихнутому демократической маномашей, нравится подобное нарушеніе догматовъ въ этомъ геральдическомъ святилищѣ...»

«Первый, Хризалида quondam монаха, нынче ради шутки называющійся абатомъ. Онъ болѣе благоговѣетъ передъ бутылкою, чѣмъ передъ алтаремъ, славится ученостью по гастрономической части; его всѣ боятся за его подлую славу...»

«Онъ знаетъ всѣ сплетни, всѣ чужіе долги. Покупая, все осуждаетъ; продаетъ свое благорасположеніе и тѣмъ, кому кланяется, и въ уплату за такую услугу объѣдаетъ ихъ...»

«Онъ крадетъ, смѣшиваетъ, играетъ и не платитъ проигрыша. Такая его профессія...»

«Другой, вчера окрашенный въ дворянина—самодержавный владыка всѣхъ банкировъ.»

«Когда-то онъ промышлялъ растовщичествомъ мелкаго разбора. Теперь онъ презираетъ легкое надувательство сталъ аристократомъ и «кавалеромъ»...»

«Какъ черви, наша аристократическая гниль, состоявшая изъ голыхъ патриціевъ, дошедшихъ было до долговой тюрьмы и до гошпиталя, питается вонючими трупами. Теперь она опять наблалась и растолстѣла, преобразилась въ *рыцарей векселя* и наполняетъ дворцы цѣлой колоніей обдиравъ..»

«Третій—бѣглець, преслѣдуемый пуше чѣмъ книга, напечатанная безъ можной дани полиціи и шпионамъ—раненный при Римини (самъ онъ по крайней мѣрѣ о себѣ такъ рассказываетъ).»

«Говоритъ, что ему грозитъ смерть, что онъ долженъ скрываться, а между тѣмъ сладко ѣсть и спать...»

«О истинные дѣти нашей родины! Берегитесь этихъ торговцевъ «*краснаго товара*».»

«Эти новые протестанты въ Лондонѣ слывуть за изгнанника, въ Римѣ за монаха.»

«Сегодня онъ пьетъ за придворнымъ столомъ; завтра со мною декламируетъ: *O Italia mia...*»

Часть третья.

«Въ этой толкотнѣ я очутился внезапно подлѣ одной чахоточной, беззубой ларвы, подкрашенной подъ молодого человека...»

«Родился онъ *anni domini*... эти гг. рождаются каждый годъ». Унаследовалъ накраденное богатство и отправился за море...

«Вернулся хамелеономъ, блистая самыми яркими цвѣтами заграничнаго образованія, да жалъ только—безъ грома.

«Теперь онъ бродитъ аристократической тѣнью за татарскими землями, удостоивающими нашу Италию своимъ пощеніемъ, и отличается собачьимъ шеститопомъ.

«Хочетъ съ чужой тарелки слизать проценты своего съдѣнаго нѣтнія... Кривляясь, онъ сказалъ мнѣ на своемъ полуфранцузскомъ нарѣчій:

«Ниче все вздоръ выдумываютъ! Надо ждать и пока развлекаться съ *форестьерами*, которые очень хорошо платятъ. Нужно умѣть доить нѣтъ, какъ коровъ.

«Затѣмъ все вздоръ, который надо выбросить изъ головы. Что такое Италия?—Гостинница. Трактирщику нѣтъ дѣла до сравненій—онъ мѣритъ нравственность человека уплаченными счетами.

«Слава, довѣріе, честность, все это его эластическія шутки, какъ резинка... Рассказываютъ о народѣ, о гениальности, объ искусствѣ, исторіи... Все это умерло, вѣчная память имъ.

«Меня все это очень мало интересуеетъ въ сравненіи съ дюжиной хорошихъ устрицъ. Надо знать современное направленіе всего свѣта:

«Умъ и смѣлость—вотъ и все. Остальное классическій педантизмъ.

— У меня есть несчастная страсть проповѣдывать (это говоритъ Джусти отъ своего имени) и я во все не пѣжно возразилъ ему:

«Правда, Италия какая-то помойная яма цѣлаго свѣта. За исключеніемъ немногихъ честныхъ, на нашъ полуостровъ съ Альповъ и съ моря «ежегодно является богъ знаетъ какая сволочь: анонимные бандиты, отставныя кухарки и *spodestati*, которые съумѣютъ найти себѣ шоплечу туземную грязь.

«А мы благоговѣемъ передъ этой эротической ордою воздушныхъ графовъ и двусмысленныхъ дамъ и готовы любому варвару съ именемъ на off или iff продать душу за кусокъ растбифу.

— «Немноте! Это все оталочности, возразилъ мученикъ своего галстуха: «все предрасудки. Вы еще новичекъ, какъ видно, прощайте.»

И съ важными лицами онъ круто повернулся и отправился въ буфетъ.

Я называлъ стихотворенія Джустини этого рода «сатирами безъ задней мысли», потому что въ нихъ не опредѣляется ни направленіе автора, ни его стремленіе. Это еще произведенія незрѣлаго человѣка: искусство для искусства въ самомъ бѣдномъ смыслѣ этого выраженія... Тутъ достоинство независимо отъ специальныхъ такъ сказать сторонъ таланта автора, благодаря которымъ онъ живетъ и долго еще будетъ жить въ итальянскомъ народѣ—въ томъ, что они весьма вѣрно рисуютъ извѣстную господствующую въ обществѣ среду. Она оскорбляла поэта, но онъ не могъ оторваться отъ нея—доказательство, что въ немъ не было той внутренней полноты, которая заставляетъ съ кѣмъ-то одной осмотрительностью выбирать себѣ общество, или даже въ крайнемъ случаѣ обходиться вовсе безъ него...

Беспокойное чувство заставило его толкаться во всѣ двери, и нигдѣ не находилъ онъ ничего, кромѣ матеріала для ѣдкой, колкой и художественной сатиры. Я не привожу здѣсь дальнѣйшихъ выписокъ, потому что относительно Джустини больше, чѣмъ относительно всякаго другаго поэта, можно повторить старыя итальянскія афоризмы: traduttore traditore...

Балъ, Мирная Любовь (l'Amor pacifico), *Маменька-воспитательница* (la Mama — Educatrice) интересны какъ фотографически вѣрныя и притомъ художественныя воспроизведенія современной итальянской жизни въ трехъ господствующихъ общественныхъ средахъ...

Но Джустини не долго могъ удовлетвориться, такъ сказать, портретнымъ искусствомъ. Видѣть зло и бросить въ него его же собственнымъ вѣрнымъ изображеніемъ казалось ему недостаточнымъ. Мысль, все болѣе и болѣе созрѣвавшая въ немъ отъ столкновений съ жизнью во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, требовала и себѣ дѣятельности... Онъ начинаетъ разбирать, анализировать частные случаи, искать причины зла, развѣдающаго каждую жизнь въ отдѣльности и жизнь цѣлаго общества....

Джустин долго и упорно добивался войти въ тѣсныя кружокъ тѣхъ немногихъ, которые съ своими благородными стремленіями къ лучшей будущности составляли не только передовую среду итальянскаго общества, но и единственный живой элементъ въ немъ. Только эти немногіе по необходимости скрывались отъ всѣхъ, ихъ работа была подземная. Всѣ знали о ихъ существованіи, чувствовали ихъ близость, но только заслуживавшіе довѣріе могли сами принять участіе въ ихъ дѣятельности. Хотя сектаторской замкнутости и темнаго мистицизма уже оставалось мало слѣдовъ, но новыя патриотическія общества на болѣе человѣческихъ основаніяхъ имѣли свою замкнутость, или по крайней мѣрѣ тайную, строго обусловленную тогдашнимъ общественнымъ бытомъ.

Джустин долго не могъ проникнуть этой тайны.

Очень рано онъ уже сталъ своими стихами въ открытую оппозицію съ мирной господствовавшей средой застоя. Но оппозиція эта держалась общихъ мѣстъ и колкихъ намековъ противъ тѣхъ общественныхъ дѣлъ, которыя давно уже были изблечены.

Джинджиллино, одна изъ самыхъ длинныхъ его сатиръ, встрѣтила повсюду громадное сочувствіе, не смотря на свою растянутость. Въ ней представлено со всей яркостью таланта Джустин весь процессъ, посредствомъ котораго общество каждымъ своимъ столкновеніемъ съ личностью, всѣмъ своимъ вліяніемъ на нее требуетъ отъ нея полного ничтожества, — обращаетъ человѣка въ ничто, въ бездѣлушку и подъ страшною альтернативою:

Se pur desiderio
Mariv qestito.

Въ весьма выразительныхъ картинахъ Джустин представляетъ разные элементы изъ жизни своего *Джинджиллино*, — моменты, которые каждый изъ его читателей необходимо пережилъ самъ. Нѣжные родители, повторяя припѣвъ: «если не хочешь умирать голымъ, какъ родился» — монахи воспитатели — начальники по службѣ — всѣ только и требуютъ одного: полной безличности, жертвы всѣмъ общепризнаннымъ негѣпостямъ.

Не смотря на свое громадное вліяніе и на всѣ свои достоинства, стихотвореніе это не имѣетъ еще въ себѣ той глубины мысли, того

понимания общественных условий, которое позже встречается в Джустини.

Оно показывает только, что в нем рано было стремление воспользоваться своим талантом для того, чтобы вывести современное ему общество из грязного болота, в котором оно разлагалось с некоторым комфортом и бессознательно...

Выставлять на сцену этому же обществу картины его собственного быта такими, какими он представляется на взгляд здорового человека—было для этого недостаточно. Нужно было, по крайней мере, не оставить возможности смотреть на них, как на что-то случайное, частное,—как на карикатуру...

Джустини дѣлает попытки в аллегорической формѣ высказывать свои взгляды на жизнь, обобщая ихъ. Брать зло, хотя бы случайное, но показать его необходимое развитіе в обществѣ и самымъ обществомъ. То принимается онъ за басню, на манеръ Эзопа, хотя и безъ двухсторонней морали в заключеніи... Такова его «Улитка» (la Chiocciola), которая соединяетъ в себѣ всѣ доблести, требуемыя современнымъ обществомъ отъ современнаго человѣка. Улитка для Джустини является какинъ-то Молчаливымъ царствомъ животныхъ.

Впрочемъ, болѣе склонный къ тому, чтобы патологически смотреть на жизнь—указывать просто на болѣзнь, а не морализировать съ высоты доктринерскаго величества, Джустини ограничивается очень немногими попытками въ этомъ родѣ. Форма басни, анологія очень удобна для популяризаціи какого-нибудь установленнаго, законченнаго догмата, нравственнаго афоризма...

Джустини, раздѣляя всѣ классическіе и схоластическіе предрассудки своихъ ученыхъ соотечественниковъ, ищетъ между готовыми уже формами сатиры, панфлетовъ, эпиграмъ такую форму, которая бы соответствовала больше его склонностямъ.

Не находя ея, онъ создаетъ свою собственную, разработавъ до крайняго художественнаго предѣла чистую народную форму застольной пѣсни...

Въ полномъ изданіи его стихотвореній помѣщены много переводовъ изъ Беранже—большую часть очень неудачныхъ. Новѣйшіе біографы его признаютъ всѣ ихъ за подложные... Не берусь рѣшать этого вопроса. Замѣчу только: мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Джустини

переводить Беранже, которого влияние подчинился уже несколько впоследствии, когда писал вторую свою застольную пѣсню (Brindisi). Но только пѣсня Джусти отъ этого вовсе не стала менѣе самобытною и чисто національною итальянскою.

Написанная имъ 1838 г. «Апология правительственнаго Лото» можетъ относительно формы служить типомъ всѣхъ его дальѣйшихъ произведеній. При всей объективности автора, какъ говаривали встарь, вы видите тутъ во всей ея полнотѣ своего здороваго развитія личность автора. Недостаетъ все еще той глубины и зрѣлой выработанности взглядовъ, которая дается только тѣснымъ знакомствомъ съ жизнью и внутреннимъ переработываніемъ фактовъ.

V.

Собраніе стиховъ Джусти, безъ видной связи между отдѣльными произведеніями, представляетъ какое-то цѣлое эпическое и неудоберазрѣваемое. Строгихъ подраздѣленій, рубрикъ собственно нѣтъ. Для того, чтобы не разбѣжались съ разу глаза, при взглядѣ на все это многообразное цѣлое, необходима какая-нибудь система, своего рода дѣленіе... Для этого я стараюсь по возможности слѣдить за хронологическимъ процессомъ зарожденія въ Джусти той или другой стороны его направленія, дѣятельности. Я указываю на известный моментъ его развитія, стараясь уловить болѣе характеристическія черты этого элемента; а вовсе не думаю тѣмъ самымъ дѣлать жизнь автора на какіе-нибудь рѣшительные и заключенные, рѣзко разграниченные періоды. Подобное выясненіе моихъ намѣреній я считаю здѣсь необходимымъ, потому что слово вѣчно стремится къ абсолютному и при нѣкоторой склонности понимать сказанное безотносительно, читатель легко могъ бы навязать мнѣ намѣренія и взгляды прямо противоположные здѣсь излагаемымъ. Такого рода опасенія во мнѣ весьма законны и признаются вѣроятно законными тѣмъ, кто собственнымъ опытомъ испыталъ, какъ, читая какую-нибудь книгу, очень часто натываешься на отъявленные противорѣчія и только послѣ догадываешься, что противорѣчія были не въ книгѣ, а въ себѣ же самомъ...

Возвращаемся къ Джусти ..

И думаю очертить здѣсь тотъ его нравственный возрастъ, въ которомъ онъ чувствуетъ еще только потребность положительной общественной дѣятельности въ весьма опредѣленномъ для него самомъ смыслѣ, но еще не приобретаетъ того вліянія на окружающее, которое долженъ былъ имѣть потомъ. Онъ все еще пробуетъ какъ будто средства, которыми располагаетъ и очень неудовлетворенъ ими.

Отчасти, потому что итальянецъ, воспитанный на классическомъ вредразсудкѣхъ, отчасти же просто, какъ человекъ, вообще трудно надеждой на большой зубъ, на истинную причину своей неудачи, Джусти очень много придаетъ значенія формѣ. Ему долго кажется, что только высшіе роды поэмы — эпосъ, драма, могутъ имѣть то значеніе, котораго бы ему хотѣлось... Сочиненіе небольшихъ сатиръ, о которыхъ уже говорено, было для него развлеченіемъ, какъ-бы отдыхомъ отъ вѣчно оскорблявшей его пошлости, которую онъ встрѣчалъ повсюду. А Джусти раздѣлялъ всеобщій тогда предразсудокъ, будто полезное дѣло непременно должно быть скучнымъ. Онъ свысока смотрѣлъ на свои собственные произведенія, какъ дѣловой политико-экономъ на «непроизводительныя» художественныя занятія какого-нибудь непривычнаго учителя художника... Джусти все ждалъ еще чего-то, какого-то толчка и главнѣйшій образомъ извнѣ. Онъ надѣялся, что сближеніе его съ тайными политическими дѣятелями раскроетъ ему вдругъ неизвѣстное еще ему и обширное поле дѣятельности. Сближеніе это могло быть дѣломъ чистого случая.

Подобное ожиданіе неопредѣленного «чего-то» есть отличительная и неотчетливая черта молодости и несложившагося еще характера.

А жизнь сама собою дала рѣшеніе...

Джусти поневолѣ сталкивается на каждомъ шагѣ со зломъ, внѣшнимъ отчасти, но уже прямо указывающимъ на другое внутреннее хроническое зло, разъядавшее тогда Тоскану.

Чиновничество, развившееся въ Италіи, какъ элементъ чисто паразитный, занесенный иностраннымъ игомъ, болѣе и болѣе окрашивалось (въ дурную монетно сторону) національнымъ цвѣтомъ, но нѣдръ того, имѣя завоеватели оставляла свою чужую гордость, заботилась о приобритеніи себѣ правъ гражданства въ подавляемой ими странѣ... Ав-

стрийскій домъ въ Тосканѣ. дѣйствіями двухъ великихъ герцоговъ, рѣшившихся идти по слѣдамъ Медичей, аклиматизировался очень скоро. Администрация, основанная на австрийскихъ началахъ, стала принимать въ свой составъ мѣстные элементы. Отъ этого, конечно, гнетъ меньше чувствовался здѣсь, чѣмъ напр. въ Ломбардіи, гдѣ побѣдители шагло отвергали всякую возможность примиренія съ народными итальянскими элементами, но за то самое зло глубже пускало корни.

Природные тосканцы, занимая официальные должности, державшіяся только силою австрийскихъ штыковъ, гораздо скорѣе забывали свою національную связь съ управляемыми, чѣмъ то, что они иностранной и враждебной ихъ народу силѣ обязаны благами своего существованія. Къ тому же, смутно предугадывая непрочность своего положенія, они заботились о томъ только, чтобы разжиться помимо всякой правды. Приученные къ неуваженію общественнаго мнѣнія, состояшаго изъ разъѣдающихъ одно другое началъ, и нравственности, о которой господствующее понятіе измѣнялось съ каждою правительственной перемѣной, эти «итальянскіе tedeschi» довели до высшей степени совершенства взяточничество и кознокрадство... Народъ, привыкшій ненавидѣть администрацію еще въ тѣ времена, когда она состояла изъ посылаемыхъ на прокормленіе въ Италію раззорившихся чужеземныхъ грандовъ и кондотьеровъ съ ихъ голодной челядью, не считалъ за нужное въ пользу соотчичей отвыкать отъ этого. А если бы и хотѣлъ даже, то едвали бы могъ.

Тосканскіе чиновники, видя, что, во всякомъ случаѣ, ихъ встрѣтитъ презрѣніе и ненависть народа—по естественному, хотя изуродованному въ нихъ чувству *de l'arrogance* — стали добиваться признанія своихъ относительныхъ добродѣтелей со стороны тѣхъ, кому можно было послужиться взяткою въ свою очередь или доносомъ. Такимъ образомъ они низвели всякую общественную должность на степень шпиона-*bigotte* или *poliziotto*...

Джустини встрѣчалъ это жалкое и вредное племя повсюду, такъ какъ оно дѣйствительно распространилось вездѣ и все общество, во всѣхъ слояхъ своихъ, было покрыто этою всепожирающею саранчею...

Джустини въ Тосканѣ имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое у насъ Гоголь, съ громадной разницею обстановки въ пользу тосканскаго поэта: онъ проникалъ во всѣ классы и во всѣ сословія.

Большая часть его первых стихотворений полны убийственными сарказмами против чиновников духовных и свѣтских, стоявших во всей Италіи тогда, какъ самыя прочныя опоры иностраннаго владычества. И сарказмы эти ложились какъ ядъ на неизгладимое клеймо на лица избалованныхъ или казнокрадовъ, общественныхъ воровъ, развратителей юношей...

Это прямо ставило Джустини въ открытый и опасный для него разрывъ съ господствующей средой, это же не мало способствовало тому, что онъ самъ созналъ наконецъ разность своихъ стремлений и своего скрытаго довольно долго и для него самаго направленія...

Отъ вѣчной вражды съ общественнымъ зломъ до опредѣленнаго прогрессивнаго направленія едва ли даже одинъ шагъ... По мѣрѣ того, какъ расширялись взгляды Джустини на предметы, учрежденія и лица, съ которыми онъ поневолѣ былъ въ ежедневныхъ столкновенияхъ, самое памфлетическое направленіе его стало расширяться и перешло наконецъ въ широко-общественное или политическое въ обширномъ смыслѣ этого слова...

Въ итальянскомъ обществѣ давно уже не бывало олимпійскаго квіетизма, ищущаго успокоенія на предметахъ, стоящихъ внѣ политическихъ преній. Между средами, удовлетворившимися грубымъ, развратнымъ довольствомъ собою и обстоятельствами до тревожнаго настроенія молодого поколѣнія, жаждавшаго вырваться изъ своего угнетеннаго положенія, не было никакого перехода. Джустини ни почему не могъ принадлежать къ первымъ; и хотя съ послѣдними у него не было полного тождества воззрѣнія, то было по крайней мѣрѣ извѣстное сродство или сочувствіе, послужившее какъ бы начальною точкою, первою ступенью его дальнѣйшему развитію...

Близость его съ этими брѣвками, не возможность съ его стороны не принимать хотя бы отдаленнаго, косвеннаго участія въ томъ, что волновало тогда всѣхъ, неутрачившихъ способность волноваться чѣмъ-либо кромѣ животныхъ побужденій—завлечаютъ себя почти въ каждомъ изъ произведеній первой его эпохи. Но въ нихъ это небольшое, какъ политическія намеки, смѣлыя выходки—отголоски весьма распространенныхъ и болѣе опасныхъ рѣчей и понятій... Попадаютъ даже дѣльныя стихотворенія, какъ напр. *Una tirata contro Luigi — Filippo*; но въ нихъ незрѣлость содержанія прикрывается фразами, иногда остроумными и болкими,—часто просто напыщенными...

Слѣдуетъ отдѣлить изъ нѣхъ рода знаменитый его «Самолъ» (lo sivafo), то не очень молодое и незрѣлое произведеніе его, но которое заслуживаетъ самаго важнаго вниманія, такъ какъ изъ него начинается другая; блестящая эпоха дѣятельности Джусти, дающая ему право на сочувствіе народа не замараната и непогрязнена въ молодотѣ и дряхлостѣ.

.И. Бранди.

Флоренція.
26 декабря, 1868.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ,

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ,

БАЙРОНА.

L'univers est une espèce de livre dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre que j'ai trouvés également mauvaises. Cet examen ne m'a point été instructif. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinances de peuples divers parmi lesquelles j'ai vécu m'ont reconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui là, je n'en regretterais ni les frais, ni les fatigues.

Le Cosmopolite.

ВЪ ЯНТЪ (*)

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ когда-то,
Гдѣ красота царитъ до нынѣ свято,
Ни въ тѣхъ мечтахъ, когда являлись мнѣ
Видѣнья чудныя въ какомъ-то смутномъ свѣтѣ,—
Въ фантазіи пѣвнительной, во свѣтѣ ли —
Тебѣ подобную мечты создать не смѣли.
Ты предо мной въ сіяньи красоты!
О, мнѣ-ли передать твои черты!
Кто зналъ тебя—такъ нужны-ли слова имъ?
А кто не зналъ—мы словъ для нихъ не знаемъ.

(*) Леди Шарлотъ Герлей, дочери графа Оксфорда, которой въ то время (въ 1812 году) минуло только одиннадцать лѣтъ.

Когда бѣ всегда ты красотой сіяла,
 И юности своей не измѣнила,
 И сохранила дѣтства чистоту,
 И прелесть формъ и дѣтскую мечту!
 Ты на землѣ, вся вѣя ароматомъ,
 Явилась намъ амуромъ безкрылатымъ!
 Конечно, мать, вскормившая тебя,
 О будущемъ заботясь и любя,
 Найти въ тебѣ ту радугу желала,
 Боторая всѣ скорби умирала.

* * *

Я радъ тому, о Пери молодая,
 Что пережилъ тѣ юные года я,
 Когда кипѣлъ огонь въ моей крови,
 Что на тебя смотрю я безъ любви;
 Я радъ тому, что твой закатъ печальный
 Не встрѣчу я улыбкою прощальной;
 Я счастливъ тѣмъ, что твой прекрасный взоръ
 Не страшень мнѣ, какъ смертный приговоръ
 Для юношей, которымъ жизнь постыла,
 Когда ты ихъ улыбкой не дарила.

* * *

Твои глаза, глаза твои газели,—
 Боторые зѣ мечтахъ или въ весельи
 То блещутъ вдругъ, то ярко загорать,—
 Пусть иногда на трудъ мой поглядятъ;
 И изрѣдка, быть можетъ, хоть ошибкой,
 Ты на него взгляни съ своей улыбкой.
 За чѣмъ свой трудъ тебѣ я посвящалъ—
 Не спрашивай! Я только бы желалъ,
 Чтобы вилелась ко мнѣ въ вѣнокъ надгробный
 Лиленъ вѣжная, которой нѣтъ подобной.

* * *

Здѣсь имя Янты съ пѣснями сольется
 И будетъ жить; когда же разнесется
 О нихъ воспоминаніе, какъ дымъ—
 То не случится съ именемъ твоимъ.

А если-жъ дни мои сочтутся въ мѣрѣ,
 Тогда коснись перстами ея въ лирѣ...
 Вотъ все, о чемъ такъ просить твой поэтъ,
 Тебя узнавшій съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Вотъ все, чего душа моя желала
 И дружба въ тихомолку подсказала.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

О, муза! нѣкогда въ Эладѣ
 Неборожденной ты слыла!
 Тебя, лишь праздной скуки ради,
 Мечта поетовъ создала!
 Ужь сколько разъ твой слухъ терзали
 Напѣвы ихъ нестройныхъ лирѣ,
 Что я теперь рѣшусь едва-ли
 Нарушить твой священный миръ.
 Хотя Дельфійскія руины
 И твой ручей, и твой алтарь
 Я посѣщалъ когда-то встарь,
 Но не тревожа безъ причины
 Всѣхъ девяти заснувшихъ музъ, —
 За повѣсть скромную примусь.

II.

Въ странѣ туманной Альбіона
 Жилъ прежде юноша: онъ былъ
 Вполнѣ шалунъ „дурнаго тона“,
 Который оргіи любилъ,
 Надъ добродѣтелью смѣялся,
 Разгуламъ ночи посвящалъ,

Отд. I.

И все, съ чѣмъ въ жизни онъ встрѣчался —
 Онъ равнодушно отвергалъ,
 И жилъ, поклонникъ наслаждений,
 Не зная дѣла и трудовъ,
 Среди вакхическихъ пировъ,
 Среди любовныхъ походовъ
 И только отдых находилъ
 Въ кругу любовницъ и кутилъ.

III.

Онъ Чайльдъ-Гарольдомъ назывался.
 Здѣсь говорить я не хочу,
 Чѣмъ предковъ Чайльда занимался:
 Объ этомъ просто умолчу.
 Могу одно сказать: былъ знатенъ
 Его почтенныхъ предковъ родъ,
 И гербъ ихъ переданъ безъ пятенъ
 Ему въ наслѣдство. Въ свой чередъ —
 Гербъ каждый можно такъ ославить
 Единымъ маленькимъ грѣхомъ,
 Что ужъ бѣды никто потомъ
 Не въ состояніи исправить:
 Ни геральдическій мудрецъ,
 Ни сладкой пѣсней пѣвецъ.

IV.

Гарольдъ кружился въ вихрѣ свѣта
 Безъ опасеній, безъ борьбы...
 Такъ въ ясный день, подъ солнцемъ гѣта,
 Кружится муха. Онъ судьбы
 И не боялся вовсе даже,
 И праздность вольную любя,
 Безпечно жилъ всегда, — судьба же
 Ждать не заставила себя:
 Еще далекъ до разрушенья,
 Еще въ цвѣтушіе года
 Онъ заразился на всегда
 Ужасной скукой пресыщенья.

Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
Противень сталъ весь край родной.

V.

Во всѣхъ грѣхахъ не разъ плутая,
Онъ ихъ ничѣмъ не искупилъ,
О многихъ женщинахъ вздыхая,
Одну лишь только онъ любилъ.
Увы! успѣхами балуемъ,
Онъ только ей не обладалъ,
Своимъ преступнымъ поцѣлуемъ
Ея щеки не запятналъ,
Не бросилъ жертвой святотатства
Для новыхъ женщинъ и тревогъ
И въ мотовствѣ сгубить не могъ
Ея наслѣдныя богатства;
Имъ не была осквернена
Семейной жизни тишина.

VI.

Пресытивъ бурныя желанья,
Гарольдъ разгуламъ измѣнилъ.
Порой кипѣли въ немъ рыданья,
Но онъ ихъ тотчасъ-же давилъ
И думалъ, скукою томимый,
Желанье это не тая,
Покинуть берегъ свой родимый,
Ухватъ въ теплые края,
На корабль пуститься въ море.
Казалось, жизнью пресыщенъ,
Доволенъ очень былъ бы онъ
Для развлечения встрѣтить горе,
И чтобъ разсвѣяться, былъ радъ
Спуститься даже въ самый адъ.

VII.

Онъ бросилъ замокъ свой наслѣдный.
Хоть старый замокъ видъ имѣлъ .

Полуразрушенный и бѣдный,
 Но предокъ выстроить умѣлъ
 Домъ этотъ прочно и солидно.
 Былъ монастырь когда-то тутъ, —
 И оскорбленъ теперь обидно
 Благочестивый тотъ пріютъ.
 Гдѣ жизнь твоя чужда веселій,
 Гремѣлъ теперь паоскихъ дѣвъ
 Шальной, вакхическій напѣвъ.
 Могли-бъ подумать старцы келій,
 (На нихъ привыкли клеветать)
 Что время ихъ пришло опять.

VIII.

Не разъ средь буйнаго собранья
 Гарольдъ сидѣлъ и хмурилъ бровь,
 Какъ будто прошлое страданье,
 Иль оскорбленная любовь
 Въ немъ просыпались на мгновенье,
 Но уловить никто не могъ
 Его душевнаго движенья
 И думъ его не подстерегъ.
 Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
 Онъ пылкой дружбѣ не вѣрялъ
 И человѣка не искалъ
 Для изліяній откровенныхъ,
 Хотя бы гордая тоска
 Была, какъ море глубока.

IX.

Онъ былъ одинъ. Хоть на банкеты
 Онъ звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
 Но видѣлъ въ нихъ одни примѣты
 Лишь паразитовъ и льстецовъ.
 Увы! любовницами даже
 Онъ былъ любимъ, какъ щедрый мотъ, —
 Онъ измѣнился—и тогда же
 Сокрылся вѣтреный зротъ.

Какъ мотыльки — созданья эти
 Всегда бросаются на свѣтъ,
 И гдѣ Мамонъ ^нкроложить слѣдъ,
 Не опасаясь тайной сѣти,
 Тамъ опечалень, недвижимъ
 Опустить руки серафимъ.

X.

Бидая берегъ свой родимый,
 Гарольдъ, всегда любившій мать,
 Не обнялъ матери любимой
 И не пришелъ сестры обнять.
 Въ кружкѣ знакомыхъ не слышали
 Его «прости»!... не потому,
 Чтобъ сердце, словно какъ изъ стали,
 Природой сковано ему.
 Нѣтъ, кто любилъ, тотъ знаетъ муку,
 Какъ безконечно тяжело
 Лобзать любимое чело,
 Предвидя долгую разлуку.
 Свиданье боли не уйметъ,
 Но только сердце разобьетъ.

XI.

Итакъ, Гарольдъ безъ сожалѣнья
 Покинулъ замокъ и родныхъ,
 Свою отчизну и имѣнья,
 И рой красавицъ молодыхъ,
 Имъ позабытыхъ безъ привѣта,
 Хотя ихъ взоры, рѣчи звукъ
 И бѣлый мраморъ нѣжныхъ рукъ
 Свели-бъ съума анахорета.
 Для неизвѣстныхъ новыхъ странъ
 Онъ позабылъ пиры разгула,
 Чтобъ переплыть черезъ океанъ,
 Чтобъ побывать у стѣнъ Стамбула,
 Чтобъ знойный климатъ испытать
 И черезъ экваторъ миновать.

XII.

Ужь паруса надулись ровно,
 И вѣтерокъ по струйкамъ водъ
 Игралъ и радовался словно,
 Что Чайльда въ море унесетъ.
 Скалистый берегъ потерялся
 Подъ пѣной волнъ и уплылъ въ даль,
 И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался
 Что край родной покинуть жаль,
 Но это было на мгновенье,
 И, затаивъ невольный стонъ,
 Въ тотъ мигъ себя не выдавъ онъ
 Единымъ словомъ сожльвья,
 А вокругъ него народъ стоналъ
 И малодушно трепеталъ.

XIII.

Когда же солнце скрылось въ море,
 Герой нашъ арфу въ руки взялъ,
 Которой радости и горе
 Въ уединеньи повѣрять.
 До звучныхъ струнъ коснулись руки,
 Аккорды тихо полились
 И въ тишинѣ по морю звуки
 Прощальной пѣсней понеслись.
 Летѣлъ корабль, какъ окриченный,
 На бѣлоснѣжныхъ парусахъ,
 Всплывала ночь на небесахъ,
 И скрылся берегъ отдаленный,
 А Чайльдъ-Гарольдъ зеленый валъ
 Прощальной пѣсней встречалъ:

1.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
 Родимаго берсга видъ;
 Волна за волною реветъ въ перебой
 И дикая чайка кричитьъ.

Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
 Торонится отдыхъ найти...
 Прости и тебѣ, какъ родимой странѣ!..
 Мой край! доброй ночи! прости!

2.

Часы пролетать и опять надо мной
 Румяное солнце всплыветъ,
 Вновь день я увижу, но берегъ родной
 Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
 Сталь пусть и заброшенъ печальный мой домъ,
 Огонь разведенный зачахъ,
 И стѣны травой заростають кругомъ,
 И воетъ мой песъ въ воротахъ.

3.

— Мой маленькій пажъ! подойди же ко мнѣ!
 О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
 Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
 Иль-холоденъ вѣтеръ морской?
 Утри-жь свои слезы, будь веселъ опять,
 Корабль нашъ построенъ легко,
 И еслибы соколъ насъ вздумалъ догнать,
 Остался бы онъ далеко.

4.

— «Не страшны мнѣ бури, пусть волны ревутъ,
 Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
 Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
 Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
 Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
 И мать со слезами въ глазахъ,
 Остались друзьями мнѣ: ты лишь одинъ,
 Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

5.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
 Хоть холоденъ былъ его взглядъ,

Но мать моя будетъ вдыхать тяжело,
Пока не вернусь я назадъ.“
— „Довольно, малютка! Понять я умѣю,
Что слезы такія — не стыдъ,
И еслибъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ.

6.

„Поди же ко мнѣ ты мой вѣрный слуга!
Въ лицѣ твоёмъ блѣдность видна!
Ужъ ты не боишься-ль француза врага?
Иль буря тебѣ такъ страшна?“
— „Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
Что стану за жизнь я робѣть,
Нѣтъ, мысль о покинутой, бѣдной женѣ —
Меня заставляетъ блѣднѣть.

7.

„Близъ замна отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ,
Пришлось мнѣ дѣтей покидать,
Теперь, если спросать они объ отцѣ —
Что можеть отвѣтить имъ мать?“
— „Довольно, мой добрый служитель, ты правъ.
Печаль твоя — стоитъ похвалъ,
Но я, — не таковъ легковѣрный мой правъ, —
Смѣясь край родной покидалъ.

8.

„О, что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
И долго ли женщина ждетъ?
Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
Рчерашнія слезы сотреть.
Не жаль мнѣ дней оцастья въ родной сторонѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Сронить не единой слезы.

9.

„Я вновь одинокъ, какъ въ бывше года,
 Одинъ посреди этихъ водъ.
 Бъ чему жь о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ.
 Не долго мой песь будетъ выть и скучать,
 Найдеть новый уголь и кровъ,
 И если вернусь я — меня разорвать
 Песь собственный будетъ готовъ.

10.

„Корабль мой! Неси же меня по волнамъ!
 Пусть море кипитъ подо мной!..
 Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ —
 Лишь только бъ не въ край мой родной.
 Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
 А ихъ не увижу въ пути —
 Привѣтъ мой пустынямъ, пещерамъ, горамъ...
 Мой край! доброй ночи! прости!

XIV.

Корабль летитъ, волна бурлива
 И вѣтеръ рвуче и сильнѣй
 Вблизи Бискайскаго залива;
 Корабль летитъ уже пять дней,
 Но берегъ всталъ изъ за тумана.
 О, Циптра! вотъ зубцы твои!
 Вотъ Таго данью океана
 Мчатъ золотистыя струи.
 Вотъ на корабль взошли съ привѣтомъ
 Изъ Лузитанцевъ лоцмана
 И плодоносная страна
 Открылась залитая свѣтомъ,
 Гдѣ поселяне въ полъ жнутъ,
 Кончая свой поденный трудъ.

XV.

О, Боже! Небо не скупилось
 Для этих мѣсть въ своихъ дарахъ...
 Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
 Что за окрестности въ горахъ!
 Лишь нечестивыми руками
 Здѣсь человѣкъ все портить могъ.
 Когда Перунъ за облаками
 Подниметь бичъ свой на порокъ,
 На всѣхъ идущихъ противъ рока,
 То онъ ударить съ вышины
 На притѣснителей страны.
 И Галлъ, наказанный жестоко
 Рукой незримаго врага,
 Покинетъ эти берега.

XVI.

О, какъ хорошъ при первомъ взглядѣ
 Весь этотъ городъ Лиссабонъ,
 Когда во всей своей громадѣ
 Въ рѣкѣ бываетъ отраженъ.
 Намъ ту рѣку во время оно
 Пѣвцы хвалили безъ стыда,
 По ней теперь изъ Альбіона
 Плывуть могучія суда
 Спасать отъ галловъ славу юга,
 Но лузитанецъ гордъ и дикъ
 И отличать онъ не привыкъ
 Врага отъ истиннаго друга,
 И въ тихомолку проклянетъ
 Своихъ спасителей приходъ.

XVII.

Когда же съ этимъ градомъ дивнымъ
 Мы ознакомимся поблизи —
 Онъ намъ покажется противнымъ:
 Дворцы и хижины въ грязи
 Кругомъ въ одну столпились груду,

И еслибъ путникъ только могъ
 Пройти весь городъ этотъ — всюду
 Онъ мерзокъ вдоль и поперегъ.
 Толпа гражданъ немыхъ, праздныхъ
 Отъ гнѣи рубища влачить,
 Ничто ее не утрашить:
 Она не сброситъ платьевъ грязныхъ,
 Хотя бъ на встрѣчу шла сама
 Египта страшная чума.

XVIII.

Рабы презрѣнные, къ которымъ
 Такъ щедръ были небеса!
 Природа! Ихъ ли, ихъ ли взорамъ
 Цѣнить всѣ эти чудеса?
 Здѣсь Цинтра смотритъ новымъ раемъ,
 Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ!
 Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
 Хотя намекъ на ту природу,
 Передъ которою блѣдна
 Та неизвѣстная страна,
 Пѣвцомъ открытая народу,
 Когда онъ смертныхъ удивилъ
 И имъ Элизіумъ открылъ.

XIX.

Цѣпь голыхъ скалъ идетъ рядами;
 Тамъ монастырь, склонившись внизъ,
 Своими бѣлыми стѣнами
 Надъ самой бездною повисъ;
 Деревьевъ тѣнь по горнымъ скатамъ,
 Сожженный мохъ на крутизѣ
 И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ
 Долины въ мертвой тишинѣ;
 Сверканье моря голубаго
 И апельсинныхъ рошъ нарядъ,
 И изумрудный виноградъ,
 И ревъ потоковъ, — здѣсь все ново!
 Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
 И восхищаетъ и дивить.

XX.

Но выше по тропинкѣ горной
 Идите вверхъ, смотря назадъ,
 Чтобъ той природой благотворной
 Еще полнѣй упилися взглядъ.
 А тамъ, одна изъ тѣхъ тропинокъ
 Ведеть къ стѣнамъ монастыря;
 Здѣсь васъ съ мощами встрѣтитъ инокъ,
 Свои легенды говоря:
 Вотъ тутъ погибли изувѣры, —
 Ихъ за нечестье рокъ сразилъ,
 А тамъ Гонорій прежде жилъ,
 Спасая желавшій въ тѣмъ пещеры,
 Въ адъ обратившій жизнь свою,
 Чтобъ быть впоследствии въ раю.

XXI.

Блуждая по уступамъ этимъ
 Среди пустынныхъ, дикихъ мѣстъ,
 Мы по дорогѣ часто встрѣтимъ
 Воткнутый въ землю скромный крестъ.
 Но онъ есть только слѣдъ ужасныхъ
 Ночныхъ убійствъ, — уже потомъ,
 Найдя останки жертвъ несчастныхъ,
 Ихъ погребаютъ подъ крестомъ.
 Здѣсь встрѣтитъ путникъ удивленный
 Такихъ могилъ несчетный рядъ,
 И тѣ могилы говорятъ,
 Что въ той странѣ окровавленной
 Законъ усталый тупо спитъ
 И жизни гражданъ не хранитъ.

XXII.

Въ долинахъ замки видны намъ,
 Въ нихъ прежде жили короли,
 Теперь же дикими цвѣтами
 Они капризно заросли,
 Но слѣдъ величья ихъ остался...
 Вотъ „замокъ принца“ тамъ стоитъ.

Не ты-ль здѣсь жизнью наслаждался,
 Ты, Ватекъ—нашъ богатый Бритъ?
 Не здѣсь ли, жизнью наскуча,
 Ты создалъ свой земной эдемъ?
 Но объ одномъ забылъ межъ тѣмъ:
 Что какъ богатство не могуче,
 Но и ему,—вездѣ равно, —
 Надъ жизнью власти не дано.

XXIII.

Внизу горы, въ жилищѣ этомъ
 Ты жилъ, всѣхъ прихотей творецъ...
 Теперь, какъ проклятый всѣмъ свѣтомъ,
 Стоитъ пустынный твой дворецъ,
 И нѣтъ слѣдовъ минувшей славы!
 Какъ ты, онъ сталъ и пустъ и нѣмъ,
 Лишь колоссальной рощю травы
 Путь загораживаютъ всѣмъ
 Въ раскрытымъ портикамъ и заламъ...
 Какой торжественный урокъ
 Для всѣхъ, кто только думать могъ
 О счастьѣ, бесконечно маломъ,
 Которое кладетъ въ гроба
 Неумолимая судьба.

XXIV.

Вотъ замокъ. Здѣсь,—то каждый знаетъ,—
 Сошлись вожди *) и съ давнихъ поръ
 Видъ замка этаго смущаетъ
 Британца смѣлый, гордый взоръ.
 Смотрите: тамъ, съ улыбкой адской,
 Обвить пергаментомъ кругомъ,
 Сидитъ, надѣвъ колпакъ дурацкій,
 Чертенокъ маленькій,—на немъ
 Висятъ печать и свитокъ черный,
 Гдѣ виднѣнъ рядъ гербовъ, именъ
 Известныхъ рыцарей,—и онъ
 На нихъ указывалъ проворно,
 Лукаво надписи читалъ
 И непритворно хохоталъ.

*) Въ этомъ замкѣ была подписана центрская конвенція.

XXV.

Конвенція—название бѣса.
 Въ томъ замкѣ на смѣхъ онъ собралъ
 Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгресса
 И ихъ надежды осмѣялъ.
 Здѣсь побѣдитель покорился
 И предъ безуміемъ поникъ
 И вновь спасителемъ явился
 Дипломатическій языкъ.
 О, лавры, лавры! вы обидны
 Героямъ нашимъ навсегда!
 Срамъ побѣдителю, когда
 Онъ растеряется постыдно
 И клонить голову въ странѣ,
 Имъ покоренной на войнѣ.

XXVI.

Съ тѣхъ поръ, о Цинтра,—не забудутъ
 Тебя британцы никогда,
 И, если могутъ, долго будутъ
 Сгарать отъ тайнаго стыда
 Вожди грядущихъ поколѣній,
 Побѣдоносные вожди...
 Нѣтъ, стыдъ безславныхъ поражений
 Суда потомства подожди,
 Когда смѣясь припомнятъ внуки,
 Какъ побѣдитель уступилъ,
 Какъ побѣжденный врагъ смутилъ
 Побѣды радостные звуки,
 Смялъ гордый лавръ ея вѣнковъ
 И бросилъ на позоръ вѣковъ.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, не безъ кручины
 Бродя одинъ среди этихъ скалъ
 И хоть прелестныя картины
 По всюду взоръ его встрѣчалъ.
 Но онъ, какъ ласточка, скучая,

Рвался все дальше, въ край иной,
 И чаще думы на бѣгая
 Терзали умъ его больнои,
 И не безъ горькаго презрѣнья
 Припоминалъ Гарольдъ тогда
 Мелькнувшей юности года —
 Что прожилъ ихъ безъ сожалѣнья
 Въ чаду безумствъ, въ чаду проказъ,
 И взоръ его темнѣлъ не разъ.

XXVIII.

Коня скорѣй! И покидаетъ
 Онъ этотъ край и мирный кровъ,
 Онъ мрачнымъ грезамъ измѣняетъ,
 Но не для женщинъ и пировъ.
 Спѣшить—куда?—безъ цѣли мчится
 Впередъ, впередъ, куда нибудь,
 Не зная самъ, гдѣ прекратится
 Его капризный, долгій путь.
 Не мало мѣстъ и видовъ разныхъ
 Передъ собой увидитъ онъ,
 Пока не будетъ утомленъ
 Картиной странъ разнообразныхъ
 И долгимъ опытомъ, пока
 Еще сильна его тоска.

XXIX.

Но вотъ и Мафра. Въ вихрѣ танцевъ
 Здѣсь слышенъ былъ церковный хоръ,
 Здѣсь королева лузитанцевъ
 Жила, оплакавъ свой позоръ;
 Мѣшались здѣсь пиры и мессы
 И составляли дворъ одинъ
 И кургизанки и повѣсы
 И рядомъ—мрачный капуцинъ.
 Здѣсь вавилонская блудница
 Себѣ построила чертогъ, —
 Здѣсь позлащеннй твой порокъ,
 Въ крови купавшася жрица —
 Толпу къ ногамъ твоимъ бросаю
 И рабскій трепеть возбуждаю.

XXX.

Такъ между горъ, цвѣтущей нивой
 Шелъ Чайльдъ-Гарольдъ впередъ, впередъ..
 О, для чего въ странѣ счастливой
 Народъ свободный не живетъ?
 Нѣтъ, для однихъ гнѣбътевъ, дома
 Жалѣвшихъ кинуть свой диванъ,
 То наслажденье не знакомо:
 Бродить подъ небомъ разныхъ странъ
 Съ однимъ желаніемъ упорнымъ —
 Иныя думы испытать,
 Все знать, все видѣть и дышать
 Всей грудью воздухомъ нагорнымъ...
 Одинъ флегматикъ лишь не могъ
 Понять всю прелесть тѣхъ тревогъ.

XXXI.

Но плодосныя долины
 Все рѣже, рѣже видить взоръ,
 И вотъ испанскіи равнины
 И безконечный ихъ просторъ
 Кругомъ открылся нашимъ взглядамъ.
 И новый край суровъ и глухъ:
 Среди поля гладкаго за стадамъ
 Лишь кое-гдѣ бредеть пастухъ.
 Огъ долженъ быть вооруженнымъ,
 Чтобъ защищать своихъ овецъ,
 За тѣмъ, что изъ конца въ конецъ
 Предъ цѣлымъ краемъ разореннымъ
 Прошелся врагъ—и весь народъ
 Теперь его прихода ждетъ.

XXXII.

Тамъ, гдѣ слились между собою
 Двѣ враждовавшія страны,
 Какой же гранью роковою
 Онѣ теперь раздѣлены?
 Что дѣлать ихъ? Въ зубахъ Сіерра?
 Иль Таго мощная волна?

Иль волоossalнаго развѣра
 Вновь возведенная стѣна?
 Тамъ нѣтъ ни стѣны, ни рѣчки быстрой,
 Ихъ межъ собой не раздѣлять
 Огромный рядъ высокихъ скалъ,
 Подобно дѣни той гористой,
 Которой гальская страна
 Отъ южныхъ мѣстъ отдѣлена.

XXXIII.

Но между ними пробѣгаетъ
 Едва замѣтный ручеекъ.
 Какъ звать его?—никто не знаетъ,
 Но онъ для нихъ границей легъ
 И здѣсь журчитъ, переливаясь
 Вдоль незнакомыхъ береговъ...
 Порой, на носокъ опираясь,
 Пастухъ глядитъ въ страну враговъ
 Своимъ гнѣвно гордымъ взоромъ...
 Любой испанскій селянинъ
 Смотрѣлъ, какъ истый властелинъ,
 На край, задавленный поворомъ:
 Неужилсѣ съ нимъ никогда-бъ
 Несчастный, лузитанскій рабъ.

XXXIV.

Когда жъ вдали, среди тумана,
 Ушла граница та—и вотъ
 Явилась мрачно Гвадіана
 Съ журчаньемъ тихихъ, грустныхъ водъ.
 На берегахъ ея когда-то
 Сходили съ рыцарями Мавръ,
 Сверкали кованые латы
 И обливался кровью лавръ.
 Спасался бѣгствомъ побѣжденный
 За склономъ взрытого холма
 И мусульманская чалма
 И гордый шлемъ окровавленный

Во слѣдъ за ней въ рѣку летѣлъ,
Гдѣ мчалась гряда мертвыхъ тѣлъ.

XXXV.

Прекрасный край любви и славы!
Здѣсь знамя поднялъ самъ Пелагъ,
Когда отецъ презрѣнный Кавы (*)
Пришелъ съ дружинами, и врагъ
Окрасилъ кровью горъ долины.
Гдѣ жъ флаги грозные войны?
Держали ихъ твои сыны,
Разбивши дерзкія дружины.
О, какъ тогда средь акивъ мѣсяцъ
Сіялъ, горѣлъ надъ восяй страшою
Побѣдоносный, яркій крестъ
Предъ потухавшею луною,
А въ Африкѣ носился стоющъ
Рыдавшихъ мавританскихъ жонгъ.

XXXVI.

Но сохранился-ль въ пѣсняхъ края
Минувшій блескъ твоихъ побѣдъ?
Дѣла героев разбирая,
Онѣ однѣ хранятъ ихъ слѣдъ.
Сотрется въ пылъ стѣна гранита,
Умрутъ истории страны,
Лишь только въ пѣсняхъ не забыта
Бываетъ слава старины.
О, гордость! Знай: языкъ преданья,
Какъ лесть, которая ужъ шить,
Ни для кого не сохранить
Величья прошлаго сянья,
Но то величіе въ народѣ
Въ бессмертныхъ пѣсняхъ перейдетъ.

XXXVII.

Сыны Испаніи, проснитесь!
Оружье въ руки и впередъ!

..(*) Дочь графа Юліана.

На крикъ призывный отзовитесь:
 Впередъ! васъ рыцарство зоветъ.
 Ужь нынче съ дерзостью бывалой
 Не машеть копыями оно,
 Надъ свѣтлымъ шлемомъ хвостъ кровавый.
 Не развѣвается давно,
 Но подъ раскаты пушки мѣдной,
 Въ дыму, гдѣ воздухъ рветъ картечь,
 Оно зоветъ: за мечъ! за мечъ!
 Скажите: этотъ крикъ побѣдный—
 Не тотъ-ли, что сзывалъ къ врагу
 На Андалузскомъ берегу?

XXXVIII.

Но, чу! раздався топотъ конный...
 Звукъ битвы... гулъ... Кого-же тамъ
 Сражаетъ мечъ окровавленный?
 Ужель тиранамъ и рабамъ
 На жертвы кините вы братій?
 Огонь ружейный между скалъ
 Не мало бѣшенныхъ проклятій,
 Не мало жизней вырываетъ.
 Смерть проносилась, какъ сирова,
 То съ той, то съ этой стороны.
 Покрытый кровью, богъ войны
 Ногой билъ въ землю—и далеко
 Людей во всѣхъ концахъ земли
 Удары эти потрясли.

XXXIX.

А тамъ, съ горы на бой ужасный
 Глядитъ Гигантъ—и грозенъ онъ,
 И цвѣтъ волею кроваво—красный
 Румянымъ солнцемъ озаренъ.
 Смерть разносилъ онъ каждымъ взглядомъ,
 Все на пути палилъ и жегъ,
 А у его желѣзныхъ ногъ

Духъ Разрушенья видѣнь рядомъ:
 Онъ отиѣчалъ дѣянья зла.
 Въ тотъ день три сильныя державы
 Сюда рука его свела
 Лить кровь рѣкою для забавы,
 И съ наслажденьемъ ждетъ колосъ,
 Чтобъ больше крови пролилось.

XL.

Клянусь,—для всѣхъ, кто на сраженьи
 Друзей и братьевъ не встрѣчалъ, —
 Великолѣпное сѣищенье
 Характеръ битвы представлялъ.
 Вилися шарфы и, блистая,
 Мелькала огонь надъ головой,
 И словно псомъ явилась стая
 И подняла зловѣщій вой.
 Всѣ ждуть побѣды, облитыхъ кровью,
 Добычи ждуть,—но много силъ
 Погибло жертвою могилъ,
 И Разрушенья духъ съ любовью
 За ихъ паденіемъ слѣдилъ
 И падшимъ трупамъ счетъ сводилъ.

XLI.

Три арміи для грозной битвы,
 Для смертныхъ жертвъ сошлись тамъ;
 Три племена свои молитвы
 Шлютъ дикимъ воплемъ къ небесамъ.
 Подъ небожь чистымъ и лазурнымъ
 Знамена вьются, пылъ стоитъ,
 И вотъ впередъ потокомъ бурнымъ
 Идутъ—Французъ, Испанецъ, Бритъ;
 Врагъ, жертва и союзникъ нѣжный
 На битву общую пришли,
 Какъ будто дома не могли
 Дождаться смерти неизбежной,

Сошлись, что-бъ язвами ихъ ранъ
Потомъ питался хищный врагъ.

XLII.

И здѣсь сгніютъ безумцы эти!
Гдѣ жъ слава ихъ? — одинъ туманъ.
Они орудьемъ были въ свѣтѣ
Въ рукахъ тирановъ. Ты, тиранъ,
Себѣ дорогу пролагаешь
По человѣческимъ костямъ,
А для чего?—и самъ не знаешь
Даль волю бѣшеннымъ страстямъ.
Вому жъ мила деспотовъ злоба?
И есть-ли въ мірѣ уголокъ,
Гдѣ-бъ каждый хищный деспотъ могъ
Найти покой, лишь кромѣ гроба,
Гдѣ онъ сотрется скоро въ прахъ,
Не наводя на смертныхъ страхъ?

XLIII.

О, Альбуэрскія равнины,
Гдѣ скорбь оставила печать?
Кто-бъ угадалъ, что здѣсь дружины
Сойдутся въ битвѣ умирать!
Миръ павшимъ! Пусть триумфъ побѣдный
И громкой славы письменна
Въ вѣка, какъ лучший даръ наслѣдный,
Перенесутъ ихъ имена.
Пока мы новыхъ битвъ не видимъ,
Не видимъ новыхъ похоронъ —
Къ тебѣ на встрѣчу Альбионъ
Мчѣ съ мимолетнымъ гимномъ выйдемъ
И, хоть недолго, можетъ быть,
Ты въ нашихъ пѣсняхъ будешь жить.

XLIV.

Но о любимцахъ войнъ забудемъ,
О нихъ напрасно толковать...

Пускай капризъ приходитъ людямъ
 По приказанью умереть.
 Пусть мы наемщиковъ лишились, —
 О нихъ мы плакать не должны:
 Вѣдь еслибъ жить они остались,
 То для позора всей страны.
 Тогда бъ ихъ роли были жалки,
 Они погибли-бъ безъ слѣда,
 Безъ угрызений, безъ стыда
 Въ какой нибудь домашней свалкѣ
 Иль съ окровавленнымъ ножемъ
 Всѣ занялись бы грабежемъ.

XLV.

Гарольдъ идетъ — и предъ собою
 Севилью видитъ. Какъ всегда,
 Она не кажется рабою,
 Еще свободна и горда.
 Но близокъ часъ ея страданій,
 Ворвутся полчища врага
 И до ступеней чистыхъ зданій
 Коснется грязная нога,
 Скуются цѣпи для рабыни...
 Часъ страшный! Незбѣженъ онъ, —
 Иначе бъ Тиръ и Иліонъ
 Существовали бы до нынѣ
 И добродѣтель вокругъ цвѣла,
 И въ мірѣ не было бы зла.

XLVI.

Но тамъ бѣды еще не чуешь
 Въ безумныхъ оргіяхъ народъ,
 Позоръ отчины не волнуешь
 Тебя, севильскій патриотъ.
 Здѣсь нѣтъ воинственного жара,
 Молчитъ призывный рогъ войны
 И только слышется гитара
 Въ часы полночной тишины. —

Для сладострастных наслаждений
И дни и ночи на пролетъ
Безумно молодость живеть;
Среди безмолвныхъ преступлений
И дряхлыхъ каменныхъ громадъ
Лишь только властвуетъ развратъ.

XLVII.

Не такъ живетъ селянину.
Бойтся видѣть онъ съ женой
Полей печальную картину,
Полей, ограбленныхъ войной.
Фанданго звуки замолчали,
Веселыхъ пѣсень нѣтъ въ дали..
Монархи! если-бы вы знали
О чистыхъ радостяхъ земли,
То сладкой прелестью обмана
Къ себѣ васъ слава не звала
И за собою не вела,
И рѣзкій грохотъ барабана
Насъ навсегда забылъ будить,
И человекъ могъ счастливъ быть.

XLVIII.

Какія-жъ пѣсни распѣваютъ
Теперь погонщики быковъ?
Любовь-ли, славу-ль прославляютъ
Нѣтъ, смыслъ ихъ пѣсень не таковъ.
Иные звуки и тревоги...
Перемѣнилась скоро роль, —
Они поютъ лишь по дорогѣ
Одно: да здравствуетъ король! (*)
Иль шлютъ проклятiя Годою,
Безумцу Карлу иль тому,
Кто сталъ (нѣтъ имени ему!)

(*) Viva el rey Fernando! Да здравствуетъ король Фердинандъ. Это противъ большей части испанскихъ патристическихъ пѣсень, которыя направлены противъ старого короля Карла, королевы и принца Мира.

Предъ королевой молодою,
И эта падшая жена
Была въ порокъ увлечена.

XLIX.

Среди долинъ, межъ скалъ гигантскихъ,
Гдѣ и теперь еще видны
Обломки замковъ Мавританскихъ,
Остался грозный слѣдъ войны.
Слѣдъ лошадиного копыта
Избороздилъ красу луговъ,
Все поле ядрами изрыто:
Здѣсь, говорятъ, былъ станъ враговъ;
И здѣсь крестьяниномъ отважнымъ
Былъ не одинъ драгунъ сраженъ
И всѣмъ теперь укажетъ онъ
На это мѣсто съ видомъ важнымъ,
Увѣривъ, что верхи тѣхъ скалъ
Не разъ одинъ онъ съ бою бралъ.

L.

При встрѣчѣ здѣсь видна на всякомъ
Кокарда красная,—она
Служить для всѣхъ условнымъ знакомъ
Во всей странѣ теперь должна.
Кто не надѣлъ кокарды красной —
Тому бѣда; будь юнъ или старъ —
Онъ начинаетъ путь опасный:
Здѣсь ножъ остеръ, здѣсь быстръ ударъ.
И горе галльскому солдату,
Когда надъ нимъ бы засверкала
Коварно спрятанный кинжалъ,
И обнаженному булату
Не страшень сталь-бы громъ траншей
И блескъ французскихъ палашей.

(*) Красная кокарда съ именемъ Фердинанда VII.

LI.

Тамъ, высоко, съ вершинъ Морены
 На поворотахъ, изъ за скалъ,
 Глядятъ твердынь могучихъ стѣны,
 Рядъ батарей, — и взоръ встрѣчалъ
 Рвы затопленные повсюду,
 Построекъ крѣпкихъ образцы,
 Изъ ядеръ сложенную груду,
 Рогатокъ острия зубцы.
 Тамъ стражи грозныя фигуры
 И группы взнузданныхъ коней,
 Тамъ подъ ущельемъ, межъ камней,
 Для боевыхъ запасовъ фуры
 И возгъ пушки боевой
 Курится фитиль роковой.

LII.

Ждутъ битвы, царства слезъ и мрака;
 Но тотъ, кто троны низвергалъ,
 Еще рукой не подалъ знака,
 Еще странъ онъ отдыхъ далъ,
 Но скоро жадные къ разбою
 Сюда придутъ его рабы
 И скоро западъ надъ собою
 Увидить грозной бичъ судьбы.
 Испанцы! Слабы всѣ усиля!
 Для васъ печальныйъ день придетъ —
 Лишь галльскій коршунъ развернетъ
 Съ побѣдоноснымъ воплемъ крылья
 И станетъ въ битвахъ умирать
 Испанцевъ доблестная рать.

LIII.

Ужель погибнуть эти силы
 И этой молодости цвѣтъ?
 Межъ рабствомъ и дверьми могилы

Ужель иной середины вѣтъ?
 Ужель насиліе жестоко
 Поработить кругомъ народъ
 И никогда до слуха Рока
 Мольба испанцевъ не дойдетъ?
 Напрасны ль—храбрость и забота
 Въ чертахъ геройскаго лица
 И наставленья мудреца,
 И увлеченье патріота,
 И обнаженный къ битвѣ ножъ,
 Съ которымъ рвется молодежь?

LIV.

Къ чему-жь, гитару покидая,
 Забывъ стыдливость и покой,
 Теперь испанка молодая
 За мечъ хватается рукой?
 Забыты женскія приманки
 И новымъ мужествомъ горды,
 Кругомъ становятся испанки
 Съ своими братьями въ ряды;
 И тѣ, которые когда-то
 Боялись самыхъ легкихъ ранъ,
 Вступивъ ногой въ военный станъ,
 Подставляютъ грудь подъ штыкъ солдата
 И на рѣзню сквозъ дымъ и смядъ,
 Какъ Марсы юные глядятъ.

LV.

Но если-бъ ихъ вы увидали
 Не въ дни войны, когда на васъ
 Изъ подъ таинственной вуали
 Глядѣла нѣжно пара глазъ
 И у окна въ часы досуга
 Могли подмѣтить—очеркъ рукъ
 И прелесть формъ, и профиль юга,
 Могли услышать рѣчи звукъ,
 То не подумали бы всѣ вы

Увидѣть съ трепетомъ цотомъ
 У Сарагоскихъ стѣнъ съ мечемъ
 Воинственной испанской дѣвы,
 Гдѣ и спокойна и строга
 Она съ оружемъ ждетъ врага.

LVI.

Любовникъ палъ — она не плачетъ,
 Начальникъ мертвъ — она спѣшитъ,
 Она водемъ побѣднымъ скачетъ,
 Она трусливаго стыдитъ
 И вновь на битву возвращаетъ.
 Никто такъ грозно, какъ она,
 За смерть вожей не отомщаетъ,
 Не будить слабаго отъ сна.
 Испанка смѣло пробуждала
 Надежды спавшія въ груди
 И съ браннымъ крикомъ впереди
 Сама преслѣдовала Галла,
 Когда бѣжалъ безславно онъ
 Рукою женщины пораженъ..

LVII.

Но все-жъ породы Амазонокъ
 Чужда испанская жена,
 Она съ ребяческихъ пеленокъ
 Служить любви осуждена,
 И если въ битвѣ неизбѣжной
 За мечъ бралась ей рука —
 То это-месть голубки нѣжной
 За смерть роднаго голубка.
 Любовь и гнѣвъ—въ ней все безцѣнно,
 И съ ней-ли я теперь сравню
 Пустыхъ красавицъ болтовню, --
 Въ которыхъ все обыкновенно:
 Онъ равны съ ней въ красотѣ,
 Но души, души ихъ не тѣ...

LVIII.

На явкахъ щекъ — слѣды дыханья —
 Амуръ лишь смѣлъ на нихъ дохнуть;
 Уста, гдѣ спрятались лобзанья
 Сейчасъ готовы спорхнуть,
 Казалось, шепчуть, что опасно
 Лобзанья нѣжныя срывать.
 А взоръ... какъ дико и прекрасно
 Блестить и жечь!.. О, Фебъ, не трать
 Лучей и солнечнаго жара,
 Чтобъ повредить загоромъ ей: —
 Еще прекраснѣй и свѣжѣй
 Она выходитъ изъ загара
 И передъ ней скучны, блѣдны —
 Всѣ дамы сѣверной страны.

LIX.

Востокъ, прославленный по свѣту!
 Гаремы знойной той страны,
 Гдѣ самъ пою я пѣсню эту
 Въ честь красоты! (предъ ней должны
 Всѣ циники во прахъ склоняться!)
 Ведите же меня теперь
 За ту таинственную дверь,
 Гдѣ ваши гуріи хранятся,
 Гдѣ даже воздухъ стерегутъ
 Въ закрытой спальнѣ мусальманской.
 Гдѣ-жъ ваши гуріи? Кто тутъ
 Сравнится съ женщиной испанской?
 Такими женщинами могъ
 Наполнить рай лишь вашъ пророкъ... (*)

LX.

Парнасъ! Тебя я вижу нынѣ
 Не въ смутной грезѣ прежнихъ дней,

(*) Этотъ стансъ былъ написанъ Байрономъ въ Турціи.

Но съ вѣчнымъ свѣгомъ на вершинѣ,
 Подъ небомъ родины твоей,
 Во всемъ твоёмъ величьи дикомъ!
 Не ставь же мнѣ теперь въ вину,
 Что я смутилъ невольнымъ крикомъ
 Твою святую тишину.
 Не я одинъ достоинъ смѣха —
 Видь каждый скромный пилигримъ
 Привыкъ здѣсь голосомъ своимъ
 Отъ сна будить, тревожить эхо,
 Хоть давно съ твоихъ высотъ
 Не сходятъ музы къ намъ въ народъ.

LXI.

Я зналъ тебя въ мечтахъ когда-то
 Давно, (кому не вѣдомъ ты —
 Не знаетъ тотъ, что въ жизни свято.)
 Теперь я здѣсь! Сбылись мечты,
 Но я молчу, позабывая
 Все, что хотѣлъ сказать въ стихахъ;
 Повтовъ древнихъ вспоминая,
 Могу лишь только пасть во прахъ,
 Не смѣя выговорить слова;
 Дрожа, волнуясь и любя,
 Могу смотрѣть лишь на тебя
 Сквозь ризу облачнаго крова
 И молча думать въ этотъ часъ:
 Я вижу, наконецъ, Парнасъ!..

LXII.

Счастливей всѣхъ повтовъ, нынѣ
 Еще не знавшихъ этихъ мѣстъ,
 Могу-ль не чувствовать святости
 Во всемъ, что вижу здѣсь окрестъ?..
 Хоть въ темный гротъ къ себѣ на ложъ
 Теперь не сходитъ Аполлонъ,

И ты, жилище Музъ, похоже
 На темный гробъ со всѣхъ сторонъ,
 Но здѣсь у храма вдохновеній,
 Въ тѣни пещерь, въ дышаньи водъ
 Еще витать и живетъ
 Какой-то кроткій, добрый гений
 И въ этой мертвой тишинѣ
 Скользить незримо по волнѣ.

LXIII.

Парнасъ! Къ тебѣ поднявши руки,
 Я позабылъ, обворожень,
 Страну, гдѣ слышны цѣпи звуки
 И стоны юношей и женъ!
 Я передъ тобой лежалъ на камнѣ,
 Роняя слезы на песокъ,
 Но мой рассказъ начать пора мнѣ,
 А ты... ахъ, если бь только могъ
 Я здѣсь сорвать хоть листъ лавровый
 Отъ вѣтки Даоны, чтобъ опять
 Я могъ съ успѣхомъ воспѣвать
 Тебя въ стихахъ, Парнасъ суровый,
 Чтобъ въ чуткой памяти пѣвца
 Ты жить могъ долго, до конца.

LXIV.

Но никогда въ дни прежней славы
 Ни ты, краса всѣхъ нашихъ горъ,
 Ни жрицы Дельфовъ (вѣлично
 Здѣсь неся ихъ пифійскій хоръ)
 Такого зрѣлища не знали,
 Когда оружемъ овладѣвъ,
 Игралъ клинкомъ блестящей стали
 Рядъ андалузскихъ женъ и дѣвъ.
 Въ нихъ пышетъ зной желаній ягучихъ,
 Но дѣти юга лишены
 Награды греческой страны —
 Уединенія роцъ пахучихъ,
 Хоть нынче въ Греции и нѣтъ
 Минувшей славы прошлыхъ лѣтъ.

LXV.

Севиля гордая и дерзкая
 Богатствомъ, драгоценнѣе своей,
 Бадиксъ съ ней ~~ароматнѣе~~ ~~сладше~~,
 Хотя Севиля ~~она~~ ~~нигиль~~...
 О, взоръ чарующій парона!
 Какую юность не смущаетъ
 Его магическое око!
 Чье сердце ~~онъ~~ ~~не~~ ~~обольщаетъ~~!
 Въ комъ кровь кипитъ въ жаровой ступи,
 Того змѣей онъ обовьетъ
 И тихо въ пропасть увлечетъ,
 Для всѣхъ мѣняя по личудъ
 Свой обольщающій нарядъ,
 Улыбки нѣжныя и взглядъ.

LXVI.

Когда Сатурнъ въ безстрастномъ видѣ
 Косою Павосъ поразилъ,
 (Сатурнъ и самой королевъ
 Не разъ косою своею тровилъ)
 Тогда забавы и веселье
 Нашли пріютъ въ странѣ тепла,
 Тогда сюда на новоселье
 Венера храмъ перенесла
 И здѣсь за бѣлыми стѣнами
 Она поставила свой тронъ.
 Но что ей храмъ? Со всѣхъ сторонъ,
 Блестая яркими огнями,
 Вдругъ отъ зари и до зари
 Предъ ней курились алтари.

LXVII.

Всю ночь, до самаго рассвѣта
 Кипитъ здѣсь правдивыя красота,

Подъ звукъ гитаръ и кастальета
 Народъ наряженный въ цвѣты
 Поетъ при пласкѣ молодежи,
 Не встрѣтивъ хмурого лица,
 Сегодня шуръ и завтра тоже
 И не видать ниракъ конца.
 Слѣдовъ нѣтъ скорби и кручины,
 И горькихъ слезъ—ни здѣсь, ни тамъ,
 Лишь стерегутъ свой смѣхъ
 Одни сѣдые капуцины
 И шевелить здѣсь всѣхъ равно
 Любовь съ молитвой за одно.

LXVIII.

Вотъ день воскресный. Чѣмъ займется
 Народъ въ день отдыха теперь?
 Но, чу! рычанье раздается:
 То царь лѣсовъ, могучій звѣрь.
 Онъ коадри вадуть; съ кровавой пѣной
 Терзаетъ всадниковъ, кожей...
 Тогда повисла надъ ареной,
 Но только радость будять въ ней,
 Она въ восторгѣ замираетъ,
 Когда оплошного врага
 Быкъ поднимаетъ на рога
 И къ верху трутъ его бросаетъ,
 А дамы смотреть въ этотъ часъ
 Не отварачивая глазъ.

LXIX.

И вотъ онъ день седьмой недѣли!
 Но такъ-ли Лондонъ чтить тѣ дни?
 Наряды чистые недѣли
 Всѣ классы общества; они,
 Покинувъ зданій темныхъ стѣны,
 Бѣгутъ всѣ воздухомъдохнуть,

Чтобъ освѣжить болящие члены,
 Чтобъ разъ въ недѣлю отдохнуть.
 Въ сѣзракъ спрочныхъ, въ паниномъ небѣ
 Все что и мною и старо
 Спѣшитъ въ Гейнстадъ или въ Геро,
 Чтобъ доложить нововъ о сннегъ небѣ,
 Межъ тѣмъ, мать сзоди пѣшеходъ
 Съ равниной зачатъю идетъ.

LXX.

На Темзѣ—лодки; въ лодкахъ—дамы,
 На нихъ цвѣты, узоры блондъ;
 Инымъ же хочется упрямо
 Идти въ Гейгетъ или въ Ричмондъ.
 Куда же ихъ ведетъ дорога?
 Я расскажу,—къ чему скрывать!—
 Онѣ спѣшать на праздникъ Рога (*)
 Ему мольбы свои шептать.
 Тамъ онъ внимаеъ медоньямъ странннмъ
 Отъ цюгекъ юношей и жемъ,
 Тамъ рядъ првонаній окроленъ
 Бываеъ виномъ благоуханнмъ,
 Сибнялась музыкой игра
 И танцы длились до утра.

LXXI.

Свои безумства—въ каждомъ краѣ.
 И ты, Кадиксъ, подверженъ имъ:
 Лишь вспыхнетъ день,—перебирая
 Гранаты четокъ, пилгримъ
 Предъ ликомъ Дѣвы Непорочной,

(*) Здѣсь Байронъ намекаетъ на снѣтый обычай, бывший когда-то въ употребленіи въ трактирахъ Гейгетъ: этотъ обычай заставляеъ всѣхъ посѣтителей передъ двумя рогами пронзочить такую клятву: никогда не буду цѣловать служанку, если можно цѣловать хозяйку; не стану пить легкаго пива, если возможно пить крѣпкое, и т. п. клятвы, въ томъ же комическомъ родѣ.

(Она одна во всей стране)
 Въ своемъ образѣ востру точный,
 Стоять, склонившись въ тишинѣ...
 Огнь за людей творить мелема,
 Но часъ настала—и въ ширь идетъ
 Такъ жадный къ зрѣлищамъ народъ.
 Весь городъ, вой безъ исключенья,
 Переѣзжавшись межъ собой,
 Идутъ смотреть кровавый бой.

LXXII.

Вотъ сцена зрителямъ предстала.
 Арена дѣйствія пуста;
 Еще труба не прозвучала,
 Но всюду заняты мѣста,
 Повсюду гранды и вельможи
 И вереница донигъ и дамъ—
 Приманна бойкой молодежью,
 Мелькавшихъ вокругъ по ихъ слѣдамъ.
 А взоры женщинъ тамъ лунавы...
 Но никогда прекрасный взглядъ
 Не гналъ поклонниковъ назадъ,
 Хотя пѣвцы луны и славы
 Рѣшатъ, что женщинъ гордый взоръ
 Для сердца—смертный приговоръ.

LXXXIII.

Шумъ замеръ, стихли разговоры,
 И всадники въѣзжаютъ въ кругъ.
 Въ рукахъ ихъ конья, блещутъ шпоры,
 Они раскланялись вокругъ,
 Готова публика къ потѣхамъ,
 А публика ужъ ждетъ съ утра,
 Когда окончится съ успѣхомъ
 Бойцовъ опасная игра.

Тогда ихъ встрѣтять обичиѣ плескомъ,
 Ихъ поспрѣтъ и здѣсь и тамъ
 Улыбки, взгляды гордыхъ дамъ...
 Съ таинствъ трюмоумъ, съ этикъ блескомъ
 Король встрѣчается, порой,
 Иль самъ уличенный герой.

LXXXIV.

Нарядный, мантией блистая,
 Стоитъ проворный матадоръ,
 Царя лѣснаго поджидалъ,
 Онъ вдругъ себя бросаетъ взоръ,
 Чтобъ осмотрѣть просторъ арены,
 (Въ его рукѣ—одинъ кинжалъ)
 Чтобъ убѣжать ему со сцены
 Ни кто отъ звѣря не мѣшалъ.
 Повсюду пѣшій, съ шаромъ краснымъ,
 Онъ звѣря издали дразнилъ,
 Онъ только издали шутилъ
 Надъ неприятелиемъ опаснымъ
 И вызывалъ его на бой,
 Раскинувъ шаръ передъ собой.

LXXXV.

Вотъ поданъ знакъ,— труба гремѣла,
 Широко распахнулась дверь,—
 Толпа какъ будто онѣмѣла:
 На сцену разомъ прынулъ звѣрь.
 Глазами медленно вращаетъ,
 Взрывая подъ собой песокъ,
 Но на врага не нападаетъ—
 Онъ разглядѣть его не могъ.
 Какъ будто, что соблажая,
 Глазами красными кругомъ
 Поводить, жертву поджидалъ
 И стали грозно-велики
 Егѣ кровавые зрачки.

LXXVI.

Но вдругъ онъ сталъ съ недвижимымъ взоромъ.
 Бѣги, безумецъ, этихъ глазъ!
 Побѣднымъ лавромъ иль позоромъ
 Тебѣ грозитъ ужасный часъ...
 Проворно всадники мельнаютъ,
 Удары сыплютъ на быка,
 Струями крови покрываютъ
 Его широкіе бока.
 Онъ мчится, вертится, крутится,
 Отъ ранъ онъ бѣшенѣе сталъ;
 Кинжалъ свернулъ, другой кинжалъ,
 Въ его спинахъ копье дымится,
 И быкъ подъ градомъ смертныхъ стрѣлъ
 Съ мычаньемъ дикимъ заревѣлъ.

LXXVII.

Ревъ грозный вырвался изъ груди,
 Но онъ опять впередъ бѣжить...
 Ему-ли страшны эти люди?
 Его-ль оружье устрашить?
 Ужъ конь одинъ убить, какъ муха,
 Другой... видъ страшный для меня:
 Черезъ распоротое брюхо
 Видна вся внутренность коня.
 Но онъ не падаетъ отъ боли,
 Хотя качаясь, онъ бѣжить
 И изъ бѣды спасти спѣшить
 (Въ послѣдній разъ теперь, не болѣ)
 Того, кого въ дни прежнихъ силъ
 Онъ на хребтѣ своемъ носилъ.

LXXVIII.

Въ крови, усталый и забитый
 Ножами, копиями покрытъ,
 Вдругъ словно къ мѣсту пригвожденный

Быкъ сталъ и вокругъ себя глядитъ.
 И вотъ тогда врага извѣри,
 Кровавымъ шарфомъ матадоръ
 То издали задразнить звѣри,
 То подбѣжить къ нему въ упоръ.
 Въ послѣдній разъ царь стада мчится,
 Въ зрачкахъ его зажглась гроза —
 Но плащъ закрылъ ему глаза
 И звѣрь испуганный кружится.
 Конецъ! со всѣхъ могучихъ ногъ
 Огъ упадаетъ на песокъ.

LXXIX.

Между хребтомъ и шеей разомъ
 Книжалъ вошелъ по рукоятъ;
 Герой упалъ, а вокругъ съ экстазомъ
 Сталъ весь народъ рукоплескать.
 Безъ стонувъ, безъ предсмертной муки
 Звѣрь на аренѣ умиралъ;
 При общемъ грохотѣ и стукѣ
 Богатый повѣздъ вывѣжалъ.
 На колесницѣ помѣщаютъ
 Кровавый трупъ героя дня;
 Четыре бойкиа коня
 (Они удилъ стальныхъ не знаютъ)
 Изъ роковаго круга мчатъ
 Быка убитаго назадъ.

LXXX.

Вотъ наслажденья и забавы
 Испанскихъ грандовъ, гордыхъ дѣвъ!
 Ихъ тѣшитъ кровь сильнѣе славы,
 Знакомъ имъ съ дѣтства мести глѣвъ.
 Не разъ кровавые раздоры
 Испанецъ въ тайнѣ затѣвалъ,
 Не разъ въ пылу минутной ссоры
 Огъ землю кровью обливалъ.
 Хоть на врага роднаго края
 Единодушно всталъ народъ,
 Но дома онъ на мечь идетъ

И, черныи унесель скрывая,
 Не разъ онъ другу извѣнчалъ,
 Въ него возвая свой кинжалъ.

LXXXI.

Но прежней ревности дозоры,
 Замки, рѣшотки на огнѣ,
 Дуэнья старыя, запоры —
 Ихъ нѣтъ ужъ больше въ той странѣ.
 До дней войны, до дней невзгоды,
 Когда гроза еще не шла,
 Счастливой дочерью свободы
 Испанка каждая была.
 Съ косой распущенной, бывало,
 Она топтала пышный лугъ,
 То съ быстротою мчалась вдругъ,
 То въ страстномъ танцѣ замирала,
 А на испанку съ вышины
 Лился прозрачный свѣтъ луны.

LXXXII.

Не разъ Гарольдъ любилъ, иль вѣрилъ,
 Что любить онъ, но въ тѣ года
 Онъ предъ собой не лицемѣрилъ,
 Не увлекался никогда.
 Любви желанья и усилья
 Не шевелятъ его души,
 И у Амура только крылья
 Ему казались хороши;
 Хоть онъ красивъ и вѣчно молодъ,
 Но наслажденій тайныхъ дно
 Всегда печально и темно, —
 Тамъ скрыты горечь, тьма и холодъ...
 Тамъ иногда цвѣты хранять
 Неизлечимый, тонкий ядъ.

LXXXIII.

Но прелесть формъ не отвергая,
 Онъ какъ философъ ихъ дѣнилъ,

(Хоть всѣхъ философовъ пугал,
 Прекрасный образъ не манилъ),
 Страсть утомляя, убѣгаетъ
 И сладострастія порокъ
 Ему могилу вырываетъ
 И губить насъ въ короткій срокъ...
 О, жертва тьмы и пресыщенья!
 Тебѣ не вѣдома любовь,
 Тебѣ волнуетъ только кровь
 Неумолимое презрѣнье;
 Проклятье Кайна легло
 Въ тебѣ на гордое чело.

LXXXIV.

Онъ одиноко шелъ въ народѣ,
 Хоть мизантропомъ не смотрѣлъ,
 Въ весельи общемъ, на свободѣ,
 Порой, забыться онъ хотѣлъ,
 Но улыбнется-ль тотъ хоть дважды,
 Чья жизнь разбита, темень путь?...
 Онъ цѣпи демона однажды
 Хотѣлъ на мигъ съ себя стряхнуть
 И въ спальнѣ женщины прекрасной
 Невольно пѣсню ей сложилъ,
 Онъ въ этой женщинѣ цѣнилъ
 Красавицъ прежнихъ, образъ ясный
 Подруги первой, — даже съ той
 Она равнялась красотой:

И Н Е С ъ .

1.

Не улыбайся мнѣ! Тебѣ бы, — видитъ Богъ, —
 Своей улыбкѣ я въ отвѣтъ бы не принесть,
 Но Бога я молю, чтобъ Онъ тебя сберечь
 Отъ безполезныхъ слезъ.

2.

Ты хочешь знать давно — о чемъ моя печаль,
 Второю никогда я не могу забыть!
 Не спрашивай о томъ: тоску мою едва-ль
 Кто можетъ излечить.

3.

Нѣтъ, не слѣды любви, но неопытности влады,
 Не честолюбия обманутаго нѣтъ,
 Заставили меня все промолчать и вконецъ,
 Что въ жизни я цѣнилъ.

4.

То — пресыщеніе; оно теперь слѣдить
 За мной, какъ тать, вездѣ... Въ душѣ разбитой — тьма,
 И красота меня ужъ больше не цѣнитъ —
 И даже — ты сама.

5.

Во мнѣ живетъ печаль и ту печаль носилъ
 Въ себѣ самъ Вѣчный Жидъ, скитаясь сотни лѣтъ;
 Въ одной могилѣ-бъ я тоску свою забылъ,
 Но до могилы — нѣтъ.

6.

И ктожъ съ охотою въ изгнаніе бѣжитъ?...
 О, гдѣ бы не былъ я — печаль одна и та жъ!
 Бичъ жизни — мысль моя вездѣ, вездѣ стоять
 Передо мной, какъ стражъ.

7.

А вдругъ всѣ веселы — что не доступно мнѣ,
 У всѣхъ есть радости — я ихъ не назову...
 О, пусть же знаютъ всѣ лишь въ мимолетномъ снѣ,
 Что зналъ я на яву.

8.

Но мало новыхъ странъ мнѣ нужно пробывать,
 И часто, много разъ я оглянусь назадъ,
 Моей отрадою осталось — лишь считать
 Страданій прошлыхъ рядъ.

9.

Изъ сожалѣнiя ко мнѣ и изъ любви —
 Не спрашивай, о чемъ душа моя скорбитъ!
 Нѣтъ, съ сердца моего ты масни не сорви —
 Подъ маской адъ винить.

LXXXV.

Прости, Кадиксъ! Мы не забудемъ,
 Какъ защищался ты у стѣнъ,
 Мы долго, долго помнить будемъ,
 Чѣмъ искушенье ты вытѣшилъ плѣнъ.
 Въ твоемъ возстанiи народномъ
 Дышалъ правдивый гнѣвъ и страсть:
 Ты первый былъ — чтобъ быть свободнымъ,
 Ты былъ послѣднимъ — чтобы пасть!
 Но если же въ нилу беремъ
 Весь городъ кровью истекалъ —
 Одинъ измѣнилъ только палъ,
 Какъ жертва тяжкаго отщепеня;
 За всю страну возсталъ народъ, —
 Лишь гнулъ вельможа свой хребетъ.

LXXXVI.

Судьба испанскаго народа
 Была всегда для насъ страшна:
 Ему невѣдома свобода,
 Но за ее драмась страна.
 Народъ стоялъ за честь и славу,
 Которыхъ нѣтъ въ родномъ краю,
 За изнуренную державу
 Слагалъ онъ голову своею.
 Великій, гордый, непреклонный,
 Свободой бредить онъ во снѣ,
 И рвется вновь къ борьбѣ, къ войнѣ
 Герой, недавно побѣжденный;
 Хоть на поляхъ ему нужна
 Неукротимая война. (*),

(*) „Война хоть на поляхъ!“ отвѣтъ Палафокса французскому генералу при осадѣ Сарагоссы.

LXXXVII.

Въ утробѣ народной мести
 (Здѣсь вѣкъ свобода дорога)
 Соединились дружно вмѣстѣ
 Для кары чуждаго врага.
 Готовъ весь край безъ содраганья
 Начать кровавую игру,
 Чтобъ защитить отъ поруганья
 Жену свою, свою сестру.
 Здѣсь все равно — ударъ открытый
 Иль потайной ударъ ножа...
 Здѣсь каждый ищетъ сѣть дорога,
 Следить, какъ уморъ врагъ убитый...
 О, еслибъ всюду, всюду такъ
 Караемъ былъ преступный врагъ!..

LXXXVIII.

Но намъ ли плакать здѣсь отъ муки?
 Въ равнинѣ трупы... смертный стонъ...
 Въ крови, — смотрите, — эти руки,
 Въ святой крови испанскихъ женъ!
 Пусть псы одни грызутъ ихъ смѣло,
 Пусть коршунъ рветъ глаза съ ихъ лица,
 Хотя ихъ мерзостное тѣло
 Едва ль достойно хищника вѣнца.
 Пусть кости ихъ, пусть трупы эти
 И кровь, которой не стерѣть,
 Потомки сходятся смотрѣть,
 И пусть увидятъ наши дѣти
 (И содрогнутся ихъ умы)
 Все то, что намъ видѣть мы.

LXXXIX.

Но нѣтъ, еще не смогли стоимъ,
 Опять полетѣла скоро кровь.
 Вдали мы видимъ легіоны
 И горизонтъ темнѣетъ вновь.
 Испанія! Твоей свободы

Ждетъ рядъ извивающъ въ работѣ страны!
 И ты, свободная, народы
 Освободишь отъ долгихъ рагъ,
 Скорѣй чѣмъ самые Пизарры
 Ихъ покорять... Но ты пока
 Еще раба... Судьбы рука!
 Жестоки такъ твои удары!
 И эта вольная страна
 Еще въ цѣпяхъ ходить должна.

XC.

Ни трупы павшихъ въ Талаверѣ,
 Ни при Бароссѣ рядъ могилъ,
 Ни жертвы битвъ при Альбуэрѣ
 Не сберегли народа силъ.
 Когда жъ очнется онъ отъ гнета?
 И расцвѣтутъ его сады?
 Давно онъ ждетъ, онъ ждетъ чего-то,
 Но много черныхъ дней бѣды
 Еще испанцамъ предстояло,
 Пока не кинетъ хищный Галлъ,
 Поля, гдѣ все онъ разоралъ;
 Пока земля, гдѣ все завяло,
 Не дастъ завѣтнаго плода
 Свободы, счастья и труда.

XCI.

А ты, ты другъ моей печали! (*)
 Когда погибъ-бы ты въ борьбѣ
 За бѣдный край, тогда едва-ли
 Я пожелѣлъ бы о тебѣ.
 Но умереть безславно, сирю,
 Безъ пышныхъ лавровъ, въ тишинѣ,
 Чужимъ для жизни и для міра,
 Оставивъ память только мнѣ!...
 Твой прахъ сложили, яму рою,
 Съ бойцемъ, иславшимъ смерть въ бою...
 Зачѣмъ же голову твою

(*) Джонъ-Уингелдъ, англійскій офицеръ, одинъ изъ лучшихъ друзей Вайрона, умершій отъ лихорадки.

Не увидалъ вѣнецъ героя?
 Ты, какъ и всѣ, носить бы могъ
 Героя падшаго вѣнокъ.

XСII.

О старшій другъ, всѣхъ больше милый!
 Пусть смерть теперь въ твоей груди —
 Пусть отъ меня ты взятъ могилой —
 Ты хоть во снѣ ко мнѣ прійди!
 А утромъ вновь польются слезы
 И вновь печаль придетъ назадъ,
 Мои таинственныя грезы
 Къ твоей могилѣ полетятъ,
 Лѣтая тамъ у двери гроба,
 Онѣ исчезнуть лишь тогда,
 Когда подъ камнемъ навсегда
 Въ молчаньи вѣчномъ лягутъ оба —
 И тотъ, кто горько слезы лилъ,
 И тотъ, кто имъ оплаканъ былъ.

XСIII.

Вотъ пѣсня первая романа.
 Романа этого конецъ,
 Конечно, поздно или рано,
 Представить публикѣ пѣвецъ.
 Но здѣсь закончить не пора-ли?
 Быть можетъ, критикъ такъ рѣшилъ.
 Постойте! вы не все узнали!
 Въ иныхъ странахъ герой нашъ былъ,
 Въ страхахъ, гдѣ видимы донинѣ
 Слѣды глубокой старины
 И гдѣ еще пощажены
 Великой Греціи святыни:
 Ихъ оставляла жить вѣка,
 Не тронувъ, варваровъ рука.

конецъ 1-й пѣсни.

Дмитрій Ивановичъ.

МОСКОВСКІЯ ПОРЫ И ТРУЩОБЫ.

Тьма тьмуцающая существуетъ на бѣломъ свѣтѣ этихъ различныхъ вечеровъ. Есть, на примѣръ, майскій вечеръ — ароматный вечеръ, вечеръ любви, нѣги и какого-то тихаго, тихаго, безотчетнаго счастья. (Объ немъ, впрочемъ, смотри у Лерикова). Есть еще лѣтній вечеръ — такой пріятный, усыпляющій, вгоняющій въ сладостную истому: цвѣточки эти тебѣ ароматъ ліуютъ, зефиры порхаютъ, собачки викаютъ, коровки мычатъ, пастушки двухсаженными кнутами похлопываютъ, селянинъ радостно отираетъ кровавый потъ съ своего лица, природа благоговѣнно дремлетъ, травка прозябаетъ, и сверху, откуда-то, несутся не слышимые для обыкновеннаго смертнаго, но знакомые поэту звуки. Не дуренъ и осенній вечеръ, особенно когда полудремлешь у каминна послѣ сытнаго обѣда, а рядомъ съ тобой подруга жизни или что нибудь подобное, — тогда хоть изъ ведра валяй ливень, хоть надорвись, завывая, вѣтеръ — все пустяки! (Я, впрочемъ, не испыталъ, но слышалъ — хвалить). А зимній-то вечеръ... батюшки мои! какъ хорошъ зимній вечеръ! Морозецъ, знаете, такой небольшой, ядреная луна, подслѣповатыя звѣзды, гармоническій визгъ полозьевъ, теплая шуба, нѣкоторый чинъ или титуло, туго набитый кошелекъ, звуки и мечты, мечты и звуки... Эхъ, трогай что-ли!..

Однако всѣхъ подобныхъ вечеровъ не переберешь. Посмотримъ лучше, что такое нашъ московскій вечеръ — вечеръ на Грачовкѣ.

Время года смѣшанное, хотя грачовцы упорно утверждаютъ, что на дворѣ стоитъ зима. По небу медленно ползуть какія-то дырявыя, грязныя тучи, изъ которыхъ немилосердно вываливается на землю что-то среднее между дождемъ и снѣгомъ. Вечерній мракъ охватилъ Грачовку со всѣхъ сторонъ. Соединившись съ густымъ туманомъ, онъ властительно наполняетъ и улицу, и смѣжные съ нею переулки; онъ нахально набрасывается на десятокъ тусклыхъ маслянныхъ фонарей, разставленныхъ на пространствѣ цѣлыхъ двухсотъ сажень, и силится уничтожить даже эти бѣдные просвѣты на повсемѣстно черномъ фонѣ картины. Холодный, сырой вѣтеръ то съ визгомъ бьется у плохихъ оконныхъ рамъ и дверей старыхъ деревянныхъ домиковъ, то, какъ патруль, пробѣгаетъ улицу изъ конца въ конецъ, сбивая съ ногъ весь этотъ оборванный, голодный людъ, противопоставляющій наперу лютаго врага только собственное оголенное тѣло. Воздухъ переполненъ людскимъ гомономъ, бранью и проклятіями. Какъ въ чаду въ какомъ-то мелькаютъ тѣни прохожихъ и пробѣзжихъ. По временамъ изъ-за сплошнаго гула рельефно вырѣжется молодецкій пошвястъ, во всю глубину легкихъ, или ожесточенное ржанье, но потомъ опять начинается прежній ковардакъ, т. е. говоръ и однообразное хлясканье человѣческихъ ногъ по грязно-снѣжнымъ лужамъ. Вотъ завизжалъ блокъ; отворилась кабацкая дверь, на улицу вырвались клубы промозглаго, теплаго воздуха, а вмѣстѣ съ нимъ Грачовка огласилась адскимъ воплемъ: «дери съ ее карналинь!» — и женщина, оборванная, грязная, тяжело рухнула на землю съ криками: «батюшки! рѣжутъ!» Потомъ опять наступило прежнее однообразное хлясканье и прежній глухой говоръ... Приладившись къ стѣнѣ, у фонарного столба, комедіантъ потѣшаетъ публику, заставляя барахтаться въ грязи нѣсколько собаченокъ, разряженныхъ въ мужскіе и дамскіе костюмы. Шарманка, съ аккомпаниментомъ кларнета, неистово отдѣраетъ какую-то польку, собаки вертятся, падаютъ, поднимаются — толпа хохочетъ. Вдали гдѣ-то раздается разудалая пѣсня и съ каждой секундой все бли-

затѣмъ и бѣжитъ, такъ что поймавъ можно даже разобратъ слова. Зановотый мужской голосъ лавко отвѣлъность:

Какъ у насъ да у васъ
Проявился приказъ
Про дешевое вино —
Полтера рубля ведро.
Какъ старши—отъ испиль,
Онъ разсудокъ погубилъ—
Свою собственну супругу
Въ щепки — дребезги разбилъ.

— Кар-рауль! держи! лови! перевысилъ пѣсню чей-то вопль.

Пынешоды разомъ бросились на крикъ, сбивая съ ногъ другъ друга, и черезъ минуту толпа плотнымъ кольцомъ облегла группу, состоявшую изъ полицейскаго стража и двухъ мужиковъ.

— Что это такое, Господи милосливый? Да это грабежь, — во-какъ! ревлѣлъ мужикъ, крѣпко вцѣпившись въ другаго. — Только, братцы мои, отъ возу отшолъ, — глядь, армякъ унесъ!

— Идѣ же, православные христіане, я у него унесъ, когда армякъ у его самово въ рукахъ?

— Отнялъ, поразилъ громъ, отнялъ!

— Никогда, православные, я этимъ ремесломъ не занимался, потому какъ я кузнецъ.

— Тебѣ гляди въ зубы-то: ты ловко подкуешь! замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Кабы пробрать тебя въ три жилы, не то бы заплѣлъ, отозвался еще голосъ.

— Не обижайте его, господа, потому, значить, въ него вять золотниковъ дворянской крови пущено: онъ благородный, подшутилъ еще кто-то.

— Иди мужикъ съ нимъ въ квартакъ, тамъ разберуть, вступился городской.

Мужикъ и воръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ любопытныхъ, скрылись въ мракъ. Тьма съ каждой минутой сгущалась; фонари еле мерцали; безразличная масса сыпалась сверху въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что, казалось, вотъ-вотъ завалитъ совершенно нашу бѣдную сторону.

Въ подобный-те отвратительный вечеръ я весело поднимался въ одну изъ впадинцкъ въ Грачевку переулковъ. (Грачевка вѣдь по отношенію къ выходящимъ въ нее переулкамъ тоже, что Волга по отношенію къ своимъ притокамъ: Пильниковъ, Мясной, Колокольниковъ, Соболевъ, Колосовъ и проч. такъ же дружно несутъ свою грязь въ мать-Грачевку, какъ Ока, Сура, Кама, Твара, Молога и проч. несутъ свои воды въ мать-Волгу). Такъ говорю: «весело поднимался», потому что въ карманѣ моемъ были *цѣлыхъ* шесть рублей серебромъ, изъ коихъ три приходилось отдать за квартиру, а на остальные три можно было безбѣдно прожить недѣлю, если не больше.

Тотчасъ по приходѣ домой я позвалъ хозяйку и вручилъ ей деньги.

— Вотъ такъ-то лучше, замѣтила она:— а то мой *месс* (мужъ) говоритъ: подожди, отдадутъ. Отдадутъ они, если не прижмешь—дожидайся!

— Ну, храни васъ Господь, хозяйка; ступайте съ Богомъ, перебилъ я ораторшу, предчувствуя, что она жалеетъ распространиться въ подобномъ родѣ.

— Господь-то сохранить, если деньги будете платить; а вотъ какъ запускать-то на вашемъ братѣ начинень, тогда никто не помилуетъ. Что тебѣ берлогу-то протонять?

— Да, не мѣшало бы.

— Ужъ и сама вижу, что давно нужно; да вѣдь какъ же съ вашимъ братомъ быть-то, когда денегъ не платите? Васъ вѣдь какъ таракановъ, али этихъ, какъ ихъ?.. клоповъ—только морозомъ и проймешь. Нѣтъ, вонъ Клещовъ живучѣе тебя: девятый день морозомъ душу—не поддается.

Хозяйка вышла. Я постучалъ въ стѣну, къ своему сосѣду, Клещову. Черезъ минуту онъ явился.

— Mon salut, monsieur, расшаркиваясь изрекъ сосѣдъ.

— Что, ужъ по французски заговорилъ?

— Да, помилуй, у меня въ комнатѣ совершенно двѣнадцатый годъ: но неводѣ заговоришь.

— А я сейчасъ хозяйкѣ деньги заплачу.

— Какъ?

— Такъ, заплатишь да и все тутъ. Тонить обѣщалась.

— Это не дурно. Значить, я у тебя могу отогрѣваться.

— Совершенно.

— Bravo!

Клецовъ захопалъ въ ладоши и подпрыгнулъ отъ удовольствія.

— Слушай, Клецовъ. Я сейчасъ видѣлъ уличную сцену: мужикъ вора поймалъ...

— Экая невидаль. Ты меня распроси объ ворахъ-то: я это дѣло знаю, какъ свои пять пальцевъ.

— Откуда же взялись подобныя познанія?

— Да какъ же... Я этотъ народъ наблюдалъ нѣсколько мѣсяцевъ; всѣ норы, всѣ притоны знаю.

— Да когда же это наблюдалъ?

— Вотъ, слушай, расскажу дѣло по порядку. Пусти, я прилягу около тебя.

— Года два тому назадъ я находился въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ теперь. Ну-съ, жратвы нѣтъ, отопеться, освѣтиться нечѣмъ, — что тутъ дѣлать? Думалъ, думалъ, наконецъ сообразилъ. Написалъ я какую-то сценку уличную, или рассказыецъ небольшой — не помню — да и понесъ къ одному редактору убогаго еженедѣльнаго журнальца, нынѣ же скончавшагося. Статейка понравилась. Черезъ недѣлю другую она была напечатана и я получилъ что-то рублей семь или восемь. Объ редакторѣ этомъ скажу тебѣ, пожалуй, нѣсколько словъ. Это былъ добрѣйшій, но вмѣстѣ безалабернѣйшій и пустѣйшій малый, который валилъ въ свое изданіе все: и лекціи о паровомъ плугѣ, и рассказъ пьяной бабы, и Прудона, и Бастіа, и городскія сплетни, и философскіе взгляды на допеласгійскій періодъ, — словомъ, все, что только попадало подъ руку. Одинъ мой пріятель такимъ образомъ опредѣлялъ степень умственного уровня этого господина. Если, говорить, взять умъ молюски (допустимъ, говорить, подобное положеніе) и выдѣлать изъ него одну десятиллионную долю (допустимъ и это), то растворивши эту долю въ резервуарѣ Сухаревой башни (положимъ, говорить, что умъ растворяется въ водѣ) и зачерпнувши оттуда раствора соотвѣтственно вмѣстимости черепа, — получимъ, говоиттъ, умъ слуги этого редактора; а слуга, какъ дознано, превосходить умомъ барина

ровно на двойное разстояніе земли отъ ближайшей изъ неподвижныхъ звѣздъ.

Мы захотали.

— Только-съ прихожу я однажды къ сему великому мужу, онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе такого рода: не желаю-ли я поѣздить по Москвѣ съ сыщиками и потомъ, буде замѣчу что, изобразить это замѣченное для его журнала. Я, разумѣется, охотно согласился. Черезъ нѣсколько дней я началъ свои наблюденія...

Воровство, скажу тебѣ, развилось въ Москвѣ до громадныхъ размѣровъ; здѣшнихъ жуликовъ (воровъ) нужно считать тысячами, если не десятками тысячъ. Кромѣ притоновъ въ самой Москвѣ, городъ кругомъ обложенъ различными норами и трущобами, въ которыхъ гнѣздятся дѣлыя тысячи подобнаго люда.

— Такъ проѣздивъ я съ сыщиками мѣсяца два. Понятно, что при всѣхъ встрѣчахъ съ жуликами, я относился къ нимъ отнюдь не съ точки зрѣнія полиціи: т. е. меня очень мало интересовало, напримѣръ, то, какимъ образомъ дѣйствуютъ карманники, какимъ городушники, какимъ трубочисты, форточники и проч., или какъ напасть на слѣдъ промислы, гдѣ и по какимъ признакамъ отыскивать *попаддушниковъ*, *забирохъ* и т. д.; мнѣ просто хотѣлось изучить падшаго человѣка, къ какой бы категоріи мизераблей онъ не принадлежалъ,—это все равно. Слова нѣтъ, рассказывая исторію какогонибудь подобнаго господина, я не могъ не распространиться иногда объ его профессіи; но ѣхать исключительно на этомъ я не могъ уже потому, что, что же это за полиція такая литературная! объ ворѣ только и говори, что онъ воръ, тогда какъ воровство тутъ на второмъ планѣ, а главное—человѣку жрать нечего! человѣкъ доведенъ до воровства этими же строгими судьями! человѣку сначала привили всѣ воровскія наклонности, а потомъ судятъ его, плюютъ на него!

— Вотъ-съ, съ подобной-то общечеловѣческой точки зрѣнія и изобразилъ я моему патрону все, что замѣтилъ. Та-ланта, разумѣется, въ моихъ очеркахъ было очень мало, за то фактовъ тьма, рассказы такіе были, что просто волосы дыбомъ становятся! У меня, впрочемъ, кажется, еще удѣлѣно

ное-что; я тебѣ какъ нибудь дамъ почитать. Что же ты думаешь, другъ мой сердечный? не понравилось. Миѣ бы, говорить, собственно хотѣлось видѣть это изображеннымъ какъ бы въ разсказахъ сыщниковъ. То есть, ему, видишь ли, хотѣлось, чтобы я, напримѣръ, карманниковъ изобразилъ такъ: «Синъ помои челоуѣчества ходятъ на промыселъ партіями, не менѣе трехъ челоуѣкъ, при чемъ избравъ жертву, становятся около нея, но становятся такимъ образомъ, что ближайше къ жертвѣ воры, притычками именуемые, представляютъ только ширму, врадущій же часы или что либо подобное, зовомый мастеромъ, дѣйствуетъ уже изъ-за нихъ»; или: «городушничествомъ (кражей панскихъ товаровъ въ городѣ — Кремлѣ) занимаются по преимуществу женщины, кои имѣютъ при себѣ, подъ салопами, нарочито для того устроенные карманы, якобы мѣшки», — и будетъ... А какъ, напримѣръ, карманникъ дошелъ до карманничества, а городушница до городушничества, сколько дней просидѣлъ не жравши первый, прежде чѣмъ рѣшился воровать, и сколько ведеръ слезъ пролила вторая, какъ угорѣлая бросаясь изъ стороны въ сторону, чтобы добыть гдѣ нибудь алтынъ на пищу умирающему ребенку, этимъ, говорить, я не интересуюсь. У меня, говорить, вонъ есть тутъ одинъ поэтъ, на Малой Ордынкѣ живетъ, такъ тотъ, говорить, все это стихами можетъ...

— Ну, да чортъ съ ними и со всѣмъ! закончилъ Клепцовъ, глубоко вздыхая.

— Слушай! воскликнулъ онъ.

— Что?

— Есть у тебя деньги?

— Три цѣлковыхъ.

— Ого-го, го-го!

— А что?

— Да вѣдь это, чортъ знаетъ какая масса! — Хочешь, мы сейчасъ пойдемъ съ тобою и я тебѣ покажу знаменитѣйшій притонъ, здѣсь же, на Грачовкѣ.

— Хочу. Пойдемъ.

— Только, видишь ли въ чемъ дѣло: у меня нѣтъ верхней одежды, потому что пальто свое я заложилъ за рубль (оно и всего то два съ половиной стоитъ). Такъ пожертвуй ты миѣ

этотъ рубль; до лавочки, гдѣ оно заложено, мы добѣжимъ какъ нибудь, а тамъ — дѣло въ шляпѣ.

— Изволь, изволь.

— Ловко! Постой, я сбѣгаю за фуражкой.

Черезъ минуту, двое завернувшись въ одно пальто, мы весело сбѣгали подъ лору, къ Грачовкѣ. Напрогядная темь царила по прежнему; съ неба по прежнему сыпался снѣгъ; по прежнему въ воздухѣ глухо отдавался людской говоръ и стукъ полозьевъ по глубокимъ ухамамъ.

Выбравшись на Грачовку, мы тотчасъ же вошли въ мелочную лавку.

— Дома Назаръ Назарычъ? спросилъ Клецовъ у мальчика.

— Сейчасъ будутъ.

Вошелъ хозяинъ.

— Здравствуйте, Назаръ Назарычъ, обратился къ нему Клецовъ.

— Что угодно батюшка?

— Да вотъ пальто хочу выкупить.

— Можно-съ.

Назаръ Назарычъ досталъ книгу, въ которую вписывалъ закладываемыя вещи.

— Котораго числа изволимъ заложить?

— Да недѣля двѣ тому назадъ.

— А фамилія-съ?

— Клецовъ.

Ростовщикъ началъ рыться въ книгѣ. Въ это время дверь широко распахнулась и въ лавку ворвался буквально полунагой старикъ, безъ шапки, въ рваномъ лѣтнемъ халатишкѣ.

— На, возьми твои сапоги! Давай мои пропойныя деньги! крикнулъ онъ, бросая на прилавокъ нѣчто похожее на сапоги.

Хозяинъ отвелъ глаза отъ книги и молча взглянулъ на старика.

— Назаръ Назарычъ! воскликнулъ старикъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ прибавить:— меня присудили къ смертной казни, такъ позволь мнѣ въ послѣдній разъ повидаться съ женою и обнять сиротъ-малятокъ.

— Ступай вонъ! было отвѣтомъ.

-- Назаръ! не ради нашей прежней дружбы, а ради горя моего похвѣльнаго, уважь, дай гривенничекъ! Вотъ и закладъ.

— Ступай, ступай, говорю тебѣ.

— Будь ты мнѣ замѣсто отца роднаго—выручи ты меня! упрашивалъ старикъ: то есть вотъ какъ выпить хочется.

— Слышишь, Митрій, сурово вымогилъ хозяинъ: — говорю тебѣ, ступай вонъ!

— Эхе-хе, хе-хе! Значить отъ тебя ничего не будетъ проку?

— Ничего, ничего. Ступай!

— Это, значить, я у желѣзной коровы мѣднаго молока хотѣлъ подоить.

— Ступай, ступай, не разговаривай!

Старикъ вышелъ.

— Вотъ пьяница-то, старый чортъ! Извините, обратился хозяинъ къ Клецову:—забылъ фамилію; сбился меня съ толку зтотъ скотъ.

Клецовъ назвалъ себя. Хозяинъ принялся рыться въ книгѣ.

Дверь тихонько отворилась, и въ лавочку скромно вошла пожилая женщина въ ветхомъ салопѣ, съ какой-то грязной тряпичей на головѣ; вслѣдъ за нею ступила было черезъ порогъ молодая, красивая дѣвушка, но, увидѣвши насъ, тотчасъ попятилась назадъ и проговоривъ, «поскорѣ маменька», скрылась за дверью. Вошедшая женщина молча, какъ давно знакомая, поклонилась ростовщику, тотъ, тоже молча, отвѣчалъ на поклонъ легкимъ кивкомъ и продолжалъ рыться въ книгѣ. Желтое, богѣзвенное, печальное лицо новой посетительницы разомъ будило въ памяти цѣлый рой самыхъ скорбныхъ исторій,—исторій, какія случаются у насъ, на Грацовкѣ, десятками въ каждый божій день.

Вотъ ваша мученическая жизнь, бѣдная женщина. Если я погрѣшу нѣсколько въ подробностяхъ, за то въ общемъ, увѣрю васъ, она непременно такова.

Жили вы прежде гдѣ нибудь въ провинціи, въ какомъ нибудь Веневѣ или Одоевѣ, и жили спокойно, счастливо. Мужъ вашъ служилъ застѣдателемъ въ земскомъ судѣ, или виннымъ приставомъ; была у васъ и квартирка чистенькая, и хозяйство порядочное, и одежда тепленькая, словомъ, нужды вы не видѣли ни въ чемъ. Одно, правда, печалило иногда ваши

добрыя, честныя сердца, это то, что Лизѣ своей, которая воспитывалась гдѣ-то въ институтѣ, вы не успѣли скопить деньжонокъ на приданое; а она, голубушка, вотъ-вотъ окончитъ курсъ—нужно за мужъ выдавать. Ну, ничего, Мама, говорить бывало Гордѣй Яковличъ, Богъ дастъ устроимъ и Лизу какънибудь—все въ его рукахъ. И вотъ вамъ, успокоеннымъ этой надеждой, вѣрится даже въ счастье Лизы: видите вы ее рука объ руку съ такимъ человѣкомъ, какого не только въ вашемъ Вѣневѣ или Одоевѣ, но даже во всей Россіи не сыскать. Такъ живете вы изо дня въ день любовью и безбѣдно; наконецъ, оба вы ждете величайшаго счастья: не нынче, завтра явится передъ вами Лиза — Лиза, о которой вы столько толковали, которую любите больше всего на свѣтѣ, которая одна совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ваши радости!.. И вдругъ—горе! да какое же лютое... ни съ того, ни съ сего умеръ Гордѣй Яковличъ! Бѣдная женщина, несчастная мать! Вы плакали, плакали, безъ конца, безъ мѣры! вы сразу постарѣли на цѣлыя двадцать лѣтъ, сразу побѣлѣла ваша горькая головушка! Въ первое время вы забыли даже о дорогой вашему сердцу Лизѣ. Скорби вашей казалось нѣтъ конца. Но вотъ Богъ послалъ вамъ нѣкоторое утѣшеніе — пріѣхала дочь. Долго, долго вы оплакивали, уже вдвоемъ, потерю мужа и отца. Наконецъ, нужно же было на чтонибудь рѣшиться, потому что подлая нужда вотъ-вотъ готова была навѣстить васъ. Вы продали всѣ свои пожитки, сжались до невозможности, кроили и шили, чуть не на весь городъ, — ничто не помогаетъ: нужда все стоитъ передъ глазами. Прикидывали вы и такъ, прикидывали и этакъ—нѣтъ выхода. И рѣшились вы, злополучная мать, на послѣднее средство: пошли просить совѣта у извѣстнаго не только въ городѣ, но даже въ уѣздѣ мудреца—Акима Ивановича. Мудрецъ сразу все объяснилъ. Раскинулъ умомъ Акимъ Ивановичъ, да и говоритъ: «я-и, матушка, Марья Степановна, вамъ ли горевать: ваше горя-полгоря, потому у васъ капиталы въ рукахъ». — Какъ? гдѣ? спрашивали вы. — «А дочь-то. Да если вы бросите нашъ городишко, да переберетесь въ Москву, вы тамъ такія мѣста приищите и себѣ, и ей, что только знай гребни деньги лопатами. Вы поступите куданибудь въ экономки, она въ гувернант-

ки, и дѣло пойдетъ наилучшимъ манеромъ». Тутъ старый дуракъ нагородилъ вамъ такой чепухи, которая сразу показала бы брехомъ каждому, кто бывалъ не много подальше Венева или Одоева; но вы, неопытная женщина, что вы видѣли? что вы знали? Вы сразу обольстились враньемъ Акима Иваныча, тотчасъ же за безцѣнокъ распродали свою движимость и съ полсотней рублей ускакали въ Москву. Три мѣсяца вотъ ужъ живете вы здѣсь, три мѣсяца бѣгаете, ищете, зовете кого-то на помощь, — но не протягивается вамъ эта щедрая рука; только бѣдность все плотвѣе, да плотнѣе облегаетъ васъ со всѣхъ сторонъ: стоголавою гидрой впилась она въ васъ и сосеть и вашу душу, и ваше тѣло! Она окружила васъ всеми своими заботами, всѣмъ своимъ вниманіемъ и какъ бы лѣзетъ васъ, убивая, и горько плачетъ вмѣстѣ съ вами, терзая васъ! Уста ваши, произносившія прежде только молитвы да благословенія, вдругъ искривились и ежеминутно шепчутъ страшныя циничныя проклятія и этой жизни, и этимъ людямъ! А нынѣшній-то день... О, будь онъ проклятъ! Онъ сразу показалъ вамъ, на какой межѣ вы стоите и куда завела васъ подлая нужда. — Поутру побѣжали вы, добрая, несчастная мать, куда-то по дѣламъ; Лиза ваша оставалась дома одна и занималась какой-то работой. Только работаетъ себѣ Лиза, ни о чемъ, кромѣ своей горькой доли, не помышляя, отворяется дверь и какая-то наглая рожа говоритъ: «здравствуйте, барышня». Лиза опустила головку надъ работой и молчитъ. Рожа произноситъ: «какіе вы хорошенькія, барышня!» — Ступай, ради Бога, оставьте меня въ покоѣ, произноситъ Лиза сурово. «Позвольте, барышня, съ вами познакомиться», назойливо пристаётъ рожа. — Вонъ! крикнула Лиза, и крикнула такъ вразумительно, что рожа поспѣшила убраться. Лиза закрыла лицо руками и долго, долго просидѣла въ такомъ положеніи, потому что прилившая къ головѣ кровь ослѣпила и оглушила ее. Черезъ нѣсколько времени входитъ квартирная хозяйка. «Видѣли?» — Ради Бога, оставьте меня! спрашиваетъ Лиза. «Вѣдь богатый-то какой, и не дурень», холодно—подло произноситъ хозяйка. — Прошу васъ, не говорите мнѣ этого. «Да что вамъ, барышня, не полюбить его? Лучше что ли такъ-то перебиваться? Съ него, по крайней мѣрѣ, большую

денегу можно зашибить. А если маменька не согласится, такъ и безъ нея можно дѣло обработать. Право!» Лиза взвизгнула, схватила ножъ, случайно попавшійся подъ руку, и бросилась на хозяйку. Та съ воплемъ выскочила на дворъ и начала орать: «караулъ! рѣжутъ!» Словомъ, скандалъ вышелъ ужаснѣйшій. Когда вы, бѣдная мать, воротились домой, вы не узнали вашей Лизы: какъ сумасшедшая, она то висла на вашихъ плечахъ, то отпатывалась отъ васъ и, закрывъ лицо руками, плакала о чемъ-то такъ горько, горько. Наконецъ, дѣло разъяснилось. Тутъ-то зарыдали вы горькiя! Такъ зарыдали, что содрогнулась даже сама хозяйка, неподатливая на слезы! И вотъ наплакавшись вдосталь, положили вы перебраться съ этой гнустной квартиры, думая, что въ другомъ мѣстѣ уже не коснется людская подлость вашихъ честныхъ нравственныхъ душъ. — Такъ-ли полно?... Нѣтъ, бѣдные люди, если вы не умрете во время, вы не уйдете отъ нея. Вотъ я ужъ и теперь вижу, какъ выстроились въ шеренгу за вашими спинами всѣ эти Базихи, Мурихи, Волчихи, Ржавчихи, Кондрихи и инныя квартирныя хозяйки; зловѣщее что-то я вижу въ дявольскихъ ихъ рыльцахъ!...

Между тѣмъ, ростовщикъ отыскалъ въ книгѣ вещь Клецова. Мы заплатили деньги и вышли изъ лавочки. На крыльцѣ стояла дѣвушка и, увидѣвъ насъ, плотнѣе закутала свое лицо въ головной платокъ.

Чистое, святое существо! дай Богъ вамъ въ послѣднiй разъ видѣть эту адскую, преступную грачовскую ночь!

I.

АДЪ И ТИШИНА.

Адомъ москвичъ окрестилъ довольно мѣтко громадное подземелье, съ двумя жерлами или выходами, изъ которыхъ одинъ ведетъ на Грачовку, а другой на пустынный Цвѣтной бульваръ. Кличка, дѣйствительно очень характеристичная, потому что даже между такими знаменитыми прiютами падшаго че-

дѣла, каковы различныя русскія шеры, золотыя лѣсы, солнцем дажны, арбузовскія крепости и проч. нѣтъ ничего подобнаго грачовскому Аду. Но гнусности, разврату и грязи онъ превосходитъ даже *Ташину*, о которой будетъ говоритья ниже. Все, что только есть въ мірѣ циничнаго, преступнаго, глубоко оскорбляющаго человѣческое достоинство, что унижаетъ людей до скотовъ и гаситъ въ нихъ даже эти послѣднія, микроскопическія искры чести и совѣсти, — все соединилось въ этой вонючей помойной ямѣ на погибель слабаго человѣка.

Но будемъ рассказывать дѣло по порядку.

Когда мы остановились у жерла *Ада*, ведущаго на Грачовку, изъ подземелья вылезали съ крупнымъ говоромъ различныя полушубки, чуйки и проч. Въ открытую дверь клубами выкатывалъ гнилой, горячій воздухъ. Въ глубинѣ гдѣ-то слышался шумъ сотенъ голосовъ, покрываемый по временамъ то воплемъ кларнета, то завизгомъ высокихъ скрипичныхъ нотъ.

— Пойдемъ, дернулъ меня за рукавъ Клецовъ.

По узкой, крутой лѣстницѣ мы спустились въ подвалъ, длиною сажень въ пятнадцать-двадцать. Налѣво, у входа, помещалось что-то въ родѣ буфета; по стѣнамъ были разставлены столы съ стульями вокругъ; такіе же столы тянулись по среднѣй комнатѣ, во всю ея длину, раздѣляя подвалъ на двѣ половины. Въ половинѣ, ближайшей къ входу, громоздилась русская печь и при ней плита; слѣдовательно, въ смыслѣ экономіи-вертелъ этотъ былъ устроенъ наилучшимъ образомъ: и приемная комната, и кухня вмѣстѣ. Микроскопическія окна, какъ то слезливо посматривали сверху, изъ-подъ сводовъ, покрытыхъ какою-то опухшею отъ сырости штунатуркою. Полъ былъ усыпанъ пескомъ; но такъ какъ благодати было на улицѣ восталь и такъ какъ каждый приходящій приносилъ этой благодати на своихъ ногахъ по силѣ возможности, то въ подземельѣ образовалась грязь, которую немилосердно мѣсили сотни ногъ. Чадъ и дымъ, въ соединеніи съ различными бѣлками, махорками и тютюнами, рѣвкій спиртный запахъ и наконецъ — самая обnoxiousная вещь — запахъ сотенъ живыхъ существъ, — все это, смѣшавшись, образовало какую-то ядовитую кислоту, такъ, что уже одна атмосфера неминуемо

повергала каждого въ одуренное, патологическое состояніе. Нѣсколько газовыхъ рожковъ чуть брежжали въ туманѣ, наполнявшемъ Адъ. Десятка три-четыре голосовъ, съ аккомпаниментомъ скрипки и кларнета, неистово отхватывали какую то русскую пѣсню, то высоко забирая во всю силу молодецкаго горла, то падая до самыхъ низкихъ нотъ, такъ что по подземелью въ это время распространялся сплошной гулъ, изъ котораго робко, ползкомъ, ползкомъ карабкался фальцетъ запѣвалы;— вотъ онъ блеснулъ, какъ звѣздочка, и покатился, подавленный массою хора. Дрогнули стекла отъ дружнаго рева, усиленнѣе замелькалъ газъ, подвалъ наполнился до верху звуками,— а фальцетъ опять фигурно выбираетъ —

Па-ли-ла ле-э-бидь,

Па-ли-ла ле-э-бидь...

Протожвавшись между различными оборванцами, мы, наконецъ, попали, какъ говорится, *въ самую центру* и присѣли у стола. Пѣсенники и музыканты, толпившіеся по срединѣ комнаты, были отъ насъ въ двухъ шагахъ; часть публики тѣснилась около этихъ виновниковъ общаго веселья, другая или сидѣла за столами, распивая чай, пива, водки и т. п., или безцѣльно бродила по длинѣ подземелья.

Мы спросили чаю, и покуда ловкій ярославецъ-половой, съ сочнымъ фонаремъ подъ глазомъ, накрывалъ столъ грязной салфеткой—принялись разсматривать посѣтителей *Ада*.

Лица и костюмы были самые разнообразныя. Изъ-за пьяныхъ, грязныхъ, искалѣченныхъ мужскихъ физиономій иногда выглядывало миловидное личико дѣвушки; русая, кудрявая типичная голова молодого парня красовалась между старыми, изборожденными морщинами лицами жевщицъ, извѣстныхъ на Грачовкѣ подъ именемъ *тетокъ*. Полудѣтская физиономія, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, алыми губами и свѣтлыми голубыми глазами, стояла рядомъ съ другой физиономіей: — на лбу глубокой шрамъ, волоса и сѣдая борода всклокочены, губы какія то черно-синія, и ко всему этому такіе глаза, какіе рѣдко можно встрѣтить: кажется, одного взгляда этого господина довольно, чтобы опредѣлить его профессію...

Костюмы разнообразны не менѣе лицъ.

Полушубки, тулупы, водевки, сюртуки и мужскія платья

неизвѣстнаго покроя мѣшались съ карналинами, платьями, бурнусами, сапогами и прочей женской утварью. Тутъ изъ толпы вырѣзывался русакъ въ яркой пунцовой рубашкѣ, въ плисовыхъ шароварахъ и сапогахъ съ высокими голенищами; тамъ видѣлся какой нибудь, выскочившій изъ колѣн, портныхъ дѣлъ мастеръ, Миронъ Прохоровъ: халатишко-то, признать-ся, есть на Миронѣ Прохоровѣ—да больше то ничего.

— Ужъ извините, православные! бормочетъ Прохоровъ: всей моей одежи одинъ этотъ халатъ остался, потому давеча сапоги и шапку пропилъ,—и Миронъ откровенно кажетъ всему Аду свою наготу.

Вотъ, какъ разъ противъ нашего стола, сидятъ нѣсколько женщинъ. Одна изъ нихъ перевѣсила черезъ плечо грязную тряпку и увѣряетъ подругъ, что теперь она цыганка, другая, покачиваясь изъ стороны въ сторону, толкуетъ о своей любви къ какому то Андриушкѣ, съ которымъ не видѣлась уже три дня.

— Какъ пропили мы съ нимъ, съ поддцомъ, мою сбрую, съ тѣхъ поръ не вижу. Три дня вотъ хожу въ одной блузѣ, а онъ, мерзавецъ, не пожалѣетъ, не спроситъ: какъ, молъ, это ты, Анюта, раздѣвкой по морозу бѣгаешь?

Ярославецъ подалъ чай.

— Гдѣ же тутъ жулики? спросилъ я Клещова.

— Да всѣ жулики.

— Какъ всѣ?

— Да такъ. Каждый изъ нихъ обокрадетъ тебя, если рожнешь ротъ.

— А эти женщины?

Я указалъ напротивъ.

— И женщины тоже.

Въ подземельи между тѣмъ появилась новая личность, рельефно выдававшаяся изъ всей массы народу. Ростомъ онъ былъ выше толпы на цѣлую голову; ширина плечъ и толщина шеи прямо говорили за необыкновенную физическую силу; въ рукахъ этотъ гигантъ держалъ огромную дубину. Онъ пришелъ именно въ то время, когда Адъ, окончивши пѣсни, готовился перейти къ пляскѣ. Но такъ какъ охотниковъ плясать было слишкомъ много, то произошелъ споръ между плясунами. Го-

лоза спорившихъ или все выше и выше; дѣло готово было окончиться потасовкой. Кое кто началъ уже засучивать рукава. Послышались вызовы, въ родѣ: «ну, тронь, тронь! попробуй!»

— Смир-риа! ревнуй гигантъ, и такъ ревнуй, что задребезжали стекла. Могучій зыкъ, подхваченный сводами, какъ бы покатылся въ глубину *Ада*.

— Лѣшій, право лѣшій! забормотали сидѣвшія противъ насъ женщины. Испугалъ даже, окаянный!

— Что это за штукарь? спросилъ я у Клецова.

— А это, такъ сказать, здѣшній церберъ.

— Да ему то что за дѣло?

— Какъ: что за дѣло? онъ наблюдаетъ порядокъ. Видишь у него дубину: такъ и лупитъ ей, если понадобится.

— Кости въ мѣшокъ соберу! крикнулъ геркулесь, поднимая дубину надъ головою.

Наступила тишина. Черезъ минуту плясуны поладили между собою и прежній фальцетъ занылъ —

А-ахъ, вы съ-э-ни мман, съ-эни

Съ-эни нновым мман...

— Э-эхъ! вынесли сто грудей —

Своим новмя, млеговмя,

Рѣшетчатмя! и т. д.

Женщина, подобравъ платье, насколько только возможно, и какой то грязный джентльменъ отхватывали трепака. Всѣ сбились въ кучу около нихъ. Нѣкоторые взлезли на столы и стулья. Оглушительный ревъ потрясалъ мрачные своды *Ада*. Плясуны удивляли своимъ искусствомъ: они отламывали такія колѣнья, что привели даже въ восторгъ гиганта.

— Ловко! ловко! дуй васъ горой! выстрѣлилъ геркулесь, плотоядно ворочая челюстями.

— Мянцкъ, поминишь Гринну Грача? спросилъ сомнительный паренекъ, стоявшій впереди насъ, у своего сосѣда, тоже сомнительнаго.

— Ну!

— Какіе же это плясуны! Развѣ Грачъ этакъ плясалъ?

— Да, понаваль бы онъ имъ... кузькину мать!

— Теперь, чай, на каторгѣ не до пляски?

— Что ты орешь-то, кобылья голова!

«Сѣни» кончились; плясуны сошли со сцены; ожесточенныя рукоплесканія и крики bravo! долго еще раздавались въ подземельи. Публика неистовствовала до того, что не внимала даже крикамъ гиганта. Двое парней стали на четвереньки на столахъ и орали во всю пасть, какъ одурѣлые. Какой то пьяный мужиченко снялъ съ себя сапоги и бросилъ ихъ въ толпу, увѣряя, что теперь онъ долженъ ходить босикомъ, потому что подлыя ноги плясать не умѣютъ.

Гвалтъ мало по малу стихаетъ. Плясуны и пѣвцы ведутъ рѣчь о томъ, какую бы плясовую пѣсню почудеснѣе сыграть.

— Я много городовъ на своемъ вѣку видывалъ, рассказываетъ кто то.

— Въ Сибири те долго жили?

— Два года.

— Въ ссылкѣ, или такъ?

— Нѣтъ, мой тятенька тамъ прінски имѣлъ: руду золотую копали.

— Вотъ какъ-съ?

— Да-а, протягиваетъ сынъ золотопромышленника. Кабы не этакія дѣла, что тятенька капиталъ свой потерялъ—развѣ мнѣ бы сидѣть тутъ съ вами.

— Это точно.

— Я вонъ нынче на пять копѣекъ обѣдалъ. Да и то, слава тебѣ Господи, что хоть это-то есть; а иной разъ походишь, походишь да и залажешь голодный гдѣ нибудь на бульварѣ подъ лавкой. Вотъ-съ наша жизнь! А вѣдь тоже учили; но первоначально то ставили на такую ногу, якобы вѣкъ миллионеромъ жить.

— Истинно, истинно.

Громогласное «жги-говори» заглушило голоса разговаривавшихъ. Началось прежнія бѣснованья.

— Ну что же, Клещовъ? домой что ли пойдешь?

— Погоди не много. Мнѣ хочется увидѣть тутъ одного господина, нѣкоего купеческаго сына Крылова.

— Кто это такой?

— Да тутъ часто бываетъ.

— Жуликъ?

— То есть, какъ тебѣ сказать... Онъ, видишь ли, самъ не воруетъ, но имѣетъ удивительную способность примазываться къ тѣмъ изъ жуликовъ, у которыхъ замѣтитъ деньги: онъ кутитъ на ихъ счетъ, подбучиваетъ ихъ, словомъ, только конецъ съ началомъ сопрягаетъ, а середина, т. е. самая то суть, всегда лежитъ на другихъ. Я знаю его еще съ тѣхъ поръ, какъ ѣздилъ съ сыщиками; но и теперь, почему то, онъ чувствуетъ ко мнѣ пріязнь и постоянно раскланивается, когда встрѣчаемся. Но главное то дѣло въ томъ, что этотъ Крыловъ хотѣлъ рассказать мнѣ свою жизнь; слѣдовательно, если бы онъ теперь попался намъ, мы бы пошли въ *Тимину*, посмотрѣли бы этотъ вертепъ, и въ тоже время заставили его рассказать намъ о себѣ.

— Что же, хорошо.

— Такъ вотъ посидимъ четверть часа, подождемъ.

Но мы просидѣли не четверть часа, а больше получаса, и Крыловъ все-таки не являлся. Отуманенные удушающимъ воздухомъ и оглушенные безобразными криками, наконецъ мы рѣшились покинуть это отвратительное жилище разврата, и направились къ другому жерлу *Ада*, выводящему на Цвѣтной бульваръ. Изъ подземелья мы попали въ длинный, полутемный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго, въ крохотныхъ клѣтущкахъ, гудѣли мужскіе и женскіе голоса.

— Тутъ что? спросилъ я Клещова, указывая то на право, то на лѣво.

— Это *адскія кущицы*, какъ выражаются жулики, замѣтилъ онъ.

Наконецъ выбрались на Цвѣтной.

— Николай Иванычъ! окрикнулъ кто-то Клещова.

— А! Крыловъ!

— Такъ точно-съ. Что же мало посидѣли въ нашемъ клубѣ.

— Да надоѣло. Теперь хотимъ пробраться въ *Тимину*. Пойдемте съ нами — водки поставимъ.

— Раненько бы мнѣ туда забираться, Николай Иванычъ. Ну, да такъ и быть, пойдемте. Благо на рюмку наткнулся — потогрѣю плоть свою, а то страсть какъ промерзла! Зябка

выныче что то стала, Николай Иванычъ, вѣоть то, не выдерживаетъ.

Двинулись.

Небо начало будто проясняться. Полная луна по временамъ выплывала на чистую лужайку между разорвавшимися облаками. Пустынные городскія улицы звонко разглашали не только визгъ и скрипъ полозьевъ, но даже скромные человѣческіе шаги.

— Гдѣ я видѣлъ прежде этотъ Адъ? или: что я слышалъ подобное? придумывалъ я, поспѣвая за своими спутниками.

И вспомнились мнѣ далекіе, далекіе дни моего паршивенькаго дѣтства. Сидимъ, будто, мы вокругъ няни; няня шевелитъ аршинными спицами, выдѣлывая изъ какихъ-то шерстяныхъ веревокъ подобіе чулка.

— Только шоль онъ шоль, шоль онъ шоль, бурлитъ няня, вдругъ — бухъ! провалился! и провалился онъ, дѣтушки мои, въ тартарары, въ трисподвія дыры! Какъ очухался—батюшки мои! — кругомъ то все змѣи, все ехидны да разныя гадины! и лижутъ они, дѣтушки, солонъ камень! Господи! говоритъ: понадѣялся я на себя, возмечталъ, возгордился — вотъ ты и наказалъ меня.

Мы пробирались какими то пустынными переулками. Вдали гдѣ то гудѣлъ колоколь, призывая къ молитвѣ. Длинный обозъ тянулся впереди насъ. Два господина на рысяхъ пробѣжали мимо.

— Поѣздушнички побѣжали, замѣтилъ Крыловъ.

— Что это за поѣздушнички? спросилъ я.

— А вотъ, что съ воевъ воруютъ Ихъ въ городѣ мало, потому что главная работа не здѣсь, а около заставъ, у придорожныхъ кабаковъ или вотъ этакое что нибудь.

— Крыловъ! а сколько въ Москвѣ мошенниковъ? спросилъ Клещовъ.

— Да какъ вамъ сказать, Николай Иванычъ: со мной тысячь двадцать будетъ.

— Нѣтъ, не шутя.

— Да вѣдь Богъ ихъ знаетъ, Николай Ивановичъ. Тутъ, свѣтъ, однихъ нищихъ тысячь шестдесятъ, стало бытъ, сколько же должно быть жуликовъ, когда отъ милостыни до воровства одинъ шагъ: подаютъ — честный человекъ, не подали — воръ, потому что брюхо оно вѣдь не спрашиваетъ, какъ добудешь — только подвальный!

— Что же вы намъ расскажете свою жизнь?

— Не знаю какъ, Николай Ивановичъ. — Я, видите-ли, обратился ко мнѣ Крыловъ, обвинялъ Николай Ивановичу рассказать свою жизнь: напойте только, молъ, водкой — все разболтаю.

— Да какъ же. Теперь ужъ вы должны рассказать, перебилъ Клешовъ.

— А вотъ посмотримъ.

Пришли, наконецъ, и въ *Гушину*. Наружность дома была довольно прилична. Трактиръ этотъ занималъ два этажа: внизу черное отдѣленіе, вверху чистое. Мы зашли сначала внизъ. Десятки русскихъ извозничьихъ головъ дремали у столовъ. Воздухъ отличался конюшенными качествами. Въ первой же комнатѣ мы наткнулись на сцену: нѣсколько человекъ барахтались въ углу, стараясь осилить оборванную, безобразную женщину. Женщина вопила, кусалась, плевала — все напрасно: молодцы схватили ее за руки и за ноги, и вынесли на улицу, гдѣ и бросили въ сугробъ снѣгу. Общій хохотъ одобрительно привѣтствовалъ эту дикую выходку дикихъ людей.

— За что это они ее выбросили на улицу? спросилъ я Крылова.

— Да такъ, побаловаться захотѣли. Вѣдь русскій мужикъ чудень, Богъ съ нимъ: сидеть, сидеть да и надумаетъ.

Мы отправились въ чистую половину.

Половина эта дѣйствительно была чище первой, если понимать чистоту сообразно понятіямъ русскаго, да еще московскаго купца. На окнахъ висѣли нѣкогда свѣтлыя занавѣски, мебель была когда-то покрыта шерстяною матеріей; въ одной комнатѣ даже стоялъ органъ (*машина* у москвичей) — роскошь недоступная для *Ада*. Но публика та же, какъ и въ *Аду*, съ той только разницею, что тамъ она бодрствуетъ, кричитъ, ломается, здѣсь или дремлетъ, или окончательно спитъ.

Ойли за столъ и спросили водки.

— Что, много знакомыхъ? обратился Клецовъ съ вопросомъ къ Юрьлову.

— Да все знакомы.

— Это что за личность, что вонъ дремлетъ въ углу?

— Ахъ, это умерительная вещь! Это купецъ Стругаловъ. Онъ, видите-ли, поссорился за что-то съ женою, ушелъ отъ нея да на зло и живетъ здѣсь другую недѣлю. Вчера вы посмотрѣли-бы, что тутъ было. Пришло выручать его народишку человекъ пятнадцать: жена реветъ, родственники упрасиваютъ, денегъ ему рублей триста давали, только бы шоль отсюда — ни за что. Такъ уперся, уперся, и ни съ мѣста. А вѣдь сидитъ безъ гроша и съ себя-то все пропилъ.

— Ну-ка, Крыловъ, выпивайте.

— За ваше здоровье.

— Что-же жизнь-то свою — расскажите.

— Позвольте, заряну еще одну и тогда начну полегоньку. Все нужно дѣлать полегоньку — даже выпивать, потому что *trop boire est malvaia*, говорятъ французы.

— Жизнь моя, Николай Ивановичъ, странная жизнь! Родился я, кажется, какъ и всѣ рождаются, отъ отца и матери, фамилію которыхъ ношу до сихъ поръ, да доля моя не такая вышла, какъ у другихъ. Родился я въ Москвѣ, на Пятницкой, въ собственномъ домѣ отца, который теперь находится въ рукахъ сестры, тресни она на пять тысячъ кусковъ! Кромѣ меня, да вотъ этой пузатой сестры, у отца была еще дочь (окогѣла ужъ: не хуже покойница живой была). Жили мы роскошно, т. е. по повятіямъ русскаго купца. Сестры мои были гораздо старше меня и все сидѣли разряженныя у спеленъ да поглядывали на улицу: мухи эти, бывало, ихъ закаростятъ даже — все сидятъ. Первыми воспитателями моими были нянька да отповскіе прикащики (молодцы). Грамотѣ учился я у какого-то замоскворѣдкаго урода и учился довольно ужъ поздно — лѣтъ десяти должно. Однако, хоть и поздно началъ ученье, а книжное дѣло скоро понялъ, потому что отъ природы былъ цальчишка шустрый. Вотъ-съ, послѣ всего этого ученья, когда то есть я научился читать и писать да маленько арифметику понялъ, приѣзжаетъ изъ Сибири давнишній

приятель отца: воровали они тамъ что-то вмѣстѣ. Глазнулъ этотъ купчина на меня да и спрашиваетъ у отца: что ты изъ него хочешь сдѣлать? — Въ лавку, говорятъ, посажу, петрогъ обучается торговлѣ по маленьку. — Не нужно, говоритъ приятель, этого: пушай его, говоритъ, по ученой! Отдали меня въ коммерческое училище, потомъ въ академію загляли, — вездѣ я могъ ничего, порядочно. Лѣтъ двадцати прошелъ всю науку. Гони его за границу! совѣтуетъ отцу приятель: нонѣ, говоритъ, такая мода пошла. Погнали за границу. Прожилъ я въ Парижѣ мѣсяцевъ десять, такъ болтался, шаболды бить. Мальчишка я былъ молодой, силщи этой во мнѣ тьма, ничего-то я всласть не попробовалъ, живучи въ Москвѣ, — вотъ на чужбинѣ-то и развернулся! Такихъ чудесъ насадилъ, — страсть! Въ первое-то время только и зналъ, что шлялся по этимъ разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Одначе ума во мнѣ и тогда стало быть не мало было: мѣсяца черезъ три, четыре остепеняться началъ. Сошелся я въ это время влюбную съ одной модисточкой: такая, Николай Ивановичъ, была модисточка, что дай Господи всякому хорошему человѣку подобающую жену имѣть. Любовно прожили мы съ ней мѣсяцевъ пять. Характеръ-то, Николай Ивановичъ, ужъ очень хорошъ былъ у ней. Французскаго этого ничего: ни она тебѣ слово какое фальшивое скажетъ, ни обманетъ тебя въ чемъ нибудь, — ангель была, а не женщина!

— Позвольте выпить, Николай Ивановичъ.

— Сдѣлайте милость.

— Только, Николай Ивановичъ, получаю я однажды письмо изъ дому, и приляпана къ этому письму печать черная съ тарелку величиной. Что такое? думаю. Распечатываю. Письмо отъ матери, и увѣдомляетъ она меня въ немъ, что умеръ отецъ и что дѣла наши въ разстройствѣ: пріѣзжай! Какъ тутъ быть? Куда дѣвать свою Вильгельмиаву? Бросить—ни за что, потому она мнѣ дороже жены; съ собой везти — проклянуть, если узнаютъ. Нечего дѣлать, повезъ: кляните, думаю, чортъ съ вами! Пріѣзжаемъ. Устроилъ я ее на квартирѣ и бѣгаю къ ней, крадучись. Всѣ капиталы по завѣщанію родителя, слажу вамъ Николай Ивановичъ, перешли къ матери, стало властна она распоряжаться ими, какъ ей угодно. Вотъ-съ, направляю

я дѣлами, отлично. Всѣ купцы просто дивуются на меня. Хорошо. Только, Николай Ивановичъ, слышу-послышу начинаютъ про меня сплетни воротить, стараются довести до матеря, что такъ и такъ — съ французенкой сдѣпился. Ничего, думаю. Однако вижу мать покашывается, а сестры (въ ту пору обѣ ужъ вышли замужъ), такъ тѣ просто въ глаза говорятъ, что я ихъ срамлю передъ добрыми людьми. — Подите вы къ чертямъ, дурищи! говорю про себя: васъ ли можно осрамить? Да такого сраму-то, я думаю, и на свѣтѣ нѣтъ! Въ одно прекрасное утро призываетъ меня мать къ себѣ да и говорить: — Что это, Николай, про тебя болтають, будто ты съ какой-то нѣмкой тамъ сваялся? — Правду болтають, говорю. — Да ты что это выдумалъ! крикнула мать. — Ничего не выдумалъ, а просто полюбилась мнѣ женщина, я и живу съ ней. — И начала она меня костить, и начала костить; да еще если бы меня одного —ничего: стерпѣлъ бы, а то и ее-то ни за что, ни про что похабить. Такъ она меня этимъ безобразіемъ оскорбила, Николай Ивановичъ, что взялъ я да и бухнулъ ей прямо все, объ чемъ только самъ съ собой да и то съ осторожностью размышлялъ. — Если, говорю, вы такъ со мной поступать стали, такъ я скажу вамъ одно: я женюсь на этой дѣвушкѣ. Мать взвизгнула и бросилась на меня съ кулаками. Ну, я, значить, кулаки-то отвелъ легонько да и пошелъ прямо къ Вильгельминѣ. По вечеру туда ко мнѣ прибѣжалъ паренекъ отъ насъ и сообщилъ, что я изгнанъ изъ дому, лишень наслѣдства и проклятъ. — Теперь я вамъ расскажу, Николай Ивановичъ, какъ я повернулся послѣ всѣхъ этихъ лишеній наслѣдства, проклятій и проч.

— Позвольте ужъ еще разъ приложиться.

— Вотъ-съ какъ мы изворачивались, продолжалъ Крыловъ свой рассказъ:

— Во первыхъ, я тотчасъ же началъ подыскивать себѣ мѣсто. Надо вамъ сказать, Николай Ивановичъ, что дѣлами отца я занимался отлично, стало быть обо мнѣ знали съ хорошей стороны. Дни три, что ли, я пошagaлъ по Москвѣ, а затѣмъ поступилъ главнымъ прикащикомъ къ одному вдѣшнему торговцу, — въ гостинномъ дворѣ тогда лавку имѣлъ. Прошло можетъ какихъ двѣ недѣли, я женился на Вильгель-

минѣ. Стали жить да поживать мы съ ей наилучшимъ образомъ, потому жалованья одного я получалъ полтора ста пѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Только живемъ мы это, живемъ, ни о чѣмъ не помышляя, а бѣда то вотъ-вотъ подходитъ къ намъ близехонько. Припилось разъ отправлять моему хозяину деньги въ Петербургъ, деньги не малыя, тысячь семь рублей. Имѣлись у насъ для этого артельщики, стало быть имъ бы и исправить все, какъ слѣдуетъ,—нѣтъ, дернула меня нечистая сила самаго снести ихъ на почту: артельщику, думаю, нельзя поручить такую сумму. Написалъ я письмо, положилъ въ карманъ денежки и пошелъ на почту. Прихожу. Подошолъ къ столу, откуда отправка идетъ,—хватъ! денегъ въ карманѣ нѣтъ! я просто очумѣлъ. Сейчасъ же бросился искать назадъ, но дорогѣ, по которой шель,—ну, да развѣ найдешь.—Впрочемъ, Николай Ивановичъ, что же вамъ рассказывать эти подробности, когда, я знаю, вы во все не того хотите.

— Ничего, ничего, рассказывайте, перебилъ Крылова Клещовъ.

— Нѣтъ, я вамъ изложу это дѣло вкраткѣ.

— Впятили меня, Николай Ивановичъ, въ острогъ, потому разсудили такъ, что я эти деньги не потерялъ, а утаилъ—украдь, короче сказать. Промаялся я въ острогѣ годъ семь мѣсяцевъ, затаскали меня по судамъ разнымъ и потерялъ я тутъ все: и стыдъ, и совѣсть, а главное—потерялъ жену: не вынесла она этого удара, отъ чахотки померла. Вотъ-съ, выпустили, наконецъ, меня, виѣнили только въ наказаніе тюремное заключеніе да оставили въ подозрѣніи: и—то купецъ-хозяинъ почему то смиловался, просить сталъ, видно разумье взяло: ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ не виноватъ? Чго же мнѣ было дѣлать? Чѣмъ питаться, какую работу работать? Совался я туда и сюда, и въ томъ и другомъ мѣстѣ щупалъ—ничего нѣтъ путнаго. По началу-то, какъ будто, и пойдетъ дѣло,хватишь этакъ шиломъ патоки, а потомъ, какъ узнають, что въ острогѣ содержался за воровство денегъ (будь проклято это слово!), сейчасъ и поворотятъ рыло въ другую сторону. Съ мѣсяцъ я такъ то бился, напоследокъ—терпѣнья не хватило—пошелъ къ сестрѣ, къ замужней, думаю: поклонюсь ей, какъ ни больно, попрошу помощи. Мать,

надо объяснить вамъ, умерла еще въ ту пору, какъ я въ тюрьмѣ содержался. Прихожу. Сестра живетъ хорошо; домъ каменный, лакен въ прихожей, зала вся въ зеркалахъ. Докладываютъ: братецъ, мать, пришла, желаетъ видѣться.— Какой такой? спрашиваетъ. Однако пришла. Такъ и такъ, говорю, сестра, нахожусь я въ крайности, не какъ брату, а какъ нищему, какъ голодному человѣку, помощи мнѣ. Она мнѣ сейчасъ мораль принялась читать: зачѣмъ я противъ родительской воли женился, зачѣмъ мать не почиталъ... За это те вотъ Богъ, говорить, и караетъ тебя; за это и въ острогъ попалъ.—Ну, говорю, сестра, разбирать вины мои теперь не приходится, а если ты хочешь сдѣлать доброе дѣло—сдѣлай, выручи меня, помоги. Пошла она въ другую комнату, да черезъ минуту выходить ко мнѣ и выносить рубль серебра.—Вотъ, говорить, что могу по моимъ средствамъ, потому деньги у насъ всё въ оборотѣ; опять же маменька, когда умирала, такъ наказывала, чтобы тебѣ отнюдь не помогать, даже гроша мѣднаго не давать; а я, видишь, теперь противъ ея воли иду. Взялъ я, Николай Ивановичъ, этотъ рубль,—даже руку ожегъ онъ, подлый, мнѣ,—да тутъ же и пропечаталъ сестрицу такимъ манеромъ:

— Будь, говорю, ты проклята, змѣя, не проклятемъ брата, у котораго ты можешь пятьсотъ тысячъ денегъ отцовскихъ отбила, а проклятемъ голоднаго нищаго, проклятемъ бѣдняка, у котораго ты украла даже эти жалкіе пескребии чести и совѣсти, изъ котораго, говорю, ты сдѣлала подлеца, вора, разбойника!

— Она, Николай Ивановичъ, ничего, хоть бы глазомъ моргнула, только проситъ меня не ходить къ нимъ, потому якобы я ихъ срамлю своей бѣдностью.—И пропилъ же я этотъ рубль! Такъ звонко закатилъ, что на другой день продвухся въ части!

— Ну, чѣмъ же вы жили тогда?

— Да какъ чѣмъ жилъ? — всѣмъ жилъ. Началъ заводить дружбы со всякими этими хорошими людьми, ѣлъ, пилъ на ихъ счетъ, ночи либо въ трактирахъ да карчевныхъ проводилъ, либо у кого нибудь изъ подобныхъ друзей; а то такъ просто, залажешь на бульварѣ подъ лавку, и спишь,

или подь мостъ на Москву-рѣву отправились — тамъ занимаешь. Этими веровскимъ ремесломъ я никогда не занимался, потому что у меня подь руками есть другое, тоже оно подлое—но все не такъ. Я, видите ли, какъ человекъ поумнѣе другихъ, учу ихъ иногда разнымъ штукамъ: какъ по ремеслу дѣйствовать, какъ съ полиціей ладить, какъ отъѣзъ дать, ежели спросить,—вотъ за это они меня и пятаютъ, даже водкой поятъ. Одинъ только разъ, помню, Николай Ивановичъ, дней пять больно ужъ туго мнѣ приходилось. Время, помню, по жульничеству было бойкое, потому подходилъ Варваринъ день; только мнѣ все какъ то не везетъ: есть нечего и у пріятелей ни у кого нѣтъ денегъ. Дня два должно быть такихъ выдались, что, вѣрите ли, крошки во рту не было. Грѣшенъ, подумывалъ ужъ я стащить что нибудь, да на счастье ничего такого не подвертывалось. А тутъ еще открылась на ногѣ рана; сапожонки на мнѣ рваные, вастуживаю я эту болячку—полезла она у меня все выше да выше, къ колѣну. Испугался. Бѣгу къ доктору. Тотъ посмотрѣлъ: это, говорить, рожа; вамъ нужно сидѣть дома и держать ногу въ теплѣ. Прописалъ рецептъ. Разумѣется, какой тутъ рецептъ, когда жрать нечего? Какъ вышелъ я отъ доктора, сейчасъ изорвалъ. Пушу, молъ, дѣло на власть божью.

— Отчего же вы, Крыловъ, не постараетесь какъ нибудь выбиться изъ этой жизни? спросилъ Клешовъ.

— Да какъ выбьешься, Николай Ивановичъ, когда вашъ же братъ ногу подставляетъ?

— Ну, вы бы работой какой нибудь занялись, самостоятельно бы трудились, тогда никто не подставитъ ногу, а подставилъ—по шапкѣ.

— Эхъ, Николай Ивановичъ!

— Что?

— Какая ужъ нашему брату работа?

— Да такъ-то лучше что-ли жить?

— Лучше, Николай Ивановичъ...

Крыловъ всталъ и горячо добавилъ:

— Теперь-то я совѣсть, честь, правду—все это вагѣнной придавилъ, а какъ, по вашему-то, начну я работать, выму-

щу на волю всѣхъ этихъ несчастныхъ, дамъ имъ ходъ... да они загрызутъ меня, Николай Ивановичъ! Я повѣшусь на первомъ попавшемся деревѣ, первымъ камнемъ раздроблю свою голову!

— И лучше. Право, лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь.

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, я цѣну-то жизни знаю. По моему, напротивъ: лучше какаянибудь жизнь, чѣмъ самая превосходная смерть. Разумѣется, это отъ того, что во мнѣ нѣтъ характера, что я не понимаю такъ глубоко, какъ вы, всю подлость своей жизни; но вѣдь за это, Николай Ивановичъ, не судятъ.—А я вотъ что думаю, Николай Ивановичъ. Если бы меня ктонибудь поддержалъ, не далъ бы этимъ разнымъ проснувшимся чести, совѣсти и такъ далѣе заѣсть меня,— вотъ тогда можетъ статья я бы и воскресъ; а теперь... нечего и толковать объ пустякахъ!

Крыловъ махнулъ рукой, выпилъ водки и черезъ пять-шесть минутъ мы вышли изъ *Тишины*.

— Куда же вы теперь? спросилъ Клецовъ.

— Да пойду вотъ тутъ по близости, на Мошокъ, тамъ должно быть ужъ отперли.

Мы распрощались.

И. Чернышевъ.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА).

Съ холодныиъ и блѣдыиъ, какъ ираморъ, лицемъ,
Нымая отъ горя и муки,
Была предо мной ты живыиъ мертвецемъ
Въ минуту печальной разлуки.
И твой поцѣлуй безъ души, безъ огня
Предвѣстиеиъ смерти обѣялъ меня.

Чело мое холодно было; на немъ,
Я помню, роса леденѣла;
Тогда я почувствовалъ то, въ чемъ потомъ
Увѣрился грустно, но смѣло...
Гдѣ клятвы, невинность и вѣрность твои?
Одно твоѣ имя — мнѣ стыдъ предъ людьми!

Какъ звонъ похоронный и душу оно.
И сердце во мнѣ потрясаетъ...
Тебя понималъ я, повѣрь мнѣ, давно,—
Но кто-жъ изъ людей это знаетъ!
О, да, дорога ты тогда мнѣ была,
И мысль о тебѣ хоть грустна, но мила...

Я видѣлся тайно съ тобой, и съ тѣхъ поръ
Терзаетъ меня убѣжденье,
Что въ правѣ душъ твоихъ дать я укоръ
Въ обманъ, а сердцу—въ забвенье.
И если судьба гдѣ столкнетъ насъ съ тобой—
Не словомъ я встрѣчу тебя, а слезой.

И. Лунинъ.

Н О Ч Ь Ю.

(ЖИЗНЬ И КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.)

Москва рано собирается спать.

Въ лѣтнее время, часовъ съ осьми медленно потягивается отъ зѣвоты московская пасть и потомъ, словно погребъ, начинаетъ распахиваться все чаще и чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самой преисподней московскаго чрева идетъ раскатистая перекалка квасу, луку, гороху и прочей овощи. Въ эту пору спускаются съ цѣпей собаки, съ грохотомъ виснутъ на воротахъ и калиткахъ тяжелые замки; до потолка, расписаннаго херувимами и жаръ-птицами, вспухаютъ пуховики и подушки, тонуть въ нихъ законные супруги, и въ тоже время, въ этихъ пуховикахъ, пробуждаются клопы, блохи и даже тараканы. Полегоньку расправляютъ они свои лапы и пускаются въ обычный уходъ вокругъ тучной московской плоти. Въ оборону противъ сего пускается сначала одна пятерня, потомъ другая, наконецъ обѣ вмѣстѣ, и тутъ-же произносится страшная клятва: не дальше какъ завтра созвать всѣхъ гулящихъ сосѣдскихъ бабъ, принанять на Варваркѣ ноденщицъ и напустить эту армию на исконныхъ ночныхъ враговъ, предварительно вооруживъ ее чайниками съ кипяткомъ... Но такая клятва произносилась и вчера, произносилась шесть-семь мѣсяцевъ тому назадъ и всегда оканчивалась, какъ оканчивается и теперь, беззащитнымъ отдаиѣмъ своего тѣла на полнѣйшее сѣденіе.

Такимъ образомъ начинается ночь на Плющихѣ, Прѣснѣ, Якиманкѣ и другехъ крайнихъ уголкахъ Москвы, гдѣ ютится и мирно жительствоуетъ, вмѣстѣ съ всероссійскими коммерческими великанами, разная гостинно-торговая мелкота, извѣстная подъ именемъ *шкафчиковъ*, или не менѣе крупное чиновничество, только впервые начинающее волновать себя порывами къ благопріобрѣтенію недвижимостей на имя супруга, и прочій болѣе или менѣе осѣдлый людъ. Здѣсь, въ этихъ провинціяхъ Москвы, жизнь идетъ своимъ путемъ; идетъ мертвенно и пустынно, насколько эти качества можно усовершенствовать среди всеобщей жертвенности и пустынности. Въ центрѣ города, въ эту пору, картина ночи еще не такъ блѣдна и сонлива. Въ иномъ мѣстѣ, въ темномъ углу столичнаго двора собравшіяся кружокъ мастеровыхъ, въ почернѣвшихъ посконныхъ халатахъ, хоромъ отхватываетъ *усы*, и какой-то залихватый теноръ, съ цѣлымъ стогомъ кудрей на головѣ, что есть мочи выдѣлываетъ: *кисла! тьсна!* и т. д.

Хороша ли ужь очень пѣсня, или просто дѣйствуетъ такъ называемое обаяніе ночи, пробуждая въ тѣлѣ человѣческомъ разныя подскоки и взыгранія, только въ эту ночь, и во время этой пѣсни, не можеть усидѣть ни Дарья, горничная въ номерахъ, ни Матреша-бѣлошвейка. Обѣ онѣ — одна, недопивъ хозяйской манишки, другая, на произволь судьбы бросивъ подгулявшаго жильца и не пособивъ ему добраться до кровати, — дружно вырываются на крылечко, и скоро къ общему хору присоединяется визгливая бабья пѣсня:

Да-а-ррю ка-ли-цо ма-ло-о-одчикъ:

На-а-сп, ни па-а-тирай...

Сверху кто-то выплескиваетъ на средину двора помои и сердито говорить:

— Что вы, полуночники! га-га-га! го-го-го! Люди спать, а они, — эко запаютъ!.. Очумѣли, прости Господи!

Но этотъ ропотъ не смиряетъ разгулявшуюся пѣсню; правда, она дѣлается тише; она льется безъ вздрагиваній и выкриковъ цѣлаго хора; она теперь просто рассказываетъ или о томъ, какъ солдатикъ въ Турчинѣ голоду и холоду «напримался», или какъ убѣжалъ арестантъ изъ острога...

Звонить звонокъ—васчетъ ебратъся:

Дашковъ изъ миду убжалъ...

—Прощай безчастная абахта.

—Прощай губерскай-калиторъ. и т. д.

Долго поются эти пѣсни, и незамѣтно крадется время. у сна и безъ того достающагося урывками...

Или вотъ въ затишьѣ, въ маленькомъ домикѣ, помѣщающемся на монастырѣ *) какого нибудь прихода, послѣ ужина высыпало посидѣть на крылечко около кухни благочестивое московское семейство: тутъ и *тятинька*, и *манька*, и сынки, и дочки. Всѣ они сегодня вдосталь нагулялись гдѣ нибудь на Чистыхъ Прудахъ и нагулялись самымъ чиннымъ порядкомъ, по «понишнему»: родители, не смотря на то, что изображаютъ собою въ нѣкоторомъ родѣ главы (причемъ *манька* считается главой много поменьше)—эти главы пустили дочекъ впередъ, сами молча шли позади, и только изрѣдка *самъ* дотрогивался палкой до плеча которой нибудь изъ дочекъ, и прибавлялъ:

— Полегче насчетъ визгу-то!..

А визгъ не могъ не происходить потому, что кавалеръ (кавалеры водятся еще только въ Москвѣ) замучилъ разными *смѣшными словами* и, словно огненный змѣй, извивался вокругъ барышень... Нагулявшись такимъ образомъ, поужинали они въ самый вкусъ, въ сласть самую, и теперь молча сидятъ на крыльцѣ. Родители смотрятъ, какъ по двору ходитъ корова, какъ робко подкрадывается она къ сараю... А въ сараѣ кучеръ тоненькимъ голосомъ поетъ: «*грусть моя не тужи-лая*», шумитъ сѣномъ и гулко покрикиваетъ на лошадей.

Дочери смотрятъ на мѣсяцъ, будто что ждутъ отъ него.

И всѣ молчатъ потому, что *самъ* молчитъ...

— Федоръ Петровичъ глазъ себѣ кипяткомъ выжегъ, сухо и неповарачивая головы, произноситъ наконецъ *самъ*.

— Мат-тушки мои! Какъ же это такъ?

Но *самъ* уже не отвѣчаетъ.

Начинаютъ мало по малу расходиться, и скоро всѣ, какъ и на Плющихѣ, только попозже, попадаютъ во власть блохъ. И царятъ надъ мирными обывателями первые, вторые и без-

*) *Монастыремъ* называется площадка, окружающая церковь, въ предѣлахъ церковной ограды; тутъ бываетъ домовъ 30—40.

счетные сны—сны, заставляющіе страстно вздрогнуть полныя и сочныя ноги вдовы Всластевой и застонать раба божія Пуда отъ какого-то свинцомъ давящаго кошмара. Съ роздыхами и крихтѣніемъ идутъ эти сны, и мало по малу изъ тончайшаго носоваго свиста разрастается какое-то ожесточенное рычаніе, будто сквозь носовой аппаратъ продергивается объемистый поромный канатъ; рычаніе становится все сильнѣе и сильнѣе, и скоро кажется, что кто-то съ силою потрясаетъ въ воздухѣ цѣлую сотню желѣзныхъ листовъ, изъ которыхъ каждый съ удобностью можетъ изобразить землетрясеніе.

По всему дому идетъ какая-то пальба; храпъ ломомъ бьетъ въ стѣну и подземнымъ стономъ гудитъ на улицѣ.

Надъ городомъ валомъ катится собачій лай и тонетъ въ немъ сонное дребезжаніе ночныхъ извопчиныхъ гитаръ. Если приходится въ такую пору бродить по городу,—совершается ли это просто въ силу законнаго желанія вздохнуть какимъ нибудь воздухомъ вмѣсто глотанія раскаленной пыли во время дневной, сумасшедшей бѣготни по городу, или вслѣдствіе необходимости бѣжать куда-нибудь, дальше-дальше отъ невеселыхъ сценъ и гнетущихъ думъ,—въ эту пору столбикъ на столько можетъ снова понимать и снова слышать забытый давно говоръ ночи, и проч., на сколько онъ увѣренъ, что если придется закричать «караулъ», то этотъ вошь не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, т. е., что городской близко. Поэтому-то, чѣмъ глуше, слѣд., чѣмъ съ большимъ прензбыткомъ поэтической гущи ночь, тѣмъ болѣе объемистымъ орудіемъ запасается онъ, направляясь въ путь, и на этомъ пути съ осторожностью обходятъ каждый глухой переулочекъ, каждый темный уголокъ, твердо зная, что изъ этой тьмы того и гляди выдвинется какая-нибудь гигантская фигура и скромно попроситъ: Христа ради, копѣчку! Фигура эта почему-то знаетъ, что всякій прохожій въ такую пору особенно способенъ на благотворенія, и поэтому, не повторяя просьбы, съ кротостью двухлѣтняго младенца въ лицѣ, ожидаетъ она помощи и только изрѣдка поправляетъ на плечѣ двухсаженное перушко. И бѣгутъ мимо такого прохожаго храмы, сады, статуя съ простертою рукою... Бѣгутъ, не тро-

гая, не шевеля ничего въ его остуженномъ столицею сердцѣ. Но случись тутъ сердце настоящее, сердце курское, отогрѣтое лисьей шубой,—тутъ произошло бы не то!

Въ разлапистошъ тарантасѣ камушкинскаго попиба подѣзжаетъ въ это время къ Москвѣ такое курское сердце. Вдали Москва, душно въ тарантасѣ отъ чемодановъ, перинъ, лисьихъ шубъ (на случай, ежели вдругъ жма) и не сидится сердцу въ такой духотѣ. Высовываетъ оно голову въ окошко и прилипаетъ съ распросами къ извощику:—А, теперича, что же это на лѣву-то руку?—Симоновъ, бачука, Симоновъ.— Милые мои! Симоновъ! Ну, а эта башня, что? — Надо быть, псиваторія какая. — Такъ-такъ-такъ! Заступница-матунка! шепчетъ курское сердце и въ воспаленной головѣ изъ далекаго дѣтства, изъ тоски и скуки зимнихъ будней, выростають предъ нимъ дряхлыя фигуры богомолокъ и приживалокъ. Медленно шевеля своими спицами и почесывая ими въ головѣ, не спѣша рассказываютъ эти старухи: «какова есть столица Москва, и что есть въ этой столицѣ гарновитая палата; а въ этой въ гарновитой палатѣ есть, милые мои, сапогъ-самовѣтъ, и можетъ кольки въ ѓмъ нудовъ вѣсу»... А отъ этихъ рассказовъ, словно на ярмаркѣ, въ коробкѣ у развѣска, вхождять въ воображеніи самодѣльные судальскія картинки: на сѣрой лошади ѣдетъ генералъ и подъ брюхомъ у этой лошади идетъ съ барабаномъ войско—а воротники у всѣхъ кра-а-сные...

— Царяца Небесная!.. шепчуть губы и не слышатъ поглощенные разтрепетавшимся сердцемъ уши, какъ разболтавшійся извощикъ рассказываетъ вспомнившуюся издалека исторію:

— Только это я ѣду, милые мои, а сѣдокъ нѣтъ, нѣтъ да спросить:—Что, молъ, и дѣти есть?—Есть, говорю, какъ не быть.—И жена?—И жена, говорю... Ну, ѣдимъ,—до Петровскаго-то парку далеко, дорога ровная,—я это маленько и вздремни а онъ, сѣдокъ — отъ, какъ ужъ это — шуть его знаетъ! только я глаза-то открылъ, глядь—а лошади-ты нѣтъ: сажу я, это, на гитарѣ и возжи въ рукахъ.. Во—какъ оно!

— Царяца Небесная! шепчетъ курское сердце, не услѣвая

креститься на пробѣгающія мимо церкви, часовни съ лампаками, ворота съ лошадьми въ верху и проч.

Тихо; чудесно.

Вдругъ въ сторонѣ прорѣзистымъ, кровавымъ воплемъ несется: «караулъ! караулъ!»

Это вопль сыраго человѣчьяго мяса, вопль могучей рукой задушеннаго горла.

— Это откуда? боязливо спрашиваетъ курское сердце. Что такое?

— Грабятъ гдѣ-то.

— Грабятъ? да-да-да... Такъ ты, любезный, лошадокъ-то твои... похворостивъ. Чего добраго...

— Обнаковенное дѣло, говорятъ ямщикъ и принимается хворостинить. Скоро и курское сердце и тарантасъ скрипаются во тьмѣ переулка.

А вопль между тѣмъ растетъ и растетъ. Онахавивъ всю восхитительную декорацию ночи, обставленной изумруднымъ небомъ и горделиво застывшей тишиной, вопль этотъ также безцеремонно гудитъ вдоль пустынныхъ улицъ и, подхваченный стоголосымъ эхомъ, сквозь малѣйшія щели врывается въ жилища, безжалостно гонитъ прочь сны и прежде всего сны того безшабашнаго люда, которому самому хорошо знакомъ этотъ вопль и понятенъ весь его глубокий ужасъ.

Спотыкнулся и колоссальный храпъ мирнаго обывателя. Открываетъ онъ глаза, а подъ окнами съ шумомъ и говоромъ пробѣгаетъ народъ.

— Экая это улица бойкая, говоритъ обыватель, похрапывая и поворачиваясь подъ бокомъ супруга.

— Начто хуже, убитымъ тономъ вторить та.

— Нѣтъ, нѣтъ, да и сдерутъ шкуру-то.

Супругу вступаетъ въ голову что-то другое, вовсе не по части грабежу.

— Люди ноцѣ стали хуже мыслете, говоритъ онъ.

Скоро въ комнатѣ воцаряется тишина.

А через полчаса толпа возвращается назадъ, и на этотъ разъ слышенъ смѣхъ.

Пусть себѣ снова осаждаютъ спящій народъ сны, пусть горятъ въ небѣ звѣзды, а на землѣ бушуютъ собаки и блохи, — мы теперь пойдемъ туда, откуда вышла вся нынѣшняя уличная суматоха, и распознаемъ хорошенько, при какой обстановкѣ и изъ за какихъ золь, глодавшихъ людскія сердца, загорѣлся въ этихъ сердцахъ бунтъ.

Въ исконномъ пристанищѣ всѣхъ золь, Грачовкѣ, въ одномъ изъ кривыхъ и вонючихъ переулковъ, стоитъ старый массивный деревянный домъ, осѣвшій, покосившійся и насквозь пропахнувшій духомъ всей стороны. Внизу, подъ домомъ, въ какомъ то подвалѣ, съ ранняго утра гудятъ шарманки;—худыя и растерзанныя дѣвчонки, подъ руководствомъ опытныхъ учительницъ, съ тупымъ выраженіемъ въ лицѣ тянутъ пискливыми голосами веселыя цѣсны, приготовляясь съ этими позаніями пуститься въ далекій и безотрадный путь полуголодной жизни; немного повыше, въ первомъ этажѣ, бушуютъ безконечнымъ пьянствомъ и нестовой тупогней ошалѣвшихъ ногъ кабаки; еще выше помѣщается какое-то увеселительное заведеніе, пристанище однихъ убогихъ, распродающихъ послѣдки загубленной жизни по самымъ дешовымъ цѣнамъ. На деревянныхъ, темныхъ и скрипучихъ лѣстницахъ попадаются какія то сомнительныя личности: иной разъ одна и та же особа является въ бобрахъ, енотахъ, въ другой, иногда на слѣдующій день, вы встрѣтите ее въ легкомъ люстриновомъ пальтишкѣ, в физиономіа, которая еще вчера горѣла, какъ мастерски вычищенный сапогъ, сегодня превратилась въ какой-то застывшій на морозѣ биѣштекъ. Тутъ постоянно сновали городовые, слышалась брань, кого-то съ громомъ тащали по лѣстницѣ, и весь домъ, отъ пляса и оравья, дрожалъ, какъ осиноый листъ, и вылъ словно вьюга.

На такомъ-то мозанческомъ пьедесталѣ, въ самомъ верху, въ конуркахъ подъ крышей, помѣщаются такіа туманныя существа. Проживаетъ здѣсь ничѣмъ незанимающійся тцедушный и пьянственный мѣщанинъ Бадейкинъ, при немъ состоитъ въ законѣ жена, существо со дня на день заростающее бородавками, изъ которыхъ, какъ изъ фонтановъ, бьютъ цѣлыя ку-

сты волосьевъ, а при этой женѣ состоитъ нѣкоторая личность, по имени Петръ Петровъ. Всѣ эти существа крайне запущены и загажены. Отвыкнувъ отъ дѣла, въ силу какихъ-то общаній Петра Петрова отыскать десять лѣтъ назадъ пропавшее наслѣдство и въ силу природной глупости и мозглявости, Бадейкинъ потерялъ и послѣднюю способность что нибудь дѣлать съ собой; запустивъ свою физиономію и вообще все существо до степени помойной ямы, постоянно слоняясь съ слезящимися, какъ у старой собаки, глазами и бородой, въ которой попадались куски кочерыжекъ и капусты — Бадейкинъ рвался каждую минуту раздробить головы и женѣ и Петру Петрову. Впрочемъ, желаніе это не простиралось дальше трепета и замиранія собственного сердца и боялось наружу показать свой носъ.

Не меньшею слюнявостью отличалась и супруга. Одишь только Петръ Петровъ, человѣкъ массивныхъ размѣровъ, оралъ подъ крышей о своихъ достоинствахъ и о способности постигать *индійскія письма*.

Живутъ эти существа въ двухъ клѣтушкахъ; въ одной, совершенно темной, стояла желѣзная печка безъ трубы, набитая соромъ; въ другой комнатѣ валялась на полу перина самага омерзительнаго вида, а на полѣньяхъ возвышался почти пустой сундукъ. Стѣны ободраны, дверь безъ петель прислонена къ стѣнѣ, отъ каждаго шага ходенемъ ходятъ половицы и отъ этого страшно шипитъ и хрипитъ расклѣвшимися боками печка.

Пустынность, глушь. Изъ этой глуши, изо дня въ день идетъ безобразная жизнь, жизнь дикаго звѣря.

Вечеромъ, если только Бадейкинъ не лежалъ уже гдѣ нибудь на улицѣ пьяный, а хоть чуть-чуть могъ владѣть ногами, онъ непремѣнно карабкается на перину къ женѣ.

Въ полночь снится ему, будто онъ упалъ съ мосту; онъ открываетъ глаза: кто-то держитъ его за голову, другой за ноги, поднимаютъ и несутъ съ перины.

Онъ понимаетъ *кто* и начинаетъ *брыкаться* и кричить.

— Куда-куда-куда?!.. стой стой!..

— На сундукъ... не торопись...

— Будь вы прокляты, анаемы!

- Ладно!
- Аспиды и василиски!
- Поговоры!..
- Петя! брось его...

Черезъ четверть часа Бадейкинъ вздыхаетъ.

Утро. Бадейкинъ открылъ глаза. Петръ Петровъ потягивается въ перинѣ и для шутки подставляетъ къ его носу кулакъ; Бадейкинъ только морщится и по причинѣ своей трезвости, возможной впрочемъ до извѣстной степени, не изъясляетъ никакого протеста. Не изъясляетъ онъ еще и потому, что знаетъ: подвинь только Петръ Петровъ немного кулакъ, какъ виѣстъ съ нимъ подвинется на щеку носъ, салазки могутъ прилипнуть къ стѣнѣ и отъ всего существа Бадейкина останется одинъ, такъ сказать, жупель.

Скоро гонять его за водкой. Послѣ весьма слабого препиранья онъ запускаетъ руку въ сундукъ, достаетъ какую нибудь вещьцу и отправляется къ пріятелю цаловальнику Чукину...

Здѣсь онъ не можетъ никакъ, чтобы не погоревать о себѣ.

- Горь-то у тебя дурацкое, говорить Чукинъ.
- Ахъ, Кузмичъ, какъ ты это говоришь!
- Что: Кузмичъ.. А ты этого-то мерена прогналъ бы..
- Какъ я его прогоню?
- По начальству али бо какъ.. А то теперь ты у своей жены будешь дѣтей крестить..

Въ полдень вверху идетъ страшное пьянство; изъ сундука выпарапанъ уже жилеть, вѣнчалныя башманы и пр. Жена Бадейкина, едва владѣя языкомъ, говоритъ Петру Петрову:

— Онъ тиранъ! злодѣй! Петя, отомсти!

Петя мгновенно превращаетъ бровь Бадейкина въ кровавую рану, тотъ, ни слова не говоря, бѣжитъ къ Чукину подѣлиться своей радостью.

- Каково раскрыено?
- Ничего, удобно говорить Чукинъ.
- Ничего? дрожащимъ голосомъ, злобно и бессмысленно произносить Бадейкинъ.
- Ничего, ловко.
- Ну, снасибо... Оцѣнилъ!

Отд. I.

А через четверть часа этот же самый Бадейкинъ, засыпавъ рану табакомъ, тащилъ въ кабакъ какой-то жилецъ.

Минуть черезъ пять онъ опять вбѣгаетъ къ Чукину

— Каково раскроенъ?

— Это никакъ другой фонарь? говоритъ Чукинъ.

— Другой... Каково?.. и т. д.

Къ вечернямъ онъ снова успѣвалъ проснаться, снова жаловался Чукину на свое горе, и снова чрезъ полчаса прилосилъ на показъ разбитую физиономію, вывороченную руку и проч. Плетется такая жизнь днями, нѣсящими, годами, и видится впереди не человѣческая погибель; чувствуется, что послѣ изчезновенія послѣдней вещицы въ сундукѣ, придется растерзать другъ друга на части.

Сегодня вечеромъ, послѣ перенесенія съ нервы на сундукъ, Бадейкинъ открылъ глаза и слышитъ, что жена и адвокатъ намѣреваются проглотить шкальчика два-три и для добыванія продукта безцеремонно принимаютъ за послѣднія сапожишки Бадейкина. Дверь скрипнула и супруга зачистала ногами по лѣстницѣ. Обидно ли было Бадейкину, что эта питва, хоть и на послѣднія его сапоги, совершается безъ вѣдома хозяина, или нахлынувшія вдругъ въ его немного отрезвленную голову картины безобразія, досада за себя, на свою слюнявость, въ силу которой онъ былъ постоянно виноватъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенное сознаніе всего крошечнаго своего значенія, — значенія мужа, а стало быть въ нѣкоторомъ родѣ такой особы, которая (судя по добрымъ людямъ) должна непремѣнно гнести, ообливно гнуть въ бараній рогъ пхнюю сестру-бабу, — все это, вслѣдствіе внезапнаго возбужденія, сразу сбросило Бадейкина съ сундука, окрѣпило его изможденныя ноги и непремѣнно что-то тянуло сдѣлать рѣшительное.

Какъ помѣшанный, соскочилъ онъ съ сундука, бросился въ сѣни, порылся въ углу и вытащилъ оттуда веревку; съ ней опроретью бросился онъ къ воротамъ и, притаившись на калиткѣ, дрожащими руками дѣлалъ петлю. Въ калитку черезъ порогъ переступила жена; Бадейкинъ взмахнулъ веревкой и тутъ-то завопилъ, застоналъ и перебудилъ православной народъ, горластый «караулъ»!

— Теперича я съ та-бой и сдѣлаю, тигуль Бадейкинъ, таща жену на веревкѣ: я и сдѣлаю!...

А кругомъ сбѣгался народъ, хрипыми голосами расправлялъ — въ чемъ дѣло, говоръ росъ сильнѣе и сильнѣе.

Кто-то изъ толпы говорилъ:

— Милой! продаешь коровку то?

Слышался смѣхъ.

Выскочившій изъ пекарни хлѣбникъ, молодой парень съ растопыренными отъ муки волосами, придавленными мочальнымъ ободочкомъ, почесывался въ спинѣ и головѣ и внимательно всматриваясь въ сцену—элегатически говорилъ:

— Одаче, ребя, онъ ей затынулъ шю-ту...

Сунруга между тѣмъ упиралась на ходу, кричала по прежнему неугомонно, и болтала головой, какъ въ первый разъ попавшая въ ошейникъ собаченка.

— Петя!. Петя!. онъ меня удавилъ!. караулъ!

Но Петя при всякой уличной суматохѣ боялся показывать своей носъ, потому что ходилъ слухи, будто его ищутъ по какому-то уголовному дѣлу.

— Теперича я съ та-бой и сдѣлаю въ охотку; въ охотку я и сдѣлаю...

И потащилъ жену вдоль улицы. За нимъ потянулась и толпа. Говоръ былъ страшный. Въ иномъ мѣстѣ, разбуженный этимъ гомономъ обыватель, судорожно толкалъ руками въ окно, съ грохотомъ падалъ желѣзный болтъ и обыватель выпячивался на улицу..

Бадейкинъ почему-то велъ жену къ Сухаревой башнѣ.

— Я ее на Сухареву предоставлю. Теперича я и сдѣлаю! Это обстоятельство—то есть почему ведутъ жену неправедную на Сухареву башню,—подало поводъ къ толкамъ. Иной утверждалъ, что въ стѣнѣ этой башни зарыта книга «*Броссъ*»; другой толковалъ, что пришелъ указъ: «и на емъ, на указы, можетъ боли пятисотъ печатевъ;» третій, надумавшись упорно, рѣшалъ во всеуслышаніе, что потому подъ Сухареву башню, что «изъ-подъ ее подо всю Москву трубы такія..» Только хлѣбникъ говорилъ, съ серьезной физиономіей и почесываясь.

— Одаче, онъ ее затынулъ ловко!... За-затынулъ...

— Стой!.. Прочь!.. Кто? Что такое? раздался вдруг начальственный голосъ.

Толпа, шумѣвшая, какъ шумитъ бѣлымъ ключемъ вода, вдругъ замолкла, замерла: будто котелъ съ кипящей водой сняли съ огня...

— Кто такой? Что за народъ?.. Эй! Кузмичевъ! бери эту бабу... ты! въ фарталъ...

Слово *фарталъ* неприятно дѣйствуетъ на русскаго человѣка, почему большинство, усмотрѣвъ, что эпилогъ самый обыкновенный, начало расходится, и только самые ярые любители зрѣлищъ потащились до квартала.

Стукъ и говоръ въ сѣняхъ разбудили дежурнаго. Кутаясь въ изношенный халатъ, и прикрывая лысую голову засаленной ермолкой, онъ скорчилъ недовольную физиономію, и выступилъ въ контору. Тутъ была картина такого рода: сторожъ изъ жидовъ, накинувъ на плечи шинель, держалъ вспыхивавшій и вонючій огарокъ, и этотъ, блѣставшій отъ времени до времени свѣтъ, озарялъ раскрытую голову жены Бадейкина и блѣдную физиономію мужа и двухъ городовыхъ, которые, стоя по бокамъ, держали пальцы у козырька, и словно хвастались такой находкой.

Принесли свѣчу.

И мужъ и жена рухнули въ ноги.

— Откуда они?

— Съ улицы, васокородію... по сумленію.

— Какое же сумленіе, у нихъ лбы въ крови?

— Такъ точно, васкородіе...

— Это веревка зачѣмъ?

— Батюшка! отецъ! завопила жена, онъ меня удавить хотѣлъ, при всѣхъ, всѣ видѣли... какъ корову на арканѣхъ вель... защиты, слободи...

— Ты, матушка, оботри кровь-то.

— Никакъ я крови обтереть не могу, я съ ею по начальству..

— Ты какъ же это жену бьешь?

Бадейкинъ трепеталъ какъ осиновый листъ...

— Я ваше... привидѣ... бія... какое быю! я ее, жему, очень... люблю...

— Гдѣ же онъ меня любить, када этакое позорище, ваше скородіе: велѣ мене, ровно корову, и лобъ это мнѣ раскромлѣ. Потому, бѣжамни, съ полштофомъ...

— А-а-а... вотъ что!..

Супруга начала оправдываться, и мало по малу изложила всю будничную процедуру потасовокъ.

— Такъ вы бѣ плюнули другъ на друга, да и разошлись... Ты чѣмъ занимаешься?

— Ничемъ, ваше скородіе... по нищетѣ...

— Ты бы вотъ хоть яблоками торговалъ, а жену-то въ кухарки куда...

— Какъ можно разѣхаться другъ отъ дружки, стыдливо перекосивъ свои разныя физиономіи, произнесли супруги.

— Ка-акъ?..

— Мы съ законъ...

— Вотъ что!..

— Человѣкъ не разлучить... бормоталъ мужъ.

— Какъ можно, вторила жена.

— Ну, а ежели васъ каждый день сюда будутъ тоскать.

Потасовки-то развѣ лучше съ утра до ночи?..

Супруги подумали и произнесли:

— Это дѣло Божіе...

— Такъ, такъ...

Дежурный подумалъ, подумалъ и приказалъ засадить обонхъ въ сибирку.

Послѣдніе зрители возвращались съ шумомъ и смѣхомъ по переулку снова на Грачевку.

— А то, разъ что, говорилъ какой-то мастеровой, какъ я за бабу заступился... Идемъ мы съ Кузьмой изъ-подъ Андровіева, идемъ въ Богородское: слышали быто фейракъ запускають. Идемъ полемъ... вижу я, братцы мои, впереди идетъ баба, а за ней двое мушоновъ, и такъ они эту бабу ругають, такъ они ее ругають — зудомъ зудять... Вижу я бабѣ этой тошно... Не вытерпѣлъ я, подхожу къ этимъ молодцамъ и говорю:—что это, говорю, вы бабу-то мучите? Что ты, говорю, зудишь ей? Видишь, говорю, она женщина и такъ ты ее измучилъ. Да ты, говорю, лучше вдарь ее какъ ни на

есть, только разогнъ; ребро ей высади, — и шабашъ! а то: это пилить...

Послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— Ну, онъ ее, бабу-то, саданулъ! докончалъ мастеровой.

— Одначе, ребя, онъ ей шею-то затянулъ! говорилъ хлѣбникъ. Скоро всѣ забыли уличную суматоху и расходились спать.

Длинною, темною цѣпью тянутся московскіе бульвары; они теперь безжизненны и пустынны, только еще на Цвѣтномъ видѣются признаки жизни. Ударившись отъ своихъ собратій въ сторону, Цвѣтной бульваръ смотритъ какимъ-то отщепенцемъ и не сходится ни съ однимъ изъ нихъ, развѣ только съ Тверскимъ и то исключительно въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой *ммяютъ* свою почву, хоть сама почва эта совершенно различна. На Тверскомъ являются только дѣти какъ, дѣйствительно, маловозрастныя, такъ дѣти и другого сорта — съ душистыми сѣдыми усами, душистыми сигарами и съ такими же рваными порывами разобратъ на затылкѣ проборъ по англійскому способу, какъ и во дни своей розовой юности. Такія личности на Цвѣтномъ не встрѣчаются.

При входѣ затопленный грязью (отъ бассейна), затопленный вонью и смрадомъ отъ печенокъ, картофельныхъ лепешекъ, квасу, сельдей, — Цвѣтной бульваръ тянется торной дорожкой къ великому людскому горю: взадъ и впередъ, утромъ, въ полдень, особенно же вечеромъ и ночью, снуютъ по этой дорожкѣ одни только *убоимъ*; — снуютъ во имя одного великаго до двигателя принимающаго слезъ — голода. Голодь выгоняетъ *убоюю* на Цвѣтной въ дождь и она, шлепая дырчавыми башмаками по грязи, и, подобравъ до безобразія раздутый обручъ уродовскаго криволипа, беззастѣнчиво подходитъ къ прохожему и хриплымъ голосомъ говорить:

— Душкѣ! папирсы есть?

Прохожіи ускоряетъ шагъ, а убогая снова шлепаетъ по грязи, до костей промокнувъ отъ дождя. Бродитъ она здѣсь лѣто, глухую осень, и въ студеную лютую зиму также проситъ помощи. Иногда за этой помощью выбирается на Цвѣтной глубокая старость; вѣрно ужъ слишкомъ велико горе, слишкомъ жгучи его острыя колючки, что какая

кабодь вдова, можетъ быть мать, натраетъ свои марцинистыя щеки румянами, салынымъ нагаромъ выведить брови и, дождавшись пока хоть чуть стемнѣетъ, выполазаетъ на Цвѣтной, сиротавъ отъ холоду руки въ глубину оводкъ коротенькихъ рукавовъ и, какъ каменная статуя, торчитъ одна однихонька.

Долго приходится ей мерзнуть здѣсь... И не видать эти суверки, какія крупныя слезы льются изъ ея глазъ и размыываютъ цѣлую плотину бѣлицъ и румянъ.

Въ лѣтнія ночи здѣсь движеніе почти до свѣту. Въ разныхъ точкахъ рѣбющими звѣздочками загараются папироски, идетъ говоръ, слышится смѣхъ. Городовой внимательно смотритъ, чтобы пары не шлялись въ кусты.

Идутъ разговоры..

— Да-ка затянуться.

— Какъ же, дала: затянешься, изъ-за тебя въ острогѣ сопрѣешь.

— Хоть бы чортъ какой кривой попался!

— Ко мнѣ нониче ихъ пятеро придетъ.

— Ты мнѣ, Лизка, одного уступи.

и т. д.

Отсюда отправляются въ *Адъ*, въ *Золотой левъ*, и опять назадъ, потому что завтрашній день великъ, и назойливый гольсь желудка не заговоришь, не запоешь...

Не одно лютое горе, не одно сознаніе, что все уже потеряно, выводитъ несчастныя существа на эту скорбную дорожку... Иногда, вовсе безъ дракъ и сцѣпокъ съ жизнью, единственно только въ силу высокой непорочности съ одной стороны и не менѣе высокаго невѣжества съ другой, ровно, плавно и незамѣтно догребаются они до гибели...

И вотъ проходятъ передо мной такіа родныя картины:

Въ дождливое лѣтнее время, по проселочной дорогѣ, вблизи Москвы, ѣдетъ мужичья телега съ провалившимся задкомъ, изъ котораго торчатъ солома. Въ телегѣ лежитъ, накрывшійся дерюгой, хворающая баба, валяются какіе-то узлы и на корточкахъ сидитъ дѣвочка лѣтъ пятнадцати, спрятавшись съ головой въ мужичью свиту. Деревенскую дѣвочку Пашу везутъ въ Москву въ ученье. Мать Паши и еще старушка, за

тѣснотой непомѣстившіяся въ телегѣ, вдувъ боекомъ съ боку, накинувъ сверху отъ дождя бѣлыя простыни. Старушки говорятъ что-то, Паша бойкими глазами смотритъ въ поле, а вдаль видѣется тоненькой палоской затушованный штрихами дождя лѣсъ. Свѣсивъ съ передка ноги, править лошадыю мезгильный мужиченко въ рыжой шляпѣ, съ опустившимися изщипанными полями и мокрымъ косякомъ въ спинѣ армяка. Ему, кажется, желательно пораньше попасть въ Москву, и поэтому онъ, недовольствуясь простымъ похлестываніемъ мерина подъ брюхо, начинаетъ тыкать кнутовищемъ въ хвостъ; кнутовище запутывается, мужикъ тянетъ его къ себѣ, и выѣстъ съ шнѣ выдергиваетъ изъ хвоста пукъ волосъ.

Москва. Паша сидитъ въ мастерской портнихи Поляковой, въ Мертвомъ переулкѣ. Ей очень стыдно; ноги у ней голыя, какъ деревяшки какія, рубашка толстая, платьишко хозяйское надѣл коротенькое, а у другихъ дѣвушекъ платья городскія, ножки въ башмачкахъ съ каблучками, и напроски они курятъ... Шить она пока не шьетъ, но ей даютъ распоротъ старую ваточную кофту, или ветхозавѣтный салоиъ, изъ котораго эконоимной чиновницѣ захотѣлось соорудить картузь мужу, штанишки сыну и себѣ капоръ. Работа эта взята по знакомству, ибо портниха Полякова ни картузовъ, ни штановъ не шьетъ, стало быть спѣшить и погонять некуда, и поэтому Пашу часто отрываютъ отъ дѣла,—она очень пригодилась по хозяйству: ежеминутно шныряетъ она внизъ въ кухню съ утюгомъ, подаетъ хозяину умываться, обѣдать и съ непривычки часто спотыкается на темной лѣстницѣ въ кухню. Въ такихъ случаяхъ она боится не за ребра и бока свои, а за лѣстницу: — «ну-ко, чего добраго подломится!» Кромѣ того, ей приходится изображать собою волка, медвѣдя, дѣда и прочіе ужасы, пуская ихъ въ ходъ, если захнычетъ хозяйскій ребенокъ. Дѣвченка она здоровая, крѣпкая, и поэтому рвутся въ клочья надѣтые на нее, подъ видомъ платья никуда не годные ошметки, и глядитъ сквозь безчисленные прорѣхи въ спинѣ ея чудное, будто изъ слоновой кости выточенное тѣло...

По праздникамъ за мастерицами приходили тетки и сестры, которыя въ формѣ лакеевъ, прикащикова, и проч. обыкновен-

но дожидались ихъ за воротами и потому удалялись куда-то на цѣлый день. Оставшись одна въ мастерской, Паша не много тосковала, а въ такія минуты поются пѣсни. Садится она къ вершковому опонку и своимъ звонкимъ, свѣжимъ голосомъ затягиваетъ деревенскія мужичьи пѣсни:

Отдай батюшка въ немалую семью,
Въ немалую, въ несоглаславную...

или:

Всѣ бояре-господа, неразумные:
На работу гонять рано,
Съ собою хлѣба даютъ мало.
Мы приходимъ по утру,
Намъ готово по кнуту...

Смѣло неслись изъ подъ крыши ея пѣсни, гуляли по пустынному двору, залетали и въ Мертвый переулокъ.

— Эко у этой дѣвки голосъ дивной! говоритъ печникъ, стоя посреди двора:—и что это за голосъ, провалится ей, у дѣвки этой!... Это я обдѣлаю доподлинно черезъ Акулину сдѣствую....

Коломъ засѣла въ голову печника мысль «сдѣствовать». И вотъ, сообразивъ, «что какъ онъ есть—печникъ, а подъ домою печи амосовскія, и стало быть душники такіе идутъ, и онъ для этихъ душниковъ приставленъ, чтобы за ними вникать» — подвязываетъ онъ туго-на-туго подъ шею бумажный платокъ, надѣваетъ чуйку, «для штуки» вооружается папиросою и собирается обдѣлать у Поляковой на счетъ душниковъ.

Вечеромъ въ мастерской дѣвушки смѣются надъ печникомъ; онъ длинный такой—будто ноги у него подъ поломъ, а голова за потолокъ ушла; хоть и говоритъ онъ: «ладно, грохочи», а нельзя не замѣтить, что сконфузился и поэтому папиросу прилаживаетъ въ ротъ обѣими руками и старается помѣстить ее въ углу губъ...

Разъ, послѣ долгихъ путешествій къ душникамъ, Акулина говоритъ ему:

— Нонѣ пошлютъ Пашку съ работой; ступай по Тверскому...

Печникъ одѣйствовалъ на Тверской, а черезъ надѣла, подѣ прадогомъ, что съ Козими-Демьяна другого возьмутъ вмѣсто него, нависъ въ театрѣ.

Прощаясь съ кучеромъ, онъ говорилъ:

— У бабы этого вижу одного что—за тыщу верстѣ убѣжишь...

Паша съ нѣкотораго времени крѣпко плачетъ.

Акулина утѣшаетъ ее такимъ образомъ:

— Ну, милая, чтожь дѣлать? Что пролито, того не воротишь.

А мастерицы въ глаза ей хохочуть:

— Что, чай изъ баньки-то пѣшечкомъ дошли?

Паша вдругъ послѣ слезъ будто заковенѣла — «закалалась».

Прошло полгода. Пришла весна, зашумѣла, зазеленѣла и пожаромъ разлилась въ молодомъ тѣлѣ... Тѣло это не устояло...

Среди шумнаго и говорливаго Тверскаго бульвара, вмѣстѣ съ мастерицами, въ нищенскомъ бурнусикѣ, бѣгаетъ со смѣхомъ и фырканиемъ въ платокъ Паша. Въ эту пору она поетъ уже не деревенскія пѣсни; она перешла у подругъ: «Не ужай голубчикъ мой», «Кубокъ янтарный», «А, штошь ты мнѣ ни купилъ, чиво я просипла?» и проч. Тутъ она сходится съ какимъ-то господиномъ съ огромными волосами и толстѣйшей палкой. Господинъ этотъ, въ субботу, когда обыкновенно прибѣгала къ нему Паша, начиналъ ей читать изъ Шевченко «Сонъ», «Кавказъ», и забылъ выучить азбукѣ. Послѣ Шевченко начинались пунши, жжонки... Паниѣ скучно было отъ этихъ чтеній и она начала отвливать. Скоро она совершенно бросила господина и только вынесла отъ него новую пѣсенку, которую она пѣла на свой ладъ:

Карибале наследство—
Любимое нитво для дамъ..

Зима. Неудержимымъ ключемъ бьетъ въ здоровомъ и сочномъ тѣлѣ жизнь. Съ кѣмъ нибудь по вечерамъ, не чувствуя въ своемъ пальтишкѣ холода, Паша мчится на хорошемъ ры-

сакѣ, положясь визжать, мелькають «швары»; туманить и «вьяняютъ» трактирная бѣготня и грохотъ машины. Въ это время вздумалъ замѣтаться съ нею какой-то чиновникъ. При знакомствѣ онъ доложилъ, что тутъ дѣло идетъ на вѣрность, и что «ежели чуть-что замѣтится — въ дребезги». Чиновникъ былъ не молодъ, но Паша уже «интересовалась» кой-чѣмъ... Однажды напившись пьянъ, чиновникъ переломилъ объ ея синюю черешневый чубукъ, сдѣлавъ скандалъ на весь дворъ, распустить слухъ, что *шлюха* украла у него часы, дюжину серебряныхъ ложекъ, и разругавъ всѣхъ, кто ни попадался подъ руку, выгналъ Пашу на улицу.

Прошло много времени. Разъ чиновникъ наткнулся на Страшномъ бульварѣ на такую сцену:

У перилъ собралась куча народу. Всѣ со смѣхомъ смотрѣли, какъ на Сѣнной площади пять-шесть женщинъ, сидя на землѣ, щипали руками траву. Отъ жары, или отъ того, чтобы закрыть свои физиономіи, онѣ низко надвинули на глаза платки. Платья вовсе не бѣдныя и широкія кринолины говорили, кто онѣ такія. Между женщинами ходилъ съ бадьей, изъ какой извозчики поятъ лошадей, старикъ жидъ и подносилъ по очередно къ каждой изъ этихъ несчастныхъ... Нѣкоторыя изъ нихъ отдыхая ѣли мороженое.

— Что такое? спросилъ чиновникъ.

— А это изъ «этихъ». Обобрали какого-то купца, вотъ ихъ и наказываютъ. Доколѣ, приказано, не выплюютъ всю площадь.

Чиновникъ уставился съ улыбкой на женщинъ и въ одной изъ нихъ узналъ Пашу.

— А, любезная! произнесъ онъ саркастически, доплясалась!

— И представьте: многіе жалѣють.

— Шкуры барабанныя! проговорилъ чиновникъ и ушелъ.

А Цвѣтной бульваръ былъ страшнымъ эпилогомъ Пашиной повѣсти.

Мирно спать обыватель и со страхомъ крестится, переворачиваясь на другой бокъ отъ крика: «карауль»!

Позднюю ночью со страхомъ обходить прохожій какую-нибудь другую Пашу, безцеремонно попросившую взять ее съ собою.

А сколько слышится такихъ воплей; сколько *убиить* бродить до свѣту!

ГЛАВЪ УМЕНЕНІЙ.

ПРОКЛЯТЫЙ.

Романъ, соч. АББАТА ***

(Le Maudit; par l'Abbè***. Paris et Bruxelles; chez Lacroix).

Въ настоящую минуту сильно занимаетъ свѣтскихъ людей религиозный вопросъ. Это можно видѣть по интересу, возбужденному романомъ Жоржъ-Санда: *Mademoiselle de la Quintinie*, и наконецъ по тому шуму, который надѣлалъ въ настоящее время романъ: *Le Maudit* (Проклятый).

Чѣмъ же объяснить эти симпатіи парижанъ къ религиозному вопросу? Отчего всѣ вдругъ заинтересовались имъ? Оттого ли, что всѣ ясно чувствуютъ, что въ основаніи всѣхъ европейскихъ затрудненій лежитъ римскій вопросъ? Оттого ли, что католическій Западъ пришелъ наконецъ къ началу религиознаго кризиса? Оттого ли, что противорѣчіе между современною наукою и католицизмомъ начало беспокоить совѣсть народа? Оттого ли, что этому разъединенію церкви и государства — предмету столькихъ желаній — суждено наконецъ осуществиться? Оттого ли, что въ глазахъ западныхъ народовъ власть свѣтская и власть духовная будутъ по прежнему воплощаться въ лицѣ папы? Оттого ли наконецъ, что три золотыя короны перестанутъ украшать чело вѣстника Петра?

Что же это за книга—романъ: Проклятый—предметъ столькихъ ссоръ, столькихъ нападеній съ одной стороны и восхваленій съ другой?

Исторія этого «Проклятаго»—плачевная исторія. Что касается до насъ, то вотъ какая мысль родилась въ нашей головѣ послѣ

чтенія этого романа: всё попытки реформы римско-католической апостольской партіи окончатся точно такъ же, какъ попытка несчастнаго Жюліо, героя романа. «На шипахъ не растетъ виноградъ, а на волчцахъ — винныя ягоды» — сказалъ тотъ, авторитетъ котораго не рѣшатся оспаривать наши паписты, — поэтому намъ кажется, что дерево, на которомъ растутъ учрежденія, подобныя учреждениямъ іезуитовъ и ультрамонтанъ, такое дерево, которое, говоря словами Иисуса Христа, надо вырвать съ корнемъ и бросить въ огонь.

Вообще эта книга довольно поверхностна; ни одна изъ реформъ, которыхъ требуетъ авторъ, не касается сущности дѣла: онъ нападаетъ только на свѣтскую власть папъ, на безбрачную жизнь священства, на простыя внѣшнія формы... Но мы отнюдь не желаемъ вступать здѣсь въ богословскія разсужденія, мы хотимъ только заявить съ литературной точки зрѣнія, что интересъ «Проклятаго» сильно увеличился бы, если бы авторъ его рѣшился затронуть вопросъ о настоящей сущности дѣла. Жюліо — характеръ совершенно женственный; онъ отнюдь не герой, а развѣ только мученикъ, и мы невольно спрашиваемъ себя, не попался-ли онъ въ просакъ вслѣдствіе своей честности, кротости, идеализма, миролюбиваго темперамента? Мы интересуемся лицами, срисованными съ натуры, портретами, которые живо воспроизводятъ что-нибудь дѣйствительно существующее; мы интересуемся также героями романовъ, отличающимися своею дѣятельностью; насъ трогаетъ судьба мучениковъ съ ихъ пассивными достоинствами; но къ наивнымъ людямъ мы не можемъ чувствовать ничего кромѣ смутной симпатіи, смѣшанной съ нетерпѣніемъ.

Какъ! Жюліо былъ домашнимъ секретаремъ кардинала, онъ былъ въ Римѣ, онъ былъ въ тюрьмахъ инквизиціи, въ кабинетѣ генеральнаго викарія, онъ видѣлъ высшую и низшую ступень этой лѣстницы, онъ слѣдилъ за всѣми сценами, проникалъ за всѣ кулисы, видѣлъ всѣ румяна, накладные волосы и притиранья, видѣлъ всю мишуру, все лицемѣріе, всѣ гадости и въ особенности всѣ нечѣлости, — и все-таки могъ остаться въ убѣжденіи, что католицизмъ излечить отъ всѣхъ его пороковъ какой-нибудь пластырь галликанизма! А что такое въ сущности этотъ галликанизмъ? Это епископъ Боссюэтъ, льстящій Людовику XIV въ ущербъ папѣ, это теократъ и абсолютистъ Боссюэтъ, оправдывающій драгонады противъ протестантовъ и севенскія убійства. Между галликанизмомъ и ультрамонтанизмомъ такая же разница, какая между неразсудительностью и нечѣпностью.

Неизвестность есть нечто иное как сосредоточеніе неразсудительности; это «фальшивый» принципъ, который строгая логика приводитъ къ послѣднимъ результатамъ. Въ практической жизни галликанистъ конечно не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ ультрамонтанистъ; въ теоріи же ультрамонтанизмъ возмущаетъ насъ, но не возбуждаетъ той скуки и досады, которыя являются при встрѣчѣ съ этимъ сплетеніемъ противорѣчій, которому даютъ названіе галликанизма.

Въ историческомъ отношеніи первымъ изъ галликанъ былъ Боссюэтъ, послѣднимъ—сенаторъ баронъ Дюпень, самый скверный изъ всѣхъ трехъ Дюпеневъ.

Что касается до того, чтобы дѣлать изъ галликанизма одну изъ формулъ будущности,—то упаси насъ Господи отъ этого!

И для того, чтобы доставить торжество этому галликанизму, Жюліо не нашелъ лучшаго средства, какъ позволить разбить себя точно сосудъ съ финіамомъ, и безропотно отдать на убой свою Луизу, свою сестру, любимую подругу... Хорошо средство!

Есть-бы Жюліо былъ дѣйствительно такимъ человѣкомъ, какими авторъ желаетъ его выставить, т. е. могучимъ гениемъ,—онъ, подобно славному Ламнэ, просто сорвалъ бы съ себя католическую рясу, потому что она была запятнана, и надѣлъ бы на себя то платье, которое носятъ всѣ люди; онъ осуществилъ бы на самомъ себѣ то разъединеніе церкви и государства, котораго онъ требовалъ; вмѣсто своихъ жалобныхъ рѣчей и сентиментальныхъ элегій, онъ тоже могъ написать «Прощаніе съ Римомъ» *); наконецъ, отчего, вмѣсто того, чтобы допустить до смерти свою возлюбленную Луизу, онъ не отправился съ нею въ Нью-Йоркъ и тамъ не женился на ней? Если его мысль, его совѣсть находились въ постоянномъ рабствѣ, то отчего онъ не вышелъ изъ своей тюрьмы? Вѣдь по крайней мѣрѣ во Франціи всѣ клерикальныя кѣтки почти раскрыты для тѣхъ, кто одаренъ какемъ-нибудь здравымъ смысломъ и особенно какою-нибудь нравственною силою. *Forti libertas!*

«Преклятый» далеко не образцовое произведеніе въ литературномъ отношеніи. Неизвѣстный авторъ на 1200 страницахъ толкуетъ о томъ, что ловкій писатель гораздо лучше высказалъ бы въ одномъ томѣ. Но не смотря на эти литературные недостатки, книга не лишена достоинствъ и читается съ большимъ интересомъ; въ ней вы часто встрѣчаетесь съ умными замѣча-

*) Одно изъ сочиненій Ламнэ.

ніями, тонкими наблюденіями; нравственный анализъ проведенъ очень искусно. Въ цѣломъ книга отличается очень женственнымъ характеромъ, и судя по впечатлѣнію, которое она оставила въ насъ, намъ кажется, что авторъ ея дѣйствительно священникъ, т. е. человѣкъ, дѣлавшій свои психологическія наблюденія въ исповѣдальнѣ, посѣщаемой, какъ извѣстно, исключительно женщинами.

Во всякомъ случаѣ, читая этотъ романъ, невозможно не поражаться правдою нѣкоторыхъ портретовъ, вѣрностью нѣкоторыхъ подробностей, общою правдоподобностью всѣхъ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, и человѣкъ мало-мальски знакомый съ исторіей нашего времени, ясно видитъ, что весь романъ, точно мозаическое произведеніе, составленъ изъ фактовъ неоспоримыхъ и анекдотовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Что касается до насъ, то мы благодарны неизвѣстному автору за сообщеніе достовѣрныхъ свѣдѣній о людяхъ и вещахъ, съ которыми мы ни за что не стали бы знакомиться, если бы для этого намъ нужно было сходиться съ ними лично. Сю разказалъ намъ парижскія тайны, другіе—тайны галеръ и другихъ мѣстъ; мы принимаемъ эти свѣдѣнія на вѣру, читаемъ ихъ съ любопытствомъ, но ни мало не желаемъ лично удостовѣриться въ ихъ справедливости.

Послѣ чтенія этого романа и особенно страницъ, касающихся тайнъ іезуитизма, невольно рождается вопросъ: чего хотятъ, къ чему стремятся іезуиты? Это ихъ тайна,—тайна, впрочемъ, извѣстная многимъ. Но вотъ чего мы никогда не подозрѣвали и что раскрываетъ намъ авторъ «Проклятаго»:

Во всѣхъ пророчествахъ, пускаемыхъ ими въ ходъ уже цѣлое столѣтіе, господствуетъ вотъ какая мысль: «*Парижъ будетъ сожженъ*»,—и эта мысль особенно пріятна умамъ, увлеченнымъ мистицизмомъ. Она—предметъ самыхъ горячихъ вѣрованій ихъ. Нѣкоторые подвергнули сомнѣнію возвращеніе Людовика XVII, предсказанное Мартиномъ Гальярдономъ; другіе, съ смѣлостью достойною свободнаго мыслителя, думаютъ, что Пій IX ни въ какомъ случаѣ не будетъ распятъ партизанами итальянскаго единства; но всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ съ пророками и пророчицами изъ іезуитовъ: «*Парижъ будетъ сожженъ.*»

Заключимъ нашу статью словами архіепископа тулузскаго, кардинала Фламарана (одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Проклятый»):

«Что-жъ дѣлать? Мы убаюкиваемъ себя ложью въ нашемъ иномъ католическомъ обществѣ. Вотъ отчего свѣтъ переноситъ насъ и оставляетъ въ покоѣ!»

Представивъ здѣсь краткую характеристику романа, надѣлавшаго столько шуму, считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей и съ самимъ романомъ во всѣхъ его наиболее интересныхъ подробностяхъ. Для этого мы помѣщаемъ здѣсь полный переводъ тѣхъ главъ, которыя яснѣе чѣмъ другія высказываютъ мысль романа и заключаютъ въ себѣ подробности, прямо касающіяся главной цѣли автора. Для того же чтобы читатель не терялъ нити разсказа, мы будемъ остальные главы, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ, передавать въ нѣсколькихъ словахъ.

Три жепшины выходили изъ стараго отеля, построеннаго въ XVI ст. въ Тулузѣ, въ улицѣ de-Tour, однимъ совѣтникомъ парламента. Было утро; на большихъ часахъ Капитолія пробило 8 часовъ; но въ провинціи встаютъ съ разсвѣтомъ. Три женщины шли по дѣлу, весьма важному для благочестивыхъ душъ.

Старшая изъ нихъ, госпожа де-ла Клавьеръ, шла подъ руку съ своей племянницею Луизою Жюліо. За ними слѣдовала горничная, Мадлетта, старая и набожная дѣвушка, которая до 58 лѣтъ сохраняла подъ слабымъ наружнымъ видомъ всю энергію пиринейской расы.

Онѣ шли по улицѣ de-Tour, направляясь къ площади Капитолія, и заняты мысленною переборкою своихъ грѣховъ, молчали. Старуха говорила себѣ, что она провинилась своими обычными нетерпѣньемъ и разсѣянностью; что раза два она позволила себѣ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ на счетъ своего ближняго; что наконецъ она поддавалась искушенію обжорства, которое она деликатно называла чувственностью. Когда человѣку семьдесятъ лѣтъ, когда онъ живетъ вдали отъ свѣта съ молодой племянницей и не принимаетъ никого, кромѣ двухъ или трехъ стариковъ, приходящихъ повграть въ карты, — тогда у него грѣховъ не много. И не смотря на это госпожа де-ла Клавьеръ была теперь въ большомъ волненіи. Она шла тихо и почти дрожала. Луиза слышала даже, слѣдующія слова, произнесенныя шопотомъ: „Боже мой, что я буду дѣлать!“

Молодая дѣвушка была во всемъ блескѣ своей двадцатилѣтней красоты. Это была одинъ изъ тѣхъ благородныхъ типовъ, которые встрѣчаются иногда между южными женщинами и съ одинаковымъ совершенствомъ соединяютъ въ себѣ правильность чертъ, точно изваянныхъ артистомъ, и удивительную грацію. Будучи одинаковаго роста съ своей теткой, которая сама когда-то блистала въ свѣтѣ, она, казалось, была выше ея головою, которую держала прямо по инстинкту и безъ малѣйшей тщеславной мысли, между тѣмъ какъ бѣдная старуха, точно удрученная угрызеніемъ совѣсти, крѣпко опиралась на руку племянницы, чтобы не упасть: такъ сильно безпокоила ее мысль о томъ, что она черезъ минуту преклонится предъ добрымъ духовникомъ — отцомъ, который на этотъ разъ казался ей страшнымъ.

Луиза тоже дѣлала смотръ своей совѣсти и тоже находила себя во многомъ грѣшной. Она очень любила свою тетку, но капризы старухи нѣсколько разъ выводили и ее изъ терпѣнія. Она не была тщеславна, но зеркало ея сказала ей, что она прекрасна, — и дочь Еввы повѣрила зеркалу. Она тоже насмѣхалась, — правда не много, но все таки насмѣхалась — надъ старикомъ Турнишономъ, считавшимся въ Тулузѣ однимъ изъ тайныхъ агентовъ и вѣрныхъ приверженцевъ іезуитовъ. Наконецъ, милая дѣвушка, въ одинъ изъ тѣхъ часовъ, когда сердце, переполненное жизнью, стремится къ идеальному блаженству, остановилась мыслью на одномъ мимолетномъ образѣ, бывшемъ, конечно, воспоминаніемъ о какомъ-нибудь львѣ, лорнировавшемъ ее въ то время, когда она спокойно шла въ церковь.

Вотъ и все. Она не знала за собою вины злословія и обжорства — двухъ пороковъ, незнакомыхъ молодымъ и хоробшимъ натурамъ. Она даже не могла упрекнуть себя по отношенію къ Мадлеттѣ, которую признавала очень глупою женщиною, но уважала почти столько же, сколько свою тетку. Значить — думала Луиза — добрый батюшка не будетъ бранить меня.

Что касается до Мадлетты, она не знала, что такое грѣхъ. У этого бѣднаго существа, жившаго до того времени въ горахъ и знавшаго только овецъ, которыхъ она пасла на зеленыхъ равнинахъ Валкабріеры, была теперь одна мысль — безусловно исполнять волю своей госпожи. Исповѣдь Мадлетты могла назваться стереотипированной; что она говорила сегодня, то же самое повторяла и завтра, не измѣняя ни одной буквы; да пначе не могло и быть при такой монотонной жизни. Не смотря на то что она была старой дѣвой, въ характерѣ ея не было и слѣ-

да быстроты, но у нея была удивительная способность помнить все, что долетало до ея слуха, такъ что отъ нея можно было узнавать обо всемъ, происходившемъ въ домѣ г-жи де-ла Клавьеръ. А такъ какъ своего духовника она считала своимъ земнымъ богомъ, то въ голову ея ни разу не пришла мысль, что въ благодетельныхъ сплетняхъ, сообщавшихся ею своему исповѣднику и отъ времени до времени вызывавшихся этия святѣе отцемъ, было кое-что кромѣ чистаго желанья величайшей славы божей.

Такимъ образомъ три женщины лодвигались впередъ. На половинѣ улицы, по лѣвой сторонѣ, стоитъ высокое зданіе съ гладкими, лишенными всякихъ украшеній, фасадомъ, въ родѣ тѣхъ, которые новое искусство дѣлаетъ достоинствомъ фабрикъ и казармъ. Луиза долго смотрѣла въ эту сторону; казалось, что она отыскивала за этими высокими стѣнами любимое существо. Въ этомъ возрастѣ, сердечныя ощущенія еще узнаются по глазамъ.

Пройдя площадь Капитолия, онѣ вошли въ длинную, довольно широкую, но извилистую улицу — одну изъ главнѣйшихъ артерій столицы юга; потомъ повернули направо и вошли по улицѣ Инквизиціи. Это названіе она получила отъ дома инквизиціи, находящагося въ ней и теперь составляющаго собственность изувитовъ.

Фасадъ этого дома коротокъ и низокъ, и домъ безъ всякой претензіи построенъ при учрежденіи въ Тулузѣ кроваваго судилища. На воротахъ до сихъ поръ видна готическая надпись, которую довольно трудно разобрать и которая опредѣляетъ время постройки зданія.

Почти насупротивъ его, въ улицѣ, стоитъ ниша, въ которой помещено изображеніе мадонны въ черной шелковой одеждѣ; на головѣ у нея корона изъ позолоченой ивѣды, а на рукахъ—младенецъ Исусъ тоже въ коронѣ и одѣтый. Лампада день и ночь горитъ передъ этимъ образомъ—предметомъ набожнаго поклоненія жителей Тулузы. Глядя на него, кажется, что поэтический духъ среднихъ вѣковъ нарочно поставилъ изображеніе любви и милосердія противъ страшнаго дома, изъ котораго исходили страшныя приговоры къ смерти и пыткѣ.

Госпожа Клавьеръ перекрестилась и посмотрѣла на образъ съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ человѣкъ, котораго ведутъ на казнь. Луиза обратила вниманіе только на

большіе букеты цвѣтовъ, украшавшіе рѣшетку ниши, а Мадлетта тихо пробормотала молитву.

Затѣмъ, всѣ онѣ вошли въ монастырь узкимъ коридоромъ, на концѣ котораго расположена часовня. По величинѣ и архитектурѣ, эта маленкая церковь іезуитовъ не представляетъ ничего необыкновеннаго, кромѣ развѣ ряда темныхъ углубленій, изъ которыхъ въ каждомъ устроена просторная исповѣдальня. Духъ ордена видѣнъ въ этомъ внѣшнемъ расположеніи. Тутъ все тайна: вопреки обыкновенію, существующему въ приходскихъ церквахъ, на исповѣдальняхъ нѣтъ надписей, обозначающихъ имя духовника, заставляющаго въ нихъ. Только номеръ начертанъ на фронтонахъ этихъ мрачныхъ дубовыхъ алькововъ, сдѣлавшихся могущественнымъ средствомъ сообщенія этого лоякаго духовенства съ женщинами, потому что мужчинъ оно принимаетъ въ своихъ кельяхъ.

Г-жа Клавьеръ, Луиза и Мадлетта, предварительно запасшись святою водою и набожно перекрестившись, направились къ № 8, находящемуся въ глубинѣ правой стороны церкви и скоро исчезли въ глубокомъ сумракѣ этого убѣжища. Скоро священникъ, старикъ еще полный энергіи, съ сухимъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ алтаря боковою дверью и черезъ нѣсколько минутъ, одѣтый въ рясу съ широкими рукавами, пошѣстился въ своей исповѣдальнѣ. Нѣсколько вѣрныхъ молились передъ алтаремъ. Два другихъ священника также пошѣстились въ своихъ исповѣдальняхъ и исповѣдывали женщинъ. Въ церкви царствовало ненарушимое молчаніе; только по временамъ слышался шорохъ шелковыхъ платьевъ женщинъ, отправлявшихся преклонять колѣни передъ святыми отцами.

Старуха, видимо взволнованная, съ разумянившимся лицомъ, какъ будто готовясь покаяться въ тяжеломъ грѣхѣ, вошла первая, приподнявъ занавѣску чернаго цвѣта, которая опустилась за нею. Послѣ этого, около таинственнаго алькова еще долго слышался только неуловимый шопотъ двухъ голосовъ, отвѣчавшихъ другъ другу съ медленнымъ однообразіемъ.

Послѣ благословенія, произнесеннаго священникомъ по латыни, старуха довольно спокойнымъ голосомъ рассказала грѣшки, въ которыхъ обвиняла себя. Потомъ, ударивъ себя рукою въ грудь, прибавила:

— Батюшка, другихъ грѣховъ я за собою не помню.

Послѣ небольшого молчанія, священникъ спросилъ:

— Ну, любезная дочь, хорошо ли вы обдумали то, что я говорил вамъ восемь дней тому назадъ?

— Да, батюшка.

— На что-же вы рѣшились?

— На все, что будетъ вамъ угодно. Я обѣщала вамъ безусловную покорность.

— Вѣрю, дочь моя; но вы знаете, что въ управленіи человѣческими сердцами, особенно когда дѣло идетъ о такомъ важномъ рѣшеніи, наша обязанность—не исторгать священныхъ обѣтовъ покорности и предоставлять вѣрной душѣ принесеніе жертвы по собственному великодушному побужденію. А говоря откровенно, дочь моя, ваша жертва въ этомъ случаѣ не особенно велика. Вамъ, размышляющимъ такъ часто о скоротечности нашего пребыванія въ этой юдоли бѣдствій, о вѣроятной близости блаженной смерти, должнствующей освободить васъ отъ заботъ и погрѣшностей бѣдной земной жизни,—вамъ я безъ всякаго затрудненія могу сказать: хотите вы или не хотите, а вамъ скоро должно будетъ отказаться отъ этого богатства, къ которому, я знаю, сердце ваше не питаетъ никакого сочувствія. Сдѣлайте изъ него болѣе святое употребленіе. Отходя изъ этого міра, оставьте неизгладимое воспоминаніе о вашемъ великодушіи и вашей вѣрѣ. Церковь будетъ благословлять васъ, дочь моя, а наша святая обитель будетъ вѣчно молиться о своей благороднѣйшей и любезнѣйшей покровительницѣ.

Святой отецъ остановился, какъ бы ожидая, что скажетъ его духовная дочь. Она молчала, но глубокий вздохъ обнаружилъ ея душевное волненіе. Священникъ продолжалъ:

— Дочь моя, вы еще неслышите голосу плоти и крови. Берегитесь губельныхъ внушеній духа зла!

— Батюшка, увѣряю васъ, что я не жалѣю ни о чемъ, когда дѣло идетъ обо мнѣ; и Богъ свидѣтель, что я сію минуту отказалась бы отъ всѣхъ своихъ денегъ. Но меня мучитъ глубокое угрызеніе совѣсти, глубокое безпокойство: Луиза и ея братъ мои наслѣдники, потому что я сама урожденная Жюліо и сестра ихъ отца. Не поступаю ли я противъ совѣсти, если лишу ихъ наслѣдства какъ моего, такъ и ихъ дѣда?

— Да, вы говорите о состояніи господина Жюліо,—состояніи, которое, какъ я вамъ нѣсколько разъ говорилъ на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, составилось лихоимствомъ и противозаконными дѣйствіями.

— Онъ, однако, слылъ такимъ честнымъ человѣкомъ.

— Что же жъзъ этого, если теперь, за такое несправедное приобрѣтеніе богатства, онъ горитъ въ чистилищѣ! Повторяю вамъ: у васъ осталось только это средство для успокоенія его души и для спасенія вашей. Возвращеніе вещей, приобретенныхъ незаконнымъ путемъ, есть обязанность всякой совѣсти; теорія научаетъ насъ, что когда невозможно отыскать лица, пострадавшаго отъ незаконства, то благочестивыя пожертвованія достигаютъ той же самой цѣли. Вы еще очень счастливы, что у васъ осталось хоть это средство.

— Ахъ, бѣдныя дѣти!

— Да, бѣдныя дѣти! Много состраданіе! Вотъ вы и заговорили какъ люди, принадлежащіе къ свѣту. Право, дочь моя, еслибъ я не зналъ васъ близко, то подумалъ бы, что у васъ въ сердцахъ нѣтъ вѣры. Какое безразсудное недовѣріе къ Богу! Кто вамъ сказалъ, что милая Луиза не чувствуетъ призванія сдѣлаться монахиней! Вы понимаете, что такъ какъ я духовный отецъ ея, то есть вещи, которыхъ я не могу вамъ сказать. Что касается вашего племянника Жюліо, онъ черезъ нѣсколько дней будетъ постриженъ въ священники. Глупый мальчикъ! еслибъ онъ послушался совѣтовъ нашихъ братьевъ въ то время, когда выходилъ изъ нашего училища, то теперь былъ бы нашимъ. Когда-нибудь онъ раскается въ этомъ. У него есть дарованіе; какая отличная карьера предстояла ему! Но какъ бы то ни было, а и въ бѣломъ духовенствѣ онъ получитъ должность и ему не за чѣмъ будетъ имѣть полмилліона состоянія, который сдѣлалъ бы изъ него гордеца и дурного священника. Вѣрите мнѣ, дочь моя, Богъ лучше васъ знаетъ, въ чемъ заключается спасеніе вашего племянника и вашей племянницы.

— Но, батюшка...

— Да, дочь моя, надо быть благоразумнѣе. Все это пустыя сожалѣнія и чистое воображеніе. Вы прегнѣвите Бога, погубите душу вашего любезнаго мужа, не принесете жертвы, могущей спасти васъ.

— Хорошо, батюшка, я согласна.

— Я ожидалъ этого, дочь моя, отъ вашего нѣжнаго благочестія. Богъ любитъ людей, приносящихъ жертвы съ радостью. Если вы уполномочиваете меня, я передамъ г. Турнишону форму завѣщанія, которое вы переписшите очень четко. Такъ какъ люди злы и такъ какъ наши враги могутъ возбудить вопросъ о правильности завѣщанія, то вы назначите единственнымъ наследникомъ вашимъ того же г. Турнишона. Впрочемъ, въ черновомъ

спискѣ завѣщанія я выражаю положительную вашу волю, чтобы онъ влечилъ познательный приличный интересъ Луизѣ и аббату Жюлю. Изъ этого вы видите, что вы не можете обидѣть этихъ милыхъ дѣтей. Наше общество будетъ всегда покровительствовать имъ въ память о васъ. А наше общество никогда не бываетъ неблагодарно въ отношеніи къ своимъ друзьямъ.

— Я согласна, Батюшка.

— Хорошо, я рассчитываю на ваше слово. Прощайте, дочь моя, примите мое благословеніе и идите съ миромъ.

Занавѣска поднялась.

Вѣдная женщина, едва живая отъ волненія, медленно вернулась къ своему стулу и опустившись на него, закрыла лице руками. Луиза Жюлю заступила мѣсто своей тетки.

Она подробно рассказала всѣ свои грѣхи за прошедшую недѣлю. Мы видѣли, что это были за грѣхи. Не смотря на это, святой отецъ наморщилъ брови.

— Еслибы—сказалъ онъ самымъ мягкимъ голосомъ—все это сдѣлалъ не вы, мое дитя мое, я не сказалъ бы ничего. Богъ смотритъ на такіе поступки, какъ на внутренности, которыми поддаются самыя святые души. Но тѣмъ не менѣе это часто беспокоитъ меня. Я уже нѣсколько разъ замѣчаю эти разговоры ваши съ зеркаломъ и это погруженіе въ воспоминанія, которое можетъ завести васъ далеко. О, дитя мое, когда же сердце-ваше окончательно изгонитъ изъ себя эти мимолетныя привязанности, недостойныя васъ? Когда же голубка моя повстанетъ наконецъ въ облака, сказавъ вѣчно прости этому міру, въ которомъ, по моему мнѣнію, нѣтъ ни одного мѣста, достойнаго быть тронутымъ ея ногою?... Что же, дочь моя, когда настанетъ блаженная минута, въ которую вы скажете вашему духовному отцу: Я не колеблюсь больше, я вся принадлежу Богу?

— Батюшка, вы дали мнѣ нѣсколько времени на размышленіе.

— Это правда, дочь моя; да я и говорю съ вами объ этомъ только для того, чтобы напомнить вамъ важность размышленій, долженствующихъ утвердить ваше призваніе на непоколебимыхъ основаніяхъ. Мое дитя мое, раскройте мнѣ всю свою душу. Дайте мнѣ возможность прочесть ваши задумываемыя мысли. На мнѣ лежитъ обязанность—во имя Бога рѣшить окончательно вашу будущность, а для этого я долженъ глубоко изучить ваше сердце. Расскажите мнѣ обо всемъ, что происходило съ вами въ теченіе этой недѣли.

— Что же мнѣ сказать вамъ, батюшка? Это все одиѣ и тѣ же мысли, одиѣ и тѣ же сомнѣнія. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что Богъ призываетъ меня къ себѣ, когда блаженство является мнѣ среди добрыхъ монахинь обители Sacré-Coeur, гдѣ протекло мое дѣтство. Иногда я испытываю порывы религіознаго восторга, и въ это время жизнь вдали отъ міра кажется мнѣ земнымъ раемъ.

— Дочь моя, это прекрасныя минуты, это минуты, когда божественный супругъ говоритъ сердцу своихъ дѣломудренныхъ женъ.

— Да, батюшка; но не знаю отчего, за этими сладостными ощущеніями наступаютъ ощущенія иного рода. Мыслямъ моимъ является дѣйствительная жизнь: небольшое знакомство мое съ свѣтомъ, то, что я прочитала съ позволенія тетушки, этотъ новый міръ, который я нахожу въ себѣ съ цѣлымъ роємъ смутныхъ стремленій, въ которыхъ не могу вамъ отдать отчета, потому что я сама не понимаю ихъ,—все это неволью заставляетъ меня думать, что міръ не таковъ, какимъ рисуется онъ въ благочестивыхъ книгахъ, проповѣдяхъ, даже—простите мнѣ, батюшка—въ вашихъ словахъ. Въ эти минуты мнѣ кажется, что есть тайна, которой я еще не знаю, есть задача, которую я понимаю дурно, но смыслъ которой будетъ ясно открытъ мнѣ. Въ это время я думаю, что эти смутные порывы моего сердца, цѣли которыхъ я не знаю, найдутъ себѣ законное удовлетвореніе. Я, вѣроятно, очень дурно выражаюсь, батюшка, но вы велѣли мнѣ сказать все, что я чувствую.

— Напротивъ, дитя мое, вы хорошо передаете ваши сомнѣнія и полусожалѣнія, привязывающія васъ до сихъ поръ къ радостямъ этой жизни, отъ которыхъ высшая благодать побуждаетъ васъ отказаться. Но не пугайтесь этой борьбы; я предвижу ея въ васъ и напрасно не предска залъ ее вамъ; это испытаніе, дочь моя, и нѣтъ ничего страшнѣе его мученій.

— Нѣтъ, батюшка, увѣряю васъ, что я не испытываю никакого тяжелаго чувства, ничего похожаго на страданіе. Я должна вамъ сознаться, что нахожу безконечную прелесть въ мысляхъ о невѣдомомъ существованіи, въ которомъ, я хорошо это чувствую, дѣлаю первые шаги. Это еще не все, батюшка: не смотря на то, что я не знаю многихъ вещей, о которыхъ не смѣю спрашивать даже тетушку, — когда я задаю себѣ великій вопросъ: сдѣлаться-ли монахиней или остаться хоть въ свѣтѣ? — семейная жизнь является мнѣ въ плѣнительномъ ви-

дѣ, заставляющаѣ меня забывать полу-волю, устремляющую меня къ монастырю! Я обожаю дѣтей: они такія воспитательныя созданья божіи! Особенно съ нѣкотораго времени, я не могу увидѣть мать съ ребенкомъ на рукахъ безъ того, чтобы какой-то могущественный инстинктъ не говорилъ мнѣ: и ты тоже могла бы испытывать сладкое материнское чувство. Я вамъ говорю это здѣсь, батюшка, на исповѣди; въ другомъ мѣстѣ я бы не сказала этого даже вамъ, не то что кому-нибудь другому; но мнѣ кажется, что нѣтъ ничего прекраснѣе законовъ природы. Прочитавши нѣчто я познакомила съ естественною исторіею изъ книги, которую нашла у своего брата. До этого чтенія, я ничего не понимала въ громадной дѣятельности существъ, рождающихся и размножающихся вокругъ насъ. Но вѣдь все это великолѣпно, батюшка! И это ознакомленіе съ природою не только не вредило мнѣ, но еще сильнѣе привязывало къ Богу; я больше любила Его!

— Пагубныя увлеченія, дочь моя! Въ молодости надо сильно остерегаться этой любви къ природѣ, потому что она лишаетъ душу твердости.

— Но, батюшка, чувства, которыя побуждаютъ насъ любить Бога, находятъ его добрымъ, великимъ, безконечнымъ и всемогущимъ, — чувства религіозныя, или иначе религія ничего не значить.

— Видите, дочь моя, эти мысли и эти занятія выучили васъ разсуждать. Я васъ велъ всегда лучшимъ путемъ—путемъ покорности, готовности приносить жертвы и умерщвленія плоти, — и моя метода гораздо вѣрнѣе.

— Конечно, батюшка, когда дѣло идетъ о женщинахъ, посвятившихъ себя монастырской жизни; но что, если у меня нѣтъ призванія...

— Вы въ заблужденіи, дитя мое; я вижу, что эта книга повредила вамъ. О, какъ не хорошо поступаютъ тѣ, которые читаютъ все безъ разбора, и какъ виноваты вашъ братъ...

— Вы удивляете меня, батюшка...

— Дитя мое, одинъ только путь можетъ назваться надежнымъ—это путь послушанія. Вы по себѣ знаете, что все остальное бросаетъ насъ въ лабиринтъ сомнѣній... Теперь, выслушайте меня: я скоро буду говорить въ теченіе недѣли проповѣди въ монастырѣ Sacré-Coeur. Быть принятымъ туда — большая честь. Къ слушанію проповѣдей будетъ допущено весьма ограниченное число постороннихъ дѣвушекъ. На васъ уже теперь

смотреть какъ на дитя этой святой обители. Я буду говорить о блаженствѣ душъ, посвящающихъ себя ангельской жизни. Эти восемь дней молитвы и покояствія разсѣвуть тучи, которыми вредное чтеніе покрыло вашу душу, до тѣхъ поръ незнакомую ни съ одною преступною мыслью. Подумайте же, дитя мое, что должно... •

Священникъ еще довольно долго говорилъ, но Луиза уже не слушала его. Въ первый разъ въ жизни, вещи являлись ей глазами въ дѣйствительномъ видѣ.

Она цѣломудренно прикрыла предъ священникомъ мысли, тревожившія ее. Она ожидала серьезнаго объясненія отъ этого человѣка, котораго до тѣхъ поръ считали представителемъ воли божьей. Ее оскорбилъ отказъ его объяснить ей ея сомнѣнія и ощущенія.

— Онъ обращается со мной какъ съ ребенкомъ, сказала она про себя.

Она окончила молитву, наклонилась для принятія благословенія отъ св. отца и вышла съ растерзанною душою.

Наступила очередь Мадлетты.

Патеръ Бриффаръ обыкновенно не бралъ въ число своихъ духовныхъ дочерей тѣхъ женщинъ, которыя находились въ услуженіи. Онъ обходился сухо со всякою посѣтительницею, не шумѣвшею шелковымъ платьемъ, а слѣдовательно не принадлежавшею къ аристократическому и богатому классу. Но Мадлетта имѣла счастье попасть въ духовныя дочери его. Мы не можемъ скрыть, что она гордилась этою привилегіей: какъ бы то ни было, а духовнымъ отцемъ ея былъ духовникъ знатныхъ барынь! Она и не подозрѣвала, какую пользу находилъ для себя фезуитъ въ этомъ заботливомъ улаживаньи за старою дѣвкой, въ высшей степени глупой, но болтливой и наивной и думавшей, что сколько ни скажешь на исповѣди о себѣ и другихъ,—все будетъ мало.

На этотъ разъ Мадлетта говорила обо всемъ: о своей барыньѣ, о Луизѣ, о тулузской семинаріи и монахахъ сульвиціанскаго ордена, управляющихъ ими, о постриженіи аббата Жюлю, брата Луизы,—постриженіи, которое должно было совершиться черезъ нѣсколько дней и сильно занимало старую служанку.

Священникъ убѣдился, что аббатъ Жюлю, во время послѣднихъ каникулъ, проведенныхъ дома, безцеремонно выражался на счетъ фезуитовъ, что онъ даже обращался къ сестрѣ съ насмѣлками надъ ея патеромъ Бриффаромъ, котораго онъ называлъ

«самыхъ преданныхъ изъ всѣхъ этихъ женщинъ людей.» Разъ за столомъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, онъ сказалъ: «Я жалю женщину, попадающую въ югти этого святаго отца.» Г-жа Клавьеръ при этомъ повраскѣла и посвѣшила перебить разговоръ. Въ тотъ же самый день Луиза долго разговаривала съ своимъ братомъ, а Мадетта слышала, какъ молодой аббатъ предсказывалъ сестрѣ, что въ одно прекрасное утро они узнаютъ, что тетка ихъ формальнымъ завѣщаніемъ оставила все свое состояніе въ пользу іезуитовъ.

— Впрочемъ—прибавила Мадетта—я не думаю, что аббатъ говорилъ это съ злымъ умысломъ; простите его, онъ такой добрый человекъ.

— Вѣрь, любезная дочь, что до всего этого злословія намъ мало дѣла. Наше святое общество имѣетъ ту привилегію, что его постоянно преслѣдуютъ. Мы не обвиняемъ начальниковъ семинаріи св. Сульпиція въ томъ, что они дурно говорятъ о насъ; но намъ прискорбно, что и въ семинаріи проникъ свѣтскій духъ, и Богъ знаетъ, до чего при такомъ порядкѣ дойдетъ дѣло въ тулузской епархіи. У Жюліо дурныя наклонности. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ у насъ; мы умѣли его сдерживать; но что теперь станетъ съ нимъ при его пламенномъ воображеніи и гордости? Мы дрожимъ при одной мысли о судьбѣ его. Моли Бога, дочь моя, чтобы онъ когда-нибудь не раскаялся въ томъ, что призвалъ его къ священству... Еслибъ Жюліо остался между нами, онъ занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ средѣ нашихъ священниковъ; у него большія способности къ проповѣдническому искусству; но на той дорогѣ, которая теперь избрана имъ, онъ кончитъ дурно.

— Какъ это огорчаетъ меня, батюшка.

— О, дочь моя, я говорю все это не для того, чтобы ты перестала любить его. Мы сами питаемъ къ нему нѣжную любовь, но за нимъ необходимо наблюдать. Вы знаете, что наше положеніе и значеніе, которымъ мы пользуемся въ архіепископствѣ, даютъ намъ возможность имѣть большое вліяніе на сущность этого молодого человека. Съ его стороны было бы большою неблагодарностью желать намъ зла и большимъ неблагоразуміемъ—по крайней мѣрѣ не молчать, если ужъ онъ не любитъ насъ. Я желалъ бы, чтобы ему были переданы мои слова, и ты обещай мена, если сдѣлаешь это.

Целуясь, собираясь опустить Мадетту, онъ прибавилъ:

— Съ другой стороны, ты, дочь моя, лучше меня знаешь, что большею частью своего состоянья старикъ обязанъ лихоимству. Мы не можемъ ничего приказывать почтенной госпожѣ Клавьеръ; но говорю тебѣ по секрету, еслибъ она захотѣла успокоить свою душу какимъ-нибудь благочестивымъ пожертвованіемъ, то я увѣренъ, что ты, любезная Мадлетта, первая согласишься, чтобы она предпочла спасеніе своей души удовольствію горѣть въ аду изъ-за обогащенія своихъ наследниковъ. Правду ли я говорю?

— О, да, батюшка, вы всегда говорите правду.

Старуха была до крайности горда тѣмъ, что ея духовникъ оказалъ ей такую необыкновенную честь — поговорилъ съ ней по секрету. Эпитемия, которую онъ наложилъ на нее за ея грѣхи, показалась ей легкою. Она вышла съ сіяющимъ лицомъ изъ исповѣдальни патера Бриффара.

У Жюлио былъ другъ и товарищъ по семинаріи Огюсть Верлонъ. Въ тотъ самый день, когда происходила вышеописанная сцена, Верлонъ объявилъ своему другу, что онъ рѣшился выйти изъ духовнаго званія, вслѣдствіе чтенія, размышленія и знакомства съ образомъ жизни духовенства. «Другъ мой — сказалъ онъ ему въ заключеніе своей длинной рѣчи — я не могу даже выносить мысли о томъ, чтобы связать себя торжественными узами съ корпораціей, являющейся прямымъ antagonистомъ идеи соціальной эмансипаціи. И день, въ который я сказалъ самому себѣ: еще есть время, оставь этихъ честныхъ, но слѣпыхъ людей, проповѣдующихъ свѣтъ и фабрикующихъ гасильники этого свѣта, — былъ днемъ моею свободой и счастья. Въ этотъ день, я, какъ членъ великой человѣческой семьи, освободился отъ оковъ рабства.» — Верлонъ сдержалъ свое слово, вышелъ изъ семинаріи и посвятилъ себя адвокатскому званію. Жюлио остался священникомъ, чтобы исполнить то, что онъ называлъ своимъ призваніемъ.

Въ католической монархіи, имѣющей какъ говорятъ, 200 миліоновъ подданныхъ, есть два государя. Одинъ изъ нихъ — государь номинальный; онъ называется папою и засѣдаетъ въ Ватиканѣ съ кардиналами, камергерами, прелатами, костюмированную стражею. Другой — государь дѣйствительный; онъ засѣдаетъ

въ *Сенъ* и называется генераломъ іезуитскаго ордена. Онъ стоить во главѣ самой многочисленной, дѣятельной и могущественной ассоціаціи, какая только могла образоваться между людьми.

Перваго изъ этихъ монарховъ величаютъ святѣйшествомъ, втораго—высокопреподобіемъ. Когда вамъ даетъ аудіенцію папа, тогда въ залѣ, предшествующей кабинету, въ которомъ намѣстникъ Христа даетъ вамъ облобызать свой перстень и свою туфлю и въ который вы проникнете только послѣ трехъ колѣнопреклоненій,—васъ встрѣчаютъ пять или шесть молодыхъ священниковъ въ фіолетовыхъ рѣсахъ, разгоняющихъ разговоромъ скуку придворнаго церемоніяла. Когда же вы захотите переступить порогъ *Сенъ* и представиться генералу іезуитовъ, то вамъ придется пройти сначала черезъ залу, въ которой сорокъ секретарей пишутъ на всевозможныхъ языкахъ, послѣ чего вы очутитесь передъ человекомъ, имѣющимъ громадный кругъ дѣлъ. Этотъ человекъ—Ришелье католицизма; папа—Людовикъ XIII его.

Въ секретарствѣ *Сенъ*, въ теченіе нѣсколькихъ дней, дѣлается больше судебныхъ дѣлъ, чѣмъ въ продолженіи всего года во всѣхъ римскихъ конгрегаціяхъ, предсѣдательствуемыхъ кардиналами или даже самимъ папою. И это отъ того, что папство представляетъ собою старую патріархальную организацію церкви въ средніе вѣка, съ ея медленностью, наивностью, произволомъ,—тогда какъ іезуитство дѣйствуетъ со всею утонченностью системы централизаціи, составляющей силу учрежденій новаго времени. Ватиканъ до сихъ поръ остался большимъ феодальнымъ замкомъ, въ которомъ живутъ семейною жизнью. *Сенъ*, напротивъ того, министерство, въ которомъ каждый человекъ узнаетъ утромъ, чѣмъ онъ долженъ заниматься въ теченіи дня, и работаетъ подъ строгимъ надзоромъ директора, отвѣчающаго за интересы дѣлаго міра людей.

Высокопреподобный отецъ располагаетъ бюджетомъ, превосходящимъ бюджеты двадцати мелкихъ государей, но не беретъ изъ него ста рублей безъ того, чтобы въ отчетѣ не обозначить самымъ точнымъ образомъ, на какой именно предметъ они употреблены. Доходы его громадны, расходы ничтожны. Папство получаетъ каждый годъ изъ разныхъ источниковъ огромныя суммы, изъ которыхъ не удерживаетъ для себя ни копейки; если папа посылаетъ вамъ корону для какой нибудь Мадонны изъ чернаго дерева, то эта корона сдѣлана изъ золота и драгоценныхъ камней и за работу ея заплачено восемьдесятъ тысячъ франковъ. Папство—неиссякаемый источникъ. Общество іезуитовъ—бездна,

которая поглощала бы въ себя массы золота, пріобрѣтеннаго разными путями, если бы періодическія революціи не разоряли его время отъ времени.

Папы чувствуютъ гнетъ этой сопернической силы, которая, подѣ предоюмомъ защитѣ ихъ, мало по малу становится на ихъ мѣсто. Климентъ XIV, послѣ многихъ колебаній и многихъ слезъ, разъ рѣшился положить руку на этихъ соперниковъ: онъ распустилъ ованкъ янзчартъ. Послѣ великихъ ударовъ, нанесенныхъ революціею, преслѣдуемое папство снова бросилось въ руки іезуитовъ. Они не замедлили сдѣлаться страшными. Они стали заклятыми врагами Пія IX, политическаго реформатора. И если теперь они переносятъ его, то это потому, что побороли его и заставили перенести всѣ униженія реакціи — послѣдней агоніи земной власти папы.

Пій IX нѣсколько разъ пытался свергнуть ихъ иго. Разъ онъ вытаскилъ изъ ватиканскихъ архивовъ подлинныя документы, касающіеся ихъ изгнанія при Климентѣ XIV. По его порученію патеръ Тейнэ написалъ „Жизнь Климентя XIV“ — самую страшную книгу, какая только была написана противъ іезуитовъ, — самую страшную потому, что ее напечатали по приказанію самого папы. Общество іезуитовъ, какъ сильный, но гибкій кустарникъ, склонило голову. Но оно подняло ее съ большею силою чѣмъ когда либо. Думали нанести имъ ударъ тѣмъ, что прибили на всѣхъ стѣнахъ, даже на колонахъ Св. Петра въ Римѣ, объявленіе о присужденіи къ наказанію ихъ пророчицы Катаринетты, которая повсюду предсказывала чудеса, долженствующія совершиться въ католическомъ мірѣ съ помощію іезуитовъ, и особенно соединеніе восточныхъ церквей съ римскою. Іезуиты безмолвно приняли эту пощечину; но скоро врагамъ ихъ пришлось снова покорно вернуться подѣ ихъ опеку. Такимъ образомъ Ватиканъ іезуитовъ одержалъ побѣду надѣ Ватиканомъ папы; дѣйствительный государь увидѣлъ увеличеніе славы и могущества ордена, управляющаго церковью. Другому государю, номинальному, предоставили право давать торжественныя аудіенціи посланникамъ королей и императоровъ, благословлять разныхъ медалей, четки и образки, посылатъ золотыя розы государынямъ и удвлетворять каждѣ *benedizione*, которую во всякое время чувствуетъ римское населеніе.

Расширеніе ордена во Франціи было всегда цѣлью, къ которой ревностно стремился генераль. Римъ въ настоящее время постарѣлъ и одряхлѣлъ; не изъ него выходитъ жизнь какъ для

ремлемъ, такъ и всего другаго. Страна, полная жизни — Франція. Иезуиты съ любовью накиннулись на эту плодородную почву. Тутъ зашелъ вопросъ о томъ, какъ поступать? Слѣдовало ли имъ вкратцѣ въ великую націю мало по малу, безъ шума? Или слѣдовало смѣло, съ шумомъ взять въ свои руки народное образованіе во всѣхъ городахъ Франціи и строить тамъ школы, которыя соперничали бы великолѣпнѣе съ казенными учебными заведеніями? Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ.

Понятно, что Тулуза, столица юга, католическій городъ по преимуществу, должна была особенно сильно привлекать ихъ вниманіе. Можно было поручиться, что они не удовольствуются маленькимъ, невзрачнымъ зданіемъ, построеннымъ около церкви Saint — Sernin и служившимъ мѣстопребываніемъ ихъ коллегіи. Надо было подумать о величественномъ аданіи, которое стоило бы нѣсколько милліоновъ.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Жюлю не могъ уснуть всю ночь (послѣ разговора съ Вердюномъ), важная торжественная сцена происходила въ домѣ инквизиціи. Мѣстный начальникъ ордена собралъ тайный совѣтъ.

Когда тишина водворилась во всемъ домѣ, всѣ мошакъ разошлись по кельямъ, а на узкихъ корридорахъ всѣхъ этажей потухли огни, — семь стариковъ отправились въ залу совѣта.

Единственная лампа освѣщала эту залу и бросала слабый свѣтъ на ея стѣны. Тутъ и тамъ висѣли въ грубыхъ рамкахъ изображенія нѣкоторыхъ святыхъ и сценъ изъ священной исторіи. Посрединѣ комнаты возвышалось гипсовое распятіе, выкрашенное черной краской съ нѣкоторыми бронзовыми оттѣнками.

Единственную мебель комнаты составляли столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, кресло позади этого стола и стулья, поставленные по стѣнамъ.

Старый полъ изъ красныхъ кирпичей былъ послѣднимъ остаткомъ украшенія этой страшной залы инквизиціи, изъ которой въ средніе вѣка исходили смертные приговоры.

Начальникъ направился къ столу и положилъ на него большой кожаный портфель съ стальными застежками. Остальные священники стали по обѣимъ сторонамъ его. Всѣ преклонили колѣна и начальникъ тихо и медленно проговорилъ двѣ молитвы, которыя всѣ повторили за нимъ. Затѣмъ члены совѣта усѣлись вокругъ стола.

Всѣ опустили глаза; начальникъ нѣсколько минутъ обдумывалъ что-то, потомъ раскрылъ портфель и сказалъ:

— Отцы мои, я только что получилъ отъ нашего высокопреподобнаго генерала разрѣшеніе построить въ Тулузѣ домъ для нашего ордена. Вамъ не безъизвѣстно цвѣтущее состояніе нашего общества въ Тулузѣ. Изъ всѣхъ французскихъ городовъ, это городъ, въ которомъ наше вліяніе наиболѣе упрочено. Нашей коллегіи слишкомъ тѣсно въ помѣщеніи, которое оно временно занимаетъ на площади св. Сернена и намъ необходимо какъ можно скорѣе, построить себѣ большой домъ. Въ прошедшемъ году, вы одобрили проектъ постройки и я сообщилъ его высокопреподобному генералу. Теперь, когда онъ утвердилъ его, я призывалъ васъ для совѣщанія о средствахъ осуществленія этого плана. Преду мною смѣта нашего архитектора. Намъ необходимо построить что нибудь грандіозное. Мы должны поразить всѣхъ величіемъ и громадностью новой постройки. Вы знаете, отцы мои, что намъ необходимо проявлять вѣншиимъ образомъ все наше могущество. Для насъ, бѣдныхъ монаховъ, достаточно убогой кельи, скромной рясы, куска насущнаго хлѣба; но самый орденъ долженъ явиться, окруженный величіемъ и богатствомъ. Вы испугаетесь, можетъ быть, когда я вамъ скажу, что смѣта превосходить три милліона. Гдѣ взять ихъ?

Сдержанная улыбка пробѣжала по губамъ стариковъ. Послышался тихій шопоть.

— Три милліона — сказалъ, качая головой, патерь Грелзъ — это много. Въ старое время, за пятьдесятъ тысячъ ливровъ въ провинціи можно было построить отличный домъ для коллегіи.

— Да, въ старое время, сказали со вздохомъ остальные старики.

— Вамъ извѣстно, — продолжалъ начальникъ, — что мы не можемъ рассчитывать на общій фондъ общества. Этотъ фондъ, помѣщенный въ большія промышленныя предпріятія и главнымъ образомъ въ желѣзныя дороги и пароходство, составляетъ запасъ, который орденъ тщательно бережетъ на черный день. Мы постоянно должны предвидѣть минуту, въ которую революція выгонитъ насъ изъ Франціи. Въ настоящее время, намъ нечего бояться этого. Милостью божіею, орденъ царствуетъ; но скверные дни могутъ еще вернуться. По этому безполезно даже думать о пособіи изъ общаго фонда. Члены нашего ордена строятъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ Пуатье, въ Бордо, но они не берутъ ни одной копѣйки изъ центральной кассы общества. Вы знаете, что, по точному смыслу нашего устава, каждое новое

учрежденіе должно содержаться своими собственными средствами. Строгость устава, въ этомъ случаѣ, доведена до такой степени, что еслибы у насъ, въ одномъ и томъ же городѣ, были двѣ обители, то каждая изъ нихъ должна была бы доставать себѣ способы для существованія. Этому правилу, которое, повидимому, нарушаетъ законъ взаимнаго милосердія, мы обязаны нашею громадною дѣятельностью въ каждомъ городѣ. Даже въ Парижѣ, главная обитель не имѣетъ права посылать, хоть бы копѣйку, въ другія второстепенныя обители столицы. Два года тому назадъ, патеръ Равиньянъ, бывши на вечерѣ у одной знатной дамы С. Жерменскаго предмѣстья, собиралъ тамъ подаянье, въ пользу только-что учрежденной новой обители, которая не знала, что ея члены будутъ ѣсть на слѣдующій день. Онъ исторгнулъ слезы у этого благомыслящаго и благочестиваго собранія... Это тяжело, правда; но это заставляетъ всѣхъ удивляться духу самоотреченія и бѣдности, господствующему въ нашемъ обществѣ. Орденъ долженъ быть богатъ и могущественъ; мы, отдѣльные члены, можемъ пуждаться въ необходимомъ. Вы понимаете силу этой организаціи.

—Надо подчиниться этому мудрому правилу, сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта.

— Конечно, замѣтилъ начальникъ. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ портфеля одну бумагу и, положивъ ее передъ собою, сказалъ:

— У насъ уже есть кое-какія экономическія суммы, отцы мои.

Именно:

Отъ нашей С.Серненской коллегіи чистаго дохода .	500,000 фр.
Миссіями, проповѣдями и добровольными приношеніями, собранными нашими собратіями, доставлено.	220,000 —
Тайно собрано въ Тулузѣ и въ епархіи съ жителей.	92,667 —
За нашъ домъ намъ предлагаютъ	200,000 —
Доставлено духовными завѣщаніями:	
Отъ графини Левиньякъ	80,000 —
Отъ маркизы Кадуръ	120,000 —
Отъ вдовы Марке	230,000 —
Отъ г. Лассоно, бывшаго банкира	70,000 —
Отъ графа Вильбрюлье	118,000 —
Частныя приношенія умершихъ и живыхъ лицъ.	96,000 —
Стоимость брильянтовъ, браслетовъ, драгоценностей, дорогихъ кружевъ, полученныхъ отъ свѣтскихъ людей	60,000 —
Итого .	1.786,667 фр.

Теперь, вотъ что мы почти навѣрно можемъ имѣть въ виду, если только какой нибудь процессъ, или какіе нибудь жадные и безбожные родственники, не помѣшаютъ намъ:

Госпожа Фронтонъ отдаетъ намъ все свое состояніе, оцѣняваемое въ 240 т. франковъ и дѣлаетъ завѣщаніе на имя г. Бувало, святаго человѣка, на котораго мы можемъ положиться какъ на самихъ себя. Г-жѣ Фронтонъ 78 лѣтъ; она видимо дряхлѣетъ, и докторъ Легранъ увѣрялъ меня вчера, что она не переживетъ осени. Къ концу октября она отдастъ Богу свою святую душу.— Баронесса Мовтенъ также передаетъ намъ половину своего имѣнія по завѣщанію, сдѣланному на имя нашего повѣреннаго, г. Уссія; стоимость этой половины нотаріусъ опредѣляетъ въ 80 т. фр. Другая половина этаго имѣнія отдана сестрѣ баронессы, и со временемъ, надѣюсь, тоже перейдетъ въ наши руки. Это ваше дѣло, патеръ Жервезъ!

Жервезъ поклонился и съ улыбкою сказалъ:

— Я надѣюсь успѣть, преподобный отецъ.

— Вотъ что есть у насъ вѣрнаго и почти вѣрнаго. Но какъ мы еще далеки отъ требуемой цифры! Высокопреподобный генералъ пишетъ мнѣ: «не предпринимайте ничего, пока необходимая сумма не будетъ въ вашей кассѣ». Теперь, значить, намъ нужно добыть вторую половину. Прежде всего, мы будемъ рассчитывать на Провидѣніе, оно видимо покровительствуетъ нашему ордену, который послѣ столькихъ бѣдствій, столькихъ нападеній со стороны философовъ, безбожниковъ и революціонеровъ, успѣлъ стать во главѣ католицизма; но Провидѣніе желаетъ, чтобъ люди работали и заботились о себѣ. Очевидно, что въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Тулуза, гдѣ столько преданныхъ намъ людей, мы соберемъ свои три милліона. Посмотримъ тогда, на что мы можемъ надѣяться съ большею или меньшею вѣроятностью. Отецъ Шеви, вы ухаживаете за старикомъ Керономъ. Въ какомъ положеніи дѣло? У него только одинъ дальній наслѣдникъ. Успѣли вы выхлопотать завѣщаніе въ нашу пользу?

Отецъ Шеви всталъ и отвѣчалъ:

— Преподобный отецъ, я встрѣчаю нѣкоторыя затрудненія. Г. Керонъ почти впалъ въ дѣтское состояніе и не можетъ связать двухъ мыслей. Я увѣренъ въ двухъ его служанкахъ, благочестивыхъ дѣвушкахъ, которыя не отходятъ отъ него, не допускаютъ къ нему никого, и которымъ я далъ понять, что онѣ заработаютъ хорошія деньги, если убѣдятъ его сдѣлать завѣщаніе въ нашу пользу. Мнѣ надо дѣйствовать очень осторожно

во-первыхъ для того, чтобы устранить всякую возможность доказать въ послѣдствіи, что завѣщатель находился не въ полномъ разсудкѣ, а во-вторыхъ, чтобы приблизить къ нему нашего милаго г. Легро, на имя котораго должно быть сдѣлано завѣщаніе. По этому случаю, у меня, послѣ завтра, назначено свиданіе, и я полагаю, что все покончу какъ слѣдуетъ.

— Какъ велико его состояніе?

— Покрайней мѣрѣ 200 т. франковъ.

— И онъ очень старъ?

— О, совсѣмъ старъ, и почти сдѣлался ребенкомъ.

— Продолжайте же ухаживать за нимъ. А у васъ, отецъ Грандье, какъ идетъ дѣло съ виконтессою Ватейль?

Грандье отвѣчалъ:

— Мнѣ тоже довольно трудно справиться, преподобный отецъ. Приходится бороться съ двумя кузнами, жадными къ деньгамъ, до крайности хитрыми и не довѣряющими мнѣ. Впрочемъ, онѣ въ моихъ рукахъ. Я убѣдилъ ихъ, что для нихъ лучше раздѣлить съ нами четыреста тысячъ фр., на основаніи законнаго завѣщанія, чѣмъ дать старухѣ умереть безъ завѣщанія, потому что, въ этомъ случаѣ, имъ достанется только десятая часть этого состоянія, которое раздѣлится между многими прямыми и косвенными наслѣдниками... Онѣ хотѣли бы завладѣть всѣмъ, но, наконецъ, согласятся дѣйствовать съ нами за одно... Бѣдная старуха видимо клонится къ смерти: первый катарръ доканааетъ ее. Я потороплюсь. У нея есть и движимое имущество, которое обѣщано мнѣ; я увѣренъ въ этомъ.

— Да благословить васъ Богъ. А вы, любезный отецъ Бриффаръ, тоже сдѣлали свое дѣло?

— Да, преподобный отецъ.

И торжествующій священникъ, къ великому изумленію стариковъ, вынулъ изъ портфеля исписанный листъ гербовой бумаги и подалъ его начальнику. Тотъ смотритъ на бумагу и говоритъ:— «Это завѣщаніе!» Глаза его загораются огнемъ, лице принимаетъ радостное выраженіе, на губахъ появляется улыбка самаго глубокаго наслажденія. Онъ читаетъ; всѣ слушаютъ въ благоговѣйномъ молчаніи:

«Наполеонъ III, милостью божіею и соизволеніемъ народа, императоръ французовъ, всѣмъ, которые будутъ читать предстоящія строки, привѣтъ.

«Я нижеподписавшійся, императорскій нотаріусъ въ Тулузѣ, живущій на площади Лафаетта, № 15, бывъ призванъ въ квар-

тиру госпожи Элеоноры-Сусанны Гитра де-ла-Клавьеръ, вдовы покойнаго Степана-Филиціана Жюлю де-ла-Клавьеръ, живущей въ улицѣ du Tour № 27, лично, въ присутствіи нижеподписавшихся свидѣтелей, принялъ отъ означенной дамы ея послѣднюю волю, которую буквально передалъ здѣсь, слѣдующимъ образомъ:

«Я Элеонора—Сусанна Гитра де-ла-Клавьеръ, вдова покойнаго Степана-Фелиціана Жюлю-де-ла-Клавьеръ, имѣя 72 года отъ роду, зная, что вѣтъ ничего непрочнѣе жизни и ничего прочнѣе смерти, сдѣлала слѣдующія распоряженія:

«Сплт. духовнымъ завѣщаніемъ назначаю мнѣ единственнымъ наслѣдникомъ, по причинѣ его искренней и постоянной привязанности ко мнѣ, господина Викентія—Смарагда Турвишона, живущаго въ Тулузѣ, въ улицѣ Мага, № 13,—съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ:

1) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ тысячу франковъ, г. аббату Жюлю де-ла-Клавьеръ, моему племяннику, діакону въ семинаріи тулузской, въ улицѣ du Tour, 16;

2) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ тысячу фр., дѣвицѣ Луизѣ Жюлю де-ла-Клавьеръ, моей племянницѣ, живущей со мною, въ улицѣ du Tour, № 27;

3) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ 350 фр., Мадеттѣ Роменга, моей служанкѣ, изъ деревни Балкабріера.

«Какое духовное завѣщаніе, я нижеподписавшійся нотаріусъ, записалъ и перенесъ на сію бумагу, дабы оно имѣло силу тамъ, гдѣ надлежитъ.

(Слѣдуютъ подписи).

Съ копіею вѣрно: Дюбурде, нотаріусъ.

Бумага была тщательно уложена въ большой портфель.

— Хорошо, отецъ Бриффаръ, сказалъ начальникъ: — какую цифру составляетъ это состояніе, если исключить плату пенсіонновъ?

— Г. Турвишонъ опредѣляетъ его въ 450 т. франковъ.

— И завѣщательница скоро умретъ?

— Она уже едва дышетъ.

— Теперь мы можемъ начать нашу постройку; какъ вы полагаете, отцы мои?

Понятно, что въ отвѣтъ почтенныхъ членовъ совѣта послышалось единогласное одобреніе.

Начальникъ встаетъ. Всѣ становятся на колѣнп. Теплая молитва возносится къ небу, за то, что онъ такъ очевидно покро-

вительствуетъ святымъ отцамъ и расточаетъ имъ блага этого міра, отъ которыхъ каждый изъ нихъ, произнося объѣтъ нищеты, отказывается съ такимъ самоотверженіемъ.

Въ это время тулузскимъ архіепископомъ былъ кардиналъ Карлъ Фламаранъ, представлявшій собою странное смѣшеніе аристократа, епископа и умнаго человѣка. Іезуитовъ онъ ненавидѣлъ отъ всей души, но оффиціально выражался о нихъ съ самою теплою симпатіею. Они платили ему тою же монетою. Незадолго до постриженія Жюліо, мѣсто секретаря при архіепископѣ сдѣлалось вакантнымъ. Претендентовъ было много. Іезуиты со своей стороны рекомендовали на эту должность молодого аббата Лурсона, но, въ самый день этой рекомендаціи, кардиналъ узналъ всѣ подробности дѣла іезуитовъ съ г-жею Клавьеръ, честная натура его возмущалась, и чтобы отомстить іезуитамъ, онъ назначилъ Жюліо своимъ секретаремъ. Іезуиты заводивались. Начальникъ ихъ бросился къ маркизѣ Массаль, ханжѣ, игравшей въ Тулузѣ важную роль и имѣвшей вліяніе на архіепископа; маркиза обѣщала похлопотать, но скоро увѣдомила, что архіепископъ на огрѣзъ отказалъ ей. Тогда члены іезуитскаго совѣта рѣшились во 1-хъ дѣйствовать на новаго секретаря лестью, а во 2-хъ тщательно слѣдить за всѣми его поступками и даже словами и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы погубить его.

Постриженіе Жюліо въ священника совершилось съ большимъ торжествомъ; іезуиты разсыпались передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ. Въ числѣ присутителей былъ и другъ Жюліо, уже известный намъ Вердонъ. Здѣсь онъ увидѣлъ въ первый разъ Луизу и влюбился въ нее.

По мѣрѣ того, какъ Жюліо пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на дѣла, ненависть къ нему іезуитовъ возрастала. Архіепископу то и дѣло нашептывали въ уши, что онъ погубить себя съ такимъ секретаремъ. Наконецъ Жюліо былъ приглашенъ. Произносили проповѣдь по случаю освященія нѣсколькихъ церквей. Послѣ нѣсколькихъ отказовъ Жюліо, наконецъ, согласился, и въ проповѣди своей говорилъ о духовномъ значеніи церкви, о несомѣстности ея съ свѣтскимъ элементомъ, о ея прошедшемъ величій, настоящихъ страданіяхъ, будущихъ надеждахъ. Рѣчь его, въ которой онъ становился въ разрѣзъ съ возрѣвными и цѣлями іезуитовъ, а слѣдовательно и большинства городскаго населенія, произвела непріятное впечатлѣніе и послужила его врагамъ поводомъ къ погубленію его. Но покаместъ они не дѣйствовали открыто и въ глаза льстили Жюліо. Послѣ чтенія проповѣди у главнаго священника церкви былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и молодой проповѣдникъ; здѣсь его осыпали похвалами и лестью. Во время обѣда разговоръ зашелъ объ интригахъ іезуитовъ и о ихъ искусныхъ дѣйствіяхъ (главный священникъ былъ не іезуитъ и гости его не были расположены къ этому сословію). Вотъ любопытнѣйшія мѣста изъ этого разговора:

— Иезуиты погубятъ себя — говорилъ г. Дюпейра, одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ Тулузы. Они торжествуютъ при настоящемъ порядкѣ вещей, и настоящій порядокъ убьетъ ихъ. Побѣду, которую эта, обучающая юношество, корпорація одержала надъ университетомъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ, будетъ пагубна для нея. Тутъ въ ходу могущественная ненависть, которую сдерживаетъ покаместъ сильная рука, держащая во Франціи бразды правленія. Но новые интересы, порожденные столкновениями, которыхъ мы не можемъ предвидѣть, могутъ привести къ разнымъ видамъ политическаго антагонизма. Тогда взрывъ этой ненависти будетъ страшенъ. И даже нынѣшнее торжество иезуитовъ, проявляющееся въ этихъ колоссальныхъ постройкахъ, занявшихъ собою все пространство Франціи, будетъ причиною катастрофы. Я увѣренъ, что во Франціи они проживутъ еще лѣтъ двадцать, не больше.

Одинъ изъ гостей, г. Меланъ, спросилъ у Жюліо его мнѣніе о тайной организаціи общества иезуитовъ.

— Правда ли — спрашивалъ онъ — что у нихъ существуютъ особенная присяга, тайное посвященіе, котораго удостоиваются только начальники ордена, тайна, которая довѣряется только этимъ посвященнымъ? Я долго не вѣрилъ этому; но на большія размышленія по этому поводу навели меня нѣсколько словъ Ламиза, сказанныхъ имъ въ то время, когда онъ былъ въ самомъ сильномъ жару ультрамонтанизма, и когда, слѣдовательно, его свѣдѣтельство никакимъ образомъ не могло показаться сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ отдавалъ полную справедливость частнымъ добродѣтелямъ иезуитовъ. Если я не ошибаюсь, такъ вотъ эти слова: «У нихъ существуетъ тайна, и многимъ изъ знающихъ ее очень тяжело умѣть сохранить ее». Онъ приводитъ даже по этому случаю латинскую поговорку: *Jura per jura, decretum prodere noli*.

— Я былъ пораженъ не менѣе васъ — отвѣчалъ Жюліо — этими словами знаменитаго писателя. Не думаю, однако, что у иезуитовъ существуетъ цѣлый рядъ посвященій въ тайны, какъ въ тайныхъ обществахъ. Вотъ что я узналъ отъ одного священника изъ ихъ среды, который вышелъ, наконецъ, изъ нея, потому что ему надоѣло постоянное безпокойство, сопряженное съ системою иезуитскаго шпионства. Пока вы не занимаете въ орденѣ одного изъ первыхъ мѣстъ, то не принимаете никакого участія въ томъ, что касается духовнаго и свѣтскаго управленія этого общества; младшіе члены знаютъ въ этомъ отношеніи такъ же мало, какъ

и посторонние люди; они понимают только, что на вершинѣ ихъ корпораціи поставлена сильная организація, страшный двигатель могущественной машины, при которой работаетъ и самъ генералъ. Нравственную силу этой системы составляетъ знаменитая аксіона, выражающая весь духъ общества: «*perinde ac cadaver*. Это—пассивное послушаніе, благоговѣнное вниманіе къ полученному приказанію, которое даже въ устахъ начальника считается выраженіемъ воли божьей. Каждый іезуитъ есть, самъ того не подозрѣвая, сеидт, который выходитъ изъ дому въ назначенный часъ и отправляется или читать лекціи въ коллегіи, или держать проповѣдь въ соборѣ, или совершать миссію въ какой нибудь деревенской церкви, или обращаться въ свою семью дикарей въ иноземныхъ государствахъ. Собственно говоря, онъ не іезуитъ, а священникъ, какъ и всѣ другіе, котораго аристократическое сословіе ордена держитъ у себя въ услуженіи. Это управленіе кажется сколкомъ съ управленія венеціанской республики: на вершинѣ стоитъ олигархія, составляющая сенатъ изъ настоящихъ іезуитовъ; всѣ остальные люди служатъ только слѣплыми агентами ея, чернью, у которой только одна обязанность—повиноваться... «У насъ—говорилъ мнѣ мой другъ—священникъ—іезуитъ лично можетъ быть какого ему угодно образа мыслей. Онъ можетъ быть абсолютистомъ, демократомъ, галиканцемъ, ультрамонтанномъ. Орденъ обращаетъ мало вниманія на его личныя убѣжденія. У ордена есть свои воззрѣнія, которыя извѣстны только въ верхнемъ слою его и которыхъ онъ не сообщаетъ никому и никогда. Всѣ эти воззрѣнія онъ осуществляетъ съ помощью всѣхъ отдѣльныхъ личностей, у которыхъ требуетъ только одного—повиновенія... Вы видите изъ этого, что не совсѣмъ правы тѣ, которые говорятъ, что у іезуитовъ есть свои тайны; у нихъ есть только управленіе, планы котораго всегда остаются скрытыми. Единственною цѣлью этихъ плановъ служить достиженіе величія ордена какими бы то ни было средствами. Не думаю, чтобы въ таинственности, которою окружаетъ себя іезуитская олигархія, заключалось что нибудь другое.

«Что касается до внутренней жизни черни, составляющей большинство ордена, то она дѣлаетъ мало чести нравственности іезуитовъ, но доказываетъ большой навыкъ къ политическому макіавелизму. Основаніемъ ея служитъ вѣчное шпионское наблюденіе одного члена за другимъ,—и это совершенно открыто. То что вы сдѣлали, будетъ извѣстно начальнику; обо всемъ, что, вашъ братъ дѣлаетъ подлѣ васъ, вы должны также доносить,

чтобы—такъ мотивируетъ іезуитскій кодексъ шпіонства — этимъ доносомъ помогать исправленію и нравственному возвышенію вашего брата. Начальникъ знаетъ все, угадываетъ все, видитъ все. Изъ этого происходитъ жизнь, полная несносныхъ ссоръ, болѣе или менѣе справедливыхъ упрековъ, причиною которыхъ служатъ болѣе или менѣе пристрастныя замѣчанія людей, доносчиковъ о вашемъ поведеніи.

«Таково внутреннее управленіе въ семействахъ іезуитовъ. Не этотъ ли порядокъ Ламне называлъ чѣмъ то противоположнымъ?»

«Что касается до всемірной полиціи іезуитовъ, то она организована не хуже полиціи самыхъ могущественныхъ государствъ. Я думаю даже, что у нея есть драгоценный и неистощимый источникъ свѣдѣній, котораго лишены правительственныя полиціи; это—тысяча свѣдѣній, получаемыхъ ею посредствомъ исповѣди. Извѣстно, что іезуитъ соглашается сдѣлаться духовникомъ свѣтской женщины только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она сказала ему свое имя, опредѣлила свое состояніе, познакомила съ политическими убѣжденіями своего мужа, назвала газеты, которыя получаютъ въ ихъ домѣ, школу, въ которой воспитываются ихъ дѣти. Очевидно, что это вѣрное средство — узнать въ короткое время всю внутреннюю жизнь семейства такъ, какъ не можетъ узнать никакая полиція.

«Чтобы не скрыть истины, я долженъ прибавить, что іезуиты, занимающіеся этимъ шпіонствомъ, въ донесеніяхъ къ своимъ начальникамъ всегда руководятся мыслью — быть полезными религіи и содѣйствовать возвеличенію славы божіей. Тутъ человѣческія средства употребляются на служеніе священнаго дѣла. Такой способъ дѣйствій іезуиты признаютъ вполне законнымъ. Къ несчастію для нихъ и для тѣхъ, которые не понимаютъ всей гнусности этой системы, люди, живущіе внѣ религіознаго вліянія, пытаются къ іезуитскому образу дѣйствій неодолимое отвращеніе. Честныя души не хотятъ допустить, что можно прибѣгать къ низкимъ средствамъ для достиженія доброй цѣли. Они удивляются особенно возможности увлечь честную натуру къ исправленію гнуснаго ремесла, удивляются тому, что можетъ существовать метода, достаточно могущественная для того, чтобы заставлять признавать хорошимъ и благороднымъ то, что въ сущности подло и постыдно. Вотъ что, по всей вѣроятности, Ламне называлъ «чѣмъ-то противоположеннымъ».

«Вот мой отвѣтъ. Надо вамъ еще знать, что многое изъ того, что я сказалъ вамъ о иезуитахъ, основано мною на простыхъ догадкахъ. Я убѣжденъ только, что не наклеветалъ вамъ на нихъ...»

Враги Жюлио не дремали. Архіепископъ выдерживалъ нападенія со стороны своей сестры, имѣвшей на него вліяніе и бывшей на сторонѣ иезуитовъ, получала разные записки и наконецъ получала письмо, въ которомъ иезуиты грозили ему апелляціею къ папѣ. Это такъ потрясло старика, что съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Но онъ прожилъ еще нѣсколько часовъ, и передъ смертью послалъ за Жюлио, которому открылъ всю свою душу. Въ этой исповѣди архіепископъ сознался, что онъ «противъ своего желанія и съ сильнымъ отвращеніемъ шелъ въ продолженіе сорока лѣтъ по опасному пути, на который вступило католическое духовенство»; что дѣлалъ онъ это только для того, чтобы добиться почестей; что онъ обвиняетъ себя въ лицемеріи и привязанности къ вѣшнему блеску, къ вѣшнимъ религиознымъ формамъ, завѣщаннымъ средними вѣками; что онъ защищалъ принципъ о свѣтской власти папы вопреки всѣмъ своимъ убѣжденіямъ. Въ заключеніе исповѣди архіепископъ высказалъ свои убѣжденія и надежды на будущее; вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній: «Я убѣжденъ, что христіанству предстоитъ громадная реформа; все зданіе мистицизма, поэзіи, вѣшнихъ блестящихъ формъ, говорящихъ только вѣшнимъ чувствамъ, скоро рухнетъ. Удѣлеть только дѣйствительно-великое, — нетлѣнное евангеліе, великій законъ взаимной любви людей.. Я долженъ предостеречь христіанское общество отъ сближенія съ религиозными орденами и въ особенности съ обществомъ иезуитовъ, ревностию всѣхъ стремящихся къ достиженію всемірнаго владычества... Я наружно поддерживалъ этотъ орденъ; этого требовала общая система, которой я имѣлъ несчастье служить. Но я глубоко убѣжденъ что религиознымъ орденамъ уже не долго остается существовать... «Умирающій просилъ Жюлио сдѣлать его исповѣдь гласною, и Жюлио твердо рѣшился исполнить это завѣщаніе. Сначала онъ пересказалъ его слово въ слово нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, и скоро сотни переписанныхъ экземпляровъ разошлись по городу. Понятно, какое дѣйствіе все это произвело на иезуитовъ; газетные органы ихъ партіи объявили это завѣщаніе поддѣльнымъ, назвали его умышленнымъ пасквилемъ. Положеніе Жюлио ухудшалось, тѣмъ болѣе, что до выбора новаго архіепископа, эту должность занималъ аббатъ Гагюэль, другъ иезуитовъ. Но Гагюэль не хотѣлъ еще принять противъ Жюлио рѣшительныя мѣры и ждалъ, чтобы тотъ осуществилъ свое намѣреніе — напечатать завѣщаніе архіепископа. Товарищемъ Жюлио по предстоящему изданію былъ Вердонъ, который, какъ мы видели, былъ влюбленъ въ сестру своего друга. Она тоже замѣтила его

и тоже начинала любить, въ свидѣніе чего и объявила своему духовнику, уже известному намъ Бригггару, что не желаетъ посвятить себя монастырской жизни. Когда Жюліо уѣхалъ въ свѣтъ завѣщаніе кардинала, Луиза и Верделонъ были уже совсѣмъ влюблены другъ въ друга, а архіепископскую должность занималъ Ле-Крикъ, бывшій люсонскій епископъ. Уже черезъ нѣсколько дней по вступленіи въ должность онъ отпаялъ у Жюліо мѣсто секретаря и назначилъ его священникомъ въ одну изъ городскихъ церквей. Нѣсколько поступковъ Жюліо, одна проповѣдь его, а наконецъ и изданіе завѣщанія окончательно вооружили противъ него новаго архіепископа, и онъ приказалъ ему отправиться священникомъ въ село С. Авентенъ, лежащее въ пиринейскихъ горахъ. Жюліо поехалъ и продолжалъ поселять между своими прихожанами тѣ идеи, которыя навлекли на него столько преслѣдованій. Въ С. Авентенѣ враги Жюліо также не дремали. Насмѣшки его надъ чудомъ, привидѣвшимся Лизеттѣ Кабару, послужили поводомъ къ новому доносу на него; въ этотъ доносъ было включено также обвиненіе, что разъ у него въ домѣ переночевала женщина. Женщина дѣйствительно ночевала, но это была бѣдная дѣвушка, которую Жюліо пріютилъ на одну ночь вмѣстѣ съ ея любовникомъ, молодымъ священникомъ, для того, чтобы спасти ихъ обоихъ отъ позора и наказанія.

Между тѣмъ какъ въ частной жизни Жюліо одна непріятность сдѣлалась другою, въ Европѣ совершился одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ современной исторіи. Дѣйствія искусной дипломатіи успѣли склонить Францію оказать могущественную помощь дѣлу эманципаціи сѣверной Италіи. Наполеонъ III, горя нетерпѣніемъ сойти съ дороги, на которой погубили себя Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ, угрожаемый тѣмъ духомъ новаго времени, который кричитъ политическимъ предводителямъ передоваго народа: «впередъ!» и безжалостно свергаетъ ихъ, когда они отступаютъ, — смѣло принялъ участіе въ великомъ дѣлѣ италіанской революціи. Неупрекленная личная энергія была необходима ему для того, чтобы побѣдить ту оппозицію этому воинственному рѣшенію, которую онъ встрѣчалъ повсюду. Онъ не послушалъ ни увѣщаній, ни совѣтовъ друзей, ни зловѣщихъ предсказаній. Онъ повѣрилъ своей счастливой звѣздѣ и отправился. Черезъ два мѣсяца, Маджента и Солферино покрыли славою Наполеона III. Австрію оттиснули за венеціанскія укрѣпленія. Ломбардія, Тоскана, Пьемонтъ составили могущественное государство подъ скипетромъ Виктора-Эммануила, и императоръ остановился только въ виду важнаго усложненія обстоятельствъ, грозившаго Европѣ общемою войною; онъ предоставлялъ времени, но своему одерживающему

побѣды, заботу окончательнаго осуществленія наполеоновской программы.

На другой день послѣ вишафранкскаго мира, побѣдитель формулировалъ новый планъ, который онъ составилъ для того, чтобы дать политическую жизнь полуострову, освобожденному отъ австрійскаго вѣга. Этотъ планъ, согласовавшійся съ старыми идеями италянскихъ патриотовъ, состоялъ въ образованіи конфедераціи, въ которую входили папа, императоръ австрійскій, какъ владѣтель Венеціи, король неаполитанскій, великій герцогъ тосканскій и король пьемонтскій.

Проектъ этотъ, по видимому очень логическій, основанный даже на мнѣніяхъ, господствовавшихъ до того времени между публицистами, не могъ быть принятъ. Примѣненіе его на практикѣ было бы сопряжено съ неодолимыми затрудненіями. Положительный смыслъ италянскихъ дипломатовъ отвергнулъ его. Бываетъ время, когда мысль народа свѣтло и энергично воплощается въ головѣ нѣсколькихъ людей. Идея италянскаго единства сдѣлалась господствующею; публицисты, упорно возстававшіе противъ нея, открыто примкнули къ ней, и человѣкъ, который, какъ извѣстно, менѣе всего готовъ отказываться отъ разъ задуманнаго плана, заставилъ свою всемогущую волю склониться предъ голосомъ еще болѣе могущественнымъ — голосомъ общенациональнаго мнѣнія.

Жюліо слѣдилъ за всѣми сценами этой драмы; онъ предвидѣлъ ея развязку.

«Это—писалъ онъ своему другу Верделону—конецъ свѣтской власти папы. Съ вершины С. Авентенскихъ утесовъ я вижу, какъ собирается гроза, и папскій Римъ будетъ унесенъ вихремъ ея. Папство могло произвести италянскую революцію въ свою пользу; это была мысль патера Вентуры и патриотовъ, желавшихъ поставить Пія IX во главѣ движенія Италіи противъ Австріи. Очень христіанская сама по собѣ, но пустая въ политическомъ отношеніи мысль папы—не боевать съ Австріею подъ тѣмъ предлогомъ, что папа не можетъ нападать на католическія государства,—лишила папскую тиару уже двухъ коронъ; скоро на головѣ папы останется только шапка римскаго епископа. Эмансипація Италіи совершится болѣе или менѣе миролюбиво; но свѣтская власть будетъ принесена въ жертву. Побѣдитъ ли Викторъ-Эммануилъ съ своими конституціонными идеями, или Мадзини съ идеями республиканскими,—слѣдствіемъ революціи во всякомъ случаѣ будетъ италянское единство.»

Итальянская революція, грозившая такими послѣдствіями, должна была вызвать въ католическомъ духовенствѣ сильный взрывъ ненависти противъ восторжествовавшей партіи и безпокойства насчетъ владѣнія клочкомъ земли, оставленнымъ Пію IX. Это безпокойство проявилось въ офціальныхъ издазіяхъ папской партіи и вся ненависть ея обрушилась на Наполеона III, котораго духовенство упрекало въ нарушеніи формальнаго обязательства—щадить цѣлость папскихъ владѣній.

Такимъ образомъ, между духовенствомъ и имперіею завязалась просто свалка. Жюліо изучалъ съ терпѣніемъ анатома фазы внутренней борьбы, опасной для имперіи больше, чѣмъ война съ Австріею на полѣ битвы; письма его къ Верделону могли бы послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія современной исторіи.

«Чтобы понять настоящій кризисъ — говорплъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—надо не забыть, что вся система управленія церкви папою и епископами основана въ наше время на царственномъ характерѣ папскаго владычества. Но въ тотъ день, когда эта царственность падаетъ, папа становится простымъ епископомъ и обращается въ духовнаго владыку, и все государство его составляютъ души людей, и всю силу—та, которую ему доставляетъ исполненіе его пастырской должности. Это измѣненіе въ Римѣ влечетъ за собою измѣненіе во всемъ католицизмѣ. За земнымъ великолѣпіемъ, за виѣшними и свѣтскими почестями низа общественною и полуполитическою ролью епископства злѣдуетъ жизнь скромная, посвященная заботѣ о душахъ, антипатичная по своей природѣ всему, что зовется въ свѣтѣ славой и величіемъ. Такимъ образомъ логическимъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ паденія свѣтской власти папы будетъ одухотвореніе свѣтскаго элемента въ духовномъ сословіи, начиная отъ папы, кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ и кончая самымъ маленькимъ священникомъ.»

«Между тѣмъ высшему духовенству ничто не противно такъ, какъ эта реформа, которой заставить его подчиниться неумолимая логика фактовъ. Оно дрожитъ отъ гнѣва при одной мысли объ этомъ роковомъ переворотѣ. Ультрамонтаны осыпаютъ самыми страшными проклятіями человѣка, бывшаго орудіемъ этой радикальной духовной революціи.»

Верделонъ не держалъ въ тайнѣ всѣхъ писемъ Жюліо. Онъ съ гордостью показывалъ ихъ болѣе развитымъ жителямъ Тулузы. Они начали даже ходить по городу въ спискахъ. Префектъ де

парламента, въ своихъ донесеніяхъ министру внутреннихъ дѣлъ, говорилъ о Жюліо, какъ объ одномъ изъ тѣхъ передовыхъ людей въ средѣ духовенства, которые не только не принимаютъ участія въ опасныхъ интригахъ своихъ собратьевъ, но напротивъ того видятъ въ итальянскихъ событіяхъ начало системы, болѣе благоприятной для развитія идеи христіанства.—За то іезуиты и ультрамонтантская партія все болѣе и болѣе ненавидѣли Жюліо. Тулузскій архіепископъ то и дѣло получалъ жалобы на этого молодого священника, осмѣливагося думать не такъ, какъ думали папа и епископы, опасныя письма котораго ходили по городу, и который не боялся строить алтарь противъ алтаря. Тайная полиція іезуитовъ получила отъ своего начальства приказаніе добыть эти страшныя письма; о нихъ даже много говорилось въ донесеніяхъ генералу іезуитовъ, который, чтобы окончательно погубить явнаго противника ордена, сказалъ о немъ кардиналу Антонелли.

Кардиналъ похвалилъ высокопреподобнаго отца за его усердную привязанность святому престолу, но сообразно съ осторожными привычками римскаго двора отвѣчалъ, что св. отецъ только тогда можетъ оффиціально дѣйствовать, когда будетъ имѣть въ рукахъ письменныя доказательства.

— Вы понимаете, ваше высокопреосвященство—сказалъ генералъ—что если мы допустимъ, чтобы виѣ высшаго духовенства, твердо стоящаго за принципъ свѣтской власти св. престола, въ второстепенномъ французскомъ духовенствѣ образовалось мнѣніе, противное взглядамъ Рима,—то это мнѣніе скоро одержитъ верхъ во Франціи, гдѣ люди такъ восторженно принимаютъ новыя идеи. Въ духовенствѣ образуется страшный расколъ; горячія головы, похожія на этого негодяя Жюліо, сдѣлаются агентами партіи, теперь принужденной молчать, и наполнять католицизмъ смутами. Надо дѣйствовать, ваше высокопреосвященство, надо нанести рѣшительный ударъ.

— Все это совершенно справедливо, высокопреподобный отецъ, но добудемъ сначала письма аббата Жюліо.

Мы давно уже оставили тетку и сестру Жюліо. Возвращаемся къ нимъ для того, чтобы сказать, что старуха, скоро послѣ составленія духовнаго завѣщанія, умерла. Не задолго передъ ея смертію, Луиза писала своему брату, но Турнишовъ, не отходявшій отъ умиравшей ни на шагъ, перехватилъ письмо, такъ что когда Жюліо пріѣхалъ по второму письму,

извѣщавшему объ агоніи старухи, то уже не засталъ ее. Турнишонъ объявилъ ему, что единственный наследникъ онъ, Турнишонъ; Верделонъ, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же объявилъ, что это штука іезуитовъ и что, по его мнѣнію, необходимо начать процессъ. Передъ выѣздомъ изъ дома тетки, Жюліо и Луиза узнали отъ Мадлетты, что предположеніе Верделона было вполнѣ справедливо. Между прочимъ служанка рассказала, что г-жа Клавьеръ, незадолго до своей смерти, почувствовала угрызеніе совѣсти и захотѣла измѣнить завѣщаніе. Мадлетта была послана ею за нотаріусомъ, но сочла долгомъ предупредить Турнишона. Агентъ іезуитовъ до того напугалъ старуху религиозными увѣщаніями, что, когда нотаріусъ пришелъ, она извинилась передъ нимъ, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Узнавъ обо всемъ этомъ, Верделонъ твердо рѣшился затѣять процессъ: онъ очень любилъ Луизу, но безъ приданого ни за что не взялъ бы ее. Жюліо и Луиза дали ему довѣренность и уѣхали въ С. Авентень.

Вѣсть о нашествіи Верделона скоро дошла до іезуитовъ. Они пришли въ сильное волненіе. Дѣло шло не только объ отнятіи хорошаго денежнаго куша, но и о ихъ чести. Надо было во чтобы то ни стало выиграть процессъ. Отъ агентовъ своихъ члены совѣта узнали, что все дѣло испортила Мадлетта; поэтому слѣдовало заставить ее отречься предъ судомъ отъ своихъ послѣднихъ показаній о желаніи г-жи Клавьеръ измѣнить завѣщаніе. Для достиженія этой цѣли были выбраны патеръ Кандаль и графиня ***,—личности очень интересныя, съ которыми мы познакомимъ читателей словами автора романа:

Патеръ Кандаль не принадлежалъ къ тулузскому духовенству, но во время одного поста онъ проповѣдывалъ въ Тулузѣ и имѣлъ успѣхъ, которому іезуиты отчасти позавидовали. Выписали его по настоянію дамъ высшаго круга, которыя проводили каждую зиму въ Парижъ и не переставали восторгаться талантомъ патера Кандалья. Эти похвалы повторялись въ кругу чиновномъ и богатыхъ негоціантовъ, и скоро ханжи всѣхъ классовъ стали требовать патера Кандалья. Іезуиты умѣютъ уступать, когда надо. Желанный проповѣдникъ пріѣхалъ; успѣхъ его превзошелъ ожиданія іезуитовъ, и они дали себѣ слово больше не выписывать его. При томъ же, орденъ начиналъ смотрѣть на него довольно косо. Онъ долго былъ баловнемъ ордена. Ораторы рѣдки въ этомъ знаменитомъ обществѣ; все ограничивается двумя или тремя именами. Патеръ Кандаль, человѣкъ довольно хитрый, понималъ, что онъ необходимъ іезуитамъ, и не много злоупотреблялъ своимъ положеніемъ. Оставаться іезуитомъ онъ былъ вполнѣ готовъ, потому что зналъ, что съ такимъ талантомъ, какой былъ у него, іезуитскій проповѣдникъ сразу дѣлается знаменитымъ, то-

гда какъ свидѣнику изъ бѣлаго духовенства нужны цѣлые годы, чтобы составить себѣ имя; а нашъ патерь любилъ легкія побѣды; но онъ не принималъ въ особенно серьезномъ смыслѣ знаменитыхъ словъ «reginde ac cadaver». Его ораторскіе усилія, его вліяніе на женщинъ большаго свѣта вскружили ему голову. Какъ-то былъ фатъ и не стѣняясь говорилъ, что еслибы, подобно патеру Лео...., онъ захотѣлъ разыграть себя въ лотерею, то женскіе копилки доставили бы ему столько денегъ, что на нихъ онъ могъ бы выстроить храмъ больше и красивѣе св. Петра въ Римѣ. Все это начинало не нравиться іезуитамъ. Они позволили ему быть датскимъ проновѣдникомъ, но находили, что онъ слишкомъ злоупотребляетъ своею ролью. Увѣрили даже, что у этого красавца—іезуита была въ Парижѣ особенная маленькая квартира, въ которой онъ занимался обращеніемъ на путь истины прекрасныхъ грѣшницъ. Іезуиты сильно дорожатъ своею нравственною репутаціей, и въ совѣтѣ ихъ не разъ разсуждали о средствахъ сдержать этого бѣдоваго мальчика, который былъ еще нуженъ имъ на нѣкоторое время, но который, по ихъ мнѣнію, могъ наконецъ скомпрометировать весь орденъ.

Графиня *** пользовалась въ Тулузѣ уваженіемъ всего общества и особенно духовенства. Ей было около пятидесяти лѣтъ. Сердце ея было холодно, а умъ—пылокъ; экзальтація, до которой она доходила въ своихъ принципахъ и мнѣніяхъ, не имѣла предѣловъ. Вся страстность, бывшая въ ея натурѣ, сосредоточивалась у нея въ головѣ и изливалась въ пламенныхъ рѣчахъ. Родители выдали ее въ 15 лѣтъ за старика, но знатнаго и имѣвшаго 60 т. ливровъ дохода. Бракъ былъ для нея ни чѣмъ инымъ какъ испытаніемъ, въ которомъ жестокое чувство отвращенія раздробило всѣ ея чувства. Оставшись вдовою въ двадцать лѣтъ, она не захотѣла искать во второмъ бракѣ то счастье, котораго не встрѣтила въ первомъ. Въ это время она была уже въ полной зависимости отъ отца Бонифація, самаго продувнаго іезуита. Онъ очень хорошо понималъ, какія выгоды братство могло извлечь изъ вдовы богатой, знатной, пылкой и надѣленной твердою волею, и поэтому старательно примѣнялъ къ дѣлу правила устава «*Monita secreta*», касающіяся *способа ухода за вдовами и распоряженія ихъ имуществомъ*. Іезуиты часто оспаривали подлинность этихъ инструкцій. Но если ихъ написали не сами предположенные отцы, то можно смѣло сказать, что онѣ были начертаны на основаніи ихъ дѣйствій.

Графиня продолжала жить въ свѣтѣ, но выказывала строгость нравовъ, доходившую до крайности. Ея безукоризненное поведение внушало ей совершенно фарисейскую гордость, она не хотѣла сознаться самой себѣ, что вся добродѣтель ея происходила главнымъ образомъ отъ холодности ея сердца и отъ того отталкивающего впечатлѣнія, которое она производила почти на всѣхъ надменнымъ выраженіемъ своего лица. Она торжествовала безъ всякой опасности для себя, но и не безъ славы, чему способствовала стоустая молва, разносившаяся преподобными отцами. Они сумѣли поставить ее на пьедесталъ, и вся Тулуза поклонялась ей. Наконецъ іезуиты такъ отлично воспользовались недостатками и достоинствами графини, что приобрѣли неограниченное вліяніе на ея умъ.

Она вступала въ тотъ періодъ, въ которомъ женщины иногда во второй разъ становятся молодыми. Она немного пополнѣла и это сгладило въ ея лицѣ слишкомъ рѣзкія и угловатыя черты. Обыкновенно эта метаморфоза дѣлается въ сорокъ лѣтъ... Ларош-фуко сказалъ: «въ жизни женщины всегда наступаетъ минута, когда самой честной надоѣдаетъ ея добродѣтель». Эта минута—та, въ которую женщина еще хороша, но должна начать дурнѣть. Самыя цѣломудренныя и самыя набожныя не освобождаются отъ этого состоянія. Графиня тоже чувствовала борьбу своей холодной природы съ женскимъ кокетствомъ, которое она считала давно уже подавленнымъ. Она почувствовала, что ей необходимо необыкновенное движеніе и объявила, что каждую зиму будетъ четыре мѣсяца проводить въ Парижѣ. Преподобные отцы знаютъ сердце человѣческое вообще и женское въ особенности. Они предвидѣли кризисъ, совершившійся въ графинѣ. Они увидѣли первые признаки его; надобно было помѣшать его развитію. Поѣздки въ Парижъ могли быть опасными. Святые отцы предупредили опасность, поручивъ графинѣ заниматься съ парижскими іезуитами разными дѣлами, касающимися интересовъ ордена. Этими льстили ея самолюбію и давали пищу жаждѣ дѣятельности, которая могла повернуть на другую дорогу. Патеръ Капдаль, въ то время бывший въ большой славѣ, былъ введенъ въ домъ графини. Она услышала его проповѣдь, и ея энтузіазмъ къ нему дошелъ до крайней степени. Патеръ былъ любезенъ, хорошъ, онъ привыкъ жить въ свѣтѣ, умѣлъ говорить съ женщинами, льстить имъ, обходиться съ ними съ тою любезностью, свойственною нѣкоторымъ священникамъ, которая никогда не выходитъ изъ позволенныхъ границъ, но носить на себѣ совер-

ненно свѣтскій отгѣнокъ. Преподобные отцы всегда держуть у себя такихъ салонныхъ іезуитовъ и главнымъ образомъ поручаютъ имъ дѣйствовать на старѣющихъ вдовъ, которыхъ бракъ, капризъ, минута скуки своею добродѣтелью, могутъ навсегда освободить отъ ихъ вліянія. Извѣстны стишки, которые писалъ патеръ Лемуанъ для одной свѣтской женщины, стихи, въ которыхъ онъ сравнивалъ щеки ея съ щеками херувамовъ. Патеръ Кандаля довершилъ дѣло, начатое тулузскими іезуитами. Рѣшительная побѣда была одержана надъ свѣтомъ, готовившимся снова схватить свою жертву.

Этому-то патеру Кандаля было поручено во что бы то ни стало устроить дѣло такъ, чтобы Мадлетта отреклась отъ своихъ показаній. Онъ въ свою очередь прибѣгнулъ къ своей графинѣ, которая хорошо знакома съ Жюліо и Луизой и знала тоже Мадлетту. Глухую служанку не трудно было одурачить,—и она дала слово заявить въ судѣ все, что было необходимо для успѣха дѣла. Между тѣмъ обсужденіе процесса приближалось; архіепископъ призывалъ къ себѣ Жюліо и убѣждалъ его отказаться отъ своихъ притязаній; Жюліо остался непреклоненъ. Судъ происходилъ 6 сентября 1860 г.; адвокатомъ Жюліо и Луизы былъ Верделонъ. «Въ своей рѣчи—говоритъ авторъ романа—Верделонъ вѣвалъ вопросъ очень широко. Перейдя отъ частныхъ обстоятельствъ дѣла къ соображеніямъ общимъ, онъ показалъ, какъ іезуиты во всѣхъ городахъ Франціи употребляютъ одну и ту же систему для своего обогащенія — систему устрашенія женщинъ ужасами, придуманными религіею для отнятія у нихъ золота, находящихся въ ихъ распоряженіи драгоценныхъ камней, украшеній, какъ суетныхъ вещей, которыхъ не надо держать у себя. Онъ рассказалъ, какъ патеръ Кандаля триумфаторомъ развѣзжалъ по Франціи и раскладывалъ въ аристократическихъ салонахъ дорогіе уборы, цѣнные кружева, всевозможныя украшенія, которыя его краснорѣчье исторгло изъ рукъ мірянъ. Онъ указывалъ на фактъ, невѣроятный въ XIX вѣкѣ—на предложеніе іезуита разыграть себя въ лотерею, т. е. отдать себя на нѣсколько дней въ полное распоряженіе выигравшаго. Исторію эту въ свое время рассказали всѣ газеты, и достоверность ея не подлежитъ сомнѣнію. Билеты продавались по 100 франковъ, покупать ихъ могли только дамы. И эта покупка дѣйствительно совершилась въ ультра-религіозномъ кругу Парижа. Лотерея была разыграна, и преподобный отецъ отдалъ себя въ распоряженіе дамы, выигравшей его. Верделонъ указалъ на города Марсель, Лионъ, Пуатье и пр. и пр., въ которыхъ почти такія же штуки, за исключеніемъ развѣ розыгрыша въ лотерею живаго іезуита, дѣлались іезуитами въ глазахъ всей Франціи,

Отд. I.

къ большому неудовольствію свѣтскаго духовенства, которое негодуетъ, но обязано молчать предъ этими могущественными властителями». Кра-своръчіе это, однако, не помогло; Мадлетта не переставала утверждать, что послѣднія показанія ея были несправедливы, — и жюри объявили ду-ховнее завѣщаніе г-жи Клаверъ не подлежащимъ спору, т. е. признали Туринскаго законнымъ наследникомъ. Верделонъ предложилъ Жюлію, жи-вшему въ это время въ С. Авентенѣ съ сестрою, пойти на апелляцію; Жюлію не только согласился, но и объявилъ, что навѣрнѣе пожелалъ бы подать сочиненіе противъ іезуитовъ. Неподобные оцѣны оцѣны завладе-вались. Не помня къ этимъ пришла также сестра графиня^{***}. Она знала, что съ Жюлію нельзя ничего сдѣлать, и поэтому рѣшилась издѣйствовать на Луизу, съ которою была давно знакома. Свиданіе ихъ произошло въ С. Авентенѣ, въ то время когда Жюлію не было дома. Графиня такъ напу-гала бѣдную дѣвushку разсказомъ о всѣхъ несчастіяхъ, грозившихъ по ея убѣжденію молодому аббату въ томъ случаѣ, еслибы онъ не отка-зався отъ своихъ притязаній, что Луиза совсѣмъ растерялась; притомъ же графиня, зная сердечную тайну ея, сообщила ей, что Верделонъ скоро женится. Луиза давно уже замѣтила холодность своего возлюб-леннаго, который, какъ мы уже нѣтъ случай замѣтить, не хотѣлъ же-ниться безъ приданаго, — и потому повѣрила. Теперь деньги не были ей больше нужны, — и она подписала заранѣе приготовленное графиней удо-стовереніе въ томъ, что она, Луиза Жюлію, отказывается отъ всякой апелляціи по процессу. Затѣмъ она склонила ее ѣхать съ собою въ Па-ринжъ: — все это сдѣлалось тайно отъ Жюлію. Когда онъ возвратился домой, то уже не засталъ сестры. Онъ понялъ, что тутъ есть какая нибудь гнусная интрига и поспѣшилъ въ Тулузу. Сестру онъ не могъ найти нигдѣ и подалъ объявленіе въ судъ; началась формальные по-иски, но и она долго оставалась тишею. Наконецъ Жюлію получилъ офенціальное уведомленіе, что судя по изкоторымъ свидѣніямъ, Луиза увезена въ Италію и помѣщена въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Жюлію отправился въ Италію. Но, прежде чѣмъ мы отправимся туда вслѣдъ за нимъ, скажемъ, что въ это время онъ окончательно проигралъ процессъ, надалъ свое сочиненіе противъ іезуитовъ, надбавивше много шуму и по предложенію архіепископа вышелъ въ отставку. Въ Италію послѣ долгихъ поисковъ Жюлію отыскалъ наконецъ Луизу; она была заточена въ одномъ изъ монастырей. Братъ освободилъ сестру и съ по-мощью молодого итальянца Джакомо бѣжалъ изъ Италіи; но на границѣ его схватили и, какъ нарушителя святости монастыря, привели въ Римъ и заключили въ тюрьму.

Въ тотъ самый день, когда комиссаръ папскаго престола на-ложилъ руку на Жюлію, (это происходило въ Витебрѣ), онъ,

вслѣдствіе строгихъ приказаній, полученныхъ изъ Рима, схватилъ еще одного арестанта, не менѣе важнаго. Витерба, какъ многіе итальянскіе города, имѣла свою пророчицу. Лаура Дони — такъ звали ее — была женщина не дюжинная; мистицизмъ ея былъ ни мало не похожъ на мистицизмъ женщинъ этого города, которыя всегда служатъ господствующему религіозному мнѣнію и находятъ въ духовенствѣ и римской политикѣ вѣдшее освященіе своей миссіи. Почти всегда какой нибудь религіозный орденъ завладѣваетъ этими женщинами, громко превозноситъ ихъ и въ свою очередь пользуется ими для того, чтобы онѣ превозносили его. Нѣсколько времени назадъ, іезуиты эксплуатировали одну женщину такого рода; она рассказывала о преподобныхъ отцахъ чудеса и всегда отсылала къ нимъ тѣхъ, кто приходилъ съ ней совѣтоваться.

Лаура Дони, имѣвшая видѣнія, откровенія и запросто разговаривавшая съ своимъ ангеломъ хранителемъ, была женщина съ тѣмъ характеромъ, который не легко подчиняется чужому вліянію. Ея пророчества, въ сущности очень странныя, дѣлали столько шуму, что о нихъ узвали даже въ Парижѣ, гдѣ религіозный, но эксцентрическій кружокъ принималъ ихъ съ нѣкоторою вѣрою.

Вотъ какія доктрины проповѣдывались этою пророчицей въ присутствіи многочисленныхъ посѣтителей.

Царствованіе Дѣвы Маріи должно было скоро начаться. Пій IX не напрасно провозгласилъ Ее *зачатою безъ грѣха*. По словамъ пророчицы, это было справедливо и спасеніе католицизма зависѣло отъ провозглашенія этого догмата. Но — странная вещь, бывшая причиною ненависти св. престола къ Лаурѣ Дони — она утверждала, что только съ паденіемъ свѣтской власти папы церковь возвратится къ прежнему своему величію. Пій IX, по ея словамъ, долженъ быть послѣднимъ королемъ и первымъ смиреннымъ епископомъ.

Изъ всѣхъ этихъ предсказаній выходила смѣсь мистицизма и странной политики. Папская партія употребляла тысячу средствъ, чтобы пріобрѣсть какое нибудь вліяніе на Лауру Дони. Ей обѣщали золотыя горы съ тѣмъ, чтобы она стояла за необходимость свѣтской власти. Она отвергнула всѣ предложенія, не захотѣла даже говорить съ агентами Антонелли, пріѣхавшими нарочно въ Витербу, чтобы подкупить ее, и почти выгнала изъ своего дома делегата, часто посѣщавшаго ее, въ надеждѣ восторжествовать надъ нею лестью ея самолюбію.

Съ гордостью римлянки она объявила, что не будетъ лгать и продавать свою совѣсть, и съ этого дня начала еще положительнѣе предсказывать близкое паденіе свѣтской власти папы. Вліяніе ея начинало становиться опаснымъ; итальянскіе либералы пользовались ея предсказаніями для возбужденія умовъ и поддержанія ихъ въ мысли, что Римъ въ первую удобную минуту сдѣлается столицей новаго итальянскаго королевства. Делегатъ послалъ къ папѣ страшное донесеніе о ней. Такъ какъ она была богата и принадлежала къ одному изъ знатнѣйшихъ витебскихъ семействъ, то враги ея сочли самымъ лучшимъ — сдѣлать изъ ея предсказаній важное преступленіе, подлежащее суду инквизиціи, для того, чтобы дѣло ея судилъ тотъ судъ, который начинаетъ тѣмъ, что сажаетъ обвиненнаго въ тюрьму и разбираетъ дѣло тогда, когда ему вздумается.

Бѣдный аббатъ (Жюліо) и гордая пророчица были посажены вмѣстѣ въ дрянную телѣгу, которая должна была отвезти ихъ въ Римъ. Четыре папскихъ собира окружали телѣгу, чтобы не позволить арестантамъ уйти. Жюліо и не думалъ объ этомъ. Пророчица была внѣ себя отъ бѣшенства.

— Негодныя! говорила она:—они падутъ. О, моя кроткая владычица, царствованіе твое скоро начнется на землѣ. Нѣтъ болѣе Кесаря въ церкви божіей!

И подымаясь во весь ростъ на телѣгѣ, Лаура Дони одною рукою откидывала закрывавшій ее вуаль, а другую простирала по направленію къ Риму, и въ этомъ положеніи, съ своимъ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ, походила на средневѣковую статую.

— Нѣтъ, кричала она: — нѣтъ больше Кесаря! Марія, пренепорочная Марія! Ты наконецъ наступила ногой на голову змія, и преклоненные предъ Тобой народы скоро начнутъ рукоплескать твоему торжеству. А для васъ, о, женщины, сестры мои, наступило время свободы! Великія дѣла совершатся для васъ. Вы начнете царствовать съ Марією и посредствомъ Маріи. До этихъ поръ церковь представляла собою грубую силу, которая олицетворяла въ мужчинѣ; теперь она будетъ представлять силу любви, олицетвореніемъ которой служить женщина. О, папа, не старайся собирать остатки твоей тройственной короны, уже разбитой революціями. Ты будешь самодержавнымъ властителемъ душъ. Догматъ твоей непогрѣшимости будетъ важнымъ догматомъ христіанскихъ народовъ, но слова *deposuit potentes* должны исполниться. Нѣтъ болѣе первыхъ въ церкви Христа! нѣтъ унизи-

тельнаго положенія женщины, возстановленной въ своихъ правахъ пренепорочною Маріею!

Одно изъ самыхъ печальныхъ заблужденій католическаго духовенства XIX стол., можно сказать даже одно изъ самыхъ послѣднихъ дѣйствій его, состояло въ томъ, что оно, повидимому съ похвальнымъ намѣреніемъ, содѣйствовало страшному развитію мистицизма въ религиозномъ кругу. Во время великихъ социальныхъ кризисовъ развивается духъ пророчества; экономисты и публицисты предчувствуютъ социальную эмансипацію. Въ мірѣ мистическомъ пророчество дѣлается во имя сверхъестественныхъ силъ. И всему этому чистосердечно вѣрятъ. Развитое общество ошибается, когда считаетъ этихъ пророковъ шарлатанами и обманщиками; нѣтъ ничего наввиѣ этихъ натуръ. Большею частью пророчицами являются суевѣрныя, болѣзненные дѣвушки, живущія въ монастыряхъ или ведущія дома простую и суровую жизнь.

Число этихъ пророковъ и пророчицъ громадно; нѣтъ почти ни одной монахини, у которой не было бы своихъ видѣній. Все это расходуется по свѣту, комментируется. Головы, возбужденныя чтеніемъ мистическихъ книгъ, заражаются этою болѣзью. Экзальтація усиливается и зло принимаетъ страшные размѣры.

Господствующая мысль во всѣхъ этихъ пророчествахъ, пущенныхъ въ ходъ уже за сто лѣтъ назадъ, та, что «Парижъ будетъ сожженъ». И это пророчество особенно улыбается людямъ, увлеченнымъ мистицизмомъ. Оно составляетъ предметъ самыхъ живыхъ вѣрованій ихъ. Нѣкоторые подвергали сомнѣнію возвращеніе Людовика XVIII, предсказанное Мартиномъ Гальядономъ; другіе, съ смѣлостью достойною свободного мыслителя, думаютъ, что не смотря на разныя предсказанія, Пій IX не будетъ распятъ партизанами итальянскаго единства; но всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ съ своими пророками и пророчицами: Парижъ будетъ сожженъ!..

Наконецъ плѣнниковъ привезли въ Римъ 22 ноября 1860 г.

Когда путешественникъ посѣщаетъ Римъ и осматриваетъ великолѣпную площадь, украшенную высокими портиками, которая расположена передъ храмомъ св. Петра, то онъ и не подозреваетъ, что за этою блестящею колоннадой скрывается кварталъ мрачный, наполненный избушками, перерѣзанный кривыми и дурновыможенными улицами. Если вы отправляетесь въ Ватиканъ въ экипажѣ, то кучеръ сначала провозитъ васъ по главной изъ

этихъ улицъ, идущей вдоль колоннады, потомъ проѣзжаетъ между высокими стѣнами маленькаго *campro-santo*, устроеннаго по образцу такого же *campro* въ Пизѣ, и тогда вашимъ глазамъ является высокое зданіе, по черному фасаду котораго идутъ узкія окна, не пропускающія солнечнаго свѣта; вы смотрите на это зданіе и не знаете, что оно: строгая ли монастырская обитель, тюрьма или госпиталь прокаженныхъ. Оно ни то, ни другое, ни третье, но въ немъ есть всего этого по немножку; это—дворецъ св. престола.

Когда въ Римѣ вспыхнула революція и была провозглашена республика, народъ бросился къ этому зданію—предмету общаго ужаса. По социальному значенію, это было тоже, что штурмъ Бастилии. Народъ всегда символизируетъ свои идеи; въ дворцѣ св. престола римляне видѣли произволь священника, сдѣлавшагося царемъ, который не терпитъ противорѣчій своимъ доктринамъ и чинить свой судъ и расправу надъ совершившими какой бы то ни было проступокъ по отношенію къ церковнымъ дѣламъ. Римскій народъ не потребовалъ разрушенія замка св. Ангела, потому что этотъ замокъ—колоссальный памятникъ древняго Рима. Онъ пощадилъ крѣпость папъ и отправился разбивать темницы инквизиціи.

Тамъ онъ нашелъ мало узниковъ; но въ одной темницѣ лежалъ трупъ. Онъ давно уже лежалъ тутъ, забытый небрежными папскими чиновниками, или, чему страшнѣе повѣрить, осужденный на голодную смерть мщеніемъ какого нибудь инквизитора.

Этотъ забытый трупъ, конечно, ужасная вещь; но это только отдѣльный фактъ. Со времени вступленія на престолъ Пія IX, ужасы инквизиціи почти прекратились, но у него не хватило духу уничтожить это отвратительное судилище.

Почти всѣ мы прочли страшное описаніе темницъ *святой инквизиціи* въ томъ видѣ, въ какомъ народъ нашелъ ихъ въ 1848 году. Одни скелеты были прикованы къ стѣнѣ цѣпами, другіе валялись на полу; тѣла были зарыты до плечъ въ известку, свидѣтельствуя тѣмъ о страшнѣйшей изъ пытокъ; залы были наполнены орудіями пытки; темницы были устроены въ вонючій ямахъ, въ которыхъ несчастныя жертвы, полузарытыя въ грязь, получали хлѣбъ, поддерживавшій въ нихъ жизнь и продолжавшій мучительную агонію. И много еще другихъ, не менѣе ужасныхъ подробностей, узнали мы изъ этихъ описаній.

Нѣкоторые изъ авторовъ ихъ спрашиваютъ, какинъ образомъ случилось, что народъ не истребилъ до послѣдняго камня стѣнъ

этого гнуснаго зданія? Что касается до насъ, мы не жагѣемъ объ этомъ. Мы хотѣли бы напротивъ того, чтобы все было тщательно сохранено: и эти высохшіе трупы, и эти орудія пытки, и эти грязныя подземелья, и этотъ дворъ, въ которомъ люди жгли тайно, потому что не смѣли жечь на площадяхъ. Мы желали бы, чтобы все это уцѣлѣло и чтобы изъ этого былъ составленъ родъ музея, открытаго для всѣхъ и въ которомъ можно было бы видѣть, что дѣлалъ релігіозный фанатизмъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и что онъ сдѣлалъ бы еще теперь, еслибы на папскій престолъ вошелъ какой нибудь фанатикъ—монахъ. Потому что именно монахи внесли въ католическую церковь злоупотребленія и преступленія. Монашество породило всѣ крайнія степени релігіозной нетерпимости. И стоитъ только внимательно порыться въ архивахъ, чтобы убѣдиться, что въ эти времена кровавыхъ преслѣдованій бѣлое духовенство могло быть обвинено только въ томъ, что поддавалось монахамъ и слишкомъ легко уступало имъ свои права. Если папа Пій V сказалъ, что *милосердіе состоитъ въ невозможномъ преслѣдованіи еретиковъ*, то онъ сказалъ это потому, что до вступленія на папскій престолъ былъ монахомъ, да еще доминиканцемъ, т. е. членомъ страшнаго ордена, стоявшаго во главѣ инквизиціи. Если Пій IX, предоставленный самому себѣ, выказываетъ самую большую терпимость, если кротость его характера удерживаетъ его отъ всякой насильственной мѣры, то это потому, что на плечахъ у него никогда не лежала монашеская ряса.

Жюліо былъ бы помѣщенъ въ одну изъ страшныхъ темницъ инквизиціи, еслибы послѣ римской экспедиціи французскій генералъ не нашелъ, что это зданіе, по своей близости къ Ватикану и замку св. Ангела, весьма удобно для устройства въ немъ французской казармы.

Путешественники, осматривающіе въ Римѣ столько любопытныхъ вещей, не забудьте посѣтить французскую казарму, расположенную позади колоннады площади св. Петра и скажите, чтобы вамъ показали темницы; тамъ вѣроятно еще пахнетъ трупами.

Послѣ возвращенія Пія IX изъ Гаэты, святая конгрегація на скоро построила себѣ временное помѣщеніе съ нѣсколькими узкими и низкими кельями, въ надеждѣ, что по отъѣздѣ французовъ она снова займетъ свое прежнее palazzo.

Такимъ образомъ, теперь инквизиція, какъ и многія другія вещи въ Римѣ, какъ и самая папская тиара, имѣетъ временное

существованіе. Она живетъ тою тощею надеждою, которую дипломатія окрестила смѣшнымъ названіемъ: *statu quo*.

Такова уже роковая судьба учреждений, умиравшихъ отъ старческой немощи; они ухватываются за рутинныя привычки своего прошедшаго еще крѣпче, чѣмъ во дни своего процвѣтія. Вышними формами они дорожатъ тоже сильно. Въ настоящее время при папскомъ дворѣ находятся: префектъ св. престола, хранитель печатей, генераль-коммисарь, который всегда выбирается изъ доминиканцевъ, ассесоръ, служащій въ тоже время почетнымъ камергеромъ его святѣйшества, совѣтники, принадлежащіе къ разнымъ религіознымъ орденамъ, офицеры и министры; и все это организовано и дѣйствуетъ какъ въ доброе старое время, (за исключеніемъ только костровъ), во славу божью и св. престола. Святая конгрегація собирается три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ—во дворцѣ св. престола, куда явятся генераль-коммисарь и совѣтники; въ среду—въ доминиканскомъ монастырѣ св. Маріи, и въ четвергъ— въ присутствіи папы; въ этотъ день совѣщаются «о дѣлахъ, касающихся инквизиціи и ереси», и въ этомъ собраніи участвуютъ кардиналы, прелаты и богословы разныхъ орденовъ.

Жюліо и Лаури Дони были посажены въ маленькія комнатки и юридическое слѣдствіе началось.

Здѣсь мы на минуту прервемъ рассказъ, чтобы привести интересную сцену совѣщанія римскихъ іезуитовъ въ своей коллегіи.

...Іезуиты собрались. Одинъ старикъ, именно генераль ордена, произнесъ слабымъ голосомъ и медленно обычное латинское воззваніе къ Св. Духу. Потомъ всѣ сѣли. Генераль съ большою снаною изложилъ положеніе дѣлъ ордена въ пяти частяхъ свѣта. Іезуиты, по его словамъ, дѣлали чудеса въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, гдѣ они достигли всемогущества, Бельгіи, гдѣ высшее и бѣлое духовенство были совершенно въ ихъ рукахъ. Затѣмъ генераль подробно говорилъ о положеніи ордена въ римскихъ владѣніяхъ. Онъ сказалъ:

«Въ виду возможности возстановленія неаполитанскихъ бурбоновъ, мы главнымъ образомъ должны поддерживать интересы королевы-матери. Если молодая королева Марія-Софія баварская снова пріобрѣтетъ вліяніе на слабого Франциска II, то она не только склопитъ его къ либеральнымъ уступкамъ, но еще поселитъ въ немъ все то предубѣжденіе противъ нашего братства,

второе она привезла съ собою; она никогда не проститъ намъ, что Лола Монгестъ поддерживала насъ въ Баваріи. По этому необходимо поддерживать дурныя отношенія между обоими супругами. Францискъ II, предоставленный самому себѣ, отречется отъ престола въ пользу сына королевы-матери, и тогда Неаполь будетъ въ нашихъ рукахъ.

«Намъ нечего скрывать отъ себя, что здѣсь мы живемъ только на бивуакахъ. Дурное положеніе свѣтской власти папы ясно указываетъ намъ на нашу будущую участь. Гнусные революціонеры одержатъ на нѣкоторое время верхъ. Останется ли папа въ Ватиканѣ, или отправится въ католическія страны, чтобы возбудить къ себѣ симпатію и потомъ возвратиться въ свои владѣнія, — намъ во всякомъ случаѣ придется уѣхать. Папу здѣсь ненавидятъ не столько сколько насъ. Даже духовенство, оскорбленное нашимъ превосходствомъ, ненавидитъ насъ почти также какъ революціонеры и первое станетъ рукоплескать нашему паденію. Что ему за дѣло до насъ? Оно останется. Этимъ фабрикантамъ похоронъ и крестинъ нечего бояться народа, преданнаго по рутинѣ своимъ религіознымъ обрядамъ и готоваго пожертвовать папою и кардиналамъ, лишь бы не трогали его мадонъ. Притомъ же члены благаго духовенства-итальянцы, и поэтому естественно симпатизируютъ народу. У насъ, іезуитовъ, нѣтъ національности, наше отечество—нашъ орденъ, мы космополиты, и это составляетъ нашу силу, но въ тоже время отдаляетъ насъ отъ народа; онъ вездѣ видитъ въ насъ иностранцевъ. Вотъ почему итальянцы удержатъ своихъ священниковъ и выгонятъ насъ изъ Италіи. Это будетъ изгнаніе и можетъ быть очень долгое.»

Наступило короткое молчаніе, потомъ началось совѣщаніе о критическомъ положеніи папства. Генералъ сказалъ:

«Третьяго дня я имѣлъ аудіенцію у его святѣйшества. Добрый папа, не особенно сильно любящій насъ, по обыкновенію увѣрялъ меня въ своей полной благосклонности къ нашему ордену. Я въ свою очередь снова увѣрилъ его въ нашей безусловной преданности. Да—сказалъ онъ—я вѣрю, что доблестное общество можетъ много сдѣлать для поддержки святаго престола. Я отвѣчалъ, что передамъ эти слова нашимъ преподобнымъ отцамъ и что они доставятъ имъ невыразимое удовольствіе. Я нашелъ его печальнымъ, озабоченнымъ; онъ видимо дряхлѣетъ съ каждымъ днемъ. Удивительно, какъ его святѣйшество, съ своими припадками падучей болѣзни и раню на ногѣ, живетъ такъ долго. Хотя намъ бы слѣдовало просить Бога, чтобы онъ послалъ намъ папу, бо-

лѣе преданнаго нашему ордену, но вышвыпнѣи папа въ такомъ положеніи, что не можетъ сдѣлать шагу безъ насъ. Онъ хорошо понимаетъ это. Онъ довольно тонко намекнулъ мнѣ, что опыты научилъ его лучше узнавать своихъ друзей. Несчастіе сближаетъ людей.

«Потомъ его святѣйшество говорилъ со мною о турьмахъ съ престола, объ аббатѣ Жюліо, этомъ молодомъ священникѣ, который сдѣлалъ намъ во Франціи столько зла и котораго наконецъ поймали и отдали на страшный судъ инквизиціи. Надѣюсь, ваше святѣйшество,—сказалъ я,—что вы не выпустите на свободу этого врага церкви? Зло всегда вносилось въ христіанскую церковь только священниками; чего только не надѣлали Лютеръ, Кальвинъ? Энергія Григорія XVI, разомъ сломившаго гордость Ламиз, помѣшала во Франціи взрыву столько же опасному, сколько мнимая реформа XVI ст. Этотъ Жюліо—второй Ламиз, можетъ быть еще болѣе опасный, чѣмъ первый; тотъ дѣйствовалъ рѣзко и нападалъ даже на своихъ друзей; этотъ—волкъ въ овечьей шкурѣ.

«Замѣчаніе мое повидимому произвело на папу сильное впечатлѣніе. Вы можете быть правы—сказалъ онъ:—впрочемъ, папы рѣдко вмѣшиваются въ приговоры суда пресвятой инквизиціи и я посовѣтуюсь объ этомъ съ Богомъ и пренепорочною Дѣвою. Я тотчасъ же послѣдшилъ къ кардиналу и министру, совершенно преданному намъ. Вы знаете, отцы мои, что съ его стороны было бы неблагодарностью дѣйствовать противъ насъ: мы сильно содѣйствовали его громадному обогащенію, его милліоны—наши адвокаты. Кардиналъ дружески пожалъ мнѣ руку. Я передалъ ему мой разговоръ съ его святѣйшествомъ.—О, высокопреподобный отецъ—сказалъ мнѣ кардиналъ—не бойтесь ничего, его святѣйшество не сдѣлаетъ ни шагу, за это я отвѣчаю вамъ. Ваше аббатъ сидитъ подъ хорошими замками.

«Такимъ образомъ на этотъ счетъ мы можемъ быть спокойны.

«Теперь переходимъ къ нашему финансовому отчету у. Въ этомъ отношеніи наше положеніе никогда не было такъ блистательно, какъ теперь. Наши расходы совершенно незначительны въ сравненіи съ доходами. Надо сознаться, что эта отвратительная цивилизація новаго времени отлично понимаетъ дѣло умноженія капиталовъ. Мы воспользовались громадными выгодами, которыя она намъ доставляетъ. Наши небольшія экономическія суммы, образовавшіяся въ первые годы, слѣдовавшіе за нашимъ возстановленіемъ, превратились въ огромные капиталы, благодаря выгодному помѣщенію. Потомъ стали стекаться большими массами

добровольныхъ примешенія. Завѣщаній на нынѣшнемъ году было еще больше, чѣмъ въ предыдущихъ. Въ слѣдствіе всего этого наше парикмахское отдѣленіе имѣло возможность взять по моему приказанію 2 т. акцій севальско-персико-каддисонитъ по 500 фр., всего на миллионъ; 2 т. южно-австрійско-ломбардскихъ по 500 фр., тоже на миллионъ; 1000 облигацій сарагосскихъ по 500 фр., всего на 500 т. фр. Итого взято бумагъ на 2 милліона 500 т. фр.

«Въ будущемъ семестрѣ, кромѣ непредвидѣнныхъ доходовъ, мы будемъ имѣть всѣ наши проценты, прибыль отъ гаврскихъ и бордосскихъ кораблей, отъ нашихъ заведеній въ Сан-Франциско, отъ нашихъ торговыхъ домовъ, добровольныхъ пожертвованій и продажи имѣній, доставшихся намъ по завѣщаніямъ; чистая выгода за весь годъ составитъ приблизительно шесть милліоновъ...»

Жюліо долго просидѣлъ бы въ тюрьмѣ, если бы его не освободили контрбандиеръ Джакомо (съ которымъ мы уже встрѣчались) и еще одинъ молодой священникъ, который былъ много чѣмъ обязанъ Жюліо. Но они освободили его не на радость. Жюліо уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ слова шазель Лузу, — и скоро преслѣдованія слова посыпались на него. Но онъ твердо шелъ на встрѣчу всѣмъ нападеніямъ и конечно не совадалъ. Его постоянная неприязнь къ іезуитамъ, его слова и сочиненія довели преподобныхъ отцевъ до такого бѣшенства, что они употребили всѣ средства, чтобы окончательно погубить его. Онъ былъ явшею священническаго сана и наконецъ проклятъ на соборѣ въ Лиму. Въ довершеніе всѣхъ своихъ несчастій, онъ узналъ, что Луза не сестра его; — скоро она умерла, и это совершенно сокрушило его. Преданіе Жюліо анафемѣ происходило въ маѣ, 1862 г.

Соборъ въ Лиму открылся 5 мая 1862 г. большою процессіею, вышедшею изъ собора и прошедшею по главнымъ улицамъ города. За крестомъ и хоругвями слѣдовали «братья» христіанскихъ школъ, воспитанники младшихъ и старшихъ классовъ семинаріи, священники — миссіонеры, монахи различныхъ орденовъ, городскіе священники, соборные каноники, богословы изъ разныхъ городовъ, епископы въ мантияхъ и съ жезлами, наконецъ президентъ собора.

Архіепископъ тулузскій произнесъ рѣчь въ присутствіи лучшаго общества Лиму и сосѣднихъ маленькихъ городовъ. Мѣста, оставленные для начальствующихъ лицъ, высокая эстрада, на которой всѣ красавицы этой южной провинціи шумѣли шелковыми платьями, надѣтыми на громадныя кринолины,—придавали собранію тотъ характеръ полу-свѣтскій, полу-религіозный, которыми отличается католицизмъ XIX ст. Префектъ департамента могъ быть протестантъ или еврей, дивизионный генералъ могъ быть свободнымъ мыслителемъ, президентъ суда—воспитанникомъ Прудона или Ренана,—но эти высокіе сановники все-таки занимали свои мѣста въ собраніи, въ которомъ каждый, кто объявилъ бы, что не вѣрить въ нѣкоторые догматы католической религіи, былъ бы названъ еретикомъ.

Вялое краснорѣчіе президента собора развернулось въ длинной рѣчи, счастливою темою которой было возобновеніе вида земли созваніемъ собора въ Лиму. Тутъ ничто не было забыто: ни безсмертный Пій IX и его удивительное царствованіе, ни провозглашеніе догмата пренепорочного зачатія, ни страданія первосвященника, подвергнувшагося такимъ тяжелымъ испытаніямъ, ни анафемы противъ революціи, которую изрыгнулъ адъ, ни будущее торжество папы, вслѣдствіе содѣйствія Св. Дѣвы, которая одна въ этомъ мірѣ убива всѣхъ еретиковъ.

На слѣдующій день, въ особенномъ засѣданіи, было опредѣлено, чѣмъ соборъ долженъ заняться. Предсѣдатель пригласилъ почтенныхъ канониковъ и богослововъ, присутствовавшихъ на соборѣ, присягнуть, что они будутъ держать въ тайнѣ все, что будетъ говорено епископами и не передавать никому того, что могло бы повредить достоинству собора.

Затѣмъ были выбраны президенты, вице-президенты, секретари, богословы разныхъ конгрегацій. Назначили время засѣданій для чтенія декретовъ и собраній или генеральныхъ конгрегацій, посвященныхъ совѣщаніямъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ распоряженій, работы собора начались и продолжались дѣятельно. 10-го числа, въ 4 часа пополудни, происходила подъ предсѣдательствомъ митрополита шестая генеральная конгрегація, на которой присутствовали епископы, депутаты отъ капитуловъ и богословы. Митрополитъ произнесъ молитву, послѣ чего одинъ изъ нотаріусовъ собора прочелъ протоколъ предъидущей конгрегаціи. Затѣмъ были прочтаны и одобрены два декрета: одинъ—подвергавшій запрещенію три вредные журнала, обвиненные въ отрицаніи свѣтской власти

папы и въ приверженности къ дѣлу итальянской революціи; другой—запрещавшій танцовать тѣ танцы, въ которыхъ надо кружиться, какъ напр. польку, мазурку и т. п., какъ танцы, могущіе внушать преступныя мысли.

Эти два декрета были съ особеннымъ стараніемъ разработаны конгрегаціею «добрыхъ нравовъ», потому что мудрые старики, составлявшіе ее, были убѣждены, что вся безнравственность нашего печальнаго времени происходитъ отъ этихъ несчастныхъ танцевъ, изобрѣтенныхъ самимъ дьяволомъ.

Послѣ этого епископъ **, предсѣдательствующій въ конгрегаціи «вѣры», попросилъ у митрополита позволенія сказать слово и, получивъ это позволеніе, началъ:

«Высокопреподобные отцы и любезнѣйшіе братья! Я вполне одобряю декреты, составленные вами для истребленія двухъ страшныхъ бичей нашего столѣтія: журналовъ и танцевъ. Этими декретами вы показали, что глубоко понимаете, какія язвы подтачиваютъ существованіе новаго общества и доказываютъ опасность его шимой цивилизаціи. Но смѣю замѣтить, что есть зло болѣе страшное, зло, существующее подлѣ насъ, зло, которое если не преступная, то несчастная снисходительность, терпящая въ нашихъ южныхъ странахъ, столь твердыхъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; это зло — ересь. (*Глубокое волненіе*).

«Новый Арнольдъ Брешианскій, какъ хищный волкъ, опустошаетъ южныя страны и старается губить души своимъ зачумленнымъ ученіемъ. (*Голоса: анафема еретнику!*) Этотъ разрушитель вѣры, этотъ врагъ церкви и св. престола, противъ котораго онъ уже нѣсколько лѣтъ не перестаетъ богохульствовать — молодой священникъ тулузской епархіи, ненавистное имя котораго—Жюліо Клавьеръ. Какъ всѣ еретики прошедшаго и будущаго времени, онъ принялъ видъ свѣтлаго ангела. Ничего не можетъ быть скромнѣе его образа жизни, мягче—его рѣчи, никто по виду не преданъ такъ какъ онъ дѣйствительнымъ интересамъ церкви. Этому-то лично добродѣтели, великодушія, благочестія, преданности на словахъ св. престолу и безсмертному Пію IX онъ обманываетъ прямыя души, увлекаетъ слабыхъ, сбиваетъ съ толку тѣхъ, которые не понимаютъ настоящей потребности церкви. (*Голоса: анафема! анафема! пусть соборъ проклянетъ его!*)

«Главнымъ образомъ дѣйствуетъ онъ посредствомъ своихъ сочиненій, исполненныхъ тонкаго яда. Уже давно, взявъ на себя роль гнуснаго обманщика, онъ фальшиво передалъ предсмертныя слова старика. Мы знаемъ, что эта гнусная профанація почтен-

наго имени вѣла въ Тулузѣ несчастный успѣхъ; что безбожные люди, принадлежащіе къ обществамъ, враждебнымъ вѣрѣ, публично восхваляли автора этого подлаго обмана и составили ему репутацію знаменитаго писателя. (*Голоса: Пусть соборъ проклянетъ его!*)

.....

«Да, высокопреподобные отцы и любезнѣйшіе братья, да будетъ проклятъ священникъ, запятнавшій свой санъ гнусною клеветою на архіепископа! Да будетъ проклятъ священникъ, провознесавшій съ кафедры безчестныя доктрины! Да будетъ проклятъ священникъ, нарушившій святость монастыря, охраняемую соборами и папскими постановленіями! Да будетъ проклятъ священникъ, развращающій души ядовитыми доктринами новой журналистики! Да будетъ проклятъ тотъ, кто возстаетъ противъ свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ, безъ которой ихъ духовная власть не можетъ быть свободна! Да будетъ проклятъ тотъ, кто дастъ уроки папѣ, католическимъ епископамъ и утверждаетъ, что знаетъ лучше насъ, что именно нужно для церкви! Да будетъ проклятъ гордецъ, еретикъ, богохульникъ, нововводитель, бумагомаратель, фабрикантъ скандальныхъ книгъ! Да будетъ проклятъ тотъ, кто одобритъ доктрины Жюліо, въ настоящее время еще священствующаго въ Меліѣ, деревнѣ тулузской епархіи».

Послѣ этой рѣчи, епископъ вышелъ на середину залы и, взявъ въ руки одно изъ евангелій, воскликнулъ:

«Выбирайте между Христомъ и Жюліо, осквернителемъ имени Христа! Я отхожу отъ Жюліо, говорю ему: анафема! проклинаю его и перехожу на сторону Христа!» (*Общій крикъ: Мы переходимъ къ Христу, мы проклинаемъ Жюліо. Анафема, анафема!*)

Эта рѣчь, форма которой была заимствована у дикой реторики средневѣковыхъ инквизиторовъ, произвела огромное дѣйствіе и превратила собраніе этихъ мирныхъ, вообще робкихъ людей въ толпу какихъ-то бѣснующихся...

Жюліо жилъ недолго послѣ этой сцены: онъ умеръ въ чахоткѣ въ Бигорскомъ госпиталѣ...

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ *)

ГЛАВА I.

КАКЪ ПОЖИВАЮТЪ ВОРЫ ВЪ ГОРОДѢ ГЛАСГОВѢ.

Думаю, что многимъ изъ моихъ читателей не безвѣстенъ городъ Глазговъ — третій городъ по величинѣ и по значенію во всемъ соединенномъ королевствѣ. Въ этомъ большомъ го-

*) Предлагаемый рассказъ не есть простой вымыселъ въ области обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеній. Онъ писанъ болѣею частью ея словъ самой героини, Джемъ Камеронъ, которой жизнь началась бѣдностію и преступленіемъ и окончилась тюрьмой. Авторъ этого разсказа, тюремная надзирательница, долго и тщательно изучавшая тѣ темныя стороны жизни, въ которыхъ проявляется общественное зло во всемъ его ужасномъ драматичнѣй, гарантируетъ достоверность описываемыхъ ею фактовъ; измѣнены только имена и второстепенныя подробности, а самый сюжетъ разсказа взятъ цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни въ строгомъ значеніи этого слова. Авторъ старается прослѣдить шагъ, за шагомъ, развитіе преступленія и тѣ незамѣтныя, но скользкія ступени, по которымъ преступникъ спускается въ бездну порока, пока изъ рукъ общества не приметъ его тюрьма или могила. „Если въ этомъ рассказѣ, говоритъ авторъ въ предисловіи, вѣрно изображенъ путь, которымъ бѣдность и невѣжество доводятся до преступленія, часто не сознавая его значенія и предаваясь ему, какъ ремеслу, тогда быть можетъ, подготовится болѣе прочная почва для лучшихъ социальныхъ преобразованій“. *Отъ редакціи.*

родѣ добрые люди наживаютъ много денегъ, вездѣ видны слѣды довольства, торговля процвѣтаетъ, и граждане умираютъ милліонерами. Подобно тому, какъ въ Лондонѣ, Ливерпульѣ и во всякомъ другомъ многолюдномъ городѣ, крайности и здѣсь соприкасаются; тщательныя изслѣдованія показали мнѣ, что въ темныхъ закоулкахъ Глазгова кроется болѣе нищеты, невѣжества, страданія въ самомъ отталкивающемъ ихъ видѣ, чѣмъ даже въ Лондонѣ. Нигдѣ, быть можетъ, бѣдность не мечется такъ безобразно и рѣзко въ глаза, какъ на этомъ великомъ торговомъ рынкѣ Шотландіи, гдѣ рядомъ съ нею вы встрѣчаете громаднѣйшія, быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ состоянія.

Нищета эта большею частью озадачиваетъ васъ своею неутолимою жаждою пьянства. Правда, и сюда проникали попытки распространенія трезвости; но, несмотря на это, кабаки находятся по прежнему въ цвѣтущемъ состояніи и субботніе вечера въ Гай-Стритѣ и Сольт-Маркетѣ далеко оставляютъ за собою субботніе вечера въ другихъ городахъ. Есть что-то многозначительное въ этихъ толпахъ босого и полураздѣтаго населенія, когда онѣ, иззябшія отъ холода, съ блѣдными и мрачными лицами, валятъ по улицамъ изъ старой части города.

Много лѣтъ тому назадъ, недалеко отъ Гай-Стрита стояло, да и по сю пору стоитъ, нѣсколько высокихъ, темныхъ, четырехъ и пятиэтажныхъ домовъ, слѣпившихся вмѣстѣ. Въ этихъ домахъ каждая комната занята однимъ или нѣсколькими жильцами и носитъ на шотландскомъ нарѣчій названіе *дома*. Этотъ густо населенный кварталъ наводитъ страхъ своею дурной славой на весь Глазговъ, и называется Кройлисъ-Ландъ; полиціи онъ извѣстенъ подъ именемъ Веннеля. Лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, въ этотъ кварталъ отправлялись за поимкою воровъ и мошенниковъ; по всей вѣроятности, онъ и теперь извѣстенъ, какъ гнѣздо всевозможныхъ преступниковъ.

Честная бѣдность рѣдко искала убѣжища въ Крайлисъ-Ландѣ, особенно та бѣдность, которая дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и разборчива на сосѣдей. Изъ Крайлисъ-Ланда выползали для ночныхъ походовъ воры и публичныя женщины. Въ Крайлисъ-Ландѣ заманивалась не одна жертва, то хитростью, то силою, и темныя дѣла творились тамъ по захожден-

ни солида. То было убѣжище всѣхъ тѣхъ преступленій, отъ которыхъ содрагается человѣчество. Грабежъ и до сихъ поръ до того обычное дѣло въ Новомъ Веннелѣ, что о немъ почти и говорить не стоитъ. Полиція нападала здѣсь на самыхъ любопытныхъ субъектовъ падшаго люда; здѣсь нерѣдко бѣдность или преступленіе, доведенныя до отчаянія, налагали на себя руки; то въ комнатахъ, то на грязной, темной лѣстницѣ, то съ рѣшотки, ограждающей какой-нибудь участокъ земли позади домовъ, снимали тѣла повѣсившихся самоубійць. Здѣсь же совершались самыя страшныя убійства:—ночью отворялось окно одной изъ верхнихъ комнатъ, къ нему подводили трепетавшую жертву и выбрасывали ее на улицу. Число безнаказанныхъ преступленій, совершенныхъ въ Новомъ Веннелѣ, далеко превосходитъ число тѣхъ, которыя подверглись карѣ закона. Лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ полагалось среднимъ числомъ по двѣнадцати кражъ еженедѣльно на *каждую комнату* этого отверженнаго квартала. Всѣ знали объ этихъ кражахъ, но до свѣдѣнія полиціи онѣ не доводились, потому что ограбленные скорѣе соглашались понести убытки, чѣмъ подвергать свое имя огласкѣ.

Дома Веннеля, какъ и вообще всѣ жилища низшаго разряда въ Шотландіи, не имѣютъ наружной двери; входъ прямо на лѣстницу. Посѣтителю этихъ грязныхъ притоновъ, напоминающихъ логовище дикаго звѣря, предстоитъ взбираться на верхъ въ потемкахъ. Сырая и скользкая лѣстница обладаетъ посѣтителя зловоннымъ воздухомъ. На каждой площадкѣ находится отъ четырехъ до пяти дверей; каждая дверь ведетъ въ комнату, имѣющую на восемь футовъ длины, отъ шести до семи футовъ ширины; и въ этой-то комнатѣ спятъ, пьютъ, ѣдятъ и живутъ мушоны, женщины и дѣти, по четыре, по пяти, а иногда и по десяти и *двѣнадцати* человѣкъ вмѣстѣ. Воры помѣщаются кучами, да и честный бѣднякъ, загнанный сюда неумолимой нуждой, принужденъ пускаться къ себѣ жильцовъ, чтобы не платить одному за квартиру. Плата за каждую изъ этихъ комнатъ стоитъ приблизительно по пятнадцати пенсовъ въ недѣлю, то больше, то меньше, смотря по обстоятельствамъ. Нищета и неизбѣжныя при ней всевозможныя лишенія, порождаютъ здѣсь самыя ужасныя болѣзни.

Дома подобнаго рода вовсе не рѣдкость въ Глазговѣ, хотя по распоряженію правительства тѣ изъ нихъ, которые признаны опасными и неудобнообитаемыми и были уничтожены. За то удѣльнныя населяются все гуще и гуще и требуютъ за собой строжайшаго надзора, а это-то и невозможно по разнымъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что домохозяева стараются уклониться отъ необходимыхъ починковъ; случается даже и такъ, что во избѣжаніе расходовъ на поправку этихъ запущенныхъ домовъ, они совершенно отказываются отъ владѣнія ими. Лица, пристраженныя отъ правительства слѣдить за этими домами, ничего не могутъ сдѣлать, когда хозяинъ отдаетъ квартиры въ наймы отъ себя или же черезъ вторыя руки, выбирая въ послѣднемъ случаѣ такого рода агентовъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, лишь бы плата за квартиры вносилась исправно. Дома подобнаго рода приносятъ хорошій доходъ, хотя собираніе квартирной платы — дѣло щекотливое и не всегда безопасное.

ГЛАВА II.

РОЖДЕНІЕ И ДѢТСТВО ДЖЕННИ КАМЕРОНЪ.

Героиня нашего разсказа, которую мы назовемъ Дженъ Камеронъ, родилась въ Кройлисъ-Ландѣ въ Глазговѣ. Родилась она зимой, когда на дворѣ стояла жестокая стужа — родилась на кучѣ стружекъ, въ третьемъ этажѣ знаменитаго воровскаго квартала.

Мать ея была дочерью бѣднаго ланкаширскаго ткача; по крайней мѣрѣ, такъ говаривала она сама, хотя никто изъ стараго Ланарка никогда не приходилъ ее провѣдать и никакихъ писемъ оттуда не получалось въ Веннелѣ. Человѣкъ, слышій за отца Дженъ, занимался какимъ-то загадочнымъ ремесломъ, то исчезалъ на цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, то снова появлялся. Это былъ грубый, угрюмый, пьяный бродяга, — но мистрисъ Камеронъ любила его по своему и ревновала его тоже по своему, — какую-то звѣрскою ревностью. Въ то время, когда Дженъ появилась на свѣтъ, мать ея утратила послѣдніе остатки красоты. У нея было уже передъ тѣмъ трое дѣтей, двое изъ ко-

тюремъ умерли отъ горячки, постоянно свирѣпствующей въ этихъ труппахъ; всю жизнь свою она терпѣла грубое обращеніе отъ своего «милаго друга», обиравшего ее, когда у нея были деньги и бившаго ее во время безденежья; но женщина эта, утратившая всякое чувство стыда и человѣчности, оставалась вѣрна ему.

Мать Дженъ Камеронъ не была воровка по ремеслу; за нею слѣдила полиція, но во все время пребыванія ея въ Глазговѣ она рѣдко подавала поводъ къ прямымъ обвиненіямъ; разъ только она попалась за содержаніе мошенническаго притона въ Фактори-Ландѣ, такомъ же воровскомъ кварталѣ, какъ Новый Веннель; но не рѣдко полиція забирала ее за пьянство и буйство, учиненное на улицахъ. Страсть къ водкѣ была главнымъ порокомъ мистрисъ Камеронъ; каждую субботу вечеромъ она затѣвала ссоры съ своими жильцами; а надо вамъ сказать, что въ комнату свою, имѣвшую восемь футовъ длины и восемь ширины, она еще пускала жильцевъ; каждую субботу вечеромъ, какъ только выходила она изъ себя, ее отправляли въ центральное бюро полиціи, а по утру въ понедѣльникъ приговиварали къ штрафу.

Откуда брала мистрисъ Камеронъ деньги, чтобы содержать себя съ дочерью, платить пятнадцать пенсовъ въ недѣлю за квартиру, напиваться при всякомъ удобномъ случаѣ, и платить штрафы за пьянство и буйство, избавлявшіе ее отъ скуки высиживать десять дней въ глазговской тюрьмѣ—это одна изъ тѣхъ тайнъ непроницаемыхъ съ перваго взгляда, которыми окружено существованіе сотни другихъ мистрисъ Камеронъ, проживающихъ въ Глазговѣ и до сего дня.

А между тѣмъ стоитъ только вдуматься, и загадка разрѣшается сама собою: пріюты бѣдности, подобные Веннелю, не смотря на свою отвратительную репутацію даютъ хорошій доходъ: люди, на которыхъ тяготѣетъ какое нибудь подозрѣніе, — мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки платятъ по два и по три пенса въ ночь съ головы за право прилечь на кучѣ стружекъ, разсыпанныхъ по полу; комната биткомъ набита постояльцами, но на это никто не ропщетъ, лишь бы отдѣльные лица не слишкомъ шумѣли и не мѣшали другимъ спать. Зимой разводится жаркій огонь; уголь въ Глазговѣ дешевъ, и по-

тому его не жалѣютъ; а содержательница пріюта, про которую идетъ слава, что она нескупится жечь уголь въ каминѣ, можетъ быть увѣрена, что у нея въ постояльцахъ не будетъ недостатка.

И такъ Дженъ Камеронъ провела годы дѣтства въ Новомъ Веннелѣ. Первые пять лѣтъ ея жизни прошли среди нищенства и порока; пяти лѣтъ отъ роду она была такимъ же загнаннымъ, запуганнымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, какъ и большая часть дѣвочекъ въ ея положеніи. То, что она знала, — она знала по собственному опыту. Но это было страшное знаніе всей правды житейской — и эта неправда не приводила ее въ содроганье; развѣ то, что ежедневно происходило въ Новомъ Веннелѣ, не было въ порядкѣ вещей? Въ продолженіе всего ея дѣтства мать ни разу не выказала къ ней ни малѣйшей привязанности и смотрѣла на нее, какъ на обузу, отъ которой нельзя отдѣлаться; — какъ на существо, которое можно оставлять полунгимъ, полуголоднымъ и уже безъ всякаго нравственнаго призора; ей казалось, что она для того только и существуетъ, чтобы ее били — и мать била ее за все: за то, что она не кстати попадалась ей на глаза; за то, что она росла не довольно скоро и не могла быть подмогой матери; за то, что она слишкомъ рано приходила домой съ улицы, на которую ее выгоняли и приходила голодная.

— Ты что не просишь милостыни у нарядныхъ прохожихъ? — было единственнымъ наставленіемъ, которое Дженъ слышала отъ матери; — такой большой дѣвкѣ какъ ты пора бы умѣть прокормиться и самой.

И съ этимъ наставленіемъ пятилѣтнюю дѣвочку босую и полунагую выталкивали на улицу во всякую погоду, во всякое время дня и ночи, предоставляя ей самой о себѣ по заботиться. Изрѣдка ее брали на прокаты тѣ обманщики, которыми кишатъ большіе города и таскали ее за собою по улицамъ въ качествѣ одного изъ членовъ честнаго семейства, согнаннаго съ квартиры жестокосердымъ хозяиномъ и принужденнаго кормиться подаеніемъ; но всего чаще она просила милостыню на свой пай, и заработки свои приносила матери, которая вѣчно подозрѣвала, что она утаиваетъ часть денегъ, «воруетъ ихъ у нея».

Впрочемъ, въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи, Дженъ Камеронъ имѣла преимущество надъ своими сверстниками; — ее не учили воровству систематически, какъ ремеслу: дѣло въ томъ, что мать ея гордилась званіемъ *честной жетцины*, женщины ни разу не сидѣвшей въ тюрьмѣ за важное преступленіе. Мистрисъ Камеронъ знала наперечетъ всѣхъ воровъ въ Глазговѣ; она пускала ихъ къ себѣ на постой, смотрѣла сквозь пальцы на мошенничества, совершаемыя въ ея собственной коморкѣ или «домѣ», брала проценты съ ихъ воровской жи- вы, укрывала вора и, въ случаѣ надобности, шла за него къ ложной присягѣ въ полицію; но сама она была честная жен- щина, гнушалась именемъ воровки и по крайней мѣрѣ не до- вала своей дочери того воспитанія, которое получали другія дѣти въ Веннелѣ. Она росла среди полнѣйшаго пренебреже- нія и, при другихъ условіяхъ, развилась бы иначе, а теперь сдѣлалась жертвою той среды, въ которую бросила ее судьба. О ней никто не заботился, и родная мать вспоминала о доче- ри лишь тогда, когда ей надо было выгнать ее на улицу за милостыней. На кого, любезный читатель, должна падать от- вѣтственность за все зло, которое дѣлается въ мірѣ — на не- вѣжественныхъ и развращенныхъ средою, — или же на рав- нодушіе остальныхъ? — Никому нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ доходить бѣднякъ до своего страшнаго паденія, когда въ немъ замираютъ одинъ за другимъ всѣ нравственные инстинкты и постепенно зарождается сперва апатія къ жизни, потомъ не- нависть къ людямъ и наконецъ преступленіе. Никому не было дѣла до маленькой Дженни, когда она погибала и, по законамъ нашей общественной логики, неотразимой въ ея страшныхъ приговорахъ, шла отъ колыбели до тюрьмы прямой, неизбѣж- ной стезей. А между тѣмъ мы не прочь омочить свои носовые платки чувствительными слезами надъ возрастающимъ числомъ преступленій. Но спросите у девяносто девяти изъ ста пре- ступниковъ о томъ, какъ они росли, — и вы увидите, что всѣ они провели свое дѣтство въ этихъ многолюдныхъ и грязныхъ притонахъ разврата. Пока они живутъ такимъ образомъ, ску- чившись вмѣстѣ, пока логовища ихъ уступаютъ тюрьмамъ въ удобствахъ, — что пользы слѣдить за ними въ этихъ мрачныхъ жилищахъ и проповѣдывать имъ обращеніе на путь истины?

Иные, быть может, и поддадутся на эти благочестивые совѣты, но такихъ не много, и впечатлѣніе не можетъ быть продолжительно. Бутылка съ водкой тутъ же подъ рукою, дурныхъ товарищей такъ много—и не куда отъ нихъ дѣться, чтобы пораздумать о новой лучшей жизни. И вотъ, добрые совѣты забываются или обращаются въ насмѣшку; окружающая среда снова втягиваетъ въ себя свою жертву и на всякую попытку исправленія представляетъ сотни новыхъ искушеній.

И такъ, мать Дженъ Камеронъ содержала пріютъ для ночныхъ постояльцевъ и дочь была ей большою помѣхой. Она просила ѣсть въ неурочный часъ; ей нужна была одежда, по крайней мѣрѣ одно платьишко; ночью она занимала мѣсто, если только ее не выталкивали на лѣстницу, чтобы очистить ея постель для постояльца, платившаго за него деньги. Въ лѣтнее время на лѣстницѣ было гораздо лучше ночевать, чѣмъ въ комнатѣ; многіе изъ постояльцевъ выносили на лѣстничную площадку свои оникы, тряпье или матрасы,—(обладавшіе послѣднимъ предметомъ роскоши считались богачами между жителями Новаго Веннела), — чтобы избариться отъ комнатной духоты и отъ насѣкомыхъ, покрывавшихъ полъ и стѣны.

Нерѣдко и въ зимнее время мать выталкивала Дженъ Камеронъ на общую лѣстницу. Тутъ ее топтали запоздалые постояльцы и съ ругательствами толкали съ дороги; полиція, то и дѣло заглядывавшая сюда съ обысками, натывалась на нее, выговаривала матери и заставляла послѣднюю впустить ее въ комнату, но какъ скоро полицейскіе чиновники уходили, мать снова выводила ее за дверь. Впрочемъ эти ночевки на лѣстницѣ отъ многого ее спасали, хотя она въ ту пору объ этомъ и не догадывалась.

Въ Новомъ Веннелѣ квартировала въ то время одна только честная чета, — въ потѣ лица снискивавшая себѣ пропитаніе среди окружающаго ихъ разврата. Чета эта состояла изъ чиновника и его жены, нанимавшихъ комнату на одной площадкѣ съ Дженъ Камеронъ и работавшихъ поздно вечеромъ и рано утромъ надъ своими цыновками, которыя они потомъ цѣлый день разносили по улицамъ Глазгова. Супруги не давали себѣ отдыха даже по воскресеньямъ, когда во всемъ Веннелѣ шелъ ниръ горою. Мужъ ничего не пилъ кромѣ воды; то былъ суровый на видъ шотландецъ, придерживавшійся по

части религій своеобразныхъ понятій; жена была блѣдная женщина съ кѣсиво тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ; на понятіяхъ ея отражалось вліяніе мужа. — Оба они были добры къ Дженни и давали ей, семилѣтней дѣвочкѣ, такіе совѣты, которые могли бы пойти ей въ прокъ при другихъ обстоятельствахъ.

Макви и его жена первые обратили вниманіе на дѣвочку, свернувшуюся на лѣстницѣ, по которой разгуливалъ неистовый зимній вѣтеръ. То было однажды вечеромъ, когда въ комнату матери набилось болѣе обыкновеннаго людей и для Дженъ не оказалось мѣста. Мэкви, возвращаясь поздною порою съ своими цыновниками, споткнулся о спавшаго ребенка.

- Кто ты такая? — спросилъ онъ грубо.
- Дженни Камеронъ
- За чѣмъ ты спишь здѣсь?
- У мамы сегодня нѣтъ мѣста въ каморѣ.
- Пойди сюда, погрѣйся.

Человѣкъ онъ былъ несловоохотливый, съ жесткою рѣчью и вѣчно суровый въ обращеніи, но онъ почувствовалъ состраданіе къ маленькому безпріютному созданію. Онъ взялъ ее къ себѣ въ комнату и она просидѣла до поздней ночи, грѣясь у огня и наблюдая работу цыновщика. — Самый процессъ былъ для нея новостью, спокойное, упорное прилежаніе работника приковывало ея вниманіе пока, наконецъ, убаюканная комнатной теплотой, она не заснула. Когда она проснулась много часовъ спустя, мужъ и жена все еще продолжали работать; она было отважилась заговорить, но хозяинъ, досадуя, что ему мѣшаютъ, сердито велѣлъ ей замолчать. Ране утромъ они снова выпроводили ее на лѣстницу, — они были слишкомъ бѣдны, чтобы дать ей что нибудь поѣсть.

Съ этого времени Дженъ Камеронъ повадилась ходить каждый вечеръ къ цыновщику; она предпочитала тишину его комнаты безпутному образу жизни, пьянству и шуму, господствовавшимъ на квартирѣ у ея матери. Мистрисъ Камеронъ не обращала вниманія на поведеніе своей дочери; ей было рѣшительно все равно, гдѣ бы она ни шаталась; если бы Дженни пропала кѣмъ нибудь мѣсяцъ, если бы она пропала навсегда, то и тогда эта мать не стала бы горевать.

— Мнѣ сдается, миссъ, что она съ самаго начала меня терпѣть не могла, говаривала о ней Дженни впоследствии. — Она ненавидѣла меня за то, что я на свѣтъ родилась; подчасъ я и сама себя за это ненавидѣла, добавляла, она съ горечью. Между Мэкви и его женою нерѣдко заходила рѣчь о Дженни и объ ея семействѣ. — Они соболѣзновали объ ея участи; Мэкви подчасъ начиналъ горячиться и говаривалъ, что стыдъ и срамъ что никто не хочетъ присмотрѣть за дѣвочкой и удалить ее изъ такого ужаснаго мѣста, какъ Новый Веннель: онъ говорилъ съ жаромъ и размахивая своимъ рабочимъ ножомъ надъ головой. Съ самой Дженни онъ почти никогда не заводилъ рѣчи; но жена его была словоохотливѣе, а потому, разумѣется, пользовалась большимъ расположеніемъ дѣвочки. Во всю зиму дверь ихъ каморки оставалась отворенною для Дженни, она привыкла стучаться къ нимъ каждый разъ, когда ее выгоняли на ночь изъ дому и мать ея, какъ смѣтливая и практическая женщина, стала регулярно выгонять ее каждый вечеръ, чего прежде не дѣлывала.

Однажды между мистрисъ Мэкви и Дженниной матерью произошла отчаянная ссора изъ за нея. Мистрисъ Мэкви упрекнула Мистрисъ Камеронъ въ недостатокъ материнской любви; послѣдняя бросилась на нее, ударила ее въ лице и стащила у нея чепецъ съ головы.

— Я боялась, что они меня послѣ этаго не пустятъ къ себѣ, говорила мнѣ Дженни, рассказывая этотъ эпизодъ своей ранней молодости, — но когда я постучалась къ нимъ по обыкновению, они отворили мнѣ дверь и пустили меня къ камину, не сказавъ мнѣ ни одного обиднаго слова.

Мало того, Мистрисъ Мэкви отважилась дать Дженни нѣкоторые добрые совѣты: она уговаривала ее не подражать дурнымъ примѣрамъ, не слоняться вмѣстѣ съ другими дѣвочками этаго квартала и искать себѣ во что бы то ни стало мѣста служанки.

— Чѣмъ скорѣе ты отсюда уберешься, тѣмъ лучше, говаривала она ей. — Только бы тебѣ найти надежнаго друга, пуще всего приищи себѣ друга, Дженни.

Но его-то и не удалось Дженни приискать. Некому было научить ее добру и поддержать ее среди этой жизни, которую

наачла она такъ рано, и которая такъ быстро ее состарила.

Единственныхъ людей, кошорыхъ она еще могла считать своими друзьями, постигло несчастье; цыновки пали въ цѣнѣ въ Глазговѣ; посредникъ, снимающій обыкновенно такія мѣста какъ Веннелъ отъ домохозяина, забралъ за неплатежъ трехнедѣльной квартирной платы всѣ цыновки и выгналъ цыновника съ женою на улицу. — Съ той поры Дженни Камеронъ ни разу ихъ болѣе не видала.

ГЛАВА III

Танцклассъ.

Однообразно прошли послѣдующіе три года въ жизни Дженъ Камеронъ; она росла и развращалась съ одинаковою быстротою; дѣсяти лѣтъ отъ роду она обладала такою жизненною опытностью, которой устыдились бы многія престарѣлыя женщины.

Она прошла суровою школою и полученные такимъ образомъ уроки изощрили ее въ хитрости и пронырствѣ. Между постольцами своей матери она имѣла репутацію бойкой дѣвочки и пользовалась общимъ расположеніемъ. Около этаго времени она поступила на бумажную фабрику и зарабатывала ежедневно отъ одного до двухъ шиллинговъ, которые мать хитро отбирала у нея по субботамъ и напивалась на нихъ. Дженъ Камеронъ рѣдко видѣла чловѣка, считавшагося ея отцомъ, и это было для нея утѣшеніемъ; потому что въ чловѣкѣ этомъ не было и слѣда родительской нѣжности и онъ питалъ къ дочери такую ожесточенную ненависть, которая была удивительна даже въ чловѣкѣ его закала. Сама Мистрисъ Камеронъ никогда не видала отъ него ласки, но съ дочерью онъ былъ хуже чѣмъ не ласковъ. Когда Дженни минуло десять лѣтъ, онъ объяснилъ ей съ ужасающею ясностью самый легкій способъ приносить деньги въ семью, — гораздо болѣе легкій, чѣмъ работа на фабрикѣ. Негодяй приправилъ свой совѣтъ самыми страшными ругательствами и грозился выгнать ее изъ дому, если она не станетъ добывать больше денегъ. Къ чести ея матери надо сказать, что она ни разу не повторала этихъ убійствен-

ныхъ совѣтовъ; однажды она рѣшилась даже замѣтить своему сожителю, что не дѣло вбивать въ голову дѣвочкѣ подобныя мысли и была какъ слѣдуетъ выругана за непрошенное вмешательство.

Не весело жилось Дженни дома и она искала себѣ развлечения среди уличныхъ подругъ. Она была въ тѣхъ годахъ, когда уличная жизнь особенно заманчива для дѣвочекъ послѣ тяжелой дневной работы. На улицѣ было свѣтло и шумно, тутъ она находила себѣ подругъ одинаковаго съ ней возраста и пола между фабричными дѣвочками, дочерьми бѣдныхъ родителей — честныхъ и безчестныхъ, жившихъ по сосѣдству.

Въ эту-то пору своей жизни сдружилась Дженъ Камеронъ съ одной дѣвочкой, работавшей на одной съ нею фабрикѣ; подруга эта была только годомъ старше Дженни, но въ житейской опытности далеко превосходила ее. Дѣвочка эта, по имени Мери Логги, принадлежала къ семейству, о которомъ носились самыя зловѣщія слухи, но котораго никто не зналъ близко.

Новыя подруги стали вмѣстѣ слоняться по улицамъ, какъ скоро кончались дневныя работы на бумажной фабрикѣ; на улицѣ онѣ заключали знакомства съ мальчиками и дѣвочками однихъ съ ними лѣтъ, такими же заброшенными и отчаянными, какъ и онѣ сами.

Увеселенія ихъ были незатѣйливаго свойства и опредѣлялись случайными обстоятельствами. Они собирались на перекресткахъ, болтали, смѣялись, ссорились и шумѣли, пока ихъ не разогнала полиція. Они почти не походили на дѣтей: въ нихъ не было и слѣда дѣтскаго простодушія; ругательства такъ же часто у нихъ вырывались, какъ и у взрослыхъ, между которыми они жили. Въ нихъ было замѣтно то старчество мысли, которое составляетъ отличительный признакъ заброшенныхъ дѣтей: то были маленькіе мужчины и женщины, гордившіеся своими познаніями темныхъ сторонъ жизни и выставившіе ихъ на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Во всемъ остальномъ они были страшно невѣжественны. Половина ихъ уже перебывала въ рукахъ полиціи за мелкія кражи и открыто гордилась подвѣтками, послужившими поводомъ къ заключенію. Дженъ Камеронъ пока еще не поддавалась ис-

купенію обокрасть ближняго; но въ самомъ актѣ воровства она не видѣла ничего преступнаго и смотрѣла на него, какъ на ремесло, за которое она могла взяться впоследствии, когда изсякнутъ другіе болѣе безопасные источники наживы. Въ то время она еще боялась тюрьмы и полицейскихъ служителей, и страхъ заключенія удерживалъ ее на нѣкоторое время честною дѣвочкой.

Но дурные примѣры были у нея постоянно передъ глазами. Ея загадочная пріятельница Мери Логги даже сознавалась ей, что высидѣла въ тюрьмѣ десять дней за воровство въ булочной.

— Тюрьма—плевое дѣло, рассказывала Мери,—о тебѣ заботятся и ѣсть дають до свѣта, не то что дома. Право, нечего бояться тюрьмы!

Въ дождливые вечера Дженъ Камеронъ отправлялась въ своей пріятельницѣ на домъ въ Гай-Стритъ. Домъ этотъ былъ гораздо просторнѣе, чѣмъ «домъ» ея матери и считался ночнымъ пріютомъ высшаго разряда; постели въ немъ отдавались за высокую плату шести пенсовъ за ночь.

Супруги Логги снимали двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ; въ первой изъ этихъ комнатъ, очень просторной, стояли кровати, надъ которыми были подѣланы палки; послѣднія предназначались для постояльцевъ низшаго разряда, которые не отличались прихотливостью и не боялись духоты.—Логги были люди зажиточные и имѣли своими записными постояльцами все больше денежныхъ мошенниковъ.—И не даромъ пользовались супруги Логги покровительствомъ почтенной братьи. Они умѣли ладить съ полиціей и въ то же время крѣпко держались за своихъ потребителей, укрывали краденныя вещи и даже держали домашній кобачекъ къ услугамъ почтенныхъ посѣтителей. Домъ Логги хорошо былъ извѣстенъ полиціи, какъ притонъ всевозможныхъ мазуриковъ, но самъ Логги еще ни разу не попадался въ бѣду.

Въ этотъ-то домъ водила Мери Логги нашу героиню раза по два въ недѣлю. По вечерамъ, часовъ до одиннадцати въ немъ было очень людно. Особенно когда на дворѣ шелъ дождь, туда валили толпами мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки; всѣ собирались у камина, курили, пили водку, пѣли нѣсни и рассказывали скандальныя анекдоты. Дженъ Камеронъ, сидя

между ними и слушая ихъ , думала о томъ , какъ имъ хорошо тутъ сидится и какъ жаль , что полиція то и дѣло мѣшаетъ имъ .

Семейство Логги отличалось между ними веселостью и безпечностью. Всѣ въ этомъ семействѣ были ласковы съ Дженни; а ласковость была для нея равнозначаща съ добротой. Кроме хозяйина и хозяйки заведенія семейство это состояло изъ двухъ взрослыхъ дочерей , жившихъ распутною жизнью , къ которой поощряли , ихъ родители , и двухъ сыновей , считавшихся искуснѣйшими ворами въ Глазговѣ. — Всѣ они приглубивали Дженъ и знакомили ее съ жизнью; они рассчитывали , что изъ нея выйдетъ въ будущемъ одного съ ними поля ягода.

Дженъ между тѣмъ начинала питать отвращеніе къ тяжелой работѣ на бумажной фабрикѣ. Однажды , возвращаясь домой къ обѣду , она встрѣтила даму , которая , тронутая ея жалкимъ видомъ , подала ей монету въ четыре пенни. Дженни утаила эту монету , чтобы прокутить ее вечеромъ съ своими пріятелями. Въ тотъ же вечеръ онѣ отправились съ Мери въ «танц-гласъ» находившійся по сосѣдству и протанцовали тамъ съ мальчиками до десяти часовъ вечера.

Это денежное увеселеніе имѣло для нихъ особенную прелесть; быстро летѣли для нихъ часы подъ музыку , среди шумнаго общества и вихря бѣшенаго веселья. Тутъ Дженъ была счастлива и отдыхала отъ фабричной работы. Половина посѣтительницъ состояли изъ дѣвочекъ ея лѣтъ , инныя были даже моложе; всѣ онѣ спѣшили сюда на краденныя , занятыя или выпрошенныя христа—ради деньги и плясали по нѣскольбу часовъ до упаду.

Эти танцклассы съ платою одного пенса за входъ были , если не ошибаюсь , въ первый разъ открыты въ Ливерпулѣ. Заведенія эти имѣли большой успѣхъ въ низшихъ классахъ населенія и быстро распространились въ другихъ городахъ. Въ скоромъ времени они сдѣлались обильными рассадниками преступленія. Половина этихъ шотландокъ , которыхъ я встрѣчала въ тюрьмахъ , приписываютъ свою гибель этимъ танцклассамъ.

— Какъ побывала я на этихъ танцклассахъ , такъ ни о чемъ больше и думать не могла. Съ ума объ нихъ я просто сходила , когда была молоденькой дѣвчонкой , говорила Дженъ Ка-

меронъ. Сами по себѣ эти увеселительныя заведенія не представляютъ ничего предосудительнаго; вся сущность ихъ неотразимо-пагубнаго вліянія заключается въ сближеніи, которому они способствуютъ между слабыми и неопытными съ одной стороны и развращенными съ другой

Танцклассная комната обыкновенно помѣщается въ какомъ нибудь неосвѣщенномъ переулкѣ. Надъ входомъ красуется надпись: «здѣсь танцуютъ». Входъ этотъ охраняется ослабляющею личностью, которая собираетъ плату съ молодыхъ посѣтителей, впускаетъ ихъ и запираетъ за ними дверь.

Въ эту комнату, освѣщенную газомъ, или просте свѣчами, быстро набирается до сотни и до полутора ста гостей, которые размѣщаются на скамьяхъ вдоль стѣнъ. Тутъ встрѣтите вы молодежь всѣхъ возрастовъ, отъ семилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ до двадцати-двулѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, но большинство составляютъ дѣти обоюга пола отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Между мальчиками всего больше попадаются ученики изъ разныхъ мастерскихъ и молодые воры. Дѣвочки принадлежатъ къ самому бѣдному классу. — Три четверти изъ нихъ не имѣютъ ни башмаковъ, ни чулокъ и всѣ приходятъ безъ шляпъ по шотландскому обычаю. Мальчики вообще не могутъ похвалиться опрятностью, но дѣвочки всѣ безъ исключенія отличаются свѣтлыми личиками, лоснящимися волосами, и очевиднымъ желаніемъ сдѣлать свою наружность какъ можно болѣе привлекательной. Тамъ и сямъ бросаются въ глаза попытки щегольства въ видѣ сережекъ, ожерелья изъ поддѣльныхъ вораговъ—одежда ихъ бѣдна, но не видно лохмотьевъ.

Церемоніймейстеръ со скрипкою въ рукѣ подаетъ знакъ, и балъ начинается подъ страшный стукъ мужскихъ каблуковъ и мягкое шлепанье босыхъ женскихъ ногъ. Въ комнатѣ становится душно, пыльно и среди всей этой суматохи танцмейстеръ, подобный злему духу этого мѣста, озираетъ съ возвышенія своихъ учениковъ. Онъ знаетъ ихъ всѣхъ наперечетъ. Къ болѣе взрослымъ дѣвочкамъ, которыя могутъ заманить въ заведеніе постороннихъ посѣтителей, онъ особенно внимателенъ и отечески ласковъ; онъ знаетъ, что вечеръ безъ того не кончится, чтобы не обокрали постороннихъ посѣтителей; тогда поднимется гвалтъ и, быть можетъ, потребуются

услуги дружеской руки, которая погасила бы газъ или свѣчи, предоставляя всей честной компаніи оцупью выбираться на улицу—или, быть можетъ, понадобится призвать для восстановленія порядка человѣка, собирающаго плату у входа: онъ кулачный боецъ по ремеслу и съумѣетъ заставить недовольныхъ замолчать или вытолкаетъ ихъ изъ комнаты.—Впрочемъ правила заведенія воспрепятствуютъ кражу въ самой танцевальной залѣ, на это существуетъ особая комната по другую сторону лестничной площадки; тамъ подобныя дѣла могутъ совершаться безпрепятственно съ большею безопасностью для славы сего заведенія.

Сюда-то каждую ночь спѣшатъ, на эти безобразныя празднества, мальчики и дѣвочки въ городахъ Шотландіи. Чтобы попасть туда, ученикъ изъ мастерской воруетъ, дѣвочка нищенствуетъ на улицѣ или тоже крадетъ: не даромъ эти мѣста извѣстны полиціи подъ именемъ «*дѣтскихъ*» (*nursegy*): ихъ дѣйствительно можно назвать колыбелью порока и разврата.

Дженъ Камеронъ еще не было двѣнадцати лѣтъ, какъ она уже имѣла любовника, четырнадцатилѣтняго мальчика, убѣждавшаго изъ ученья, связавшагося съ шайкою воровъ и сдѣлавшагося, какъ и слѣдовало ожидать, такимъ же воровъ. Дженъ познакомилась съ нимъ въ танцклассѣ; она не боялась воровъ, для этого она слишкомъ часто встрѣчалась съ ними какъ въ танцклассѣ, такъ и дома; она знала ихъ за людей добродушныхъ, всегда готовыхъ роскошиться, и имѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ на что роскошиться. Мальчику, котораго мы назовемъ Ёанъ, приглянулась эта дѣвочка; онъ пометилъ ее себѣ въ любовницы и безъ труда вскружилъ голову Дженни. Мери Логги; въ конецъ развращенная и желавшая видѣть и Дженъ такою же развращенною, какъ она сама, поощряла эту связь. Дженни совсѣмъ отстала отъ работы на фабрикѣ и страстно, не естественно бѣшено для ея лѣтъ, привязалась къ этому мальчику, побывавшему уже три раза въ Глазговской тюрьмѣ и разъ въ Единбургской.

Связь ея съ этимъ мальчикомъ, которую она нисколько не заботилась скрывать, обратила и на нее вниманіе полиціи. Одинъ сострадательный сыщикъ, заглядывавшій въ танцклассъ

сы, рѣшился предостеречь Дженни на счетъ опасности, омидавшей ее впереди.

— Не доведутъ тебя до добра эта школа и этотъ парень, Дженни Камеронъ. Смотри, берегись!

Дженни оставила безъ вниманія это предостереженіе: пора предостереженій уже прошла для нея. До сихъ поръ она еще не принималась за воровство, но это только потому, что случай не представлялся; никакая нравственная узда не удерживала ее отъ проступка и она неминуемо должна была ожидаться искушенію въ тотъ часъ, когда представится случай выбирать между голодомъ и кражей.

ГЛАВА IV.

Первый шагъ къ преступленію.

У мистрисъ Камеронъ было разъ навсегда заведено каждое утро обыскивать карманы своей дочери прежде, чѣмъ отпустить ее на бумажную фабрику. Мистрисъ Камеронъ вѣчно подозрѣвала ее въ укрывательствѣ денегъ, которыя, быть можетъ, какамъ нибудь сострадательная душа подала ей на улицѣ, или подарилъ кто нибудь изъ жильцовъ, или сама же она дала ей наканунѣ, раздобывшись отъ лишней рюмочки. По мѣрѣ того, какъ Дженни становилась старше, это обыскиванье начинало ей надоедать, особенно съ той поры, какъ Еанъ сталъ дѣлать ей отъ времени до времени денежные подарки пенсовъ въ шесть или въ шиллингъ; она видѣла себя вынужденною или тратить ихъ тотчасъ же по полученіи, или прятать ихъ куда нибудь подалше отъ матери.

Дженни обыкновенно уходила изъ дому безъ гроша и отправлялась въ танцклассъ на деньги Мери Логги. Но около этого времени и у самой Мери Логги перевелись деньги; дѣло въ томъ, что для глазговскихъ воровъ настали плохія времена и отовсюду слышались жалобы. Лавочники были черевъ чуръ ужъ на сторожѣ, а потому воровская братья голодала. — Джонъ Еанъ былъ парень осторожный и себѣ на умѣ; Дженъ Камеронъ не знала доподлинно, гдѣ онъ живетъ: онъ имѣлъ привычку переходить съ мѣста на мѣсто, и мѣнять то и дѣло

квартиры. Всего вѣрнѣе его можно было встрѣтить въ танцклассѣ; онъ ловко исполнялъ шотландскіе танцы и особенно славился своимъ талантомъ по этой части. Тщеславіе было въ немъ преобладающею слабостью. Онъ считалъ себя однимъ изъ искуснѣйшихъ воровъ въ Глазговѣ и находились люди, завскакивавшіе его дружбы и поощрявшіе въ немъ эту увѣренность; они звали его ухорскимъ Джокомъ. Прозвище это такъ и осталось за нимъ на цѣлую жизнь.

Счастье не везло съ нѣкоторыхъ поръ ухорскому Джоку; онъ давно уже бросилъ и думать о честномъ трудѣ, — впрочемъ и при желаніи трудиться онъ врядъ ли нашелъ бы себѣ работу. Онъ задолжалъ своей квартирной хозяйкѣ, а въ карманахъ у него было пусто. Правда, ноябрь былъ уже на дворѣ, а въ зимніе вечера представлялось болѣе случаевъ поживѣ; но въ ожиданіи ихъ онъ шатался по улицамъ, чуть не умирая съ голода. Но, голодный и оборванный, онъ все таки находилъ возможность раза два — три въ недѣлю побывать въ танцклассѣ, куда ему сопутствовала и Дженни при всякомъ удобномъ случаѣ.

Побудительною причиною перваго шага дѣвочки на пути порока была ревность. Однажды въ субботу вечеромъ обѣ онѣ съ Мери Логги сидѣли безъ денегъ. Бродя взадъ и впередъ по Сольтъ-Маркету, онѣ встрѣтили одну изъ своихъ уличныхъ подругъ.

— Ты не будешь въ танцклассѣ сегодня вечеромъ, Дженни? спросила эта подруга.

— Денегъ нѣтъ.

— У Джока Еана сегодня много денегъ; онъ отправился въ танцклассъ съ сестрами Фрезеръ.

— Онъ наскучилъ тобою, Дженни, ты слишкомъ молода для него.

Камеронъ вспыхнула при этихъ словахъ; она была внѣ себя отъ ревности и негодованія. Сестры Фрезеръ принадлежали къ тому типу, который, вынесши изъ уличной жизни богатый запасъ жизненной опытности, рано знакомится съ порокомъ во всѣхъ его видахъ; молодая съ виду, онѣ были слишкомъ зрѣлы по складу ума, и воли. Подруга Дженни на этотъ разъ не подшутила надъ нею. Мистеръ Еанъ дѣйствительно пировалъ

въ этотъ вечеръ съ сестрами Фрезеръ, забывая о Дженъ для новыхъ лицъ.

Дженъ и ея пріятельница тотчасъ же отправились въ танц-классъ и принялись упрашивать хозяина, чтобы онъ впустилъ ихъ въ долгъ, обѣщаясь непременно расплатиться съ нимъ въ слѣдующій разъ. Но хозяинъ оставался непреклоненъ, какъ Церберъ. Его дѣла тоже шли плохо: много разъ онъ уже бывалъ обманутъ нѣкоторыми изъ своихъ записныхъ посѣтителей, которымъ онъ вѣрилъ въ долгъ. — Онъ требовалъ, чтобы они внесли плату за входъ, а не то убирались бы прочь.

Дженъ въ отчаяньи кинулась назадъ въ Гай-Стритъ; за нею едва поспѣвала запыхавшаяся Мери Логги.

— Мнѣ непременно нужно попасть въ танцклассъ сегодня же, говорила Дженъ. Я должна ему высказать въ лице, что я объ немъ думаю. Зачѣмъ онъ мнѣ прямо не сказалъ, что наскучилъ мною и хочетъ связаться съ одною изъ этихъ Фрезеръ?

— Отъ него и слѣдовало ожидать этого, Дженъ, было отвѣтомъ. — Я всегда говорила тебѣ, чтобы ты не имѣла съ нимъ никакого дѣла, что онъ обманщикъ.

— Мнѣ надо попасть въ танцклассъ, повторяла Дженъ, — во что бы то ни стало надо попасть.

Дженни сказала Мери, чтобы она подождала ее на углу Веннеля, а сама побѣжала домой — попросить денегъ у матери; но матери ея не было дома и, сколько ни искала ее Дженъ по сосѣднимъ кабакамъ, — все было напрасно. Обѣ дѣвочки не могли ума приложить, какъ бы имъ раздобыться двумя пенсами. Дженъ предложила просить Христа ради у нарядныхъ прохожихъ, но Мери отвѣчала ей, что въ этотъ часъ такихъ прохожихъ мало бываетъ, да и самый способъ ненадеженъ. — Вотъ кабы намъ удалось чтонибудь стянуть въ магазинъ, заговорила Мери, — и Дженъ въ эту минуту подумала, что дѣйствительно было бы хорошо, еслибъ имъ это удалось. Въ этомъ предложеніи она не видѣла ничего предосудительнаго; — она не знала, что воровство дурное дѣло, знала только, что открытіе его влечетъ за собой наказаніе, — а въ эту пору тюрьма была для нея предметомъ священнаго ужаса, ее мучила мысль провести десять дней врозь съ «ловкимъ Джокомъ».

Но она сѣкла бы себя счастливой, если бы ей удалось стянуть чтонибудь такъ, чтобы никто не замѣтилъ;—эти мелкіе лавочники, у которыхъ было столько всякаго товару, въ ея глазахъ были люди зажиточные: что значила для нихъ пропадажа какойнибудь бездѣлушки, которой они, вѣроятно, никогда и не хватятся?

И такъ обѣ подружки ходили взадъ и впередъ, заглядывая въ окна всѣхъ магазиновъ, преимущественно же въ окна мелочныхъ лавочекъ. Случилось такъ, что въ одной изъ этихъ лавочекъ, находившейся на углу улицы, было въ эту минуту двѣ покупицы; прикащикъ, стоявшій за прилавкомъ, былъ занятъ ими, но, какъ на бѣду, у входа этой лавочки ничего не было такого, чтобы можно было украсть.

— Ступай спроси у нихъ какогонибудь товару, снова надоумила Дженни ея безсовѣстная подруга. Да спроси чтонибудь такое, чего у нихъ нѣтъ. Глянь-ко что у нихъ добра навалено на прилавкѣ! Твое дѣло только смахнуть кабуюнибудь вещицу локтемъ, а ужъ я прокрадусь и подниму ее съ пола.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше сама ступай, отвѣчала Дженни.

— Да меня они знаютъ и тотчасъ же смекнутъ въ чемъ дѣло.

Дженъ, раздраженная измѣною своего юнаго любовника и подзадориваемая надеждою уличить его на мѣстѣ, поспѣшно вошла въ лавку и стала рядомъ съ двумя женщинами, озабоченными покупкою разныхъ бездѣлушекъ. Торговецъ взглянулъ на нее мелькомъ и снова обратился къ прежде вошедшимъ. Только-что показанные дешевые товары лежали такъ близко, что Дженъ могла достать ихъ рукою. «Если бы онъ только на минуту отвернулся и забылъ про нихъ» — думала дѣвочка, сердце которой замирало отъ страха и волненія при этой первой попыткѣ.

— Я думала, что у меня сердце вонъ выскочить, сознавалась она впоследствии. Ужъ очень я боялась попасться; обѣ остальномъ я и не думала. Мнѣ все представлялось, какъ мой Джони танцуетъ съ этими дѣвчонками Фрезеръ и мнѣ хотѣлось поскорѣе схватить ленты, либо перчатки и убѣжать съ ними.

Она позабыла, что Мери Логги наказывала ей стянуть чтонибудь съ прилавка локтемъ; ей хотѣлось поскорѣе прибрать къ рукамъ подмѣченный ею кусокъ лентъ.—«То была узкая голубая лента съ серебряною коемкою,—я какъ теперь ее вижу,» рассказывала она. Кусокъ этотъ очень ловко было ухватить въ руку, если бы только лавочникъ на минуту позабылъ осмотрительность.

Выждаемый случай представился,—лавочникъ отвернулся и Дженъ стянула ленту съ прилавка. Нѣсколько минутъ она простояла, держа ленту въ рукѣ, испуганная своей собственной смѣлостью.

— Когда она очутилась у меня въ рукахъ, я не знала, что съ нею дѣлать, продолжала она свой рассказъ.— Я стояла какъ дура и сжимала ее въ рукѣ у себя за спиною. Если бы онъ только взглянулъ на меня, онъ бы тотчасъ же догадался, что я чтонибудь украла.

Но лавочникъ ничего не подозрѣвалъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ обернуться, Дженъ почувствовала, что Мери Логги тихонько беретъ у нея ленту изъ руки. Теперь ей надо было подумать о томъ, какимъ образомъ самой выбраться изъ лавки. Она ломала голову, чтобы такое спросить, чего бы въ лавкѣ не было? Она боялась, что лавочникъ оглянувшись хватится пропавшаго куска и обвинить ее въ покражѣ — и колѣна ея дрожали отъ страха. Наконецъ, не будучи въ силахъ далѣе выносить эту пытку ожиданія, она обратилась къ лавочнику, все еще разговаривавшему съ двумя покупицами и спросила, нѣтъ ли у него дешевыхъ перчатокъ, цѣною въ полтора пенни за пару. На этотъ нелѣпный вопросъ лавочникъ отвѣтилъ рѣзкимъ «нѣтъ», и такимъ образомъ доставилъ Дженъ предлогъ, чтобы удалиться.

Медленными, тяжелыми шагами выбралась Дженни изъ лавки, точно къ пяткамъ ея были привязаны свинцовыя гири. Очутившись на улицѣ, она какъ безумная побѣжала къ танцевальной залѣ, въ полной увѣренности, что Мери Логги дожидается ея у входа. Но Мери Логги тамъ не оказалось; она явилась на условленное мѣсто цѣлымъ получасомъ позднѣе, когда Дженни начинала уже отчаливаться въ ея возвращеніи.

— Гдѣ лента, нетерпѣливо осведомилась Дженни.

— Все улажено, какъ нельзя лучше. Дженъ:—тебѣ нѣчего бояться. Ты не попадешься.

— Куда ты ее дѣвала?

— Я отнесла ее къ закладчику и получила за нее шесть пенсовъ.

— Отлично, мери, отлично!

Теперь, когда миновалась опасность и волненіе утихло, результатъ всего этого казался Дженни отличнымъ.

Она вошла въ танцевальную залу, и увидѣла ухорскаго Джокя, участвовавшаго вмѣстѣ съ другими въ одномъ національномъ шотландскомъ танцѣ. По окончаніи танца, Дженъ подошла къ нему и стала его упрекать за невѣрность; но Джокъ разсыпался въ оправданіяхъ; по его словамъ эти дѣвчонки Фрезеръ пристала къ нему съ ножомъ къ горлу, чтобы онъ ихъ угостилъ,—а такъ какъ еще недавно ему посчастливилось найти кошелекъ съ семнадцатью шиллингами, то и нельзя было ему отказаться. Самыми страшными клятвами увѣрялъ онъ ее, что краше его Дженни нѣтъ никого на вечерѣ, и дѣвушка охотно повѣрила и простила ему; она рассказала въ тотъ же вечеръ о своемъ воровскомъ подвигѣ: Джокъ потренилъ ее по спинѣ и проговорилъ: «молодецъ дѣвка!» и тутъ же объявилъ, что вся эта штука была чертовски ловко обдѣлана и что онъ не предполагалъ въ ней такой удали.

Съ бала они отправились въ домъ Логги, гдѣ Джокъ, со всею щедростью мальчика и вора, угостилъ всю честную компанію водкой и рассказалъ при громкихъ знакахъ одобренія всего собранія о первой попыткѣ Дженъ Камеронъ. Всѣ выпили за здоровье ея. Всѣ эти похвалы и поощренія вскружили ей голову; ее поили водкой, пока она въ одуреніи не повалилась въ уголь комнаты, гдѣ такъ и провалялась до утра, не будучи въ состояніи дотанциться до квартиры своей матери.

ГЛАВА VI.

Ночное бѣгство мистриссъ Камеронъ.

Прямо отъ Логги Дженъ отправилась на бумажную фабрику. Было уже довольно поздно и она пришла какъ разъ въ то вре-

мя, когда раздавали задѣльную плату; получивъ свою долю, она отнесла ее матери, нетерпѣливо ожидавшей ея возвращенія. Выпитая наканунѣ водка все еще туманила ея голову; она не въ состоянїи была связно отвѣчать на распросы матери, которме на этотъ разъ были подробнѣе обыкновеннаго. Мать была тоже въ этотъ день въ раздражительномъ настроенїи духа, недовольная тѣмъ, что дочь принесла домой такъ мало денегъ; она принялась бранить ее и наконецъ прибила.

Дженъ Камеронъ не поддавалась матери: руками и ногами она защищалась отъ побоевъ. Языкъ ея тоже не оставался въ бездѣйствїи; она предъявляла свое право дѣлать все, что ей вздумается, попрекала мать ея прежнею жестокостью, припоминала, какъ она выталкивала ее на лѣстницу— между тѣмъ какъ стоитъ ей, Дженни, захотѣть—и она припѣваячи будетъ жить въ семействѣ Логги.

— Такъ убирайся же и живи тамъ, мерзавка, зарычала мистриссъ Камеронъ вслѣдъ дочерп, которая, вырвавшись изъ рукъ матери, сбѣжала по лѣстницѣ на улицу.—Вернись только назадъ, я захопну дверь тебѣ подъ носомъ. А ужъ этимъ Логги скажу я всю правду-матку въ глаза—вотъ увидишь, что скажу.

Дженъ побѣжала къ Логги, чтобы предупредить ихъ о собиравшейся къ нимъ посѣтительницѣ, но мистриссъ Камеронъ и не думала сдержатъ свою угрозу. Три часа спустя Дженъ увидѣла мать въ кабацѣ еле державшеюся на ногахъ. Мистриссъ Камеронъ провела эту ночь подъ арестомъ; когда же была выпущена на свободу, не только не напомнила Дженъ о ся выходкѣ, но даже стала обращаться съ ней ласково, такъ ласково, какъ этого не бывало.

— Послѣ этого мы съ ней лучше стали ладить; она какъ будто сдѣлалась настоящей матерью, пока не воротился ея любезный.

Впрочемъ, негодяю этому, котораго Дженъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавидѣла, не долго уже было суждено отравлять существованіе нашей преступной героини. Обитателямъ тѣсной коморки Новаго Веннела предстояло вскорѣ разбрестись въ разныя стороны. Случилось же это слѣдующимъ образомъ.

Въ Новомъ Веннелѣ кого-то ограбили — дѣло не новое, но жертва на этотъ разъ не покорилась своей участи, а заявила о воровствѣ въ полиціи. Начались розыски и воры, успѣшіе проникать о нихъ, держались на сторожѣ. Ограбленный, который былъ пьянъ и заведенъ въ Веннелъ въ полубезсознательномъ состояніи, не могъ въ точности опредѣлить мѣсто, гдѣ его обокрали: онъ зналъ только, что это было въ Новомъ Веннелѣ. Подозрѣніе пало на притонъ, который содержала мистриссъ Камеронъ; ее обыскали, но на обыскѣ ничего не оказалось, и усилія полиціи открыть виновнаго оставались нѣкоторое время безуспѣшными. Однажды утромъ Дженъ Камеронъ была остановлена сыщикомъ; это случилось нѣсколько дней спустя послѣ ея собственнаго воровскаго подвига, и она сочла себя погибшею. Встрѣтила она сыщика по дорогѣ на бумажную фабрику. Онъ заговорилъ съ ней издалика; сдѣлавъ нѣсколько постороннихъ вопросовъ, сказалъ ей нѣсколько любезностей о ея наружности, наконецъ незамѣтнымъ образомъ повелъ вопросъ: не помнитъ ли она, кто былъ у ея матери въ ночь на такое-то сентябрь? Но Дженъ никогда не забывала осторожность; она была достаточно опытна для того, чтобы не положить пальца въ ротъ полицейскому, и потому на всѣ его распросы отвѣчала лаконически: знать ничего не знаю и ничего не могу припомнить.

«По возможности никогда не говори правду полицейскимъ,» — было первымъ правиломъ, которому научила ее мать и негодный, считавшійся ея отцемъ. А между тѣмъ подробности именно этой мошеннической продѣлки были хорошо извѣстны дѣвочкѣ. Въ тотъ вечеръ она рано вернулась домой и была свидѣтельницею прибытія жертвы и обдуманности, съ которою ее напоили и обобрали. Мать ея въ это время сидѣла у каминна и не обращала вниманія на происходившее, предоставляя и тѣшиться молодежи,» какъ она выражалась. Дженъ заснула, не доглядывъ, чѣмъ все это кончится, — до того притягивалась она къ подобнымъ ежедневнымъ случайностямъ. Разбудилъ ее приходъ одного пріятеля, который явился на подмогу постояльцамъ мистриссъ Камеронъ, чтобы стащить внизъ спящую жертву. Обстоятельство это врѣзалось уже въ памяти потому, что неспіе поскользнулись на лѣстницѣ и скатились внизъ гурьбою при гром-

комъ хохотѣ зѣвакъ, глядѣвшихъ сверху на всю эту процедуру. Подобныя дѣла велись открыто, въ полной увѣренности, что никто изъ обитателей Вениеля не вынесетъ сору изъ избы. «Сегодня очередь постояльцевъ мистриссъ Камеронъ; завтра чередъ сосѣдскихъ постояльцевъ.»

Но расчетъ былъ ошибочный и на этотъ разъ основное правило воровской чести было нарушено. Обстоятельства дѣла начали какимъ-то таинственнымъ образомъ мало по малу выходить наружу; главнаго преступника схватили въ кабакѣ, служившемъ сборнымъ мѣстомъ разныхъ подозрительныхъ личностей, и вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всему околеду. Между ворами существуетъ такой способъ передавать извѣстия, которому въ быстротѣ могла бы позавидовать сама полиція. Мистриссъ Камеронъ была извѣщена объ опасности нѣсколько минутъ спустя послѣ ареста главнаго преступника; въ случаѣ полного признанія со стороны послѣдняго, — а такого признанія можно было ожидать, — мистриссъ Камеронъ пришло бы плохо. Она поняла, что *добро* имя ея можетъ пострадать, что дѣлю вовсе не шуточное — и скрылась.

Возвратившись домой поздно вечеромъ съ танцъ-класса, Дженни не застала болѣе матери дома; квартиру ея уже успѣла занять сосѣдка, тоже содержавшая ночной притонъ и неотличившаяся разборчивостью на постояльцевъ. Видимо, мистриссъ Камеронъ, передъ тѣмъ какъ съѣхать, на скорую руку сторговалась съ сосѣдкой и продала ей въ убытокъ все свое хозяйство, состоявшее изъ одного стула, скамейки, кучки стружекъ и оловяннаго котелка.

Новая хозяйка была сварливая, свирѣпая женщина и наотрѣзъ отказалась пустить къ себѣ дѣвочку, хотя бы на одну только ночь.

— Я не хочу поваживаться къ себѣ дѣвчонокъ, объявила она ей. Языки у вашей братьи больно длинные, съ вами только бѣды наживешь.

— Гдѣ мама?

— Она ушла.

— Когда она вернется?

— Коли она умная женщина, то никогда не вернется въ Глазговъ. — Она говорила, что такъ и сдѣлаетъ.

— Какъ мнѣ отыскать ее?

— Ты ей надоѣла,—она, небось, рада съ тобой развязаться, да и не диво: что проку въ такой дармоѣдкѣ?

— Куда же мнѣ дѣваться?

— Ступай въ рабочій домъ, либо въ пріютъ для бѣдныхъ; сказано, что сюда я тебя не пущу.

— А туда я не пойду! воскликнула Дженъ.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Дверь захлопнулась и Дженъ осталась одна на лѣстницѣ. Сотни разъ дѣлала съ ней тоже самое и родная мать; ничто не мѣшало ей свернуться въ клубокъ на площадкѣ и заснуть на зло стужѣ; но теперь она была уже старше и не могла переносить оскорбленій такъ легко. Она была уже дѣвушка и все дѣвическое еще не успѣло въ ней заглухнуть:—отъ сурового искуса ея дѣтства въ ней еще уцѣлѣло что-то юношеское; инстинктивная привязанность къ матери, которая такъ жестоко покинула ее, невольно шевельнулась въ сердцѣ Дженни. Она присѣла на верхней ступенькѣ лѣстницы, спрятала голову въ фартукъ и заплакала. Одиночество ея положенія, неизвѣстность дежавшей передъ ней дороги, мысль, что ее оставили одну однушеньку такъ же равнодушно, какъ оставили бы собаку или кошку,—все это вмѣстѣ лишило ее бодрости, и сильная, смѣлая дѣвушка измѣнила себѣ въ виду открывавшейся передъ ней будущности.

— Я сама не знаю, о чемъ я тогда плакала, рассказывала она впоследствии.—Мнѣ не то было обидно, что она не взяла меня съ собою, но зачѣмъ она даже не вспомнила обо мнѣ, повидая меня. Это я въ первый разъ плакала съ той самой поры, какъ мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду. Я совсѣмъ растерялась и не знала что дѣлать, я даже боялась умереть съ голоду.

Просидѣвъ на лѣстницѣ съ полчаса, Дженъ медленными шагами сошла снова на улицу. Она хорошо знала всѣ трющобы, гдѣ бывала ея мать и не отчаявалась еще найти ее. Она обѣгала всѣхъ ея знакомыхъ, но никто не могъ сказать ей куда она скрылась; многіе только слышали отъ самой мистриссъ Камеронъ, что она рѣшилась оставить Глазговъ немедленно, пока еще пребываніе въ немъ не сдѣлалось неминуемо

опаснымъ. Дженъ узнала еще о томъ, что человѣкъ бывшій *bête noire* ея молодости сопутствовалъ мистриссъ Камеронъ, — слѣдовательно исчезновеніе ея было обдуманнмъ дѣломъ и отыскать ее не было никакой возможности. И такъ, Дженъ была предоставлена самой себѣ и должна была сама себѣ доставать пропитаніе, какъ умѣла. Она не преминула бы отпра- виться къ ухорскому Джоку и спросить у него совѣта, еслибы она только знала, гдѣ найти его; за незнаніемъ этого, она отпра- вилась къ своимъ пріятелямъ Логги, въ надеждѣ, что они не оставятъ ее совѣтомъ и помощью въ такомъ безвыходномъ положеніи.

Было три часа утра, когда она постучалась въ дверь ихъ квартиры. Не скоро дождалась она отвѣта. Наконецъ за дверью послышался грубый голосъ отца Логги, спрашивав- шій: кто тамъ стучится?

— Это я, Дженни.

— Что такое случилось? — Что тебѣ надо?

— Не пустите ли вы меня къ себѣ переночевать? Мать отъ меня убѣжала. — Логги, по видимому, колебался, и сердце Дженъ захолоуло. Ну какъ и онъ ее прогнать? Вѣдь ей тогда ничего болѣе не останется, какъ идти въ рабочій домъ или въ пріютъ для бѣдныхъ.

— Такъ и быть, переночуй здѣсь разокъ, пробормоталъ онъ наконецъ, отодвигая болтъ у двери, — только у насъ и безъ того тѣсно. Сядь вотъ сюда къ камину и не шевели уголья — они заготовлены на всю ночь.

Мистеръ Логги снова улегся въ постель, а Дженъ подсѣла къ камину и грѣясь у него заснула. Она была искренно бла- годарна Логги за гостепрѣимство, избавившее ее отъ необхо- димости заснуть на улицѣ, или еще хуже, заключить себя въ пріютъ для бѣдныхъ.

ГЛАВА VI.

Совѣтъ Логги, какъ наживать деньги.

Мистриссъ Логги была еще до свѣта на ногахъ и хлопотала о кофе для тѣхъ постояльцевъ, у которыхъ водились деньги,

и которые были расположены позавтракать передъ уходомъ. Вслѣдъ за нею поднялся и мистеръ Логги и расхаживалъ въ туфляхъ по комнатѣ. Постоальцы, которымъ спѣшить было некуда, иѣжились въ это утро довольно долго въ постеляхъ. Когда былъ готовъ завтракъ, у супруговъ еще осталось свободное время выслушать отъ Дженни подробности бѣгства ея матери.

Мистеръ Логги слушалъ ее, пуская клубы табачнаго дыма, а мистриссъ изрѣдка перетглядывалась съ мужемъ. Когда Дженъ окончила свое повѣтствованіе, мистеръ Логги подаль ей слѣдующій совѣтъ:

— Если тебѣ не зазорно квартировать у насъ и не выпустить сору изъ избы, ты можешь остаться здѣсь, платя шиллингъ въ недѣлю. О деньгахъ не безпокойся; мы продержимъ тебя недѣлю, другую въ долгъ, а тамъ авось либо сведемъ счеты. Только сама не плошай, — а то какъ тебѣ не раздобыться деньгами, или вещами, которыя мы возьмемъ въ счетъ денегъ; мы же не станемъ наводить справокъ, откуда ты ихъ взяла. Мери сказывала намъ, что ты вострая дѣвочка...

— Востра-то я — востра.

— А коли такъ, мой совѣтъ тебѣ остаться здѣсь и приняться за *работу* на свой собственный пай. Дѣлай, что тебѣ заблагоразсудится: мы на все будемъ смотрѣть сквозъ пальцы. Если же тебѣ повезетъ счастье, ты, можетъ статься, и вспомнишь, что мы помогли тебѣ въ нуждѣ. Всѣ мои дѣвки не дури обдѣлываютъ свои дѣла, — даже Мери.

— А работа на фабрикѣ?

— Не отставай отъ нея, пока тебя держать будутъ. Полиція непременно будетъ тебя спрашивать о томъ, гдѣ ты работаешь — имъ бы только знать, что ты при мѣстѣ — они тебя и оставятъ въ покоѣ. Если ты нигдѣ не работаешь, а имѣешь деньги — у нихъ тотчасъ же является подозрѣніе. — Хочешь съ нами позавтракать?

Дженъ охотно согласилась.

— Все, что ты станешь забирать, мы будемъ ставить тебѣ въ счетъ, по которому ты заплатишь когда у тебя будутъ деньги; а что у тебя будетъ чѣмъ заплатить, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Дженъ съ своей стороны не сомнѣвалась, что ей будетъ чѣмъ расплачиваться въ свое время. И такъ она въ первый разъ позавтракала въ долгъ, спрѣявъ такимъ образомъ свой чертовскій договоръ съ мистеромъ Логги. Въ обычный часъ она отправилась на бумажную фабрику, возвратилась домой къ обѣду и выслушала дальнѣйшія совѣты касательно своего будущаго образа жизни. Дня черезъ три Дженъ была вполне посвящена во всѣ тайны воровскаго ремесла въ Глазговѣ. «Ловкій Джоукъ», съ которыми она въ это время успѣла познакомиться, одобрилъ ея отважную рѣшимость поступить въ ночтенный цехъ и не жалѣть усердія и труда на новомъ поприщѣ.

Старшія дочери Логги были наставницами ея въ искусствѣ воровства. Въ досужіе часы она брала уроки карманной кражи и, благодаря своей практической сметливости, удивляла наставницъ своими успѣхами. Ее старались пріохотить всѣми способами къ избранному ею роду жизни: ей льстили, представляли ей удовольствіе получать и проживать большія суммы денегъ, ожидавшіе ее въ будущемъ; и будущее улыбалось ей и она благодарила судьбу, которая свела ее съ семействомъ Логги.

— Мы наживаемъ кучу денегъ, говаривать Логги; полиція не знаетъ и половины тѣхъ суммъ, которыя перепадаютъ намъ, когда дѣла ведутся ловко.

Показаніе Логги не было лишено справедливости. Полиція дѣйствительно понятія не имѣетъ о размѣрахъ производимаго воровства и о томъ, сколько преступленій остаются въ тайнѣ. Каждый воръ рассчитываетъ мѣсяцевъ на шесть или даже и на цѣлый годъ безнаказанности; инымъ удается избѣгать наказанія въ продолженіе пяти-шести лѣтъ и они успѣваютъ нажить въ это время значительныя деньги; иной воръ, преимущественно же иная воровка, имѣетъ нерѣдко въ рукахъ до пятидесяти и даже до ста фунтовъ. Деньги эти, само собою разумѣется, также быстро уходятъ, какъ и приходятъ. Укрыватели краденыхъ вещей, подобные мистеру Логги, называютъ не рѣдко богатство размѣниваемымъ банковыхъ билетовъ, которыя вору неудобно мѣнять въ другомъ мѣстѣ. За билетъ въ сто фунтовъ стерлинговъ они даютъ семьдесятъ фун-

товъ золотомъ, а сами отправляются размѣнять его въ Лондонъ или въ Ливерпуль.

Показанія самихъ преступниковъ, по заключеніи ихъ въ тюрьму, представляютъ любопытныя статистическія данныя: среднимъ числомъ можно положить, что воръ наживаетъ на своемъ вѣку отъ семи до восьми тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Ежегодный доходъ большинства простирается до трехъ или четырехъ сотъ фунтовъ. Послѣ этого понятно, почему такъ безуспѣшны остаются нравственныя попытки обратить на путь истины воровъ по ремеслу: арестанты этого рода составляютъ самую неподатливую и закоренѣлую часть населенія въ нашихъ тюрьмахъ. Мужчинамъ и женщинамъ этого зачала, привывшимъ считать сотнями фунтовъ свои грѣшныя доходы, почти невозможнымъ кажется перейти къ трудовому образу жизни, приносящему какихъ нибудь нѣскольکو шиллинговъ въ недѣлю.

Но возвратимся къ Дженъ Камеронъ.

Теперь она уже не безъ цѣли слонялась по улицамъ и останавливалась на перекресткахъ. Она, Мери Логги и ухорскій Джокъ работали вмѣстѣ; часто упряжались они на квартиру у Логги въ искусствѣ передавать краденый предметъ изъ рукъ въ руки.

«Никогда не проходи мимо кучки собравшагося народа» — таково было первое правило воровской мудрости, вѣзавшееся въ памяти Дженъ. И она постоянно оглядывалась, не столпилась ли гдѣ на улицѣ народъ, и жадно выжидала случая, который помогъ бы ей заплатить долгъ, нараставшій на нее въ Гай-Стритъ. Она привязалась къ семейству Логги и была благодарна имъ за ту своекорыстную помощь, которую они оказали ей. Благодарность эту не такъ-то легко было затушить въ ней, хотя ухорскій Джокъ, сдѣлавшійся ея сообщникомъ, не разъ уже пытался разочаровать ее въ привязанности къ Логги. Онъ не долюбивалъ старика и при каждомъ удобномъ случаѣ наговаривалъ Дженъ, что она слишкомъ поддается имъ. Противъ Мери онъ ничего не имѣлъ, но старикъ Логги былъ ему не по сердцу; Джокъ былъ тоже ревнивъ по своему и косился на молодыхъ людей, которые окружали ее тамъ, за его спиною. — Онъ говорилъ ей, что выжидаетъ только крупной поживы, чтобы нанять съ ней комнату вдвоемъ или войти въ

долю съ другою парочкой, которая точно также собиралась обзавестись собственнымъ хозяйствомъ.

Бѣдная Дженъ Камеронъ начала мечтать объ этой крупной получкѣ, которой дожидался Джонъ Еанъ. Вотъ такъ будетъ счастье, думала она, когда они снимутъ комнату въ Веннелѣ или въ Гаванна и никто, кромѣ нея, не будетъ ухаживать за ея молодымъ мужемъ. Впрочемъ она по прежнему была благодарна семейству Логги и привязана къ Мери, которая научила ее, какъ избавиться отъ голодной смерти. Пробывъ съ недѣлю въ Гай-Стритѣ, она сдѣлала вторичную попытку раздобыться деньгами, причемъ ей помогла Мери. Дѣло было въ субботу вечеромъ. Въ эту пору улицы оживленнѣе обыкновеннаго и болѣе пьянаго народа шатается въ бѣдныхъ кварталахъ Глазгова. Черезъ каждыя полчаса по сосѣдству съ Солтъ-Маркетомъ, гдѣ кабаки находятся, собираются густыя толпы зѣвакъ посмотрѣть, какъ пьяницъ уводятъ въ полицію.

Было условлено, что Дженни пристанетъ къ первому скопищу подобнаго рода и испробуетъ на какомъ нибудь хорошо одѣтомъ прохожемъ свою ловкость въ новомъ искусствѣ. Ухорскій Джокъ и Мери должны были находиться не подалеку, чтобы Дженни могла передать имъ ту вещь, которую ей посчастливится стянуть; по сосѣдству съ Солтъ-Маркетомъ были разставлены другіе караульные, готовые препроводить ее еще далѣе въ случаѣ надобности. Поджидаемое скопище не замедлило собраться—объ этомъ позаботился одинъ молодецъ изъ шайки Логги. Многіе изъ прохожихъ пристали посмотрѣть въ чемъ дѣло,—въ томъ числѣ и смуглый мальчикъ въ голубой курткѣ съ золотыми пуговицами. Въ ту же минуту рука Дженъ проскользнула къ нему подъ локоть и вытащила изъ жилетнаго кармана бумажникъ, который съ быстротою молніи передала Мери. Мери въ свою очередь передала его Еану, который съ нимъ юркнулъ куда-то. Все это было обдѣлано такъ быстро, что маленькій незнакомецъ ничего не замѣтилъ и пошелъ своею дорогою, не догадываясь о потерѣ бумажника.

Пять минутъ спустя всѣ трое карманниковъ сошлись въ домѣ Логги, куда уже дошло извѣстіе о случившемся и гдѣ самъ хозяинъ ожидалъ ихъ прихода. Ухорскій Джокъ раскрылъ бу-

мажнѣтъ и вынулъ изъ него два банковыхъ билета въ пять фунтовъ и нѣсколько шиллинговъ.

— Золота нѣтъ? спросилъ Логги, вѣрившій, что и у воровъ есть своя честь.

Нѣтъ, объявилъ Еанъ, слову котораго надо было вѣрить, за неимѣніемъ доказательствъ противнаго. Логги купилъ банковые билеты, дисконтируя ихъ, какъ слѣдуетъ, и полученная сумма была тотчасъ же раздѣлена между тремя молодыми ворами. Логги потребовалъ себѣ съ нея извѣстный процентъ, который и былъ ему уступленъ. Доля Дженни кромѣ того была значительно убавлена уплатою долга хозяину. Послѣ этого все трое снова пошли шататься по улицамъ, высматривая себѣ новой поживы: чтобы не возбудить подозрѣнія, они разбрелись въ равныя стороны.

Но Дженни уже казалось, что на нее и такъ падаетъ подозрѣніе, и что полиція какъ-то странно косится на нее; въ эту ночь, переряженные смичики, рыскавшіе по обыкновенію по улицамъ, какъ-то многозначительно кивали ей головами и пристально въ нее вглядывались. Но Дженни ошибалась: полиція ничего не подозрѣвала о покражѣ, случившейся именно въ эту ночь; она только вообще начинала недоувѣрчиво смотрѣть на дѣвочку. Полиція знала, что Дженни была покинута своею матерью и жила теперь въ семействѣ Логги. Этого было довольно для того, чтобы удвоить вниманіе за нею и предсказать ей, что рано или поздно она побываетъ подъ арестомъ и посидитъ въ Глазговской тюрьмѣ. Таже самая исторія сотни разъ повторялась на глазахъ этихъ людей: для нихъ не подлежало никакому сомнѣнію, что все это будетъ такъ.

Дженни была еще нова въ своемъ ремеслѣ: нервы ея не успѣли обтерпѣться. Предоставленная самой себѣ, среди освѣщенныхъ улицъ она не отваживалась на новую попытку; но она ощущала какое-то приятное волненіе послѣ перваго своего опыта, и гордилась похвалями, полученными дома. Такъ проблуждала она по улицамъ до 10-ти часовъ вечера, и возвратилась къ Логги на квартиру, гдѣ въ этотъ вечеръ болѣе обыкновеннаго было выпито водки за здоровье Дженъ Камеронъ, и дѣвочки вскружили голову самую грубою лестью. Подъ конецъ все общество пустилось въ плясъ и среди этого вихря

веселости смена зла все глубже и глубже западала въ ея сердце.

ГЛАВА VII.

Джени-Кимеронъ въ тубахъ полиціи.

Прошло еще шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ характеръ Джени принималъ окончательный вѣсъ. Ей уже было почти тринадцать лѣтъ; она была высока для своихъ лѣтъ, да и въ нравственномъ отношеніи уже походила на женщину. Во все это время до нея не доходило никакихъ извѣстій о матери, которая дѣйствительно оставила Глазговъ. Джени везло постоянное счастье въ мелкихъ кражахъ изъ чужихъ кармановъ и по магазинамъ; днемъ она по прежнему работала на бумажной фабрикѣ, по ночамъ же усердно посѣщала разные оргіи. Въ ней замерло всякое чувство чести и стыдливости. Единственная черта, говорившая о присутствіи въ ней лучшихъ началъ, была неизмѣнная преданность ея тому негодю, который такъ много способствовалъ ея развращенію.

Замѣтимъ здѣсь, что примѣры подобной преданности нерѣдко встрѣчаются между несчастными, рѣшающимися связать свою участь съ участью воровъ. Онѣ проходятъ съ своими избранными рука объ руку всѣ ступени порока, не покидаютъ ихъ ни въ бѣдѣ, ни въ счастьи, пока не разлучить ихъ смертью, или приговоромъ на долгій срокъ. Эти воровки, подруги воровъ, глубоко презираютъ тѣхъ своихъ падшихъ сестеръ, которыя выставляютъ на показъ свои разрумяненные щеки при свѣтѣ газовыхъ фонарей и перемѣняютъ своихъ любовниковъ какъ башмаки. Даже тѣ воровки, которыя не имѣютъ никакой исключительной привязанности къ одному мужчине, гордятся своей цѣломудренностью и измѣняютъ ей только тамъ, гдѣ представляется случай обогатиться, имѣящаго глупость имъ поддаться. Я нарочно останавливаюсь на этихъ печальныхъ подробностяхъ, необходимыхъ для разъясненія послѣдующаго разсказа.

Постоянныя удачи опасны — онѣ порождаютъ излишнюю

самоуверенность, которая влечетъ чловѣка къ его же гибели. Дженъ Камеронъ везло постоянное счастье, и въ ея воображеніи давно пересталъ рисоваться неприглядный образъ тюрьмы.

День ото дня становилась она смѣлѣе и не разъ уже только чудомъ увертывалась отъ рукъ полицейскихъ служителей. Но при всемъ томъ, ей не переподало за разъ болѣе десяти фунтовъ. Ухорскій Джекъ все по прежнему ожидалъ «крупной полочки» и въ ожиданіи ея, Дженъ содержала своего любовника, давалъ ему когда шиллингъ, когда полкроны. Джекъ утѣшалъ себя тѣмъ, что вотъ-вотъ счастье и ему улыбнется, — тщеславіе не позволяло ему сомнѣваться въ томъ, что онъ рано или поздно отличится.

Этотъ пятнадцатилѣтній юноша былъ такъ же влюбленъ въ свое мошенническое ремесло, какъ другіе юноши его лѣтъ бываютъ влюблены въ какую нибудь честную профессію, избранную ими.

Онъ умѣлъ читать и писать довольно хорошо, и любилъ рассказывать Дженни приключенія разныхъ знаменитыхъ бродягъ. Онъ зналъ исторію Туррина и чуть не наизусть зналъ каждую главу изъ повѣсти Гаррисона Энсворта. Можно положительно сказать, что романъ Энсворта извѣстенъ большей части воровъ; они благоговѣютъ передъ нимъ и считаютъ его образцомъ, достойнымъ подражанія; — многіе между ними экзальтированные, при всей своей нравственной испорченности, мечтаютъ прославиться подобно ему.

Лѣтомъ дѣла Дженъ Камеронъ приняли худой оборотъ. Въ эту пору черезъ Глазговъ проѣзжаютъ туристы изъ разныхъ городовъ. Воровская братья привыкла выжидать ихъ прибытія; женщины преимущественно ищутъ встрѣчи съ нимъ и нарочно съ этою цѣлью шатаются по Глазговскимъ гостинницамъ. Дженъ постоянно употреблялась теперь въ качествѣ приманки; она была хороша собою, ей равно шли шелковое платье и шляпка, надѣваемые порою, и бѣдная одежда фабричной работницы, которую она постоянно носила. «Глазговскимъ дѣвкамъ житье въ лѣтнее время, сознавалась Дженъ въ послѣдствіи; въ Глазговѣ объ эту пору видимо не видимо богатыхъ молодыхъ господъ; они не любятъ рано ложиться и отъ скуки

не разбирають, въ какой кварталъ забредуть; они чаще гоняются за нами въ Гай-Стритъ и въ Сольтъ-Маркетъ, чѣмъ мы за ними по большимъ улицамъ.»

И такъ, однажды лѣтнимъ вечеромъ Дженъ проходила Сольтъ-Маркетомъ; въ будничномъ своемъ нарядѣ, босая и съ непокрытою головою, она казалась олицетвореніемъ честной бѣдности, и обратила на себя вниманіе одного англичанина-туриста, недавно пріѣхавшаго въ городъ. На его наглую улыбку она отвѣчала полуулыбкой; сначала она прикинулась полуспуганной его попыткой заговорить съ ней, но потомъ стала слушать его съ такимъ смѣшеніемъ робости и смущенія, которое побудило незнакомца зайти далѣе въ своихъ преслѣдованіяхъ. Кончилось тѣмъ, что къ нимъ пристала мери Логги и предложила распить по стакану водки на болѣе короткое знакомство. Всѣ трое вошли въ сосѣдній кабакъ; тутъ предполагалось, что молодой человѣкъ напьется до безсознательности и облегчитъ такимъ образомъ задуманное покушеніе на его кошелекъ. Пока они стояли втроемъ у прилавка, болтали и смѣялись, по улицѣ взадъ и впередъ ходили два человѣка и держались наготовѣ, чтобы пособить въ случаѣ надобности скоронить концы въ воду, или же напасть на жертву, когда она, по заведенному порядку, дастъ заманить себя въ одинъ изъ переулковъ, примыкающихъ съ каждой стороны къ Сольтъ-Маркету.

Но дѣло обошлось безъ крутыхъ мѣръ. Не успѣлъ незнакомецъ выпить второй стаканъ водки, какъ кошелекъ его былъ уже въ рукахъ Дженни и оставалось только, не теряя времени, наострить лыжи. Дженъ Камеронъ, сжимая кошелекъ въ рукѣ, вышла изъ лавки, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нужно сказать на улицѣ слова два подругѣ, а Мери осталась съ незнакомцемъ. Она должна была выждать удобной минуты, чтобы присоединиться къ своимъ сообщникамъ. Но поспѣшный уходъ Дженни возбудилъ подозрѣніе незнакомца и онъ хватился своего кошелька прежде, чѣмъ Мери успѣла улизнуть.

Дальнѣйшія подробности происшествія нечего описывать; тѣже самыя подробности чуть не каждый день встрѣчаются въ газетахъ. Мери была обвинена въ кражѣ, на что она отвѣчала полнымъ негодованіемъ записательствомъ; у двери кабака собра-

лась толпа ротозѣевъ, позвали полицейскаго служителя и соучастницу кражи повели въ центральный полицейскій судъ въ сопровожденіи цѣлой ватаги оборванцевъ, слѣдовавшихъ за ней по пятамъ.

Когда Дженъ прибѣжала на квартиру Логги, оказалось, что вѣсть объ арестованіи Мери опередила ее тамъ. Деньги были отданы на сохраненіе самого Логги, который поспѣшилъ съ ними скрыться, такъ какъ въ числѣ ихъ были банковые билеты, а открытіе подобныхъ билетовъ у него на дому могло повести къ разнымъ неприятностямъ. Такъ какъ обокраденный молодой человекъ легко могъ запомнить личность Дженъ Камеронъ, то сочли за лучшее удалить послѣднюю изъ дома, пока при допросѣ обстоятельства дѣла не сдѣлаются гласными и не окажется яснаго, чего именно слѣдуетъ остерегаться.

Дженни, не дожидаясь дальнѣйшихъ инструкцій отъ мистрисъ Логги, оставила ее домъ и отправилась къ уxorскому Джоку, который имѣлъ уже теперь на столько довѣрія къ ней, что не скрывалъ отъ нея мѣсто своего жительства.

Еяна не было дома; было еще рано и не время для воровъ возвращаться съ промысла. Въ ожиданіи его Дженъ присѣла въ уголокъ комнаты. Если бы она подумала передъ тѣмъ съ минутой, или спросила совѣта у мистрисъ Логги, то не упустила бы изъ виду всю рискованность своего настоящаго образа дѣйствій. Связь ея съ Джокомъ не была тайною для полицейскихъ сыщикововъ; слѣдовало ожидать, что, не найдя ее у Логги, они придутъ сюда, если только имъ удастся развѣдать отъ какого нибудь болтливаго вора о мѣстѣ жительства уxorскаго Джока. Но Дженъ была вполнѣ увѣрена, что отношенія ея къ Джоку вѣдѣсны только немногимъ и что у него на квартирѣ ей нечего бояться.

Тѣмъ не менѣе она не могла вполнѣ отвязаться въ эту ночь отъ своего стараго дѣтскаго страха. Да и не мудрено: она еще не вышла изъ дѣтскихъ лѣтъ, а происшествія этого вечера оживили въ ней старое, неодолимое чувство — ужасъ тюремнаго заключенія; подъ вліяніемъ этого чувства равсѣмались отчасти то умственное старчество, та одеревенѣлость сердца, которые въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ сдѣлали такіе страшные успѣхи.

Дженъ Камеронъ провела эту ночь не одна: комната, въ которой жила Джонъ Еанъ, служила въ тоже время убѣжищемъ многимъ другимъ постояльцамъ за два пенса съ головы; въ нее пускалось столько народа, сколько могли улечься на полу. Часовъ въ одиннадцать прибыло трое или четверо постояльцевъ и завели между собою на сонъ грядущій разговоръ о происшествіяхъ дня. Было четверть двѣнадцатаго, и Еанъ еще не возвращался, какъ вдругъ послышался злобѣщій стукъ палкою въ дверь.

Содержательница пріюта, старая вѣдьма, которая уже успѣла раздѣться и улечься въ постель, прокричала съ своего логовища:

— Кто тамъ?

Отпирайте дверь, говорятъ вамъ, отвѣчалъ за дверью грубый мужской голосъ.

— Да кто вы такой?

— Полиція.

Постояльцы переглянулись между собою, и уставились на Дженъ Камеронъ. Эти ночные обыски полиціи были вовсе не новость: во всѣ часы дня и ночи полиціи открытъ свободный доступъ въ подобныя подозрительныя дома. Дженъ Камеронъ сто разъ видѣла полицію въ домѣ у Логги, но ни разу тамъ не замирало въ ней сердце, какъ въ настоящую минуту. Она инстинктивно сознавала, что полиція пришла за нею.

— Ахъ, спрячьте меня куда нибудь, нельзя ли мнѣ какъ нибудь въ окно выскочить? — Это они за мною, я ужъ знаю, что за мною.

— Молчи ты, дура! проговорила хозяйба. — Можетъ статься, это только пустая тревога, а если они и подлинно за тобой пришли, такъ чтожъ? Авось либо съ тебя голову не снимутъ. Отопри-ка имъ дверь, Джеми, голубчикъ.

«Джеми-голубчикъ» отперъ дверь и медленно, торжественно вошла сыщикъ и констэбль, окидывая комнату тѣмъ всеобъемлющимъ взглядомъ, который все видитъ и ничего не говоритъ до поры до времени.

— Ну-съ, мистрисъ Гринъ, началъ сыщикъ.

— Ну-съ, кого вамъ еще понадобилось?

— Не васъ — можете быть спокойны.

— Меня-то вамъ не за что брать.

Пронидательный взглядъ сыщика устремился на Дженъ, которая жалась къ камину.

— Пойдемъ съ нами въ полицію Дженни, проговорилъ онъ.

— Хорошо, отвѣчала дѣвочка.

И она направилась къ двери.

На порогѣ она остановилась и спросила, въ чемъ ее обвиняютъ.

— Такъ себѣ, въ пустякахъ — тебѣ тамъ сважутъ. Можетъ это и по ошибкѣ, добавилъ онъ изъ состраданія

— Можетъ быть.

— Вотъ то-то, Дженни, не явшалась бы ты съ такими товарищами, не нажила бы себѣ бѣды. Готова ты?

— Да.

И они вышли. Центральное бюро полиціи было освѣщено; за конторками сидѣли писцы и записывали обвиненія и аресты въ свои большія книги. Эти книги такъ быстро наполняются, и нѣтъ печальнѣе ихъ любопытныхъ страницъ. Сыщики обошли кругомъ, и стали по ту сторону прилавка; главный писецъ всталъ изъ-за стола и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ только-что прибывшими служителями, приступилъ къ допросу Дженъ. Молодой человѣкъ, котораго Дженъ обокрала нѣсколько часовъ тому назадъ, выступилъ впередъ и пристально поглядѣлъ на нее.

— Та ли это дѣвушка?

— Да.

— Можете ли вы присягнуть въ этомъ?

— Могу.

Допрощикъ приложился губами къ небольшому отверстию въ стѣнѣ и крикнулъ: «Позовите женщину, производящую обыски.»

Пришла женщина и увела Дженъ въ особую комнату, направо отъ главнаго бюро. Тутъ она была подвержена обыску; само собою разумѣется, кошелекъ, давно уже припрятаннаго въ безопасное мѣсто, на ней не оказалось; зато найденные на ней предметы—собственный ея кошелекъ съ нѣсколькими шиллингами, наперстокъ, игольникъ и пр., были комфискованы. Вслѣдъ затѣмъ обѣ женщины возвратились въ бю-

ро, гдѣ имя Дженъ было занесено въ одну изъ большихъ книгъ, и всѣмъ отобраннымъ отъ нея вещамъ составлена опись. Молодаго человѣка вторично спросили, можетъ ли онъ присягнуть, что эта дѣвушка та самая, которая украла у него кошелекъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ утвердительно; Дженъ сдѣлала робкую попытку отрицательства, тѣмъ дѣло на этотъ вечеръ и кончилось.

«Посадите эту дѣвушку подъ арестъ», таковъ былъ суровый приговоръ. Тюремный сторожъ увелъ Дженъ изъ бюро и отправился съ нею на верхъ, гдѣ помѣщались комнаты для арестантовъ. Комнаты эти были очень просторныя, но въ ту эпоху, къ которой относится нашъ рассказъ, ихъ было очень немного.

Дверь отворилась и удушливыя испаренія пахнули ей навстрѣчу. Она вошла въ эту мрачную берлогу, обитательницы которой между тѣмъ перешептывались между собою. Ключъ повернулся въ замочной скважинѣ и Дженъ въ первый разъ осталась въ рукахъ правосудія.

ГЛАВА VIII.

Первая ночь Дженни Камеронъ въ тюрьмѣ.

Женское отдѣленіе полицейской - тюрьмы въ Глазговѣ состояло изъ большой четверугольной комнаты, куда помѣщали безъ разбора всѣхъ женщинъ, забираемыхъ за ночь, оставляя судъ и разбирательство до утра.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, еще не существовало отдѣльныхъ келій для каждой заключенной; и теперешняя Глазговская тюрьма, преобразованная въ одно изъ первыхъ учреждений этого рода въ цѣломъ соединенномъ королевствѣ, вовсе не походитъ на старое аданіе.

Дженъ Камеронъ много слышала отъ своихъ знакомыхъ о тюрьмѣ, но эти рассказы не могли дать ей живаго представленія о дѣйствительности и, когда за нею захлопнулась тюремная дверь, въ ней страшно заняло сердце; въ эту минуту въ ней исчезла до времени созрѣвшая женщина и осталась тринадцати —

лѣтняя дѣвочка; страхъ ижѣлъ на нее благотворное, но кратко-временно благотворное дѣйствіе.

— Я рѣшилась оставить воровство на будущее время, рассказывала она сама; я думала лишь бы только меня выпустили, и буду прижѣрно работать на фабрикѣ, вести честную жизнь.

Но впечатлѣніе это было непродолжительно и изгладилось въ первый же часъ ея заточенія. Оглядѣвшись, она убѣдилась, что въ комнатѣ не совсѣмъ темно: сквозъ слуховое окно, прорѣзанное въ двери и остававшееся открытымъ, проникла струя свѣта отъ газоваго рожка, горѣвшаго въ корридорѣ. Она могла разглядѣть подругъ своего заточенія: ихъ было пять или шесть; пьяныя и задорныя, онѣ отчасти валялись на полу, отчасти же лежали на деревянныхъ доскахъ, замѣнявшихъ постели. Не успѣлъ щелкнуть замокъ въ двери, какъ уже бабье любопытство заввило себя.

За что тебя засадили? спросила одна изъ женщинъ, лежавшая въ полурастрепанномъ видѣ.

— Сказываютъ, будто я украла, отвѣчала Дженъ.

— Гдѣ?

— Въ Солтъ-Маркетѣ.

— Не съ Мери ли Логги?

— Да.

— Мери, Мери, товарку сюда привели.

— При этомъ возгласѣ Мери Логги, которая спала на доскахъ отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, поднялась и стала протирать глаза.

— Что такое случилось? переспросила она.

— Ахъ Мери! ты ли это? воскликнула Дженъ, обрадовавшись знакомому лицу и знакомому голосу среди совершенно незнакомой компаніи.

— Я, какъ видишь. — Такъ и ты поналась?

— Да.

— Ну чтожъ дѣлать, видно судьба наша такая, Дженни.

— Что-то они съ нами сдѣлаютъ, что они съ нами сдѣлаютъ?

— Обѣихъ васъ повѣсятъ, отвѣчата старая арестантка, отличавшаяся, какъ видно, юмористическимъ складомъ ума. У Дженъ кровь застыла въ жилахъ отъ этихъ словъ, хотя она и

сознавала всю преувеличенность ихъ.—Мери Логги дико захотала.

— Я не вижу чему тутъ хохотать, остановила ее Дженъ.

— Это ты только боишься тюрьмы, отвѣчала Мери. Тюрьма вздоръ, пустяки; тебѣ отводить хорошую квартиру и ѣсть дають въ волю; поживешь немного — свыкнешься.

— А надолго приговорятъ насъ, Мери?

— Долго ли придется намъ высидѣть въ тюрьмѣ? съ этимъ вопросомъ Мери обратилась ко всему почтенному собранію.

Трезвая половина присутствующихъ подвергла вопросъ зрѣлому обсужденію. Недоумѣніе было разрѣшено старой арестантской, искусившейся въ дѣлахъ подобнаго рода; женщина эта готовилась явиться не передъ судебнаго пристава, а передъ самаго шерифа * и высидѣть за свои грѣхи пожалуй и цѣлый годъ въ тюрьмѣ.

Женщина эта выслушала всѣ обстоятельства дѣла, которыя Мери Логги сообщала ей прямо и безъ утаекъ, и на основаніи ихъ формулировала свое мнѣніе.

— Все зависить отъ того, кѣмъ будешь судиться ваше дѣло: если у пристава Гурлея, то вы дешево отдѣляетесь; если же у пристава Джайлмура, тогда тебѣ не миновать шестидесятидневнаго заключенія, Мери, а то пожалуй, тебя и къ шерифу потащатъ, такъ же какъ и меня. Товарка твоя, такъ какъ она попалась въ первый разъ, высидитъ дней десять — двѣнадцатъ, не болѣе. Эхъ! кабы и я судилась за первое преступленіе.

Мнѣніе это подало поводъ къ новымъ преніямъ; старуха, недавно подшутившая висѣлицей, не хотѣла съ нимъ соглашаться; завязалась ссора и напрасно силился сторожъ возстановить порядокъ, разражался безчисленными угрозами въ отворенное слуховое окно.

Прибытіе новыхъ арестантокъ, обративъ на себя общее вниманіе, положило конецъ брани. То и дѣло подводили женщинъ, святыхъ за воровство или за пьянство; въ тюрьмѣ стало нако-

*) Виденію судебныхъ приставовъ въ Шотландіи подлежатъ дѣла, наказаніе которыхъ не превышаетъ шестидесятидневнаго тюремнаго заключенія; болѣе важныя дѣла рѣшаются шерифомъ.

нецѣ до того тѣсно, что даже Дженъ, привычная къ спертой атмосферѣ, задыхалась. Тѣмъ не менѣе, близость людей смягчала ужасъ ея положенія; вокругъ нея всѣ смѣялись надъ своимъ заточеніемъ; многія рассказывали забавные анекдоты изъ прежней своей жизни, одна изъ заключенныхъ объявляла, что не терпѣтъ надежды снова попасть въ тюрьму; другая запѣла непристойную пѣсню, остальные съ хохотомъ принялись ей подтягивать и подняли страшный гвалтъ. Тюремный сторожъ, послѣ вторичной безполезной попытки унять ихъ, захлопнулъ слуховое окно и лишилъ ихъ такимъ образомъ послѣдняго отверстія, въ которое проникало къ нимъ немного воздуха и свѣта.

Когда свѣтъ занимающагося дня сталъ проникать сквозь щели большого деревяннаго ставня, большая часть заключенныхъ заснули. Дженъ попробовала послѣдовать ихъ примѣру, но не могла. Немного спустя, всѣ онѣ спали крѣпкимъ сномъ; Дженъ погрузилась было въ безпокойную дремоту, но ее разбудили сторожа, принесшіе хлѣбъ и воду, которые были поданы заключеннымъ въ слуховое окно. Большая часть арестантокъ съ жадностію напустились на даровой кормъ. До вопроса оставалось еще нѣсколько часовъ, а хлѣбъ съ водою были все-таки лучше, чѣмъ ничего. Медленно тянулось время. Нѣсколько пьяныхъ женщинъ, успѣвшихъ проспаться, и проступки которыхъ были не довольно важны, чтобы утруждать ими судебного пристава, были отпущены домой съ приличнымъ наставленіемъ вести себя лучше на будущее время. По мѣрѣ того, какъ время подвигалось къ полудню, полицейскіе служители стали сновать взадъ и впередъ по корридорамъ, тяжело стуча своими сапогами; двери съ шумомъ отпирались и запирались, и отъ времени до времени слышались голоса полицменовъ, переглявавшихъ въ дверные люки тѣхъ изъ заключенныхъ, которымъ настала очередь явиться къ суду.

Дженъ ввзривала при каждомъ звукѣ, она еще не освоилась съ своимъ положеніемъ и нервы ея для новыхъ впечатленій не довольно окрѣпли. Хотя она и находила, что горевать ей особенно не о чемъ, тѣмъ не менѣе она была далеко неспокой-

на и завидовала стоицизму Мери Логги, который былъ для нея недостижимъ.

— Какъ ты легко принимаешь все это, Мери, неутерпила она, чтобъ не замѣтить.

— А вотъ увидишь сейчасъ.

Загадочный отвѣтъ этотъ разъяснился, когда ихъ наконецъ потребовали въ полицейскій судъ.

Мери Логги и Дженъ Камеронъ, колѣна которой дрожали отъ волненія, прошли подъ карауломъ полицейскаго служителя длиннымъ корридормъ, который велъ въ самую залу суда. Очутившись тамъ, Дженъ окинула робкимъ взглядомъ всю комнату и отправилась вслѣдъ за Мери на мѣсто, отведенное для подсудимыхъ направо отъ стола судебного пристава.

Общественная зала суда, присутствіе тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе ея участи, фискальный прокуроръ, сидѣвшій прямо напротивъ ея, множество всякаго народа—полисменовъ, сидѣвшихъ у дверей и Глазговской публики, представляемой нѣсколькими десятками человѣкъ, большею частью родственниками и знакомыми подсудимыхъ—все это произвело глубокое впечатлѣніе на Дженъ. Случалось ей впоследствии являться къ суду за болѣе важныя проступки, являться съ увѣренностью, что приговоръ суда надолго лишитъ ее свободы, но ни разу не испытывала она такого ужаса и томленія, какъ въ тотъ день, когда она предстала передъ шотландскими судьями по обвиненію въ воровствѣ. Мери Логги начала плакать и вопить во весь голосъ, что она невинна, сваливая всю вину на молодаго человѣка, будто бы соблазнившаго ее напиться, отпираясь отъ всякаго знакомства съ Дженъ Камеронъ и перемѣшивая выдумки и сѣтованья въ своихъ крикливыхъ причитаніяхъ, пока ей наконецъ не замѣтили, что она нарушаетъ спокойствіе судебного мѣста. Дженъ боролась съ своими чувствами и старалась сохранить достоинство и самообладаніе, но оно измѣнило ей, какъ скоро она замѣтила въ толпѣ зрителей, на противоположномъ концѣ комнаты Джокъ Еванъ и сестеръ Логги, жадно ловившихъ каждое слово обвиненія, которое читалось въ эту минуту. Тутъ Дженъ, подавленная странною торжественностью минуты, разразилась громкими рыданіями. «Что-то станется со мной!» думала она.

Рассмотрѣніе дѣла тянулось довольно долго; потребовалось призвать многихъ свидѣтелей, именно: молодого туриста, у котораго украли кошелекъ, содержателя кабака, конюшенина, арестовавшаго Мери Логги, сыщиковъ, взыскихъ Дженъ Камеронъ и пр. Дѣло было ясное; челоуичикъ подъ присягою снова подтвердилъ, что Дженни Камеронъ та самая дѣвушка, которая украла у него кошелекъ, и никто не повѣрялъ отрицательствамъ, которыми неожиданно разразилась Дженъ.

— Не знаетъ ли кто этихъ дѣвушекъ? Не бывали ли онѣ здѣсь прежде? спросилъ судебный приставъ.

Полицейскіе служители засвидѣтельствовали, что обѣ онѣ имъ извѣстны; упомянуто было о томъ, что Мери Логги судится уже не за первый проступокъ, что Дженъ идетъ дурною дорогою и знаетъ съ самыми подозрительными личностями въ Глазговѣ. Какъ бы то ни было, проступокъ Дженъ былъ еще первый, съ виду она еще была ребенокъ—лѣта ей говорили въ ея пользу; всѣ обстоятельства дѣла заставили предполагать въ Мери Логги главную зачинницу преступленія, въ ея же подругѣ только соучастницу. То обстоятельство, что Дженъ работала на бумажной фабрикѣ, также оправдывало ее.

Судебный приставъ провнесъ приговоръ; Мери Логги осуждалась на шестидневное тюремное заключеніе съ тяжкими работами; срокъ же заключенія Дженни ограничивался двадцатью днями. Дженъ Камеронъ получила при этомъ советъ избѣгать на будущее время дурнаго общества и прилежно работать на фабрикѣ; арестантокъ увели изъ залы суда и принялись разсматривать другое дѣло.

ГЛАВА IX.

ГЛАЗГОВСКАЯ ТЮРЬМА.

Въ тотъ же день Дженни Камеронъ была отведена въ Глазговскую тюрьму. Въ эпоху нашего разсказа полиціинскіе заключенныя далеко не представляло тѣхъ удобствъ, какъ теперь, и система келейнаго заключенія, составляющая существенную черту, которой шотландскія тюрьмы отличаются отъ Англій-

скихъ и Ирландскихъ, существовала еще, такъ сказать, въ чернѣ. Тюрьма была биткомъ набита въ то время, когда прибытіе Джени увеличило немалымъ числомъ списокъ арестантовъ. На одну келью приходилось по двое и по трое заключенныхъ въ Брайдуэлъ — той части стараго тюремнаго зданія, которая предназначалась исключительно для женщинъ. Въ этомъ отдѣленіи, кромѣ трехсотъ арестантокъ, уже подвергнувшихся приговору суда, помѣщалось еще до двадцати женщинъ, готовившихся явиться передъ шерифа или въ уголовный судъ. Арестанты обоеихъ половъ, подозрѣваемые въ важныхъ преступленіяхъ, обыкновенно прямо отсылаются въ главныя тюрьмы и тамъ уже ожидаютъ суда. Само собою разумѣется, они избавлены отъ тюремной дисциплины: ихъ не заставляютъ работать, дозволяютъ имъ два раза въ недѣлю свиданіе съ друзьями, суточный паекъ ихъ тоже равняется отъ найва осужденныхъ.

Джени по вступленіи въ тюрьму была, какъ водится, прежде всего вымыта и даже тщательно свѣшена; потомъ ей отвели, за недостаткомъ отдѣльнаго помѣщенія, общую келью съ другою, уже немолодою арестанткой, которая по слабости здоровья занималась вязаньемъ. Самыя разнообразныя работы задавались остальнымъ преступницамъ; однѣ ткали кобуръ, другія чинили и штопали бѣлье, третьи стирали, стрипали, шили, качали воду и даже ткали. Здѣсь какъ и въ другіихъ мѣстахъ преступники должны были по тюремному положенію содержать себя сами; арестантскій трудъ конкурировалъ съ вольнымъ трудомъ за стѣнами тюрьмы, гдѣ нѣтъ ни даровой квартиры, ни пищи, ни дароваго освѣщенія.

Торговне дома слишкомъ расчетливы, чтобы не пользоваться самымъ дешевымъ трудомъ, не справляясь о томъ, какъ отзывается ихъ образъ дѣйствій на общемъ благосостояніи, заключаютъ подряды съ директорами тюремъ; а между тѣмъ честныя швеи умираютъ съ голоду, или же съ отчаянія мадаются на встрѣчу своей же погибели. Не знаю обратила ли на себя вниманіе кого слѣдуетъ трагедія 15 марта 1863 г? Призадумался ли какойнибудь влѣщенный джентльменъ, такъ заботливо оберегающій правительство отъ излишнихъ расходовъ на содержаніе тюремъ, о той умирающей женщинѣ, которая, сидя на своемъ смертномъ одрѣ, не переставала шить

рубашки по пяти форсинговъ за штуку? — Эта плата конечно обращалась въ экономію тюремнаго бюджета; но сколькожъ несчастныхъ эта экономія каталитиваетъ на нуть преступленія и приводитъ къ дверямъ тюрьмы, гдѣ они обременяютъ правительство своимъ содержаніемъ?

Все поразило Джени Камеронъ въ этомъ новомъ для нея мірѣ. Помѣщеніе ея было чище, удобнѣе и просторнѣе, чѣмъ на квартирѣ у Логги или въ «домѣ» ея матери. У нея была особая кровать, теплая и удобная одежда, хоть бы вѣкъ такую носить; одежда эта состояла изъ голубой полосатой куртки и теплой саржевой юбки. Ноги ея, такъ долго обивавшія босикомъ Глазговскую мостовую, были обуты въ чулки и башмаки.

Жизнь Джени вошла въ однообразную колею тюремной дисциплины; всѣ двадцать дней, за исключеніемъ воскресныхъ, она вставала рано, работала безъ отдыха, слушала чтеніе священнаго писанія, брала уроки грамоты; въ первый разъ въ жизни ей говорили о добрѣ и разъясняли дурную сторону ея поступковъ.

Заключенные въ Глазговской тюрьмѣ встаютъ въ шесть часовъ, убираютъ свою комнату и работаютъ до восьми или до половины девятаго; объ эту пору имъ подается завтракъ въ слуховое окно, продѣланное въ двери каждой кельи. Пища не для всѣхъ заключенныхъ одинаковая: приговоренные на долгій срокъ получаютъ большіе пайки, чѣмъ тѣ, которымъ предстоитъ высидѣть не болѣе десяти, тридцати или шестидесяти дней. Вообще нельзя сказать, чтобы заключенные, какъ мужчины, такъ и женщины, продовольствовались роскошно — въ этомъ отношеніи лондонскія тюрьмы далеко оставляютъ за собою шотландскія. Завтракъ состоитъ изъ поклебки, которая служитъ плохую замѣною англійскаго какао; ее подаютъ въ маленькихъ деревянныхъ чашкахъ, выложенныхъ внутри жестью. Женщинамъ, приговореннымъ на долгіе сроки, отпускается этого густого мѣсива по шести унцовъ; хлѣба къ завтраку не подается. За обѣдомъ, который подается послѣ четырехъ-пятичасовой работы и дается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заданный урокъ былъ исполненъ на половину, отпускается каждой заключенной хлѣбъ въ шесть, восемь или двѣнадцать унцовъ. смотря по сроку ея приговора. Единственное обѣденное блю-

до — супъ, варенный изъ бычачьей головы и довольно вкусный; отъ времени до времени обѣдъ разнообразится порціей сыра съ хлѣбомъ, которая дается вмѣсто супа. За ужномъ снова похлебка или каша; къ ужину допускаются только тѣ изъ заключенныхъ, которые окончили свой дневной урокъ. И при такой-то діетѣ заключенные поправляются и вѣсъ ихъ прибываетъ! Между нашими шотландскими преступниками не слышно жалобъ на содержаніе въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Въ Пертѣ, куда отправляются женщины, приговоренныя на долгіе сроки, содержаніе ближе подходитъ къ содержанію въ англійскихъ тюрьмахъ; надо же поддержать несчастныхъ болѣе существенною пищею въ эти долгіе годы неволи. По истеченіи рабочихъ часовъ женщинамъ дается нѣсколько времени на чтеніе, потомъ газовые рожки гасятся и усталыя труженицы отправляются на покой.

Трудовой этотъ день разнообразится часомъ одинокой прогулки. На тюремномъ дворѣ построено съ этою цѣлью особаго рода зданіе, имѣющее форму круга, отъ центра котораго расходятся лучеобразно кѣльи, открытыя для свѣжаго воздуха съ фасада и сверху и замыкающіяся желѣзными рѣшетками. Чтобы имѣть понятіе объ этой постройкѣ, пускай читатель представитъ себѣ большое каретное колесо; пространство между спицами этого колеса занимаютъ отдѣльныя кѣльи, мощенныя камнями; пускай читатель вообразитъ себѣ въ каждой изъ кѣловокъ одинокую фигуру въ арестантской одеждѣ, снующую взадъ и впередъ, подобно какому-то несчастному духу, преслѣдуемому вѣчнымъ безпокойствомъ, въ центрѣ колеса, на возвышеніи — дежурнаго служителя, наблюдающаго съ этой точки всѣхъ гуляющихъ разомъ. Часть дня гуляютъ такимъ образомъ мужчины, другую же часть — женщины. Есть что то странное, наводящее тоску въ этомъ зрѣлищѣ людей, толкущихся взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ, подобно дикимъ звѣрямъ, запертымъ въ кѣлтку.

Для заключенныхъ мужескаго пола существуетъ домовая церковь, въ которой каждый арестантъ отгороженъ отъ своихъ товарищей рѣшеткой; женщины же слушаютъ богослуженіе изъ своихъ келій; Капеланъ занимаетъ мѣсто на лѣстничной площадкѣ между двумя этажами и оттуда читаетъ проповѣди и мо-

лнты двѣ обитательницы того и другого этажа разомъ; двери всѣхъ келій остаются на это время отворенными и замикаются только цѣпью.

Въ шотландскихъ тюрьмахъ не принято давать заключеннымъ правильное вознагражденіе за трудъ, какъ это водится въ англійскихъ; каждая женщина, по выходѣ изъ тюрьмы, получаетъ въ видѣ подарка небольшую сумму, размѣры которой предоставляются усмотрѣнію главнаго надзирателя.

Но намъ пора возвратиться къ нашей героинѣ, Дженни Камеронъ, и посмотрѣть, какъ она освоилась съ доселѣ незнакомымъ ей тюремнымъ бытомъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БѢЛИНСКІЙ И ДОБРОЛЮБОВЪ.

Для людей неразвитыхъ значеніе каждой отдѣльной личности опредѣляется не внутреннимъ ея содержаніемъ, а тѣми внѣшними признаками, которые имъ бросаются въ глаза. Такъ, для Виктора Эмануэля—Гарibaldi прежде всего генераль лейтенантъ; для благонамѣреннаго историка—Робеспьеръ есть представитель анархіи, революціонеръ; для Ан. Гривгорьева—Гейне—прежде всего жидъ, нехристь и т. д. Отъ этого въ головахъ этихъ людей иногда происходитъ странная путаница: Гарibaldi, думаютъ они,—генераль и Чальдини — генераль, слѣдовательно они равны; Робеспьеръ—революціонеръ и Дантонъ—революціонеръ, слѣдовательно оба они принадлежатъ къ одной и той же породѣ людей. Если къ тому же замѣчаютъ, что два такіа лица имѣютъ еще какіе нибудь общіе признаки, то уже окончательно убѣждаются въ ихъ сходствѣ. Гарibaldi, напр., участвовалъ въ войнѣ за свободу Италіи и отличился; но и Чальдини тоже участвовалъ и тоже отличился: можетъ ли быть послѣ этого рѣчь о томъ, что между этими двумя личностями нѣтъ положительнаго сходства. Никто, конечно, не будетъ доказывать, что большинство нашего общества состоитъ исключительно изъ людей развитыхъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ понятіяхъ этого общества происходитъ таже самая путаница. БѢлинскій писалъ критическіа статьи — слѣдовательно онъ критикъ. Но и Добролюбовъ писалъ также критическіа статьи; очевидно, что и онъ критикъ. Кромѣ того, какъ тотъ, такъ и другой принадле-

жали къ числу прогрессивныхъ людей своего времени, участвовали въ лучшихъ журналахъ, рано умерли, быть можетъ, были одинаковаго роста, или имѣли похожіе носы — чего же больше для того, чтобъ считать ихъ людьми совершенно одинаковыми. Принимая въ соображеніе, что дѣятельность Добролюбова началась семь или восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣлинскаго, его можно, смотря по расположенію къ нему, называть или продолжателемъ, или послѣдователемъ, или подражателемъ Бѣлинскаго. Въ довершеніе сходства издавы полныя собранія сочиненій обомъ дѣятелей, и всѣ, кто не имѣетъ причины злиться на Добролюбова, рѣшаютъ, что Бѣлинскій есть Добролюбовъ сороковыхъ годовъ, а Добролюбовъ — Бѣлинскій — пятидесятыхъ.

Надо сознаться, что доселѣ было весьма мало сдѣлано для того, чтобы выяснитъ значеніе этихъ двухъ писателей. На рѣшеніе публики никакъ не могли и не могутъ повліять злобные выходы разныхъ темныхъ личностей, задѣтыхъ Добролюбовымъ, до сихъ поръ не забывающихъ при случаѣ узавить его своимъ жаломъ, содержащимъ въ себѣ не столько аду, сколько гравю. Но точно также все, что было написано въ пользу Добролюбова, не можетъ служить публикѣ для уразумѣнія дѣятельности его. Это были большою частію лишь матеріалы для его біографіи, состоявшіе изъ воспоминаній друзей покойнаго; какъ матеріалы, они могутъ имѣть большое значеніе, но публика не можетъ видѣть въ нихъ ровно ничего, что бы дало ей возможность понять дѣятельность человека, о которомъ столько слышится и котораго читаетъ, но оцѣнить не можетъ.

Нельзя сказать, чтобы было болѣе сдѣлано для оцѣнки и Бѣлинскаго. Все, что о немъ писали, ограничивалось лишь воспоминаніями друзей и знакомыхъ. Изъ этихъ воспоминаній можно было кое-что узнать о личности Бѣлинскаго, — но литературная его дѣятельность была загадкой. Изъ похвалъ, расточаемыхъ его имени, и изъ совершеннаго молчанія о его значеніи, какъ писателя, можно было бы заключить, что его дѣятельность ограничивалась однимъ небольшимъ кружкомъ развитыхъ людей, среди которыхъ онъ игралъ первую роль и слылъ оракуломъ. Можно было подумать, что значеніе его не болѣе значенія, напримѣръ, Станкевича, о которомъ люди, близко его знавшіе, всегда отзывались съ величайшимъ уваженіемъ, но до личности котораго публикѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, что бы ни говорилъ его панегиристъ Добролюбовъ. Почитатели такихъ людей, какъ Станкевичъ, до сихъ поръ не могутъ говорить о нихъ безъ слезъ

умиленія и возмущаются до глубины души при малѣйшемъ сомнѣніи въ ихъ огромномъ значеніи. Такой восторгъ вовсе не кажется мнѣ неосновательнымъ или страшнымъ: люди, подобные Станкевичу, были для своего дружка дѣйствительно великими людьми. Отличаясь умомъ и благороднымъ образомъ мыслей, они не только очаровывали своихъ знакомыхъ силою задушевной рѣчи, но и просвѣщали ихъ, поднимая передъ ними завѣсу, за которой доселѣ скрывалось для нихъ все высокое, благородное и прекрасное. Въ эти минуты они прозрѣвали, видѣли передъ собою совершенно новый міръ, міръ высокихъ идей и чувствъ, міръ восторженныхъ порывовъ и многосторонняго знанія. Этотъ міръ, весьма идеализированный и наполненный хотя сладкими, но въ сущности пустыми мечтами, идеями и идеалами, представлялъ такой рѣзкій контрастъ съ окружающей ихъ пошлостью, что они весьма естественно смотрѣли на своихъ просвѣтителей, какъ на какихъ-то Колумбовъ; Колумбы наши пріобрѣтали такимъ образомъ совершенно неожиданно для себя славу великихъ общественныхъ дѣятелей, и приверженцы ихъ были готовы положить за нихъ жизнь свой. Слава и значеніе ихъ было, можно сказать, совершенно полны и не помрачались рѣшительно ничѣмъ, потому что у нихъ были только почитатели; враговъ же у нихъ не было, потому что вѣдь они дѣйствовали въ своемъ кружкѣ, куда людямъ, не раздѣлявшимъ его мнѣній, не за чѣмъ было и показываться. Но хотя, судя по всему, что мы слышимъ объ этихъ людяхъ, они имѣли дѣйствительно много данныхъ на то, чтобы быть энергическими руководителями общества, — обстоятельства, позволявшія имъ дѣйствовать лишь въ ограниченномъ кружкѣ, не допустили ихъ занять то положеніе относительно общества, на которое давали имъ право ихъ достоинства. Они могли дѣйствовать лишь на весьма ограниченное число людей, и то большею частію уже сдѣлавшихъ первый шагъ на пути своего развитія. Но надо вспомнить, что въ то время это было почти единственно возможное положеніе. Никому въ голову не можетъ придти порицать такихъ людей, какъ Станкевичъ или Грановскій за то, что они дѣйствовали на единицы, потому что всякому должно быть извѣстно, что дѣйствовать на массы они не могли. Теперь ораторствующій въ кружкѣ, конечно, ни въ комъ не возбуждетъ сочувствія и заслужитъ названіе пустаго болтуна; но на все бываетъ свое время, и когда надо было готовить дѣятелей, то люди, дѣлавшіе это, тратили свою жизнь не попустому. Бываютъ эпохи, въ которыя полезно распространять даже такіа мнѣнія, которыя, строго

суда, ошибочны. Такъ, напримеръ, теперь никто не будетъ хвалить человека за то, что онъ говоритъ то, что думаетъ, и подобная добродѣтель считается отрицательнымъ качествомъ. Но въ эпоху Станкевича и Грановскаго нравственный уровень общества былъ не на столько высокъ, чтобы подобная черта считалась не заслуживающей похвалы. Слушатели Грановскаго готовы были возстать горячо на человека, который бы захотѣлъ ограничить его значеніе, потому что для нихъ онъ не только умный и хорошій человекъ, но какой-то необыкновенный идеалъ, котораго они непремѣнно канонизировали бы, еслибы это было въ ихъ власти. Тогда, для того, чтобы разбудить людей и заставить ихъ слушать себя, необходимо было говорить имъ объ убѣжденіяхъ, о самопожертвованіи, о принципахъ и т. п. высокихъ матеріяхъ; только этимъ путемъ, этими средствами можно было вывести людей изъ усыпленія и апатіи, оторвать отъ преферанса и указать имъ на болѣе высокія цѣли. Мы можемъ не толковать теперь о борьбѣ за святые убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву принципамъ, о цвѣтископической добродѣтели; мы знаемъ, что теперь практическаго дѣла изъ этого выйти не можетъ, ибо все это болѣе или менѣе нелѣпныя бредни. Мы можемъ все это высказывать въ слухъ, если только у насъ есть взамѣнъ всего этого что нибудь болѣе основательное, болѣе рациональное и практическое, если мы отступаемъ отъ фразъ, чтобы обратиться къ дѣлу. Но тогда, когда въ обществѣ царствовала глубочайшая апатія, когда требовалось образовать хотя небольшое число людей, которые могли бы шептать мозгамъ остальнаго общества, нельзя было пренебрегать фразами, которыя имѣли свойство наэлектризовывать и пробуждать умы. гда даже эти фразы были полны жизни и содержанія, потому имѣли практическую цѣль. Въ то время говорить противъ нихъ чило проповѣдывать индифферентизмъ, значило мѣшать пробужденществу. Теперь, намъ, конечно, нельзя удивляться Станкевичу и тому подобному человеку за честность и прямоту, съ какой сказывали свои мнѣнія, но мы должны быть благодарны имъ что они подготовили намъ людей, способныхъ выступить на поприще общественной дѣятельности.

Но значеніе Бѣлинскаго было другаго рода. Онъ оставилъ послѣ себя двѣнадцать томовъ сочиненій, которыя съ жадностью читались и читаются всѣми, мало-мальски претендующими на званіе образованныхъ людей. Вліяніе его было обширно, какое только могло быть въ Россіи

сороковых годов; поэтому деятельность его не была так скромна и тиха, как деятельность людей, действовавших на частные кружки; она захватывала всю читающую Россію. Много врагов онъ имѣлъ при жизни, много новаго сказалъ, много стараго выбросилъ за окно. Онъ еще при жизни былъ авторитетомъ, и время, протекшее со дня его смерти, еще болѣе усилло его значеніе. Новое слово, сказанное имъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, и стало старо какъ свѣтъ; старая дрянь, вычищенная имъ, давно забыта. Защитники и поборники, некогда враждовавшіе за нее съ Бѣлинскимъ, умерли, и теперь развѣ какаянибудь археологическая рѣдкость, въ родѣ г. М. Дмитриева, еще можетъ высказывать понятія, побитыя Бѣлинскимъ, и неблагоклонно отзываться о немъ. Лучшіе люди новаго времени относятся къ Бѣлинскому съ полнымъ уваженіемъ; современники его гордятся имъ. Сочинители разныхъ пиитикъ, хрестоматій и исторій литературы, предназначенныхъ для обученія юношества въ корпусахъ и гимназіяхъ, ссылаются на Бѣлинскаго, какъ на высшій авторитетъ. Въ уваженіи къ его личнымъ достоинствамъ, въ почитаніи его сочиненій, въ вѣрѣ въ авторитетъ его сужденій сходятся люди весьма различныхъ убѣжденій, возрастовъ, понятій и направленій. Въ дѣлѣ критики, въ оцѣнкѣ авторовъ, художественныхъ произведеній, и вообще въ дѣлѣ искусства—его признаютъ непогрѣшимѣйшимъ судьей, и никому въ голову не приходитъ усомниться въ вѣрности его взгляда. Это въ нѣкоромъ родѣ Гораций или Буало беллетристики. Величайшая похвала, дѣлаемая Добролюбову людьми, расположенными къ нему, состоитъ въ признаніи его продолжателемъ Бѣлинскаго. Наконецъ, новое поколѣніе чтитъ его, какъ основателя того направленія, котораго былъ представителемъ Добролюбовъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи въ глазахъ общества онъ является предшественникомъ Добролюбова, и связь между ними, какъ между двумя представителями критики, еще болѣе увеличивается этимъ сходствомъ образа мыслей и направленія.

Не смотря на это, литературное значеніе Бѣлинскаго такъ же мало выяснено, какъ и значеніе Добролюбова. О Бѣлинскомъ была написана только одна книга: «Бѣлинскій, какъ моралистъ», одно заглавіе которой показываетъ, какъ мало было отъ нея проку для опредѣленія значенія деятельности Бѣлинскаго. Большинство публики до сихъ поръ знаетъ о Бѣлинскомъ лишь то, что онъ былъ очень хорошимъ критикомъ и придерживался либеральнаго образа мыслей.

Въ настоящей статьѣ я нацѣренъ рассмотреть литературную дѣ-

тельность Бѣлинскаго и Добролюбова, и значеніе ихъ въ нашей литературѣ и обществѣ. Я покажу, какого рода была дѣятельность, куда она преимущественно была направлена, и какія дала послѣдствія. Я разсмотрю также, насколько тотъ и другой могутъ считаться литературными авторитетами, на чемъ основывается уваженіе, которымъ они пользуются, а также и задатки для дальнѣйшей дѣятельности, представленныя намъ этими писателями, такъ равно потерянными для нашей умственной жизни. Изъ этого разбора, надѣюсь, будетъ ясно, насколько справедливо господствующее мнѣніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, какъ писателей.

ЛИТЕРАТУРА ДО БѢЛИНСКАГО.

Наша литература вначалѣ была пересаживаемымъ дѣвѣнкомъ, жизненность котораго долго поддерживалась искусственно за стеклами теплицы.

Бѣлинскій (Т. VIII стр. 44).

1-го января 1701 года въ Европѣ родилось новое столѣтіе. Это былъ веселый и шутивый вѣкъ, которому въ старости суждено было сдѣлаться такимъ серьезнымъ и мрачнымъ. Да, въ ту минуту, когда онъ родился въ пышной, шумной, веселой Европѣ, никто не могъ предвидѣть, что этотъ игривый юноша, разыгравшійся до регентства, будетъ такъ губителенъ для всего того, что уже столько времени украшало собою эту счастливую страну свѣта. Никто не могъ предвидѣть, какъ окончатся этотъ игривый вѣкъ, потому осулившій на гибель все, чѣмъ онъ шутилъ и хвастался—порядокъ, нравственность, власть, весь государственный, общественный и частный бытъ.

Но, говорить, вѣтъ ада, отъ котораго бы не было противоядія. Около того же времени явились на свѣтъ два другихъ новорожденныхъ, которыми забѣдливая судьба старалась обезопасить Европу на слу-

той, если власти некого вѣна превзойдутъ всякую мѣру. То были два новыя европейскія государства—Россия и Пруссія.

Московскому царю Петру Алексѣевичу вздумалось покинуть Азію и обратиться къ Европѣ. Ему показалось лестнымъ быть настоящимъ государемъ, каковы были его западные сосѣди, короли швейцарскій и польскій. Ему хотѣлось также имѣть армию и флотъ, и министровъ, и чиновниковъ, между тѣмъ, какъ до снхъ поръ ему приходилось довольствоваться довольно-неуклюжей ордой.

И такъ, царю Петру Алексѣевичу захотѣлось сдѣлаться государемъ на европейскую ногу. Посредствомъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе прогрессивныхъ мѣръ, онъ быстро достигъ своей цѣли. Еще въ 1690 г. онъ былъ царемъ по обычаю предковъ, а двадцать лѣтъ спустя уже имѣлъ и войско, и флотъ, и сенатъ, однимъ словомъ, все въ такомъ же видѣ, какъ у его швейцарскаго, или у его польскаго величества. Все это произошло съ необычайной легкостью и скоростью, и съ этихъ поръ европейскій видъ сталъ пріобрѣтаться не по днямъ, а по часамъ. Были и академіи, и бароны, и камергеры, и столица въ европейскомъ вкусѣ—все было. Почему же бы не завести и литературы? Завели. И не одну только литературу, а и фонтаны, и рысистыхъ лошадей, и искусства разныя, и цивилизацію. Дѣло не въ при- жѣрь веселѣе пошло. Разумѣется, литература была крайне обязана этой цивилизаціи, что и выражала восторженными привѣтствіями въ честь другихъ ея даровъ, фонтановъ, рысистыхъ лошадей и камергеровъ. Дѣло шло въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока внезапно не было сдѣлано одно неожиданное открытіе. Собственно это не было одно открытіе, а цѣлый рядъ открытій, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: 1) можетъ случиться, что литература укло- няется отъ служенія дарамъ цивилизаціи и обращается въ орудіе всякаго фармазонства; 2) такое приключеніе случилось въ королевствѣ французскомъ; 3) оно можетъ постигнуть и другія страны; 4) оно уже постигло и любезное отечество. Однако на сей разъ открытіе это пріобрѣло нѣкоторое значеніе только для Радищева, ибо вслѣдъ затѣмъ шалости стараго вѣка превзошли должную мѣру, и Европѣ было дано противодіе.

Я не намѣряю здѣсь распространяться о Ломоносовскихъ, Барам- зинскихъ, Пушкинскихъ и прочихъ періодахъ нашей литературы, по- тому что все это подробно описано много разъ въ сочиненіяхъ Бѣлин- ского, и оттуда уже давно перешло во всевозможныя «курсы словесно-

сти». Скажу только, что до самого Пушкина и Грибоедова литература твердо помнила свое происхождение и съ служенія дарамъ цивилизаціи не уклонялась. Пестовъ и сочинителей было много, и все они, или переводили, или подражали. Переводили вещи весьма любезныя, начиная отъ *Арменіды* Тредьяковскаго до *Россіады* Хераскова. Подражали не менѣе удачно, и какъ нельзя лучше подвизались на поприщѣ драмы, лиры и эпоса, и съ напряженіемъ спорили о романтизмѣ и классицизмѣ.

Вскорѣ послѣ приснопамятнаго двѣнадцатаго года произошло нѣчто весьма несообразное: въ противодіе капнула значительная капля яду, ибо два эти вещества были слишкомъ близко поднесены другъ къ другу. Вопреки всѣмъ законамъ химіи ядъ не только не нейтрализовался въ этой средѣ, но даже произвелъ нѣкоторое броженіе въ ней... Но за то восторжествовали законы терапевтическіе. Младенцу привили оспу, но она не принялась, и разразилась только какими-то безобразными пузырями на привитомъ мѣстѣ. За то теперь младенца, уже нѣсколько подросткаго, поднесли нечаянно къ большому оспой,—и онъ заразился. Онъ воспринялъ ядъ всѣми своими порами, всей поверхностью своей, и ядъ вступилъ въ организмъ и не замедлилъ обнаружить свое вліяніе... О, приснодостопамятный двѣнадцатый годъ! Какъ ня пошлы похвалы, расточаемыя въ такомъ изобиліи твоимъ морозамъ, но я готовъ повторять ихъ всякій разъ, когда вспомню о тебѣ! Ты свелъ наши образованные классы съ западомъ, и благодаря этому, они совершенно независимо отъ чьей-бы то ни было воли, безсознательно и естественно восприняли цивилизацію. Ты намъ далъ все, что мы имѣемъ. Быстры и богаты были жатвы посяяннаго тобою. Едва прошло нѣсколько лѣтъ и явились Пушкинъ, Грибоедовъ и Гоголь, которые столько же имѣютъ связи съ Ломоносовымъ, Сумароковымъ и Озеровымъ, сколько послѣдніе съ Киршей Даниловымъ. Не Петръ, не Кантемиръ, не Ломоносовъ—родоначальники нашей литературы. Литература, основанная ими, не имѣетъ ничего общаго съ нашей литературой, хотя она не умерла, а жила рядомъ съ ней, живетъ и будетъ жить.

Едва русская жизнь, воспринявъ цивилизацію запада, стала разсматривать ее сообразно съ тѣми условіями, которыя встрѣчала, какъ однимъ изъ первыхъ плодовъ ея была литература. Къ этой литературѣ уже вовсе не идетъ то изрѣченіе Бѣлинскаго, которое повторилъ и Добролюбовъ и которое я поставилъ въ эпиграфъ этой главы. Бѣлинскій

не видѣть разницы между литературой, которую произвела реформа Петра и той, которую произвела русская жизнь, напитавшаяся западной цивилизаціей. Съ этихъ поръ наша литература становится непосредственнымъ продуктомъ русской жизни, частью организма русскаго народа, хотя и явилась лишь вслѣдствіе вліянія западной цивилизаціи. Но мясо, которое человекъ ѣстъ, принадлежитъ быку; однако, палець, образовавшійся изъ этого мяса, воспринятаго, перевареннаго и переработаннаго организмомъ, принадлежитъ человеку, и быкъ не могъ бы на него претендовать, еслибъ былъ живъ.

Литература, заведенная Петромъ, въ теченіе 150 лѣтъ, не дала ничего болѣе замѣчательнаго, какъ Державинъ и Феоdorf Тютчевъ. За то русская литература на первыхъ же порахъ произвела четырехъ великихъ дѣятелей, трохъ я уже назвалъ: то были Пушкинъ, Грибоедовъ и Гоголь. Четвертый былъ Бѣлинскій.

До того времени критика вовсе не существовало или, лучше сказать, она вполне соответствовала той литературѣ, среди которой развивалась. Бѣлинскій говоритъ, что тогда критики восхищались или порицали отдѣльныя мѣста произведеній, на идею же не обращали вниманія. Это и не мудрено, потому что какая могла быть идея въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ дѣло шло о фонтанахъ, камергергахъ и т. п. вещахъ. Но когда явилась, наконецъ, настоящая литература, явилась и критика. Какого рода она была и какія цѣли преслѣдовала, увидимъ ниже, а пока необходимо отвѣтить на одинъ вопросъ, который нельзя обойти: что такое критика, какова ея роль и значеніе въ литературѣ?

Критика относится къ литературѣ точно такъ же, какъ литература къ обществу. Литература изображаетъ общество, судить о его состояніи, выражаетъ его желанія, стремленія и потребности. Точно также критикъ судить о состояніи литературы, изображаетъ ея положеніе и оцениваетъ всѣ отдѣльныя явленія, составляющія ее. Но критика, разумеется, должна вникать и въ положеніе общества, знать его, имѣть понятіе о его нуждахъ и стремленіяхъ. Безъ этого знанія ей невозможно будетъ судить вѣрно о литературѣ. Если въ литературѣ является произведеніе, изображающее, положимъ, крестьянскій бытъ въ видѣ аркадской идилліи, то критика должна указать на ошибочность и нецѣльность подобнаго взгляда на крестьянскій бытъ. Сдѣлать это она можетъ только въ томъ случаѣ, если знаетъ, что положеніе крестьянъ нельзя уподобить аркадской идилліи, если, слѣдовательно, имѣетъ понятіе о состояніи общества. Является въ литературѣ книга, изобра-

жизни, положимъ, любовь соловья къ розѣ и выражаетъ претензію слышать дукшоной нищей для народа. Критика только тогда можетъ указать на нелѣпность подобной претензіи, если на столько знаетъ народный бытъ, что понимаетъ несообразность прилженія къ нему любви соловья къ розѣ. Следовательно, чтобъ хорошо выполнять свою роль, судить о литературѣ, критикѣ необходимо обращать вниманіе на самое общество.

Но критика, оставаясь критикой, не можетъ поступать на оборотъ, т. е. по литературѣ судить объ обществѣ. Какъ скоро критикъ дѣлаетъ это, онъ перестаетъ быть критикомъ. Если онъ, разсматривая общества, на основаніи своихъ наблюденій и выведенныхъ изъ нихъ результатовъ судить о достоинствѣ литературнаго произведенія — онъ остается критикомъ. Если онъ говоритъ: такое-то сочиненіе не хорошо, потому что не вѣрно воспроизводитъ общественную жизнь — онъ не выходитъ изъ предѣловъ критики. Но когда онъ говоритъ: такое-то общество имѣетъ весьма плохую литературу, следовательно оно не развито — онъ перестаетъ быть критикомъ и дѣлается сатирикомъ, историкомъ или публицистомъ.

Поэтому дѣло критики состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать литературу, судить о ея прогрессѣ, оцѣнивать ея результаты, указывать ея направленіе и истолковывать значеніе отдѣльных ея произведеній.

Изъ этого ясно, что критика вполнѣ зависитъ отъ литературы, и самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Если литература даетъ ей что нибудь, она беретъ, если нѣтъ, она не можетъ и существовать. Если литература занимается предметами совершенно ничтожными, чуждыми обществу, если она состоитъ изъ звучныхъ рифмъ и краснорѣчивыхъ хрипъ, то критика обречена на разсматриваніе этихъ рифмъ и хрипъ, и отъ себя создать ничего не можетъ. Если захочетъ она, воспользовавшись самымъ бѣдствіемъ своимъ, указать на него, какъ на признакъ плачевнаго положенія общества, то въ ту же минуту перестаетъ быть критикой и дѣлается сатирой. Многіе смѣшиваютъ сатиру съ критикой, какъ мы увидимъ ниже, но для сужденія о Бѣлинскомъ и Добролюбовѣ разницу эту необходимо имѣть въ виду.

Такое значеніе остается за критикой, какъ бы на нее ни смотрѣли. Эстетическіе критики, вѣроятно, также полагаютъ, что критика лишь до тѣхъ поръ критика, пока по «незыблемымъ законамъ искусства» судить о литературномъ произведеніи, а не по произведенію объ

искуствѣ. Если, по видному, они поступаютъ иногда наоберотъ, то въ такихъ случаяхъ произведеііе, по которому они судятъ, само по себѣ составляетъ для нихъ законъ. Что же касается до реальной критики, то обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы сказать, какое впечатлѣніе производятъ лица, выведенныя авторомъ и ихъ поступки, возможны ли такія лица, вѣрны ли они и ихъ поступки действительности. Далѣе она должна показать, вѣрно ли понимаетъ авторъ выставляемые имъ фанты, ихъ взаимную связь и послѣдствія. Но обо всемъ этомъ критика можетъ судить лишь тогда, когда литература представитъ ей это на судъ. И съ другой стороны, какъ скоро литература принимаетъ изображать общество, то въ ней непременно возникаетъ и оценка ея самой. Явились Пушкинъ и Гоголь—явился и Бѣлинскій.

ВРЕМЯ БѢЛНЦОВАГО.

Что представляли собою Бѣлинскому современныя ему литература и общество?

Литература совершала въ это время свой переходъ отъ насажденной Петромъ къ русской самостоятельной. Пушкина называютъ первымъ народнымъ поэтомъ. Это весьма справедливо, если подъ народнымъ разумѣютъ національнымъ. Съ Пушкина началась русская національная литература — слѣдовательно онъ былъ первый русскій національный поэтъ, и его вполне можно назвать народнымъ, если подъ этимъ не подразумѣвать простонародный.

Впрочемъ, существуютъ обстоятельства, весьма ограничивающія значеніе Пушкина, какъ перваго національнаго писателя. Съ одной стороны, говоря строго, Фонъ-Визинъ имѣетъ полное право занять въ этомъ смыслѣ мѣсто передъ Пушкинымъ, и если тѣмъ не менѣе Пушкинъ сохраняетъ свое положеніе впереди всей нашей литературы, то не по таланту своему, а по другимъ причинамъ: Фонъ-Визинъ пред-

становится налѣ явленіемъ совершенно отрывочнымъ, неимѣющимъ никакой связи не только съ современными, но и съ послѣдующими поколѣніемъ. Какъ ни былъ великъ его талантъ, но онъ могъ породить только замѣчательныя отдѣльныя произведенія, а не цѣлую литературу. Для того, чтобы изъ среды общества вытекла національная литература, необходимо было, чтобы оно развилось. Но ни въ эпоху Фонъ-Визина, ни въ эпоху, ближайшую къ нему, не случилось такого обстоятельства, которое бы послужило къ развитію общества; поэтому онъ остался одинокимъ среди темнаго лѣса насажденной литературы и не имѣетъ прямого отношенія къ современному развитію. Напротивъ того, за Пушкинымъ послѣдовали Грибоѣдовъ, Гоголь и наконецъ цѣлая литература. Но это произошло не подъ вліяніемъ дѣятельности Пушкина, а вслѣдствіе того, что общество созрѣло достаточно для того, чтобы породить литературу. Съ другой же стороны, Пушкинъ самъ только въ немногихъ своихъ произведеніяхъ принадлежитъ къ національной литературѣ; въ большей же части онъ — представитель насажденной. Стоя на рубежѣ этихъ двухъ литературъ, онъ по предмету большей части своихъ пѣснопѣній принадлежалъ къ насажденной. Ожидать противнаго, требовать, чтобы онъ сразу отрѣшился отъ всякой связи со всѣмъ, существовавшимъ до него, было бы нелѣпо, потому что такіе скачки рѣдко удаются и болѣе самостоятельнымъ натурамъ. Поэтому Бѣлинскій въ высшей степени правъ, говоря о Пушкинѣ, что онъ былъ *только* художникъ, вслѣдствіе чего не имѣлъ никакихъ убѣжденій и былъ близокъ къ нравственному индифферентизму. Бѣлинскаго нельзя было обмануть; ему нельзя было втолковать, что человекъ, показывающій въ карманѣ кукишь, храбръ и самоотверженъ, если тотъ же человекъ въ то же время изгибалъ картинно синю. Поэтому Бѣлинскій весьма справедливо говоритъ, что извѣстные *стихики* Пушкина ровно ничего не доказываютъ. Онъ былъ столь ревностный почитатель Пушкина, что твердо помнилъ хронологію его произведеній и зналъ, что въ 1825 г. Пушкинъ писалъ пародію на тѣхъ, кто

...хочетъ быть цыганомъ,
Кого преслѣдуетъ законъ,

и тутъ же сочинялъ *Оду къ свободѣ* и тому подобный вздоръ. «Демона движенія, вѣчнаго обновленія, вѣчнаго возрожденія,» того демона, который «хотя и губитъ иногда людей, хотя и дѣлаетъ несчастными цѣлыя эпохи, но не иначе, какъ желая добра человечеству—этого де-

мова Пушкинъ не зналъ, — и оттого заботился столько о своихъ родословныхъ.» Съ своей стороны я скажу, что то, что Бѣлинскій объяснилъ въ Пушкинѣ отсутствіемъ убѣжденій, я приписываю его тѣсной связи съ насажденными предметами, особенно съ этой литературой. Какъ скоро поэтъ или писатель не знаетъ о «демонѣ движенія,» то не можетъ быть и рѣчи о его полной народности. Народная жизнь требуетъ движенія и создаетъ его. Неподвижность есть свойство созданныхъ насажденныхъ и поддерживаемыхъ. Эти созданія могутъ цѣлые вѣка пребывать въ одномъ видѣ, чему служить примѣромъ наша выслуживающаяся пресса, существующая точно въ такомъ видѣ, въ какомъ существовала сто лѣтъ назадъ. Она неизмѣнна, какъ тѣ фонтаны и монументы, которые воздвигнуты въ одно время съ нею; но народная жизнь требуетъ движенія, въ стоячей же водѣ существовать не можетъ.

Пушкинъ, кромѣ того, тѣсно связанъ съ насажденной литературой еще въ тѣхъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ является подражателемъ. Очевидно, что обстановка, среди которой процвѣтаетъ насажденная литература, не можетъ давать ей большого разнообразія въ матеріалѣ: фонтаны, иллюминаціи, рысаки, вотъ и все тутъ. Поэтому, всякая подобная литература споконъ вѣка отличалась склонностью къ подражанію. Поэтому и Пушкинъ былъ преимущественно подражателемъ и подражалъ Байрону, подобно тому, какъ Херасковъ подражалъ Горацию и Вергилію. Говорятъ, что онъ былъ великій художникъ, и воспринятые изъ Байрона впечатлѣнія воспроизводилъ съ необыкновенной живостью; указываютъ на байроническій *колоритъ* его сцены изъ Фауста и *Скупого рыцаря*; восхищаются необычайно художественнымъ произведеніемъ Донъ Жуана. Не знаю, что хотять этимъ выразить, знаю только то, что Пушкинъ Байрону подражалъ и подражалъ весьма неудачно. Чтобы не повторять того, что я уже сказалъ однажды по поводу Лермонтова, я считаю достаточнымъ обратиться къ авторитету Бѣлинскаго, который о пониманіи Пушкинымъ и вообще нашими поэтами Байрона говорить тоже самое. (См. соч. Бѣлинскаго Т. VII стр. 18, Т. VIII стр. 277) Тоже самое говорить не только Добролюбовъ, но и г. Милуевъ, котораго ужъ никто, конечно, не упрекнетъ въ крайнемъ нигилизмѣ. (См. соч. Добролюбова Т. I стр. 538).

Разумѣется, за *сладкіе звуки* и неудачное подражаніе Байрону нельзя было отдѣлять Пушкина отъ легіона поэтовъ, принадлежащихъ

къ насажденной литературѣ. Но дѣло въ томъ, что у Пушкина кромя сладкихъ звуковъ и пародій на Байрона есть произведенія, въ которыхъ уже является русская жизнь, хотя еще въ очень блѣдныхъ и неясныхъ очертаніяхъ. Вотъ *Евгенія Онегина* уже нельзя причислить къ насажденной литературѣ, потому что онъ есть созданіе русской жизни, выразившейся въ немъ. Разумѣется, еслибъ кто нибудь теперь задумалъ написать подражаніе *Вогенію Онегину*, то показалъ бы этимъ, что сходится съ Пушкинымъ только на поприщѣ насажденной литературы, потому что, какъ я уже сказалъ, жизнь требуетъ движенія и не можетъ пронавести два одинакія явленія на разстояніи сорока лѣтъ. Во время Пушкина болѣе яснаго и полного созданія не могло быть; но послѣ Гоголя такое явленіе немислимо явче, какъ въ сферѣ насажденной литературы.

Но эта не многія, истинно народныя произведенія Пушкина тераются среди его искусственно подогрѣтыхъ произведеній, къ которымъ я отношу не только *Клеветникамъ Россіи*, но и *Каменнаго юста* и *Почной Зефиръ*, однимъ словомъ всѣ тѣ, которыя представляютъ собою или одни *сладкіе звуки*, или суть подражанія непонятнымъ образцамъ запада.

Теперь намъ, конечно, легко разсуждать такимъ образомъ и отдѣлять жемчугъ отъ навоза; намъ легко разбирать, гдѣ сказала наша народная жизнь, и гдѣ выразилась чуждая ей насажденность. Намъ все это истолковывали, объясняли, передъ нами трудолюбиво и добросовѣстно пересматривали и перебирали одно за другимъ всѣ явленія русской литературы отъ Кантемира до Гоголя. Но взору Бѣлинскаго русская литература представляла собою совершенный хаосъ. Въ прошедшемъ она имѣла повидному все: процвѣтали и лира, и эпосъ, и драма; были и реформаторъ Кантемиръ и реформаторъ Ломоносовъ; и великій Херасковъ и великій Озеровъ; и мирза-Державинъ и минезингеръ-Жуковскій; былъ, наконецъ, и національный русскій писатель Фонъ-Визинъ; однимъ словомъ, вавилонское смѣшеніе языковъ. Геніи считались дюжинами и великими писателями хоть прудъ пруди. На болотѣ насажденной цивилизаціи происходили потѣшные бои чухонскаго классицизма съ чухонскимъ романтизмомъ. Та часть общества, которая ушла гораздо дальше всей этой литературы, не желала ее знать. Другая, гораздо многочисленнѣйшая, занималась службой или преферансомъ, и читала только сонники. Но на защиту ея образовалось цѣлое общество аристарховъ, съ важностью толковавшихъ о каждой строчкѣ *Во-*

делада или Россіады; это общество учредило форменный взгляд на всю русскую литературу, существовавшую при немъ и съ яростью, какъ на профана, илдевоее на каждого, пытавшагося разобрать, въ чей дѣло, осмыслить явленія, представляемыя этой литературой.

За тѣмъ слѣдовали болѣе новыя порожденія насажденной литературы: романистъ Булгаковъ, журналистъ Гречъ, историки Киреевскій, Погодинъ и безчисленная толпа поэтовъ, воспѣвавшихъ на всѣ лады Россіа; и тутъ же рядомъ съ ними Пушкинъ и Грибоедовъ. Въ то самое время, когда среди литературы являлись такіе дѣятели, какъ Гоголь, она достигала величайшаго униженія, служа на потѣху праздности, ваяточничеству и всевозможнымъ мерзости. Въ виду всего этого представлялась странная загадка: съ одной стороны, казалось, что богатства литературы громадна; съ другой—что ея не существуетъ: число образцовыхъ произведеній было огромно, общество же не знало и не хотѣло знать литературы. Среди массы оффиціозныхъ продуктовъ исчезали немногочисленные національныя произведенія Пушкина и другихъ. Но и эти послѣднія, какъ относились они къ жизни общества? Могли ли они прямо обратиться къ разсмотрѣнію внутренней его жизни? Могли ли они сразу объять всю сущность общества, понять его нужды и потребности, вникнуть въ его положеніе, явиться его защитниками и представителями! Понятно, что они не могли сдѣлать всего этого, не ознакомивъ прежде всего съ внѣшней стороной общества. Въ началѣ имъ предстояло рѣшить вопросъ: есть ли еще у насъ общество, каково оно, гдѣ оно? Литература еще только-что родилась, надо же ей было сперва осмотрѣться, взглянуть на арену, на которой ей приходилось дѣйствовать, увидѣть того, за кого ей надо стоять и того, противъ кого вридется вооружаться. Поэтому первыя произведенія ея представляютъ собою только очертаніе внѣшности русскаго общества. Въ нихъ замѣчается совершенный недостатокъ мысли, умственнаго развитія; за то они художественно, т. е. вѣрно представляютъ внѣшнія общественныя формы. Художественный элементъ, объективность не только преобладаютъ въ ней, но господствуютъ неограниченно. Какъ всегда и вездѣ въ ней искусство предшествуетъ мысли, знанію, внѣшность—содержанію, объективность—субъективности. Художественная сторона должна была имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ глубинною мысли. Картиность или, какъ говорятъ эстетика, пластичность образовъ должна была стоять на первомъ планѣ тамъ, гдѣ отсутствовало знаніе. Художественная вѣрность въ воспроизведеніи явле-

ной общественной жизни составляла тогда единственную доступную цель. Въ то время литература не могла заниматься ничѣмъ другимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что было общаго у нашей литературы съ европейскимъ движеніемъ? Если бѣ даже она и отдѣлялась отъ связи съ насажденною литературою, то съ какой стати, изъ за кого и въ чью пользу ей было увлекаться? Пожалуй, отъ нечего дѣлать можно написать задорные стишки; но въ сущности вѣдь только для своей потѣхи. Общественные интересы были совершенно неизвѣстны литературѣ, потому что и самое-то общество она едва лишь начала узнавать съ его внѣшней стороны. Слѣдовательно, всѣ эти Барбье, Гейне, Фурье до нея никакъ не могли касаться; для нея они были тѣмъ же, чѣмъ, напр., микроскопъ для какого нибудь новозеландца. Зачѣмъ была мысль, когда еще неизвѣстно было о чемъ мыслить? Развѣ о томъ, что бы было, еслибъ въ природѣ не было движеній? и отвѣчать самому себѣ на этотъ глубокомысленный вопросъ, что тогда «была бы слѣдующая картина:

То было тьма безъ темноты,
 То было бездна пустоты,
 Безъ протяженья, безъ границъ:
 То были образы безъ лицъ;
 То странный мѣръ какой-то былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
 Безъ времени, безъ дной и лѣтъ,
 Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ, и т. д.

Но разсуждать такимъ образомъ, все равно, что пальцами перебирать. Поэтому гораздо было правѣе, естественнѣе и практичнѣе заниматься тѣмъ, что доступно, а именно внѣшней стороной жизни русскаго общества. Такъ и поступали лучшіе дѣятели тогдашней литературы, и искусство возбуждало въ то время большой интересъ и имѣло большое значеніе. Если на Барбье и Гейне смотрѣли, какъ новозеландцы смотрятъ на микроскопъ, недоумѣвая, на что они могутъ годиться, то Жанъ Полеъ и Шлегелями занимались усердно. Тогда это было полезно, даже необходимо, и если въ наше время смѣшны ограниченные поклонники чистаго искусства, то не потому, чтобы искусство вовсе не стоило вниманія, а потому, что теперь занятіе имъ обратилось въ филистерство. Покуда искусство разсматриваютъ какъ средство, до тѣхъ поръ занятіе имъ разумно. Искусство, какъ матеріалъ

для историка имѣть большую важность; оно имѣло жизненное значеніе для афинскаго народа за 2000 лѣтъ до нашего времени, когда счастливый и богатый народъ могъ спокойно наслаждаться даровыми зрѣлищами и видомъ художественныхъ произведеній, незащитанныхъ отъ взоровъ толпы въ галлерейхъ, а открытыхъ для каждаго. Наконецъ и въ наше время искусство можетъ имѣть жизненное значеніе, какое *Сицилійскія вечерни* на брюссельскомъ театрѣ имѣли для бельгійцевъ. Но въ томъ то и дѣло, что современные поклонники искусства превращаютъ и его и самихъ себя въ муміи, провозвѣдуя искусство для искусства и дѣлая его не средствомъ, а цѣлью. Они 200 лѣтъ восхищаются Венерой Милосской и 300 лѣтъ мадоннами Рафаэля, не замѣчая, что этими восторгамъ изрѣкаютъ приговоръ искусству. Въ самомъ дѣлѣ поклонники его говорятъ, что оно со времени грековъ не произвело ничего достойнаго стать на ряду съ Венерой Милосской или Аполлономъ Бельведерскимъ, что эти произведенія суть недосагаемые идеалы. Они говорятъ такъ въ то время, когда всѣ прочія стороны дѣятельности человѣческаго духа развиваются и совершенствуются съ каждымъ днемъ. И они правы; искусство дѣйствительно не произвело ничего подобнаго тому, что создали греки; но въ это оттого, что оно можетъ какъ роскошь, какъ предметъ наслажденія, процвѣтать лишь тогда, когда нужды удовлетворены, когда народъ, создающій его, можетъ наслаждаться, потому что не страдаетъ. Вѣсто того чтобы вывести такое заключеніе, поклонники искусства пишутъ стихи, въ которыхъ восхваляютъ разныя невинныя вещи и отправляются за двѣ тысячи лѣтъ назадъ искать себѣ идеаловъ. Оттого они флистеры, оттого искусство всего менѣе доступно прогрессу.

И такъ художественность была главнымъ характеромъ нашей молодой, только-что возникшей литературы. Въ то же время, пользуясь плодами литературы насажденной, одни брали взятки съ лавочниковъ, другіе писали поздравленія съ новымъ годомъ, третьи спекулировали отвратительнѣйшими порожденіями человѣческаго ума, но большая часть занималась тѣмъ, что Бѣлинскій называетъ «денонціаціями». Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, еслибъ кому даже и вздумалось упомянуть, напримѣръ, о Байронѣ, то онъ долженъ былъ показывать видъ, что говоритъ о предметѣ строго эстетическомъ. Такъ напр. Бѣлинскій о Байронѣ выражался такимъ образомъ:» Это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ; могучій гений на свое горе заглянулъ впередъ, и не рассмотрѣвъ за

карпающей; дамы обтраванной земли; будущего, онъ проклялъ настоящее и объявлялъ ему вражду непримиримую и вѣчную; неся въ груди своей страданія и мученія, онъ любилъ человечество, но презиралъ людей. И т. д. Подумавши, что грѣхъ идти о чистомъ — декоративъ, а между тѣмъ весь этотъ наборъ словъ, всё эти: Прометей и карпуны, все это являлось затѣйю, чтобы сказать, что во время Байрона свѣтло было жить на свѣтѣ.

Среди такихъ обстоятельствъ литература нуждалась въ сильномъ и смѣломъ деятелѣ. Онъ долженъ былъ растолковать ее самое, долженъ былъ пересмотрѣть всё ея отдѣльныя явленія и провансы надъ ними приговорить; онъ долженъ былъ уничтожить ея замкнутость въ самой себѣ, долженъ былъ разъяснить ея общественное положеніе и значеніе; ему предстояло указать ей осмысленные пути и разумныя цѣли; передъ нимъ лежала тяжелая обязанность борьбы съ закоренными предрассудками, съ авторитетами, защищаемыми толпою озлобленныхъ аристарховъ, съ лизоблюдствомъ, низкокломствомъ и демоніацїями заставлявшими красить русскую литературу. Изъ беспорядочной кучи матеріала ему слѣдовало создать исторію прошедшаго этой литературы; потому что, только узнавъ свое прошедшее, она могла твердо стоять въ настоящемъ и видѣть цѣли въ будущемъ. Трудъ былъ огромный, требовавшій большаго слѣза.

Теперь посмотримъ—каково было общество. Оно представляло собою зрѣлище въ высшей степени печальное и тяжелое для посторонняго наблюдателя: огромное большинство его было погружено въ апатію и не подавало никакихъ признаковъ человеческой жизни. Интересы его поглощались служебными обязанностями и картами; впрочемъ объ этомъ классѣ его нечего и распространяться: онъ слишкомъ верно переданъ намъ Гоголемъ и его послѣдователями, чтобы можно было еще что нибудь прибавить къ ихъ описанію. Для насъ теперь gerade замѣчательнѣе та небольшая часть его, которая жила человѣчною жизнью, была способна мыслить и вдумываться въ положеніе общества, которая желала преслѣдовать высшія цѣли и имѣла лучшіе интересы. Состояніе этой части общества было также незавидное. Она развилась подъ вліяніемъ запада такъ быстро и широко, что не только опередила остальное общество, но и всю литературу. Это раннее развитіе было для этихъ людей источникомъ несчастія: цѣлая бездна отдѣляла ихъ отъ своихъ современниковъ, отъ той среды, въ которой они, по крайней мѣрѣ, физически, если не умственно должны были жить. Бѣда ихъ состояла не

только въ томъ, что они осуждены были жить среди чужихъ имъ людей; но главнымъ образомъ въ томъ, что развитіе не только не дало имъ возможности какъ нибудь дѣйствовать, но сдѣлало ихъ людьми совершенно лишними, ненужными, бесполезными. Если они могли смотреть на окружающее ихъ съ презрѣніемъ; то на нихъ сами смотрѣли, какъ на людей праздныхъ и ни къ чему негодныхъ. Они, какъ говорится, отъ своихъ отстали; а къ другимъ не пристали. Вблизи для нихъ не существовало ни интересовъ, ни симпатій. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли они интересоваться русской литературой, когда были знакомы съ иностранными? Могъ ли ихъ удовлетворить Пушкинъ, когда они знали Байрона? Не должна ли была казаться имъ вся русская литература мелкой, когда имъ ихъ было занять Гегелемъ? Тогда въ русской литературѣ была мода упрекать высшіе классы въ томъ, что они пренебрегаютъ ею. Но что могло въ ней привлекать къ себѣ вниманіе людей, сочувствовавшихъ Байрону, понимавшихъ Гете, читавшихъ Беранже, проникнутыхъ идеями Гегеля? Но если они имѣли право смотрѣть свысока на своихъ современниковъ, то и эти послѣдніе имѣли право смѣяться надъ мечтателями, забывавшими дѣйствительность, окружающую ихъ, увлекаясь чужимъ достоинствомъ, посторонними интересами. Для людей, оставшихся при своемъ, они должны были казаться въ высшей степени непрактичными, бесполезными, годными для вздоховъ и оховъ о томъ, что дѣйствительность не такова, какою бы они желали ее видѣть. Съ жѣланиемъ самодовольствіемъ они, какъ андерсеновскія курицы, насмѣшливо смотрѣли на залетѣвшихъ въ ихъ клевъ аистовъ. Они смѣялись и заблуждались, слушая ихъ мечты о далекой Африкѣ и считали ихъ чуть не сумасшедшими, когда они не хотѣли вмѣстѣ съ ними рыться въ старомъ хламѣ. Этотъ разладъ высшаго по развитію слоя общества съ низшимъ отражается во всехъ крупныхъ произведеніяхъ нашей литературы, отъ *Горе отъ Ума* до *Рудина*; и по типажу Чацкихъ и Рудиныхъ мы можемъ судить, что этотъ разладъ имѣлъ печальныя послѣдствія для обеихъ сторонъ. Если толпа казалась скучной и пошлой; то и передовые люди вслѣдствіе ложнаго положенія, въ которомъ находились, являлись смѣшными и неспособными не только къ безплодной деятельности, но къ какой бы то ни было. И Чацкій, котораго съ восторгомъ восхваляетъ Грибоедовъ, и Рудинъ, котораго съ вѣжностью осуждаетъ Тургеневъ, являются намъ съ одной стороны симпатичными и благородными страдальцами, а съ другой—смѣшными и бесполезными болтунами; они не принесли пользы ни себѣ, ни другимъ, но за то

принесли положительный вред обществу, расплодив толпу мелких и жалких личностей, по натурѣ и развитію принадлежавшихъ къ типу Фамусовыхъ и Сквозубовъ, но находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобы драпироваться въ страданіе Чацкихъ. Таковы Онѣгинъ и Печоринъ, таковы сами Пушкинъ и Лермонтовъ. Имъ въ людяхъ высшаго развитія бросилась въ глаза одна только внѣшность; имъ нравился наружный видъ ихъ страданія, и вотъ они принялись пародировать ихъ. Но при всей охотѣ имъ нельзя было передѣлать свои натуршкы; внѣшность они усвоить могли и усвоили, а дальше имъ забираться не хотѣлось, и нельзя было. И что же вышло? Подражатели пропагандиста Чацкого и неудавшагося общественного дѣятеля—Рудина являлись не болѣе, какъ селадонами, прельцавшими трагическимъ видомъ сердца разныхъ барышень. Вотъ на что пошло высокое развитіе Чацкихъ, вотъ какіе дало оно плоды. Гегели и Байроны, волновавшие ихъ умы, въ обществѣ разродились Печоринными, наряжавшимися въ черкесское платье для пущаго трагизма; вліяніе ихъ можетъ быть еще и теперь гдѣ нибудь выражается въ видѣ армейскаго юнкера, поющаго *черную-шалъ*. Исторія нашей литературы даетъ намъ превосходный примѣръ того, что человѣкъ, стоявшій на высокой степени развитія, обладавшій огромными способностями, являясь на единственномъ нашемъ общественномъ поприщѣ, въ литературѣ, дѣлалъ то же самое, что Чацкій въ обществѣ Фамусова; вспомнимъ громоносныя обличенія, огненное проклятіе, вырвавшееся изъ груди Чаадаева. Но къ чему послужилъ такой взрывъ великихъ силъ, вылившихся въ благороднѣйшемъ негодованіи? Къ чему послужила пламенная рѣчь Чаадаева, карающаго новое идолопоклонство? Общество въ куриномъ самодовольствіи въ отвѣтъ на обличительныя слова принялось хихикать и отнеслось къ обличителю, какъ общество Фамусовыхъ къ Чацкому. Грибоѣдовъ за вѣсколько лѣтъ предсказалъ этотъ результатъ и предсказаніе его сбылось слово въ слово, и это уже показываетъ, что фактъ этотъ не былъ случайнымъ, а вышелъ какъ неизбежное слѣдствіе изъ данныхъ условий. Другого результата не могло выйти изъ столкновенія такой личности съ современнымъ ему обществомъ, и приговоръ, постигшій ее, служить величайшей апофеозой гениальности Грибоѣдова. Но если Грибоѣдовъ вѣрно понялъ важныя отношенія передовыхъ людей и общества, если онъ съ математическою точностью вычислилъ слѣдствія такихъ отношеній, то субъективный взглядъ его на нихъ не совсѣмъ можетъ быть принятъ нами.

Грибоедовъ воспѣвалъ Чацкаго въ то время, когда онъ еще не выро-
дился въ Печоринныхъ, когда отъ него еще можно было чего нибудь
ожидать, когда бесполезность, неумѣтность его еще не была ясна.
Поэтому онъ беретъ его сторону, онъ восхищается имъ и, прославляя
его, негодуетъ на общество. Если мы хотимъ научиться вѣрно смо-
трѣть на эти отношенія, то должны обратиться къ Тургеневу; здѣсь
симпатія къ Рудиннымъ не мѣшаетъ строгому и безпощадному пригово-
ру надъ ними, потому что уже ясно стало, что аномаліи, подобныя
ему, не имѣютъ значенія для жизни общества. Дѣйствительно, если
нельзя обвинять Чацкихъ за то, что имъ было душно среди современ-
наго имъ общества и что они выражали свое страданіе въ упорахъ и
обличеніяхъ, направленныхъ противъ него, то и общество нельзя обви-
нять за его отчужденіе отъ передовыхъ людей. Если передовые люди
гнушались жизнью общества и презирали его, то и общество имѣло
право игнорировать ихъ самихъ и ихъ гегелизмъ, потому что ему нуж-
ны были люди, которые бы научили его азбукѣ, а не метафизикѣ.
Жизніе общества о Чацкихъ и его хихиканье надъ ними было весьма
естественно, потому что будь оно другое, слушай оно Чацкаго съ вос-
торгомъ, тогда бы вѣдь и онъ не провозносилъ своихъ факхъ моноло-
говъ, тогда и онъ былъ бы совсѣмъ другимъ.

Такой разладъ между обществомъ и его лучшими членами не могъ
продолжаться долго: примиритель долженъ былъ явиться. Такое при-
миреніе или, лучше сказать, насильственное разрѣшеніе вопроса пыта-
лись сдѣлать наши славянофилы. Видя разладъ между невѣжествен-
нымъ, апатичнымъ обществомъ и его немногими членами, восприняв-
шими западную цивилизацію, они думали уничтожить этотъ разладъ,
уничтоживъ послѣднихъ. Замѣчая, что сближеніе съ западными идями,
наукою, философіею влечетъ за собою враждебныя отношенія къ сво-
имъ домашнимъ, они возставали на все это во имя родной лѣтні, апатич-
тѣи и мрака. Чтобы избѣжать временнаго неудобства, они хотѣли зам-
кнутости и неподвижности. Подобное разрѣшеніе вопроса отличалось чи-
сто китайскимъ характеромъ. Такъ могли рассуждать только люди, пре-
блужавшіеся по образу мыслей къ тѣмъ китайскимъ бонзамъ, которые,
приписывая бѣдствіе государства во время паденія Соновъ ихъ сношеніямъ
съ иностранцами, запирали для послѣднихъ двери своей страны и повто-
ряли тоже самое при новыхъ временныхъ политическихъ невзгодахъ,
ознаменовавшихъ собою паденіе Миновъ. Какой результатъ вышелъ изъ
такого образа дѣйствій—извѣстно каждому: уничтожить цивилизацію—

еще не значить доставить ее народу, и такое раздѣленіе горючаго узла было бы плохимъ средствомъ окончить временныя неудобства. Однако мы можемъ судить, до какой степени въ самомъ дѣлѣ тяжело было ятотъ разладъ, если такое китайское мнѣніе могло не только найти многочисленныхъ приверженцевъ, но и удержаться до сихъ поръ. Но неудачныя попытки разрѣшить вопросъ, обыкновенно, еще болѣе затѣмняютъ его. Такъ случилось и здѣсь: людей образованныхъ славянофилы не могли заставить отказаться отъ всего, что имъ было дорого, отъ всего, сдѣлавагося имъ кривизной достоинства и необходимостью, какъ воздухъ и пища, безъ чего они бы чувствовали себя, какъ въ тюрьмѣ; они не могли убѣдить ихъ отказаться изъ уваженія къ географической широтѣ и долготѣ мѣстопребыванія, — отказаться отъ науки и искусства для невѣжества, отъ всѣхъ идей философскихъ и политическихъ для самоваровъ и воды, отъ всей нравственной жизни для доживания пирога на лежанкѣ. Съ другой стороны, они не могли способствовать разсѣянію невѣжества тѣмъ, что возводили его въ систему, въ принципъ, въ догматъ; они не могли заставить предпочитать науку западной наукѣ, хотя и восхваляли ее устами Языкова, поэта, наиболѣе пріятнаго для откушниковъ.

Я выше упоминалъ о внѣшнихъ препятствіяхъ, представлявшихся развитію литературы. Теперь съ появленіемъ славянофиловъ тѣ же препятствія явились къ ней самой. Собственно всѣ внѣшнія преграды препятствуютъ только просвѣщенію, потому что для существованія ихъ опасно лишь одно оно; чтобы они ни дѣлали, но въ концѣ концовъ видна всегда одна цѣль — задержать развитіе общества. Славянофилы имѣли ту же цѣль, но явись среди самой литературы, была вслѣдствіе этого еще вреднѣе. Въ нихъ внѣшнія препятствія находили самыхъ вѣрныхъ союзниковъ, хотя явной связи между ними не было; но за то желанія славянофиловъ опережали самыя рѣшительныя мѣры, шедшія навстрѣчу. Поэтому человекъ, которому бы вышала на долю тяжкій трудъ окончить разладъ въ обществѣ, встрѣчалъ въ нихъ грозное препятствіе своимъ усиліямъ, и ему приходилось бороться не съ простымъ невѣжествомъ, а съ самодовольствомъ, не съ конкретными препятствіями только, а еще съ сопротивленіемъ, возведеннымъ въ догматъ.

Разладъ не могъ продолжаться, нелѣпыя попытки прекратить его только усилили его. Общество не могло долго находиться въ такомъ положеніи. Обстоятельства призывали такого человека, который бы, будучи врагомъ невѣжества, какъ простодушнаго, такъ и самодовольнаго,

понималъ бы въ то же время непрактичность людей образованныхъ; онъ долженъ былъ принадлежать по всему къ послѣднимъ, быть нечуждымъ и остальному обществу. Черезъ это онъ могъ быть снисходительнѣе къ нему, болѣе практиченъ и способенъ къ прямой и цѣлесообразной дѣятельности. Въмѣсто того, чтобы разражаться упреками обществу за его тугодумность и неразвитіе, онъ долженъ былъ самъ снисходить до общества, понималъ, что ему легче это сдѣлать, чѣмъ обществу подняться до него. Терпѣливо и снисходительно долженъ былъ онъ учить общество азбукѣ, не мечтая о томъ, чтобы оно могло сразу сдѣлаться развитымъ и гуманнымъ, а передавая ему, одно за другимъ, самыя элементарныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ, самоуваженіи, презрѣніи ко всему стѣсняющему и унижающему его. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, примирить общество съ своими передовыми людьми и въ то же время возвысить его изъ апатіи, въ которой оно находилось, возвысить къ человѣчнымъ идеямъ и цѣлямъ. Наконецъ, славянофили накладывали на него новую обязанность, энергически возставать противъ самодовольнаго невѣжества, догматической карантинной системы, противъ мрака и грязи, возведенныхъ въ принципъ.

Такимъ образомъ и въ литературѣ, и въ обществѣ ощущалась потребность въ дѣятелѣ, непоколебимомъ сочувствіи къ своимъ невѣжественнымъ современникамъ, который разъяснилъ бы имъ, съ одной стороны, ихъ собственное положеніе, ихъ прошедшее, настоящее и будущее, а съ другой, сдѣлалъ бы доступнымъ для ихъ пониманія то, что такъ долго проповѣдывали имъ Чацкіе.

Для такого дѣятеля тогда существовало лишь одно поприще, на которомъ онъ могъ принести непосредственную пользу — литература, и совершить дѣло это явился Бѣлинскій, между тѣмъ какъ Станкевичи и Грачевскіе дѣйствовали на отдѣльныя личности общества.

Крѣпка Бѣлинскаго.

Прежде, чѣмъ приступилъ къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ Бѣлинскій разбиралъ вложенную ему на дому задачу относительно общества, взглянемъ на видѣнную сторону его литературной дѣятельности.

Я уже показалъ, какія причины обуславливали преобладаніе художественной формы надъ мыслию въ литературѣ, современной Бѣлинскому. Я показавъ также, каковы были условія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, при которыхъ существовала эта литература. Безъ сомнѣнія тѣ же условія вліяли и на критику.

И дѣйствительно критика Бѣлинскаго вполне художественна и представляетъ собою лучшій образецъ эстетической критики. Никто ни изъ современниковъ его, ни изъ позднѣйшихъ писателей не обладалъ въ большей степени пониманіемъ художественнаго, никто не могъ такъ хорошо оцѣнить и разобрать произведеніе съ эстетической точки зрѣнія. Его художественный тактъ и его нелицепріятіе — равно изумительны. Достаточно указать на его огромный разборъ произведеній Пушкина, гдѣ онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за литературной дѣятельностью поэта и проникаетъ въ самыя сокровенныя движенія ея. Въ одномъ изъ стихъ своихъ сочиненій онъ подтруниваетъ надъ Батюшковымъ за его критическія статьи: «Какъ хорошо это мѣсто! какой чудесный этотъ стихъ! какое живое описаніе представляетъ собою эта глава — вотъ характеръ критики Батюшкова,» говоритъ онъ. Но вотъ образецъ его собственной критики, вотъ что онъ самъ говоритъ по поводу извѣстныхъ стиховъ Пушкина: *Ночной зефиръ*. «Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной вѣтгою и желаніемъ головою обольстительной испанки? Звукъ серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи вѣга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую дѣлливо слушаетъ прекрасная испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впитавъ въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи? Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эфиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго (а не стоящаго?) Гвадалквивира?.. Что это — поэзія, живопись, музыка? Или то и другое и третье, слившееся въ одно, гдѣ картина горитъ звуками (!!!), звуки образуютъ картину, звучатъ гармоніею и выражаютъ разумную рѣчь? Что такое первый куплетъ, повторяющійся на срединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада — голосъ безъ словъ (?), который сильнѣе всякихъ словъ?»

Вотъ образчикъ эстетической критики, называющей звучнаго слова и риторическіе обороты, въ которыхъ трудно отыскать какой нибудь

смыслъ. Въ критикѣ такого рода вся разница между Батюшковымъ и Бѣлинскимъ ограничивается тѣмъ, что первый критиковалъ писателей насажденной литературы, а Бѣлинскій имѣлъ дѣло съ настоящей русской литературой. Поэтому Батюшкову приходилось ограничивать свои восторги: восхищаясь удачнымъ расположеніемъ словъ: *стоишь, угадъ и умерь* въ стихахъ такого рода:

Иный, отъ сильнаго удара *убыгая*,

Стремглавъ напизъ слетѣлъ и *стоишь* подь конемъ.

Иный, пронзень, *угасть*, противника сражая,

Иный врага повергъ и *умерь* самъ на немъ.

Между тѣмъ Бѣлинскій могъ доходить до величайшихъ эстетическихъ тонкостей, потому что стоялъ передъ Пушкинскимъ, изобиловавшимъ несравненно большими красотами, тѣмъ предметъ восторговъ Батюшкова.

Художественность, гдѣ бы онъ ее ни встрѣтилъ, находила въ немъ самаго жарнаго поклонника, и онъ съ радостью ломалъ за нее копыта съ темными рыцарями Телескопа и Свѣрлой Пчелы. Безобразію же въ эстетическомъ отношеніи онъ! объявлялъ непримиримую войну, и ничто не спасало автора, нарушившаго условія искусства, отъ его преслѣдованія. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо сказалъ, что «безъ всякаго сомнѣнія искусство должно быть прежде всего искусствомъ, а потомъ уже можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ вѣдѣнную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями», продолжаетъ онъ, «ни было напоено стихотвореніе, какъ сильно ни отзывалось бы оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи—въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ... Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства». Вотъ эти-то законы искусства и были суперъ-арбитромъ критики Бѣлинскаго. Чтобы составить себѣ понятіе о нихъ, надо обратиться къ самому Бѣлинскому. Онъ намъ скажетъ, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ и что «безъ искусства никакое направленіе гроша не стоитъ». Далѣе мы узнаемъ отъ него, что безъ искусства не можетъ ничего сдѣлать даже ученый, потому что и историкъ не можетъ обойтись безъ фантазій. Съ этимъ мнѣніемъ можно и не согласиться: ученый не только можетъ, но даже прекрасно сдѣлаетъ, если обойдется безъ фантазій. Фантазія есть неразвившійся умъ, и слѣдовательно предпочтительнѣе такіе ученые, у

которых она не раздвигается. Это митие пошлнмому раздланеть и Блннскій; онъ неоднократно говоритъ, что мысль убиваетъ поэзію или по крайней мѣрѣ стѣсняетъ искусство. Такъ въ 8 томѣ (стр. 514) онъ говоритъ безъ обидокъ, «что наша поэзія не можетъ безъ ущерба для себя обратиться къ воспроизведенію крестьянскаго быта». Это доказываетъ намъ, что поэзіей онъ считалъ преимущественно описаніе любви соловья къ розѣ, потому что даже не допускалъ возможности явленія такой поэзіи, какова поэзія Некрасова. Въ XI томѣ (стр. 357) онъ говоритъ, что нѣрѣдко гениальные поэты, взявшись за рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, производятъ вещи, лишенные художественнаго достоинства, а такъ какъ выше было сказано, что направленіе безъ искусства гроша не стоитъ, то и произведенія, занимающіяся рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, также гроша не стоятъ. А это, разумеется, ничѣмъ другимъ объяснить нельзя, какъ тѣмъ, что мысль пагубна для поэзіи, потому что развитіе ея убиваетъ источникъ поэзіи — фантазію. Послѣ такого результата уже не можетъ быть и рѣчи о сравненіи «политико-эпопея, доказывающаго человека» и «поэта, доказывающаго образамъ и картинамъ». Первый — взрослый, изданный человекъ; второй — дитя. И такъ совершенное нѣрвѣ по Блннскому, что гениальные поэты рождены лишь

. . . Для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ 8 томѣ Блннскій самъ развивается передъ нами обязанности критики. Чтобъ произнести сужденіе о поэтѣ, по его мнѣнію, надо совершить прежде великій подвигъ. Надо забыть о самомъ себѣ и обо всемъ мірѣ, забыть даже объ изучаемомъ поэтѣ — и только послѣ такого полного забвенія, больше котораго, вѣроятно, не сделалъ бы ни кто Магфредъ, «можно войти въ міръ творчества поэта». Войдя въ этотъ міръ надо «проникнуть въ современный духъ поэзіи его, чудовитъ тайну его личности» и произвести много другихъ фокусовъ. Послѣ этого можно удалиться отсюда и снова вспомнить и себя, и поэта, и земную юдоль. Для совершенія всего этого нельзя вѣтъ, да прочитать сочиненія поэта: тогда это могъ бы всампн сдѣлать, а вѣдь извѣстно, что офинка и уразумѣніе поэтовъ составляетъ монополию эстетической критики. Прочитать сочиненія недостаточно, а надо «переживать, пережить иль, переболѣть всеми ить безъизмѣнн, переиспытать иль скорбями, переблаженствовати иль радостью, ить тор-

жестокъ, дѣлать надеждами». Чтобы изучить Байрона надо сперва ознакомиться на некоторое время «байронистомъ», — Гете — «геттистомъ», Шиллера — «шиллеристомъ». После этого может ли кто претендовать на пониманіе всѣхъ этихъ господъ? Вѣдь только эстетическіе критики могутъ совершать такой подвигъ, на который у обыкновеннаго человека не хватаетъ ни души, ни жадней, ибо постои — что песку на днѣ морскомъ.

Бѣлинскій въ своей критикѣ является настоящимъ жрецомъ искусства. На алтарь художественной критики онъ приноситъ свои восторги надъ проваденіями разныхъ постои, и нельзя не удивляться иногда, до какихъ странностей доходятъ у него эти восторги.

Вотъ, напримеръ, мѣра, которой онъ мѣрилъ художественность стихотворенія:

Онъ во гробъ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ.

Вышевъ эти стихи, онъ выражаетъ полнѣйшій восторгъ не мыслию, выраженной въ нихъ (въ мысли нѣтъ ничего особеннаго), а чѣмъ бы вы думали? — «двореніемъ одного и того же слова съ незначительнымъ грамматическимъ движеніемъ!» Онъ находитъ въ этихъ стихахъ «какой-то безлично-знаменательный смыслъ!» Нельзя не вспомнить при этомъ восторги Батюшкова надъ разстановкой словъ: *стонеть, угасть и умереть*, восторги, надъ которыми почему-то издѣвался Бѣлинскій. Точно также онъ восхищается стихотвореніемъ Пушкина «*Для береговъ отчизны дальней*» и находитъ, что «въ нихъ заключена мелодія души и сердца, непередаваемая на человѣческой языкъ», какъ будто стихотвореніе это написано языкомъ не человѣческимъ. Далѣе онъ вынимаетъ изъ какой-то пьесы Жуковского два куплета, содержащіе обыкновенную сахарную водичку, которую этотъ цитъ употребляетъ вместо чернилъ, и утверждаетъ, что влить въ нихъ «каждъ стремше потрясенной души, голосъ растерзаннаго, истекающаго кровью сердца». При этомъ нельзя не замѣтить, что если эстетическая критика и представляетъ много данныхъ для уразумѣнія внешней красоты поэмъ, то не даетъ ничего для пониманія самого поэта. Иначе Бѣлинскій никакъ бы не могъ заподозрить Жуковского въ нападаніи «своей стремше потрясенной души и растерзаннаго, истекающаго кровью сердца». Душа циты была безмятежна, и далека отъ волнъ воплей. Но Бѣлинскій въ качествѣ эстетическаго критика видѣлъ въ стихахъ

не стихи, а нечто неизъяснимое, чего простые смертные понять не могут. Онъ говоритъ, напримѣръ, что приписываетъ большую цѣну переводамъ Батюшкова двѣнадцати маленькихъ пѣсокъ изъ греческой антологіи и прибавляетъ, что только эстетика могутъ понять, почему онъ приписываетъ имъ эту цѣну. Конечно, только эстетика могутъ понять или написать такую вещь, какъ *Мѣдный осадникъ* и только эстетика могутъ восхищаться такою вещью. Въ *Мѣдномъ осадникѣ* у одного господина утонула невѣста во время петербургскаго наводненія 1824 г. Господинъ этотъ, не зная на комъ сорвать горе, обращается съ упреками къ статуѣ Петра, но до того ужасается своей дерзости, что сходитъ съ ума и, обращаясь въ бѣгство, слышитъ за собой

Какъ будто грома грохотаніе,
Тяжело звонкое скаканіе
По потрясенной мостовой.

Нельзя не сказать, что герой этой поэмы любилъ доискиваться до причины причинъ: невѣста утонула въ наводненіи, наводненіе случилось отъ низменности мѣста, на которомъ выстроенъ Петербургъ, мѣсто выбиралъ Петръ, — слѣдовательно главный виновникъ несчастія онъ и есть. Неудивительно, что въ помѣшанномъ состояніи человекъ рассуждаетъ такимъ образомъ, неудивительно даже, что поэтъ, принадлежащій на этотъ разъ къ насажденной литературѣ, избралъ такой способъ для прославленія насадителя, доставивъ ему торжество напугать свою статуей сумасшедшаго,—но странно на первый взглядъ кажется то, что этимъ восхищается Бѣлинскій. Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ кому нибудь придти въ голову мысль обвинять или оправдывать Петра за то, что онъ построилъ Петербургъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ? Но Бѣлинскій не обвиняетъ и не оправдываетъ: онъ просто приноситъ дань эстетическимъ восторговъ на поэтическій алтарь Пушкина. Тоже самое онъ дѣлаетъ, когда говоритъ, что придетъ время, когда творенія Пушкина будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство русскаго люда. Вспомни, что въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ, что въ сочиненіяхъ Пушкина мало мысли, мы можемъ пожалуй удивиться, почему онъ думаетъ, что по немъ будетъ развиваться нравственное чувство. Но мы знаемъ, что называютъ эстетика *нравственными* и перестаютъ удивляться. Для тѣхъ, которые не знаютъ ничего на счетъ эстетической

нравственности, я приведу одно мѣсто изъ сочиненій Бѣлинскаго, гдѣ понятіе о ней выражено съ наибольшою откровенностію и полнотою.

Въ 8 томѣ онъ излагаетъ постепенное развитіе понятія о любви въ разные времена и у разныхъ народовъ. Сказавъ, что на востокѣ любовь имѣла чисто плетскій, половой характеръ, онъ начинаетъ говорить о древне-греческомъ взглядѣ на любовь и находитъ, что онъ былъ выше восточнаго, потому что у грековъ любовь имѣла основаніемъ не половое влеченіе, а понятіе о красотѣ. «Грекъ», говоритъ онъ (VII, 154), «обожаѣ въ женщинѣ красоту, а красота уже порождаетъ любовь и желаніе; слѣдовательно любовь и желаніе были уже результатомъ красоты. Отсюда понятно, какъ у такого нравственно-эстетическаго народа, какъ греки, могла существовать любовь между мужчинами, освященная мифомъ Ганимеда,—могла существовать не какъ крайній развратъ чувственности (единственное условіе подъ которымъ она могла бы являться въ наше время), а какъ выраженіе жизни сердца».

Было бы не справедливо удивляться такимъ словамъ Бѣлинскаго: онъ былъ не болѣе, какъ послѣдователенъ. Я уже сказалъ, что такъ какъ въ литературѣ преобладало одностороннее развитіе художественной стороны, то и критика должна была быть прежде всего эстетическою. Но дѣло въ томъ, что Бѣлинскій, какъ сильный и строгій умъ, доходилъ во всемъ до послѣднихъ границъ развитія, возможнаго въ то время; онъ не могъ, будучи эстетическимъ критикомъ, ограничиваться умилненіемъ надъ красотами слога въ *Ночномъ зефирѣ*; будучи эстетикомъ, онъ былъ имъ вполне и доходилъ до Антѣросовъ. Состояніе тогдашней литературы, а еще болѣе вліяніе Гегеля, котораго онъ зналъ только какъ эстетика, сдѣлали его самого эстетикомъ, и онъ усвоилъ себѣ не внѣшніе только приемы эстетической критики, но вполне проникся самымъ принципомъ художественности и не останавливался уже ни передъ какими выводами. А что такое эстетическій принципъ, какъ не раздражительная чувственность, какъ не irritatio spinalis, возведенное въ перлъ созданія? Что это такое, какъ не стариковская похотливость, гаденькій безсильный развратъ? Прежде, по крайней мѣрѣ, во времена Нероновъ и Гелиогабаловъ, онъ имѣлъ болѣе жизни, былъ грандіозенъ и поражалъ своимъ чудовищнымъ безстыдствомъ. Вспомните неистовыя оргіи императора-артиста, мѣнявшаго престолъ на арфу, сѣкпетръ на лиру. Въ его публичныхъ бракахъ мы [видимъ эстетическій принципъ, выраженный съ наибольшою полнотою и послѣдо-

вательностью. Но жалкіе эстетика XIX вѣка уже не могутъ возмущаться до такой крайности въ развратъ; они тщедушны и лифатычны и не имѣютъ власти, которая бы позволяла имъ заставлять прислушаться отъ ужаса общественное мнѣніе. Большая часть ихъ даже слишкомъ медли для того, чтобы доводить до крайняго выраженія свои принципы; для того, чтобы прямо высказаться и объясниться.

Вому послѣдніа, приведенныа мною слова Бѣлинскаго, не вращаются; тотъ пусть вспомнитъ, что еслибы онъ не имѣлъ этой послѣдовательности въ эстетическомъ взглядѣ; то онъ бы и на другихъ путяхъ остановился на полдорогѣ. Сильные умы именно тѣмъ и отличаются, что доходятъ во всемъ до крайнихъ результатовъ, видятъ самыя послѣдніе выводы какого нибудь принципа; поэтому они могутъ сдѣлать что нибудь, идя по прямой дорогѣ; они же за то доходятъ и до абсурдовъ, сбившись съ пути. Разумѣется; г. Анненковъ; или всякій другой не имѣлъ бы духу высказаться такъ рѣшительно, объявивъ Ганимеда — *выраженіемъ жизни сердца*. Но за то ни одинъ изъ этихъ господъ не могъ бы совершить въ другихъ отношеніяхъ того, что сдѣлалъ Бѣлинскій, и къ разсмотрѣнію чего мы теперь обратимся.

Значеніе Бѣлинскаго въ литературѣ и обществѣ.

У Бѣлинскаго внѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столько же необходимо, какъ ѣсть и пить.

Добролюбовъ (т. II. стр. 416).

Я съ настрѣненіемъ такъ долго остановился на эстетическомъ характерѣ критики Бѣлинскаго, чтобы показать, въ какихъ узникахъ ему приходилось дѣйствовать. Напрасно мы стали бы искать во всѣхъ 12 томахъ его сочиненій чего нибудь кровъ разбора литературныхъ

произведеній съ эстетической точки зрѣнія; напрасно мы старались бы открыть въ немъ публициста или сатирика. Послѣ того, что онъ самъ сказалъ намъ: что въ искусства нѣтъ спасенія, мы и не можемъ претендовать въ немъ на что нибудь другое. Но тѣмъ болѣе поражаетъ насъ сила и богатство ума этого дѣятеля; тѣмъ болѣе удивляемся мы ему; видя, какое великое дѣло совершилъ онъ, не смотря на то, что дѣйствовалъ въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ.

Разбираетъ ли Бѣлинскій Ломоносова или Державина; судитъ ли о Кантемирѣ или Пушкинѣ; толкуетъ ли о Жуковскомъ и Озеровѣ; все эти разсужденія носятъ на себѣ характеръ эстетической критики. Никогда не начинаетъ онъ судить по литературѣ объ обществѣ, никогда изъ предѣловъ критики не переходитъ въ область политическихъ вопросовъ: онъ ограничивается разсмотрѣнiемъ художественнаго достоинства произведеній разбираемаго писателя и его отношеній къ предшествующей ему и слѣдующей за нимъ литературѣ. Но изъ ряда этихъ эстетически-критическихъ разборовъ, часто мелкихъ и мелочныхъ въ частностяхъ, иногда напоминающихъ Батюшкова и г. Анненкова, у Бѣлинскаго создается цѣлая исторія русской литературы. Въ его время это было самой ближайшей задачей, потому что необходимо было узнать свое прошедшее, чтобы вѣрно судить о настоящемъ, и видѣть передъ собою цѣль въ будущемъ. Бѣлинскій разрѣшилъ задачу, что стоило ему много тяжелаго и неблагодарнаго труда, и этимъ сдѣлалъ доступнымъ для русской литературы прогрессъ въ будущемъ. При этомъ ему приходилось бороться съ самыми грубыми предрасудками и сгаскивать съ пьедесталовъ героевъ, которыхъ защищали съ отчаянiемъ люди, пользовавшiеся въ то время значенiемъ и вѣсомъ въ литературѣ. Одна попытка его свести съ пьедестала величiя и гениальности калмыцкаго божка Державина повлекла за собой ожесточенныя нападки на него аристарховъ. Но хотя по временамъ борьба эта становилась для него трудною, особенно, когда доходило до того, что противники обращались для его пораженiя къ денонциациямъ, тѣмъ не менѣе дѣло было сдѣлано, и его повидимому невинный эстетическiй разборъ сильнѣе поражалъ литературныхъ божковъ, чѣмъ бы могли въ то время сдѣлать самыя грозныя филиппики. Не смотря ни на какiя средства, къ которымъ прибѣгали поклонники божковъ, они потерпѣли пораженiе, и скоро мнѣнiя и приговоры ихъ подверглись осмѣянiю. Между тѣмъ сужденiя Бѣлинскаго были приняты всеми, и созданная имъ исторія русской литературы преподается теперь во всевозможныхъ

учебникахъ и руководствахъ, мало-мальски претендующихъ на удобочитаемость.

Конечно, теперь рутинеры сдѣлали съ Бѣлинскимъ то, что всегда дѣлають съ замѣчательными дѣтелями: они возвели его въ авторитетъ, и смотрять, какъ на святотатство, на каждую попытку подвергнуть пересмотру приговоры Бѣлинскаго. Они въ своемъ уваженіи къ нему забываютъ его главное, можно сказать, достоинство, — способность видѣть свои промахи, когда время уважить ему ихъ. Онъ всегда былъ готовъ отказаться отъ своего взгляда, если убѣждался въ его несправедливости и, какъ извѣстно, не могъ равнодушно видѣть свои первые статьи, которыя, какъ бы на зло ему, напечатаны въ первыхъ томахъ собранія его сочиненій. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что онъ бы измѣнилъ теперь многія изъ своихъ рѣшеній, но рутинеры на то и рутинеры, чтобы приводить къ схоластикѣ воззрѣнія какого угодно великаго чело-вѣка.

Создавъ критику прошедшаго русской литературы, Бѣлинскій сильно содѣйствовалъ этимъ успѣху нашей мысли; не менѣе сильно было влияние его и на ея настоящее. Не выходя изъ предѣловъ эстетической критики или даже преднамѣренно спускаясь до роли простого собирателя фактовъ изъ дѣятельности мудрой и ученой российской академіи, онъ самымъ убійственнымъ образомъ обличалъ передъ обществомъ и передъ самой литературой ея мелочность и господствующія въ ней явленія въ родѣ фельетоновъ Булгарина, и совершенный застои и мертвенность царствующіе въ ней. Въ тоже самое время онъ проповѣдовалъ о прекрасномъ, о высокомъ, о благородномъ, о свободномъ, и хотя дѣло повидимому шло не болѣе какъ о поэзіи или музыкѣ, но эти идеи были спасеніемъ для литературы, преданной гнѣнію, и для общества, которое, слушая его, начинало смутно сознавать, что есть еще нѣчто высшее, чѣмъ карты и канцеляріи.

Но не въ этомъ еще главная заслуга Бѣлинскаго. Самое доброе дѣло, совершенное имъ, состоитъ именно въ примиреніи общества съ образованностью, въ уничтоженіи того разлада, о которомъ я говорилъ выше. Я уже привелъ одинъ примѣръ того, какимъ образомъ Бѣлинскій умѣлъ говорить обществу подъ видомъ эстетической критики о вещахъ, будившихъ его отъ летаргическаго сна. Говоря о художественныхъ красотахъ Байрона, упоминая о Прометѣѣ и коршунѣ, онъ этимъ самымъ доводилъ общество до сознанія. Или, восхищаясь эстетически стихами, гдѣ изображается невообразимое состояніе природы, лишившейся движенія,

онъ даетъ чувствовать читателю всю тяжесть и невыносимость такого положенія, когда человѣкъ осужденъ на бездѣйствіе, на неподвижность, когда его со всѣхъ сторонъ окружаетъ мракъ и холодъ, когда въ жизни для него существуетъ лишь пустота и ничтожество. Или, наконецъ, въ эстетическомъ разборѣ произведеній Пушкина онъ наводитъ читателя на мысль не столько о художественномъ достоинствѣ поэта, — хотя говорить только объ этомъ, — а о томъ, что горе даже великому человѣку, ограничивающемуся самодовольнымъ пребываніемъ въ покоѣ и неподвижности, горе человѣку, хотя бы то былъ гений, забывающему о томъ «демонѣ вѣчнаго обновленія и движенія,» который хотя и губитъ цѣлыя эпохи, но безъ котораго нѣтъ жизни, нѣтъ счастья, нѣтъ прогресса. Прогрессъ — великая идея, отъ воспринятія которой обществомъ зависитъ все; и кто первый далъ обществу сознать, почувствовать ее? — Бѣлинскій. Вотъ въ чемъ величайшая заслуга его, вотъ въ чемъ его слава. Филиппики Чацкихъ, отъ которыхъ общество отрекшилось или хихикало надъ ними, не могли внушить ему ничего, кромѣ курiosa самодовольствія. Но эстетическая критика Бѣлинскаго совершила этотъ подвигъ. Нигдѣ, ни въ одномъ мѣстѣ онъ не говоритъ прямо обществу о движеніи общественномъ, о прогрессѣ; но эта идея, постичь которую — значить проснуться, сама собою вытекаетъ изъ его литературной дѣятельности, и если намъ, привыкшимъ говорить о ней, какъ о воздухѣ и пищѣ, трудно уловить ее въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, то тогдашнее общество какъ нельзя лучше чувствовало ее въ нихъ и понимало его такъ же хорошо, какъ онъ понималъ нужды, потребности и степень развитія своихъ читателей.

Въ этой идеѣ, «проповѣдывать которую ему было также необходимо, какъ ѣсть и пить», Бѣлинскій нашелъ средство примирить общество съ его передовыми людьми. Появъ, что жизнь имѣетъ другія цѣли, другія наслажденія, другія формы, чѣмъ тѣ, которыя оно знало доселѣ, общество поняло наконецъ, отчего страдаютъ и чего желаютъ Чацкіе; оно перестало смотрѣть на нихъ, какъ на буквъ, и если еще не могло помочъ имъ, то, по крайней мѣрѣ, не только перестало хихикать, а почувствовало нѣкоторое смущеніе за свое безобразіе. Оно могло считать ихъ мечтателями, заблуждающимися, могло даже досадовать на нихъ, но не могло не понимать ихъ; не могло считать умалишенными. Теперь оставалось сдѣлать только еще шагъ — возбудить въ обществѣ сочувствіе къ такимъ людямъ. Что касается до самихъ Чацкихъ, то и они не могли оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ обществу, и дол-

жны были сдѣлать съ своей стороны шагъ къ сближенію. Увидя, что общество перестало хихикать, что оно просыпается, передовые люди, впрочемъ уже не прежніе (прежніе такъ и остались несправедливыми), передовые люди, говорю я, почувствовали себя въ лучшемъ положеніи: они почувствовали надежду, начали считать свое положеніе не совсемъ безъисходнымъ. Такимъ образомъ разладъ кончился.

Мы можемъ повѣрить справедливость сказаннаго, взглянувъ на отношенія Бѣлинскаго къ тѣмъ, которые хотѣли прекратить разладъ до него путемъ насильственнымъ, т. е. къ славянофиламъ. Очевидно, что, если мой взглядъ вѣренъ, то на нихъ должна была пасть вся тяжесть негодованія Бѣлинскаго, потому что они своими тупымъ внимательствомъ препятствовали его дѣятельности, возбуждая въ пробуждающемся обществѣ желаніе захрапѣть снова отъ самодовольствія. И дѣйствительно мы видимъ, что если когда нибудь Бѣлинскій выходилъ изъ себя и выражалъ свое негодованіе, уже не какъ эстетикъ, а какъ человекъ, такъ это именно въ отношеніи славянофиловъ. Хотя онъ и съ ними прятался еще эстетической критикой и протестовалъ во имя законовъ искусства, но уже прикрытіе это было очень слабо и прозрачно, и изъ-за эстетика уже сквозилъ публицистъ. Хотя онъ еще возмущается вѣдшимъ безобразіемъ такихъ стиховъ какъ:

Горделивый и свободный

Чудно пьянствуетъ поэтъ!

или: Ну да! судьбою благосклонной

Во здравь было мнѣ дано

Той жизни мило-забубенной

Извѣдать крѣпкое вино.

или: Торжественно пропойте пѣснь родную

И пьянствуйте о имени моемъ.

или наконецъ: Благословляю твой возвратъ

Изъ этой вехристы немѣцкой

На Русь, къ святынѣ московецкой,

хотя онъ подсмѣивается во имя здраваго смысла и грамотныхъ людей надъ посланіемъ Языкова къ Погодину, въ которомъ поэтъ приглашаетъ ученаго «выпить стаканъ пьяно-буйныхъ стиховъ», но тутъ же рядомъ являются и весьма ясно выраженные нападки на знаменитую школу, представителями которой были Хомяковъ и Языковъ; въ полемикѣ, которую ему приходилось вести, онъ являлся наиболѣе рѣзкимъ въ отношеніи къ Москвитянину. Но гдѣ всего ярче выступаетъ

негодование БѢлнскаго противъ славянофиловъ, — это въ его отношеши къ Гоголю. Вспомнимъ, что Гоголь былъ его любимымъ писателемъ; что за Гоголемъ онъ долженъ былъ столько лѣтъ сражаться съ авторами денонсаций; что Гоголемъ онъ могъ гордиться не только какъ человѣкъ, которому дорога русская литература, но и какъ критикъ, первый и съ перваго слова почувшій великаго писателя. Сколько причинъ, чтобы упорно отстаивать Гоголя, особенно имѣя въ рукахъ весь арсеналъ эстетической критики, посредствомъ которой можно доказать все, что угодно и совмѣстить вещи несомвѣстимыя. Но еще въ *Мертвыхъ Душахъ* онъ по нѣкоторымъ признакамъ узнаетъ въ Гоголѣ славянофильство. Онъ недоумѣваетъ, когда Гоголь, придя въ пафосъ, описывать знаменитую тройку, обгоняющую всѣ царства и народы, которые смотрятъ на нее, разинувъ ротъ. Онъ недоумѣваетъ передъ обѣщаніемъ показать русскую дѣву, передъ «мистико-лирическими выходками», пропитанными славянофильствомъ. Онъ сразу увидѣлъ во всемъ этомъ начало упадка великаго таланта и безпощадный къ юродству, не боится сравнить начало *Мертвыхъ Душъ* съ путешествіемъ Коробейникова.

Но вотъ является *Переписка съ друзьями*. Здѣсь мысль, выраженная Языковымъ въ стихахъ

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи нѣмецкой
На Русь, къ святынь московской,

развита вполне и доведена до крайнихъ результатовъ. Гоголь является здѣсь самымъ рѣшительнымъ славянофиломъ. Тогда БѢлнскій не выдерживаетъ окончательно своей роли эстетическаго критика. Онъ пишетъ самую злую, самую острую рецензію, и, не довольствуясь этимъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни перестаетъ быть критикомъ и является общественнымъ дѣятелемъ.....

Разъ испытавъ свои силы на этомъ поприщѣ, разъ расправивъ во всю ширь свои крылья, онъ уже не можетъ снова забраться въ тѣсную конуру эстетической критики. Онъ навсегда бросаетъ заржавѣвшее перо, которымъ доселѣ писалъ; онъ не хочетъ болѣе скрываться, считаетъ общество достаточно зрѣлымъ, чтобы говорить съ нимъ прямо о его интересахъ; онъ начинаетъ прямо говорить о томъ, о чемъ говорить въ это время всѣ хорошіе люди Европы, о дѣйствительныхъ страданіяхъ бѣдняковъ, о неравенствѣ, господствующемъ въ обществѣ, о реформахъ, которыя ему необходимы. Обличительная рѣчь противъ

неправды и зла готовится явиться изъ его устъ. Первые слова ея уже сказаны; все живое, все молодое, все благородное восторженно приветствуетъ его, какъ своего руководителя и представителя. Но въ это самое время смерть прекращаетъ его дѣятельность, лишая насъ его лучшихъ произведеній.

Въ заключеніе не могу не привести благодарныхъ словъ Добролюбова, въ которыхъ такъ свѣтло отразилось то чувство, которое питало позднѣйшее поколѣніе къ своему учителю.

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостію, ея славой, ея украшеньемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ отбѣнокъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному чело-вѣку, и, конечно — это лучшіе люди Россіи!»

«Для нихъ навѣрно ни одна изъ нашихъ новостей не могла быть столь радостною, какъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Давно мы ждали его, и наконецъ дождались! Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи, тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ, беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго; мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали себя самихъ посвятить такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святаго восторга, тотъ вдохновенный трепеть, тѣ чистыя, безкорыстныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій неизгладимый упрекъ нашему обществу.» (II т. 514—515).

Періодъ 1848—56 гг.

БѢЛИНСКІЙ неоднократно повторялъ, изумленный быстрымъ развитіемъ русской литературы, совершавшимся предъ нимъ: «мы ростемъ не по днямъ, а по часамъ». Что сказалъ бы онъ, еслибъ прожилъ еще нѣсколько, еслибъ умеръ только въ 1854 г.? Вѣроятно онъ сказалъ бы тоже, что Добролюбовъ: «Ростемъ мы скоро, истинно по богатырски, не по днямъ, а по часамъ, но выросши, не знаемъ, что дѣлать съ своимъ ростомъ».

Ростъ нашей литературы отъ Пушкина до 1848 г. былъ дѣйствительно богатырскій. Черезъ какіе нибудь пятнадцать лѣтъ послѣ перваго ея лепета въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» она произвела не только «Мертвыя Души», но и настоящую, разумную, мужественную рѣчь, которая раздавалась въ сороковыхъ годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Общество, пробужденное БѢЛИНСКИМЪ, осматривалось и плодомъ этого являлось недовольство самимъ собою, отрицаніе своихъ недостатковъ. Общественные вопросы стали мало по малу выступать на очередь литературнаго обсужденія; осторожно, шагъ за шагомъ, пробираясь межъ всевозможныхъ подводныхъ камней, литературная критика захватывала въ себя новыя стороны жизни и обращалась къ предметамъ существенной важности для общества. Съ Гоголя началась и постоянно продолжалась литература отрицанія, покаянія, самообличенія. Конечно намъ теперь кажутся устарѣвшими и немнѣющими смысла выходы разныхъ обличителей противъ взяточничества и разныхъ злоупотребленій чиновниковъ; но оно и немудрено послѣ того, какъ правительство само кобнулось не только этихъ мелочей, но зла гораздо болѣе важнаго и закоренѣлаго, крѣпостнаго права. Послѣ того, какъ правительство совершило такую существенную реформу, малкія обличенія противъ частнаго зла уже не могутъ имѣть смысла и жизненнаго значенія. Поэтому въ тогдашней обличительной дѣятельности литературы общество имѣло право видѣть не только мелочное зло, выставляемое на первомъ планѣ сатирическихъ произведеній, но гораздо болѣе глубокое, выстулавшее само собою на заднемъ планѣ и составлявшее фонъ всей картины. (Когда Добролюбовъ упрекалъ литературу въ томъ, что она во всемъ являлась лишь эхомъ правительственныхъ мѣръ и числами доказывалъ, что она заговорила объ уничтоженіи крѣпостнаго права уже тогда, когда вопросъ былъ рѣшенъ правительствомъ, онъ забывалъ совершенно, что протестъ противъ этого кореннаго зла раздавался еще

въ литературѣ сороковыхъ годовъ, отражался во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ того времени и наконецъ совершенно ясно высказался въ «Мертвыхъ Душахъ», весь смыслъ которыхъ основывается на отрицаніи крѣпостнаго права.

Но вотъ мы встречаемъ фактъ, который уже прямо показываетъ намъ, что литература наша была безсильна, не смотря на свое быстрое развитіе и великую общественную дѣятельность. Фактъ этотъ есть то положеніе литературы, въ которомъ она находилась въ періодѣ 1848—56 годовъ. Чѣмъ поразительнѣе было ея развитіе, чѣмъ выше общественное значеніе, чѣмъ обширнѣе дѣятельность, тѣмъ горестнѣе разочарованіе, постигшее всѣ надежды, возлагаемыя на нее. Подулъ стѣренный вѣтеръ, и русская литература завала и погибла, какъ тропическое растеніе въ оранжерей, которому перестали тонить. Тогда-то можно было подумать, что она дѣйствительно растеніе привозное, не имевшее въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія въ Россіи возможности и пустить прочныя корни. Но подобный упрекъ былъ несправедливъ, хотя, впрочемъ, его повторяли неоднократно. Я уже сказалъ, что въ Пушкинѣ, Грибоедовѣ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ и въ ихъ последователяхъ мы имѣемъ уже не посажденную, а свою собственную литературу, возникшую изъ самаго общества. Но въ такомъ случаѣ мы, быть можетъ, возражать, какъ же объяснить ея внезапное увяданіе? Нельзя же, скажутъ, сваливать все на внѣшнія препятствія; внѣшнія преграды могутъ сломить лишь то, что лишено прочнаго основанія, что не имѣетъ въ обществѣ корней, что слѣдовательно не выработано имъ, а посаждено. Истинная же литература не предписывается и не отнимается: напротивъ того внѣшнія препятствія даютъ ей лишь новую силу и эвергію.

Чтобы понять это, надо взглянуть на положеніе самаго общества.

Дѣло въ томъ, что общества въ настоящемъ смыслѣ у насъ не было. Поэтому, что бы ни дѣлалъ и ни говорилъ Бѣлинскій, чтобы ни показывала отрицательная литература, они могли пробудить нѣкоторый кругъ читателей, показать ему возможность лучшаго положенія, вставить нѣмалъ этого положенія, но и только. Еслибы общество наше было самостоятелно, еслибы оно не было посажденнымъ, тогда бы оно могло дѣйствовать хотя въ своей средѣ. Но у него и среды самостоятельной не было; оно собою не могло располагать по своему желанію, и не потому, чтобы этому препятствовали внѣшнія преграды, а потому что по сущности своей оно было лишено самостоя-

тельности. Ни французское дворянство, ни среднее сословіе не идут въ сравненіе съ нашимъ обществомъ. Я не говорю уже о томъ, до какой степени самостоятельно среднее сословіе на западѣ и до какой степени оно составляетъ органическое цѣлое, совершенно отдѣльное отъ верхушки и отъ основанія. Но наше общество какими бы идеями ни было проникнуто, не могло дѣйствовать, потому что отдѣлялось лишь отъ основанія тѣмъ самымъ, что было насаждено.

Въ это время всеобщаго крушенія рѣзко обнаружилось безсиліе разныхъ *принциповъ* и *убѣжденій*, которыми доселѣ поклонялись, какъ идоламъ. Принципы эти не помогли ничѣмъ своимъ поклонникамъ, потому что какъ ни кричали послѣдніе о своей привязанности къ принципамъ, но такъ какъ человекъ можетъ энергически ратовать только за самаго себя, а принципы были чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, то и поклонники ихъ не подумали защищать ихъ, когда имъ пришелъ колецъ. У этихъ поклонниковъ принципа, по словамъ Добролюбова, «принципъ былъ самъ по себѣ, а страсть сама по себѣ.» Такъ и произошло здѣсь: принципъ, витая въ высшихъ сферахъ духовнаго разумія, остался превъше всехъ обидъ и неудачъ; страсть же негодованія ограничилась низшей сферой житейскихъ отношеній, до которыхъ они почти никогда не умѣли проводить своихъ философскихъ началъ. Мало по малу они вошли въ свою пассивную роль (да и не могли на дѣлѣ выходить изъ нея, потому что она обуславливалась сущностью общества), и изъ всего прежняго сохранили только юношескую восторженность, да наклонность потолковать съ хорошимъ человекомъ о пріятномъ обращеніи и помечтать о мостикѣ черезъ рѣчку. Съ этими-то милыми качествами и съ совершеннымъ неумѣніемъ присматриваться къ дѣйствительной жизни, понимать ея требованія и задачи — и выступили они въ недавнее время снова на поприще литературы.

Если же захотимъ въ подтвержденіе всего сказаннаго обратиться къ фактамъ, то можемъ почерпнуть много доказательствъ, взглянувъ на дѣятельность нашихъ поэтовъ. Добролюбовъ указываетъ на одно обстоятельство, столь замѣчательное, что вѣроятно оно бросалось не разъ въ глаза каждому. Я говорю, что почти всѣ поэты наши обыкновенно весьма рано приходили въ какое-то весьма жалкое состояніе и вмѣсто поэтическихъ пѣснопѣній начинали издавать жалобный вой. Но, по моему мнѣнію, Добролюбовъ не совсѣмъ понялъ причину этого явленія. По крайней мѣрѣ, говоря о г. Плещеевѣ, онъ вовсе не разрѣшаетъ

этого вопроса, и только въ III томѣ мы находимъ у него нѣсколько строкъ, показывающихъ, что онъ отчасти разгадалъ его.

Дѣло въ томъ, что наши поэты еще больше, чѣмъ простые смертные, изобрѣтали себѣ всевозможные принципы и начинали порываться на борьбу изъ за нихъ. Подобная дѣятельность казалась имъ весьма привлекательной и приличествующей званію поэта. Поэтому въ началѣ своего поприща они, обыкновенно, бывали весьма бойкими мальчишками и подавали большія надежды. Но потомъ вдругъ оказывалось, что борьба, о которой они мечтали, вовсе не такъ поэтична и можетъ быть уподоблена самому неблаговоинному изъ подвиговъ Геркулеса. Они сперва приходили въ недоумѣніе и думали, что какъ же это однакожь? Вотъ хоть бы Байрона взять: развѣ ему приходилось чистить чьи бы то ни было конюшни, развѣ ему приходилось зубрить азбуку, развѣ ему приходилось, наконецъ, копаться въ старомъ бѣльѣ? Нѣтъ: позиція его была самая благородная, работа самая чистая, отъ которой несло тончайшими духами, а не навозомъ. Когда же онъ азбуку-то зубрилъ? Онъ прямо въ философію пускался. Давай и мы такъ.

Но оказывалось, что такъ нельзя, ничего не выходитъ. Тогда оставалось или спиться и обратиться къ прославленію пѣнника или сивухи, или поступить въ квартальные надзиратели, или, наконецъ, объявить среду презрѣнной и грязной, и принять въ отношеніи ея отчасти мефистофельскій, отчасти гамлетовскій видъ. Тутъ-то и начинался жалобный вей, въ родѣ этого:

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтуцій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокій,
И жду, прійдетъ ли мой конецъ.

А бурь-то никакихъ не было, потому что какія же бури въ стоячей водѣ? Или:

Гдѣ жъ силы тѣ, отвага прежнихъ лѣтъ?
Сгубила все неравная борьба.

Хотя борьбы и въ поминѣ не было, а существовало только поэтическое представленіе о ней въ воображеніи поэта.

Здѣсь я говорю не только о тѣхъ поэтахъ, которые писали и печатали свои стихи и публично показывали свою скорбь о томъ, что дѣйствительность не такова, какою они ее себѣ представляли. Подъ

почти и разумѣю адѣсь вообще всѣхъ, смотрѣвшихъ на жизнь сквозь призму своего воображенія и разыгрывавшихъ нотомъ Гамлетомъ Щигровскаго утѣда. Такими людьми Россія была наполнена въ то время изъ края въ край. Это были тѣ самыя талантливыя натуры, которыхъ такъ вѣрно изобразилъ г. Щедринъ. Они не имѣли никакого отношенія къ тѣмъ людямъ предшествовавшей эпохи, которыхъ лучшимъ представителемъ служить Чацкій. Отличительный признакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причина горькой участи Чацкихъ было огромное разстоянiе между развитiемъ ихъ и нравственнымъ уровнемъ общества. Между тѣмъ, талантливыя натуры именно тѣмъ и отличались, что по всему были равны обществу, исключая наклонности къ несообразнымъ съ дѣйствительностью мечтанiямъ.

Такимъ образомъ застой, охватившій умственную жизнь русскаго общества, явныя признаки его ничтожества, явившiеся въ уничтоженiи литературы и наконецъ появленiе талантливыхъ натуръ взаимъ прежнихъ благородныхъ и сильныхъ, хотя также непрacticalныхъ Чацкихъ—вотъ характеристическiя черты періода 1848—1856 годовъ. Здѣсь еще разъ можно съ благодарностью оглянуться на Бѣлинскаго. Среди совершеннаго уничтоженiя всякой литературы, исключая, разумѣется, насажденной, для которой эта эпоха была временемъ процвѣтанiя, среди отсутствiя всякой умственной жизни въ русскомъ обществѣ, Бѣлинскій получалъ значенiе еще большее, чѣмъ то, которымъ онъ пользовался при жизни. Нельзя было изгладить впечатлѣнiе, произведенное Бѣлинскимъ, нельзя было отнять вѣру въ прогрессъ, нельзя было истребить надежду на свѣтлое будущее. Новое поколѣнiе, развивавшееся въ это время, имѣло въ немъ учителя и руководителя, и изъ него почерпало то, чего бы не могло узнать отъ общества. Поэтому, когда послѣ Бѣлинскаго явилась потребность новой, практической дѣятельности, общество должно было выдвинуть впередъ такихъ людей, какъ Добролюбовъ.

Время Добролюбова.

Лучшимъ доказательствомъ отсутствiя всякой самостоятельности въ нашемъ обществѣ и его бессилiя служить намъ прогрессъ, начавшiйся почти въ одно время съ появленiемъ въ литературѣ статей—бова. Вся-

каму известно, что поводомъ къ появленію этого прогресса была война: они происходили у насъ рѣшительно чудеса; благодаря ей наше общество вращенулось и заговорило, заговорило безъ умолку о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, между тѣмъ какъ передъ этимъ, въ теченіе вѣселии лѣтъ, кранило глубочайшее молчаніе. Оно заговорило съ такими жаромъ и одушевленіемъ, что было ясно, что оно таки любило поговорить, и если доселѣ молчало, то не потому, чтобы не желало, а потому что на это была уважительная причина.

Но что это были за рѣчи! Конечно, во время оно, когда обстоятельства были совершенно иныя, литература не только могла, но даже прямо должна была указывать обществу на разныя злоупотребленія, совершавшіяся среди него, но теперь, когда вопросъ объ этихъ злоупотребленіяхъ былъ поднятъ правительствомъ, когда оно представляло на обсужденіе литературы самыя существенныя вопросы, когда подготавливало уничтоженіе крѣпостнаго права и тѣлеснаго наказанія, литература не умѣла иначе воспользоваться данными ей позволеніемъ, какъ споря о томъ: Нужна ли нарка, пль вредна, и толкуи о предметахъ, о которыхъ уже совершенно достаточно было говорено еще во время Бѣлинскаго. Ничтожество дѣлалось еще хуже вслѣдствіе самодовольствія: до того привыкли молчать, что считали тѣмъ-то удивительнымъ повтореніе общими мѣсть. Замѣчалась совершенная неспособность заглянуть подальше того, что показывали; воспользоваться выгоднымъ положеніемъ для того, чтобы начать дѣйствовать самостоятельно. Даже самыя лучшія результаты несчастнаго положенія, въ которое неожиданно попала литература, отягчались чуждостью и непрактичностью. Знаменитый принципаль, о которомъ было столько крику до 1849 г. вовсе не утерѣ. Хотя его поощряли и облачивали свои мечты вышеупомянутымъ воемъ, по пль бытъ напрасно. Тамъ, гдѣ общество не способно дѣйствовать, оно должно мечтать и поклаяться принципамъ. Врези послѣ 1856 г. можно по справедливости назвать временемъ торжества отвлеченнаго принципа. Ему снова начали поклаяться платонически, какъ прежде. Люди, недовольные теперешнимъ молодымъ поколѣніемъ, ставятъ ему въ упрекъ служеніе принципамъ. Не буду здѣсь говорить, на сколько этотъ упрекъ справедливъ, но скажу только; что онъ весьма не къ лицу людямъ прежнихъ поколѣній. Никто болѣе ихъ не низкопоклонничалъ передъ принципомъ, не гнулъ спину передъ модными идеями. Что отношенія ихъ къ этимъ идеямъ были именно таковы, доказало время, когда моды вышныи изъ моды или служеніе имъ перестало при-

нести барышъ. Еслибы люди эти дѣйствительно не рвали мантию каргола, а потому, что другая дѣятельность была имъ не возможна, еслибы принципъ не былъ имъ нтъ, а въ имъ сомнѣнн, еслибы она была ихъ идоломъ и крестомъ, то они бы не могли покинуть его. Но въ таку-то и дѣло, что они некаяняли ему, имъ. ндалу, и безъ труда во всякое время могли покинуть его. Любопытно видѣть, кого перечисляетъ Добродюбовъ въ числѣ прогрессивныхъ дѣятелей въ статьѣ о книгѣ де-Жарбоза. Здѣсь наводятся и г. Ешевскій, и г. Бабеть, и г. Забалинъ, и г. Камелинъ, и даже г. Чичеринъ. А теперь?..

Возродившійся изъ пепла принципъ некоторое время виталъ по поднебесью, потому что стараго гнѣзда его уже не существовало и следовало изобрѣсти новое. Оно не замедлило быть изготовлено, потому что тутъ задумываться нечего. Если человѣкъ собирается дѣло дѣлать, то ему, конечно, надо поискать крѣпкой опоры, а для того, чтобы «побесѣдовать съ хорошиимъ человѣкомъ о пріятномъ обращенн» ничего особеннаго не требуется.

Случалось такъ, что во время этого востанн въ нравственно-съзготовлялось рѣшеніе крѣпостнаго вопроса. Принципъ увидѣлъ это и нашелъ; что это совершенно достаточное основание для сооруженн новаго гнѣзда. Народъ, ничего, разумеется, не подозревавшн, вдругъ получилъ нестерпимой темой для литературныхъ упражненнй. Началось потѣха. Внезапно все проинималось необмысленнымъ сочувствіемъ къ народу, ибо для поклонниковъ принципа не сочувствовать чему или кому набудъ невозможно. Прежде они сочувствовали разнымъ анимамъ и художествамъ, а теперь обратили весь свой пылъ на народъ. Впрочемъ пережѣлался только сюжетъ, а взглядъ остался тотъ же, и народъ разсматривался тоже какъ какой-то анникъ. Являлись всевозможные Дажковскіе, Дружинины, Григорюичи и множество другихъ. Принципомъ ихъ было—сочувствіе къ народу, и нитѣ востъ принципъ свѣдалось въ непреклонную обязанность каждому, кто хотя нѣсколько претендовалъ на званіе прогрессивнаго человѣка. Вѣроятно для большаго возбужденн сочувствн въ тѣхъ земныхъ личностяхъ, въ которыхъ оно возбуждалось туго,—наши поклонники народа принялись сначала нитѣ, чесать и одѣвать въ ярлычное платье свой кумарь, дабы онъ не казался чумичкой. Но вскорѣ разчувствовались до такой степени, что всанно либеральннй человѣкъ долженъ полюбить народъ и обрѣчьнн. Поэтому одни взяли на себя трудъ изобразить кумарь въ его натураннн видѣ, а другіе проповѣдовать любовь къ нему. Одни, на-

принципъ, поображали, — стараясь не пропустить ни одной черты въ своей партитурѣ, — какинъ образомъ русскій человѣкъ сморкается. А другіе стояли съ бою и приговаривали: «посмотрите, почтенные сограждане, какой русскій человѣкъ: задумано — сделано, захотѣлъ — высморкался! Неправда ли какой душа! какой миланка! Вы должны любить его, почтенные сограждане!»

Нельзя не сознаться, что на этотъ разъ принципъ явился въ весьма живописномъ плацѣ, въ который драпировался съ большою изысканностію. Въ самомъ дѣлѣ, какой красивый звукъ: «любовь къ народу». Неправда ли? Но все таки это только звукъ и довольно нелѣпный. Что въ самомъ дѣлѣ за платоническая любовь къ народу? Чѣмъ похожъ мужикъ на десертную дѣву, роль которой онъ теперь занялъ? Что обозначаютъ слова: «любовь къ народу»? Весьма понятно и естественно, что у развитаго, мыслящаго человѣка кусокъ нейдетъ въ горло при воспоминаніи о томъ, что гдѣ нибудь близъ него бѣднякъ гложетъ сухую корку или что голодные дѣти плачутъ на рукахъ матери, неимѣющей возможности накормить ихъ. Весьма естественно, что такой человѣкъ чувствуетъ омерзительное и болѣзненное чувство стыда, при мысли о съденномъ имъ трудѣ бѣдняковъ. Но ему съвѣрно и непріятно — это такъ, и онъ можетъ захотѣть содѣйствовать тому, чтобы подобныя чувства не являлись бы больше причины возмущать пищевареніе пообѣдаващаго человѣка. Но скажите на милость, что такое изображаетъ изъ себя господинъ, восхищающійся умомъ, остроуміемъ и красотой мужика и питающій къ нему платоническую любовь? На что способенъ такой лицейскій, такой идіотъ? Не ясно ли, что, восхищаясь народомъ и твердя о своей любви къ нему, онъ восхищается самъ собой, звукомъ своего голоса, гуманностію своихъ принциповъ? Подобный господинъ все тотъ же эстетикъ въ новомъ видѣ, но въ сущности, и сами они и ихъ принципы — одинаковая мертвечина.

Эти платоническіе поклонники народа дошли наконецъ теперь до того, что, повторяя прежнихъ словянофиловъ, являются противниками всякой практической попытки сближенія образованнаго общества съ народомъ, какъ прежде препятствовали сближенію передовыхъ людей съ обществомъ. Вплоть допимаемая тягость такого разединенія и громче другихъ воля претивъ разобщенности между обществомъ и народомъ, они съ страшною непосредственностію становятся сами между тѣмъ и другими, отыскавъ для народа вредныя вліянія общества, зараженнаго гнилымъ запахомъ, и отказывая обществу въ правѣ содѣйствовать народному

развитіи. Они проповѣдуютъ въ дѣлѣ народнаго образованія принципъ *laissez-faire, laissez-passer*, и, какъ всѣ послѣдователи этого принципа, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагѣ. Ихъ мистическій взглядъ на народную жизнь совершенно мѣшаетъ имъ смотрѣть на дѣло прямо и практически и у нихъ въ результатѣ выходитъ, что не народъ надо просвѣщать, а самому обществу нужно отказаться отъ своей цивилизаціи и обратиться къ народному невѣжеству; результатъ, слѣдовательно, тотъ же, къ какому пришли некогда славянофилы: тоже требованіе разстаться со всѣмъ своимъ нравственнымъ имуществомъ въ пользу невѣжества, бросить то, что приобретено десятками лѣтъ, чтобъ ничего не получить, потому что вѣдь отъ народа обществу нечего получить; они сами говорятъ, что народъ еще пребываетъ въ дѣвственной неморочности и только подаетъ надежды, обнаруживаетъ задатки. Славянофилы были послѣдовательнѣе: тѣ, крайней мѣрѣ, прямо объявляли вздоромъ все, не относящееся къ пѣннику и роднымъ предразсудкомъ, и были вполне довольны своимъ тупоуміемъ, гордились имъ и лучшаго ничего не желали. Между тѣмъ нывѣшніе платоническіе поклонники народа вполне убѣждены, что пѣнникъ не можетъ замѣнить грамотности, что невѣжество вовсе не есть идеалъ народнаго благосостоянія; но они хотятъ чего-то несуществующаго и невозможнаго; хотятъ, чтобы народъ научился безъ учителей или, чтобъ учителя преподавали ему мудрость, почерпнутую изъ него же. Но подобный взглядъ до такой степени лишенъ всякаго смысла, кромѣ мистическаго, что имъ приходится отдѣлываться общими мѣстами и воплями, показывая видъ, что за этии скрывается вѣчто положительное, между тѣмъ какъ положительнаго у нихъ ровно ничего не можетъ быть, и они, выкликая противъ отрицательнаго направленія, въ сущности самыя отчаянныя нигилисты, потому что отрицаютъ положительное или возможное во имя неосуществимаго, и мистическаго.

Но самая нелѣпость такого нигилизма дѣлаетъ ихъ неопасными и безвредными, потому что они никого не убѣдятъ промѣнять практическую дѣятельность на разныя отвеченія. Ихъ бессмысленное *laissez-faire, laissez-passer* доказываетъ лишь только то, что во время Добролюбова предстояла такая же необходимость сближенія между народомъ и обществомъ, какъ во время Бѣлинскаго между обществомъ и передовыми людьми.

Возставать противъ всего этого было задачей, предстоявшею Добролюбову. Посмотримъ теперь, какъ онъ ее выполнялъ.

ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОЛЮБОВА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Хотя Добролюбовъ писалъ преимущественно статьи критическія, но критикомъ не былъ и не могъ быть.

Конечно, Бѣлинскій, котораго задача была разбудить и расшевелить общество и дать ему отвлеченное понятіе о прогрессѣ, могъ сдѣлать все это, почти невыходя изъ предѣловъ эстетической критики. Но Добролюбовъ уже не могъ оставаться въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ, если желалъ служить обществу. А онъ не только желалъ, и не могъ не служить; для него это было необходимою, но и онъ преслѣдовалъ не литературныя цѣли, а общественныя. Если о Бѣлинскомъ онъ справедливо сказалъ, что для него было необходимо проповѣдывать свои идеи, то о немъ можно также справедливо сказать, что для него было необходимо дѣйствовать. Если Бѣлинскій подъ конецъ жизни долженъ былъ сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ, если рамки критики уже въ его время оказались слишкомъ тѣсны, то во время Добролюбова практическая дѣятельность должна была стать на первомъ планѣ. Разсматривая Добролюбова, какъ критика, мы бы поступили въ высшей степени несправедливо въ отношеніи къ нему. Будемъ ли мы при этомъ ограничивать критическое значеніе Добролюбова эстетическимъ возрѣніемъ, или припишемъ его критику болѣе глубокой и реальной взглядомъ въ всякомъ случаѣ несправедливость будетъ одинакова. Послѣ его отзывовъ о чистомъ искусствѣ и объ эстетической критицѣ не можетъ быть о немъ и рѣчи, какъ о достойномъ цѣнителѣ разныхъ художественныхъ произведеній. Онъ ллъ холодную воду здравого смысла на горячій азартъ приверженцевъ чистаго искусства, и его здоровый взглядъ обыкновенно раздражалъ этихъ господъ.

«Но знаете ли что? говорить онъ, созданія фантазіи такъ вѣдь и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Не смотря на все величіе гомерическихъ пансоній, героическій вѣкъ съ своими богами и богинями не явился въ Греціи во время Перикла, равно какъ и въ Италіи Virgilіи, при всемъ своемъ краснорѣчьи, не могъ уже возвратитъ римлянъ имперіи къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ и не могъ превратить Тиберіа въ Энея. Мало того, явленія, изображенныя во всѣхъ названныхъ нами поэмахъ, и сами по себѣ-то не имѣютъ дѣйствительности, и съ каждымъ годомъ все далѣе отодвигаются въ туманный міръ призраковъ...

Увы!... мечты поэта!
Историкъ строгій гонить васъ!

Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла, и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотой лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія среднихъ вѣковъ могли увлекать тысячи людей на брань съ невѣрными для освобожденія святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ XIX вѣкѣ, не произвели бы ничего кромѣ смѣха. Пандаръ воспѣвалъ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣнно внимала ему; въ наше время никто уже серьезно не воспѣваетъ церемониальныхъ процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились господа, воспѣвавшіе излеровскіе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи, то они всѣмъ показали до того пошлы, что не возбудили даже смѣха... Пора бы ужъ бросить такіа платоническія мечтанія, и понять, что хлѣбъ не есть пустой значекъ, отраженіе высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлѣбъ, объектъ, который можно съѣсть». (1,499,500).

Такимъ образомъ Добролюбовъ прямо говоритъ, что время фантазіи и искусства прошло, и настало время здраваго смысла и реальныхъ потребностей и стремленій. Эстетическую критику онъ предоставлялъ чувствительнымъ барышнямъ и присяжнымъ эстетикамъ. Следовательно замечать его въ ней имѣть никакого основанія.

Не трудно доказать, что еслибы Добролюбовъ былъ критикъ, то онъ былъ бы весьма плохой критикъ. Напрасно-бы мы искали у него критическаго такта, вѣрнаго пониманія сущности критики, правильной оцѣнки литературныхъ произведеній. Напротивъ того, насъ бы поразило множество промаховъ и ошибокъ, удивительная неспособность отличить вѣрное изображеніе отъ фальшиваго и налутаго. Возьмемъ примѣры.

Существуетъ въ нашей литературѣ комедія г. А. Потѣхина: *Машура*. Посредственнѣе этого произведенія, разсчитаннаго на вкусъ публики Александрійскаго театра, быть ничего не можетъ. Добролюбовъ беретъ изъ нея самую мелодраматическую сцену въ кукольниковскомъ родѣ, и превозноситъ до небесъ.

Точно такое же достоинство имѣютъ и стихотворенія г-жи Юліи Жадовской. Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что г-жа Юлія Жадовская смотритъ на небо не менѣе чѣмъ Лавррье, но съ тою разницею, что Лавррье открылъ тамъ новую планету; а г-жа Юлія Жадовская

извлекла значительное количество плохих стиховъ. Добролюбовъ также приводитъ образчики плодовъ созерцанія неба г-жой Юліей Жадовскою, въ родѣ напр. слѣдующихъ:

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,
И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза.

или слѣдующихъ:

Чудная минута!
Будто счастья жду я...
И мечты слетаютъ,
Нѣжа и чаруя.
Какъ на чувство сердце
Въ этотъ мигъ не скупю!
Я готова плакать,
Какъ это ни глупо.
Чтожь? Никто не видитъ...
Лейтесь, слезы, смѣло!
Мѣсяцу съ звѣздами
Что до васъ за дѣло!

Еслибъ стихъ былъ получше, то это стихотвореніе всякій бы принялъ за пародію, сочиненную напр. г. Адамантовымъ. Кромѣ того, Добролюбовъ приводитъ стихотворенія лѣтнія, зимнія, осеннія и весеннія. Но что бы вы думали?—Приводитъ не въ доказательство' бездарности г-жи Юліи Жадовской и ея безплоднаго созерцанія неба, а наоборотъ, для подтвержденія похвалъ, которыя расточаетъ ей.

Если подобные примѣры убѣждаютъ насъ, что Добролюбовъ былъ плохой критикъ, то его собственное сужденіе о критикѣ доказываетъ намъ, что онъ вовсе не былъ критикомъ.

По его словамъ роль критики есть не только сужденіе «о литературѣ», но и сужденіе «по литературѣ» объ обществѣ. «Авторъ», говоритъ онъ, «выводитъ добраго и неглупаго человѣка, зараженнаго старинными предрассудками. Критика разбираетъ возможно ли и дѣйствительно ли такое лицо; нашедши же, что оно вѣрно дѣйствительности, она переходитъ къ собственнымъ соображеніямъ, породившимъ такое лицо». «Критика должна сказать:» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вотъ лица и явленія, выводимыя авторомъ; вотъ сюжетъ пьесы; «а вотъ смыслъ, бакой, по нашему мнѣнію, имѣютъ жизненные факты, изображаемые ху-

дожникомъ, и вотъ степень ихъ значенія въ общественной жизни». Но послѣ всего, что я сказалъ о роли критики, такое опредѣленіе, очевидно, слишкомъ обширно и собственно критика опредѣляется уже первой половиной его; съ прибавленіемъ же второй мы уже выступаемъ изъ предѣловъ критики, потому что начинаемъ судить по литературѣ объ обществѣ. Предметомъ нашего сужденія дѣлается послѣднее, и мы становимся уже историками, публицистами, сатириками, а не критиками.

Поэтому и Добролюбовъ, будучи плохимъ или вовсе не будучи критикомъ, былъ сатирикомъ, публицистомъ. Поэтому къ нему такъ идутъ его же собственныя слова: «литература наша началась сатирой, продолжалась сатирой, и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ».

Въ литературномъ произведеніи онъ видѣлъ главнымъ образомъ не достоинства и недостатки его, а только главную мысль, выражаемую **М** имъ. Если мысль ему нравилась, если онъ находилъ ее разумной и полезной для общества, то этого было вполне достаточно, чтобы ему понравилось и самое произведеніе. Напримеръ въ «Мишуру» г. Потѣгина ему понравилась мысль автора, который, среди всеобщаго обличенія взяточничества, захотѣлъ обличить пороки, совмѣстимые съ главной цинической добродѣтелью тогдашняго времени—отказомъ отъ взятокъ. Мысль дѣйствительно хорошая для того времени, когда всѣ были совершенно убѣждены, что на свѣтѣ одно зло—взятки; поэтому Добролюбовъ расхваливаетъ «Мишуру», потому что на его взглядъ литературныя свойства какого нибудь произведенія ничего не значатъ въ сравненіи съ его мыслию.

Поэтому случилось такъ, что Добролюбовъ пользовался какимъ нибудь произведеніемъ лишь какъ поводомъ высказать свой взглядъ на ту или другую сторону общества. При этомъ онъ обыкновенно говорилъ, что ему пѣтъ дѣла до того, что *хотѣлъ сказать* авторъ, а важно лишь то, что онъ «сказалъ». Послѣ этой оговорки онъ уже не стѣснялся: авторъ и его произведеніе откладывались въ сторону, и начиналась рѣчь о той или другой сторонѣ общественнаго зла.

Какъ на примѣры такой *критики*, укажу на двѣ знаменитыя статьи его, «Темное Царство» и «Что такое Обломовщина».

Но за то какъ широка была дѣятельность Добролюбова, какъ сатирика и публициста! Благодаря ему, послѣ его смерти не могло повториться то, что воспослѣдовало за смертью Бѣлинскаго. Пошлость и тупоуміе получилъ отъ него такіе жестокіе удары, что съ тѣхъ поръ уже не могутъ придти въ себя и никогда не приобретутъ прежняго

самодовольствія и самоувѣренности. Поэты насажденной литературы не осмѣливаются воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы писать серьезные подражанія Якову Хаму, а кто изъ нихъ и обладаетъ достаточноымъ безстыдствомъ для этого, то не вымыкаетъ даже насѣтки. Два, три стихотворенія его сдѣлали совершенно невозможными славнопофальскіе гимны въ честь пѣвника и русской удали. И если еще насажденная литература не сгибла совершенно, если она еще выплзаетъ на свѣтъ Божій, то лишь потому, что не во власти Добролюбова было уничтожить самый источникъ ея; но онъ для будущаго сдѣлалъ то, что она не найдетъ достаточно простора и всегда встрѣтитъ преарвнѣе, какъ со стороны общества, такъ и со стороны литературы. Наконецъ въ «Темномъ Царствѣ», въ разборѣ «Наканунѣ» онъ такъ глубоко заглянулъ въ самую сущность нашего общества, какъ до него еще никому не удавалось.

Но для того, чтобы разрѣшить главную задачу тогдашняго времени, для того, чтобы обратить общество къ народу, Добролюбовъ долженъ былъ имѣть въ виду главнымъ образомъ послѣдній.

И онъ дѣйствительно былъ самымъ полнымъ и чистымъ представителемъ любви къ народу. Любовь къ народу и сочувствіе къ нему были у него не пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ. Правда, онъ иногда увлекался слишкомъ этимъ чувствомъ, иногда выражалъ его странно; въ его симпатіи къ народу иногда слишкомъ проглядываетъ увлеченіе не столько дѣйствительной жизнью русскаго народа, сколько западнымъ демократизмомъ. Такъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорить о Беранже, о его народной музѣ и ея любви къ народу. Онъ съ восторгомъ повторяетъ его слова

Ne sert que lui.....

Sa cause est sainte. Il souffre, et tout grand homme

Autrès du peuple est l'envoyé de Dieu

Онъ повторяетъ эти слова, вовсе не скрывая, что, говоря о французскомъ пѣвцѣ народа, имѣетъ въ виду наше общество и нашъ народъ. Онъ недоволенъ, что русская литература и русское общество не смотрятъ такъ на свой народъ, какъ Беранже смотрѣлъ на свой. Онъ порицаетъ общество за то, что народъ въ его глазахъ—грубая толпа, неспособная къ возвышеннымъ, благороднымъ и вѣжнымъ ощущеніямъ.

«А между темъ», говоритъ онъ, «напротивъ — въ нашемъ обществѣ всѣ эти чувства развиты гораздо меньше. Если еще въ мирѣ поэзія, то ее нужно искать среди народа». Для его восторженнымъ похвалъ народу, общественной атмоскѣ нѣсколько идеализированнымъ и полемичнымъ.

Масса того: правда даже и то, что Добрянцова въ своемъ отношеніи о народѣ иллюминировать немѣ почтеннѣе.

И у него преклоняется это истинное воззрѣніе на народъ, эта мысль о величьи-то необычайныхъ деревенныхъ, отсталыхъ массахъ. «Иль», говоритъ онъ, «т. е. образованный классъ, можемъ держаться только потому, что воды нами есть «твердая почва» — истинный русский народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно незначительную часть «великаго» русскаго народа». «И Господь», говоритъ онъ даже, «не послать въпасть, въ темъ заключается тайна русскаго народности», и онъ перемѣшалъ какъ современнаго общества, «какъ-то въ заманивающаго локотки взаимной взаимной цивилизаціи», съ стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями еще способной къ обновленію на началатъ правды и здраваго смысла».

Наконецъ и то правда, что идеальныя представленія о народѣ вводилъ Добрянцова иногда въ заблужденіе и заставляли его слишкомъ много ждать отъ народа. Иногда даже онъ принималъ темъ, весьма впечатлительный тонъ платоническихъ поклонниковъ народа и восторгался тамъ, гдѣ слѣдовало учить. Въ такой восторгъ онъ пришелъ, напр., при извѣстіи о появленіи общества трезвости. «Прежде мужикъ покупалъ вино, потому что, хотя оно было дороговато, но все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ подмелась гѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой, да и сказалъ себѣ: «пить, лучше не стану пить; дорога болѣе окаянная». Сказалъ, да и сдѣлалъ — несталъ пить; потому что онъ не то, что мы, образованные господа, — не станеть трагитъ словъ по пустому. Глубокая въра этого народа выражается не на словахъ, а на дѣлѣ. Это не то, что фразеры, о которыхъ мы говорили. Толкамъ тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться; ихъ станеть только на фразу, а внутри еущества ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданіями и печалами, и часто даже сама не поминаетъ ихъ хорошенько. Но ужъ за то, если пойметъ что нибудь встать «миръ», толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будеть это слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщаль. На него можно надѣяться».

Такия выраженія, какъ «тайна русской народности, дознотыя взятой взаимны цивилизаціи, живая и свѣжая масса», такия выраженія, отъ которыхъ бы онъ вѣрно теперь съ ужасомъ отступился, увидя на что они употребляются, убѣждаютъ насъ, что Добролюбовъ раздѣлялъ идеальны мистическія воззрѣнія почвенниковъ на народъ. Но въ сущности онъ былъ по убѣжденіямъ диаметрально противоположенъ этимъ ненужнымъ людямъ. Послѣ всѣхъ этихъ лирическихъ выводовъ, онъ восклицаетъ, обращаясь къ обществу: «Да, надобно трудиться для него, надобно вдохновляться имъ, но для этого надобно знать и сочувствовать ему!» Въ результатѣ его взгляда на народъ и отношенія къ нему общества все-таки вышло, что общество должно трудиться для того, чтобы сблизиться съ народомъ, не отказываясь отъ просвѣщенія, а усвоивъ его, чтобы подѣлиться имъ съ народомъ. Время Добролюбова есть вѣсть и наше время. Поэтому говорить о результатахъ его дѣятельности нельзя, потому что они еще не совсемъ выяснились. Притомъ всякій, желающій имѣть понятіе о томъ, на сколько наше образованное общество успѣло сблизиться съ народомъ, можетъ узнать это изъ собственныхъ наблюдений. Какъ скоро взглядъ на современную жизнь покажетъ, что успѣхъ значителенъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Добролюбову принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ большая заслуга; конечно, онъ былъ не одинъ, его дѣятельность имѣла помощниковъ; но тѣмъ не менше популярность и слава, пріобрѣтенныя имъ въ теченіе столь краткой карьеры, доказываютъ, что его вліаніе было одно изъ первыхъ, если не первое.

Съ чувствомъ глубокой признательности и любви, останавливаемся мы передъ свѣтлой личностью Добролюбова, которая уже принадлежитъ нашей исторіи и стоитъ выше мелкой злобы задѣтыхъ имъ самолюбцевъ. Какъ передъ могилой Бѣлинскаго, такъ и передъ могилой Добролюбова мы спрашиваемъ себя, жаловаться ли намъ на судьбу, похищающую преждевременно нашихъ руководителей, или благодарить ее за нихъ...

Тысячу разъ готовы мы сказать да!

Но все, которымъ дорога его память, чьи симпатіи принадлежать ему, кого увлекаютъ его слова, все, однимъ словомъ, которые любятъ и уважаютъ его, должны помнить, что не безплодное сожалѣніе о прошедшемъ и утраченномъ, а честный и бодрый трудъ и непреклонную дѣятельность онъ оставилъ намъ, какъ лучшее воспоминаніе о себѣ.

В. Зайцевъ.

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
И
РАЗСКАЗЫ ПЕТРА ГОРСКАГО.

Изд. В. Е. Гринева. Спб. 1864.

Лучше быть недовольнымъ человекомъ, чѣмъ
самодовольной свиньей.

Д. С. Милль.

Ничего не можетъ быть обиднѣе для писателя, особенно сатирическаго, какъ чувствовать, что мѣра его дѣятельности исполнилась, степень развитія заключилась, что ему надо положить перо, чтобы не повторять себя, или еще хуже, не перепечатывать своихъ собственныхъ издѣлій, подобно г. Ап. Григорьеву. На послѣднее художество не рѣшится даже добросовѣстная боздарность, потому что подчивать публику своими старыми объѣдками, уцѣлѣвшими въ пустой сумѣ, значитъ сознаться въ полнѣйшемъ отупѣніи. Когда писатель доходитъ до такого положенія, то ему всего лучше окончить свою литературную карьеру, какъ бы это ни было прискорбно для его самолюбія. Люди талантливые такъ и поступали; они останавливались именно тамъ, гдѣ имъ слѣдовало остановиться; они понимали, что данныя имъ силы не могли развиваться дальше, что органическая

связь ихъ съ тѣмъ поколѣніемъ, которое должно ихъ слушать, навсегда порвана, что они пожалуй могутъ еще исписать цѣлыя стопы бумаги, но все это останется мертвымъ матеріаломъ, безъ всякаго жизненнаго вліянія на общество. Слово ихъ потеряло передель своего прежняго обаянія, потому что содержаніе его истощилось. Разумѣется, есть писатели, для которыхъ мало одной человѣческой жизни, чтобы высказаться вполне и которыхъ дѣятельности достаточно на нѣсколько поколѣній. Это тѣ гениальные умы, которые разливаютъ кругомъ себя такую пропасть свѣта, что его хватаетъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и для всего человѣчества; такіе дѣятели не имѣютъ границъ для своего развитія и имъ нечего бояться, что они останутся заподозланными журавлями на зыбной нивѣ; имъ будутъ сочувствовать долго: у нихъ есть чему поучиться не только современникамъ, но и отдаленнымъ потомкамъ. Совсѣмъ другое дѣло—писатель, хотя и талантливый, но съ силами ограниченными, не превышающими ни понятій своего времени, ни потребностей того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Для такого писателя есть мѣра, въ которую онъ мѣрится, есть предѣлъ, за который переходить онъ не долженъ, если не хочетъ издавать голоса въ пустынь. Мы постоянно слышимъ эти хриплые и козломъ дерущіе голоса въ нашей современной литературѣ; они большею частію принадлежатъ поэтамъ и беллетристамъ сороковыхъ годовъ, которые какъ забились въ скорлупу чистаго искусства, такъ въ ней и остались. Потерявъ всякое чутье для пониманія дѣйствительныхъ предметовъ и задушивъ фразой всякую живую мысль, они остаются совершенно равнодушны ко всему, что не подходитъ подъ извѣстную мѣрку эстетики. На глазахъ у нихъ совершались событія, возникали новыя направленія, литература предъявляла права свои на обсужденіе общественныхъ вопросовъ, въ самомъ обществѣ вѣпомились кой-какія стремленія, но они смотрѣли на все это тупо и всякое проявленіе здоровой мысли готовы были подъ клятвой называть бѣлой горячкой. Нѣкоторые изъ нихъ попробовали сойдти съ эстетическихъ ходуль на землю и заговорить другимъ языкомъ, языкомъ скорби о народныхъ нуждахъ, о необходимости благотельныхъ реформъ, возмутиться обломовщиной и грѣпостнымъ правомъ, однимъ словомъ, принять свои идеалы влечь и крошь гражданскихъ героевъ, но все это было такъ притворно, искусственно-ложно, такъ отыкалось поддельной и гримасой, что оглядство ихъ никого не обмануло, и сочи-

ненными ими скорби потрачены даромъ. Такъ напримѣръ, еще въ прошломъ году г. Лажечниковъ прикинулся было чуть не нигилистомъ въ своемъ романѣ: «Не много лѣтъ назадъ»; но боже мой! что это за сумбуръ вышелъ, что за жалкое переодѣванье почтеннаго старика въ юношескій костюмъ, въ которомъ его не узнали даже добрые друзья его. Романъ, испеченный на уголькахъ современныхъ вопросовъ, какъ и надо было ожидать, шлепнулся въ растяжку, и о немъ забыли едва-ли не прежде, чѣмъ принесли его изъ типографіи въ книжную лавку. Только теперь, послѣ такого горькаго опыта, г. Лажечниковъ убѣдился, что ему слѣдуетъ замолчать, что онъ чужой въ семьѣ новыхъ дѣятелей. Изъ разряда этихъ писателей всѣхъ умнѣ поступилъ Мей; онъ умеръ именно въ ту пору своей плодотворной дѣятельности, когда ему оставалось или перестать писать или потащить свою музу по лакейскимъ переднимъ разныхъ меценатовъ. Но Мей, какъ чистый художникъ, вовсе не желавшій знать того, что происходитъ у него подъ самымъ носомъ, не остановился бы во время, и потому, проживи онъ дольше, ему пришлось бы пѣть вмѣстѣ съ г. Θ . Бергомъ и К^о.

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что между Меемъ и г. Бергомъ — огромное разстояніе. У перваго былъ талантъ, правда растрченный по мелочамъ и не сформированный надлежащимъ развитіемъ, но все таки талантъ замѣчательный, а у втораго кромѣ желанія пѣть объ иволгахъ и о любви—пѣть ничего. Литературная карьера г. Берга для насъ ясна, какъ день; онъ произведетъ на свѣтъ еще десятка два или три въ потѣ лица воздѣланныхъ стихотвореній, и затѣмъ благополучно окончитъ свое земное поприще въ какой нибудь канцеляріи по особымъ порученіямъ. И благоразумно поступить, потому что щедрая природа удѣлила ему столько изъ своихъ благъ, сколько ихъ нужно для такой книжонки, какъ «Нѣсни скорбнаго поэта»;—творить дальне не изъ чего и не за чѣмъ. Никто, конечно, и не станетъ обвинять г. Берга въ томъ, почему онъ не оставилъ по себѣ 20 томовъ, какъ это сдѣлалъ Вольтеръ, или 18 томиковъ, принятыхъ нами отъ Гейне. Не виноватъ же муравей въ томъ, что ему не подъ силу поднять большіе крошечнаго зернышка и не виноватъ орелъ въ томъ, что не сидитъ на муравейной кучѣ, а взлетаетъ на скалы и гор-

ныя вершины. Величайшая добросовѣстность писателя отличается не тѣмъ, чтобы пыхтѣть и надуваться не въ мѣру, а тѣмъ, чтобы примѣнить свой талантъ съ пользой къ дѣлу и не брать на себя чужой роли, чужаго призванія. Мы первые будемъ отъ всей души рукоплескать г. Бергу, если онъ, написавъ еще двадцать стихотвореній, займется чѣмъ нибудь болѣе дѣльнымъ, хоть вышиваніемъ кошелевковъ. Въ послѣднемъ случаѣ практическій результатъ будетъ гораздо лучше. Вся тайна житейской мудрости заключается въ томъ, чтобы умѣть найти себѣ дѣятельность по силамъ и способностямъ, чтобы не браться съ муравьинымъ ротикомъ за добычу, свойственную влюву орла.

Къ сожалѣнію, у большей части нашихъ писателей этого самообладанія не доставало. Поэтому они дѣлались тѣми переметными сумами, которыя сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Эти люди называютъ себя по преимуществу художниками и готовы въ одно и то же время участвовать въ различныхъ органахъ, предлагая каждому изъ нихъ тотъ образъ мыслей и чувствъ, какового потребууетъ редакція. Эти люди всегда *кстати*, и вездѣ ко *двору*. Цвѣта у нихъ нѣтъ никакого или, лучше сказать, они совмѣщаютъ въ себѣ всевозможные цвѣта — отъ зеленого въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и до желтаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ они поборають за свободу идеи, въ «Сынѣ Отечества» за кулачное право, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» они — патриоты, а въ «Голосѣ» самъ чортъ не разберетъ, что они такое. Историческимъ типомъ этого класса служить авторъ «Коляски». Всѣмъ извѣстно, что онъ палъ жертвою своей лирической невоздержности. Остановись г. Майковъ въ пору, и мы оставили бы за нимъ названіе пѣвца классическихъ мужей — Сенеки, Люція и Лукана; но художникъ увлекся, и вотъ муза его сняла съ себя лавровый вѣнокъ и украсилась трехугольной поярковой шляпой городничаго. Затѣмъ другаго выбора не осталось, какъ пріютиться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ отводится приличное помѣщеніе для всѣхъ, кто начинаетъ чувствовать размягченіе своего мозга. Подъ конецъ эти люди теряютъ всякое сознаніе о томъ, что пишутъ. Это случилось въ послѣднее время съ гг. Фетомъ и Писемскимъ. Первый не воздержался по увлеченію къ идилліи крѣпостного права, а второй просто по незнанію того, что надо дѣлать. Г. Писемскому, какъ даровитѣйшему художнику, слѣдовало заключить свою дѣятельность на «Батькѣ», а онъ, подражая лукавому

вымыслу, сдѣланному г. Тургеневымъ каминь Базаровымъ, пошелъ дальше и оскранилъ себя «Взбаломученнымъ Моремъ». Когда эта куча грязи, названная моремъ, еще лежала въ портфель автора, онъ, покачивая головой, говорилъ, что это послѣдняя цѣсь лебеди, а теперь онъ самъ видитъ, что вышло карнавые вороны. Вотъ что значить не имѣть самообладанія на сколькомъ литературномъ пути!

Но если недостатокъ самообладанія легко можетъ превратить лирическаго поэта и художника—баллетриста въ литературнаго бутыря, то для сатирика тотъ же недостатокъ еще болѣе опасенъ. Сатирикъ самъ дѣлается не только скученъ, но и смѣшонъ, когда смѣхъ его не достигаетъ цѣли, когда негодованіе его исходитъ попусту. Сатира дѣйствуетъ преимущественно мыслию, которая чѣмъ шире и глубже захватываетъ дѣйствительную жизнь, тѣмъ яснѣе можетъ отдѣлать уродливыя явленія отъ нормальныхъ. Только при общемъ метвомъ взглядѣ на весь механизмъ общественной жизни можно понимать отдѣльныя части; только тогда можно искренно ненавидѣть зло, когда сатирикъ носить въ своей душѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что есть сѣры человѣческаго существованія болѣе чистыя и разумныя, а такое убѣжденіе можетъ вытекать только изъ обширнаго міросозерцанія, каковыя отличались всѣ великіе юмористы и сатирики нашего времени. Въ противномъ случаѣ, *слепорожденная* сатира осуждена рыться въ кучѣ навоза до тѣхъ поръ, пока не отупѣетъ до того, что теряетъ всякую способность отличать золото отъ сора. Человѣку мыслящему совершенна понятна огромная разница между ѣдкимъ смѣхомъ, полнымъ смысла и значенія, вырывающимся изъ груди болѣзненно-потрясенной, и смѣхомъ площадного паяца, потѣшающаго публику мочальной бородой или пожираніемъ хлопка. Нѣтъ сомнѣнія, что та публика, которая восторгается паяцомъ, и дальше карикатуры ничего не понимаетъ, не станетъ искать въ сатирѣ особеннаго смысла и не проникнется вмѣстѣ съ авторомъ отвращеніемъ къ осмѣянному злу. Для такой публики совершенно достаточно казеннаго обличенія «Занозы» или гостиподворскихъ остротъ «Развлеченія», но между подобными органами и истинной сатирой нѣтъ ничего общаго. Можно *обличать* сколько угодно и кого угодно, и въ то же время стоять на одномъ нравственномъ уровнѣ съ тѣмъ скотнымъ дворомъ, которому вмѣстѣ съ сѣномъ предлагается и аттическая соль. Наши обличители страдаютъ именно тѣмъ, что по развитію своему и по силѣ отрицанія не многимъ отличаются отъ

той публики, которую они забывают. Для нихъ сатира служить точно такъ же почетнымъ орудіемъ, каковы были роги для россійскихъ чиновниковъ, наблюдавшихъ за чистотою гражданскихъ нравовъ. Для многихъ обличителей смѣть самъ по себѣ, а мысль сама по себѣ; многие изъ нихъ напускаютъ на себя негодованіе, въ которомъ не участвуетъ ни одинъ нервъ ихъ простодушнаго существа; многие изъ нихъ, не умѣя связать причинъ съ послѣдствіями, возмущаются всѣмъ безъ разбору, не различая своего отъ чужихъ. Надо отрицать и обличать — этого требуетъ духъ времёнъ и просыпающаяся сила общества, и вотъ они предаются этому упражненію съ всю же любовью, съ которой Донъ-Кихотъ восвалъ съ вѣтрыми мельницами. Ну что, напримѣръ, можетъ быть безсвязнѣ головы г. Воскобойникова, но и онъ былъ обличителемъ. Нельзя, — этого требуетъ священная обязанность гражданина, напускающаго на себя разные негодованія. Ну что можетъ быть невнѣнѣ такого журнала, набиасмаго всѣмъ, что Богъ пошлетъ, какъ «Библиотека для Чтенія», но и той надо было обличить устами г. Буренина пороки петербургскихъ редакторовъ. Но позвольте васъ спросить, гг. Воскобойниковы и К^о, какая цѣль вашихъ обличеній? Изъ за чего бы вамъ прикидываться негодующими гражданами; вѣзять въ шкуру сатириковъ, когда у васъ пищевареніе совершается, какъ слѣдуетъ, и печень находится въ нормальномъ состояніи? Во имя строгаго и неумолимаго разума вамъ нечего обличать, потому что ваше умственное убожество одинаково съ тѣми, кого вы обличаете; во имя правды не вамъ возмущаться, потому что для такихъ цѣлей есть другіе люди — не такой сырмятной выдѣлки, какъ вы. Въ оное время пламенѣлъ высокими гражданскими гнѣвомъ и г. Щербина, но теперь онъ проніяся кроткими унтеръ-офицерскими чувствами и оставилъ свою сатиру для канцелярскихъ отношеній. И хорошо сдѣлалъ. Хорошо сдѣлаютъ и другіе наши обличители, если, по недостатку развитія и общаго взгляда на всю нашу жизнь, оставятъ свои невѣрные занятія и займутся чѣмъ нибудь дѣльнымъ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что вселій ремесленный цехъ гораздо полезнѣе обличительной службы, на которой состоятъ столько бездарностей, обратившихъ сатиру во что-то похожее на полицейскія обязанности. Ну кто въ наше время не обличитель? Кто подсматрѣлъ, какъ исправникъ стащилъ взятку, тотъ уже обличаетъ; кто узналъ отъ своей бабушки, какъ его дѣдушка самоурествовалъ въ

своей семьѣ, тотъ непремѣнно обличаетъ. Все это, конечно, спастись и осмѣяния и общественной огласки, но развѣ таковы факты мы должны возмущаться? Развѣ та отдѣльные дѣла никакъ можно останавливаться, когда они сами по себѣ ничего не значатъ, когда для пониманія ихъ прежде всего нужно обратиться къ тому источнику, изъ котораго они происходятъ? Но чтобы открывать въ частныхъ случаяхъ общій законъ и во вѣщномъ фактѣ видѣть внутренній смыслъ, для этого нужна сильная мысль, а ея-то и недостаетъ вамъ, мои невѣрные обличители. Я вовсе не хоту отвергать относительной пользы важнаго разрыванія разныхъ навозныхъ кучъ, но я не понимаю, для чего вы это дѣлаете и положительно сомнѣваюсь, чтобы вы это дѣлали искренно. Вы посмотрите, сколько въ вашихъ рядахъ въ послѣднее время убыло, сколько произошло превращеній, подобныхъ тому, какое показалъ на себѣ г. Ил. Арсеньевъ, опредѣлившійся также на службу обличенія. Гдѣ эти милые старички, которые тоже ухмылялись надъ общественнымъ зломъ и угрожали обличеніемъ, а теперь готовы на стѣну лѣзть въ защиту общаго благоденствія? Гдѣ эти юноши, которые, спрятавъ на время въ карманъ свои палевыя перчатки и растрепавъ передъ зеркаломъ напозаженные волосы, заговорили о трудѣ, о необходимости реформъ, объ искорененіи разныхъ неправдъ, гдѣ они теперь — наша надежда и утѣшеніе? Въ тѣхъ же танцкласссахъ, изъ которыхъ вышли обличать общественное зло. Слѣдовательно маскарадъ кончился, ну и маски долой!

Поэтому, чтобы не ошибаться на будущее время и не принимать волковъ за овецъ въ чужой шкурѣ, намъ надо одинъ разъ и навсегда условиться въ апаченіи общественной сатиры, какъ величайшаго дѣятеля въ умственномъ развитіи каждаго народа. Прежде всего замѣтимъ, что сатирикъ и зубоскалъ — два индивидуума совершенно различные по своей натурѣ; первый по преимуществу человекъ мыслящій, а второй не болѣе, какъ забавный шутъ, изъ числа тѣхъ гороховыхъ шутовъ, которые потѣшаютъ большихъ баръ послѣ обѣда; смѣхъ сатирика есть сильное нервное раздраженіе, вытекающее изъ глубокаго чувства презрѣнія къ торжествующему злу, смѣхъ, соединенный съ невидимыми, но горячими слезами благороднѣйшаго существа; въ этомъ смѣхѣ нѣтъ ничего похожаго на то холопское кривлянье, за которое дарится шуба съ барскихъ плечъ или отнуждается нѣсколько пощечинъ въ знакъ особеннаго благоволенія; у сатирика есть свои убѣжденія, которымъ онъ остается вѣренъ во

всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности; это руководящая идея не оставляетъ его ни въ минуты сильнаго раздраженія, ни въ минуты лирическаго восторга. Мы хорошо чувствуемъ, надъ чѣмъ и за чѣмъ смѣется такой сатирикъ, какъ Бёрне или его другъ Гейне... Намъ обличителямъ не мѣшаетъ это замѣтить; въ противномъ случаѣ пусть они не прогнѣваются, если мы будемъ различать разъ такихъ господъ, какъ Воскобойниковъ, только по ушамъ. Наконецъ общественная сатира должна уважать себя настолько, чтобы не начинать одними мелкими явленіями, которыя болѣе жалки, чѣмъ смѣшны. Если границы ея независимости такъ тѣсны, что она принуждена хлопать по однимъ мошкѣмъ и букашкамъ, то ей лучше молчать, чѣмъ предаваться бесплодному упражненію; въ некоторыхъ случаяхъ умѣнне молчать есть великое достоинство чело-вѣческаго слова. Нельзя сказать, чтобы русская литература могла похвалиться этимъ достоинствомъ, начиная съ Кантемира и до Щедрина. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ сатира ея издѣвается надъ исправниками и городничими, надъ купцами 3 гильдіи и надъ мѣщанами, пролезающими въ купцы; громы и молніи ея постоянно раздаются надъ пороками чиновниковъ, которымъ нечего ѣсть, и надъ разными мелкотравчатыми плутами, которые такъ же относятся къ сатиры, какъ вонючій биштекъ къ лирическому пѣнопѣнію. Только въ «Горѣ отъ Ума» Грибоѣдовъ рѣшился поднять нѣсколькими рангами выше и вывелъ на сцену превосходительнаго героя статскихъ степеней, но когда удавалась нашей сатиры такая дерзость, то она переходила въ скромный юморъ и изливалась въ декламацияхъ Чацкихъ. Юморъ былъ сухъ и безжизненъ, а декламация отпачались только краснорѣчивой трескотней, и сквозь лавры такихъ талантливыхъ писателей, какъ Пушкинъ и Гоголь, не рѣдко проглядывали длинныя уши Воскобойниковыхъ. Поэтому сатира наша у самыхъ замѣчательныхъ представителей ея впадала или въ правоучительный тонъ автора «Переписки съ друзьями» или въ самую безвыходную односторонность. Что же касается до посредственныхъ писателей, собирающихъ крошки со стола богатыхъ дарованій, то они превращали сатиру въ то будничное рукодѣлье, отъ котораго надоѣдало и публикѣ и имъ самимъ. вмѣсто ѣдкой и тонкой пасмѣшки слышалось глухое хрипѣнье; вмѣсто мысли и пониманія жизни какъ въ лучшихъ, такъ и въ худшихъ явленіяхъ ея, представлялись отдѣльные уродливые образы, ничѣмъ не связанные съ общимъ хо-

догъ обществѣннаго самодурства. Все это пріучило публику смѣяться на сатиру, какъ на болѣе или менѣе вѣселящій скандалъ, и не требовать отъ нея ничего болѣе серьезнаго, кромя пріятности укмыльнуться собѣ въ кулакъ. Съ другой стороны, сатирикъ, видя, что удовлетворить подобную публику очень легко, съ самыми навѣсными насмѣжданіемъ занимался пустаніемъ мыльныхъ пузырей и называлъ это «безпощаднымъ отрицаніемъ, обличеніемъ» и т. п.: Слѣдетвіемъ всего этого явилась та неравнательная безтактность, которая въ послѣднемъ романѣ г. Писемскаго достигла гималайскихъ вершинъ. Слово *обличу* сдѣлалось канцелярской формулой и подъ суровой одеждой сатиры могла явиться на сценѣ литературной дѣятельности самая щедрая бездарность. Когда свистъ Добролюбова получилъ право гражданства среди общаго мычанья на нихъ эстетиковъ и эстетиковъ, многіе, увлекаясь успѣхомъ этого свиста, принялись также насвистывать, — даже тѣ, кого Богъ обдѣлялъ способностью мычать. Сатирическіе журналы, составившіе концертъ не въ приѣздъ лучше Крыловскаго квартета, начали снова перебирать исправниковъ и городничихъ, и украсили свои страницы такими сатирическими талантами, которыми сталъ руководить даже г. Розенгеймъ. Зашевелались разныя личныя страстишки, кренчечныя самолюбія, мелкая раздражительность, и предметомъ обличенія готовъ былъ сдѣлаться всякій Губошлеповъ, непринявшій сунутому обличителю въ артистка театра. Ничего нѣтъ удивительнаго, что среди этой малабарской пляски появились даже такіе сатирики, которымъ позавидовалъ бы самъ Менцель, помогавшій берлинской полиціи обличать тайны человѣческой души и залазить въ ея совѣсть.

Сатирическіе очерки и рассказы г. Горскаго принадлежать къ разряду обличительныхъ сочиненій; сатиры, въ собственномъ значеніи этого слова, въ нихъ очень мало или почти вовсе нѣтъ. Это отдѣльные эпизоды и типы, взятые изъ дѣйствительной жизни, попавшіеся подъ наблюденіе автора, съ тѣми особенностями, которыя привелось ему испытать на самомъ себѣ. Недостатокъ развитія и твердо сложившихся убѣжденій лишаетъ возможности г. Горскаго смотрѣть на окружающій его міръ тѣмъ полнымъ и яснымъ взглядомъ, который, какъ мы замѣтили выше, необходимъ современному сатирику. Взглядъ г. Горскаго такъ узокъ, наблюденія его были такъ односторонни, пониманіе жизни такъ ограничено, что отъ рассказовъ его нельзя требовать не только оригинальности, но даже разнообразія въ нео-

бранились иль ласкал и общественнось показавъ иль. Всё герои его походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, различаясь только по возрасту, по степени чиновъ и по мѣсту жительства иль. Всё они или *благонравнободлы* чиновники, наблюдающіе себя какъ-то тѣмъ тѣмъ несоромъ, что какъ на сценѣ иль можно за-вѣтять имъ одной соринки, такъ въ востуривше иль повозомно отнесена имъ одной явной гадости; или это бѣдняки, вострававшие нуждой и лишніими до такого массинного горѣнія, что, вконецъ, иль въ природѣ страдальца, которому бы они ни поворались. Когда человекъ страдаетъ и со-знаетъ свое страданіе, имъ сочувствуешь ему, но герои г. Горского просто жалки, потому что тупая выносливость иль возбуждасть въ читателѣ невольную антипатию къ этой ослиной добродѣтели. Героины его также одного вида ягеды — или ханки и вѣртки, какъ нельзя удобнѣе соглашавшія свое ханжество съ самыми светскими наклонностями. Всё эти характеры дѣйствительно вѣрно сфотографированы съ натуры, но они относятся къ жизни такъ же, какъ сюжетъ анатомическаго театра къ тѣмъ жамымъ субъектамъ, которыя они нѣкогда принадлежали. Чтобы представить типическія свойства своего героя или героини, г. Горскій беретъ нѣсколько вѣданныхъ признаковъ, и по нимъ составляетъ свою невольную работу. Работа выходитъ крошечная, мозолистая, но, не одушевленная талантомъ и впрямую взглядомъ на жизнь, она утѣмляетъ своимъ однообразиемъ. Иногда не знаешь, что думать, — не попалъ ли какъ-нибудь случайно, но ошибкѣ типографа, конецъ повѣсти иль начало или начало не переставлено-ли въ конецъ. Такъ въ *Бездольномъ* рассказывается, какъ одинъ бѣднякъ учитель иль студентъ, вѣданный городовымъ съ тротуара въ полумертвомъ видѣ и отвезенный въ больницу, утѣралъ въ ней одиноко, на рукахъ грубаго фальдшера, желавшаго какъ можно несоромѣ отъязаться отъ лишняго большого. Хотя авторъ и не говоритъ прямо, что *Бездольный* былъ раздавленъ на дорогѣ лошадины, но можно догадываться, что «онъ лежалъ среди тротуара блѣдный, какъ ираноръ, съ закрытыми, ввалившимися глазами, съ текущей горломъ кровью по манишнѣ, по сюртуку, по всему» именно потому, что попался неждъ колесо или подъ дышло какого-нибудь экипажа; это обстоятельство и послужило причиной смерти Сергѣя Бездольнаго. Покончивъ съ нимъ, авторъ сочелъ нужнымъ сообщить намъ біографію своего героя; иль этой біографіи, прилетенной здѣсь ни къ селу, ни къ го-

роду, оказывается, что и отец Бездельного так же уверен об этом, что был раздавлен на Новомъ просветѣ, какъ и его сынъ. Вся разница между отцомъ и сыномъ, какъ объясняетъ намъ авторъ, заключается единственно въ томъ, что первый былъ бѣднякъ - чиновникъ, а второй бѣднякъ - учитель. Забывъ эти двѣ личности до того следны, что можно замѣнить одно другимъ, т. е. переставить начало повѣсти въ конецъ или обратно, и повѣсть нисколько не проигрываетъ въ своей цѣльности. Не думаемъ, чтобы у в. Горскаго не достало на столько изобрѣтательности, на сколько ей нужно для возбужденія подобнаго однообразія; это объясняется скорѣе самимъ процессомъ авторской работы. Чтобы расклянуть свой разговоръ на нѣсколько лѣпшихъ начальныхъ страничь, онъ придумалъ къ своему разсказу довольно длинный эпизодъ, но, позабывъ о томъ, тѣмъ занимался прежде, придумалъ его по старому образцу. Иногда г. Горскій совершенно забываетъ, какъ его герой называется въ началѣ очерка, и подъ конецъ даетъ ему другое имя. Все это случается и не съ такими обличителями, какъ г. Горскій; за обличеніе редажнн платять, следовательно почему же и не обличить раза два или три одинъ и тотъ же случай, почему не замѣнить пустоты содержанія своей статьи какоюнибудь повтoreннѣею. Тоже в. Горскій ужъ слишкомъ безцеремонно обращается съ своей мнѣтью; если онъ разъ сравнилъ сѣрый мѣтъ съ солдатскимъ наброушникомъ, то непремѣнно то же самое сравненіе употребить онъ во второй и въ третьей разъ.

Мы не понимаемъ, почему г. Генкель, редакторъ Очерковъ и Разсказовъ г. Горскаго, называлъ ихъ *сатирическими* и съ какою стати онъ украсилъ заглавный листъ краснымъ полемъ и какою-то угрюмымъ чертомъ, осѣдлавшимъ своего товарища. Ну какое можетъ быть сходство между этимъ чертомъ, вооруженнымъ длиннымъ перомъ, и скромнымъ, вѣстичивымъ и бѣднымъ г. Горскимъ? Такая неаппная ассокація могла только болѣзненно подействовать на воображеніе автора, который и безъ того боялся своихъ произведеній; теперь онъ, несчастный, вообразилъ себя антихристомъ, и въ этомъ отчасти виноватъ г. Генкель... Далѣе мы находимъ слово *Сатирической* совершенно неуѣстнымъ ярлыкомъ для сочиненій г. Горскаго. Назовите ихъ какъ угодно, но только не сатирой. Въ нихъ мѣтъ ни ѣднаго смѣха, ни глубокаго негодованія, ни даже забавныхъ паритатуръ; авторъ смот-

рять на жизнь вовсе не съ сатирической точки зрѣнія, не съ тѣмъ, спокойнымъ и объективнымъ юморомъ, который отличаетъ сатирика. Онъ описываетъ разныхъ бѣдняковъ и мошенниковъ преимущественно съ нравственной стороны, и рассказы его должны быть названы правоописательными очерками или тѣмъ нибудь въ родѣ этого. Да не подумаетъ читатель, что мы придираемся къ слову; нѣтъ, по самому смыслу рассказы г. Горскаго не могутъ относиться къ области сатиры. Г. Горскій любитъ моральные выводы, правоученія, а талашливый сатирикъ этого не терпитъ. Онъ рисуетъ намъ житейское безобразіе такъ, какъ оно дѣйствительно существуетъ, и за тѣмъ предоставляетъ каждому выводить какія угодно заключенія; ему нѣтъ никакого дѣла до того, какимъ правоучительнымъ результатомъ разрѣшится изображаемый имъ типъ, лишь бы этотъ типъ не отступалъ отъ жизненной правды. Правоученія надо оставить баснѣ, и то потому, что басни пишутся для большихъ дѣтей, которымъ необходимо предлагать духовную пищу въ разжеванномъ видѣ; иначе они не примутъ ее и выплюнутъ. Что же касается самой морали г. Горскаго, то она повторяется въ неприкосновенномъ своемъ достоинствѣ со временъ царя Соломона. Возьмемъ нѣсколько образчиковъ. «Какое горькое, безотрадное положеніе бѣднаго человѣка! Его терзаютъ не богачи, которые не имѣютъ понятія объ истинной бѣдности, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ». Это разсужденіе вставлено авторомъ по поводу двухъ мозглявыхъ старушенюкъ, которые не дали поѣсть шей «голодному человѣку», и по поводу жестокосердыхъ поденщиковъ изъ солдатъ, чуть не прогнавшихъ того же «голоднаго человѣка» съ биржи за неумѣнье его справиться съ своей работой. Нельзя ничего сказать противъ справедливости факта, но идея въ основаніи совершенно ложная. Бѣднякъ ѣсть другого бѣдняка не потому, что ему нравится это блюдо, а потому, что ему удобнѣе и ближе пожирать того, кто стоитъ поперекъ его дороги, хотя причина этого взаимнаго пожиранія вовсе не зависитъ отъ бѣдняка. А вотъ примѣръ негодованія г. Горскаго: «Какъ! Человѣку, довольно образованному, не запятнавшему себя рѣшительно ничѣмъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ трудиться, не повѣрить двухъ съ половиною копѣекъ!» Дѣйствительно, ужасно; но одинъ жирный банкиръ, котораго остановилъ нищій и началъ упрекать за то, что онъ прошелъ мимо и не бросилъ ему гроша, отвѣчалъ очень не глупо: потому-то я и не даю тебѣ гроша, что ты попросишь завтра два, потомъ три, а въ мось

бюджетъ такихъ расходовъ не помышляется.» Ужъ если довольно образумный человекъ, съ самыми искренними желаніями трудиться, поставленъ въ такія обстоятельства, чтобы заммать двѣ кофиды съ половиной, то я не знаю, кому должно быть особенно гадко — тому ли, кто даетъ, или тому, кто беретъ. Во всякомъ случаѣ, гнѣваться на это не за что. Иногда у г. Горскаго прорываются чисто-человѣчскія сужденія, которыя подъ стать самому г. И. Аксакову: «Мы еще не умѣемъ, говорить г. Горскій, цѣнить свѣтлаго проницательнаго ума русскаго народа; насъ еще ослѣпляютъ болтливые, какъ сороки, французы и высокопарные скудоумные нѣмцы.» А все-таки, г. Горскій, со всей нашей проницательностію не мѣшаетъ намъ еще многому поучиться у скудоумныхъ нѣмцевъ. Такова ужъ наша проницательность! Но ничто такъ скверно не дѣйствуетъ на здоровую мысль человека, какъ эта истертая въ пыль мораль, соединенная съ какимъ-то уничиженіемъ, доходящимъ до такой заботности, что человекъ совершенно искренно считаетъ себя хуже всякой старой подошвы. Такъ, опи сывая рабочихъ, идущихъ на свой подневный трудъ, г. Горскій прерываетъ свой рассказъ и заставляетъ «голоднаго человека» размышлять» слѣдующимъ образомъ: «Вотъ кто настоящіе-то полезные члены общества, вотъ тѣ, безъ которыхъ не обходится ни одно государство, ни одно общество... Тутъ я задумался на эту тему и до того ужъ замечтался, что самому стало совѣстно.»

— Фу! какія *высокопарныя, залетистыя* мечты въ головѣ ободраннаго, отрепаннаго, голоднаго чиновничкиши, бредущаго въ рубищѣ на биржу работать, чтобъ не умереть съ голода.» — Странно, почему-бы думать, что голодный человекъ не имѣетъ права и мечтать; напротивъ, голодные-то и мечтаютъ, и притомъ мечтаютъ гораздо умнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ герой г. Горскаго.

Останавливаясь дальше на рассказахъ г. Горскаго нѣтъ надобности. Кто знаетъ изъ нихъ одинъ, тотъ знаетъ всѣ остальные: такъ они однообразны и сухи. Какъ обличительная статистика, какъ сырой матеріалъ для изученія нашего общества, они не бесполезны и многими прочтутся охотно. По искренности своихъ чувствъ и по наивности своихъ мыслей мы даже ставимъ г. Горскаго гораздо выше тѣхъ обличителей, которые желаютъ рисоваться своей бездарностію и продаютъ ее съ торговъ. Г. Горскому мы не можемъ отказать ни въ честности, ни въ желаніи быть по своему полезнымъ, а эту черту нельзя назвать слишкомъ обыкновенной въ настоящее время. Ес-

ли-бъ отъ насъ зависѣло посоветовать г. Герскому не братья во-
все за перо, когда онъ вступалъ въ рядъ нашихъ обличителей, то
мы постарались-бы отклонить его отъ литературной дѣятельности; но
теперь намъ остается только пожалѣть о томъ, что известная доля
его ума не могла найти себѣ лучшаго пригнѣнія, чѣмъ «Сатири-
ческіе рассказы». Потратить онъ ее смелъ и добросовѣстно, но со-
вершенно безплодно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ числѣ библиографическихъ новостей появленіе книги Чарльса Дарвина: *О происхожденіи видовъ*—въ русскомъ переводѣ составляетъ такой отрадный фактъ, что другого подобнаго наша литература долго не дожидется. Сочиненію Дарвина суждено составить эпоху въ наукѣ и, разрушивъ ветхія основы естествознанія, открыть ему безмолочный горизонтъ впереди. И мы не знаемъ, чему болѣе удивляться, необыкновенной эрудиціи великаго ученаго, обладающаго миллионами фактовъ, или гениальности этого пытливаго ума, съ такимъ спокойствіемъ и такъ скромно совершающаго громадный переворотъ въ области положительнаго знанія. Послѣ теоріи Дарвина дѣлается возможнымъ множество новыхъ открытій, которыя доселѣ были выѣ предметомъ науки и человѣческихъ силъ. Въ сомнѣнію, и этотъ знаменитый трудъ не спасся отъ злокознаго русскаго переводчика, которымъ начичкана наша недотельская дѣятельность; г. Рачинскій перевелъ Дарвина тяжело и не ясно, увѣжчался несчастной заманной изобрѣтать новыя слова, какъ напр. *сидало* или *комрокъ*, такъ что самого г. Рачинскаго иногда приходится переводить на понятный русскій языкъ.

Но протѣдая судить о книгѣ Дарвина въ качествѣ спеціалиста, мы однакожь попробуемъ въ слѣдующихъ выпискахъ «Русскаго Слова» изложить сущность этой новой теоріи и указать на приложеніе ея,

уже сдѣланное лондонскимъ профессоромъ Гѣксли въ его прекрасныхъ лекціяхъ: *О положеніи человека въ ряду органическихъ существъ*. На этотъ же разъ я ограничусь только нѣкоторыми общими замѣчаніями, не бесполезными для пониманія Дарвина.

Настоящій трудъ его составляетъ, такъ сказать, преддверіе того великолѣпнаго зданія, въ которое авторъ обѣщаетъ ввести насъ со временемъ. Это не болѣе, какъ краткое извлеченіе изъ огромнаго труда, надъ которымъ Дарвинъ неутомимо работаетъ болѣе двадцати шести лѣтъ. «Во время моего кругосвѣтнаго путешествія, говоритъ онъ въ своемъ введеніи, въ качествѣ натуралиста на кораблѣ *Билль*, я былъ сильно пораженъ нѣкоторыми особенностями въ распредѣленіи животныхъ и растеній по Южной Америкѣ и въ геологической связи угасшихъ оловъ и фаунъ этого материка съ оловрами и фаунами настоящими. Эти особенности, какъ казалось мнѣ, проливали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ — эту тайну изъ тайгъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ величайшихъ философовъ. По возвращеніи на родину въ 1837 году, мнѣ пришло на мысль, что можно было бы подвинуть разрѣшеніе этого вопроса, тщательно собирая и обдумывая всякаго рода факты, могущіе имѣть къ нему отношеніе..... Мой трудъ теперь почти оконченъ; но такъ какъ мнѣ еще нужно будетъ года два-три для того, чтобы довести его до конца, а здоровье мое далеко не надежно, то я согласился издать это извлеченіе». (стр. 1) По такому извлеченію можно судить, чѣмъ должно быть полное сочиненіе Дарвина.

Точность наблюденій и неутомимая провѣрка опытовъ составляютъ высшія достоинства натуралиста. Въ этомъ отношеніи мы не знаемъ другого ученаго, который бы занимался изслѣдованіемъ своего предмета съ такою любовью и съ такимъ вниманіемъ, какъ Дарвинъ. Вотъ намъ, напримеръ, для изученія мушкетеровъ и видоизмѣненій ихъ онъ собираетъ необходимыя ему факты, наблюдая за жизнью и привычками муравьевъ. Я не отказываю себѣ въ удовольствіи вывесить все это изъ книги Дарвина:

Рабовадьяльническій институтъ. — Этотъ замѣчательный институтъ впервые былъ открытъ у *Formica (Polygres rufescen)* Петромъ Губеромъ, наблюдателемъ болѣе даже искуснымъ, чѣмъ его знаменитый отецъ. Этотъ муравей только и живетъ трудами своихъ рабовъ; безъ ихъ помощи, вѣдь, конечно, вымеръ бы въ теченіе одного года. Санды и плодовые сянки не работаютъ. Работники или безплодныя

самки, хотя и очень энергитеския и храбрыя на закатынныя рабовъ, ничего другаго не дѣлаютъ. Онѣ неспособны строить себѣ муравейники, неспособны вскормить собственныхъ личинокъ. Когда старый муравейникъ оказывается неудобнымъ и имъ приходится переселяться, переселеніемъ распоряжаются рабы, перенося своихъ господъ въ члнностяхъ. Эти господа до того непроны, что когда Губеръ заиралъ ихъ штукъ тридцать, не присоединивъ къ нимъ ни одного раба, съ обиліемъ самой пригодной имъ помощи и съ ихъ личинками и куколками, чтобы поощрить ихъ къ работѣ, они не дѣлали ровно ничего; они даже не умѣли питаться сами, и многіе изъ нихъ умерли съ голоду. Губеръ затѣмъ допускалъ къ нимъ одного раба (*Fogmisa fusca*), и онъ тотчасъ принимался за дѣло, кормить личинокъ и выжившихъ муравьевъ, строилъ нѣсколько ячеекъ, начался съ личинками, и присоединялъ все въ порядокъ. Что можетъ быть страннѣе этихъ вполне достовѣрныхъ фактовъ? Еслибы намъ не были известны и другіе муравьи-работадѣльцы, всамія попытки объяснить себѣ такой странный инстинктъ были бы безъ надежды.

II. Губеръ открылъ, что и другой видъ муравья (*F. sanguinea*) закатываетъ рабовъ. Этотъ видъ встрѣчается на югѣ Англіи, и мистеръ Ф. Смитъ, членъ Британскаго Музея, производилъ наблюденія надъ его правами и одошнлъ меня многими сообщеніями объ этомъ и о другихъ предметахъ. Хотя я вполне довѣрилъ показаніямъ Губера и мистера Смита, но постарался отнестись къ этому предмету скептически: сомнѣваться въ существованіи такого страннаго и ненавистнаго инстинкта, конечно, извинительно. Поэтому я сообщу нѣсколько подробно наблюденія, произведенныя мною самимъ. Я вскрылъ четырнадцать гнѣздъ кроваваго муравья (*F. sanguinea*) и въ каждомъ изъ нихъ нашелъ нѣсколько рабовъ. Самцы и плодовые самки того вида, къ которому относятся рабы, встрѣчаются только въ собственныхъ муравейникахъ и никогда не были найдены въ кучкахъ кроваваго муравья. Рабы черны и на половину меньше своихъ красныхъ господъ, такъ что рѣзко отличаются отъ нихъ по паружному виду. Когда муравейникъ слегка тревожатъ, рабы иногда выбѣгаютъ и, подобно господамъ, суетятся, защищая муравейникъ. Когда муравейникъ вырываютъ и обнаруживаются личинки и куколки, рабы энергически содѣйствуютъ своимъ господамъ въ перенесеніи ихъ дѣтенышей въ безопасное мѣсто. Изъ этого очевидно, что рабы къ чужимъ муравейникамъ чувствуютъ себя дома. Три года сряду,

въ теченіи іюня и іюля, и цѣлыми часами сидѣлъ надъ разными муравейниками въ Соррѣ и въ Сосенѣ, и ни разу не видалъ; чтобы раба входилъ въ муравейникъ или выходилъ изъ него. Тамъ какъ въ теченіи этихъ мѣсяцевъ рабы очень многочисленны, и подумалъ, что они, быть можетъ, ведутъ себя такъ, когда они многочисленнѣе; но мастеръ Смитъ сообщаетъ мнѣ, что онъ стерегъ муравейники въ разные часы въ теченіи мая, іюня и августа, какъ въ Соррѣ, такъ и въ Гампшейрѣ, и никогда не видалъ, чтобы рабы, очень многочисленныя въ августѣ, оставляли гнѣздо или входили въ него. Поэтому онъ считаетъ ихъ рабами исключительно домашними. Господа съ другой стороны, постоянно притаскиваютъ матеріалъ для муравейника и всякаго рода пищу. Въ нынѣшнемъ году, однакоже, въ іюлѣ мѣсяцѣ, я понабалъ на общину, обладающую значительнымъ количествомъ рабовъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые рабы присоединялись къ господамъ, выходящимъ изъ муравейника, и вѣсть съ ними направлялись къ высокой соснѣ, стоявшей на разстояніи двадцати пяти ярдовъ, вѣроятно, за тлями или червецами. По свидѣтельству Губера, имѣвшего возможность производить множество наблюдений, рабы въ Швейцаріи обыкновенно работаютъ вѣсть съ господами надъ постройкою муравейника, и они одни открываютъ и закрываютъ его входы утромъ и вечеромъ, и, какъ утверждаетъ Губеръ, главное охъ занятіе состоитъ въ отыскиваніи тлей. Это различіе между правами господъ и рабовъ въ обѣихъ странахъ, вѣроятно, зависитъ лишь отъ того, что въ Швейцаріи захватывается болѣе рабствъ, чѣмъ въ Англіи.

Однажды я имѣлъ счастье присутствовать при переселеніи кровавыхъ муравьевъ изъ одного муравейника въ другой, и было очень интересно видѣть, какъ господа переносили своихъ рабовъ въ челюстяхъ, вѣсто того, чтобы заставлятъ ихъ переносить себя, какъ дѣлаетъ *F. fulvipes*. Въ другой разъ мое вниманіе было привлечено дюжиною рабовладѣльцевъ, суетящихся на одной точкѣ и, очевидно, не отыскивавшихъ нищу; они скоро напали на независимый муравейникъ того вида, который они захватываютъ въ рабство (*F. fusca*), и были энергически отражены, причемъ случалось, что въ ноги рабовладѣльцевъ вцѣплялось до трехъ изъ ихъ мелкихъ враговъ. Кровавые муравьи, съ своей стороны, безжалостно убивали своихъ болѣе слабыхъ противниковъ и уносили ихъ шертвыя тѣла на съѣденіе въ свой муравейникъ, на разстояніе двадцати девяти ярдовъ;

но мнѣ не удалось захватить ни одной куколки, которую они могли-бы воспитать въ рабствѣ. Я тогда вынулъ нѣсколько куколокъ *F. fusca* изъ другаго гнѣзда и положилъ ихъ на обнаженную землю близъ поля битвы; ихъ тотчасъ съ жадностью захватили и утащили рабовладельцы; быть можетъ, мнѣ представилось, что они все-таки одержали побѣду въ своей недавней битвѣ.

Въ то-же время, я положилъ на то-же мѣсто кучу куколокъ другаго вида (*F. flava*) съ частицами муравейника, на которыхъ еще сидѣли нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ желтыхъ муравьевъ. Этотъ видъ иногда, хотя очень рѣдко, обращается въ рабство, по свидѣтельству мистера Смита. Эти муравьи, хотя очень мелкіе, чрезвычайно храбры. и мнѣ случилось видѣть, какъ свирѣпо они нападаютъ на другихъ муравьевъ. Однажды я, къ удивленію своему, нашелъ подъ камнемъ независимое общество желтыхъ муравьевъ (*F. flava*) рядомъ съ гнѣздомъ рабовладельческой *F. sanguinea*, и когда я случайно встревожилъ оба гнѣзда, мелкіе муравьи съ шумительною храбростію напали на своихъ крупныхъ сосѣдей. Въ настоящую минуту мнѣ хотѣлось знать, сумѣютъ-ли кровавые муравьи отличить куколки вида *F. fusca*, обыкновенно обращаемого ими въ рабство, отъ куколокъ мелкой и свирѣпой *F. flava*, которую они рѣдко захватываютъ въ плѣвъ, я они, очевидно, умѣли отличать ихъ, ибо мы видѣли, что они тотчасъ и съ жадностью захватили куколки бурога муравья (*F. fusca*); но какъ только они натыкались на куколки желтаго муравья или на землю изъ его гнѣзда, они, повидному, сильно пугались и быстро убѣгали; но черезъ четверть часа послѣ того, какъ уползли всѣ мелкіе желтые муравьи, рабовладельцы ободрились и утащили ихъ куколки.

Однажды вечеромъ я посетилъ другое гнѣздо кровавыхъ муравьевъ, и видѣлъ, какъ многие изъ нихъ входили въ свой муравейникъ, тогда труднаго бурога муравья (свидѣтельно, то не было переселеніе) и множество куколокъ. Я прослѣдилъ путь возвращающейся вереницы на протяжении около сорока ярдовъ, до густой кучи вереска, изъ которой выходилъ послѣдній кровавый муравей, несущій куколку. Но мнѣ не удалось отыскать въ густомъ верескѣ разореннаго гнѣзда. Это гнѣздо, однакожъ, должно было находиться не близости, ибо два или три бурныхъ муравья бѣгали по вереску въ величайшемъ беспорядкѣ и одинъ изъ нихъ, съ куколкомъ въ челюстяхъ, сидѣлъ на

самою кончатъ верескового стебелька, осырпась на свое разверженное жилище—живой образец отчаянія.

Таковы факты, впрочемъ не нуждавшіеся въ подтвержденіи съ моей стороны, относящіеся къ дивному инстинкту муравьевъ-работадѣльцевъ. Слѣдуетъ замѣтить контрастъ между инстинктивными поведеніями кроваваго муравья и континентальнаго *F. rufescens*. Последний не строитъ собственнаго муравейника, не распоряжается собственными переселеніями, не собираетъ пищи для себя и для своихъ дѣтенышей, даже не можетъ питаться самъ: онъ вполне зависитъ отъ своихъ многочисленныхъ рабовъ. Какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Англіи, рабы, повидному, исключительно ухаживаютъ за личинками, и господа ходятъ одни на поимку рабовъ. Въ Швейцаріи рабы и господа работаютъ вместе, приготовляя и притаскивая матеріалъ для муравейника: и тѣ, и другіе, но преимущественно рабы, копятъ и, такъ сказать, делятъ тѣл; слѣдовательно, и тѣ и другіе собираютъ пищу для общины. Въ Англіи выходятъ изъ муравейника для собиранія строительныхъ матеріаловъ и пищи для всей общины обыкновенно одни господа. Такимъ образомъ, англійскіе муравья-работадѣльцы гораздо менѣе пользуются услугами своихъ рабовъ, чѣмъ швейцарскіе.

Какимъ путемъ возникъ инстинктъ кроваваго муравья, я не берусь предполагать. Но такъ-какъ муравьи, даже не держащіе рабовъ, подбираютъ какъ я часто видалъ, куколки другихъ видовъ, если рассыпать ихъ около ихъ гнѣзда, то очень возможно, чтобы куколки, припасенныя первоначально на пищу, развились, а муравьи, воспитанные такимъ образомъ случайно, должны были, слѣдуя собственному инстинкту, работать по мѣрѣ своихъ силъ. Если ихъ присутствіе въ муравейникѣ оказывалось полезнымъ виду, захватившему ихъ — салубнъ этому виду было выгодноѣ брать въ пасть работнивовъ, чѣмъ марождать ихъ — то привычка собирать куколокъ на съѣденіе могла быть усилена естественнымъ подборомъ, приобрести постоянно и приспособиться къ совершенно иной цѣли — къ воспитанію рабовъ. Если этотъ инстинктъ былъ развѣ приобретень, и даже въ мѣрѣ горазде меньшей, чѣмъ у англійской *F. sanguinea*, менѣе малозначащейся, какъ мы видѣли, трудомъ своихъ рабовъ, чѣмъ тотъ же видъ въ Швейцаріи, я не вижу несправедности въ томъ, чтобы естественный подборъ усиливалъ и видоизмѣнялъ этотъ инстинктъ — предполагая, конечно, что всякое видоизмѣненіе было полезно виду—

пова не сложился муравей, столь постыдно зависящій отъ своихъ рабовъ, какъ *Formica rufescens*.

Но одному этому отрывку можно судить, какія, повидимому, мелкія дѣзенія возбуждаютъ любопытство и привлекаютъ самое тщательное вниманіе великаго натуралиста; но только такимъ путемъ, современная наука и можетъ доходить до такихъ важныхъ открытій, и, плодотворныхъ результатовъ, какіе вытекаютъ изъ теоріи Дарвина, и о которыхъ какъ я уже замѣтилъ, поговорю впоследствии.

Лѣтъ шесть тому назадъ Добролюбовъ, говоря о стихотвореніяхъ г. Плещеева, сказалъ, что характеръ большей части изъ нихъ — тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью, печаль о не сбывшихся надеждахъ. Онъ сравнивалъ пѣсни поэта, явившіяся за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, съ его позднѣйши мипроизведеніями и выводилъ изъ этого сравненія заключеніе, что и г. Плещеевъ подвергся общей участи русскихъ поэтовъ, — раннему разочарованію, являющемуся вслѣдствіе за несбыточными мечтами. Онъ приводилъ въ примѣръ нѣсколько стихотвореній его, гдѣ это повидимому выражено :

О, если бъ знали вы, друзья моеи весны,
Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
Какой мучительной тоской отравленъ—
Проходить дни мои въ сомнѣніяхъ бесплодныхъ!
Былое предо мной, какъ призванъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ, зарылъ, какъ рабъ лѣтний....
Душъ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умъ мое;
На что же тратилъ я священникъ сердца жаръ?
Упорно къ цели шелъ во имя убъжденья?

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
Я пренебрегъ труда спасительной дорогой;
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О больно, больно мнѣ... Скорбитъ душа моя,
Казнить меня палачъ неушоланный — совѣсть,
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ снада, безплодной жизни повесть.

Еслибъ за такимъ сознаниемъ не послѣдовало ничего, кромѣ дальнѣйшихъ слезъ на эту тему, мы имѣли бы право заключить, что и прежніе идеалы, и мечты, и эта скорбь — суть идеалы и скорби эстетическія, которыя поэтъ напускаетъ на себя, настраивая музу. Мы бы могли подумать это, потому что если это сознание искренно, а не искусственно, то оно не можетъ быть продолжительно: за нимъ непремѣнно должно послѣдовать или полное отрѣченіе отъ жизни, совершенное отчаяніе, или напротивъ того—новый наплывъ свѣжихъ силъ, новое полное обращеніе къ жизни со всеми ея радостями и невзгодами.

Первое стихотвореніе, которымъ начинается изданная теперь книжка стиховъ г. Плещеева, уже свидѣтельствуетъ, что исповѣдь поэта была истинна, что печаль и горе были земными, плотскими скорбями, а не эстетическими только. Но въ то же время оно какъ будто показываетъ, что это горе было слишкомъ тяжело, что поэту уже не встать нзъ подъ его тяжести, что онъ можетъ только желать счастья и жизни другимъ, но самъ не болѣе какъ живой мертвецъ. Вотъ это стихотвореніе, исполненное столь же глубокаго горя, какъ и теплой любви къ живущему:

О юность, юность, гдѣ же ты?
 Гдѣ эта пылкая отвага,
 И вдохновенныя мечты?
 Готовность гдѣ—во имя блага,
 Покинувъ все, семью и домъ,
 Идти на битву съ мощнымъ зломъ?
 Ихъ нѣтъ давно! И нѣту славы
 На подвигъ трудный и суровый;
 Какъ рабъ, что много лѣтъ носилъ
 Неволи тяжкія оковы,
 Я духомъ слабъ, я изнемогъ;
 Сломилъ меня желѣзный рокъ.
 Лишь одного житейскій гнетъ
 Убить въ душѣ моей не въ силахъ,
 Одно въ ней только не умереть,
 Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
 Струиться старческая кровь:—
 Къ отважной юности любовь!
 Когда, топясь вокругъ меня,
 Кипитъ младое поколѣнье;

Инаго, радостнаго дня
 Разсвѣтъ я вижу въ отдаленіи,
 И говорю съ восторгомъ я:
 «Богъ помочь, братья и друзья!»

Несите твердою рукою
 Святое знамя жизни новой,
 Не отступая предъ толпою,
 Бросать камнями готовою
 Въ того, кто сонъ ея смутить,
 Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разить.

«Богъ помочь, братья и друзья!
 Когда жъ желанный день настанетъ,
 Пусть ваша дружная семья
 Отжившихъ насъ добромъ помянетъ.
 Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
 Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!»

Читая эти стихи, можно надѣяться на г. Плещеева: онъ не от-
 вернется отъ жизни, не осудитъ себя на пассивную тоску; онъ поетъ
 не по минутному вдохновенію, а по глубокому чувству, и потому его
 лира никогда не будетъ служить недостойнымъ цѣлямъ. Нѣтъ, онъ
 не скажетъ:

Подите прочь! Какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!

Книжка подъ заглавіемъ «Начала нравственности, сочиненіе Ам-
 вросія Рандю, старшаго совѣтника парижскаго университета, коман-
 дора ордена почетнаго легіона» представляетъ повидимому всѣ ру-
 чательства за полнѣйшую благонамѣренность. Авторъ — членъ па-
 рижскаго университета, и, какъ самъ объясняетъ, уже въ теченіе со-
 рока двухъ лѣтъ носить это почетное званіе; кромѣ того онъ —
 командоръ почетнаго легіона, что, какъ, извѣстно, есть такъ ста-
 зать, вывѣска благонамѣренности; далѣе, наконецъ по его книжкѣ во
 Франціи обучаютъ нравственности въ училищахъ мин. народнаго
 просвѣщенія — чего же больше? Наконецъ, если и этого мало, то о
 благонамѣренности ея свидѣтельствуетъ какъ ея краткій, но вы-
 разительный эпиграфъ: *дѣлай должное*, такъ и то обстоятельство,
 что она напечатана въ типографіи Каткова и К^о. Каково же было

мое разочарованіе, когда я увидѣлъ, что это не болѣе, какъ шутковская продѣлка какого-то свистуна, рѣшившагося втоптать въ грязь какъ самое имя нравственности, такъ и всѣ титулы почтеннаго члена парижскаго университета.

Да, читатели, вотъ какая участь постигла въ нашемъ отечествѣ эту драгоценную книжку, которой во Франціи, какъ въ странѣ развращенной, потребовалось уже четыре изданія, чтобъ достаточно обучить юношество нравственности. Переводчикъ, скрывшій свое имя, ехидными примѣчаніями и вставками обращаетъ плодъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій командора почетнаго Легіона въ предметъ насмѣшки. Впрочемъ виноватъ, злоумышленникъ не одинъ, а ихъ очень много, что доказывается предисловіемъ, писаннымъ отъ *переводчиковъ*. Это открытіе окончательно поражаетъ меня, ибо я усматриваю изъ этого, что свистуновъ, попирающихъ нравственность, много, и ихъ зловредные плевелы нашли себѣ доступъ даже въ типографію Каткова и Ком.

«Съ книжкой, предлагаемой нынѣ въ переводъ», говорятъ свистуны, «мы имѣли случай ознакомиться по указанію просвѣщенной и глубокаго уважаемой нами особы (особа! знала ли ты кому и на что указываешь!), получившей ее въ даръ изъ заграницы, и такъ какъ эта книга не была еще известна у насъ, и ея не было въ продажѣ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, намъ *представилось* полезнымъ сдѣлать ее достояніемъ нашихъ соотечественниковъ».

За симъ слѣдуетъ исчисленіе разныхъ цѣлей, для коихъ 'переводчикамъ' «представилось» полезнымъ издать «начала нравственности».

При этомъ они говорятъ:

«кромя прямой, упомянутой выше сего цѣли (научить нравственности), намъ показалось (переводчики, какъ видно, одержимы галлюцинаціями: они не думаютъ, имъ все *представляется* и *показывается*), что предлагаемое нынѣ въ переводъ сочиненіе заслуживаетъ вниманіе еще какъ благородное усиліе изъ числа дѣлаемыхъ въ настоящее время во Франціи для опроверженія вредныхъ ученій, столько распространенныхъ на западѣ, гдѣ они успѣли такъ сильно поколебать вѣрованія въ святѣйшее христіанское ученіе, единую прочную основу всякаго порядка общественнаго и блага временнаго и вѣчнаго государствъ и народовъ. У насъ въ Россіи, благодареніе Богу, эти вѣрованія еще держатся, но глетворное дыханіе невѣрія и разврата доходитъ до насъ въ формѣ романовъ и другихъ, болѣею частью легкихъ сочиненій, жадно читаемыхъ нашею молодежью». (стр. I).

И вообразите, читатель, что эти слова — ностыдное лицемеріе, что подъ ними скрывается свистъ. Слушайте. Вотъ, напримѣръ, какъ прекрасно разсуждаетъ французскій докторъ нравственности о пользѣ наукъ:

«Другія усладенія существуютъ не во всякое время, не во всякомъ возрастѣ и не вездѣ, а это занятіе напротивъ питаетъ юность, услаждаетъ старость, украшаетъ счастье, помогаетъ и утѣшаетъ въ несчастіи, доставляетъ удовольствіе дома, не мѣшаетъ внѣ дома, бодрствуетъ, слѣдуетъ за нами всюду, живетъ съ нами въ сельскомъ уединеніи.»

Не правда ли какія краснорѣчивыя слова? Но переводчики, для которыхъ ничто не священо, въ выноскѣ осмѣиваютъ и освистываютъ автора ихъ.

«Это превосходно выражено, ехидствуютъ они, знаменитымъ нашимъ поэтомъ Ломоносовымъ въ стихахъ его:

Науки юношей питаютъ
Отраду старцамъ подаютъ.»

Въ другомъ мѣстѣ они поступаютъ еще хуже.

«Сципіонъ, говоритъ ученый командоръ, Сципіонъ, чтобы возбудить ревность въ защитникахъ Рима, утверждаетъ, что для всехъ, которые будутъ сохранять, оберегать, увеличивать свое отечество, въ областяхъ небесныхъ устроено особенное жилище, гдѣ они будутъ вѣчно блаженствовать.»

Чтожъ тутъ смѣшнаго? Что въ этихъ словахъ можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ? Примѣръ Сципіона и его увѣщанія какъ нельзя болѣе идутъ въ книжку, главная цѣль которой — исправленіе нравовъ. Очевидно, что слова эти, поощряя благородное чувство патриотизма, могутъ возбуждать лишь уваженіе, а не смѣхъ. Но переводчики, думая выставить престарѣлаго члена университета въ смѣшномъ видѣ, влагаютъ ему въ уста русскій стихъ:

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ, тебя благославляя!—

заставляя такимъ образомъ читателей предполагать, что французскій профессоръ поддѣрпываетъ свои доводы стихами Жуковскаго!

Что касается до самаго Амвросія Рандю, то по всему видно, что это мужъ ума зрѣлаго и нрава добраго, старецъ, не только самъ

въ теченіе сорока двухъ лѣтъ, обучающій юношество, но и увѣщающій другихъ старцевъ подвизаться на этомъ поприщѣ:

«Пускай старца, говоритъ онъ, сохраняють достаточную силу, чтобъ назидать молодыхъ людей, чтобъ образовать ихъ и приготовить для исполненія всехъ обязанностей. Этого будетъ достаточно: пѣть дѣла выше этого.»

Нравственные совѣты и наученія этого старца показываютъ намъ съ одной стороны его остроуміе, а съ другой свидѣтельствуютъ о томъ развратѣ, въ который, не смотря на четыре изданія «началъ нравственности», погружена Франція. Такъ онъ говоритъ, что тамъ родители имѣють привычку за обѣдомъ оглашать столовую непристойными пѣснями и «поражаютъ взоры своихъ дѣтей постыдными вещами, и даже встрѣчаютъ поцѣлуемъ неблагопристойныя слова, произносимыя дѣтьми!» Однако, вѣроятно, есть и счастливыя исключенія, потому что въ другомъ мѣстѣ авторъ требуетъ, «чтобы обычай родительскіе были для дѣтей вѣрнымъ руководствомъ» и прибавляетъ, что должно «остерегаться, чтобъ не ослабить это благочестивое чувство».

Далѣе, поучая согласію, онъ приводитъ ту же самую притчу о пукѣ розогъ, къ которой въ разныя времена съ успѣхомъ прибѣгали римскій сенаторъ Мененій Агриппа и московскій академикъ Михаи́л Погодинъ; но онъ ученіе и того и другого: у него мы узнаемъ, что старецъ, «сбиравшійся отдать долгъ природѣ», былъ никто иной, какъ скифскій царь Силурій, дѣтей же у него было восемьдесятъ челоуѣкъ. Это еще болѣе возвышаетъ достоинство притчи, такъ какъ первый, преподавшій ее, былъ скифскій царь, а извѣстно, что скифскіе цари всегда отличались остроуміемъ столько же, сколько и многочисленностью потомковъ.

Но всего любопытнѣе поученія, даваемые Амвросіемъ Рандю французамъ объ обращеніи съ рабами. Читатель, быть можетъ, удивится, узнавъ что во Франціи до сихъ поръ существуютъ рабы, читатель подумаетъ, что во-первыхъ это неправда, а во-вторыхъ такого ложнаго взгляда держатся только самые неблагонамѣренные люди, какъ, напримѣръ, Ламне. Но какъ видно, рабство дѣйствительно существуетъ, и даже весьма жестоко, потому что Еомандоръ считаетъ нужнымъ обличить какого-то сановника второй имперіи (имя котораго онъ скрылъ подъ псевдонимомъ Ведія Полліона) въ томъ, что тотъ отдастъ своихъ рабовъ на съѣденіе нуренамъ. Это, разумеется,

аллегорія, огноляющаяся по моей догадкѣ къ алжирскимъ событіямъ. Смѣлость ея нѣсколько умѣряется тѣмъ, что рядомъ съ жестокостью сановника представлена кротость Августа (Наполеона III), спасающаго раба отъ муренъ.

Основываясь на такихъ примѣрахъ, номандоръ спрашиваетъ читателя: кажется ли ему въ отношеніи своихъ рабовъ дозволеннымъ все? И самъ предупреждаетъ отвѣтъ, говоря, что «общее правило воспрещаетъ, однако, вамъ нѣкоторыя вещи, потому что онъ (т. е. рабъ) имѣетъ общую природу съ вами». Далѣе онъ совѣтуетъ уважать рабовъ не столько за услуги, сколько за добрыя нравы и при этомъ остроумно сравниваетъ раба съ лошадыю, цѣня и въ лошади прежде всего добрыя нравы (bonnes moeurs).

Вотъ какія достойныя поученія послужили предметомъ свиста для неизвѣстныхъ свистуновъ, проникшихъ до самыхъ владѣній Баткова и Ком.

Въ прошлой книжкѣ «Русскаго Слова» въ фельетонѣ было представлено нѣсколько образчиковъ русскихъ переводовъ Гейне. Въ этой коллекціи не достаётъ почетнаго мѣста переводу г. Сомова «Сѣвернаго моря»; поэтому я долгомъ считаю помянуть ее. Для этого достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ какой угодно страницы. Напримѣръ, на страницѣ 56 читаемъ:

Мѣсяцъ полный! Въ сіяніи твоемъ,
 Какъ жидкое золото, море сверкаетъ.
 И ясность, какъ день, околдованный сумракомъ, стелется
 Подальнему плоскому берегу.
 На небѣ безвѣздномъ и ясно лазурномъ—
 Бѣля плывутъ облака,
 Какъ лики боговъ колоссальные
 Изъ блестящаго мрамора.
 Не облака это! Нѣтъ, невозможно!
 То сами
 Боги Эллады,
 Что некогда весело правили міромъ и т. д.

Вотъ что называется вѣрно передать оригиналъ.

Съ именемъ Бѣкля въ первый разъ познакомилась русская публика по его «Исторіи цивилизаціи», по такому замѣчательному сочиненію, которое обратило на себя общее вниманіе въ европейскимъ литературахъ. Читатели, хорошо знакомые съ «Исторіей цивилизаціи», пере-

веденной у насъ разомъ двумя издателями, конечно, не будутъ удовлетворены книжницей, которую я намѣренъ разобрать здѣсь. Книга эта не болѣе, какъ рѣчь, произнесенная авторомъ въ королевскомъ институтѣ, въ 1858 году, въ полуофициальномъ собраніи педагоговъ и воспитанниковъ, отцевъ и матерей высшаго аристократическаго круга, т. е. передъ той частью англійской публики, которая особенно не любитъ рѣзкихъ мнѣній и новыхъ идей. Поэтому намъ нечего ждать отъ рѣчи Бекля той оригинальности и глубины мысли, какая заключается въ его «Исторіи цивилизаціи». По остроумію и прекрасной цѣли своей эта рѣчь вполне достойна своего автора, но она далеко не такъ убѣдительна, далеко не вооружена въ такой мѣрѣ фактами и примѣрами, далеко не такъ строго послѣдовательна, какъ большая часть положеній Бекля въ его главномъ произведеніи.

Рѣчь Бекля проводитъ строгое различіе между двумя философскими методами—дедуктивнымъ и индуктивнымъ и съ вопросомъ объ этомъ различіи соединяетъ вопросъ о вліяніи женщинъ на успѣхи человѣческаго знанія и цивилизаціи. Онъ говоритъ, что человѣкъ, придерживающійся индуктивнаго метода, собираетъ факты посредствомъ опыта или наблюденія и отъ нихъ восходитъ къ общимъ началамъ или законамъ, которыми объясняются явленія. Человѣкъ же предпочитающій противоположный методъ, «выводитъ законъ изъ *понятій*, уже существующихъ въ его умѣ» и объясняетъ имъ явленія, исходя къ нимъ, а не восходя отъ нихъ. Слѣдовательно вопросъ о различіи между тѣмъ и другимъ процессомъ мысли сводится на рѣшеніе того: что такое тѣ *понятія*, изъ которыхъ дедуктивный философъ выводитъ свой законъ? Очевидно, что если эти понятія есть плодъ опыта и наблюденія, если они не болѣе какъ свѣденія, приобрѣтенныя заранѣе мыслителемъ посредствомъ индукціи, то разницы между обоими методами нѣтъ. Ибо въ такомъ случаѣ единственная разница между индуктивнымъ и дедуктивнымъ мыслителемъ будетъ состоять въ томъ, что первый исходитъ отъ фактовъ, только-что добытыхъ, между тѣмъ какъ второй добылъ ихъ раньше и въ настоящемъ случаѣ только извлекаетъ ихъ изъ запаса своей памяти и знанія. Ясно, что разница только кажущаяся. Бекль говоритъ, что не смотря на то, что многіе замѣчательные философы держатся именно того взгляда, но что онъ считаетъ невозможнымъ, по недостатку наличныхъ средствъ нашего знанія, рѣшить споръ объ этомъ предметѣ между этими философами и ихъ противниками, утверждающими, что понятія суще-

ствують независимо отъ опыта и наблюденія. Такимъ образомъ дѣло сводится на безконечный споръ сенсуалистовъ съ спиритуалистами, и одинъ изъ величайшихъ послѣдователей Бэкона объявляетъ себя несостоятельнымъ признать справедливость допотопной истины, что *quod non est in sensu, non est in intellect.* Но вотъ нѣсколько далѣе ораторъ, по видимому, отступаетъ отъ своего нейтралитета; онъ начинаетъ доказывать самостоятельность дедукціи, говорить о ея полномъ торжествѣ, однимъ словомъ объявляетъ себя за Декарта противъ Бэкона. Конечно, если онъ дѣлаетъ это, то мы вправѣ ожидать, что онъ припомнитъ факты, на основаніи которыхъ можетъ попытаться рѣшить вопросъ въ эту сторону. Но странное дѣло! факты приводимые имъ суть частные случаи, съ незапамятныхъ временъ противопоставляемые спиритуалистами сенсуалистамъ. Это извѣстная, по тѣмъ не менѣе болѣе чѣмъ сомнительная исторія съ яблокомъ Ньютона, и—открытія Гете и Гаю. При этомъ Бекль краснорѣчиво, но вовсе не убѣдительно, рисуетъ намъ картину процесса дедуктивнаго мышленія Ньютона и Гете, картину, которую, по всей вѣроятности, не могли бы нарисовать и они сами, потому что трудно предположить, чтобы, обдумывая свои великіи открытія, они могли бы въ тоже время наблюдать ходъ своей мысли. Вотъ какъ, напримеръ, говоритъ онъ объ открытіи Гете: «Гете прогуливаясь на одномъ кладбищѣ близъ Венеціи и споткнулся на лежавшій передъ нимъ черепъ. *Вдругъ* въ его умѣ блеснула мысль, что черепъ состоитъ изъ позвонковъ». При этомъ онъ обращаетъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что открытіе было сдѣлано поэтомъ, а также и на то, что оно было сдѣлано въ Венеціи—«въ странѣ чудесъ, поэзіи и романтизма». Но на это можно замѣтить, что во-первыхъ Гете былъ не только поэтъ, но и человѣкъ весьма ученый и что если онъ болѣе извѣстенъ какъ поэтъ, то это вовсе не мѣшало ему знать анатомію; во-вторыхъ можно возразить, что, если Венеція дѣйствительно страна поэзіи, то это не мѣшаетъ жителямъ ея заниматься наукою, что романтизмъ Италіи не помѣшалъ ей произвести множество великихъ анатомовъ, положившихъ начало этой наукѣ въ эпоху возрожденія; можно возразить, наконецъ, что ни Беклю и никому другому не можетъ быть извѣстно—*вдругъ* ли блеснула у Гете мысль или онъ дошелъ до нея постепенно; странно бы было придраться къ тому, что выводъ этотъ былъ сдѣланъ имъ не за анатомическимъ столомъ и не съ скальпелемъ въ рукѣ, что онъ явился въ его голо-

въ при помощи знанія, сохранявшагося въ памяти, а не случайно-блеснувшей идеѣ. Развѣ для того, чтобъ помножить въ умѣ 88 на 99, пужно прежде передѣлать на бумагѣ всю таблицу умноженія? Точно тоже можно сказать и объ яблокѣ Ньютонѣ. Бекль говоритъ, что это яблоко любятъ приводить въ доказательство пустой и не-верхностной поговорки, что «большія послѣдствія происходятъ отъ мелкихъ причинъ»; это справедливо, не справедливо и то, что вообще вся эта исторія съ яблокомъ выдуманна не въ добрый часъ, и она годна единственно для подтвержденія пустыхъ поговорокъ. Но Бекль говоритъ, что въ данномъ случаѣ великое слѣдствіе имѣло и великую причину—умъ Ньютонѣ, но онъ не прибавляетъ «и знаніе добытое до него и воспринятое имъ», и этимъ дѣлаетъ, по моему мнѣнію, важный пропускъ. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, придется объявить глупцами всѣхъ астрономовъ до шестнадцатаго вѣка включительно: но неужели же Птоломей, Абуль-Риханъ, Рожеръ Бэконъ, Тихо де-Браге, неужели они были глупцы? Если гдѣ необходимо признать вопросъ неразрѣшимымъ, то именно въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи процесса, совершавшагося въ головѣ какого нибудь гонія, когда онъ дѣлалъ свое открытіе.

И такъ четырьмя частными примѣрами, отличающимися не столько убѣдительностью, сколько краснорѣчивымъ изложеніемъ, Бекль доказываетъ возможность дедукціи, которой не предшествуетъ индукція. Очевидно, что этого слишкомъ мало для убѣжденія, и что Бекль былъ правъ, сказавъ, что считаетъ невозможнымъ рѣшить этотъ вопросъ,—правъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ пользу дедукціи слишкомъ мало данныхъ. Известно, что Бэконъ назвалъ отвѣтственныхъ мыслителей науками, которые тянутъ изъ себя идеи, какъ пчелки; пусть же идеальны наконецъ докажутъ, что они не пчелки, а полезные пчелы, собирающія матеріалъ для производства годнаго вещества.

Во второй половинѣ своей рѣчи ораторъ противопоставляетъ дедуктивный методъ индуктивному, какъ истинный—эмпирическому. «Истина мысли», говоритъ онъ, «быстро увеличивается, и такъ какъ горизонтъ раздвигается во всѣ стороны, то всерѣдѣ одни логическія отвлеченія разума не въ силахъ будутъ обнять весь кругъ этого огромнаго, раскинуващагося пространства. Уже теперь раздѣленіе труда доведено до такой степени, что намъ угрожаетъ близ-

ная опасность потерять въ отношеніи цѣльности болѣе, чѣмъ выигрывается со стороны точности.» Это дѣйствительно весьма справедливо, и нельзя не замѣтить, что въ европейской наукѣ разработка фактовъ производится въ ущербъ обобщенію идей; иначе говоря, гоняясь за частностями, упускаютъ изъ виду общіе выводы; въ этомъ смыслѣ конечно Бейль правъ, говоря, что индуктивный методъ развился въ ущербъ дедуктивному. Слѣдовательно здѣсь дедукція у него уже не составляетъ самостоятельнаго процесса, а есть только способность быстрѣе и живѣе дѣлать выводы, однимъ словомъ, это ничто иное какъ усиленная индукція, и въ этомъ смыслѣ конечно, имѣетъ преимущество передъ послѣдней. Всякому извѣстно изъ наблюденія, что бываютъ люди съ умомъ тяжелымъ, такъ сказать медленнымъ, затрудняющимся передъ выводами, склоннымъ болѣе къ собиранію фактовъ (муравьи Бэкона); и на оборотъ, бываютъ умы сообразительные, быстрые, весьма способные къ выводамъ изъ фактовъ; иногда такіе умы дѣлаютъ выводы съ такой быстротой, что почти мгновенно проходятъ цѣлый рядъ умозаключеній, большое пространство отъ исходной точки до окончательнаго результата. Довольно часто являются люди способные дѣлать математическія сложныя вычисленія съ необыкновенной быстротой, но еще чаще мы видимъ людей, которымъ самыя простыя вычисленія достаются съ трудомъ. У человѣка сообразительнаго или гениальнаго (что одно и то же, потому что гений есть высшая степень сообразительности) понятіе можетъ явиться съ такой быстротой и путемъ, пройденный имъ отъ исходной точки, можетъ быть такъ великъ, что понятіе это можетъ показаться независимымъ отъ всякаго чувственнаго опыта, можетъ быть сочтено явившимся въ умѣ *одружъ*, самостоятельно.

Назовемъ этотъ умъ дедуктивнымъ; ясно, что человѣкъ обладающій имъ, склоняется къ выводамъ, болѣе способенъ увлекаться, хватается гораздо дальше, чѣмъ человѣкъ, обладающій умомъ индуктивнымъ, т. е. болѣе тяжелымъ, способнымъ болѣе на изслѣдованіе фактовъ, чѣмъ на выводы изъ нихъ; теперь, если путь, по которому съ такой быстротой летитъ дедуктивный умъ, вѣрны, — а онъ можетъ быть вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ отдѣльные факты и ихъ результаты, составляющіе его, — вѣрны, однимъ словомъ, если человѣкъ, кромѣ сообразительности, обладаетъ большимъ запасомъ знанія, — то и конечный выводъ будетъ вѣренъ; кромѣ того онъ

поразить всѣхъ своей смѣлостью, неожиданностью, обширностью, поразить до такой степени, что можетъ быть приписанъ какому-то вдохновенію, а не простой индукціи. Но, разумѣется, если путь ложень, если свѣденія такого человѣка не вѣрны, ошибочны, то и выводъ будетъ въ высшей степени негѣпъ, и единственное достоинство, которое онъ можетъ имѣть,—последовательность; этого единственного достоинства выводъ лишается въ томъ случаѣ, если завнась свѣденій слишкомъ малъ, если факты и ихъ результаты, извѣстные человѣку, не составляютъ непрерывной логической цѣпи, но принуждаютъ дѣлать скачки. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ только такой умъ способенъ къ великой дѣятельности, только такой умъ можетъ быть прогрессивенъ, смотрѣть и идти впередъ, между тѣмъ какъ тяжелый индуктивный умъ обреченъ лишь на черную работу, долженъ служить первому лукошкомъ, изъ котораго въ случаѣ надобности можно взять сложенный туда матеріалъ. Бекль говорить,—и доказать это есть главный цѣль его рѣчи,—что женщины отъ природы дедуктивны, а мужчины болѣе индуктивны. Положеніе это имѣетъ огромную важность и требуетъ строгихъ доказательствъ. Бекль самъ сознается, что «ни одно изъ величайшихъ твореній, научающихъ человѣчество и улаждающихъ его жизнь, не было произведеніемъ женщины». Онъ знаетъ, что на основаніи этого многіе писатели прямо объявили, что высшія сѣры знанія—не женское дѣло. Совершенно справедливо указываетъ онъ этимъ самодовольнымъ тираннамъ на ту «малкую, достойную презрѣнія и уродливую систему, которая зовется воспитаніемъ женщинъ», и которой вполнѣ объясняется ихъ безучастіе въ дѣлахъ міра сего, составляющаго мононолію бороды и усовъ. Но если этого достаточно для защиты женщинъ, то я не полагаю, чтобы можно было представить достаточно доводовъ въ пользу мнѣнія Бекля о дедуктивныхъ способностяхъ женщины. По крайней мѣрѣ все то, что онъ сказалъ въ своей рѣчи далеко не убѣдительно: что докторъ Керри получилъ отъ крестьянокъ болѣе обстоятельныя отвѣты, чѣмъ отъ ихъ мужей—это фактъ до того ничтожный самъ по себѣ, что я не понимаю, какимъ образомъ Бекль могъ сослаться на него, онъ, который любитъ вооружать свои положенія цѣлой батареей фактовъ. Всѣ остальные доказательства также малы: *а женщины одарены смѣлостью а онъ отличаются воспріимчивостью; онъ проникателенъ въ опредѣленіи характеровъ; у нихъ замѣчательно утонченный*

тлать;» и некоторые путешественники говорят;» «известно»
 «самъ»... или «замеченъ»!.. — Вотъ каковы: голословныи или
 неопредѣленныи доводами поддѣрживаетъ Бекля свое мнѣнiе. Противъ
 всего этого можно привести много возраженiй, но достаточно одного:
 исторiя показываетъ намъ, что женщины всегда составляли консер-
 вативный элементъ народа, что онѣ отличались упорной привязан-
 ностью къ старому; что ни одна женщина ни въ одномъ прогрессив-
 номъ движенiи не опередила мужчинъ. Укажу примѣры: взгляните
 на французскихъ женщинъ времени революцiи, вы увидите большин-
 ствомъ ихъ преданными католицизму, старымъ учрежденiямъ; вы уви-
 дите лучшихъ изъ нихъ шарлотту Борде, Люси Демуденъ, первую
 жену Дантона—точно также противными движенiю впередъ, какъ и
 женщины претивной партii, препятствующихъ всякимъ уступкамъ;
 готовыхъ на все, чтобъ сохранить пегодное старье. Здѣсь уже нельзя
 сказать, что это происходило отъ дурного воспитанiя: Madame
 Роланъ была гораздо ученѣе и образованнѣе огромнаго большинства
 мужчинъ, но показала ли она десятую часть той настойчивости въ
 прогрессивномъ движенiи, сколько показали сотни мужчинъ? Но я сом-
 нѣваюсь, надо ли опровергать въ этомъ случаѣ Бекля, потому что у
 него самого вырвалась фраза, наиболѣе опровергающая его: онъ
 сказалъ, что, «женщины не могутъ видѣть такъ далеко, какъ муж-
 чины.» (стр. 22). Этимъ приговоромъ (хотя онъ, впрочемъ, также
 голословенъ какъ и доводы за женщинъ) Бекля самъ побиваетъ се-
 бя; какъ-бы мы ни толковали дедуктивный методъ, какъ особое
 вдохновенiе или какъ высшую степень индукци, во всякомъ случаѣ
 мы должны согласиться, что первый признакъ дедуктивнаго ума есть
 пронципальность, предугадыванiе, такъ сказать, будущаго, другими
 словами—пониманiе прогресса и стремленiе къ нему. Поэтому кон-
 серватизмъ женщинъ, о которомъ намъ говоритъ исторiя, и ихъ
 неспособность видѣть такъ далеко, какъ видятъ мужчины—если
 только вѣрить самому Беклю—никакъ не могутъ быть совмести-
 мы съ преимущественно дедуктивными свойствами женскаго ума.

Я вовсе не думаю отрицать способность женщинъ мыслить де-
 дуктивно, я также далекъ отъ намѣренiя опровергать Бекля, но нельзя
 не сказать, что доводы, представленные имъ, слабы и недоста-
 точны для доказательства дедуктивности ума женщинъ. Что же касает-
 ся до влиянiя ихъ на знанiе, то отрицать этого не возможно и въ
 этомъ случаѣ всякiй долженъ согласиться съ Беклемъ, когда онъ

указываетъ на тотъ фактъ, что великіе люди были большою частью сиротами замѣчательныхъ женщинъ. Можетъ-ли подлечь слуху великое вліяніе матери на юного бы то ни было гонія, можно ли отрицать, что вліяніе это не можетъ остаться безъ послѣдствій и что этимъ путемъ женщины дѣйствительно незамѣтно и безсознательно имѣли постоянное вліяніе на ходъ просвѣщенія. Какъ бы ни былъ независимъ человѣкъ, какъ бы ни былъ свободенъ и силенъ его гоній и какъ бы не возвышался онъ надо всѣми окружающими, но вліянія своей матери онъ не можетъ избѣгнуть. Въ виду этого факта, совершающагося непрерывно втеченіи тысячелѣтій, можетъ ли быть рѣчь о томъ, что женщины стоятъ внѣ возможности косвенно вліять на цивилизацію? Но вопросъ о томъ какого рода это вліяніе, если и рѣшенъ Беклемъ, то рѣшеніе его требуетъ гораздо сильнѣйшихъ доводовъ, чѣмъ тѣ, которые онъ представилъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Подогрѣваніе германскаго патриотизма шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ.— Выгодное негодованіе нѣмцевъ на то, почему ихъ не признаютъ первымъ и самымъ великимъ народомъ въ свѣтѣ.— Племенные антипатіи Давіи и Германіи.— Выгодная продажа наслѣдственныхъ правъ герцогомъ Аугустенбургскимъ, теперь желающимъ снова возвратитъ эти права.— Притязанія Германіи въ отношеніи Шлезвига и Голштиніи, основанныя на Латинской рукописи 1480 года.— Миролюбивая политика Англіи, истребляющая Японцевъ, Китайцевъ и Индійцевъ ради набиванія своего кармана восточнымъ золотомъ.— Парижскіе слухи о покушеніи на жизнь Людовика-Наполеона.— Рѣчь Пельтана въ Законодательномъ собраніи.— Неудачи французовъ въ Мексикѣ.— *Sic transit gloria mundi!*

Мы вполне понимаемъ чувство, воодушевляющее германцевъ. Они не могутъ не придти въ негодованіе, видя, что ихъ страна, которая по занимаемому ею пространству и по числу и образованности своихъ жителей есть одна изъ самыхъ важныхъ на свѣтѣ и которая изъ пяти великихъ европейскихъ державъ заключаетъ въ себѣ двѣ, что эта самая страна въ судьбахъ міра сего играетъ роль только второстепенную. Германія краснѣетъ при мысли, что она идетъ позади другихъ націй, тогда какъ ей слѣдовало бы находиться во главѣ Европы. Она видитъ съ досадою, что европейская публика менѣе занята ею, чѣмъ Италіею, которая недавно еще была презрѣнной рабыней. Дѣйствительно, она не занимаетъ въ мірѣ того мѣста, которое ей принадлежитъ по праву, и такъ какъ

германскій народъ отличается чрезмѣрною чувствительностью и злоба его беспредѣльна, то онъ и покаялся изумить міръ своею местию. Съ давнихъ поръ Германія готовится къ великому подвигу. Безпрестанно, по случаю всѣхъ возможныхъ годовщинъ и къ особенностямъ годовщины лейпцигской побѣды, въ городахъ, на горахъ и въ долинахъ тысячами собираются карабинеры, гимнасты, пѣвцы кѣрнеристы, арндтисты, шиллеристы, гѣттисты, ветераны войны за независимость. 1863 годъ былъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ празднованіемъ юбилея въ честь 1813 года. Повидимому, чтобы доказать свою любовь къ нынѣшней Германіи, стоитъ только ненавидѣть ту Францію, которая существовала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и нѣсколько ненавидѣть весь свѣтъ. Давно уже Германія готовилась разразиться гнѣвомъ; она выточила свой длинный, предлинный средневѣковской мечъ и накопецъ рѣшилась направить свой грозный ударъ на несчастную Дакію. Франція на этотъ разъ избѣгла бѣды. Съ самаго возстанія противъ Наполеона I никогда въ германцахъ не проявлялось такого единодушія. Еслибъ народъ могъ располагать своею судьбою, то онъ взялся бы за оружіе съ такою жъ горячностью, какъ въ 1813 году. При извѣстіи о смерти короля датскаго, Фридриха VII, Германія вздрогнула, какъ будто по ней пробѣжалъ электрическій токъ. Даже въ самыхъ маленькихъ городахъ ея образовались народныя сходки. Университетское юношество въ Эрлангенѣ, Вюрцбургѣ, Галлѣ, Мюнхенѣ, Фрейбургѣ, Боннѣ вотировало самыя восторженные адреса. Различіе партій исчезло; такъ называемые National и Reform-Verein соединились между собою съ тѣмъ, чтобы придать своей манифестаціи характеръ народный. Ничто не въ состояніи было воспротивиться этому все-народному потоку. Въ первый разъ могущественная Пруссія и всемогущая Австрія должны были, вопреки союзу Бисмаркъ-Рехбергскому, уступить на сеймѣ державамъ второстепеннымъ. Когда Баварією сдѣлано было предложеніе немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопроса о датскомъ наслѣдствѣ, оба германскіе колѣссы претерпѣли пораженіе: вопреки королю Вильгельму и императору Францу Іосифу, это предложеніе было принято большинствомъ двѣнадцати голосовъ противъ четырехъ.

Палаты также не могли остаться внѣ этого движенія; всѣ тѣ, которые были собраны, присоединились къ нему съ патриотическимъ увлеченіемъ. Въ Дрезденѣ и Штуттгардѣ онѣ единогласіемъ своихъ

рѣшениі оставили правительства отступить отъ заключеннаго прежде лондонскаго протокола и пристать къ дѣлу народному. Палата гессенъ-дармштадтская обнаружилъ въ этомъ отношеніи подобное же вліяніе на рѣшенія кабинета Дальвина. Въ Пруссіи, хотя народъ нѣсколько развлекъ былъ конституціонною борьбою и не принималъ въ національномъ движеніи такого дѣятельнаго участія, какого можно было отъ него ожидать, палата большинствомъ двухъ сотъ тридцати одного голоса противъ шестидесяти трехъ энергически объявила себя въ пользу независимости герцогствъ. Пренія, происходившія по этому случаю, къ сожалѣнію имѣли слѣдствіемъ разрывъ, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть мимоходомъ. Господинъ Вальдекъ и крайняя лѣвая сторона отдѣлились отъ лѣваго центра и вогировали противъ рѣшенія большинства. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы удержаться отъ подобной мѣры и отложить выциту шлезвигъ-голштинскихъ интересовъ до болѣе благоприятнаго времени, чтобы не подать г. Бисмарку повода компрометировать честь страны.

Не смотря на эти многочисленныя протестаціи, Австрія и Пруссія, испытавшія сначала пораженіе, успѣли однакожь одержать верхъ, когда сеймъ былъ созванъ для опредѣленія характера, какой долженъ быть приданъ соединеннымъ дѣйствіямъ германскихъ государствъ противъ Даніи. Второстепенныя правительства требовали занятія герцогствъ, которое рѣшило бы споръ въ національномъ духѣ; великія же державы предложили престо на просто ограничиться възвѣщаніемъ, что служить доказательствомъ желанія ихъ придерживаться условій, заключенныхъ въ лондонскомъ протоколѣ. Опѣ увлекли за собою большинство; но оппозиція тѣмъ не менѣе состояла изъ семи членовъ: королевствъ Баварскаго, Саксонскаго и Вюртембергскаго, великихъ герцогствъ Баденскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго и герцогствъ Саксонскихъ и Брауншвейгскаго. Изъ этого видно, что шлезвигъ-голштинизмъ преобладаетъ на югѣ Германіи и уменьшается по мѣрѣ приближенія къ сѣвернымъ ея предѣламъ. Это явленіе легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что южные жители менѣе знакомы съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ сѣверные, которые, испытавъ на себѣ самихъ угнетеніе со стороны своихъ дворянъ, понимаютъ, что шлезвигъ-голштинизмъ есть движеніе, возбужденное въ герцогствахъ дворянствомъ и духовенствомъ противъ конституціонныхъ учрежденій Даніи.

Сказать правду, антипатія между этими двумя народонаселениями, которые повидимому должны быть соединены едиными и теми же узлами религии и цивилизации и въ особенности единствомъ происхожденія, существуютъ издавна. Раса германская и раса скандинавская — сестры, это не подлежитъ сомнѣнію, но которая изъ нихъ старшая? Этотъ вопросъ въ настоящее время представляется неразрѣшимымъ. Во всякомъ случаѣ, мифология и литература руническая принадлежатъ скандинавамъ; относительно же древне-германской поэзіи и религии господствуетъ совершенный мракъ: онѣ были уничтожены христіанствомъ, подобно тому какъ Римская имперія была уничтожена германскими орднами. Это была взаимная мѣна услугъ. Словомъ, происхожденію германскаго дворянства покрыто мракомъ, и единственные слѣды, оставшіеся отъ германскихъ дикарей, заключаются въ нѣсколькихъ топорахъ изъ камня и бронзы, въ нѣсколькихъ мѣдныхъ кольцахъ и нѣсколькихъ востяхъ, зарытыхъ въ землю вмѣстѣ съ остаткомъ быковъ и зубровъ. Что за революціонеры были проповѣдникъ Бонифаций и императоръ Карлъ Великій! Между тѣмъ, какъ германцы съ трудомъ усвоивали себѣ христіанство и какъ переваривали грубую цивилизацію, которая при этомъ случай, имъ доставлялась, скандинавы нахлынули на міръ съ необыкновенною силой. Ихъ берсереры и викинги до сихъ поръ служатъ ужасающими типами звѣрскаго геройства и безумной пылкости. Скандинавы опустошали всѣ берега; ихъ мореплаватели въ одно и то же время устремлялись на сѣверную Америку, на Алжирію, малую Азію и Константинополь. Въ Англии, датчане, потомъ норманны положили конецъ саксонскому господству. Съ давнихъ поръ Данія, по своему географическому положенію, образовала изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ барьеръ противъ завоевательныхъ замысловъ Германской Имперіи. Въ XIII вѣкѣ, при Вольдемарахъ, датчане господствовали на всемъ южномъ берегу Балтійскаго моря. Наконецъ, Кальмарскій союзъ, при знаменитой Маргаритѣ, повидимому доставилъ Даніи окончательное преобладаніе на сѣверѣ. Но не ловкая политика государей германской расы, вступившихъ потомъ на датскій престолъ вследствие вліянія христіанства, служила въ продолженіе четырехъ вѣковъ причиною войнъ между этою страной и Швеціею и въ политическомъ отношеніи разорила оба государства въ пользу Германіи, Польши и Россіи.

Это германское вторженіе мало по малу внесло въ Данію осода-

лишь, рабство, бюрократическій абсолютизмъ и разныя постановленія въ китайскомъ вкусѣ, какъ напримѣръ Rangverordnung, съ его десятью классами мандариновъ гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ, которыхъ до сихъ поръ сохранила датская правительственная буржуазія. Древняя національная аристократія, гордая и могущественная, мало по малу была подавлена новыми пришельцами, и правительственная централизація окончателно восторжествовала въ 1660 году.

«Нѣмецкіе авантюристы», говоритъ въ своей превосходной статьѣ г. Дюбоа (*Revue Germanique, Septembre 1861*), — «нѣмецкіе авантюристы толпами приходили въ Данію искать себѣ мѣсть. Они наполнили дворъ и захватили въ свои руки главныя военныя должности. Самый языкъ датскій былъ вытѣсненъ въ высшемъ кругу иностраннымъ нарѣчіемъ и сохранился только въ низшихъ классахъ народа. Онъ болѣе, чѣмъ шведскій и норвежскій, два родные его брата, лишился первобытной чистоты древняго скандинавскаго (исландскаго) языка. Такимъ образомъ, современный датскій языкъ сравнительно весьма молодъ; онъ существуетъ не болѣе двухъ вѣковъ.

«Въ восемнадцатомъ столѣтіи возникло стремленіе въ пользу возрожденія древней литературы, и, благодаря настойчивымъ стараніямъ антикваріевъ сѣвера, оживилось изученіе національныхъ источниковъ. Датчане потеряли свои права, но эти права имъ были возвращены антикваріями. Подъ влияніемъ духа древней свободы произошло народное движеніе, которое повело къ политической свободѣ 1848 года и съ каждымъ днемъ проявляется во множествѣ замѣчательныхъ произведеній по части наукъ и изящной литературы. Но господство германскаго элемента не могло быть искоренено въ Шлезвигѣ и еще нешѣ въ Гольштиніи и Лауенбургѣ, и вотъ на этой-то территоріи теперь происходитъ борьба».

Покойный король датскій былъ страстный скандинавъ. Онъ болѣе всякаго другого старался вытѣснить изъ Даніи германизмъ; но чѣмъ болѣе въ этомъ дѣлѣ теряла Германія, тѣмъ болѣе возрастала ея ненависть. Однакожъ, позволено думать, что этотъ несчастный шлезвигъ-голлштинскій вопросъ теперь не беспокоилъ бы и не докучалъ бы намъ, еслибъ Данія не вступила на конституціонный путь. Если бъ датскій статутъ сохранилъ свой феодальный характеръ, германскіе Ritter'ы, которыхъ помѣстья заняли почти всю территорію герцогства, теперь не опасались бы лишиться своего господства. Они желали по

прежнему остаться видамими и боронами, милостію Божию, собирать десятинную подать и оброкъ, налагать на народъ барщину и пользоваться правомъ суда, подобно своимъ кузенамъ, фантастическимъ дворянамъ Мекленбурга и Ольденбурга, единственныхъ государствъ Европы, въ которыхъ крѣпостное рабство сохранилось, какъ въ печальныя времена среднихъ вѣковъ!

За мѣсяць до февральской революціи 1848 года, датскій король Фридрихъ VII, обѣщалъ своимъ подданнымъ конституцію. Обнародованная 5 іюня 1849 года, во время войны противъ Германіи, эта конституція найдена была весьма либеральною. Она предоставляла или почти предоставляла народу нѣчто въ родѣ права всеобщей подачи голосовъ. Между тѣмъ однимъ изъ первыхъ дѣйствій франкфуртскаго парламента было присоединеніе трехъ герцогствъ къ государству несчастнаго эрцгерцога Іоанна. Это дѣйствіе, котораго послѣдствія обнаруживаются въ настоящій моментъ, безъ сомнѣнія, внутренно было какимъ нибудь куплетомъ знаменитой пѣсни: *Was ist das Deutschen Vaterland!* (*) и стихами Арндта: *Schleswig-Holstein Meer umschlungen!* (**).

Итакъ, въ 1848 году возбуждена была война; возникло возстаніе. Надо замѣтить, что Германія — по преимуществу страна неодолимой. Германская демократія, увлекаемая своимъ полу-варварскимъ шовинизмомъ, сдѣлалась сама того не зная, поборницею провинціальнымъ дворянъ. Но этого участія ей достаточно было для того, чтобы возбудить съ другой стороны реакцію. Результатомъ этого явленія была послѣдняя и смѣшная шлезвигъ-голлштинская война. Туземные ипсуренты и нѣмецкіе волонтерные корпуса подвергались измѣнѣ со стороны прусской арміи, пришедшей къ нимъ будто на помощь. Эта измѣна совершена была по совѣту берлинской аристократіи, по приказанію Австріи и съ согласія Прусскаго правительства, которое, говорятъ, отдало генералу Вильденбруху приказаніе воевать только для вида. Какъ бы то ни было, эта жалкая война кончилась на сѣверѣ (1850 году) сраженіемъ при Ицштедтѣ, гдѣ датская армія на голову разбила германскую партію, а на югѣ — договоромъ Ольмюцкимъ, который весьма иѣтко былъ названъ сраже-

(*) Что составляетъ отечество германца?

(**) Шлезвигъ и Голштинія, омываемая одними морями!

нѣтъ Пруссіи ирр. Іенѣ. Возстановивъ въ датскомъ Шлезвигѣ прежній порядокъ вещей, армія Фридриха остановилась, предоставивъ германскимъ войскамъ жалкую роль подавить возстаніе въ Голштиніи во имя германскаго сейма. Этотъ фактъ-истати было бы припомнить при настоящихъ преніяхъ во Франкфуртѣ!

Одержавъ повсюду побѣду, Фридрихъ VII сдѣлался такимъ образомъ конституціоннымъ королемъ въ Даніи и абсолютнымъ королемъ въ герцогствахъ, гдѣ демократія и аристократія на перерывъ другъ передъ другомъ отказывались отъ датской конституціи. Въ это самое время князь Шварценбергъ ввелъ въ Австріи политику такъ называемаго *Gesammtstadt*, союзнаго государства. Увлекаемая этимъ примѣромъ и побуждаемая своимъ положеніемъ, датская партія, съ одной стороны, старалась осуществить у себя такую же теорію, подъ названіемъ *Heelsta*.

Подъ господствомъ этихъ унитарныхъ тенденцій подписанъ былъ въ 1852 году Россією, Францією, Англією, Швецією, Голландією, Бельгією, Грецією, Испанією, Португалією, Австрією, Пруссією, Саксонією, Вюртембергомъ, Ольденбургомъ, Ганноверомъ и курфиршествомъ Гессенскимъ знаменитый лондонскій трактатъ, который германцы теперь упорно обозначаютъ именемъ *протокола*. За исключеніемъ Баваріи, всѣ главныя государства Германіи участвовали въ этомъ договорѣ. Но самый сеймъ германскій, какъ лицо юридическое, не принималъ въ немъ участія. Его согласія не спрашивали, былъ можетъ потому, что онъ былъ забытъ, или быть можетъ потому, что его не удостоивали вниманія, хотя онъ и былъ официальнымъ представителемъ германскаго народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, теперь говорятъ демократы германскіе, которые прежде не могли вдоволь наругаться надъ этимъ несчастнымъ сеймомъ, этимъ «провведеніемъ государей, *Machwerk der Fürsten*», какъ называли они это собраніе. Какъ, вмѣстѣ съ обстоятельствами, измѣняются понятія! Тенісь, поддерживаемый теперь многими честными людьми, таковъ: Сеймъ не былъ спрашиваемъ и потому не отвѣчалъ ничего; слѣдовательно, онъ ничѣмъ не связанъ и въ отношеніи настоящаго вопроса и можетъ принять какое ему вдумается рѣшеніе. Поэтому германскія державы, въ качествѣ членовъ союзнаго сейма, имѣютъ право спорить съ нимъ, въ чемъ сами онѣ ручались своею подписью въ качествѣ европейскихъ державъ.

Лондонскій трактатъ восстановленъ было сокращенъ во всякомъ

случай цѣлостъ Даніи, такъ какъ эта цѣлостъ служила однимъ изъ условій равновѣсія Европы. Въ этомъ отношеніи трактатъ этотъ только подтверждалъ постановленія трактата вѣнскаго 1815 и трактата 1821 года.

Но кто долженъ былъ наследовать королю Фридриху? Вопросъ этотъ былъ затруднительный. Тѣ, которые его наиболее наследовали, менѣе всѣхъ его понимали. Однакожъ, принцесса Луиза, которая, благодаря отрѣченію разныхъ другихъ претендентовъ, по всеобщему согласію, болѣе всѣхъ имѣла права на наследство, сама передала это право супругу своему, германскому принцу Христиану Глюксбургскому, настоящему королю Даніи, тестю принца Уэльскаго.

Этому наследству противопоставлялось одно только затрудненіе: по мнѣнію германцевъ, въ герцогствахъ имѣлъ силу саліческий законъ, но Данія была отъ него свободна. Другими словами, женщина, не имѣя права царствовать въ Шлезвигѣ и Гольштейнѣ, не могла и передавать никакихъ правъ на эти земли. Такимъ образомъ возникла кандидатура герцога Аугустенбургскаго.

• Съ самаго начала XVIII столѣтія, говоритъ Жессеруа въ *Revue des deux Mondes* (въ книжкѣ отъ 15 декабря 1863 года), — герцоги Аугустенбургскіе отказались отъ всякаго права на наследство въ герцогствѣ Шлезвигскомъ. Нѣсколько времени спустя, въ 1758 году, они за весьма значительную сумму денегъ уступили свои наследственные княжества королямъ датскимъ и, не соблюдая болѣе феодалныхъ обязанностей, жили въ продолженіи нѣсколькихъ генераций богатыми землевладѣльцами, забывъ всѣ прежнія свои претензіи. Но около конца XVIII столѣтія дѣдъ настоящаго претендента женился на сестрѣ короля Фридриха VI, и этотъ бракъ, приближавъ герцоговъ Аугустенбургскихъ къ престолу, снова возбуждиль ихъ честолюбіе. Они сначала обратили свои виды на датскую корону, но потомъ ограничились желаніемъ господства въ воображаемомъ государствѣ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ. Герцогъ Христианъ Аугустенбургскій, значительно содѣйствовавшій, съ своей стороны, войнѣ между Данією и герцогствами, отъ 1848 до 1850 года, былъ послѣ возобновленія мира и по заключеніи лондонскаго трактата, осужденъ на изгнаніе. Онъ и его братъ лишились всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими чиновъ и орденовъ; но такъ какъ они были въ родствѣ съ королевскимъ семействомъ, то ихъ имуществу не подверг-

лись королевскими; правда, владѣнія герцога были отобранны датскими правительствомъ, но за то онъ и въ этотъ разъ получалъ очень значительную сумму денегъ, вознаграждавшую его съ избыткомъ. Тогда герцогъ Христианъ, 30 декабря 1852 года, подписалъ актъ отрѣченія, который весьма интересно при настоящихъ обстоятельствахъ. Самый текстъ этого акта носить на себѣ отпечатокъ умирающаго феодализма и заслуживаетъ быть приведеннымъ, какъ новое доказательство той истины, что въ самомъ основаніи вѣчныхъ споровъ современной Германіи скрывается причина ея тревожнаго состоянія, которое есть ничто иное, какъ необходимый переходъ отъ древняго феодальнаго быта, мѣстами еще сохранившагося, къ формамъ и духу новѣйшей цивилизаціи. Вотъ текстъ этого акта:

«Мнѣ уступаютъ и передаютъ его величеству, королю Даніи и его преемникамъ, за насъ, за нашихъ наследниковъ и нашихъ потомковъ, всѣ наши права на земли и герцогскія имущества Аугустенбурговъ, со всѣми относящимися къ этимъ имуществамъ принадлежностями, со всѣми замками, дворцами и зданіями, словомъ со всѣми недвижимостями и со всѣми, по инвентарію, слотомъ, матеріалами и орудіями, а также всѣ права и преимущества, соединенныя съ этими владѣніями, какъ относительно самыхъ земель, такъ и относительно людей, къ нимъ приписанныхъ, будь эти права и привилегіи основаны на контрактахъ или на передачѣ.»

«Затѣмъ герцогъ Аугустенбургскій обязался за себя и за свое семейство жить постоянно за грѣбами Датской монархіи. Онъ обязался честнымъ герцогскимъ словомъ и далъ клятву, также за себя и за свое семейство, не предпринимать ничего такого, что могло бы вредить или угрожать спокойствію во владѣніяхъ короля, а также ни въ какомъ случаѣ не сопротивляться мѣрамъ принятымъ, или тѣмъ, которыя будутъ приняты, относительно порядка наследства во всѣхъ земляхъ, соединенныхъ теперь подъ королевскимъ скинотромъ. Въ пятой главѣ акта положено было, что король Фридрихъ VII велитъ выдать герцогу, въ видѣ вознагражденія за эту уступку, нѣмцонъ пятьсотъ тысячъ двойныхъ рейхсталеровъ^{*)}, причемъ одна часть должна была быть уплачена въ день св. Николая 1853 года,

^{*)} Означеніе двухъ милліоновъ эта пятнадцать тысячъ рублей серебромъ.

другая—въ день св. Юлиана и т. д. Все было въ порядкѣ; контрактъ заключенъ по всей формѣ. Кроме того, король Данія принималъ на себя уплату долговъ, сдѣланныхъ самимъ герцогомъ или его предками. Все эти суммы были выданы по условію. И что же? Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и тотъ самый герцогъ, который подписалъ это отрѣченіе и выдалъ клятвенно въ полученіи денегъ, на другой день послѣ смерти короля, простившаго его и заключившаго съ нимъ такой контрактъ, передаетъ своему сыну, герцогу Фридриху Аугустенбургскому, претензіи, имъ самимъ же преданныя съ такою выгодой! Вотъ что называется быть безъ предразсудковъ относительно совѣсти!»

На это германцы отвѣчаютъ: «Такъ какъ Данія сама нарушила трактатъ 1852 года, то трактатъ этотъ насъ болѣе не связываетъ». Спрашивается, въ чемъ же состояли посягательства этого претензала, какъ они его называютъ? А вотъ въ чемъ:

«Герцогства—Шлезвигское, не принадлежащее къ германской конфедерации, равно какъ Голштинія и Лауенбургъ, подчиненныя общему сейму,—будутъ имѣть особую администрацію.

«Каждое изъ этихъ герцогствъ должно имѣть свое собственное министерство, которое будетъ отвѣтственно только передъ королемъ и управлять мѣстными внутренними дѣлами и законодательствомъ, на одно съ чинами герцогства».

Такимъ образомъ, было бы три министерства: одно для Даніи въ собственномъ смыслѣ, другое для Шлезвига и третье для Голштиніи съ Лауенбургомъ. Эти три отдѣльныя администраціи должны были бы находить для себя взаимную связь въ общей конституціи, которою управляется вся монархія. Эта конституція имѣла бы основаніемъ равенство, по закону и на дѣлѣ, каждой изъ частей монархіи: ни одна изъ нихъ не могла быть подчинена другой. Кроме того, постановлены были разныя гарантіи для сохраненія въ герцогствахъ національности и учрежденій германскихъ.

«Правда», говорятъ германцы, «герцогства Голштинское и Шлезвигское имѣли каждое своего министра, поставленнаго во главѣ мѣстной администраціи. Но этотъ министръ былъ въ то же время членомъ военнаго кабинета и въ этомъ качествѣ являлся передъ Reichsrath'омъ, наравнѣ съ членами датскаго министерства, такъ какъ конституціонныя реформы 1854 году измѣнили отношенія, созданныя лондонскимъ трактатомъ, а конституція 1855 года, уста-

кошная центръ управленія въ парламентахъ или Reichsrath'ъ, никогда не признавалась, со стороны Германіи, законно принадлежующая герцогствамъ».

Другими словами, какъ только министры Шлезвига и Голштиніи сдѣлались ответственными передъ всею страной, а не только передъ абсолютнымъ королемъ, германцы возопили про измѣну. Но когда король имѣетъ абсолютную власть, то его дѣйствія не могутъ быть оспариваемы. Положить, что король Голштиніи — король абсолютный, не имѣетъ-ли онъ въ такомъ случаѣ неоспоримаго права ввести конституціонныя учрежденія? Такое заключеніе вполне консеквентно.

Данія приняла конституціонную форму правленія, Голштинія должна сохранить абсолютизмъ. Вотъ какъ развивается вопросъ о правѣ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется Германіею. И вотъ самъ г. Бисмаркъ выступаетъ на арену съ тѣмъ, чтобы сразиться въ честь датскаго конституціонализма! Конечно, подобныя аномаліи возможны только въ Германіи! *Illustrirte Zeitung*, органъ либеральной буржуазіи, воскликнула съ чувствомъ самодовольствія:

«Мы сдѣлались разумными, мы теперь народъ политическій. Мы мало не мало освободились отъ того туманнаго космополитизма, который заставлялъ насъ оправдывать великую революцію и приветствовать ее криками радости, если даже эта революція была противна интересамъ нашего отечества. Въ доказательство нашей темерашней зрѣлости, стоитъ только указать на холодность, съ какою мы смотрѣли на возстаніе поляковъ противъ русскихъ».

Въ другой статьѣ этотъ самый журналъ наивно объясняетъ, что Германія никогда не можетъ получить справедливаго удовлетворенія за нанесенныя ей обиды, пока въ Даніи не возстановленъ будетъ анти-конституціонной королью.

Король Фридрихъ VII конечно былъ того же мнѣнія, когда онъ за двѣ недѣли передъ смертью говорилъ, что рѣшится смерть объявить Данію республикою, чѣмъ уступить несправедливымъ требованіямъ Германіи и чувствовать себя побѣжденнымъ....

Такъ какъ Германія сдѣлалась такою благородною и научилась такъ хорошо выводить заключенія, и такъ какъ ея буржуазія сдѣлала такіе богатые успѣхи въ дипломатіи, то она, эта страна, конечно не обидится, если мы, безъ всякаго сентиментализма, доминантнаго или идеализма, будемъ формулировать ея претензіи и приводить эти доводы такимъ образомъ:

«Данія, страна небольшая, имѣеть превосходное историческое на морскомъ берегу».

«Еслибъ я, Германія, обладала этою землею, находящеюся между двумя морями, то я владѣствовала бы на моряхъ балтійскомъ и сѣверномъ и на адриатическомъ заливѣ. Какъ страна континентальная, я бы удвоила, учетверила свои силы, сдѣлавшись въ то же время державою морскою, и тогда я бы оваряла миръ своимъ блескомъ. Съ арміею въ милліонъ человекъ и съ флотомъ, содержащимъ сто тысячъ моряковъ, я, Германія, сдѣлалась бы всемогущею имперіею».

«Но чтобы осуществить такіе грандіозные проекты, я покрайней мѣрѣ должна обладать Шлезвигомъ и Голштиніею, если не всю Данією».

«Но я сильна, а Данія слаба».

«По этому я хочу предварительно взять Шлезвигъ и Голштинію».

Несчастная Данія теперь находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился тотъ римлянинъ, который во время господства Силлы, получивъ свой смертный приговоръ, воскликнулъ: «Я это предвидѣлъ; правительство хочетъ овладѣть моею приморскою владѣю!»

Съ своей стороны датское правительство жалуетъ, что герцогства систематически противятся всякой попыткѣ къ восстановленію добраго согласія и что дворянство, учное сословіе и духовенство сдѣлались слѣплыми орудіями германскаго сейма и самымъ грубымъ образомъ влѣшваются во внутреннія дѣла Даніи. Отвергнувъ всею властью относительно конституціоннаго сѣмза между герцогствами и остальною монархіею, эти сословія воспользовались конституціею для уничтоженія политическаго договора, утверждали, что имѣють голосъ совѣщательный и даже право на veto во всехъ дѣлахъ королевства и принимали уступки только съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ какъ орудіе противъ правительства. Это безпрестанное столкновеніе датскаго правительства съ шлезвигъ-голштинскими подданными, тщетно поддерживаемое левизъ, останавлено въ Даніи ходъ дѣлъ и развитіе конституціонныхъ началъ.

Споры были безконечны между воненгагенскимъ дворянъ и германскимъ союзнымъ сеймомъ, который подстрекалъ голштинскихъ агитаторовъ, обѣщая имъ содѣяніе могущественной Германіи. Не-

реходя отъ одного требованія къ другому, сеймъ дождалъ наконецъ до того, что началъ диктовать Даніи конституцію своего собственнаго надѣля. Начавъ съ Голштиніи, онъ простиеръ свое внимательство на дѣла, исключительно касающіяся датскаго правительства. Весьма естественно и извинительно было желаніе освободиться отъ такого докучливаго внимательства. Подстрекаемый этимъ желаніемъ, король Фридрихъ VII составилъ проектъ конституціи; по онъ умеръ, не успѣвъ его обнародовать. По этому проекту герцогства Лауенбургское и Голштинское дѣйствительно были отдѣлены отъ остальной части монархіи. Для нихъ предполагалась особая законодательная власть и финансовая администрація, ввѣренная особому министру. Ни одинъ дополнительный кредитъ не могъ получить силу закона, не бывъ одобренъ герцогствами. Они должны были имѣть свое собственное войско и назначать особые расходы на его содержаніе. Въ случаѣ, еслибъ Голштинія и Лауенбургъ не захотѣли согласиться съ прочими членами *рейхсрата* относительно дополнительнаго кредита, то имъ предоставлялось прервать свою связь съ остальною частью Датской монархіи. Всѣ эти льготы до безконечности превышаютъ все то, что когда либо уступалось какому бы то ни было рода трактатами, на латинскомъ ли, германскомъ, или шведскомъ языкахъ, словесными ли, письменными или легендарными. Однакожь, при извѣстїи объ этомъ проектѣ конституціи, вся Германія разразилась криками ужаса и стала призывать небо, землю и адъ въ свидѣтели нанесенной ей обиды. Дѣло въ томъ, что Данія, представляя ей такимъ образомъ Голштинію и Лауенбургъ, имѣла въ виду тѣмъ лучше сохранить для себя Шлезвигъ. Но Германія не хочетъ и слышать о такомъ раздѣленіи спорныхъ земель и не намѣрена вступать въ этомъ отношеніи ни въ какія сдѣлки. Такъ какъ три герцогства составляютъ предметъ спора, то она требуетъ, чтобы Данія уступила ихъ все. Германскіе публицисты при этомъ случаѣ ссылаются на параграфъ одной латинской рукописи 1460 года, гдѣ говорится, что оба герцогства, Шлезвигское и Голштинское, соединены между собою неразрывными узлами. И вотъ по поводу этого весьма проблематическаго параграфа одной латинской рукописи, германскіе воины теперь размахиваютъ своими мечами и затѣваютъ военную пляску, оглашая воздухъ изступленными криками ярости. Правда, что въ опроверженіе этого параграфа латинской рукописи 1460 года датчане ссылаются на латинскую надпись, нахо-

дающуюся на древнихъ воротахъ Рендсбурга, у подножія котораго протекаетъ Эйдаръ. Эта надпись гласитъ: «Terminus Imperii Romani,» и относится ко временамъ столь отдаленнымъ, что ихъ невозможно было опредѣлить съ точностію.

Эта датская конституція, такъ же какъ и лондонскій трактатъ теперь подвергаются со стороны германской прессы и трибуны самымъ оскорбительнымъ эпитетамъ; онѣ называются несправедливыми, предательскими, безнравственными и т. д. Гораздо проще и справедливѣе было бы называть ихъ неудобными. Германцы горячатся, это сиверно, но еще хуже то, что они хотятъ горячиться, и что вся эта вспышка гнѣва по большей части притворна.

Въ подтвержденіе этого стоитъ только указать на причины къ неудовольствію, приводимыя Германіею противъ Даніи, которыя мы здѣсь и выписываемъ съ тѣмъ, чтобы исполнить обязанность хроникера. Между ними есть причины законныя, причины, основанныя на преувеличеніи фактовъ, и причины совершенно несправедливыя; но мы не имѣемъ ни времени, ни желанія подвергнуть ихъ строгому анализу, тѣмъ болѣе, что онѣ, по большей части, выставлены авторами съ цѣлью замаскировать пастоящій вопросъ. Вотъ эти причины:

«Всѣ граждане, принимавшіе замѣтное участіе въ восстаніи, продолжавшемся отъ 1848 до 1850 года, подверглись магнаціи и разоренію. (Ужъ не отнести ли сюда и начальника ихъ, герцога Аугустенбургскаго?) Займы, заключенныя мятежнымъ правительствомъ, не были признаны правительствомъ датскимъ. Шлезвигскіе рекруты включены въ датскую армію, а голштинскіе солдаты отданы подъ начальство датскихъ офицеровъ и переведены на острова. Рендсбургъ, крѣпость голштинская, была срыта (вотъ причина къ неудовольствію), а потомъ восстановлена (другая причина); наконецъ, часть ея взорвана на воздухъ (третья причина).

Далѣе: «Такъ какъ богатство служитъ опаснымъ орудіемъ мятежа, то датчане приступили къ разоренію страны (!). Они пренебрегли устройствомъ желѣзныхъ дорогъ (въ Голштиніи этихъ дорогъ болѣе, чѣмъ во всей остальной части монархіи); прекратили работы по Эйдерскому каналу, который бы соединилъ Сѣверное море съ Балтійскимъ и доставилъ бы возможность побѣждать затруднительный проѣздъ черезъ Бельтъ и Зундъ! Особый цензурный комитетъ не пропускалъ черезъ границу ни одного изданія, ни журнала, ни бро-

цезаря, ни книги, которая бы могла возбуждать въ умѣхъ идеи независимости. Типографія закрывалась сажая насильственнымъ образомъ (какъ говоритъ германцы) на томъ основаніи, что онѣ принадлежали людямъ, заподозрѣннымъ въ патриотизмѣ. Право ассоціацій и сходокъ также не было уважено. Датское правительство запретило въ герцогствахъ общества артистическія, ученые, земледѣльскія и даже библейское, основываясь на одномъ подозрѣніи, что эти общества преслѣдуютъ патриотическую цѣль.

... «Тираниія простерла свои преслѣдованія даже на нѣмецкій языкъ, отъ котораго она хотѣла отучить новое поколѣніе. Церкви школы предоставлены были священникамъ и наставникамъ датскимъ. Родители принуждены разлучаться съ своими дѣтьми и носилать ихъ на югъ, чтобы не лишать ихъ благодѣяній національнаго образованія. Тѣ, которые составляли складчину, чтобы на свой счетъ содержать частнаго учителя, подвергались преслѣдованіямъ, а самые наставники заключались въ тюрьму. Достаточно было произнести слова «Шлезвигъ и Гольштинія» для того, чтобы быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ и преслѣдуемымъ всею строгостью законовъ. Почта отказывалась доставлять по назначенію письма, которыя носили на себѣ это запрещенное имя. Кавалерскій орденъ Шлезвига получилъ гербъ, отличный отъ кавалерскаго ордена Гольштиніи. Для шлезвигскаго герцогства приняты были особыя мѣры страхованія стрѣеи отъ огня. Кроме того, суммы, назначавшіяся на содержаніе идиотовъ, слабоумныхъ и сумасшедшихъ, не были однѣ и тѣ же для жителей Шлезвига и для жителей Гольштиніи!»

Когда съ обѣихъ сторонъ произносятся подобнаго рода обвиненія, на столько же смѣшныя, на сколько серьезныя гнѣвъ, ихъ дѣлющихъ, тогда, очевидно, всего лучше отдѣлаться другъ отъ друга какъ можно скорѣе. Но неужели для этого необходимо напередъ подражаться?

И датчане и германцы одинаково увѣряютъ, что всеобщая подача голосовъ рѣшила бы дѣло въ ихъ пользу. Зачѣмъ же ни та, ни другая сторона не требуютъ, чтобы приступлено было къ этой мѣрѣ? Весьма вѣроятно въ герцогствѣ голштинскомъ и, быть можетъ, въ Ауенбургѣ дѣло рѣшилось бы тогда въ пользу германцевъ, но каковъ былъ бы результатъ его въ Шлезвигѣ—этого никакъ нельзя сказать заранѣе. Быть можетъ, всеобщая подача голосовъ раздѣлила

бы эту послѣднюю страну на двѣ половины, но тогда, на крайней мѣрѣ, побѣгли бы кровопролитія. Которой изъ двухъ матерей, Германіи или Даніи, принадлежать эти дѣти, Шлезвигъ, Голштинія и Лауенбургъ? Не нужно быть великимъ Соломономъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ: той изъ матерей, которую эти дѣти наиболѣе любятъ!

Отъ политическаго обзрѣнія нельзя требовать, чтобы оно заняло дневникъ и передавало, день за день, бюллетени германскую и датскую. Но вотъ факты наиболѣе общіе, которые, по нашему мнѣнію, вытекаютъ изъ санаго положенія дѣлъ.

Несчастный король Даніи, тревожимый великими державами, которые требуютъ отъ него одну уступку за другою, тогда какъ народъ его постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы эти требованія были отказано, этотъ король прибѣгаетъ къ мѣрамъ самымъ противрѣчнымъ. Сегодня онъ отличается миролюбіемъ, а завтра принимаетъ воинственный тонъ. Онъ согласился на занятіе германцами Голштиніи, но повидному рѣшился, во что бы то ни стало, отстоять для Даніи южную границу Шлезвига, на который германская конфедерация не можетъ имѣть никакой законной претензіи.

21 декабря члены германскихъ палатъ соединились во Франкфуртѣ, въ числѣ оного девятисотъ человекъ и образовали рѣдъ предварительнаго парламента, Vorparlament, съ тѣмъ, чтобы служить центромъ движенія и, въ случаѣ надобности, поддерживать революціонными средствами божественное право принца Аугустенбургскаго. Это собраніе выразило намѣреніе въ скоромъ времени созвать національный парламентъ. Великій герцогъ Баденскій далъ въ этомъ дѣлѣ опередить себя герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, который намѣренъ исправить оіасно, испытанное на конгрессѣ государей. Этотъ герцогъ Саксенъ-Кобургскій сдѣлался кумомъ претендента и заказалъ въ пользу его тридцать тысячъ мундировъ.

24 декабря полкъ принца Саксонскаго вступилъ въ Альтону. Германская партія встрѣтила его съ криками восторга. Войска сейма вошли въ Голштинію, объявляя, что они оставляютъ вопросъ о наследствѣ неприкосновеннымъ. Федеральные комиссары признавали права государя и увѣряли, что они ни въ какомъ случаѣ не хотятъ ихъ нарушить. Они отвергали всякій проектъ, относительно провозглашенія принца Аугустенбургскаго, до рѣшенія сейма, и сопротивлялись, какъ говорили они, всякому произвольному отрѣше-

нимъ чествованіемъ оныя должности. Но затѣмъ они съ удовольствіемъ присутствовали при провозглашеніи престоюта гражданскимъ и при инагвандіи, цѣлени вѣстиями, должностнымъ лицамъ, ветеранамъ отправившимся по морской дорогѣ на северъ. Между тѣмъ, король Даніи велѣлъ своимъ войскамъ отступать впередъ полными силами. Поэтому на сеймѣ лежитъ отвѣтственность за неприготовленность герцогствъ. Однакожъ, федеральные комиссары, въ прокламации, изданной 1-го января въ Альтонѣ съ тѣмъ, чтобы быть обнародованною въ Лауенбургѣ, приказали мѣстнымъ начальствамъ не упоминать въ официальныхъ рапортахъ о королевской власти и снять съ зданій гербъ королевскій. Они запретили должностнымъ лицамъ носить датскую кокарду и, кромѣ того, приказали федеральнымъ войскамъ отдавать честь герцогу Аугустенбургскому. Значитъ ли это дѣйствовать согласно правиламъ чести?

Пруссія и Австрія дѣйствуютъ въ этомъ дѣлѣ принужденно и вступили въ это движеніе съ тѣмъ, чтобы ему помѣшать.

Правительство французское весьма беспокоится о настоящемъ положеніи дѣлъ. Впрочемъ, оно не сѣтуетъ на затрудненіе, въ какомъ находится тестъ будущаго англійскаго короля. Зачѣмъ было графу Росселю отказаться на отрѣзъ отъ участія въ конгрессѣ, предложенномъ императоромъ Людовикомъ Наполеономъ? Теперь графъ Россель принужденъ, съ своей стороны, предложить конгрессъ изъ представителей нѣбольшихъ державъ для рѣшенія спора, возникшаго между Данією и Германією; а императоръ, въ свою очередь, отвѣчаетъ ему на такое предложеніе: къ чему?

Въ Швеціи и Норвегіи весьма сильно движеніе въ пользу Даніи.

Удивлялись, что Пруссія и Австрія предложили германскому союзному сейму потребовать отъ Даніи отмены ноябрьской конституціи, угрожая, въ случаѣ отказа, подвергнуть военному занятію самый Шлезвигъ, который никогда не составлялъ части германской конфедерации. Ужь не занять ли лучше и Копенгагенъ?

Герцогъ Фридрихъ не замедлилъ образовать свое собственное правительство. Предварительно онъ приглашаетъ *своихъ подданныхъ* повиноваться федеральнымъ комиссарамъ... Это весьма понятно!

Саксонскій генералъ Гакке потребовалъ отъ Даніи, чтобы она вывела свои войска изъ шести селъ, расположенныхъ за Рендбургомъ, по ту сторону Эйдера. Въ 1848 году южная граница Шлезвига была провѣрена и опредѣлена вновь; но г. Гакке не

хочетъ знать этого опредѣленія и приказала датчанамъ ожидать сигнала въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ. Впрочемъ она отказалась терпѣливо и уже восемь дней ждетъ, чтобы неминуемо было его приказаніе. До сихъ поръ еще не случилось ничего немисривнаго; но въ настоящую минуту миръ Европы, быть можетъ, зависить отъ какой нибудь роты, занимающей аванпостъ, или какого нибудь каптала, выплывшаго лишнюю рыбку шиваса! Въ какой перварской авоухъ мы живемъ!

«Англія», говоритъ Таймсъ, — «въ настоящее время наслаждается тѣмъ благомъ, которое наши писатели называютъ глубокимъ миромъ, — благомъ, продолжающимся для насъ съ самаго окончанія войны съ Россією. Послѣ возстанія, происходившаго въ Индіи, мы пользовались на востокѣ спокойствіемъ, увеличеніемъ доходовъ и социальнымъ прогрессомъ. Въ Европѣ, мы за выгоды мира заплатили то, чего онѣ стоятъ. Мы имѣли неудовольствіе видѣть, что на наши симпатіи не было обращено должнаго вниманія. Мы выказали болѣе благоразумія, чѣмъ храбрости, отказавшись принять участіе въ европейскомъ конгрессѣ. Наши отношенія къ воюющимъ сторонамъ сѣверной Америки характеризуются настойчивымъ нейтралитетомъ, который даже у насъ никого не удовлетворилъ. Кромѣ того, мы застраховали себя отъ опасностей войны цѣною огромной преміи, уплачиваемой въ видѣ громаднхъ сооружений.

«Но, поблагодаривъ небо за этотъ глубокій миръ, который оно намъ даруетъ, обратимся къ какой нибудь газетѣ и посмотримъ, что въ ней говорится.

«Прежде всего представляется тамъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ стычекъ съ неопредѣленнымъ числомъ племенъ, на дорогѣ отъ Пешавара въ Кабулъ; мы читаемъ, что пять тысячъ нашихъ солдатъ участвуютъ въ экспедиціи, что шестнадцать англійскихъ офицеровъ убито или ранено и что требуется помощь. Мы имѣемъ смутную надежду, что мы нанесли врагу столько же ударовъ, сколько получили сами. Нельзя сказать съ достовѣрностью, чтобъ мы вели войну съ Китаемъ; извѣстно только, что мы тамъ убиваемъ людей и что туземцы убиваютъ нашихъ солдатъ. За тѣмъ все является загадкой и мы въ совершенномъ недоумѣніи. Мы, безъ всякаго сомнѣнія, друзья и совѣтники японскаго тайгуна, но не его подданныхъ, такъ какъ недавно еще мы имѣли кровопролитную стычку съ однимъ изъ этихъ дайміо. Мы ему дали хорошій урокъ, говорит

нанъ адмиралъ; другіе увѣряютъ, что уроекъ получили мы. Въ Новой Зеландіи два или три нашихъ воина учатся у туземцевъ искусству драться въ дѣсахъ и льстятъ себя надеждой вскорѣ сравниться въ этомъ отношеніи съ своими учителями. Но при подобной борьбѣ дѣло въ томъ, чтобы побѣдить дикарей большими батальонами. Поэтому мы имѣемъ тамъ надобность въ подкрѣпленіяхъ. Между тѣмъ наши поселенцы сражаются, или образуютъ патрули, а ихъ семейства живутъ неизвѣстно гдѣ и какъ. Подкрѣпленія, посланныя въ Канаду, еще не были отозваны и мы, быть можетъ, будемъ поставлены въ необходимость увеличить ихъ въ пятеро или въ десятеро. Однакожъ мы тамъ наслаждаемся глубокимъ миромъ, такъ же какъ и въ Европѣ. И это для насъ большое счастье, такъ какъ мы воюемъ въ четырехъ углахъ свѣта: въ центрѣ Азіи, на одномъ концѣ ея, къ имперіи еще болѣе отдаленной и на группѣ острововъ, отстоящей отъ Англіи какъ нельзя далѣе.

«Что касается Новой Зеландіи, то мы на счетъ ея спокойны. Съ той минуты, какъ дикіе жители ея пришли въ соприкосновеніе съ цивилизаціею, т. е. познакомились съ порохожъ, реможъ и развратомъ, мы увѣрены, что смерть приберетъ ихъ скорѣе, тѣмъ англійскихъ солдатъ. Во всѣхъ другихъ пунктахъ не видно конца борьбѣ.» *Племена Холмовъ*, между которыми, надо полагать, мы истребляемъ столько же людей, сколько и они истребляютъ нашихъ, «съ незапамятныхъ временъ убиваютъ и грабятъ все то, что имъ кажется достойнымъ такого труда. Мы, пожалуй, въ состояніи уничтожить десятую часть ихъ, но отъ этого намъ будетъ не легче.

«Въ Китаѣ убито десять тысячъ человѣкъ. Это капля воды въ морѣ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это — содержать нѣсколько аванпостовъ и устроить карантинъ противъ распространенія моровой язвы, опустошающей материкъ и которой, повидимому, не суждено пріостановиться. Нигдѣ жизнь не имѣетъ такъ мало цѣны и нигдѣ стіихи порядка не составляютъ такой потребности, какъ въ Китаѣ. Если нѣтъ другой безопасности, кромѣ даруемой нами, какъ мы можемъ себя утѣшить, то мы не видимъ конца обязательствамъ, принимаемымъ нами въ отношеніи къ тѣмъ, которые становятся или стали подъ наше покровительство. Никто не въ состояніи опредѣлять числа солдатъ, кораблей и разныхъ снарядовъ, которыхъ мы, быть можетъ, должны будемъ отправить туда, хоть бы для того, чтобы сохранить то, что намъ принадлежитъ.

«Что касается нашихъ споровъ съ этой странною и недавно открытою расою японскихъ князей, то Англія на этотъ счетъ какъ будто убавлена какими-то рассказами изъ Тысячи одной ночи. Исторія кажется баснословною и непонятною. Еслибъ наши солдаты были атакованы духами, еслибъ они подверглись какимъ нибудь чудеснымъ метаморфозамъ, то мы бы не были меньше изумлены, чѣмъ теперь. Весьма недавно еще мы были очарованы, узнавъ, что золото въ Японіи находится въ изобиліи и что можно получить тамъ этотъ металлъ за баснословно ничтожное количество серебра. Оказывается теперь, что мы за японское золото платили армстронговскими и витвортскими пушками и что мы служимъ теперь ишению для нашей собственной артиллеріи. Князь Сатсума имѣетъ искусныхъ агентовъ и софитниковъ и обладаетъ несмѣтными доходами и многочисленнымъ войскомъ. Съ этой стороны также борьба можетъ продолжаться долго.

«У себя дома мы также не безъ заботъ. Никвкъ нельзя назвать пріятнымъ положеніе нашей любимой королевы. Ея деверь и свекоръ, ея дочери занимають своими солдатами двѣ провинціи, на которыхъ объявляютъ свои права отецъ принцессы Уэйльской. Королевскій принцъ Пруссіи, съ своимъ супругомъ, поспѣшно оставилъ насъ и возвратился на родину. Черезъ нѣсколько недѣль, быть можетъ, нѣкоторые изъ членовъ нашей королевской фамиліи должны будутъ поднять другъ противъ друга мечъ въ этой распрѣ, которая можетъ сдѣлаться страшною и ороситъ кровью всю Европу. Каждый день насъ увѣряють, что дѣла устроятся, какъ нельзя лучше. Но когда Англія видитъ весь этотъ пороховъ и солдата, стоящаго съ охлупомъ въ рукахъ, тогда она не убѣждена, что здѣсь дѣло идетъ только о сѣйфериѣ. Всѣ возможные матеріалы накопились для континентальной войны и, безъ всякаго сомнѣнія, этой войны желаютъ многіе. А опытъ доказалъ, что распрѣ всеобщая никогда не кончается безъ того, чтобы мы не были въ нее вовлечены.

«При такихъ видахъ, представляющихся въ будущемъ, что мы должны думать о томъ, что намъ предстоитъ дѣлать въ четверть часа свѣта? Мы не намѣрены видѣть все въ худшемъ свѣтѣ. Положимъ, что мы бы могли прекратить свои операціи въ Пешеварѣ, сократить ихъ въ Китай и Японіи и что Зеландія намъ стоитъ не болѣе, какъ отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ въ годъ...

«Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы дѣла могли окончиться

для насъ благоприятно въ одно и то же время на всѣхъ четырехъ пунктахъ. Изъ многочисленныхъ залоговъ, предоставленныхъ нами Фортунѣ, она можетъ употребить нѣкоторыя къ нашему же вреду. Въ двухъ странахъ, гдѣ мы наиболѣе рискуемъ, интересы наши противоположны. Въ Европѣ намъ нуженъ былъ бы миръ, а въ Америкѣ война. Вѣроятно, что когда сѣверные штаты примирятся съ южными, то это будетъ на нашъ счетъ. И можемъ ли мы надѣяться, что дѣла пойдутъ такъ, какъ мы бы желали, или останутся въ угожденіе намъ? На это положиться нельзя. Во всякомъ случаѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ взаимномъ противорѣчій нашихъ интересовъ, мы думаемъ, что миръ можетъ быть сохраненъ для насъ только при большомъ стараніи, умѣренности и твердости съ нашей стороны!»

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней много говорили въ Парижѣ о замыслѣ какихъ-то италіанцевъ противъ жизни императора Наполеона Бонапарта. До сихъ поръ слухи объ этомъ происшествіи протекаютъ изъ правительственнаго источника и далеко между собою несогласны. Три Италіанца, говоритъ полиція, принадлежаще къ партіи Мадзини, пришли въ Парижъ съ бомбами усовершенствованной орсиніевской системы. Эти бомбы были изъ кованаго желѣза, а не изъ чугуна и имѣли, кажется, невнятный видъ апельсинавъ. Предполагалось бросить ихъ въ императора и его свиту, когда его величество будетъ кататься на конькахъ на озерѣ въ Булонскомъ лѣсу. Но до наступленія роковаго дня заговорщики, говорятъ, были проданы четвертымъ своимъ товарищемъ за весьма большую сумму денегъ парижской полиціи, которая уже была предупреждена лондонскою о томъ, что какой-то замыселъ готовится.

Удивлялись равнодушію, съ какимъ это извѣстіе, какъ только удовлетворено было первое любопытство, въ парижскихъ салонахъ, было принято и остальнымъ народонаселеніемъ столицы. Слушатели не дѣлали никакихъ предположеній и никакихъ комментариевъ; они подымали плечи и болѣе объ этомъ не говорили. Кажется, всѣ чувствуютъ, что современные событія принимаютъ такое важное значеніе, что одинъ человѣкъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ на политическомъ поприщѣ, не можетъ имѣть большого вліянія на нашу будущую судьбу...

Кризисъ, которому во Франціи подвергается императорская система, и на который съ самаго начала обращено было вниманіе нашихъ читателей, съ каждымъ днемъ становится значительнѣе. Черезъ нѣсколько недѣль онъ ни для кого не будетъ тайной. Все, что касается имперіализмъ, достается на долю какому-то ложному либерализму и какой-то ложной демократіи болѣе чѣмъ сомнительной нравственности. Какъ признаки настоящаго времени, рѣчи, произнесенныя въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, были весьма интересны.

Прежде всего намъ представляется болтовня извѣстнаго маркиза де-Боасси, знаменитаго въ своемъ родѣ, своими наглыми выходками. Въ числѣ озадачивающихъ нелѣпостей, маркизъ произнесъ слова, заставившія вздрогнуть тѣхъ господъ, которые сидятъ на министерскихъ скамьяхъ. Его превосходительство, г. Руэ, счелъ нужнымъ возразить на эти слова: г. маркизъ замѣтилъ, что императоръ окруженъ людьми жалкими, которые, если онъ отъ нихъ не освободится, навлекутъ на него большія несчастія, такъ какъ эти *зачумленные* (!) люди имѣютъ роковое вліяніе на государей!.. Назовите же этихъ людей, назовите ихъ по имени! Какъ! люди служатъ императору честно и посвящаютъ ему всю свою преданность и весь свой умъ (все что осталось у нихъ отъ преданности, выказанной на службѣ республикѣ 1848 года) и вы въ этомъ собраніи, въ средѣ самаго сената, рѣшаетесь указать на нихъ, какъ на людей жалкихъ, зачумленныхъ!..»

Маркизъ де-Боасси: «Я никогда не думалъ нападать на министровъ, но я сказалъ,—такъ какъ я въ этомъ убѣжденъ,—что въ числѣ лицъ, окружающихъ императора есть люди жалкіе, всегда стоящіе на колѣняхъ и протягивающіе руку!» (Ропотъ и шумъ).

Забавно, что послѣ его превосходительства, г. министра, придворные сановники одинъ за другимъ обращались къ г. Боасси съ вопросомъ: «А я, развѣ я—человѣкъ жалкій, зачумленный?»

Его превосходительство, г. Руэ, былъ еще болѣе краснорѣчивъ, когда, представляя въ очеркѣ положеніе правительства внутри страны, онъ воскликнулъ: «Отъ насъ требуютъ все новой и новой свободы... Въ настоящее время не трудно замѣтить двѣ группы людей: одни съумасбродствуютъ при словѣ «свобода» и, увлекаясь своими надеждами и иллюзіями, не повѣряютъ ничего и готовы все принять на вѣру; другіе, болѣе ловкіе, еще громче требуютъ усми-

рація партій и терпѣливо, съ несокрушимою твердостью, ожидаютъ, чтобъ наступилъ тотъ день и часъ, когда имъ можно будетъ дѣйствовать. Я вижу партію, которую я встрѣтилъ въ тотъ часъ (въ 1848 году), когда я вступилъ на политическое поприще, и эту партію я не забуду никогда. Одинъ изъ членовъ этой партіи хотѣлъ характеризовать послѣдніе выборы. Этотъ человекъ былъ г. Пельтанъ, удостоившійся вчера чести быть избраннымъ въ представители народа. Вотъ что онъ говорилъ:

«Самый опасный революціонеръ—не Дантонъ, а *Термитъ*... (Торжественное молчаніе, движеніе—что онъ хочетъ сказать?)

«Термитъ — муравей жаркихъ странъ, насѣкомое, по преимуществу принадлежащее къ породѣ грызуновъ... (О, да! воскликнулъ кардиналъ Донне, онъ уже опустошилъ половину Ла-Рошеля).

«Термитъ роется въ тиши и грызетъ въ темнотѣ, и пока онъ тщательно исполняетъ дѣло разрушенія, уничтожая одну пылинку за другою, домъ сохраняетъ наружный видъ прочности. Жильцы въ немъ ѣдятъ спокойно, пьютъ, веселятся, танцуютъ; но въ одинъ прекрасный вечеръ, когда весело бьютъ часы и когда ребенокъ покойно спитъ въ своей колыбели... (моментъ ожиданія,—присутствующимъ представляется принцъ, лежащій въ своей кровати)... вдругъ трещитъ одна балка и весь домъ рушится... и изъ всего того, что было за минуту передъ тѣмъ, изъ всей этой картины веселья и счастья, не остается ничего, кромѣ одной части стѣны и облака пыли!

«Итакъ приступлено было къ подачѣ голосовъ!..

«Вотъ, что господа, не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ, было дубликовано въ этой столицѣ. Подумайте теперь. О, да! Не Дантонъ величайшій революціонеръ, а это грызущее насѣкомое, которое роется, подкапывается подъ зданіе и, уничтожая одну пылинку за другою, исполняетъ свое дѣло разрушенія. Въ этой картинѣ все: и веселье, и танцы, и ребенокъ, спящій въ колыбели, и все это рушится въ одинъ моментъ!.. Итакъ приступлено было къ подачѣ голосовъ!» (Громъ рукоплесканій).

«И вы еще говорите, что нѣтъ болѣе партій! Мы едва освободились отъ пятидесятилѣтнихъ смуть. Духъ ала господствовалъ почти самовластно въ продолженіе двухъ лѣтъ. Среди этихъ самыхъ стѣнъ Люи-Бланъ воздвигъ каседу социализма; всѣ надежды были отданы

въ добычу страстямъ, и вы еще говорите, что все это умирно!
Нѣтъ! нѣтъ!»

И его превосходительство произносилъ слова Пельтана, какъ луж-
кий актеръ, съ приличною интонаціею и жестами; онъ говорилъ
дрожавшимъ голосомъ, съ краснорѣчіемъ страсти, и съ пѣвой у
рта. Гнѣвъ и ужасъ его превосходительства выражались на его ли-
цѣ. Послѣ этой знаменитой рѣчи *Термитъ* вошелъ въ поговорку.
Это слово сдѣлалось насмѣшливымъ прозвищемъ либераловъ, т. е.
революціонеровъ бессознательныхъ и невольныхъ.

За тѣмъ маркизъ де-ла-Рошъ-Жакленъ, означенный выше мар-
кизъ де-Боасси и генеральный прокуроръ Дюневъ въ своихъ рѣчахъ
нападали на польское возстаніе. Господинъ Болжанъ защищалъ это
возстаніе, какъ защищаютъ дѣла проигранное. Его императорскому
высочеству, принцу Наполеону, и его экс-превосходительству, г.
Валевскому, запрещено было отвѣчать на введенное противъ нихъ
обвиненіе. Такой контрастъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ странѣ.

Въ законодательномъ корпусѣ разладъ между членами знаменитой
опозиціи сдѣлался очевиднымъ. Сплошному большинству, состояще-
му изъ трехъ сотъ членовъ, противопоставляются три или четыре
опозиціи, изъ которыхъ въ каждой находится около десяти членовъ.
Избраніе вновь термита—Пельтана нанесло страшный ударъ прави-
тельству. При первомъ своемъ избраніи, Пельтанъ имѣлъ на своей
сторонѣ противъ кандидата императора только большинство ста го-
лосовъ, а въ этотъ разъ болѣе пяти тысячъ. Это Парижъ, несп-
равивый Парижъ выкинулъ такое колѣнцо.

Подстрекаемая чувствомъ соревнованія, провинція въ то же время
избрала большинствомъ трехъ тысячъ голосовъ новаго кандидата
опозиціи, притомъ въ такомъ округѣ, который два мѣсяца тому
назадъ далъ правительству большинство отъ восьми до девяти ты-
сячъ голосовъ. Министерство, надѣясь приготовить для себя тор-
жество, приняло представителя Дижона, съ тѣмъ чтобы сдѣлать изъ
него государственнаго совѣтника. Избраніе преемника этого пред-
ставителя должно было уравновѣсить дѣйствіе пораженія, которое
предвидѣлось въ Парижѣ и котораго правительство тѣмъ не менѣе
желало избѣгнуть во чтобы то ни стало, *per fas et nefas*, и въ
особенности *per nefas*. Однакожъ, всѣ старанія къ достиженію этой
цѣли были напрасны. Претерпѣвъ пораженіе отъ толпы умныхъ лю-

тлелъ, каковы жьтвн стлнны—это снѣ туда сюда; но быть ра-
бьтнми провинцнлами—это ужь ни на что не похоже!

Имперн чувствуеть себя атакованною въ самыъ чувствнтель-
ныхъ мѣстахъ. Уже люди ловкн нмѣняють свой образъ дѣйствова-
нн. Либерализмъ, столь обруганный, и парламентаризмъ, столь ос-
мфяннн, теперь выдять въ рядахъ своихъ защитниковъ новыкъ
рекрутовъ, которыхъ прежде они не ожидали.

Виконтъ де-ла-Героньеръ пронасъ въ сенатъ въ пользу сво-
боды прессы и вообще всякаго рода свободы великолѣпную, высоко-
нариую и многословную рѣчь, сильно оскорбнвшую собранн и воз-
буднвшую гнѣвъ его превосходительства, графа Руэ. Господннъ
Даррабюръ не давно объясннлъ въ законодательномъ журнусѣ, что,
по сведенн счетовъ, оказывается, что правительство обременно
сннансы долгомъ въ ТРИ МИЛЛІАРДА ЧЕТЫРЕСТА МИЛЛІОНОВЪ!—
шера, произведншая весьма печальное впечатлѣнн на палату, и нрн-
тнвъ которой легнтимнстъ Беррье возсталъ съ свойственныкъ ему
краснорѣчнемъ. Всеобщее изумленн было доведено до крайности нзвѣ-
домнемъ его превосходительства, герцога Морни. Этотъ господннъ,
братъ императора и генн имперн, осмѣлнлся жаловаться почти нуб-
лично на дурное направленн, данное дѣламъ императрнцѣю. Герцогъ
Морни почти кокетничаетъ съ депутатами оппозицн! Онъ речнспро-
валъ адресъ къ императору, представляющнй такой же рѣамнъ кон-
расть съ адресомъ г. Тролонга, читаннымъ въ сенатѣ, какой пред-
ставляетъ стрнй цвѣтъ противъ розоваго. Господннъ Морни аванчи-
ваетъ свою рѣчь многозначительными словами:

«Францн теперь не имѣетъ другого честолюбиваго желанн, кромѣ
желанн обезпечнть свое спокойствн, развнть свое матеріальное бла-
госостоянн трудомъ и миромъ, а нравственное — ИСКРЕННЫМЪ и
постепеннымъ приннженнемъ свободы гражданской и политической!»

Осмѣлнться требовать отъ правительства искренности! Слышанное
ли это дѣло? Партн придворныхъ, столь снѣло охарактеризованная
Маркнзомъ де-Боассн, разнѣбалась и встравожилась. Эти люди го-
товы были бы напустить на рѣчь господина Морни бульдоговъ
Рая и Constitutionel'а, но они не осмѣлнлись этого сдѣлать и
ограничнлись тѣмъ, что таинственно шептали на ухо своимъ едино-
мысленнникамъ: «Остерегайтесь господина Морни. Это—Монгъ!»

Такую оиду этому нашему движанню нрндаетъ убѣжденн, сдѣла-
нное всеобщнмъ, что правительство не въ состояннн предпрннать

войну, къ которой оно давно готовилось. «Франціи» говорили когда-то бывший арестантъ Гама, «нужна или внѣшняя слава, или внутренняя свобода.»

Его превосходительство, маршалъ Маньякъ, безъ сомнѣнія, не понялъ этихъ словъ своего господина. Исполнимо дней тому назадъ, принимая депутацію каменщиковъ, онъ произнесъ ей рѣчь и воскликнулъ: «Тайныя общества мутятъ народъ, возбуждая въ немъ дурныя страсти, но мы ожидаемъ этихъ агитаторовъ, ожидаемъ ихъ на улицѣ!» Бѣдный маршалъ, вы бы послушали, что говорятъ вамъ товарищъ, его превосходительство, г. Руэ: агитаторы и революціонеры менѣе опасны, чѣмъ термиты. А термитовъ, да будетъ вамъ извѣстно, г. маршалъ, нельзя убить ни саблями, ни штыками.

Говорятъ, что когда извѣстіе о побѣдѣ г. Нельтана пришло въ Бонниенъ, императоръ съ досадою передалъ эту депешу императрицѣ и воскликнулъ: «Вотъ, сударыня, чего стоитъ мнѣ ваша мексиканская экспедиція!» Не ошибается ли его императорское величество, предполагая, что экспедиція, предпринятая противъ Мексики, есть единственная или главная ошибка правительства?

Теперь всѣ говорятъ объ этой за-атлантической затѣѣ то, что говорили вамъ журналъ два года тому назадъ. Сенатъ, угодливый во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ принимаетъ почти повелительный тонъ. Адресъ господина Морни, рапортъ г. Фульда, представленіе финансовой комисіи — всѣ согласны на счетъ этого предмета: кто насъ освободитъ отъ мексиканской войны? Въ настоящее время правительство даетъ слово, что все будетъ кончено въ 1864 году. Императоръ Максимилианъ, говорятъ, долженъ заплатить за всѣ расходы по экспедиціи. (До сихъ поръ, по словамъ правительства, израсходовано на этотъ предметъ 300 милліоновъ. 200 милліоновъ — для взысканія четырехъ!!)

Надо замѣтить, что такъ называемыя французскія дѣла находятся въ этой прелестной странѣ въ самомъ северномъ состояніи. Каждую недѣлю отправляются туда изъ нашихъ портовъ отъ восьми сотъ до тысячи человекъ, единственно съ тѣмъ, чтобы вознаградить убыль, безпрестанно производимую въ войскѣ. Французская армія, принужденная поддерживать сообщеніе съ моремъ, растянута въ длину на сто льѣ, на линіи, ведущей изъ Вера—Круца въ Мексику, а изъ Мексики въ Валадолидъ, на дорогѣ въ Санъ-Джозе де-Потоси.

Достому маѣни гвардигласовъ безпрестанно нападаютъ на уединенныя посты, уничтожаютъ ихъ и затѣмъ уходятъ. Они атакуютъ даже города и села, гдѣ расположены французскія войска, которыя едва успѣваютъ укрыться въ своихъ ретраншаметахъ, предоставляя неприятелю вѣшать клерикаловъ, вступившихъ въ союзъ съ врагами отечества. Нѣсколько разъ Негръ и Базенъ располагали своихъ солдатъ большими массами, но тогда эти солдаты не имѣли возможности въ достаточномъ количествѣ запастись провизією или принуждены были оставаться въ бездѣятельности на своихъ квартирахъ. Доброе согласіе между бонапартистскими генералами съ одной стороны, и ихъ друзьями, клерикалами, съ другой, продолжалось нѣ долго. Временное правительство, учрежденное маршаломъ Форе, было распущено и его обязанности сохранилъ Альмонте (человѣкъ, какъ вы знаете, испытанной честности). Архіепископъ города Мексика, монсиньоръ Лабастеда, формально потребовалъ отмены мѣръ относительно секуляризаціи имуществъ духовенства, уничтоженія продажи этихъ имуществъ, и возвращенія епископамъ и монастырямъ всѣхъ владѣній, принадлежавшихъ имъ до 1857 года, и которыхъ цѣнность приблизительно простирается до пол-милліарда франковъ. Вслѣдствіе предварительнаго отказа генерала Базена, архіепископъ потребовалъ своей отставки отъ должности члена знаменитаго триумвирата. Въ слѣдующее воскресенье, его преосвященство велѣлъ запереть двери кафедральнаго собора и грозилъ отлученіемъ отъ церкви генералу Базену, господину Альмонте, всѣмъ офицерамъ французскимъ и всѣмъ тѣмъ офицерамъ мексиканскимъ, которые присоединились къ французскимъ.

Генераль Негръ, комендантъ города, не утратился этихъ мѣръ. Онъ расположилъ весь гарнизонъ, приблизительно изъ трехъ тысячъ человекъ инфантерій, кавалерій и артиллерій, на площади передъ соборомъ и объявилъ, что велитъ выломать двери церкви, если епископъ не откроетъ ихъ самъ. Саперы стояли съ своими петардами, а артиллеристы съ своими пушками и зажженными фитилями. Архіепископъ, не успѣвшій внушить страхъ другимъ, испугался самъ; велѣлъ открыть двери и началъ службу. Французскій генераль вышелъ изъ церкви тогда, когда вмѣстѣ съ своими солдатами выслушалъ всю обѣдню и когда получилъ благословеніе (не искреннее ли?) отъ его преосвященства.

Но атакуемая съ лѣвой стороны конституціоналистами, а съ правой клерикалами, чѣмъ кончится эта французская экспедиція?

Говорятъ, что г. Базенъ вступилъ въ переговоры съ Дюбле, министромъ Хуареса. Какъ досадуетъ теперь французское правительство, что оно такъ громко объявило, что никогда не заключитъ никакихъ условій съ Хуаресомъ. О! еслибъ президентъ мексиканской республики согласился, хоть для вида, отказаться отъ своей должности, изъ какого затруднительнаго положенія онъ бы вывелъ тогда императора Наполеона Бонапарта!

О, какъ мы далеки теперь отъ очаровательныхъ видовъ, представлявшихся мутному взору чловѣка, который утверждалъ, что мiръ принадлежитъ олегиматкамъ! Эти виды заключались въ истребленіи всѣхъ американскихъ республикъ и въ уничтоженіи грознаго могущества Соединенныхъ Штатовъ. Какъ мы далеки теперь отъ раздѣленія всей Америки на три громадныя рабовладѣльческія государства: Бразилію на югѣ, конфедерацію Джефферсона Девиса на сѣверѣ, и великую бонапартистскую имперію въ центрѣ!

«Sic transit, sic transit gloria mundi!»

«А этой несчастной рабовладѣльческой конфедераціи остается теперь только умереть отъ ранъ, нанесенныхъ ей федеральными войсками.... Ея президентъ получилъ отъ нашего святѣйшаго отца, папы, благочестивое посланіе, съ изъявленіемъ сочувствія и съ благословеніемъ.... О, несчастная владѣтельница негровъ, умирающая въ полночь цвѣтъ юности!

Жакъ Ласфрессъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Для хорошей общественной дѣятельности нужны и хорошие дѣтели. — Переходъ Земскихъ учреждений изъ провѣкта въ дѣйствительную жизнь. — Какими обстоятельствами будетъ обуславливаться ихъ практическій успѣхъ? — Границы дѣятельности и составъ Земскихъ учреждений. — Условія, опредѣляющія права избирателей. — Относительное значеніе гласныхъ. — Перевѣсъ вліянія на сторонѣ землевладѣльцевъ. — Устройство тюремъ, какъ одна изъ главныхъ хозяйственныхъ задачъ предстоящей дѣятельности Земскихъ учреждений. — Вторая задача — развитіе и обезпеченіе губернскихъ банковъ. — Старая пѣсня о нашемъ частномъ кредитѣ. — Стѣснительное положеніе землевладѣльцевъ и озартная игра ихъ въ винокуренную промышленность. — Ближайшія цѣли нашей общественной дѣятельности.

Развитіе и прочность хорошихъ общественныхъ учреждений всегда обуславливались тѣми активными способностями народа, которыя онѣ обнаруживалъ въ пониманіи и въ практическомъ веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ. Величайшая задача общественной жизни заключается именно въ томъ, чтобы умѣть подчинить личныя интересы общими и ставить на первомъ планѣ не свое индивидуальное я, а пользу и счастье всѣхъ, составляющихъ съ нами одно социальное цѣлое. «Если мы спросимъ себя, говоритъ Милль, отъ какихъ причинъ и условій зависитъ хорошее правленіе, какъ въ его обыкновенномъ, такъ и въ самомъ обширномъ смыслѣ, то найдемъ, что главное изъ нихъ, превосходящее всѣ другія, лежитъ въ качествахъ лица, составляющихъ общество, для которыхъ это правленіе существуетъ. Возьмемъ для примѣра управленіе правосудіемъ, тѣмъ болѣе, что едва ли есть другой отдѣлъ общественной дѣятельности, гдѣ бы чисто-механическая часть, правила и умѣнье вести подробности дѣла, имѣли бы такое жизненное значеніе. Между тѣмъ и здѣсь онѣ уступаютъ въ значеніи свойствамъ употребленныхъ дѣя-

телей. Какую пользу принесут всѣ правила дѣлопроизводства правосудію, если нравственное состояніе народа таково, что свидѣтели обыкновенно лгутъ, а судьи и ихъ подчиненные берутъ взятки? Точно также, какимъ образомъ учрежденія могутъ повести къ хорошему муниципальному управленію, при такомъ равнодушіи къ дѣлу, что тотъ, кто могъ бы служить честно и хорошо, не чувствуетъ побужденія служить, а должности предоставляются тѣмъ, кто въ нихъ находитъ только средство удовлетворять своимъ личнымъ интересамъ? Къ чему служить самая широкая система народнаго представительства, если избиратели не заботятся выбрать лучшаго члена парламента, но выбираютъ того, кто больше истратитъ денегъ для самаго избранія? и т. д.

Такимъ образомъ сила и жизненность общественныхъ учреждений, по мнѣнію Милля, заключаются въ умѣ и добросовѣстности гражданъ, призванныхъ къ участию въ управленіи. Насколько народъ запасся этими необходимыми качествами, настолько онъ и можетъ ожидать успѣха отъ своей общественной дѣятельности. И такъ какъ эта дѣятельность очень сложная и требующая самого вниманія человѣческихъ отношеній, то она готовится долговременными опытами и реальными знаніями.

Правительство наше нашло необходимымъ сложить съ себя часть государственныхъ заботъ и призвать народъ къ общественному дѣлу. Съ этой цѣлью во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ вводится положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, которыя, наконецъ, изъ сферы проектовъ перешли въ дѣятельность.

Когда мы говоримъ — *перешли въ дѣятельность*, то понимаемъ подъ этимъ словомъ законодательную пробу, которую выдержали эти учрежденія. Что же касается до того, какъ они привьются къ самой жизни и какіе дадутъ результаты въ будущемъ, то это зависитъ отъ двухъ главныхъ обстоятельствъ: 1) въ какое отношеніе поставитъ себя къ земству административная власть, которой принадлежитъ непосредственное наблюденіе за ходомъ земскихъ учреждений и 2), насколько окажется способнымъ само общество овладѣть тѣми правами, какія даются ему въ его собственныхъ дѣлахъ.

Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, конечно, имѣютъ главное значеніе границы, опредѣляющія вообще права и обязанности этихъ

устроеній, что въ свою очередь обуславливается степенью самостоятельности ихъ и качествомъ предметовъ, подлежащихъ заведыванію земства. Изъ перваго параграфа видно, что населеніе призывается къ «ближайшему участію въ заведываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ польвъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда»; но такъ какъ *хозяйственные* дѣла, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ неразрывную связь съ общими ходомъ государственной системы и прямо вытекаютъ изъ цѣлаго общественнаго устройства, то земскимъ учрежденіямъ предоставляются нѣкоторые вопросы, выходящіе изъ круга чисто-хозяйственныхъ. На этихъ вопросахъ мы и остановимъ наше вниманіе.

На земскія учрежденія возлагается, между прочимъ: «попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи; представленіе чрезъ губернскае начальство высшему правительству свѣденій и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ польвъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по сиимъ предметамъ также чрезъ губернскае начальство». Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается зародышъ той *органической* связи между правительствомъ и обществомъ, посредствомъ которой общественныя потребности должны вызывать дѣятельность исполнительной власти. По этимъ предметамъ, обнимающимъ собою не только матеріальный, но и нравственной бытъ земства, оно можетъ представлять правительству свои заключенія и свѣденія и даже обращаться съ ходатайствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда признаваемая полезною мѣра превышаетъ предѣлы власти земскихъ учрежденій. Въ этомъ правѣ земства можно видѣть нѣкоторое возрожденіе одной изъ принадлежностей нашего древняго быта—*челобитныхъ*, посредствомъ которыхъ города, волости и села обращались съ своими просьбами и жалобами къ верховной власти. Это право, столь необходимое и естественное въ политическомъ быту всякаго народа, окончательно утратилось въ Россіи, и возрожденіе его теперь надо считать одной изъ важныхъ заслугъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Многіе могутъ не согласиться съ нами, что въ правѣ земства входитъ съ ходатайствомъ къ правительству возраждается древнее право челобитныхъ, но мы просимъ замѣтить, что, принимая сущность предмета, а не форму, нельзя не найти нѣкотораго внутренняго средства меж-

ду собирательнымъ ходатайствомъ цѣлаго края и древними челобитными, и даже петиціями, узаконенными въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ Европы.

Положительныя права земскихъ учреждений выражены въ слѣдующихъ правилахъ: они не могутъ выходить изъ круга указанныхъ имъ дѣлъ; поэтому они не вмѣшиваются въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учреждений; иначе всякое опредѣленіе земскихъ учреждений признается недѣйствительнымъ. Начальники губерній, министерство внутреннихъ дѣлъ и сенатъ—суть высшія инстанціи, чрезъ которыя могутъ проходить въ дисциплинарномъ порядкѣ постановленія земскихъ учреждений. Постановленія эти въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, подробно исчисленныхъ въ положеніи, утверждаются начальниками губерній, а въ нѣкоторыхъ будутъ зависеть отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ возраженій начальника губерній противъ постановленія земскаго собранія, оно разсматриваетъ подробно обстоятельства, подавшія поводъ къ возраженіямъ, и постановляетъ свое окончательное заключеніе, которое уже входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, но начальникъ губерній имѣетъ право, *подъ личной своею ответственностію*, остановить исполненіе тѣхъ постановленій, которыя онъ признаетъ незаконными; объ этомъ онъ обязанъ увѣдомить земское собраніе и затѣмъ представить все дѣло на разрѣшеніе сената; въ тѣхъ же дѣлахъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ несогласія его на постановленіе земскаго собранія, разрѣшеніе зависитъ отъ сената, и постановленія земскаго собранія не могутъ быть приводимы въ исполненіе до рѣшенія дѣла.

Такииъ образомъ въ дѣлахъ земства мы видимъ посредствующую власть сената, контроль со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и антипашую въ известной степени власть земскихъ учреждений.

За превышеніе власти и неправильныя дѣйствія земскія учреждения подвергаются ответственности по закону, и въ случаѣ уклоненія отъ исполненія тѣхъ повинностей, которыя законъ полагаетъ обязательными для земства, начальники губерній приступаютъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства. Въ свою очередь и земскія учрежденія имѣютъ право приносить жалобы непосредственно сенату, какъ на начальниковъ губерній, такъ и вообще на

высшія административныя власти, конечно, только въ случаѣ распоряженій, касающихся земскихъ учрежденій. Таковы вообще отношенія земства къ власти; роль сената нѣсколько измѣняется сравнительно съ его настоящимъ положеніемъ: въ вопросахъ чисто-административныхъ, хозяйственныхъ, гражданскихъ, онъ начинаетъ принимать посредствующее участіе, теперь же власть его вообще не болѣе какъ судебная, и участіе въ дѣлахъ правленія ограничивается лишь распубликованіемъ постановленій правительства.

Составъ земскихъ учрежденій также требуетъ уясненія, какъ одна изъ наиболѣе важныхъ частей настоящаго положенія. Каждый уѣздъ имѣетъ свое земское собраніе и управу; для губерніи учреждается губернское собраніе и губернская управа. Земскія уѣздныя собранія состоятъ изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами; губернскія собранія состоятъ изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Такимъ образомъ избирательнымъ центромъ является *уѣздъ*, и наконецъ, обитатели нашихъ уѣздовъ и уѣздныхъ городовъ получаютъ всю важность въ дѣлахъ своего края. Какъ они поведутъ эти дѣла, кого будутъ избирать въ гласные, найдется ли достаточно людей, способныхъ на предстоящее дѣло, — это вопросъ, на который могутъ удовлетворительно отвѣчать только самыя послѣдствія.

Когда положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было еще проектомъ, въ журналахъ было много говорено объ избирательномъ ценсѣ; прелія отличались двумя совершенно противоположными направленіями: одни хотѣли, чтобы въ предполагаемыхъ учрежденіяхъ преобладало землевладѣльческое дворянство и преимущественно крупное; другіе не допускали вовсе ценса, а предпочитали всеобщее избирательство. Право избирательства опредѣлено теперь въ положеніи разнѣромъ земельной собственности по каждой губерніи и даже уѣзду, или денежнымъ капиталомъ. Преобладающіе разнѣры, дающіе право участвовать непосредственно въ избраніи гласныхъ—200 и 250 десятинъ въ одномъ уѣздѣ, или заведеніи стоимостью въ 15 тысячъ руб. Почти во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ установленъ этотъ разнѣръ; въ уѣздахъ же наименѣе населенныхъ цифра эта возвышается отъ 350 до 475 десятинъ, а въ уѣздахъ Устьсысольскомъ и Яренскомъ дошла до 800 десятинъ. Москвѣ отдано предпочтеніе пе-

редь Петербургомъ: избирателямъ Московской губершии всѣхъ уѣздовъ опредѣлено имѣть земли не менѣе 200 десятинъ, а Петербургской—250, кромѣ мѣстностей, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ столицы; даже часть Шлиссельбургскаго уѣзда и нѣкоторые другіе отдаленные уѣзды сравнены съ мѣстностями весьма мало населенными опредѣленіемъ 350 десятинъ для участія въ избирательствѣ.

Норма эта, какъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ цифръ, не допускаетъ къ избирательству мелкихъ землевладѣльцевъ, следовательно фактически явятся теперь избирателями дворяне-помѣщики, за исключеніемъ мелкихъ; съ переходомъ же земель къ владѣльцамъ другихъ сословій,—чего надо болѣе или менѣе ожидать,—элементы избирательства должны сдѣлаться разнообразнѣе и следовательно распредѣляться равномѣрнѣе.

Крестьяне назначаютъ отъ себя на избирательныя сѣзды выборщиковъ.

Городскіе избиратели состоятъ изъ лицъ, имѣющихъ торговыя свидѣтельства: изъ владѣльцевъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6000 р.; изъ лицъ, владѣющихъ на городской землѣ недвижимою собственностію по оцѣнѣ не ниже 500 р. въ городахъ, гдѣ менѣе 2000 жителей, въ городахъ же съ числомъ жителей отъ 2-хъ до 10-ти тысячъ, не ниже 1000 руб., а гдѣ болѣе 10-ти тысячъ жителей, не ниже 3000 руб.

Нѣкоторые уѣздные города, на основаніи этихъ правилъ, будутъ имѣть весьма мало избирателей, потому что собственность въ 1000 р. во многихъ уѣздныхъ городахъ — рѣдкое явленіе; можетъ быть это покажется страннымъ читателю, недостаточно знакомому съ внутренней Россіей, но пусть онъ припомнитъ себѣ какой нибудь городокъ, чрезъ который, вѣроятно, случалось ему когда нибудь проѣзжать на почтовыхъ, гдѣ нѣтъ ни гостиницы, ни каменныхъ домовъ, а только сплошныя сѣренькіе флигельки, покрытые большею частію соломой; въ такихъ городкахъ, навѣрное, не найдется вовсе избирателей, или найдется очень мало. Впрочемъ положеніе, предвидѣвшее даже для земства такіе случаи, какъ истребленіе хлѣба сусликами и саранчей, предвидитъ и это обстоятельство: ст. 34 говоритъ, что если бы на сѣздѣ число избирателей оказалось менѣе

числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производятся, а всѣ наличные избиратели признаются гласными.

При опредѣленіи числа гласныхъ для земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній принято въ соображеніе число землевладѣльцевъ, количество земель, населенность городовъ, число и цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, число волостей, количество сельскаго населенія и пространство крестьянскихъ угодій. Такимъ образомъ личный составъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній выражаетъ собою тоже разнообразіе, какъ и самыя мѣстности страны. Чтобы дать наглядное понятіе о составѣ собраній, приводимъ два уѣзда—съ наименьшимъ и съ наибольшимъ количествомъ гласныхъ. Александровскій (Екатеринославской губерніи): отъ землевладѣльцевъ 30, отъ города 3, отъ сельскихъ обществъ 27, и того 60 гласныхъ въ уѣздномъ собраніи и 10 въ губернскомъ; Яренскій уѣздъ (Вологодской губерніи): отъ землевладѣльцевъ 4, отъ города 2, отъ сельскихъ обществъ 6, и того 12 для уѣзднаго, и 2 для губернскаго собранія. Между этими цифрами встрѣчается весьма большое разнообразіе, но отношеніе между собою чиселъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, городовъ и сельскихъ обществъ, по большей части, одинаково съ приведенными примѣрами. Губернскія собранія будутъ состоять изъ 50—100 гласныхъ. «Умъ хорошо, а два лучше», говоритъ пословица, выражающая нѣкоторую наклонность русскаго человѣка къ коллективному обсужденію дѣлъ; какъ-то будутъ обсуждать ихъ сто умовъ, избранныхъ отъ цѣлой губерніи. Для совѣщаній уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ двадцатидневный. Вѣроятно, на практикѣ почувствуется недостатокъ такого короткаго времени для совѣщанія земскихъ депутатовъ, вовсе не привыкшихъ быстро и мѣтко соображать сложные общественные вопросы.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ финансовый прежде всего займетъ вниманіе земскихъ учрежденій, потому что на училища, больницы, богадѣльни, на благоустройство городовъ, на содержаніе дорогъ, на содержаніе статистическихъ комитетовъ и разныя другія потребности земства, нужны средства и притомъ значительныя. Слѣдовательно, земскія учрежденія должны будутъ стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ о налогахъ или сборахъ. Налоги эти, естественно, должны бу-

дуть падать преимущественно на крестьянство, составляющее большинство нашего населенія, а это сословіе и по своимъ средствамъ, и по своему развитію, едва ли проникнется сознаниемъ необходимости приносить жертвы отъ своихъ скудныхъ средствъ на потребности, въ которыхъ оно менѣе всего нуждается и которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаеть, пожалуй, себѣ не-подъ-силу и не въ прокъ. Содержаніе благотворительныхъ заведеній въ нашихъ селахъ положительно не признается населеніемъ за полезное и необходимое; содержаніе дорогъ, простирающихся на огромныя разстоянія и менѣе всего служащихъ торговыми путями, не можетъ не казаться для сельскаго населенія бесплодной для него тяжестью, потому что оно на перевозку своихъ грошевыхъ товаровъ не найдетъ выгоднымъ жертвовать рублями; статистическіе комитеты, несомнѣнно полезные по своему назначенію, будутъ загадкой для крестьянства; школы, только однѣ школы могутъ скорѣе всего привиться къ русской жизни, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ будетъ дешевле всѣхъ другихъ земскихъ потребностей.

Большинство гласныхъ въ уѣздныхъ учрежденіяхъ почти вездѣ принадлежитъ землевладѣльцамъ, какъ это видно изъ вѣдомости, приложенной къ положенію; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ большинство приходится на сторону сельскихъ обществъ, тамъ при вотированіи дѣлъ балансъ будетъ поставленъ въ зависимость отъ представителей городовъ. Почти вездѣ число гласныхъ опредѣлено такъ, что сумма гласныхъ отъ землевладѣльцевъ равняется суммѣ двухъ остальныхъ чиселъ, т. е. отъ сельскихъ обществъ и городовъ вмѣстѣ; поэтому для того, чтобы въ вопросѣ, касающемся преимущественно интересовъ крестьянства, могъ быть перевѣсъ на ихъ сторонѣ, нужно, чтобы гласные отъ городовъ всѣ безъ исключенія подали свои голоса вмѣстѣ съ гласными отъ сельскихъ обществъ, и кромѣ того, по крайней мѣрѣ, былъ бы хотя одинъ голосъ отъ землевладѣльцевъ; тогда только большинство будетъ на сторонѣ крестьянъ. Большинство же голосовъ въ пользу землевладѣльцевъ приобрѣтается не болѣе какъ только отъ одного голоса изъ числа представителей городовъ, или сельскихъ обществъ. Въ самое невыгодное и зависимое положеніе поставлены представители городовъ; они совершенно теряются между двумя остальными цифрами: напр. въ Саратовскомъ уѣздѣ отъ землевладѣльцевъ 34, отъ города 15 и отъ сельскихъ

обществъ 19 гласныхъ; въ Карсунскомъ отъ землевладѣльцевъ 29, отъ города 3 и отъ сельскихъ обществъ 26.

За тѣмъ мы обратимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности земскихъ учреждений, именно къ тюрьмамъ и банкамъ.

Тѣлесныя наказанія за уголовныя преступленія и проступки, отмѣненные въ прошедшемъ году для обоихъ половъ, и наказанія полицейскія, отмѣненные лишь для женскаго пола, въ экономическомъ отношеніи были для русскаго народа не безъ выгоды; съ отмѣной же тѣлесныхъ наказаній, замѣненныхъ въ большей части случаевъ тюремнымъ заключеніемъ, расходъ на сооруженіе тюремъ представляется нынѣ столь значительнымъ, что едва ли земскія учрежденія нѣкоторыхъ уѣздовъ найдутъ возможность осуществлять благія стремленія правительства и общества относительно системы тюремъ, постройку и содержаніе которыхъ правительство передаетъ нынѣ земству, именно въ тотъ важный моментъ, когда тюрьмы, съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній, должны быть построены съ большею целесообразностью, чѣмъ настоящія, и слѣдовательно должны потребовать наибольшихъ расходовъ какъ на постройку ихъ, такъ и на содержаніе. Когда существовали тѣлесныя наказанія, тогда вѣроятно и не подозревали, что наказаніе плетью и розгами было для насъ выгодно, потому что короткая и простая расправа съ преступникомъ избавляла насъ отъ необходимости содержать не только пенитенціарныя тюрьмы, но и наши простые остроги въ такомъ количествѣ, въ какомъ они понадобятся съ полной отмѣной тѣлесныхъ наказаній, когда не будетъ другого наказанія, какъ тюрьма, или денежный штрафъ, отъ котораго почти всегда придется немущему преступнику также отдѣлываться тюрьмой. Теперь существуютъ только губернскіе остроги и этапы, послѣдніе только для пересыльныхъ арестантовъ, но въ уѣздахъ нашихъ этихъ печальныхъ спутниковъ цивилизаціи еще нѣтъ. Между тѣмъ правительство должно будетъ предписать земству, чтобъ тюрьмы были во всѣхъ городахъ, а современная наука и общество потребуютъ, чтобы онѣ были устроены и содержимы по наилучшей системѣ,—и земству придется для этого справиться съ своимъ кошелькомъ.

Дѣлая первый шагъ къ самоуправленію, мы не можемъ уже уклоняться отъ требованій цивилизаціи, а она очень требовательна;

ей нужно, чтобы тамъ, гдѣ живутъ люди въ обществѣ, были бы школа, церковь, больница, присутственные мѣста, тюрьма, казарма, банкъ, этапъ и т. п. Всѣ эти учрежденія, естественно, могутъ содержаться только на счетъ того общества, для котораго они существуютъ. Если мы признаемъ ихъ необходимыми, то должны сами же и содержать. Разсуждая о настоящемъ предметѣ, мы увлекаемся желаніемъ сдѣлать простую, наглядную оцѣнку, во что обходится и будетъ обходиться обществу каждое совершившееся преступленіе или проступокъ. Положимъ у васъ украдены 50 рублей, и личность, подозрѣваемая въ воровствѣ, задержана съ несомнѣнными уликами; вы заявляете полиціи, которая и начинаетъ слѣдствіе (при существующемъ нынѣ порядкѣ производства слѣдствій); по принятому обыкновенію оно продолжается мѣсяца три-четыре, а преступникъ въ это время содержится, потомъ дѣло идетъ въ судъ, и наконецъ года черезъ полтора рѣшается. Потрудитесь сосчитать, во что обошлось обществу преступленіе. Если это въ Петербургѣ, то содержаніе одного человѣка, съ помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и омовеніемъ, стражей и т. п. можетъ обойтись не менѣе какъ въ 15 рублей въ мѣс., слѣдовательно, кромѣ содержанія тюремнаго начальства, суда и проч., преступникъ обошелся уже около 300 руб. сер. Если мы допустимъ, что замѣна розги тюремнымъ заключеніемъ прибавитъ число содержаемыхъ индивидуумовъ, — потому что каждый изъ нихъ долженъ будетъ просидѣть лишнее количество времени, — то и расходъ общества долженъ будетъ увеличиться пропорціонально. Мы не сомнѣваемся, что читатель не заподозритъ въ насъ стремленіе отставать тѣлесныя наказанія; мы сдѣлали этотъ выводъ единственно съ той цѣлью, чтобы показать, что обществу необходимо проникнуться идеей о необходимости радикальныхъ нравственныхъ и экономическихъ мѣръ къ предупрежденію преступленій, не останавливаясь на однихъ палліативныхъ, какова тюрьма... Только односторонній взглядъ на общественную жизнь можетъ породить воззрѣнія, противоположныя тѣмъ, которыя мы высказали, и было бы желательно, чтобы наше общество, обсуждая свои дѣла, изыскивало средства къ тому, чтобы какъ можно меньше наказывать самого себя за свою же собственную нераціональность. Чтобы объяснить сущность всякаго соціальнаго явленія, необходимо знать причины, породившія его. Вездѣ и во всемъ мы видимъ неумолимую логику: допустите причины, вызывающія преступленія, ве-

дущія къ висѣлицѣ, и вотъ придется строить ихъ чуть не на каждомъ шагу; сдѣлайте неизбежнымъ преступленіе, и ляжетъ необходимость карательныхъ мѣръ, напротивъ — устраните причины и будете избавлены и отъ нихъ послѣдствій.

Въ числѣ хозяйственныхъ нуждъ земскимъ губернскимъ учрежденіямъ предоставлено, между прочимъ, право представлять на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія объ учрежденіи губернскихъ земскихъ банковъ. Такимъ образомъ, настоятельный вопросъ о земскомъ кредитѣ, не разрѣшенный донынѣ правительствомъ, сдѣлался достояніемъ именно тѣхъ учреждений, которыя въ немъ наиболѣе компетентны.

Вопросъ этотъ, не смотря на то, что онъ не подвинулся ни на одинъ шагъ со времени его возрожденія въ Россіи, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ непремѣнное освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, продолжаетъ до сихъ поръ оставаться вопросомъ самымъ жгучимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ организаціи земскаго кредита будетъ первымъ очереднымъ вопросомъ земскихъ учреждений, какъ скоро онѣ будутъ открыты, и потому снова долженъ будетъ занять мѣсто въ журнальной литературѣ, тѣмъ болѣе, что самыя основныя начала организаціи земскаго кредита во многомъ представляются еще спорными. Чего захочетъ наше земство: полного ли невмѣшательства правительства въ дѣло частнаго кредита, или его поддержки и содѣйствія? Здѣсь сталкиваются весьма недружелюбно теоретическіе выводы съ печальной дѣйствительностью: польза полного невмѣшательства правительства въ дѣло кредита, по преимуществу, дѣло частное и общественное, признана аксіомой и вполне согласуется съ современными стремленіями общества; между тѣмъ, спрашиваемъ мы, у кого достанетъ столько самонадѣянности, чтобы ожидать отъ русскаго общества самотѣльной и независимой инициативы въ такомъ дѣлѣ, гдѣ прежде всего нужна строгая рациональность и несомнѣнное ручательство за то, что земскіе банки будутъ дѣйствовать совершенно свободно, не стѣсняясь посторонними вліяніями. Успѣхъ всякаго кредитнаго предпріятія зависитъ отъ степени прочности вообще его гарантій и отъ довѣрія публики къ рациональности его операций. Можетъ ли общество внушить это довѣріе учреждениямъ, на которыя прямо

или косвенно будет вліять административная система. Вообще довѣріе возможно только тогда, когда мы вѣримъ въ силу и возможность частнаго лица или учрежденія, что оно *можетъ* исполнить свои обязательства; одна готовность, одно желаніе къ исполненію данныхъ обязательствъ еще недостаточны для того, чтобы пользоваться довѣріемъ; нужно убѣжденіе, что исполненіе этого обязательства *возможно*. Беремъ примѣръ самый наглядный: владѣлецъ недвижимой собственности, убѣжденный вполне въ непоколебимости своихъ правъ, представляетъ имѣніе въ обезпеченіе долга; доходъ съ имѣнія, условливающий его цѣнность, находится въ цвѣтущемъ состояніи и долгъ вполне гарантируется; въ одинъ несчастный день начинается самый нелѣпый судебный процессъ объ этомъ имѣніи, и кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что правая сторона восторжествуетъ, и притомъ когда? Можетъ быть, черезъ 30, 40, 50 лѣтъ, а между тѣмъ имѣніе или отобрано отъ владѣльца въ опеку, или подвергнется какой нибудь другой административной случайности, и доходы съ имѣнія, а вмѣстѣ съ ними и его цѣнность, испаряются прогрессивно, и гарантія, и желаніе уплатить срочный долгъ, и т. п.,—все это дѣлается несбыточнымъ, неудобоисполнимымъ. Кто можетъ быть увѣренъ и на чемъ укрѣпить свое убѣжденіе, что какой-либо существующій законъ, уставъ, правило и т. п. не-измѣнится, не затронуть какъ-нибудь случайно и безъ вѣдома заинтересованной стороны частныя права? Все это можетъ относиться къ частнымъ земскимъ банкамъ, и всякій согласится, что на случайностяхъ нельзя основывать прочныхъ обязательствъ.

Поэтому, если земскія учрежденія и изберутъ систему невмѣшательства правительства въ дѣло кредита, то имъ предстоитъ обсудить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ вопросъ о томъ, что именно препятствуетъ успѣху осуществленія у насъ частныхъ кредитныхъ учреждений. Всякая попытка къ открытію земскихъ банковъ безъ непоколебимыхъ гарантій со стороны закона была бы весьма опаснымъ шагомъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, потому что малѣйшая неудача въ этомъ необходимомъ дѣлѣ радикально подорветъ самое дѣло и приведетъ опять къ необходимости государственныхъ банковъ и опекунскихъ совѣтовъ.

Но мы, признаемся, слабо вѣримъ, чтобы всѣ высказанныя въ печати упованія на успѣхъ у насъ частнаго кредита не пришлось

отнести къ наклонности русскаго общества къ иллюзіямъ и сдать въ архивъ;—во всякомъ случаѣ въ высшей степени будутъ любопытны заключенія земскихъ учреждений о возможности или невозможности организаціи земскаго кредита. Любопытно будетъ знать, какимъ образомъ сословіе землевладѣльцевъ, для которыхъ кредитъ составляетъ теперь вопросъ о томъ, *быть* или *небыть*, обойдутъ такія колоссальныя препятствія къ успѣху дѣла, какъ, на примѣръ, конкуренція правительства въ выпускѣ кредитныхъ бумагъ и постоянное колебаніе курсовъ, дѣйствующее весьма сильно на пониженіе цѣнъ вообще всѣхъ бумагъ и въ особенности выпускаемыхъ безъ гарантіи правительства частными кредитными учрежденіями. Представимъ себѣ земскій банкъ, который выпустилъ пятипроцентныя бумаги безъ гарантіи правительства; землевладѣлецъ, получившій ссуду этими бумагами подъ залогъ своей земли, будетъ сбывать ихъ на всѣхъ возможныхъ биржахъ; спрашивается, по какой цѣнѣ онѣ могутъ пойти, если на тѣхъ же биржахъ можно купить пятипроцентныя билеты государственнаго банка ниже ихъ номинальной цѣны на 5 и даже болѣе процентовъ, выкупныя свидѣтельства тоже пятипроцентныя съ уступкой противъ номинальной цѣны на 20 процентовъ, акціи разныхъ акціонерныхъ обществъ, гарантированныя правительствомъ и приносящія весьма часто дивидендъ свыше этой гарантіи, и наконецъ выпускаемыя періодически процентныя бумаги государственнаго казначейства. Всякая изъ этихъ бумагъ, надо сознаться, представляетъ наилучшую гарантію, чѣмъ бумаги земскаго банка, обезпеченныя какими нибудь степенями и болотами, которыя, въ случаѣ ликвидаціи дѣла банка, Богъ знаетъ, когда и какъ будутъ продаваться съ публичныхъ торговъ въ какомъ либо губернскомъ правленіи; а если при этомъ еще дѣло коснется какого нибудь судебнаго разбирательства, то судьба самыхъ залоговъ должна покрыться непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ едва ли будутъ находиться желающіе пріобрѣтать кредитныя бумаги земскихъ банковъ; нужно, чтобы что-нибудь особенно къ нимъ привлекало, какъ напр. хорошая премія, т. е. готовность вмѣсто рубля заплатить 50, а то и 25 копѣечекъ; на подобную приманку еще можно будетъ находить немногихъ желающихъ, но каково будетъ заемщику заплатить единовременной преміи 50 или 75 процентовъ и потомъ платить ежегодно интересы и погасительный процентъ съ номинальной цѣны бумаги. Частныя земскіе банки ина-

че и нельзя предположить, какъ ограниченными въ кругу своихъ дѣйствій известной мѣстностью, слѣдовательно и бумаги этихъ банковъ должны имѣть обращеніе преимущественно въ предѣлахъ этой мѣстности. Какими условіями будутъ регулироваться цѣны этихъ бумагъ тамъ, гдѣ нѣтъ не только биржи и бумажнаго агіотажа, но даже и капиталистовъ, пускающихся въ денежные обороты. Наше земство сослѣдуетъ преимущественно изъ нуждающихся въ деньгахъ, имѣющихъ у себя тѣ или другія бумаги, или недвижимую собственность; капиталисты же спекуляторы сосредоточиваются въ столицахъ и еще въ весьма немногихъ центрахъ государства, преимущественно въ западныхъ губерніяхъ, слѣдовательно и всѣхъ сортовъ кредитныя бумаги будутъ сосредоточены въ этихъ немногихъ пунктахъ, что конечно не возвыситъ ихъ курса. Если государственный банкъ найдетъ возможность принимать въ залогъ на короткіе сроки бумаги земскихъ банковъ, то это возможно только съ пониженіемъ противъ биржевой цѣны, и если она и безъ того уже низка, то помощь землевладѣльцу будетъ крайне ничтожная, тѣмъ болѣе, что такія ссуды возможны только на короткіе сроки. Стало быть спасенія нѣтъ и въ банкѣ, и при томъ подобная льгота бумагамъ земскихъ банковъ была бы уже покровительственной мѣрой земскому кредиту со стороны правительства, а это должно вызвать неминуемо вѣдшательство и надзоръ правительства за операціями банка, и слѣдовательно прямо нарушить принципъ *невмѣшательства*. Отъ покровительства до гарантіи одинъ шагъ, а отъ гарантіи до опеки и монополіи еще ближе; поэтому если допустить болѣе или менѣе прямое участіе правительства въ дѣло земскаго кредита, то значитъ почти возвратиться къ прежнему порядку централизаціи и монополіи кредита въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Публика, литература и правительство пришли къ полному убѣжденію, что наши землевладѣльцы находятся въ крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ, чтобы не сказать — на капунѣ полного сухофденія; эта истина сдѣлалась такъ стара, что о ней даже перестали и говорить; что же касается до самихъ землевладѣльцевъ, то они, вѣроятно, размышляютъ о томъ, кому должна принадлежать въ ихъ дѣлѣ инициатива; мы предполагаемъ это потому, что не знаемъ ни одного факта, который бы выразилъ, что землевладѣльцы считаютъ инициативу за собою.

Со стороны правительства сдѣлано въ пользу частнаго кредита все, что оно признало возможнымъ и полезнымъ: особая коммисія, въ составѣ которой были экономисты—литераторы: гг. Безобразовъ и Вернадскій, —сочинили въ свое время довольно толстую книгу, имѣющую несомнѣнныя ученныя и литературныя достоинства; тамъ можно найти весьма полное развитіе теоріи о рациональной кредитной системѣ, изслѣдованіе о состояніи земскаго кредита во всѣхъ нѣмецкихъ герцогствахъ, во Франціи, Италіи и проч.; много упрековъ русскому обществу за то, что оно привыкло къ правительственной опеке, что въ Россіи невозможно то, что легко дѣлается у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и т. п. что во всемъ этомъ, кажется, виноваты одни обстоятельства; но что земскій кредитъ вообще у насъ крайне необходимъ, не смотря на то, что невозможно.

Весьма жаль, что вопросъ о земскомъ кредитѣ не принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ можно обратиться, напримѣръ, къ патріотическимъ чувствамъ русскаго общества, подобно тому какъ это сдѣлала редакція «Московскихъ Вѣдомостей» въ прошедшемъ году по польскому дѣлу. Впрочемъ, говоря откровенно, нужно имѣть много самонадѣянности, чтобы обсудить съ положительной точки зрѣнія трактуемый нами предметъ, и мы думаемъ, что развѣ только «Московскія Вѣдомости» помогутъ земскимъ учрежденіямъ въ указаніи способовъ для осуществленія завѣтныхъ условій нашихъ экономистовъ о земскомъ банкѣ, подобно тому какъ эта газета весьма любопытно разрѣшила вопросъ о различіи патріотическихъ чувствъ Москвы и Петербурга.

Русское общество, какъ извѣстно, отличается платонической любовью къ прогрессу; оно съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ переживало и не такія неурядицы, какія тяготѣютъ надъ нимъ теперь; поэтому можно надѣяться, что *пауперизмъ* русскихъ *землевладельцевъ* войдетъ въ привычку и составитъ собою специальную черту, которая будетъ принадлежать исключительно Россіи и сдѣлается предметомъ восхваленій нашихъ славянофиловъ. Надѣясь въ слѣдующей книгѣ подробно поговорить о финансовой части земскихъ учреждений, я обращаюсь къ новой правительственной мѣрѣ о банкахъ.

На дняхъ обнародовано распоряженіе о распространеніи операцій государственнаго банка на губерніи: указомъ 30 декабря 1863 г. разрѣшено стирать отдѣленія государственнаго

банка въ разныхъ городахъ имперіи, и по представленію министра финансовъ отдѣленія эти открываются въ двадцати губернскихъ городахъ, и между прочимъ въ Иркутскѣ и Томскѣ. Впрочемъ, разрѣшеніе открывать банковыя отдѣленія распространяется вообще на всѣ мѣстности, гдѣ признается удобнымъ. На отдѣленія, какъ сказано въ указѣ, могутъ быть возлагаемы, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, слѣдующія операціи: а) обмѣнъ кредитныхъ билетовъ ветхихъ на новые и крупныхъ на мелкіе, и обратно; б) платежи процентовъ по купонамъ 5% билетовъ; в) приемъ суммъ изъ казначействъ и отъ частныхъ лицъ для перевода на банкъ, на другія конторы или отдѣленія; г) приемъ вкладовъ на храненіе, на текущій счетъ и на обращеніе изъ процентовъ; д) учетъ купоновъ отъ правительственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагъ, а также свидѣтельство банка и конторъ, срокомъ до 6 мѣсяцевъ; е) ссуды подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій по усмотрѣнію правленія банка; ж) полученіе платежей по срочнымъ документамъ за счетъ государственнаго казначейства банка или частныхъ лицъ, имѣющихъ текущіе счета; з) продажа и покупка 5% банковыхъ билетовъ и другихъ процентныхъ бумагъ, по порученію государственнаго казначейства или банка, и другія коммисіонныя операціи, по усмотрѣнію правленія банка.

Этими правилами на отдѣленія банка распространены почти всѣ права центральнаго учрежденія, исключая заграничныхъ операцій и учета векселей. Такимъ образомъ для всякихъ частныхъ кредитныхъ учреждений въ губерніяхъ является сильная конкуренція, почти равняющаяся монополіи. Правда, что отдѣленія банка, равно какъ и самый банкъ, не имѣютъ въ своей программѣ права на ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, и слѣдовательно не препятствуютъ, повидимому, учрежденіямъ, которыя возникли-бы специально для недвижимой собственности, но какъ всякое кредитное учрежденіе, пользующееся довѣріемъ и хорошо гарантированное, можетъ извлекать для себя весьма значительную пользу, именно отъ вкладовъ залога процентныхъ бумагъ частныхъ и государственныхъ, то дѣятельность государственнаго банка, распространившаяся нынѣ на губерніи, едва ли не отниметъ всякую возможность у частныхъ кредитныхъ учреждений пользоваться этими выгодными операціями; вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, закрывается возможность учрежденія такихъ частныхъ кредитныхъ учреждений, которыя имѣли бы смѣшанный характеръ ипотечныхъ и

акціонерныхъ банковъ; за тѣмъ дѣлаются возможными только одни ипотечные земскіе банки, т. е, специально для земельной собственности.

Не смотря на то, что мы мало вѣримъ въ осуществимость у насъ ипотечныхъ земскихъ банковъ, намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь въ примѣръ тѣ блистательные результаты развитія земскаго кредита, которые добыли себѣ помѣщики Царства Польскаго учрежденіемъ въ 1825 году Земскаго Кредитнаго Общества. Надо замѣтить, что польское дворянство выработало образцовый даже въ Европѣ ипотечный порядокъ, и учрежденіемъ земскаго общества исправило свои имущественныя обстоятельства, которыя были въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ настоящія дѣла русскихъ помѣщиковъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши и послѣ войны 1815 г. всѣ недвижимыя имѣнія польскихъ помѣщиковъ были обременены частными долгами до послѣдней крайности; отсутствіе капиталовъ, необходимыхъ для поддержки разстроенныхъ хозяйствъ, грозило полнымъ банкротствомъ владѣльцамъ имѣній, потому что доходовъ съ нихъ было не достаточно не только для погашенія долговъ, но даже и для уплаты по нимъ процентовъ. Кредиторы и должники страдали одинаково, и положеніе дѣлъ было крайне затруднительно, такъ что, если бы не помогла просвѣщенная и единоподушная предпріимчивость, которыми всегда отличались всѣ образованные и достаточные классы націи, то разореніе и обѣдненіе края, съ ослабленіемъ сельской производительности, было бы неизбежнымъ. Съ учрежденіемъ одного для всего царства Земскаго Кредитнаго Общества всѣ затрудненія должниковъ и кредиторовъ развязались разомъ: помѣщики, получивъ изъ общества, учрежденнаго подъ круговой порукой всѣхъ землевладѣльцевъ, ссуды подъ свои имѣнія закладными листами, удовлетворили ими своихъ кредиторовъ, а эти послѣдніе, получивъ хорошо гарантированныя процентныя бумаги, выкупаемыя по тиражамъ, стали получать по нимъ исправно текущіе проценты, которыхъ прежде не могли имѣть безъ хлопотъ и издержекъ для судебныхъ взысканій; помѣщики, освободившись отъ долговъ и имѣя оборотные капиталы изъ полученныхъ ими ссудъ, получили возможность правильно уплачивать незначительный процентъ (4 на сто) и на погашеніе капитала ежегодно (по 2 процента) за полученныя ссуды.

Повидимому, что можетъ быть проще и рациональнѣе подобной опе-

раціи, а между тѣмъ опытъ убѣждаетъ, что и это простое дѣло не вездѣ и не всегда можетъ быть осуществимо. Настоящее разстроенное положеніе русскихъ помѣщиковъ имѣетъ то лишь отлччіе отъ состоянія польскихъ, что русскіе помѣщики должны были опекунскимъ совѣтамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія, т. е. государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, а не частнымъ лицамъ, и теперь погашаютъ свои долги изъ выкупныхъ ссудъ или переводятъ ихъ на крестьянскіе земельные надѣлы; слѣдовательно не рискуютъ ни своей свободой, ни своей честью, хотя и не имѣютъ средствъ, можетъ быть, для удовлетворенія своихъ привычныхъ потребностей и для поддержанія своихъ хозяйствъ; но эти послѣднія побужденія слабы въ сравненіи съ первыми, по крайней мѣрѣ, слабы по отношенію къ терпѣнію русскаго помѣщика.

А между тѣмъ, намъ пишутъ изъ срединныхъ губерній, что дворянскіи дѣлишки крайне плохи. Къ числу золъ принадлежитъ въ настоящее время азартъ, съ которымъ большинство помѣщиковъ обратилось къ винокуренію, потому что тѣ, кто имѣлъ уже винокуренные заводы, получили въ прошедшемъ году хорошіе барыши. Кто слѣдуетъ за выкупной операціей, тотъ можетъ быть увѣренъ, что съ полученіемъ ссуды по каждой сдѣлкѣ, если что-нибудь остается еще за уплатой долговъ, непременно устрояется каждымъ помѣщикомъ винокуренный заводъ, который потомъ не только гонитъ водку, но и высасываетъ изъ помѣщичьяго кармана послѣдніе гроши, такъ что потребитель водки, независимо отъ спирта, пьетъ, такъ сказать, кровь помѣщика, потому что для поддержанія дѣйствія завода необходимы деньги, за неимѣніемъ которыхъ, разумѣется, дѣлаются неоплатные долги. Винокуреніе дѣлается для помѣщиковъ тѣмъ же, чѣмъ была Калифорнія, когда въ ней открыто было золото. Но если и Калифорнія многихъ обманула, когда начали стекаться туда золотоискатели со всего свѣта, то чего же ждать отъ расплодившихся винокуренныхъ заводовъ? Владѣльцы ихъ терпятъ ту же участь, какъ и содержатели неисчислимыхъ питейныхъ заведеній, открывшихся въ прошедшемъ году во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Одинъ подрываетъ другого, не щадя ни своихъ, ни чужихъ интересовъ. Образчики этой свалки банкротствъ питейщиковъ представляютъ преимущественно Петербургъ и Москва, передовые города имперіи. Явленіе это напоминаетъ собою довольно извѣстную картину какого-то знаменитаго иностраннаго

художника, представляющую корабль, наполненный стадомъ барановъ, изъ которыхъ одинъ перепрыгнулъ за бортъ и увлекъ своимъ прищвромъ всѣхъ остальныхъ, стремящихся какъ можно скорѣе одинъ за другимъ сдѣлаться жертвой заражительнаго прищвра.

Мы не знаемъ, справлялись ли охотники до винокуренныхъ заводовъ съ результатами уничтоженія откупа, между тѣмъ цифры эти далеко не въ пользу усиленнаго винокурения. Извлекаемъ общіе выводы изъ подробнаго отчета: по государственной росписи на 1863 годъ назначено къ поступленію по имперіи воловаго дохода, въ видѣ акциза съ питей и патентнаго сбора, 401,306,155 р.; изъ этой суммы относится на Европейскую Россію за 10 мѣсяцевъ, за которые составленъ расчетъ, 84,667,416 р., а на Сибирь, вромѣ Забайкалья, 2,044,638 р.; въ 1863 году собрано воловаго дохода по Европейской Россіи *болѣе* противъ послѣдняго откупнаго содержанія на 10,295,011 р., а противъ назначенія по росписи на 7,272,523 р.; по сибирскимъ же губерніямъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ, за которые составленъ отчетъ, выручено сравнительно съ откупнымъ доходомъ менѣе на 59,386 р., а противъ назначенія по росписи болѣе на 959,224 р. Расходы казны по содержанію управленія и вознагражденію процентами должностныхъ лицъ превышаютъ прежнія издержки—по великороссійскимъ губерніямъ на 5,904,091 р., а по сибирскимъ на 214,492 р., за исключеніемъ же этихъ расходовъ изъ воловаго дохода оказывается, что чистаго дохода собрано въ 1863 г. сравнительно съ поступленіемъ отъ откупщиковъ менѣе по Европейской Россіи на 1,609,080 р. и по сибирскимъ губерніямъ на 270,878 р.

Воловой доходъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: по великороссійскимъ губерніямъ и землѣ войска донскаго поступило менѣе откупнаго на 12,947,260 р., т. е. на 19 ²/₃ процентовъ; по новороссійскимъ и Бессарабін болѣе на 977,909 р., т. е. на 15 ¹/₂ процентовъ, по малороссійскимъ болѣе на 5,663,340 р. т. е. на 74 ¹/₃ проц., по западнымъ—болѣе на 6,138,005 р., т. е. на 93 ²/₃ проц., и остзейскимъ—болѣе на 1,463,017 р., т. е. на 230 проц.; всего же воловаго дохода поступило болѣе откупнаго на 1,295,011 р., т. е. на 1 ²/₃ процента.

Возвышеніе дохода послѣдовало тамъ, гдѣ акцизъ возвысился противъ платимаго прежде, и въ особенности въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ; уменьшеніе же дохода оказалось тамъ, гдѣ акцизъ понизился

и отъ того увеличилось потребление, какъ напр. въ губерніяхъ великороссійскихъ и Землѣ войска донскаго. Уменьшеніе дохода въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ послѣдовало почти на 13 милліоновъ, не смотря на постепенно возрастающее пьянство.

Доходъ казны можетъ служить мѣриломъ дохода съ винокурения, и если въ первый годъ свободной торговли виномъ потребление его въ великороссійскихъ, самыхъ пьяныхъ губерніяхъ, не возвысилось до той цѣны, чтобы не представлять такого разительнаго уменьшенія дохода, то рассчитывать на усиленіе пьянства въ послѣдующіе годы едва ли будетъ основательно. Возвышеніе акциза на 1 к. на градусъ, или 38 к. на ведро вина, предпринятое правительствомъ съ наступившаго года, вполне подкрѣпляетъ наше предположеніе; повидимому, правительство, не надѣялось въ этомъ году выручить безъ возвышенія акциза того дохода, на который оно рассчитываетъ по государственной росписи.

Заговоривъ о лихорадочныхъ принадлежкахъ нашей промышленной дѣятельности, мы должны указать здѣсь на одно, очень страшное, явленіе ея—на чисто-барометрическое непостоянство, съ которымъ общество перескакиваетъ отъ одного предпріятія къ другому, ни въ чемъ не достигая благоприятныхъ результатовъ. Когда подулъ южный вѣтеръ, и на водѣ нашего прогресса явились акціонерныя компаніи, всѣ, безъ расчета и даже безъ пониманія дѣла, ударились въ эту спекуляцію; многими показалось, что открыта новая Калифорнія, въ которую стоитъ положить рубль, чтобы она возвратила черезъ годъ два. Компаніи плодились во всевозможныхъ видахъ, начиная отъ водопроводныхъ трубъ,—въ которыя вылетѣло нѣсколько неосторожно довѣрчивыхъ людей прежде, чѣмъ первая труба была окончена,—и до конно-железныхъ дорогъ, на которыхъ разыгралась наша фантазія до небывалыхъ нелѣпостей. Прошло нѣсколько лѣтъ, и горячка акціонерныхъ компаній перешла въ сильный ознобъ. Многіе увидѣли на опытѣ своихъ собственныхъ кармановъ, что Калифорнія далеко не такъ обильна дѣйствительными фондами, какъ они думали въ простотѣ своего сердца. Начался вопль противъ мелкихъ ошибокъ, противъ недобросовѣстности учредителей или директоровъ, противъ равнодушія публики или недостатка опытныхъ и честныхъ дѣятелей, но никто не хотѣлъ заглянуть въ самую сущность дѣла и математически доказать намъ, что нельзя строить Семирамидины сады на лапландскихъ мхахъ. Условный выпускъ кредитныхъ бумагъ подор-

важ общественное добръе и, въ связи съ другими параллельными обстоятельствоми, подготовилъ настоящий кризисъ. Кто неудачно рисовалъ соевой рублей, пусть ихъ въ оборотъ, тотъ теперь критичалъ остальные девять сотъ рублей, не желая раставаться съ ними ни за какую капиорню въ мирѣ. Появилъ жалобы, вздохи и разочарованія; открылись злостныя и неосторожныя банкротства, нарушеніе самыхъ простикъ обявательства, безцеремонное обращеніе съ должникъ словесъ и общее взаимное недоверіе. Еслибъ можно было прослѣдить шагъ за шагомъ, какимъ образомъ мы пришли къ такому плачевному результату, то было бы ясно, что вмѣсто положительныкъ интересовъ мы гонялись за призраками и вмѣсто нестойкой промышленной дѣятельности, вынуждаемой народными потребностями и нуждами, занимались постройкой карточныхъ домиковъ. Теперь мы убѣдились, что сочинить равныя компаніи и предпріятія, не справившись съ тѣмъ, есть-ли на нихъ дѣйствительный запросъ въ самой жизни общества; не только бесполезно, но и крайне убыточно. Еще не давно воцалась намъ въ руки программа такъ называемаго «Техническаго Бюро», проектировааннаго г. Балабиниъ. Какъ-бы вы думали—чѣмъ нагѣрено занимахся это техническое Бюро? Всѣмъ, что относится до сельскаго хозяйства, технологии, химіи, механики, до горнаго инженернаго и стромельнаго искусства, однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь. Положить, что жителю Уемъ надо справиться, какъ выместить улицу или освѣтить городъ; для изобретенія необходимыхъ свѣдѣній по этому предмету, жителю Уемъ должно въложить въ пакетъ 3 р. и отправить ихъ въ «Техническое Бюро», а тамъ ужъ равныя заграничныя и свои спеціалисты разведутъ, какъ надо мостить и освѣщать богоспасасимый городъ Уеу, — разсудять и подадутъ надлежаній совѣтъ. Всѣ эти разсужденія будутъ происходить за двѣ и за три тысячи верстъ отъ того мѣста, которое хотеть мостить и освѣщать, — оладовательно безъ всякаго справокъ съ мѣстными условіями края и съ подробностями предпріятія, но такъ какъ разсудять будутъ лучшіе спеціалисты подъ предсѣдательствомъ г. Балабина, то за 3 р. можно научиться не только мостить улицы, но даже буренію артезианскихъ источниковъ и устройству жѣлѣзныхъ дорогъ. Желаете ли вы разложить химическія пошвы или устроить заводъ, выньте изъ кошельца уже не 3 р., а 10 р., и пошлите ихъ въ «Техническое Бюро». Спеціалисты опять соберутся и постанавятъ общій мнѣніе въ Петербургѣ, что поchau

въ Иркутскѣ надо разложить вотъ такъ и эдакъ. Спрашивается, есть ли тутъ хоть капля здраваго смысла? Какой добросовѣстный специалистъ рѣшится подавать совѣты во всёъ конецъ Россіи, не сваятъхъ безчисленныхъ подробностей дѣла, на которое у него испрашивать заочное мнѣніе? И кто согласится пользоваться такимъ мнѣніемъ? Наконецъ, если-бы «Техническое Бюро» состояло изъ лучшихъ европейскихъ и русскихъ специалистовъ, то неужели «Народное Богатство», при которомъ нѣтъ чести состоять это бюро, назначалось бы такими чальми статеймана, отъ которыхъ въ цѣлый годъ не дожждешься и двухъ путныхъ совѣтовъ. Слѣдовательно «Техническое Бюро» надо отвести къ разряду мечтаній первой очереди или къ неудачнымъ спекуляціямъ. Все это напоминаетъ намъ того «старого служаку», который нѣкогда въ «Запискахъ Дюллетанта» изображалъ себя въ слѣдующемъ видѣ:

«Я кончилиъ двухъ губерній. Съ раннихъ лѣтъ, какъ и всѣ дворяне, я готовился къ службѣ, и потому въ мое воспитаніе не вошло положительно ничего такого, что могло бы пригодиться мнѣ ни для одной службы, но и для жизни. Служилъ я болѣе шестнадцати лѣтъ; изъ нихъ болѣе двѣнадцати занимался, и, могу похвастаться, съ большинствомъ успѣхомъ, ложеніемъ петербургскихъ паритетовъ, если только мнѣ не вывелся еще обычай хвастаться тайными подвигами. Главною задачею жизни были: трата денегъ, трата здоровья, трата времени, да еще, пожалуй, траты вексельныя. Покушалъ я все, что вошло и что только попадалось подъ-руку, лишь бы это все было по вкусу русскимъ клеймомъ, не русскаго мадѣлія; никогда мнѣ даже и на умъ не снадало, какъ называется копейка—про те знали старикъ, оставившіе мнѣ, на поминъ своихъ думъ, малую толпу, впрочемъ, въ довольно-значительномъ количествѣ, тѣхъ благъ, въ-ва которыхъ иной бѣднякъ—труженикъ бьется до гробовой доски, всю жизнь, и умираетъ съ горькимъ убѣжденіемъ, что блага эти достаются вътрюницею судьбою, по большой части, только избраннымъ счастливицамъ, одинакового съ нею характера, или же такимъ кроманнымъ, въ которыхъ уже заглохло все человѣческое, чуть ли не съ дня ихъ рожденія. Что дѣлать? Les extrêmes se touchent, говоритъ старинная французская пословица. Семейныя обстоятельства заставили меня выйти въ отставку. Я отправился за границу, и носилъ лѣтъ развѣжалъ тамъ изъ края въ край, изрѣдка возвращаясь на родину и всякій разъ нещадно браня и критикуя все русское. Дрочина

ней, можетъ быть, порою была и справедлива, хотя и похвально-не и не могъ отдать себѣ отчета, почему русское дурное и отчего оно хуже заграничнаго».

«Утомившись безцѣльными страствованіями и безалибернымъ вихремъ парижскихъ развлеченій, лондонской нестыдливости и мамо-литанскаго могового *rag piante*, я исволью признать наконецъ къ той мысли, что не худо бы употребить мое пребываніе въ просвѣщенной Европѣ на что нибудь дѣльнее» и т. д. И вѣтъ черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ долгаго ложенія петербургскихъ паркетовъ и странствія въ просвѣщенной Европѣ, самымъ дѣльнымъ предпріятіемъ дилеттанта могло явиться «Техническое Бюро».

Этого одного случая было-бы достаточно, чтобы судить, на какихъ *фалабрилахъ* мы осмеливаемся свои промышленныя предпріятія есая-бы рядомъ съ этимъ случаемъ не повадалось великаго множества другихъ недобныхъ ему. Но гдѣ же причина всѣхъ этихъ ошибокъ, недоразумѣній, всѣхъ этихъ прыжковъ отъ одного предпріятія къ другому, всѣхъ этихъ банкрутствъ и пустыхъ спекуляцій, которыя дѣлаютъ изъ нашей промышленности родъ азартной игры, ведущей къ постепенно порешающимся кризисамъ? Одни говорятъ, что всему лиха бѣда въ недостатокъ капиталовъ; другіе жалуются на застой внѣшней торговли, которая ограничивается вывозомъ сырыхъ продуктовъ; третіи увѣраютъ, что для успѣховъ нашей промышленности необходимо такое центральное учрежденіе, въ родѣ министерства, которое сособотало-бы развитіемъ нашихъ силъ и направленіемъ ихъ къ известной цѣли. Но такіа объясненія, во-первыхъ, ровно ничего не объясняютъ; во вторыхъ, если въ побочныхъ обстоятельствахъ и есть погрѣха дѣлу, то о нихъ можно разсуждать уже тогда, когда мы знаемъ главную причину ненормальнаго явленія. При объясненіи экономическихъ фактовъ это тѣмъ нужнѣе, что здѣсь причины и послѣдствія находятся въ неразрывной связи и источникъ общественнаго зла обыкновенно лежитъ довольно далеко отъ внѣшнихъ проявленій его. Поэтому математически — точный анализъ изучаемаго предмета и обобщеніе причинъ, порождающихъ тотъ или другой фактъ, въ социальной наукѣ есть единственный правильный методъ. Фактахъ, напримѣръ, не создавали гипотезъ и чѣмъ только не объясняли теорію шауверзма! Браваіе пессимисты, пораженные этой мучительной бездѣльностью европейскаго общества, возроставшаю вмѣстѣ съ успѣхами фабричной промышленности, готовы были прованести проклятіе надъ

всей цивилизацией, и, предпочитая ей патриархальное состояние диких племенъ; лучше варварство отагтять, говорятъ они, чѣмъ это просвѣщенное людоедство, пожирающее миллионы лучшихъ человеческихъ силъ. Главные оптимисты, рассматривая тоже явленіе, ограничивались человеколюбивыми вѣдохами и хотѣли помочь эту экономическими средствами. И тѣ и другіе, какъ показавъ смѣтъ, смотрѣли на дѣло только съ боку и не поняли его насущнаго значенія. Теперь люди, видяще дальше своего носа, не призываютъ небесные громы на цивилизацію и не льютъ проклятые слезы надъ нищетой и бѣдностью, а стараются изучать ихъ и дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы уничтожить самыя причины этого явленія. Теперь всякому извѣстно, что наука не зависитъ не отъ изобрѣтенія паровыхъ машинъ, не отъ мобили рабочихъ рукъ, а отъ неправильнаго распредѣленія труда и капитала между производящими членами общества. Точно также и въ нашей промышленности скудость капиталовъ не есть коренная причина всѣхъ бѣдъ; капиталы не падаютъ съ облаковъ, а приобретаются только посредствомъ хорошо развитой промышленной дѣятельности. Следовательно здѣсь вмѣсто причины принимается результатъ, и два логическія понятія ставятся на выворотъ. Еще не нѣе смысла въ томъ, что наша вѣйшая торговля при болѣе широкомъ развитіи оживила бы наши промышленныя силы. Кто думаетъ такъ, тотъ видитъ еще короче своего носа. Усиленный вывозъ сырыхъ продуктовъ истощаетъ почву, т. е. лишаетъ народъ главнаго производительнаго источника и самаго вѣрнаго богатства; кромѣ того, отпуская за границу существенныя предметы, удовлетворяюще первыя жизненныя потребности, и обивая на нихъ предметы роскоши, мы рискуемъ разворить огромное большинство людей насчетъ одного слова, не нуждающагося въ платьѣ и въ одеждѣ, не желающаго обставить себя возможные большыя вѣйныя коопортежъ. Кто не знаетъ, въ какому ужасному положенію попали англійскія колонія, изъ которыхъ промышленная астрономія высосала всѣ здоровыя соки, перевозя на свои фабрики сырые продукты и возвращая ихъ назадъ въ измѣненномъ видѣ. Индія, импріаль, страдаетъ уже не пролетаріатомъ, не изумеризмомъ, а такими общественнымъ упадкомъ всѣхъ силъ, каковъ могутъ производить только бѣдность и рабство въ своемъ соединеніи. Индія обращена въ жертвы трудъ посредствомъ экономической эксплуатаціи ее произ-

слонныхъ почвъ. Но Англія для нашихъ экономистовъ долго еще будетъ служить идеаломъ соціального благосостоянія, потому что наши экономисты не видятъ не только дальня своего носа, но ровно ничего; они не видятъ, что страна, основавшая свою промышленность на спеціаліціи и монополіи, не можетъ сойти съ этого пути иначе, какъ посредствомъ рокового кризиса. Подражать такой странѣ, если бы и позволяли мѣстные условія, было бы во всякомъ случаѣ опасно и безнравственно... Но подражать и невозможно, потому что экономическая дѣятельность каждаго народа опредѣляется множествомъ національныхъ особенностей. Такъ для Россіи было бы величайшимъ зломъ, если бы она стала пѣзупать или пріобрѣтать оружіемъ отдаленныя колоніи для того, чтобы экзплатировать ихъ посредствомъ торговли. Это окончательно ослабило бы ея производительныя силы, при той рѣдкости народонаселенія и при томъ необыци заброшенныхъ почвъ, какія природа дала въ наше полное распоряженіе. Не заглядывая далеко въ будущее, а останавливаясь на насущныхъ средствахъ, данныхъ намъ въ настоящую минуту, мы должны идти къ промышленной дѣятельности тремя параллельными дорогами. Во-первыхъ наша общественная дѣятельность нуждается въ той свободѣ, которой начало положено въ уничтоженіи крѣпостнаго права. Такое явленіе, какъ крѣпостное право, не могло не заразить всего общественнаго организма и не оставить самыхъ глубокихъ слѣдовъ на всемъ, что участвовало въ немъ или что соприкасалось съ нимъ; оно должно было отразиться въ характерѣ, въ нравахъ, въ привычкахъ, во всѣхъ отправленияхъ государственной и соціальной жизни. Разъ уничтоженное, какъ фактъ, оно еще долго будетъ бороться въ нашихъ понятіяхъ и не прежде покинетъ свои темные углы, пока свѣтъ и жизнь не проникнутъ во всѣ изгибы общественного быта. Но если толчекъ данъ, то не надо тормозить его и останавливаться. Только энергическая дѣятельность, свободная отъ внѣшнихъ препятствій, даетъ промышленности силу и оплодотворяетъ ея результаты. Во—вторыхъ намъ необходимо образованіе въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, о какихъ мы теперь едва можемъ мечтать. Доселѣ мы пользуемся иностранными изобрѣтеніями и рабочими, устроиваемъ свои фабрики и заводы по чужимъ программамъ и образцамъ, вовсе не принимая во вниманіе тѣхъ климатическихъ, географическихъ и народныхъ данныхъ, которые управляютъ ходомъ и успѣхомъ всякого промышленнаго начинанія, и потому впадаемъ въ самыя гру-

были ошибки. Когда же образованіе вызоветъ свои дѣятельныя силы, вооружитъ ихъ знаніемъ и опытомъ, тогда и только тогда начнется рациональная промышленность, и умъ человѣка уважитъ дѣло его рукъ. Вслѣдъ за образованіемъ начнется та разумная расчетливость, которая съ одной стороны не любитъ глупаго *авось*, а съ другой не имѣетъ надобности прибѣгать къ обману и разнымъ уловкамъ. Наконецъ, пока силы наши слабы и средства не велики, намъ надо стремиться къ общественнымъ цѣлямъ не въ рознь, не въ разбивку, а посредствомъ ассоціацій, соединяя свои силы и средства въ одну сумму. Это облегчитъ намъ борьбу со множествомъ тѣхъ преградъ, которыя лежатъ на пути всякаго промышленнаго прогресса. Но чтобы придать жизнь общинному началу, надо отбросить излишнія взаимныя антипатіи, сойтись ближе людямъ, разьединеннымъ историческими перегородками, узнать получше другъ друга и примириться другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи сближеніе съ народомъ становится для насъ не пустой фразой славянофиловъ и почвенниковъ, а практическимъ дѣломъ. Общественная дѣятельность и образованіе всего лучше могутъ сближать насъ. Такимъ образомъ, вотъ гдѣ надо искать причины нашего промышленнаго застоя и вотъ какими путями можно выбраться на ровную и торную дорогу. Но это только общій очеркъ предстоящей намъ дѣятельности; въ слѣдующихъ книжкахъ мы разработаемъ ее послѣдовательно и подробно.

НОВОГОДНИЕ СНЫ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Мнѣ снились тяжелые, мрачные, дикіе сны... Подобные сны не повторяются въ дѣйствительности, но только дѣйствительность со всей ея житейской обстановкой можетъ навѣвать эти тяжелыя грезы...

Передо мной, какъ темныя тучи, пронеслись мрачные сны. Мнѣ снился мертвый, таинственный городъ, городъ живыхъ мертвецовъ, окутанный туманомъ, какъ мертвецъ бѣлымъ саваномъ. Передо мной тянулся рядъ колоссальныхъ каменныхъ больницъ, наполненныхъ хладными трупами, которые страдаютъ и разрушаются отъ болѣзней, отъ разврата, отъ честолюбія и отъ своего темнаго прошедшаго. Эти мертвечцы, воскрешенные какимъ-то гальваническимъ ударомъ, двигаются, что-то дѣлаютъ, веселятся, смѣются и плачутъ, любятъ и ненавидятъ, но они сами, какъ механическія куклы въ шарманкѣ, не могутъ принять участія въ своемъ движеніи, въ своихъ радостяхъ и невзгодахъ: они являются посторонними свидѣтелями своихъ слезъ и улыбокъ, своей любви и ненависти. Желѣзные машинки, они распались бы въ прахъ, если бы однажды заглянули въ самихъ себя.

Сонъ ягаль передо мною, отражая всѣ ясныя явленія дѣйствительной жизни въ уродливыхъ образахъ, ягаль, какъ полуразбитое кривое зеркало,

которое изъ прекраснаго, чистаго лица дѣвушки создаетъ безобразную, отвратительную физиономію.

Мрачный, невозможный городъ встать передо мною и давилъ своею удушливой атмосферой. Каждое зданіе, какъ ожившій покойникъ, вставало передо мною и словно собралось рассказать свои страшныя тайны. Ихъ прогнившія, загрязненныя стѣны покрыты были большими трещинами, которыя какъ морщины, проведенныя ужасомъ, появлялись на нихъ въ продолженіи многихъ тяжелыхъ годовъ. Огней, свѣта, жизни движенія—ни слѣда.... Я лгу въ этой тьмѣ, стараюсь къ ней привыкнуть и разглядѣть, что вокругъ меня дѣлается. Глаза, какъ и совѣсть человѣка, скоро привыкають ко всякой тьмѣ и мало по малу очарованный городъ весь открылся передо мною. Мрачныя фигуры какихъ-то существъ безъ человѣческаго образа мелькали передо мною безъ шлепста, безъ звука...

Тамъ, на яву, въ жизни мнѣ встрѣчались иногда люди, у которыхъ нищета и униженіе украли даже самое сердце, но те были все-таки человѣческіе образы, хотя по воспоминанію, а тутъ.... тутъ были не человѣческіе призраки, очертанія которыхъ взоръ мой уловить былъ не въ состояніи... Вотъ посреди этой мертвой тишины подходитъ ко мнѣ темный призракъ и однимъ своимъ приближеніемъ приковываетъ меня къ мѣсту. — «Бѣги, бѣги отъ этихъ мѣстъ, шепчетъ онъ мнѣ, иначе ты обратишься въ каменную глыбу, в будешь, какъ и все эти камни, лежать здѣсь цѣлыя тысячелѣтія.

Я съ ужасомъ взглянулъ вокругъ себя; мнѣ казалось, что черныя стѣны окружающихъ меня разваливъ сейчасъ рухнуть и я буду похороненъ подъ ихъ обломками, но призракъ съ укоромъ взглянулъ на меня и указалъ мнѣ на одно окно, гдѣ за стекломъ я замѣтилъ слабый свѣтъ.

— Тысячи людей будутъ помянуты за одно честное существо, котораго тѣнь мы видимъ за этимъ окномъ! сказалъ мнѣ призракъ.

Въ низкую дверь нижняго этажа мы вошли и очутились въ узкой полутемной комнатѣ. Среди всей ея скудной и убогой обстановки меня прежде всего поразило блѣдное лицо молодой женщины, сидѣвшей у стола за работою. Следуя невидимо за движеніемъ мысли по ея высокому лбу, я не могъ опредѣлять лѣтъ этой труженицы: то она казалась сорокалѣтнею женщиною то семнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Она вся дышала той внутренней красотой, которая вырабатывается горькими нуждами, борьбой, и упорнымъ сопротивленіемъ противъ

всѣхъ соблазновъ и приманокъ жизни. Это была одна изъ тѣхъ сильныхъ, человѣчественныхъ личностей, до которыхъ никогда не возвышается наше воображеніе, которыхъ не можешь любить, но можешь только поклоняться передъ ними. Съ одной ея стороны стояла кровать съ спавшей въ ней нѣтълѣтней дѣвочкой, улыбавшейся въ своемъ детскомъ снѣ. Улыбка ребенка походила на улыбку ея матери. Мать тупо слѣдила изъ за своей работы за смѣхъ дочери и, казалось, хотѣла отогнать отъ нея тяжелыя сновидѣнія. Высокій лобъ молодой женщины сіялъ священной гордостью непоборенной воли, несломанной силы; на этомъ сіяющемъ лбѣ можно было прочесть все ея прошедшее—повѣсть вѣчнаго труда, многихъ оскорбленій, повѣсть непреклонной борьбы, изъ которой она вышла робкой, но гордой побѣдительницей, вполне не сознавая своей побѣды. Изъ темнаго угла комнаты своими жадными ледяными глазами смотрѣть на честную труженицу злобщій призракъ бѣдности, смотрѣть завистливо, какъ на жертву, ускользнувшую отъ его власти, и его мертвая рука не смѣла дотронуться до нея, не смѣла унести ея въ свой омутъ, чтобъ послѣ съ хриплымъ хохотомъ смотрѣть на ея паденіе... Смущенный, взволнованный я стоялъ предъ этой женщиной. Мнѣ хотѣлось, упасть къ ея ногамъ, хотѣлось сложить свою голову на ея колѣни и въ благоговѣйныхъ слезахъ забыть мрачныя, тяжелыя думы. Тинственный спутникъ остановилъ мой безумный порывъ и въ его взглядѣ я прочелъ, что не достоинъ долго оставаться въ присутствіи этой женщины... У меня вырвался долгій, пронзительный крикъ отчаянія... Страшный, дикій сонъ!.. Но онъ вдругъ пережѣлился...

Я видѣлъ во снѣ другой, какъ будто давно знакомый мнѣ городъ, залитый свѣтлымъ огнемъ, обставленный блестящими магазинами. Мрачныя красныя камнились. Простыя, будничныя сцены и явленія замѣнили картину мертваго города съ его призраками. Но широкой улицѣ мчались богатыя экипажи и изъ каждаго каретнаго окна, и изъ подъ каждой шляпы прожеглаго смотрѣли на меня лица филантроповъ, которые такъ любятъ ближняго, что живутъ, наслаждаясь для его поль-

зы. Здесь всё счастливым своимъ особымъ счастьемъ, и своего крещеннаго довольства не принимаютъ ни на какое благополучіе. Въ этомъ счастливомъ городѣ ни гдѣ не попадутся на встрѣчу скорбнаго лица и печальнаго гражданина. Здѣсь люди борются только съ природой и съ лекарствами своихъ неджиковъ. Целоведу такой избытокъ жизни, что нужно было природѣ и разнымъ филантропамъ составлять заговоръ противъ этого избытка, и на каждомъ шагу подставлять ногу живущему человечеству. Картины домовъ сами обваливаются на головы прохожихъ, чтобъ сократить сложную, тяжелую работу новаго статистическаго комитета. Воздухъ сырыхъ квартиръ походитъ на воздухъ, которымъ дышатъ рудокопы и заражаетъ здоровыя груди. Множество матерей отступаются, отказываются отъ своихъ новорожденныхъ младенцевъ, и они — проклятые, позабытые, отсылаются въ пріюты незаконныхъ дѣтей, съ рожденія потерявъ право на жизнь и на честное имя. Но—это мимолетное случайное явленіе. Довольство и счастье сіесть на всѣхъ лицахъ. Каждый смотритъ благодѣтелемъ своего ближняго. Гуманныя, благородныя фразы льются рѣкой и ни одна нищія сума, ни одно печальное лицо не нарушаютъ праздничнаго, веселаго вида роскошной, богатой улицы. Журналисты работаютъ для образованія публики, публика любитъ ихъ и съ помощью ихъ воспитывается, немного воспитывается....

Золото и драгоценныя каменья повсюду, даже на мѣсто женскихъ сердець — это тоже драгоценныя камни, никогда не теряющіе своего холоднаго блеска... Счастливыи городъ превнесся мнѣ!.. Здѣсь женщины такъ добродѣтельны, что даже ужъ не добродѣтельны. На душѣ ихъ нѣтъ никакихъ проступковъ, потому что они лишены и самой души, погубленной въ экзотическомъ, искусственномъ воспитаніи. Здѣсь страданіе — непонятно. Вотъ за рабочимъ столомъ сидитъ романистъ и хладнокровно, безучастно развиваетъ трагическую повѣсть своихъ героевъ: онъ меньше страдаетъ за нихъ участь, чѣмъ его рабочая лампа, за которой онъ пишетъ. А вотъ драматическій актеръ, вытвердивъ по лоскуткамъ бумаги свою роль, скрежетомъ зубовъ и рычаніемъ быка, убиваемаго на бойнѣ, хочетъ передать свое внутреннее ташалое горе и въ тоже самое время думаетъ, какъ бы случайно не стереть свой пудры и краски съ своего лица... Смотрите: вотъ эта мѣжно-любящая мать, потому называющая себя аристократкой, что мать разъ въ день мѣняетъ свои чулки и прически и не знаетъ своего природнаго языка — вотъ она гладитъ своего маленькаго сына, котораго въ

дуть три раза въ сутки, а хотѣлъ забыть его для своего большого гика и для новаго банта. Въ видѣли этого ребенка двадцать лѣтъ тому назадъ: темеръ она выросъ, чтобы сдѣлаться паритицей въ великосвѣтской гостиной, чтобы сдѣлаться маммономъ для своего парнаго и сапожника... Въ масса слѣзъ проходитъ передо мной мушья, эти швейцары своихъ женъ, эти подвостки своихъ любовницъ, обманываемые и тѣмъ и другими, и презирающіе тѣхъ и другихъ; а вижу... но мой сонъ переноситъ меня въ другое мѣсто.

Мнѣ снится огромная зала съ рядами пышныхъ лонъ, залитая тѣмъ свѣтомъ, отъ котораго дѣлаются темныя пятна передъ глазами. Оркестръ музыки льетъ волшебные звуки, отъ которыхъ оживляются самыя фрески плафона, но вся эта разряженная, благоуханная публика ложъ и преселъ съ благосклоннымъ равнодушіемъ внимаешь озерной музыкѣ. Ни одинъ бантъ на женской груди, ни одинъ «этакъ отличія безпорочной службы» на шеѣ не дрогнулъ даже въ то время, когда вдохновенный теноръ своей знаменитой аріей воскресилъ бы почившихъ боговъ отъ сна, и могъ быть причисленъ ими къ сонну единичному. Вотъ скелеты старцовъ, которыхъ старость, какъ матометанскій обрядъ, освободила голову отъ волосъ и открыла ее какинъ-то рѣдкимъ мехомъ, сидя въ креслахъ, прогоняютъ дремоту съ помощью табакерокъ и подъ голосъ примадонны грезятъ о балетныхъ неврахъ, о сладострастныхъ пруретахъ любимой танцовщицы. А вотъ и эти нѣмые оверрые юноши! Въ моемъ слѣзѣ я не столько люблю ихъ, какъ нѣтъ туалетомъ. Господи! какіе великолѣпные панталоны носить эти юноши! Точно самъ Беллонн трудился надъ ихъ рисункомъ, точно Роллеръ создавалъ ихъ, какъ дополнительное декоративное къ представленію. На лицахъ этихъ юношей маммома, что они все умерли бы съ тоски и отчаянія, если бы не нѣгли на себѣ такого украшенія, и лучше бы ходили вовсе безъ панталонъ, чѣмъ рѣшились бы украшать себя другими, обыкновенными подлѣями мужскаго костюма. Тутъ я нѣсколько обратилъ вниманіе на блестящій рядъ ложъ, гдѣ сидѣли дамы. Меня сталъ занимать вопросъ: какъ омы одѣты? Я осмотрѣлся и вдругъ съ

какимъ-то умасомъ прирагивуль на своихъ мѣстѣ. Я вижу, что все эти красавицы сидятъ совершенно раздеты въ своихъ ложахъ: на нихъ почти никакого призрака платья. Моимъ глазами только представлялись одни открытыя, совершенно открытыя до самой талии, плечи. Плечи округлыя, плечи бѣлыя, плечи полная и плечи худыя — вотъ все, что я могъ увидѣть. Я понималъ, что это цѣломудріе красоты, которая не стыдится своихъ прелестей, и ощущалъ, что платье есть порожденіе безобразнаго вкуса, есть отживавшая мода... Я смотрѣлъ долго на эти антологическія плечи, я упивался ихъ музыкой, я завидовалъ своимъ собственнымъ глазамъ въ томъ, что они могутъ безнаказанно наслаждаться тѣломъ красавиць... Голова моя закружилась... грезы сна стали дѣлаться какъ то неуловимѣ... мнѣ вдругъ представилось, что я, я самъ вдругъ превратился въ г-жу Одинцову, мой фракъ изчезъ и замѣнился открытыми, благоухающими плечами, на которыхъ устремилось тысячу глазъ, тысячу биноклей... что такое со мной?

Мой сонъ вдругъ перемѣнился. Какъ въ какомъ-то фантастическомъ балетѣ закружились передо мною театральные призраки. Они носились въ огнѣ, не бегалькомъ, но въ настоящемъ огнѣ, въ которомъ пламя пожирало драматическія произведенія новѣйшихъ писателей театра. Гибли одно за другимъ эти произведенія, а творцы ихъ издалика грезили еще цѣлой полессальной пирамидой, составленной изъ новыхъ сценъ, драмъ и комедій. Павелъ Губонюкъ и Аннолюкъ Жизнепрожигатель обгорѣлыми руками вытаскивали ихъ огня тлѣющихъ страницы... Въ «Отцовскомъ проклятіи» утерзанный третій проделывалъ первую любовницу; первая любовница локала руки, первый любовникъ грезиль «театръ заить слезами», и отъ рова его локались лампы на сценѣ... — Бросилъ въ огонь старыя костюмы! крикнулъ кто-то, и вотъ въ огонь полетѣли королевскія мантии, болѣе похожія на старыя перчатки, царскіе плащи, славянскія поддевки, парики и накладныя...

— Все сгоритъ, но я одинъ останусь! кричалъ комикъ, игравшій Кречинскаго и Венеціанскаго купца, мута въ Лирѣ и самаго Лира, «заколдованнаго врица и датонаго принца Гамлета...—Я буду играть теперь даже мать Гамлета, кричалъ оиъ:—я даже могу взять на себя роль того самаго облака, на которое указывалъ старикъ Полоній и буду походить, то на вѣта, то на верблюда, то... Все сжигалось въ общемъ хаосѣ и въ дыму, посреди лежанницъ въ пламени обгорѣвшихъ театральныхъ рецензій, париковъ, комедій и ботфортъ; порхали съ де-

никъ пламенъ книжки новаго театральнаго журнала «Русская сцена»... Ослепленный завязать упалъ... Мой сонъ быстро переѣхался...

Въ капризной, странной грезѣ я вдругъ убѣдился, что я не «темный человѣкъ», но что я принялъ на себя душу и тѣло статскаго генерала Перетрухина... Мое собственное «я», мой видъ—все исчезло: я ощущалъ на себѣ носъ Перетрухина, крошечный, солидный черепъ его, однимъ словомъ, я весь обратился, въ генерала Перетрухина и даже во снѣ наслаждался своимъ генеральскимъ видомъ... Но въ тоже самое время—дикая греза!—мое другое «я», мой двойникъ почтительно слушалъ генерала Перетрухина.. Генералъ говорилъ, самъ съ удовольствіемъ прислушиваясь къ своему голосу..

— Я гуманень, прежде всего я гуманень... да?

— Гуманны, ваше превосходительство... подсказывалъ мой двойникъ.

— Вы поймите меня: я иногда взыскательно отношусь къ своимъ подчиненнымъ. Еще вчера я распекъ секретаря за то, что въ присутствіи мухъ было много, но вы поймите, почему я такъ дѣлаю... Я строго взыскиваю, я ворчу, бранюсь съ чиновниками, потому что я страдаю—сообразите это—страдаю серцебиеніемъ... Виновать-ли я, что у меня серцебиеніе, ну виновать-ли я?

— Почтенная болѣзнь, болѣзнь всѣхъ великихъ людей, ваше превосходительство...

— Именно великихъ людей. Вотъ жена моя этого понять никакъ не хочетъ. Она иногда забѣситъ меня, до бѣшенства доведетъ, а лампу сбрасываетъ на полъ, зеркало однажды разбила, но можно ли обвинять за это человѣка, когда онъ страдаетъ серцебиеніемъ. Правда?

— Точно такъ, ваше пр—во... Великіе люди рѣдко понимались своими женами.

— Я гуманень, но за себя поручиться не могу, не могу поручиться, потому что я страдаю серцебиеніемъ... Кажется, всякій можетъ извинить меня...

Но сонъ уже освободилъ меня отъ пытки гостить въ узкомъ пространстве тѣла генерала Черетрухина и повесѣ меня куда-то дальше...

* * *

На крыльяхъ полуночной грезы
 Въ невѣдомой тьмѣ я лечу
 И въ смыслъ этихъ грезъ непонятныхъ
 Я словно проникнуть хочу...
 Зачѣмъ это падаютъ тѣни
 Вокругъ золотого тельца?
 Зачѣмъ передъ призракомъ сына
 Разгибался призракъ отца?
 Зачѣмъ это нужны постанъ
 Гражданская скорбь и прогрессъ,
 Когда есть и солнце, и мѣсяцъ,
 И звезды въ пространствахъ небесъ?
 Зачѣмъ это слезы такъ печальны,
 Когда все светло на яву?
 Зачѣмъ я живу въ сновидѣньи
 И—словно на свѣтѣ живу?
 Зачѣмъ? На крыльяхъ сновидѣнья
 Въ невѣдомой тьмѣ я лечу,
 Но смысла туманныхъ загадокъ
 Ужъ я понимать не хочу.

* * *

Сонъ новый меня переноситъ
 Въ большой дѣловой кабинетъ.
 Сидитъ въ кабинетѣ редакторъ
 За кипой огромной газетъ.
 Сидитъ онъ, и старца смущаетъ
 Одинъ неотвязный вопросъ,
 Сидитъ онъ, схватившись руками
 Въ послѣдній остатокъ волосъ:
 — „Зачѣмъ я редакторъ, о Боже!“
 Онъ мечетъ скрививши свой роги;
 Зачѣмъ я забылъ для журнала
 Отличный мой сальный заводъ?
 Напрасно я даромъ по свѣту
 Газету свою разсмѣялъ,
 Напрасно... лишь скудную ленту
 Съ несчастной подписки собралъ.

Нѣтъ денегъ! Нѣтъ денегъ! Нѣтъ денегъ!
 Печалень мой жизненный путь...
 И старецъ угрюмо и стро
 Главу опускаетъ на грудь.

* *

Мой сонъ измѣнился... я вижу
 Того же редактора ликъ,
 Но ликъ его ясенъ и веселъ
 И взоръ не попрежнему дикъ...
 Внимая редакторскимъ пѣнямъ
 Сидитъ джентельменъ у окна
 И слушаетъ чутко и долго,
 Хотя рѣчь его очень темна...
 Онъ проситъ займы десять тысячъ
 „Опору въ превратной судьбѣ“,
 Ему отдаетъ онъ—подписку,
 А тысячи проситъ себя.
 И слышны редактора пѣни:
 — „Подписчиковъ всѣхъ я продамъ!
 Они крѣпостные; ихъ души
 Поступать въ владѣніе къ вамъ.
 Когда-жъ новогодней подписки
 Придетъ золотая пора,
 Къ вамъ съ почты повѣстия полются
 Должеть безкошечнымъ съ утра.
 Берите-жъ подписчиковъ души!
 Они у меня молодцы!
 А вашими деньгами тотчасъ
 Сведу я съ концами концы...
 И проданы бѣдныя души,
 Скрывавши межъ обонинъ торгъ,
 И тотъ и другой въ ту минуту
 Приходятъ въ нескрытый восторгъ

* *

Мой сонъ измѣняется снова...
 Годъ новый встречаетъ весь свѣтъ...
 Текуть чѣзъ мечамта подѣстки
 Въ конторы счастливыхъ газетъ.
 Но пусто въ конторѣ газеты
 Подъ фирмою: „Наша сума“,

И новый редакторъ изданья
 Рѣшительно сходить съ ума.
 Неидеть почтальонъ изъ почтамта,
 Придетъ же,—увы, джентельменъ!—
 Принесъ онъ письмо страховое
 Съ статей отъ какого-то Н:
 „Пропали мои десять тысячъ!
 Достался хорошій мнѣ кладъ!...“
 И новый издатель роняетъ
 Слезинки на старый халатъ!..

Слова переѣхались мой сонъ... Я вижу внутренность полутемнаго, блѣднаго храма съ почернѣвшими старыми иконами, передъ которыми лампы льютъ свой слабый, тощій свѣтъ... Въ церкви — свадьба. Странная чета: оба еще очень молоды, оба еще только начинаютъ жить, а между тѣмъ горько и больно смотрѣть на нихъ. Зачѣмъ они сошлись вѣсть? Какая связь существуетъ между этой блѣдной дѣвушкой и женихомъ—этими вѣчными недорослемъ, котораго жизнь никогда не сдѣлаетъ совершеннолѣтнимъ, никогда ничему не научить? А сзади въ темныхъ углахъ церкви старая салопница, смотря на молодую чету, перешептываются: «Какіе оба молодые! вотъ такъ пара!.. Горькая насѣшка! Вѣдь два одиноко сдѣланные подсвѣчника, блестящіе еще свѣжей бронзирвкой — то же пара!... По лицу невѣсты пробѣгаетъ какой то невольный трепетъ, а женихъ — неужели онъ счастливъ? Неужели счастье заставляетъ его такъ улыбаться и нервно подпрыгивать на своемъ мѣстѣ. Да, онъ счастливъ, но счастливъ помалымъ самодовольствіемъ официанта, свадьбу котораго удостоилъ своимъ присутствіемъ его баринъ; онъ счастливъ отъ сознанія, что на его вѣнчаніи присутствуетъ богатый вельможа, изъ деликатности не отказавшійся отъ просьбы жениха — быть его «спасительнымъ отцомъ...» Вотъ чѣмъ доволенъ напомаженный женихъ, вотъ отчего съ самодовольствіемъ поглядываетъ онъ кругомъ.

Обрядъ конченъ... Глухо, мертво прозвучалъ подъ сводами первый поцѣлуй молодыхъ супруговъ... Они выходятъ изъ храма... Но не до-

ней, не въ свой собственный уголокъ спѣшать они провести вмѣстѣ этотъ первый вечеръ ихъ новой жизни: они ѣдутъ въ домъ того же вельможи, удостоившаго ихъ своимъ приглашеніемъ...

Рядъ освѣщенныхъ залъ... парадный столъ для ужина... Вало бесѣдуетъ съ гостями вельможный хозяинъ, котораго большіе безжизненные глаза смотрятъ не въ лице гостей а куда-то далеко, въ необъятное пространство... Взглядъ такихъ глазъ холоденъ и мертвъ, какъ воздухъ, вырвавшійся изъ открытой могилы. Между тѣмъ вокругъ хозяина, какъ стая летучихъ мышей, вьется его настоянная свита, его домашній штатъ, вьются ужаны эти разные помощники помощниковъ у помощника его управляющаго, эти домашнія совы, заселившія всѣ темные уголки его параднаго дома... Какъ похороны, дѣются этотъ брачный ужинъ молодыхъ, встрѣчающихъ свою новую судьбу подъ чуждой ихъ кровлей. Неловко и тоскливо чувствуетъ себя молодая жена: какое-то внутреннее чувство предсказываетъ ей, что не здѣсь теперь ея мѣсто. Но новый супругъ не умѣетъ читать на лицѣ бѣдной женщины; съ его низкаго лба не скрываетъ самоудовольствіе: онъ видитъ, что въ честь его наполняются здѣсь бокалы, въ честь его предлагаются тосты — и его колѣбное самолюбіе удовлетворено...

Ни онъ, ни хозяинъ не понимаютъ оскорбительнаго смысла этого праздника... Ужинъ конченъ. Хозяинъ беретъ подъ руку жену и выводитъ его въ свой кабинетъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, говоритъ онъ своимъ ледянымъ вѣжливимъ голосомъ, подарить вамъ желѣ что нибудь на память, но я, право, не знаю, угожу ли ей своимъ выборомъ... Ея вкусъ вы знаете больше: прошу васъ выбрать что нибудь...

И онъ высыпаетъ на столъ сотни бездѣлушекъ, фермуаровъ, сережекъ, булавокъ съ дорогими камнями и пр. и пр.

Счастливый мужъ начинаетъ разсматривать вещи и... выбираетъ «для себя большую, титановую часовую цѣпочку, которую надѣваетъ на «свой» жилетъ и благодаритъ за подарокъ.

Отвратительный сонъ!... Но греза мгновенно переноситъ меня въ другой, болѣе тихій и мирный уголокъ, до того мирный, что и въ своей грезѣ едва вторично не впадаю въ недавнее забвеніе...

Мой сонъ перенесъ меня въ одну изъ тѣхъ уютныхъ гостиницъ, которыя можно насчитать тысячи въ томъ благополучномъ городѣ;— въ одну изъ тѣхъ гостиницъ, гдѣ все, начиная съ кисельныхъ розетъ съомъ на окнахъ и кончая вѣшалкой для пальто въ прихожей, насыщено проникнуто тишиной, домашнимъ участіемъ, народнутаемостью, нехожемъ на опціонерствѣ. Обитающая здѣсь молодежь сундукеская чета представляетъ идеалъ семейнаго, вѣчно ровнаго благополучія. Счастье, вѣчное тихое счастье, которыя они немызуются, могло бы просто задвинуть ниния натуре, но ихъ еще не дуетъ: они только иногда скучаютъ нинь, но скучаютъ съ улыбкой, съ удовольствіемъ. Блаженныя уголки. Сюда можно являться, чтобъ отдохнуть, чтобъ подремать у камина, не обращая ни на себя, ни на него вниманія... Моя греза рисуетъ мнѣ картину, какъ эта довальная чета готовится къ маленькому вечеру, устроенному для нѣкоторыхъ знакомыхъ... Милая идиллія! Кухарка строго наказано, чтобъ она надѣла платье не столь грязное, какъ всегда, строго наказано, чтобъ она, являясь въ парадныя комнаты, ходила тише и не размахивала своими локтями... А сами аккуратныя хозяева приготовили столовую лампу, стерли пыль съ рамокъ портретовъ, граціозно развѣшанныхъ надъ диваномъ, сами вытерли свою мебель деревяннымъ масломъ, котораго запахъ потомъ не исчезалъ въ продолженіе всего вечера... Хозяинъ самъ старательно разбавлялъ нестянымъ ножомъ всѣ журналы на большомъ столѣ, дабы не подумали, что онъ ихъ не читаетъ и разложилъ эти книги въ симметрическомъ порядкѣ... Все лоснится, начиная отъ счастливаго лица супруговъ и кончая дверною ручкою надъ колокольчикомъ и стѣною дощечкой у входа въ квартиру... Давно ожидаемая вечерняя компанія сходится. Благополучіе и тишина всей обстановки заражаетъ и гостей, и дремяютъ они къ счастливному спокойствію до чаю, дремятъ до ужина, дремятъ до той минуты, когда нинь нужно покидать счастливое убѣжище. Говорить на такихъ счастливыхъ вечерахъ никто утъ избытка внутренняго довольства—не задается. Всѣ обходятся только одними вопросами и приличными этимъ вопросамъ отвѣтами...

О, какъ хорошо подобное счастье, если только оно не уморитъ своей безмятежной опуктой, своей блаженной тоской...

Еще мучила меня вѣвота отъ вечера въ этомъ тихомъ убѣжищѣ, какъ я уже летѣлъ въ моемъ снѣ по одной изъ пышныхъ улицъ счастливаго города. У подъѣзда одного богатаго аристократическаго дома съ огромными чугуныими столбами я на минуту остановился... Вдругъ

широкая дверь подъезда отвернулась и изъ нея быстро вышла, путаясь въ клубъ, чья-то очень знакомая фигура... Кто это такъ торопливо соскочилъ съ мраморной лестницы? Въ первое мгновение мнѣ показалось, что я вижу знакомое лице Павла Степановича Кирсанова, но толстый швейцаръ тотчасъ же разочаровалъ меня. Стоя величественно съ булавою своею у дверей, онъ съ архаической улыбкой посмотрѣлъ въ садъ удалявшемуся посетителю, и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Чудное, право, дѣло! Кажись, онъ не нашъ братъ, первые романы, говорятъ, пишетъ, а тутъ пришелъ къ нашей гувермантѣ да увидѣлъ, что княгиня по лѣстницѣ идетъ—онъ и посоветился взойти: послѣ, слышь ты зайду. Знаемъ, почему послѣ: посоветился, значить... А еще почетъ, говорятъ, вездѣ имѣеть! Эхъ, вы!!...

И швейцаръ, презрительно стукнувъ своею булавою, скрылся внутри подъезда.

Фу! какой глупой сонъ! Только во снѣ можетъ присниться, что знаменитый романистъ удался изъ дома оттого, что «посоветился» встрѣчи съ аристократической хозяйкой дома..

Сонъ переноситъ меня въ пріютъ ученаго, которому благородная наука, за то, что онъ, по крайней мѣрѣ, не принесъ ей никакого вреда, хотя и не сдѣлалъ пользы, устроила юбилейное празднество въ честь его двадцати-пятилѣтней бездѣятельности. Послѣ этого юбилея маститый ученый сталъ какъ то особенно цѣнить свое ученую карьеру, сознавая, что

Быть можно дѣльнымъ человекомъ,
Хоть и не дѣлать ничего.

Понятно, что у него явилось честолюбивое желаніе, чтобъ его юбилей былъ извѣстенъ въ своей странѣ, и онъ возложилъ на свои обязанности на прессу, въ полной увѣренности, что она не пропуститъ безъ вниманія такого крупнаго явленія въ обшественно-ученомъ мѣрѣ. — Надѣялся же такого шуму юбилей кн. Вяземскаго, тамъ жеужели же мнѣ

юбилей пройдет не замеченный? разсуждал самъ съ собою ученый. Понадѣясь на прессу, онъ былъ еще больше подкрѣпленъ въ своей надеждѣ, когда прочелъ въ одной нѣмецкой газетѣ нѣсколько словъ по поводу ученаго торжества своего.

Въ ожиданіи своей близкой славы, гордый юбиляръ съ цѣлью постоянно слѣдить за прессой, выписалъ на три мѣсяца всѣ ежедневныя изданія, выходящія въ городѣ. Съ этого дня онъ сталъ контытывать на себя мученія Тантага. Съ ранняго утра его начинается бить мхорадна, онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ прихода почтальона, и, какъ голодный звѣрь, по его приходѣ бросается на кипу газетъ.

Пробѣгаетъ „Голось“,
Онъ молчитъ упрямо,
И на старць волосъ,
Словно въ полѣ колось,
Поднимался прями.
А газета Корца,—
Эта миротворца,—
Хоть бы загнулась!..
Даже въ „Инвалидъ“,
Хоть бы въ скромномъ видѣ,
Слово подвернулось...
Въ памяти легля
Праздникъ юбилей,
Двигатель науки
Молвилъ: „правда! гдѣ ты?“
И ронялъ газеты,
Опуская руки!

Такая внутренняя мелодрама повторилась въ немъ ежедневно, каждое утро. Наконецъ, потерявши всякую надежду, юбиляръ рѣшается самъ напомнить о себѣ редакціямъ газетъ, но, heia! еще и до нынѣ міръ остается въ неизвѣстности о славномъ торжествѣ, и я, только благодаря моему сну, могъ узнать объ этомъ великомъ мировомъ событіи...

Въ эту минуту я проснулся, стараюсь припомнить всѣ мрачныя, страшныя сны... Я, наконецъ, припомнилъ ихъ, передо мной одно за другимъ прояснились сновидѣнія, и я благословлялъ жизнь за то, что она не похожа на темныя, смущающія грезы...

Мужъ и скорби!
 Гдѣ же они?
 Ихъ мы встречаемъ —
 Только во снѣ.
 Городъ уснувшій
 Въ сонной странѣ
 Можемъ прикинуться —
 Только во снѣ!
 Нѣжность питаемъ
 Мы къ старинѣ,
 Давимъ и грабимъ —
 Только во снѣ.
 Люди несчастные
 Томать въ вѣнѣ,
 Въ темномъ развратѣ —
 Только во снѣ.
 Мужъ измѣняетъ
 Бѣдной женѣ,
 Падаютъ жены —
 Только во снѣ.
 Лирикъ слагаетъ
 Пѣсни къ лунѣ,
 Властвуетъ бѣдность —
 Только во снѣ.
 Тѣни порока
 Видились мнѣ
 Съ мукой проклятыя —
 Только во снѣ.
 Жизнь раздвѣтаетъ
 Въ вѣчной веснѣ;
 Все, что въ ней гадко —
 Видимъ во снѣ.

Перенесемся теперь для контраста изъ скорбнаго міра снова въ ясный міръ жизни, жизни провинціальной. Не даромъ одинъ изъ моихъ провинціальныхъ корреспондентовъ (которыхъ у меня къ несчастію мало) писалъ мнѣ, что провинціальная жизнь такъ ужъ слобна и крѣпка, что тамъ люди почти-что совсѣмъ и не умираютъ, а живутъ чуть-ли не ровѣстниками земнаго шара. Въ этикъ словахъ много правды. Повсюду въ провинціи царствуетъ благораствореніе сосудовъ и желудкавъ, повсюду при каждомъ случаѣ сочиняются обѣды, благозвѣстительныя обѣды, благодарственныя обѣды и т. д. Уста жуютъ

и жуютъ, и все не нажуются. И благо имъ за то! Намъ худосочный Петербургъ постоянно живетъ на счетъ провинцій и если бы ежегодно провинціальный черноземъ не освѣжалъ его болотистую почву, то... то что было бы тогда со всеми нами, мои любезные провинціалы? Вы наша запасная кладезь здоровыхъ метронутыхъ силъ и намъ ли не завидовать вашей жизни съ ее безконечными объѣдами и объеденнымъ краснорѣчіемъ?... Посмотрите, напр. какими рѣчами были наполнены три нумера газеты: «Харьковъ» по случаю отъѣзда бывшего попечителя ученаго округа. Вотъ хоть начало одной изъ этихъ рѣчей:

«Слыша и видя восторженныя чувства и благожеланія ученаго сонна харьковской музы, при чувствительной разлукѣ съ вашимъ превосходительствомъ, нельзя не быть въ благопріятномъ сочувствіи, находя живѣйшее доказательство той пріятной и очевидной для васъ истины, что вы... и т. д.

Живи Демосфенъ въ наши счастливыя времена, онъ не воскликнулъ бы

Я пойду отъ васъ на берегъ моря,

чтобъ говорить съ морскими волнами, но отправился бы на сухопутные провинціальные объѣды къ русскимъ спичистамъ.

Винить ли послѣ того тѣхъ администраторовъ, которые, явившись въ новую область съ разными административными замыслами и проектами улучшеній, съ перваго же дня опускали свои руки при видѣ общаго благоденствія и жирнаго, раскормленнаго счастья? И вотъ всѣ планы такого предприимчиваго администратора разсыпаются въ прахъ, и ихъ дѣятельность заканчивается тѣмъ, что они устроятъ около города аллею изъ тополей, или же проводятъ посреди главной улицы бульваръ съ аршинными акаціями. Пусть же не думаютъ иные, что эти администраторы только «стопали» на подчиненныхъ: они и «топали» иногда разводилъ, увлекаясь художественными перьями, разгорѣвшимися провинціальными объеденными синичами и ораторами.

До какой степени неосмысленно провинціальное краснорѣчіе, я сейчасъ докажу, опираясь на одинъ документъ. Есть въ некоторой губерніи коммерческое училище, которое ежегодно 17-го декабря празднуетъ свою годовщину. Публика въ этотъ день угощается застравкой, танцами, но самое лучшее угощеніе праздника—есть слушаніе отчета о годовой дѣятельности училища, составляемаго и читаемаго всегда самимъ инспекторомъ. Отчетъ этотъ, по моему мнѣнію, есть драгоцѣн-

ный образецъ въ своемъ родѣ. Отчетъ этотъ называется одна-одна не страницами, — гинномъ учрежденіемъ училища. О терминыхъ отъ словахъ нѣ то же упоминаются, но очень тонко, а именно такимъ образомъ, что «не приходится много говорить о недостаткахъ, не лучше умолчать о нихъ.» (И те дѣла!) Впрочемъ, вѣрнопрѣтвѣной тѣмъ и составитель отчета, не причисляя свидѣующимъ міру къ недостаткамъ (а вѣроятно къ достоинствамъ) докладывающъ, что въ прошедшемъ 1863 году «никакъ нельзя было обойтись безъ ревозъ».. Утѣшительное извѣстіе для присутствующихъ при чтеніи родителей! Да и какъ, въ одномъ дѣлѣ, обойтись безъ ревозъ, когда на доставку нѣ составляется особые торги! Представьте себѣ, что этое презентъ доставлено ревозъ на годъ: куда же его приманете употребить? Ну, не маволь и станемъ производить экзауциіи...

Но отчетъ все-таки утѣшаетъ родителей развитіемъ новыи улучшеніями; такъ напр. учреждены словеса петлички на мундрахъ... Да-съ, кромѣ шутокъ, коммерческую школу очень должно радывать распоряженіе, что

Форменныя есть отлички:

Въ мундрахъ выпушки; погоньчики, петлички...

Кромѣ того придуманы разными новыя таблички, спички и вѣдомости для класныхъ отиѣтокъ и для поведенія... Изъ этого нововведенію доставало только какихъ нибудь новыхъ мановъ для уничтоженія чернильныхъ пятенъ съ носовыхъ платковъ...

Изъ того самого отчета видно, что главнѣйшое заботомъ инспектора были успѣхи учениковъ въ иностраннымъ діалектахъ. Чибъ успѣхи языковнннн или быстре, остроумный инспекторъ придумалъ весьма замысловатые шѣры. Ихъ пять, но я узнаю только два дѣя: 1) надиратель «долженъ выискивать» съ учениковъ «за русскій разговоръ въ свободное время отъ занятій»; 2) каждую субботу за каждыи «ноль» заставляютъ ученика, вѣсиво глотать селедокъ, «выучивать пятьдесятъ иностранныхъ словъ», а «за каждую единицу — 25 словъ». Эда великолѣпная шѣра прикомнаетъ нѣкъ другу въ одномъ частномъ мундрахъ заведеніи, въ Петербургѣ. Салонный начальникъ этого заведенія, вѣроятно извѣстанный новыи толками «о слівннн съ народомъ», мало-мало шѣра на всю прислугу въ своей шѣра: тотъ, кто будетъ говорить съ нѣмъ нибудь изъ воспитанниковъ, платитъ 25 к. штрафа. Не возвратится къ коммерческому инспектору и къ его способу рас-

простирать иностранные языки. Не говоря уже о томъ, какъ старъ и старателемъ утотъ бессмысленный способъ «добинъ» и заучиваня слогъ, не лишено такъ же пріятности и то, что изученіе языка предлагается, какъ казненіе. По субботамъ—за лѣнность и розгами сѣзуть и добить діалогъ заставившій!.. Хорошо же должно идти ученіе!.. На это языкъ отвѣчаетъ самъ отчетъ: онъ гласитъ, что въ училищѣ на 55 человекъ приходится только 9, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ... Жаль, что седедлами на кормать! Тогда бы, можетъ быть, ученіе и выдвинулось впередъ не много пошлѣе. Впрочемъ, мѣсто седедекъ такъ записываютъ задачи и темы для окончаній воспитанниковъ. Вотъ хоть двѣ: одна — ко значенія банквъ въ народной торговлѣ»; (это котъ гг. Ламанскому или Шляю предложить — тамъ будетъ въ пору); другая «о спиртнои броженіи». Но займемся лучше «броженіемъ» самаго инспектора. Броженіе его краснорѣчія бываетъ иногда такъ сильно, что слова его теряютъ для насъ всякій смыслъ. Перехода къ ревизіи стала и провизія, отчетъ зараноторговывается до слѣдующей фразы: «Были замѣчены безпорядки и по отношенію къ воспитанникамъ, безпорядки, которые не могли быть черезъ чуръ сильными, такъ какъ съѣсть болѣе того, что могутъ учащіяся, невозможно».

Понимаете ли вы здѣсь что нибудь? Мѣтъ это мѣсто напоминаетъ слова одного глубокомысленнаго гѣнца: «что бышь котѣль сказать? Да, — ничего!» Такъ, дѣйствительно! «Плодъ даетъ ли нустопѣтъ?», говоритъ одинъ московскій стихотворецъ.

Краснорѣчіе составляла отчета, однако, доходить иногда до искренней позвн. Не могу не указать на эти мѣста: «Въ дѣлѣ воспитанія ведется по старому» (такъ въ какомъ же дѣлѣ улучшенія-то ваши?); ни одно изъ прежнихъ «многъ убѣжденій» не оставлено. Винавать, «развъ» (важколюбное «развъ») розги отъ времени до времени допускаются для маленькаго возраста «въ поученіе другимъ» и всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ словомъ нельзя доказать» (а розгой можно?), что «бить другого» и «оварничать надъ нимъ не слѣдуетъ». Замѣтите добродушіе послѣдней морали, которую нужно понимать такъ: «Драгаться не слѣдуетъ, а повтому я тебя бью!» Насмугу-то мы договорились съ помощью драгоцѣннаго отчета до самаго настоящаго принципа розогъ. Далѣе читаемъ отвроченный отчетъ: «Исключенія изъ этого рѣдкія, и только разъ относилась (т. е. простоту сѣзан; подите, поймите подмѣтѣтъ: одинъ розги назвалъ чуть ли не «испанскіи мативами»

жизни, а другой утѣрился глаголь «сбѣчь» замѣнить глаголомъ «от-носиться!» къ личности (какъ въ «личности?») пятнадцатилѣтняго возраста, неоднократно увѣщиваемой прежде, рѣзнявшейся въ присутствіи надзирателя, углубленного въ книгу, (?) закурить гонимую у нѣтъ въ классахъ папиреску»... Меня больше всего умиляет гомеровское простодушіе этого разсказа и его милая искренность. Составитель отчета, какъ охотникъ до закрытаго воспитанія, съ той же искренностью высказываетъ свое сожалѣніе по тому случаю, что воспитанники, ходящіе въ отпускъ къ своимъ родителямъ, портятъ свою нравственность. «Въ этихъ отпускахъ, — жалуются онъ, — особенно на лѣтнее время, много и много приучаются къ папирескамъ (вотъ онъ дѣ-то гдѣ!), къ лѣнѣ, къ объядтію и ко многимъ порокамъ пустой, незаботливой жизни, которой не чѣмъ исполнить окружающей семьѣ»...

Родители слушали рѣчь ту и хорошо сказали: спасибо!... Разсуждать объ этомъ инспекторъ-идиотикъ больше не стоить. Мы хотимъ только удивить его, отыравъ ему, что какой-то другой педагогъ называетъ «нравственными качествами» то, что онъ называетъ «пороками». Вотъ такъ штука!.. Есть одна книжка: «Начальное обученіе отечественному языку по наглядной методѣ». Ненаглядная книжка! Въ этой-то книжкѣ и сказано, что «нравственными качества, которыхъ «человѣкъ не долженъ имѣть» — суть: необразованность, лѣнь, тщеславіе, лажомство, неосмотрительность, злость и т. д.

Ненаглядная книжка, дѣйствительно...

Не даромъ инспекторъ коммерческаго училища потратилъ много воображенія и фантазіи на созданіе разныхъ петличекъ для воспитанниковъ. Петлички и вообще формальность — дѣло далеко не послѣдней важности въ глазахъ русскихъ педагоговъ. Вотъ случай: онъ не первый и не послѣдній.

Молодой человѣкъ, прѣѣхавшій въ одинъ изъ центральныхъ городовъ Россіи изъ самой Сибири, поступилъ въ частное учебное заведеніе. Однажды утромъ онъ шелъ внизъ по лѣстницѣ изъ третьяго этажа одѣтый въ пальто и шапкѣ. Въ корридорѣ попадаетея ему инспекторъ и сурово осматриваетъ ученика съ ногъ до головы. Когда

ученикъ поравнялся съ инспекторомъ, то поклонился ему и слова, шлепнув шапку, хотѣлъ идти дальше. Инспекторъ остановилъ его.

— Какъ ваша фамилія?

Тотъ сказалъ.

— Что жъ вы стоите въ шапкѣ? развѣ не знаете, что передъ вами вашъ начальникъ?

Растерявшійся юноша принужденъ былъ снять съ себя шапку.

— Позвольте мнѣ вашъ входной билетъ. Вы не можете посѣщать болѣе нашего заведенія, потому что не умѣете держать себя.

— Позвольте мнѣ вашъ входной билетъ. Вы не можете посѣщать болѣе нашего заведенія, потому что не умѣете держать себя.

Юноша положительно сталъ въ тупикъ. Онъ рѣшительно не могъ понять причины такой немилости, тѣмъ болѣе что не имѣлъ еще случая ее вызвать со стороны начальства... Онъ догналъ уходившаго отъ него инспектора.

— Что вамъ отъ меня угодно?

— Я хотѣлъ узнать отъ васъ, почему я лишаюсь права посѣщать классы? Мнѣ положительно неизвестна моя вина...

— Вы лишаетесь этого права потому, что шли съ самого верку по корридору съ шапкой на головѣ и въ ней же осмѣлились стоять передо мною. Приличій не знаете, милостивый государь! отгрызнула инспекторъ заведенія.

— Но вѣдь я вамъ поклонился при встрѣчѣ.

— Поклонился! Какъ будто вы сибете мнѣ кланяться? Вы просто должны стоять съ непокрытой головой передо мною.

— Но увѣряю васъ, я не зналъ о подобныхъ правилахъ, иначе бы я тотчасъ же исполнилъ ихъ. Повѣрьте моему честному слову...

Инспекторъ искоса посмотрѣлъ на ученика и не найдя никакого различнаго вораженія, не хотя возвратилъ ему билетъ, замѣтивъ:

— Въ другой разъ будьте осторожнѣе, иначе же я буду принужденъ исключать васъ изъ нашего заведенія...

Это былъ первый урокъ въ субординаціи для неопытнаго юноши, который смотрѣлъ на это заведеніе, какъ на храмъ науки, гдѣ петлички и военная дисциплина не имѣютъ ни мѣста, ни значенія.

Изъ педагогическаго міра мы перенесемся пока совѣсть въ другое убѣжище, а именно на одинъ оружейный заводъ. На этотъ заводъ случилась надобность исправить печь въ одномъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Приказанъ былъ архитектору. Печь разобрали. Такъ какъ подобныя магазины никогда не отличаются чистотой и тамъ какъ очень часто туда ввозили кули на лошададь, то не мудрено, что сквозь старый погъ шибетъ съ мукой пошло много мучиголь, мучиголь весьма неблагоуханный. Архитекторъ распорядился, чтобъ всю эту негодную муку собрали и выбросили. Но начальникъ по провантской части думалъ совершенно иначе: мука эта ему самому понадобилась и онъ велѣлъ перевести ее къ себѣ.

— Скотинѣ вѣтъ можно! рѣшилъ онъ. Что мука-то даромъ пропадетъ, сойдетъ! Овладевъ этой мукой, жадный начальникъ приказалъ изъ нея испечь хлѣбъ для мастеровыхъ, рассчитывая оставить этимъ лебѣ экономію для на, два на-три. Хлѣбъ былъ испеченъ. Мастеровые, какъ передъ работой и не очень бросливый, неаппетитно съѣли хлѣбомъ, но на другой же день болѣе пятидесяти человѣкъ отправилась въ больницу и едва не умерли... Дѣло тѣмъ и кончилось. Начальникъ и ухомъ не повелъ, а при первой же возможности вновь подумаетъ о своей экономіи или объ экономіи и напоритъ мастеровыхъ подобнымъ хлѣбомъ. Благо еще, что крѣпокъ русскій человекъ и выносясь въ подобныхъ случаяхъ.

Не въ бровь, а прямо въ глазъ! Такъ назвала бы я слѣдующій странный случай. Не такъ давно на дворѣ одной владѣтельницы, для совѣщанія по введенію уставной грамоты, были призваны крестьяне въ числѣ 50 человѣкъ. Въ присутствіи ихъ одному изъ крестьянъ мировой посредникъ (назовемъ его хоть «Мышькомъ»), «будто бы нечаянно» выкололъ палкою глазъ. Такъ какъ извѣстно, что на подобныхъ сходкахъ не принимаются ни фатованья, ни гимнастическіи упражненія, то такая нечаянность кажется весьма подозрительной. Изъ «первой» жалобы крестьянина, «нимъ по безграмотству не подписанной» и его собственноручнаго рукоприкладства неясной, дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ. По собраніи крестьянъ, на крыльцо дома владѣльницы вышелъ мировой посредникъ Мышькъ «съ тростью въ

руках» (съ тростью внушительнѣе!), велѣлъ всѣмъ подойти поближе къ крыльцу, а самъ сошелъ на вторую или третью ступень. Тотъ крестьянинъ, который стоялъ на ваканціи криваго, въ числѣ прочихъ тоже приблизился къ крыльцу и сталъ на его первой ступени по правую сторону мирового посредника.

Разговаривая о введеніи грамоты, посредникъ «играя тростью, перебрасывалъ ее» изъ одной руки въ другую, и началъ дѣлать вопросы:

— Какъ желаетъ общество взять землю — на оброкъ или на выкупъ? Общество въ свою очередь спросило: долго ли вы будете платить?

— «Пока ваша жизнь!» былъ отвѣтъ.

— А долго-ли будемъ работать?

— «Тоже всю жизнь».

Послѣ такого отвѣта общество сказала посреднику, что оно въ такомъ случаѣ вовсе не желаетъ брать земли. Тогда Мышьякъ, «продолжая играть тростью» и со словами: какъ не жалеете? — махнулъ правой рукой, въ которой держалъ трость. Трость эта, по невѣдомымъ судьбамъ, попала въ глазъ крестьянину, изъ глаза брызнула кровь и онъ съ плачемъ долженъ былъ покинуть сходку. Въ показаніи онъ это движеніе относитъ къ печальности, къ неумышленному со стороны посредника поврежденію его глаза и только проситъ за такое увѣче вознагражденія.

Эпизодомъ къ этому дѣлу можетъ служить вторичное показаніе крестьянина Декана въ губернскомъ присутствіи. Онъ показалъ, что на первомъ прошеніи «креста не ставилъ», и что посредникъ ударилъ его тростью «съ намѣреніемъ» въ порывѣ гнѣва. Здѣсь занавѣсъ опускается и оркестръ играетъ гимнъ мировому посреднику и шаловливой трости.

Мнѣ вѣнчать изъ г. Палебейска Нижнепосадской губерніи:

... «Чуть ли не всѣмъ груднымъ дѣтямъ въ Россіи извѣстно, что въ январѣ прошлаго года случился колоссальный обвалъ; рухнула откупная система. Но она пала не одна. Своимъ паденіемъ она увлекла другую систему, очень прочно утвержденную временемъ и обычаемъ — а именно безгрѣшныя приношенія Бахуса на алтарь Фемиды. Извѣстно,

что у насъ всякая не совершитъ никакой ступень служебной іерархіи давала право на полученіе съ откупа извѣстнаго куша денегъ и кое-чего натурою въ видѣ водки, пива и другихъ напитковъ. Кромѣ того, домъ откупщика въ городѣ всегда былъ раскрытъ —

Для знаемыхъ и незнаемыхъ.

Его домъ былъ постояннымъ рестораномъ, гдѣ можно было вдоволь утолить и голодъ, и жажду. Откупщики чувствовали свою силу и не скупились на угощенія. И вдругъ «рѣзка времени въ своемъ теченіи» унесла съ собой эти богатые пиры, эти праздники... Центръ всеобщаго тяготѣнія уничтоженъ! Ведро съ водкой не являлись болѣе «по шумному волѣнью» на квартиры градскихъ властей... откупная алегія превратилась въ акцизные управленія. И вотъ, насталъ тотъ день, когда послѣдній изъ нашихъ откупныхъ ногичановъ долженъ былъ прѣхать пѣсенку: Я въ пустыню удаляюсь! Уже его пожитки и семейство было давно отправлены въ одну изъ южныхъ губерній Россіи. Маленькое наше общество, движимое съ одной стороны воспоминаніемъ о невозвратно-потерянномъ благодушествѣ, а съ другой, желая воспользоваться случаемъ пожевать и дать волю своему запрещенному краснорѣчію на тему: «мы тебя любимъ сердечно», рѣшилось дать ему торжественный прощальный обѣдъ. Сказано — сдѣлано. Обѣдъ этотъ не былъ домашнимъ, частнымъ явленіемъ: весь Палебейскъ въ лицахъ присутствовалъ на немъ, не стѣнялся тѣмъ, что большинство не было вовсе извѣстно виновнику торжества. Къ этому обѣду даже готовили епичъ, но въ критическую минуту языкъ навѣнчалъ оратору, и онъ могъ только проговорить: «Память о васъ благоухая, какъ... наши чувства велики и необъятны... потому... наши слезы... вамъ дорогое имя... не могу, ей Богу, больше ничего не могу...» Этими епичъ и былъ законченъ.. За те кушала и пила всѣ безъ волненія и каждое блюдо мгновенно исчезало... Теперь отъ всего этого праздника — осталось одно только воспоминаніе...

Пора была, бодрская пора!

Вотъ вѣсточка съ Дона... Участки войсковой земли состоятъ у разныхъ лицъ на откупъ; къ этимъ участкамъ прилегалъ довольно большое количество земли, до 30 т. десятинъ, также войсковой, несостоящей ни у кого на откупъ и предназначенной къ надѣлу чиновниковъ пожизненными участками. Весной два субъекта Ав. и К. безъ позволенія начальства, начали давать одинъ участокъ подъ покосъ временно-обязаннымъ крестьянамъ, ближайшимъ по жительствоу, подъ покосъ по рублю за десятину и жолопанъ. Объ этомъ узнали и довели до свѣдѣнія кому слѣдуетъ. Трое назначенныхъ чиновниковъ принялись за слѣдствіе. Аферисты Ав. и К., узнавъ объ этомъ, распорядились прогнать косильныхъ сѣно въ разные стороны, ничѣ угрозами смечь оставшееся сѣно.

Дѣло, однако, пошло въ жодъ. Между тѣмъ одинъ изъ откупщиковъ войсковой земли А., человекъ богатый, имѣвшій около двухъ тысячъ дес. петомственной земли и на откупъ тысячу 20 десят., повелевалъ усѣху первымъ двумъ спекуляторамъ и постарался не отстать отъ нихъ. На откупной землѣ А. живутъ крестьяне, связанные у него землю для хлебопашества. Когда назначилась комиссия по дѣлу Ав. и К., то многие изъ крестьянъ, принужденныхъ увозить сѣно, не смотря на рабочее время, должны были перевозить его въ свой долгъ вереть за пятнадцать; другіе же попрактичнѣе просили съемщика богатъ А. дозволить имъ сложить скошенное сѣно на ихъ святой землѣ и, получивъ позволеніе, перевезли все сѣно до земли и отправились безопасно домой. Дома началась хлебопаш уборка, молотба, а тамъ приготовленіе земли къ будущему году,—все это огляло у нихъ возможность съѣздить посмотреть свое сѣно. Между тѣмъ А. времени не терпѣлъ и считалъ очень выгоднымъ все чужое сѣно трудящихся бѣдняковъ перевести на своей сѣнницѣ. Вотъ пришла зима, крестьяннѣ понадобилось сѣно и они за нимъ отправились и, разувѣсья, къ ихъ удивленію—не нашли его. Они отправляются къ самому А.

— Гдѣ, батюшка, наше сѣно? Онъ ихъ выгналъ. Они къ волостному старшинѣ, тотъ къ А.—и опять все ничто да крыть. Что имъ дѣлать? Мировой посредникъ живетъ далеко, за 100 верстъ, а къ нимъ навъжааетъ развѣ — развѣ одинъ разъ въ 3 мѣсяца. Подумали бѣдняки и поѣхали все-таки къ мировому посреднику, но не нашли его на мѣстѣ... Кому теперь жаловаться на такого богатого человека, какъ А., который даже составилъ себѣ извѣстность безкорыстнаго благотворителя тѣмъ, что онъ недавно пожертвовалъ въ пользу вновь

стремящегося монастыря 2500 р. с. и какъ главный жертвователь назначить попечителя и строителя монастыря. Промолвите же о зашемъ сѣдѣ, обманутые люди, и помните, что

У ослѣплаго всегда безсильный видовать.

Находятся скептики въ родѣ М. П. Погодина, которые прокричали о нашей общей бѣдѣности; есть люди, которые не вѣрятъ, что мы при сарангѣ можемъ засыпать кого угодно, хоть цѣлое шоссе, вмѣсто булыжника, настоящими червонцами. Для всѣхъ подобныхъ невѣрующимъ глумба послала такой курьезный случай, о которомъ сообщаютъ «Бирж. Вид». По тифлискому тракту между Базово-Балковскою и Старо-Макарьевскою почтовыми станціями скакала почта съ 1000 червонцами, и на протяженіи 20 верстѣ изображала собой золотой дождь, сѣя по дорогѣ червонцы. Объясняютъ, что чемоданъ и кожаный мѣшокъ съ золотомъ пробился о желѣзный гвоздь, гдѣ-то скрывавшійся въ повозокъ; иные же увѣряютъ, что дно боченка съ деньгами разбилось о выдвинувшійся впередъ шворень. Но дѣло тутъ не въ причинѣ, а въ самомъ фактѣ: мифологическая сказка о золотомъ дождѣ повторилась на тифлисской дорогѣ, и такъ какъ по дорогѣ шло и ѣхало много народу на Старошальскую арморку, то только 300 полуимперіаловъ было найдено, а остальные одѣланы достояніемъ ѣздавшихъ и шедшихъ путниковъ.

Кто же станеть, боги, боги!
 Упрекать насъ нищетой?
 Если можетъ по дорогѣ
 Литься дождикъ золотой.

Рязанскій корреспондентъ «Голоса» между прочимъ рассказываетъ любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи некоторыхъ членовъ земской полиціи къ крестьянамъ. «Какихъ только происшествій нѣтъ въ нашемъ уѣздѣ! восклицаетъ онъ. Скажетъ, напр. ставовому приговору сельскій староста или сотскій крупное слово, тотъ составляетъ актъ (онъ всегда бываетъ 5-актомъ въ жизни обвиняемаго), что староста нагрубилъ, не исполнилъ законныхъ приказаній его и начинается слѣдствіе: старосту сажаютъ подъ арестъ, гдѣ бѣдный сидитъ съ недѣлю, покуда не осво-

бодить его слѣдователь. Въ особенности обидчивъ вновь поступившій становой. Не успѣвъ еще въ своей должности осмотрѣться, какъ завель уже дѣль пять объ оскорбленіи его личности сельскими старостами и крестьянами. Вотъ случай такого оскорбленія станового однимъ крестьяниномъ: недавно между селомъ Н. и деревней У. оказалось мертвое тѣло какого-то мужика. Является къ тѣлу становой вмѣстѣ съ лекаремъ, собираетъ понятыхъ, приказываетъ имъ нести мертвое тѣло въ деревню, гдѣ въ то время былъ престольный праздникъ; тѣло приносить въ самый центръ деревни, къ одному крестьянину. У крестьянина былъ пирь, въ избѣ сидѣли званые гости. Вдругъ этотъ веселый праздникъ смущаютъ словами:

— Очистить хату для вскрытія мертваго тѣла, а самъ съ гостями выходи куда хочешь.

Крестьянинъ обращается къ становому съ *зрубостью*, но нѣтъ послѣдняго.

— Ваше благородіе! Вѣдь тѣло лежало на городской землѣ и привезено ко мнѣ для вскрытія черезъ цѣлую деревню. У меня полна хата гостей, семеро дѣтей, а хата одна только и есть, куда же я пойду? Освободите ваше б—діе!

Становой, ничего не отвѣтивъ, бросилъ тѣло посреди деревни на улицѣ (мертвые сраму не имутъ) и уѣхалъ въ городъ, гдѣ и подаль въ полицейское управленіе жалобу о недопущеніи его крестьяниномъ къ вскрытію мертваго тѣла. Крестьянинъ судится.

Кстати о мертвыхъ тѣлахъ. Въ вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ было напечатано такое странное распоряженіе: «крестьяне котельничскаго уѣзда, гвоздевской волости, деревни Владиміровской Михайло Маловъ съ своими семейными и деревни Осиновской Савво Яровиковъ переправлялись чрезъ рѣку Молому; сажень въ 20-ти отъ берега лодка какъ-то перевернулась и при этомъ утонула дочь Малкова Марфа (12 лѣтъ); прочіе спасены подошедшими крестьянами. По розысканію, сдѣланному въ рѣкѣ Гвоздевскій волостнымъ головою Шалагиновымъ, утонувшая не найдена, «почему съ ожиданіемъ вскрытія тѣла водою, ниже означеннаго мѣста у рѣки Моломы оставленъ Шалагиновымъ надлежащій караулъ».

Интересно знать, — стоитъ ли и теперь стража на берегу рѣки Моломы въ ожиданіи, когда сама вода вскрыетъ трупъ утопленницы?

Въ провинціи многія слова совершенно потеряли свой прежній смыслъ и приняли другое значеніе, такъ что новый человѣкъ станеть въ тупицѣ отъ многихъ русско-иностранныхъ словъ. Такъ, напримѣръ, мы всё очень хорошо понимаемъ значеніе слова: *драгни*. Что такое *драгни*? На это намъ отбѣчаетъ слѣдующій фактъ изъ провинціальной жизни. Въ Самарѣ есть поташный заводъ, принадлежащій Андрею Фролову Кожевникову; на этомъ заводѣ служитъ рабочій Ивагъ Дворяновъ. Въ концѣ прошлаго года Дворяновъ занимался какой-то ночинкою въ этомъ заводѣ, сѣда на перекладниѣ, подъ которою находится котель съ кипящимъ растворомъ поташа; перекладина переломилась и Дворяновъ упалъ въ котель. Слѣдствіемъ этого несчастнаго паденія была потеря нѣтъ лѣвой ноги, которую въ больницѣ отрѣзали ему выше колѣна. Когда отецъ кагѣки явился къ заводчику Кожевникову для полученія заработанныхъ сыномъ денегъ, заводчикъ не только ихъ не заплатилъ, но вычелъ еще съ Дворянова деньги за время проведенное имъ въ больницѣ. Дворяновъ жаловался, но жалоба была принята пустой и отсесена въ разрядъ *драгни* *). Понимаете ли вы теперь, что означаетъ слово *драгни*? Не забывайте же этого, милостивые государи.

Заключу свою бесѣду съ читателями сообщеніемъ одного интереснаго по многимъ отношеніямъ документа, напечатаннаго въ Одесскомъ Вѣстникѣ (№ 118). Документъ этотъ, право, стоить вниманія. Онъ называется:

Я и Судебный слѣдователь.

Я — владѣлецъ небольшого имѣнія Херсонской губ. въ Б. уездѣ, имѣю жену и шесть дѣтей малъ-мала-меньше. Мнѣ сорокъ три года. Служилъ я безпорочно въ Сумскомъ гусарскомъ полку, — и вотъ уже восемнадцать лѣтъ, такъ же безпорочно, живу въ отставкѣ. Я уважаю сосѣдямъ, люблю и уважаю всѣхъ, кто только знаетъ меня. Старые и новые чиновники, всѣ предводители дворянства, какъ суммишніе прежде, какъ и служащіе теперь, уважаютъ меня, какъ дворянина съ честью несущаго свои обязанности. Я имѣю состоянія на 30,000 р. с. въ имѣніи, да капитала 12,000 р. въ частныхъ рукахъ, и хорошенькую деревушку на живописной мѣстности. При введеніи правды нового о крестьянахъ положенія, въ моемъ имѣніи не было ни одного

*) Нар. Богот. 63 г. № 235.
Отд. III.

неприятнаго случая; моя гражданственность между дворянами, и уступчивость сохранили меня отъ этого въ отношеніи къ крестьянамъ. Наконецъ, я боленъ: разбитъ параличемъ; у меня разстроены нервы, я переносу припадки расширенія сердца... Моя честь чиста,—но я опозоренъ! Но къ дѣлу.

Давно началось мое дѣло: лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Какъ его рѣшали, какъ оно шло различными инстанціями суда, — я не буду рассказывать. Окончилось оно тѣмъ, что съ меня, рѣшительно праваго по дѣлу и по закону, предписано было взыскать около тысячи руб. сер. Ходатаемъ по этому дѣлу былъ известный въ губерніи ябедникъ Н. Этого господина не разъ, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ, приказывалъ носить на гауптвахту бывший командиръ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, тогда генералъ-лейтенантъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, на носилкахъ. Н. вооружалъ жителей города противъ начальства, дѣтей противъ родителей, родителей противъ дѣтей; между мужьями и женами поселялъ раздоры, натурально въ такихъ случаяхъ, когда могъ отъ нихъ зашибить копѣйку. А дѣло П.? Почтеннаго и уважаемаго дворянина онъ обвинилъ въ кражѣ воловъ. А. П. имѣлъ до 200.000 руб. сер. состоянія. Какъ уѣздныя, такъ и губерскія присутственныя мѣста наполнены его ябедами. Сегодня онъ получить деньги и сдѣлать надпись на обязательствѣ, а завтра, зная, что ему заплатятъ деньги въ другой разъ, подастъ жалобу, что у него уворовали шкапулку, разбили и унесли заемное письмо. Такое дѣло было у него съ семействомъ одного почтеннаго и богатаго дворянина. Къ сожалѣнію, я узналъ обо всемъ этомъ слишкомъ поздно.

Я долженъ былъ заплатить по иску тысячу шестьсотъ руб. сер. У меня была описана вся движимость. Деньги были,—да не въ рукахъ, отданы на длинные сроки. Ожидая грустнаго конца правому дѣлу, я сдѣлалъ заемъ и заплатилъ. Въ получеціи денегъ Н. далъ мнѣ росписку. Платежная росписка—неоспоримое доказательство платежа, *если нѣтъ спора въ ея подлинности*. Это слова закона. Былъ и свидѣтель при платежѣ денегъ: молодой человекъ — мой племянникъ. Его письма, съ сознаніемъ, что онъ былъ при платежѣ денегъ—представлены къ дѣлу. На несчастье, я имѣлъ тогда тяжёлое дѣло съ моимъ двоюроднымъ братомъ, ротмистромъ И. изъ-за наслѣдства, перешедшаго къ нему послѣ смерти нашего дяди майора С. Чтобы поразить меня, братъ И. старался испортить дѣло во всѣхъ инстанціяхъ суда, кромѣ Б. уѣзднаго суда, который рѣшилъ дѣло въ мою пользу. И., какъ

другъ Н., уговорилъ послѣднѣе отказаться отъ платежа ему мною денегъ; племянника-же, за пятьсотъ р. сер.—отказаться отъ свидѣтельства. До настоящей минуты спрошены девять или десять свидѣтелей, на которыхъ сосмался Н. Всѣ они отказались свидѣтельствовать; нѣкоторые показали въ мою пользу. Судебный слѣдователь, производящій дѣло, объявилъ мнѣ въ г. Б., въ своей слѣдственной квартирѣ, слѣдующее: «Я съ удовольствіемъ объявляю вамъ, г. поручикъ Чорба, что вы правы по дѣлу». Я поклонился и вышелъ. Онъ воротилъ меня. — Я прошу васъ, сказалъ онъ мнѣ, не давая предложенія на бумагѣ, пожаловать на 8-ое ч. мая въ г. Б.—Я отвѣчалъ: буду! Приѣхалъ, и по приѣздѣ запиской извѣстилъ о томъ слѣдователя. На другой день, онъ прислалъ за мною. Я пришелъ въ его квартиру. Г. слѣдователь объявилъ мнѣ при этомъ, что чиновники призваны для вторичнаго опыта экспертовъ. Пошли въ церковь и присягнули. Возвратясь въ квартиру слѣдователя—начали слышать почеркъ Н., и нашли его не сходнымъ съ тѣмъ почеркомъ, который стоялъ на платежной роспискѣ. Еще до присяги экспертовъ, и далъ судебному слѣдователю объясненіе о томъ, какимъ образомъ я платилъ деньги: что я до этого времени не больше одного раза видѣлъ почеркъ Н., и что, будучи у него наканунѣ платежа, сказалъ, какую сумму имѣю, и просилъ Н. быть дома на слѣдующее утро. Н. далъ мнѣ росписку. Я ушелъ домой. Черезъ три мѣсяца, становой пріѣхавъ пріѣхалъ братъ для продажи мое движимое имущество. Я удивился, и представилъ тогда росписку Н. въ полученіи денегъ. Онъ отказался. Изъ-за этого то и началось дѣло.

Когда опытъ экспертовъ окончился, слѣдователь вышелъ въ свѣи своей квартиры. Черезъ минуту онъ возвратился снова. При этомъ и слышалъ слово: позови! Спустя четверть часа явился помощникъ городничаго.

— Вы, г. Чорба, должны быть арестованы!

Я протестовалъ, говорилъ, что на такую мѣру нѣтъ закона, что самое содержаніе дѣла меня оправдываетъ.

— Вы должны быть арестованы въ тюремномъ замкѣ, сказалъ мнѣ слѣдователь. Отведите его.

Я пошелъ. Со мною было 100 р. сер. денегъ, часы, табакъ, спиртъ, который я постоянно нюхаю, будучи подверженъ приливанію крови въ головѣ; все это у меня взяли и заперли дверь. Я остался. Могилы моихъ предковъ были опозорены. И все это сдѣлано

было къ угождению Н., который признанъ былъ ябедникомъ, и съ него-
торого запрещеніе ходатайствовать по дѣламъ было снято потому
только, что онъ подведенъ былъ подъ Высочайшій манифестъ, издан-
ный послѣ Англо-Французско-Турецкой войны. На другой день явился
докторъ. Мнѣ возвратили спиртъ и принесли лекарства. Я не-
далъ протестъ. Черезъ день при сопротивленіи судебного слѣдствен-
на, судью было однакожъ потребовано дѣло въ уездный судъ. Ночь я
провелъ безъ сна, въ тишинѣ и уединеніи, нюхая спиртъ особаго при-
готовленія, который подавалъ мнѣ унтеръ-офицеръ черезъ дырочку въ
дверяхъ, груба за то, что я его беспокою. По размешаніи дѣла, со-
стоялось опредѣленіе суда, по которому я признанъ быть правымъ,
освобожденъ отъ заключенія, но впередъ до окончанія новаго обо
мнѣ обыска, обязанъ невыезжать изъ города. Судъ освободилъ меня
отъ заключенія, но самый позоръ заключенія остался при мнѣ.

Я дѣлалъ мою скорбь съ моими соотчичами по мѣсту жительства;
дѣлалъ съ родной посредствомъ просьбы о напечатаніи моей статьи,
я прому суда — и правды. Прожитые годы жизни и мои сѣдины; мое
знаніе, мой образъ жизни, мои отношенія къ обществу, ваше доброе
вѣдѣніе обо мнѣ, соотчичи-дворяне, ручаются за правоту мою. Я вно-
вляю въ одномъ — въ извѣстной дѣятельности. Василій Чорба, от-
ставной поручикъ, Херсонской губер. Бебриницкаго уѣзда полковникъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ СЛОВО“

въ 1864 году.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворять положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новые нравственныя силы, т. е. служить ближайшимъ, осуществивъ его потребности и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но немалые практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поколѣнія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое, что годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что было полезно и рационально прежде, то сдѣлалось бесполезнымъ и нерациональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живаго, живое отъ правдиваго, метательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель возмнитъ хоть крупишку добра въ это драгоценное достоинство народа, онъ можетъ считать себя счастливѣйшимъ дѣтелемъ, но даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями — строго реальнымъ взглядомъ на вещи и обличеніемъ экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами. По отношенію къ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насклько мы успѣли осуществить наши стремленія — объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКАГО СЛОВА». Многое разумѣется превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время, не вносясь единичнымъ личными надеждами и не обѣщая болѣе того, что можемъ выполнить, мы сдѣлаемъ слово въ одно — не пренебречь ничѣмъ, что можетъ придать помылу достоинства нашему надѣнію. Признася, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли

ите помочь утѣшить насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили добротой своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ большія средства къ улучшенію журнала и слѣдовательно большія надежды на сочувствіе публики.

ПРОГРАММА «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и переводныя), статьи по вопросамъ историческимъ, социальнымъ и по предмету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимущественно популярнымъ изложеніемъ и беллетристическимъ характеромъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ. Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ помѣщается Библиографическій Листокъ, заключающій въ себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись—обозрѣніе внутренней жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка—сатирическій очеркъ о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для неполючающихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ великимъ представитъ здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по большой дорогѣ; 2) Убыточность знанія; 3) Условія прогресса.—Н. В. Шелгунова. 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки изъ исторіи труда.—Д. И. Нисарева. Афонъ.—Н. А. Благовѣщенскаго. 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3) Чего не дѣлать.—Н. В. Соколова. Гейне и Берно.—В. А. Зайцева. Рассказы объ Испаніи.—Д. И. Каченовскаго. Характеръ спеціальныхъ женскихъ преступленій.—М. А. Филиппова. Родительская суббота.—И. А. Потѣхина. Манеродъ (драма Байрона) въ перев. Д. Д. Миннаева. Женщина въ кустоскомъ быту (романъ)—А. П. Еобяковой. Повѣсти и рассказы А. Г. Витковскаго и проч.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: рядъ критическихъ статей—Д. И. Писарева. Разборъ книги Дж. Ст. Милля: «О представительномъ правленіи» (двѣ послѣднія статьи)—Г. Е. Благосвѣтлова. Рядъ экономическихъ и историческихъ статей Н. В. Шелгунова.—Чайльдъ-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перекл. Д. Д. Минаева. Бѣлинскій и Добролюбовъ—В. А. Зайцева. Современные италіянскіе поэты—Леона Бранди.—Банкротство или пріятныя иллюзіи среди горькой дѣйствительности—Н. В. Соколова. Романы, новѣсти и рассказы—А. П. Кобыковой, Гл. Успенскаго, М. А. Воронова и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяць книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. 50 к. — съ пересылкой и доставкой на домъ — 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Кельчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

ВЪ МОСКВѢ—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (на Рождественскѣ, въ д. Торлецкаго.)

Гг. служащіе пользуются разсрочкой въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣляется уступка 20% съ номинальной цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНИЯ Л. МЕНЬ, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.
СОЧИНЕНИЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 4 р.
СОЧИНЕНИЯ А. МАЙКОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 3 р.
СОЧИНЕНИЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ прозаикѣ, въ
2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.
ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составлен-
ные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпуска 3 р.;
съ перес. 4 р.

Всѣ эти сочиненія кромѣ Главной Конторы «РУССКАГО СЛОВА»
продаются въ книжномъ магазинѣ: Н. А. Серно-Соловьевича (въ
С.-Петербургѣ); въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черенна (въ
Москвѣ).

НЕРОВНЫЙ БРАКЪ

Фотографія съ картины профессора Пукерева. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к.

СЪВЕРНОЕ СІЯНІЕ

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

Издаваемый В. Генкелемъ. Томъ I и II (1862 и 1863) Въ каждомъ томѣ по 48 гравюръ на стали и около 800 столбцовъ текста. Великолѣпное изданіе, содержащее *исключительно* произведенія *русскихъ* художниковъ. Цѣна каждого тома въ богатомъ англійскомъ переплетѣ по 8 руб., съ пересылкою 10 руб. (изданіе это продолжается и въ 1864 году. Подписная цѣна 6 руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 6 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. На переплетъ 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб.

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА РАФАЭЛЯ

Большая превосходная гравюра для комнатнаго украшенія. Цѣна 1 руб. и съ пересылкою (10 экз. уступаются за 8 руб., 25 экз. за 17 руб., 50 экз. за 30 руб. съ пересылкою).

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ПЕТРА ГОРСКАГО

Одинъ томъ въ 8 д. л. около 360 страницъ съ 10 рисунками А. Волкова и красивою оберткою. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

**ЛЕВКОИ. ЛАНДЫШИ. ГВОЗДИКИ. ФІАЛКИ. ВАСИЛЬКИ,
АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ**

ТРЕТІЕ ИЗДАНІЕ

6 книгъ для дѣтскаго чтенія (маленькіе рассказы) съ хорошенькими картинками (по 8 въ каждой книжкѣ) въ красивой папкѣ печатанной золотомъ. Цѣна каждой книжкѣ 60 коп., съ пересылкою 90 коп.; 2 книжки съ пересылкою 1 р. 50 коп., 3 книжки съ пересылкою 2 руб., 4 книжки съ пересылкою 3 р., 5 книжекъ съ пересылкою 3 руб. 50 к., 6 книжекъ съ пересылкою 4 р. Эти книжки распроданы въ числѣ 12.000 экземпляровъ.

ЗВЪРИНЕЦЪ

Приглашеніе юношества къ веселому созерцанію животной природы, изображенной въ 16 превосходно раскрашенныхъ картинахъ. Текстъ заимствованъ изъ лучшихъ источниковъ по части естествознанія. Изданіе второе, исправленное. Цѣна въ красивой печатанной золотомъ папкѣ 4 руб., съ пересылкою и упаковкою 5 руб.

Требованія на всѣ вышеозначенныя изданія адресуются къ книгопродавцу издателю Вас. Егор. Генкелю въ С.-Петербур-гѣ у Пѣвческаго моста въ домѣ Утина кв. № 46.

ОДНОКОШНЫЕ И ДВУКОШНЫЕ ПЛУГИ

ПРИГОДНЫЕ ДЛЯ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ

Н. Я. ДУБЕНСКАГО.

ИСПЫТАНИЕ ПЛУГОВЪ ВЪ 1863 ГОДУ НА МЫЗѢ ЗНАМЕНСКОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШАГО.

С. Петербургѣ, 1864 г. 12 д. л., 122 стр. — Цѣна 50 к.

Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ прямо отъ автора за пересылку не платятъ, а выписывающіе 100 экземпляровъ, сверхъ сего пользуются уступкой 20 процентовъ.

Продается въ С.-Петербургѣ: у автора на углу Колокольной улицы и Дмитріевскаго переулка, въ домѣ Рябова, № 4 и 17. квартиры № 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ литературнаго агенства П. В. Васильева. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Н. Черенина.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

ДЛЯ ГОСПОДЪ ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ ОТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЛУЧЕНІИ
ВЫСЛАННЫХЪ ИМИ ДЕНЕГЪ ПО ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЬ ВЪ 1864 Г.

Получены деньги по подпискѢ на журналъ, въ 1864 году.

Отъ кого.	Сколько.
Отъ Орловскаго-Вахтина Кадетскаго Корпуса	14 р. за 1 экз.
— Вятскаго Губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— Вятской Строительной и Дорожной Комисіи	14 — — 1 —
— Редакціи Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей	14 — — 1 —
— Директора Училищъ Эстляндской губерніи	14 — — 1 —
— Воронежской Губернской Гимназіи	14 — — 1 —
— Штатнаго Смотрителя Одоевскихъ Училищъ	14 — — 1 —
— Начальника Штаба 7-й пѣхот. дивизіи, —изъ Радомы.	14 — — 1 —
— Командира Кавказскаго Линейнаго № 14 баталіо- на, — изъ портоваго г. Петровска	14 — — 1 —
— Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса.	14 — — 1 —
— Казначей Кіевской Палаты Государств. Имуществъ.	14 — — 1 —
— Начальника Вержболовскаго Таможеннаго Округа.	28 — — 2 —
— Дирекціи училищъ Иркутской губерніи	14 — — — —
— Комитета Рязанской публичной библіотеки	14 — — 1 —
— Бѣлевской публичной библіотеки, въ память В. А. Жуковскаго	14 — — 1 —
— Тамбовскаго губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— 1-го Отд. Управленія Башкирами, —изъ Оренбурга.	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Новгородсверскаго Училища	14 — — 1 —
— Керченскаго Карантиннаго Правленія	14 — — 1 —
— Саратовскаго Губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— Сухумкальской Карантинно-Таможенной конторы	14 — — 1 —
— Воронежской палаты Государственныхъ Имуществъ.	14 — — 1 —
— Библіотеки Волынскаго пѣхотнаго полка	42 — — 3 —
— Бугульскаго уѣзднаго училища	6 — (по разсроч.)
— Штат. Смотрителя Задонскаго уѣзднаго училища	14 — — 1 —
— Равенбургскаго уѣзднаго училища	14 — — 1 —
— Полевой Провіантской Комисіи Отдѣльнаго Орен- бургскаго Корпуса, — изъ г. Оренбурга	14 — — 1 —
— Конторы Екатеринбургскаго монетнаго двора	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Мурскаго уѣзднаго училища	14 — — 1 —
— Библ. Л. Гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка.	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Сарапульскихъ училищъ	14 — — 1 —
— 2-й Конно-Артиллерійской бригады, —изъ г. Бялы.	14 — — 1 —

Получены деньги по подпискѣ на 1864 годъ.

Отъ кого.	Сколько.
Отъ Штаба 11 артиллерійской бригады, — изъ г. Лубны.	14 р. за 1 экз.
— Орловской Палаты Государственныхъ Имуществъ	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Козловскаго уезд. училища	14 — — 1 —
— Штат. Смотр. Николаевскихъ училищъ (Самар. губ.)	14 — — 1 —
— Владимирской Палаты Государственныхъ Имуществъ	14 — — 1 —
— Иркутскаго общаго Губернскаго Управленія	14 — — 1 —
— Штатнаго Смотрителя Мосальскихъ училищъ	14 — — 1 —
— Дмитровскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Г. Плуца, мл. землера Терской межевой Комиссiи.	5 — (по разсроч.)
— Шт. Смотр. Котельничскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Васильсурскаго уезднаго Училища	14 — — 1 —
— Курскаго Приказа Общественнаго Призрѣнiя	14 — — 1 —
— Крапивнскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Правленiя Харьковскаго Университета	14 — — 1 —
— Штаба 4-й пѣхотной Дивизiи, — изъ г. Калина	14 — — 1 —
— Шт. Смотрителя Кадниковскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Оренбургскаго Дворянскаго депут. Собранiя	14 — — 1 —
— Орловской Гимназiи	14 — — 1 —
— Екатеринославской Строительной и дорож. Комиссiи	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Троицкаго Училища	14 — — 1 —
— Библ. Казанскаго пѣхот., Е. И. В. Вел. Кн. Мих. Ник. цоля	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Темиръ-Ханъ-Шуриисконъ окруж. гор. школы	14 — — 1 —
— Портоваго Управленiя Петровскаго форта, — изъ Петровска Дагестанской области	7 — по полугод. разсроч.
— Саратовской Гимназiи	14 р. за 1 экз.
— Директора Бѣло-Церковской Гимназiи	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Мамадышскихъ училищъ	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Елабужскихъ Училищъ	12 р. (2 р. за 1863 г. и остал. 10. на 1864 г.)
— Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комит.	14 р. за 1 экз.

(Остальнымъ причисляется при слѣдующей книжкѣ).

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- Историческіе эскизы. (Статья первая). Д. И. Писаревъ. ✓
- На развалинахъ Помпей. (Стихотвореніе Леопарди). Г. С—тловъ.
- Россия до Петра I. (Статья первая). Н. В. Шелгуновъ. 1
- Современныя Итальянскіе поэты — Джузеппе Джусті. (Статья первая). Леонъ Бранди.
- Чайльдъ-Гарольдъ. (Поэма Байрона). Д. Д. Минаевъ. ✓
- Московскія норы и трущобы. (Разсказъ). М. А. Воронова. ✓
- Последній поцѣлуй. (Стихотв. Томаса Мура). Н. Лунинъ.
- Ночью. (Разсказъ). Глѣбъ Успенскій. ✓
- Проклятый. (Выдержки изъ романа: Le Mau-dit).
- Записки тюремной надзирательницы. (Английскій романъ).

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

- Бѣлицскій и Добролюбовъ В. А. Зайцевъ.
- Сатирическіе очерки и разсказы Петра Горскаго. Изд. В. Е. Генкеля. СПб. 1864.
- Библиографическій листокъ В. З.

О выходѣ на русскомъ языкѣ книги Чарльса Дарвина: О происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, путемъ естественнаго подбора родичей или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Новая стихотвореніи. А. Плещеева (дополненіе къ изданнымъ въ 1861 г.) М. 1863. — Начала нравственности. Сочиненіе Амвросія Гандю, старшаго совѣтника парижскаго университета, командора ордена почетнаго Легіона. М. 1863. — Сѣверное море: Стихотвореніе Генриха Гейно, переводъ А. Сомова: СПб. 1863. Бокль: Вліяніе женщинъ на успѣхи знавія. Изданіе А. Буйницкаго. 1864. СПб.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Лефрель.

Подогрѣваніе германскаго патріотизма шлезвигъ-голландскимъ вопросомъ.—Благородное негодованіе нѣмцевъ на то, почему ихъ не признаютъ первымъ и самымъ великимъ народомъ въ свѣтѣ.—Племенные антагонизмы Даніи и Германіи.—Выгодная продажа наслѣдственныхъ правъ герцогомъ Аугустенбургскимъ, теперь желающимъ снова возвратитъ эти права.—Притязанія Германіи въ отношеніи Шлезвигъ-Голландіи, основанныя на латинской рукописи 1460 года.—Миролюбивая политика Англіи, истребляющая Японцевъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ ради набиванія своего кармана восточнымъ золотомъ.—Парижскіе слухи о покушеніи на жизнь Людовика Наполеона.—Рѣчь Пельтана въ Законодательномъ собраніи.—Неудача французовъ въ Мексикѣ.—*Sic transit gloria mundi!*

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Для хорошей общественной дѣятельности нужны и хорошіе дѣятели.—Переходъ земскихъ учрежденій изъ прожекта въ дѣйствительную жизнь.—Наши обстоятельства будутъ обуславливаться ихъ практическій успѣхъ?—Границы дѣятельности и составъ Земскихъ учрежденій.—Условія, опредѣляющія права избирателей.—Относительное значеніе гласныхъ.—Перевѣсъ вліянія на сторонѣ землевладѣльцевъ.—Устройство тюремъ, какъ одна изъ главныхъ хозяйственныхъ задачъ предстоящей дѣятельности Земскихъ учрежденій.—Вторая задача—развитіе и обезпеченіе губернскихъ банковъ.—Старая пѣсня о нашсмъ частномъ кредитѣ.—Стѣснительное положеніе землевладѣльцевъ и азартная игра ихъ въ винокуренную промышленность. Ближайшія цѣли нашей общественной дѣятельности.

НОВОГОДНІЕ СНЫ. (Дневникъ Темнаго Человѣка).

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

6.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

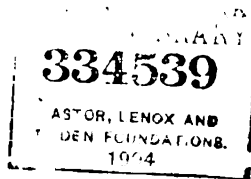
1864.

Feb

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 15 февраля, 1864 года,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМОНА И КОМП.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

XIV.

Католическія волненія, дворянская эмиграція, солдатскіе мятежи — все это, конечно, тревожило и огорчало національное собраніе, но всѣ эти тревоги и огорченія были незначительны въ сравненіи съ гнетущею и неотвратимою заботою о финансахъ. Уходили дни и недѣли; пришла и прѣшла годовщина взятія Бастиліи; отпраздновали въ этотъ день на Марсовомъ полѣ торжество федераціи для всей Франціи; все это было красиво и трогательно; но вмѣстѣ съ днями и недѣлями, быстро, незамѣтно и неудержимо уходили изъ государственнаго казначейства недавно отпечатанныя ассигнаціи. Къ концу августа изъ 400 милліоновъ, выпущенныхъ въ апрѣлѣ, не оставалось уже ничего. Въ концѣ сентября, когда министерство Неккера упало, и когда на его мѣсто стало другое министерство, такое же неспособное, Мирабо предложилъ въ собраніи — выпустить еще 800 милліоновъ ассигнацій, и употребить ихъ на погашеніе государственнаго долга, съ тѣмъ, чтобы въ обращеніи никогда не бы-

ло болѣе 1200 милліоновъ бумажныхъ денегъ. За мнѣніе Мирабо стояли якобинцы; населеніе Парижа также желало новаго выпуска ассигнацій, потому что обиліе денежныхъ знаковъ облегчало процессъ обмѣна, и, на первое время, оживляло промышленность. Но, такъ какъ законодатели не могли смотрѣть на вопросы государственнаго хозяйства съ тою добродушною беззаботностью, которую обнаруживали въ этомъ случаѣ Парижане, то члены національнаго собранія преимущественно утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что съ 1-го января 1791 года начнется для финансовъ новый періодъ существованія. Поэтому рѣшено было — должное количество ассигнацій выпустить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно приняться за основательный пересмотръ государственнаго бюджета и за преобразование податной системы. — Устанавливая цифры бюджета, члены собранія усердно вели дѣло къ тому, чтобы доказать экономическую благодѣтельность революціи; если бы они имѣли въ виду только то обстоятельство, что декреты 4-го августа 1789 года значительно увеличили народную производительность, то мнѣніе ихъ было бы безошибочно; но они думали, что народъ этого разчета не пойметъ, и что, на этомъ основаніи, необходимо показать ему, какъ непосредственный результатъ революціи, прямое уменьшеніе въ общей суммѣ податей. Чтобы прійти къ этому результату, члены собранія были принуждены прибѣгать ко многимъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя своею утѣшительностью могли произвести пріятное впечатлѣніе на публику, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были на долго упрочить путаницу въ финансахъ. Во всѣхъ статьяхъ расхода были произведены значительныя сокращенія, но можно было опасаться того, что эти сокращенія, по необходимости, останутся только на бумагѣ. Такъ, на примѣръ, на расходы по сбору податей положено 8 милліоновъ, между тѣмъ какъ, по умѣренному разсчету, надо было бы положить на это дѣло около 30 милліоновъ. Церкви, стоившей 170 милліоновъ, отведено 67. Армія съ 99-ти посажена на 89-ть. На пенсіи вмѣсто 29-ти назначено 12 милліоновъ. Хорошо, если этого достанетъ, но достанетъ ли?—При всѣхъ этихъ правдоподобныхъ и неправдоподобныхъ сокращеніяхъ, получился общій итогъ обыкновенныхъ расходовъ въ 580 милліоновъ для государства, и въ 60 милліоновъ для мѣстныхъ потребностей департаментовъ. Кроме того предвидѣлось, въ 1791 году, экстраординарныхъ расходовъ на 76 милліоновъ. Эту послѣднюю статью бюджета оста-

были съезды въ сторахъ. Теперь надо было ухитриться, чтобы какъ нибудь разложить эти 640 милліоновъ (580 и 60) на народъ. Какъ ихъ собрать? Камія преобразования нести въ податную систему? При опредѣленіи расходовъ, депутаты были расположены предъ помогать ихъ неостаточно скромными, а при вычисленіи доходовъ, они, по тому же самому побужденію, старались выводить цифры не вѣроятно крупныя. Они рассчитывали, вѣрнѣе, что національными имущества (бывшія церковныя) дадутъ 60 милліоновъ дохода; вѣкоторые пессимисты возражали имъ, что эти имущества управляются городскими общинами дурно, и что они, по приближительному расчету, дадутъ не больше сорока милліоновъ. Пессимистовъ не слушали, и расчетъ продолжался въ томъ же критическомъ направленіи. Такогообразомъ нашли, что государство можетъ получить 148 милліоновъ дохода, помимо податей, — тутъ считались доходы съ национальныхъ имущества, съ государственныхъ лѣсовъ, съ соляныхъ источниковъ, и т. д. Стало быть, народъ долженъ былъ уплатить 492 милліона, т. е. слишкомъ на 100 милліоновъ меньше, чѣмъ онъ платилъ въ послѣдній годъ стараго порядка, не считая десятинъ и феодалныхъ повинностей. Стало быть, главная цѣль національнаго собранія была достигнута; пріятное впечатлѣніе было произведено, и дѣло революціи еще разъ было зарекомендовано народу съ самой привлекательной стороны. Но все-таки надо было разложить эти 492 милліона, и тутъ опять пошли затрудненія. Народонаселеніе Парижа, имѣвшее ближайшее и сильнѣйшее вліяніе на всѣ распоряженія собранія, сурово отрицало большую часть косвенныхъ налоговъ. Замѣчено вообще, что косвенные налоги бываютъ особенно значительны въ тѣхъ странахъ, и въ тѣ эпохи, гдѣ и когда преобладаетъ аристократическій элементъ. По мѣрѣ того, какъ низшіе и бѣднѣйшіе классы народа, живущіе трудомъ, приобрѣтаютъ себѣ значеніе въ общественномъ организмѣ, — косвенные налоги замѣняются прямыми; наконецъ, когда демократическій элементъ становится преобладающимъ, тогда прямые налоги дѣлаются прогрессивными, то есть, богатые граждане не только платятъ абсолютно большую сумму денегъ, но они даже платятъ больший процентъ съ своего большого дохода, чѣмъ бѣдные съ своего малаго дохода. Почему усиленіе демократіи ведетъ за собою систему прогрессивныхъ налоговъ — это понятно безъ объясненій; замѣненіе косвенныхъ налоговъ прямыми основано на той же общей причинѣ. Прямой налогъ падаетъ преимущественно

на тотъ капиталъ, который легко опредѣлить; ему подвергаются земледѣльцы, чиновники, получающіе опредѣленное жалованье, капиталисты, живущіе процентами съ государственныхъ бумагъ; люди, живущіе собственнымъ трудомъ, могутъ въ этомъ случаѣ платить только подушную подать, да еще пошлину за какой нибудь патентъ или билетъ; опредѣлить величину ихъ годового заработка и брать съ нихъ известный процентъ этого заработка нѣтъ никакой возможности. Слѣдовательно, прямой налогъ падаетъ больше на капиталъ, чѣмъ на трудъ. Косвенные налоги, напротивъ того, падаютъ съ одинаковою силою на всѣхъ людей, нуждающихся въ тѣхъ предметахъ, которые обложены пошлиною. А такъ какъ средневѣковыя правительства съ особенною изобрѣтательностью умѣли облагать пошлинами предметы первой необходимости, то косвенные налоги падали всею своею тяжестью на все населеніе страны, не разбирая ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Для бѣдныхъ они, разумѣется, были тяжелѣе, чѣмъ для богатыхъ. Человѣкъ, получающій сто тысячъ рублей годового дохода, никакъ не съѣстъ въ тысячу разъ больше соли, чѣмъ работникъ, добывающій себѣ въ годъ сто рублей, первый не съѣстъ даже вдвое больше послѣдняго; оба они съѣдятъ одинаковое количество соли, и заплатятъ за нее одинаковую сумму налога, изъ чего прямо слѣдуетъ заключеніе, что работникъ относительно платитъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ миллионеръ. Если же работникъ не съѣстъ въ годъ того количества соли, которое необходимо для организма, то онъ разстроитъ свое здоровье. Поэтому, ненависть народа противъ косвенныхъ налоговъ вообще, противъ соляного налога въ особенности, объясняется очень удовлетворительно. Послѣ июльскихъ дней 1789 года, о взиманіи соляного налога нечего было и думать. Въ августѣ того же года національное собраніе обѣщало уничтожить этотъ налогъ, но выразило ту мысль, что его необходимо взимать до тѣхъ поръ, пока не будетъ введена на его мѣсто другая подать. Въ отвѣтъ на это мнѣніе, провинція Анжу объявила, что она противъ сборщиковъ соляного налога выставитъ въ поле 60,000 вооруженныхъ людей; другія провинціи обнаружили такія же воинственные наклонности, и соляной налогъ исчезъ безъ слѣда. Изъ государственныхъ доходовъ было такимъ образомъ 60 миллионѣвъ. Табачная регалія въ 27 миллионѣвъ, и питейный акцизъ въ 50 миллионѣвъ отправились въ слѣдъ за солянымъ налогомъ. Налоги на пудру, кожу и желѣзо, всего на 9-ть миллионѣвъ, пошли по тому же пути. — Въ старой

Франціи, на городских заставах, собирались, подъ названіемъ *octrois*, пошлины за ввозъ различныхъ припасовъ; эти пошлины, падавшія преимущественно на вино и мясо, давали въ годъ 70 милліоновъ, изъ которыхъ 46 поступали въ государственное казначейство, а 24 шли въ пользу городовъ и мѣстныхъ больницъ. Въ одномъ Парижѣ *octrois* приносили въ годъ государству 24, а городу 13 милліоновъ. Въ теченіи 1789 и 1790 годовъ эту пошлину продолжали собирать по прежнему, преимущественно потому, что парижскій городскій совѣтъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ обойтись безъ этой статьи дохода; а національное собраніе всегда старалось поддержать хорошія отношенія съ городскимъ совѣтомъ и вовсе не желало посягать на его финансовыя средства, тѣмъ болѣе, что всякое денежное затрудненіе въ городской кассѣ всю свою тяжесть обрушивалось на государственное казначейство, которое, подъ страхомъ революціи, должно было выдавать деньги и кормить пролетаріевъ. Но весной 1791 года *octrois* должны были уничтожиться; народъ давно сообразилъ, что отъ этого *octrois* вино становится дороже, и требованія его по этому случаю сдѣлались до такой степени настоятельными, что городской совѣтъ и національное собраніе принуждены были уступать; *octrois* были отмѣнены во всей Франціи, и вслѣдствіе этого пришлось прибавить еще 46 милліоновъ къ той массѣ налоговъ, которая лежала на поземельной собственности; кромѣ того, государство стало платить городской кассѣ Парижа по 3 милліона въ годъ, чтобы хоть отчасти вознаградить городъ за потерю этой важной статьи дохода; эти 3 милліона, конечно, упали также на сельское хозяйство. Изъ косвенныхъ налоговъ удержались только тѣ, которые не отягощали рабочаго населенія; остались такимъ образомъ въ прежней силѣ почтовые доходы, давашіе до 12 милліоновъ; пошлины за внесеніе процентовъ въ реестры были увеличены съ 40 милліоновъ на 51 милліонъ; введена новая пошлина въ 22 милліона за гербовую бумагу; удержаны таможенные доходы въ 22 милліона, хотя внутреннія таможи были уничтожены, а тарифъ заграничной торговли передѣланъ по новому плану; осталась въ прежней силѣ государственная лотерея, приносящая 10 милліоновъ; законодатели понимали, что это учрежденіе вовсе не полезно для общественной нравственности, но Парижъ, любившій дешевое вино, и требовавшій вслѣдствіе этого отмѣненія *octrois*, любилъ также сильныя ощущенія азарт-

ной игры и желать, на этомъ основаніи, удержатъ лотерей. Когда, въ продолженіи многихъ вѣковъ, прилагивались всѣ возможные старанія къ тому, чтобы развратить народъ до мозга костей, тогда, всѣ Солоны и Энеоуции преемники и настоящихъ временъ, при всей добросовѣстности своихъ усилій, не сумѣли въ два, три года исправить народную нравственность, точно также, какъ изнавнѣе философы не сумѣютъ вдругъ разсѣять густые туманы народныхъ предрассудковъ. Что портилось вѣками, то поправляется, но меньшей мѣрѣ, десятилѣтіями. Поэтому, если благосклонному читателю не понравится что нибудь въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонныхъ событій, онъ твердо долженъ помнить, и я сто разъ готовъ повторять ему, что за все про все надо говорить спасибо старой французской монархіи. Члены конвента опустили только тотъ тоноръ, который повѣсилъ надъ государствомъ старый порядокъ, и два послѣдніе Людовика въ особенности. Если виновать палачъ, то еще болѣе виновать судья, хотя, вообще, желать въ исторіи виноватыхъ — занятіе столько же наивное, сколько и бесплодное. Всѣ уцѣлѣвшіе косвенные налоги давали въ общей сложности 110 милліоновъ; оставалось набрать еще 382 милліона; для этого было опредѣлено, чтобы каждый ремесленникъ бралъ себѣ ежегодно патентъ; эта мѣра дала 22 милліона; потомъ наложена подушная подать, и выручено 60 милліоновъ; затѣмъ, остальные 300 милліоновъ упали на поземельную собственность. — Расчеты по бюджету были омончаны; на бумагѣ все обстояло красиво и благополучно; но въ дѣйствительности предвидѣлось мало отраднаго. — 76 милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ можно было игнорировать при расчетѣ, но они отъ этого не теряли своей силы; снѣга обыкновенныхъ расходовъ была, но крайней мѣрѣ, на 50 милліоновъ ниже дѣйствительныхъ потребностей государства. Опытные и знающіе люди говорили, что, при собираніи прямыхъ налоговъ, окажется не менѣе 100 милліоновъ недѣлики. $50 + 76 + 100 = 226$; такимъ образомъ, при бюджетѣ въ 716 милліоновъ (640 обыкновенныхъ и 76 экстраординарныхъ расходовъ) оказывается дефицитъ въ 226 милліоновъ; почти одна треть. — Только очень упорные оптимисты могли думать серьезно, что съ 1-го января 1791 года начнется для государственныхъ финансовъ періодъ благоденствія и порядка.

XV.

Государственный долгъ, переданный національному собранію старою монархіею, оставался непогашеннымъ; революція была поставлена въ необходимость увеличить этотъ долгъ значительною суммою; реформируя всё отрасли управленія, надо было всѣ уничтожить наследственные должности, а владѣльцамъ этихъ должностей надо было выдавать денежное вознагражденіе, потому что должности были, какъ намъ уже извѣстно, куплены у прежнихъ правительствъ на чистыя деньги. Весь капиталъ, который слѣдовало израсходовать на это исправленіе старыхъ шалостей, доходилъ до 1430 милліоновъ, и слѣдовательно, равнялся суммѣ всѣхъ государственныхъ расходовъ за два года. Уплатить такой капиталъ было совершенно невозможно; оставалось только причислить его къ утвержденному государственному долгу, и платить за него вѣчныя проценты; такъ и сдѣлали: къ суммѣ ежегодно платимыхъ процентовъ прибавилось, вслѣдствіе этого, еще 70 милліоновъ.—Ассигнаціи, которыя предполагено было употребить на погашеніе государственнаго долга, составляли единственную поддержку казначейства, и, по горькой необходимости, тратились на текущіе расходы; въ іюнѣ 1791 года были издержаны всѣ 1200 милліоновъ первыхъ двухъ выпусковъ; изъ нихъ на уплату долговаго капитала употреблено 108 милліоновъ, на уплату запущенныхъ процентовъ и забранныхъ впередъ доходовъ — 416 милліоновъ; на текущіе расходы — 676 милліоновъ. Эти 676 милліоновъ были обезпечены національными имуществами; но продать эти имущества можно было только одинъ разъ, стало быть, издерживая цѣну этихъ имуществъ на текущіе расходы, государство съѣдало свой капиталъ, а всякому извѣстно, что тратить на житье капиталъ, вмѣсто того, чтобы жить процентами съ капитала, значитъ быстрыми шагами идти къ раззоренію. Въ сентябрѣ 1790 года, національное собраніе опредѣлило декретомъ, что въ обращеніи никогда не должно быть болѣе 1200 милліоновъ ассигнацій; въ іюнѣ 1791 года, тому же самому собранію пришлось нарушить свое собственное приказаніе, и выпустить еще 600 милліоновъ. Тутъ ужъ и не пробовали опредѣлить заранѣе ту цѣну бумажныхъ милліоновъ, на которой слѣдуетъ остановиться; всѣ знали въ національномъ собраніи, и всѣ предчувствовали въ обществѣ, что остано-

вѣться не возможно и что, за неимѣніемъ настоящихъ миллионѡвъ, государство будетъ постоянно создавать бумажные. А что будетъ дальше, того никто не могъ рѣшить опредѣленно. Послѣ новаго выпуска, ассигнаціи потеряли въ своемъ курсѣ отъ 8 до 10 процентовъ. Чтобы облегчить мелкія операціи обмѣна, правительство выпустило 100 миллионѡвъ пятилировыми билетами (1 руб. 25 коп. с.), между тѣмъ, какъ въ первыхъ двухъ выпускахъ не было билетовъ мельче 50 ливровъ. Ассигнаціи проникли такимъ образомъ въ бѣднѣйшіе классы народа, и вовлекли въ ажіотажъ работниковъ и крестьянъ. Принимая какой нибудь заказъ, ремесленникъ долженъ былъ разсчитывать на предстоящее пониженіе курса; продавая возъ хлѣба, крестьянинъ могъ ожидать, что въ ближайшей лавкѣ у него примутъ вырученныя деньги не иначе, какъ съ значительнымъ учетомъ. Можно себѣ представить, сколько тревоги вносили подобныя обстоятельства во всѣ крупныя и мелкія сдѣлки; не трудно также понять, какого рода вліяніе эта промышленная тревога должна была оказывать на общее настроеніе умовъ въ народныхъ массахъ. Гдѣ богатый человѣкъ рисковалъ частью своего капитала, тамъ поденщикъ поневолѣ рисковалъ кускомъ своего обѣда; когда богатъ раззорялся, тогда бѣднякъ страдалъ отъ голода; а между тѣмъ, новые выпуски ассигнацій были неизбежны, и, дѣйствительно, быстро слѣдовали одинъ за другимъ; съ каждымъ новымъ выпускомъ увеличивалось колебаніе въ курсѣ; вмѣстѣ съ колебаніемъ въ курсѣ возрастало безпокойство и неудовольствіе массъ; отвращеніе къ правильному и постоянному труду увеличивалось, потому что правильный и постоянный трудъ возможенъ только тогда, когда онъ можетъ разсчитывать на правильное и постоянное вознагражденіе. Безпокойство, неудовольствіе, шаткость ежедневныхъ разсчетовъ, отсутствіе правильныхъ заработковъ, отвращеніе къ труду— всѣ эти моменты составляли ту общую канву, на которой революціонное движеніе могло разсыпать щедрою рукою самыя роскошныя и причудливыя узоры. Все дѣйствовало за одно съ революціею, и все предвѣщало ей въ будущемъ много фазъ тревожнаго и неустойчиво стремительнаго развитія. Усилія правительства и національнаго собранія остановить революцію не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, потому что и правительство и собраніе, стараясь, одною рукою обезоружить народныя страсти, другою рукою, сами того незамѣчая, увеличивали раздраженіе умовъ, и заготовляли матеріалы

для новаго варыва. И новая революція, дѣйствительно, приближалась съ неумолимою быстротою, приближалась независимо отъ единичныхъ желаній или опасеній, приближалась, какъ громадное и неизбежное явленіе природы, вытекающее изъ данныхъ условій по слѣпымъ и безжалостнымъ законамъ необходимости. Средневѣковое ярмо было разбито и сброшено; не смотря на это, въ сельскомъ и городскомъ населеніи Франці лежали еще неистощимые запасы матеріаловъ для самыхъ всеобъемлющихъ переворотовъ. Посмотримъ, что дѣлалось въ деревняхъ. Въ іюль и въ августъ 1789 года, крестьяне почти во всѣхъ провинціяхъ королевства принудили бывшихъ феодаловъ снасаться бѣгствомъ; вмѣстѣ съ феодалами бѣжали и укрылись въ городахъ или за границею капиталы; это обстоятельство могло бы принести сельскому хозяйству много вреда, еслибы капиталы въ прежнее время были прилагаемы къ улучшенію почвы и земледѣльческихъ приемовъ; но, такъ какъ этого, въ большей части случаевъ, не бывало, то отсутствіе господъ и ихъ капиталовъ выразилось для крестьянъ только въ томъ, что они, крестьяне, избавились отъ многихъ неприятныхъ столкновеній. Законъ отмѣнилъ десятинные подати. Тогда крестьянинъ вспомнилъ, что многія пашни были превращены у него въ луга, собственно потому, что лугъ былъ обложенъ менѣе значительною десятинною податью; вспомнивъ это, онъ тотчасъ распахалъ и засѣялъ лугъ, чтобы выручить хорошій денежный кушъ за пшеницу, бывшую въ то время въ цѣнѣ.— Отмѣнили питейную подать. Французскій крестьянинъ, любящій вообще заниматься винодѣліемъ, насадилъ тогда виноградныхъ лозъ во многія такія земли, которыя были несовсѣмъ удобны для такого рода обработки. Превращеніе луговъ въ пашни должно было ослабить скотоводство; превращеніе пахатныхъ земель въ виноградники должно было ослабить земледѣліе; въ томъ и въ другомъ случаѣ, прочное благосостояніе хозяйства приносилось въ жертву болѣе прибыльному, но болѣе рискованному промыслу; послѣ нѣкоторыхъ колебаній, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, въ которыхъ неудача происходила отъ непривычки пользоваться свободою въ сферѣ своего труда, крестьянинъ, нестѣсняемый вышними препятствіями, съумѣетъ скоро освободиться отъ своихъ убыточныхъ предразсудковъ, и поведетъ свое хозяйство расчетливо и благоразумно; колебанія и неудачи не провадутъ даромъ; но такъ какъ эти первыя попытки совпадаютъ съ началомъ революціи, и такъ какъ онѣ вносятъ тре-

вогу и волнению почти въ каждую крестьянскую хижину, то мы видимъ, что и здѣсь существуютъ задатки, изъ которыхъ можетъ развиться симпатія къ дальнѣйшему общественному движению. Французское крестьянство укрѣпилось и разбогатѣло, не смотря на всю тяжесть общественнаго кризиса; многие изъ беспорядковъ тревожной эпохи послужили ему въ пользу; государство бѣднѣло, потому что не было въ состояніи собрать необходимое количество податей, но такъ какъ подати эти оставались въ домѣ крестьянина, то хозяйство его могло совершенствоваться и развиваться. Въ первые времена революціи, въ рукахъ крестьянъ оставалось ежегодно около 170 милліоновъ податей, и это обстоятельство въ значительной степени содѣйствовало успѣхамъ французскаго земледѣлія. Немногіе крестьяне во Франціи владѣли землею, и те, что я говорилъ до сихъ поръ, относятся только къ этимъ немногимъ. Для того большинства, которое пробавлялось фермерствомъ, и, по недостатку средствъ, принимало себѣ крошечныя кусочки земли, отдавая за насъ половину сырого продукта, для этого большинства, составляющаго сельскій пролетаріатъ, устраненіе феодалныхъ повинностей оказалось незначительнымъ облегченіемъ. Съ этихъ немущихъ людей нельзя было ничего взять, кромѣ повинности трудомъ; когда обязательный трудъ былъ уничтоженъ, тогда у этихъ людей остался досугъ, но съ этимъ досугомъ нечего было дѣлать; при низкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, при бѣдности крестьянъ-собственниковъ, при отсутствіи всякой сельской промышленности, крестьяне-пролетаріи рѣдко могли пристроить себя къ какому нибудь производительному занятію; конечно, свобода труда не можетъ на вѣчныя времена остаться мертвымъ капиталомъ; но не можетъ она также въ одно мгновеніе устранить ту глубокую нищету и ту вынужденную праздность, которыя обыкновенно тяготѣютъ надъ рабами, только что выпущенными на волю. Крестьяне-пролетаріи были друзьями того общественнаго движенія, которое уничтожило барщину, но они, по своей простотѣ, воображали себѣ, что настоящее движеніе еще впереди; они видѣли, что ихъ сосѣди, крестьяне-собственники, извлекали изъ движенія такія выгоды, которыя имъ, крестьянамъ-пролетаріямъ, остались недоступными; тогда они, опять-таки по своей простотѣ, стали воображать, что и имъ наде же когда нибудь воспользоваться этими выгодами, и что къ этому пользованію должно привести неизбежно дальнѣйшее развитіе революціи. Каждый просвѣщенный либераль хотѣ

бы перевести этия глупыя простины безчисленныя имуществом дружелюбна, этиякъ иже-всѣмъ областью права, историн, нравствен-ной философи и политическои экономии. Они могъ бы славыи етъ къ общему результату: «глупые друзья мои! Какъ вы этого не поиннасте? Они-собственники, а вы не собственники. У васъ нѣтъ со-всѣмъ ничего, и потому вы никакъ не можете получить етъ рево-люции тѣ удовольствія, которыя приобрѣли етъ моя люди, имѣящія иже-нибудь. Революція можетъ измѣнить законы и учрежденія, но если она неслышитъ на священной собственности, тогда это будетъ уже не революція, а одно безобразіе». Национальное собраніе подума-ло, что продажа церковныхъ имуществъ можетъ принести француз-ской націи двойную пользу: во-первыхъ, дастъ казначейству золотыя горы, а во-вторыхъ, превратитъ глупыхъ пролетаріевъ въ стаот-ленныхъ собственниковъ, и, слѣдовательно, въ пресвѣщенныя ли-бераловъ, противъ которыхъ не нужно будетъ употреблять никакихъ героическихъ лекарствъ. Поэтому, когда въ половинѣ іюня 1790 года рѣшено было пустить въ продажу всю массу церковныхъ имуществъ, тог-да национальное собраніе приказало продавать ихъ мелкими кусками. Мѣра была превосходная, но на землѣ не бываетъ полнаго совер-шенства. И не можетъ его быть, прибавляетъ солидный читатель *). У глупаго пролетарія совсѣмъ ничего не было, такъ что еслибы землю продавали не десятинами, а цѣточными горшками, то и тутъ онъ могъ бы только украсть себѣ такой горшокъ земли, а никакъ не купить его. Если бы государство захотѣло подарить землю сво-ему убогому дѣтищу, то и тогда этотъ блудный сынъ могъ бы на-ять эту землю только собственными поттями, потому что у него не было даже своей лонаты; я говорилъ уже въ одной изъ предъ-идущихъ главъ, что большая часть фермеровъ работали хозяйскими орудіями и хозяйскимъ рабочимъ светомъ; стало быть, сдѣлавшись собственникомъ, такой фермеръ все еще не превращался въ пресвѣ-щеннаго либерала, и все еще искалъ себѣ въ революціи надево-лонныхъ удовольствій. Ну, однако, спрашивается наконецъ расдо-сованный читатель, что же вы съ нимъ прикажете дѣлать? И какъ же его наконецъ пристроить такъ, чтобы онъ не кричалъ и не

*) И даже совсѣмъ не должно быть, прибавляю я, и оказываюся такимъ образомъ солиднѣе всякаго читателя.

лѣвъ на стѣны? И чѣмъ же тутъ виновато національное собраніе? Ахъ вы, мой читатель! ахъ вы, мой гнѣвный читатель! неужели вы не знаете, что въ жизни бываютъ такія положенія, въ которыхъ рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь и рѣшительно ничего нельзя сдѣлать путнаго? Куда ни кинь, все клинъ. Въ подобныхъ случаяхъ частной жизни, русскій человѣкъ утѣшается пословицею: ну, «перемелется, мука будетъ». Перемелется-то оно точно, и мука будетъ непремѣнно; но ужъ за то не взыщите: что попадетъ подъ жерновъ, и изъ чегò выдѣлается мука—этого никто не знаетъ заранѣе. Вотъ въ такомъ-то положеніи и находились дѣла во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. И если бы они находились не въ такомъ положеніи, тогда во Франціи не было бы революціи, а совершилось бы полюбовное размежеваніе заинтересованныхъ сторонъ. Но ни одна попытка подобнаго размежеванія въ тогдашней Франціи не удалась, и между заинтересованными сторонами не оказалось ни малѣйшей полюбовности; обнаружилось, что интересы всѣхъ противорѣчатъ другъ другу, и всѣхъ перепутаны между собою до послѣдней крайности. Со всѣхъ сторонъ заговорили страсти, и каждая изъ этихъ страстей сама по себѣ была вполне естественна, а между тѣмъ каждая изъ нихъ для своего удовлетворенія должна была тѣснить и истреблять другія страсти. Люди разгнѣвались другъ противъ друга, и сначала стали шумѣть, а потомъ передрались. И больно передрались. И долго продолжалась ихъ драка. И все это вовсе не хорошо. И вовсе не нравится ни мнѣ, ни моему читателю. Но мало-ли что намъ не нравится. Многое, другъ Горацио, очень многое дѣлается въ этомъ мірѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы съ тобою того желаемъ. Этимъ печальнымъ размышленіемъ, изумительнымъ по своей новизнѣ, я заканчиваю эту XV-ую главу, которая, по какому-то необъяснимому напряду судьбы, пропиталась небывалымъ легкомысліемъ изложенія. Въ оправданіе этого легкомыслія я могу впрочемъ поставить на видъ читателю, что я все-таки, тѣмъ или другимъ тономъ, выразилъ все то, и только то, что я хотѣлъ выразить, а это, во всякомъ случаѣ, заслуга не маловажная, за которую многое можетъ мнѣ быть прощено.

XVI

Въ странѣ, населенной полудикими пролетаріями, каждый неурожай производитъ такія страданія, о которыхъ не имѣютъ понятія жители богатыхъ и промышленныхъ земель. Каждый неурожай во Франціи XVIII столѣтія приводилъ за собою голодъ и общественныя волненія, потому что большинство сельскаго населенія не имѣло никогда никакихъ запасовъ, и, живя со дня на день, тотчасъ встрѣчалось лицомъ къ лицу съ голодною смертью, какъ только погода въ какомъ нибудь отношеніи переставала благопріятствовать успѣшному созрѣванію жатвы. Въ историческихъ сочиненіяхъ упоминается часто о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, которыя, совпадая съ общественною нескладницею, увеличиваютъ тревожное настроеніе умовъ и усиливаютъ разнообразныя беспорядки. Говоря о такихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, историки обыкновенно смотрятъ на нихъ какъ на явленіе совершенно самостоятельное, и неимѣющее ни малѣйшей связи съ общественнымъ положеніемъ той страны, надъ которою они разражаются. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, историки обнаруживаютъ трогательное отсутствіе общающаго пониманія. Объяснить и доказать это вовсе не трудно. Представьте себѣ, что васъ застигаетъ въ дорогѣ наша отечественная мятель, украшенная 20-ти градуснымъ морозомъ; вы, какъ человекъ, одаренный снотовою шубою, остаетесь здоровы и невредимы, а лица въашъ, благодаря своему зипуну, *) отморозиваетъ себѣ руки и ноги, приобрѣтаетъ антоновъ огонь, **) и умираетъ. Мятель для васъ обонихъ была одна и таже, и морозъ одинъ и тотъ же, но оборонительное оружіе противъ того и другого было у васъ различное, а потому и результаты получились совершенно несходныя.

Размѣры моей притчи о мятели и ея послѣдствіяхъ могутъ быть увеличены въ милліоны разъ, и притча не потеряетъ отъ этого своей вѣрности. Мы увидимъ тогда, что богатый, промышленный и образованный народъ, счастливый по условіямъ своего гражданскаго

*) "Зипунъ одежда честная, и т. д. (Объявленіе объ изданіи „Времени“ въ 1863 году.)

**) Его должно утѣшать то, что, благодаря тому же зипуну, онъ, кромѣ антонова огня, приобрѣлъ себѣ еще сочувствіе либеральныхъ журналистовъ.

быта *) переносить естественныя бѣдствія совѣмъ не такъ, какъ переносить его народъ бѣдный, производящій мало земледѣльческихъ продуктовъ и фабричныхъ издѣлій, погруженный въ невѣжество, и доведенный своими историческими несчастіями до потребности въ подавляющей амагн. Во-первыхъ, многія, если не всѣ, естественныя бѣдствія поражаютъ бѣдный и невѣжественный народъ гораздо чаще, чѣмъ богатый и образованный. Понятно также, что это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ большого или меньшаго совершенства предохранительныхъ мѣръ, а количество и качество этихъ мѣръ, очевидно, обуславливается общимъ положеніемъ народа. Голодь также посѣщаетъ всего чаще тѣ мѣста, въ которыхъ искусство человѣка слабо, и въ которыхъ хлѣбныя зерна совершенно предоставляются на волю естественныхъ силъ земли и атмосферы; чѣмъ безобразнѣе земледѣльческія орудія, чѣмъ донотоннѣе сметы хозяйства, тѣмъ хуже родится хлѣбъ, и тѣмъ чаще происходятъ неурожаи. Морозная язва и разныя другія повальныя болѣзни идутъ обыкновенно въ слѣдъ за голодомъ, и раздражаются съ особливою силою въ военныхъ лагеряхъ или въ городахъ, въ которыхъ люди живутъ тѣсными и грязными кучками, и въ которыхъ чистый воздухъ составляетъ роскошь, доступную только для самаго ограниченнаго меньшинства. Извѣстно, что холера, лихорадки, тифы появляются сначала въ самыхъ бѣдныхъ и грязныхъ кварталахъ, а потомъ, изъ лачугъ переходятъ въ роскошныя отели, напоминая обитателямъ послѣднихъ, что въ лачугахъ прозябаютъ и дышатъ животныя совершенно одинаковой съ ними организаціи, и что когда забыта всякая солидарность между различными частями большой человеческой семьи, тогда общія болѣзни образуютъ между ними единственную, и въ тоже время неразрывно—крѣпкую связь. Извѣстно, что голодь и язва постоянно работаютъ на Востокѣ, гдѣ массы подавлены нищетой и рабствомъ; извѣстно, что Англичане своимъ управленіемъ производятъ въ Остѣ-Индіи голодь и повальныя болѣзни, которыя не были извѣстны тамошнимъ жителямъ до тѣхъ поръ, пока Остѣ-Индская компанія не приняла на себя человѣколюбивый трудъ обирать Ин-

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти привлекательныя эпитеты имѣютъ только относительное значеніе. Англичане счастливы и т. д. въ сравненіи съ Индусами, но абсолютно счастливыхъ народовъ до сихъ поръ еще не бывало.

дуса до послѣдней нитки, и называть это обирание распространениемъ европейской цивилизаціи между грубыми варварами. Все это — во-первыхъ. А *во-вторыхъ*, надо взять въ расчетъ, что если надъ богатымъ и образованнымъ народомъ страсется такая бѣда, которую нельзя отвратить никакими предосторожностями, то богатство, образованность и, вытекающая изъ нихъ, наутомная дѣятельность дадутъ народу возможность перенести это бѣдствіе безъ большихъ потерь, и потомъ съ неизумительною быстротою исправить помесонныя убытки. Случилось, положимъ, землетрясеніе или наводненіе; тотчасъ появляются со всѣхъ сторонъ вспоможенія и немертвованія; но они даже и ненужны, потому что всѣ погребшія зданія были застрахованы; кто изъ жителей разорился, тотъ можетъ найти себѣ работу, и находить ее въ промышленной странѣ несравненно легче, чѣмъ могъ бы сдѣлать это въ такомъ мѣстѣ, гдѣ царствуетъ невозмутимый застой. — Все это отступленіе отъ главнаго предмета клонилось къ тому, чтобы показать, что отношенія человѣка къ явленіямъ природы подчинены тѣмъ отношеніямъ, которыя установились въ теченіи вѣковъ между человѣкомъ и человѣкомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что счастье человѣка зависитъ *исключительно* отъ особенностей его общественной жизни. Когда каждый человѣкъ будетъ относиться къ каждому другому человѣку совершенно разумно, тогда изъ этихъ разумныхъ отношеній выработается такая сила, которая побѣдитъ навсегда всякія враждебныя вліянія природы. Въ подтвержденіе этой мысли достаточно будетъ привести одинъ крупный примѣръ. Сравните южныя части Европы съ сѣверными, и вы увидите, на какой сторонѣ находится перевѣсъ въ дѣлѣ народнаго благосостоянія. Народъ счастливѣе на Скандинавскомъ полуостровѣ, чѣмъ на Пиринейскомъ; счастливѣе въ Даніи, чѣмъ въ Италіи; въ Англіи, чѣмъ въ Турціи; и именно во столько разъ счастливѣе въ первыхъ странахъ, чѣмъ во вторыхъ, во сколько разъ климатическія условія благоприятнѣе во вторыхъ, чѣмъ въ первыхъ. Окончательный выводъ нашъ, парадоксальный по своей формѣ, будетъ тотъ, что не природа, а исторія производитъ неурожай, пожары и повальные болѣзни. Этотъ выводъ уже прямо относится къ нашему главному предмету. Во Франціи, въ 1788 году былъ неурожай, и послѣдствія этого неурожая во многихъ отношеніяхъ сдѣйствовали усиленію революціи. Для насъ вовеки не интересно то обстоятельство, что солнечные и дождливые дни слѣдовали въ этомъ

году одни за другими въ томъ или въ другомъ порядкѣ; но для насъ уже интересно и важно то, что неблагоприятная погода испортила жатву на значительномъ пространствѣ французской территоріи. Для насъ еще важнѣе и еще интереснѣе то, что одна испорченная жатва произвела во Франціи сильныя народныя страданія и такія волненія, которыя заняли свое мѣсто въ исторіи. Конечно, всѣ прежніе правители Франціи своими совокушными усиліями не могли навлечь на свою родину градовую тучу, или отклонить отъ нея засыхающихъ полей благотворное дождевое облако; однако не подлежитъ сомнѣнію, что самый внимать страны можетъ быть испорченъ, напримѣръ, нерасчетливымъ вырубаніемъ лѣсовъ, — или улучшенъ, напримѣръ, осушкою болотъ. Если прежніе правители Франціи, по незнанію или по небрежности, упускали изъ виду лѣса и болота, то даже въ дѣлѣ погоды эти прежніе правители являются виновниками позднѣйшихъ бѣдствій. Если мы перейдемъ къ вопросу о томъ, почему люди подѣйствовали разрушительно на жатву, то тутъ участіе прежнихъ правительствъ въ бѣдствіяхъ настоящей эпохи сдѣлается еще ощутительнѣе; еслибы поля были вспаханы глубже, еслибы они были орошены каналами, еслибы между нивами были разсажены расчетливымъ образомъ деревья, то влияніе засухи было бы ослаблено въ значительной степени. А почему земля была дурно вспахана, почему не было каналовъ, почему не было аллей? Да потому, что у крестьянъ не было ни хорошихъ орудій, ни рациональныхъ познаній; а этого не было потому, что народъ вообще былъ бѣденъ до послѣдней степени и задавленъ самымъ глубокимъ невѣжествомъ. А почему одна испорченная жатва производила въ тогдашней Франціи голодъ, опасный для самой жизни цѣлыхъ милліоновъ людей? Очевидно потому, что народъ жилъ почти такъ, какъ живутъ теперь Остяги, не оставляя ничего про запасъ, сѣдая въ одинъ годъ все, что не отнято изъ ихъ рукъ сборщиками податей и господскихъ повинностей, и находясь такимъ образомъ постоянно въ безусловной зависимости отъ ежегодныхъ щедротъ земли и благоприятной погоды. А если земля ничего не даетъ, и если погода окажется неблагоприятною, тогда дѣлать нечего, хотя съ голоду умирай. Такимъ образомъ, милліоны французскаго народа до минуты собиранія жатвы находились каждый годъ въ положеніи игрока, поставившаго на карту свою жизнь и жизнь своего семейства, и обязавшагося, въ случаѣ проигрыша, умерить голодною смертію

себя и своихъ домашнихъ. Въ случаѣ же выигрыша, счастливому игроку дается отсрочка, и ему позволяется быть увѣреннымъ, что онъ не умретъ съ голода раньше будущаго года. Этою годовою отсрочкою исчерпываются всѣ счастливыя шансы, которые могъ извлечь французскій крестьянинъ — пролетарій изъ блистательнѣйшаго выигрыша. И каждый годъ возобновляется та же игра съ тѣми же пріятными шансами. Хочешь не хочешь, а играй, лока тебя таскаютъ ноги, и нога дѣйствуютъ у тебя руки. Я говорилъ, въ одной изъ предыдущихъ главъ, объ ажіотажѣ, проникнувшемъ въ народныя массы вслѣдствіе выпуска мелкихъ ассигнацій, постоянно колебавшихся въ своемъ курсѣ. Я выставялъ вредныя послѣдствія этого ажіотажа, но спрашивается, какой же ажіотажъ, по своему потрясающему дѣйствию на человѣческія нервы и по своему вредному вліянію на общественную нравственность, можетъ сравниться, хотя въ самой отдаленной степени, съ этою колоссальною и вѣчною игрою, составлявшею собою всю жизнь огромнаго большинства французскихъ крестьянъ? Эта колоссальная и вѣчная игра выдумана и привита къ жизни французскаго народа старою монархіею. Въ эту игру входятъ самые разнообразныя ингредиенты: тутъ занимаетъ первое мѣсто громная слава французскаго оружія; тутъ бросается въ глаза блескъ французскаго двора; тутъ сіяютъ вѣликолѣпныя любезности (*galanteries*) Франциска I, Людовика XIV и Людовика XV; тутъ ласкаютъ зрѣніе парки, дворцы и фонтаны разныхъ королевскихъ резиденцій; тутъ мы съ глубокимъ уваженіемъ превлоняемся передъ картинными галереями и мраморными статуями, свидѣтельствующими о просвѣщенномъ вкусѣ и о весьма понятной щедрости прежнихъ правителей; тутъ придворные поэты, придворные костюмы, придворные лакеи, придворные шуты и придворныя животныя; тутъ рябитъ въ глазахъ отъ золота и пестроты; тутъ, однимъ словомъ, собрано все, что довело государственныя финансы Франціи до неотразимой катастрофы; тутъ все, что, въ продолженіи тысячелѣтій, увлекало въ свой широкій и глубокій потокъ трудовыя копѣйки всякой негодной и оборванной сволочи; и это все, — этотъ блескъ, этотъ потокъ, эта причина финансовой катастрофы, — лишивъ земледѣльца всякой собственности, уничтожило, наконецъ, самую возможность труда, и засушило такимъ образомъ послѣдній источникъ, изъ котораго простой человѣкъ могъ извлекать себѣ средства къ существованію. Я говорю, что уничтожена была самая воз-

возможность труда, и говорю это потому, что трудъ и азартная игра—
 двѣ вещи совершенно различныя. Трудомъ можетъ называться только
 тотъ процессъ, въ которомъ извѣстному напряженію мускуловъ и нер-
 вовъ соотвѣтствуютъ извѣстные, то есть, точно опредѣленные ре-
 зультаты. Чѣмъ болѣе это соотвѣтствіе между напряженіемъ и ре-
 зультатами подвержено колебаніямъ, тѣмъ сильнѣе самая сущность
 труда отравляется элементомъ риска. Мы видѣли, какъ силенъ былъ
 элементъ риска въ жизни и ежедневной дѣятельности французскаго
 крестьянина прошлаго столѣтія; поэтому насъ не должно изумлять
 то выраженіе, что хозяйство старой монархіи уничтожило для огрем-
 ной массы французскихъ гражданъ самую возможность труда. Кре-
 стьянинъ работаетъ одинъ годъ и сытъ; работаетъ другой годъ точ-
 но также усердно и умираетъ съ голоду. На что же это похоже?
 Вѣдь это вотъ что значить: я ставлю одну карту,—мнѣ ее даютъ,
 я ставлю другую—ее бьютъ; а для того, чтобы не умереть съ го-
 лода, мнѣ необходимо, чтобы мнѣ дали подрядъ пятьдесятъ или
 шестьдесятъ картъ; сколько лѣтъ я проживу, столько картъ; каж-
 дый годъ по картѣ. Спрашивается, трудъ ли это, или игра? Спра-
 шивается кромѣ того: что составляетъ, при подобныхъ условіяхъ,
 нормальный уровень моего благосостоянія? Для того, чтобы я былъ
 постоянно сытъ, мнѣ необходимъ невозможный рядъ постоянныхъ
 удачъ. По теоріи вѣроятностей, я могу только ожидать, что количе-
 ство счастливыхъ картъ будетъ равняться количеству несчастныхъ.
 Стало быть, одинъ годъ я сытъ, а другой годъ умираю съ голода,
 потомъ опять сытъ, и опять голодаю; въ среднемъ выводѣ оказы-
 вается, что я постоянно нахожусь впроголодь, потому что занимаюсь
 не трудомъ, а игрою. Мы встрѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ эле-
 ментовъ, вошедшихъ въ составъ французскаго революціоннаго дви-
 женія, дороговизну хлѣба, произведенную неурожаемъ 1788 года.
 Встрѣчаясь съ этимъ фактомъ, мы сначала можемъ подумать, что
 революція произведена отчасти средне-вѣковыми прошедшимъ, а от-
 части неодоушевленными силами природы. Мы можемъ отнести го-
 лодъ и дороговизну къ такому порядку фактовъ, который не имѣетъ
 ничего общаго съ дѣйствіями и ошибками людей. Но все это мы
 сдѣлаемъ только сначала. Вглядѣвшись внимательно въ причин-
 ную связь событій, мы тотчасъ сообразимъ, что рабская зависи-
 мость сильнаго и даровитаго народа отъ переменъ погоды состав-
 ляетъ, быть можетъ, самое замѣчательное проявленіе той беспомощ-

ности и искусственной хилости, до которой этот народъ былъ доведенъ блестящими подвигами своихъ предводителей. «*Quand un français a la colique, il dit que c'est la faute du gouvernement*» (Когда у француза болитъ животъ, онъ говоритъ, что въ этомъ виновато правительство)—этимъ словами сами французы превосходно характеризуютъ свою привычку сваливать на правительство всякую заботу, и упрекать правительство за всё несовершенство жизни. Эта привычка сама по себѣ вовсе не полезна, но она не даромъ укоренилась во французскомъ народѣ; она составляетъ неизбежный выводъ изъ бесконечно-длиннаго ряда пережитыхъ опытовъ; правительство старой монархіи особенно сильно содѣйствовало развитію этой привычки; мѣшая всякой инициативѣ, путаясь во все, извлекая деньги изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ источниковъ, не дѣлая изъ эти деньги ничего полезнаго для общества, правительство старыхъ королей должно было нести ужасную отвѣтственность за все зло, которое совершалось на французской территоріи, и за всё препятствіе, которымъ, сознательно или безсознательно, подавляли возникновеніе и развитіе всякаго добра. Когда у французскаго мужика въ прошломъ столѣтіи болѣлъ животъ отъ древесной коры, и отъ разныхъ другихъ ядовитыхъ веществъ, неправящихъ должность мухи, тогда этотъ французъ имѣлъ полное основаніе сказать, «что въ этомъ виновато правительство». *Ancien régime*, державшійся по милости этихъ правительствъ «впродолженіи многихъ столѣтій испортилъ во Франціи все, начиная отъ народной логики и кончая народными желудками, начиная отъ государственныхъ финансовъ и кончая погодою, начиная отъ междучеловѣческихъ отношеній и кончая формой костюмовъ. Все было перековеркано исторіею, и всѣ результаты этого хроническаго коверканія обрушились на людей старой монархіи тогда, когда имъ пришлось сводить счеты за себя и за своихъ великодушныхъ предшественниковъ. Природа тутъ не при чемъ. Неурожай, голодъ, волненіе—все это произведено не природою, а исторіею. Вездѣ и на всемъ лежала во Франціи жертвенная рука старой монархіи; нѣтъ того климата, котораго бы она не испортила, нѣтъ той почвы, которою бы она не истощила.

XVII.

Неурожай 1788 года произвелъ дороговизну хлѣба во время 1789 года; различныя провинціальныя и городскія управленія, заботясь о продовольствіи своихъ жителей, перебивали другъ у друга существующіе запасы, и своимъ соперничествомъ еще болѣе поднимали цѣны, которыя и безъ того были очень высоки. Эти торговыя операціи городскихъ и провинціальныя управленій были вызваны необходимостью, и, конечно, не заключали въ себѣ ни малѣйшаго лукаваго умысла; но народъ страдалъ; его тревожили разные зловѣщія слухи; ему было неудобно и невозможно разсуждать благоразумно и спокойно о причинахъ дороговизны; онъ зналъ, что ему въ прошедшемъ дѣлали много зла аристократы и купцы; понятіе объ этихъ двухъ классахъ людей, присвоивавшихъ себѣ силою или хитростью продукты его труда, тѣсно связывавалось въ его умѣ съ ощущеніемъ боли; народу было больно; значить, разсуждалъ народъ, тутъ дѣйствуютъ вущы и аристократы; не трудно было найти, какъ они дѣйствуютъ. Аристократы, думалъ народъ, скупаютъ хлѣбъ изъ злости, чтобы отомстить мужикамъ за низверженіе феодализма, а купцы дѣлаютъ тоже самое изъ корыстолюбія, чтобы набить себѣ карманы, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. А правительство слабо, правительство этого не знаетъ, правительство обмануто врагами народа. — Рядъ подобныхъ разсужденій, вытекающихъ прямо и непосредственно изъ чувства страданія, долженъ былъ неизбѣжно привести къ тому практическому выводу, что народу слѣдуетъ самому взяться за свое дѣло, самому расправиться съ своимъ обидчикомъ, самому прекратить гнетущую дороговизну. Примѣры народной расправы встрѣчаются въ это время вездѣ, гдѣ только встревоженному народу попадается подозрительное лицо, а кого пшенно народъ считалъ подозрительнымъ, это было такъ же трудно опредѣлить, какъ и то, кого именно онъ считалъ неподозрительнымъ. Народъ дѣйствовалъ по вдохновенію, и порывы этого вдохновенія были всегда довольно разрушительны, и часто попадали туда, куда имъ совсѣмъ не резонъ было попадать. Случалось не рѣдко, что какой нибудь несчастный агентъ городского или провинціального вѣдомства, отправленный своимъ начальствомъ для закупки хлѣба, попадался въ руки вдохновенной толпѣ патріотовъ, которые, не выслушавъ никакихъ оправданій, въ-

шали усерднаго чиновника, какъ злонамѣреннаго барышника, производящаго искусственную дороговизну хлѣба. Всякій хлѣбный торговецъ находился въ постоянной опасности, всякій булочникъ могъ ежеминутно ожидать, что лавка его будетъ разграблена голоднымъ народомъ; въ городахъ мѣстное начальство принимало свои мѣры для того, чтобы хлѣбъ постоянно оставался доступнымъ по своей цѣнѣ бѣднѣйшему классу жителей; но въ деревняхъ дороговизна была такъ обременительна, что толпы крестьянъ съ оружіемъ въ рукахъ предпринимали нашествіе на сосѣдніе города, грабили амбары и булочные, сталкивались съ отрядами національной гвардіи, и не рѣдко побѣждали блюстителей порядка и защитниковъ собственности. Лѣтомъ 1790 года, эти крестьянскія волненія стали принимать очень серьезныя размѣры. Тѣ провинціи, которыя въ прошломъ 1789 году отличались особенною яростію въ возстаніи противъ дворянскихъ правъ, отпраздновали годовщину этого перваго возстанія новымъ движеніемъ, направленнымъ сначала противъ дороговизны хлѣба, а потомъ противъ привилегій богатства вообще. Центральныя провинціи королевства: Бурбонне, Берри, Ниверне, Шароле, покрылись вооруженными толпами сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ требованія стали дѣлаться обширнѣе и настоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ они сами стали чувствовать и сознавать свою силу и свою многочисленность. Сначала поднявшіеся крестьяне требовали отъ правительства, чтобы оно установило таксу на хлѣбъ, и прекратило, дѣйствіемъ своей власти, преступныя продѣлки аристократовъ и барышниковъ, скупающихъ хлѣбъ и производящихъ искусственный голодъ; это требованіе было совершенно неисполнимо, потому что преступныя продѣлки существовали только въ воображеніи народа; но на этомъ дѣло не остановилось. Крестьяне взяли приступомъ городъ Десязъ, и требовали себѣ общаго пониженія арендной платы; всѣдъ за тѣмъ явилась идея, что арендную плату можно совершенно отменить; пролетаріи захотѣли сдѣлаться собственниками, и по волнующимся провинціямъ пробѣжала съ изумительною быстротою мысль объ поземельномъ законѣ, то есть, о такомъ раздѣлѣ полей, при которомъ уничтожились бы, какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и колоссальная поземельная собственность. Аграрный законъ составляетъ краеугольный камень всякой коммунистической системы; это любимый конекъ всѣхъ коммунистовъ со временъ Ликурга, а пожалуй, и раньше. Каждый разъ, когда въ теченіи вѣковъ, произносились серьезно эти два слова: «аграрный законъ,» — они

дѣлались сигналомъ самой неумолимой борьбы между достаточными гражданами и оборванною сволочью, между правами собственности и посягательствами коммунизма, между правитвою и заразительною утопиею. До сихъ поръ, побѣда постоянно оставалась на сторонѣ историческаго права; такъ точно случилось и въ 1790 году. Въ національномъ собраніи партія коммунистовъ почти не существовала; напротивъ того, собственники пользовались въ немъ всецѣльнымъ вліяніемъ; поэтому, тенденціи сельскихъ пролетаріевъ произвели въ собраніи величайшій ужасъ и возбудили противъ себя сильнѣйшее отвращеніе. Рѣшено было всякія подобныя тенденціи подавлять вооруженною силою, и всякую мысль объ аграрномъ законѣ считать возмутительнымъ преступленіемъ. Національная гвардія съ удвоенною энергіею стала дѣйствовать противъ самородныхъ коммунистовъ, и къ зимѣ 1790 года, движеніе пролетаріевъ противъ собственности совершенно утратило свой грозный характеръ, и опять раздробилось на разъединенные и отрывочные акты народной расправы съ амбарами, булочными и такъ называемыми барышниками. Но, всякій разъ, какъ собраніе начинало рассуждать о необходимости строгихъ мѣръ,—адвокатъ Робеспьеръ изъ Арраса вставалъ съ своего мѣста, отправлялся на трибуну, и начиналъ говорить; краснорѣчіе этого оратора не поражало слушателей; тема его рѣчей въ подобныхъ случаяхъ была постоянно одна и таже; но именно это однообразіе составляло силу этого человѣка, и постепенно, неизгладимыми чертами, врѣзывало его образъ и весь строй его идей въ умъ тѣхъ слушателей, которые толпились на галлерейхъ. Робеспьеръ постоянно говорилъ о страданіяхъ народа, постоянно выводилъ изъ этихъ страданій всѣ безпорядки и постоянно, всѣми силами, сопротивлялся приложенію строгихъ мѣръ. Ему рѣдко удавалось доставить своему мнѣнію побѣду въ собраніи, но народъ твердо помнилъ имя, наружность и идеи своего неумоимаго защитника. Въ собраніи Робеспьеръ оставался дюжиннымъ ораторомъ, но въ Парижѣ и во Франціи онъ былъ уже сильнымъ человѣкомъ. Въ характерѣ своихъ рѣчей, Робеспьеръ примѣнялся къ требованіямъ обстоятельствъ и къ понятіямъ своихъ товарищей—депутатовъ, на которыхъ онъ старался дѣйствовать; ни республиканскихъ, ни коммунистическихъ идей не встрѣчалось въ его разсужденіяхъ; единственнымъ основнымъ мотивомъ, изъ котораго выводились всѣ варіаціи, было для Робеспьера уваженіе къ народу, сочувствіе къ его страданіямъ, стремленіе возвысить его благосостояніе кроткими и гуманными распоряже-

ніями. Такія тенденціи не могли никого озадачить въ національномъ собраніи, а между тѣмъ, когда другіе депутаты говорили о необузданномъ своеволіи крестьянъ, о ихъ жестокой дикости и необходимости дѣйствовать противъ нихъ штыками національной гвардіи, тогда практическое различіе между рѣчами Робеспьера и произведеніями другихъ ораторовъ обозначалось очень явственно, и народъ въ Парижѣ и въ департаментахъ, вѣроятно по извѣстной уже намъ простотѣ своей, находилъ, что одинъ Робеспьеръ говоритъ настоящее дѣло. Другой любимецъ французскаго пролетаріата, Мара не умѣлъ или не хотѣлъ держаться осторожной и выжидательной политики Робеспьера; пренебрегая всякими приличіями, отбрасывая въ сторону всякую дипломатическую мягкость выраженій, Мара неутомимо проповѣдывалъ въ своей газетѣ: «Ami du peuple» истребительную войну немущихъ гражданъ противъ аристократовъ, противъ купцовъ, противъ богачей, противъ собственниковъ, противъ національной гвардіи, противъ учредительнаго собранія, противъ всѣхъ и противъ всего, кто и что отдѣляло пролетаріевъ отъ верховной власти въ государствѣ, и отъ полнаго наслажденія благами жизни. Мара не смущался даже тою мыслью, что пролетаріи, быть можетъ, не останутся побѣдителями въ этой борьбѣ со всѣми властями и высшими классами общества; Мара не хотѣлъ и не могъ сообразить, что на сторонѣ высшихъ классовъ находится, въ данную минуту, несомнѣнный перевѣсъ вооруженія и организаціи; онъ не хотѣлъ понять, что собственникъ будетъ сражаться за свою собственность съ мужествомъ отчаянія. Былъ ли Мара въ полномъ умѣ, или страдалъ онъ разстройствомъ мозга, это такой вопросъ, который можетъ быть очень интересенъ для специалиста по части душевныхъ болѣзней; я замѣчу только, что его пламенный протестъ не отразимо увлекалъ толпу. Масса пошла за людьми, подобными Мара и Робеспьеру; прежніе кумиры, Балль, Лафайетъ, Мирабо, стали казаться массѣ измѣнниками и врагами; тѣ классы общества, которые группировались вокругъ этихъ бывшихъ кумировъ, стали также считаться притѣснителями народа, и прямыми преемниками уничтоженныхъ аристократовъ. Между буржуазією и низшими слоями народа произошелъ окончательный разрывъ, который продолжается до сихъ поръ, и котораго послѣдствія далеко еще неисчерпаны событіями нашей эпохи. Этотъ разрывъ обнаружился въ самомъ Парижѣ тотчасъ послѣ побѣды третьяго сословія, послѣ взятія Бастиліи и послѣ сформирова-

нія національной гвардіи. Буржуазія хотѣла водворить порядокъ, а народъ хотѣлъ продолжать беспорядки; буржуазія хотѣла охранять собственность, а народъ, которому нечего болѣе охранять, хотѣлъ завоевать собственность; на сторонѣ буржуазіи находились всѣ протѣкія добродѣтели человѣка и гражданина; на сторонѣ народа—всѣ буйные пороки голодной собаки и отверженнаго каторжника. Все это прекрасно! Честь и слава буржуазіи, штыки и позоръ народу! Но, именно потому, что буржуазія сіяла красотою и честностью, а народъ поражалъ зрѣніе безобразіемъ и гнусностью,—и именно потому, между пародомъ и буржуазіею не могло быть ни союза, ни примиренія. Борьба между ними была такъ же неизбѣжна, какъ борьба между свѣтомъ и тьмою, между Ормуздомъ и Ариманомъ. Парижане давно поняли это, но провинціалы, которымъ всегда суждено получать и носить парижскіе моды годомъ позднѣе, сообразили это обстоятельство только во время крестьянскихъ волненій 1790 года. Тутъ, дѣйствительно, мудрено было не сообразить. Единственная вооруженная сила, которую встрѣчали сельскіе пролетаріи, называлась національною гвардіею, и состояла изъ горожанъ, обязавшихся защищать конституцію, и охранять тишину и спокойствіе. При каждой встрѣчѣ національной гвардіи съ крестьянами, штыкъ національнаго гвардейца попадалъ крестьянину либо въ животъ, либо въ грудь, и такъ какъ эти опыты въ теченіи лѣта 1790 года происходились: во многихъ мѣстностяхъ Франціи, чуть ли не каждый день, то самая упорная вѣра въ единодушіе французской націи должна была наконецъ поколебаться, совершенно независимо отъ декламации демократическихъ ораторовъ и отъ газетныхъ статей демократическихъ журналовъ. Каждая старуха и каждый ребенокъ увидѣли и поняли наконецъ, что люди, хорошо одѣтые и хорошо вооруженные, враждуютъ съ оборванною сволочью, вооруженною разнымъ дреколемъ; и враждуютъ эти двѣ партіи не въ одномъ мѣстѣ, и не при какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ, а враждуютъ вездѣ, и при каждой встрѣчѣ; стало быть, одни хотятъ такъ, а другіе совсѣмъ иначе; чтобы дойти до такого заключенія, надо было только видѣть и слышать то, что дѣлалось въ каждомъ городкѣ и въ каждомъ селеніи тогдашней Франціи; можно было не слышать ни одной рѣчи Робеспьера, и не читать ни одной статьи Мара, и все-таки понимать, что буржуазія и пролетаріатъ не ладятъ между собою, и то прищипаніе между ними совершенно не въ порядкѣ вещей. Про-

явленіе этого рѣшительнаго разлада между приличными гражданами съ одной и людьми безъ пантолопъ съ другой стороны, составляетъ самый важный, и можетъ быть, единственный важный результатъ крестьянскихъ волненій 1790 года. Аграрный законъ, конечно, остался неосуществленною мечтою сельскихъ пролетаріевъ; но за то ненависть къ буржуазіи, таившаяся до сихъ поръ въ парижскихъ предместьяхъ, разлилась по всѣмъ департаментамъ, и просочилась въ самый темный и грубый классъ пассивныхъ гражданъ. Эта ненависть положила широкое основаніе будущему господству санкюлотизма.

XVIII

Продажа церковныхъ имуществъ, которая, по соображеніямъ добродушныхъ законодателей, должна была уничтожить пролетаріатъ и осчастливить бывшихъ пролетаріевъ, начала обнаруживать свое вліяніе въ концѣ 1790 и въ началѣ 1791 года. Продажею завѣдывали мѣстные муниципалитеты, которымъ предоставлена была за хлопоты шестнадцатая доля выручки; продавать велѣно было мелкими кусками; формальная сторона дѣлопроизводства была упрощена до послѣдней возможности; задатки были назначены самые умѣренныя, остальная часть суммы рассрочивалась на долгіе срѣки; уплата принималась не только звонкою монетою и ассигнаціями, но и разными другими государственными бумагами. Словомъ, были приняты всѣ мѣры для того, чтобы привлечь покупателей, и сдѣлать пріобрѣтеніе земель доступнымъ для простыхъ и бѣдныхъ людей. Покупателей, дѣйствительно, явилось очень много, такъ что, въ концѣ сентября 1791 года, цѣнность проданныхъ имуществъ доходила уже до 964 милліоновъ. Общій результатъ былъ утѣшительный, и подробности отличались также самою пріятною наружностью, потому что покупателями являлись, болѣею частью, крестьяне, которые, пріобрѣтая себѣ недвижимую собственность, навсегда должны были разстаться съ гибельными тенденціями, свойственными пролетарію и самородному коммунисту. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать. Но здѣсь случилось то, что случается почти вездѣ и почти всегда. Вся выгода операціи досталась не государству, и не трудящемуся классу гражданъ, а разнымъ крупнымъ и мелкимъ афферистамъ и спекуляторамъ. Спекулировать въ тогдашней Франціи было, конечно, все равно, что курить сига-

ру, сидя на раскрытой бочкѣ пороха; взрывъ народныхъ страстей могъ ежеминутно разнести въ дребезги всякую спекуляцію и стереть въ порошокъ самого спекулятора; каждая спекуляція могла наказаться подозрительною какою нибудь группѣ патриотовъ, и тогда никто не могъ бы поручиться за безопасность предприимчиваго гражданина; но такъ какъ неразборчивый гнѣвъ патриотовъ поражалъ одинаково часто и одинаково сильно и честныхъ людей, и безсовѣстныхъ мошенниковъ, то для человѣка, любящаго пускаться въ рискованныя и не совѣсьмъ чистыя предпріятія, не было побудительныхъ причинъ обуздывать свои размашистыя наклонности. А если оставить въ сторонѣ опасность, которая, впрочемъ, была одинаково сильна для спекуляторовъ и для неспекуляторовъ, то, конечно, придется сознаться, что тогдашняя Франція представляла необъятно широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ проявленій финансовой гениальности со стороны отдѣльныхъ гражданъ. Политическое и социальное броженіе, колеблющійся курсъ ассигнацій, продажа огромной массы имуществъ, неопытность огромнаго количества крестьянъ, стремившихся къ быстрому обогащенію, безсиліе судебной власти, равнодушіе общественнаго мнѣнія къ гражданскимъ и коммерческимъ процессамъ, и вообще ко всему, что не входило въ сферу животрепещущихъ политическихъ вопросовъ—все это, вмѣстѣ со многими другими мѣстными и временными условіями, создавало въ тогдашней Франціи такой океанъ мутной воды, въ которомъ каждый опытный и смѣлый рыбакъ могъ наловить себѣ процасть крупной и мелкой рыбы. Продажа церковныхъ имуществъ недала поводъ къ устройству очень простаго рыболовнаго снаряда, который, не смотря на свою простоту, дѣйствовалъ въ этихъ департаментахъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Рыбакъ, или иначе, спекуляторъ давалъ подставному лицу изъ крестьянъ небольшую сумму денегъ; подставное лицо это являлось на торги, покупало на свое имя участокъ земли, и отдавало врученную ему сумму въ задатокъ; тогда спекуляторъ въ купленномъ имѣніи начиналъ хозяйничать не своему; лѣсъ вырубался, строенія продавались на сломъ, и вообще изъ имѣнія выжималось на скорую руку возможно большее количество денегъ; данный задатокъ, конечно, возвращался въ карманъ спекулятора съ тройною или четверною прибылью; затѣмъ, никто не думалъ о томъ, чтобы вносить въ положенные сроки остальныя доли купленной суммы; когда всѣ сроки бы-

ли такимъ образомъ пронужены, тогда муниципалитеты, конечно, объявляли продажу недействительною, и отбирали имѣнія у несостоятельныхъ покупателей, но въ это время дѣло было уже сдѣлано, и пойманная рыба находилась въ полной сохранности. Государство получало обратно только то, что спекуляторъ не могъ упустить въ своемъ бумажникѣ; прежнее число гектаровъ оставалось на мѣстѣ, но въ какомъ положеніи были эти гектары, объ этомъ уже лучше было и не спрашивать; имѣніе было превращено въ пустыню, и едва стоило половины прежней своей цѣны; отвѣтственнымъ лицомъ за произведенное опустошеніе оказывался безграмотный и нищій крестьянинъ, съ котораго нечего было взять, а настоящій рыбоводъ со всею собранною добычею былъ въ это время уже далеко, и прилагалъ свои капиталы и свое искусство къ какому нибудь другому общепольному предпріятію. Кромѣ такихъ подвиговъ чистаго мошенничества, во время продажи церковныхъ имуществъ совершались многія другія спекуляціи гораздо болѣе извѣстныя, возникавшія единственно потому, что финансовая предпримчивость носилась въ воздухѣ эпохи. Обильный поводъ къ разнообразнѣйшимъ биржевымъ фокусамъ и продѣлкамъ подавали ассигнаціи, которыя правительство обязалось принимать въ уплату за продаваемые имущества, наравнѣ съ звонкою монетою. Тогдашнія ассигнаціи, какъ извѣстно, не имѣли обязательнаго курса; ихъ принимало по нарицательной цѣнѣ только правительство, связанное своими обѣщаніями; при всѣхъ сдѣлкахъ между частными людьми, ассигнаціи всегда стояли ниже звонкой монеты, и курсъ ихъ колебался, сообразно съ биржевыми извѣстіями, и смотря по общей физиономіи политическихъ обстоятельствъ. При каждомъ новомъ выпускѣ, ассигнаціи падали въ цѣнѣ; такое же пониженіе происходило при каждомъ слухѣ о войнѣ, о реакціи, о грозныхъ замыслахъ эмигрантовъ, и вообще при каждомъ вѣрномъ или выдуманномъ извѣстіи о такомъ событіи, которое, угрожая всему дѣлу революціи, могло превратить всѣ ассигнаціи революціоннаго правительства въ негодные и бессмысленные лоскутки бумаги. Каждое чувствительное пониженіе въ курсѣ ассигнацій было жестокимъ и разорительнымъ ударомъ для государственнаго казначейства; при каждомъ такомъ положеніи оно теряло милліоны; вознаградить эту потерю можно было только новымъ выпускомъ ассигнацій, а новый выпускъ неизбѣжно велъ за собою новое пониженіе, новую потерю, опять новый выпускъ, и т. д. до безконечности, въ родѣ того, какъ въ

периодической дробн первая цифра періода неизбежно ведет за собою все остальные. Искреннимъ друзьямъ революціи слѣдовало желать, чтобы ассигнаціи возвышались въ цѣнѣ, и сравнились бы наконецъ съ звонкою монетою, потому что только при этомъ условіи могли поправиться государственные финансы, составляющіе важнѣйшую опору возникшаго общественнаго зданія. Но, послѣ продажи церковныхъ имуществъ, оказалось, что у многихъ искреннихъ друзей революціи частный экономическій интересъ совершенно расходится съ общими политическими, и что, при этомъ расходѣ между интересами, близорукое стремленіе къ личной выгодѣ одерживаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ дальновидною политическою тенденціею. Покупатели церковныхъ имуществъ, изъ чувства личнаго самосохраненія, должны были всеми силами защищать дѣло революціи, потому что всякая реакція непремѣнно возстановила бы старое устройство церкви, отобрала бы назадъ все проданныя помѣстья, и, быть можетъ, уничтожая совершившуюся продажу, не возвратила бы даже покупателямъ заплаченныхъ денегъ на томъ основаніи, что покупать церковныя земли свойственно только нечестивымъ негодяямъ, которые должны быть наказаны за свою революціонную безправственность. Это вѣроятіе не было упущено изъ вида покупателями, которые вообще ожидали отъ всякой реакціи еще гораздо больше ужасовъ и нелѣпостей, чѣмъ сколько она могла натворить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, не только все симпатія покупателей были на сторонѣ революціи, но даже и правильное пониманіе собственныхъ выгодъ обязывало ихъ поддерживать горячо и добросовѣстно общее дѣло всего французскаго народа. Они были искренними друзьями революціи, по, подобно многимъ искреннимъ друзьямъ, они при случаѣ, по простотѣ или по практической сметливости, были во все не прочь попользоваться на счетъ возлюбленнаго друга, и съ большимъ удовольствіемъ наносили громадные убытки государственнымъ финансамъ, чтобы увеличить свое частное благосостояніе копѣечною поживою. Такъ какъ правительство принимало въ уплату ассигнаціи по нарицательной цѣнѣ, то покупателю имуществъ было очень выгодно, чтобы ассигнаціи понижались; при пониженіи курса, покупатель имуществъ могъ приобрести ассигнаціи дешево, отдать ихъ правительству не по своей цѣнѣ, а по нарицательной, получить такимъ образомъ приличный барышъ, и оставить за собой имѣніе за половинную цѣну. Но покупателей было очень много; желанія ихъ все влонились въ тому, чтобы понизить курсъ ассигнацій; въ числѣ по-

купателей были такіе ловкіе люди, которые, не ограничиваясь одними желаніями, умѣли и старались дѣйствовать въ этомъ направленіи; усилія однихъ и желанія другихъ оказывали чувствительное давленіе на общественное мнѣніе, и ассигнаціи падали, и казначейство теряло милліоны, и тревога распространялась въ обществѣ, и биржевая игра окончательно сбивала съ толку все населеніе французскаго королевства, начиная отъ банкира, властвующаго на биржѣ, и кончая сельскимъ пролетаріемъ, для котораго удачная спекуляція воплощалась въ лишней луковицѣ, прибавленной къ обѣду. При такомъ положеніи дѣлъ, продажа церковныхъ имуществъ не могла принести чувствительной пользы классу безземельныхъ крестьянъ. Эти люди, привыкшіе смотрѣть на поземельную собственность какъ на магическій талисманъ, открывающій доступъ ко всѣмъ благамъ и наслажденіямъ жизни, стали напрягать всѣ усилія, чтобы приобрести себѣ при продажѣ уголокъ земли. Уступая ихъ пламеннымъ желаніямъ, муниципалитеты крошили помѣстья на мельчайшіе участки, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что такая мелочная продажа давала въ общей суммѣ самыя значительныя выгоды, далеко превышающія тотъ результатъ, котораго можно было бы ожидать отъ продажи гуртомъ. Крестьяне были также въ восторгѣ, и, стремясь къ великому званію собственниковъ, обирали себи до послѣдней нитки, чтобы внести требуемый задатокъ. А потомъ? Потомъ крестьянинъ оказывался самъ другъ съ землею, безъ орудій, безъ рабочаго скота, безъ денегъ, и даже иногда безъ хозяйственныхъ построекъ, потому что муниципалитеты крошили участки безъ милосердія, и въ одни руки продавали усадьбу съ огородомъ, а въ другія кусокъ полерой земли. Могло-ли изъ всего этого произойти въ ближайшемъ будущемъ какое нибудь дѣйствительное улучшеніе въ матеріальномъ благосостояніи французскихъ поселянъ? Не обладая особою дальновидностью, можно было предвидѣть и предсказать заранее, что пролетаріи, ухлопавшіе свою послѣднюю копѣйку на уплату задатка, не получаютъ отъ своей возлюбленной собственности никакого удовольствія, и ни за что не приобретутъ въ ближайшемъ будущемъ тѣхъ утонченныхъ инстинктовъ консерватизма, которыми кроткій собственникъ отличается отъ буйнаго коммуниста. Надежды національнаго собранія на продажу церковныхъ имуществъ, какъ на средство поправить финансы и умиротворить безземельныхъ крестьянъ, не осуществились; желаніе остановить революціонное движеніе оказалось не исполни-

мымъ; стремленіе успокоить народъ и утвердить на прочныхъ основаніяхъ господство буржуазнаго либерализма находилось въ явномъ противорѣчій съ матеріальнымъ положеніемъ и съ умственнымъ настроеніемъ народныхъ массъ. Единственную силу буржуазной политики составляли штыки національной гвардіи и рѣчи ораторовъ, говорившихъ въ національномъ собраніи. Рѣчи были убѣдительны, а штыки были еще убѣдительнѣе; но съ одной стороны, у эмигрантовъ и у католиковъ, а съ другой стороны, у якобинцевъ и у пролетаріевъ не было тоже недостатка ни въ рѣчахъ, ни въ оружіи. Если мы вспомнимъ, что перевѣсъ числа и отчаянной энергіи былъ на сторонѣ пролетаріата, то намъ не трудно будетъ сообразить, кому изъ трехъ партій принадлежало ближайшее будущее.

XIX.

Со времени взятія Бастиліи, городское управленіе Парижа находилось въ рукахъ революціонныхъ властей, установившихся въ день восстанія; законодательный законъ о городскомъ управленіи состоялся лѣтомъ 1790 года, и обсужденіе этого закона въ національномъ собраніи подало поводъ къ горячимъ столкновеніямъ между двумя главными лагерями политиковъ. Либералы изъ буржуазіи хотѣли, чтобы исполнительная власть принадлежала меру и его комитету, а законодательныя распоряженія и контроль были раздѣлены между большимъ и малымъ совѣтомъ. Собранія городскихъ кварталовъ или секцій должны были собираться только на время выборовъ, чтобы назначить мера и членовъ обоихъ совѣтовъ. Чистымъ демократамъ это не понравилось: они хотѣли, чтобы собранія секцій засѣдали постоянно, чтобы эти собранія обсуждали каждый день текущіе вопросы, и чтобы меръ приводилъ въ исполненіе приказанія, отданныя въ секціяхъ большинствомъ голосовъ. Нетрудно понять, какіе послѣдствія должны были выдти изъ такого устройства: въ постоянныхъ собраніяхъ секцій могли бы участвовать только тѣ граждане, которые дѣлали изъ текущей политики занятіе всей своей жизни; кто имѣлъ хозяйство, свои торговые дѣла, свою промышленность, тотъ не могъ просиживать въ секціяхъ цѣлые дни, и повторять эти засѣданія каждый день. Такимъ образомъ, предводителями и главными членами секціонныхъ собраній должны были сдѣлаться самые загла-

тые агитаторы, для которыхъ революція только-что начиналась, и которые считали измѣнникомъ каждаго гражданина, способнаго утониться тревогами общественной дѣятельности. Планъ чистыхъ демократовъ не могъ послужить основаніемъ для прочнаго и постояннаго устройства городского управленія; было бы неумно устроить управленіе такъ, чтобы въ немъ не могли принимать участія полезные и трудящіеся граждане, которые по всѣмъ вопросамъ городского благосостоянія были заинтересованы гораздо сильнѣе, и были гораздо болѣе компетентными судьями, чѣмъ политическіе ораторы всевозможныхъ цѣтовъ и оттѣнковъ. Демократы понимали это не хуже своихъ противниковъ, и именно потому-то они и настаивали на прижненіи своего плана, что видѣли его непрочность. Самое существенное различіе между ушренними либералами и чистыми демократами заключалось, въ то время, именно въ томъ, что первые хотѣли *уже* строить и утверждать прочный порядокъ, а вторые хотѣли *еще* разрушать, и покуда увеличивать беспорядокъ. Слѣшно было бы предположить въ чистыхъ демократахъ безпричинную любовь къ беспорядку ради самаго беспорядка; они тоже хотѣли въ будущемъ и спокойствія, и тишины, и личной безопасности, и порядка, но они думали, что всѣ эти прекрасныя вещи будутъ дѣйствительно прекрасны для всѣхъ французскихъ гражданъ только тогда, когда не только государство, но и общество будетъ сначала разобрано по кусочкамъ, до самаго основанія, а потомъ опять сложено по совершенно новому рисунку. Трудно сказать, чтобы для кого нибудь изъ тогдашнихъ демократовъ этотъ новый рисунокъ былъ ясенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; они не знали хорошенько, къ чему именно они придутъ, но они безгранично вѣрили въ народъ, и надѣялись, что его живыя силы выработаютъ что нибудь превосходное, если только силы эти будутъ взволнованы во всей своей глубинѣ, и если броженіе, необходимое для этого народнаго творчества, будетъ постоянно поддерживаться въ полномъ своемъ могуществѣ. Но если народъ обнаруживалъ какія нибудь консервативныя наклонности или реставраціонныя стремленія, тогда демократы смѣло противодействовали народу, говорили съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ сбивается съ дороги, и объясняли себѣ это заблужденіе народа именно тѣмъ, что силы его еще не довольно глубоко взволнованы, и что броженіе начинаетъ ослабѣвать, вслѣдствіе преступныхъ происшествій двора, аристократіи, собранія, буржуазіи, клерикаловъ или какихъ нибудь другихъ

ирѣшниковъ и оскорбителей народной святыни. Значить, демократамъ въ тогдашнее время надо было во всякомъ случаѣ усиливать броженіе, и особенно всѣми мѣрами противоудѣйствовать всякой попыткѣ прочной организаціи. Добиваясь постоянныхъ собраній въ парижскихъ секціяхъ, демократы, конечно, заботились не о томъ, чтобы произвести какія нибудь улучшенія въ городскомъ хозяйствѣ; имъ до городского хозяйства не было рѣшительно никакого дѣла; они хотѣли только имѣть въ секціонныхъ собраніяхъ надежное орудіе, которымъ, въ случаѣ надобности, можно было въ нѣсколько часовъ взволновать весь Парижъ, и, слѣдовательно, произвести переворотъ въ цѣлой Франціи. Предводители буржуазіи хорошо понимали, къ чему клонилось дѣло, и разумѣется, употребилъ всѣ усилія, чтобы не дать демократамъ этого орудія, и чтобы сдѣлать всякій дальнѣйшій переворотъ совершенно невозможнымъ. За постоянныя засѣданія секцій стоялъ въ національномъ собраніи Робеспьеръ; въ городѣ агитировалъ въ томъ же направленіи Дантонъ, пользовавшійся уже сильнымъ вліяніемъ въ клубѣ кордельеровъ, въ которомъ засѣдали самыя крайніе якобинцы. Мара, по своему обыкновенію, разсыпалъ по этому поводу въ своей газетѣ проклятія и угрозы. Но и между демократами начали обнаруживаться несогласія. Бриссо, бывшій въ то время членомъ общиннаго совѣта, и сдѣлавшійся впоследствии однимъ изъ предводителей жиронды, сталъ говорить и писать противъ постоянныхъ засѣданій секцій. Это перессорило его съ чистыми демократами, и, съ тѣхъ поръ, демократы рѣшительно перестали считать его своимъ союзникомъ. На этотъ разъ буржуазія одержала полную побѣду, потому что въ національномъ собраніи демократическая партія была очень слаба, а въ городѣ агитаторы еще не успѣли придать своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ единство организаціи, необходимое для успѣха насильственнаго переворота. Городское управленіе было расположено по плану либераловъ *), и постоянныя засѣданія въ секціяхъ были устранены. Выборы городскихъ властей также доставляли полное торжество либераламъ: Балли былъ снова избранъ меромъ, а Лафайель начальникомъ на-

*) Слово *либералъ* въ концѣ прошлаго столѣтія не было употребительно но я позволяю себѣ называть такимъ образомъ политиковъ буржуазіи, чтобы отличать ихъ отъ якобинцевъ, кордельеровъ и другихъ предводителей пролетаріата, которыхъ я буду называть *демократами*.

ціональной гвардіи; но популярность того и другого клонилась къ упадку по мѣрѣ того, какъ низшіе классы столичнаго населенія отдѣлялись отъ буржуазіи, и начинали смотрѣть съ недовѣріемъ и ненавистью на красивые мундиры и блестящіе штывы національных гвардейцевъ. Въ Парижѣ движеніе народныхъ умовъ противъ богатства и собственности было чрезвычайно сильно, такъ что окончательный разрывъ между національною гвардіею и пролетаріатомъ былъ неизбеженъ и недалекъ. На это было много мѣстныхъ причинъ. При старой монархіи, Парижъ, какъ мѣстопребываніе богатаго и расточительнаго двора, кормилъ свое промышленное населеніе почти исключительно тою работою, которую задавало ему удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ капризовъ и фантазій аристократической роскоши. Парижъ былъ переполненъ такими ремесленниками, которые работали и могли работать только для богатыхъ господъ, потому что среднему сословію, и тѣмъ болѣе простому народу, чудеса ихъ технического искусства были, во-первыхъ, не доступны по цѣнѣ, а во-вторыхъ, совершенно бесполезны. Когда аристократы потянулись за границу, и когда капиталисты, напуганные уличнымъ шумомъ, стали съжиматься, прятать деньги въ иностранныя банки, и, во избѣжаніе грѣха, умѣрять свою обыденную роскошь, тогда тысячи рафинированныхъ ремесленниковъ остались безъ работы, и тогда послышался въ Парижѣ плачь и свержеть зубовъ, который не остался безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій. По здоровой экономической теоріи слѣдуетъ, конечно, считать благотвѣльною такую перемѣну, которая насильно перебрасываетъ тысячи людей изъ бесполезныхъ отраслей производства въ полезныя, но при этомъ надо помнить, что въ дѣйствительной жизни никакія благотвѣльныя перемѣны не обходятся даромъ, и не совершаются въ одно мгновеніе ока, безъ ломки, безъ борьбы, и безъ индивидуальныхъ страданій. Франція несомнѣнно осталась бы въ барышахъ, если бы всѣ парикмахеры, украшавшіе въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ очаровательныя головы графовъ и графинь, маркизовъ и маркизъ, во все это время пахали бы землю или вырывали бы каналы для осушенія болотъ или для орошенія полей; но когда сотни парикмахеровъ остались безъ работы, тогда ихъ довольно мудро было вернуть къ земледѣлію; прошу покорно приучить къ сохѣ и къ заступу, и къ тогдашней деревенской жизни такого артиста *en cheville*, у котораго были совершенно дворянскія руки, совершенно утончен-

ныя манеры, и совершенно эпикурейскія привычки. Всякая аристократія, родовая или денежная, всегда создаетъ вокругъ себя и подъ собою очень многочисленный классъ паразитовъ. Къ числу такихъ паразитовъ надо причислить не только приживальцевъ и нахлѣбниковъ, не только лакеевъ, но и тѣхъ ремесленниковъ, которые живутъ по милости барскихъ прихотей, — и тѣхъ художниковъ, которыхъ произведенія сбываются въ барскія гостиныя и галлерей, — и тѣхъ сочинителей стиховъ и прозы, которыхъ читаютъ, хвалятъ и кормятъ богатые и вельможные меценаты. Всѣ эти люди, цѣною самыхъ незначительныхъ усилій, добываютъ себѣ такія удобства жизни, которыя навсегда остаются недоступными крестьянину и фабричному работнику. Всѣ эти люди питаются подачками аристократовъ, и въ тоже время обыкновенно ненавидятъ аристократію. Старая французская аристократія въ отношеніи къ паразитамъ вела себя вполне исправно: во первыхъ, размножила ихъ цѣлые легионы, а во вторыхъ, всѣмъ имъ внушила къ себѣ чувство глубочайшей ненависти. Вышло то, что паразиты съ величайшимъ усердіемъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ стали рубить тотъ сукъ, на которомъ сами сидѣли; съ самаго начала революціи, паразиты постоянно составляли главную силу уличной арміи, слѣдовавшей за агитаторами; парикмахеры участвовали во всѣхъ волненіяхъ; да и наконецъ, намъ не зачѣмъ называть отдѣльныя профессіи, потому что большая часть тогдашнихъ парижскихъ ремесленниковъ въ большей или меньшей степени могутъ быть отнесены къ разряду паразитовъ. Когда сукъ, надъ которымъ трудились паразиты, упалъ подъ ихъ ударами, тогда и сами паразиты, падая вмѣстѣ съ этимъ сукомъ, потерпѣли при своемъ паденіи болѣе или менѣе значительныя убытки. Оставляя въ сторонѣ метафоры, я могу сказать, что большая часть парижскихъ ремесленниковъ, послѣ паденія аристократіи и послѣ исчезновенія прежней роскоши, осталась безъ работы, то есть, безъ крова и безъ хлѣба. Въ Парижѣ вдругъ оказались десятки тысячъ нищихъ, о которыхъ въ прежнее время никто не имѣлъ понятія, потому что прежде революціи они и не были нищими. Они питались грѣхами старой монархіи; когда грѣхи эти исчезли, тогда для нихъ прекратились источники продовольствія, и революціи, здѣсь, какъ и вездѣ, пришлось расплачиваться за старыя шалости, въ которыхъ она, революція, была совершенно неповинна. Начало революціи оставило этихъ людей безъ хлѣба; теперь имъ хотѣлось, и имъ было необходимо продолжать революцію, что-

бы, такъ или иначе, добыть себѣ и хлѣба, и денегъ, и власти, и всякихъ другихъ удовольствій, которыхъ жаждетъ натура всякаго человѣка вообще, и впечатлительнаго француза въ особенности. Отказаться отъ продолженія революціи эти обнищавшіе паразиты не хотѣли и не могли ни подъ какимъ видомъ; но такъ какъ каждый намекъ о продолженіи революціи для властвующей и богатой буржуазіи былъ личнымъ оскорбленіемъ и прямою угрозою, то городскія власти и національное собраніе истощили все свое административное и законодательное искусство, чтобы сдѣлать это неприятное продолженіе невозможнымъ и бесполезнымъ. Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, принимавшихся собраніемъ и городскими властями, занимаетъ особенно видное мѣсто кормленіе пролетаріевъ, производившееся въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ общественныхъ мастерскихъ, заведенныхъ единственно для того, чтобы подъ приличнымъ предлогомъ давать пролетаріямъ деньги на покупку хлѣба, государство платило ежедневно каждому работнику по 20 су, за какія-то земляныя работы, въ которыхъ никто не нуждался. Число работниковъ, посѣщавшихъ эти мастерскія, постоянно доходило до 12,000, и понизить эту цифру не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что надзоръ за работами былъ чисто-формальный, и что пролетарію представлялось, такимъ образомъ, привлекательная возможность получать, за совершенное бездѣйствіе, высшую поденную плату тогдашняго французскаго работника. Хорошо еще, если бы бездѣйствіе пролетарія было дѣйствительно прочно и надежно; за это бездѣйствіе правительство съ удовольствіемъ соглашалось платить ежедневно по 20 су на человѣка; но лукавый пролетарій на эту штуку не поддавался; сегодня онъ смиренно получалъ свою плату въ общественной мастерской, а на другой день онъ, по условленному сигналу, выходилъ на улицу, и кричалъ, и махалъ пякою, и дѣлалъ всякое безобразіе, и готовъ былъ чувствительнѣйшимъ образомъ огорчить то самое правительство, которое, на свою бѣду, кормило его даровымъ хлѣбомъ во время антрактовъ между отдѣльными сценами длинной революціонной трагедіи. — Пролетарій очень хорошо понималъ, почему его такъ заботливо лелѣетъ правительство; о благодарности съ его стороны не было и рѣчи; онъ принималъ даровой хлѣбъ за неимѣніемъ лучшаго, и пользовался имъ только въ ожиданіи тѣхъ будущихъ благъ, которыя должно было принести ему неизбежное продолженіе начавшейся революціи. А правительство,

ду тѣмъ, кромѣ расходовъ на мастерскія, тратило еще миллионы на огромныя закупки зерноваго хлѣба, который потомъ, въ видѣ муки, продавался булочникамъ за половинную цѣну, для того, чтобы парижане не гнѣвались на дороговизну продовольствія. Къ концу 1790 года оказалось, что на закупки хлѣба для Парижа истрачено 75 миллионѣвъ, а если вычислить всѣ суммы, которыя израсходовало государство для поддержанія спокойствія въ столицѣ, въ первые двадцать мѣсяцевъ революціи, то получится въ итогѣ болѣе 100 миллионѣвъ. Эти 100 миллионѣвъ были съѣдены, и въ замѣнъ ихъ не было произведено ничего, и даже спокойствіе не было упрочено. Громадность и бесполезность этихъ издержекъ объясняется преимущественно тѣмъ, что Парижъ былъ биткомъ набитъ отставными паразитами, негодными ни на какую производительную работу. Вѣрность этого объясненія сдѣлается совершенно несомнѣнною, какъ только мы взглянемъ на общее состояніе французской промышленности въ первые годы революціи. Промышленность не только не находилась въ застоѣ, но она, напротивъ того, была приведена въ состояніе лихорадочнаго возбужденія. Это состояніе не могло быть продолжительнымъ, и должно было повести за собою промышленный кризисъ, но пока оно продолжалось, до тѣхъ поръ могли жаловаться на недостатокъ работы только парикмахеры и другіе, подобные имъ, артисты, созданныя барскими прихотями, и неспособные къ настоящему труду. Фабрики работали во всю силу, на всей французской территоріи, и едва успѣвали удовлетворять безчисленнымъ требованіямъ заказчиковъ; промышленныя предпріятія возникали сотнями, съ изумительною быстротою; строенія, машины, товары изготовлялись вновь и переходили изъ рукъ въ руки; промышленная горячка находилась въ полномъ развитіи, и существованіе этой горячки объясняется тремя главными причинами. *Во-первыхъ*, благодаря выпускамъ ассигнацій, рынокъ былъ переполненъ денежными знаками, и притомъ, такими знаками, къ которымъ никто не чувствовалъ безусловнаго довѣрія. У кого было въ рукахъ много бумажныхъ денегъ, тотъ старался, какъ можно скорѣе, спустить ихъ съ рукъ на какое нибудь предпріятіе, чтобы не потерпѣть убытка при пониженіи курса. Расчетъ былъ простой и вѣрный. Домъ, фабрика, партія товаровъ всегда сохраняютъ какую нибудь цѣнность, а ассигнаціи сегодня могутъ быть денежными знаками, а завтра — простыми лоскутками бумаги. При такихъ условіяхъ, очень осторожные люди

могли пускаться въ довольно рискованныя предпріятія, отъ которыхъ они навѣрное воздержались бы въ обыкновенное время. Рискъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинаково великъ въ обоихъ случаяхъ: если опасно было пустить капиталъ въ предпріятіе, то оставить его въ шкатулкѣ было также опасно; кромѣ того, самое рискованное предпріятіе все-таки, въ случаѣ успѣха, давало барышъ, а ужъ ассигнаціи, въ самомъ счастливомъ случаѣ, не могли дать ничего, кромѣ медленнаго пониженія. — *Во-вторыхъ*, при торговыхъ сношеніяхъ съ чужими краями, вексельный курсъ, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, былъ въ то время неблагопріятенъ для Франціи. Если, на примѣръ, французъ былъ долженъ англичанину 30 фунтовъ стерлинговъ, то при переводѣ денегъ па Лондонъ, французу приходилось платить въ Парижѣ не 740 франковъ, а 880. И на оборотъ, когда англичанину надо было заплатить своему парижскому кредитору 880 франковъ, то англичанинъ въ Лондонѣ вынималъ изъ своего бумажника 30 фунтовъ стерлинговъ, а не 34, какъ слѣдовало бы по паритетельной цѣнѣ, при равновѣсіи вексельнаго курса. Вслѣдствіе этого, иностраннымъ купцамъ выгодно было дѣлать французскимъ фабрикамъ большіе заказы, за которые имъ приходилось платить дешевле, чѣмъ сколько они заплатили бы у себя дома. И заказовъ, дѣйствительно, дѣлалось чрезвычайно много, такъ что фабриканты едва управлялись съ ними, но, разумѣется, такой приливъ работы могъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока не будетъ восстановлено равновѣсіе вексельнаго курса. *Въ-третьихъ*, ночное засѣданіе 4 августа 1789 года уничтожило цехи, и освободило такимъ образомъ ремесленный трудъ. Съ этого дня каждый французъ занимался, чѣмъ ему было угодно, не выпрашивая себѣ никакого позволенія у замкнутыхъ корпорацій, и не руководствуясь въ процессѣ своей работы ничѣмъ, кромѣ своего личнаго вкуса и требованій своихъ покупателей. Эта радикальная реформа въ области ремесленнаго производства особенно сильно содѣйствовала оживленію промышленности, и эта третья причина отличалась отъ двухъ первыхъ въ томъ отношеніи, что только отъ этой третьей причины можно было ожидать въ будущемъ прочныхъ и дѣйствительно благодѣтельныхъ результатовъ. Въ мартѣ 1791 года, національное собраніе закрѣпило дѣло 4 августа положительнымъ закономъ, по которому каждому французу предоставлялось право заниматься любымъ ремесломъ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно платилъ государству опре-

дѣленную подать за патентъ. По поводу этого закона, Мара съ горькою укоризною замѣтилъ въ своей газетѣ, что свободная конкуренція поведетъ за собою промышленную анархію, систематическое плутовство и всеобщее разореніе. Предсказанія эти не сбылись во всемъ своемъ объемѣ, потому что уничтоженіе цеховъ было, во всякомъ случаѣ, значительнымъ шагомъ впередъ, но темныя стороны свободной конкуренціи были дѣйствительно подмѣчены вѣрно, и надъ устраненіемъ этихъ темныхъ сторонъ до нашего времени безуспѣшно хлопотуть многіе передовые мыслители, которыхъ идеи долго еще будутъ стоять выше казеннаго уровня общественнаго пониманія. Свободная конкуренція вела за собою деспотическое господство капитала надъ трудомъ; это положеніе дѣлъ можно было назвать прогрессомъ, если сравнивать его съ прежнимъ господствомъ привилегій и монополій, но участь работниковъ все-таки осталась очень тяжелою. Началась безконечная борьба между хозяевами и мастеровыми, по вопросамъ о числѣ рабочихъ часовъ и о задѣльной платѣ. Работники скоро поняли, что, дѣйствуя въ разсыпную, они всегда будутъ терпѣть пораженія отъ капиталистовъ, и никогда не выйдутъ изъ своей новой крѣпостной зависимости. Необходимость научила работниковъ составлять общества и товарищества для улучшенія своей участи. Прежде другихъ, составилось въ Парижѣ общество плотниковъ, принявшее названіе общества обязанностей. Важнѣйшею изъ обязанностей, лежавшихъ на этомъ обществѣ, была обязанность воздерживаться, по взаимному согласію отъ работы, для того, чтобы, прекращеніемъ работъ, склонять хозяина или подрядчика къ возвышенію задѣльной платы. Такимъ образомъ, парижскіе плотники подчинили правильной организаціи тѣ случайныя и разрозненныя явленія, которыя называются обыкновенно стачками рабочихъ, и часто сопровождаются, во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Европы, сценами административнаго произвола и военнаго насилія. Примѣру плотниковъ послѣдовали наборщики и печатники; число обществъ увеличилось; изъ Парижа они распространились по департаментамъ, и завели между собою правильную переписку, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать другъ друга, и дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ. Главная цѣль этихъ рабочихъ ассоціацій оставалась, однако, недостигнутою, потому что хозяева и подрядчики находили себѣ работниковъ на сторонѣ, изъ людей, не признававшихъ обязанностей, и соглашавшихся продавать свой трудъ за такую цѣну, которую общества рѣшили не принимать. Тогда ас-

соціаціи попробовали дѣйствовать на этихъ индѣпендентовъ сначала увѣщаніями, а потомъ угрозами; вѣроятно, дѣло дошло бы и до насилій, потому что членамъ ассоціацій было разумѣется очень общно видѣть, какъ всѣ ихъ старанія пропадаютъ даромъ, и какъ отдѣльные работники, измѣняя интересамъ всего своего сословія, доставляютъ побѣду капиталистамъ. Но тутъ вступилось національное собраніе, которое никакъ не могло допустить, чтобы безнравственные работники прижимали бѣдныхъ капиталистовъ; какъ только послышались со стороны рабочихъ ассоціацій первыя угрозы противъ постороннихъ работниковъ, ладившихъ съ хозяевами, такъ законодатели тотчасъ воспользовались этими угрозами, какъ превосходнымъ оружіемъ противъ самаго принципа рабочихъ ассоціацій. 14 іюня 1791 года, національное собраніе закономъ запретило всѣмъ работникамъ одного ремесла составлять между собою общества, заводить списки членовъ, устраивать кассы, и вообще предпринимать какія бы то ни было попытки организаціи. Все это запрещалось на томъ основаніи, что подобныя попытки клонятся къ возстановленію уничтоженныхъ цеховъ и къ стѣсненію промышленной дѣятельности. Здѣсь я еще разъ попрошу читателя вспомнить то, что, я говорилъ о деклараціи правъ человѣка и гражданина. Большинство почтенныхъ членовъ знаменитаго учредительнаго собранія, провозгласившаго на всю Францію «les grands principes de 1780», было самымъ надежнымъ образомъ застраховано противъ того разрушительнаго дѣйствія, которое добродушные нѣмецкіе историки стараются увидать въ параграфахъ деклараціи. Великіе законодатели Франціи были прежде всего представителями дворянства, духовенства, и особенно, особенно — буржуазіи. Обожая священные кошельки и бумажники этого послѣдняго, кроткаго и почтѣннаго сословія, члены собранія готовы были совершать, и дѣйствительно совершали во имя своихъ кумировъ высокіе и удивительные подвиги гражданской доблести и законодательнаго героизма. Они отдавали своихъ соотечественниковъ въ кабалу капиталистамъ, и съ полнымъ жаромъ убѣжденія говорили объ истинной свободѣ и о благоденствіи великой французской націи. Ваданное ли дѣло, чтобы такіе титаны законодательной мудрости и ораторской діалектики когда нибудь стали въ тупикъ надъ какимъ нибудь параграфомъ своего политическаго исповѣданія вѣры? Развѣ есть на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ такой параграфъ, черезъ который титанъ не сможетъ перешагнуть, — котораго діалектикъ не

ухитрится обойти, — о которомъ разогорченный патриотъ не съ умѣетъ искусно забыть, въ минуту своего горестнаго волненія? Къ тому же, параграфы декларации были написаны такъ давно, почти два года тому назадъ, и помѣщены во введеніи къ той конституціи, которая уже приближалась къ своему окончанію. Поставьте себя, мой читатель, на мѣсто французскихъ законодателей. Неужели вы, дочитывая какую нибудь книгу, помпите отъ слова до слова первую страницу? Когда вы пишете длинную статью, вы навѣрно забываете подъ конецъ тѣ обороты, и даже тѣ отдѣльныя мысли, которыя вы помѣстили въ самомъ началѣ. Отчего же и національному собранію было не забыть той первой страницы, которая возбудила во Французскомъ народѣ столько надеждъ и столько восторга? Национальное собраніе забыло, и этотъ фактъ забвенія послужилъ французскому народу полезнымъ и необходимымъ урокомъ житейской мудрости. Такіе уроки сильно подвигаютъ впередъ политическое воспитаніе неопытныхъ націй. Французы, въ 1789 году, вообразили себѣ, по своей политической незрѣлости, что они уже, въ самомъ дѣлѣ, *моды* и *граждане*, и что у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, есть какія-то естественныя и неотъемлемыя права. Теперь имъ и показали, что неотъемлемымъ называется только такое право, котораго нельзя отнять, а естественнымъ считается только то, чего нельзя запретить закономъ. Французы, какъ народъ незрѣлый, но догадливый, разсудили тогда по своему. Значить, подумали они, надо устроить такъ, чтобы нельзя было отнимать и запрещать. А если отнимаетъ и запрещаетъ національное собраніе, то оно дѣлается врагомъ націи, перестаетъ существовать. Дѣйствительно, этотъ процессъ мысли съ каждымъ днемъ глубже и глубже проникалъ въ массы и обрывалъ послѣднія нити, связывавшія національное собраніе и его возлюбленную буржуазію съ огромнымъ большинствомъ французской націи. Закономъ 14 іюня представители навлекли на себя ненависть всѣхъ производительныхъ работниковъ. Черезъ два дня, собраніе приказало къ 1 іюлю закрыть въ Парижѣ всѣ общественныя мастерскія. Этимъ распоряженіемъ оно привело въ отчаяніе всѣхъ бывшихъ паразитовъ и всѣхъ вообще безпріютныхъ пролетаріевъ. Всѣ эти мѣры превосходѣйшимъ образомъ выполняли самыя душевныя желанія чистыхъ демократовъ. Все, что инстинктивно или сознательно негодовало противъ политики буржуазнаго либерализма, все, что было раздражено и озлоблено законодательными подвигами собранія, сдвигалось въ тѣс-

ныя и рѣшительныя группы, для которыхъ бѣшенныя выходы Мара казались простымъ и очень естественнымъ выраженіемъ патріотическихъ чувствъ, обязательныхъ для каждаго порядочнаго гражданина. Буржуазія довершала такимъ образомъ дѣло народнаго воспитанія, начатое феодальными властями. Старый порядокъ вмѣстѣ съ аристократіею разорилъ и развратилъ французскаго пролетарія. Буржуазія употребляла теперь всѣ усилія, чтобы довести его до послѣдней степени озлобленія. Усилія буржуазіи увѣнчались, въ свою очередь, такимъ же блестящимъ успѣхомъ, какого достигли въ свое время старанія аристократіи и феодальной власти. Пролетарій воспользовался всѣми уроками, и развернулъ всѣ свои благопріобрѣтенныя качества и способности. Воспитатели его до сихъ поръ не могутъ понять, что все это ихъ собственная работа. Понять не трудно, но иногда бываетъ разсчетливо и выгодно не понимать и сваливать вину на людей постороннихъ. Виновные разысканы, историкъ удовлетворенъ, и читатель погружается въ размышленія о суетѣ мірской премудрости.

XX.

Въ апрѣлѣ 1791 года умеръ Мирабо. Однимъ великимъ ораторомъ на свѣтѣ стало меньше. Блескъ и красота засѣданій національнаго собранія поубавились. Съ эстетической точки зрѣнія, потеря была не заимѣнима, и французы, всегда расположенные къ эстетическимъ взглядамъ на вещи, вообразили себѣ, что они, дѣйствительно, осиротѣли. Но міровыя событія развиваются всегда изъ такихъ общихъ и великихъ причинъ, передъ которыми совершенно ступовываются и исчезаютъ не только отдѣльныя личности, но даже эстетическіе взгляды цѣлаго народа. На дальнѣйшее развитіе революціи не подѣйствовали ни смерть Мирабо, ни даже то обстоятельство, что тогдашніе французы преувеличивали политическое значеніе этой крупной и эффектной личности. Смерть Мирабо, о которомъ горевала вся Франція, была утратою только для королевскаго семейства, и произвела вліяніе только на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Мирабо, въ послѣдній годъ своей жизни, игралъ трудную и неблагодарную роль; съ одной стороны, онъ постоянно изъ разсчета поддерживалъ свою популярность громовыми рѣчами противъ различныхъ остатковъ старины; съ другой стороны, онъ, келейно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы быть

этихъ самыхъ остатковъ сдѣлать прочную платину, которая остано-
вила бы дальнѣйшія завоеванія революціи. Онъ господствовалъ въ
національномъ собраніи силою своего краснорѣчія, но ему плохо до-
вѣряли тѣ самые люди, которые съ восторгомъ слушали его рѣчи;
король и придворная партія также не вполне вѣрили ему, потому
что ихъ пугали эти самые рѣчи, служившія въ это время ширною
для его настоящихъ намѣреній. Мирабо думалъ, что онъ сдѣлаетъ
совершенно приковать къ своей личности любовь народа, и что по-
томъ, когда онъ, Мирабо, прямо вступитъ въ борьбу съ чистою де-
мократіею, — народъ пойдетъ за нимъ противъ демократовъ. Смерть
отняла у него возможность произвести этотъ опытъ, и избавила его
такимъ образомъ отъ тяжелаго разочарованія. Впрочемъ, такъ какъ
Мирабо не былъ на фантазеромъ, не оптимистомъ, такъ какъ онъ умѣлъ
смотрѣть на вещи трезвыми и непредубѣжденными глазами и такъ
какъ, наконецъ, онъ вовсе не былъ способенъ дѣйствовать въ важ-
ныхъ и серьезныхъ дѣлахъ, очертя голову, — то, по всей вѣроят-
ности, онъ обнаруживалъ бы свои настоящіе намѣренія только
въ томъ случаѣ, когда можно было бы рассчитывать на успѣхъ.
Въ ожиданіи этихъ благоприятныхъ шансовъ и симптомовъ, онъ
безъ сомнѣнія продолжалъ бы вести рядомъ двѣ политики, одну — на-
показъ народу, для поддержанія популярности, составлявшей въ то
время во Франціи единственную силу государственнаго человѣка; —
другую — въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ приближенными короля, для
спасенія королевской власти, и для утвержденія такой конституціи,
въ которой либеральная буржуазія видѣла и философскій камень, и
жизненный эликсиръ и пожалуй даже, *perpetuum mobile*. Эта двой-
ственная политика — для революціи была бы безвредна, а королю
могла бы принести много пользы; она, во всякомъ случаѣ, не воз-
вратила бы королю ни одного изъ потерянныхъ правъ, но она, по
крайней мѣрѣ, могла бы предохранить короля отъ всѣхъ бесплод-
ныхъ попытокъ, возбуждившихъ въ народѣ подозрѣнія и нещавистъ;
она могла бы устранить множество политическихъ ошибокъ, и осто-
рожно, шагъ за шагомъ, свести Людовика XVI съ того престола, съ
котораго такъ грубо и безжалостно сбросило его совокупное дѣйствіе
революціонныхъ страстей и антиреволюціонныхъ интригъ. Мирабо
могъ бы быть очень полезнымъ совѣтникомъ для Людовика XVI, не
потому, что онъ, Мирабо, успѣлъ бы осуществить свои намѣренія, а
потому, что онъ умѣлъ бы всегда отличать возможное отъ невоз-

можно и, слѣдовательно, не впутывалъ бы короля въ такія предпріятія, которыя компрометировали его, не представляя ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но все это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы Людовикъ былъ способенъ, во-первыхъ оцѣнить умственное превосходство Мирабо, и во-вторыхъ, подчинившись этому превосходству, держаться неуклонно той политической программы, которую предписывалъ ему великій ораторъ. Но у Людовика не было ни сильнаго ума, ни твердой воли; у него было только очень искреннее желаніе исполнить свои обязанности, и уклониться отъ грѣховныхъ поступковъ. Но люди, въ теченіи своей исторической жизни, такъ отуманили себя искусственными понятіями, и довели свою логику до такой изумительной гибкости, что въ распознаваніи обязанности и грѣховъ могутъ сбиться съ толку и занутаться въ противорѣчійхъ даже умы довольно сильные и самостоятельные. Людовикъ XVI, поставленный судьбою въ самое исключительное положеніе, и жившій въ такое время, въ которомъ всѣ трудности этого исключительнаго положенія сдѣлались неизмѣримыми,—Людовикъ XVI, окруженный множествомъ совѣтниковъ, вѣчно блуждалъ въ безконечномъ хаосѣ неизвѣстныхъ величинъ, по поводу которыхъ одни голоса громко выговаривали слово «обязанность», между тѣмъ, какъ другіе голоса, то отчаяннымъ крикомъ, то повелительнымъ шопотомъ произносили слово «грѣхъ». Людовикъ XVI постоянно находился въ трагическомъ положеніи гоголевскаго почтмейстера; если одинъ голосъ говорилъ: «нераспечатывай», то другой непремѣнно твердилъ: «распечатай», и притомъ, ни одинъ изъ этихъ двухъ голосовъ не былъ для Людовика голосомъ личнаго искушенія, а оба выдавали себя за чистѣйшее выраженіе нравственнаго закона. И Людовикъ обыкновенно устраивалъ такъ, что обѣ стороны оставались имъ недовольны, и укоряли его то за небрежное исполненіе обязанности, то за совершеніе какого нибудь грѣха. И Людовикъ недоумѣвалъ, и мучился, и еще болѣе сбивался съ толку. Онъ выслушивалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, и съ каждымъ изъ нихъ отъ души соглашался, но, такъ какъ для дѣйствія надо было выбрать только какой нибудь одинъ планъ, то и выбирался обыкновенно самый послѣдній по времени, то есть тотъ, который былъ всего свѣжѣе въ умѣ короля. Именно такимъ процессомъ мысли и воли объясняются поступки Людовика XVI въ отношеніи къ собранію государственныхъ есловій, тѣ поступки, которые повели за собою штурмъ Бастиліи, и которые могутъ быть

названы первымъ шагомъ Короля съ престола къ гильотинѣ. Если бы такъ поступили Карль I Стюартъ или Карль X французскій, то тутъ не было бы ничего удивительнаго; оба они были одарены широкими натурами, неспособными ужиться съ какими бы то ни было уступками. Но Людовикъ всегда съ удовольствіемъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, всегда радъ былъ оставлять имъ всю славу и всю отвѣтственность управленія, и всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ желалъ, чтобы подданные его устроили себя такое счастье, какого сами желаютъ или могутъ достигнуть. И вдругъ, такой честный, мягкій и добродушный человекъ, ни съ того, ни съ сего, затѣваетъ ссору съ тѣмъ самымъ собраніемъ, которое онъ созвалъ, и которое именно ему самому совершенно необходимо. Этотъ человекъ вдругъ начинаетъ поступать совершенно противно собственнымъ выгодамъ, собственному характеру и собственнымъ желаніямъ. И все это происходитъ отъ того, что его, въ эту минуту, окружаетъ со всѣхъ сторонъ аристократическая партія; ему жужжать, и кричать, и шепчуть въ уши, что слѣдуетъ «распечатать,» онъ и самъ знаетъ, что ему не слѣдуетъ этого дѣлать, и ему самому не хочется такъ распорядиться, и онъ даже не чувствуетъ особенной привязанности къ тѣмъ аристократическимъ личностямъ, которыя суетятся въ его дворцѣ; а между тѣмъ сознаніе его начинаетъ колебаться отъ шума фразъ и аргументовъ, воля слабѣетъ, и рѣшительный шагъ дѣлается медленно, съ неохотою, но все-таки дѣлается, и всѣ послѣдствія, связанные съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, развиваются изъ него такъ же неизбежно, и въ такомъ же полномъ комплектѣ, какъ будто бы этотъ шагъ былъ сдѣланъ съ величайшимъ желаніемъ, и съ самымъ лукавымъ умысломъ. Даже хуже. При желаніи и при умыслѣ человекъ обыкновенно принимаетъ уже всѣ мѣры и всѣ предосторожности, которыя могутъ обезпечить успѣхъ предпріятія, или, въ случаѣ неудачи, прикрыть отступленіе. Когда же человекъ поступаетъ противъ своего желанія, повинувшись постороннему внушенію, тогда онъ дѣйствуетъ спустя рукава, не надѣясь на успѣхъ, и не заботясь о послѣдствіяхъ; онъ производитъ опытъ, и самъ относится къ своему дѣлу равнодушно и недовѣрчиво. Кромѣ того, поступки такого человека всегда непослѣдовательны; но, такъ какъ нашъ умъ настойчиво ищетъ въ чловѣческихъ поступкахъ послѣдовательности и руководящей идеи, то мы, глядя со стороны на веренищу этихъ безсвязныхъ поступковъ,

бываемъ часто расположены видѣть въ нихъ скрытую связь, и за-таенную тенденцію. Человѣкъ колеблется, а намъ кажется, что онъ хитритъ; человѣкъ вчера говорилъ такъ, а сегодня поступаетъ иначе, просто потому, что у него въ головѣ плохо вяжутся мысли, но мы думаемъ, что онъ дѣйствуетъ не съ проста, что онъ и вчера и сегодня руководствовался обдуманнѣмъ планомъ, и что онъ играетъ свою роль съ искусствомъ замѣчательнаго актера. Мы начинаемъ бояться и ненавидѣть такого человѣка, котораго даже не за что презирать. Такія недоразумѣнія встрѣчаются на каждомъ шагу, даже при сношеніяхъ между частными лицами, которыя могутъ видѣть другъ друга вблизи, во всякое время, и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ отношеніи къ лицу, мало доступному, и облеченному въ ослѣпительный блескъ официальнойности, такое недоразумѣніе становится совершенно неизбѣжнымъ. Для историка характеръ Людовика XVI совершенно понятенъ; историкъ не увидитъ въ этомъ характерѣ ни глубокаго коварства, ни затаенныхъ стремленій къ деспотизму; историкъ съумѣетъ распутать ту сложную сеть разпорядныхъ вліяній, которая тяготѣла надъ всѣми намѣреніями и поступками этого человѣка; историкъ оцѣнитъ честность побужденій и слабость воли; такимъ образомъ, человѣческая личность Людовика XVI получитъ въ исторіи свои настоящіе размѣры и свой дѣйствительный колоритъ. Но то, что возможно для историка, то было совершенно не возможно для подданныхъ и современниковъ Людовика XVI, если бы даже эти подданные и современники имѣли твердое намѣреніе и искреннее желаніе отложить въ сторону всякое личное увлеченіе и всякое политическое пристрастіе. Подданные и современники Людовика XVI видѣли только внѣшнюю и официальную сторону его дѣятельности; они не имѣли возможности доискиваться до тѣхъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось рѣшеніе короля; они не имѣли возможности пускаться въ психологическій анализъ, потому что во-первыхъ, для этого анализа не было достаточныхъ матеріаловъ; а во-вторыхъ, каждое рѣшеніе Людовика могло быть опаснымъ для такихъ вещей, которыя тогдашнимъ французамъ были очень дороги и совершенно необходимы; стало быть, тутъ некогда было думать о психологическихъ анализахъ. Каждое колебаніе въ политикѣ Людовика XVI казалось тогдашнимъ французамъ расчитанною хитростью; каждое внутреннее противорѣчіе въ этой политикѣ объяснялось глубокимъ коварствомъ короля или его совѣтниковъ.

Когда король утверждалъ такое предложеніе національнаго собранія, которое пользовалось сочувствіемъ народа, тогда народъ былъ расположенъ думать, что король хитритъ, и старается выиграть время; когда король отказывалъ какому нибудь популярному декрету въ своемъ утвержденіи, тогда народъ былъ увѣренъ, что король сбрасываетъ маску и что начинается выполнение обширнаго заговора, составленнаго противъ французской свободы дворомъ, эмигрантами и иностранными правительствами; тогда народъ готовился къ борьбѣ на жизнь и на смерть, и хотя борьбы не оказывалось въ дѣйствительности, однако все горькія чувства, возбужденныя постояннымъ ожиданіемъ рѣшительной катастрофы, естественнымъ образомъ направлялись противъ короля, и направлялись противъ него за то, что онъ не могъ и не умѣлъ внушить народу довѣріе къ честности своихъ намѣреній и къ твердости своего личнаго характера. Историкъ можетъ считать Людовика XVI за очень честнаго человѣка, но судъ историка не имѣетъ никакого вліянія на жизнь исторической личности; Людовикъ дѣйствительно былъ очень честенъ и добродушенъ, но онъ не казался такимъ человѣкомъ; современники не могли считать его честнымъ, и не могли чувствовать къ нему довѣріе; но такъ какъ Людовикъ дѣйствовалъ въ исторіи революціи только тѣмъ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое его личность производила на умы его народа, то для исторіи, въ обширномъ и настоящемъ смыслѣ этого слова, личныя добродѣтели Людовика имѣютъ такъ же мало значенія, какъ, на примѣръ, его замѣчательное искусство въ дѣлѣ слесарной работы. Людовикъ былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ слесаремъ, но современники его не оцѣнили, ни того ни другого. Для нихъ существовала только одна черта въ характерѣ Людовика, именно, его нерѣшительность, выражавшаяся въ непослѣдовательности поступковъ, и постоянно принимавшаяся современниками за проявленіе глубокаго коварства. Когда Мирабо сталъ хлопотать о томъ, чтобы помирить короля съ народомъ, то все старанія знаменитаго оратора направлялись къ тому, чтобы внести въ политику Людовика твердость и послѣдовательность; но личный характеръ короля и разнокалиберность его обстановки дѣлали эту задачу неисполнимою; Людовикъ слушалъ и Мирабо и Королеву, и Бретейля и Булье, и императора Леопольда, и своего духовника, и всякаго, кто только имѣлъ возможность и охоту разсуждать въ тьюльрійскомъ дворцѣ или писать изъ пре-

раснаго далека о вопросахъ текущей политики; при такихъ условияхъ, влияние Мирабо было совершенно парализовано; Мирабо, какъ единственный совѣтникъ, былъ почти бесполезенъ, потому что его совѣты имѣли свою цѣну только въ общей связи, только тогда, когда они исполнялись всё вмѣстѣ, и когда они такимъ образомъ составляли руководящую политическую программу. Но все таки, смерть Мирабо была утратою для королевскаго семейства, потому что Мирабо зналъ свою эпоху, не смотрѣлъ на нее глазами придворнаго, умѣлъ выпутываться изъ затрудненій, и слѣдовательно, въ минуту опасности, могъ бы подать Людовику такой совѣтъ, до котораго никогда бы не додумались остальные совѣтники короны.

XXI.

Смерть Мирабо подѣйствовала на расположеніе партій въ національномъ собраніи. Нѣкоторые изъ предводителей лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, подумали, что теперь настало ихъ время, что они должны сдѣлаться руководителями исполнительной власти, и что министерскія мѣста должны быть заняты ихъ приверженцами и друзьями; они стали сближаться съ правительствомъ, и съ ними произошло то, что до сихъ поръ происходило вездѣ съ каждою оппозиціонною партією, овладѣвающею господствомъ. Всякая оппозиція говоритъ очень много о существующихъ злоупотребленіяхъ, и о настоятельной необходимости преобразованій; когда эта оппозиція становится правительствомъ, тогда обыкновенно лары настраиваются на другой тонъ: тѣже самые ораторы начинаютъ доказывать, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что злоупотребленія, по большей части, составляютъ просто оптический обманъ, что въ стремленіи къ преобразованіямъ есть много опасныхъ и разрушительныхъ элементовъ, и что осторожная медленность должна быть первою обязанностью государственнаго человѣка. Въ тогдашней Франціи, конечно, нельзя было говорить о злоупотребленіяхъ и преобразованіяхъ, потому что все было преобразовано, и потому что злоупотребленія не могли еще завестись въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ такою конституціею, которая еще не была даже закончена. Но во Франціи, оппозиція говорила о свободѣ, а правительственная партія о порядкѣ, и этотъ именно переходъ отъ защищенія свободы къ отстаиванію

порядка совершили, послѣ смерти Мирабо, предводители лѣвой стороны, Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, и ихъ ближайшіе друзья. Это сдѣлалось послѣ смерти Мирабо потому, что, при жизни этого оратора, никто изъ членовъ національнаго собранія не могъ переѣхать его вліянія на дѣла правленія. Смерть крупной личности очистила мѣсто, на которое тотчасъ нашлись претенденты. Приближаясь къ правительственнымъ сферамъ, вожди лѣвой стороны произвели расколъ въ своей собственной партіи, и чрезъ это потеряли значительную долю своего прежняго вліянія; отъ нихъ совершенно отдѣлилась крайняя лѣвая сторона, къ которой принадлежали, между прочими, Пегіонъ и Робеспьеръ, и которая ни подъ какимъ видомъ, ни на какихъ условіяхъ, не соглашалась перемѣнить наступательное положеніе оппозиціи на оборонительную роль правительственной партіи. вмѣстѣ съ крайнею лѣвою стороною отдѣлился отъ Барнава и компанія якобинскій клубъ, который былъ основанъ именно Дюпоромъ и Ламетотъ, но въ скоромъ времени далеко обогналъ своихъ основателей на пути къ радикализму и къ демократіи. Когда якобинцы стали въ скептическія отношенія къ бывшимъ вождямъ лѣвой стороны, тогда и массы народа охладѣли къ нимъ, и перенесли все свое довѣріе и всю свою любовь на ораторовъ крайней лѣвой, и въ особенности на Робеспьера. Это обстоятельство произвело полный разладъ между національнымъ собраніемъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ національномъ собраніи партія Робеспьера была очень слаба по числу своихъ членовъ, и ничтожна по своему вліянію; въ столицѣ, въ клубахъ, и, чрезъ посредство клубовъ, во всей Франціи одна только крайняя сторона, партія Робеспьера, партія непреклонной оппозиціи, — пользовалась силою и вліяніемъ. Движеніе зашло такъ далеко и развивалось такъ быстро, что національное собраніе уже не успѣвало за нимъ, и служило ему тормозомъ въ то время, когда нація желала имѣть въ собраніи органъ для выраженія своихъ потребностей. Ясно было, что тѣ люди, которые были достойными представителями третьяго сословія въ 1789 году, уже не могли быть представителями французскаго народа въ 1791. Самъ народъ понялъ это вполне, и Робеспьеръ, выражая это общее мнѣніе, предложилъ въ половинѣ мая 1791 года, чтобы ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не могъ баллотироваться въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что это предложеніе не представляло особенной

важности, и что оно должно было имѣть вліяніе только на *личный* составъ слѣдующаго собранія, а не на расположеніе и сравнительную силу политическихъ партій въ этомъ слѣдующемъ собраніи. Если нельзя будетъ выбрать Барнава, Ламета, Дюпора, Робеспьера, Лавайета, Ланжюине, Бюзо, Грегуара, то выберутъ когонибудь изъ друзей и приверженцевъ этихъ господъ, выберутъ такихъ людей, которые держатся одинаковыхъ съ ними политическихъ мнѣній, и новое собраніе представить, слѣдовательно, ту же группировку и ту же сравнительную силу партій, которую можно было видѣть въ старомъ собраніи. Если же политическія мнѣнія той или другой стороны учредительнаго собранія не пользуются сочувствіемъ избирателей, тогда все равно не выберутъ вновь членовъ этой стороны, хотя бы они и имѣли право баллотироваться. Противъ такого разсужденія въ области чистой теоріи нельзя представить никакого уважительнаго возраженія. Но Робеспьеръ зналъ, что выборы будутъ происходить не въ области чистой теоріи, а на почвѣ практической дѣятельности, гдѣ вопросы ставятся и рѣшаются совсѣмъ не такъ просто. Примѣняясь къ особенностямъ этой практической дѣятельности, Робеспьеръ понималъ, что его предложеніе измѣнить радикально не только *личный* составъ, но и политическій цвѣтъ національнаго собранія. Въ этой именно цѣли онъ и стремился. Дѣло въ томъ, что многіе изъ членовъ учредительнаго собранія, въ теченіе своей двухлѣтней дѣятельности, составили себѣ очень громкую извѣстность, которая, во всякомъ случаѣ, была для нихъ сильною рекомендаціею передъ каждою коллегіею избирателей. Только для членовъ крайней правой стороны громкая извѣстность могла быть помѣхою, потому что извѣстность эта была приобретена ими въ безплодной борьбѣ съ желаніями націи; что же касается до представителей буржуазнаго либерализма, содѣйствовавшихъ побѣдѣ третьяго сословія и опрокинувшихъ феодальныя учрежденія, то ихъ извѣстность составляла въ то время гордость французской націи, и открывала имъ широкую дорогу къ депутатскому мѣсту въ будущемъ національномъ собраніи. Но эта извѣстность открывала дорогу имъ самимъ, а вовсе не ихъ приверженцамъ, и не ихъ идеямъ. Еслибы передъ коллегіею избирателей явился съ одной стороны знаменитый ораторъ, подобный Дюпору или Барнаву, а съ другой стороны, неизвѣстный юноша, отличающийся самымъ пылкимъ радикализмомъ, то первый, по всей вѣроятности, побѣдилъ бы послѣдняго. Когда же всѣ знаменитые ораторы

будутъ устранены отъ выборовъ, тогда избиратели, имѣя дѣло съ простыми смертными, обратятъ все свое вниманіе на убѣжденія кандидатовъ, и выберутъ тѣхъ людей, которые, не уснѣвши прославиться на всю Францію, выразили однако, въ кругу своихъ ближайшихъ соотечественниковъ, искреннюю и горячую привязанность къ свободѣ и къ революціи. Почти въ каждомъ городѣ существовали якобинскіе клубы, а въ каждомъ клубѣ было нѣсколько личностей, пользовавшихся въ цѣломъ околоткѣ репутаціею отличныхъ патриотовъ и дѣльных людей; эти провинціальныя свѣтила гражданской доблести и политической мудрости непремѣнно должны были восторжествовать на выборахъ, послѣ устраненія парижскихъ и общепаризскихъ знаменитостей. Но всѣ провинціальныя якобинцы питали глубочайшее благоговѣніе къ парижскому клубу, а въ этомъ парижскомъ клубѣ уже господствовалъ въ это время Робеспьеръ; стало быть, Робеспьеръ могъ рассчитывать, что онъ, съ трибуны якобинскаго клуба, будетъ управлять дѣйствіями новаго собранія; имѣя въ виду такую заманчивую диктатуру, онъ съ удовольствіемъ могъ отказываться за себя и за своихъ ближайшихъ друзей отъ всякихъ притязаній на мѣсто депутата; эта ожидаемая диктатура должна была сдѣлаться особенно обширною вслѣдствіе того обстоятельства, что въ новомъ собраніи будутъ засѣдать совершенно новые люди, незнакомые ни съ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, ни съ закулисными тайнами различныхъ партій, ни съ внѣшнюю стороною парламентской процедуры. Если бы въ это новое и неопытное собраніе могли проникнуть нѣсколько старыхъ депутатовъ, то эти депутаты сразу приобрѣли бы себѣ авторитетъ, сдѣлались бы центрами и предводителями кружковъ, и захватили бы въ свои руки управленіе дѣлами. Но предложеніе Робеспьера исключало всѣхъ старыхъ депутатовъ; какъ только эти старые депутаты переставали быть членами официального собранія, такъ они тотчасъ теряли всякое значеніе, и всякую возможность управлять общественнымъ мнѣніемъ; только люди крайней лѣвой стороны, и, больше всѣхъ другихъ, самъ Робеспьеръ, имѣли вѣсь сами по себѣ, независимо отъ своей официальной должности; только эти люди, опираясь на якобинскій клубъ и на парижское населеніе, могли сохранять и увеличивать свою силу, послѣ выхода своего изъ учредительнаго собранія. — Новое собраніе должно было подняться центральному свѣтлу якобинскаго клуба, во-первыхъ, потому, что оно должно было составиться преимуще-

ственно изъ провинціальныхъ якобинцевъ, а во-вторыхъ, потому, что оно непремѣнно должно было, на первыхъ порахъ, отличаться неопытностью, искать совѣта старшихъ, и не встрѣчать вокругъ себя никого изъ старшихъ, кромѣ Робеспьера и его партіи. Была еще третья причина. Можно было предполагать, что Франція выслала въ учредительное собраніе всю свою науку, весь свой умъ, всѣ свои таланты; когда этотъ верхній слой знанія, ума, и таланта будетъ снятъ и отложенъ въ сторону, тогда окажутся на поверхности второстепенные умы и посредственные дарованія; новое собраніе составится, такимъ образомъ, изъ людей средняго разбора, и это отсутствіе сильныхъ талантовъ положить самое прочное основаніе предполагаемой диктатурѣ. Въ этому послѣднему соображенію Робеспьеръ, какъ человекъ очень самолюбивый и чрезвычайно тщеславный, не могъ быть равнодушенъ, тѣмъ болѣе, что въ первые полтора года своей дѣятельности, онъ былъ совершенно задавленъ ораторскими талантами учредительнаго собранія; его долго не слушали, и надъ нимъ перестали смѣяться только тогда, когда начали его бояться; теперь онъ съ удовольствіемъ могъ сказать себѣ, что такихъ оскорбительныхъ сценъ для него, по всей вѣроятности, уже не будетъ. Однако надежды на безцвѣтность будущаго собранія не оправдались. Въ собраніи явилась горячая молодежь, составившая партію Жиронды; талантливые ораторы этой партіи Верньо, Инаръ, Гюаде стали бороться съ Робеспьеромъ въ самомъ центрѣ его могущества, въ собраніи якобинскаго клуба. Впрочемъ, эта борьба не входитъ уже въ предѣлы теперешней моей статьи. Вполнѣ ли сбылись расчеты Робеспьера, или осталась часть этихъ расчетовъ неосуществленною, во всякомъ случаѣ Робеспьеру выгодно было представить собранію свое предложеніе, выгодно уже потому, что онъ, такимъ образомъ, являлся еще разъ, въ очень важномъ вопросѣ, проводникомъ народныхъ желаній. Но если Робеспьеру выгодно было представить это предложеніе, то всѣмъ значительнымъ членамъ собранія не очень выгодно было принять его и совершить такимъ образомъ надъ собою политическое самоубійство. Барнавъ, Дюпоръ, братья Ламеты стали горячо возражать, и ничего не успѣли сдѣлать своими возраженіями, потому что предложеніе Робеспьера пришлось по душѣ не только народу, но и большинству депутатовъ. Въ учредительномъ собраніи, какъ вообще во всѣхъ собраніяхъ, большинство состояло изъ людей безгласныхъ и безцвѣтныхъ; этимъ

людямъ мудрено было разсчитывать на вторичный выборъ, потому что помолчать, какъ выражается Фамусовъ, не велика услуга, и на избирателей такая услуга не могла подѣйствовать; слѣдовательно, этой массѣ сомнительныхъ кандидатовъ пріятно было отказаться красиво и великодушно отъ такой чести, которую у нихъ и безъ того бы отняли. Это обстоятельство тогда же было подмѣчено Камилемъ Демуленомъ, который, съ свойственною ему веселостью и откровенностью, тотчасъ тиснулъ по этому поводу статью въ своей газетѣ. Кромѣ того, предложеніе Робеспьера очень понравилось аристократамъ и реакціонерамъ правой стороны; эти господа особенно сильно боялись и ненавидѣли людей умѣренныхъ партій; они думали, что умѣренныя партіи могутъ основать прочный порядокъ, который навсегда положить конецъ господству привилегій; а на крайнихъ якобинцевъ аристократы смотрѣли какъ на невозможныхъ людей, которые пошумягъ, покричатъ, подурачатся, и потомъ будутъ оставлены народомъ, такъ что ихъ съ полнымъ удобствомъ можно будетъ, въ урочное время, перевѣшать и переколесовать, по всѣмъ правиламъ старой уголовной техники. Руководствуясь этими привлекательными соображеніями правая сторона всегда готова была поддерживать чистыхъ демократовъ противъ либераловъ, всегда радовалась каждой ссорѣ между тѣми и другими, и горячо сочувствовала каждой побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними. Это настроеніе усилилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что у абсолютистовъ и аристократовъ были личные враги между либералами, а между крайними якобинцами у нихъ не было и не могло быть враговъ, потому что эти два класса людей слишкомъ далеко отстояли другъ отъ друга по своему общественному положенію. Всѣ эти причины привели къ тому результату, что Дюпоръ, Ламеты и Барнавъ оказались почти единственными противниками Робеспьера. Предложеніе его было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Его защищали даже нѣкоторыя знаменитости собранія; видно было, что всѣ утомлены напряженною дѣятельностью, всѣ тяготятся своими натянутыми отношеніями къ народу, и всѣ, кромѣ не многихъ неугомонныхъ честолюбцевъ, хотятъ отдохнуть и сложить на другія плеча отвѣтственность за дальнѣйшія событія. Такимъ образомъ, за четыре мѣсяца до закрытія своихъ засѣданій, учредительное собраніе признало себя устарѣлымъ, и рѣшилось передать новымъ людямъ судьбы Франціи, конституціи и всѣхъ революціонныхъ пріобрѣтеній, оторванныхъ народомъ отъ

королевской власти и отъ аристократическихъ привиллегій.— Но послѣднія недѣли учредительнаго собранія были ознаменованы еще двумя чрезвычайно важными событіями; первымъ изъ нихъ было неудавшееся бѣгство короля, вторымъ — кровопролитное столкновение народа съ національною гвардіею.

XXII.

Между Франціею и всею монархическою Европою не могло быть искреннаго и прочнаго мира съ той самой минуты, какъ парижскій народъ взялъ штурмомъ Бастилію, и передалъ верховную власть въ руки своихъ представителей. Не могло быть мира по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, всѣ европейскіе государи и всѣ европейскія аристократіи чувствовали свою солидарность съ Людовикомъ XVI, съ французскимъ дворянствомъ; во-вторыхъ, революція съ своей стороны, вовсе не заботилась о томъ, чтобы успокоить и смягчить своихъ взволнованныхъ враговъ; она вовсе не хотѣла замыкаться въ предѣлы своего отечества; ея ораторы, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, говорили о міровой задачѣ революціи, о ея космополитическомъ значеніи, объ освобожденіи всѣхъ народовъ, о естественномъ братствѣ всѣхъ людей, и о разныхъ другихъ вещахъ, которыя всякій благоразумный человекъ могъ тогда назвать нелѣпостями, потому что со времени французской революціи прошло слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, а между тѣмъ, всѣ эти либеральныя шалости такъ и остались ораторскими фюритурами, и притомъ фюритурами не только для Европы, но и для самой Франціи. Но тогда, въ эти либеральныя шалости крѣпко вѣрили сами шалуны. Революціонеры угрожали, консерваторы хмурились; ясно было, что рано или поздно дойдетъ до драки, и что перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая лучше выберетъ время для того, чтобы нанести первый ударъ. Это воинственное расположеніе, господствовавшее естественнымъ образомъ въ обоихъ политическихъ лагеряхъ Европы, усиливалось въ аристократическомъ лагерѣ криками и жалобами французскихъ эмигрантовъ, передававшихъ всѣмъ европейскимъ дворамъ такія подробности о революціи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ; сообщая эти подробности, французскіе эмигранты обнаруживали щедрость, достойную ихъ высокаго званія; они, не запинаясь ни на одномъ словѣ, пере-

сыпали чистую правду поэтическими украшениями и чистѣйшею ложью. И имъ вѣрили, во-первыхъ потому, что пріятно и полезно было вѣрить; а во-вторыхъ потому, что ценстоцимые импровизаторы были несчастными мучениками, пострадавшими за правду, испытавшими на себѣ тяжесть людской неблагодарности и слѣдовательно достойными всякаго сочувствія, уваженія, и, разумѣется, довѣрія. Благодаря своимъ изобрѣтательнымъ мученикамъ, далеко превосходившимъ Павла Ивановича Чичикова въ любви къ добру и къ истинѣ, Франція превратилась въ страну легендъ, въ родину миѳическихъ чудовищъ, способныхъ въ одну минуту разнести свое заразительное безобразіе по всѣмъ городамъ и селамъ Европы и солиднаго земнаго шара. Надо было, прежде всего, посадить Францію въ карантинъ, оцѣпить ее санитарнымъ кордономъ, отрѣзать ей всякое сообщеніе съ незараженною частью человѣчества. Потомъ надо было употребить въ дѣло увѣщанія, потомъ пустить въ ходъ угрозы, и наконецъ, обуздать не укротимое безуміе мѣрами строгости. Все это въ порядкѣ вещей, и все это, безъ сомнѣнія, превосходно, но любопытно было бы спросить, каково дѣйствовали подобныя демонстраціи на судьбу Людовика XVI и его семейства, желавшаго сохранить феодальную власть, какъ зеницу ока. Положеніе короля было въ высшей степени оригинально; во всей всемірной исторіи врядъ ли найдется другое такое положеніе. Людовикъ былъ въ плѣну, въ той самой фантастической странѣ чудовищъ, о которой трубили эмигранты. Но это еще ничего, что онъ былъ въ плѣну. Своеобразность положенія заключалась въ томъ, что онъ не могъ признать себя плѣнникомъ; ему надо было прикидываться патріотическимъ вождемъ пылкаго народа, и заклятымъ врагомъ тѣхъ элементовъ и тѣхъ людей, къ которымъ онъ чувствовалъ полнѣйшую симпатію, и въ которыхъ онъ видѣлъ своихъ будущихъ избавителей; какъ только французскій народъ замѣчалъ, что король тяготится своею неестественною ролью, такъ показывались немедленно всѣ признаки приближающейся бури, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, Людовикъ XVI поневолѣ долженъ былъ поспѣшно прижимать къ своему лицу ту ненавистную маску, которая мѣшала ему дышать, но въ то же время представляла единственную возможность отсрочивать неизбѣжную катастрофу. Катастрофа была неизбѣжна, и политическій маскарадъ въ сущности былъ бесполезенъ, во-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ король не могъ выдержать его до конца, а во-вторыхъ потому, что миѳическія чудовища, на-

селянина Францію, нисколько не были расположены къ довѣрчивости, и очень хорошо знали, что такое лицо, и что такое—маска. Король старался выиграть время, надѣясь на реакцію внутри государства, и на помощь со стороны Европы; народъ, съ своей стороны, смутно чувствовалъ неискренность короля, и постоянно тревожился неопредѣленными слухами объ австрійскомъ комитетѣ, который будто бы работаетъ въ тульерійскомъ дворцѣ подъ предѣдательствомъ королевы Маріи Антуанеты и замышляетъ предать Францію въ руки иностранцевъ и эмигрантовъ. Война между Франціею и Европою казалась неизбежною; и точно также неизбежнымъ казался рѣшительный и окончательный разрывъ между идеями революціи и принципомъ королевской власти. Самъ Людовикъ увидѣлъ и понялъ наконецъ неизбежность этого разрыва тогда, когда національное собраніе принялось за преобразование въ устройствѣ церкви. Разрушеніе Бастиліи, уничтоженіе дворянства, ограниченіе монархической власти, учрежденіе національной гвардіи, свобода печати—все это было грустно и тягостно, но, сжѣвъ сердце, можно было еще, кое-какъ, перенести всѣ эти страданія; когда же зашла рѣчь о духовенствѣ, о монастыряхъ, о церковныхъ поимѣстьяхъ, о назначеніи священниковъ по выбору прихожанъ, тогда истощилось дипломатическое терпѣніе плѣннаго короля. Людовикъ былъ, прежде всего, католикъ; падъ нимъ господствовали его духовники, и съ той минуты, какъ революція коснулась церковной іерархіи, Людовикъ XVI, съ мужествомъ отчаянія рѣшился, во что бы то ни стало, сбросить маску и бѣжать въ тотъ лагерь, въ которомъ были всѣ его друзья. Я оставляю въ сторонѣ фактическія подробности: какъ было задумано бѣгство, какъ измѣнялся планъ этого бѣгства, какія сношенія поддерживала по этому поводу королева Марія-Антуанета съ своимъ братомъ, Леопольдомъ Австрійскимъ, какъ королевское семейство тронулось въ путь, какъ происходило это опасное путешествіе—все это имѣетъ анекдотическій и біографическій интересъ, и все это совсѣмъ не относится къ историческому развитію революціи. Достаточно замѣтить, что король съ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Парижа въ ночь на 21 іюня, а въ тотъ же день, поздно вечеромъ, его задержали въ провинціальномъ городѣ Вареннѣ Тамошнія городскія власти тотчасъ дали знать объ этомъ національному собранію. Національное собраніе прислало въ Вареннѣ своихъ комиссаровъ, и короля съ семействомъ привезли обратно въ Парижъ. Эта неудавшаяся поѣздка короля нанесла послѣдній ударъ монархическому принципу во Франціи.

Его убили не нападенія его враговъ, а ошибки представителей и защитниковъ. Первая причина революціи заключалась, какъ мы видѣли, въ экономическомъ истощеніи народа и государства; это истощеніе, разумѣется, было произведено не философами XVIII вѣка, а администраторами, любившими старый порядокъ вещей всѣми силами своего организма. Первый поводъ къ вооруженному возстанію былъ поданъ, какъ мы также видѣли, попыткою короля парализировать съ самаго начала дѣятельность національнаго собранія; эта попытка, очевидно, была сдѣлана друзьями стараго порядка, а не агитаторами народа и не фанатиками революціи. Теперь мы опять встречаемся съ такимъ же фактомъ. Въ теченіи 1789 и 1790 года, республиканскихъ стремленій нельзя было замѣтить ни въ народѣ, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національномъ собраніи, ни въ якобинскомъ клубѣ. Народъ хотѣлъ только прочнаго уничтоженія феодалныхъ повинностей, а къ вопросамъ высшей политики оставался совершенно равнодушнымъ, полагаясь въ этомъ отношеніи на своихъ возлюбленныхъ представителей и законодателей. Образованное общество и національное собраніе состояли изъ чистыхъ роялистовъ, обожавшихъ старый порядокъ, и изъ конституціоналистовъ, разыгрывавшихъ разныя варіаціи, болѣе или менѣе смѣлыя, на одну основную тему англійскаго самоуправленія. Якобицы сами называли свой клубъ — обществомъ друзей конституціи, и не терпѣли на своей трибунѣ ни одного слова противъ монархическаго начала. Необходимость королевской власти для всѣхъ серьезныхъ общественныхъ дѣятелей того времени составляла неприкосновенный догматъ политическаго вѣроисповѣданія. Та мысль, что республиканское правленіе годится только для отдѣльныхъ городовъ и мелкихъ областей, находилась тогда въ общемъ ходу, и считалась неопровержимой истиною, не требующею доказательствъ. Ввести республиканское правленіе во Францію значило бы превратить ее въ федерацію, состоящую изъ множества отдѣльныхъ, мелкихъ республикъ; о федераціи такого рода никто не хотѣлъ слышать, потому что привилегіи отдѣльныхъ провинцій только что были уничтожены, внутреннія заставы и таможи были сняты и отмѣнены, единство было основано, и все что могло мѣшать укрѣпленію этого единства и водворенію сильной централизаціи, казалось всѣмъ тогдашнимъ публицистамъ тяжелымъ преступленіемъ противъ націи и отечества. Ни Робеспьеръ, ни Дантонъ, ни Мара, никто изъ тѣхъ людей, которыхъ считаютъ обычно-

венно опаснѣйшими демократами и злѣйшими революціонерами, не заикались о республикѣ въ теченіи 1789 и 1790 года. Одинъ только Демуленъ написалъ въ то время политическій памфлетъ съ республиканскими тенденціями, но Демуленъ въ началѣ революціи такъ часто кидался изъ стороны въ сторону, отъ Лафайета къ Робеспьеру, отъ Мирабо къ Дантону, что всѣ партіи считали его талантливымъ и остроумнымъ повѣсою, котораго съ удовольствіемъ можно читать и слушать, но на котораго не стоитъ обращать вниманія въ серьезномъ дѣлѣ. Республиканскій памфлетъ Демулена остался безъ вліянія, и тоже самое произошло бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто Демулена заговорилъ въ то время о республикѣ какойнибудь сильный предводитель политической партіи. Республиканцы, конечно, существовали и тогда; но одни молчали, другіе притворялись приверженцами конституціи; всѣ считали себя мечтателями, далеко опередившими свой вѣкъ; всѣ были увѣрены въ неспособности французскаго народа къ самоуправленію, и всѣ любили восхищаться античными доблестями Грековъ и Римлянъ, которые были извѣстны тогдашнему обществу по трагедіямъ Корнелия и Расина, да еще по жизнеописаніямъ Плутарха и Корнелия Непота, переведеннымъ на французскій языкъ. Всѣ эти безвредныя занятія тогдашнихъ республиканцевъ могли бы продолжаться въ теченіи неопредѣлимо-долгаго времени, и могли бы кончиться ничѣмъ, могли бы не дойти до свѣдѣнія французскаго народа, еслибы только представитель и защитники стараго порядка имѣли возможность удержаться отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Но обстоятельства были расположены такимъ образомъ, что каждое дѣйствіе Людовика XVI превращалось въ ошибку, и, подрывая монархію, закладывало основанія будущей республики. Когда по городамъ и селамъ королевства разнесся слухъ, что король попробовалъ убѣжать за границу, тогда во всей Франціи произошелъ такой единодушный взрывъ народнаго негодованія, что, послѣ этого взрыва, всякое примиреніе между королемъ и народомъ сдѣлалось невозможнымъ. Король дѣйствуетъ за одно съ иностранцами! Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами! Эти двѣ мысли были бессильны и безвредны, пока онѣ встрѣчались только на столбцахъ демократическихъ газетъ, и въ декламацияхъ яростныхъ ораторовъ; но когда каждый горожанинъ, каждый мужикъ и каждый поденщикъ самъ додумался до этихъ двухъ мыслей, самъ разобралъ ихъ значеніе, самъ взволновался ихъ возможными послѣдствіями, и наконецъ самъ громко произнесъ ихъ съ

полнымъ убѣжденіемъ, тогда эти двѣ мысли разорвали всякую связь между королею и народомъ, и съ неударимомъ силою бросили всю массу народа въ руки крайней демократической и республиканской партіи, которая тотчасъ ободрилась, отложила въ сторону Плутарха и Корнелія Непота, и съ восхищеніемъ принялась хозяйничать въ дѣлахъ современной дѣятельности. — Король дѣйствуетъ за одно съ иностранцами, думалъ народъ, услышавъ о побѣдѣ въ Вареннѣ, — стало быть онъ продаетъ иностранцамъ честь и благосостояніе Франціи; онъ хочетъ привести во Францію нѣмецкія арміи, онъ хочетъ выжечь города и села, вытоптать поля, обломать виноградники, опустошить цѣлыя провинціи голодомъ и моровою язвою. Король дѣйствуетъ за одно съ эмигрантами, разсуждали всѣ классы народа, воспользовавшись различными выгодами революціи. Въ теченіи своей двухлѣтней дѣятельности, революція пустила въ народную жизнь такіе глубокіе корни, произвела такіа радикальныя и разнообразныя измѣненія во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ и заинтересовала въ свою пользу такое немѣримое большинство французскихъ гражданъ, что при первомъ намекѣ на возможность реакціи, вся Франція снизу и до верху, отъ одной границы до другой, встрепенулась отъ ужаса и негодованія. Въ это время революція была уже не побѣдимо-сильна, именно потому, что она успѣла уже дать всѣмъ классамъ народа осязательныя доказательства своего существованія и своей дѣятельности. Пока революція была чистою идеею, отвлеченнымъ приговоромъ мыслителей надъ существующими бытовыми формами, до тѣхъ поръ ее можно было задерживать, отсрочить или повертнуть назадъ; но, когда она проложила себѣ дорогу въ міръ матеріальныхъ интересовъ, когда она передѣлала по своему весь строй экономическихъ отношеній, тогда возвращеніе стараго порядка вещей сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Тогда дѣло революціи стали защищать не одни мыслители, писатели, ораторы и утописты; вмѣстѣ съ идеологами поднялись за общее дѣло и городскіе собственники, и крѣстьяне, и солдаты, и ремесленники. Всѣ неопредѣленныя декламации объ австрійскомъ комитетѣ, о вѣроломствѣ двора, о кровожадныхъ замыслахъ аристократовъ, о враждебныхъ тенденціяхъ самаго короля, всѣ журнальныя утки и ораторскія импровизации превратились передъ глазами испуганнаго народа въ самую осязательную, неопровержимую и сокрушительную истину. Творцы утокъ и импровизаций сдѣлались мудрецами и пророками; отъ нихъ народъ сталъ ожидать спасенія; за ними онъ готовъ былъ

идти вслѣду, куда они захотятъ повести его; отъ нихъ зависѣло произнести слово «республика», и еслибы это слово не тотчасъ перешло въ дѣло, то, по крайней мѣрѣ, послѣ Вареннскаго путешествія, никто не подумалъ бы назвать адвокатовъ республики мечтателями и утопистами. Словомъ, до поѣздки короля въ Вареннъ народъ подозрѣвалъ короля въ неискренности и чувствовалъ неопредѣленное безпокойство; послѣ этой поѣздки не осталось никакихъ подозрѣній, и неопредѣленное безпокойство смѣнилось твердою увѣренностью. Весь народъ пережилъ въ нѣсколько часовъ цѣлыя дѣсятилѣтія исторической опытности; онъ увидѣлъ, что надо выбирать одно изъ двухъ; или революцію, или старыя порядки. Рубиконъ былъ перейденъ, и Людовикъ XVI, привезенный изъ Варенна въ Парижъ, сдѣлался, во всѣхъ отношеніяхъ, плѣнникомъ своихъ политическихъ противниковъ.

XXIII.

Короля привезли въ Парижъ 25 Іюня 1791 года, а королевская власть была уничтожена во Франціи 10 Августа 1792 года. Между этими двумя событіями прошло больше года, и королемъ считался въ этотъ промежутокъ времени тотъ же Людовикъ XVI, который уже однажды попробовалъ убѣжать съ своего престола. На первый взглядъ, иному недогадливому читателю могутъ показаться непонятными двѣ вещи: почему Людовикъ XVI самъ не отказался въ это время отъ своего престола, на которомъ онъ, съ минуты своего бѣгства, могъ ожидать только непріятностей и оскорбленій? И далѣе, почему національное собраніе не объявило престола вакантнымъ, и не созвало національнаго конвента, то есть, почему оно, послѣ Вареннской исторіи, не поступило такъ, какъ поступило законодательное собраніе послѣ возмущенія 10 Августа 1792?—Отвѣта на эти два вопроса надо искать въ характерѣ Людовика XVI, и въ характерѣ коллективной личности, называвшейся національнымъ учредительнымъ собраніемъ. Во-первыхъ Людовикъ, по своему темпераменту, не былъ способенъ на энергическіе поступки; онъ могъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, переносить оскорбительныя непріятности своего положенія, но выйти изъ этого положенія рѣшительнымъ и необычнымъ шагомъ онъ былъ не въ состояніи. Только уступая вліянію королевы, онъ попробовалъ бѣжать за границу, и эта попытка, удавшаяся такъ плохо, надолго истощила въ немъ запасъ дѣя-

ательной энергіи; онъ подумалъ, что всего лучше съ полнымъ смиреніемъ ожидать, что будетъ. Во вторыхъ Людовикъ XVI былъ воспитанъ своими наставниками и своею вседневною версальскою жизнью такъ, что онъ не зналъ о существованіи, и не понималъ значенія тѣхъ живыхъ силъ, которыя копошились подъ его престоломъ: что такое народъ, чего онъ хочетъ, сытъ-ли онъ, голоденъ-ли и что такое значить быть голоднымъ,—все это, и многое другое въ томъ же родѣ, были такіе вопросы, которыхъ даже не могли задавать себѣ обитатели версальскаго дворца. О правильномъ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ смѣшно было бы и думать. Всей версальской публикѣ революція казалась интригою какихъ нибудь мошенниковъ, которые сегодня въ модѣ, а завтра будутъ заброшены и забыты вмѣстѣ съ своими задорными фразами. Революцію дѣлаетъ герцогъ орлеанскій, или Мирабо, или Лафайетъ, или Барнавъ, или Дантонъ, или всѣ они вмѣстѣ, или каждый изъ нихъ порознь, по своему особенному расчету, но непременно кто нибудь да дѣлаетъ революцію; не можетъ же быть, чтобы революція сама себя дѣлала. *) Никто изъ роялистовъ не могъ разсуждать иначе, а разсуждая такимъ образомъ, Людовикъ XVI, который конечно былъ самъ роялистомъ, не могъ отказаться отъ престола. Онъ такъ мало считалъ свое положеніе отчаяннымъ, что даже послѣ Вареннской исторіи, продолжалъ бояться успѣха эмигрантовъ больше, чѣмъ успѣха демократовъ. Онъ боялся, что его братья, графъ Прованскій и графъ Артуа, задавятъ революцію, возьмутъ его, Людовика, подъ свою опеку, а королеву подвергнуть скандальному процессу и заточенію. Людовику въ голову не приходило бояться за свою жизнь, и онъ до послѣдней минуты своего царствованія былъ увѣрепъ, что Франція не можетъ и никогда не захочетъ быть республикою. Стало быть, отказываться отъ престола значило бы отрывать дорогу принципамъ-эмигрантамъ. Вообще, можно сказать одно: если бы Людовикъ XVI былъ способенъ отказаться отъ престола, то есть, если бы онъ понималъ глубину и обширность революціоннаго движенія, если бы онъ предвидѣлъ, какъ она разыграется, если бы онъ, понимая и предвидя все это, могъ поступать твердо и рѣшительно, то онъ, еще гораздо раньше 1789 года,

*) Это только унтеръ-офицерская вещь: сама себя выскла; да и то, показаніе Сквознива-Дмухановскаго въ этомъ случаѣ можетъ удовлетворить только Хлестакова.

отыскалъ и поддержалъ бы людей, подобныхъ Тюрго, и повелъ бы необходимыя реформы мирнымъ путемъ, осторожно, послѣдовательно, но безъ уклончивости, безъ уступокъ старинѣ, и безъ боязни передъ новыми идеями. Реформа была необходима и неизбежна, но самъ Людовикъ, смотря по особенностямъ своего характера и умственного развитія, могъ примкнуть къ той или другой сторонѣ; если бы онъ примкнулъ къ партіи будущаго, вмѣсто того, чтобы присоединиться къ партіи прошедшаго, тогда его личная судьба во многомъ бы измѣнилась, и вышшія формы французской революціи также испытали бы многія измѣненія, но прочные результаты всего движенія оказались бы совершенно такими же, какими мы ихъ видимъ теперь. Читатель вѣроятно знаетъ уже, что прочными результатами я называю въ этомъ случаѣ экономическія и соціальныя преобразованія.

Национальное собраніе, по своимъ отношеніямъ къ массѣ народа, было заранѣе осуждено на бездѣйствіе. Съ одной стороны, оно не могло принять рѣшительную инициативу, и объявить престолъ вакантнымъ; съ другой стороны, если бы оно захотѣло защитить и прикрыть Людовика XVI своимъ авторитетомъ, защита эта оказалась бы очень недостаточною, потому что авторитетъ собранія былъ уже въ значительной степени подорванъ. При началѣ своихъ засѣданій, національное собраніе было составлено на половину изъ депутатовъ отъ дворянства и отъ духовенства. Эти депутаты, которыхъ народъ не хотѣлъ и не могъ считать своими представителями, составили правую сторону собранія, и почти всѣ держали себя, во все время засѣданій, какъ явные враги революціи, и какъ безусловные приверженцы стараго порядка. Многіе изъ этихъ депутатовъ уѣхали за границу, когда эмиграція стала усиливаться и вошла въ моду. Когда дворянство и духовенство были уничтожены, какъ отдѣльныя сословія, тогда депутаты отъ этихъ несуществующихъ сословій, очевидно, потеряли всякій смыслъ, и превратились въ ходячій анахронизмъ. Не смотря на это, анахронизмъ продолжалъ засѣдать въ собраніи, провозносить рѣчи, и подавать голоса. Въ половинѣ 1791 года правая сторона собранія состояла еще изъ трехъ сотъ человекъ, которые, производя много шума, заявляя торжественные протесты, и безпристрастнѣйшимъ образомъ балансируя между различными отѣнками центральной партіи и лѣвой стороны, развлекали силы собранія, и отнимали у него возможность дѣйствовать рѣшительно. Впрочемъ, центръ и лѣвая сторона сами по себѣ находились въ

постоянномъ колебаніи. Если они боялись эмигрантовъ и чистыхъ роялистовъ, которые до того времени были ихъ постоянными врагами, то еще сильнѣе боялись они чистыхъ демократовъ и революціонеровъ, которые до того времени были ихъ постоянными союзниками. Чтобы сдержать въ границахъ благопристойности этихъ опасныхъ союзниковъ, они готовы были пойти на мировую сдѣлку съ своими врагами, но враги ни на какую сдѣлку не подавались, имѣя въ виду соблазнительную надежду, что революція погибнетъ въ ближайшемъ будущемъ отъ собственныхъ своихъ ошибокъ и увлеченій. Конституціонная партія, сжатая такимъ образомъ между слишкомъ извѣстными людьми прошедшаго и страшными по своей неизвѣстности силами будущаго, чувствовала шаткость своего положенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняла за собою численный перевѣсъ въ національномъ собраніи. Отъ нея зависѣло рѣшить вопросъ: какъ выпутать короля и собраніе изъ непріятныхъ послѣдствій Вареннской исторіи? При рѣшеніи этого вопроса, она, конечно, постаралась сохранить золотую середину, и устроила дѣло такъ, что не удовлетворила ни роялистовъ, ни революціонеровъ. Роялисты смотрѣли на Варенское дѣло, какъ на законный протестъ угнетеннаго короля противъ посягательствъ зазнавшихся подданныхъ; въ этомъ дѣлѣ для нихъ не могло быть и рѣчи о преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ; виновными они считали только тѣхъ людей, которыхъ неслыханная дерзость понудила короля искать себѣ безопасности внѣ Парижа, и, можетъ быть, внѣ Франціи; для роялистовъ эмиграція принцевъ и дворянства была дѣломъ совершенно законнымъ, а такъ какъ король, по ихъ мнѣнію, былъ первымъ принцемъ и первымъ дворяниномъ во Франціи, то онъ также могъ эмигрировать, если находилъ это удобнымъ для сохраненія своего достоинства, и необходимымъ для своей личной безопасности. Но гдѣ король, тамъ и отечество, говорили далѣе роялисты; поѣтому всѣ честные французы, не желающіе оставить свое отечество, должны слѣдовать за королемъ на край свѣта; слѣдовательно, генераль Булье, приготовившій бѣгство короля, и офицеры, отправившіеся въ путь вмѣстѣ съ королемъ, оказываются лучшими патриотами во всей Франціи, и достойны полнаго уваженія со стороны всѣхъ благомыслящихъ гражданъ. Такъ думали роялисты, хотя, конечно на трибунѣ національнаго собранія они уже не могли высказываться вполне откровенно; общество XVIII вѣка было уже слишкомъ развращено для того, что-

бы понимать идеи и цѣнить чувства времени Людовика XIV, Генриха IV, или Франциска I. На трибунѣ эти тенденціи выражались осторожно и уклончиво, съ различными примѣненіями къ языку и понятіямъ испорченной эпохи. Но во всякомъ случаѣ, у роялистовъ былъ свой взглядъ на вещи, очень опредѣленный и вполнѣ послѣдовательный, то есть, вполнѣ вѣрный основной идеѣ. У революціонеровъ былъ также свой взглядъ не менѣе опредѣленный, и не менѣе послѣдовательный. Они думали и говорили, что король и всѣ соучастники Вареннской экспедиціи виновны въ измѣнѣ противъ націи; короля слѣдуетъ объявить лишеннымъ престола, а всѣхъ остальныхъ предать суду, и наказать по всей строгости законовъ. Конституціоналисты воевали въ тиски между этими двумя противоположными взглядами; они стали лавировать изъ стороны въ сторону, изобрѣтать несуществующіе факты, и соглашать несогласимыя понятія. Убѣжая изъ Парижа, король оставилъ письменный протестъ противъ всѣхъ узаконеній, выработанныхъ національнымъ собраніемъ, и получившихъ уже королевское утвержденіе; въ этомъ протестѣ король очень подробно излагаетъ свои жалобы противъ французовъ вообще, и парижанъ въ особенности; онъ объясняетъ очень обстоятельно причины своего бѣгства; національное собраніе получило эту бумагу въ тотъ самый день, въ который оно узнало о бѣгствѣ короля. Но, не смотря на положительныя увѣренія самаго Людовика XVI, собраніе, слѣдуя внушенію конституціонной партіи, выдумало, что король не бѣжалъ, а сдѣлался жертвою насильственного или коварнаго похищенія. Эта выдумка отодвигала самаго короля въ сторону, а всю отвѣтственность обрушивала на его коварныхъ и злоумышленныхъ похитителей. Такое замысловатое рѣшеніе не могло удовлетворить ни роялистовъ, ни демократовъ; кромѣ того, оно оскорбляло здравый смыслъ и нравственное чувство всѣхъ честныхъ людей, безъ различія политическихъ партій. Никто не могъ обмануться выдумкою національнаго собранія; всѣ знали, что бѣгство короля было вполнѣ добровольно и преднамѣренно. Если это бѣгство составляетъ преступленіе, то всѣ участники этого предпріятія преступны; если же не существуетъ преступленія, то не за что губить тѣхъ людей, которые были простыми исполнителями и вѣрными слугами. Такъ говорилъ здравый смыслъ, но конституціонная теорія, сплетенная изъ множества политическихъ и юридическихъ фикцій, находилась на такомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ простаго и скром-

наго здраваго смысла, что немогла обращать на его совѣты ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ, конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходною точкою произвольную импровизацію; она, кромѣ того, сѣумѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этою самою импровизаціею; предполагая, что король былъ похищенъ, она, однако, ухитрилась паложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена, и пока король не приметъ и не утвердитъ ее своею торжественною клятвою.—Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто, трудами Дюжора, Барнава, Ламетовъ и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, въ теченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о Вареннской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себѣ противъ королевской власти; Мара въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военнаго трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le Républicain;» Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ, въ клубѣ якобинцевъ, говорилъ объ осторожности и уваженіи къ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что короля слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба, — Ламеты, Дюпоръ и Барнавъ — увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 16 іюля, они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь Фельяновъ; за ними послѣдовали почти всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ Фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальнахъ клубовъ не признали этого, настоящаго «общества», и по прежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У Фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный *beau-monde*, но это изысканное общество,

существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ. Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло, и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новыя люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Антироялистское движеніе въ клубахъ и въ газетахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адреса, совершенно враждебны Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе. Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о Вареннской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію, подписанную многими тысячами именъ, и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля, нѣсколько гражданъ, принадлежащихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ, и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочесть и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни, вокругъ алтаря отечества, собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то въ родѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумасброды, совѣтывавшіе публикѣвъ зять штурмомъ собранія, и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика, разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ какъ на забавный а крессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петицію набралось уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее непріятное направленіе этой бумаги, пожелало уничтожить ее, и задавить все движеніе мѣрами епасительной строгости. Собраніе приказало парижскому меру разогнать толпу буштовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Балъ

и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ окнѣ ратуши красное знамя, и пошли на Марсово поле, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ атаку и только артиллеріи не удалось принять участіе въ пораженіи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. За тѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ. Собраніе было такъ великодушно, что не воспользовалось своею побѣдою надъ злоумышленниками. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и пугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились, и совершенно пересилили Фильяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Мара, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Бальи осталось убитою на Марсовомъ полѣ. 13 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября, учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милліоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

Д. Писаревъ.

ПРИЧИНЫ БѢДНОСТИ.

Еслибы алхимикамъ удалось найти философскій камень, то человечество не сдѣлалось бы отъ того ни счастливѣе, ни богаче. Напротивъ, въ первое время явилось бы даже великое бѣдствіе. Считая деньги богатствомъ, бѣдные люди бросили бы свои прежнія занятія и каждый началъ бы превращать мѣдь и олово въ золото и серебро. Земледѣлецъ оставилъ бы пашню, кузнецъ — кузницу, сапожникъ и портной свои мастерскія, и стали бы они вмѣсто хлѣба, сапоговъ, платья и другихъ предметовъ первой необходимости производить золото и серебро. Денежная лихорадка, охвативъ всѣ сословія, привела бы къ тому, что скопилась бы огромная масса благородныхъ металловъ, каждый набилъ бы свой сундукъ до верху червонцами, а между тѣмъ предметы пищи уменьшились бы въ такой же степени, въ какой увеличилось бы золото; наступилъ бы голодъ, и люди увидѣли бы, что хотя на деньги и можно покупать хлѣбъ, мясо, одежду; но когда этихъ предметовъ нѣтъ, то золото не въ состояніи сдѣлать человека сытымъ, прикрыть его наготу и защитить отъ холода.

Предположимъ обратный случай. Ни золота, ни серебра нѣтъ на земномъ шарѣ, но всѣ люди трудятся весьма усердно надъ про-

изводствомъ предметовъ главной необходимости: одинъ шьеть и сѣеть, другой шьеть сапоги, третій платье, четвертый куеть; однимъ словомъ, каждый отдѣльный человѣкъ работаетъ весьма прилежно, и у каждаго скопился весьма значительный запасъ предметовъ его производства. Но кузнецу, падѣлавшему сотни тысячъ гвоздей и подковъ, недостаточно для жизни однихъ своихъ издѣлій—ему нуженъ хлѣбъ, нужна одежда. И вотъ кузнецъ идетъ къ земледѣльцу, чтобы вышѣнять на гвозди и подковы хлѣбъ, а съ портнымъ думаетъ устроить мѣну на платье. Между тѣмъ ни земледѣльцу, ни портному не нужны гвозди и подковы, и кузнецъ остается безъ хлѣба и платья. Чтобы добыть то и другое, кузнецу нужно найти человѣка, нуждающагося въ гвоздяхъ. Оказывается, что они необходимы сапожнику; кузнецъ мѣняется съ нимъ на сапоги и несетъ ихъ къ земледѣльцу, который нуждался въ обуви, и наконецъ только достаетъ себѣ хлѣбъ. Столько же ему хлопотъ и съ портнымъ, потому что этотъ не хочетъ ни гвоздей, ни хлѣба, ни сапоговъ, а соглашается на мѣну только въ томъ случаѣ, когда ему предложить сукно и дрова.

Такимъ образомъ, хотя при отсутствіи денегъ люди не умрутъ съ голоду и не замерзнутъ, но мѣна натурой представляетъ такія неудобства и такъ сложна, что у каждаго производителя пропадетъ по крайней мѣрѣ четверть его рабочаго времени на присканіе того, что ему нужно. Вся причина въ томъ, что каждый предметъ мѣны годенъ только для одного опредѣленнаго назначенія — сапоги для обуви, платье для одежды, хлѣбъ для пищи; поэтому кому нужна пища, тотъ не возьметъ сапоговъ; а кому нужны сапоги, тотъ не возьметъ платья. Чтобы избѣгнуть хлопотъ и потери времени, неизбежныхъ при мѣнѣ натурой, нужно было найти такой предметъ, который бы самъ по себѣ имѣлъ цѣну и могъ быть обмѣниваемъ на всѣ остальные. Такимъ мѣновымъ знакомъ и служатъ деньги. Удобство ихъ въ томъ, что они чрезвычайно облегчаютъ и сокращаютъ трудъ мѣны.

Слѣдовательно очевидно, что деньги только мѣновой знакъ, облегчающій людямъ ихъ экономическія сдѣлки. Много или мало въ странѣ денегъ, — отъ этого не прибавится у нея ни хлѣба, ни сапоговъ, ни одежды больше того, что страна производитъ, и малое количество денегъ сдѣлаетъ также свое дѣло какъ и большое. Если страна заготавливаетъ предметовъ мѣны на миллионъ рублей, а денегъ у нея

также миллионы, то онъ сдѣлать оборотъ одинъ разъ; но если, производя на миллионы, страна имѣетъ денегъ только двѣсти тысячъ, то деньги обернутся пятакомъ. Въ этомъ и вся разница. Разумѣется, покупательная сила денегъ будетъ въ этихъ случаяхъ неодинакова. Когда ихъ много, нужно и давать ихъ больше за предметы, т. е. деньги дешевѣютъ, а предметы становятся дороже; когда же денегъ мало, то случается обратное явленіе — деньги дорожаютъ, а предметы дешевѣютъ. Но мы говоримъ здѣсь не объ этомъ; мы хотимъ сказать только, что деньги, считаемыя въ обществѣ богатствомъ, сами по себѣ не составляютъ богатства. Богатство страны заключается въ ея производительныхъ силахъ и въ тѣхъ полезныхъ и необходимыхъ для жизни предметахъ, которые составляютъ результатъ общенароднаго труда. Чѣмъ страна производитъ такихъ полезныхъ предметовъ больше, тѣмъ она богаче; чѣмъ производитъ ихъ она менѣе, тѣмъ бѣднѣе.

Въ труду побуждаетъ человѣка необходимость удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Человѣкъ хочетъ пить, ѣсть, устроить себѣ разныя удобства. И какъ вся жизнь человѣка сводится къ удовлетворенію потребностей его тѣла, то человѣческую жизнь и нужно разсматривать, какъ постоянную экономическую дѣятельность. Этой дѣятельности посвященъ весь трудъ людей. Человѣкъ самостоятельный, живущій своимъ личнымъ трудомъ, а не чужими руками, работаетъ для того, чтобы ему было сытно, тепло и спокойно. Все что мѣшаетъ этому — мѣшаетъ экономической дѣятельности и ведетъ къ бѣдности и ея неизбежнымъ послѣдствіямъ, которыя моралисты и идеалисты могутъ называть какъ имъ угодно.

Такимъ образомъ матеріальная потребность вызываетъ трудъ, и если каждый человѣкъ имѣетъ полную свободу по всѣмъ направленіямъ своей экономической дѣятельности, то въ странѣ является то изобиліе предметовъ, для удовлетворенія равныхъ людскихъ нуждъ, которое зовется богатствомъ. Но такой свободы на континентѣ Европы нѣтъ; поэтому ни одинъ человѣкъ не производитъ здѣсь того, что бы онъ могъ провезти при той же самой потерѣ силъ.

Сущность всѣхъ помѣхъ, задерживающихъ экономическую дѣятельность людей, есть стѣсненіе ихъ свободы располагать своимъ трудомъ. Человѣкъ, лишенный свободы и самостоятельности дѣйствій, производитъ всѣхъ предметовъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе онъ стѣсненъ. И въ этомъ недостаткѣ свободы располагать своимъ трудомъ — главная причина бѣдности народовъ. Чего могутъ

достигнуть люди при полной экономической независимости, показывают Соединенные Американские Штаты. Все указывают на них, какъ на примѣръ замѣчательнаго по быстротѣ и силѣ экономическаго развитія народа; указываютъ и Французы, и Англичане, и Итальянцы, и Нѣмцы. Но скажите, Нѣмцы, что мѣшаетъ вамъ устроить и у себя подобную же свободную экономическую дѣятельность? Нѣмецкое простонародье, промышленные и торговые люди знаютъ причину этого; но знаютъ также и нѣмецкіе, бароны, кому будетъ невыгодна свободная дѣятельность. Извѣстный случай, — когда изъ болзни, что съ освобожденіемъ крестьянъ казенные горные промыслы останутся безъ рабочихъ, заграничные нѣмцы давали освободившимся рабочимъ нарочно такъ мало земли, чтобы они не могли ею существовать и были бы принуждены наниматься въ горную работу. Бароны поступали такъ на основаніи извѣстныхъ имъ политическихъ соображеній, находившихся въ очевидномъ разладѣ съ принципами экономическими. За подобныя ошибки приходится обыкновенно расплачиваться въ тѣ трудныя минуты государственной жизни, когда недостатокъ денежныхъ средствъ приноситъ всѣмъ большое бѣдствіе. Но подобныя бѣдствія рѣдко служатъ уроками тѣмъ лицамъ, кому они наиболѣе нужны, и ихъ экономическія понятія, заслоняемая обыкновенно другими соображеніями, не становятся отъ того шире.

Въ какой степени даже малѣйшія задержки, останавливающія или стѣсняющія экономическую дѣятельность, обнаруживаютъ вліяніе на общее благосостояніе, читатель можетъ увидѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Положимъ, что императоръ французовъ въ какой-нибудь рѣчи выразилъ мысль, возбуждающую общее безпокойство и ожиданіе войны. Кого поражаетъ больше всѣхъ боязнь? Разумѣется, не правительства. Сильнымъ правительствамъ бояться нечего; у нихъ есть войско и военные запасы, слѣдовательно война для нихъ не страшна. Боязнь поражаетъ производительные классы — земледѣльцевъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ, кушцовъ. Всякій изъ нихъ боится матеріальныхъ потерь, всѣ встревожены, ждуть бѣды и всѣ дѣла начинаютъ идти тише, потому что каждый, боясь невѣрнаго будущаго, ослабляетъ свою дѣятельность, чтобы его трудъ не пропалъ даромъ. Если отъ того, что всѣ дѣла пошли вдругъ тише, и банкирскія, и торговыя, и промышленныя, и земледѣльческія, каждый человекъ уменьшитъ свой трудъ въ день только на полъ-копѣйки (мы беремъ нарочно самую малую цифру), то въ день, при 277 милліонномъ на-

селеніи Европы, это составитъ 1,385,000 рублей, а каждый мѣсяцъ подобнаго тревожнаго ожиданія будетъ стоить европейскому населенію — 41,550,000 рублей. Теперь другой примѣръ, но совершенно иного свойства. Всякая перемѣна въ жизни человѣка заставляетъ его обратить часть своего времени на знакомство съ новымъ для него положеніемъ. Если свободнаго времени для этого нѣтъ, то нужно занять его изъ рабочихъ часовъ, и вообще приходится ослабить свою экономическую дѣятельность. Манифестъ 19 февраля 1861 г. далъ нашимъ крестьянамъ новую умственную работу; пришлось не только подумать о новыхъ условіяхъ жизни, но иногда и переселяться съ одного мѣста на другое, участвовать въ работахъ по размежеванію и нарѣзкѣ, по составленію уставныхъ грамотъ, при выборѣ сельскихъ властей и т. д. Однимъ словомъ, явилась работа небывалая, для которой потребовалось и особое время, и рабочія руки. Разумѣется, трудно опредѣлить точной цѣрой на сколько, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, сократился трудъ каждаго отдѣльнаго крестьянина. Но если, держась минимума, мы допустимъ, что каждый помѣщичій крестьянинъ произвелъ въ годъ хлѣба только на одну четверть менѣе — мы беремъ хлѣбъ только для примѣра, хотя трудъ сократился во всѣхъ вѣтвяхъ крестьянскаго производства — въ такомъ случаѣ на 12 м. мужскаго населенія это составитъ въ два года 24 м. четвертей, или перевода на деньги и принимая четверть въ три рубля — 72,000,000 рублей. Но ослабленіе дѣятельности одного человѣка ослабляетъ и дѣятельность другого, находящагося съ нимъ въ экономической связи, слѣдовательно замедляетъ производительность всей страны, а потому едва-ли будетъ ошибкой, если сокращеніе общей экономической дѣятельности мы оцѣнимъ въ 100,000,000 рублей. Къ этому нужно присоединить еще разныя неудавшіяся предпріятія нашихъ акціонерныхъ компаній, зарывшихъ свои капиталы въ землю. Все это повело къ оскуднѣнію труда, къ общему сокращенію доходовъ, къ затишью въ торговлѣ. Разумѣется, все это имѣетъ только временное значеніе и съ установленіемъ новыхъ отношеній измѣнится къ лучшему противъ прежняго. Тѣмъ не менѣе затишье произошло все-таки отъ приведенныхъ нами причинъ.

Всѣ обстоятельства, — какъ бы онѣ ни были незначительны по видимому, но если ими стѣсняется или задерживается дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка, — имѣютъ вліяніе на большую или меньшую

успѣшность труда населенія страны. Кромѣ задержекъ, представляющихъ учрежденіями, напримѣръ: стѣсненіемъ свободнаго переселенія земледѣльцевъ въ мѣстности для нихъ неудобной въ мѣстность болѣе плодородную; обременительнымъ способомъ взысканія налоговъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ и дороговизной судопроизводства, — экономическая дѣятельность народа можетъ встрѣтить помѣху еще и во внѣшнихъ условіяхъ страны, замѣдляющихъ обмѣнъ продуктовъ. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, такъ называемые пути сообщенія. Желѣзныя дороги, разумѣется, облегчаютъ много торговое движеніе, но они приносятъ пользу только сбыту легкихъ фабричныхъ издѣлій; для громоздкихъ же предметовъ желѣзныя дороги не представляютъ никакой выгоды. Напримѣръ, дрова возить по нимъ совершенно не расчетъ, и подѣ Петербургомъ, не смотря на высокую цѣну топлива въ столицѣ, доставка его за 80 верстъ идетъ уже въ убытокъ. Тоже самое относительно хлѣба. Поэтому для земледѣльческаго населенія будутъ играть по прежнему важную роль водяныя сообщенія и хорошія почтовые и проселочныя дороги. Со времени изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ на шоссе стали вообще обращать самое незначительное вниманіе. Люди, находящіе выгоды желѣзныхъ дорогъ въ томъ, что ѣзда по нимъ пріятнѣе, спокойнѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ почтовыхъ экипажахъ, съ своей точки зрѣнія, разумѣется, правы. Но они забываютъ, что пріятность ѣзды еще не главная выгода желѣзныхъ дорогъ, и что если сто тысячъ народу выигрываютъ что нибудь отъ быстроты и дешевизны сообщенія, то для десятковъ милліоновъ земледѣльческаго населенія желѣзныя дороги рѣшительно не существуютъ, потому что не приносятъ ему никакой выгоды. У насъ, напримѣръ, желѣзныя дороги существуютъ между Москвой и Петербургомъ, Петербургомъ и Западной границей. Уже изъ этого одного видно, что дороги эти имѣютъ неособенно важное значеніе для земледѣльческаго населенія. Шоссе занимаютъ у насъ около 6,000 верстъ, а остальные большія натуральныя дороги 85,000 верстъ. Если же всѣ проселки между селеніями имѣютъ протяженіе только въ десять разъ болѣе противъ большихъ дорогъ (мы взяли минимумъ), въ такомъ случаѣ проселочныя и нешоссированныя почтовые тракты представляютъ длину въ 935,000 верстъ. Чтобы устроить шоссе на всемъ этомъ протяженіи, потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, 3,000,000,000 рублей. По этой цѣнѣ читатель можетъ заключить о степени невозможности подобнаго предпріятія. Не невозможность сагаучается един-

ственно въ одновременномъ превращеніи простыхъ дорогъ въ шоссе, а не въ постепенномъ улучшеніи сообщеній, начиная съ путей болѣе важныхъ. Приблизительную потерю труда отъ дурныхъ дорогъ можно опредѣлить слѣдующимъ расчетомъ. Если для уплаты податей и другихъ денежныхъ расходовъ каждый крестьянинъ долженъ продать только 10 четвертей хлѣба, и для этого съѣздить на ближайшій рынокъ, отстоящій только за 30 верстъ отъ его деревни, то, соображая силы лошади и качество дороги, можно увести 10 четвертей на 2 1/2 возахъ; положимъ даже на двухъ. Такіе два пути, туда и обратно, потребуютъ ровно двухъ сутокъ; и это еще счастливо. По шоссе 2 1/2 воза уложится на 1 1/2, слѣдовательно во времени составитъ экономіи полъ-дня, а на 30 мил. мужскаго земледѣльческаго населенія 15,000,000 дней; считая день съ лошадыю въ 40 в., выходитъ 6,000,000 рублей. И это только отъ двухъ концевъ въ годъ, по дорогѣ въ 30 верстъ. Дороги въ жизни земледѣльца играютъ роль чрезвычайно важныхъ экономическихъ помѣхъ — онъ возитъ сѣно, хлѣбъ, дрова къ себѣ домой, онъ возитъ ихъ на продажу. Крестьянинъ—земледѣлецъ проводитъ почти половину своего вѣка въ перевозкѣ продуктовъ своего труда съ мѣста на мѣсто, и въ этой половинѣ жизни расходуются огромныя силы на достиженіе самаго ничтожнаго результата.

Внѣшній видъ страны находится всегда въ полной гармоніи со всѣми условіями жизни земледѣльца. При неразвитомъ земледѣльческомъ бытѣ, гдѣ крестьянинъ производитъ лично почти все ему необходимое, успѣшность труда зависитъ вполне отъ средствъ и способовъ производства, какими располагаетъ земледѣлецъ. Онъ пашетъ дурно, потому что его орудія плохи; его сѣвъ, жатва, молотба, вѣяніе поглощаютъ слишкомъ много труда, потому что все это дѣлаетъ онъ способами слишкомъ несовершенными и медленными; отъ этого, сравнительно съ потраченнымъ трудомъ, онъ получаетъ хлѣба мало; отъ того, что у него мало хлѣба и корму для скота, — лошадь его малосильна; малосильная лошадь по дурной дорогѣ везетъ возъ слишкомъ малый, и вмѣсто одной поѣздки приходится дѣлать двѣ; продажа малаго количества хлѣба даетъ мало денегъ, которыхъ едва достаётъ на потребности семьи и на уплату податей; невозможность дѣлать сбереженія и употреблять ихъ на улучшение и усиленіе земледѣлія лишаетъ земледѣльца и возможности развиваться исключительно, потому что всѣ силы его поглощаются неуспѣшнымъ трудомъ.

Отсутствие досуга для умственного развития лишает человека предусмотрительности и способности судить о предметах более отдаленных, по темъ не менѣе сильно влияющихъ на бытъ земледѣльца. И вотъ съ новой весной онъ принимается опять за свои негодныя земледѣльческія орудія; опять пашетъ плохо, опять получаетъ хлѣба мало, опять лошаденка его везетъ маленькій возъ, опять денегъ мало, и эта исторія повторяется почти безъ измѣненій изъ года въ годъ, и человекъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ. Въ странахъ съ развитымъ земледѣльческимъ бытомъ замѣчается явленіе противоположное. Хорошія орудія и способы земледѣлія, сильныя лошади, хорошія дороги берегаютъ земледѣльцу столько труда, что земледѣлецъ — собственникъ имѣетъ возможность жить не только хорошо, но давать воспитаніе своимъ дѣтямъ, читать газеты и журналы, нести большія общественныя подати и повинности. Богаты земледѣлецъ — богата и страна; бѣденъ земледѣлецъ — и страна бѣдна, потому что основную силу страны составляютъ не единичныя фабриканты, пли богатые купцы, а сельское производительное населеніе, считаемое обыкновенно милліонами. Каждая единица этого милліона есть производительная сила. Если болѣе совершенный бытъ дастъ земледѣльцу возможность употреблять сбереженную силу на увеличеніе производства, и если въ день такое сбереженіе во всемъ расходѣ силъ человека составитъ полкопейки, то, взявъ для примѣру населеніе въ 70 милліоновъ, явится въ день экономія 350,000, а въ годъ 126,000,000 рублей. Чтобы не пугать читателя такими большими числами, мы допустимъ, что все сбереженіе составило въ годъ не болѣе 70 м. Когда подобное сбереженіе силъ будетъ продолжаться изъ года въ годъ, и излишекъ будетъ обращаться на усиленіе производства полезныхъ предметовъ, то въ теченіи тридцати лѣтъ вся усилившаяся продуктивность народа, переведенная на деньги, составила бы 3,613,610,000 рублей. Такимъ образомъ самое незначительное повидному сбереженіе въ трудѣ каждаго отдѣльнаго человека ведетъ къ поразительнымъ по своимъ размѣрамъ результатамъ. Вотъ въ чемъ и причина такого бысраго развитія матеріальнаго благосостоянія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Тутъ нѣтъ ни волшебства, ни чудесъ, а просто возможность свободной экономической дѣятельности и свободного развитія силъ при экономическомъ и расчетливомъ расходѣ труда каждаго отдѣльнаго человека. На этотъ вопросъ не обращаютъ обыкновенно

достаточнаго вниманія, — одни по невѣденію, другіе потому, что воображаютъ, будто бы есть на свѣтѣ соображенія болѣе важныя, чѣмъ экономическія. Люди подобныхъ отсталыхъ понятій не умѣютъ обыкновенно цѣнить трудъ другого человѣка, и если обстоятельства даютъ имъ возможность обнаруживать свое вліяніе на людей, то вліяніе это имѣетъ въ экономическомъ отношеніи самый разрушительный характеръ. Самыя блестящими представителями этого сорта людей служить въ настоящее время Наполеонъ III; онъ нищаетъ Францію не только тѣмъ, что онъ усилилъ необычайно армію и военные расходы своими постоянными войнами, но увеличиваетъ еще и долги Франціи въ такомъ размѣрѣ, что она въ этомъ отношеніи превзойдетъ, разумѣется, скоро Англію. Но Наполеонъ убыточенъ не для одной Франціи; вся Европа теряетъ чрезъ него ежегодно сотни миліоновъ, вслѣдствіе постоянныхъ тревожныхъ ожиданій и постоянного вооруженія. Подобные Наполеоны, но только въ меньшемъ размѣрѣ, весьма обыкновенны въ повседневной жизни. Ихъ своекорыстные соображенія мѣшаютъ имъ смотрѣть правильно на основныя причины человѣческихъ побужденій и пренебрегать этими причинами. Если подобные Наполеоны являются въ литературѣ, а они есть вездѣ, то дѣлаются защитниками отсталыхъ, тупыхъ мыслей, и, при своей кажущейся благонамѣренности, проповѣдуютъ вещи безправственныя, т. е. экономически вредныя для большинства, а слѣдовательно и для всей страны.

Но для увеличенія богатства страны еще недостаточно одного экономнаго расхода труда, при которомъ съ наименѣею тратой силъ достигаются самыя выгодныя результаты; нужно еще, чтобы силы каждаго отдѣльнаго производителя были направлены на производство предметовъ, дѣйствительно необходимыхъ для населенія. Если въ данной странѣ земледѣльческое населеніе нуждается въ сапогахъ, или въ сукнѣ для теплой одежды, и не можетъ быть удовлетворено въ этомъ исполнѣ, потому что ремесленники отвлечены изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ и искусственнаго жемчуга для охотницъ до баловъ, то, разумѣется, занятіе этихъ рабочихъ, для нихъ можетъ быть и выгодное, невыгодно для цѣлой страны, потому что сапоги и теплое платье нужнѣе жемчуга. Точно также если у страны недостаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія, то, разумѣется, для нея будетъ невыгодно, когда часть земледѣльцевъ, бросивъ свои пашни, займется изготовленіемъ ликеровъ или музыкальных ин-

струментовъ. Каждый подобный трудъ идетъ въ убытокъ странѣ, потому что имъ не только отвлекаются руки отъ занятій ближайшей необходимости, но еще усиливается трудъ людей, занятыхъ полезными производствами. Они должны работать и для себя и для тѣхъ, кто занятъ дѣломъ ненужнымъ. Въ дѣломъ страна отъ этого бднѣеть.

Чтобы экономическое развитіе народа было возможно въ своей полной силѣ, нужно, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ приносилъ возможно большую пользу этому развитію. Если человѣкъ не принести подобной пользы, онъ идетъ въ убытокъ своей странѣ. Смотра по отношенію въ числѣ между людьми полезными и убыточными, и экономическій прогрессъ страны будетъ болѣе или менѣе быстръ. Здѣсь совершается тоже, что и въ частномъ хозяйствѣ каждаго отдѣльнаго человѣка:—если люди потребляютъ болѣе, чѣмъ они производятъ, является нужда, бѣдность, долги, банкротство; если производится болѣе, чѣмъ потребляется, то создается то изобиліе и разнообразіе въ удовлетвореніи потребностей, которое зовется богатствомъ. Чтобы страна шла къ богатству, нужно, чтобы въ ней было какъ можно менѣе бесполезныхъ людей и чтобы производительныя силы находились въ самомъ выгодномъ отношеніи по роду ихъ занятій.

Купцы при теперешнемъ порядкѣ необходимы для экономической гармоніи, но если ихъ больше, чѣмъ нужно, то, разумѣется, они приносятъ странѣ больше потерь, чѣмъ выгоды. Невыгоду подобнаго сочетанія производителей и потребителей къ посредникамъ т. е. купцамъ можно увидѣть въ любомъ большомъ городѣ Европы, и особенно у насъ въ западныхъ губерніяхъ между евреями. Парижъ и Брюссель конечно должны удивлять путешественниковъ развитіемъ своей мелочной торговли и обиліемъ магазиновъ, которые украшаютъ и оживляютъ эти города. Но этихъ магазиновъ во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ нужно. Излишнее обиліе торговцевъ не выгодно и для потребителей и для страны: для потребителей невыгода въ томъ, что при излишней мелочной торговлѣ цѣны обыкновенно возвышаются, потому что продавцу нужно выручить съ своего капитала процентъ, необходимый и для продолженія оборотовъ и для собственного существованія, слѣдовательно на малый капиталъ берется большой процентъ. Торговые обороты такихъ мелочныхъ торговцевъ бываютъ обыкновенно весьма скудны, а средства для существованія еще скуднѣе, такъ что многіе изъ хозяевъ блестящихъ и ярко освѣщенныхъ газомъ ма-

газиновъ, окончивъ свои дневныя занятія, отправляются въ седьмые этажи и тамъ, при свѣтѣ салныхъ огарковъ, питаются варенымъ картофелемъ. Для страны было бы выгоднѣе, если бы подобные торговцы — тотъ же самый картофель, которымъ они питаются и который воздѣлываютъ для нихъ другіе, добывали бы собственными своими руками. Въ странѣ явилось бы болѣе пищи, и слѣдовательно болѣе средствъ для производства и другихъ полезныхъ предметовъ. Теперь же изъ за мелочныхъ торговцевъ, превышающихъ числомъ дѣйствительную въ нихъ необходимость, земледѣлецъ долженъ работать болѣе, чтобы накормить и себя и голоднаго торговца, который своей коммерціей не создаетъ рѣшительно ни одного полезнаго предмета. Еще очевиднѣе этотъ фактъ на нашихъ евреяхъ. Маленькое еврейское мѣстечко кишма-кишитъ торговцами; каждый еврей — купецъ, каждая еврейка — купчиха. И чѣмъ торгуютъ люди? Одинъ носитъ цѣлый вѣкъ съ двумя кусками мыла и одной банкой помады; другой продаетъ ваку, и тоже всего три банки; у третьяго весь товаръ заключается въ одной старой шляпкѣ и двухъ старыхъ картузахъ. И люди торгуютъ весь свой вѣкъ, и люди сыты и одѣты — значить торговля выгодна. Но спросите, что ѣсть этотъ человѣкъ и его многочисленная семья; во что они одѣты, какъ вредна для ихъ здоровья конура, служащая имъ помѣщеніемъ? Благонамѣренный и ученый администраторъ можетъ замѣтить на это, что люди не жалуются, значить они довольны и по своему счастливы. Пусть такъ; только мы говоримъ не объ ихъ довольствіи и воображаемомъ ими счастья, а объ убыточности для страны ихъ занятія. Если въ продажѣ обращается положимъ триста кусковъ мыла, и все это количество назначается на потребности трехъ городовъ, то для продажи совсѣмъ ненужно сто торговцевъ, когда такую же услугу обществу могутъ оказать и шесть человѣкъ. Если въ странѣ сто земледѣльцевъ и тридцать ремесленниковъ, и для продажи ихъ издѣлій явилось пятьдесятъ купцовъ, то ни для земледѣльцевъ, ни для ремесленниковъ, ни даже для самихъ купцовъ это не будетъ выгодно. Сто земледѣльцевъ должны заготовить хлѣбъ и для собственного прокормленія, и для прокормленія тридцати ремесленниковъ и 50-ти купцовъ; а 30-ть ремесленниковъ должны удовлетворить всѣмъ остальнымъ потребностямъ купцовъ и земледѣльцевъ. Купцы же, не производя лично ни одного полезнаго предмета, будутъ заниматься только перепродажей того, что сдѣлали другіе. Если подобная мѣна можетъ быть произведена 25-ю человекъ-

каи въмсто 50-ти; а 25 наличнихъ купцовъ займутся земледѣлемъ и ремеслами, то очевидно, что этимъ не только облегчится трудъ прежнихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, но и въ странѣ явится болѣе полезныхъ предметовъ; слѣдовательно благосостояніе страны возрастетъ. Положимъ, что при прежнемъ распредѣленіи занятій страна хотя и удовлетворяла безъ нужды всѣмъ потребностямъ въ главныхъ предметахъ жизни, но у нея не доставало ни средствъ, ни времени на украшеніе жизни. Съ обращеніемъ же половины купцовъ къ производительному труду явилась возможность устроить театръ и завести зеркальную фабрику. Очевидно, что страна выиграла. Торговля всѣмъ прибыльна и легкое занятіе для того, кто ею занимается; ноизъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы все наличное число купцовъ, ихъ приказчиковъ, комиссіонеровъ и мальчиковъ, находящихся въ какой нибудь странѣ, было дѣйствительно необходимо для ея благосостоянія. Купецъ настолько выгоденъ для страны, на сколько необходимъ; чѣмъ меньше эта необходимость, тѣмъ меньше выгода, потому что купецъ—паразитъ, онъ лично не производитъ ни одного полезнаго предмета: — онъ служитъ только посредникомъ между производителемъ и потребителемъ. Если бы всѣ охтенскіе столяры и другіе столярные мастера, работающіе на всѣ мебельныя лавки гостиннаго и апраксина дворовъ, завели бы въ Петербургѣ магазины отъ себя, то очевидно, что это было бы прибыльнѣе и столярамъ и покупателямъ. Мебельные же купцы не потеряли бы при этомъ ничего, потому что обратили бы свои капиталы на производство какихъ нибудь другихъ предметовъ, не менѣе выгодныхъ, чѣмъ мебель, и страна отъ этого, разумѣется, выиграла бы, потому что въ ней явились бы новые предметы потребленія, которыхъ прежде не было. Значитъ богатство бы увеличилось.

Это же основаніе примѣняется вполне и ко всѣмъ остальнымъ членамъ населенія страны. Каждый отдѣльный человекъ въ такой степени выгоденъ, въ какой онъ увеличиваетъ общую экономическую производительность. Если человекъ не производитъ ничего самъ лично и не способствуетъ ничѣмъ производству, въ такомъ случаѣ онъ идетъ въ убытокъ своей странѣ, которая кормитъ его даромъ. При современныхъ условіяхъ европейскаго общежитія, разумѣется, не каждый человекъ можетъ заняться лично такимъ трудомъ, результатомъ котораго былъ бы непременно какой—нибудь полезный предметъ. Тѣмъ не менѣе общественная обязанность каждого заключается

ся въ томъ, чтобы, смотря по роду своихъ занятій, содѣйствовать всѣми силами къ усиленію общаго благосостоянія и устранять тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ ему. Кто не дѣлаетъ этого, тотъ для страны убыточенъ, потому что нѣтъ въ государствѣ такихъ занятій, которое бы не находилось въ прямой связи съ общей экономической дѣятельностью и не имѣло своей цѣлью усиленіе средствъ страны и увеличеніе общаго благосостоянія и благополучія; слѣдовательно человѣкъ, дѣйствующій въ противномъ направленіи, будетъ помѣхой экономическому прогрессу.

Такимъ образомъ въ каждой странѣ, вромѣ непосредственныхъ производителей полезныхъ предметовъ, есть еще люди, содѣйствующіе экономическому развитію косвеннымъ путемъ. Сюда относятся всѣ тѣ, кто обезпечиваетъ безопасность производителей и тѣ, кто способствуетъ увеличенію и развитію экономическихъ силъ и способностей народа. Къ охранителямъ принадлежатъ всѣ административные органы страны, полиція и судъ, военная сила и лица, имѣющія спеціальную своей обязанностью наблюденіе за совѣстью людей и умственное ихъ развитіе.

Если бы не существовало безопасности, то развитіе экономическихъ силъ народа было бы невозможно. Безопасность можетъ быть внутренняя и внѣшняя. Въ благоустроенныхъ обществахъ вся цѣль внутренней организаціи управленія заключается въ томъ, чтобы доставить людямъ полный внутренній миръ и спокойствіе, и полную свободу всесторонняго экономического развитія. Когда люди не увѣрены въ томъ, чѣмъ они владѣютъ; когда является насилие, воровство, грабежъ; когда никто не смѣетъ владѣть значительной собственностью безъ того, чтобы не возбудить алчности власти—для такихъ странъ экономической прогрессъ не возможенъ. Это мы видимъ на магометанскихъ и африканскихъ государствахъ. Въ Европѣ порядки иные, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы администрація, полиція и судъ каждаго европейскаго государства соответствовали бы вполнѣ принципамъ экономической науки. Англія имѣетъ лучшую полицію, и такъ увѣрена въ хорошей организаціи своего полицейскаго управленія, что наложила даже пошлину на цѣпныхъ собакъ. Когда парламенту возражали, что собаки нужны для охраненія домовъ, парламентъ отвѣтилъ—«тамъ, гдѣ хорошая полиція, другія средства охраненія излишни». Такъ отвѣчать можетъ не всякое государство. Поэтому экономическая польза административной и судебной власти

неодинакова въ разныхъ государствахъ. Чѣмъ дѣйствительнѣе и дешевле полицейское охраненіе, чѣмъ дешевле и справедливѣе судъ, чѣмъ дешевле и умнѣе администрація, тѣмъ они выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи и тѣмъ богатѣе скорѣе страна. Особенно важную роль въ этомъ случаѣ играютъ судъ и администрація. Значеніе суда понятно всѣмъ, и всѣ одинаково знаютъ, чего нужно ожидать и требовать отъ хорошаго суда; но относительно значенія администраціи понятія гораздо смутнѣе. Многіе полагали, что дѣло администраціи направлять и руководить экономической дѣятельностью страны; иначе сказать, не только вмѣшиваться въ дѣла людей, но даже заставлять ихъ обращаться къ тому или другому труду. Такое руководство, какъ извѣстно, никогда не приводило къ тѣмъ результатамъ, какихъ ожидали, — не потому, чтобы административное вмѣшательство было противно принципу экономическихъ отношеній власти къ народу, а единственно потому, что администрація ошибалась относительно характера вмѣшательства. Она полагала, что лучше понимаетъ потребности и нужды людей, и что слѣдовательно ея святая обязанность наставить неразумныхъ и темныхъ людей на путь истины. Смѣшивая понятія о необходимыхъ потребностяхъ и о роскоши, администрація нарѣдко заводила или поощряла устройство ковровыхъ, зеркальных и тому подобныхъ фабрикъ въ то время, какъ масса населенія не имѣла хлѣба и ходила безъ сапогъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы такъ дѣйствовала одна Франція, которую чаще другихъ приводятъ экономисты въ примѣръ административнаго дурачества. Неудачи подобныхъ вмѣшательствъ побудили цѣлую экономическую школу утверждать, что каждаго экономического производителя нужно предоставить вполне самому себѣ — пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Защитникамъ такого взгляда на экономическія отношенія общества къ отдѣльнымъ людямъ казались даже справедливыми калмыцкіе нравы, по которымъ давался полный просторъ личному экономическому произволу и экономическому насилию. Понятно, что экономисты въ этомъ случаѣ ошибались, смѣшивая личную пользу съ выгодой всѣхъ. Административное вмѣшательство возможно хотя и не въ томъ видѣ какъ оно обыкновенно проявлялось до сихъ поръ. Администрація не зачѣмъ брать на себя роль наставника и руководителя, потому что эту роль исполняетъ, съ большимъ успѣхомъ, особый экономическій факторъ, представляемый умственнымъ элементомъ страны; но ея значеніе въ томъ, чтобы устранять

всѣ обстоятельства, мѣшающія экономическому прогрессу. Что для страны производить выгоднѣе—кормовель, рѣпу, хлопчатую бумагу или сахарный тростникъ,—страна опредѣлитъ сама; она же знаетъ, выгоднѣе ли ей дѣлать обыкновенное сукно для людей ремесленного сословія, или бархатъ для богатыхъ барынь. Но страна при существующихъ въ наше время основахъ общественной жизни не можетъ сама собой измѣнить многія условія, мѣшающія общему благоденствію; тутъ-то и нужна помощь администраціи. Если производство бриллантовыхъ украшеній и добываніе жемчуга отвлекаетъ столько рабочихъ рукъ, что въ странѣ являются бѣдняки, неимѣющие хлѣба и одежды, то очевидно, что приготовленіе предметовъ роскоши составляетъ сильную помѣху общему благоденствію. Лишеніе богатей, которые перестанутъ носить алмазы и жемчугъ, нельзя, разумѣется, сравнить съ лишеніемъ въ хлѣбѣ и одеждѣ, поэтому понятно, что администрація должна устранить ту причину, по которой люди лишаются предметовъ первой необходимости, чтобы въ странѣ не было голодныхъ людей. Какимъ путемъ удобнѣе, выгоднѣе и безобиднѣе достигать подобныхъ цѣлей—составляетъ настоящую задачу администраціи. Къ ея же сферѣ дѣятельности будетъ относиться и устраненіе тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ людямъ достигать экономической самостоятельности. Для всякаго предпріятія нуженъ капиталъ, и нерѣдко только его отсутствіе мѣшаетъ людямъ устроить промышленныя ассоціаціи. Въ такихъ случаяхъ вмѣсто самостоятельной экономической жизни люди влечатъ жалкое существованіе, находясь въ полной зависимости отъ эксплуатирующихъ ихъ фабрикантовъ и купцовъ. Экономическая теорія говоритъ, что такой порядокъ не выгоденъ для страны; она прибавляетъ, что для общаго благосостоянія нужно, чтобы каждый производитель былъ вполне независимъ, т. е. чтобы не было батраковъ, а были бы только хозяева. Но какимъ путемъ ввести эту теорію въ практику, экономическая наука не говоритъ, предоставляя это дѣло администраціи. Такимъ образомъ, признавая неизбѣжность административнаго вмѣшательства, хорошей и выгодной для страны администраціей можно признать только ту, которая дѣйствительно устраняетъ помѣхи и способствуетъ экономическому благоденствію страны. Изъ изложеннаго нами можно видѣть, что задача администраціи вовсе не трудна, если только въ головѣ ея находятся люди, знакомые въ сущностью экономическихъ явленій и съ экономической наукой. Если въ евро-

пейскихъ государствахъ экономическая сущность жизни заслоняется такъ часто посторонними соображеніями, то это происходитъ вовсе не отъ важности этихъ постороннихъ соображеній, а единственно отъ недостаточнаго распространенія экономическихъ знаній.

Кромѣ внутренней защиты, представляемой производителямъ администраціей, полиціей, судомъ, нужна еще и защита отъ внѣшнихъ враговъ. Конечно необходимость подобной защиты въ наше время уже значительно ослабѣла, потому что нынѣшнія войны въ Европѣ не ведутся исключительно съ цѣлью грабежа, какъ это было некогда. Впрочемъ не слѣдуетъ обольщаться и той мыслью, будто бы государства воюютъ изъ за идеѣ. Исторія Европы представляетъ только одинъ крупный примѣръ подобнаго рода — вмѣшательство Густава Адольфа въ тридцатилѣтнюю войну; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ наступательныя войны происходили или изъ поводовъ мелочнаго личнаго самолюбія или изъ династическихъ интересовъ, или по другимъ спорокоростнымъ цѣлямъ. Изъ этого можно видѣть, что военныя силы каждой страны не служатъ исключительно для защиты экономическихъ интересовъ населеній. Если бы онѣ служили только для экономической защиты, то государства Европы были бы, разумѣется, гораздо богаче, чѣмъ они есть. Поэтому изъ общей массы расходовъ на военныя издержки, выгоднымъ для страны расходомъ можно признать только ту часть, которая употреблена на дѣйствительную защиту экономическихъ интересовъ; все остальное — чистый убытокъ. Мы не будемъ говорить ничего противъ тѣхъ побужденій, которыя вызывали войны; причины ихъ вѣроятно были достаточно уважительными, потому что нельзя же надѣлать безъ всякаго повода долговъ миллиарды франковъ талеровъ и фунтовъ стерлинговъ и пролить кровь миллионъ людей. Мы замѣтимъ только, что экономическія соображенія въ этихъ случаяхъ удостоивались самой незначительной доли вниманія, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда истощались всѣ средства къ продолженію войны. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы всѣ государства Европы держались въ этомъ случаѣ одной системы. Всѣ страны признаютъ одинаково тягость военныхъ расходовъ, но только не всѣ дѣлаютъ что нибудь для ихъ облегченія. Въ этомъ случаѣ Швейцарія представляетъ весьма отрадное явленіе, гдѣ военные интересы подчинены интересамъ экономическимъ. По швейцарской конституціи конфедерация не имѣетъ права содержать постоянной арміи; и каждый кантонъ, какъ бы онъ ни былъ великъ,

не можетъ имѣть болѣе 300 человѣкъ войска. Армія составляется только въ военное время, и въ такомъ случаѣ страна при 2 м. 400 т. населенія можетъ поставить 110,000 вооруженныхъ людей, не считая ополченія, въ которое долженъ идти всякій способный носить оружіе, не старѣе 44 лѣтъ. Расходы на военную часть составляютъ въ Швейцаріи только восьмую часть общаго расхода; тогда какъ въ другихъ государствахъ Европы они не бывають никогда менѣе одной трети, а иногда приближаются и къ половинѣ всего годичнаго государственнаго расхода. Мы констатируемъ только тотъ фактъ, что все государства континентальной Европы содержатъ огромныя постоянныя арміи и расходуютъ на военныя надобности отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего государственнаго расхода, а Швейцарія постоянного войска не держитъ, и на военныя нужды тратитъ только $\frac{1}{8}$ своихъ доходовъ. Какая изъ этихъ системъ болѣе выгодна — очевидно само собой. Но чтобы получить вполне правильное понятіе о расходѣ общенароднаго труда на военныя надобности, приведеннаго нами расчета недостаточно. Допустимъ, что каждое государство проводитъ четыре года въ мирѣ, а пятый употребляетъ на защиту себя противъ внѣшнихъ враговъ; въ этомъ случаѣ оно расходуетъ ежегодно въ теченіи четырехъ лѣтъ $\frac{1}{3}$ своихъ доходовъ для того, чтобы защищаться одинъ годъ; слѣдовательно дѣйствительно непродуманный или убыточный расходъ составляетъ $\frac{1}{4}$ годичнаго дохода, въ каждые пять лѣтъ. Это значить, что государство, расходующее на свои военныя надобности ежегодно 100 м., тратитъ въ четыре года 400 м. только для того, чтобы получить въ пятый годъ услугъ на 100 миліоновъ.

Успѣшность экономической производительности общества зависить отъ усовершенствованія способовъ производства, воспитанія и развитія производительныхъ способностей людей и отъ степени распространенія между людьми правильнаго пониманія экономическихъ отношеній. Эту задачу выполняетъ та часть населенія, которая служить представительницей умственнаго элемента народа. Чтобы этотъ умственный элементъ достигалъ дѣйствительно своей цѣли и былъ выгоденъ для страны въ экономическомъ отношеніи, нужно, чтобы каждый отдѣльный ея представитель способствовалъ экономическому прогрессу. Если этого нѣтъ, то всякій, кто не способствуетъ успѣху — мѣшаетъ ему и, слѣдовательно, идетъ странѣ въ убытокъ. Изобрѣтатели всякихъ болѣе совершенныхъ способовъ производства,

ремесленные учителя и вообще всѣ наставники, способствующіе такому развитію понятій, которымъ бы облегчалось или усвоивалось легче представленіе экономическихъ отношеній, составляютъ поэтому весьма важную составную часть всякаго общества, безъ которой невозможно экономическое движеніе впередъ. Но экономическая выгода опредѣляется исключительно ихъ дѣйствительной полезностью. Человѣкъ, воображившій что онъ способенъ дѣлать экономическія открытія и усовершенствованія въ орудіяхъ производства, но на самомъ дѣлѣ выдумавшій ничего, сдѣлалъ бы разумѣется лучше, еслибы занялся чѣмънибудь другимъ, хотя бы шитьемъ сапоговъ, потому что весь трудъ, который онъ тратитъ на бесполезныя выдумки идетъ въ убытокъ обществу; ибо въ то время, когда изобрѣтатель выдумываетъ глупости, за него долженъ трудиться ктонибудь другой, а изобрѣтатель ѣстъ хлѣбъ, добытый чужими руками. Совершенно также опредѣляется экономическая выгода ремесленныхъ учителей и всякихъ наставниковъ. Изъ числа послѣднихъ есть сортъ людей, убыточность которыхъ можетъ быть чрезвычайно велика, и имѣетъ вліяніе на весьма продолжительное время, если они способствуютъ распространенію фальшивыхъ понятій, мѣшающихъ экономической стройности общества. Изъ числа этихъ людей принадлежатъ такъ называемые ученые и литераторы. Съ тѣхъ поръ, какъ стали проясняться понятія, число такихъ ученыхъ глупцовъ становится все меньше и меньше. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы ихъ было мало нынче, или чтобы они вывелись скоро. Причина ученаго тупоумія лежитъ, разумѣется, въ слабости умственныхъ способностей большинства лицъ, посвятившихъ себя ученымъ занятіямъ, и въ ошибочномъ и одностороннемъ приготовительномъ ихъ образованіи. Иногда даже люди вообще отличныхъ способностей бываютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ знаній тупоумны, какъ и обыкновенные глупцы. Величайшій анатомъ нашего времени Оуэнъ не хочетъ признавать существованіе въ мозгу обезьянъ задней мозговой доли, задняго рога, и птичьяго когтя, считая ихъ принадлежностью только человеческого мозга. Подобныя же причины мѣшаютъ людямъ, занимающимся экономической наукой, смотрѣть правильно на сущность экономическихъ отношеній. Вредное вліяніе подобныхъ заблужденій особенно сильно потому, что одинъ заблуждающійся наставникъ создаетъ десятки заблуждающихся учениковъ, изъ

которыхъ только люди особенно счастливыхъ способностей поймутъ наконецъ свои ошибки; а люди обыкновенныхъ дарованій останутся навсегда въ потьмахъ и постараются еще передать ошибочные взгляды своимъ дѣтямъ. Причина экономическихъ заблужденій заключается въ томъ, что ученые признаютъ болѣе выгоднымъ тотъ порядокъ, при которомъ хорошо только нѣкоторымъ и не въ состоянн понять, что обществу, въ цѣломъ его составѣ, лучше тогда, когда хорошо всѣмъ. У литераторовъ же подобныя заблужденія происходятъ оттого, что они считаютъ для своего ремесла достаточнымъ одного художественнаго творчества, т. е. способности писать, полагая, что воображеніе въ состоянн замѣнить знаніе. Отъ этого люди, подобно первобытнымъ обитателямъ земли, хотятъ доходить своимъ умомъ до того, что уже давно разъяснено наукой и путаются цѣлымъ вѣкъ своей въ отсталыхъ знаніяхъ, вовсе не интересуясь узнать, что было придумано и открыто до нихъ людьми болѣе ихъ умными. Если бы вся бѣда ограничивалась только тѣмъ, что новты описывали бы, какъ утки сидятъ на заборахъ, чего въ природѣ никогда не бываетъ, или что зайцы прыгаютъ по вѣтвямъ, или какъ едѣлакъ одинъ доморощенный самородокъ романистъ, по словамъ котораго «...при химическомъ соединенн обнаруживается электричество... и если искру пропустить сввозъ платину, то при соприкосновенн ея съ воздухомъ дается пламя»—это бы все еще ничего; но худо то, что беззащитность, съ какою люди обнаруживаютъ подобное незнаніе самыхъ простыхъ предметовъ, доводитъ ихъ до наглои самоувѣренности, съ какою они берутъ на себя роли пророковъ и проповѣдниковъ истины. Кто далъ вамъ самородки такое право? Въ книгахъ котораго столѣтн вычитали вы ту ложь, которую навязываете людямъ XIX вѣка, какъ спасительное слово? Здѣсь, какъ и во многомъ, кромѣ недостатка способностей, главная причина въ отсутствн школьнаго образованн, и въ томъ дѣтскомъ самообольщенн, съ какимъ люди берутся учить другихъ, забывая, что они сами не знаютъ ничего. Когда Викторъ Гюго писалъ свой послѣднн романъ «Несчастные», онъ ѣзвилъ нарочно въ Бельгію, чтобы до послѣднихъ подробностей изучить мѣстность Ватерлоовской битвы; онъ изучалъ по документамъ даже йлоани Париза, безъ чего, при своемъ воображенн, могъ бы по-видимому обойтись. Съ общественными вопросами подобные писатели обращаются еще осмотрительнѣе; прежде чѣмъ говорить о нихъ, они изучаютъ все то, что было писано до нихъ по этимъ вопросамъ.

Только при подобномъ знакомствѣ съ дѣломъ можно сказать людямъ чтонибудь новое и полезное. Но для этого нуженъ умъ, которымъ не всегда владѣютъ романисты и псевдо — публицисты. У нихъ нерѣдко такъ мало сообразительности и самаго простого разчета, что, увлекаясь самоувѣренностью, они однимъ разомъ разбиваютъ свою прежнюю хотя небольшую, литературную репутацію. Вся ошибка отъ невѣжества; ибо люди полагаютъ, что художническій талантъ можетъ замѣнить знаніе, образованіе и умъ. Нанивность писателей бываетъ иногда такъ велика, что являются иногда между ними такіе, которые всѣ поступки Ивана Грознаго объясняютъ какъ «художество». Иванъ Грозный — художникъ! При такомъ взглядѣ на художническое творчество никакая нелѣпость не будетъ страшностью; но гдѣ же въ такомъ случаѣ мѣсто для ума и знаній? Спросите «художниковъ», — читали ли они послѣднихъ извѣстныхъ европейскихъ историковъ и публицистовъ; они скажутъ — нѣтъ. Вы ихъ спросите, какъ они рѣшаются послѣ этого писать объ общественныхъ вопросахъ — они отвѣтатъ: «мы самородки».

Экономическая теорія, сортирующая всѣ дѣйствія людей на выгодныя и убыточныя, причисляетъ трудъ подобныхъ самородковъ къ общественнымъ убыткамъ, потому что выгоднымъ она считаетъ только то, что приноситъ пользу всему обществу. Конечно въ этомъ трудѣ есть частная выгода того, кто трудится, потому что безъ этого онъ не сталъ бы работать. Но эта частная выгода приобретается на счетъ потерь другихъ людей. Такимъ образомъ, если въ какойнибудь странѣ рабочіе заняты шлифовкой брильянтовъ въ то время, когда есть люди нуждающіеся въ мясѣ и въ сапогахъ, то трудъ шлифовщиковъ идетъ въ убытокъ, потому что имъ отвлекаются руки отъ производства предметовъ болѣе необходимыхъ. Если литераторъ, или публицистъ, высказываетъ и распространяетъ мысли ошибочныя и ложныя, то дѣятельность его идетъ въ убытокъ, потому что общество для стройной и выгодной всѣмъ организаціи нуждается въ знаніяхъ истинныхъ и полезныхъ. Хотя и шлифовщикъ и литераторъ получаютъ за свой трудъ деньги, но деньги эти платятся имъ совершенно напрасно, потому что въ замѣнъ ихъ общество не получаетъ ни одного полезнаго и необходимаго ему предмета, или знанія, ни одной полезной мысли, и всѣ люди становятся на столько бѣднѣе, на сколько увеличивается богатство убыточныхъ производителей ей.

Въ своемъ безпощадномъ разчетѣ экономическая паука идетъ еще далѣе. Кромѣ выгоднаго и убыточнаго производства она различаетъ еще выгодное и убыточное потребленіе. Всѣ люди, употребляющіе предметы для убыточнаго производства, въ тоже время и убыточные потребители. Каждый кусокъ хлѣба, съѣденный убыточнымъ производителемъ, каждая изношенная имъ одежда или обувь составляють для общества убыточное потребленіе, потому что онѣ израсходованы не для того, чтобы создать что нибудь полезное; общество, лишившись этихъ предметовъ, не получило въ замѣнъ ихъ ничего для себя дѣльнаго. Такимъ образомъ, если общество дало убыточнымъ производителямъ 20 пудовъ хлѣба, двадцать паръ сапоговъ и двадцать паръ одеждъ и въ замѣнъ этого получило одинъ хорошо ошамфированный брильянтъ, одинъ глупый романъ и 10 пустыхъ дѣтскихъ книжекъ, то очевидно, что оно не только сдѣлало невыгодную мѣну, но и полезные предметы, израсходованныя имъ на эти пустяки, создали не тотъ результатъ, какой бы они могли создать, еслибы онѣ пошли на поддержаніе труда людей, могшихъ въ замѣнъ ихъ дать обществу большую массу полезныхъ для него предметовъ. Въ этомъ случаѣ обществу пошли въ убытокъ—не только его мѣна, но даже и трудъ тѣхъ людей, которые создали хлѣбъ, сапоги и платье для убыточныхъ производителей. И они, трудясь для убыточнаго потребленія, принесли своимъ трудомъ обществу не пользу, а убытокъ. Этимъ путемъ пропадаетъ безъ пользы трудъ не только тѣхъ, кто дѣлаетъ пустяки, но даже и тѣхъ полезныхъ дѣятелей, которые снабжаютъ всѣмъ необходимымъ для жизни убыточныхъ производителей. Поэтому убыточные потребители должны быть причислены къ одному разряду съ разными мотами и кутилами, растрчивающими свои силы и средства на безразсудныя дѣла. И дѣйствительно, для экономическихъ разчетовъ общества рѣшительно все равно—износилъ ли сюртукъ кутила или бездарный писака; въ томъ и другомъ случаѣ выгода общества равна нулю. Этотъ сортъ потребителей долженъ быть названъ мотами, а предметы потребляемые ими—предметами роскоши.

Такое опредѣленіе можетъ показаться читателю слишкомъ строгимъ, но тѣмъ не менѣе оно правильно. Въ обыкновенной разговорной рѣчи предметами роскоши называются тѣ предметы, которыя не служатъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Бархатъ, по отношенію къ грубому сукну, и вѣнскій пирогъ, по отношенію къ хлѣбу, считаются предметами роскоши. Но подобное опредѣленіе не

имѣть точныхъ границъ, и потому понятіе о роскоши является относительнымъ, какъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ цѣлымъ народамъ. Для жителя Сандвичевыхъ острововъ рубашка будетъ роскошью; а для европейца она предметъ первой необходимости. Для англійскаго простолюдина кровать есть предметъ первой необходимости, а для черногорца роскошь; для нѣмецкаго батрака ситный хлѣбъ съ чухонскимъ масломъ есть предметъ первой необходимости, а для остана роскошь. По сословіямъ замѣчается тоже самое: ковры и вина въ домѣ богача считаются вещами необходимыми, а для бѣдняка они будутъ роскошью; вотъ почему наивные богачи, невидавшіе никогда жизни, какъ она есть, приходятъ въ великое изумленіе, узнавъ, что у крестьянъ не бываетъ за обѣдомъ бифштекса и хереса. Въ общемъ понятіи предметы роскоши противопоставляются предметамъ первой необходимости, и поэтому раздѣлительной чертой между тѣми и другими принимается линія, служащая границей основнымъ матеріальнымъ нуждамъ населенія. Но для каждого человѣка, кто бы онъ ни былъ, нужно теплое, сухое, здоровое помѣщеніе, теплая и удобная одежда, сытный, здоровый и питательный столъ. Если большинство населенія не имѣть этихъ необходимыхъ для человѣческаго организма предметовъ, и въ тоже время меньшинство услаждаетъ свою жизнь вѣскими пирогами, трюфелями, разнообразными печеньями, соусами, винами, гаванскими сигарами, бархатами, атласами и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются богачи, то по отношенію къ бѣднякамъ, неимѣющимъ даже порядочнаго чернаго хлѣба, французскій хлѣбъ богача будетъ разумѣется роскошью. Но для кого? Онъ будетъ роскошью для бѣдняка въ глазахъ тѣхъ, кто самъ курить гаванскія сигары и носить бархатъ. Такое распредѣленіе предметовъ потребленія нельзя считать для страны экономически выгоднымъ, потому что хлѣбъ не можетъ быть предметомъ роскоши, какъ не можетъ быть роскошью свѣжій воздухъ и чистая вода. Поэтому раздѣлительной чертой долженъ быть принятъ тотъ средній уровень благосостоянія каждой страны, который зовется зажиточностью. По отношенію къ этому уровню все то, что ниже его—будетъ бѣдностью, въ большой или меньшей степени, а что будетъ выше его—большой или меньшей роскошью.

Чѣмъ меньше въ обществѣ уклоненій отъ этого средняго уровня, т. е. чѣмъ меньше въ немъ крайностей богатства, и бѣдности и чѣмъ равномернѣе распредѣлены между жителями источники и средства

жизни, тѣмъ общество благосостоятельнѣе. Такому нормальному экономическому быту нѣшало до сихъ поръ одно—недостатокъ образованія и скудное распространеніе экономическихъ знаній. Отъ этого въ исторической жизни народовъ преобладали до сихъ поръ стремленія, мало благопріятствовавшія развитію общаго благосостоянія, успѣшности труда и наимыгоднѣйшему для общества употребленію всѣхъ его силъ. Разумѣется, знакомство съ экономической наукой принесло уже обществу нѣкоторую пользу, и въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ являются все рѣже и рѣже тѣ случаи полнаго экономического невѣжества, которыя были такъ обыкновенны прежде. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы правильныя экономическія понятія составляли принадлежность большинства. Напримѣръ, въ средніе вѣка пиршества отличались иногда самой изысканной роскошью. Дичь, подаваемую къ столу, опрыскивали амброй, мускусомъ, яичныя блюда посыпали вмѣсто сахара мелкимъ жемчугомъ, къ десерту впускали въ столовую сотни мелкихъ птицъ, у которыхъ къ ногамъ были привязаны пирожныя, послѣ этого впускали ястребовъ мелкой породы, приученныхъ къ охотѣ, и тѣ ловили птичекъ и подавали ихъ своимъ господамъ. Дамы, чтобы болѣе нравиться своимъ кавалерамъ, снимали съ себя часть одежды и раскрывали такимъ образомъ свои прелести. Подобные пиры, хотя возможны и въ наше время, особенно съ полублаженными женщинами, тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе назвало бы ихъ безразсудными; слѣдовательно прогрессъ хотя небольшой, но есть. Но экономическія понятія все еще неразвились до того, чтобы общественное мнѣніе могло удерживать отъ экономическихъ безразсудствъ меньшаго размѣра. Два года тому назадъ продавалось въ Петербургѣ съ аукціона имущество одного промотавшагося, а можетъ быть и умершаго, юнкера. Между разными, болѣе или менѣе дорогими, вещами выдавались особенно—бронзовыя волоченныя цѣли для привязыванія лошадей, 16 ясныхъ, рѣзныхъ и съ позолотой дверей для конюшенъ, нѣсколько дверей рѣзныхъ дубовыхъ для той же цѣли, коверъ въ 60 аршинъ и т. д. Неподлежитъ никакому сомнѣнію, что лошади могли быть привязаны также крѣпко, а можетъ быть еще и крѣпче, простыми желѣзными цѣпями; точно также они могли бы быть сохранены, съ той же самой увѣренностью въ ихъ безопасности, и за обыкновенными прочными сосновыми дверями, за которыми хранятся лошади у всѣхъ людей. Но юнкеру было недостаточно общеупотребительныхъ способовъ; онъ приду-

наль новыя, потому что средства для жизни, доставлявшіяся ему трудомъ другихъ, позволяли ему проводить время въ праздности и въ измышленіи способовъ расходванія денегъ, доставившихся ему такъ легко. Конечно многіе люди найдутъ поведеніе инженера безразсуднымъ; а между тѣмъ тѣ же самые люди будутъ смотрѣть снисходительно на пиры и обѣды, кутежи съ шампанскимъ и женщинами, и на трактирную жизнь гуляющей молодежи. «Пусть выбродятся, думаютъ старички, мы сами были такими въ молодости» (т. е. глупцами). Возможность жить на счетъ другихъ создала суетность и тщеславіе, которыми отличаются въ особенности юноши и женщины, и тогда явился запросъ на предметы, единственное достоинство которыхъ заключалось въ ихъ великой цѣнѣ. Еслибы каждый человѣкъ долженъ былъ жить своими собственными трудами; то, разумѣется, мѣра способностей и производительности каждаго опредѣлила бы точно и образъ его жизни.

А между тѣмъ вино, театры, концерты и разныя другія удовольствія, бронзовыя и золотыя вещи и бездѣлушки, идущія обществу въ убытокъ, когда ими пользуются моты, ничего недѣлающіе, приносить обществу выгоду, если ими пользуются экономическіе производители. Даже люди ничего недѣлающіе устаютъ отъ своей праздности, но еще устаютъ болѣе тѣ, кто трудится. Хорошая пища, сонъ и отдыхъ восстанавливаютъ матеріальныя силы работника, а удовольствія необходимы для восстановления его умственныхъ силъ. Еслибы не существовало тѣхъ развлеченій, какія представляются разнаго рода гуляньями, спектаклями, публичными собраніями, то человѣческія способности понизились бы непремѣнно на нѣсколько градусовъ, и являлась бы въ жизни та мрачная, мертвящая апатія, которая годится только для того, чтобы убивать жизнь и создавать филлистерство и всякихъ видовъ тупоуміе. Разнообразіе жизни разнообразитъ человѣческія способности, развиваетъ человѣческую изобрѣтательность и усиливаетъ экономическую производительность общества. Съ этой точки удовольствія, возвышающія успѣшность труда, совершенно необходимы для тѣхъ, кто трудится; ими только неправильно пользуются тѣ, кто ничего не дѣлаетъ. Но даже и выгодные производители могутъ дѣлать убыточные для общества траты, если они пользуются предметами не для того, чтобы создать въ замѣнъ ихъ что нибудь полезное, или усилить свои производительныя способности. Если такой производитель выпиваетъ бутылку шампанскаго просто для то-

го, чтобы навѣться пьянымъ, то онъ нѣтъмъ не отлагается отъ мота, дѣлающаго тоже самое.

Чтобы общество могло находиться въ обстоятельствахъ наиболѣе благоприятныхъ для усилѣнности труда, и чтобы въ немъ не существовало тупеядства, необходимы учрежденія, способствующія первому и иѣшающія второму, потому что на такое правильное и выгодное развитіе способностей, при которомъ каждый человекъ, идущій обществу въ убытокъ, понималъ бы свою убыточность, разсчитывать скоро нельзя. Но есть также случаи, когда соответственное экономическимъ потребностямъ ивѣненіе учреждений тоже не возможно мгновенно или даже въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ случаѣ приходится разсчитывать на тѣхъ болѣе способныхъ людей, которые усваиваютъ легче повья понятія и владѣютъ доброжелательствомъ, обыкновенно чуждымъ людямъ ограниченнаго ума.

Ложный стыдъ, порождаемый тщеславіемъ, заставляетъ нерѣдко людей хвастаться состояніемъ, котораго у нихъ нѣтъ. Богатство ставится въ заслугу, возможность жить чужимъ трудомъ—въ достоинство. Короче, люди тщеславятся турецкими понятіями о человеческомъ достоинствѣ и считаютъ великимъ житейскимъ преимуществомъ проводить свое время въ постоянной праздности, подобно новозеландскимъ дикарямъ. Такъ поступаютъ одни. Другіе, повидимому хотя и трудятся, но ихъ дѣятельность въ сущности такъ же полезна обществу, какъ еслибы они ничего не дѣлали. Этого сорта людей особенно много между людьми считающими себя образованными. Тѣмъ не менѣе и тѣ и другія полагаютъ, что они оказываютъ человѣчеству великое одоженіе тѣмъ, что живутъ, пользуются трудомъ другихъ и даютъ низшему человѣчеству возможность работать на нихъ. Даже, такой умный человекъ, какъ Вольтеръ, заблуждался въ экономическихъ вопросахъ въ такой степени, что считалъ выгоднымъ для государства, если богачи и моты отвлекаютъ руки отъ производства предметовъ первой необходимости, чтобы приготовить для нихъ разныя блестящія бездѣлушки. Это называлось давать хлѣбъ рабочимъ. Мысль Вольтера нашла сочувствіе вездѣ, гдѣ были правды моты, и нашлись охотники повторять экономическій афоризмъ—«богатый мотъ живетъ самъ и даетъ жить другимъ». Лучше понятія экономической явленія показали однако ошибочность теоріи Вольтера въ томъ смыслѣ, какъ она понималась прежде; но вмѣстѣ съ тѣмъ показали и полную справедливость ея, если люди захотятъ сообразовать свою жизнь

съ истинами, которыя выработала экономическая наука, повѣст-ная этому великому писателю. Дѣйствительно—пусть человѣкъ живетъ самъ и дастъ жить другимъ, только этого и нужно; но въ такомъ случаѣ надобно изменить нѣсколько свои привычки и понятія. У кого достанетъ для этого способностей, тотъ будетъ жить и самъ и дастъ жить другимъ; у кого же нѣтъ—тѣтъ хотя пройдетъ и весело свой путь жизни, не испытавъ ни лишеній, ни дѣйствительно полезнаго труда, но за то пусть онъ и знаетъ, что вся жизнь его была убыточною для общества, въ которомъ онъ жилъ.

Но многое убыточное для общества люди дѣлаютъ иногда только потому, что не знаютъ, что оно убыточно. Вся наша домашняя жизнь построена на ошибочныхъ понятіяхъ о приличіи и на незнаніи экономическихъ началъ. Дѣйствуя по привычкѣ, потому что такъ привыкли насъ въ родительскомъ домѣ, мы не затрудняемъ себя вопросомъ, что въ нашей жизни имѣетъ полезный смыслъ и что должно быть оставлено, какъ убыточное и для насъ и для общества. Наши расходы сообразуются не съ дѣйствительными нуждами нашего организма, а съ тѣми идеями о приличіи, которыя живутъ въ головахъ нашихъ знакомыхъ. Люди слабохарактерные и малосвѣдущіе поддаются въ такой степени этому влиянію, что становятся наконецъ совершенно неспособными жить своимъ умомъ. Если человѣку, по его роду занятій, совершенно достаточно одной или двухъ комнатъ, онъ для приличія занимаетъ три. Человѣку достаточно совершенно за обѣдомъ двухъ здоровыхъ и питательныхъ блюдъ; но для поддержанія своего достоинства онъ ѣстъ три, или четыре, и приобретаетъ наконецъ дурную привычку обременять свой желудокъ и ѣстъ больше, чѣмъ нужно. И во всѣхъ мелочахъ жизни обнаруживается то же излишество — человѣкъ постоянно потребляетъ больше, чѣмъ ему необходимо, не увеличивая этимъ не только своей производительной способности, но даже вовсе не подозревая, что каждое его излишество приобретается на счетъ потерь другого. Люди дурныхъ привычекъ могутъ на это возразить, — отчего бы имъ не тратить много, когда у нихъ есть много и когда въ нихъ воспитаны такія утонченныя и разнообразныя потребности, для которыхъ нужно утонченное и разнообразное удовлетвореніе. Но, сколько извѣстно изъ законовъ физиологій, желудка гениальныхъ людей и органическія ихъ потребности не отличаются нисколько отъ желудковъ и потребностей людей обыкновенныхъ. Чтобы думать и дѣйствовать,

умно, не нужно тоже жить широко и ѣсть много. Что же касается до утонченныхъ или дурныхъ привычекъ и до убыточнаго потребленія вообще, то ихъ, разумѣется, нельзя считать ни гениальностью, ни умомъ.

Читатель будетъ совершенно правъ, если скажетъ, что во всемъ намъ изложенномъ нѣтъ ничего новаго, и что у цивилизованныхъ націй есть очень много отдѣльныхъ людей, дѣйствующихъ вполне согласно съ экономическими началами. Это будетъ вполне справедливо, особенно если относится къ промышленному и торговому классамъ Англии и Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Торговые и промышленные люди этихъ странъ имѣютъ дѣйствительно довольно ясное понятіе о значеніи и важности труда и объ обстоятельствахъ, мѣшающихъ его успѣшности. У нихъ время—деньги; каждая минута считается, и каждая рабочая сила даетъ имъ наиблаготворительнѣйшій результатъ. Только это умѣнье пользоваться всемъ, способствующимъ ихъ экономической дѣятельности, и направлять неуклонно всѣ свои физическія и интеллектуальныя силы къ одной цѣли, создаютъ ту громадную производительность, которая приводитъ въ изумленіе народы, нестачающіеся подобнымъ развитіемъ, энергіей и предприимчивостью. Но общіе результаты англійской производительности вовсе не доказываютъ, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ находился тамъ въ условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для его экономической дѣятельности, и чтобы правительство страны желало предоставить каждому то, что могло бы сообщить его труду наибольшую успѣшность. Въ этомъ случаѣ только американскіе свободные штаты дѣлаютъ исключеніе, и потому-то янки имѣютъ полное право гордиться тѣмъ, что они идутъ въ главѣ мировой цивилизаціи и указываютъ другимъ народамъ наиблаготворительнѣйшій путь жизни. Причина экономическаго и вообще общественнаго процвѣтанія Штатовъ въ томъ, что частный интересъ отдѣльныхъ лицъ находится тамъ въ наиблаготворительнѣйшихъ отношеніяхъ къ общественному интересу, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и что американцы не жертвуютъ выгодами однихъ для выгодъ другихъ. Если же всѣ люди пользуются одинаковой экономической свободой и одинаковыми экономическими правами, то разница между ними опредѣлится исключительно ихъ способностями и знаніями. Въ этомъ случаѣ, если не встрѣтятся какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, каждый человѣкъ займетъ мѣсто по возможности соответствующее его силамъ. При современныхъ понятіяхъ объ общественномъ бытѣ, Америка, разумѣется, самая счастливая страна, и счастье

это свалилось ей не съ неба, а приобретено трудомъ и такимъ образованіемъ каждаго отдѣльнаго гражданина, какового конечно не найти ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому, что отъ личнаго экономическаго развитія каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ матеріальное благосостояніе всего народа. Но для экономическаго развитія массъ населенія нужна возможность полнаго развитія всѣхъ силъ и способностей, отъ которыхъ зависитъ успѣшность труда. Когда страна непользуется этой возможностью, то всѣ толки и разговоры объ улучшеніяхъ матеріальнаго быта людей останутся одними словами, и народъ не вылезетъ изъ своей бѣдности. Бѣдный народъ нуждается не во многомъ и производитъ мало. Въ этомъ случаѣ всѣ будутъ бѣдны, всѣ будутъ нуждаться. Въ странахъ, гдѣ масса народа бѣдна, всѣ промыслы и производства, все торговое движеніе, совершаются медленно и тихо. Эти медленные обороты, при существующей системѣ денежнаго хозяйства, ведутъ къ малому количеству въ странѣ денегъ; при малоденежьи и при слабой податной способности народа является необходимость дѣлать долги; но долги нужно платить, и въ такомъ случаѣ, заемъ падаетъ на народъ новой тягостью. При подобныхъ хозяйствахъ народы богатѣть не могутъ.

Современныя европейскія государства довели до весьма тонкаго развитія свою финансовую изобрѣтательность; но сущность всѣхъ изворотовъ одна и таже—внутренніе и внѣшніе займы, съ большими или меньшими процентами. Для людей, невникавшихъ въ финансовыя дѣла, онѣ кажутся чѣмъ-то громаднымъ, сложнымъ и непостижимымъ. Такой боязливый взглядъ на сущность этого простаго явленія хотя и понятенъ, но тѣмъ не менѣе не служитъ доказательствомъ силы человѣческой сообразительности. Когда у государства недостаетъ денегъ на его расходы, оно поступаетъ также, какъ и большинство отдѣльныхъ людей. Человѣкъ, прожвакающій больше, чѣмъ онъ получаетъ, можетъ покрыть свои расходы двумя средствами, или увеличеніемъ доходовъ, или же,—когда этого нельзя, займомъ. Разумѣется есть средство болѣе экономическое—не дѣлать расходовъ, превышающихъ доходы, а если необходимость заставила сдѣлать какую нибудь чрезвычайную трату, то покрыть ее соответственнымъ сокращеніемъ послѣдующихъ расходовъ. Такъ и поступаютъ обыкновенно благоразумные люди. Подобныя же явленія повторяются и въ жизни государствъ. Если населеніе не такъ богато, чтобы всѣми

прямыми и косвенными налогами могло доставить государству необходимые для его издержек средства, в таком случае государство прибѣгаетъ къ займамъ. Разница въ этихъ случаяхъ между государствомъ и частными лицами въ томъ, что къ государствамъ существуетъ большее довѣріе. Частный человекъ, находящійся въ подобномъ же экономическомъ положеніи, не нашелъ бы охотника дать ему въ займы. Причина довѣрія къ государствамъ заключается въ довѣріи къ силамъ народа и въ несомнѣнности приращенія его будущаго матеріальнаго благосостоянія. Здѣсь весь расчетъ на экономическомъ прогрессѣ націи. Если этотъ прогрессъ возможенъ, — есть и кредитъ; если же силы народа слабы и надежда на уплату долговъ съ процентами не особенно вѣроятна, — то въ той же степени является и затруднительность дѣлать государству новые долги. Разумѣется, государства могутъ, кромѣ внѣшнихъ, прибѣгать еще къ займамъ внутреннимъ, выпуская процентныя и безпроцентныя бумажныя деньги, или даже дѣлая у своихъ подданныхъ займы принудительныя, какъ это водится въ Австріи. Процентныя и безпроцентныя бумаги, выпущенныя въ изобиліи, при затруднительномъ ихъ обмѣнѣ на звонкую монету падаютъ противъ своей номинальной цѣны; это значитъ, что за известную бумажку нужно давать больше предметовъ т. е. больше труда.

Къ числу причинъ, имѣющихъ болѣе или менѣе продолжительное вліяніе на уменьшеніе производительныхъ средствъ страны, а слѣдовательно и на ослабленіе народнаго труда, относится также и внезапное или быстрое извлеченіе изъ страны значительнаго капитала, а также затраты на такія предпріятія, выгоды отъ которыхъ предвидятся пещоро. Еслибы кто нибудь вздумалъ провести желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Устьсысольскъ, то десятки милліоновъ, истраченныя на это дѣло, сдѣлали бы временно большое пониженіе матеріальнаго благосостоянія страны. Но еще больше можетъ пострадать страна отъ неудачныхъ предпріятій и отъ затратъ, которыя ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не могутъ дать никакихъ выгодъ. Всѣ такія предпріятія можно сравнить съ рытьемъ канавъ и засыпаніемъ ихъ опять вынутой землей. Убытки подобныхъ дѣлъ происходятъ оттого, что народъ трудившійся для нихъ проѣдалъ хлѣбъ, изнашивалъ обувь и платье, расходовалъ инструменты и орудія, не производя въ замѣнъ этихъ потерь ровно ничего. Было бы выгоднѣе для страны, еслибы рабочіе все это время сидѣли сложа руки. Люди, распоряжающіеся

подобными неудачными предприятиями, думают совершенно напрасно, что отъ незнанія дѣла или недобросовѣстности распорядителей терпѣть только обманутые акціонеры — отъ такихъ дѣлъ терпѣть вся страна; весь народъ становится бѣднѣе, потому что пропадаетъ даромъ трудъ не только тѣхъ, кто трудился на вѣтеръ, но и тѣхъ, кто производилъ на этихъ рабочихъ все необходимое для ихъ занятій. Равнобѣсіе, нарушенное подобными быстрыми измѣненіями въ странѣ капиталовъ, можетъ быть восстановлено првлеченіемъ подобныхъ же капиталовъ извнѣ. Средство это хорошо, если найдутся капиталы и найдется для нихъ дѣло; но это будетъ только залечиваніе вновь нанесенныхъ ранъ; что же касается до прочнаго, общенароднаго экономическаго прогресса, то для него существуетъ только одинъ путь — свобода труда, устраненіе всего, мѣшающаго его успѣшности, и расходы, непревышающіе доходовъ. Такое средство есть радикальное леченіе; оно не подѣйствуетъ въ одинъ годъ, какъ моргантическія финансовыя мѣры, но за то подѣйствуетъ прочно, и въ десять лѣтъ создастъ большую экономическую силу. Расточительные люди не любятъ бережливости, имъ больше нравятся долги и спекуляціи; но кто же не знаетъ, чѣмъ кончаютъ расточители. Время чудесъ прошло, философскій камень не открытъ, да еслибы онъ и былъ открытъ, то люди не стали бы богаче, и у народовъ есть только одно средство достигнуть матеріальнаго благосостоянія — трудиться и не растрачивать своихъ и силъ средствъ на убыточное потребленіе.

Т. 3.

МОСКОВСКІЯ ПОРЫ И ТРУЩОБЫ.

II.

АРБУЗОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

(по запискамъ Клещова).

Колосовъ переулочъ тянется отъ Грачевки влѣво; онъ сплошь набитъ всевозможными бѣдняками. Съ утра до вечера и съ вечера до слѣдующаго утра не смолкаетъ въ немъ людской гомонъ, не смолкаетъ длинная, длинная пѣсня голода, холода и прочихъ нищенскихъ недуговъ. Изъ кабака-ли вырывается та пѣсня въ видѣ разухабистаго *жми говори*, сопровождаемая воплями гармоники или визгомъ скрипки, или просто несется она откуда нибудь изъ подъ крыши стараго, покосившагося деревяннаго дома, или, наконецъ, поетъ ее какой нибудь оборванецъ, сидя на тумбѣ,—всегда она горькій плачь, всегда она выше человѣческой погибшей души.

Арбузовская крѣпость стоитъ на самой срединѣ Колосова. Это старый, деревянный домъ въ два этажа, грязный и облупленный съ наружи до того, что рѣзко отличается даже отъ своихъ собратій, не вообразимо грязныхъ и ободранныхъ. Къ

дому справа и слева прилегают два флигеля, которые тянутся далеко в глубину двора, и домъ и флигель разбиты на множество мелкихъ квартиръ, въ которыхъ гомозятся сотни различныхъ бѣдняковъ. Впрочемъ и въ *Арбузовской крѣпости* существуетъ извѣстная градація квартиръ подобная той, какая существуетъ во всѣхъ домахъ. Такъ, напримѣръ, въ квартирахъ дома, окнами на улицу, живутъ бѣдняки по боаче, по преимуществу женщины, у которыхъ есть все: и красныя занавѣски, и нѣкоторая мебель, и кое-какая одеженка, а главное—подобные жильцы постоянно находятся въ ближайшемъ общеніи съ различными кабаками, полливными и проч. куда сносятся ежедневно скудные гроши, приобретаемые этими несчастными за распродажу собственной жизни... Имъ завидуютъ всѣ безъ исключенія арбузовскіе квартиранты; ихъ называютъ довольными и счастливыми.—Ко второй категоріи принадлежатъ жители тогоже дома, но только частей его болѣе удаленныхъ отъ улицъ:—окна на дворъ. Тутъ обитаетъ нищета по мелече: изъ трехъ дней у нея только два кабацкихъ и одинъ похмѣльный; на пять на шесть дней такому жильцу непременно выпадетъ одинъ голодный. Борьба съ просыпающейся совѣстью и упорная битва съ подставляющей ногу жизнью сдѣлали изъ такого существованія много-актную драму, въ которой, впрочемъ, сердце зрителя по временамъ отдыхаетъ отъ тяжелыхъ, раздирающихъ сценъ. Но такіе антракты слишкомъ коротки: занавѣсъ поднимается и падаетъ, то и дѣло появляются на эстраду жалкіе актеры, то и дѣло они слезы изъ вашихъ глазъ своимъ отчаяннымъ воплемъ! Страшно быть такимъ актеромъ, но еще страшнѣе попасть въ число дѣйствующихъ лицъ третьяго рода жильцовъ *крѣпости*.—Жильцы третьей категоріи населяютъ флигеля. Здѣсь изо дня въ день разыгрывается драма, безъ перерывовъ, безъ антрактовъ. Зрителя не существуетъ: онъ закрылъ глаза, заткнулъ уши и бѣжалъ. «Что это за мерзость! негодуешь онъ:—Ну, покажи чтонибудь страшное да потомъ дай отдохнуть—въ буфетъ что ли сходить,—а то, чертъ знаетъ что такое! наставилъ вмѣсто людей звѣрей какихъ-то, да и заставляетъ ихъ ломаться цѣлые годы! И глупо и неестественно!» Дѣйствительно актеры что-то пе-

рессаливаютъ. Хотятъ они изобразить, напримѣръ, голоднаго человѣка, такъ такую рожу вамъ покажутъ, что даже отвратительно! Ну, ктоже не знаетъ, что такое голодь, *аппетитъ*? Или: бьютъ другъ друга до крови, *до настоящей крови*, желая представить драку! Или ножи эти, кистени—ну, почему бы не имѣть такихъ вещей изъ картона, дерева, или что либо подобное?.. Словомъ зритель правъ, убѣгая отсюда; тѣмъ больше правъ, что въ жизни существуетъ еще столько пріятнаго милаго, забавнаго, что не смутить, не разозлить, не вызвать жолчь; тѣмъ больше правъ, что медъ пріятнѣе полыни, и повсемѣстная водевильная веселость милѣе подобной драматической потасовки.

Я поселился въ *кѣпности* на квартирѣ третьяго разряда. Квартира эта состояла изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одну занимала хозяйка, другая отдавалась въ наемъ. Эта послѣдняя была раздѣлена опять на двѣ части, чѣмъ-то въ родѣ корридора, каждая часть, въ свою очередь, дѣлилась еще на двѣ; слѣдовательно изъ комнаты, предназначавшейся для отдачи въ наемъ, выходило четыре покоя, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго небольшою перегородкою. Каждый такой покой величиною равнялся конюшенному стойлу, и въ подобномъ стойлѣ верѣдко помѣщалось трое даже четверо. Очень немного, думаю, найдется людей, которые могли бы представить себѣ общую атмосферу комнаты въ три—четыре квадратныхъ сажени, набитой восемью или десятью живыми существами, особенно, если принять еще во вниманіе то, что каждое стойло имѣло свою собственную атмосферу.

Я обязался платить за свое помѣщеніе рубль семьдесятъ пять копѣекъ въ мѣсяцъ. Словоохотливая хозяйка долго—долго расхваливала мнѣ мою закуту.

— Кто же живетъ въ сосѣдствѣ со мною? спросилъ я хозяйку послѣ осмотра новой моей квартиры.

— Да разные...

— То есть какъ-же это разные?

— Да ты не бойся, батюшка,—у насъ ничего. У насъ этого нѣтъ, чтобы у своихъ, то есть... ни—ни! Хоть золота груды навали—не тропуть! На счетъ этого смирно.

Отд. I.

— О, за это-то я не опасаюсь, потому что у меня взять-то нечего!

— Ну и ладно... А народъ живеть все хорошій. Разумѣется въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ ты его сыщешь, человѣка, чтобы на отличку, значитъ: все маленько есть за нимъ что-то... Но только, опять же, въ фатерѣ онъ ничего этого...

— То-то, чтобы не слишкомъ беспокоили.

— Нѣтъ беспокойства тебѣ не будетъ, потому на лѣву-то руку дѣвица живеть—смирная такая, пресмирная, вотъ равно ея и нѣтъ; опять по праву, тамъ старики у меня пушены, дочь у ихъ дѣвчонка, да сынъ,—эти тоже ничего. Перва-то старикъ, признаться, баловаль, а теперь должно помирать собрался, такъ потише сталъ,—и все изъ его эта слюва бѣжить, такъ бѣжить, что можетъ колько уже ведеръ ее вытекло!... Насупротивъ опять смпрный живеть; агличанка у ево тоже тихая, словно курица какая: когда ежели бить начнетъ, такъ и то она голосу не подасть, все больше въ себѣ придерживаетъ...

Получивши такимъ образомъ нѣкоторое понятіе о своихъ сосѣдяхъ, я сунулъ хозяйкѣ задатокъ, а чрезъ два, три часа окончательно перебрался на новую квартиру, благо не ретаскивать-то нечего. Въ первый же день я уже узналъ кое-что о своихъ соквартирантахъ, а недѣлю спустя вошелъ съ ними въ знакомство, и такъ какъ человѣкъ въ этихъ мѣстахъ крайне сообщителенъ, и вообще не способенъ скрывать отъ другихъ что нибудь, то мнѣ ровно ничего не стоило собрать самыя точныя свѣденія объ этихъ людяхъ.

Направо, въ конурѣ, помѣщалось семейство изъ четырехъ человѣкъ. Pater familiae, ветхій старикъ, больной, раздражительный и вѣчно жаждущій водки, постоянно оставался дома; мать, худая, желтая, сгорбленная старушка, цѣлый день бродила гдѣ-то, по видимому безцѣльно, и только по вечерамъ являлась на квартиру; дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, была совершенно предоставлена самой себѣ, и только по временамъ

забѣгала въ свое убогое жильё, гдѣ постоянно брызгалъ на нее полуживой отецъ; сынъ, молодой человекъ двадцати съ чѣмъ нибудь лѣтъ, рѣдко появлялся въ семействѣ, потому что вѣчно голодные родные постоянно встрѣчали его бранью и проклятіями, если бѣднякъ не приносилъ денегъ. Съ отцемъ семейства я познакомился въ первый же день.

Дѣло случилось такъ:

Вечеромъ, подложивъ руки подъ голову, я лежалъ на кровати. Зажигать свѣчу было еще рано да и не нужно, потому что только въ потемкахъ и можно оставаться до нѣкоторой степени равнодушнымъ къ окружающей гнусности. Далеко гдѣ-то гудѣла шарманка—московская шарманка, выворачивающая вонъ душу. Вслушиваясь въ убогій сапъ и храпъ убогой музыки, я мало по малу переходилъ изъ состоянія крайняго ожесточенія въ какое-то мирное, тихое, плаксивое состояніе. Въ головѣ ворохнулись воспоминанія о прошломъ; одна за другой побѣжали передъ моими глазами тѣни, когда-то милыя моему сердцу; на рѣсницы навернулись слезы... Въ потемкахъ хорошо плакать, увѣряю васъ! Когда я забиваюсь съ своимъ горемъ въ темную комнату, я всегда даю просторъ накипѣвшимъ въ груди страданіямъ. Я забываю тогда, что я мужчина и что, слѣдовательно, мнѣ плакать стыдно; тогда я, откинувъ въ сторону всякую конѣчную мудрость, и сообразивши всю тяжесть настоящей жизни, всю свою безхарактерность, всю мелочность и пошлость своей натуры,—тогда я ясно понимаю, какой я величайшій дуракъ, какая я ничтожная гадина! и вотъ реву, реву и реву;—реву до тѣхъ поръ, пока не облегчится грудь, пока не скатится камень, наваленный на сердце! Нѣтъ хорошо иногда забыть, что ты желѣзный мужчина и, уподобившись слабонервной женщинѣ, хорошо всплакнуть,—хорошо потому, что больше-то ничего, по своей негодности, сдѣлать не можешь! Вѣдь наше горе—горе дурацкое! Наши страданія потому только и существуютъ, что существуютъ на нашихъ плечахъ гуттаперчевыя шишки вмѣсто головъ! потому, что насъ можно утѣшить пряникомъ! потому, что хоть и кричимъ мы во все горло, да кричимъ то по одиночкѣ, безъ толку! потому, наконецъ, что руки наши болтаются безъ дѣла, что забилъсь

мы въ какой-то заколдованный кругъ, да и боимся шагнуть за черту! Тяжело наше горе, потому что плечи мы сами! И долго, долго будетъ поѣдать насъ это великое зло, если мы сами будемъ равнодушны къ нему, если мы сами твердо не пожелаемъ имѣть то, безъ чего мы такъ позорно умираемъ!

Такъ, только-что я далъ просторъ своей кручинѣ, за стѣной, справа, раздался удушающій, болѣзненный кашель и за-тѣмъ кто то слабо проговорилъ:

— Добрый человекъ!

Я проглотилъ слезы и, по возможности, твердымъ голо-сомъ спросилъ:

— Что вамъ нужно?

— Выслушайте бѣднаго, больнаго старика.

— Говорите.

— Съ утра маковой росинки во рту не было; войдите въ мое горькое положеніе, помогите голодному челов...

Кашель прервалъ рѣчь сосѣда.

— Старикъ! крикнулъ я: зайдите ко мнѣ, если можете, у меня есть хлѣбъ, да вотъ и денегъ тутъ, кажется, былонѣ-сколько копѣекъ.

Я открылъ ящикъ стола, и принялся отыскивать тамъ скуд-ные свои гроши. Въ это время въ конурѣ сосѣда послыша-лось усиленное вряхтѣнье, бѣдняжка не могъ справиться съ плохо-повиновавшимися ему ногами. Я зажегъ свѣчу.

— Ну что, идете?

— Иду, иду, батюшка, проговорилъ старикъ, медленно вы-ползая изъ своего стойла. Ноги-то, треклятыя, не слушаются, прибавилъ онъ, выбравшись въ корридоръ.

Я отворилъ дверь.

— Здравствуйте, сосѣдушка, слабо пролепеталъ старикъ, входя ко мнѣ.

— Здравствуйте. Садитесь.

Старикъ опустился на стулъ. На видъ ему было лѣтъ сем-десятъ. Лицо морщинистое, какъ ядро грецкаго орѣха, утра-ило всякое выраженіе. Тусклые глаза бессмысленно выгля-дывали изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей. Бѣднякъ уча-щенно чавкалъ губами, повидному, стараясь какъ-нибудь удер-

жать ключемъ бѣжавшую слюну. Я предложилъ старику хлѣба, и попросилъ хозяйку поставить самоваръ.

— Дорого-ли платите? спросилъ меня сосѣдъ, обидывая взглядомъ комнату.

— Рубль семьдесятъ пять.

— Такъ, такъ. Хорошая комнатка.. И тепло, поди? прибавилъ онъ, закивая въ ротъ куски хлѣба.

— Должно быть тепло, отвѣтилъ я. Но старикъ не слышалъ моихъ словъ; глаза его вдругъ какъ-то блеснули и забѣгали изъ стороны въ сторону: онъ увидѣлъ на столѣ нѣсколько копѣекъ денегъ.

— Водочки бы, прошепталъ бѣднякъ, протягивая руку къ деньгамъ. На пятакъ-бы.. погрѣться... давно не пилъ... славно! бормоталъ старикъ, какъ ребенокъ глядя мнѣ въ лицо.

— Вѣдь вамъ, дѣдушка, я думаю, вредно пить.

— Нѣтъ, ничего, бойко проговорилъ онъ. Это она вамъ сказала, что вредно,—она вретъ, ей-богу вретъ! Она сама пьяница, подлая!...

— Напротивъ, мнѣ никто не говорилъ, но я думаю это, глядя на васъ, перебилъ я старика.

— На пятакъ только, скорбно выговорилъ старикъ.

— Извольте, если только это не повредитъ вамъ.

— Нѣтъ, пѣтъ! Вотъ ноги поразомну... Давно очень ужъ не пилъ, вздыхая добавилъ бѣднякъ.

Я послалъ за водкой.

— Какъ-же вы, четверо, помѣщаетесь въ одной кснатѣ? спросилъ я сосѣда.

— По бѣдности, батюшка.

— Давно ли вы такъ живете?

— Девятый годъ.

— Господи, боже мой! неволью вырвалось у меня. Девятый годъ люди изо-дня въ день умираютъ голодной смертью, подумалъ я. А прежде вы какъ жили и чѣмъ занимались? спросилъ я старика.

— Да такъ же и прежде жили; только тогда, извѣстно, здоровья-то больше было—самъ работалъ; а теперь только, что

сынъ добудеть, тѣмъ и прѣбываемся. А какой онъ добыщикъ?

— Какая-же ваша работа была?

— Разная... какая придется...

— То-есть, какъ-же это: какая придется?

— Да также... Извѣстно какая... сами знаете...

Старикъ замаялся. Принесли водку; сосѣдъ выпилъ рюмку, и сладострастно зачавкалъ губами, приговаривая:

— Ахъ ты, рожонъ тебѣ въ бокъ!.. Ишь вѣдь какое зелье подлое!.. Страсть люблю эту тварь!..

— Гдѣ-же ваше семейство? спросилъ я его.

— А богъ ихъ знаетъ. Они вѣдь меня, старика, не очень почитаютъ; такъ бросить съ утра раняго,—вотъ и валяюсь одинъ, голодаючи.

— Отчего вы не попроситесь въ богадѣльню? Вѣдь вамъ пора бы ужъ, кажется, успокоить себя. Богу бы тамъ молились.

— Охъ, батюшка, не могу я! Былъ я ужъ и въ богадѣльнѣ—прогнали: очень пить сталъ.

— Помилуйте, куда вамъ пить! Вы больны, вамъ лечиться нужно.

— Боленъ, батюшка, да — боленъ... надо лечиться, бормоталъ старикъ, наливая рюмку. Вы на меня не сердитесь, батюшка, обратился онъ ко мнѣ: не могу, очень ужъ люблю ее, проклятуя!

Онъ выпилъ, поцѣловалъ доньшко рюмки и затѣмъ бросился обнимать меня. На глазахъ старика стояли слезы.

— Только вы у меня одинъ добрый, задыхаясь лепеталъ сосѣдъ. Всѣ меня бросили; никому я не нуженъ; никто не пожалѣетъ меня. Такъ, ровно тряпка какая ненужная, валяюсь безъ призору. Жена бросила, сынъ бросилъ, дочь бросила— всѣ бросили! Но только богъ меня не бросилъ, оживившись проговорилъ старикъ. Нѣ-этъ, богъ не бросилъ... Богъ все не оставляетъ меня своей милостью. Я много предъ нимъ грѣшенъ, много грѣшенъ—а онъ все не оставляетъ, все не оставляетъ меня. Онъ все не оставляетъ... Онъ? Богъ-отъ... Нѣ-этъ, не оставляетъ... А они мнѣ не нужны.. Они мнѣ не

нужны... Жена думаетъ, что я въ ней нуждаюсь... Нѣ-эть, шалишь! Ступай! ты мнѣ не нужна!... Воруйте вы съ сыномъ сколько вашей душѣ угодно, пропивайте, сколько вашей душѣ угодно, а вы мнѣ не нужны... нѣтъ, не нужны...

Старикъ совершенно захмѣлѣлъ; онъ едва держался на стулѣ.

— Вы мнѣ не нужны... ступайте ко всѣмъ чертямъ! бормоталъ старикъ. Вотъ Сашутку жалко... Сашутку жалко... А должна пропасть, должна пропасть... А жалко, очень жалко, вотъ какъ жалко! Старикъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— Возьми у меня Сашутку, пристрой ее!.. Пристрой!.. Ты добрый человѣкъ?.. На! возьми ее... сбереги ее мнѣ...

Бѣднякъ какъ-то безсмысленно поглядѣлъ на меня.

— Нѣтъ, и тебѣ не отдамъ, потому всѣ вы подлецы!.. Я васъ всѣхъ знаю... я всѣхъ знаю... Вотъ вамъ что будетъ за Сашутку! и старикъ погрозилъ кулакомъ. Она у меня вотъ гдѣ, вотъ!.. бѣднякъ указалъ на сердце. Ни за что не отнимите Сашутку у меня! Ни за что!.. А пропадетъ, провадетъ, прибавилъ онъ, закрывая лицо руками:—провадетъ... мать продастъ, какъ подростетъ... продастъ, продастъ!...

Несчастный откинулся на спину стула, заскрежеталъ зубами и потомъ тяжело захрипѣлъ; голова свалилась на сторону, лицо совершенно помертвѣло, грудь едва колыбалась.

Я перетащилъ старика на кровать.

— Зачѣмъ вы его попли-то? упрекнула меня хозяйка, входя съ самоваромъ. Вѣдь ему одинъ паперстокъ нужно—вотъ ужъ онъ и пьянъ.

Въ этотъ же вечеръ я познакомился съ женою и дочерью старика. Старушка много рассказывала мнѣ о своемъ горѣ, повнилась въ пристрастїи къ водкѣ, которую, какъ говорила, пить по неволѣ, чтобы залить свою кручину, и долго, долго нашептывала мнѣ о своей печальной долѣ, выбиться изъ которой, какъ она увѣряла, нѣтъ никакой возможности. Видно было, что человѣческая рѣчь, какой я говорилъ съ этими бѣдняками, сильно дѣйствовала на ихъ загрубѣлыя сердца. Участїе, съ какимъ я выслушивалъ грустную исповѣдь старушки, очень расположило ее ко мнѣ, такъ что послѣ какихъ

нибудь тридцати, сорока минут, которые мы провелъ въ бесѣдѣ, старушка, безъ всякихъ вызововъ съ моей стороны, принялась рассказывать мнѣ свою жизнь.

Передаю то, что сохранила моя память изъ этого разказа.

«Въ Москвѣ мы живемъ лѣтъ двѣнадцать, — рассказывала старушка, — а прежде въ Серпуховѣ жили: такъ, торговлишкою кое-какой занимались. Старикъ—отъ у меня въ тѣ поры былъ трезвый, и вина этого ему на духъ не надо, не токма чтобы пьянствовать, какъ теперь. Въ Серпуховѣ-то мы жили, можно сказать, богатыми, потому лавочка у насъ своя была, да дворъ постоянный держали: была у насъ и корова своя, и лошадку держали, и все это, что по хозяйству вокругъ надо—все было. У меня, бывало, помню сарафанъ не сарафанъ, шаль не шаль, шуба не шуба,—такъ ннда вѣшалка ломится! И прожили бы мы безбѣдно до сихъ поръ, если бы не обошелъ насъ въ ту пору какой-то бѣсъ, прости Господи!.. Вступило вдругъ, отецъ мой, старику моему въ голову переѣхать въ Москву: такъ спитъ онъ и видитъ все Москву, да Москву,—совсѣмъ замотался. Я тоже, ровно бы одурѣла, тоже за ннз тяну: «поѣдемъ, молъ; что намъ тутъ дѣлать?» И дивн бы молоденькіе что-ли были, дивн бы капиталу у насъ больно ужъ много было, — ничего такого: такъ взбѣсились на старости лѣтъ, да и ва! поди! Разомъ мы все это распродали, разомъ собрались и маршъ.—Приѣзжаемъ. Спервачка-то у Красныхъ воротъ остановились, а сами все приглядываемся да присматриваемся, гдѣ бы, молъ, торговлишку какую завести—лавочку что-ли мелочную, али кабакъ снять. Отыскали наконецъ и лавочку. Сняли. Мѣсяца два торгуемъ, слава тебѣ Господи! (Тутъ на Дербеновкѣ лавку-то держали). Только, отецъ ты мой, однава, какъ теперь помню подъ Егорьевъ день, — ноетъ эта у меня сердце: такъ ноетъ, такъ ноетъ, что и сказать я тебѣ не могу! Захватить, захватить внутри-то, да такъ ровно бы все сосеть, все сосеть въ лѣвомъ боку. Дѣло было вечеромъ: только что торговлю покончили, да, Господи бла-

гослови, ужинать съѣли. Вотъ и говорю я своему старикъ: «что это, говорю, Андрей Мятричь, у меня ровно предчувствіе какое, все это какъ-то не себѣ?» А еще Андрей-отъ Мятричь, помню, съ сердцемъ говоритъ мнѣ: «поди чай, говоритъ, обожралась чего съ дуру». Такъ мы этимъ разговоръ и покончили, потесму вижу я онъ сидитъ сердитый такой. Поужинали. Легли спать. И все это мнѣ не снится, все это мутитъ, все мутитъ внутри. Ворочалась, ворочалась съ боку на бокъ, наконецъ дрема начинаетъ меня брать. Только что закрыла я глаза, можетъ какихъ пять минутъ забылась, вдругъ слышу поднялся на дворѣ крикъ, ломается къ намъ въ двери. Вскочили мы — глядь горимъ! Батюшки-свѣты! въ чемъ были, въ томъ и новыскакали на улицу, дѣтей-отъ повытаскали. Бросились было добрые люди въ лавочку, нельзя-ли, молъ, спасти что,—куда тебѣ: всю ее и охватило сразу! А тутъ старика не отыщемъ — тотъ куда-то пропалъ. Бѣгали, бѣгали, выпл, выли, наконецъ нашли на другомъ концѣ улицы: сидитъ онъ съ какой-то банкой въ рукахъ и все вопитъ: «шкатулка, говорить, пропала!» Такъ мы въ тѣ поры, отецъ мой, сразу потеряли все: имущество погорѣло, товаръ погорѣлъ, да и шкатулка не то пропала, не то погорѣла, а въ ней мотри тысячи четыре денегъ было! И остались мы, неожиданно-негаданно, нищими, какъ есть нищими. Взяться намъ нечѣмъ, въ люди идти жить нельзя, потому трое дѣтишекъ въ то время время было, малъ-мала меньше, работы никакой нѣтъ,—хоть ложись да умирай! Бились, бились, наконецъ мочиньки нашей не стало! Старикъ, вижу сталъ хмѣлемъ заниматься, вижу знакомство водить съ таки людьми, объ которыхъ прежде-то и думать бы не сталъ; я,—грѣшное дѣло,—милостыню пошла просить. А развѣ это легко, батюшка ты мой!каково было руку-то протягивать, когда прежде-то сама подавала вволю? Дѣти этто бѣгаютъ безъ призору (тогда еще трое было: одна дѣвчонка въ помойной ямѣ утонула), сквернымъ дѣломъ пробаваются: тамъ, слышишь, унесли, въ другомъ мѣстѣ унесли. И била-то я ихъ по началу, и то и другое дѣлала — ничего не помогаетъ, потому ребенокъ онъ голодной, холодный ходить, ну и...

Старушка заплакала.

«Вотъ такнй-то родомъ, отецъ мой, п бьемся изо-дня въ донь двѣнадцатый годъ, — хотъ умереть, такъ, кажется, легче бы было!., Совѣсти что-ли въ насъ, или христіанства этого нѣту? не люди что-ли мы, не чувствуемъ какъ она сладка, эта жизнь?—Да, Господи, кабы вотъ на эстолько была возможность оправить себя, да повести какъ слѣдуетъ—развѣ бы мы не зажили по людски-то? Развѣ пріятно видѣть, когда люди на тебя плюютъ, какъ ты хуже собаки поставлена, когда дѣти у тебя ровно звѣри какіе вырастаютъ! Охъ, дѣтушки, дѣтушки!.. Прошайте, отецъ мой».

Старуха горько, горько зарыдала и вышла.

Иначеъ старуха, — а мнѣ что за дѣло:
Что и жалеть, коли нечѣмъ помочь? —

Подумалъ я.

Прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ *Арбузовской крѣпости*. Разъ, поутру, я былъ разбуженъ какими-то криками, вылетаившими изъ отдѣленія, занимаемаго семействомъ. Къ знакомымъ голосамъ старика, старухи и дочерей присоединился на этотъ разъ еще новый, молодой, мужской. Новаго звали Яшей, почему я заключилъ, что это былъ, пропадавшій гдѣ-то нѣсколько времени, сынъ.

— Сколько ты говоришь Яша на твою долю?.. спрашивала мать.

— А ты не орп! безцеремовно обратился къ ней сынъ, за перегородкой чай слышитъ.

— Нѣтъ, онъ еще спитъ, шопотомъ уже сказала она.

— Я, видишь, мастеромъ былъ;—ну, продали мы за девяносто, значить я и получилъ половину. Да ужъ изъ нихъ вотъ только осталось.

— Ну-ка, давай ихъ сюда, проговорила мать.

— Какже, такъ я отдамъ, жди! Вотъ это дамъ.

— Этого мало.

Старушка начала представлять сыну какіе-то расчеты.

— Водочки бы поставить, скромно произнесъ отецъ.

— Молчи, старый дуракъ! Прикрикнула на него мать.

— На, на, тебѣ на водку; умилоstinился Яша.

Черезъ полчаса у сосѣдей новхъ пошелъ пиръ. Голоса поднимались все выше и выше, потому что семейство старатель-но угощало себя водкой. Пили всё, даже маленькая Саша.

— Мамынька, дайте мнѣ, слышался голосъ дѣвочки.

— Полно дура, пьяна будешь.

— Нѣтъ, мамынька, я только рюмочку.

И добросердечная «мамынька» отпускала дочери рюмочку.

Въ какихъ нибудь тридцать, сорокъ минутъ вся семья дошла буквально до состоянія дикихъ звѣрей: родители потеряли всякое сознание о своихъ правахъ, которыя они предъявляли въ трезвомъ видѣ; дѣти забыли страхъ и уваженіе къ родителямъ — и поднялась ожесточенная руготня, грозившая перейти даже въ потасовку.

— А что ты говоришь, псовъ-сынъ, что не я тебя въ мастера поставилъ, что это ты врешь, подлець! спотыкаясь на каждомъ словѣ, говорилъ отецъ.

— Поставилъ одинъ эдакой, перечилъ сынъ.

— И поставилъ...

— Я изъ-за тебя только на съѣзжую и попадалъ. Вотъ какъ ты меня въ мастера-то ставилъ.

— А кто форточному дѣлу обучилъ? кто? Кто скажи, съ тобой, да съ Оедькѣй чижомъ въ Никитской бралъ? кто у Андронія?.. То-то, подлець, все забылъ!

— Самъ подлець! ругнулъ сынъ.

— Какъ отца-то?

Старикъ зашуршалъ ногами, вѣроятно силясь подняться.

— Смотри старый чортъ! погрозилъ Яша.

— Я тебѣ докажу, какъ отца ругать! задыхаясь кричалъ старикъ.

— Покажи, покажи... Посмотрѣлъ бы я...

Сцены, въ родѣ этой, повторялись одна за другой до тѣхъ поръ, пока семейство окончательно не свалилось съ ногъ. За тѣмъ наступила тишина, нарушаемая только храпѣемъ спящихъ отцовъ и дѣтей. Я потихоньку выбрался въ корридоръ,

потихоньку пріотворилъ дверь въ комнату сосѣдей и увидѣлъ слѣдующую картину:

Стойло занимало пространство въ два аршина ширины и въ аршинъ длины. Меблировка состояла изъ липоваго стола, двухъ изломанныхъ стульевъ и кровати самого незатѣливаго свойства. На кровати лежала грязная рогожа, замѣнявшая тюфякъ и подушку вмѣстѣ. Кромѣ отрешевъ, которыми были покрыты тѣлесныя срамоты бѣдняковъ, въ конурѣ не видно было ровно никакого пмущества. Семейство располагалось въ этой берлогѣ въ такомъ порядкѣ. Отецъ лежалъ на кровати; рядомъ съ нимъ, едва лѣбясь на окраинахъ досокъ, въ самомъ неловкомъ положеніи, помѣщалась дочь; мать и сынъ валялись на полу. Удушливый воздухъ, какимъ была наполнена комната, сразу отшатнулъ меня отъ двери. Такой атмосферы, думаю, не отыскать даже въ свинныхъ хлѣвахъ и тому подобнымъ милыхъ мѣстечкахъ.

Проживши въ *крѣпости* недѣлю, я коротко ознакомился съ обитавшимъ въ сосѣдствѣ семействомъ, и узналъ такія исторіи и такіе случаи, бывшіе съ нимъ, что даже мнѣ подобные рассказы показались чуть не вымысломъ.

Старикъ-отецъ, о которомъ я уже сообщалъ кое-что по разсказу его жены, былъ прежде всего воръ (жуликъ) и воръ очень оригинальнаго свойства: онъ послѣдовательно прошелъ почти всѣ категоріи, и между своими братьями считался человѣкомъ очень искуснымъ въ этомъ дѣлѣ.

Нужно замѣтить, что воровство имѣетъ множество степеней или, лучше сказать, категорій, между которыми *забирочничество* считается дѣломъ самымъ легкимъ, а *афера* составляетъ какъ-бы вѣнецъ. *Забироча* (отъ беру, забираю) воруетъ только то, что воруетъ легко, безъ всякаго риска, что можно взять безъ какихъ либо выдумокъ, подходовъ и проч.; *аферистъ* же, какъ видно изъ самаго слова, непременно долженъ пускаться на выдумки, на *аферы*, онъ пшоцряетъ тутъ свой умъ (если только можно назвать умомъ ту

мозговую работу, которая происходит въ головѣ подобнаго вора), соображаетъ всё случайности и верѣдко совершенно поражаетъ своей находчивостью и обдуманностью своего воровскаго плана. *Аферисты* это тайлераны своего рода, между тѣмъ какъ несчастный *забироха* просто ва просто писецъ уѣзднаго суда или полиціи. Вотъ если допустить такое сравненіе, то въ промежутокъ между *аферистами* (тайлерами) и *забирохами* (писцами) стоятъ все эти различные воровскіе чины въ родѣ *попѣдушниковъ*, *кушачниковъ*, *трубочистовъ*, *городушниковъ*, *форточниковъ*, *громиль*, *милачей*, и проч. и проч. Разница между всѣми этими категориями очень большая, какъ по самому роду ремесла, такъ и по степени матеріальнаго благосостоянія.

Забироха вѣчно голоденъ, оборванъ, грязенъ, живетъ въ какой нибудь закутѣ, или нигдѣ не живетъ, а такъ болтается подъ открытымъ небомъ. Мать-природа знакома ему, какъ свои пять пальцевъ: и дождемъ-то поливала она его безъ конца, безъ мѣры, и солнцемъ-то жгучимъ палила, и морозомъ трескучимъ холодила, — все онъ извѣдалъ, все онъ взялъ отъ этой единственной своей подруги — все взялъ, что дала она ему. Видъ *забирохи* ужасенъ! Онъ потерялъ даже ликъ человѣческій; онъ воплощенная злоба, воплощенная ненависть. Изъ подобныхъ людей выходятъ самые закоренѣлые злодѣи, потому что, что же можетъ быть ужаснѣе голоднаго человѣка? Посмотрите, какъ злобно онъ глядитъ на васъ, когда встрѣтитъ васъ гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ, попросить милостыню! Онъ не говоритъ, какъ привилегированный нищій: «Подайте Христа ради», — нѣтъ, онъ просто пробормочетъ: «подали бы», и при этомъ какъ-то рѣшительно протягиваетъ руку... *Забироха* вѣчная жертва полиціи; вѣчно водятъ его на веревочкѣ съ замеленною синиою: то на улицѣ поднялъ спящаго, то самъ пришелъ въ часть просить почлега, то драку завелъ съ кѣмъ нибудь, чтобы попасть въ руки блюстителей порядка. Бѣдный *забироха*! Цѣлые годы иногда шляешься ты, злополучный, не находя себѣ мѣста, не находя куска хлѣба; шляешься, шляешься, да наконецъ и очуришься гдѣ нибудь на мостовой! Никто тебя не пожалѣетъ, никто о тебѣ не вспоминаетъ, — только въ полицей-

сномъ лѣсткѣ появится интереснѣйшій строчка: «такого-де числа, тамъ-то, усмотрѣно неизвѣстно кому принадлежащее тѣло». Экая подлая жизнь!

Не то, совсѣмъ не то, жизнь *афериста*.

Аферистъ, во-первыхъ, имѣетъ квартиру (иногда очень хорошую), имѣетъ обѣдъ, имѣетъ одежду; онъ даже рѣдко ходитъ пѣшкомъ, а по большой части катается на рысакѣхъ, на лихачахъ. Наружность его очень прилична. Нерѣдко, обдумывая какой нибудь воровской планъ, онъ прожигивается съ сигарой по бульвару, при чемъ заинтересовать своею задумчивою фѣзюноміею не одну купеческую дочку. Этотъ воръ, самый гнусный воръ! Гнусенъ онъ потому, что до воровства онъ доходитъ не по нуждѣ, не ради холода и голода, а по стремленію къ легкому труду или ремеслу — легкому потому, что такой человѣкъ затратилъ постепенно на него весь свой умственный капиталъ. Воры этой категоріи поражаютъ своей умственной исправленностью; недалекимъ людямъ они, также какъ и талейраны, кажутся просто гениями, потому что недалекіе люди извѣстнаго рода ловкость считаютъ умомъ, совершенно забывая, что съ умомъ необходимо связаны честь, совѣсть, правда. Такіе недалекіе люди совершенно забываютъ, что онъ воровски-умень, то есть потому, что другіе честно-умны и, дѣйствуя въ сферѣ правды и совѣсти, никогда не подозреваютъ ловушекъ тамъ, гдѣ по понятіямъ честнаго человѣка ихъ не должно быть: — онъ силенъ человѣческой слабостью.

Остальныя категоріи воровъ всѣ заключены между скромнымъ *забирогой* и величественнымъ *аферистомъ*, и степень матеріальнаго довольства опредѣляется степенью отдаленности отъ того или другого конца. Объяснять эти степени было бы слишкомъ долго, притомъ впоследствии еще придется встрѣчаться съ личностями той или другой категоріи, тогда, слѣдовательно, и можно распространиться, а теперь будемъ продолжать.

Итакъ, старикъ, отецъ семейства, прошелъ почти всѣ категоріи. Хозяйка подробно рассказала мнѣ, какъ пьяный онъ явился домой съ первой ворованной вещью.

— Это, какъ теперь помню, — рассказывала она, — было

недѣли черезъ три послѣ того, какъ они переѣхали ко мнѣ. Переѣхали они ко мнѣ ровно безъ ничего: все-то у нихъ погорѣло; что, бывало, мать набираетъ, тѣмъ и покормить ребятишекъ; а самъ онъ все пропадалъ гдѣ-то, — такъ цѣлые дни не показывается домой. Вотъ разъ, сидимъ мы съ старухой вечеромъ, — только что она это воротилась, да дѣтей откормила, — вдругъ является самъ, пьяный — распяный. Пришолъ и бросилъ на полъ полушубокъ, и стоитъ надъ нимъ, качается: и все его ровно лихорадка бьетъ, ровно лихорадка бьетъ — такъ и трясется. Она это на меня посмотрѣла, потомъ на него, удивляется: что, молъ, съ нимъ? — Гдѣ, говорить, взялъ? — «Укралъ!» Какъ взвыла моя старуха, какъ взвыла — батюшки — свѣты! Такъ и катается по полу, какъ сумашедшая. Я, извѣстно, ушла. Долго послѣ того, у нихъ брань да слезы шли. На утро, вижу, продавать потихоньку понесли. А потомъ, слышу — нослышу, сталъ самъ отъ исправки заниматься, этимъ дѣломъ. — Да какъ же, добавля хозяйка: — жить нечѣмъ, поневолѣ будешь воровать.

Объ искусствѣ старика въ воровскомъ дѣлѣ я слышалъ такой разсказъ:

— Да, жалко, что Андрей Митревъ теперь старъ сталъ, да пьетъ очень, а то бы онъ поучилъ еще нашего брата, разсказывалъ одинъ воръ. По форточной работѣ такого мастера не найти. Бывало, въ какую хочешь форточку влѣзеть, а, главное, черезъ какую хочешь махонькую протащить что тебѣ угодно. Разъ, помню, брали мы на Никольской, такъ онъ столовые часы выудилъ; и какъ его черти угораздили черезъ форточку ихъ протащить — ума не приложу! Часы аршина полтора въ вышину, да четвертей двѣнадцать въ ширину, а онъ проперъ ихъ сквозь такую дыру. Разсказчикъ показалъ руками отверстіе вершковъ въ десять. — Ты еще вотъ что подумай, прибавилъ онъ: — вотъ какой вѣдь шукаръ былъ: положи ты ему теперича десятокъ али больше часовъ что-ли, перстней или другихъ какихъ вещей, войдетъ онъ и вѣдь всѣхъ не возьметъ, а выберетъ что ни на есть лучшую. «Потому говорить, когда хватятся, такъ на вора не подумаютъ: воръ, говорятъ, все бы взялъ, а это значитъ свои; а я между тѣмъ могу и въ другой разъ, и въ третій

навѣстить». — Вотъ какой былъ молодецъ! заключалъ разсказщикъ. Сынъ вотъ теперь, хорошо беретъ, слова нѣтъ, — а все далеко противъ отца, куда же! тотъ же Филька, да не тѣ кудри.

Многимъ страннымъ кажется, какимъ образомъ воры — отцы, сознавая всю гнусность и непрочность своего ремесла пускаютъ по той же дорогѣ дѣтей, къ которымъ перѣдко питаютъ самую горячую любовь. Изъ этого родились даже сказки о томъ, что существуютъ будто бы школы, въ которыхъ обучаютъ дѣтей воровскому ремеслу. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, такихъ школъ нѣтъ. А если родители предоставляютъ дѣтямъ извѣдывать всѣ невыгоды своего ремесла, то это случается безъ ихъ воли и желанія, а именно въ силу тѣхъ же неотразимо-гнетущихъ обстоятельствъ, которыя повалили самихъ родителей. Воры-родители, вѣчно слоняясь по городу, сообразно своему занятію, предоставляютъ дѣтей, самимъ себѣ. Дѣти голодаютъ, холодаютъ и наконецъ выталкиваются на отцовскую дорогу тѣми же недругами, какіе ведутъ по пути преступленій и ихъ родителей. Привыкнувъ къ порокамъ снѣдѣтства, огрубѣвъ подъ тяжестью лишеній и вѣчнаго горя, потомокъ — воръ въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ совершенно закаляется въ омутъ пороковъ и преступленій, и его трудно свести въ эти годы съ избраннаго пути, тѣмъ болѣе трудно, что нерѣдко въ такіе годы онъ дѣлается опорой, кормильцемъ и поплцемъ цѣлой сѣмьи. Наконецъ, кто знаетъ мѣстности въ родѣ Грачовки, Дербеновки, Мошка, Щипка и проч., мѣстности, исключительно населенныя жуликами, тотъ пойметъ, какъ трудно сберечь ребенку (замѣтьте, самому!) нравственность въ подобныхъ помойныхъ ямахъ. Кто видѣлъ этихъ дѣтей, съ старческими, морщинистыми лицами, съ хрипыми голосами, съ грубой, вѣчно циничной рѣчью, тотъ знаетъ и понимаетъ, что изъ грязи не выйдетъ золото, а изъ сгнившаго нравственно дитяти не вырастетъ здоровый человекъ. Посмотрите на игры этихъ несчастныхъ. Вотъ они играютъ въ *трубочисты*... Четверо дѣтей расположились въ углу двора, навѣшали на заборъ какихъ-то тряпичъ и ждутъ прихода пятого, который долженъ изображать *трубочиста—вора*, и въ этомъ видѣ обокрасть ихъ т. е. уне-

сти тряпки. *Трубочистъ* намазалъ лицо сажей, вооружился палкой съ пучкомъ мочалы на концѣ, бойко подходитъ къ сидящимъ, кланяется и проситъ позволенія осмотрѣть печи. Ему разрѣшаютъ. *Трубочистъ*, елозя воображаемымъ помеломъ по забору, успѣваетъ въ тоже время унести нѣсколько тряпокъ. Дѣти хохочутъ; они рады его искусству. Но вотъ онъ нечаянно уронилъ одну изъ украденныхъ вещей; всѣ бросаются на него, и вора начинаютъ немилосердно бить. Иногда подобная игра оканчивается дѣйствительной потасовкой, послѣ которой дѣти снова мирятся, снова играютъ въ подобную же дикую игру, снова дерутся, и т. д. и т. д. до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ ихъ обратиться отъ игръ и смѣха къ реву, или пока сонъ не уложить ихъ тутъ же на мѣстѣ забавъ и увеселеній.

Саша, дочь моихъ сосѣдей, выросла именно при подобныхъ условіяхъ. Цѣлый день, пока сонъ или голодъ не загоняли ребенка въ комнату, она бѣгала по двору или по улицѣ, гдѣ съ своими сверстниками, дѣтьми такихъ же бѣдняковъ, пускалась на различныя выдумки и занималась играми, въ родѣ приведенной выше. Мать пропадала изъ дому съ ранняго утра: говорили, что она занимается выпрашиваніемъ милостыни и мелкимъ воровствомъ. Саша въ это время, пользуясь полнѣйшей свободой, неприученная ровно ни къ какому занятію, безцѣльно бродила гдѣ придется; а такъ-какъ нерѣдко несчастной дѣвчкѣ, голодной и прозябшей, возвращаться домой было не зачѣмъ, потому что и тамъ ожидали ее голодъ и холодъ, да еще въ добавокъ вѣчное брюзжаніе разлагавшагося отца, — то Саша пускалась на поиски за хлѣбомъ и тепломъ. Она, какъ говорила, довольно ловко занималась мелкимъ воровствомъ, знала мѣста, куда можно сбыть украденное, и такимъ образомъ на вырученныя деньги устраивала себѣ обѣдъ въ съѣстной лавочкѣ, харчевнѣ, или что-нибудь подобное.

Разъ Саша, вѣроятно по ошибкѣ, пріотворила дверь въ мою комнату. Я пригласилъ ее къ себѣ. Саша вошла довольно бойко, усѣлась, и мы повели рѣчь.

— Гдѣ вы бѣгаете, Саша? спросилъ я ее.

— На дворѣ. Играю-съ.

Отд. I.

— Да вѣдь не всегда же можно бывать на дворѣ: иногда холодно.

— Я привыкла-съ .

— И не надоѣдаетъ это вамъ?

— Нѣтъ-съ. У насъ вѣдь разные игры... Мы все въ разные играемъ...

— Съ кѣмъ-же вы играете?

— Насъ много. Вонъ у Рыкалихи двое, Васька—кушачника сынъ, я, Дарюшка изъ Чернышовской баттарен ходитъ, еще кто нибудь—вотъ и играемъ.

— Гдѣ же ваша маменька?

— А чортъ ее знаетъ! бойко выговорила Саша: цѣлый день гдѣ-то шлѣндраетъ.

— Вы любите вашу маменьку?

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же не любите?

— Да такъ-съ, любить то ее не за что.

— Кого же вы любите?

— Никого-съ

— И отца не любите?

— И его не люблю.

— А брата?

— Яшу-то?

— Да.

— Прежде любила, когда гостинцы носилъ, а теперь—нѣтъ; потому онъ говоритъ: ты сама вонъ какая кобыла, сама можешь добыть на гостинцы.

— Какже вы можете добывать-то сами?

Саша улыбнулась и посмотрѣла на меня.

— Что вамъ говорить, вы знаете, скороговоркой вымолвила она и выбѣжала отъ меня.

Я жилъ въ *крѣпости* уже около мѣсяца. Семейство моихъ сосѣдей нѣсколько разъ праздновало какия-то случайныя поллучкиденегъ, нѣсколько разъ затѣвалось въ скромной комнатѣ великое пьянство, бушевалъ отецъ, ругался сынъ и вопили мать и дочь. Но вдругъ все стихло и стихло на довольно продолжительный срокъ, такъ что я даже освѣдомился у хозяйки, что случилось съ моими сосѣдями. Оказалось, что сынъ

гдѣ-то сильно проворовался и теперь скрывается, потому что его ищетъ полиція; отецъ, получивши отъ сына нѣкоторое количество денегъ, пропагъ безъ вѣсти; а мать бѣгаетъ, отыскиваетъ мужа и сына. Саша же потому не являлась домой, что дѣлать тутъ ей нечего.

— Разъ, ночью, я былъ разбуженъ голосами въ комнатѣ сосѣдей.

— Гдѣ же тятка? спрашивала Саша.

— Да Богъ его знаетъ, отвѣчала мать. Вотъ Яшутку-то, мотри, словили,—пропадетъ теперь.

— Яша-то гдѣ?

— Извѣстно гдѣ: скрывается.

— Видала ты его? спросила Саша.

— Видала. А ты молчи! спи!

На утро явилась полиція. Я слышала, какъ грубый, начальническій голосъ спрашивалъ хозяйку, гдѣ живетъ Андрей Дмитріевъ и не у него ли скрывается сынъ Яковъ Андреевъ? Хозяйка объявила, что хотя Андрей Дмитріевъ и живетъ у ней, но что его теперь нѣтъ дома, а если его благородію угодно, то можно видѣть жену Андрея Дмитріева. Начальство вошло въ комнату сосѣдей.

— Ты кто такая? обратился начальникъ къ старухѣ.

— Вѣра Павлова, ваше благородіе.

— Жена Андрея Дмитріева?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Гдѣ же мужъ?

— Не могу знать, ваше благородіе: четвертый день не бывалъ дома.

— А гдѣ сынъ, Яковъ Андреевъ?

— Тоже не могу знать, ваше благородіе: вотъ шестыя сутки не вижу.

— Врешь!

— Убей меня богъ, ваше благородіе!

— Ты его скрываешь гдѣ-нибудь. Врешь!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Какъ предъ Господомъ Богомъ...

— Экіе подлецы! разсуждалъ полицейскій чиновникъ: въ своемъ кварталѣ грабятъ, какъ будто Москва-то клиномъ со-

шлась! Ты скажи своему Якову, что напрасно онъ бѣгаетъ—отыщемъ... отыщемъ, и ужь тогда не отвертится—прямо въ Сибирь! Я покажу, какъ мараить мое имя!

— Онъ, ваше благородіе, можетъ-быть въ этомъ дѣлѣ не виноватъ, потому...

. Старушка заплакала.

— Хорошо, хорошо, тамъ увидимъ, какъ не виноватъ, грубо возразилъ полицейскій, и вышелъ.

Весь день старушка-мать и Саша провели въ хлопотахъ: онъ бѣгали куда-то, часто появлялись въ своей конуркѣ, шептались, приносили и уносили что-то.

Вечеромъ, часовъ въ шесть, въ сѣняхъ раздался грубый, полунасмѣшливый голосъ какихъ-то людей: «Ну-ка, хозяйка, принимай гостя»; затѣмъ послышался взвизгъ хозяйки, и черезъ секунду двое полицейскихъ принесли въ комнату сосѣдей умирающаго старика, котораго они подняли гдѣ-то на улицѣ.

— Ахъ; батюшки мои! Ну-ка онъ помретъ! вопила хозяйка.

— Туда и дорога, замѣтилъ одинъ изъ полицейскихъ.

Явились мать и дочь. Въ комнаткѣ поднялся плачь.

— Андрей Митричъ! голубчикъ! звала мать, тормоша оконченнаго старика.

— Тятенька! миленькій! кричала дочь.

Но отвѣта не было.

Не подалеку жилъ студентъ—медикъ, позвали его; тотъ для очистки совѣсти отворилъ кровь—кровь не пошла. Студентъ постоялъ, постоялъ, помоталъ головою и вышелъ. Старикъ умеръ.

— Батюшка ты мой! кормилецъ, поилецъ ты нашъ! охо-хо, хо-хо! вопила старушка, припавъ головою къ груди старика.

Саша тоже плакала.

Черезъ нѣсколько времени вошла ко мнѣ хозяйка.

— Слышали: умеръ?

— Да.

— Безъ покаянья умеръ-то, замѣтила хозяйка.

— Чѣмъ же она хоронить будетъ? спросилъ я.

— У нихъ есть теперь деньги, шопотомъ сообщила мнѣ хозяйка.

— Откуда же?

Хозяйка приложила палецъ къ губамъ, осмотрѣлась даже стѣнъ: «ну-ка подслушаютъ», и тихонько произнесла:

— Яковъ-то съ товарищами купца какого-то ограбилъ; тыщи три, слышь, у него благоувѣстили; такъ онъ, говорятъ съ матерью-то подѣлился—сотни двѣ дажь, прибавила хозяйка уже такъ тихо, что послѣднія слова я скорѣе разобралъ по движенію ея губъ, чѣмъ по звукамъ голоса.

— Гдѣ же теперь Яковъ?

— Скрывается. Ну да ужъ Сибири не миновать. Вчера ночью здѣсь былъ. Ежели, говоритъ, паспортъ успѣю выправить, убѣгу, говоритъ, отсюда. Вчера поди какое пиршество у насъ тутъ было: одного донскаго никакъ дюжины двѣ выпили, добавила собесѣдница, тихонько выползая изъ моей комнаты.

Ночью, когда я уже загасилъ свѣчу, кто-то вошелъ въ комнату сосѣдей. Сквозь щелку въ перегородкѣ я посмотрѣлъ туда и увидѣлъ Якова. Онъ былъ одѣтъ щегольски: красная шелковая рубашка, кафтанъ тонкаго сукна, плисовые шаровары и высокіе сапоги. Лицо Якова сильно опухло отъ пьянства. Онъ подошелъ къ кровати, гдѣ на грязныхъ лохмотьяхъ лежалъ мертвый отецъ, и не то улыбнулся, не то скорчилъ кислую гримасу при видѣ покойника.

— Гробъ-отъ закажи, обратился Яковъ къ матери:—да саванъ что ли ему спшей, равнодушно изрѣкъ онъ и, позевывая, вытащилъ изъ кармана депозитку, которую и сунулъ въ руку матери.—Ну, я пойду, добавилъ онъ:—завтра можетъ паспортъ получу—тамъ прощайте!

— Какъ же мы-то останемся, Яша? спрашивала мать.

— Какъ оставалась до сихъ поръ, такъ и теперь останешься. Старуха захныкала.

— Бога въ тебѣ вѣтъ, Яша!

— Ишь ты на деньги-то очень падка, равнодушно возразилъ сынъ.

— Да какже намъ однимъ-то жить? плакала старушка. То двое были, а тутъ вдругъ ни одного.

— Экое горе! А ты пореви, пореви — перебуду всѣхъ, дери тебя черти!

Яковъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Наступилъ день похоронъ. Мертвеца оплакали, какъ слѣдуетъ по обряду христіанскому, и снесли въ бѣдномъ тесовомъ гробѣ на кладбище. Такъ какъ у старухи были нѣкоторыя деньжонки, то устроились поминки. Собрались различные полуголодные бѣдняки и пошелъ пиръ. Кутежъ продолжался до глубокой ночи. Якова не было между пирующими. Наконецъ, часовъ около двѣнадцати ночи, явился и онъ. Тихонько пробрался Яковъ въ комнату матери, скромно поздоровался съ пьяными гостями, и осторожно велъ себя довольно долго: видно было, что онъ боится отыскивающей его полиціи. Яковъ былъ совершенно трезвъ. Но къ концу кутежа онъ не выдержалъ своей роли; выпивши довольно много, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную храбрость: грозилъ перебить всѣхъ, кто только осмѣлится дотронуться до него, послалъ за водкой и подбилъ товарищей затянуть пѣсню. Черезъ минуту молодецкія груди сильно заколыхались отъ громогласныхъ звуковъ:

Я посю-ль, молада—молоденька,
Цвѣтиковъ маленько—

Гаркнули наши удалыцы. Маленькая квартирка стономъ застонала отъ могучихъ голосовъ, задрезжали стекла и оконныя рамы, отголоски повнеслись вдоль улицы, расплываясь въ ночной тишинѣ. Я посмотрѣлъ въ щелку на Якова. Онъ сидѣлъ у небольшого столика, бойко подпершись въ бока; оловянно-грязные глаза упорно смотрѣли въ стѣну и вѣроятно ничего ровно не видѣли; ротъ его то открывался, то затворялся какъ-то механически, безъ воли хозяина, причемъ вылетали оттуда дикіе, громкіе звуки. Въ порывѣ самодовольствія и презрѣнія ко всему, Яковъ разорвалъ свою рубашку отъ самага ворота, почему, приходя въ пафосъ, онъ сильно колотилъ себя кулакомъ въ голую грудь. Четверо товарищей Якова сидѣли на кровати съ самыми бессмысленными, пьяны-

ми лицами; мать и сестра давно спали на полу, уткнувшись головами далеко под кровать.

Вдруг послышался стук въ наружную дверь. Яковъ чутко прислушивался. Онъ въ мгновеніе побѣлѣлъ, какъ свѣтъ; безмысленные глаза разомъ освѣтились какъ-то зловѣще; слегка пошатываясь, онъ приподнялся со стула и началъ усиленно слушать. Стукъ продолжался. Кто-то рѣзко кричалъ: «Отвори!» нѣсколько голосовъ поддерживали кричавшаго. Яковъ сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Полиція! какъ быть? обратился онъ къ товарищамъ.

Но товарищи смотрѣли на него, и только глупо хлопали глазами, да чавкали парализованными губами.

Яковъ совершенно отрезвѣлъ. Онъ окинулъ взглядомъ комнату, въ мгновеніе, кажется, перебралъ глазами все, что было въ ней, и заскрежеталъ зубами: чего-то онъ не находилъ.

— Эхъ, ножа-то нѣтъ! какъ-то взвизгнулъ воръ.

Между тѣмъ хозяйка отперла дверь. Нѣсколько человѣкъ вошли въ сѣни, слышались вопросы: гдѣ? куда?

Яковъ, какъ застигнутая врасплохъ кошка, заметался изъ угла въ уголь, не зная куда дѣваться. Онъ еще разъ взглянулъ на товарищей, думая вѣроятно при ихъ помощи отдѣлаться хоть силой; но тѣ совершенно никуда не годились и, казалось, даже не понимали въ чемъ дѣло. Не видя помощи ни откуда, Яковъ схватилъ стулъ, быстро изломалъ его, взялъ въ руки по ножкѣ и, потушивъ свѣчу, бросился къ двери. Въ корридорѣ показался огонь. Яковъ приперъ двери и затаилъ дыханіе.

— Гдѣ? спросилъ начальственный голосъ.

— Вотъ тутъ, указала хозяйка на конуру сосѣдей.

— Я тебѣ покажу, каналья, какъ не давать знать полиціи, когда тебя обязали подпиской, шумѣлъ тотъ же голосъ.

— Да вѣдь, батюшка, отецъ мой!.. слезливо оправдывалась хозяйка.

— Молчать! Отворяй! крикнулъ начальникъ.

Отвѣта не было.

— Отворяй! говорятъ тебѣ, или дверь велю выломать!

Опять молчаніе.

— Ломай дверь! обратился начальникъ къ кому-то.

Нѣсколько человѣкъ, вѣроятно полицейскихъ, дружно откашлялись и наперли; перегородка застонала и затрещала сплошь, такъ что грозила повалиться даже въ моемъ стойлѣ; наконецъ раздался оглушительный трескъ, и дверь у сосѣдей сорвалась съ петель и упала. Мать и дочь проснулись и завопили. Я заглянулъ въ щелку и увидѣлъ такую картину:

Яковъ стоялъ посреди своей миниатюрной комнатки, высоко поднявъ надъ головою два обломка стула; лицо его было совершенно бѣло; черные глаза горѣли, какъ два угля; гнѣвъ и страхъ, искажившіе его физиономію, особенно рѣзко запечатлѣлись въ широко открытомъ, перекосившемся ртѣ и поднятыхъ бровяхъ. Широкая, яркая полоса свѣта, врывавшагося изъ корридора сквозь выбитую дверь, освѣщала всю фигуру Якова. Остальныя личности, прятавшіяся въ полутемные углы, сами собою отодвигались на второй планъ въ этой страшной картинѣ. Мать и дочь, наполнявшія безсознательнымъ, дикимъ крикомъ всю квартиру, барахтались гдѣ-то подъ кроватью, едва-ли объясняя себѣ причину собственнаго вопля, потому что обѣ были пьяны; собутыльники Якова прятались одинъ за другаго, растерявшись и недоумѣвая, что имъ предпринять.

— Лучше сдайся безъ драки, уговаривалъ изъ корридора начальственный голосъ.

— Ни за что, значительно крикнулъ Яковъ.

— Ой, сдайся.

Молчаніе.

— Тихоновъ, скромно позвалъ кого-то начальникъ.

— Чего изволите, ваше благородіе.

— Что же? надо брать.

Въ голосъ начальника было что-то нѣжашее, ласкающее и вмѣстѣ ужасное; онъ какъ будто говорилъ: «что же дѣлать, Тихоновъ? я самъ знаю, что въ этой битвѣ тебѣ, пожалуй, могутъ свернуть голову, — но какъ же поступить иначе?»

— Надо брать, скромно подтвердилъ Тихоновъ.

— Всѣ-ли тутъ? спросилъ начальникъ.

— Всѣ, ваше благородіе! возопили человѣкъ пять-шесть подчиненныхъ.

— Подите сюда.

Наступающіе отодвинулись въ глубину корридора и начали совѣщаться вполголоса. Больше всѣхъ, разумѣется, говорилъ начальникъ, потому что онъ отдавалъ приказанія; подчиненные только раздражались отрывочнымъ «слушаю-съ,» «такъ точно-съ» и проч. Наконецъ совѣщаніе кончилось.

— Яковъ, заговорилъ у двери Тихоновъ: брось ты это дѣло: сдавайся.

Яковъ молчалъ.

— Вѣдь хуже будетъ.

Опять молчаніе.

— Эхъ братъ, не дѣло ты задумалъ, съ грустью изрѣкъ парламентаръ и подкрѣпленный двумя-тремя товарищами двинулся впередъ; остальные стояли въ дверяхъ, потому что всѣмъ не возможно было войти въ клѣтушку.

Яковъ началъ махать палками. Полицейскіе то подвигались, то отодвигались, смотря по тому, наступалъ-ли на нихъ или пятился врагъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ стремительно бросился впередъ, сильно нагнувши голову, такъ что ударился ею въ животъ Якова. Но ударъ былъ слишкомъ слабъ; Яковъ оправился отъ него въ одно мгновеніе и поразилъ своего противника палкой по головѣ: раненый застоналъ и на четверенькахъ поползъ къ двери. Наступающіе озлобились, и дружно пошли на непріятеля. Яковъ махалъ палками направо и налево, нанося удары и поминутно заставляя своихъ враговъ отскакивать; однако минутъ черезъ пять дѣло приняло очень дурной оборотъ. Одна изъ палокъ очутилась въ рукахъ полицейскихъ, и съ помощью ея они успѣли очень скоро припереть своего противника къ стѣнѣ. Тутъ началась ужаснѣйшая драка. Яковъ билъ, какъ говорятся, «не въ свою голову»; его били тоже безъ пощады. Наконецъ сила взяла верхъ. Несчастнаго схватили за руки и бросили на полъ; Яковъ взвизгнулъ, сразу напрягъ всѣ свои оставшіяся силы, и въ послѣдній разъ вялъ перевѣсъ надъ своими врагами. Какъ тигръ, онъ бросался изъ стороны въ сторону, дѣйствуя руками, ногами, зубами, — словомъ, всѣмъ, чѣмъ только могъ нанести вредъ непріятелю. Непріятель было струсиль въ первое время и готовился отступить, но, видя, что энергія въ Яковѣ слабѣетъ съ каждой секундой, полицейскіе отважно рванулись

впередъ и чрезъ пять-шесть мивуть, окровавленный, загрязненный, оборванный Яковъ лежалъ на полу, издавая болѣзненные стоны: два полицейскихъ, упершись колѣнами въ тѣло несчастнаго бойца, немилосердно скручивали ему руки и вязали ноги.

— А это что за люди? грозно спросилъ начальникъ, указывая на товарищей Якова.

— У нихъ въ гостяхъ были, отвѣчала хозяйка.

— Вяжи и ихъ.

Гости отдались въ руки полиціи безпрекословно.

— Ну, что, подлець? не говорилъ ли я тебѣ, злобно обратился начальникъ къ валявшемуся на полу Якову, тыкая сапогомъ въ лицо его: — не говорилъ-ли я тебѣ мерзавцу?

Яковъ вмѣсто отвѣта плюнулъ какою-то сукровицей въ физиономію начальника.

— А это что за женщины?

— Это мать его и сестра, объяснила хозяйка.

— Вяжи и ихъ!

Смолкшія было женщины опять заголосили, перебирая различныя причитанья.

Скоро комната опустѣла, потому что полиція перевязала и увела съ собою всѣхъ, и такимъ образомъ, по словамъ Державина, а, можетъ быть, и другаго какого нибудь пѣнты:

Веселые гдѣ раздавались клки,
Надгробные тамъ воютъ лки,—

Словомъ, исторія Якова разыгралась очень трагически.

Однако въ *кѣпности* я живу уже больше двухъ мѣсяцевъ. Кровавыя драмы, такъ занимавшія меня въ первое время, начали уже мало по малу проходить передъ моими глазами, не особенно трогая мое сердце; нервы мои, какъ видно, сильно загрубѣли и стали неподатливы на впечатлѣнія. Сосѣдей своихъ я узналъ досконально и какъ-то привыкъ къ ихъ позорной, преступной жизни, находя ей оправданіе въ легіонахъ

различныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ жили и дѣйствовали эти люди.

Теперь я хочу рассказать о своей сосѣдкѣ, жившей въ стойлѣ налѣво.

Разъ я возвращался домой часа въ два ночи. Грачевка еще буживала, но Колосовъ уже спалъ. Кромѣшная тѣла охватывала нашу улицу со всѣхъ сторонъ. Покосившіеся старые домишки глядѣли какими-то отвратительными, сырими моголами. Извѣдка, въ подобномъ склепѣ чуть брезжила огонекъ гдѣ нибудь на чердакѣ: видно тоскуетъ какая нибудь погибшая душа; благо хоть ночная тишь способна вызвать на размышленіе о безконечно-лютомъ горѣ, поѣдающемъ, изодня въ день, цѣлые годы подобную душу. Я скоро добрался до своей *Арбузовской крѣпости*. Только-что я успѣлъ потушить свѣчу и лечь, сосѣдка вошла въ свою берлогу. Я всталъ съ кровати и началъ смотрѣть въ щелку (нужно замѣтить, что тонкія перегородки моей комнаты всѣ были усѣяны дырами). Маша (такъ звали сосѣдку) зажгла свѣчку, сѣла къ столу и, подперши голову руками, о чемъ то сильно задумалась. Лицо ея мало по малу начало принимать все болѣе и болѣе печальное выраженіе, наконецъ крупныя слезы покапались по щекамъ.

— Охъ Господи, Господи! прошептала Маша и склонилась головою къ столу.

Рыданія тихія, сдержанныя, вырывались изъ ея страдальческой груди; наконецъ несчастная не могла болѣе переламывать себя и заголосила.

— Маша! о чемъ вы плачете? спросилъ я ее.

— Поди ты къ чорту! крикнула со злобой Маша.

Я понялъ неловкость своего вмѣшательства и замолчалъ.

— Нѣтъ-ли водки? крикнула мнѣ Маша черезъ нѣсколько времени.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— А деньги есть?

— И денегъ нѣтъ.

— А туда-же суешься съ распросами, шутъ гороховый!

Я молчалъ.

— Слушай! крикнула мнѣ сосѣдка.

— Что?

— Научи меня, какъ отмстить одному человѣку.

— За что-же?

— Да тебѣ что за дѣло? ты только научи.

— Какъ же я могу научить, когда я не знаю, за что нужно отмстить?

— Онъ надсмѣялся надо мной.

— А ты сама надъ нимъ посмѣйся.

— Ты, я вижу, дуракъ, какъ есть, замѣтила Маша.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Маша опять заговорила сомной.

— Ну, слушай, я расскажу, что онъ со мной сдѣлалъ.

— Говори.

— Вчера, видишь ли, добылъ онъ денегъ. Вотъ мы пошли съ нимъ въ Адъ, да кутили тамъ до нынѣшняго вечера: рублей сорокъ никакъ пропили. Только вечеромъ онъ приглашаетъ меня кататься: «мы, говоритъ, куда нибудь за городъ поѣдемъ». Взяли извозчика; поѣхали. Только онъ, подлець, что же со мной сдѣлалъ? Вывезли они меня туда за Ваганьково кладбище, въ степь, сняли съ меня салопъ, да и вывалили въ снѣгъ: ступай, говорятъ, домой пѣшкомъ! А ужъ это часовъ въ одиннадцать было: въ степи-то ни души нѣтъ; кругомъ темно, хоть глазъ выколи; иззябла я вся, перепугалась... Кричала, кричала—никто не слышитъ. Вотъ и побѣжала я въ городъ; побѣжала, побѣжала, а волосы такъ дыбомъ и становятся. Ноги это у меня коченѣютъ, измокла вся, и все бѣгу, все бѣгу. И забѣжала я со страху-то къ Роговской заставѣ, а оттуда ужъ домой повернула.—Вотъ онъ какъ надсмѣялся надо мной, подлый!

Я молчала, потому что вовсе не намѣревался совѣтовать Машѣ какое бы то ни было мщеніе противъ подобнаго изверга.

— Что же ты молчишь? спросила меня сосѣдка.

— А что?

— Да говори: какъ мнѣ ему отмстить? Научи меня.

— Зачѣмъ же ты непременно хочешь мстить? Вѣдь онъ вѣроятно это пьяный сдѣлалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отищу!

— Я бы, знаешь, что посовѣтовалъ тебѣ?..

— Что?

— Не связываться съ нимъ.

— Не могу я съ нимъ не связываться, потому я его люблю, я одного дня безъ него не проживу.

— Да вѣдь ты его любила-ли когданибудь трезвая? Вѣдь это ты говоришь, когда у тебя хмѣль въ головѣ сидитъ.

— Врешь ты, дурачина! обидѣлась Маша.

— Право такъ. Вотъ теперь ты трезвая, вотъ и подумай: любишь ли его?

— И думать не хочу, потому что трезвой мнѣ и безъ него обо многомъ нужно думать.

— Объ чемъ же это?

— Такъ я тебѣ и сказала....

— Отчего же не сказать?

— Не зачѣмъ тебѣ знать.

— Ну, слушай Маша! Когда же ты думаешь бросить подобную скверную жизнь? Вѣдь не вѣкъ же будешь такъ болтаться?

— А ты что за попъ такой, точно на духу допрашиваешь.

— Ну все-таки, когда придетъ старость, что тогда будешь дѣлать?

— Что придется;—а то къ матери уѣду.

— А у тебя развѣ есть родители?

— Мать есть.

— Гдѣ же она?

— Въ Версѣ живетъ. Ты, братъ, не смотри, что Машка Ремазова и такая и сякая: у ней мать да братья, ровно купцы, въ Версѣ живутъ.

— Зачѣмъ же ты-то тутъ колотишься хуже всякаго нищаго?

— А зачѣмъ, что я тутъ сама себѣ голова: что хочу то и дѣлаю. Вотъ гулять хочу—и гуляю, никто мнѣ не запретить.

— Хорошо гулянье, замѣтилъ я.

— Охъ, и правда голубчикъ, что не очень-то хорошо, со вздохомъ отвѣтила Маша. Ину пору, какъ не поѣшь сутокъ двое, али какъ потаскають тебя по сѣѣжимъ, такъ воемъ взвоешь, только держись! И маменьку то вспомнишь, и братьевъ,

и домъ-то свой — все переберешь, надо всё-мъ наладиться в досталь.

— А ты давно ушла из дому? спросилъ я Машу.

— Да ужъ вотъ года четыре. — Да такъ и есть, прибавила сосѣдка послѣ нѣкотораго молчанія: — на Пасху вотъ ровно четыре года будетъ, какъ мать меня избила, а я послѣ-то и сбѣгла.

— За что же она тебя избила!

— Долго рассказывать.

— Ничего, расскажи.

— Или ужъ въ самомъ дѣлѣ рассказать?

— Да что же расскажи. Вѣдь не секретъ?

— У меня, братъ, секретовъ нѣтъ. Слушай!

— Мнѣ въ ту пору пошелъ семнадцатый годъ. Дѣвочка я была красивая-прекрасивая изъ себя. Это вотъ теперь-то тутъ, въ Москвѣ, истрепалась, а тогда-то поглядѣлъ бы ты, какъ вашъ братъ бѣгалъ за мной. Только набѣжалъ въ то время къ намъ въ Верску одинъ купеческій сынъ, Андрюшей звали: молодой такой, статный, изъ лица красивый, — вотъ ровно орелъ какой! Теперь тутъ въ Москвѣ живетъ, только ужъ куда же, далеко не тотъ, — такъ чурбанъ какой-то сталъ. Ыздилъ этотъ Андрюша къ намъ по какимъ-то дѣламъ, рассказы какіе-то все съ братьями сводилъ. И давно мнѣ онъ, признаться, нравился: такъ, бывало, и не отхожу отъ него; когда пріѣдетъ, то за тѣмъ, то за другимъ шныряю въ комнату, гдѣ онъ останавливался. Въ тотъ самый годъ, когда я сбѣгла со двора, пріѣхалъ онъ къ намъ должно на четвертой недѣли великаго поста. Остановился онъ, какъ и всегда, у насъ. Я это по прежнему толкусь возлѣ него. Сталъ, вижу, мой Андрюша ласковѣй со мной обращаться: то ручку пощиплетъ потихоньчку, а то такъ и поцаловать наровитъ гдѣ нибудь въ темномъ уголку. Ну, я, известно, рада, потому нравится мнѣ человѣкъ, да и конечно дѣло. Вотъ мало по малу разговорились мы съ нимъ: онъ мнѣ признался, что любитъ, я ему тоже. Только на шестой этажъ должно недѣли говорить мнѣ Андрюша, что нора ему ѣхать въ Москву, потому дѣла всѣ кончили. Я упрашиваю: останься, молъ. Нельзя, говоритъ, потому что отецъ сердиться будетъ, да и тутъ-то, говоритъ,

не приходится заживаться, а то братья, чего добраго, бока намнутъ, и то косятся. Только порѣшили мы съ нимъ дѣло такъ: побѣдетъ будто бы домой, а самъ между тѣмъ только съѣдетъ отъ насъ на другую квартиру, и буду я къ нему ходить. Сладили. Съѣхалъ Андрюша. Черезъ день никакъ, черезъ два ли, я отправилась къ нему вечеркомъ; отправилась дѣвицей, а часа черезъ два вернулась женщиной. И стыдно-то мнѣ, и больно, и слезы эти душатъ, и кто-то давить тебя за горло. Всю ночь напролетъ проревѣла, какъ корова. И закаивалась то я, чтобы не ходить къ нему больше, и богу-то молилась, и матери-то обѣщалась повиниться во всемъ,—чего, чего не дѣлала я въ эту ночь, лежа въ своей свѣтелкѣ, а все-таки на другой день побѣжала опять къ Андрюшѣ, потому, чувствую, не могу жить безъ него. Такъ пробавлялись мы всю страстную недѣлю;—то-то грѣшники были, —Андрюша забылъ и объ отцѣ, и обо всемъ, я тоже мало объ чемъ думаю, потому что все это во внутренности у меня такъ и кипитъ. Пришла пасха. Андрюша все не ѣдетъ. Дѣла эти мы ведемъ съ нимъ чуть не на открытую. Наконецъ, слышу, кто-то сталъ матери намекать, что, мошь, такъ и такъ. На третій должно быть день побѣгла я къ Андрюшѣ. У насъ вѣдь, скажу тебѣ, дѣвкамъ жизнь вольная: ходи куда хочешь. Вотъ и за мной, стало быть, не очень-то присматривали, и никому дѣла нѣтъ, дома ли я, или ушла куда нибудь. Только посидѣла я у Андрюши должно быть часа два—три, выхожу, хватъ два брата такъ и выросли передо мной, ровно изъ земли.

— Ты гдѣ была? у кого? спрашиваютъ.

— А вамъ что за дѣло? говорю.

— Какъ, что за дѣло? Ты нашу фамилію срамншь! говорить старшій, да какъ рѣзнетъ меня по щекѣ.

— Я была дѣвка не промахъ, размахнулась да его. Вотъ ужъ тутъ они меня ухватили за космы-то, да и потащили до-мой. Больно мнѣ, а я все молчу, боюсь народъ перебудить. Ну, ужъ какъ прищипли меня лемой, тутъ и рассказывать нечего: такъ избили, такъ избили, что просто мѣста живого на тѣлѣ не осталось; мать, такъ та все сковородникомъ катала куда ни поподая,—и по головѣ-то, и по лицу, и по ру-

камъ, вездѣ. Палець тогда мнѣ одинъ даже переломили. Послѣ того заперли меня въ свѣтелкѣ на замокъ, и никого не пускали ко мнѣ, должно быть, съ недѣлю, потомъ смиловались, отперли. Стала я поправляться. Брожу по комнатѣ и все объ своемъ Андрюшѣ думаю. А была у насъ, надо сказать, кухарка, Ховронья, славная такая баба, добрая. Вотъ я, поправившись-то малевько, и позвала ее къ себѣ; прошу узнать объ Андрюшѣ. Та ничего, сходила. Такъ и такъ, говорить, уѣхалъ и оставилъ, говорить, свой адресъ, чтобы могла его отыскать въ Москвѣ, если захочешь письмо написать, а ли что такое. Тутъ мнѣ влѣзла въ голову такая мысль: уѣду я, молъ, отъ нихъ къ Андрюшѣ — уѣду, пропадай они и со всѣмъ-то! Скоро я поправилась; только палець одинъ переломленный болитъ. Мать и братья каждый день такъ и ѣдятъ меня, просто житья отъ нихъ нѣтъ. Вотъ не долго думая, собралась я, да маршъ въ подгородное село, а оттуда съ мужиками въ Москву. Приѣхала. Куда дѣваться? Бѣгала, бѣгала по Москвѣ-то, наконецъ какъ-то пустили ночевать на одномъ постояломъ дворѣ безъ всякаго вида. Деньги у меня были. Вотъ поутру, Господи благослови, только-что встала, послала мужичка къ Андрюшѣ, сказала гдѣ найти. Черезъ часъ этакъ, не больше, гляжу идетъ мой Андрюша, веселый такой. Ужъ такая, помню, была мнѣ радость, такая радость, что и сказать не могу! Я ему сейчасъ рассказала все. — Ничего, говорить, теперь дѣло устроить можно. Мы имъ, говорить, напишемъ, что ты подала здѣсь губернатору жалобу и описала, какъ они тиранствовали надъ тобой, и что ежели они не вышлютъ тебѣ паспортъ, такъ тогда ихъ просто засудятъ! — Сразу перевелъ онъ меня на квартиру къ какой-то знакомой, и живу я безъ горести, безъ печали.

— Черезъ недѣлю этакъ съ чѣмъ нибудь получаю я изъ дому письмо, просятъ меня родные пожалѣть ихъ, отступить отъ жалобы, и прислали мнѣ паспортъ и деньги; а больше всего просятъ меня мать вернуться домой. Ну, думаю, такъ и поѣхала я теперь, дожидайтесь. Вотъ и зажила я съ Андрюшей въ самую сласть. Да видно, сколько не люби вашего брата, никогда въ васъ пути нѣтъ. Гляжу — погляжу, Андрюшка мой что-то вянуть началъ: то дня не приходится,

пропадаетъ гдѣ-то, то придетъ злощій, презлющій такой, хоть и не гляди на него. Попервоначалу-то я, бывало, плакать начну, пѣняю ему, а онъ-то ломается, онъ-то ломается; потомъ вижу пути отъ моего плача мало — не подается, стала я съ нимъ, что называется, зубъ за зубъ, потому, чувствую, онъ какъ есть чистѣйшій подлець выходитъ. И пошла это промежь насъ брань да ругань: онъ уступить не хочетъ, я тоже — катая! Наконецъ довели дѣло до того, хоть разбѣжаться, такъ въ ту же пору. А тутъ, какъ нарочно стать, ухаживать какой-то чиновникъ, такъ и распинается сердечный! Думала, думала я, наконецъ махнула рукой да и пустила Андрюшку въ отставку. Съ чиновникомъ ни какъ мѣсяца три провозилась — и тотъ надоѣлъ. Чувствую, что во мнѣ, во внутренности-то, какъ будто заохлодѣло все, перестала я думать объ этихъ мужчинахъ, потому они не стоятъ того, чтобы объ нихъ думать. Стала сманивать меня къ себѣ одна мадамъ: горы золотыя сулила. Думала, подумала, да и поступила къ ней: «дай, моля, всего попробую». Тамъ прожила года полтора, наконецъ ушла — надоѣло. Тутъ ужъ я и свихнулась вовсе: водку эту стала такъ пить, такъ пить, что и мужичинѣ другому такъ завидно. Жила сперва-то я въ *Чернышевской батареѣ*, а оттуда вотъ сюда перебралась; и все-то скверно, все-то скверно!

Маша глубоко вздохнула.

— Разъ со мной знаешь какой случай былъ? спросила она меня.

— Какой?

— Да вотъ не хуже нынѣшняго.

— Что же такое?

— Такая страсть, что упаси Господи!

— Это было зимою прошлаго года. Жила я тогда тутъ же, на Грачовкѣ, только въ другомъ мѣстѣ. Вотъ праздновали мы иянины одной своей подруги, — послѣ крещенья, должно быть, въ скорости было: стужа такая стояла, что просто смерть. Денегъ мы тогда достали гдѣ-то порядочно. Пируемъ. Къ вечеру я натесалась до зеленыхъ чертей, еле на ногахъ держусь. Насъ было человекъ десять мужичинъ и женщинъ. Такъ выпила я до того, что просто память поте-

рядя. Говорятъ, пошла я въ тѣ поры куда-то со двора. Салопишко былъ на мнѣ заячій, платьишко шерстяное, на головѣ платокъ кордовый хорошій. Только что же вышло-то, слушай. Приснилось мнѣ, что будто бы меня черти въ адъ ташутъ, и такъ этотъ адъ ясно мнѣ представляется, вотъ ровно бы настоящій. Притащили будто бы, свалили у огня да и начинаютъ понемногу толкать меня въ огонь, и толкаютъ сперва ногами. Что-же бы ты думалъ? Просыпаюсь я и вижу, что стою я по колѣна въ снѣгу, въ сугробѣ на Москвѣ рѣкѣ. Нѣтъ на мнѣ ни салопя, ни платья, ни платка,— все сняли. Ночь темная, претемная. Холодъ этотъ такъ и пробираетъ, такъ и пробираетъ меня насквозь. Я перекрестилась да бѣжать, да бѣжать домой. Одначе будочникъ какой-то схватилъ: нечего дѣлать, переночевала въ части ни за что, ни про что, да еще одежду всю сняли. Послѣ спрашивала, спрашивала, какъ, молъ, я могла попасть на Москву-рѣку и кто меня ободралъ—никто не знаетъ.

— Да, поживи-ка, братъ, съ наше, узнаешь, какова она есть жизнь, замѣтила мнѣ Маша, какъ бы въ поученіе.

— Отчего ты, Маша, не пойдешь куда нибудь въ горничныя что-ли?

— Оттого, что ты дуракъ!

— За что же ты ругаешь меня?

— За то, что ты пустяки говоришь.

— Какіе же пустяки?

— Разумѣется. Ты знаешь, я теперь отвыкла отъ всякой работы; у меня дурь-то изъ головы нужно выбивать не одинъ годъ, не два... да и не вывѣшь ее теперь, пока я могу жить хотя такъ, какъ теперь живу — пока не издохну совершенно съ голоду.

Дѣйствительно, подумалъ я, какая тутъ работа, когда женщину никогда и не приучали къ ней и когда, прежде чѣмъ научить чему нибудь путному, явились люди, которые только и были способны къ тому, чтобы развратить и развратитъ очень глубоко несчастную жертву, съ раннихъ лѣтъ поставивши ее на скорбную дорогу бездѣлья и разврата.

— Ну, прощай! крикнула мнѣ Маша:—я спать хочу.

— Прощай!

Скоро въ столбикъ водворилась глубокая тишина, нарушаемая только дружнымъ хрюканьемъ нѣсколькихъ заблѣвшихъ своимъ душъ. Маша долго, долго не оставляла своихъ мыслей. Циничная откровенность и холодность, съ какою она рассказывала свои похождения, долго тревожили меня.

— Экое глубокое паденье! Экой развратъ подлый! — Думалъ я, ворочаясь съ боку на бокъ.

Прямо противъ моей двери, въ другой половникъ, въ подобномъ же столбѣ, жилъ нѣкто Семенъ Антоновъ, известный больше подъ именемъ Сеньки-Кушачника. Это былъ заматорѣлый воръ, и кушачникомъ онъ прозывался потому, что при началѣ своей воровской карьеры очень долго занимался исключительно кражею мужичьихъ кушаковъ. Семенъ жилъ не одинъ; вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ возлюбленной, проживала какая-то англичанка, но англичанка, прожженная русскимъ горемъ до того, что англійскаго оставалось въ ней только одно имя (ее звали Эммой), да волоса какого-то особеннаго цвѣта, которые, впрочемъ, съ каждымъ днемъ теряли свою національность отъ прикосновенія всероссійскихъ сенькиныхъ рукъ. Дѣйствительно, Семенъ поступалъ съ своей половиной крайне безцеремонно и билъ ее всегда вдвойнѣ, потому-де, что разъ я бью тебя, какъ русскую бабу, или, лучше сказать, какъ подругу русскаго человѣка, который безъ таскотни обойтись не можетъ, а другой—я бью тебя за то, что ты нехристь. Что держало этихъ двухъ иноплеменниковъ вмѣстѣ — трудно объяснить. Надо полагать, что Эмму привязывала къ Семену та длинная, толстая веревка, которая именуется всюду голодомъ и имѣетъ удивительную способность, связывая прямо противоположныя вещи, мирить ихъ между собою и заставлятъ дѣйствовать одну въ направленіи другой, сильнѣйшей. Эммѣ было лѣтъ за тридцать; лицо ея сохранило еще нѣкоторые признаки миловидности и суровой привлекательности, не смотря на всю горечь жизни, какую вытерпѣла несчастная англичанка чуть-ли не съ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ. Съ этого ранняго возраста Эмма глубоко окунулась въ развратъ и оставленная ребенкомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ публичной жизни, не имѣя ни времени обдумать свое печальное положеніе, ни средствъ

хотя нѣсколько возвыситься надъ поѣдающимъ ее зломъ, она такъ же, какъ и во дни своего юношества, беззаботно проводила день за днемъ, безъ оглядки назадъ, безъ соображенія будущихъ бѣдствій. Она быстро перелетала съ мѣста на мѣсто, быстро теряла физическую красоту, которую одну и цѣнять въ танихъ женщинахъ, и наконецъ очутилась въ Москвѣ, да еще гдѣ?—на Грачовкѣ! Тутъ несчастная какъ бы вдругъ очулась. Тѣспимая голодомъ, забракованная, презираемая всѣми, она съ радостью бросилась на шею даже такому человѣку, какъ Семень, и вотъ теперь выносить молча всѣ попреки, оскорбленія и побои, какими ежеминутно осыпаетъ ее этотъ варваръ *malgré soi*. Эмма знаетъ, что теперь наступили для нея покаянные дни и терпѣливо несетъ свой терновый вѣнецъ. «А пу, какъ прогнать? думаетъ она: куда я тогда дѣнусь?» И въ силу подобнаго аргумента бѣдная женщина до того унизилась, до того сжалась и покорилась Семену, что даже этотъ дикобразъ похваливаетъ Эмму за смиреніе.

— Ужъ на что бабу типе моей, бахвалить онъ между товарищами: иной разъ бьешь, бьешь ее — не вякнетъ: даже досадно станеть! Ну подай ты голосъ, думаешь, бросилъ бы, такъ нѣтъ, каторжная, ни за что! Слезы эти изъ глазъ ровно горохъ скачутъ, а голосу нѣтъ—ахъ, дери те волки!

Семень былъ очень оригинальный воръ, не по роду воровства, а по удивительному нравственному расположенію и хладнокровію, съ какимъ онъ относился къ своему дѣлу. Нужно замѣтить, что большинство воровъ ведутъ самую неправильную жизнь, постоянно разлагаютъ свою совѣсть виномъ и, если крадутъ, то крадутъ вслѣдствіе тяжелой необходимости добыть какимъ бы то ни было образомъ деньги на удовлетвореніе своимъ страстямъ. Семень былъ не изъ такихъ людей. Онъ велъ весьма правильную жизнь, т. е. имѣлъ квартиру, обѣдъ и ужинъ, чай, ходилъ по праздникамъ въ церковь, гдѣ усердно молился Богу, теплялъ лампадки, ѣлъ по воскреснымъ днямъ пироги, и проч. и проч., словомъ, во всемъ держался людей и жилъ такъ, какъ живутъ честные люди съ его достаткомъ. Поутру обыкновенно Семень вставалъ довольно рано, умывался, пилъ чай, билъ свою Эмму, если то было нужно, затѣмъ садился, какъ путный, за работу (онъ шилъ

башмаки), а потомъ, часовъ въ восемь-девять выходилъ со двора, бормоча про себя: «пойти, посмотрѣть, не будетъ ли чего?». Это «не будетъ-ли чего», въ переводѣ значило: нельзя ли къ кому въ карманъ залѣзть. Съ утра Семень пропадалъ до часу; въ часть онъ непременно являлся домой, обѣдалъ, опять билъ Эмму или поносилъ ее, на сколько хватало краснорѣчія, и потомъ ложился отлыхать часовъ до четырехъ. Въ четыре опять пилъ чай, опять прѣнимался за несчастную Эмму, если считалъ то необходимымъ почему-либо, а затѣмъ пропадалъ со двора до поздней ночи. Впрочемъ, я не помню, чтобы Семень когда-нибудь не ночевалъ дома; въ этомъ отношеніи онъ былъ аккуратный человѣкъ. У Семена водились даже деньжонки, которыя онъ отдавалъ въ ростъ. Въ праздничные дни онъ любилъ даже прогуляться съ Эммой, лѣтомъ въ Сокольникахъ, или въ Марьиной рощѣ, а зимой гдѣ-нибудь по городу. Тогда Семень одѣвался въ хорошій суконный сюртукъ, въ хорошую чуйку, бралъ въ руки тросточку (нужно замѣтить, что воры вообще ходятъ безъ палокъ: онѣ имъ мѣшаютъ) и требовалъ, чтобы Эмма, одѣтая весьма прилично, брала его подъ руку. Словомъ, это былъ самый искривленный, самый гадкій изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ воровъ! Въ немъ вы едва-ли отыскали бы хоть каплю какихъ-либо человѣческихъ достоинствъ, и если судить обо всѣхъ остальныхъ по этому исчадію, то трудно было бы, при всемъ нашемъ желаніи, хоть на іоту смягчить свой гнѣвъ противъ этихъ погибшихъ людей. Сенька кушачникъ спалъ такъ же спокойно, какъ всѣ честные люди, или, лучше сказать, какъ спать дѣти, потому что совѣсть свою онъ убилъ систематически, долговременнымъ и прочнымъ угнѣтеніемъ этого врага. Ему дивились даже товарищи по ремеслу.

— По характеру супротивъ Сеньки ни одного нѣтъ. Въ яномъ мѣстѣ, говорили они, и сдѣлалъ бы что-нибудь, да нѣтъ—рука не поднимается; а Сенька этого не знаетъ: ему все равно, что риза съ образа, что часы въ кармапѣ, что трынка у своего же голоднаго брата-вора—все беретъ. Пробовали мы тутъ какъ-то говорить, что намъ за это дѣло на томъ свѣтѣ будетъ, такъ Сенька и выговорить не далъ... «Что

будеть, то и будетъ, говорить; а языкъ тутъ чесать нечего: не суйся въ лисы, коль хвоста носить не умѣешь».

Разъ я встрѣтился съ Семеномъ въ корридорѣ. Семень мнѣ вѣжливо раскланялся и вступилъ даже въ разговоръ.

— Дорожку-те попортило, сказалъ онъ.

— А что?

— Да вотъ ходилъ кое-зачѣмъ на рынокъ, такъ подвезу нѣтъ, дорожистъ во всемъ.

— А вы что покупали?

— Да такъ кое-что по хозяйству по своему, по махонькому... Говядины купилъ, того-другаго; хотѣлъ птицу какую прихватить, да подступу нѣтъ, очень ужъ цѣну высокую ломать.

Во время разговора Семень держалъ себя съ достоинствомъ и ловко жестикулировалъ, подражая галантнымъ московскимъ прикащикамъ въ Ножевой, Суровской и другихъ линіяхъ.

Въ другой разъ мы разговорились съ Семеномъ по слѣдующему поводу:

Семень началъ бить свою Эмму. Тяжелые удары слышны были даже въ моемъ стойлѣ. Мнѣ едѣлалось ужасно досадно, что я не могу какъ-нибудь помочь этой бѣдной жертвѣ. Я принялся усиленно кашлять. Варваръ вѣроятно догадался и бросилъ. Эмма долго тяжело дышала. Наконецъ, слышу я, Семень выходитъ изъ своей берлоги. Я успѣшилъ тоже выйти за дверь, думая, что обозлившійся тиранъ вздумаетъ или оскорбить меня за помѣху, или же побѣтуетъ на свою возлюбленную, словомъ, я желалъ намекнуть ему, что онъ слишкомъ безчеловѣчно обращается съ Эммой.

Семень встрѣтился со мной въ корридорѣ. Онъ былъ совершенно спокоенъ.

— Здравствуйте, почтительно раскланялся Семень.

— Здравствуйте. Куда это вы?

— Да вотъ пройтись хочу, какъ будто равнемогся что-то.

— А нынче хорошій день.

— Очень чудесный-съ. Такъ это тепло.

Я подумалъ, подумалъ и наконецъ рѣшился навести Семю на разговоръ о его житье-бытьѣ.

— Ты съ женой, кажется, живете? спросилъ я его.

- Нѣтъ-съ, это такъ... знакомая.
- Славная какая женщина, тихая, работающая.
- Баба ничего-съ... хорошая.
- Да, такую женщину есть за что и любить.
- Известно-съ.

Семень зашевелилъ картузомъ и вѣроятно предчувствуя, куда я намѣренъ потянуть рѣчь, перебилъ меня возгласомъ:

— За симъ, до свиданія-съ.

Такъ я и остался на бобахъ съ своими гуманными помыслами.

Арбузовская крепость, въ которой я прожилъ три мѣсяца, до сихъ поръ повергаетъ меня въ самое томительное, гнетущее состояніе, какъ только я вспомню объ ней. То, что набросано въ этихъ очеркахъ, составляетъ только десятую часть всего видѣннаго мною. Не пуризмъ заставляетъ меня молчать обо многомъ, но просто неумѣнье выразить на человѣческомъ языкѣ всѣ эти ужасы, всю эту битву безоружныхъ бѣдниковъ съ суровою жизнью. Да и возможно ли, наконецъ, удержать въ памяти и выразить словами всѣ моменты агоніи, агоніи, которая длится цѣлые годы. Такіе моменты вы, по возможности, гоните отъ себя прочь, потому что сердце ваше не изъ камня и нервы не изъ стали, чтобы переносить ~~по-дня~~ въ день совершающіяся передъ вашими глазами катастрофы. И изъ за чего, подумаешь, бьются эти люди! Что принесетъ имъ завтрашній день? что имъ отраднанаго дастъ завтра жизнь! Ничего ровно; потому что какъ нынѣшній день они проклинали, ложась спать, такъ проклянуть и завтрашній, такъ проклянуть и послѣзавтрашній, и сотни, тысячи подобныхъ дней предадутъ проклятію! А все живутъ, все чего-то ждутъ, все на что-то надѣются... Нужда ли васъ не допекала, голодъ ли не морилъ, холодъ ли не терзалъ?— чего же вы еще ждете? Ужели вы думаете извѣдать нужду подлѣтѣе, познакомиться съ голодомъ пожесточе, съ морозомъ покруче? Или: не думаете-ли вы, что вамъ даромъ дастся и довольство, и теплота, и сытость, что небо когда нибудь сжалятся надъ вашими страданіями и за долгое терпѣніе вдругъ пошлетъ вамъ въ награду всѣ тѣ блага, какими пользуются другіе люди, его фавориты. Эхъ друзья мои!

не вы первые, не вы послѣдніе изъ заблуждающихся такимъ образомъ! Всѣ погибли самымъ позорнымъ образомъ, кто думалъ такъ, какъ вы, кто все ждалъ чего-то, а не старался самъ добыть, не старался собственными руками устроить собственное благоденствіе.

Какъ пущенная большая машина, грохочетъ и шумитъ жизнь въ Колосовомъ переулкѣ. Истертыя чувства и раздутыя до нельзя страсти съ визгомъ и стономъ вертятся и движутся изъ стороны въ сторону въ этой отвратительной машинѣ. Приводящіе весь механизмъ въ дѣйствіе кабаки привѣтливо смотрятъ своими заплеснѣвшими, загаженными окнами, какъ бы взывая къ снующимъ по улицѣ бѣднякамъ и приглашая ихъ войти въ мѣсто успокоенія. Но гаже всѣхъ домовъ, гаже всѣхъ гадостей — *Арбузовская крѣпость*! Она злобѣще чернѣется на самой срединѣ переулка, и знать ничего не хочетъ. Что ей за дѣло до этихъ проходящихъ, къ которымъ обращаютъ свою рѣчь кабаки? — *Арбузовская крѣпость* и безъ зазыва полна съ верху до низу; и безъ зазыва въ ней нѣтъ отбою отъ различныхъ живыхъ мертвецовъ; и безъ зазыва въ нее валятся сами собою трупы, потому что трупу въ могилѣ и мѣсто.

И. Веревъ.

СОНЪ.

(изъ Байрона).

1.

Жизнь двойственна: нашъ сонъ свой мѣръ имѣеть,
И этотъ мѣръ — граница между тѣмъ,
Что ложно мы зовемъ существованьемъ
И смертию; — свой мѣръ имѣеть сонъ, —
Обширный мѣръ дѣйствительности дикой;
Встающія въ немъ грезы дышуть, плачутъ,
Блаженствуютъ и мучатся; онъ
На бодрый духъ кладутъ свои оковы,
Снимаютъ гнетъ съ недремлющихъ заботъ,
Двоятъ намъ жизнь, и дѣлаются частью
И насъ самихъ, и нашихъ всѣхъ часовъ.
Какъ вѣчности глашатаи, какъ души
Прошедшаго проносятся онъ,
О будущемъ вѣдая какъ Сивиллы.
У нихъ въ рукахъ блаженство и печаль,

Онъ изъ насъ все дѣлаютъ, что только
 Угодно вамъ, и устрашаютъ насъ
 Видѣнныи временемъ давно минушихъ.
 Но этотъ мѣръ, дѣйствительный-ли мѣръ?
 Не тѣнь-ли онъ былого? Эти грезы —
 Созданія-ли духа или вѣтъ?
 Нашъ духъ творить тѣла и поселяетъ
 Въ планетахъ онъ такія существа,
 Прекраснѣе какихъ и не бывало,
 И придаетъ дыханіе тѣламъ,
 Переживать способнымъ все плотское.
 Хотѣлъ бы я опять къ себѣ призвать
 Видѣніе, которое явилось
 Мнѣ разъ одинъ, — быть можетъ, и во свѣ.

2.

Два существа во цвѣтѣ юной силы
 Передо мной стояли на холмѣ
 Прелестнѣйшемъ; отлогій и зеленый,
 Онъ цѣпь холмовъ, казалось, замыкалъ.
 Но ногъ его вода не омывала.
 За то ландшафтъ весь полонъ жизни былъ:
 Кругомъ лѣса и нивы золотыя,
 И сельскія жилища тутъ и тамъ,
 И тихій дымъ на ихъ убогихъ крышахъ.
 Зеленый холмъ носилъ на головѣ
 Какъ будто бы корону изъ деревьевъ,
 Насаженныхъ въ кружокъ румой людей,
 А не игрой случайно природы.
 Тамъ дѣвушка и мальчикъ на холмѣ
 Передо мной стояли и смотрѣли:
 Она — на все, что было близъ нея
 И, какъ она, блистало красотою;
 А онъ смотрѣлъ лишь на нее одну.]
 И молоды тотъ и другая были,
 Но неравные годами; какъ луна
 Прекрасная на краѣ горизонта,
 Она теперь была близъ на порѣ
 Последняго, цвѣтущаго развѣтья.
 А мальчикъ былъ годами не богатъ,
 Но сердце въ немъ опередило годы.
 Его глаза лишь на одно лицѣ

На всей землѣ съ любовію смотрѣлъ,
 И то лице блистало для него
 Какъ солнца свѣтъ; не могъ онъ оторваться
 Отъ глазъ ея; онъ ею лишь дышалъ,
 Лишь ею жилъ; въ ней слышалъ онъ свой голосъ,
 Предъ ней молчалъ, но звукъ ея рвчей
 Въ него вселялъ какой-то сладкій трепетъ.
 Въ ней видѣлъ онъ и зрѣніе оное:
 Глаза его слѣдили за глазами
 Ея одной и видѣли лишь то,
 На что она смотрѣла; всѣ предметы
 Ея лишь взоръ ему украсить могъ.
 Онъ пересталъ жить самъ собой; въ ней видѣлъ
 Онъ жизнь свою, великій океанъ,
 Куда текли стремительно потоки
 Всѣхъ думъ его; звукъ голоса ея,
 Ея руки одно прикосновеніе
 Въ его крови то дѣлалъ приливъ,
 То вдругъ отливъ, и щеки загорались
 Огнемъ любви, и сердце замирало
 Въ груди, само не зная отчего.
 Но этихъ чувствъ она не раздѣляла,
 И вздохъ ея летѣлъ не для него.
 Онъ былъ ей братъ — и только; кровныхъ братьевъ
 Не довелось имѣть ей, — и ему
 Лишь одному названье это въ дѣтствѣ
 Дала она, — она, послѣдній членъ
 Почтеннаго и древняго семейства.
 Въ былые дни онъ имя то любилъ,
 Теперь оно его не утѣшало.
 И почему? Ахъ, годы принесли
 Нерадостный отвѣтъ его сомнѣніямъ!
 Ахъ, онъ узналъ, что дорогъ ей другой;
 И въ этотъ часъ, взойдя на холмъ зеленый,
 Смотрѣла вдаль она, чтобъ увидать,
 Спѣшитъ-ли онъ, возлюбленный, на встрѣчу
 Желаніямъ томительнымъ ея!

3.

Но тутъ мой сонъ внезапно прервался.
 Я видѣлъ домъ старинный; передъ нимъ

Оседланная лошадь землю била;
 Въ готической молельнѣ, одиночѣ,
 Мой юноша, съ лицомъ печально—блѣднымъ,
 Взадъ и впередъ ходилъ; во временахъ
 Садился онъ и схватывалъ перо
 И вдругъ писалъ загадочное что-то.
 Потомъ опять лицо онъ закрывалъ
 Обими руками, и все тѣло
 Какъ въ судоргахъ дрожало... Вдругъ опять
 Онъ вскакивалъ, руками и зубами
 Свое письмо на части рвалъ, — но слезъ
 Не проливалъ... Но вотъ онъ сталъ спокойнѣй,
 И тихій свѣтъ проникъ въ его глаза.
 Нежданно дверь молельни отворилась —
 Вошла она, предметъ его любви,
 Съ спокойною и милою улыбкой,
 Хоть хорошо известно было ей,
 Что къ ней пылалъ онъ горькою любовью,
 Что тѣнь ея кидала мрачный свѣтъ
 На душу всю несчастнаго; страданье
 И скорбь его—все видѣла она...
 Но нѣтъ—не все... Онъ всталъ и руку милой
 Пожалъ какъ другъ,—и на лицъ его
 Я въ этотъ мигъ увидѣлъ начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 Но скоро все взгляделось... Руку
 Онъ выпустилъ и медленно пошелъ
 Изъ комнаты... Казалось, что разлуки
 Тутъ не было; такъ весело они,
 Спокойно такъ другъ другу улыбались!
 И вышелъ онъ въ высокія ворота,
 Сѣлъ на коня, и поскакалъ впередъ.
 И сраго, стариннаго порога
 Ужъ никогда не видѣлъ съ той поры.

4.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Изъ юноши онъ мужемъ зрѣлымъ сталъ.
 Далекия пустыни знойныхъ странъ
 Избралъ себѣ отчизной, упивался
 Палящими лучами; видъ его

И страшень былъ, и врачень; не осталось
 Въ немъ ничего отъ прежняго. Всегда
 Онъ странствовалъ по морю и по сушѣ..
 Рой образовъ преслѣдовалъ меня
 И набѣгалъ на душу точно волпы,
 Но всюду оми мнѣ видѣлся... И разъ
 Увидѣлъ я: отъ зноя убѣгая,
 Опъ межъ колоннъ разрушенныхъ лежалъ,
 Въ тѣни тѣхъ стѣпъ, развалины которыхъ
 Пережили строителей своихъ.
 И тутъ онъ спалъ. Кругомъ паслись верблюды,
 Не вдалекъ — фонтанъ, а у него —
 Привязаны породистые кони
 Въ широкій плащъ одѣтый человекъ
 Сидѣлъ какъ стражъ, межъ тѣмъ какъ сладко спали
 Вокругъ него соотчичи его.
 Небесный сводъ служилъ для нихъ покровомъ,
 И этотъ сводъ былъ такъ лазурень, чистъ,
 И такъ блисталъ прозрачной красотою,
 Что только Богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ...

5.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Та дѣвушка — предметъ его любви,
 Съ другимъ была обвѣчана. Въ отчизнѣ
 Она жила, далеко отъ него.
 Вокругъ нея рѣзвились чудо — дѣти,
 И дѣвочки, и мальчики. Но скорбь
 Была видна въ ея чертахъ прекрасныхъ.
 На семьъ лицъ лежала тѣнь глубокой
 Борьбы съ собой; тревожно взоръ блуждалъ,
 Какъ будто бы невидимыя слезы
 Какъ тяжкій гнетъ лежали на глазахъ.
 Но гдѣ же, въ чемъ причина этой скорби?
 Вѣдь у нея все было, что она
 Любила такъ; вѣдь тотъ, кто такъ безумно
 Любилъ ее, ушелъ въ далекий край,
 Все унесъ съ собою, что смущало
 Ея души святую чистоту:
 Преступныя надежды, и желанья,
 И явную, тревожную любовь.

Къ чему же скорбь? Вѣдь онъ ей не былъ дорогъ,
 Вѣдь ни одной надежды никогда
 Не подала она ему, и вѣрно
 Не могъ онъ быть виновникомъ того,
 Что въ сердце къ ней теперь вливалось горе,
 Явившись въ немъ какъ призракъ дѣтъ былыхъ.

6.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 На родину вернулся странникъ вновь
 Вотъ онъ стоитъ предъ алтаремъ съ невѣстой.
 Она мила, прекрасна, но не та
 Что та, — звезда всей юности миновавшей!
 У алтаря стоитъ онъ; но въ чертахъ
 Такая жъ грусть, какъ нѣкогда въ молебствѣ,
 И та же дрожь, и тотъ же странный видъ,
 И на лицѣ, какъ прежде, начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 И снова все изгладилось, какъ прежде.
 Такъ онъ стоялъ, спокойный, и объѣтъ
 Проговорилъ спокойно, но не слышалъ
 Самъ словъ своихъ; все шло кругомъ въ глазахъ;
 Передъ собой онъ ничего не видѣлъ,
 И ничего не понималъ. Въ умѣ
 Воскресла вновь старинный домъ, ворота,
 И комнаты знакомыя, и мѣсто,
 И день, и часъ, и солнца свѣтъ, и тѣнь,
 И, ахъ, она — судьба его всей жизни...
 Все видитъ онъ, все вспоминаетъ онъ...
 Но для чего вы, злые сны былого,
 Не кстати такъ, не въ время пришли?

7.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Та женщина, кого онъ такъ любилъ, —
 О, какъ ее душевные вѣдутъ

Ужасно измѣнился! Духъ ея
 Разстался съ ней и страстивовалъ далеко;
 Въ глазахъ ея потухнулъ прежній блескъ,
 Слѣдившійся небеснымъ выраженьемъ;
 Царицею жила она теперь, —
 Царицею въ своемъ волшебномъ царствѣ.
 Въ ея умѣ смѣшались межъ собой
 Несродныя одна съ другою мысли,
 И образы, невидимые намъ,
 Ея глазамъ являлись очень ясно.
 И свѣтъ ея безумною называлъ.
 Но мудреца безумье смыслъ глубокий
 Въ себѣ таитъ, и вся тоска его —
 Ужасный даръ. Она ничто иное
 Какъ телескопъ всей правды, съ жизнью насъ
 Сближающій: она намъ помогаетъ
 Всю эту жизнь увидѣть въ наготѣ,
 И черезъ чуръ, до ужаса правдиво,
 Холодную дѣйствительность рисуетъ.

8.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Сдѣлалецъ былъ, какъ прежде, одинокъ.
 Изъ тѣхъ существъ, которыми онъ прежде
 Былъ окруженъ, одни ушли, другіе
 Шли на него открытою войной.
 Онъ на челѣ носилъ печать проклятья
 И горести отчаянной; кругомъ
 Тѣснились презрѣніе и злоба;
 Во всемъ вкушалъ онъ горькую печаль,
 И наконецъ, какъ Митридатъ Понтійскій,
 Питаться сталъ отравой, но она
 Утратила надъ нимъ всю злую силу
 И только жизнь поддерживала въ немъ;
 Да, онъ жилъ тѣмъ, что для другихъ — могла.
 Сдружился онъ съ горами; разговоръ
 Велъ съ звездами и духами вселенной;
 Они его учили чудесамъ
 Таинственныхъ мистерій; книга ночи
 Теперь была открыта для него,
 И голоса, несясь изъ безднъ глубокихъ,

О таинствах и чудесах ему
Чудесного шептали много, много...

9.

Мой сонъ прошелъ. Окончались видѣнья.
Но странно! жребій этихъ двухъ существъ
Почти-что былъ съ дѣйствительностью сходенъ.
Безумье жизнь покончило въ одномъ,
Страданіе великое — въ обоихъ.

И. Вебмбергъ.

РОССІЯ ДО ПЕТРА ПЕРВАГО.

(статья вторая)

I.

Начало личное.

Лѣтописецъ говоритъ, что въ 862 году славяне изгнали варяговъ за море, не дали имъ дани и стали управляться сами собой. Но не вышло отъ этого толку: не было справедливости, возсталъ родъ на родъ, явились усобицы и брани. Тогда славяне рѣшили: «поищемъ себѣ князя, кто бы владѣлъ нами и судилъ по праву,» и отправились они за море къ Варягамъ-Руси, и пригласили ихъ къ себѣ. Явились три брата съ дружинами, и раздѣлили страну между собой. Нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ истинности этого простаго разсказа. Если бы лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что славяне были покорены варягами и второй разъ, то онъ бы и сказалъ это, какъ сказалъ о первомъ владычествѣ норманновъ. Но покоренія второй разъ не было. Славяне, недовольные чужеземнымъ игомъ, свергнули его въ надеждѣ, что дѣла у нихъ пойдутъ лучше, но оказалось иначе—сами управиться были не въ состояніи, и потребовался имъ князь. Черта это чрезвычайно важная, потому что ею объясняется вся слѣдующая до-петровская исторія.

Въ условіяхъ мѣстности и въ способностяхъ народа заключаются всѣ зародыши его исторической судьбы. Но что именно и въ ка-

комъ именно видѣ разовьется—зависитъ отъ разныхъ внѣшнихъ условий и обстоятельствъ, которые могутъ задержать одно и дать ходъ другому. Въ природѣ совершаются ежедневно подобныя явленія и любое хлѣбное поле можетъ служить нагляднымъ объясненіемъ закона совокупной жизни отдѣльныхъ недѣлимыхъ, по которому одни гибнутъ, другія развиваются и развиваются подѣ влияніемъ естественныхъ вліяній, непременно такъ, а не иначе. Не выростетъ то, что не имѣло семянъ въ землѣ и всадки появляются только на томъ полѣ, гдѣ было мало семянъ ржи и оттого выросла рожь рѣдая. Гдѣ же хлѣбъ густой, всадки гибнутъ. Не и всадки, и рожь имѣли въ почвѣ свои сѣмена и не могли они явиться изъ ничего, потому что изъ ничего развиться жизнь не можетъ.

Приглашеніемъ норманскихъ князей ильменскіе славяне заявили, что самоуправленіе у нихъ не удастся; такимъ образомъ, въ основу исторической жизни Россіи легли съ самаго начала два элемента—народный, какъ выраженіе свободной личности и внѣнародный, высшій, правительственный элементъ, какъ выраженіе начала централизованнаго. Какой изъ нихъ долженъ былъ развиться до высшаго своего проявленія, стало ясно уже съ первыхъ шаговъ исторіи.

До призванія князей, славяне управлялись вездѣ мірскими сходками (вѣче); при рѣдкомъ населеніи и при несложности гражданскихъ отношеній, такая форма правленія была хороша; но скоро оказалось, что въ мѣстностяхъ съ большимъ скопленіемъ народа, какъ города, являются партіи, раздоры, личное начало является въ видѣ личнаго произвола и стремленія къ насилию и угнетенію слабого. Справиться съ неурядицей у славянъ не достало силы, и они пригласили къ себѣ князей, которые, и по своему происхожденію, и по общественному положенію, могли удобнѣе всего исполнять обязанности посредниковъ и третейскихъ судей. Очень можетъ быть, что еслибы не случилось приглашенія князей, то славяне, наконецъ, справились бы съ неурядицей и выработали бы себѣ какія-нибудь учрежденія, но этого, однако, не случилось; фактъ историческій въ томъ, что потребовалась посторонняя нравственная сила, потому что своей не было, и это сознаніе своего нравственнаго безсилія и правительственной неспособности было такъ велико въ народѣ, что онъ не могъ представить себя никакъ безъ главы, безъ князя. Въ началѣ русской исторіи это повторяется безпрестанно, вездѣ. Только что народъ какой-нибудь области останется почему-нибудь безъ князя, онъ тот-

часть же приглашаетъ къ себѣ правителя изъ княжескаго рода. Новгородцы говорили Святославу: «если кто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя». Ярополкъ и Олегъ отказались, и тогда Добрыня научилъ новгородцевъ просить къ себѣ Владимира. «Дай намъ Владимира», говорили новгородцы, «возьмите», отвѣтилъ Святославъ, и новгородцы взяли Владимира.

Начавъ добровольнымъ приглашеніемъ князей, народъ сохранилъ къ нимъ отношенія довольно свободныя и перѣдко давалъ имъ чувствовать это весьма жестоко. Святополкъ, сѣвъ на кievскомъ столѣ послѣ Владимира, началъ раздавать кievлянамъ подарки, чтобы задобрить ихъ въ свою пользу. Очевидно, что народъ не отдался безусловно князьямъ и хотѣлъ сохранить свою волю и голосъ въ правленіи. Когда половцы разбили, въ 1068 году, кievлянъ, то послѣдніе, собравшись на вѣче, послали сказать своему князю Изяславу: «Половцы разстались по землѣ; дай намъ оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними». Изяславъ не послушался. Тогда толпа отправилась къ княжескому двору, и какъ князь не согласился на ея требованія, то стали раздаваться голоса, что надо искать себѣ другого князя. Дружина совѣтывала убить князя Всеслава, содержавшагося въ тюрьмѣ, но Изяславъ не согласился, да и было уже поздно, потому что народъ, не получивъ отъ князя удовлетворенія, освободилъ Всеслава и провозгласилъ его княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Особенно частыя смѣны князей случались у новгородцевъ, находившихся въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ для развитія личнаго начала. Въ 1136 году новгородцы, недовольные своимъ княземъ Всеволодомъ, подумавши на вѣче, посадили его на епископскомъ дворѣ, съ женою, дѣтьми и тещей подъ стражу и выпустили только тогда, когда къ нимъ пріѣхалъ изъ Чернигова новый князь Святославъ Олеговичъ. Вина Всеволода заключалась въ томъ, что «не блюдетъ смердовъ; зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславѣ; въ битвѣ при Ждановой горѣ побѣждалъ прежде всѣхъ изъ полку; вѣтшиваетъ Новгородъ въ усобицы.» Въ 1154 году новгородцы выгнали отъ себя князя Ярослава Изяславича; но за что, лѣтописецъ умалчиваетъ. При постоянной борьбѣ партій, держаться въ Новгородѣ князьямъ было трудно, и легко было навлечь на себя неудовольствіе, а за тѣмъ и изгнаніе. Мстиславъ, узнавъ, что враждебная ему сторона собираетъ тайная вѣча и, не дожидаясь, чтобы

новгородцы выпроводили его отъ себя, созвалъ вѣче на Ярославскомъ дворѣ и сказалъ ему: «У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ», и уѣхалъ. И дѣйствительно народъ былъ вольнъ въ князьяхъ. Онъ приглашалъ одного, изгонялъ другого, и дѣлалось это очень легко и скоро, по поводу обстоятельствъ иногда весьма ничтожныхъ. Приглашаемый князь дѣловалъ крестъ Новгороду, Новгородъ дѣловалъ крестъ князю и этимъ устанавливались взаимныя обязательства. Но князь всегда могъ оставить Новгородъ, когда хотѣлъ, и для этого нужно было только созвать вѣче, объявить ему свое желаніе и сложить съ себя дѣлованіе; какъ это и сдѣлалъ Мстиславъ.

При такихъ свободныхъ отношеніяхъ народа къ князьямъ, когда такъ легко было навлечь на себя народное неудовольствіе и быть изгнаннымъ, князь являлся, разумѣется, представителемъ народной воли. Когда въ 1221 году новгородцы сказали Всеволоду: «не хотимъ тебя, ступай куда хочешь», то обратились къ владимірекому князю Юрію Всеволодовичу и тотъ далъ имъ въ князья своего сына *по всей ихъ волѣ*. Въ 1228 году новгородцы, призвавъ къ себѣ суздальскаго князя Ярослава, послали сказать ему: «Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ по всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ ярославовыхъ, или ты себѣ, а мы себѣ.» Здѣсь уже прямо указывается на первоначальный договоръ, которымъ опредѣлялись отношенія князя къ великому Новгороду. Грамоты Ярослава не дошли до насъ. Но изъ послѣдующихъ условій князей съ новгородцами можно видѣть, въ чемъ заключались коренныя основанія обоюдныхъ отношеній. Князь не могъ судить безъ посадника, т. е. безъ лица, знакомаго хорошо съ мѣстными обычаями и условіями. Князь не могъ назначать въ правители и судьи волостей своихъ людей, но непременно гражданъ новгородскихъ, по соглашенію съ посадникомъ. При частой перемѣнѣ князей это было необходимо. Вообще князья не имѣли корней въ странѣ, они являлись какъ бы пріемышами и должны были подчиняться условіямъ, которыя будутъ имъ предложены новгородцами. Князь не имѣлъ права пріобрѣтать въ новгородской землѣ имѣнія, не могъ торговать самъ, чрезъ своихъ людей, а непременно чрезъ повгородцевъ; не могъ наказывать безъ суда и воли вѣча и дѣлать какія-либо распоряженія безъ участія посадника.

Изъ того, что новгородцы ограничивали такимъ образомъ власть

князя, не слѣдуетъ еще заключать, чтобы они сами умѣли производить справедливый судъ и умѣли рѣшать умно свои дѣла. Извѣстно, что всѣ народныя правленія отличаются всегда большою жизненностью и сильнымъ движеніемъ, вслѣдствіе возможности свободнаго проявленія личности каждаго отдѣльнаго гражданина. Но Новгородъ въ этомъ отношеніи отличался, особеннымъ шумомъ, вѣчными раздорами и соперничествомъ сословій. Между множествомъ случаевъ этого рода одинъ, бывшій въ 1418 году, показываетъ лучше всего характеръ новгородской управы. Какой-то Степанко, схвативъ на улицѣ боярина Данилу Ивановича Божана, кричалъ народу — господа, помогите мнѣ противъ этого злодѣя. Вѣроятно народъ былъ уже раздраженъ противъ бояръ, потому что, не разбирая въ чемъ дѣло, кинулся на помощь къ Степанкѣ и поволокли боярина на вѣче. Тамъ, какая-то женщина, выскочивъ на средину, принялась колотить боярина съ неистовствомъ, перечисляя сдѣланныя имъ ей обиды. За тѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій сбросили несчастнаго въ Волховъ. Рыбакъ, плывшій въ это время по рѣкѣ, спасъ Данилу. Это озлило толпу, и она разграбила домъ рыбака. Спасенный бояринъ, желая отомстить Степанкѣ, поймалъ его и сталъ мучить, и когда народъ узналъ объ этомъ, то кинулся въ улицу, гдѣ жилъ бояринъ Данило. Данило струсилъ и убѣжалъ. Расходившійся народъ взялся за оружіе и пошелъ грабить богатыхъ. Ограбилъ нѣсколько улицъ и даже монастырь св. Николы, гдѣ хранились боярскіе пожитки и дошелъ уже до Прусской улицы, населенной новгородской аристократіей. Тутъ бояре встрѣтили толпу съ своею челядью. На колокольняхъ ударили въ набать, и пошла свалка по всему городу. Владыка, созвавъ священниковъ, въ полномъ облаченіи, съ крестами, хоругвями и образомъ Богоматери отъ св. Софьи, явился среди бушующаго народа и мало по-малу утишилъ волненіе. Подобные раздоры происходили безпрестанно. Разумѣется, они имѣли свои причины и свой смыслъ, но къ сожалѣнію вовсе неспособствовали развитію учреждений Новгорода, его гражданскихъ порядковъ. Смыслъ явленій и событій ускользалъ отъ людей и они не умѣли извлекать изъ нихъ тѣхъ опытныхъ результатовъ, которыми дается странѣ гражданская сила. Было бы несправедливо сравнивать новгородцевъ съ американцами, т. е. съ первыми выходцами изъ Европы, положившими начало будущимъ сѣверо-американскимъ штатамъ. У американцевъ былъ восьмисотлѣтній опытъ, и знаком-

ство съ такими идеями и научными знаніями, которыя были совершенно чужды новгородцевъ. Очень можетъ быть, что и изъ Новгорода вышло бы что нибудь самостоятельное, если бы онъ уже съ самаго начала не заключалъ въ себѣ всѣхъ началъ своего гражданского безсилія. Разъяренная толпа всегда грабить, при всякихъ формахъ правленія, такъ было всегда и можетъ быть останется навсегда. Но въ Новгородѣ изъ грабежа установился обычай, и, вслѣдствіе того, бояре держали на жалованьи разный сбродный, отчаянный людъ, для защиты себя и отъ бояръ, и отъ народа. Все это похоже больше на калмыцкіе обычаи, но никакъ не можетъ служить признакомъ пониманія гражданскихъ отношеній. Прошло 600 лѣтъ послѣ призванія новгородцами варяжскихъ князей, и вотъ что писалъ митрополитъ Іона къ новгородцамъ: у васъ изъ за какой-нибудь малой вещи начинается гнѣвъ и ярость, и свары, и жесловія, и многонародное сборище съ обѣихъ сторонъ: у васъ нанимають сбродней, пьячкивыхъ и замышляютъ бои и кровопролитія. Въ XV столѣтіи, т. е. чрезъ тѣ же 600 лѣтъ, лѣтописецъ говоритъ, «что не было въ Новгородѣ ни правды, ни справедливаго суда; возстали ябедники, устраивали четы, обѣты и цѣловали на неправду; и стали грабить по селамъ и на волостяхъ и по городу; и стали мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; и по волостямъ было раззореніе и частныя поборы, крикъ и рыданіе, и вопль, и проклятія людей на старѣйшинъ и на нашъ городъ, ибо не было у насъ ни жалости, ни правосудія. «Видно, что ни князья, призванные новгородцами для устройства порядка и суда, ни сами новгородцы, не успѣли еще устроить у себя порядка и правосудія. Въ лѣтописяхъ нѣтъ данныхъ, которыя бы позволили сравнить степень неурядицы во время призванія варяговъ съ новгородскими неурядицами въ XV столѣтіи. Разумѣется, слѣдовало бы полагать, что стало лучше, что народъ научился понимать совершенное свое гражданское значеніе; къ сожалѣнію подтвердить это какими-нибудь доказательствами нѣтъ никакой возможности. Можно только замѣтить, что 600 лѣтъ гражданской жизни было мало, чтобы развить въ Новгородѣ достаточную силу для самостоятельной жизни. Простору для личности было много, а гражданской связи почти не существовало. Уже одніе отношенія новгородцевъ къ своимъ князьямъ, легкость, съ какой они изгоняли и принимали ихъ,—и принимали нерѣдко тѣхъ самыхъ, которые надѣлали имъ много зла, напримѣръ, Ярослава, поморившаго ихъ голодомъ, — по-

кажущая отсутствіе прочныхъ гражданскихъ основаній. Князь не могъ бы дѣлать, что онъ хотѣлъ, если бы свободнымъ учрежденіемъ страны ограничивали произволъ силы; но именно этого-то и не было. Каждый сила имѣла полную возможность проявить своей произволъ и деспотизмъ надъ всѣмъ, что было слабѣе ея: произволяли князья, произволяли бояре, произволяли черные люди. Да и не могло быть иначе. Ни одна изъ формъ правленія не требуетъ такого распространенія въ народѣ знаній и умныхъ, умныхъ понятій, какъ правленіе народное. А какими знаніями властелины новгородцы? Византія не сообщала имъ ничего, да и не могла сообщить именно тѣхъ понятій и идей, какия нужны были для новгородскаго народовластія, потому что византійскіе порядки были совершенно противоположны новгородскимъ. Литературы не было, кромѣ церковной, да и церковная читалась съ трудомъ, по недостатку грамотныхъ людей. Хотя новгородцы вообще были и грамотнѣе остальныхъ русскихъ, но читатель знаетъ, какого труда стоило Геннадію, епископу новгородскому, набирать грамотныхъ поповъ. По видимому сношенія новгородцевъ съ Ганзой должны бы помогать развитію просвѣщенія въ народѣ; но и эти сношенія были такого рода, что обнаруживали полное безсиліе новгородцевъ предъ нѣмцами. Нѣмцы составляли твердую корпорацію, и принимали всѣ мѣры, чтобы ихъ сношенія съ новгородцами не имѣли соперничества. Торговая нѣмецкая компанія опредѣляла: какихъ именно товаровъ и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ провозить въ Новгородъ изъ за границы; они не позволяли своимъ купцамъ провозить деньги больше известной суммы; она вела торговлю оптовую. Понятно, что все это давало ей возможность держать свои товары въ цѣнѣ, и сбывать то, что ей надумается; а русскіе товары держать на ихъ минимумѣ. Разсыпчатость русская выразилась и тутъ. Нѣмцы назначали на русскій товаръ цѣну самую низкую, и всегда находились люди, которые соглашались на нее; а за ними соглашались и другіе. Противъ сплоченной силы нѣмцевъ, новгородцы выступали въ рассыпную и должны были, разумеется, проиграть. Отъ этого, такъ прославленный союзъ Новгорода съ Ганзой, нисколько не способствовалъ возвышенію благосостоянія края — назывались нѣмцы, а не русскіе. Но нѣмцы пошли еще дальше: у нихъ было поставлено, не учить русскихъ техническимъ производствомъ, чтобы лишить ихъ возможности устроить у себя фабрики, и тѣмъ удержать въ зависи-

мости отъ нѣмецкой торговой компаніи. Новгородцы, какъ видно, не были въ состояніи понять этого. Не научили ихъ ни чему и поѣздки за границу. Ѣздили новгородцы въ Швецію, и въ Норвегію, и въ Любекъ, и на Готландъ; но какими познаніями они обогатились тамъ, и какую пользу учрежденіямъ и новгородской общественной жизни принесли эти поѣздки ни изъ чего не видно.

А между тѣмъ логическое развитіе основъ государственной жизни Новгорода шло своимъ порядкомъ и подготовляло ему соединеніе съ Москвою. Признавъ съ самаго начала необходимость имѣть надъ собою князя, новгородцы положили тѣмъ самымъ основаніе своей зависимости. Что они изгоняли отъ себя князей по произволу, это ничего не значило; тоже дѣлалось почти и во всей Руси, въ періодъ первоначальнаго броженія силъ. Значеніе личности князя все-таки существовало, и болѣе энергичскіе изъ нихъ всегда могли имѣть возможность заставить новгородцевъ почувствовать свою власть. Александръ Невскій обращался съ новгородцами весьма деспотически, да и другіе князья при случаѣ давали волю своему личному произволу. Признавая свою связь съ общимъ русскимъ княжескимъ родомъ, новгородцы тѣмъ самымъ должны были подчиняться и имѣніямъ, происходившимъ въ личномъ составѣ князей, что сдѣлалось особенно замѣтно со времени монгольскаго владычества. Со времени Ярослава, бывшаго великимъ княземъ и въ тоже время княземъ новгородскимъ, явился обычай, что вмѣсто великаго князя, который не могъ жить въ Новгородѣ, находился его намѣстникъ. Съ этого же времени, великіе князья бывали обыкновенно и князьями новгородскими, потому что новгородцы признавали ихъ какъ болѣе сильнѣйшихъ. А какъ съ монгольскимъ игомъ назначеніе великаго князя зависѣло вполне отъ произвола хана, то свободный выборъ князей для новгородцевъ кончился. Такимъ образомъ, Новгородъ отъ своего избирательнаго права перешелъ постепенно къ признанію надъ собою старѣйшаго князя, назначаемаго посторонней властью. Единство церкви соединяло еще крѣпче Новгородъ съ остальной Русью, а ученіе о власти поселяло въ населеніи монархическія понятія. Понятно, что великій князь долженъ былъ приобрѣтать въ глазахъ новгородцевъ все большее и большее значеніе, и если въ республикѣ находились люди, дорожившіе республиканской свободой, то вмѣстѣ съ тѣмъ подъ влияніемъ и политическихъ событій, связавшихъ Новгородъ съ великими князьями, и ученія церкви должна была соста-

ваться монархическая партія, державшая сторону великаго князя. Въ концѣ XV столѣтія выработались уже всё элементы, подготовлявшіе соединенію Новгорода съ Москвою; оставалось только исполнить нѣкоторыя вѣдшія формальности, и исполнителемъ ихъ явился Иванъ III.

Москва давно уже стѣсняла все болѣе и болѣе Новгородъ и высказывала ему свою силу; но Новгородъ только злился на это, не принимал никакихъ мѣръ, которыя бы могли дать ему перевѣсъ надъ московскимъ самовластіемъ. Разговоры продолжались по прежнему, а военной силы, которая значила все, у новгородцевъ не было, потому что сбродъ людей, оторванныхъ отъ сохи, не могъ противиться московскому войску, болѣе навывшему къ войнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ враждебныхъ столкновеній Москвы съ татарами, литовцами, поляками. Новгородцамъ не нравилась Москва, но они чувствовали свое безсиліе, и, зная, что съ Москвою бороться имъ не подъ силу, задумали подчиниться Литвѣ. Это еще не значить понимать свободу и ее отстаивать. Народъ, подбитый республиканской партіей, думавшей сохранить свою независимость подъ властію Литвы, кричалъ: «за короля хотимъ! мы вольные люди; пусть Казиміръ охраняетъ Великій Новгородъ!» и московская партія должна была покориться. Въ первой стычкѣ съ войсками Ивана III новгородцы были разбиты на голову, а между тѣмъ литовская помощь не приходила. Республиканцы хотѣли держаться и стали жечь посады и монастыри, чтобы затруднить тѣмъ осаду города, а между тѣмъ московская партія затѣвала измѣну. Какой-то Упадышъ заалиналъ нѣсколько пушекъ, стоявшихъ на городскихъ стѣнахъ. «Лучше бы тебѣ Упадышъ не быть въ утробѣ матерней, тѣмъ наречья предателемъ Новгорода,» говорить лѣтописецъ. Въ этой бѣдѣ присоединился еще недостатокъ хлѣба. Тогда народъ, желавшій такъ прежде свободы и Казиміра, ударивъ въ вѣчевой колоколъ, назвалъ республиканцевъ прелестниками и обманщиками, а московской партіи сказалъ: «не слушали мы васъ большихъ умныхъ людей, а послушали безумцевъ. Спасайте Новгородъ, — идите бить челомъ великому князю, чтобъ насъ помиловалъ!» И отправилось посольство къ великому князю съ повинной и съ дарами. Князь, наложивъ дань, двинулся съ войскомъ назадъ. Патриоты притихли, но еще не отказались отъ своихъ стремленій. Черезъ нѣсколько лѣтъ они снова подняли головы и началось преслѣдованіе московской пар-

тин. Буйство и произвол не знали никаких границъ. Заграничные посольства стали просить защиты великаго князя. Князь двинулся опять съ войскомъ. Новгородцы совѣтъ растерялись, когда Иванъ III, обложивъ городъ, задумалъ морить его голодомъ. Одни хотѣли биться, и умереть за св. Софью, другіе кричали, что нужно сдаться великому князю. Раздоры партій, ссоры, драки, убійства—вотъ какъ выразилось новгородское единодушіе, когда нужно было высказать гражданскую доблесть предъ грозившею бѣдою. Измѣренные голодомъ новгородцы согласились на всё условія. На этотъ разъ Иванъ увезъ съ собою вѣчевой колоколъ. Не дешево обошлась новгородской землѣ эта побѣда Ивана. Деревни и деревцы были сожжены войсками князя, хлѣбъ и сѣнъ истребленъ, и народъ, виной, не имѣя ни пристрашья, ни пищи, умиралъ толпами отъ голода и отъ мороза. Новгородская область обезлюдѣла, точно послѣ татарскаго нашествія. Но отъигнать не кончилось. Новгородцы задумали отложиться къ Казимиру; московская партія на нихъ донесла, и снова явился Иванъ III съ войскомъ. На этотъ разъ онъ повелъ осаду. Новгородцы труслили, опять начались раздоры и несогласія, и—отворили Ивану ворота города. Тогда началась пытка и казни, и выселенія. Всѣ жители Новгорода были выведены и поселены въ Нижнемъ, Москвѣ и въ другіихъ городахъ, а вмѣсто ихъ присланы новыя поселенцы; землевладѣльцы высланы также, и новгородская народность стертъ съ лица земли, точно десять Чингисъ-хановъ прошли одинъ за другимъ по новгородской области.

Страшно поступалъ Иванъ III съ новгородцами, и его неуживой жестокости нѣтъ и не можетъ быть оправданія. Трагическій конецъ новгородской вольности, возбуждая сочувствіе къ судьбѣ загубленныхъ людей, заставляетъ многихъ смотрѣть на все дѣло нѣсколько пристрастно. Ивана III расцуютъ кадинокровный злодѣеи, палачи, задушившіе благороднѣйшія стремленія народной жизни; а Новгородъ—несчастной жертвой московскаго самовластія, уничтожавшей все, что несло въ себѣ зародки личной самостоятельности. И то и уругое преувеличено:—ни Иванъ III не былъ такимъ злодѣеи, ни Новгородъ такой несчастной жертвой и угнетѣнной личностью. По историческому ходу русской жизни, Новгородъ не могъ остаться государемъ Новгородомъ: для этого у него не было ни нравственной, ни матеріальной силы. Онъ долженъ былъ сдаться съ Москвой, и вся разниа въ его судь-

бѣ, независящая отъ историческаго хода, могла заключаться только въ томъ, что слязіяне это свершилось бы съ меньшимъ душегубствомъ и въ болѣе продолжительное время. Своей жестокостью Иванъ III только ускорилъ слязіяне, и только въ этомъ замечался его личный подвѣгъ, независящій отъ хода исторіи.

Что же касается до новгородской невнятности, то уже изъ договора его съ Казиміромъ можно видѣть, что 600 лѣтъ свободной жизни, на началахъ народовластія, не развили несмально гражданскаго смысла въ населеніи и не дали ему яснаго пониманія основъ самоуправленія, какія могли бы приготовить ему иную судьбу. Вѣчная зависимость отъ князя; несмончаемый произволъ; отсутствіе учреждений, ограждавшихъ слабаго отъ сильнаго; наконецъ, рабство, составлявшее основу новгородской свободы,—все это такіа элементы, совокупность которыхъ не могла создать ничего стройнаго, пречнаго и обеспечивающаго благосостояніе членовъ общины.

Новгородъ былъ государемъ своей земли и его вѣче управляло всѣми внѣшними и внутренними дѣлами. Въ вѣче участвовало все населеніе Новгорода, но было ли представительство отъ сельскаго населенія этого ни изъ чего не видно. Покрайней мѣрѣ въ грамотахъ Великаго Новгорода не упоминается нигдѣ объ этомъ населеніи. Новгородское гражданство составляли посадники, бояре, дѣти боярскія, кунцы, жмлые люди и черные люди. Сельское населеніе составляли земцы—дрестьяне, имѣвшие свою землю и смерды—жившіе на чужихъ земляхъ. Послѣдній классъ составляли холопы или рабы. Рабы не имѣли никакихъ правъ—ни гражданскихъ, ни юридическихъ. Свидѣтельство раба не имѣло юридической силы даже противъ его собрата—раба. При всякомъ народномъ бѣдствіи число рабовъ увеличивалось, потому что бѣдняги, неимѣвшие средствъ существованія, продавались въ неволю, или продавали своихъ дѣтей. Рабъ продавался какъ вещь и находился въ безусловной власти своего господина. По понятіямъ свободныхъ новгородцевъ въ рабствѣ не было ничего ни предосудительнаго, ни вреднаго; но они пошли еще дальше, и въ то время, когда они отстаивали такъ свои вольности, они стѣсняли свободу другихъ гражданъ, также свободныхъ, какъ и они: свободные смерды, за то, что они по бѣдности должны были жить на чужой землѣ, лишились своихъ юридическихъ правъ—новгородцы, разумѣется, богатые и землевладѣльцы, постановили, чтобы жалобамъ смердовъ давать такую же вѣру, какъ и жалобамъ рабовъ. И это

было сдѣлано въ 15 столѣтіи! Цѣль постановленія очевидна—богатымъ хотѣлось угнѣтать бѣдныхъ безнаказанно. Съ такими понятіями о гражданской свободѣ Новгороду существовать было невозможно. Рабство, какъ ржавчина, разъѣдала всѣ нравственныя силы; на каждаго гражданина оно влило отпечатокъ холопства и заставляло его сгибаться предъ каждой силой. Народъ, жившій внѣ городовъ, не выигрывалъ ничего отъ права городскихъ жителей собираться на вѣче. Постоянными сношеніями съ Москвой способствовали развитію боярскаго, а не народнаго элемента, и что это было дѣйствительно такъ, доказываетъ ограниченіе правъ смердовъ. Крестьянинъ новгородской области жилъ при тѣхъ же условіяхъ и въ той же зависимости отъ землевладѣльца, какъ и крестьянинъ остальной Руси; слѣдовательно личное начало не развивалось, а подавлялось, и вся разница между сельчанниномъ новгородскимъ и московскимъ заключалась только въ томъ, что одинъ повиновался Великому Новгороду, а другой великому князю. Поэтому-то Иванъ III совершенно напрасно истреблялъ новгородское сельское населеніе.

Въ Новгородѣ, какъ и въ остальной Руси, было одинаковое экономическое воззрѣніе на землю и одинаковыя экономическія понятія лежали въ основѣ учреждений. То, въ чемъ такъ несправедливо обвиняютъ Бориса Годунова, сложилось весьма послѣдовательно изъ понятій, жившихъ много ранѣе и явившихся вслѣдствіе многоземелія, экономическаго неразвитія страны и не достатка средствъ для покрытія государственныхъ потребностей. Людей вознаграждали за службу тѣмъ, что давали имъ землю. Этими устанавливались сразу отношенія между владѣльцемъ и невладѣльцемъ, богатымъ и бѣднымъ. Послѣднійся крестьянинъ платилъ землевладѣльцу натурой или деньгами, и всѣ льготы его заключались только въ томъ, что при заселеніи новыхъ, земель онъ освобождался на извѣстный, и обыкновенно очень короткій срокъ отъ государственныхъ повинностей. Экономическаю зависимостью крестьянина опредѣлилась и его гражданская зависимость отъ землевладѣльца. Деревушки были малыя, въ одинъ, два три, четыре двора. Деревень съ населеніемъ отъ 7 до 15 душъ было мало, населеніе большее — отъ 15 до 120 душъ составляло великую рѣдкость; обыкновенно же въ деревнѣ было менѣе десяти душъ. При такомъ маломъ населеніи и при разбрасанности селеній, ближайшимъ попечителемъ крестьянъ долженъ былъ явиться землевладѣлецъ, потому что иначе нѣкому поручить сборъ съ крестьянъ

государственныхъ податей. Такимъ образомъ землевладѣльцамъ обыкновенно давались право суда, кромѣ суда уголовнаго. Игумнамъ же давалось иногда право вѣдать своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Такими же правами пользовались и монастыри женскіе. Крестьяне, заваленные работой и подчиненные гражданскому и уголовному суду, являлись полными рабами. Не смотря на то, что церковь наша возставала противъ рабства, монастырскими крестьянамъ не было отъ этого легче. Изъ уставной грамоты митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю видно, въ чемъ заключались обязанности крестьянъ. Имѣвшіе лошадей «поряжали церковь, монастырь и дворъ обводили тыномъ, хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ возили, ѣздъ были вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали, на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумну съ припасами. Крестьяне безъ лошадей рожь молотили, хлѣбъ пекли, солодъ молотили, пиво варили, на ѣмя, рожь молотили, пряли ленъ, сѣяли и дѣла неводныхъ поряжали, на праздникъ давали всѣ яловицу, а если игумнъ пріѣдетъ въ село на братчину, давали овесъ его конямъ». Крестьянинъ, хотя имѣлъ право перехода отъ одного владѣльца къ другому, но вездѣ его ожидала одна и таже сущность, однѣ и тѣже отношенія. Переходъ хорошъ былъ больше для разнообразія жизни, а не для улучшенія положенія. Надобно было трудиться столько, чтобы быть и самому сытымъ, и накормить земледѣльца, и удовлетворить государственныя потребности. На какой бы землѣ не жилъ крестьянинъ, онъ долженъ былъ выполнить вездѣ эти три условія. Разница была только въ томъ, что одинъ земледѣлецъ отличался большимъ, а другой меньшимъ личнымъ произволомъ; но отъ произвола уйти было невозможно, потому что, такъ называемый, лично свободный человѣкъ жилъ вѣчно на чужой землѣ, и, слѣдовательно, находился всегда въ экономической зависимости. Все, что произошло потомъ въ судьбѣ крестьянина, было только послѣдующимъ развитіемъ этихъ основныхъ, экономическихъ отношеній, по которымъ крестьянинъ не былъ самъ земельнымъ собственникомъ, а долженъ былъ жить на чужой землѣ и работать на другого.

Но и кажущуюся личную свободу крестьянъ начали ограничивать довольно рано. Первымъ ограниченіемъ было назначеніе Юрьева дня

срокомъ для откупа, чего бы, разумѣется, не пришлось бы устало-
 злится, если бы земля принадлежала крестьянину. За тѣмъ стали
 появляться отдѣльныя грамоты, запрещавшія переходъ крестьянъ без-
 условно. Сначала грамоты эти имѣли частный характеръ. Такъ, ве-
 ликій князь Василій Васильевичъ запретилъ крестьянамъ-старожиламъ
 переходъ изъ монастырскаго села пряселье и деревень, къ нему при-
 надлежащихъ. Далѣе, явилось запрещеніе землевладѣльцамъ, земли ко-
 торыхъ были освобождены отъ княжескаго суда, принимать къ себѣ
 людей, подлежащихъ суду и пошлиту князя. Иногда дозволялось зе-
 млевладѣльцамъ не только не отпускать отъ себя крестьянъ, но да-
 же и возвращать тѣхъ, которые отъ нихъ вышли. Такъ, между пре-
 чимъ, по жалобѣ Вязанъ, что крестьяне въ ихъ волостяхъ разбѣ-
 жались: — отъ насильства, продажъ и жалобъ разошлись въ мона-
 стыри, государь приказалъ вызвать крестьянъ изъ монастырскихъ
 имѣній и рассадить ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто жилъ пре-
 жде. Законъ Федора Ивановича явился только продолженіемъ этихъ
 частныхъ мѣръ и имѣлъ цѣлью поддержать небогатыхъ землевла-
 дѣльцевъ, отъ которыхъ бояре болѣе сильные переманивали крестья-
 нъ. Ужаснѣе былъ указъ 1597 года, по которому вольныя слуги
 обращены въ холопы. Рабство было и прежде, но рабство доброволь-
 ное, гдѣ человекъ проданъ по нуждѣ, самъ, или продавали его дру-
 гіе въ годы народныхъ бѣдствій и разореній. Это рабство было пол-
 ное, человекъ опускался на степень домашняго животнаго и ꙗвля-
 ся, какъ вещь. Но былъ еще и другой видъ рабства, также добро-
 вольнаго, но временнаго, когда человекъ закладывался за деньги на
 извѣстный срокъ, пока, по договору, личной службой не выплатитъ
 долга. Такіе люди назывались кабалными. Объ этихъ людяхъ въ
 указѣ 1597 года сказано, «что тѣ изъ нихъ, кто далъ на себя ка-
 балу съ 1 іюня 1586 года, тѣмъ быть въ холопствѣ, денегъ отъ
 нихъ не брать, челобитныя ихъ не слушать и выдавать ихъ госпо-
 дамъ на службу до смерти. Кто изъ вольныхъ людей служить у
 господина съ полгода и больше, на тѣхъ выдавать служилыя каба-
 лы и челобитныя ихъ не слушать, потому что господинъ такого до-
 бровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ». Эта мѣра возму-
 тительна, не только потому, что она служила полнымъ выраженіемъ
 произвола и насилія, но и не имѣетъ никакой логиче-
 ской связи съ историческимъ прошлымъ. Ее нельзя извинить
 и тогдашними современными понятіями, потому что церковь бы-

ла противъ рабства и передовые люди, какъ Башингъ и его единомышленники рѣшительно отвергали зависима между людьми отношенія. Но такихъ людей было мало, и, разумеется, они не стояли въ главѣ управленія. Понятіе о зависимости и рабствѣ, съ теченіемъ времени, вѣлось такъ грубо въ общее представленіе, что даже человекъ вольный назывался «человѣкомъ великаго князя».

Понятіе это явилось изъ сознанія своего безсилія и необходимости находиться подъ чьимъ-либо покровительствомъ. Безъ покровительства и защиты жить было невозможно. Въ Западной Европѣ, въ тѣже времена, люди противъ вѣшняго матеріальнаго насилія составляли корпораціи, люди концентрировались въ городахъ и составляли союзы; но это было возможно тамъ, а не у насъ. Наши разбросанныя деревушки, съ тремя-четырьмя дворами, не владѣли ни матеріальными, ни нравственными средствами, чтобы противиться вѣшнему насилію, и потому русскій человекъ, при своей многоземельности, придумать средство совершенно противоположное. Если онъ не отдавалъ себя въ покровительство какому нибудь сильному лицу—боярину, монастырю и такъ далѣе, то убѣгалъ въ лѣса, или уходилъ въ казаки. Но ни лѣса, ни казачество не спасли личности и не могли дать ей средствъ для развитія. И въ пустыни и дѣбри Америки убѣгали люди отъ неприятой для нихъ жизни въ Европѣ, подобно тому, какъ наши крестьяне бѣжали въ южныя степи. Но бѣжавшій крестьянинъ вносилъ въ свой новый міръ полное невѣдѣніе того, что ему дѣлать съ своими силами, полное отсутствіе всякихъ знаній и гражданскихъ понятій; онъ бѣжалъ для того, чтобы ему жить по камыщамъ и на счетъ военнаго грабежа ногаевъ, литвы и своего брата русскаго. Въ этомъ было мало залоговъ для развитія гражданственности и казачества; не имѣвши никакой нравственной силы, оно, хотя и много выказало жизни, удали и блеску, но погибло на подорогѣ, даже при столкновеніи съ весьма слабой гражданственностію московскаго государства. Не тѣ начала вносило въ пустыни Америки англо-саксонское племя. Мы пришли сюда для того, говорили они, чтобы испытывать второй разъ зло, отъ котораго бѣжали, мы должны оградить себя отъ произвола и насилія. Отправляясь отъ подобной основной мысли, американцы прежде всего составляли законы и учрежденія. Союзный договоръ соединенныхъ колоній Новой Англіи, составленный въ 1643 году, обнаруживаетъ такую гражданскую крѣпость и развитіе, что оставляетъ далеко за

собой учрежденія и законы любого государства нынѣшней континентальной Европы.

Говорить здѣсь о казачествѣ мы считаемъ излишнимъ, потому что читателю извѣстны обстоятельства и подробности этого историческаго явленія. Мы укажемъ только на ту страшную, нечеловѣческую силу, которая пропала на простомъ удальствѣ, потому что ей не было другого выхода. Много сильныхъ людей было между казаками, и такой желѣзный человекъ, какъ Разинъ, былъ вѣроятно не одинъ. Нравственная сила человека, разумѣется, виднѣе всего въ минуты его физическихъ страданій. И вотъ какъ описываетъ г. Костомаровъ казнь Стеньки Разина. Мы приводимъ этотъ рассказъ потому, что не знаемъ другого обстоятельства, могущаго лучше и въ немногихъ словахъ обрисовать людей, уходившихъ въ казачество. Когда подвезли Стеньку и его брата Фролку къ Москвѣ, то послѣдній, отъ природы вообще тихій, затосковалъ и сказалъ брату :

— Вотъ братъ, это ты виною нашимъ бѣдамъ.

— Никакой бѣды нѣтъ, отвѣчалъ Стенька, насъ примутъ почетно; самыя большія господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ.

Только что привезли братьевъ въ Москву, тотчасъ же начали допросъ. Стенька молчалъ. Его повели къ пыткѣ. Первая пытка была кнутъ — толстая ременная полоса въ палецъ толщиной и въ пять локтей длиною. Преступнику связывали назадъ руки и поднимали его вверхъ, потомъ связывали ремнемъ ноги. Палачъ садился на ремень и вытягивалъ тѣло такъ, что руки выходили изъ составовъ и становились въ ровень съ головою, а другой по спинѣ билъ вкнутомъ. Тѣло вздувалось, лопалось, открывались язвы, какъ отъ ножа. Уже Стенька получилъ такихъ ударовъ около сотни; но не испустилъ стона. Всѣ, стоявшіе около него, дивились.

Тогда ему связали руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно, и положили спиной на горячіе уголья. Стенька молчалъ. Послѣ этого по избытому, обожженному тѣлу начали водить раскаленнымъ желѣзомъ. Стенька молчалъ.

Ему дали роздыхъ и принялись за Фролку. Болѣе слабый, онъ началъ испускать крики и вопли отъ боли. — Экая ты баба! сказалъ Стенька. Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славою; повелѣвали тысячами людей: надобно же теперь бодро переносить и несчастіе. Что, это развѣ больно? Словно баба укусила!

Стеньку принялись пытать еще однимъ родомъ мученій. Ему об-

рли макушку и оставили виски. Вотъ какъ! сказалъ Стенька брату: слышали мы, что въ цоцы ученыхъ людей ставятъ, а мы брать съ тобой простаки, а и насъ постригли. Кму начали лить на макушку по каплѣ холодной воды; самыя твердыя натуры теряли присутствіе духа. Стенка вытерпѣлъ и эту муку, и не промывъ ни одного стона. Все тѣло его представляло безобразную, багровую массу волдырей. Съ досады, что его ничто не донимаетъ, начали колотить Стеньку со всего размаху по ногамъ. Молчалъ Стенька. Перенесши всѣ страданія, не высказавъ ни одного слова, Стенька не могъ быть обвиненъ собственнымъ сознаниемъ; только очевидное и гласное преступленіе не затрудняло приговорить его къ смерти.

6-го іюля вывели Стеньку съ братомъ на лобное мѣсто. Прочитали длинный приговоръ. Стенька слушалъ спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія, палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (Василія Блаженнаго), перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «простите». Его положили между двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу до колѣно. Стенька не издавъ ни одного стона, не показавъ знака, что чувствуетъ боль. Онъ, (говоритъ современникъ), какъ будто хотѣлъ показать народу, что мститъ гордымъ молчаніемъ за свои муки, за которыя уже не въ силахъ отмстить оружіемъ. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ лишало Фролку послѣдняго мужества. — Я знаю слово государево! закричалъ онъ. — Молчи, собака! сказалъ ему Стенька. То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову».

Казачество было повтореніемъ Новгорода, только при другихъ обстоятельствахъ и оттого въ другой формѣ. И тамъ и здѣсь было стремленіе личности къ самобытному, свободному развитію; но какъ у Новгорода не достало для этого нравственной силы, такъ не достало ея и у казачества. Всякій, кому была дорога независимость, уходилъ къ Украину, и недовольныхъ собралось такъ много, что образовалось сильное военное братство, способное противиться и московскому царю, и польскому королю, и крымскому хану, и турецкому султану. Когда можно было существовать пабѣгами и войной казачество существовало, подобно тѣмъ разбойничьимъ государствамъ, которыя образовывались въ тоже время на берегахъ Средиземнаго моря. Но, когда крокъ личной отваги и удали потребовалась гражданская стой-

кость и гражданская сила въ цѣлой массѣ, казачество должно было пасть—и пало. Попытка Выговскаго не удалась, потому что казаки были совершенно не готовы понять возможность самостоятельнаго существованія въ видѣ гражданского цѣлаго. Не аристократическія тенденціи Выговскаго и не предполагаемая имъ связь съ Польшей были причиною неудачи. Народъ, сдѣлавшій устроить Великое Русское Княжество — какъ это задумалъ гетманъ — сдѣлалъ бы отстоять и его федеративную независимость отъ Литвы и Польши. Но казаки не были въ состояніи понять мысль своего гетмана; если имъ не нравилось введеніе панства и связь съ поляками, кто ибѣжалъ имъ придумать такія учрежденія, которыя сдѣлали бы Польшу имъ неопасной и устранило бы аристократическое начало? Для этого нуженъ былъ гражданскій смыслъ, котораго не было у военнаго братства и отдѣлавшійся отъ Выговскаго, они спасли свою самостоятельность все-таки на самое короткое время. Казаки не устранили своего паденія, они только его отсрочили; совершенно также, какъ затягивалъ свое паденіе Новгородъ въ борьбѣ съ Москвою. Казачество было послѣдней попыткой людей, желавшихъ спасти свою личную самостоятельность; людей, которые чувствовали всю тягость тогдашняго гражданского порядка, а между тѣмъ незнавшихъ какъ устроить порядокъ нестыснительный.

Въ время, какъ на сѣверѣ и югѣ Россіи вымирали послѣдніе порывы личной независимости, московское государственное начало крѣпло все болѣе и болѣе. Отдѣльная личность вошла уже въ предѣлы совершенно неопасныя для московскаго могущества, и если правительству и приходилось иногда страшиться народной силы, то только въ мгновенныхъ порывахъ ея во время мятежей. Венныки кончались, или подавлялись весьма скоро. Какъ люди понимали уже хорошо свои гражданскія отношенія къ власти можно видѣть лучше всего изъ земскихъ соборовъ, значеніе которыхъ такъ преувеличиваютъ наши историки-идеалисты.

Флетчеръ говоритъ, что царь призывалъ на соборъ только тѣхъ думныхъ бояръ, которыхъ хотѣлъ; патриархъ же, кромѣ митрополитовъ и архіепископовъ, приглашалъ еще и другихъ духовныхъ, пользовавшихся особенною извѣстностью и уваженіемъ. Соборы созывались обыкновенно по пятницамъ, въ столовой палатѣ. Царь садился на тронъ, а недалеко отъ него, за небольшимъ столомъ, садился патриархъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ и съ знатнѣйшими чле-

нами думы. Прочіе члены сѣдѣли около стѣны, на скамьяхъ. Дьякъ излагалъ содержаніе дѣла, о которомъ слѣдовало разсуждать, и затѣмъ спрашивалось мнѣніе духовныхъ лицъ. Обыкновенный отвѣтъ духовенства заключался въ томъ, «что государь и дума его премудры, опытнымъ, гораздо способнѣе духовныхъ судить о томъ, что полезно для государства, потому что духовные занимаются только служеніемъ Богу и предметами, относящимися до религіи. Поэтому они просятъ государя и думныхъ людей сдѣлать нужное постановленіе, а они, вмѣсто совѣтовъ, будутъ помогать имъ молитвами». Въ какомъ видѣ высказывались мнѣнія остальныхъ лицъ, можно видѣть лучше всего изъ собора 1642 года, по случаю взятія казаками Азова. Вопросъ заключался въ томъ — удержать ли Азовъ и защищать его противъ Турокъ, или уже уступить имъ. Въ первомъ случаѣ нужно было начать войну, а для нея требовались большія средства, государство же было разорено; и вотъ царь рѣшился собрать мнѣнія всѣхъ сословій. Велѣно было «выбрать изъ всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорить... и имъ помыслить о томъ на крѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему, государю, про все то было известно.»

Духовенство отвѣтило, что разсуждать о военномъ дѣлѣ ему не въ обычай, и что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ его царскимъ величествомъ, его государевыми боярами и думными людьми. «Если, государь, продолжало духовенство, по настоящему времени твое царское величество изволитъ рать строить, то мы, твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ рады помогать, сколько силы нашей будетъ». Стольники отвѣчали, что взять или не ваять Азовъ, въ томъ его царская воля; сборомъ рати и запасовъ государь распорядиться веленъ, а они, столтники, на его службу готовы, гдѣ имъ государь велитъ быть». Головы и сотники стрѣлцкіе отвѣчали, «что во всемъ государева воля, а мы, холопи его, слушать рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ». Дворяне отвѣчали, тоже; но одинъ изъ нихъ прибавлялъ къ этому: «а бѣдность нашего города вѣдома ему, государю и его боярамъ». Другіе говорили: «а разорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ московскою волокитею, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Третьи, при той же готовности исполнить волю царя, жаловались на лихоимство дьяковъ и подьячихъ, и тутъ же просили о помѣстномъ и денежномъ жалованьи,

«чтобъ было тѣмъ твою, государеву службу служить». Бунцы сказали: «мы, холопы твои, гостиницы и гостинной и сумошной сотни торговые людишки, городовые, питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, и помѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ; службѣмъ твоимъ государевымъ служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно, и отъ этихъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятницы деньги, что мы давали тебѣ въ смоленскую службу ратнымъ и великимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца; а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ, собираемъ твою, государеву казну за крестнымъ цѣлованьемъ съ великою прибылью: гдѣ собирались при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь собирается съ насъ со всей земли нами же тысячь по пяти и по шести и больше; а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякія наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли много иноземцы;... а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ приѣздахъ торговъ своихъ отбыли. И при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты; а насадскіе люди судились сами между собою, воеводъ въ городахъ не было...» Размѣръ налога на войну они предоставляли на полную волю государя и говорили, что рады служить своими головами за царское здоровье и за православную вѣру. Представители чернаго народа жаловались тоже на свое разореніе отъ пожаровъ, отъ сборовъ, отъ рекрутчины, отъ подводъ, отъ городского землянаго дѣла, отъ великихъ податей, отъ цѣловальническихъ службъ. «И отъ такой великой бѣдности, говорили они, многіе тяжлые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись разе, а дворишки свои нечуть». Сущность всѣхъ этихъ отвѣтовъ въ томъ, что какъ будетъ государева воля, тому и быть; а между тѣмъ ни народу, ни торговымъ людямъ войны не хотѣлось, и никто изъ нихъ не сказавъ объ этомъ прямо, только жаловались на свою бѣдность и на разореніе отъ тяжкихъ наборовъ, и отъ злоупотребленій чиновниковъ. Могло ли бы развиться что нибудь изъ подобныхъ земскихъ сборовъ, сказавъ довольно трудно; но историческій фактъ въ томъ, что изъ нихъ ничего не вышло.

II.

ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ.

Было уже сказано, что въ основѣ исторической жизни Россіи легло два элемента—народный и централизационный. Развитію послѣдняго помогли обстоятельства болѣе.

Народъ, пригласившій князей творить безпристрастный судъ и предводительствовать войскомъ, смотрѣлъ на нихъ уже съ самаго начала выше, чѣмъ на людей обыкновенныхъ. Обыкновенный человѣкъ, взятый изъ народа, не могъ судить справедливо, не могъ онъ и командовать ратью, потому что его не слушали. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало почти всегда, когда войскомъ предводительствовалъ бояринъ. «Не вѣрнѣе бьются дружина и половцы, если съ ними не ѣздитъ имъ сами», говорили князья. Князь, по понятію народа, стоялъ выше мелочныхъ интересовъ партій; онъ былъ лицомъ третьимъ, незаинтересованнымъ, на безпристрастіе котораго можно было положиться. Отсюда его примиряющее судебное значеніе, которое онъ сохранялъ всегда въ глазахъ народа. Какъ предводитель дружины, князь могъ пользоваться военною силою по своему усмотрѣнію. Дружина не была народнымъ ополченіемъ. Сначала ее составляли варяги, а потомъ вмѣстѣ съ варягами набирались охотники изъ русскихъ. Въ охотникахъ въ то время не могло встрѣтиться недостатка, потому что жизнь дружины была вообще разнообразная, веселая, дававшая просторъ разгулу и удалству и ко всему этому еще и прибыльная. Деревенская жизнь, среди болотъ и лѣсовъ, не предоставляла, разумеется, ничего подобнаго, и потому удалая молодежь шла охотно въ княжескую дружину. Хорошій князь не жалѣетъ для дружины ничего. Когда дружинники Владиміра, подививъ на его пиррахъ, роптали:—«какое житье наше горькое: кормишь насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ», то Владиміръ, услышавъ это, велѣлъ сдѣлать серебрянныя ложки и сказалъ: «серебромъ и золотомъ не найду дружиницы, а съ дружиной найду серебро и золото, какъ доискались его дѣтъ мой и отецъ».

Князь, какъ предводитель дружины, состоявшей изъ охотниковъ, и такимъ образомъ составлявшей постоянно войско, былъ въ военномъ

отношеніи совершенно независимъ отъ воли народа и могъ предпринимать походы по собственному желанію и по совѣту только съ своей дружиной. Поэтому-то Олегъ, Святославъ, Игорь и могли предпринимать свои побѣги на Византию, въ которыхъ собственно для Руси не было никакой необходимости. Также независимъ былъ князь и отъ своей дружины. Онъ не былъ только старшій въ дружинѣ, какъ лицо выбранное въ предводители, но онъ былъ князь, т. е. предводитель по наследственному праву и по своему исключительному общественному положенію. Дружина не могла смѣнить его; она могла только разойтись, если онъ ей не нравился; но князь могъ распустить свою дружину и набрать новую. Такимъ образомъ, князь съ самаго начала является лицомъ, стоящимъ совершеннымъ особнякомъ отъ народа, сильнымъ по исключительному взгляду на него народа и по матеріальной силѣ своей дружины. И князья понимали это очень хорошо. Когда братья приглашали Олега Святославича въ Кіевъ: «пріѣзжай, говорили они ему, посоветуемся о русской землѣ предъ епископами, игунами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ людьми городскими»; то Олегъ отвѣтилъ: «неприлично судить меня епискому, либо игунамъ, либо смердамъ».

Составляя высшій слой, который ни въ какомъ случаѣ не могъ смѣшаться съ народомъ, по тому значенію, какое народъ далъ князьямъ самымъ актомъ изъ призванія и наследственностію княжескихъ правъ, рюриковичи, съ перваго своего вступленія на русскую землю, являются господами и повелителями страны и народа. Пока князей было много власть эта расплывалась и потому была менѣе замѣтна; но когда монголы помогли усиленію одного князя надъ другими, то сила, вслѣдствіе своей сосредоточенности, стала только болѣе замѣтна и, разумѣется, болѣе энергична. Народная же воля уже съ самаго начала значила немного, потому что сильный князь былъ всегда сильнѣе народа.

Въ отношеніяхъ между собой князей, — составлявшихъ съ своими собственными княжескими интересами особый княжескій міръ, для которыхъ народъ и дружина служили только средствами для достиженія ихъ частныхъ цѣлей, — замѣтны совершенно тѣ же побужденія, которыя управляли и новгородцами, и казаками, и народомъ. Каждый князь стремился къ личной выгодѣ, старался забрать власть надъ другими и сдѣлаться великимъ княземъ. Стремленіе къ выгодѣ на счетъ другого и матеріальные интересы были той силой, которая

въ образѣ князей слагала первоначальную русскую исторію. Народные же благоговѣніе предъ княжескимъ родомъ помогло тому, чего у князей не доставало.

Хотя историки московской школы и весьма усиливались дать значеніе, такъ называемому, родовому быту и объяснить имъ смыслъ удѣльной неурядицы; но усилія эти уже потому не могутъ принести особенной пользы, что они касаются не сущности вопроса, а только формы, т. е. того предлога, которымъ князья прикрывали свои побужденія и оправдывали междоусобныя брани. Понятіе о родовомъ бытѣ, — т. е. о наследственномъ правѣ занимать по старшинству удѣлы, такъ, чтобы старшему въ родѣ доставался бы и старшій удѣлъ, — если оно только существовало, было совершенно смутно. Была и наследственная преемственность, гдѣ отецъ распределялъ владѣнія между своими дѣтьми по старшинству, но бывали и случаи совершенно противныя. Въ народѣ же это понятіе, въ примѣненіи къ князьямъ, едвали существовало. Чтобы не перечислять всѣхъ фактовъ, когда князья, изгоняя другъ друга, занимали княженія наперекоръ всѣхъ правъ наследственнаго старшинства, исключительно съ помощію своей дружины или племени или племени, мы можемъ только замѣтить одно, что если бы это право жило въ общемъ сознаніи, то, разумѣется, время удѣльной борьбы не представляло бы той сумятицы, на которую Россія такъ безумно тратила свои силы въ теченіе трехъ столѣтій. Наконецъ, вопросъ этотъ можетъ представлять интересъ чисто кабинетный, для охотниковъ до спеціальнаго изученія историческихъ мелочей, но не можетъ прибавить ровно ничего къ тому общему понятію о значеніи удѣльнаго времени, которое можно составить и помимо этого вопроса. Общее же понятіе заключается въ томъ, что, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, рюриковичи, отличавшіеся большою плодовитостію, снабжали Русь безпокойными князьями въ такомъ изобиліи, что не проходило почти ни одного года безъ усобицы. Считаая русскую землю своимъ достояніемъ, они постоянно путешествовали по ней съ своими дружинами, охотясь за болѣе выгодными княженіями. То была своего рода страсть къ тяжбамъ за помѣстья, рѣшавшимся не судомъ, а силою оружія самихъ тяжущихся. Военное удалство и распри, требовавшія больше предпримчивости и отваги, чѣмъ сосредоточенія умственныхъ силъ, не могли, разумѣется, способствовать развитію въ князьяхъ гражданскихъ понятій и государственнаго взгляда на свои обоюдныя отношенія, и на

свои отношенія къ народу. Поэтому двѣсти лѣтъ удѣльной жизни пропали не только бесплодно для цивилизаціи Россіи, но не дали ей ни нравственной, ни матеріальной силы, которая бы могла спасти ее отъ вѣншихъ враговъ. Удѣльные распри были причиной монгольскаго ита. Когда должна была произойти на р. Калкѣ рѣшительная битва, то Мстиславъ Удалой, по словамъ лѣтописца, изъ зависти—потому что между ними была большая распра — не сказалъ ничего другу другимъ Мстиславамъ, и тѣ, сидя спокойно въ своемъ станѣ, не только не успѣли вооружиться, но еще были потоптаны половцами, обратившимися въ бѣгство. Это рѣшило дѣло въ пользу монголовъ. Въ то время, какъ русскіе терпѣли повсюду пораженіе, Мстиславъ кievскій съ Андреемъ и Александромъ Дубровицкими, стоя съ своимъ войскомъ на горѣ подъ Калкою, смотрѣли спокойно на пораженіе своихъ, не двигаясь съ мѣста. Лѣтописецъ говоритъ: «не знаешь, откуда приходили на насъ эти злые татары таурмени, и куда опять дѣлись? нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концемъ міра должны явиться и поплѣнить всѣ страны.» Такъ могъ разсуждать скромный монахъ, жившій одиноко въ кельѣ, вдали отъ мірскаго шума и мірскихъ знаній; но также видно разсуждали и князья. Опустошивъ югъ Россіи до Чернигова, монголы не пошли дальше, потому что ихъ отзывали свои домашнія дѣла — выступленіе Чингисъ-хана изъ Ховарезміи и смерть Чучи. Если бы князья не видѣли въ монголахъ нечистыхъ людей, загнанныхъ Гедеономъ въ пустыню, и если бы они могли отложить свои междоусобія, то, разумѣется, отстояли бы Россію отъ угрожавшей ей снова бѣды, потому что монголы не столько брали стойкостію, сколько многочисленностью. Но русскіе, во первыхъ, не подали помощи болгарамъ, которымъ они обязаны были помогать по договорамъ, и такимъ образомъ не только доставили монголамъ еще одинъ успѣхъ, но и позволили имъ усилиться съ помощію побѣжденных болгаръ. Русскіе князья не воспользовались еще и слѣдовавшей отсрочкой, когда ханъ Актай воевалъ съ Китаемъ и обстроивалъ Каракорумъ. Въ 1237 году монголы явились въ рязанскихъ предѣлахъ; рязанскіе князья просили помощи Юрія, но тотъ не исполнилъ ихъ просьбы, и такимъ образомъ Русь, могшая выставить заблаговременно силы, противъ которыхъ монголы не устояли бы, была побѣждена по частямъ. Великій князь Юрій, стоявшій на

Сити, былъ не только разбитъ, но и самъ погибъ въ Азѣ, и монголы прошли съ огнемъ и мечемъ по всей Россіи и остановились, не дойдя ста верстъ до Новгорода. Какъ ни были стойки русскіе въ частныхъ битвахъ, но итъ, разумѣется, невозможно было устоять противъ 300,000 войска Батия. Одинъ примѣръ изъ многихъ можетъ показывать, что еслибы князья были въ состояніи понять необходимости дружнаго отпора, то монголы ничего бы не сдѣлали, не смотря на свою многочисленность. При привычкѣ къ вѣрному и легкому успѣху и при той осторожности, какою отличались монголы въ своихъ нашествіяхъ, они послѣ одного порядочнаго пораженія оставили бы Россію на всегда. Козельцы, не смотря на свою слабую силу, сумѣли задержать Батия подъ стѣнами города семь недѣль, и когда монголы, разбивъ, наконецъ, городскія ворота, взошли на валъ, то и тутъ встрѣтили отчаянное сопротивленіе. Часть жителей бросилась на враговъ съ ножами, а другіе, выйдя изъ города, напали на непріятельскіе полки, убили 4000 человекъ, но были истреблены до послѣдняго человѣка. Монголы прозвали Казельскъ «самымъ городомъ.» Народъ сдѣлалъ свое дѣло, стоялъ мужественно противъ врага, погибъ по частямъ; но князья, призванные страной для предводительства, не исполнили своего обязательства и погубили Русь. Вотъ смыслъ удѣльныхъ усобицъ.

Монголамъ, въ ихъ вліяніи на Россію, приписывается обыкновенно такъ много дурнаго, что русскіе въ этомъ случаѣ похожи на тѣхъ благочестивыхъ людей, которые причину всякаго зла и своихъ грѣшныхъ поступковъ приписывали вѣшнему вліянію нечистой силы. Роль подобной же нечистой силы дали и монголамъ. Не отвергая ихъ положительнаго экономическаго вліянія на бытъ народа, вліянія очевиднаго, которое можетъ быть даже определено приблизительно цифрами, во всемъ остальномъ можно смотрѣть на монголовъ съ меньшимъ ожесточеніемъ, по крайней мѣрѣ не дѣлать ихъ главной виною того, причины чего лежали уже въ основѣ русскаго общественнаго быта и до появленія монголовъ. Монголы не посѣляли ничего новаго, они не внесли никакой новой идеи, они не изображали собой силу, которая бы вводила новые обычаи, новый складъ жизни, новыя учрежденія и законы, подобно тому какъ это дѣлаютъ и дѣлали европейцы съ покоряемыми народами. Монголы, опустошивъ страну, забравъ добычу, оставили ее въ покоѣ и ушли домой, не сдѣлавъ никакого другаго насмія, кромѣ матеріальнаго, эконо-

ническаго. За тѣмъ вліяніе ихъ было чисто пассивное; они наводили страхъ на русскихъ, даже спокойно сѣдя дома. Страхъ этотъ былъ такъ великъ и возможность новаго разворенія страны такъ ужасна, что зародыши всѣхъ тѣхъ силъ, въ которыхъ народъ могъ искать себѣ защиты противъ страшнаго врага, свазались сами собой, какъ сказывается въ человѣческомъ организмѣ голодь и жажда, и развились съ ускоренной силой.

Характеръ дѣятельности и стремленія удѣльныхъ князей выразился вполне ясно еще до появленія въ Россіи монголовъ. Личный интересъ и стремленіе къ первенству,—вотъ основа княжескихъ побужденій. Нужно было только, чтобы явился болѣе сильный, талантливый и энергическій человѣкъ, который ослабилъ бы остальныхъ князей и забралъ ихъ къ себѣ въ руки. Первымъ изъ такихъ князей является Андрей Боголюбскій. Человѣкъ способный и деспотическій, онъ дѣйствовалъ съ остальными князьями совершенно самовластно, на переکورъ всѣмъ родовымъ понятіямъ, если только они существовали. По смерти Андрея Боголюбскаго владимірцы присягнули въ вѣрности Всеволоду и его дѣтямъ. Явленіе весьма важное, которымъ самъ народъ заявилъ признаніе имъ наследственной, а не выборной княжеской власти. При Всеволодѣ III, человѣкъ умномъ и осторожномъ и умѣвшемъ идти вѣрно въ своей цѣли, сѣверная Русь беретъ перевѣсъ надъ Русью южной. Въ доказательство силы Всеволода можно привести тотъ фактъ, что князья Ярославъ, Игорь и Всеволодъ не смѣли двинуться въ походъ противъ рязанскихъ князей, по приглашенію Святослава кіевскаго, не спросивъ позволенія Всеволода III. Всеволодъ не согласился, и походъ не состоялся. Съ нашествіемъ монголовъ, южная Русь, занемогавшая постепенно отъ усобиць князей, отъ борьбы съ кочевниками, вслѣдствіе своего степнаго пограничнаго положенія, и наконецъ отъ монгольскаго грома, уже не имѣетъ никакого значенія въ ходѣ русскои исторіи; сцена дѣйствія переносится въ сѣверо-восточную Русь, гдѣ начинается образовываться ядро будущаго Московскаго государства. Кіевъ послѣ монголовъ становится уже незначительнымъ городомъ. Оупстошеніе было такъ велико, что въ прѣжнемъ блестящемъ Кіевѣ, поравнявшемъ даже монголовъ своей красотой, едва насчитывались домовъ двѣсти; большая часть жителей княженія была побита или взята въ плѣнъ, а оставшіеся находились въ странномъ рабствѣ.

Такъ говорить Плато Барноны, прѣѣхавшій по этой области въ 1245 году, т. е. чрезъ пять лѣтъ послѣ опустошенія Батыева.

Родовыя отношенія, прикрывавшія прежде честолюбивыя стремленія князей, теперь уже теряютъ свое значеніе. Одна сила признается правомъ. Какимъ образомъ московскіе князья обдѣлывали свои дѣла могутъ показать отношенія Юрія московскаго къ Михаилу тверскому. Когда Михаилъ, которому по смерти Андрея Александровича принадлежало старшинство, поѣхалъ въ орду за ярлыкомъ, отправился тудаже и Юрій. Въ ордѣ ему сказали, что если онъ дастъ дани больше, чѣмъ Михаилъ, то получить великое княженіе. Юрій обѣщалъ; но Михаилъ прибавилъ еще; у Юрія не достало средствъ, и ярлыкъ былъ данъ Михаилу. Чрезъ шесть лѣтъ Тохта умеръ, и ханомъ сдѣлался Узбекъ. Михаилъ поѣхалъ въ орду, чтобы взять ярлыкъ отъ новаго хана. Пользуясь отсутствіемъ Тверскаго князя, повгородцы пригласили Юрія, чтобы избавиться отъ тяжелаго для нихъ тверскаго управленія. Юрій былъ потребованъ въ орду и тамъ не только оправдался противъ обвиненій, сдѣланныхъ на него Михаиломъ, но и породнился съ ханомъ, женившись на его сестрѣ. Юрій воротился домой съ монгольскими послами, въ числѣ которыхъ главнымъ былъ Кавгадый. Вооруженная распря съ Михаиломъ началась снова. Въ одной изъ битвъ жена Юрія попалась въ плѣнъ и по несчастію умерла въ Твери. Тогда разнесся слухъ, что ее отравили, что, разумѣется, было выгодно Юрію, который отправился въ орду. Тамъ Кавгадый, а можетъ быть и самъ Юрій, наговорили на Михаила, и разсерженный ханъ потребовалъ этого князя къ себѣ. Сначала онъ принялъ его хорошо, и даже далъ ему для охраненія пристава, такъ что Михаилъ прожилъ въ ордѣ полтора мѣсяца совершенно спокойно. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о немъ и сказалъ своимъ князьямъ: «Вы мнѣ говорили на князя Михаила; такъ разсудите его съ московскимъ княземъ и скажите мнѣ, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ.» Судъ проходилъ торжественно, предъ собраніемъ орднскихъ князей, что, разумѣется, не могло служить ручательствомъ его безпристрастія. Обвинительные пункты заключались въ томъ, что Михаилъ былъ гордъ и непокоренъ хану, что онъ оскорблялъ ханскаго посла Кавгадыя, бился съ нимъ; дань ханскую бралъ себѣ и хотѣлъ бѣжать съ казною къ нѣмцамъ, наконецъ отравилъ жену Юрія. Защищаться было бесполезно. На Михаила надѣли колодки, и-вскорѣ послѣ того Кавгадый объявилъ ему

иронически, что «завтра или послѣ завтра освободятъ тебя отъ всей этой тяжести, и въ большой чести будешь.» Разъ утрожь мальчуга, бывшій при князѣ, говоритъ ему:» господинъ князь, идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ, со множествомъ народа, прямо къ твоей вежѣ.»—«Знаю, отвѣчалъ на это Михаилъ, зачѣмъ они идутъ—убить меня.» Юрій и Кавгадый послали убійцъ, а сами сошли съ лошадей и остановились недалеко. Убійцы накинулись на Михаила, били, топтали его страшно ногами, наконецъ одинъ изъ нихъ ударилъ его ножомъ въ грудь и вырѣзалъ сердце. Черезъ годъ Юрій воротился въ Москву съ ярымкомъ на великое княженіе.

Изъ этого можно видѣть, что сущность отношеній княжескихъ не измѣнилась отъ нашествія монголовъ. Какъ прежде князья водами другъ на друга торговъ, берендеевъ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ совершенно истожили южную Русь, такъ сѣверо-восточные князья, сдѣлавшіеся теперь болѣе сильными, наводняли родину полчищами монголовъ и покунали у хана съ аукціона титулъ великаго князя. Для орды были выгодны подобныя отношенія князей, но не она ихъ создавала; ханъ явился только примирителемъ, потому что между князьями, какъ нѣкогда между ильменскими славянами, не было никакого порядка, и нуженъ былъ третій, чтобы кончать княжескія ссоры. Князья были такъ неразборчивы на средства, и имѣли такъ мало гордости, что не особенно дорожили личнымъ своимъ достоинствомъ и весьма усердно забѣгали въ орду, чтобы купить тамъ ханскую милость. Ханъ напротивъ держалъ себя всегда съ достоинствомъ и съ сознаниемъ своей силы, что, впрочемъ, не обнаруживало полезнаго вліянія на князей въ нравственномъ отношеніи, а приносило имъ только ту выгоду, что монгольская поддержка давала большую силу великому князю и помогала Москвѣ взять перевѣсъ надъ другими княженіями.

По смерти Юрія, великимъ княземъ сдѣлался братъ его Иванъ Даниловичъ Калита и вотъ какимъ образомъ. Александръ Тверской, повѣривъ глупому слуху, умертвилъ прибывшаго къ нему изъ орды посла Чол-хана, двоюроднаго брата Узбека, съ бывшими съ нимъ монголами. Узбекъ озлился, потребовалъ къ себѣ Калиту и послалъ его съ 50,000 войскомъ на Тверскую волость. По выраженію лѣтописца, они положили пусту всю землю русскую; но Москва спаслась, и въ слѣдующемъ году Калита получилъ великокняжеское достоинство. Александръ хотя и бѣжалъ въ Литву, но потомъ воро-

тыся, и вражда между Москвой и Тверью возобновилась, потому что Убедъ не только простилъ Александра, явившагося къ нему съ повинной, но и далъ ему тверское княженіе. Калита рассчиталъ, что нужно дѣйствовать другимъ путемъ и отправился въ орду. По переговорамъ Калиты потребовали туда и Александра. Этотъ зналъ, что его ожидаютъ, — Александра вмѣстѣ съ сыномъ разняли по составамъ, а Иванъ Даниловичъ отправился изъ орды съ великимъ пожалованіемъ и честію и возвратился въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, какъ выражается лѣтописецъ, потому что отдѣлался отъ соперника. Теперь московскій князь сталъ силенъ; онъ началъ прикупать земли, чтобы увеличить свою московскую вотчину и дѣлать насилія надъ своими сосѣдями. Калита старался всѣми средствами добывать деньги, чтобы прикупать больше сель и городовъ и чтобы дарить хана. Въ этомъ случаѣ его выручали новгородцы, на которыхъ, если они не давали денегъ, Калита ходилъ съ войскомъ и опустошалъ новгородскія владѣнія. Кромѣ перевѣса надъ Тверью увеличенію значенія Москвы служило еще то обстоятельство, что еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ, истощенный и опустошенный, и для безопасности переѣхалъ во Владиміръ. Съ митрополитомъ Петромъ Калита умѣлъ сойтись, такъ что Петръ жилъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ; здѣсь умеръ и здѣсь былъ похороненъ. Петръ зналъ хорошо, какую силу дастъ Москвѣ его присутствіе и чтѣ выиграетъ она оттого, если онъ будетъ похороненъ въ ней. И дѣйствительно, митрополитъ Феогностъ и всѣ слѣдующіе уже не оставляли Москвы. Такимъ образомъ Москва стала первопрестольнымъ градомъ и очутилась на пути полного развитія своихъ силъ. Наслѣдникамъ Калиты оставалось только слѣдовать той же системѣ, которая, впрочемъ, уже такъ выяснилась и опредѣлилась, что централизація развивалась затѣмъ весьма легко. Нужно, однако, отдать справедливость наслѣдникамъ Калиты, что традиціонныя преданія передавались ими строго своимъ наслѣдникамъ и также ими строго соблюдались. Иванъ Калита началъ первый писать «Великій князь всея Руси», а чрезъ полтораста лѣтъ при Иванѣ III явился государственнмъ гербомъ двуглавый, коронованный орелъ, съ распростертыми крыльями, и титулъ: «Іоаннъ, Божією милостію государь всея Руси и великій князь владимірской и московскій, и новгородскій, и псковской, и тверской, и угорскій, и вятскій, и пермскій, и болгарскій.

Москва въ это время сложила уже вполне единовластительство; Новгородъ былъ покоренъ, монгольское иго сброшено окончательно, и теперь московская власть направила свои силы на увеличеніе своего внѣшняго величія. Въ этомъ случаѣ помогла Ивану III жена его Софія Полховологъ, внесшая въ Россію византійскія императорскія понятія. Женившись на племянницѣ византійскаго императора, Иванъ является уже монархомъ, онъ ставитъ себя на царственную высоту, недосыгаемую для подданныхъ; онъ пересталъ уже прибѣгать къ совету бояръ; но «думаетъ думу самъ», или, какъ выразился Берсениа «...теперь государь нашъ, запершись самъ третьей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ». Иванъ вводитъ обрядъ царскаго вѣнчанія на престолъ торжественной коронаціей, въ 1498 году, своего сына Дмитрія въ Успенскомъ соборѣ. Наконецъ Иванъ сознаетъ уже въ такой степени силу своей личной воли, что говорить: «развѣ я не воленъ въ своемъ впугѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество». Герберштейнъ замѣчаетъ, что сынъ Ивана III, великій князь Василій, по силѣ своей власти превосходитъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Никто изъ подданныхъ не смѣетъ ему противорѣчить, или не повиноваться. Онъ имѣетъ безусловную власть надъ жизнью и имуществомъ каждаго—духовнаго и свѣтскаго лица. Русскіе говорятъ, что воля государя есть воля Божія, о дѣлѣ неизвѣстномъ говорятъ: «знаетъ то Богъ, да великій князь». Когда бояринъ Берсениа Беклемишевъ высказалъ разъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ Василія, то великій князь сказалъ ему: «ступай, смердь, прочь, не надобенъ ты мнѣ».

Сынъ Василія, Иванъ IV, избранный не мятежной волей народа, какъ это водилось въ другихъ странахъ, но наследственный государь и помазанникъ божій, принимаетъ названіе царя и самый торжественный титулъ: — Троице пресушествственная и пребожественная и преблагая, правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіаномъ, дателью премудрости, преневѣдомый и пресвѣтлѣй Крайній Верхъ направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людяхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и хотѣніемъ удръжахомъ скипетръ Россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковской и великій князь смоленскій.... и т. д.

Лѣтомъ 1569 года явился къ Ивану Грозному какой-то Петръ, какъ говорятъ бродяга, наказанный новгородцами, и сказалъ царю, что новгородцы хотять отдаться польскому королю. Петръ говорилъ, что у новгородцевъ написана объ этомъ грамота и лежитъ она въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Иванъ послалъ въ Новгородъ довѣреннаго человѣка и тотъ точно нашелъ грамоту, о которой говорилъ бродяга, подписанную архіепископомъ Пименомъ и лучшими людьми. Полагають, что всю эту штуку сочинилъ самъ Петръ и поддѣлалъ искусно подписи. Въ декабрѣ того же года Иванъ двинулся въ Новгородъ и, начиная отъ Клина, пустошилъ все до самого Новгорода. Передовая царская дружина, прибывъ въ Новгородъ ранѣе царя, устроила въ кругъ города крѣпкіе караулы, запечатала казначеища подгородныхъ монастырей, и захвативъ болѣе 500 монаховъ, вмѣстѣ съ ихъ игунами, и всѣхъ городскихъ священниковъ и дьяконовъ, поставила ихъ на правожь. Имущество всѣхъ зажиточныхъ людей было запечатано тоже, а сами они, — торговые люди и приказные, съ ихъ семействами, взяты подъ стражу. 6-го января пріѣхалъ самъ царь и приказалъ заколотить палками до смерти всѣхъ монаховъ и игуновъ, стоявшихъ на правожь. Потомъ былъ разграбленъ домъ архіепископа и забраны сокровища изъ всѣхъ церквей. За тѣмъ начался судъ. Къ Ивану приводили повгородцевъ, взятыхъ подъ стражу, жгли ихъ какою-то «составною мудростію огненною» и бросали въ рѣку. Женамъ связывали руки и ноги, привязывали къ нимъ ихъ дѣтей, и бросали ихъ такимъ образомъ въ Волховъ съ высокаго берега. Стрѣльцы и боярскія дѣти развѣзжали между тѣмъ по рѣкѣ въ лодкахъ, и всѣхъ кто всплыветъ, подхватывали богами, кололи рогатинами и копьями, и топили. Эти ужасы продолжались пять недѣль, каждый день. Кончивъ судъ, Иванъ сталъ ѣздить по окрестнымъ монастырямъ, и грабить ихъ, жечь хлѣбъ, истреблять скоть. Кончивъ съ монастырями, Иванъ воротился въ городъ и велѣлъ грабить товары, и уничтожать до основанія лавки и амбары. Потомъ принялся за посады — велѣлъ грабить и бить всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, ломать дома, вырубать ворота. А между тѣмъ особые отряды были отправлены по всѣмъ волостямъ, на разстояніи 250 верстъ. Велѣно было грабить и истреблять все. Успокоился, наконецъ, Иванъ и приказалъ, собравъ съ каждой улицы по лучшему человѣку, привести ихъ къ нему. Съ трепетомъ и ужасомъ явились несчастные, полуживые отъ

страха, къ грозному царю; но опъ, сказавъ имъ милостивое слово, въ тотъ же день выѣхалъ изъ Новгорода. Тотъ же самый Иванъ IV писалъ къ австрійскому императору по поводу Варшавскаго вѣснаго ночи: «Ты, братъ нашъ дрожайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ в съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ.» Иванъ писалъ здѣсь искренно, потому что понималъ очень хорошо, какъ звѣрски поступаетъ онъ съ своими подданными. Но Иванъ Грозный былъ больной человѣкъ, невладѣвшій собой во время припадковъ. Извѣстно, что ужасъ дѣйствуетъ сильнѣе всего на нервную систему и порождаетъ полное разстройство головного мозга. Страшныя событія первой французской революціи были причиной многих сумашествій, одной изъ жертвъ его сдѣлался и знаменитый Бернь, который въ припадкахъ умственнаго разстройства сталъ говорить вещи, совершенно противоположныя своимъ прежнимъ парламентскимъ рѣчамъ. Иванъ IV былъ запуганъ въ молодости дѣрзкими своеволиемъ бояръ, ужасами ихъ насилія, и монгольской дикостью. Съ тѣхъ поръ онъ началъ имъ не довѣрять и остерегаться. Послѣ взятія Казани Иванъ, разсердившись на одного воеводу, сказалъ: «Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ.» Во время же болѣзни, ожидая смерти, Иванъ высказался вполнѣ. Боярамъ, присягнувшимъ Дмитрію царевичу, онъ сказалъ: «...не забудьте на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ; а вы, Захарыны, чего испугались? или думаете, что бояре васъ пощадятъ? вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали.» Сцена и раздоръ бояръ, по поводу присяги Дмитрію, глубоко потрясли больного Ивана. Съ этихъ поръ ему начинаютъ казаться вездѣ недовольные, во всѣхъ онъ подозреваетъ зло, измѣну, желаніе извести его, онъ даже просилъ у Елисаветы убѣждать въ Англіи, боясь, что онъ будетъ изгнанъ. Иванъ былъ такъ увѣренъ въ злопамѣренности вельможъ противъ него и противъ всей его семьи, что въ завѣщаніи своимъ дѣтямъ включилъ такую фразу: — «если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете.» Когда для защиты себя противъ своихъ воображаемыхъ злодѣевъ, Иванъ

убѣжалъ изъ Москвы въ слободу Александровскую, и хотѣлъ отказать отъ правленія, но по просьбѣ народа принялъ его опять, на условіи имѣть совершенно особый дворъ и стражу (опричнину); и за тѣмъ когда воротился въ Москву, то его нельзя было узнать, такъ онъ страшно измѣнился—волоса на головѣ и на бородѣ у него вылезли. Потрясеніе значить было страшное. Подозрительность превратилась въ мономанію, и отъ извѣстій, дѣйствовавшихъ съ особенной силой на его мозгъ, Иванъ впадалъ въ припадки, вызывавшіе сцены въ родѣ новгородскихъ.

Не смотря на травлю народа медвѣдями, на казни и мучительства, народъ относительно Ивана IV выказалъ ту же незлобивость, какую выказывалъ и ранѣе относительно князей. Когда была прочитана народу царская грамота изъ слободы Александровской, гдѣ онъ пишетъ, что оставилъ свое государство и поѣхалъ куда-нибудь поселиться, гдѣ его «Богъ наставитъ,» то народъ съ плачемъ говорилъ: «горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего многими предъ нимъ согрѣшеніями, и милость его великую превратили на гнѣвъ и на ярость. Теперь къ кому прибѣгнемъ, кто насъ помилуетъ и кто избавитъ отъ нашествія иноплеменныхъ? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря; увидѣвши овецъ безъ пастыря, волки расхитятъ ихъ.» Можетъ быть, или лучше сказать весьма вѣроятно, что народъ не говорилъ именно этими выраженіями, но смыслъ просьбы народа во всякомъ случаѣ былъ тотъ, чтобы царь, какъ надежда и защита народа, не оставлялъ его безъ своего покровительства и своей власти. Въ лицѣ царя народъ видѣлъ именно то, что хотѣли видѣть ильменскіе славяне въ лицѣ приглашенныхъ ими норманскихъ князей — если съ царемъ худо, то безъ царя еще хуже вотъ мысль народа. Здѣсь мы можемъ, впрочемъ, кстати замѣтить, что за народную волю выдавались иногда желанія нѣкоторыхъ. Такъ по поводу народнаго плача и молебны, при выборѣ на царство Бориса Годунова, сохранилось такое преданіе: «Народъ неволею былъ пригнанъ приставами; нехотящихъ идти велѣно было и бить; приставы понуждали людей, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! Какъ слезамъ быть, когда сердце дervновешія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнами мочили. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они дадутъ имъ знакъ, и чтобы въ ту же минуту весь народъ падалъ на колѣна; не хотѣвшихъ били бы безъ милости.»

Историческое значеніе Ивана IV, однако, не въ томъ, что онъ убивалъ и казнилъ людей безъ жалости, что онъ нустоинилъ Новгородъ и его ближнія волости съ такою виртуозностію, какъ будто на нихъ напали совокупныя силы берендеевъ, торговъ, печенѣговъ, половцевъ и монголовъ; значеніе его царствованія въ томъ, что оно было ближайшею причиною смутнаго времени.

Когда князья, охотясь за удѣлами, переходили безпрестанно съ одного стола на другой, съ ними путешествовали и ихъ дружини. Такимъ образомъ совершалось полное переимѣненіе съ мѣста на мѣсто князей съ ихъ совѣтниками, придворными и войсками. Вытѣсненный князь долженъ былъ большею частью бѣжать, а съ нимъ бѣжали всегда и приближенные къ нему люди, которые, разумѣется, не могли рассчитывать на благосклонность побѣдителя. Кочуя съ мѣста на мѣсто и служа лицу, бояре усвоили съ самаго начала характеръ служебно-чиновный; они были связаны не съ княженіемъ, а съ лицомъ князя; они служили представителями не земскихъ интересовъ, — потому что, не имѣя земельной собственности, не имѣли связи и съ народомъ, а только личныхъ интересовъ своего предводителя. Подобное положеніе опредѣляло и характеръ всей дѣятельности бояръ. Ихъ честолюбіе было связано съ честолюбіемъ ихъ князя, потому что вся ихъ судьба, всѣ средства существованія и все благосостояніе зависѣли исключительно отъ судьбы и положенія князя. Оттого въ тѣхъ случаяхъ, когда на болѣе сильное княженіе долженъ былъ вступить по наслѣдству князь малолѣтній, бояре отставали его дружно отъ притязаній другого князя, ибо, въ случаѣ успѣха претендента, онъ привелъ бы съ собою своихъ бояръ, и прежнѣе пришлось бы сдаться, или же поступать на службу къ побѣдителю, разумѣется, съ меньшимъ, чѣмъ прежде, значеніемъ. Димитрій Донской, обязанный именно въ подобномъ обстоятельствѣ своимъ боярамъ, умирая говорилъ дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте.» Последняя фраза была еще преданіемъ старины, когда князья не дѣлали точно ничего безъ совѣта ближайшихъ къ нимъ членовъ дружины.

Съ усиленіемъ Москвы, когда прекратилось кочеваніе князей и ихъ бояръ, послѣдніе, получая волости, готовы уже были нустить корни, приобрести земскую силу и значеніе аристократіи; но для этого у нихъ не доставало ни наслѣдственныхъ преданій, ни мого-

рѣальнымъ орудіемъ, ни силы въ народѣ, которому они были всегда чужды, какъ пришельцы, кормившіеся на его счетъ. Наконецъ для этого нужно было выдержать борьбу съ московскимъ княземъ; стремленія же московской власти были подобнаго же рода. Иванъ перестаетъ совѣтываться съ боярами, Василий обзываетъ несогласныхъ съ нимъ смердами. Недовольные такимъ нововведеніемъ хотѣли ему противиться, и тогда являются казни, чего не бывало прежде. Иванъ III подъ влияніемъ Софьи, которую не любили бояре за тѣ перемены, которыя появились вмѣстѣ съ нею въ Россіи, поступалъ очень рѣшительно съ тѣми, кто ему противился. За заговоръ въ пользу сына Софьи, Василия, противъ внука Ивана Дмитрія, великій князь велѣлъ казнить приверженцевъ первого—шестерымъ отрубили головы, а многихъ боярскихъ дѣтей посадили въ тюрьмы. Но тутъ казнили, по крайней мѣрѣ, за заговоръ; годъ же спустя, именно въ 1499 г. Иванъ III отрубилъ голову князю Ряполовскому за «высокоумничанье», и извѣстныхъ князей Натригѣвыхъ спасли отъ казни, за ту же вину, только просьбы куховенства. Казни бояръ при Иванѣ Грозномъ читателю извѣстны.

И здѣсь повторилось явленіе подобное тому, какое было въ народѣ; — недовольные между народомъ уходили въ казани, недовольные между боярами убѣгали за границу. Это было продолженіемъ того обычая, по которому, во время удѣльныхъ князей, бояре переходили отъ одного князя къ другому, и такимъ образомъ спасались отъ притѣсненій и гоненій. Съ Ивана III право это начинаютъ ограничивать тѣмъ, что брали съ бояръ клятвенныя записи и поручительства. Но клятвѣ не давалось большого значенія, потому что бѣгство находило себѣ оправданіе болѣе сильное. Курбскій писалъ Ивану IV: «Ты называешь насъ нечѣстниками, потому что мы принуждены были по неволѣ крестъ цѣловать, какъ тамъ есть у васъ обычай, а осяи кто не присягаетъ, тотъ умираетъ горькою смертію. На это тебѣ мой отвѣтъ: воѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягаетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было; если же кто во время прелютяго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себя убійца, противящійся слову Господню: *«аще возлюбилъ васъ во злодѣ, блгайте во другой»*; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ върнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ завѣсти богоборныхъ иждовъ». Представителемъ

бѣжавшихъ бояръ былъ извѣстный князь Курбскій, но уходили и лица менѣе значительныя, напримѣръ, дьяки. Это были люди протеста противъ новаго порядка, по которому они лишались совѣщательнаго права и были поставлены въ разрядъ холоповъ.

Какъ казачество, поглощавшее въ себя людей недовольныхъ и болѣе рѣшительныхъ, избавляло государство отъ людей ему опасныхъ и способствовало усилению московской центральной власти; въ той же степени помогало ей и удаленіе бояръ, не желавшихъ склониться подъ новымъ для нихъ игомъ. Кто не бѣжалъ и не умѣлъ скрыть своего неудовольствія, или замыслилъ что либо противъ власти, тѣмъ казнили; оставшіеся безусловно подчинились новымъ требованіямъ. Такимъ образомъ центральная власть избавилась не только отъ людей, которые могли мѣшать ей усилению, но и замѣнила ихъ людьми хорошихъ, какъ это дѣлалъ особенно Иванъ IV. Бѣжавшій стрѣлецкій голова Тимофей Тетеринъ писалъ между прочимъ къ дерптскому намѣстнику Морозову: «... есть у великаго князя (Ивана IV) новые довѣренные люди, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашихъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. Богъ за грѣхи у васъ отнял...» Эта замѣна прежней родовой знати новыми людьми, исключительно съ служилыми характеромъ, чуждымъ земснаго элемента, способствуя централизаци, вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляла и нравственно. Новый обычай писался холопами и употреблялъ уничижительную форму выраженія не былъ простымъ внѣшнимъ знакомъ преданности и покорности; то было выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній и въ этомъ видѣлась крѣпость и сила страны. Иванъ IV писалъ къ Курбскому: «Эта ли совѣсть прокаженная — свое царство въ своей рукѣ держать, а поданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму — не хотѣть быть обладаемому подвластными?... Это ли православіе пресвѣтлое — быть обладаемому рабами?... Тисую съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптивнаго житія да престанутъ, которыми царство разслабается». Иванъ достигъ одной части своего плана: недовольные были казнены, другіе разбѣжались, а оставшіеся и замѣнившіе старыхъ признали вполне «нимъ отъ Бога даннаго государя», и, принявъ прозвище холоповъ, подчинились ему безусловно.

Строитное житіе кончилось точно, но Иванъ не только не спасъ царства отъ разгвѣнія, но еще ускорилъ кризисъ. Ни чувство гражданскаго и личнаго достоинства, ни патриотизмъ не могли воспитаться и развиться въ подобной школѣ; служилое сословіе, чуждое земскихъ интересамъ, смотрѣло на народъ, какъ смотритъ побѣдитель на поверенную страну — оно старалось навлечь изъ него какъ можно больше выгодъ; служба была стремленіемъ къ личнымъ выгодамъ и отличіямъ, интересы страны были непонятны, и каждый гонялся только за тѣмъ, чтобы ему было прибыльно въ денежномъ отношеніи. Служебное сословіе, выросши въ такихъ началахъ, достигло, наконецъ, того, что быть дворянину дьякомъ считалось позорнымъ. Дьякъ Даріонъ Попухинъ просилъ у царя Михаила Феодоровича позволенія оставить службу. Государь разрѣшилъ, и повелѣлъ, чтобы дворяне не ставили Попухину его дьячество въ безчестіе и упрекъ, потому что онъ взятъ въ дьяки не по своей просьбѣ, а по государеву именному указу. Когда съ появленіемъ самозванцевъ все пришло въ броженіе; когда всѣ недовольные двинулись на Россію, и въ образъ казачества «клали землю пугу», какъ выражались лѣтописцы, или приставали къ разнымъ самозванцамъ, которые были нужны имъ, какъ предводители, чтобы имѣть возможность заявить свой протестъ противъ всего испытаннаго зла, — въ это время въ служиломъ сословіи не нашлось людей, способныхъ спасти страну и Россію; смасли отъ чужеземцевъ худородные, земство, т. е. люди, связанные съ страной прямыми экономическими интересами, представители ея экономической жизни. Служилые же, напротивъ, отличались хищничествомъ, и изъ своекорыстныхъ интересовъ готовы были служить лично всякому самозванцу. Смутное время было финаломъ борьбы народнаго начала съ централизаціоннымъ — и противникомъ послѣдняго явились какъ разъ тѣ, на комъ московская власть хотѣла основать свою силу и съ помощью кого думала «спасти царство отъ разгвѣнія». Поморные слуги оказались первыми крамольниками, первыми интриганамъ и самыми безкожойвыми и граждански невоспитанными людьми. У нихъ былъ одинъ интересъ — личной службы лицу, а кому бы тамъ ни пришлось служить, то имъ было все равно, лишь бы служба была выгодна. Даже появленіе Дмитрія Самованца объясняютъ интригой московскихъ бояръ, которые изъ боязни гоненій Бориса Годунова хотѣли свергнуть его съ престола этимъ средствомъ. Самъ Лжедмитрій былъ обманутъ, и служилъ орудіемъ интриги, самъ не

подозрѣвая того. Димитрій былъ человекъ съ блестящими способностями, пылкій, увлекающійся, но не разсудительный и неспособный для дѣла. Все поведеніе его въ Москвѣ было такъ искренно, что очевидно, что онъ считалъ себя дѣйствительно сыномъ Ивана IV. Борисъ Годуновъ былъ убѣжденъ, что Димитрій созданіе бояра. Григорій Отрешевъ, а до монашества Юрій, былъ въ дѣтствѣ холопанъ у Романовыхъ и у князя Черкаскаго. Этихъ т. е. дѣла въ боярѣ, которыхъ боялся и не любилъ Борисъ, Отрешевъ наложилъ на себя подозрѣніе Годунова. Боясь бѣды, Григорій убѣжалъ, постригся въ монахи, и послѣ многихъ странствованій по разнымъ монастыряхъ попалъ къ Патріарху Іову, у котораго занималъ книжничьи писемки. Здѣсь онъ проговаривался о возможности ему быть московскимъ царемъ. Митрополитъ Іона донесъ объ этомъ Годунову, и тотъ велѣлъ сослать Григорія въ Кирилловъ монастырь подѣ строгимъ карауломъ. Но замѣчательно, что умаявъ царя забвѣнъ монолитъ. Отрешевъ убѣжалъ и забрался въ Польшу, откуда и явился уже настоящимъ царемъ. Убѣжденіе, что Димитрій — истинный царевичъ укрѣплялось въ полякахъ тѣмъ, что къ нему приходили изъ Москвы постоянно извѣщенія о томъ, что дѣлаетъ Борисъ Годуновъ и просьбы, чтобы онъ шелъ спорѣ въ Россію. Множество свидѣтелей утверждали, что Григорій есть истинный царевичъ Димитрій. Желая убѣдить поляковъ, что Григорій самозванецъ, Борисъ послалъ для обличенія дядю его Смирнаго Отрешева, но въ грамотѣ, которую привезъ Смирной о самозванцѣ, не говорилось ни слова, противъ обычая не было прописано даже имя гонца, и сообщались только жалобы на пограничные грабежи и на новые кѣста! Говорятъ даже, что бояре отправилъ къ польскому королю боярина Янунова, который, обладавши поляковъ, просилъ короля отъ имени боярѣ помочь самозванцу.

Мы не станемъ утверждать, чтобы фактъ подобнаго свойства былъ единственнымъ въ исторіи человѣчества; но во всякомъ случаѣ онъ не слѣдуетъ доказательствомъ гражданского развитія и внутренней силы страны, въ которой возможны подобныя явленія. Между тѣмъ съ самаго нашествія монголовъ всѣ правительственныя силы были направлены исключительно на увеличеніе силы государства. Отчего же произошло такое противорѣчіе? Причина въ томъ, что политическая жизнь Россіи, благодаря нашествію монголовъ, шла съ усиленной быстротой. Монголы, своею матеріальною поддержкой, давали такую

силу московскимъ князьямъ, что Москва въ теченіе послѣднихъ полтораста лѣтъ монгольскаго владычества усилилась въ такой степени, въ какой безъ монголовъ не удалось бы ей и въ триста лѣтъ. Гдѣ бы московскіе князья могли добывать такіа огромныя вспомогательныя войска, какія давали имъ ханы для войны съ удѣльными князьями? Сила Москвы отъ монгольской помощи становилась такъ велика, что борьба дѣлалась невозможной, тогда какъ безъ монголовъ она могла бы тянуться безконечно. Когда по смерти Калиты ханъ призналъ великимъ княземъ его сына Симеона, то вѣсть съ тѣмъ подчинилъ ему всѣхъ удѣльныхъ князей. Противиться этому подчиненію—значило противиться волѣ ханской, а развѣ у князей было столько войска, чтобы они могли бороться съ монгольской силой? Такимъ образомъ, Москва усиливалась не развитіемъ своихъ внутреннихъ средствъ, а исключительно внѣшней поддержкой. Подобное усиленіе не могло заключать въ себѣ залоговъ сильной внутренней связи соединенныхъ частей, не смотря на все внѣшнее могущество центральной власти. Это и высказалось въ смутное время, когда новгородцы готовы уже были признать царемъ шведскаго королевича, притчи не оказывали странѣ помощи ни деньгами, ни ратными людьми; а въ числѣ причинъ, по которымъ Смоленскъ не хотѣлъ отдаться Сигизмунду, заключалась между прочимъ и та, что богатые смоленскіе купцы дали въ дань Шуйскому большую сумму и боялись, что въ случаѣ сдачи Сигизмунду деньги эти пропадутъ. Когда со времени Ивана IV выяснилась вполнѣ монархическій принципъ московскаго единовластія, то монархическія идеи могли созрѣть и развиться, разумѣется, гораздо легче въ понятіи отдѣльныхъ личностей, чѣмъ въ массѣ всего населенія. Отдѣльный человѣкъ вѣдетъ скоро; поставленный въ обстоятельства, благоприятныя для развитія какой нибудь одной мысли, онъ въ десять лѣтъ можетъ придти къ такимъ убѣжденіямъ, для распространенія которыхъ во всей остальной массѣ населенія нужно можетъ быть сто или болѣе лѣтъ. Такъ и случилось у насъ съ понятіемъ о значеніи монархизма. Начиная съ Ивана III и до Ивана IV т. е. въ теченіе ста двадцати лѣтъ (1462—1584). Значеніе царской власти достигло въ понятіи московскихъ правителей до такой высоты, до какой оно не могло, разумѣется, дойти у всѣхъ остальныхъ подданныхъ. Въ этомъ другая причина того противодѣйствія центральному интересу, какое выразилось въ ближайшихъ побужденіяхъ, вызвавшихъ смутное время и въ немъ самомъ. Отрем-

леніе къ силѣ было велико, но дѣйствительной силы еще не было. Власть повелителя московскаго царства была безусловна, но само царство было слабо и смотрѣло врознь. Причина въ томъ, что государство слогалось путемъ постоянныхъ войнъ. Начиная съ Рюрика и кончая царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—болѣе чѣмъ въ теченіе восьмисотъ лѣтъ,—Россия постоянно должна была выносить внутреннія и внѣшнія войны; при ея громадной территоріи войны становились еще обременительнѣе; возможности для экономического развитія страны не представлялось; поэтому всё, будучи одинаково бѣдно, ограничивали свои потребности только предметами первой необходимости, и не могло образоваться ни богатаго земства, ни де нежнаго промышленнаго сословія. И до смутнаго времени народъ былъ странно бѣденъ, но во время самозванцевъ онъ обнищалъ совершенно. Только привычка къ самому низкому уровню потребностей дала народу силу вынести это развореніе. А между тѣмъ войны не кончились и съ концемъ смутнаго времени; столкновенія съ сосѣдями продолжались, народныя тягости не уменьшались, и государственное истощеніе кончилось, наконецъ, денежнымъ кризисомъ. Въ 1656 году нечѣмъ было платить жалованья войску, и государь по совѣту боярина Ртищева велѣлъ выпустить въ обращеніе мѣдныя деньги, по нарицательной цѣнѣ серебряныхъ. Пока народъ не понималъ въ чемъ дѣло, мѣдныя деньги держались въ цѣнѣ; но когда поняли, что мѣдь не можетъ замѣнить серебра, и когда явились фальшивыя деньги, то мѣдная монета стала быстро падать, и, наконецъ, за одинъ серебрянный рубль давали 12 мѣдныхъ. Цѣны поднимались на все страшно, народъ страдалъ и ропталъ. Запрещеніе поднимать цѣны, разумѣется, не помогало. Тогда начали преслѣдовать фальшивыхъ монетчиковъ, полагая, что они причиной бѣды. Начались пытки и казни; но дѣло не поправлялось; наконецъ, весной 1662 года поднялся народъ. Государь жилъ въ то время въ Коломенскомъ; къ нему отправилась толпа съ просьбой наказать замѣнниковъ бояръ, которые придумали новую финансовую мѣру. Царь обѣщалъ прійти въ Москву и разобрать дѣло. Въ это время пришла къ царю другая толпа и просила выдать народу замѣнниковъ. Алексѣй Михайловичъ отвѣтилъ: «Я государь, мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по смыслу, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставляю, въ томъ жена и дѣти мои цорукани». Въ отвѣтъ на это въ толпѣ кричали, одно: «не дай намъ погибнуть напрасно», а

другіе—«если добромъ бояръ не отдашь, то мы возьмемъ и сами». Алексѣй Михайловичъ, разсердившись, велѣлъ стрѣльцамъ двинуться на толпу. Больше 100 человекъ утонуло въ рѣжѣ и больше 7,000 было перебито и переловлено. Въ этомъ числѣ людей, дѣлавшихъ смуту, было только человекъ двѣсти, а остальные пришли изъ любопытства и заплатились за это жизнью. Затѣмъ началась расправа съ тѣми, кого переловили. Ихъ за этотъ мнимый мятежъ вѣшали, рубили имъ ноги, руни, рѣзали языки, или ссылали въ дальніе города. Хотя этимъ средствомъ и успокоили Москву, но курсъ мѣдныхъ денегъ не поднялся; наконецъ, въ 1663 году должны были прекратить приготовленіе мѣдныхъ денегъ и начать выпускъ серебряныхъ. Но и тутъ явилась новая бѣда; хотя частнымъ лицамъ и было приказано сплавить находившіяся у нихъ мѣдныя деньги, но они этого не исполнили. Спекулянты стали мѣдь натирать ртутью, серебрить и даже просто лудить. Правительство принялось преслѣдовать поддѣльщиковъ, и какъ говорятъ, за порчу денегъ было казнено болѣе 7,000 человекъ и болѣе 15,000 наказано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкой и конфискаціей имущества.

Московскіе цари, сознавая свою силу, въ правѣ были располагать безусловно большою массою людей; сознавая свою силу въ борьбѣ съ востокомъ, ордами и казаками, въ тоже время видѣли, что силы ихъ слабы въ борьбѣ съ западомъ. Слабость эта была не количественная, а качественная. Съ азіатскими сосѣдями можно было брать массой, но для счастливыхъ столкновеній съ Западною Европою требовалось нѣчто другое, чего русскимъ не доставало. Недавая значенія европейской наукѣ и европейскому вольнодумству, считая западныя идеи и сближеніе съ европейцами даже вредными чистотѣ правословія и нравамъ, московское правительство считало полезнымъ, разумѣется, только то, что могло усиливать его внѣшній блескъ и военныя средства. Поэтому довольно рано уже замѣтно стремленіе московской власти заимствовать изъ Европы разныхъ техникъ, преимущественно для улучшенія военной части. Наши западные сосѣди понимали очень хорошо, на сколько европейское знаніе должно увеличить могущество Россіи. По поводу русской торговли въ Нарвѣ Сигизмундъ-Августъ писалъ Елисаветѣ англійской: «Московский государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество приобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, при-

возится не только произведеніи художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

III.

Тяготыи къ западу.

Пока историческая жизнь Россіи еще не опредѣлилась, русскіе князья ходили нѣсколько разъ въ Византію, ходили къ болгарамъ, и давали такимъ образомъ своей дѣятельности внѣшній характеръ. Въ это время и русскіе князья женились на иностранныхъ принцессахъ, и иностранные государи на русскихъ князьяхъ. Связь Россіи съ западомъ, какъ будто хотѣла установиться. Но скоро эта внѣшняя дѣятельность князей, неизмѣняя пищи у себя дома, получила иное направленіе. Явилась борьба съ кочевниками, усобицы, потомъ монголы—и всѣ русскія силы сосредоточились на дѣлахъ своей страны. До запада намъ уже не было никакого дѣла, его интересы не были нашими интересами, точно такъ же, какъ наши интересы не были его интересами. Углубляясь въ себя и развиваясь своеобразно, подъ вліяніемъ религіознымъ и постоянной внутренней борьбы, Россія запырала все крѣпче отъ латинянъ и пришла, наконецъ, къ тому, что начала считать ихъ нечистыми. Эта изолированность, понятная, какъ историческій фактъ въ своихъ причинахъ, не принесла, однако, Россіи пользы по своимъ послѣдствіямъ. Когда московское правительство покончило свои дѣла съ востокомъ и съ ордой—ничего было дѣлать больше, политическая жизнь Россіи должна была искать себѣ пищи въ другомъ мѣстѣ, и тогда явилось тяготѣніе къ западу, и обнаружилась наша отсталость.

Западъ казался русскимъ всегда чѣмъ-то особеннымъ, было въ намъ что-то чудное, непохожее на свое домашнее. Одинъ изъ смут-

никогда метрополита Исидора, ѣздившаго на восьмой флорентійскій соборъ, оставилъ весьма любопытное описаніе своего путешествія. Русскаго поражали невиданныя имъ до того диковинки западной цивилизаціи. Разумѣется, всё его замѣчанія касаются только внѣшняго, потому что пониманіе внутренней жизни было труднѣе. «Городъ Юрьевъ (Дерптъ), какъ говоритъ путешественникъ, великъ, каменный, такихъ цѣвъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любець очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасныя, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а нѣкоторыя изъ столповъ, студены и сладки.» «Въ Люнебургѣ среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченной, чудесныя! У каждаго столпа люди приражены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя—у одного изъ рта, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно изъ бочонокъ; люди эти пьютъ водою весь городъ и смютъ, проведены воды хитро и стеланіе несказанное». «Въ Брауншвейгѣ дома крыты досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится». Нюрнбергъ такъ хорошъ, что «сказать нельзя и недомысленно». Флоренція еще лучше: «о колонны флорентійской недоумѣваетъ умъ». «Въ Венеціи во всѣхъ улицахъ воды, и ѣздятъ на баркахъ». Одинъ изъ русскіхъ паломниковъ, посѣтившій Константинополь, весьма удивлялся тамошнимъ колоннамъ и прочности камня, тамошнимъ памятникамъ и постройкамъ. «Много бо есть дивитися и умъ сказать не можетъ: како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ?» Про статую Юстиніана онъ говоритъ: «ави живъ, грозно видѣти его». Разумѣется, не обходилось безъ того, чтобы подобнымъ путешественникамъ не рассказывали всякаго вѣдору, которому они вѣрили. Тотъ же паломникъ сообщаетъ о жабѣ, которая ходитъ по улицамъ Царьграда и пожираетъ людей, и о метлахъ, которыя метутъ сами: какъ бы люди ни встали рано, а ужъ улицы чисты. Западъ нравился не только своимъ внѣшнимъ видомъ, но и болѣе свободной, пріятной и разнообразной жизнью, своими нравами и обычаями, неимѣвшими много общаго съ условіями русскаго обществія. Поэтому русскіе, попадавшіе за границу, не рѣдко уже совсѣмъ не возвращались на родину; а бывали и такіе, которые бѣжали туда нарочно, не смотря на то, что въ Россіи они пользовались повидимому всѣми выгодами своего положенія,

напримѣръ, сынъ любимица Алексѣя Михайловича, Ордынъ-Нащокина. Какъ была плѣнительна жизнь запада для русскихъ, можно видѣть изъ словъ князя Голицина: «русскимъ людямъ служить виѣсть съ королевскими людьми нельзя, ради ихъ прелести: одно лѣто побывають съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочеть, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человекъ.» Лучшимъ же примѣромъ того, на сколько западъ оказывался вреднымъ чистотѣ русскихъ нравовъ, служить Дмитрій самозванецъ. Мы уже говорили, что это былъ человекъ пылкій, воспримчивый и дѣятельный. Познакомившись съ европейской жизнью, онъ ввелъ у себя въ Москвѣ обычаи, непохожіе на русскіе. Онъ не молился передъ обѣдомъ, не умывалъ рукъ послѣ обѣда, ѣлъ телятину, не ходилъ въ баню, за столомъ ввелъ музыку и пѣніе. Кромѣ того Дмитрій Самозванецъ отличался простотой, несовѣстной, по понятіямъ московскихъ бояръ того времени, съ царскимъ величіемъ. Пылкій и молодой Дмитрій принималъ личное участіе въ тогдашней забавѣ—въ бою со звѣрями, училъ самъ солдатъ брать земляныя крѣпости, виѣсть съ ратными людьми, въ одной толпѣ, ходилъ на эти примѣрные приступы, при чемъ егошибали верѣдко палками съ ногъ, наконецъ, высказывалъ мысль, что въ латинянахъ нѣтъ дурнаго и что вѣра латинская и греческая одна и таже. Въ обращеніи съ приближенными Дмитрій отличался простотой и даже позволялъ имъ дѣлать себѣ замѣчанія на счетъ образа жизни.

Знакомство съ обычаями запада этимъ путемъ т. е. чрезъ главу государства было бы, разумѣется, лучшимъ средствомъ—какъ это и доказалъ потомъ Петръ Великій—измѣнить русскіе нравы того времени, не отличавшіеся ни особенной чистотой, ни особенной мягкостью. Для бояръ подобное заимствованіе было бы весьма не лишнимъ, но именно бояре-то и противились тому. Народу мѣнять было нечего. Его образъ жизни зависѣлъ отъ его средствъ, а бѣдняки, имѣющіе едва чѣмъ существовать, живутъ и на западѣ и на востокѣ одинаково. Велкое улучшеніе ихъ быта зависитъ отъ улучшенія ихъ средствъ, а улучшеніе средствъ отъ возможности экономическаго развитія. Совсѣмъ не то среднее сословіе того времени т. е. служилые люди и бояре. Ихъ положеніе, если не было вполне хорошо, то и не настолько дурно, чтобы могло мѣшать тѣмъ полезнымъ заимствованіямъ и ум-

ственному развитію, въ которомъ они нуждались болѣе, чѣмъ народъ въ возможности развитія экономическаго. Но главной помѣхой тому были сами цари московскіе, упорно державшіеся старины и женившіеся исключительно на русскихъ. Это обстоятельство болѣе важно, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Жениась на русской, царь оставался при тѣхъ же вліяніяхъ, при которыхъ жилъ и прежде. Для женщины не было другой жизни, кромѣ жизни въ теремѣ. Темное, ничего не знающее и ничего не видѣвшее существо, воспитанное въ началахъ безусловнаго повиновенія своему мужу, такая женщина не могла обнаруживать на него ровно никакого вліянія, не могла сообщить ему ничего такого, чего бы онъ искалъ прежде. Вся перемена въ жизни женщины заключалась въ томъ, что дѣвицей она жила подѣ волей своихъ родителей, а сдѣлавшись женщиной, стала вести ту же безотвѣтную и безгласную жизнь подѣ рукой своего мужа. И нравственный выигрышь мужа едва ли былъ болѣе. Такимъ образомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались однѣ и тѣ же семейныя преданія, однѣ и тѣ же понятія о семейныхъ добродѣтеляхъ и обязанностяхъ, но ни одной живой струйки новой жизни. Такому умственному застою могло помѣшать только одно—браки съ женщинами, развивавшимися и выросшими при другихъ условіяхъ общежитія и подѣ другими началами. Какое вліяніе могла обнаружить образованная и умная женщина, видно вполнѣ изъ брака Ивана III съ Софіей Палеологъ. Подѣ вліяніемъ Софіи Иванъ III сталъ монархомъ, окружилъ себя царскимъ великолѣпіемъ и поставилъ себя на такую недостигаемую высоту, что заслужилъ прозвище грознаго. Положимъ, что это вліяніе, было одностороннее, но мы говоримъ здѣсь не о качествахъ вліянія, а о томъ, что оно было. Жены другихъ царей обнаружили бы на нихъ вѣроятно и другое вліяніе. Во всякомъ случаѣ отъ такихъ браковъ Россія бы выиграла, а отъ того, что ихъ не было, Россія проиграла. Что мѣшало брачнымъ союзамъ съ иностранцами—читателю уже извѣстно.

Со времени Ивана III возобновляются наши сношенія съ Европой, прекратившіеся болѣе чѣмъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ. Этого времени безгласной для западной Европы жизни Россіи было совершенно достаточно, чтобы тамъ забыли совершенно о нашемъ существованіи. Для открытія Россіи потребовался свой Колумбъ, и Колумбомъ этотъ явился рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства разныя отдаленныя земли. Въ 1486 году онъ пріѣхалъ

въ Москву и узнавъ, что Россія составляет самостоятельное государство, независимое отъ Руси, подвластной польскому королю, доложилъ о томъ австрійскому императору. Въ слѣдующемъ году Конпель явился въ Москвѣ уже посломъ императорскимъ. Со времени же Ивана III начинается выписываніе изъ за границы разныхъ мастеровъ и техникувъ.

Въ этомъ отношеніи Россія была такъ бѣдна, что у насъ не умѣли даже строить порадочныхъ каменныхъ зданій. Вотъ нѣсколько фактовъ. Въ 1417 году псковичи наняли мастеровъ, чтобы выстроить каменную стѣну; въ петровъ постъ работа была кончена, а въ успенскій стѣна упала. Въ 1420 году выстроили новые перни, строили ихъ 200 челоуѣкъ, но чрезъ три года постройка развалилась. Въ Коломнѣ церковь разрушилась сейчасъ же по окончаніи постройки. Въ Новгородѣ случилось тоже самое. Только что мастера успѣли сойти съ выстроенной ими церкви Іоанна Златоустаго, какъ церковь упала. Но если постройка производилась не прочно, за то скоро. Церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была выстроена въ одинъ годъ и въ томъ же году началась въ ней служба. Еще скорѣе строились церкви деревянные—такъ называемыя обиденныя; строили и освящали ихъ въ одинъ день. Въ 1472 году митрополитъ Филиппъ задумалъ строить новую соборную церковь, потому что построенная при Иванѣ Калитѣ уже грозила паденіемъ. Собрать много серебра отъ священниковъ, монастырей, бояръ, купцовъ, митрополитъ пригласилъ двухъ русскихъ мастеровъ, спросилъ ихъ, возмутся ли они построить такую церковь, каковую онъ думалъ, мастера, разумѣется, взялись и принялись за работу. Но когда они начали класть, своды церкви упали. Иванъ III послалъ въ Псковъ за нѣмецкими мастерами. Нѣмцы, осмотрѣвъ работу, похвалили ее за чистоту, но замѣтили, что известь была жидка. Имъ, однако, не поручили работы. По совѣту Софьи, Иванъ отправилъ въ Итацію Семена Толбузина, чтобы принскать тамъ архитектора. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву. Наконецъ, согласился Аристотель Фіоравенти. Выказавъ на счетъ постройки тоже мнѣніе, какъ и нѣмецкіе мастера, Аристотель началъ тѣмъ, что разбилъ все строеніе. «Три года дѣлалъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, а онъ меньше, чѣмъ въ недѣлю, развалилъ, не успѣли выносить камень». Аристотель строилъ четыре года, и въ 1479 году Успенскій Соборъ былъ освященъ. За Аристотелемъ на-

ились и другіе таланты: онъ умѣлъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола и чеканить монету.

Когда Иванъ III несмалъ къ императору Юрія Трахониотова, то поручилъ ему прискаты «рудника, который руду знаетъ золотую да серебряную, да другого мастера, который умѣеть отъ земли отдѣлать золото и серебро. Добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хорошаго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ». Кроме того Трахониотовъ долженъ былъ пригласить искуснаго лекаря. Всѣхъ этихъ искусныхъ мастеровъ посолье привезъ въ Мосюву въ 1490 году.

Положеніе ихъ здѣсь было довольно опасное, особенно лекарей, потому что съ ними обращались совершенно по турецки, не смотря на то, что въ докторахъ была большая нужда. Если тогдашніе медики и не могли отличиться особенными познаніями, то во всякомъ случаѣ они понимали больше людей ровно ничего незнавшихъ и могли принести большіе пользы, чѣмъ самолеченіе. Любопытнымъ примѣромъ послѣдняго служить великій князь Василій Васильевичъ. Онъ лечилъ себя противъ сухотки тѣмъ, что жегъ у себя на тѣлѣ въ равныхъ мѣстахъ трутъ, и повторялъ эту операцію такъ часто, что умеръ отъ разгнившихся ранъ. Появляю, что при подобныхъ неудачахъ смотрѣли на лекарей, какъ на особенно хитрыхъ людей и имѣли совершенно смутное понятіе объ ихъ знаніяхъ. Печатникъ Василій Щелкаловъ разъ разъ съ докторомъ англичаниномъ такой разговоръ: «скажи-машься ты докторъ; а грамота у тебя Елисаветъ королевина докторская и книги докторскія и лечебныя и зелье съ тобою есть ли? И какъ немочи знаешь? И почему у человѣка какую немочь познаешь?»—Которыя книги, отвѣчалъ докторъ, были повезены со мною изъ англійской земли для докторства, и я тѣ книги всё оставилъ въ Любечѣ для проѣзда, и сказывался въ дорогѣ торговымъ чело-вѣкомъ для того, чтобъ меня пропустили, и зелья не везъ для проѣзду же, потому что насъ докторовъ въ Мосюву нигдѣ не пропустяють».—«Почему же тебѣ у человѣка безъ книгъ какую немочь можно познать—по водамъ ли или по шиламъ?»—спросилъ опять Щелкаловъ».—«Немочь въ человѣкѣ всякую можно и безъ книгъ разумамъ знать по водамъ; а если будетъ въ человѣкѣ ташная болѣзнь,

то ее и по жиламъ можно познать; лечебная книга со мною есть, а старая у меня въ головѣ—отвѣчалъ докторъ. Это было при Годуновѣ, но при Иванѣ III понятія были еще проще. Старшій сынъ Ивана захворалъ лмотою въ ногахъ; докторъ Леонъ, вызванный изъ Венеціи, понадѣявшись на свои знанія, сказалъ великому князю: «я вылечу твоего сына; а не вылечу, вели казнить меня смертною казнью». Между тѣмъ больной умеръ и по простетіи сорока дней Леону отрубили голову. Разумѣется, условіе его не было серьезнымъ; но Иванъ III понималъ вещи иначе. Такъ же рѣшительно онъ поступилъ и съ другимъ докторомъ нѣмцемъ, Антономъ. Этотъ, бывшій въ большомъ почетѣ у великаго князя, лечилъ татарскаго князя Карагучу и, какъ увѣряетъ лѣтописецъ, уморилъ больнаго «смертнымъ зельемъ на смѣхъ», т. е. далъ какое нибудь рѣшительное средство. Иванъ III выдалъ лекаря сыну умершаго князя, и молодой князь хотѣлъ отпустить его за деньги, но великій князь не согласился, и татары вывели нѣмца на Москву рѣку и зарѣзали подъ мостомъ ножами. Такой странный способъ обращенія съ людьми долженъ былъ пугать иностранцевъ, и Аристотель, боясь, чтобы и съ нимъ не случилось чего нибудь подобнаго, сталъ проситься домой. Иванъ III рассердился на такую смѣлость, велѣлъ схватить его, ограбить и посадить на Антоновомъ дворѣ.

Въ обращеніи съ иностранцами русскіе не отличались особенной деликатностію; не говоря про такихъ ничтожныхъ въ глазахъ московскаго правительства людей, какъ лекаря или техники, но и представителямъ западныхъ государей доставалось не лучше. Недовѣріе и подозрительность были основными чертами московскихъ отношеній съ другими державами. Москвичамъ казалось, что всякій прибывшій въ Москву иностранецъ непременно шпионъ, подосланный развѣдать что нибудь, съ тѣмъ чтобы потомъ повредить. Для предупрежденія этого пословъ окружали приставами и держали ихъ постоянно подъ надзоромъ, и иногда даже и подъ стражей. Николаю Поппелю никакъ не хотѣли вѣрить, что онъ пріѣхалъ изъ любовнательности, сомнѣвались въ подлинности бывшаго у него свидѣтельства императора Фридриха III и подозрѣвали, что Поппель подосланъ польскимъ королемъ, съ какииъ нибудь дурнымъ умысломъ противъ великаго князя. Чтобы устранить всякую возможность зла, посланниковъ не допускали на аудіенцію въ оружіи. Посланники, хотя и жаловались на такое безечствіе, хотя и правительства ихъ нѣсколько разъ выражали свое неудовольствіе

на московскую систему обращенія съ иностранцами, но изъ этого не выходило никакого толку. Великій посолъ короля польскаго, бывшій въ Москвѣ въ 1644 году, жаловался приставамъ: «хорошо было у насъ царскаго величества послать, князю Львову съ товарищами: сенаторы ихъ почитали, къ себѣ на пиры звали и дарили, жили они въ Польшѣ, какъ у родныхъ братьевъ, на поле тѣшиться ѣздили и дома у себя тѣшились; а мнѣ здѣсь, великому послу, только поворъ и безчестье; живу въ заперти, ликуда выѣхать не пускаютъ, людей моихъ не пускаютъ на дворъ къ королевичу датскому.» Жалобы эти, разумѣется, не вели ни къ чему, потому что даже на претензіи, выраженные болѣе энергически, не обращалось никакого вниманія. Въ 1618 году были отправлены къ трендскому шаху Аббасу князь Барятинскій, дворянинъ Чичеринъ и дьякъ Тюхинъ. Шахъ принялъ ихъ сухо и, призвавъ къ себѣ Тюхина, сказалъ ему: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утай, чтобъ оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ въ Казани и Астрахани запирали по дворахъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что и птицы чрезъ васъ не дамъ пролетѣть; не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ не любовь: воеводы его въ Астрахани и въ Казани, и въ другихъ городахъ моихъ торговымъ людямъ убытки чинять, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло—птица ястребъ! Купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдныи товаръ. Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, и я изъ нихъ только велю вырвать по перу, да и выпущу всѣхъ— пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо распоротъ.» И шахъ задержалъ у себя пословъ два года.

Отд. I.

Выписанные Иваномъ III изъ за границы рудознатцы и другіе мастера оказались недостаточны и наука ихъ не шла съ собою между русскими. Въ 1547 году Иванъ IV поручилъ саженцу Шлитте пригласить за границей какъ можно больше ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте съ разрѣшенія императора Карла V набралъ 123 человекъ и пріѣхалъ съ ними уже въ Любекъ; но ливонское правительство, боявшееся русской силы, упростило императора взять навадь свое разрѣшеніе и магистрату было дано полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Шлитте посадили въ тюрьму, и набранные имъ люди разбѣжались. Одинъ изъ нихъ Гансъ хотѣлъ идти въ Москву, но его схватили и посадили въ тюрьму. По освобожденіи онъ хотѣлъ попытаться снова, но былъ пойманъ подлѣ самой русской границы, и казнень. Выступъ съ ремесленниками приглашались постоянно и доктора, въ которыхъ у насъ очень нуждались. Елисавета отправила къ Ивану IV медика, Роберта Янобо, аптекарей и цирюльниковъ. При Борисѣ Годуновѣ выписываются опять лекаря, рудознатцы, суконные мастера, часовщики. У Годунова было шесть докторовъ иностранцевъ, которыхъ онъ награждалъ чрезвычайно щедро, и даже позволялъ имъ построить протестантскую церковь.

Хотя желѣзо и добывалось уже въ Россіи въ вынѣшней тульской губерніи и въ другихъ мѣстахъ и Тула выдѣлывала оружіе еще въ XVI столѣтіи, но ни желѣза этого, ни оружія не было достаточно для удовлетворенія потребностей государства, такъ что и то, и другое покупалось еще за границей. Въ 1629 году было выписано изъ Швеціи болѣе 25,000 пудовъ желѣза. Потомъ дозволено было иностранцамъ построить въ окрестностяхъ Тулы заводъ для отливанія чугуновыхъ вещей и для приготовленія желѣза по иностранному способу. Дозволеніе это дано въ 1632 году голландцу Виніусу «для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья пушекъ, ядеръ и котловъ, для ковки досокъ и прутьевъ, дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзаному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не сарывать.» Но и этого завода было недостаточно, такъ что въ случаяхъ военныхъ всоруженій Россія покупала оружіе за границей. Въ 1653 году былъ посланъ въ Голландію подъячій Головинъ съ просьбой къ нитатамъ дозволить ему купить 20,000 мушкетовъ и 20 или 30 тысячъ пудовъ пороху

и свинцу. Въ Швеціи было куплено тоже 20,000 мушкетовъ. Подобныя покупки дѣлались нѣсколько разъ.

При не искуствѣ русскихъ полководцевъ и при недостаткѣ войска, знакомаго съ военнымъ дѣломъ и навичнаго въ европейскомъ способѣ войны, московскія войска были постоянно поражаемы въ открытомъ полѣ своими западными сосѣдами. Это научило москвичей осторожности, и отсюда та нерѣшительность, какую обнаруживали всегда русскіе въ борьбѣ съ европейцами. Цари понимали хорошо, отчего происходятъ наши вѣчныя неудачи съ шведами и съ такими соперниками, какъ Стефанъ Баторій, располагающими обученой, навичной пѣхотой. Покупка иностранныхъ мушкетовъ не помогала еще дѣлу; нужны были люди, съ которыми бы можно было рассчитывать на вѣрный успѣхъ, а не на случайныя побѣды, какъ это бывало обыкновенно. Поэтому еще Иванъ IV старался пріобрѣсть иностранцевъ, искусныхъ въ войнѣ, и онъ просилъ даже шведскаго короля прислать ему отрядъ ратныхъ людей, обученныхъ и вооруженныхъ по европейски. Вызовъ иностранцевъ въ военную службу усиливался постоянно все болѣе и болѣе; не любили брать только католиковъ. Такъ, когда полковникъ Лесли былъ посланъ за границу для найма военныхъ людей, то ему было поручено: «нанимать солдатъ шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, а французанъ и иныхъ, которые римской вѣры, никакъ не нанимать.» Вмѣстѣ съ вызовомъ иностранцевъ стали обучать ратному дѣлу и русскихъ, и, чтобъ русскіе могли узнать все военныя хитрости, былъ переведенъ съ иностраннаго уставъ ратныхъ дѣлъ. Особенно поощрялъ иностранцевъ, поступавшихъ въ русскую службу, Годуновъ; а со времени Михаила Федоровича становится особенно замѣтеть наплывъ иностранцевъ. За границей приглашались не только офицеры всехъ чиновъ рѣшительно, начиная отъ прапорщика и до полковника включительно, но и рядовые. У Шейна подъ Смоленскомъ въ шести полкахъ было нѣмцевъ, поляковъ, литвы и обученныхъ русскихъ 14,800 человекъ. Въ этомъ числѣ нѣмецкихъ наемныхъ солдатъ было 3,280 человекъ; русскими же командовали нѣмецкіе полковники.

Наемъ иностранцевъ дѣлался осторожно, и люди принимались только послѣ предварительнаго испытанія. Милославскій, посланный въ 1646 году за границу, и имѣвшій между прочимъ порученіе нанять въ Голландіи офицеровъ и солдатъ, оставилъ описаніе подобнаго въ-

замена. «Маіоръ Исаиъ Фонъ-Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ Альбертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различными штуками и по досмотру—добръ-добрѣ; Виллаъ Алемъ по досмотру—добрѣ; Ефимъ вахмистръ по осмотру—умѣеть; Юрій Гаріохъ по смотру—средній; и маіоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріоха въ капитанскій чинъ не будетъ; какъ ему неученыхъ людей солдатскою сиравкѣ выучить и къ бою привѣсть, онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ. Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ, и застрѣлили трехъ человекъ, толмача Нечая Дрябика, да двухъ солдатъ нѣмцевъ; у Нечая да у нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье; за плату солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру—худъ добрѣ; и маіоръ фонъ Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится». Солдаты оказались всѣ годными.

Годуновъ, выказывавшій особенное расположеніе къ иностранцамъ, хотѣлъ вызвать изъ за границы ученыхъ и основать школы, гдѣ бы учили русскихъ разными языкамъ. Но духовенство возстало противъ этого, выставляя, что во всей странѣ одна вѣра, однѣ нравы, одинъ языкъ; если же будетъ много языковъ, то встанетъ смута. Борисъ уступилъ, и, вмѣсто учрежденія школъ, задумалъ послать за границу для образованія нѣсколько молодыхъ людей. Выбрали и послали: однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, третьихъ во Францію и въ Австрію. Образование ихъ должно было ограничиться изученіемъ языковъ. Судьба молодыхъ людей неизвѣстна; извѣстно только, что четверо отправленныхъ въ Англію, въ Россію уже не возвратились. Подъячій Грязевъ, ѣздившій съ царскою грамотой къ королю Іакову, донесъ, что англичане обратили ихъ всѣхъ въ свою вѣру, одного изъ нихъ, Никифора, сдѣлали священникомъ и онъ живетъ въ Лондонѣ, другой секретаремъ въ Ирландіи, а остальные двое въ Индіи. Никифоръ молитъ Бога за английскихъ купцовъ, которые его вывезли изъ Россіи.

Помѣхи, какія дѣлали Ливонцы нашимъ сношеніямъ съ западомъ и въ выписываніи иностранныхъ мастеровъ, побудили еще Ивана IV стараться приобрести прибалтійскія ливонскія владѣнія; Годуновъ тоже не успѣлъ въ этомъ. Алексѣй же Михайловичъ прямо домогается уже Невы и нынѣшняго Шлиссельбурга. Въ 1658 году, по случаю

переговоры о мирѣ со Швеціей, царь писалъ къ Нащокинну: «проинимая всякими мѣрами, чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ концяхъ (Ніеншанцъ) и подъ Рутедавошъ корабельныя пристани, и отъ тѣхъ пристаней для проѣзду къ Корелѣ на рѣкѣ Новѣ городѣ Орѣшкѣ, да на рѣкѣ Двинѣ городѣ Кугейнаѣ, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и такія мѣста, которыя пристойны; а шведскимъ комиссарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, суди отъ одного себя ешиками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей...» Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль и о русской морской торговлѣ и постройкѣ для того судовъ. Московское правительство видѣло, какія выгоды имѣютъ иностранцы отъ торговли, и потому задумало построить свои корабли, чтобы посылать ихъ въ дальнія страны, и привозить оттуда дорогіе товары. Обратились за совѣтами по этому предмету къ герцогу Курляндскому, рассчитывая, что онъ дозволитъ русскимъ судамъ ходить изъ его гаваней. Герцогъ однако увѣдомилъ, что «пристойнѣ великому государю заводить корабли у Архангельска». Этимъ однако дѣло не кончилось. Черезъ четыре года (въ 1666 г.), по поводу просьбы армянъ о свободной торговлѣ по Волгѣ съ Персіей, предположено было для плаванія по Каспійскому морю выстроить нѣсколько судовъ. Къ работѣ приступили въ іюнѣ 1667 года, думая окончить корабль къ веснѣ слѣдующаго года; но встрѣтились разныя препятствія — то не было рабочихъ, то не доставало матеріаловъ, потомъ не было кузнеца и рѣзчика, тамъ жалобы на главнаго распорядителя работъ Полуехтова, который былъ конатныхъ мастеровъ, сажалъ ихъ въ подлѣтъ, мучилъ голодной смертью. Наконецъ, въ началѣ мая 1669 года корабль «Орелъ», яхта, двѣ шнеки и боть спущены въ Дѣдиновѣ на воду. Постройка всѣхъ судовъ обошлась въ 9,021 рубль. Орлу однако не посчастливилось:—его сжегъ въ Астрахани Стенька Разинъ.

Московское правительство очевидно уже начинало понимать выгоды знаній Западной Европы, потому что выгоды ихъ были слишкомъ ясны. Но, чтобы московскіе цари могли рѣшаться на подобныя нововведенія, необходимо предположить, что они были окружены боярами много сорта, чѣмъ время Иванъ III и Дмитрія Самозванца. И это было действительно такъ: болѣе чѣмъ тысяча семействъ иностранцевъ, жившихъ постоянно въ Москвѣ еще во времена Олеарія, большое число иностранныхъ офицеровъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ, частые пріѣзды посланниковъ отъ европейскихъ государствъ,

должны были обнаружатъ вліаніе на бытъ и на моремъну понятій по крайней мѣрѣ тѣхъ москвитей, которые отличались болѣе живыми и подвижными способностями. Дѣтъ бояръ Алексія Михайловича отличались любовью къ иностраннымъ повязанамъ Матвѣевъ, Морозовъ, Ртищевъ, Ордынъ-Нащокинъ и другіе. Они подражали уже иностраннымъ обычаямъ, не держали своихъ женъ въ теремахъ, давали дѣтмъ европейское образованіе, такъ что сынъ Нащокина, воспитанный иностранцами, даже убѣжалъ изъ Россіи; комнаты ихъ были убраны на европейскій ладъ и украшены картинами, часами; а Матвѣевъ составлялъ даже труппу актеровъ, и тѣшилъ царя театральными представленіями.

Такъ готовилась Россія къ принятію Петра Великаго.

И. Шелгуновъ.

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ.

ГЛАВА X.

Двадцать дней въ тюрьмѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ мы не имѣли-бы повода написать настоящій рассказъ; если бы Дженни Камеронъ вмѣсто тюрьмы была отправлена въ исправительный домъ. Не одна жизнь приняла бы другой оборотъ, если бы дѣтей не подвергали въ самомъ нѣжномъ возрастѣ растлѣвающей заразѣ тюремнаго воздуха. Ребенокъ, по Шотландскимъ законамъ, *какимъ-бы онъ ни былъ* ~~малъ~~ подлежитъ уголовному суду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ примѣръ, что полутора-годоваго ребенка признали виновнымъ въ кражѣ и приговорили къ тюремному заключенію вмѣстѣ съ его виновною матерью.

Комнатнымъ товарищемъ Дженни была извѣстная Глазговская воровка, лукавая женщина, лицемѣрная передъ начальствомъ, показывавшая желаніе раскаяться и исправиться; по всѣмъ вѣроятіямъ эту степенную съ виду женщину сочли за лучшую подругу для Дженни и, рассчитывая на тѣ добрые совѣты,

которые она могла дать молоденькой дѣвочкѣ, помѣстили ихъ вмѣстѣ. Женщину эту мы назовемъ Елизаветою Гарберъ.

Въ первый день заключенія она не обращала никакого вниманія на молодую узницу; на второй день по уходѣ главнаго надзирателя, который приходилъ въ ихъ келью и сказалъ имъ нѣсколько общихъ мѣстъ, она шепнула Дженни:

— Не слушай этого господина; онъ дурной человѣкъ.

Легкій отзывъ этотъ поразилъ Дженни; что до нея касалось, то посѣщеніе главнаго надзирателя повергло ее въ трепеть.

— Онъ, милая, мастеръ на слова, продолжала арестантка; но имъ хорошо говорить, когда они одѣты, обуты, живутъ себѣ въ царскихъ палатахъ и получаютъ ни вѣсть сколько денегъ, за то, что смотрятъ за нашей горемычной братьей,

Заключенные вообще имѣютъ преувеличенныя понятія о вознагражденіи лицъ, служащихъ при тюрьмѣ.

— Вотъ скоро попъ придетъ, то-то будетъ распѣвать тебѣ про твои грѣхи и невѣденіе! Это скажу тебѣ, милая, худшій изо всей шайки.

Но когда явился тюремный священникъ женщина эта приняла его со всевозможными выраженіями покорности и смиренія, съ притворнымъ участіемъ прислушивалась къ разговору его съ Дженни и испускала глубокіе вздохи въ знакъ своего сочувствія.

— Бѣдное дитя мое, замѣтилъ онъ между прочимъ, ты, какъ я вижу, ничего не знаешь и не умѣешь отличить зло отъ добра.

— Какъ же сэръ! перебила его Елизавета Гарберъ, она точно тварь неразумная. Я и сама пыталась заговорить съ ней о библии, но она только хлопаетъ на меня глазами.

Проводивъ посѣтителя почтительнымъ поклономъ, она сдѣлала вслѣдъ ему насмѣшливую гримасу, которая разсмѣшила Дженни.

— Ему за то и деньги платятъ, чтобы онъ намъ воровъ эту чепуху. Небось, если бы не платили ему, онъ бы и не заглянулъ къ намъ.

— Оно конечно всегда лучше быть съ ними вѣдливой; только я всѣхъ ихъ ненавижу, всѣ они вмѣстѣ взятые гроша мѣднаго не стоятъ.

— Ты всегда, милая, дѣлай видъ, что обращаешься на путь

истинный, былъ дальнѣйшій совѣтъ старухи, ты у нихъ и будешь нах орошемъ счету. А то что радости, когда тебя посадятъ на хлѣбъ и на воду, надѣнуть на руки колодки и запрутъ въ темную келью, что на той сторонѣ двора. Да смотри, побольше прикидывайся больной; ты этимъ избавишься отъ скучнаго щипанья пеньки; вотъ на меня они было попробовали взвалить тяжелыя работы, да онѣ оказались мнѣ не по силамъ.

Тюрьма переставала мало по малу казаться Дженни такимъ страшнымъ мѣстомъ. Щипанье пеньки впродолженіе большей части дня было, правда, скучное дѣло, и пальцы ея отъ него болѣли, но она была ловкая дѣвочка и скоро освоилась съ этой работой. Помѣщеніе ея было удобное; она даже не страдала отъ одиночества. Правда пища ея не могла похвалиться изобиліемъ, такъ какъ она была заключена не на долгій срокъ, и часто ей приходилось оставаться впроголодь, но она не придавала большой важности этому неудобству тюремной жизни.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы тюрьма ей особенно нравилась, хотя ей и было тутъ во многихъ отношеніяхъ лучше, нежели дома; она любила свободу, уличную жизнь и общество тѣхъ товарищей, въ средѣ которыхъ провела всю свою молодость. Страшная тоска напала на Дженни послѣ первыхъ десяти дней заключенія. Однообразіе тюремной рутины подавляло ее; привычна жить вольной птицей дѣлала для нея эту дисциплину невыносимой; здоровье ея слегка пострадало; аппетитъ уменьшился и румянецъ поблекъ на щекахъ. Когда Гарберъ замѣтила ей однажды, что она подурнѣла, она залилась слезами.

Это замѣчаніе не на шутку перепугало ее; она начинала тщеславиться своею наружностью и думала, что съ потерю красоты она лишится своего Джона и вся будущность ея будетъ испорчена.

— Надоѣла мнѣ до смерти тюрьма, прианалась она Елизаветѣ Гарберъ

— Не безпокойся! проворчала старуха, еще ты не разъ въ ней побываешь.

— Ну ибѣтъ! Я впередъ буду осторожнѣе.

Но старуха продолжала свои мрачныя предсказанія. Она

не скупилась на совѣты и учила Дженни, по своему крайнему разумѣнію, уму-разуму. Мистрисъ Гарберъ прошила севомъ огонь и воду и мѣдныя трубы; она всѣхъ знала въ Глазговѣ, какъ тѣхъ, которымъ вѣчно удавалось сухими изъ воды выйти, такъ и тѣхъ, которые вѣчно попадались въ бѣду. Она знала семейство Логги, и предостерегала Дженни, чтобы она не слишкомъ вѣрялась старикамъ, говоря, что они рады своихъ обобратъ и не прочь выдать ихъ головою лишь-бы только снять милость полиціи. Она знала мать и отца Дженни, знала «сухорскаго Джокя» и его брата, сосланнаго въ каторгу на четырнадцать лѣтъ; оба брата, по ея словамъ, гроша мѣднаго не стоили, и чѣмъ скорѣебы Дженни развязалась съ Джокемъ, тѣмъ для нея же было-бы лучше; наконецъ она выражала сожалѣніе, что Дженни еще слишкомъ молода и не можетъ быть ей товарищемъ; (обѣ онѣ должны были выйти изъ тюрьмы приблизительно въ одно и то же время.)

Въ этихъ разговорахъ проходила половина ночи. Языкъ Елизаветы Гарберъ работалъ не умолкая; сама она страдала бессонницей, а потому и подругѣ своей не давала спать. Случалось такъ, что Дженни засыпала подъ сильнѣйшій шопотъ старухи и, проснувшись нѣсколько часовъ спустя, слышала все тотъ же шопотъ, зловѣщимъ образомъ раздававшійся въ темнотѣ.

Гарберъ не вѣрила въ существованіе добра въ мірѣ; все дѣлается на свѣтѣ, говорила она, изъ за денегъ, всѣ люди на одинъ покрой.

— Надо же намъ чѣмънибудь жить, говаривала она. Если другіе могутъ спокойно видѣть, какъ мы умираемъ съ голоду и не хотятъ намъ давать денегъ, то мы сами должны о себѣ позаботиться. Дай-ка намъ съ тобою сто фунтовъ годоваго дохода да хорошую квартиру, и мы заживемъ честно, и будемъ въ церковь ходить каждое воскресенье. Мы вишь народъ отпѣтый, такъ намъ нѣтъ другого выбора: или голодай, или воруй. По мнѣ лучше воровать.

Такъ прошли двадцать дней заключенья; они, само собою разумѣется, не могли способствовать исправленію Дженни. Выходъ изъ тюрьмы она надавала кучу обѣщаній, про которыя, минутою спустя, уже забыла думать. Прямо изъ тюрьмы она от-

правилась въ семейство Логги, гдѣ ея приняли хорошо и оспыпали вопросами о томъ, какъ она поживала въ тюрьмѣ, кого тамъ встрѣтила и не знаетъ ли чего о Мери. На послѣдній вопросъ Дженни не могла отвѣчать утвердительно. Въ свою очередь она осведомилась о Джонѣ Еанѣ, но никто не могъ ничего сказать о немъ, да имъ мало и интересовались у Логги.

— Онъ не изъ нашихъ, замѣтилъ старикъ Логги; онъ воображаетъ, что слишкомъ уменъ для насъ. Но для Дженни самая свобода утратила безъ него половину своей прелести, и она блуждала по улицамъ, отыскивая его повсюду. Домъ, въ которомъ ее арестовали, подвергся обыску, но Еана въ немъ уже не было. Отъ знакомыхъ, которыхъ она встрѣчала на улицѣ, она слышала мало хорошаго; но жкъ отзывамъ должно было полагать, что Еанъ опять связался съ этими Фрезеръ, до крайней мѣрѣ его постоянно видали съ ними вмѣстѣ; впрочемъ, быть можетъ, онъ искалъ только развлечения, въ ожиданіи пока Дженни высидитъ свой срокъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно было то, что онъ не покидалъ Глазгова.

Полунегодующая, полуопечаленная, эта женщина — ребенокъ возвратилась къ своимъ пріятелямъ Логги и провела у нихъ остатокъ вѣчера. Если Еанъ не разлюбилъ ее, думала она, онъ не забудетъ день ея освобожденія и придетъ ее провѣдать. Логги воспользовался этимъ вечеромъ, чтобы покончить съ ней денежные счета и вручилъ ей сумму, приходившуюся на ея долю изъ денегъ, которыя она украла у туриста въ Солтъ-Маркетѣ.

Дженни была въ своемъ родѣ добродушная дѣвушка и легко поддавалась на ласку. Окруженная снова знакомыми лицами, она чувствовала себя почти дома. Ей замѣнили, что не мѣшало бы ей, на радостяхъ освобожденія, угостить всю честную компанію водкой.

Затѣялась попойка, а за тѣмъ начались хохотъ, бранныя слова и всякія безчинства. Все общество тружило надъ привязанностью Дженни къ Джону Еану и совѣтовало ей бросить его и смсать себѣ кого нибудь почище. Дженни смѣялась, плакала и, выпивая стаканъ за стаканомъ, совѣмъ обезумѣла и проутощала всѣ свои деньги на негодовья, которыя называли себя ея друзьями; имя Джона Еана не сходило у нея между

тѣмъ съ языка и она все толковала о томъ, что не любить его нисколько и проживеть безъ него какъ нельзя лучше.

И такъ существуетъ не одна Дженни Камеронъ и не одинъ Джонъ Еанъ, но около ста сорока тысячъ юныхъ преступниковъ, которые обучаются преступленію какъ ремеслу во всѣхъ городахъ Великобританіи.

ГЛАВА XIII.

Примиреніе съ Джономъ Еаномъ.

На слѣдующій день Дженни Камеронъ проснулась съ страшной головной болью и въ уныломъ расположеніи духа, причиною котораго была отчасти вчерашняя попойка, отчасти же измѣна Джона Еана.

— Попробоваль бы какой мужчина со мною такую штуку удрать, сказала ей одна изъ старшихъ сестеръ Мери. Ужъ я бы отплатила ему, рано или поздно, а отплатила бы. Я бы нежданно-негаданно удружила ему и онъ бы посидѣлъ у меня годикъ, другой въ тюрьмѣ.

Мысль о мщеніи не приходила еще до сихъ поръ въ голову Дженни, но совѣтъ не пропасть даромъ; онъ припомнился ей въ позднѣйшую, еще болѣе мрачную пору ея жизни; теперь же она еще не теряла надежды, что Джонъ Еанъ окажется не совсѣмъ виноватымъ; вѣдь то, что она слышала о немъ, было передано, его врагами людьми, къ которымъ у него, по собственнымъ его словамъ, никогда не лежало сердце. Весь этотъ день она провела, отыскивая его, и къ вечеру таки нашла въ Гай-Стритѣ. Оскорбленная и негодующая, она встрѣтила его цѣлымъ градомъ упрековъ за то, что онъ забылъ и думать о ней въ прошлый вечеръ и не пришелъ ее провѣдать на дому у Логги.

Еанъ сталъ завѣрять ее самыми страшными клятвами, что обчелся днемъ ея освобожденія, и Дженни, нѣсколько успокоенная такимъ энергическимъ протестомъ, удостоила выслушать его дальнѣйшія объясненія. Тѣмъ не менѣе отношенія его къ сестрамъ Фрезеръ, къ Аннѣ Фрезеръ въ особенности, остались

не вполне объясненными, хотя онъ и повторилъ съ новою клятвою, что до Анны ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Они зашли вмѣстѣ въ кабакъ и выпили по стакану водки, затѣмъ отправились въ особаго рода вокальный концертъ, дававшийся въ пользу одного вора, схватившаго тифъ и лишеннаго такимъ образомъ возможности промыслять. У преступной братьи есть свои любимцы, въ пользу которыхъ иногда затѣваются подобные бенефисы; собранные деньги идутъ на то, чтобы не впускать волка въ овчарню, т. е. чтобы отвязаться на нѣскольکو недѣль отъ сборщика квартирной платы. Эти вокальные концерты носятъ на себѣ отпечатокъ публики, посѣщающей ихъ: дверь запирается для постороннихъ посѣтителей; на сцену является водка, избирается предсѣдатель, начинается буйная оргія и раздается дружнымъ гуломъ какал-нибудь скандальная пѣсня. На этомъ-то концертѣ произошло окончательное примиреніе между Дженни Камеронъ и Джономъ Еаномъ; они обмѣнялись клятвами въ вѣчной вѣрности и принялись строить различные планы для будущаго.

Рѣшено было, что Дженни немедленно оставить квартиру Логги и что они попытаются снять коморку. У Дженни было довольно денегъ, чтобы внести квартирную плату за двѣ недѣли впередъ, а этого, на первый разъ, было довольно.

И такъ, они наняли крошечную комнату на верху пятиэтажнаго дома въ Ольдъ-Уиндѣ, въ такомъ мѣстѣ, которое и до сихъ поръ пользуется особеннымъ расположеніемъ воровъ. Въ этой-то комнатѣ они стали жить какъ могли, въ ожиданіи «счастливаго случая,» который все еще не представлялся. Всѣмъ, казалось, везло счастье, только имъ однимъ ни въ чемъ не было удачи.

Прежде нежели Дженни Камеронъ побывала въ Глазговской тюрьмѣ, она и не подозрѣвала, что дѣлаетъ дурно; теперь ей изрѣдка вспоминались слова тюремнаго священника, но не вызывали въ ней ни малѣйшаго раскаянья. Вѣдь священникъ за то и деньги получалъ, думала она, чтобы всѣмъ читать нравоученія.

Не весело жилось Дженни Камеронъ на ея новой квартирѣ. Вѣчный страхъ попасться подъ судъ, почти постоянное безденежье, вотъ изъ чего слагается жизнь воровъ по ремеслу. Лег-

ко добытыя деньги такъ же легко проживаются, какъ и наживаются, а въ промежуткѣ между двумя получками приходится просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

— Я не запомню ни одного свѣтлаго дня во всей своей жизни, признавалась Дженни Камеронъ много лѣтъ спустя.

Правда между ворами встрѣчаются и такіе, которые копятъ деньги, кладутъ ихъ въ банкъ и запасаютъ себѣ копѣйку на черный день, но они составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Дженни Камеронъ нашла себя вынужденной пускаться постояльцевъ въ свою комнату, комнату, имѣвшую не болѣе восьми футовъ длины и пяти ширины; постояльцы эти были такія же дѣти, какъ и она сама, одинаковаго съ ней закала. Вскорѣ этотъ притонъ сдѣлался хорошо извѣстенъ полиціи; она заглядывала въ него каждый разъ, какъ производила розыскъ по какой нибудь мошеннической продѣлкѣ, приписываемой малолѣтку.

Камеронъ болѣе уже не ходила на бумагопрядильную фабрику. При большомъ спросѣ на рабочія руки, не слишкомъ строго справляются о нравственности работника; но про Дженни Камеронъ ходила уже слишкомъ худая молва.

— Меня ославили за величайшую негодницу въ цѣломъ Глазговѣ, говаривала она, прежде чѣмъ я заслужила это, тогда какъ было много и другихъ гораздо хуже меня.

Дженни Камеронъ было уже около четырнадцати лѣтъ, когда она вторично была призвана въ качествѣ подсудимой въ Глазговскій полицейскій судъ. Счастье везло имъ съ Еаномъ по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи: они ускользали отъ рукъ полиціи. Еанъ не иначе запуская руки въ чужіе карманы, какъ рассчитывая на вѣрный успѣхъ. Товарищи говаривали о немъ, что онъ черезъ чуръ уже остороженъ и черезъ это упускаетъ не одну поживу. Еанъ зналъ, что если онъ еще разъ попадетъ въ руки правосудія, то не миновать ему приговора на долгій срокъ. Дженни Камеронъ, съ своей стороны, помнила свое пребываніе въ Глазговской тюрьмѣ и держалась на сторожѣ. Благодаря этой осторожности, карманы ихъ оставались пусты, и они съ трудомъ перебивались. Доходы ихъ за послѣднее время были очень незначительны и едва-едва

спасали ихъ отъ крайнихъ лишеній. Обстоятельство это дѣлало Джона Еана угрюмымъ и недовольнымъ. Въ счастья юноша этотъ былъ довольно добрый малый; въ бѣдѣ—сущій демонъ; но всегда и вездѣ мертвящее себялюбие и неблагодарность были отличительными чертами его характера.

— Я часто сама дивилась, за что это я только его люблю, рассказывала Дженни; онъ меня не въ грошъ не ставилъ и сплошь да рядомъ таскался съ другими дѣвками. Я одна только и любила Джона Еана.

Невѣрность Джона часто служила поводомъ къ ссорамъ, оканчивавшимся дракою; Джонъ Еанъ подъ сердитую руку любилъ давать волю кулакамъ и безцеремонно ставилъ фонари подъ глазами Дженни.

Дженни Камеронъ переносила побои и оставалась по прежнему вѣрна ему; она исполняла всѣ его приказанія, крала для него, рыскала ночью по улицамъ, отыскивая ратовѣвъ, въ карманы которыхъ можно было бы запустить руку; словомъ, дѣлала все чтобы угодить ему.

Въ этотъ годъ ее постигло несчастье, виновникомъ котораго былъ Еанъ: онъ то и дѣло попрекалъ ее, что она ничего не дѣлаетъ для покрытія общихъ расходовъ и всю работу сваливаетъ на него; онъ грозился оставить ее, если она будетъ продолжать лѣниться. Джонъ былъ даже згѣе обыкновеннаго, потому что у нихъ не было топлива, въ шкапу было пусто и деньги всѣ вышли. Выгнанная на улицу раздобыться во что-бы-то ни стало деньгами, она сдѣлала попытку карманной кражи, но ее поймали на мѣстѣ преступленія и отправили въ полицію.

То была ея вторичная поимка и полицейскій судья приговорилъ ее къ восьми-дневному тюремному заключенію съ тяжелою работою. Мери-Логги, съ которою она была по прежнему дружна, присутствовала въ судѣ при ея допросѣ; но Джона Еана на этотъ разъ не было. Когда былъ произнесенъ приговоръ, Мери печально взглянула на свою подругу; она помнила свое собственное восьми-дневное заключеніе и сочувствовала Дженни. Между этими дѣвушками существовала истинная дружба; подобнаго рода привязанность вовсе не рѣдкость между Записными воровками.

ГЛАВА XII.

Предательство.

Когда Дженни Камеронъ вторично вошла въ Глазговскую тюрьму, ее помѣстили въ отдѣльную келью. Въ первый день заключенія ей былъ пріятенъ переходъ отъ суеты и шума уиндскаго вертепа къ одиночеству. Чистая коморка такъ рѣзко отличалась отъ душной и тѣсной комнаты, служившей ей передъ тѣмъ жилищемъ. Оставивъ Джона Еана въ гнѣвѣ, она съ болѣзненнымъ наслажденіемъ думала, какъ онъ будетъ теперь расказываться въ своемъ обращеніи съ нею и тосковать въ разлукѣ. Но на слѣдующій-же день ея мысли приняли другой оборотъ; сознание, что она далеко отъ него и отлучена отъ всего свѣта на цѣлыхъ восемь дней, не давало ей покоя. «Что-то онъ будетъ дѣлать, съ кѣмъ-то онъ будетъ коротать время этой долгой разлуки? Онъ безъ сомнѣнія найдетъ кѣмъ замѣнить ее, свяжется съ одной изъ этихъ Фрезеръ и забудетъ ее; а тогда что станетъ съ нею?»

Келейная система оказала свое дѣйствіе на Дженни Камеронъ. Она имѣла полный досугъ предаваться своимъ мыслямъ за щипаніемъ пеньки; одно время ее заставляли исполнять еще болѣе тяжелыя работы, но ее внезапно оставили отъ нихъ, послѣ того какъ докторъ предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, открывшихъ передъ ней новый, ослѣпляющій свѣтъ; она уже и прежде начинала кое-о-чемъ догадываться, но докторъ превратилъ эти догадки въ положительную увѣренность. Черезъ шесть мѣсяцевъ ей предстояло сдѣлаться матерью.

Она не знала смѣяться ей или плакать; докторъ пробормоталъ про себя: «бѣдное дитя, бѣдное дитя», какъ-будто тутъ въ самомъ дѣлѣ было надъ чѣмъ плакать; потомъ онъ вышелъ, и она осталась одна съ своей глубокой думой.

Высидѣвъ свои 60 дней заключенія Дженни оставила глазговскую тюрьму, обѣщаясь исправиться на будущее время, но не долго устояла она въ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ. На улицѣ ея дождалась Мери Логги и поспѣшила извѣстить ее обо всемъ случившимся въ ея отсутствіе. Дженни Камеронъ была рада видѣть Мери; она пожимала ей руки, цѣловала ее и даже поплакала немного при этомъ свиданіи.

— Какъ ты поблѣднѣла, Дженни, замѣтила Мери, ты вѣрно была больна?

— Нѣтъ, ничего.

— А я вотъ все тебя здѣсь поджидала.

— Ну, спасибо тебѣ.

Дженни Камеронъ при выходѣ изъ тюрьмы получила адресъ одной почтенной женщины, начальницы пріюта для освобожденныхъ арестантокъ. Но встрѣча съ Мери уже успѣла смутить ее; она была тронута очевиднымъ участіемъ къ ней Мери. Запрятавъ адресъ поглубже къ себѣ въ карманъ, она освѣдомилась про Джокъ.

— Не стоитъ твой Джокъ и твоего стараго башмака, отвѣчала Мери.

— Я и сама думаю разъ навсегда съ нимъ развязаться, сказала Дженни; но, скажи, что онъ такое опять надѣлалъ?

Мери успѣшила выгрузить весь запасъ новостей. Обозначилось, что Джокъ Еанъ промышлялъ по прежнему, но ему не везло и полиція давно уже подъ него подкапывалась. Онъ оставилъ свою старую квартиру и поселился вмѣстѣ съ сестрами и братьями Фрезеръ, жившими тутъ же по сосѣдству; потомъ онъ съ Анною Фрезеръ снялъ комнату, или вѣрнѣе вошелъ въ долю съ другой парой, заводившеюся тоже своимъ домкомъ. И такъ, Дженни Камеронъ была совершенно покинута.

— Я всегда говорила тебѣ, чтобы ты не связывалась съ этимъ подлецомъ, воскликнула Мери Логги.

Это извѣстіе вызвало у Дженни Камеронъ взрывъ негодованія; хотя она и рѣшилась порвать всѣ сношенія съ Джокомъ Еаномъ, тѣмъ не менѣе обидно было видѣть, что онъ предупредилъ ее прежде чѣмъ она успѣха извѣститъ его о своемъ намѣреніи. Во что бы то ни стало, она рѣшилась отплатить ему той же монетой.

Обѣ дѣвушки вошли въ кабакъ и выпили по чарочкѣ на радостяхъ свиданія. Дженни наслѣдовала отъ матери страсть къ водкѣ и, въ тревожномъ состояніи духа, постоянно искала въ ней утѣшенія.

Пока онѣ пили, къ нимъ подошелъ Логги отецъ, поздоровался съ Дженни и поздравилъ ее съ выходомъ изъ тюрьмы; эта новая встрѣча растрогала ее и заставила еще разъ всплак-

путь. Затѣмъ она еще выпила водки, и, зарыдавъ, рассказала имъ, какъ она рѣшилась было исправиться и вступить въ пріютъ арестантокъ; по этому поводу было много смѣха между ея собутыльниками; немного спустя Дженни стала вторить ихъ смѣху и говорила, что все это было такъ только, шутка.

Логги пригласилъ Дженни къ себѣ на квартиру и она рѣшилась остаться у него на тѣхъ же разорительныхъ для нея условіяхъ, какъ и прежде, пока не найдетъ случая устроиться къ нибудь иначе.

Но настали и для Логги черные дни; Дженни не пробыла у нихъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ все ихъ семейство принуждено было разбрестись въ разные стороны, сыщики перехитрили таки Логги съ женою, и супруги отправились въ Глазговскую тюрьму.

Въ эти три мѣсяца Дженни снова принялась за воровство. Умудренная опытомъ, она была чрезвычайно осторожна въ этомъ дѣлѣ и скорѣе, чѣмъ отважиться на какую нибудь смѣлую продѣлку, предпочитала голодать. Она болѣе чѣмъ когда нибудь боялась попасть въ тюрьму; но страшало ее не самое наказаніе, а одиночество.

Мери Логги, она и еще третья дѣвушка, по имени Кларсонъ, сняли коморку въ Новомъ Веннелѣ и стали промышлять всѣми безчестными способами поживы, какіе только имъ представлялись.

Между тѣмъ до Дженни часто доходили вѣсти про Джона Еана; порой она встрѣчалась съ нимъ на улицахъ, но хранила въ отношеніи его упорное молчаніе. Передъ нею былъ отецъ ея новорожденнаго ребенка, но она не могла забыть, что онъ нанесъ ей обиду. Онъ будто на смѣхъ прогуливался передъ нею съ своей новой дѣвкой, «и эта дѣвка подсмѣивалась надъ Дженни, и дивилась»: изъ за чего это она только ломается, какъ будто она могла ожидать чего иного. О любви Дженни Камеронъ не было и помину, но ревность пережила любовь.

Она не пробыла и мѣсяца въ Новомъ Веннелѣ, какъ Еанъ, вѣрный своей привычкѣ мѣнять то и дѣло квартиру, тоже переселился туда съ своей любовницей. Обстоятельство это привело обѣихъ женщинъ въ безпрестанное сопрیکосновеніе и дало поводъ къ непрерывнымъ ссорамъ между ними.

Между тѣмъ въ Веннелѣ случился грабежъ, жертва котораго, вырвавшись, отправилась въ полицію и дала показанія до того обстоятельныя, что подозрѣнiе пало прямо на Еана. Джонъ скрылся прежде, чѣмъ его призвали къ допросу и сдѣлался предметомъ тщательныхъ розысковъ.

Соперница Дженни, Анна Фрезеръ, не была замѣшана въ это дѣло; ея даже вовсе не было въ Веннелѣ во время совершенiя грабежа. Чтобы отвести глаза полиціи относительно мѣстопребыванія Джока, она осталась на прежней квартирѣ и на всѣ распросы о немъ отговаривалась совершеннымъ незнаніемъ.

Эта женщина и Дженни часто встрѣчались на общей лѣстницѣ; отсутствіе Еана не примирило ихъ, и между ними продолжались прежнія ссоры при каждой встрѣчѣ.

Съ исчезновеніемъ Джока, Дженни представился новый поводъ уколоть свою соперницу.

— Ты больше не увидишь Еана, Анна; онъ и тебя такъ же броситъ, какъ и меня.

— Ну, нѣтъ, онъ слишкомъ меня любитъ.

— Онъ при первомъ же случаѣ наостритъ лыжи изъ Глазгова, а тамъ, поди-ка, вероти его.

— Стану я хлопотать, чтобы воротить его.

— Можетъ статья, ты знаешь, гдѣ онъ теперь?

— А еслибъ я знала, такъ неужели я сказала бы тебѣ.

— Полно тебѣ врать-то! Джони Еанъ не такъ простъ, чтобы довѣряться подобной бабѣ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ-то онъ довѣрится.

Самоувѣренный тонъ Анны Фрезеръ еще больше раздражилъ Дженни, и между ними завязалась перебранка, которую Анна Фрезеръ круто прервала, хлопнувъ соперницѣ прямо подъ носъ дверь.

Въ слѣдующую субботу вечеромъ молодыя дѣвушки снова встрѣтились въ Солтъ-Маркетѣ. Субботній вечеръ въ Глазговъ искони отдается пьянству, по преимуществу всѣми тѣми бѣдняками, которые чувствуютъ болѣзненное, быть можетъ, влеченіе къ водкѣ. Анна Фрезеръ и Дженни встрѣтились у прилавка кабака; Мери Логги сдѣлала легкую попытку примирить

ихъ. Быть можетъ, эта попытка и удалась бы, если бы Анна не была въ особенно хвастливомъ расположеніи духа.

Она стала хвастаться своимъ необыкновеннымъ счастіемъ, говоря, что ей можно сидѣть сложа руки, потому что у нея есть пріятель, который ее прокормитъ, у пріятели этого такая голова, что онъ нигдѣ не пропадетъ и проведетъ кого угодно. Потомъ она предложила выпить за его здоровье, если только у Дженни станетъ на это духу.

Дженни объявила, что у нея на все станетъ духу, и такъ было выпито за здоровье «хурскаго Джока». Воспоминаніе этого имени растравило старую рану, и между обѣими женщинами завязалась снова ссора. Дженни задѣла Анну Фрезеръ, объявивъ, что она ровно ничего не знаетъ о Джокѣ Еанѣ, потому что не тотъ онъ человѣкъ, чтобы довѣриться подобной шлюхѣ. Анна Фрезеръ въ припадкѣ неудержимаго бѣшенства выболтала мѣстопробываніе своего «милаго дружка» и добавила, что Дженни, коли ей угодно, можетъ сама пойти и удостовѣриться въ истинѣ ея показанія. Ссора кончилась только благодаря вмѣшательству добрыхъ пріятелей, которые обступили обѣихъ соперницъ и развели ихъ въ разные стороны.

Дженни Камеронъ, пьяная и раздраженная, добрела кое-какъ до своего чердака и присѣла на большой камень, служившій ей скамьею. Мери Логги не приходила еще домой и она очутилась одна, лицомъ къ лицу съ своими мыслями. — Въ этотъ вечеръ, рассказывала она сама впоследствии, обида ея предстала передъ ней въ ужасающихъ размѣрахъ; умъ ея помутился и сердце билось тревожно. Жажда мщенія проснулась въ ней съ обновленною силою. Выпивъ на этотъ разъ менѣе, чѣмъ Анна Фрезеръ, она оставалась въ полной памяти и отлично запомнила адресъ Джока: она знала, что теперь въ ея власти отплатить ему за скверную шутку, которую онъ сыгралъ съ ней. Она уже давно дала себѣ слово отомстить ему при первомъ удобномъ случаѣ, а другаго такого удобнаго случая могло и не представиться. Въ нерѣшимости какъ ей поступить, она спустилась по темной лѣстницѣ и пошла бродить по улицамъ. Тутъ ей встрѣтился одинъ знакомый сыщикъ и остановился поболтать съ нею.

Сыщики соблюдаютъ неизмѣнную пріивѣтливость въ отно-

шеніи уличныхъ бродягъ; отъ этихъ бродягъ можно многое узнать, и потому вѣдливость съ ними соблюдается не безъ задней мысли,

— Здравствуй, Дженни.

— Здравствуй, Робертъ.

— Какъ живешь—можешь?

— Ничего, понемногу.

— Гдѣ твой Джокъ? Куда ты его припрятала?—Вопросъ этотъ былъ предложенъ въ шутку, потому что сыщикъ былъ почти увѣренъ, что Дженни Камеронъ не посвящена въ эту тайну.

Дженни обидѣлась этимъ вопросомъ.

— А ты думаешь, я не сумѣю тебѣ сказать, гдѣ онъ скрывается?

— Конечно не сумѣешь.

Сыщика поразило что-то двусмысленное въ отвѣтъ Дженни, онъ постарался вывѣдать отъ нея правду. Не выпей она въ тотъ вечеръ водки, ему бы ничего не удалось отъ нея узнать; но хмѣль поддерживалъ въ ней жажду мщенія, а сыщикъ умѣлъ затронуть въ ней самыя чувствительныя струны. Она еще находилась въ нерѣшимости, какъ ей поступить, но онъ разсказалъ ей, какъ Джокъ Еанъ подсмѣивался надъ нею во время ея заключенія и даже до этого времени поддерживалъ тайныя отношенія съ Анною Фрезеръ.

Дженни не утерпѣла и открыла ему то, что узнала отъ Анны Фрезеръ о мѣстѣ пребыванія Еана, она подробно указала улицу и домъ, и сыщикъ немедленно бросился по указанному слѣду.

«Проговорившись ему, рассказывала Дженни, я прислонилась къ углу одного дома и горько заплакала.» Она кинулась въ догонку за сыщикомъ, чтобы упросить его не трогать Джокъ. Потомъ она побѣжала въ тотъ кварталъ, гдѣ скрывался Джокъ, и притаилась, выжидая случая пробраться къ нему на квартиру и предупредить его объ угрожающей опасности. Но тайное предчувствіе говорило ей, что полиція уже нагрянула и что теперь бѣдѣ уже не миновать. Она осталась около его дома дожидаться развязки.

Вскорѣ послышались шаги спускавшихся по лѣстницѣ;

изъ темной берлоги вышли сыщикъ, констебль и Еанъ, и направились по дорогѣ къ полицейскому бюро. Не имѣя духу слѣдовать за ними, она воротилась домой оплакивать свой проступокъ.

Дженни чувствовала въ эту минуту, что въ ней нѣтъ болѣе ненависти къ Джону Еану; она охотно согласилась бы умереть, чтобы возвратить ему свободу.

«Не потому чтобы я любила его по прежнему, а потому что ужь очень нехорошо я поступила съ нимъ». Когда Мери Логги возвратилась домой, она застала свою подругу въ большемъ горѣ. Дженни упорно отказывалась ей сказать въ чемъ дѣло, но въ свое время истина вышла наружу, и Мери нашла, что Еану досталось по дѣломъ.

Но Дженни не раздѣляла ея мнѣнія. Суевѣрная подобно большинству необразованныхъ людей, она всѣ свои послѣдующія несчастія принимала какъ кару божію за свой предательскій поступокъ въ отношеніи Джога.

Съ этой минуты мы должны распрощаться съ юнымъ преступникомъ. Дженни Камеронъ присутствовала при его процессѣ; онъ былъ осужденъ на семилѣтнюю ссылку. О томъ, что случилось съ нимъ по истеченіи срока наказанія, до меня не дошло никакихъ извѣстій.

ГЛАВА XIII

РОЖДЕНІЕ РЕВЕНГА.

Дженни Камеронъ никогда не могла простить себѣ своего предательства. Воры рѣдко выдаютъ другъ друга; у нихъ есть свои понятія о справедливости, свои законы чести, въ нарушеніи которыхъ горько раскаивалась Дженни.

Время родовъ быстро приближалось для Дженни Камеронъ, а счастье по прежнему отказывало ей въ успѣхѣхъ воровскаго промысла. Въ послѣдній мѣсяцъ беременности у нея почти не хватало силъ выходить на улицу, тогда какъ одною улицею поддерживалось ея существованіе, дома же грозила ей голодная смерть. Дженни снова стала съ ужасомъ думать о возможной смерти, но самый процессъ мышленія при ея обстоятельствахъ

былъ нестерпимою мукою, и ей начинало казаться, что лучше всего умереть разомъ, не думая о смерти.

Къ чести Мери Логги надо сказать, что она не покидала Дженни Камеронъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, хотя, что до нея касалось, ей гораздо было бы выгодноѣ переселиться къ сестрамъ, которымъ везло за послѣднее время. Когда Дженни была не въ состояніи выходить изъ дому, она крала, просила милостыню и брала взаймы для двоихъ; она стирала, стряпала, бѣгала по дѣламъ, наконецъ пріискала старуху, которая взялась замѣнить повивальную бабку, когда для Дженни настанетъ рѣшительная минута.

Но прежде чѣмъ рѣшительная минута настала, сборщикъ квартирной платы отказался держать ихъ въ Веннелъ, и обѣ молодыя дѣвушки принуждены были искать себѣ другое убѣжище. Одна нищенка-ирландка согласилась пустить ихъ къ себѣ въ домъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Нищенка эта занимала даровую квартиру въ полуразвалившемся домѣ, отъ котораго владѣлецъ отступился, чтобы не расходоваться на его починку. Дома подобнаго рода были вовсе не рѣдкость въ Глазгоу лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ. Бѣднѣйшіе классы населенія, обрадованные возможностью не платить денегъ за квартиру, располагались въ нихъ на жительство, пока не приходило распоряженіе сломать домъ или смерть не упразднила мѣсто одного изъ жильцовъ. Въ послѣднемъ случаѣ слухъ объ открывающейся ваканціи быстро разносился по сосѣдству, и толпа новыхъ жильцовъ тѣснилась на дворѣ и на гѣстницѣ, въ ожиданіи пова настоящій жилецъ испуститъ духъ; нерѣдко умирающаго уговаривали за деньги уступить свое мѣсто еще при живци. Въ этомъ-то убѣжищѣ, окруженная ирландцами, изъ которыхъ преимущественно состояло населеніе этихъ даровыхъ квартиръ,—несчастливая дѣвушка ожидала рожденія своего ребенка. Мысль объ этомъ ребенкѣ мало заботила ее въ ту пору; она слишкомъ боялась за себя, со всею страстною привязанностью молодости она дорожила жизнію, которая, между тѣмъ, ничего не сулила ей кромѣ страданій и позора.

Нищенка была большимъ утѣшеніемъ для нея въ эту пору ея жизни; она поддерживала въ ней бодрость духа, не при-

давая особенной важности ожидаемому событію;—большинство ирландцевъ, безъ различія званія, отличаются добродушіемъ. Мери Логги, между тѣмъ, ходила туда-сюда, чтобы достать денегъ и хлѣба; иногда это ей удавалось, иногда же она возвращалась съ пустыми руками.

— Что-то будетъ съ нами? проговорила Дженни однажды ночью. Напрасно я не пошла въ рабочій домъ.

— Ну нѣтъ, ужъ лучше все перенести, чѣмъ идти въ рабочій домъ, отвѣчала Мери, которой это учрежденіе было ненавистно, какъ и большей части воровъ.

Нищенка была того мнѣнія, что всего лучше для Дженни украсть что нибудь, чтобы ее отправили въ тюрьму. Мери была того-же мнѣнія; но, какъ ни соблазнительна тюремная жизнь для бездомныхъ бѣдняковъ, Дженни охотиѣ согласилась бы умереть голодною смертію, чѣмъ хладнокровно совершить преступленіе съ нарочною цѣлью попасть въ тюрьму. Такъ перебивалась она, какъ настала роковая минута, и у нея родился ребенокъ. Ей казалось, что настала ея послѣдній часъ, и у нея вырвалось горькое сожалѣніе о прошлой жизни. Но повивальная бабка и нищенка стали увѣрять ее, что все идетъ отлично и что недѣли черезъ двѣ она встанетъ на ноги. «Въ ту ночь мнѣ было не до ребенка, рассказывала она, за то на другой день я страшно полюбила его».

Въ ней заговорило материнское чувство къ ребенку, рожденному при такой мрачной обстановкѣ; беспомощная и печальная, она привязалась къ нему, какъ къ единственной надеждѣ, озарившей ея жизнь.

Страшныхъ усилій стоило ей бороться съ нуждою на этой бесплатной квартирѣ; нужда эта была такъ велика, что даже ее, выдавшую на своемъ вѣку не одинъ черный день, приводила въ содроганіе. Однажды ей пришлось цѣлыхъ двадцать четыре часа пробыть безъ пищи, и она начала опасаться, что ей съ ребенкомъ придется умереть съ голоду въ этомъ большомъ и многолюдномъ городѣ.

Но ирландцы, скучившіеся въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ, знали о ея положеніи и помогали ей кто чѣмъ могъ. Населеніе это состояло преимущественно изъ нищихъ съ небольшою

примѣсью воровъ: сочувствіе женской половины его было живо затронуто бѣдственнымъ положеніемъ молодой дѣвушки.

Онѣ провѣдывали ее въ комнатѣ, гдѣ она валялась съ своимъ ребенкомъ на кучѣ стружекъ, болтали съ нею, старались ободрить ее надеждою скорого выздоровленія; кто приносилъ ей немного рыбы, урѣзанной отъ собственнаго скуднаго обѣда, кто—чашку молока. Нищенки щедро удѣляли ей отъ сухихъ корокъ, собранныхъ въ теченіе долгаго деннаго обхода. Тѣмъ не менѣе Дженни туго поправлялась; прошло двѣ недѣли, а она едва еще могла высидѣть нѣсколько часовъ въ теченіи дня на своей постели. Ея сосѣдки ирландки дивились, что она такъ долго нѣжится; съ нихъ двухъ недѣль было за глаза достаточно, чтобы оправиться и приняться за работу. Самый ребенокъ былъ очень слабъ и безпокоенъ; онѣ отчаянно держался за только-что данную ему жизнь, но борьба была трудная, а силы у него было мало.

Дженни привязалась къ нему безумною любовью; то была ея первая привязанность въ жизни, если не принимать въ соображеніе ея чувство къ бродягѣ Еану; страхъ потерять ребенка доводилъ ее до отчаянія.

Мери Логги, исполнявшая около нея должностъ сидѣлки и помогавшая ей въ то же время ходить за ребенкомъ, была очень внимательна къ ней, но мало входила въ ея чувства; она никакъ не могла понять, съ чего это Дженни такъ хочется, чтобы ребенокъ ея жилъ.

— Боюсь, что тебѣ съ нимъ будетъ много хлопотъ, говорила она; что ты подѣлаешь съ этою обузою, когда поправишься?

— А что дѣлаютъ другія?

— Другія тебѣ не примѣръ; онѣ не такъ молоды, не такъ бѣдны, не такъ безпомощны, какъ ты.

— Это-то правда.

— И я такъ думаю, что, право, бѣда не велика, если онѣ и умрутъ; оно даже будетъ къ лучшему.

— Ахъ, не говори такъ, Мери!

Мери, быть, можетъ, была и права, но отъ этой безпощадной философіи вѣяло на Дженни холодомъ, и она упорно отвергала ее. Какое ей было дѣло до будущаго? Она не думала

о томъ, что станется съ ея ребенкомъ и чѣмъ она его прокормить; она знать ничего не хотѣла, кромѣ своей любви къ нему; прижимая къ себѣ это маленькое существо, она чувствовала, что не такъ одинока въ жизни, какъ прежде.

Отъ словъ Мери кровь стыла у нея въ жилахъ, но привязанность ея становилась еще сильнѣе. Нищенка была одного мнѣнія съ Мери, и Дженни горько плакала, видя что всѣ противъ нея и никто не хочетъ оказать ласки ея малюткѣ.

Прошло три недѣли, а Дженни все еще не поправлялась; по прошествіи мѣсяца она едва еще держалась на ногахъ. Однажды она съ ребенкомъ на рукахъ попробовала сойти въ тѣсный дворъ и подышать свѣжимъ воздухомъ, т. е. тѣми скудными струями свѣжаго воздуха, которыя проходили между пятиэтажными домами, тѣснившимися на разстояніи пяти футовъ другъ отъ друга; неимовѣрныхъ усилій стоило ей снова взобраться по лѣстницѣ на свой чердакъ.

Но волей-неволей она должна была снова приняться за работу. Она была кругомъ въ долгу, и становилась въ тягость тѣмъ добрымъ людямъ, которые сжалились надъ ней. Однажды, когда она уже начинала считать себя здоровою, Мери пропала цѣлый день, и вечеромъ не воротилась домой. Она обыкновенно приходила рано, и часамъ къ тремъ утра отсутствіе ея начало тревожить Дженни.

— Я пойду справиться о ней въ полицію, сказала она наконецъ.

Старая нищенка крикнула на нее, чтобы она задала себѣ оставалась дома, и снова заснула, бормоча о томъ, что съ Мери никакой бѣды не случилось. Но Дженни не спалось; какое-то предчувствіе говорило ей, что подруга ея промахнулась; она встала, взяла на руки своего ребенка и, прикрывъ его платкомъ, босая отправилась въ полицейское бюро, дорога къ которому была ей слишкомъ хорошо извѣстна.

Въ бюро, не смотря на ночное время, шла дѣятельная работа, перья писцовъ неумолкаемо скрипѣли на бумагѣ.

— Позвольте узнать, сэръ, не здѣсь ли Мери Логги?

— Кто такая?

— Мери Логги.

Дежурный клеркъ, обязанностью котораго было отвѣчать

на подобаго рода вопросы, медленно перевернулъ листъ въ своей книгѣ и отвѣчалъ: «Да».

— Въ чемъ она обвиняется, сэръ?

— Въ карманной кражѣ.

Дженъ Камеронъ тихо вышла на улицу, крѣпко прижимая къ груди своего ребенка. Мери по всѣмъ вѣроятіямъ ожидалъ на этотъ разъ строгій приговоръ, и Дженни терла послѣдняго своего друга.

ГЛАВА XIV.

Нищенство.

Мери Логги была осуждена на 12-ти мѣсячное тюремное заключеніе. Лишенная ея помощи и не имѣя еще силъ подкарауливать жертвы для своихъ ночныхъ подвиговъ, Дженни отложила на время всякую мысль о возвращеніи къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Между тѣмъ, чѣмъ нибудь да надо было жить, и она уже начинала съ меньшимъ ужасомъ подумывать о рабочемъ домѣ, когда нищенка стала ей расхваливать выгодность собственнаго своего ремесла.

— Какъ тебѣ съ твоимъ хилымъ ребенкомъ не зашибить копѣйку, говорила она ей; я бы на твоемъ мѣстѣ непременно попытала счастья. Придай себѣ какъ можно болѣе жалобный видъ и отправляйся въ самые модные кварталы Глазгова. Такой ребенокъ, какъ твой, принесетъ добрую крону въ недѣлю, если только пустить его умѣючи въ оборотъ.

Дженни вышла на этотъ новый промыселъ, и пошла бродить на сколько позволяли ей силы. Она все еще была очень слаба и не могла слишкомъ далеко провожать прохожихъ, которые, наскучивъ ея неотвязчивостью, быть можетъ и дали бы ей что нибудь. Впрочемъ, жалкій видъ ея говорилъ въ ея пользу, и многіе были имъ тронуты.

— Какая молоденькая мать! былъ общій о ней отзывъ. Бѣдняжка! добавляли многіе. Дженни принесла домой цѣлый шиллингъ и шесть пенсовъ; одна сострадательная старушка дала ей кромѣ того пару башмаковъ.

— Вотъ какъ! ты ужь просишь милостыню, Дженни, замѣтилъ ей первый полицменъ, узнавшій ее на улицѣ.

— Развѣ просить милостыню не лучше, чѣмъ воровать?

— Нищенство запрещено, было отвѣтомъ.

Впрочемъ полицменъ не захотѣлъ ее тѣснить и посмотрѣлъ на эту пережѣну профессіи сквозь пальцы. Переходъ отъ воровства къ нищенству казался ему шагомъ впередъ на пути къ исправленію, и онъ предоставилъ Дженни возможность идти далѣе по этому пути.

Цѣлыхъ три недѣли занималась Дженни прошеніемъ милостыни, и начала скучать однообразіемъ этого занятія по мѣрѣ того, какъ возвращались ея силы; она стала раздражаться суровыми отказами, которые ей не разъ приходилось испытывать. Къ тому же ребенокъ ея, котораго она таскала съ собою во всякую погоду, схватилъ кашель; наконецъ ремесло нищей для воровки, привыкшей разомъ прибираться къ рукамъ большія суммы денегъ, было скучною, неблагодарною работою. Оно могло нравиться людямъ, освоившимся съ нимъ съ самаго дѣтства, людямъ, умѣвшимъ искусно обманывать; а этимъ-то искусствомъ и не обладала Дженни.

Между нищими существовалъ въ то время обычай собираться послѣ дневныхъ трудовъ въ одномъ домѣ, носившемъ названіе «голоднаго притона.» Въ этой отвратительной берлогѣ они сличали свои заработки, совѣщались между собою и заканчивали вечеръ картежною игрою и питьемъ водки, приправляя все это такими грязными выходками, которыя и между ворами были неслыханнымъ дѣломъ.

Дженни Камеронъ, какъ ни странно это покажется читателю, начинала стыдиться этой жизни и этихъ товарищей. Ихъ ловкость въ обманѣ, отвратительныя уловки, которыя они употребляли, чтобы уродовать себя на всевозможные лады, все это внушало ей непреодолимое отвращеніе; насмѣшки ея прежнихъ товарищей побуждали ее мало по малу отстать отъ новаго ремесла.

Дженни случилось раза два побывать въ «голодномъ притонѣ», но оргіи, происходившія тамъ, пришлось ей не по вкусу; когда же ей предложили *купить* у нея ребенка, то она окончательно рѣшилась все порвать съ почтеннымъ братствомъ.

Достоинство ея страдало отъ обращенія въ этотъ кругу и она находила, что унижилась, связавшись съ этимъ презрѣннымъ людомъ.

И такъ она распростилась съ нищенкой, давшей ей приютъ, и поселилась въ одной коморкѣ съ новыми «товарками». Рѣшено было, что онѣ поведутъ дѣло сообща, принявъ за основное правило величайшую осмотрительность, чтобы впередъ не попадаться въ руки правосудія.

ГЛАВА XV.

М а т ь и д о ч ь.

Жизнь Дженни Камеронъ снова вошла въ старую колею. Возвратившіяся силы позволяли ей снова ходить на добычу каждый разъ, какъ ей удавалось укачать ребенка и оставить его соннаго дома.

Ребенокъ этотъ былъ странною помѣхою во всѣхъ ея преступныхъ начинаніяхъ; онъ связывалъ ее на каждомъ шагѣ, а между тѣмъ она еще болѣе привязывалась къ нему вслѣдствіе этого. Когда онъ бывалъ боленъ, — а онъ никогда не былъ здоровъ, — она оставалась дома хозяйничать въ ожиданіи своихъ товаровъ. Она баюкала его, распѣвала надъ нимъ, точь въ точь какъ распѣваютъ честныя, молодыя матери надъ своимъ обожаемымъ дѣтищемъ.

Много доставалось Дженни порою за ея «щенка»; подруги ея вообще не жаловали дѣтей и проклинали ребенка, когда онъ кричалъ по ночамъ.

Онѣ уговаривали Дженни оставлять его дома и ходить безъ него на уличный промыселъ; Дженни, которая не могла похвалиться твердостью характера, уступала имъ порой, и, бросивъ ребенка на постель изъ стружекъ, лохмотьевъ, или соломы, какъ случалось, уходила изъ дому до повдней ночи. Возвращаясь она заставала ребенка кричащимъ на весь домъ. Однажды, воротившись домой, она не нашла ребенка; въ ужасѣ она бросилась распросить о немъ у жильцевъ, занимавшихъ смѣжную комнату, и нашла его на рукахъ у одной со-

сѣдки; жѣнщина эта, извѣстная въ дѣломъ Глазговѣ своими дурными поведеніемъ, баюкала ребенка.

— Что ты дѣлаешь съ моимъ ребенкомъ? воскликнула Дженни, вырывая его изъ рукъ самозванной няньки.

— Онъ такъ кричалъ, что по всему дому было слышно, отвѣчала послѣдняя; сосѣдъ, что живетъ внизу, грозился перерѣзать ему горло, если онъ не утихнетъ. Да и сама я не могла слышать, какъ онъ, бѣдненькій, надрывался!

— Не слѣдъ тебѣ было трогать моего ребенка!

Дженни ревновала своего сына; въ страхѣ, чтобы онъ не привязался къ чужому человѣку, она и не подумала поблагодарить за оказанную ему ласку. Сосѣдки обмѣнялись нѣсколькими колкими словами, потомъ каждая съ шумомъ захлопнула дверь своей конуры, и Дженни сама принялась увачивать своего ребенка.

Съ той поры она стала всюду таскать его съ собою; ея постоянно преслѣдовалъ страхъ, что сосѣдка завладѣетъ его привязанностью; мысль, что другая станетъ няньчить ея дѣтище за ея спиною, была для нея невыносима. Подруга Дженни ворчала, когда она выносила ребенка на улицу; крикъ его обращалъ на нихъ вниманіе прохожихъ и портилъ все дѣло. Онѣ отъ души желали, чтобы онъ умеръ и чтобы всѣмъ этимъ глупостямъ, лишавшимъ ихъ полезной сообщницы, положенъ былъ такимъ образомъ конецъ.

И такъ недѣли двѣ шаталась Дженни по улицамъ во всякую погоду съ ребенкомъ на рукахъ; просила ли она милостыню, воровала ли, она была съ нимъ неразлучно; когда она, пьяная, нетвердыми шагами возвращалась домой, чувство матери заставляло ее инстинктивно прижимать его къ груди и не давало выронить его изъ рукъ.

Она безпрестанно ссорилась изъ за него съ своими подругами; одна бездушная дѣвка совѣтовала подкинуть его, другая, полусхутия, полусерьезно говорила, что «отчего бы не бросить его съ моста въ Клейдъ, и концы въ воду.»

— Бѣднымъ людямъ не слѣдъ растить дѣтей; такія нѣжности не про насъ писаны.

Однажды, вечеромъ, давно знакомый образъ остановилъ ее

за руку въ Солтъ-Маркетѣ и пристально уставился на нее глазами.

— Дженни!

— Матушка!

Женщина, покинувшая нѣкогда свою дочь, пожалала ей руки и выказала свою радость при этой встрѣчѣ. Дженни, которая такъ долго жила одна одинешенька, съ своей стороны тоже обрадовалась матери.

— Такъ вотъ какъ! Ты воротилась на сторое гнѣздо?

— Да, я тебя всю ночь проискала. Пойдемъ къ тебѣ и по-толкуемъ. Гдѣ ты живешь?

Дженни сказала ей свой адресъ.

— Ну, тамъ много лишнихъ ушей будетъ. Нынѣшнюю ночь мы проночуемъ въ другомъ домѣ. Это что у тебя подъ платкомъ?

— Мой сынъ.

— Вотъ оно что! И до этого ужъ дошла. Я всегда была увѣрена, что не сдобровать тебѣ. Небось трудно тебѣ съ нимъ?

— Ни мало.

— Гдѣ его отецъ?

— Въ тюрьмѣ на семь лѣтъ.

— Боже милостивый! Наварила же ты кашу, Дженни! Бѣдная дѣвка, жаль мнѣ тебя. Зайдемъ-ка по дорогѣ и выпьемъ водки.

Мать и дочь зашли въ кабакъ и, протолкавшись къ прилавку, разговорились о томъ, о семъ, запивая водкою свои рѣчи. «Матушка стала совсѣмъ другая, рассказывала Дженни вполсѣдствіи. Она была со мною ласкова, а тамъ какъ бы то ни было, я все-таки ее немножко любила и очень была рада, что она отыскалась, даромъ что прежде не слыхала отъ нея ни одного добраго слова. Матери не везло въ жизни съ той самой поры, какъ она такъ неожиданно покинула Новый Веннель. Человѣкъ, съ которымъ она скрывалась и которому она оставалась вѣрна въ теченіе столькихъ лѣтъ, покинулъ ее, не сказавъ ей и слова на прощанье, и бѣжалъ въ Америку съ одной молоденькой дѣвушкой, годившейся ему въ дочери. Стоя у прилавка, она про-

клинала измѣнника, при чемъ ея энергическія тѣлодвиженія сдѣлали ея посмѣшищемъ кабацкой публики. Она проживала то въ Пертѣ, то въ Абердинѣ; наконецъ, въ надеждѣ, что дѣло, заставившее ея бѣжать изъ Глазгова, предано забвенію и врядъ ли будетъ снова поднято, она рискнула снова возвратиться на старое гнѣздо.»

Неодолимая сила привычки тянула ее назадъ въ Глазговъ. Здѣсь каждая улица, каждый закоулокъ были ей знакомы; здѣсь она чувствовала себя дома. Ей даже хотѣлось отыскать свою покинутую дочь; теперь думала она, эта дочь уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ быть ей подругой, и имъ вдвоемъ удается, быть можетъ, начать какое нибудь дѣло.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она рассказывала Дженни, и Дженни повѣрила ей и привязалась къ матери съ обычною своею податливостью на всякое впечатлѣніе.

Что касалось безчеловѣчія, съ которымъ она бросила Дженни ребенкомъ, то она объ этомъ дѣлѣ не распространялась. Какъ видно, ея возлюбленный не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы взять дѣвочку съ собою; «ты знаешь, Дженни, онъ никогда тебя не любилъ,» добавила она, и Дженни удовольствовалась этимъ объясненіемъ.

Въ Глазговѣ, параллельно съ Новымъ Веннелемъ, лежатъ другой кварталъ, называющійся Старымъ Веннелемъ. Въ этомъ-то послѣднемъ мистрисъ Камеронъ поселилась вмѣстѣ съ дочерью. Къ нимъ присоединилось еще человѣка два изъ того многочисленнаго класса подозрительныхъ личностей, которыми кишатъ бѣдные кварталы каждаго города.

Мать и дочь, вмѣстѣ съ новыми своими товарищами, принялись за старое свое ремесло. Дженни оставляла теперь своего ребенка дома, на попеченіе матери, а сама отправлялась шататься по улицамъ, подкарауливая легкомысленныхъ людей, чтобы заманить ихъ въ свой притонъ, и тамъ ограбить.

— Это самое безопасное дѣло, замѣтила мистрисъ Камеронъ, гораздо безопаснѣе карманной кражи. Если бы ты принялась за него съ самаго начала, то не побывала бы два раза въ тюрьмѣ.

ГЛАВА XVI.

СМЕРТЬ РЕБЕНКА.

Въ глубинѣ своего нравственнаго паденія Дженни Камеронъ не переставала страстно любить своего ребенка. Чтобы она не дѣлала, онъ не выходилъ у нея изъ головы; какъ пьяная, такъ и трезвая она надоѣдала имъ своимъ подругамъ, распришивая тѣхъ изъ нихъ, которыя сами имѣли дѣтей, отчего это онъ такой хилый, и не поправляется.

Однажды вечеромъ, возвратившись неожиданно домой, она застала свою мать въ ту самую минуту, какъ она вливала ребенку въ ротъ какого-то снадобья, чтобы онъ спалъ. Съ ужаснымъ проклятиемъ она выбила у матери ложку изъ рукъ.

— Такъ вотъ отъ чего мой маленькій не поправляется, воскликнула она; ты отравляешь его!

— Я ему худа не дѣлаю, я хочу, чтобы онъ спалъ, пробормотала мать.

— Я не дамъ тебѣ усыпить его этими снадобьями, отвѣчала, Дженни и, вырвавъ ребенка у нея изъ рукъ, сѣла съ нимъ къ камину, объявивъ на отрѣзъ, что шагу не сдѣлаетъ изъ дому. Это послужило поводомъ къ первой ссорѣ между матерью и дочерью. Оставаясь дома, Дженни упустила добычу; быть можетъ, въ эту самую минуту какой-нибудь пьяный гуляка съ туго набитымъ карманомъ проходилъ Гай-Стритомъ, а мистрисъ Камеронъ была алчная женщина. Но Дженни и слышать не хотѣла о томъ, чтобы снова оставить ребенка на попеченіи своей матери. Дженни была по своему упряма и заставить ее отказаться отъ принятаго разъ рѣшенія было не легко.

Въ этотъ день она пробывала дома, потому что была затронута за живое; на слѣдующій она должна была остаться, потому что ребенокъ ея трудно занемогъ. То былъ не кашель, къ которому она уже успѣла привыкнуть, а какой-то небывалый недугъ, окончательно подкапывавшій его силы. Она хотѣла было отправить мать за докторомъ, но предложеніе это привело въ ужасъ мистрисъ Камеронъ, которая не вѣрила

докторамъ и вовсе не была расположена платить имъ деньги. Когда мать на отрѣзъ отказалась идти, Дженни схватила ребенка на руки и, прикрывъ его шалью, побѣжала за помощью.

Перваго доктора, къ которому она обратилась, не было дома; она отправилась къ другому, который, взглянувъ на ребенка, сказалъ ей, чтобы она скорѣе несла его домой, что его по настоящему совсѣмъ бы не слѣдовало выносить на холодный ночной воздухъ.

— Что у него такое?

— Скарлатина.

— О, боже мой! Но вѣдь онъ не умретъ, серъ?

— Ребенокъ плохъ. Гдѣ вы живете?

— Въ старомъ Веннелѣ.

— А! едва замѣтилъ докторъ.

— Вы придете посмотрѣть его?

— Хорошо, я приду.

На другой день докторъ сдержалъ свое обѣщаніе и пришелъ провѣдать ребенка. По поводу денегъ, которыя надо было заплатить ему, у Дженни была новая ссора съ матерью и съ обѣихъ сторонъ дошло до угрозы разойтись.

— Лучше бы было, если бы я не сходилась съ тобою, сказала мать.

— И то было бы лучше, отвѣчала дочь.

Между тѣмъ, ребенку становилось все хуже и докторъ не подавалъ надежды на его выздоровленіе. Дженни ходила за нимъ, плакала надъ нимъ; если бы она не забыла молитву Господню, которой ее учили въ тюрьмѣ, она стала бы читать ее въ надеждѣ хоть этимъ заговорить угрожающую бѣду.

— Мнѣ снова вспомнился Джокъ Еанъ, признавалась сурьверная женщина, и я догадалась, что это мнѣ за него отплата. Тутъ ужъ я совсѣмъ перестала надѣяться, я поняла, что мой ребенокъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Она такъ и сказала своей матери, и услышала отъ нея въ отвѣтъ:

— Тѣмъ лучше.

За это слово Дженни почти возненавидѣла свою мать.

Когда докторъ отказался отъ ребенка, Дженни отправилась къ другому въ надеждѣ услышать отъ него болѣе утѣшитель-

свое мнѣніе; но и она повторяла тотъ же приговоръ. Тогда она возвратилась домой и сѣла ожидать развязку.

Развязка настала въ слѣдующую ночь. Дѣло было въ воскресенье, и у сосѣдей шла цѣлый день попойка; подъ звуки непристойныхъ пѣсень, подъ шумъ драки и ссоръ младенецъ отошелъ въ вѣчность.

— Мнѣ казалось, что самъ сатана справляетъ шабангъ въ домѣ, рассказывала Дженни. Я никогда не забуду эту ночь.

Когда ребенокъ испустилъ духъ, она убрала его собственными руками и залила свое горе водкой, предложенной ей матерью въ утѣшеніе.

ГЛАВА XVII.

Опять тюрьма.

Дженни долго, неутѣшно горевала о смерти своего сына. Эта упорная печаль приводила въ недоумѣніе ея сверстницъ, которыя, что до нихъ касалось, теряя ребенка, только радовались избавленію отъ лишнихъ хлопотъ. Были между ними и такія, которымъ было ни по чемъ забросить и даже убить свое дѣтище.

Дженни шаталась по улицамъ и пила горькую чашу. Она была какъ потерянная, и въ этомъ состояніи болтала много лишняго; вела себя съ безразсудною запальчивостью, и видимо стояла на прямой дорогѣ къ новому заключенію. Подруги отшатнулись отъ такой опасной сообщницы, мать бранила ее, грозилась на нее кулаками; но Дженни была уже болѣе не ребенокъ, и могла за себя постоять.

Мѣсяць спустя послѣ смерти ребенка, дѣло дошло между ними до драки и до окончательнаго разрыва.

— Я не дамъ тебѣ больше надо мною ломаться, воскликнула Дженни. Вѣдь я ужъ не прежняя дѣвочка, которую можно было морить съ голоду и заколачивать до полусмерти. Кто тебя просилъ меня отыскивать?

— А что бы ты была безъ меня, негодница?

— Убирайся ты изъ этого дома; я здѣсь хозяйка и не хочу, чтобы ты здѣсь долѣе оставалась.

— Небось, я и сама долго не останусь.

— Проваливай-ка скорѣе.

— Ну и живи себѣ своимъ умомъ, посмотримъ долго ли ты нагуляешься на волѣ.

Предсказаніе мистрисъ Камеронъ сбылось. Разставшись съ матерью, Дженни пыталась счастья на всевозможные лады; она пѣшкомъ ходила въ Эдинбургъ, но ей тамъ не повезло, и она воротилась въ Глазговъ, гдѣ продолжала вести свой прежній образъ жизни, пока наконецъ, попавшись въ воровствѣ, не угодила въ тюрьму. На этотъ разъ ей предстояло высиживать два года взаперти; выслушивая приговоръ этотъ передъ судомъ, она еще крѣпилась, но очутившись одна въ своей кельѣ, дала волю своему горю и въ отчаяніи ломала руки.

Тюремное начальство начинало смотрѣть на Дженни, какъ на неисправимый субъектъ. При заключеніи ее встрѣтили стереотипными выраженіями прискорбія видѣть ее снова въ этомъ мѣстѣ, но за тѣмъ ее оставили безъ вниманія, слѣдя только за тѣмъ, чтобы дверь ея кельи была на ключѣ и чтобы она исполняла заданные уроки.

Дженни могла слыть за примѣрную арестантку, и съ нею не было надзирателямъ никакихъ хлопотъ. Она была смирна, покорялась установленнымъ правиламъ, и заданная работа спорилась у нея подъ руками. При всемъ томъ она не лицемѣрила раскаяньемъ, и съ стоическимъ равнодушіемъ выслушивала наставленія священника и надзирательницъ. Она знала, что ихъ обязанность говорить наставленія, а ея—слушать ихъ, и за тѣмъ все между ними сказано.

Прошло уже семь или восемь мѣсяцевъ по заключеніи ея въ тюрьму, какъ вдругъ она къ величайшему своему удивленію получила письмо. Она уже умѣла читать и писать съ грѣхомъ пополамъ, но ея умѣнья еще не хватало, чтобы разобрать безграмотное посланіе; комнатная ея товарка, обладавшая большими познаніями, взялась прочесть ей письмо.

— Оно отъ твоей матери, объявила она ей.

— Отъ моей матери!

Письмо это, какъ и всѣ письма, приходившія, на имя арестантовъ, прошло черезъ цензуру тюремнаго начальства, и было подано ей въ дверной люкъ распечатаннымъ. Странное письмо это, цѣлое событіе въ жизни арестантки, привело Дженни въ недоумѣніе господствовавшимъ въ немъ религіознымъ тономъ; наконецъ она догадалась, что Мистрисъ Камеронъ писала такъ для начальства, черезъ руки котораго должно было пройти ея посланіе.

Въ началѣ письма выражалась надежда, «что любезная дочь» находится въ добромъ здоровьи и начинаетъ раскаиваться въ своей прошлой жизни. Сама пишущая была, слава Богу, здорова и очень скучала по дочери, хотя и не сомнѣвалась, что съ послѣдней обходятся въ тюрьмѣ, какъ нельзя лучше. Далѣе мистрисъ Камеронъ извѣщала Дженни, что она черезъ нѣсколько недѣль уѣзжаетъ въ Америку, куда зоветъ ее «добрый джентльменъ», предлагающій ей заняться *небольшимъ заведеніемъ*, которое онъ открылъ въ Нью-Йоркѣ. Она выражала желаніе еще разъ передъ отъѣздомъ увидѣться съ дочерью, и намекала Дженни, чтобы она попросила на это разрѣшеніе у начальства. А за тѣмъ она оставалась ея любящая мать *Дженъ Камеронъ*.

Когда подруга Дженни кончила читать это торжественное посланіе, Дженни расхохоталась.

— Да она никакъ рехнулась, воскликнула она.

Тѣмъ не менѣе Дженни была тронута желаніемъ матери проститься съ нею передъ отъѣздомъ. Ею овладѣло непонятное желаніе увидѣть ее и поблагодарить за это проявленіе участія. Позволеніе видѣться было дано, и Дженни въ первый разъ въ жизни *написала письмо* своей матери съ означеніемъ дня и часа, когда она могла придти.

Наша героиня была страшно взволнована ожидаемымъ посѣщеніемъ; она считала минуты, которыя до него оставались; наконецъ давно ожидаемый день насталъ, и Дженни на почтительномъ разстояніи и при свидѣтеляхъ свидѣлась съ своей матерью. Дѣла мистрисъ Камеронъ видимо находились въ цвѣтущемъ состояніи за послѣднее время; она была такъ нарядно одѣта, что дочь не могла надивиться. Мать и дочь пере-

мигнулись и заговорили о жизни въ Нью-Йоркѣ, избѣгая всякого напоминанія о прошломъ. Мистрисъ Камеронъ какъ-то загадочно говорила о задуманномъ предпріятіи; но не особенному выраженію въ ея глазахъ Дженни поняла, что предпріятіе это сродни старинной ея дѣятельности въ Веннелѣ.

— Я напишу тебѣ, когда окончательно устроюсь, сказала ей мать, и если тебѣ выпадетъ какой нибудь случай, то я дамъ тебѣ знать.

— Спасибо тебѣ, отвѣчала Дженни.

— Мы съ тѣмъ человѣкомъ, что знаешь, опять помирились. Онъ увидѣлъ, что безъ меня онъ какъ безъ рукъ, и заслалъ ко мнѣ добрыхъ людей звать меня къ нему.

Дженни пожелала узнать ея адресъ, но мистрисъ Камеронъ уклонился отъ отвѣта на такой нескромный вопросъ, объяснивъ, что она и сама еще не знаетъ своего адреса.

По истеченіи срока, дозволеннаго для свиданія, мистрисъ Камеронъ объявили, что она должна удалиться.

— Ну прощай, моя милая. Передо мною лежитъ не близкій путь, и кто знаетъ, увижусь ли я когда съ тобою. Смотри же, Дженни, если ты останешься въ Глазговѣ, береги себя на будущее время.

Совокупность многихъ обстоятельствъ дѣлало это разставаніе тягостнымъ для Дженни; если бы мать ея была самою доброю, любящею матерью, она не могла бы проливать болѣе горькія слезы при прощаніи съ нею. Мистрисъ Камеронъ не знала, что и подумать объ этомъ неожиданномъ взрывѣ чувства. Она глядѣла на Дженни широко раскрытыми, испуганными глазами; она еще ни разу не видала ее такою.

— Право не знаю объ чемъ я тогда плакала, рассказывала Дженни впоследствии, я и сама себѣ не могла надивиться.

Ночью, когда она раздумалась объ этомъ случаѣ и припомнила ошеломленное выраженіе лица Мистрисъ Камеронъ, она сѣла на своей постели и принялась хохотать такъ громко, что разбудила свою подругу. Какъ бы то ни было, она цѣлую недѣлю не могла оправиться отъ потрясенія, произведеннаго на нее этимъ свиданіемъ. Съ той поры она окончательно по-

терла мать изъ виду; никакихъ писемъ изъ Нью-Йорка до нея не доходило, и она такъ и осталась въ неизвѣстности, умерла ли ее мать во время переѣзда или же покончила свое поприще въ Нью-Йоркской тюрьмѣ. Какъ бы то ни было, она радовалась, что рассталась съ нею безъ вражды.

Немного спустя, однообразіе тюремной жизни было нарушено для Дженни полученіемъ новаго письма. Подпись этого письма, Мери Кинтонъ, поставила Дженни въ тупикъ, пока она не ознакомилась съ его содержаніемъ.

Читая это посланіе, Дженни глазамъ своимъ не вѣрила. Письмо было отъ Мери Логги; она извѣщала ее, что вышла замужъ и, что еще удивительнѣе, вышла за мужъ за плотника. Мери писала, что гордится своимъ мужемъ, намѣревается быть ему хорошею женою и навсегда распростилась съ своимъ прежнимъ образомъ жизни. Она выражала надежду, что и Дженни со временемъ исправится, и объявляла, что со дня своей свадьбы порвала всѣ свои прежнія связи, прося свою старую подругу не сердиться на нее за это.

Долго Дженни отказывалась вѣрить всему, что она узнала изъ этого письма и думала, что Мери Логги хотѣла только подшутить надъ нею и надъ тюремнымъ начальствомъ. Каждый день она перечитывала оба письма, полученныя во время заключенія. Между тѣмъ число отмѣтокъ на стѣнѣ ея кельи, по которымъ она считала дни своего заточенія, все росло и росло. Времена года смѣнялись своимъ чередомъ, и срокъ освобожденія приближался. Странное безпокойство овладѣвало ею по мѣрѣ его приближенія; ее такъ и тянуло взглянуть на давно знакомыя улицы, и услышать привѣтъ отъ старыхъ товарищей.

ГЛАВА XVIII.

Романъ Мери Логги.

Первою заботою Дженни, какъ только она очутилась между своими старыми знакомыми, было осведомиться о Мери Лог-

ги. Но никто не могъ дать ей положительнаго отвѣта. Носились слухи, что Мери совсѣмъ отстала отъ своихъ прежнихъ занятій, вышла замужъ за плотника и жила на другомъ концѣ города. Но никто изъ бывшихъ ея сообщниковъ не вѣрилъ этому разсказу; всѣ они были вполне убѣждены, что Мери нарочно распустила эти слухи, а сама пристала къ другой какой-нибудь шайкѣ.

Прошло мѣсяца три или четыре по выходѣ Дженни изъ тюрьмы; ей было въ эту пору семнадцать лѣтъ, а на видъ казалось двадцать пять. Однажды зимнимъ утромъ она вышла на улицу, чтобы освѣжиться послѣ вчерашней попойки, и наткнулась лицомъ къ лицу съ своей старой пріятельницей.

Мери Логги была хорошо, но скромно одѣта, и лице ея дышало такимъ спокойнымъ, доселѣ невиданнымъ на нею, выраженіемъ, что Дженни не сразу узнала ее. Когда Мери прошла мимо нея, не остановившись, Дженни почувствовала себя оскорбленной и, обернувшись, стала глядѣть ей вслѣдъ. Мери Логги между тѣмъ ускорила шаги, какъ будто опасаясь, что старая пріятельница за нею послѣдуетъ. Но Дженни стояла на мѣстѣ и слѣдила глазами за удалявшимся образомъ той, которая была когда-то ея лучшимъ другомъ. Въ эту минуту Мери Логги оглянулась черезъ плечо, и тотчасъ же быстрыми шагами воротилась назадъ.

— Дженни!

— Мери!

Дженни пожала протянутую ей руку, и снова изумленными глазами стала осматривать свою преобразившуюся подругу. Въ эту минуту Дженни повѣрила тому, что ей писала Мери.

— Какъ ты перемѣнилась, проговорила она задыхаясь.

— Да; перейдемъ по ту сторону моста, и потолкуемъ кое-чемъ.

— Такъ это правда, Мери?

— Что я замужемъ-то? Да.

— Какъ это тебѣ удалось? Откуда тебѣ такое счастье, что честный человѣкъ рѣшился взять тебя въ жены.

— Не правда ли, странно Дженни? Я никогда этого не заслуживала.

И Мери съ увлеченіемъ разсказала ей свою повѣсть:

Пока Дженни сидѣла въ Глазговской тюремѣ, для воровъ настали худшія времена, и Мери нашлась вынужденной снова поступить на бумагопрядильную фабрику.

Здѣсь она познакомилась съ бѣдной маленькой работницей, дѣвочкой лѣтъ одиннадцати. Ребенокъ этотъ былъ слабаго здоровья, и ему однажды сдѣлалось дурно во время работы на фабрикѣ. Мери взялась проводить дѣвочку къ ея матери, въ домѣ которой жилъ въ это самое время плотникъ, которому Мери понравилась съ перваго взгляда. Плотникъ этотъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, родомъ изъ Англій, и только въ недавнее время переселился въ Шотландію въ надеждѣ найти себѣ здѣсь больше работы. У него были въ Глазговѣ дальніе родственники, на которыхъ онъ рассчитывалъ, но до сихъ поръ ему не удавалось ихъ отыскать.

Онъ спросилъ Мери, какъ Глазговскую уроженку, не можетъ ли она помочь ему въ его розыскахъ. Оказалось, что Мери дѣйствительно слыхала то имя, которое онъ ей называлъ. На слѣдующій день онъ встрѣтилъ ее, по дорогѣ на фабрику и поблагодарилъ за указаніе, съ помощью котораго онъ отыскалъ своего троюроднаго брата, обѣщавшагося доставить ему въ скоромъ времени работу. Такъ завязалось ихъ знакомство. Съ этого времени мистеръ Симмонсъ сталъ то и дѣло встрѣчать ее на дорогѣ. Человѣкъ онъ былъ простой, положительный; онъ не говорилъ ей комплиментовъ и предложилъ два, три неловкихъ вопроса, на которые Мери затруднялась отвѣчать. Однажды онъ спросилъ ее, гдѣ она живетъ и какъ она ухитряется сводить концы съ концами при той платѣ, которую получаетъ на фабрикѣ. Мери сказала ему, что у нея нѣтъ ни души родныхъ и что она нанимаетъ комнату пополамъ съ чужими людьми. Про себя онъ разсказалъ ей, что онъ вдовецъ и не имѣетъ дѣтей. Тутъ Мери начала догадываться, что онъ къ ней неравнодушенъ. Когда онъ спросилъ ее однажды, не хочетъ ли она въ воскресенье пойти съ нимъ вмѣстѣ въ церковь, то она чуть не заплакала отъ страннаго невѣданнаго счастья.

Мери не ошибалась; нашелся честный, трудолюбивый человѣкъ, который привязался къ ней, не зная ничего о ея

прошлой жизни. Мери была не герой, въ ней не достало духу сказать ему правду. Она знала, что пока они останутся въ Глазговѣ истина можетъ каждую минуту выйти наружу, но, во чтобы то ни стало, она страстно желала сдѣлаться его женою. Это дало бы ей возможность повести честную жизнь, сдѣлаться честною женщиною. Это новое, небывалое искушеніе было такъ сильно, что она не могла противъ него устоять. Она не думала о томъ, что омрачить на вѣки его жизнь; она думала только о пережить своей собственной.

Къ тому же этотъ не молодой, честный человѣкъ успѣлъ внушить ей дѣйствительную привязанность; его любовь какъ бы преобразила все нравственное существо ея. Она чувствовала, что сумѣетъ сдѣлать его счастливымъ, если онъ только никогда не узнаетъ ея тайну.

Теперь она избѣгала показываться ночью въ Гай-Стритѣ, чтобы какъ нибудь не встрѣтиться съ нимъ и не выдать себя. Она перестала красть и при первой возможности промѣняла вертепъ, въ которомъ жила, на бѣдное, но честное убѣжище. Каждый часъ, проведенный съ нимъ розно, былъ часомъ мучительной неизвѣстности; при каждой встрѣчѣ она страшилась услышать отъ него, что онъ узналъ всю правду и не желаетъ болѣе съ ней видѣться. Но онъ ничего не подозрѣвалъ, онъ вѣрилъ ей, что она круглая сирота и, сжалившись надъ ея одиночествомъ, предложилъ ей наконецъ сдѣлаться его женою.

Мери Логги приняла его предложеніе; они обвѣнчались и поселились на противоположномъ концѣ города. Счастье Мери было бы безоблачно, если бы его не омрачалъ одинъ, неотвязный страхъ.

— Я по возможности избѣгаю ходить на сторону рѣки, чтобы какъ-нибудь не повстрѣтаться съ старыми товарищами, признавалась она Дженни. Скорѣе, чѣмъ заглянуть въ Гай-Стритъ, я дамъ двѣ мили крону.

— Такъ ты не рада, что встрѣтилась со мною, Мери?

— Тебя-то я вижу охотибѣе, чѣмъ кого-либо другаго, видъ ты меня не выдашь?

— Ни за какое благо не выдамъ.

Онѣ продолжали болтать, и Мери въ заключеніе предложила Дженни взглянуть на ея хозяйство. Мери гордилась своимъ новымъ общественнымъ положеніемъ и была увѣрена въ Дженни.

Дженни колебалась принять предложеніе Мери не столько за себя, сколько за нее, но Мери была не отвязна. Боятся было нечего, мужа ея въ этотъ часъ не бывало дома. Итакъ, обѣ пріятельницы повернули навадь и отправились на квартиру Мери Логги.

ГЛАВА XIX.

Мери Логги у себя дома.

Мистрисъ Симмонсъ, урожденная Логги, нанимала квартиру въ небольшомъ домѣ Пельгамъ-Стрита. Между ею и старымъ ея притономъ протекалъ Клейдъ.

Мери въ своей аккуратной шляпкѣ и скромной одеждѣ представляла странный контрастъ съ своей простоволосой, растрепанной спутницей. По дорогѣ Дженни замѣтила ей это.

Полно, мнѣ и самой еще какъ-то неловко ходить въ шляпкѣ, отвѣчала Мери. А вотъ мы и дома, добавила она. Насъ никто не замѣтилъ.

Мери отперла дверь находившимся при ней ключемъ, и обѣ подруги взшли по лѣстницѣ въ просторную комнату, служившую въ одно и тоже время и спальней и гостиной. Комната эта была бѣдно меблирована, но изумленной Дженни она показалась дворцемъ.

— Неправда ли, Дженни, славное у насъ помѣщеніе?

— Подлинно что славное.

— Присядь-ка, да оглядись хорошенько. Какъ тебѣ нравятся эти обои? А коверъ-то каковъ?

Дженни сѣла, опустила руки на колѣни и внимательно оглядѣла вокругъ себя.

— По чести, Мери, ты счастливая дѣвка, вырвалось у нея наконецъ.

— Это не то что въ Веннелѣ.

— Нѣтъ, далеко не то.

Желала бы я передать собственными словами Дженни, на ея своеобразномъ шотландскомъ нарѣчїи то, что она разсказывала объ этомъ новомъ «домѣ» и о чувствахъ, пробудившихся въ ней при видѣ счастья своей подруги.

Зависть грызла ее до того, что она готова была заплакать; ее раздражала мысль, что Мери сдѣлалась честною женщиною безъ всякаго усилія съ своей стороны. Дыханье сперлось у нея въ горлѣ такъ, что она боялась задохнуться; колѣна ея дрожали и сама она не знала съ чего.

— Тутъ только поняла я, что за адъ вромѣнный была моя жизнь, признавалась Дженни. Цѣлую недѣлю послѣ того я рвалась и металась отъ одной мысли, что вѣдь Мери ничѣмъ не заслужила своего счастья.

Но Дженни по природѣ своей не была завистлива. Когда утихла первая вспышка она по своему выразила Мери свое участіе въ ея радости. Мери, поразительно измѣнившаяся къ лучшему, плакала и смѣялась, и повѣряла Дженни свои опасенія, чтобы мужъ какъ нибудь не узналъ ея тайну и не прогналъ ее отъ себя. Она говорила о любви своей къ этому степенному, работающему, добродушному челоуѣку, о своихъ усиліяхъ сдѣлаться вполне достойной его.

Такъ просидѣли онѣ вмѣстѣ довольно долго, то было ихъ послѣднее свиданье, а у Мери было много о чемъ поразсказать ей. Время шло незамѣтно; Мери захогѣла похвастать своимъ хозяйствомъ, и Дженни должна была осмотрѣть лучшїй чайный приборъ, платье, въ которомъ она ходила въ церковь, праздничные башмаки и *настоящую кровать*, на которой она спала. Кровать эта, правда, не была еще ихъ полною собственностью; они брали ее на прокатъ, но дѣла ихъ поправлялись и «старикъ ея,—да хранить его господь,—за послѣднее время былъ заваленъ работой».

Пока Мери показывала гостѣ все свое хозяйство мистеръ Симмонсъ вернулся домой десятью минутами ранѣе срока.

— Это его поступъ, проговорила Мери, слышавъ на лѣстницѣ шумъ шаговъ. Ради Бога, Дженни сиди смирно и не говори ничего, не то, я пропала.

Послѣдніе слѣды зависти исчезли въ сердцѣ Дженни и уступили мѣсто опасенію за подругу. Она чувствовала, что на все готова для Мери и скажетъ какую угодно ложь, лишь бы не выдать ея тайну и спасти ее отъ вторичнаго паденія въ ту бездну, изъ которой она только-что вышла.

Мистеръ Симмонсъ вошелъ; то былъ пожилой человѣкъ съ суровымъ выраженіемъ лица и пронизательными глазами. Онъ пристально поглядѣлъ на Дженни, которая встала въ смущеніи и присѣла, какъ она привыкла въ Глазговской тюрьмѣ присѣдать начальству.

Почтительный поклонъ этотъ повидимому удивилъ плотника; онъ взглянулъ на жену, которая стояла у камина, блѣдная какъ полотно.

— Это Дженни Смитъ, мы работали съ ней вмѣстѣ на бумагопрядильной фабрикѣ, Джонъ, поспѣшила она объяснить ему. Мы встрѣтились съ нею на мосту, и я привела ее, взглянуть на мое новое хозяйство.

— Какъ поживаете, миссъ Смитъ, проговорилъ онъ раскланиваясь съ нею. Присядьте же милая, гостья будете.

Но Дженъ спѣшила уйти, пока еще онъ не успѣлъ «запомнить ея лице наизусть» и предложить ей какой нибудь неловкій вопросъ; она боялась запутаться въ отвѣтахъ. Она была еще болѣе смущена, чѣмъ Мери, и имѣя она дѣло съ подозрительнымъ человѣкомъ, она бы непременно себя выдала. Но мистеръ Симмонсъ приписалъ ея смущеніе застѣнчивости и отъ души смѣялся надъ тѣмъ, что Дженни не сидѣлось у нихъ.

— Вы напрасно боитесь меня, милая проговорилъ онъ весело; я васъ не съѣмъ. Пойдите, пойдите, куда это вы такъ торопитесь, точно я васъ спугнулъ съ мѣста?

Мистеръ Симмонсъ попалъ въ точку. Дженни не подалась ни на какія просьбы остаться; накинувъ себѣ на плеча платокъ, она встала и направилась къ двери, позабывъ даже проститься съ хозяиномъ. Въ сѣняхъ нашу героиню нагнала Мери и схватила ее за руку. Она все еще была страшно блѣдна отъ недавняго испуга.

— Не приходи больше, Дженни, не знайся со мною, или я съ ума сойду. Не говори никому, что ты меня встрѣтила сегодня.

ГЛАВА XX.

РАЗВЯЗКА РОМАНА.

Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головою Мери Симмонсъ, пока она оставалась въ Глазговѣ. Она не могла шагу сдѣлать по улицамъ, не опасаясь встрѣчи съ бѣгъ нибудь изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Полиція тоже не упускала ее изъ виду и смотрѣла на нее подозрительно, считая происшедшую въ ней перемену простою маскою, надѣтою съ цѣлью довѣе обманывать добрыхъ людей. Мери не могла похвалиться большою силою характера, и не имѣла духу во всемъ признаться муку. Она продолжала надѣяться на зло очевидности и по возможности избѣгала ходить на другой берегъ рѣки.

Но роль Дженни Камеронъ въ этой драмѣ не была еще сыграна до конца; цѣлый актъ былъ еще впереди.

Однажды, въ субботу вечеромъ мистеръ Симмонсъ, направляясь къ Бриджъ-Гету, столкнулся лицомъ къ лицу съ Дженни Камеронъ. Это было мѣсяць спустя послѣ ихъ первой встрѣчѣ у него на дому, но у него была хорошая память, и онъ тотчасъ же узналъ ее.

Дженни вовсе была не рада этому обстоятельству и не знала, что ей дѣлать. Къ тому же она была не одна, съ ней была одна изъ ея товарокъ по ремеслу, у которой по Глазговской модѣ просто былъ накинутъ на голову платокъ. Въ наружности обѣихъ дѣвушекъ было въ этотъ вечеръ что-то двусмысленное: волосы ихъ лоснились отъ помады, щеки рдѣлись искусственнымъ румянцемъ; какая-то наглость взгляда явственно избличала къ этимъ жалкимъ созданіямъ уличныхъ потаскушекъ.

Мистеръ Симмонсъ, пристально поглядѣвъ на Дженни, остановился и проговорилъ:

— Дженни Смитъ!

Дженни пробормотала: «Мистеръ Симмонсъ» и спросила, какъ поживаетъ Мери.

— Она здорова. Куда это вы такъ поодно отправляетесь?

— Тутъ, не подалеку.

Мистеръ Симмонсъ поглядѣлъ на ея спутницу, которая, привыкнувъ знаться со всякаго рода людьми, не нашла ничего удивительнаго въ томъ, что онъ знакомъ съ Дженни и тутъ же предложила ему выпить водочки, чтобы согрѣться. Дженни толкнула ее локтемъ, но было уже поздно. Мистеръ Симмонсъ широко раскрылъ глаза на подобное предложеніе и на наглый взглядъ, которымъ оно сопровождалось. Онъ понялъ тутъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— Я въ ротъ не беру водки, отвѣчалъ онъ. *Доброго вечера!*

— И вамъ того же желаю; вотъ смиренникъ какой, прокричала ему спутница Дженни, и разразилась насмѣшливымъ хохотомъ. Дженни тутъ же на улицѣ скватила ее и привялась трясти изо всѣхъ силъ.

— Ты дура, суцая дура, крикнула она. Не трогай этого человѣка; онъ не изъ нашихъ, и ему нечего съ нами знаться.

Любопытство ея подруги было сильно затронуто этой странной выходкой, но, къ великому, огорченію ея, Дженни на отрѣзъ отказалась дать ей дальнѣйшія объясненія. Боясь повредить Мери, она круто повернула разговоръ въ другую сторону.

Мистеръ Симмонсъ съ своей стороны задумался надъ этой встрѣчей. Одна изъ этихъ дѣвушекъ была пріятельницей его жены, ходила къ ней въ домъ, а онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы безъ разбора пускать людей въ свой честный домъ. Онъ начиналъ подозрѣвать, что Дженни такая личность, съ которою не прилично знаться его женѣ, а если это дѣйствительно такъ, то чѣмъ скорѣе онъ удостовѣрится въ этомъ, тѣмъ лучше. Онъ пошелъ другою стороною улицы по слѣдамъ Дженни Камеронъ и ея подруги, и въ самомъ скоромъ времени увидѣлъ, что это за птицы.

Онъ замѣтилъ, что онѣ заговариваютъ на улицѣ съ незнакомцами, бесѣдуютъ по пріятельски съ подозрительными личностями, фізіономіи которыхъ служили вывѣскою ихъ мошенническаго ремесла. Онѣ заходили въ кабаки, болтали и смѣялись съ собравшеюся тамъ публикою. Наконецъ онъ обратился къ полицмену и, указывая на Дженни, спросилъ:

— Знаете ли вы эту женщину?

— Еще бы!

— Какая про нее идет слава?

— Худая,—такая, что, кажись, хуже и нѣтъ.

— А ее подруга?

— Одного съ нею поля ягода. А развѣ вы потеряли что?

— Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ только захотѣлось узнать, что это за дѣвушка.

— Обѣ онѣ, и Камеронъ и Ройанъ, только недавно выпущены изъ тюрьмы.

— Имя одной изъ нихъ Смитъ?

— Ни чуть не бывало.

— Развѣ вонъ ту не зовутъ Смитъ? спросилъ мистеръ Симмонсъ, указывая на Дженни.

— Это Камеронъ. Мнѣ ли не знать, когда я семь лѣтъ ужъ за нею слѣжу.

— Вотъ оно что!

Мистеръ Симмонсъ удалился, размышляя о сдѣланномъ имъ открытіи: за чѣмъ жена его представила ему эту дѣвушку подъ именемъ Смитъ? Тутъ была какая-то тайна, требующая разъясненія. Въ первый разъ въ жизни въ умѣ мелькнуло подозрѣніе относительно жены. Ему припомнилось, какъ онъ съ нею познакомился и какъ мало онъ зналъ о ея предшествующей жизни. Онъ былъ далеко не образецъ совершенства и не годился въ герои романа. Подозрительный отъ природы, онъ былъ скорѣ на заключенія и выказывалъ въ нихъ замѣчательную проницательность.

Возвращавшись домой, онъ положилъ себѣ допросить жену и вывѣдать отъ нея причины, побудившія ее обманывать его.

— Я встрѣтилъ сегодня твою пріятельницу Смитъ, сказалъ онъ ей.

— Смитъ! какую Смитъ?

— Дженъ Смитъ, которую я застаю здѣсь какъ-то утромъ, возвратившись съ работы.

— Въ самомъ дѣлѣ! холодно замѣтила Мери.

— Вѣдь ее зовутъ Смитъ, не такъ ли? спросилъ онъ небрежно.

— Мери отвѣчала утвердительно.

— И вы съ ней работали вмѣстѣ на бумажной фабрикѣ, и жили на одной квартирѣ?

Мери затруднялась отвѣчать, не зная, что могла сказать ему Дженни при встрѣчѣ. Она то краснѣла, то блѣднѣла при видѣ скопляющейся тучи, но старалась, какъ умѣла, отворотить бѣду.

— Да, намъ случалось жить на одной квартирѣ.

— Про нее идетъ худая слава.

— Когда я ее знала, она была честной дѣвушкой.

— Она была безчестна съ самого дѣтства; полиція давно слѣдитъ за нею какъ за подозрительной личностью. Мери! ты не могла не знать этого.

Мери отвѣчала запирательствомъ. Въ немъ была ея послѣдняя надежда спасенія и она упорно стояла на томъ, что знать ничего не знала худаго о своей старой пріятельницѣ. Симмонсъ сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ ей и буря, грозившая разразиться, миновалась на время. Мужъ Мери снова сталъ ходить на работу и хранилъ свои подозрѣнія до поры до времени про себя. Но онъ сталъ чаще отлучаться изъ дому и познакомился съ двумя полисменами, отъ которыхъ мало по малу вывѣдалъ всю правду. Изъ отрывочныхъ разказовъ ихъ онъ узналъ не только всю повѣсть Дженни Камеронъ, но, что еще хуже, всю прошлую жизнь Мери Логги. Послѣ этого онъ отыскалъ Дженни и пригласилъ ее пройтись съ нимъ на тотъ берегъ рѣки.

— Это зачѣмъ?

— Я хочу, чтобы вы повидались съ Мери. Идемъ, что ли?

— По мнѣ пожалуй.

Дженни видѣла что тутъ что-то неладно и колебалась между любопытствомъ и страхомъ. Она почти была увѣрена, что мистеръ Симмонсъ все знаетъ, и ей хотѣлось посмотрѣть какъ-то Мери устоять подъ грозою, и что станетъ съ нею послѣ роковаго объясненія.

Итакъ она пошла съ мистеромъ Симмонсъ, чтобы посмотреть, чѣмъ все это кончится.

Увидѣвъ ихъ входящими вмѣстѣ, Мери опустилась на стулъ и устала на нихъ широко раскрытыми глазами. «Все вышло наружу» мелькнуло у нея въ головѣ; теперь она

Отг.

поняла, почему ея мужъ былъ такъ спокоенъ, даже колѣдены за послѣднее время.

— Въ жизнь свою не запомню я такого взгляда, какой былъ у нея въ эту минуту, замѣтила Дженни въ этомъ мѣстѣ своего разсказа.

— Имя этой женщины — Камеронъ, пускай-ко она отперется отъ него теперь, если можетъ, сказалъ онъ входя.

— Я и не думаю отпираться, вызывающимъ тономъ отвѣчала Дженни.

— Она уже была испорчена, когда ты съ ней зналась, Мери, и ты знала это, и сама была не лучше ея. Посмѣй-ко отпереться отъ этого.

Мери ломала руки и взглядомъ молила о пощадѣ.

Но мужъ оставался непреклоненъ, и тогда она бѣшено напустилась на Дженни.

— Это ты надѣлала, это ты ему все рассказала, злая завистница! Ты выдала меня, потому что тебѣ было завидно видѣть, что я изъ воровки стала честною женщиной.

— Я ничего ему не говорила, воскликнула Дженни, желая предупредить Мери, чтобы она сама себя не выдавала. Я знать ничего не знаю, я не подумала бы придти сюда, Мери, если бы онъ не позвалъ меня съ собою.

— Но я все знаю, не трудитесь вывертываться ложью, перебилъ онъ ее строго. Потомъ, обращаясь къ женѣ онъ продолжалъ: Мери, я женился на тебѣ, считая тебя за честную дѣвушку. Если бы я зналъ, что ты была до меня воровкою и еще хуже чѣмъ воровкою, то я себѣ скорѣе бы горло перерѣзалъ, чѣмъ женился. Ты прикинулась передо мною честною дѣвушкой, ты одурачила меня и навликала позоръ на мою голову — ты должна оставить мой домъ.

— О Джонъ, Джонъ, не говори этого!

Мери бросилась передъ нимъ на колѣна и обнимала его ноги. Она молила его выслушать ее, клялась, что любитъ его всѣмъ сердцемъ и жила честно съ той самой поры, какъ узнала его. Задыхаясь отъ рыданій, она рассказала ему всю свою повѣсть, призывая бога въ свидѣтели, что со времени ихъ же-

нитьбы жила только для него, думала только о немъ, и что тайна ея преступной жизни, которую она боялась открыть ему, была тяжелымъ бременемъ на ея совѣсти.

— Ты все еще въ сообщничествѣ съ этой дѣвушкой? спросилъ ее Симмонсъ вмѣсто отвѣта.

Камеронъ перебила его, объявивъ подь страшной клятвою, что онѣ встрѣтились на мосту только случайно и что Мери взяла съ нея обѣщаніе не знаться на будущее время. Ни разу еще въ жизни Дженни не была такъ потрясена, какъ въ эту минуту; заливаясь слезами, она молила за свою старую подругу, пока Симмонсъ не велѣлъ ей замолчать, сказавъ, что онъ не желаетъ ея заступничества.

Мери Логги продолжала молить о пощадѣ, какъ человѣкъ, для котораго рѣшается вопросъ жизни и смерти; передъ ней едва успѣла открыться новая жизнь, и она отчаянно билась противъ судьбы, грозившей насильственно воротить ее на старую дорогу. Она съ клятвами увѣряла мужа, что останется ему вѣчно вѣрна и навсегда отрезалась отъ знакомства съ Дженни и ей подобными. Счастье Мери держалось въ эту минуту на волоскѣ; но мужъ ея имѣлъ незлобивое сердце и тронулся наконецъ ея мольбами. Онъ былъ человѣкъ простой, чуждый всякой утонченности въ чувствахъ; но до сихъ поръ, она была ему доброю женою, и они жили очень счастливо, у него не стало духу на жестокость вытолкать ее снова на улицу.

Удостоверившись въ искренности раскаянья Мери, онъ смягчился и сказалъ ей наконецъ, чтобы она встала и перестала плакать; — съ своей стороны онъ обѣщался ей предать это дѣло забвенію и *испробовать ее*.

— А вы можете идти своею дорогой, продолжалъ онъ, обращаясь къ Дженни, и Дженни вышла, чувствуя что у нея гора съ плечъ свалилась послѣ этой благополучной разлуки.

Такъ кончился романъ Мери Логги. Раза два послѣ того Дженни встрѣчалась съ нею на улицѣ, но Мери каждый разъ отворачивалась въ сторону и проходила мимо ея торопливыми шагами.

— Я была ей не товарищъ, замѣтила Дженни, и хотя я знала, что сердце у нея доброе, и если я заговорю съ нею, то она мнѣ отвѣтитъ, но я этого сама не хотѣла.

ГЛАВА XXI.

Герой мошенничества.

Характеры, подобные Дженни Камеронъ, не знаютъ возврата съ избраннаго ими пути; никакая сила не можетъ спасти ихъ. «Добрые вы люди!» усмѣхается преступникъ этого закала. «сучили бы вы меня добру, когда я былъ помоложе, заботились бы обо мнѣ, когда я былъ ребенкомъ, тогда, быть можетъ, и не дошелъ бы я до этого.»

Итакъ жизнь Дженни Камеронъ потекла по старому руслу. вмѣстѣ съ своими сверстницами она занималась работой ровно на столько, на сколько было нужно, чтобы отвести поздрѣнія; она шила, чтобы наколоть слегка указательный палецъ, и даже занималась башмачнымъ ремесломъ, чтобы руки у нея были погрубѣе. У сыщиковъ была предосадная привычка здороваться отъ времени до времени съ подозрительными личностями, пожимая имъ руки; если руки при этомъ оказывались мягкими и изнѣженными, то это считалось вѣрнымъ знакомъ, что имъ только и дѣла, что прогуливаться по чужимъ карманамъ, и вслѣдъ за тѣмъ присмотръ становился строже.

Въ началѣ марта вся воровская братья въ Глазговѣ была взволнована прибытіемъ знаменитости, Ливерпульскаго вора, который счелъ нижнимъ перемѣнить на время свою резиденцію.

Человѣкъ этотъ, котораго мы назовемъ Чернымъ Барни, пользовался почетною извѣстностью какъ между ворами, такъ и между полицейскими служителями. Въ удалствѣ и ловкости, онъ далеко оставлялъ за собою остальныхъ своихъ товарищей по ремеслу; онъ слылъ между ними за образцоваго вора, за человѣка, который никогда не дастъ маху.

Этотъ новѣйшій Джекъ Шеппардъ *заработалъ* на своемъ вѣку не одну тысячу фунтовъ. Въ довершеніе всего, онъ за вѣдомо всей братіи два раза успѣвалъ *бѣжать* изъ тюрьмы, и этотъ подвигъ окружилъ его новымъ ореоломъ славы.

Наконецъ онъ былъ по общему, быть можетъ, нѣсколько пристрастному отзыву чловѣкъ хорошо образованный и могъ прослыть гдѣ угодно за джентльмена.

Въ честь его прибытія въ Глазговъ воры устроили между собою дружескую пирушку, на которой много было выпито водки. Полицейскіе не преминули заглянуть въ это почтенное собраніе, не съ цѣлью омрачить общую веселость, а только для того, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ идутъ дѣла, и поздороваться по пріятельски съ героемъ торжества.

— Вотъ какъ, Барни, ты къ намъ пожаловалъ!

— Да, думаю пробыть здѣсь денекъ-другой.

— Смотри, веди себя смирно.

— Ладно, ладно. Не хотите ли выпить за мое здоровье!

Полицейскихъ подчивали водкой и принимали съ утонченною любезностью, тѣмъ не менѣе всѣ вздохнули свободнѣе послѣ ихъ ухода, и митингъ принялъ свой настоящій характеръ.

На этомъ-то митингѣ Дженни въ первый разъ увидѣла Чернаго Барни. Она много наслышалась о его необыкновенныхъ достоинствахъ и взирала на него съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ темный сотрудникъ провинціальной газеты взираетъ на самого Чарльза Диккенса.

Черный Барни былъ ловкій кавалеръ и охотникъ приволонуться за прекраснымъ поломъ. Подъ конецъ вечера затѣялись танцы, и Барни, который, въ числѣ своихъ прочихъ достоинствъ, отличался ловкостью въ этомъ искусствѣ, выбралъ своею дамою Дженни Камеронъ къ великой досадѣ другихъ красавицъ, которые вовсе были не прочь поймать его въ свои сѣти.

Барни былъ чловѣкъ легко воспламеняющійся и прихотливый въ своихъ вкусахъ. Хотя въ этомъ собраніи много было дѣвушекъ красивѣе Дженни, онъ оказалъ ей исключительное вниманіе. Выборъ его встрѣтили со всѣхъ сторонъ гру-

были шутками, но Барни не прочь былъ и самъ пошутить, и не поддавался на насмѣлки. Что же касается Дженни, то такая побѣда совершенно вскружила ей голову.

«Левъ» этого вечера не могъ похвалиться особенно привлекательною наружностью. Онъ былъ не большаго роста, плотно сложенъ, одно плечо у него было выше другаго, лобъ у него былъ низкій и выраженіе лица мошенническое; но за него говорила его репутація ловкаго и счастливаго вора, наживавшаго много денегъ на своемъ вѣку; его предпочтеніе льстило Дженни, она влюбилась въ этого ловкаго мошенника и готова была идти за него въ огонь и въ воду. Если бы счастье помогло ей сдѣлаться его подругой, рассуждала она, то она не помѣнялась бы своею долею даже съ самой Мери Логги. Она не жалѣла усилій, чтобы плѣнить этого чеговѣка: дѣвушка она была ловкая, хорошо пѣла и плясала, была молода и недурна собою; итакъ, вовсе не удивительно, что Левъ Барни попался въ сѣти шотландской мышки.

ГЛАВА XXII.

Нѣсколько веселыхъ дней.

Черный Барни и Дженни наняли комнату въ одной изъ тѣхъ трущобъ, съ которыми читатель успѣлъ уже познакомиться въ теченіе этого разсказа. Барни объявилъ полиціи, что прибылъ въ Глазговъ для поправленія своего здоровья; настоящею же цѣлью его было—попытать счастья въ этомъ городѣ, такъ какъ пребываніе въ Ливерпулѣ начинало для него становиться небезопаснымъ.

Взявъ Дженни Камеронъ «подъ свое покровительство», онъ посвятилъ ее въ неизвѣстные ей дотолѣ приемы своего искусства. Дженни была понятливая ученица, и быстро освоилась съ предметомъ преподаванья. Черный Барни былъ льстецъ и захваливалъ ее болѣе, чѣмъ она стоила. Захваливанье было въ его политикѣ, имъ онъ возбуждалъ усиленное рвеніе въ своихъ ученикахъ.

У Дженни съ Барни часто заходили разговоры о тюрьмѣ; послѣдній вовсе не раздѣлялъ ея ужаса передъ заключеніемъ. «Еслибъ мнѣ не везло, я бы пошелъ въ тюрьму, какъ ни въ чемъ не бывало, говорилъ онъ. Другое дѣло, когда счастье тебѣ такъ и валитъ, тутъ точно досадно бываетъ очутиться за рѣшеткой.»

Въ концѣ марта Барни задумалъ продѣлку, которая уже не разъ передъ тѣмъ сходила ему благополучно съ рукъ.

Раздобывшись напрокатъ парю приличнаго платья для себя и для Дженни, онъ отправился изъ Глазгова окольными путями на одну изъ ближайшихъ станцій желѣзной дороги. Съ этой станціи, гдѣ имъ не угрожала, какъ въ Глазговѣ, опасность быть узванными полиціей, они отправились съ тяжелымъ поѣздомъ въ Карлейль. Здѣсь, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, они остановились въ скромной гостинницѣ, въ которой провели ночь, какъ мирные граждане, заплативъ до копѣйки по поданному имъ счету.

Они дожидались прибытія скорого поѣзда, съ которымъ обыкновенно богатые путешественники отправляются на сѣверъ. Поѣздъ пришелъ въ урочное время, и въ тѣ немногія минуты, которыя онъ простоялъ на станціи, привычно зоркій взглядъ Барни успѣлъ заглянуть во внутренность вагоновъ и замѣтить одинъ изъ нихъ, въ который въ эту самую минуту входилъ толстый джентльменъ.

Барни и Дженни успѣли занять мѣсто въ вагонѣ напротивъ этого джентльмена, и Барни, скрестивъ руки, тотчасъ же закрылъ глаза, дѣлая видъ, что усталъ съ дороги. Поѣздъ тронулся и обѣ хищныя птицы вздохнули свободнѣе: теперь никакая случайность не могла перейти имъ дорогу къ задуманной цѣли. Толстый джентльменъ, ничего не подозрѣвая, взглянулъ мелькомъ на своихъ спутниковъ, потомъ открылъ книгу и началъ читать при свѣтѣ фонаря, горѣвшаго въ потолкѣ вагона. Мало по малу его укачало; онъ закрылъ книгу и задремалъ. Дженни украдкой взглянула на Барни, но тотъ покачалъ головою; имъ, конечно, легко было стащить у него въ эту минуту часы; но джентльменъ могъ тутъ же въ вагонѣ замѣтить пропажу, и, чего добраго, прямо обвинить

ихъ въ воровствѣ. Благоразумнѣе было выждать прибытіе поѣзда въ Глазговъ.

Скоро поѣздъ загремѣлъ подъ сводами дебаркадера. Пока все суетилось, Барни и Дженни выжидали, чтобъ сосѣдъ ихъ поднялся съ своего мѣста. Когда онъ вышелъ изъ вагона и приготовился ступить на площадку, Барни очень любезно предложилъ ему свою руку, чтобы опереться; въ ту же минуту другая рука его принялась за работу, и въ одно мгновеніе, будто колдовствомъ золотые часы, цѣпочка и бумажникъ путешественника очутились въ этой рукѣ и были переданы Дженни. Барни поспѣшно удалился въ одну сторону, Дженни же съ добычей въ другую. Нѣсколько времени спустя, они сошлись въ своей берлогѣ.

Ты не разкрывала бумажника и не трогала вещей, поспѣшили осведомиться Барни, какъ только ее увидѣлъ.

— Стану я трогать твое добро; за кого ты меня принимаешь?

— Другая пожалуй и тронула бы, а ты, я знаю, не такая.

— То-то, подтвердила Дженни съ гордостью. Ишь что выдумала, пользуюсь я отъ него хоть копѣйкой.

Часы, цѣпочка и бумажникъ были положены на столъ, дверь заперта на ключъ, и сообщники усѣлись осматривать добычу.

— Что-то говорить мнѣ, что мы сегодня прокатились не даромъ, проговорилъ онъ ослабляясь. Осмотръ кошелька мы отложимъ на закуску.

Онъ осмотрѣлъ механизмъ часовъ, покритиковалъ цѣпочку, наконецъ перешелъ къ завѣтному бумажнику. Пока онъ его раскрывалъ, Дженни притаила дыханіе. Сосчитавъ его содержимое, Барни привскочилъ съ мѣста и разразился самыми эксцентрическими выраженіями радости.

— Вотъ такъ призъ, Дженни, чортъ возьми! Ура! да здравствуетъ цѣлый свѣтъ! да здравствуетъ Глазговъ!

— Сколько? спросила Дженни.

— Сто фунтовъ банковыми билетами и восемьдесятъ пять мелочью. Намъ есть на что погулять, дѣвка.

Рѣшено было, что они отправятся въ Лондонъ, чтобы размѣнять банковые билеты и сбыть съ рукъ краденныя вещи.

Долго сидѣли въ этотъ вечеръ Дженни и Барни, толкуя о томъ, какъ они погуляютъ на только—что добытыя деньги. Дженни еще не знавала ни одного настоящаго праздника въ своей жизни, такого праздника, во время котораго она могла бы отдохнуть отъ своего воровскаго ремесла и пожить честною бѣлоручкой въ какомъ нибудь уголкѣ земнаго шара, гдѣ никто ничего бы не зналъ о ея прошлой жизни.

— Эхъ! Славно я погуляла въ то время, вспоминала она впоследствии; одинъ только этотъ праздникъ я и запомню на своемъ вѣку. Ну да хоть не надолго, а узнала и я, что такое счастье, добавила она со вздохомъ, въ которомъ на этотъ разъ не слышалось сожалѣнія о прошлыхъ ошибкахъ.

Прибывъ въ Лондонъ, Дженни и Барни успѣшили отыскать джентльмена, который взялся промѣнять имъ часы, цѣпочку и банковые билеты на наличныя деньги. Живо обдѣлавъ это дѣло, Барни, знавшій всѣ мыши норки въ Лондонѣ, повезъ ее къ одному знакомому продавцу готоваго платья, у котораго они запаслись всевозможными принадлежностями туалета. Дженни нарядилась въ шелковое платье и бархатный бурнусъ, Барни выбралъ пару чернаго платья и бархатный жилетъ. Туго набивъ различными другими покупками тутъ же купленный чемоданъ, они поѣхали въ Лейстеръ-Скверъ, и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ.

Съ этой минуты они выкинули изъ головы всѣ заботы, связанныя съ ихъ профессіей.

Жизнь создана для наслажденія, такъ рассуждалъ Барни, надо же когда нибудь и отдохнуть отъ воровства.

Они заказывали себѣ роскошныя обѣды, «безъ хереса ни разу не сажались за столъ», по вечерамъ отправлялись въ театръ, гдѣ сидѣли въ партерѣ, и вмѣстѣ съ остальною публикою вполне отдавались невинному удовольствію. Днемъ они осматривали окрестности Лондона, ѣздили то въ Ричмондъ то въ Гриничъ, то въ Гревсендъ; но постоянно возвращались домой ко времени представленія. Они старательно избѣгали всякихъ новыхъ знакомствъ; завидѣвъ кого либо изъ своихъ старыхъ сообщниковъ, Барни торопился перейти на другую сторону улицы; онъ хотѣлъ вполне отрѣшиться на это время

отъ своей будничной обстановки и провести свою вакацію, какъ подобаетъ истому джентльмену. По возвращеніи изъ театра, они приказывали подать ужинъ себѣ въ комнату, обильно обливали его грогомъ и отходили ко сну далеко не въ трезвомъ видѣ. Съ наступленіемъ каждаго утра, они предавались новымъ удовольствіямъ.

Каждое утро Барни считалъ, сколько у него остается денегъ. «Всего только три фунта израсходовано изъ нашего капитала, Дженни» сообщалъ онъ своей подругѣ. «Всего только пять фунтовъ, всего только семь. и т. д. А въ ихъ распоряженіи былъ капиталъ во сто фунтовъ, цѣлыхъ сто фунтовъ, съ которыми Барни не разставался ни днемъ, ни ночью.

Но посѣщала такимъ образомъ многолюдныя собранія и имѣя не одинъ случай попользоваться чужою собственностью, странная чета эта ни разу не нарушила воровствомъ своего *far niente*. Дженни, еще строже чѣмъ Барни, воздерживалась отъ всякой мошеннической продѣлки. То была ея первая *вакація* въ жизни. Ни разу до сихъ поръ не жила «она барыней» и противоположность этого рода жизни съ годами, проведенными въ мрачныхъ притонахъ нищеты и порока, имѣла въ себѣ что-то одуряющее, обаятельное. Эти немногіе дни оставили въ ея памяти неизгладимое впечатлѣніе. Она любила вспоминать о нихъ даже и тогда, когда горько оплакивала всѣ ошибки своего прошлаго.

Въ половинѣ іюня Барни, сосчитавъ свой капиталъ, нашелъ, что онъ убавился на цѣлыхъ пятьдесятъ фунтовъ.

—Теперь мы отправимся въ какой нибудь приморскій городъ и спустимъ всѣ остальные деньги, объявилъ онъ. Когда у насъ останется не болѣе пяти фунтовъ, мы пустимъ въ ходъ свою ловкость и воротимся въ Глазговъ. Этотъ Глазговъ золотое дно!

На слѣдующій же день они отправились въ Маргетъ и наняли комнату въ одной изъ второклассныхъ гостинницъ. Это было какъ разъ въ то время года, когда толпы посѣтителей начинаютъ съѣзжаться въ маленькій городокъ. Во всѣхъ магазинахъ, на большихъ улицахъ, были устроены лотерейные сто-

лы, и Барни, мучимый жаждою сильныхъ ощущений, каждый вечеръ пробирался къ этимъ столамъ и бралъ билетъ за билетомъ въ надеждѣ на выигрышъ. Къ концу первой недѣли въ его карманѣ оказался значительный дефицитъ.

— Однако, это не идетъ Дженни, мы ужъ больно раскутились, замѣтилъ онъ. Но въ тотъ же вечеръ онъ поддался искушенію и цѣлый часъ провель у лотерейнаго стола, рискуя ставку за ставку.

Къ концу этого часа онъ возвратился къ Дженни съ шляющимъ лицомъ и зловѣщимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Это ты надо мной подшутила, Дженни, спросилъ онъ сильнымъ шопотомъ.

— Подшутила?—И не думала. Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что какой-то воришка, чортъ его побери, подвернулся ко мнѣ и обшарилъ мои карманы.

Въ послѣдующіе годы заключенія Дженни любила рассказывать этотъ анекдотъ, и много было смѣху по поводу его между арестантками. Но въ свое время этотъ случай нанесъ ей роковой ударъ: онъ положилъ конецъ ея кратковременному веселью.

ГЛАВА XXIII.

Последнее преступленіе.

Съ трудомъ добрались Дженни и Барни до гостепріимнаго Глазгова. Тутъ началась для нихъ старая жизнь, въ кругу старыхъ товарищей. На долю Дженни Камеронъ постоянно выпадала роль Сирены; не одного вѣтренника заманивала она въ свою трущобу, гдѣ его караулили хищники. Она съ особеннымъ успѣхомъ подвизалась на этомъ поприщѣ.

Однажды, темнымъ ненастнымъ вечеромъ, стояла она на часахъ за угломъ сосѣдняго дома, дѣлая видъ, что пережидаетъ мелкій дождикъ, который накрапывалъ въ эту минуту. Бѣдно одѣтая, съ платкомъ на головѣ и съ лицомъ искусно размазаннымъ для этого случая, она походила на фабричную ра-

ботницу или на дочь какогонибудь бѣднаго ткача. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить, что маска нищеты часто употребляется, какъ приманка въ подобныхъ случаяхъ.

На бѣду ли, на счастье ли, мимо ея прошелъ въ эту минуту хорошо одѣтый господинъ лѣтъ тридцати пяти, видимо шатавшійся по улицамъ отъ нечего дѣлать и ненавшій, какъ убить время. Онъ взглянулъ на Дженни, и она отвѣчала ему тѣмъ притворно стыдливимъ взглядомъ, которымъ владѣла въ совершенствѣ. Отойдя немного, онъ повернулъ назадъ; Дженни все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ.

Немного погодя, онъ предложилъ ей какой-то пустой вопросъ, на который Дженни отвѣчала.

Человѣкъ этотъ былъ уже навеселѣ, походка его была не совсѣмъ тверда; онъ нашелъ болѣе удобнымъ прислониться къ стѣнѣ, и въ этомъ положеніи повелъ съ нею легкій шутивый разговоръ. Въ эту минуту одинъ изъ членовъ воровской шайки, подговоренный заранѣе, прошелъ мимо ихъ и замѣтилъ Дженни съ укоризною: чѣмъ здѣсь стоять и балагурить, лучше бы ты шла домой къ своей матери. Стыдилась бы ты! а еще честной дѣвушкой называешься!

— Отвяжись, сдѣлай милость. Будто ужъ нельзя и поболтать съ джентльменомъ?

Менторъ удалился, пробормотавъ что-то сквозь зубы. Дженни взглянула на незнакомца, стоявшаго съ ней рядомъ, и шепнула ему:

— Онъ непременно все перескажетъ моей матери.

Маленькій этотъ эпизодъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на незнакомца; онъ расшевелилъ его самолюбіе, и внушилъ желаніе продолжать завязавшуюся интригу. Онъ принялся утѣшать Дженни въ неприятности, ожидавшей ее дома, и предложить ей выпить для храбрости водки.

— Только не въ Гай-Стритѣ, тамъ меня слишкомъ хорошо знаютъ, и бѣда мнѣ, если меня увидятъ въ обществѣ такого джентльмена, какъ вы.

— Ну, такъ въ другомъ какомънибудь мѣстѣ.

— Есть тутъ по близости одинъ человѣчекъ, у него продаетъ

ся водка на дому. Человѣкъ онъ бѣдный, и вы на него, серъ, конечно не донесете.

— Зачѣмъ же мнѣ доносить, милая?

— А коли такъ, пойдѣте.

Дженни повела его цѣлымъ лабиринтомъ темныхъ закоулковъ, изъ котораго и днемъ мудрено было выбраться, ночью же, положительно невозможно.

— Однако тутъ и шею свернешь, милая, пробормоталъ онъ.

— Здѣсь всегда такъ, отвѣчала Дженни. Мало ли страху натерпишься, проходя здѣсь вечеромъ. Видно думаютъ, что про нашего брата бѣдняка не стоитъ газъ зажигать.

Разговаривая такимъ образомъ, Дженни привела его къ двери своей собственной квартиры. Она постучалась въ дверь и грубый голосъ отозвался имъ изнутри:

— Кто тамъ?

— Отворяйте-ка, отворайте. Тутъ одинъ джентльменъ жааетъ выпить водки.

Они вошли въ комнату, въ которой на первомъ планѣ сидѣлъ Черный Барни, кура трубку, и стараясь придать себѣ по возможности видъ настоящаго трактирщика. У камина грѣлись женщина и юноша лѣтъ восемнадцати. Тѣсное пространство комнаты было насквозь пропитано запахомъ водки.

Незнакомецъ, попавшійся въ эту западню, подозрительно поглядѣлъ на всю эту обстановку и началъ раскаиваться въ опрометчивости, которая завела его въ это недоброе мѣсто.

— Выставьте намъ водочки съ этимъ джентльменомъ, проговорила Дженни.

— Мы не продаемъ водки, отвѣчалъ Барни, дѣлая видъ, что съ своей стороны держится на сторожѣ.

— Говорятъ вамъ не ломайтесь; этотъ джентльменъ васъ не выдастъ.

— Ну такъ и быть, я вамъ бѣрю, серъ.

И водка явилась на столѣ.

Наружность Чернаго Барни имѣла въ себѣ мало успокоительнаго, и джентльменъ продолжалъ смотрѣть вокругъ себя не-

довѣрчиво. Человѣкъ онъ былъ, какъ видно, чрезвычайно осторожный и въ опасности не терялся.

Пока подавалась водка, Дженни и другая дѣвушка, сидѣвшая у камина, начали болтать и смѣяться между собою. Незнакомецъ вмѣшался въ ихъ разговоръ, но продолжалъ слѣдить очень внимательно за тѣмъ, что около него дѣлалось.

Пока онъ держался такъ осторожно, не было никакой возможности подмѣшать въ его стаканъ усыпляющаго снадобья, и Барни отложилъ до поры до времени всякую попытку подобнаго рода. По всѣмъ вѣроятіямъ, рассуждалъ онъ, молодецъ скоро перестанетъ чиниться; видѣли мы и прежде этихъ осторожныхъ людей.

Незнакомецъ и Дженни роспили водку; послѣдняя такъ искусно играла свою роль, что разбѣяла отчасти его тайныя подозрѣнія. Дѣвушка у камина запѣла пѣсню. Когда она кончила, настала чередъ Дженни; незнакомецъ между тѣмъ подсѣлъ къ камельку, вынулъ свою трубку и предался кейфу.

— Выпей-ка еще водочки, Дженъ, замѣтилъ онъ, когда она допѣла свою пѣсню.

— Нѣтъ, будетъ, я до нея не охотница. Мнѣ пора домой, къ матушкѣ.

— Нѣтъ, ты прежде спой еще пѣсенку, удерживалъ ее гость; у тебя славный голосъ.

— А вы, серъ, выставьте-ка намъ еще водки, вмѣшалась другая дѣвушка. Вѣдь это намъ за диковинку видѣть здѣсь настоящаго джентльмена. Идетъ, что-ли, серъ?

— Душевно радъ. Выпьемъ всѣ по чарочкѣ.

Водка полилась изъ глинянаго кувшина. На этотъ разъ въ стаканъ незнакомца попала обильная примѣсь одуряющаго снадобья. Онъ провозгласилъ здоровье всѣхъ присутствующихъ, отпилъ половину стакана, но вдругъ остановился и недовѣрчиво посмотрѣлъ на оставшуюся жидкость.

— Эй, что это такое?

— А что? спросилъ Барни.

— У этой водки какой-то странный вкусъ, совсѣмъ не тотъ, что у прежней.

— Водка вся изъ одной бутылки

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ джентльменъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рѣшительная минута приближалась. Пѣнье прекратилось; вся тайба напряженно чего-то ждала. Прологъ трагедіи былъ сыгранъ. Всѣ чувствовали, что если незнакомецъ не доньетъ своего стакана, то все это врядъ ли кончится обычною мирною развязкой.

— Конечно изъ одной бутылки. Ужъ не думаете-ли вы, что я держу два сорта водки для продажи? спросилъ Барни, напращиваясь на ссору, какъ на лучшее средство покончить разомъ дѣло.

— Я думаю, что мнѣ пора идти домой, проговорилъ незнакомецъ, тяжело поднимаясь съ мѣста. Я и такъ замѣшкался. Покойной ночи.

— Допейте же свою водку.

— Въ нее что-то подмѣшано, я до нея больше не дотронусь, и съ этими словами стаканъ былъ брошенъ объ полъ.

Черный Барни заслонилъ дверь спиною; выйти не было никакой возможности.

— Пропустите меня.

— Прежде заплатите за стаканъ. Вы его разбили.

— Хорошо... Сколько вамъ надо?

Незнакомецъ начиналъ терять сознание; снадобье оказывало свое дѣйствіе. Но человѣкъ онъ былъ крѣпкаго сложенія; сознание опасности придавало ему новыя силы, и онъ отчаянно сопротивлялся этому дѣйствію.

Барни назначилъ цѣну за стаканъ, и незнакомецъ началъ рыться въ своихъ карманахъ. Пользуясь этою минутою, Барни нанесъ ему ударъ тяжелымъ кистенемъ. Незнакомецъ пошатнулся и ухватился за наличникъ камина.

— Боже мой! простоналъ онъ, зачѣмъ я сюда пришелъ. Но близость угрожающей опасности придала ему силы для защиты, и онъ устремился на своего противника.

— Не бей его больше, Барни, прокричалъ кто-то изъ при-

существующихъ. И такъ сейчасъ упадетъ, онъ исходитъ кровью; будетъ съ него!

Но Барни становился подчасъ суицимъ демономъ; раздраженный сопротивленіемъ, онъ и не заботился о послѣдствіяхъ своей горячности. Вторичный ударъ былъ нанесенъ и, при томъ, съ такою силою, что незнакомецъ замертво повалился на полъ, потрясши весь домъ своимъ паденіемъ.

— Эй, дѣвки, живѣе! воскликнулъ Барни. Обшарьте его карманы и все, что найдете, давайте сюда. Счеты успѣемъ свести завтра. А теперь надо его поскорѣе убрать отсюда, пока онъ не слишкомъ много потерялъ крови.

— Ты его никакъ совсѣмъ порѣшилъ, Барни, замѣтила Дженни. Боже правый! Что намъ теперь дѣлать?

— Полно, дурочка, онъ только ошеломленъ. Гдѣ его кошелькъ!

И они торопливо принялись за работу. Дженни, припавъ на колѣна возлѣ двери, дрожала отъ испуга. Ни разу еще не приходилось ей до сихъ поръ быть сообщницей такого страшнаго дѣла. Незнакомецъ не шевелился, глаза его потускнѣли, какъ у мертваго. Струя крови текла къ двери и начинала просачиваться за порогъ, когда Барни закричалъ ей:

— Смотри, чтобы кровь не потекла на площадку, не то мы пропадемъ. Останови ее своимъ фартукомъ.

Дженни загородила своимъ фартукомъ путь алому потоку; начатое дѣло шло между тѣмъ своимъ чередомъ. Другая молодая дѣвушка была блѣдна, какъ полотно; восемнадцатилѣтній мальчикъ совершенно растерялся и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, стоялъ у камина. Самъ Барни казался озабоченнѣе обыкновеннаго.

— Пульсъ у него еще бьется, проговорилъ онъ наконецъ торжествующимъ голосомъ, и Дженни, въ воображеніи которой уже начинала рисоваться висѣлица и толпа народа на глазговской площади, воскликнула: ну, слава богу! какъ я рада! Эхъ Барни! Надо же тебѣ было его ударить во второй разъ.

— Снесемъ-ка его теперь внизъ, продолжалъ Барни, не отвѣчая на вопросъ. И они подняли втроемъ неподвижное тѣло, и спустились по темной лѣстницѣ во дворъ. Тутъ они испу-

гались какого-то шума и, оставивъ тѣло на землѣ, поспѣшно возвратились въ комнату.

— Уберите-ка здѣсь все поскорѣе, распорядился Барни, и погасите свѣчу.

Дѣвушка, помогавшая преступной четѣ въ этомъ дѣлѣ, выждалась было пойти внизъ и покараулить, но Барни считалъ такую предосторожность излишней и даже опасной. Тогда эта женщина принялась плакать о томъ, что не можетъ возвратиться домой. Дженни блѣдная, но твердая, принялась за работу по указанію Барни; но она никакъ не могла отдѣлаться отъ страха, что все выйдетъ наружу, и сердце ея тревожно билось. Обѣ женщины спросили у Барни, какъ онъ объ этомъ думаетъ: онъ отвѣчалъ, быть можетъ, не совсѣмъ искренно, что дѣло это—пустяки. Наконецъ было приступлено къ раздѣлу добычи, которая оказалась ниже общихъ ожиданій.

Кошелекъ былъ брошенъ въ огонь. Покончивъ всѣ дѣла, Барни отправился внизъ подъ предлогомъ удостовѣриться, что все ли обошлось благополучно. Немного погодя и Дженни спустилась вслѣдъ за нимъ.

Но ни Барни, ни тѣла оставленнаго на дворѣ не оказалось. Возвратившись въ комнату, Дженни застала свою сообщницу молящеюся на колѣняхъ.

— О чемъ это ты молишься? спросила Дженни.—Я молю Пресвятую Богородицу, чтобы насъ не открыли, отвѣчала та. Женщина эта была католичка.

Обѣ женщины въ эту ночь не ложились въ постель.

Онѣ подвалили угольевъ въ каминъ, чтобы скорѣе высушить только-что вымытый полъ и бросили окровавленный фартукъ въ огонь. Потомъ онѣ подсѣли къ камельку и принялись разсуждать о предстоящей опасности.

— Не могу понять куда дѣвался Барни? недоумѣвала Дженни.

— Барни удралъ, и мы его больше не увидимъ, рѣшила ея подруга. Мнѣ кажется, что и намъ самимъ лучше всего убраться по добру по здорову.

Въ эту минуту послышался легкій стукъ въ дверь и женскій голосъ шопотомъ проговорилъ: «Джень». Затворницы отодвинули болтъ у двери, и къ нимъ вошла сосѣдка, жившая въ

смежной комнатѣ. Посѣдательница, какъ видно, еще не раздѣвалась въ тотъ вечеръ.

—Откуда ты?

—Я только-что вернулась домой. На улицѣ собрались кучи народа. Дѣло плохо: полиція того и гляди, что нагрянетъ сюда. Дикъ уже взять; я нарочно пришла вамъ это сказать.

—Ну такъ давай богъ ноги.

Дженни и ея подруга поспѣшно вышли изъ дома и, очутившись на улицѣ, разошлись въ разныя стороны. Дженни отправилась къ одной своей пріятельницѣ, содержавшей пріютъ, въ которомъ полиція не такъ часто заглядывала.

—Что такое случилось? спросила хозяйка пріюта, наслушавшаяся на стукъ Дженни покинуть постель и отпереть дверь.

—Те! погоди немного, я тебѣ все расскажу. Барни не заходилъ къ тебѣ?

—Нѣтъ.

—Куда же бы онъ могъ дѣваться?

—А что? Развѣ бѣда какая случилась?

—Еще какая бѣда-то!

И Дженни начала свой разсказъ. Слушательница ея подошла какъ была въ спальной одеждѣ къ камину, въ которомъ еще тлѣлся огонь и, давъ ей договорить, высказала свое мнѣніе:

—На твоемъ мѣстѣ я не осталась бы здѣсь ни минуты, Дженни.

—Въ самомъ дѣлѣ?

Я бы отправилась въ Поллокшильдсъ, тамъ до тебя не скоро еще доберутся. Не совѣтую тебѣ мѣшкать въ Глазговѣ.

Въ объясненіе этого совѣта необходимо замѣтить, что Поллокшильдсъ, предмѣстье Глазгова, лежалъ внѣ круга дѣйствія Глазговской полиціи и служилъ убѣжищемъ не одному преступнику, укрывавшемуся отъ кары закона. Предмѣстье это, находившееся за чертою города, имѣло довольно долго свое собственное управленіе, и ни одинъ преступникъ не могъ быть арестованъ въ немъ городскою полиціею.

Дженъ попяла благоразуміе этого совѣта, но это не помѣшало ей отвергнуть его. Многие говорили въ пользу бѣгства, но было одно соображеніе, побуждавшее ее остаться.

—Я все думаю, не придетъ ли сюда завтра Барни. Мнѣ, знаешь ли, не хотѣлось бы безъ него ни на что рѣшиться.

—Дѣлай, какъ знаешь; только по моему ты дура, что здѣсь мѣшкаться.

Дженни осталась. Хозяйка ея улеглась въ постель и спала ночь спокойно; но Дженни было не до сна. Когда разсвѣло, ночные постояльцы разбрелись въ разные стороны по своимъ дѣламъ; многіе изъ нихъ на ходу поздоровались съ Дженни и освѣдомились, какими судьбами она сюда попала, на что Камерона далъ имъ уклончивый отвѣтъ.

Часамъ къ двѣнадцати тѣ изъ постояльцевъ, у которыхъ въ этотъ день было мало работы, вернулись домой съ самыми свѣжими новостями. Происшествіе послѣдней ночи, въ которомъ наша героиня принимала такое дѣятельное участіе было уже напечатано въ столбцахъ Глазговскихъ газетъ, которыя Дженни прочитала по складамъ. Къ утѣшенію своему она узнала, что ударъ, нанесенный жертвѣ, былъ не смертельный, но въ то же время она узнала, что домъ, въ которомъ она жила, былъ обысканъ и въ комнатѣ ея побывали сыщики.

—Они добираются до тебя съ Барни, замѣтилъ одинъ изъ разскащиковъ. На твоёмъ мѣстѣ я поскорѣе бы удралъ изъ города.

—Нѣтъ, я еще подожду до ночи.

—Жди своего Барни! Что ему за невидаль сюда вернуться, замѣтила хозяйка.

—А знаю, что онъ вернется.

Но Дженни ошиблась, и напрасно прождала его до наступленія ночи. Передъ вечеромъ, чтобы придать себѣ мужества, она напилась пьяная, вслѣдствіе чего сдѣлалась еще упрямѣе и задорнѣе. Наконецъ она заснула, прислонившись головою къ наличнику, и въ этомъ состояніи застали ее грозные посятители, о приходѣ которыхъ ее давно предупреждали.

—Давно ли эта женщина здѣсь? спросилъ сыщикъ у хозяйки.

—Съ прошлой ночи.

—Въ которомъ часу она сюда пришла?

—Часу такъ во второмъ или въ третьемъ, я и сама хорошо не помню; я впустила ее съ просонковъ.

—Черный Барни не былъ здѣсь.

—Ея любовникъ-то? И носу не показывать. Да я и не пустила бы его; не люблю я этого человѣка.

Дженни слышала весь этотъ разговоръ, но тогда только очнулась и поняла весь ужасъ своего положенія, когда чья-то рука грубо трихнула ее за плечо.

—Эй, Дженни вставай!

—Что такое случилось?

Она выпрямилась, стараясь по возможности казаться спокойной. Передъ нею были знакомыя лица констэбля и сыщика; у дверей полицменъ въ мундирѣ.

—Тебя требуетъ въ бюро полиціи.

—Я ничего такого не сдѣлала. Въ чемъ же меня обвиняютъ?

—Ты это тамъ узнаешь; мое дѣло только арестовать тебя.

—Ну, дѣлать нечего, проговорила она, вставая съ тяжелымъ вздохомъ; видно надо съ вами идти. Прощайте мистрисъ Эдмондсъ; если можно будетъ, дайте знать Барни, гдѣ я. Ну-съ, я готова. Только вы увидите, что все это недоразумѣніе.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

(ПОВѢСТЬ)

Было одиннадцать часовъ утра.

Губернскій городъ С. давно уже проснулся и засуетился своей обычной суетой, но въ семействѣ Струговыхъ утро только что начиналось. Это было видно по стульямъ въ безпорядкѣ отодвинутымъ отъ стѣнъ, довольно большой комнаты, которая служила и пріемной, и столовой; по щеткѣ половой, въ торопяхъ прислоненной къ стѣнѣ, подлѣ фортепьяно; по тряпкѣ, брошенной на столикѣ передъ зеркаломъ и по чайному прибору, еще не убранному съ другаго стола, стоявшаго въ простѣнкѣ между двумя окнами. Обстановка этой комнаты не представляла ни претензіи на роскошь, ни слѣдовъ вопіющей бѣдности: это была форменная мебелировка пріемной небогатаго провинціального семейства. Соломенные стулья, большое зеркало, фортопьяно, падъ нимъ на стѣнѣ нѣсколько фамилльныхъ фотографическихъ портретовъ, и бѣлые кисейные занавѣсы на окнахъ, — вотъ и все. Черезъ растворенную дверь видна была другая комната, раздѣленная пополамъ ситцевой драпировкой. Въ ней находились три дѣвушки. Одна, облокотясь на чайный столъ, читала, или лучше сказать, перелистывала книгу. Ей казалась на видъ около двадцати четырехъ лѣтъ. Черты ея лица были довольно нѣжны и правильны, но ихъ портило безжизненное и вялое выраженіе. По этому выраженію можно было догадаться, что для нея всякое движеніе составляетъ трудъ.

Совершеннымъ контрастомъ ей была другая сестра, высокая, полная брюнетка, краснощочая, съ живымъ, но довольно тривіальнымъ очертаніемъ лица и черезъ-чуръ густыми, темными, нависшими бровями. Она снимала черезъ стекло узоръ для воротничка. Наконецъ передъ зеркаломъ третья сестра, прехорошенькое маленькое созданье, то надѣвала, то снимала поясъ, на которомъ перешивала крочки. Ей было двадцать два года, но на видъ казалось не болѣе семнадцати.

— Копочка, сказала та изъ сестеръ, которая сидѣла за книгой;— что такое *буддизмъ*?

— Погоди, не мѣшай, отвѣчала Копочка передвигая листокъ на стеклѣ. Я уголъ снимаю. По моей выкройкѣ не приходится.

— Это вѣрно происходитъ отъ французскаго слова *bonnet*, замѣтила младшая бойко и увѣреннымъ тономъ,—въ десятый разъ застегивая поясъ и вертась передъ зеркаломъ.

— Ты вѣчно, Люба, слажешь какую нибудь глупость, проговорила Копочка, нахмутивъ свои темныя бровя.

— Что жъ я сказала глупаго, позвольте спросить?

— Буддизмъ, значить вѣра такая, отвѣтила строго Копочка.

— А я почему знаю. Лиза, посмотри, пожалуйста, не морщитъ ли сзади, прибавила она, подойдя къ сестрѣ.

— Ты вѣчно ничего не знаешь, продолжала Копочка, въ томъ-то и дѣло. Ты себя такъ при чужихъ можешь сконфузить.

— Женщинѣ простиительно не быть ученой, отвѣчала Люба:— Иванъ Тихоничъ въ прошедшій разъ сказалъ это.

— Много онъ смыслить, твой Иванъ Тихоничъ, замѣтила Копочка презрительно. Отчего жъ Иларій заставляетъ насъ читать и учиться.

— Отъ того, что Иларій мудрецъ, отвѣчала Люба хладнокровно; да притомъ же онъ учитель. Онъ привыкъ ворчать на мальчашекъ, пѣдь я не гимназистъ, и въ *ученья* не лѣзу.

— Ужъ куда тебѣ до ученыхъ; хоть бы ты имѣла понятіе о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Вѣдь нынче не старина, и надъ женщинами смѣются, если онѣ каждую минуту попадаютъ въ просакъ. А вотъ я хоть пари готова держать, что ты не знаешь, отчего твой аоясъ называется Медичи, прибавила Копочка, указывая на него карандашемъ.

— Ну что-жъ держи пари, отвѣтила самодовольно Люба. Только если проиграешь, спиши мнѣ польку *la Coquette*.

— А если выиграю?

— Я тебѣ вѣрнѣе этого шеротачекъ, что ты ригуешь.

— Согласна. Лиза будь свидѣтельницей.

— Нежалуй, отвѣчала Лиза лѣживо, продолжая перелистывать книгу.

Въ эту минуту изъ передней растворилась дверь, и черезъ столовую въ спальню быстро прошла высокая женщина, въ ситцевомъ капотѣ и въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ. Походка ея была суевлива, лицо постоянно озлоблено.

— Дѣти, замѣтила она мимоходомъ, — хоть бы вы ярились тутъ: Катеринѣ вѣногда. Я масло купила, такъ она въ ванну ушла свѣсить. Страхъ какой! Посмотрите, скоро двѣнадцать часовъ, а у насъ еще соръ посреди полу валнется. Хоть бы ты, Люба, подмела — неравно кто придетъ, а ты Лиза чашки бы вымыла, да убрала.

Люба оставила поясъ, который былъ уже совсѣмъ готовъ, и взялась за щетку. Но Лиза не двинулась съ мѣста.

— Катеринѣ вѣногда, замѣтила она съ неудовольствіемъ. Очень пріятно мыть чашки, чтобъ руки испортились. У меня сегодня и безъ того голова болитъ.

— Ну что-жъ, Люба, отчего поясъ называется Медичи?

Люба остановилась посреди комнаты и облокотясь на щетку, сказала медленными торжественными тономъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Отъ того, что жила была на свѣтѣ, влая, презлая королева, которую звали Катериной Медичи и которая носила такіе пояса. Ну довольно съ тебя?

— И ты воображаешь, что выиграла пари? сказала Коночка.

— Еще бы нѣтъ. Вѣдь я тебѣ рассказала, кто носилъ такіе пояса.

— Очень ты много рассказала. Ты даже не знаешь, какая королева была Катерина Медичи.

— Итальянская, отвѣчала Люба, поставивъ щетку и принимаясь за пыльную тряпку.

— Ну вотъ и опять глупости говоришь. Она была не итальянская, а французская королева. Жена Генрика II, мать того самого Барда IX, который стрѣлялъ въ своихъ подданныхъ съ балкона, во время Варфоломеевской ночи.

Коночка рада была блеснуть ученостью, которую недавно почерпнула изъ романа Дюма.

— Да отвяжись, Копочка, надоѣла ты мнѣ со своей королевой. Что мнѣ за дѣло до того, кто былъ ей мужъ, Генрихъ II или Степанъ Ивановичъ! Вѣдь мнѣ съ ними не жить, всё ужъ давно перемерли... Туда мнѣ и дорога. Ваше сіятельство, прибавила Люба, обращаясь къ Лизѣ, потрудитесь пошевелиться немножко, позвольте мнѣ снять скатерть и поднести съ чашками.

— Да что это Люба ты выдумала звать меня вашими сіятельствомъ, проговорила Лиза съ досадою, надувъ губы.

— Въ самомъ дѣлѣ Люба, подхватила Копочка, ты иногда бываешь очень дерака.

— Дераки бываютъ только служанки, замѣтила Люба, а вѣдь я не въ услуженіи у васъ...

Между тѣмъ, какъ Люба хотѣла распространиться на эту тему, у воротъ послышался стукъ экипажа.

— Вонъ Иванъ Тихонычъ пріѣхалъ, — сказала Лиза, взглянувъ въ окно.

Всѣ сестры всполошились. Позвали на помощь Екатерину. Чашки, щетка, вѣльная тряпка—все было вынесено въ одну секунду. Лиза ушла въ спальню и затворила дверь. Когда пріѣхавшій гость вошелъ въ приемную, Люба уже играла какой-то вальсъ, а Копочка на столѣ обрисовывала свой узоръ. Вошедшій, Иванъ Тихонычъ Костяниковъ, былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти. Покойный родитель его, богатый подрядчикъ, держалъ сына въ ежовыхъ рукавицахъ. При жизни его, Иванъ Тихонычъ не смѣлъ заговорить громкимъ голосомъ, и послѣ смерти родителя еще долго не могъ отстать отъ привычки разговаривать шопотомъ и оглядываться. Но за то, когда потомъ убѣдился, что онъ теперь полный хозяинъ наследственной тятеньиной конторки, на которую прежде такъ сладострастно поглядывалъ, — молодой человекъ развернулся и закинулъ во всю ширину натуры, благовоспитанной въ родительскихъ тискахъ. Онъ былъ недуренъ собою. Лицо у него было бѣлое, украшенное кое-гдѣ веснушками, носъ прямой, волосы свѣтлорусые, глаза сѣрые. Больше про его наружность ничего нельзя сказать. Одѣтъ онъ былъ щеголевато. Въ приемахъ его, то угловатыхъ, то вялыхъ, странно сливались застѣнчивость и неловкость, и грубая развязность, претендовавшая на свѣтскость.

— Я вамъ помѣшалъ, сказалъ онъ раскланявшись и обрѣцаясь къ Любешкѣ.

- Ахъ нѣтъ! Садитесь, Иванъ Тихонычъ.
- Марья Андреевна здорова?
- Мамаша хозяйничаетъ, отвѣчала Копочка, она сейчасъ придетъ.
- А я прѣхалъ къ вамъ съ порсыбой.
- Что такое? сестры спросили съ любопытствомъ.
- Я во вторникъ балъ даю, произнесъ Иванъ Тихонычъ, потупивъ глаза. Не откажите, удостойте вашимъ присутствіемъ.
- Балъ! да это чудесно! вскричали обѣ дѣвицы.
- Отчего вамъ вдумалось давать балъ лѣтомъ?
- Новоселье справляю.
- Развѣ ужъ домъ совсѣмъ готовъ? спросила Люба.
- Какъ же; третьяго дня мы перешли. Вчера молебень былъ.
- Ахъ какъ мнѣ хочется видѣть вашъ новый домъ? воскликнула Люба. Я увѣрена, что онъ отдѣлашь чудесно.
- Сколько въ немъ комнатъ? спросала Копочка.
- Да какъ вамъ сказать...
- Иванъ Тихонычъ принялся считать про себя по пальцамъ.
- Двѣнадцать на моей половинѣ, да четыре во флигелѣ у маменьки.
- За чѣмъ вамъ такъ много? спросила Копочка.
- Для чего же, имѣвши капиталъ, стѣснять себя? Я считаю такъ, что если имѣвши деньги, да не пользоваться ими, значить не стоять ихъ и имѣть...
- Сколько у васъ гостинныхъ? спросила Люба.
- Двѣ—одна большая, другая маленькая.
- И каминъ есть?
- Все есть, отвѣчалъ Иванъ Тихонычъ, трякнувъ головой. Въ большой гостинной шпалеры бархатныя, цвѣты на нихъ точно живые. Вотъ увидите. Мебель орѣхового дерева, натурального цвѣта, лунцовымъ атласомъ обита. Зало въ семь оконъ.
- Вотъ это славно! вскричала Люба. Танцевать отлично будетъ.
- Я это имѣлъ въ виду, проговорилъ Иванъ Тихонычъ, улыбаясь и умильно посматривая на Любу.
- У васъ много будетъ на балъ? спросила Копочка.
- Всѣхъ почти звалъ. Вотъ и вамъ пригласительный билетъ, прибавилъ Иванъ Тихонычъ, вынимая изъ жилетнаго кармана билетъ. Маменька васъ очень проситъ; могу я быть увѣренъ, что вы будете?

— Я думаю, Иванъ Тихоничъ, сказала Коночка. Надо съезжать брату; не знаю, какъ онъ.

— Неужели Иларій Алексѣичъ не захочетъ доставить вамъ этого удовольствія? Это было бы слишкомъ жестоко съ его стороны, проговорила Иванъ Тихоничъ, охорашиваясь и поглядывая на Любеньку.

— Разумѣется Иларій побѣдетъ, отвѣчала Любенька увѣренно. У насъ въ С. не скоро опять такого бала дожденся. Танцевать лѣткомъ, вѣдь это просто прелесть.

— А я весь садъ вливишную; дорожки велю несколь укатать, столики велю тамъ разставить съ фруктами и мороженными.

Дѣвицы отъ восторга зачали на разные тоны.

— Это будетъ великолепно, проговорила Любенька.

— Это будетъ ошаровательно! Вашъ балъ, Иванъ Тихоничъ, займется въ лѣтописакъ нашего городка, прибавила Коночка.

— Эхъ Капитолина Алексѣвна, что мнѣ до нихъ, до лѣтописей. Я вѣдь не изъ тишеславя... собственно это дѣлаю для...

Иванъ Тихоничъ замаялся и посмотрѣлъ на Любеньку.

— Для хорошихъ знакомыхъ, прибавилъ онъ тише, и оглаживаясь.

Онъ всталъ и принялся натягивать перчатку.

— Куда же вы? заговорили сестры. погодите, сейчасъ мамаша выйдетъ.

— Нѣтъ ужъ что беспокоить Марью Андреевну, а въ другой разъ. Вы имъ потрудитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе.

— Мамаша очень жалѣтъ будетъ.

— Я у васъ скоро буду, отвѣчалъ Иванъ Тихоничъ съ пріятной улыбкой, раскланявшись какъ могъ галантерейнѣ, и исчезъ за дверью.

— Купчикъ, во всей формѣ купчикъ! проговорила насмѣшливо Коночка, взглянувъ мелькомъ въ окно, когда загремѣлъ экипажъ увозившій Ивана Тихонича.

— Ну да, купчикъ, подхватила Любенька, а сама вѣдь съ радостью вышла бы за него замужъ, еслибъ только посватался.

— Ну еще подумала бы о томъ, идти за него или нѣтъ.

— Хоть и подумала бы, а все, таки вышла бы.

— Ну, можетъ быть, и вышла бы. Чтожъ, я вѣдь бѣдная дѣвушка, намъ нельзя много разбирать. Все же лучше, чѣмъ старой дѣвой остаться.

Изъ передней вышла сперва Марья Андреевна, а за ней Екатерина скатертью и тарелками.

— Чистите ее дѣти столъ накрыть, сказала Марья Андреевна, скоро два часа; Иларій придетъ.

Дѣвяти перебрались въ маленькую гостиную передъ спальней. Марья Андреевна, чтобъ привести въ порядокъ свой туалетъ, ушла за драпировку.

— Этакъ мнѣ досадно было, заговорила она оттуда, что я не успѣла выйти къ Ивану Тихонычу. Хоть бы ты Бюлочка задержала его.

— Мы оставляли, да ему нѣкогда. Знаете, онъ на балъ звалъ насъ.

— На балъ? спросила радостно Марья Андреевна.

— Да, да, завѣчали всѣ сестры хоромъ.

— Какой балъ-то великолѣпный, прибавила Люба. Иллюминація въ саду будетъ.

— Говорить, что всѣхъ звалъ, и намъ билетъ привезъ.

Марья Андреевна вышла изъ за драпировки; физиономія ея очень оживилась. Видно было, что вѣсть о балѣ пришла къ ней по сердцу.

— Да когда жъ это? спросила она, присѣвъ на диванчикъ.

— Во вторникъ.

— Ахъ Боже мой! да успѣете ли вы приготовить. Что у насъ сегодня, четвергъ кажется.

— Успѣемъ, отвѣчала Люба.

— Вамъ съ Бюлочкой хорошо, заговорила Лиза плаксивымъ тономъ, конечно вы успѣете, когда у васъ новыя платья есть, а мнѣ не въ чемъ ѣхать.

— А чѣмъ твое голубое, вапѣровое платье не хорошо?

— Ну ужъ нѣтъ, что хотите дѣлайте а я въ немъ не поѣду. Это не платье а мундиръ. Я нынѣшнюю зиму на пяти вечерахъ въ немъ была.

— Гдѣ жъ новыхъ платьевъ набратъся прикажите, отвѣчала не безъ ироніи Марья Андреевна. Сама знаешь, что отъ пенсіи у меня ни копѣйки не осталось.

— Ну такъ я останусь дома, проговорила Лиза и надулась.

— Нѣтъ ужъ этого-то не будетъ, отвѣчала настойчиво Марья Андреевна. Нельзя капризничать съ тѣми, въ комъ мы ищемъ. Съ купечествомъ надо степенно поступать.

— Да кто въ немъ ищетъ, въ нашемъ Иванѣ Тихонычѣ? отвѣчала Лиза, сдѣлавъ кисло-сладкую мину.

— Да я сама въ немъ ищу, сударыня, отвѣчала Марья Андреевна, все больше и больше горячась.

— Ну такъ вы и надѣньте мое голубое платье, и поѣзжайте въ немъ на балъ.

— Дура, проговорила отрывисто Марья Андреевна, больше ничего, какъ дура.

Лиза захныкала.

— Перестань Лиза, сказала Копочка, право скучно. Вѣчно исторіи сочиняешь. Ну, надѣнь сѣрое, барежевое платье.

Лиза отерла слезы и взглянула на сестру искоса, все еще надувъ губы.

— Въ барежевомъ платьѣ на такой большой балъ.

— Его можно чудесно отдѣлать голубыми лентами и черными кружевами, сказала Копочка.

— А ленты-то гдѣ?

— Ну на ленты я у Иларія попрошу, сказала Марья Андреевна.

— Такъ чѣмъ просить на ленты, попросите лучше на бѣлины ваперъ, сказала Лиза.

— Опять таки! воскликнула Марья Андреевна, всплеснувъ руками. Да ты пожалѣй, хоть немного брата-то. Вѣдь кромѣ твоего платья и сестрамъ что нибудь понадобится, и перчатки, и башмаки, да вѣдь и карету нанять надо.

— Вотъ мило, да кому же насъ одѣвать, какъ не брату. Гдѣ же намъ достать; вѣдь не воровать же намъ.

— Знаете, что маменька, сказала Копочка вполголоса, вы попробуйте попросить у него ей на ваперовое платье. Это не дорого станетъ. Вѣдь въ барежевомъ, право, пеловко на такой большой балъ. За шитье платить не надо, мы сами сошьемъ. Александра Павловна скроить, смечетъ, да и шить поможетъ. Отдѣлать также можно безъ лишнихъ затѣй. Ну, а если онъ не дастъ, тогда дѣлать нечего: уговоримъ ее хоть барежевое надѣть.

— Все не дорого, отвѣчала Марья Андреевна, на это надо рубль, на то два, а какъ посмотришь все вмѣстѣ, и много надо рублей-то. Охъ, хоть бы одну изъ васъ помочь Господь Богъ пристроить.

Въ передней послышались мужскіе шаги.

— Иларій пришелъ, сказала Люба.

— Вели давать обѣдать.

Люба убѣжала въ кухню.

— Вы у него ничего не просите, прибавила шепотомъ Марья Андреевна, пусть онъ сперва пообѣдаетъ, да отдохнетъ. Я сама съ ними послѣ поговорю. Сестрань-то, смотри, — скажи.

Черезъ десять минутъ все семейство сѣло за столъ.

Иларій Алексѣевичъ Струговъ былъ старше своихъ сестеръ. Ему было двадцать пять лѣтъ. Его лицо не бросалось въ глаза ни чертами, ни особенной выразительностью; но въ немъ было что-то въ высшей степени симпатичное, чего не доставало физиономіямъ его сестеръ, несмотря на нѣкоторое фамиліальное сходство между ними и братомъ. Взглядъ его былъ большею частью разсѣянный, какой часто бываетъ у людей постоянно углубленныхъ въ какую нибудь думу. Онъ рѣдко смѣялся, но смѣхъ его легко сообщался другимъ, потому что былъ чистосердеченъ и веселъ. Иларій радовался, какъ ребенокъ, когда могъ хотя не на долго увлечься чѣмъ нибудь и забыть все, что было тяжелаго въ его жизни. А жизнь далеко не баловала его. Она каждый день, съ ранняго утра, смотрѣла ему въ глаза, какъ злая мачиха и твердила ему только одно слово, но такое слово, какое для нѣкоторыхъ бываетъ источникомъ высокаго наслажденія, а для другихъ свинцовымъ грузомъ, подъ которымъ только остается безъ надежды преклонить голову, это тяжелое для него слово: *домъ*.

— Ну что новаго? сказалъ Иларій обращаясь къ сестрамъ.

— Иванъ Тихонычъ былъ, отвѣчали вмѣстѣ Люба и Копочка.

— Какой онъ чудный балъ даетъ, прибавила Люба.

— Вотъ какъ! Птенецъ оперился и полетать хочетъ, проговорилъ Иларій. — Заплачутъ тятенькины денежки.

— Онъ новоселье справляетъ, замѣтила Копочка; говорить, что весь городъ звалъ.

— Такъ что жъ онъ не даетъ бала на городской площади?

— Ты вѣчно смѣешься надъ нимъ, замѣтила Люба.

— Да нѣтъ, я не смѣюсь. Я вѣдь знаю, что вы всѣ рады поплясать у этого милаго юноши и у почтенной его родительницы.

Иларій съ видимой досадою принялся за кушанья. Всѣ молчали.

Послѣ обѣда молодой человекъ пошелъ въ свою комнату. Марья Андреевна прилегла отдохнуть, а сестры въ маленькой гостиной предались сладкимъ мечтамъ, толкуя вполголоса о предстоящемъ балѣ. Часа черезъ полтора, Марья Андреевна встала и велѣла варить кофе.

Она сама налила чашку для сына, и отправилась съ ней къ его комнате. Иларій сѣлъ на диванъ и читалъ.

— Зачѣмъ вы беспокоитесь, маменька, сказала онъ, взявъ изъ ее рукъ чашку; я бы самъ пришелъ.

— Мнѣ надо съ тобой поговорить, мой другъ, отвѣчала она, садясь подлѣ него.

— Что вамъ угодно?

— Да вотъ видишь что, мнѣ я жаль тебя, видитъ Богъ жаль, да дѣло-то такое, что никакъ нельзя обойтись безъ твоей помощи.

Иларій изъ этого вступленья заключилъ, что дѣло идетъ о чемъ нибудь важномъ. Онъ зналъ, что семейство не могло существовать пенсией его матери, и бралъ на себя почти всѣ расходы по хозяйству.

— Зачѣмъ же вы не говорите прямо, маменька, вы знаете, что я всегда дѣлаю все, что только въ моихъ силахъ. Вѣрно нѣтъ дома муки или масла, прибавилъ онъ, весело улыбувшись.

— Нѣтъ масла-то я сегодня купила и мука есть. А вотъ сестрамъ на балъ надо ѣхать. Копочкѣ и Любѣ башмаки надо, надо всѣмъ тремъ перчатки.

— Это къ Костянтинову-то на балъ? спросилъ Иларій.

— Да, къ нему. Вѣдь нельзя не ѣхать.

— Но почему же нельзя? спросилъ Иларій хмурясь.

— Ахъ, помилуй, вѣдь этакаго бала нескоро дождемся. Да и обижать людей совѣстно. Вѣдь, если твои сестры будутъ вѣтъ за печкой сидѣть, такъ ихъ никто не увидать.

— Но, маменька, кажется нынѣшнюю зиму онѣ не сидѣли за печкой. Онѣ были по крайней мѣрѣ на десяти вечерахъ. Я думаю, что добрые люди успѣли на нихъ посмотрѣться.

— Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ Иларій, проговорила довольно сухо Марья Андреевна.

Она изучила характеръ сына и знала всѣ его слабыя стороны.

— Если у тебя нѣтъ денегъ для сестеръ, такъ я займу гдѣ нибудь.

А не могу жъ я лишить ихъ этого удовольствія. Вѣдь я имъ одна мать, не мачиха.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— На башмаки, на перчатки для сестеръ у меня еще достаетъ денегъ, проговорилъ Иларій, и вамъ не придется занимать. Но мнѣ не нравится то, что онѣ поѣдутъ на балъ къ Костянтинову, и не нравится вообще ухаживанье Костянтинова за Любой.

— Да что тебѣ за дѣло до этого! Странный ты, въ самомъ дѣлѣ человекъ, Иларій. Еслибъ онъ и женился на Лизѣ, такъ что же за беда? Давъ Богъ великъ такого мужа. Состояніе у него большое, молодой человекъ, подурить собой. Метовать невозможно, но вѣроятно переживется, если женится по любви. Другой бы на твоёмъ мѣстѣ еще радъ былъ такому счастью.

— Да, еслибъ это было въ самомъ дѣлѣ счастье для сестры; а я сильше въ этомъ сомнѣваюсь. Сколько надо денегъ? прибавилъ онъ, подойдя къ письменному столу.

— Да рублей десять, пожалуй будетъ довольно.

Иларій вынулъ изъ ящика десять рублей и подалъ ихъ матери.

— Ахъ Боже мой, сказала она, принимая отъ него деньги, вѣдь вотъ я какая безпамятная, самое-то главное и забыла. Вѣдь у Лизы платья нѣтъ, ей не въ чемъ ѣхать.

Иларій задумался.

Дядьки его были не велики. Собственно себѣ онъ позволялъ только одно удовольствіе—книги. Но нередко ему приходилось жертвовать и этимъ удовольствіемъ въ пользу сестеръ. И въ настоящую минуту на этотъ предметъ у него была отложена небольшая сумма. Книжки, которыя онъ хотѣлъ купить въ этотъ разъ, были ему почти необходимы. Онъ рѣшился отказать сестрѣ въ новомъ платьѣ, но отказъ былъ для него очень непривычнымъ дѣломъ. И онъ стоялъ передъ матерью, въ раздумьѣ, собрався съ силами.

— На такой большой балъ нельзя ѣхать нанъ-нибудь одѣтой, прибавила Марья Андреевна, замѣтивъ замѣшательство Иларія.

— Маменька, проговорилъ онъ наконецъ, не смотря на нее, кажется Лизѣ придется остаться дома. У меня есть еще деньги, но мнѣ непременно надо купить книги.

— Ну нѣтъ, такъ нечего дѣлать, отвѣчала холодно Марья Андреевна. Я ужъ гдѣ-нибудь достану. За что жъ бѣдной Лизѣ сидѣть дома, когда сестры ея будутъ веселиться.

И она вышла изъ комнаты.

Марья Андреевна любила сына несколько не меньше дочерей, по любовь ея выражалась по своему; и на этотъ разъ она считала себя совершенно въ правѣ отнять у сына послѣднюю копѣйку, только явиться бы на балъ не хуже другихъ. Между тѣмъ молодой человекъ, не уходя матери, взялся опять было за книгу, но охоты чи-

тать больше не было. Ему сдѣлалось не ловко, какъ будто чего-то совѣстно, какъ будто на что-то досадно.

Въ столовой, гдѣ въ это время всегда раздавался говоръ и смѣхъ его сестеръ, теперь все было тихо, точно сестрамъ его было не до смѣха и не до разговоровъ. Иларій просидѣлъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ и вышелъ наконецъ изъ своей комнаты. Сестры и мать его садѣли въ гостиной. Его поблагодарили за деньги, но благодарили сухо, какъ исполняютъ непріятную обязанность. Онъ попробовалъ было заговорить съ ними, шутить, но на его шутки отвѣчали серьезно и холодно. На столѣ лежали кружева, ленты, и дѣвчьи усердно работали. Иларій вернулся въ свою комнату, надѣлъ шляпу и ушелъ изъ дому.

Семейство Струговыхъ переѣхало въ городъ С. года полтора, когда Иларій, окончивъ университетскій курсъ, получивъ мѣсто учителя при С—ской гимназіи. Отецъ его, прожившій всю свою жизнь въ Петербургѣ, началъ службу съ очень скромнаго мѣста въ какомъ-то департаментѣ. Алексѣй Ивановичъ былъ честный человѣкъ, можетъ быть потому, что не имѣлъ случая подвергаться большимъ искушеніямъ. Жить для него значило служить. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ такимъ ревностнымъ патриотомъ, что готовъ былъ посвятить каждую минуту жизни своему отечеству; онъ просто потому любилъ службу, что изъ всѣхъ явленій жизни, былъ знакомъ только съ нею.

Долго и усердно служилъ Алексѣй Ивановичъ, получалъ прибавки жалованья, повышенія и награжденія. Женился онъ на небогатой дѣвушкѣ и обзавелся уже знакомымъ намъ семействомъ. Алексѣй Ивановичъ воспиталъ своихъ дочерей сообразно своимъ понятіямъ о женщинѣ, а идеаломъ женщины была для него Марья Андреевна, служившая своему мужу вѣрой и правдой, какъ подобаетъ добродѣтельной чиновницѣ. При жизни его всѣ три дочери ходили два или три года въ какой-то плохой пансіонъ, гдѣ ихъ выучили немножко по французски, немножко по русски, брянчать польки и танцовать. Больше этого Алексѣй Ивановичъ ничего и не требовалъ отъ воспитанія, и даже не подозрѣвалъ, что дѣвушкѣ можно знать что-нибудь другое. Когда онъ скончался, оказалось, что воспитаніе его дочерей ровно ни къ чему не повело. Хозяйничать барышни не любили, потому что ихъ учили хозяйничать благороднымъ манеромъ, какъ слѣдуетъ дочерямъ чиновниковъ. Онѣ иногда разливали чай и выдавали муку и масло кухаркѣ; но сострипать что-нибудь казалось имъ

дѣломъ неприличнымъ. Замужь дѣввицы не выходили, вѣроятно, потому, что судьбы не было, какъ у насъ говорится. Изъ позпаній, прибрѣтенныхъ въ панионѣ, онѣ также не могли извлечь никакой пользы ни для себя, ни для другихъ. И вотъ всѣ три сестрицы болтались себѣ кое-какъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ болтаются милліоны русскихъ женщинъ.

Иларій былъ отъ природы очень добръ. Но доброта, какъ и всѣ крайности, часто превращаются во зло. Прибавьте къ ней нервное сложеніе, характеръ мягкій до слабости, воспримчивый и легко увлекающійся. Отецъ Иларія былъ человѣкъ вполне рутинный. Вычиталъ ли онъ самъ гдѣ-нибудь, или слышалъ отъ какого-нибудь пріятеля, или наконецъ дошелъ своимъ умомъ, что дѣтей надо воспитывать строго. И онъ придерживался этого правила самымъ безтолковымъ образомъ. Дѣвочки не смѣли даже много говорить въ его присутствіи. Иларій, вѣчно запуганный, питалъ къ отцу только одно чувство — боязнь. Любящая натура ребенка должна была непременно привязаться къ кому-нибудь, или къ чему-нибудь. И вотъ Иларій привязался собственно къ семейству, къ матери и сестрамъ. Онъ не отдавалъ никому изъ нихъ предпочтенія, но любилъ всѣхъ, потому что ему всѣхъ ихъ было жаль. Результатомъ его привязанности къ семьѣ, было то, что когда умеръ его отецъ, онъ принялся съ жаромъ перевоспитывать своихъ сестеръ. Но всѣ его старанія конечно остались безуспѣшны. Сестры не могли усвоить себѣ тѣхъ понятій, которыми не запаслись раньше, и всѣ попытки Иларія считали за педанство и неспособное умничанье. Копочка одна изъ сестеръ показывала видъ, будто обращаетъ вниманіе на братнины внушенія; она еще кое-что читала, кое-чѣмъ занималась, но все это дѣлалось не по убѣжденію, а отчасти для того, чтобы заслужить расположеніе Иларія, отчасти и для того, чтобы не отстать отъ людей. Лиза же не хотѣла выйти ни на шагъ изъ того очаровавшаго круга, въ который ее втолкнула родительская рутина; она вся была пронитана понятіями чиновничьяго барства. Люба смотрѣла на жизнь только съ одной стороны: она крѣпко надѣялась на свое хорошенькое личико и твердо вѣрила, что замужество единственная цѣль жизни; все остальное было для нея, какъ говорится, трясъ-трава.

Диссонансъ между Иларіемъ и его сестрами подѣйствовалъ на него очень тяжело. Вслѣдствіе нѣсколькихъ неприяныхъ сценъ онъ отступился совершенно отъ ихъ умственного перевоспитанія. Но глу-

боко осталось въ его душѣ одно убѣжденіе, которымъ подарила его семейная жизнь: онъ считалъ себя не въ правѣ отдѣлать свои интересы отъ интересовъ семьи, не могъ устроиться самостоятельно.

Выйдя изъ дому, Иларій пошелъ прямо по главной улицѣ, которая вела къ слободѣ. Онъ не замѣтилъ, какъ миновали послѣдніе дома слободы, и очутился посреди пустырей и огородовъ. Погода стояла ясная. Земля только-что покрылась молодой пушистой травой, въ огородахъ цвѣли черемуха и сирень; на грядкахъ весело вились побѣги свѣжей зелени. Иларій остановился, оперся на огорокъ и въ раздумьѣ засмотрѣлся на тропинку, которая вилась на краю оврага, у опушки лѣса. Никогда еще такъ сильно его безыходное положеніе не возмущало его души. И, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни въ его умѣ предсталъ положительно и ясно вопросъ: было ли для него *долгомъ*, или нѣтъ, жертвовать собою всю жизнь для своихъ сестеръ? Этотъ вопросъ испугалъ его, и вызвалъ другой: въ состояніи ли были его сестры пропитать себя честнымъ трудомъ? Еслибъ онѣ получили другое воспитаніе, еслибъ онѣ родились среди такого общества, которое дозволяетъ женщинамъ быть человекомъ, а не куклой, то, конечно, онѣ были бы и умственно и нравственно гораздо болѣе развиты, и смѣло могли бы каждая करना существовать честнымъ трудомъ. Но сестры Иларія жили безсознательно, какъ живутъ червяки и бабочки. Эта жизнь также не радостна.

И горько скорбѣлъ о нихъ молодой человекъ; но разрѣшить вопроса все-таки не могъ, да и врядъ ли кто могъ скоро разрѣшить его при такихъ обстоятельствахъ. А между тѣмъ отъ этого вопроса зависѣло все его будущее.

Ухаживаше Костянникова за Любой ему рѣшительно не нравилось. Онъ зналъ, что Костянниковъ пустой мальчишка, мотъ, отъ котораго нельзя было ожидать ничего путнаго, и что Люба не будетъ съ нимъ счастлива. Какъ честному человеку, ему слѣдовало бы вразумить сестру и отклонить ее отъ этого брака; но тутъ неожиданно являлись затаенныя мысли другаго рода: «если, думалъ онъ, Люба не выйдетъ за Костянникова, то она вѣчно останется у меня на шеѣ, а если выйдетъ, то можетъ быть, какъ-нибудь удастся своевременно освободиться и отъ другихъ сестеръ!»...

И начиналась въ головѣ молодаго человека борьба между долгомъ и любовью къ жизни независимой, и чѣмъ долѣе останавливался

онъ на которой нибудь изъ этихъ мыслей, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на сердце, тѣмъ безотраднѣе казалась ему жизнь и тѣмъ безвыходнѣе его положеніе. Онъ смутно сознавалъ, что силы его слабѣютъ съ каждымъ днемъ, что еще лѣтъ пять такой жизни отнимутъ у него послѣдній остатокъ энергіи, и что онъ погибнетъ въ этой грустной борьбѣ, если его не поддержитъ какая-нибудь посторонняя сила.

Было поздно, когда Иларій побрелъ домой по городскимъ улицамъ. У одного невысокаго домика, съ открытыми окнами, онъ остановился. Тамъ играли на фортепiano. Но эта была - не та игра, что слышится въ провинціальномъ городѣ лѣтомъ, чуть ли не изъ cadaго дома. Фортепiano какъ будто пѣло какую-то тихую мелодію, не грустную, не раздражающую сердце безотчетной тоской, но отрадную, успокоительно-дѣйствующую на нервы. Въ этой мелодіи слышалось что-то свѣжее, тихо-радостное, напоминающее и первые лучи утренняго солнца, и первый поцѣлуй любви и первую улыбку ребенка.

Иларій постоялъ нѣсколько минутъ подъ окномъ, потомъ подошелъ было къ калиткѣ, но одумался, и по прежнему грустно побрелъ вдоль по улицѣ.

Когда онъ пришелъ домой, сестры и мать его ужинали. Онъ подошелъ къ нимъ, попробовалъ было заговоривать, шутить, но ему отвѣчали точно также неохотно, какъ и поутру.

Поутру, отправляясь въ классы, онъ оставилъ матери десять рублей на платье для Лизы.

II

На другой день послѣ описанныхъ нами сценъ, въ двѣнадцать часовъ утра, изъ подъезда двухъ-этажнаго дома, вышла дѣвушка, лѣтъ двадцати. Она держала въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой свертокъ ноть. Сверхъ темнаго шерстянаго платья, на плечи ея была накинута сѣрая тальма. Соломённая шляпа съ сѣрыми лентами и бѣлымъ цвѣткомъ надъ полями заначивала ея нарядъ. Она пошла торопливо, какъ обыкновенно ходятъ люди, для которыхъ время, что нибудь значитъ.

Еслибъ вы встрѣтились съ этой дѣвушкой на улицѣ, вы пропали

бы мимо, не обративъ на нее никакого вниманія. Еслибъ вы увидѣли ее среди ярко освѣщенной, бальной залы, гдѣ столько хорошенякихъ личиковъ бросаются въ глаза, — вы сказали бы: какъ жаль, что эта дѣвушка не хороша собой: въ ней такъ много симпатичнаго. Но еслибъ вы познакомились съ ней покороче, вы нашли бы, что она несравненно лучше многихъ, такъ называемыхъ хорошенякихъ женщинъ. Она была не много выше средняго, женскаго роста, и стройна, хотя плечи ея, пропорціонально съ ростомъ, были не много узки. Блѣдное лицо ея было не правильно. Темныя волосы вились отъ природы по высокому лбу. Лучше всего у ней были глаза и звукъ голоса. Чѣмъ болѣе всматривались вы въ эти глубокіе, черные, глаза съ мягкимъ выраженіемъ, тѣмъ сильнѣе влекла васъ къ ней какая-то неопредѣленная сила. Выраженье ея лица было постоянно серьезно, даже задумчиво. Но смѣхъ ея звучалъ искренно, какъ смѣхъ ребенка.

Пройдя нѣсколько улицъ, она поровнялась съ домомъ, гдѣ жили Струговы.

— Александра Павловна! раздалось надъ ея головою, изъ отвореннаго окна. Зайдите къ намъ, пожалуйста.

Всѣ три сестры высунулись въ окно, и убѣдительно упрашивали ее зайти.

— Мнѣ нельзя, отвѣчала она, — я тороплюсь домой.

— Да только на одну минуточку, сказала Копочка. Намъ надо попросить у васъ совѣта. Помогите намъ!

— Попочъ? Что жъ за важное происшествіе случилось у васъ?

— Вы знаете, Костяниниковъ балъ даетъ....

— Нѣтъ совѣтъ не знала.

— Великолѣпный, продолжала Люба, иллюминація будетъ. А у Лизы платья нѣтъ.

— А, теперь понимаю въ чемъ дѣло

— Мы купили ваперу и хотимъ дома сшить. Только безъ васъ не съ умѣемъ, прибавила Копочка. Зайдите пожалуйста, хоть на четверть часа.

Александра Павловна подумала и пошла къ калиткѣ.

Всѣ сестры выбѣжали къ ней на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Одна взяла изъ ея рукъ зонтикъ, другая ноты, третья сняла съ нее шляпу. Александра Павловна вошла въ комнату, гдѣ на столѣ все ужъ было приготовлено, и съ помощью сестеръ принялась

размѣривать и кроить. Прежде всего началось совѣщаніе на счетъ фасона и отдѣлки. Это такой предметъ, о которомъ женщины говорятъ охотно и съ такимъ увлеченіемъ, что совершенно забываютъ время. Нѣсколько фасоновъ было предложено, рассмотрѣно и отвергнуто. Порѣшили наконецъ лифъ сдѣлать съ буфами.

Александра Павловна съ нетерпѣніемъ посматривала на часы. Ее ожидала дома больная мать, а въ четыре часа ей предстояло еще дать два урока музыки, однако она торопливо принялась за работу.

— Какъ досадно, сказала Копочка, — когда не имѣешь ничего собственнаго и вѣчно надо просить то у маменьки, то у брата. Это для меня отравляетъ всякое удовольствіе.

— Но вѣдь вѣрно братъ не отказываетъ вамъ, когда можетъ? сказала Александра Павловна.

— Конечно нѣтъ, отвѣчала Копочка. Вотъ онъ и для этого бала далъ намъ двадцать рублей. А все-таки просить непріятно.

— Странно, еслибъ онъ не давалъ намъ, прибавила Лиза. Вѣдь онъ не женатъ, у него не много расходовъ, а намъ не чѣмъ достать, вѣдь онъ это очень хорошо знаетъ.

— Какъ вы счастливы, Александра Павловна, что у васъ такой музыкальный талантъ, сказала Копочка, у васъ всегда есть свои деньги.

— Но, mesdames, еслибъ вы только хотѣли, то также могли бы не быть никому обязанными.

— У насъ нѣтъ никакихъ талантовъ, скромно замѣтила Лиза.

— Каждая изъ васъ, продолжала Александра Павловна, проворно работая ножницами, могла бы приготовиться и пойти въ гувернантки или компаніонки.

— Ахъ пѣтъ, Александра Павловна, мнѣ ужъ никогда не бывать гувернанткой, а лучше пошла бы въ швей, еслибъ нужда заставила, вскричала Люба. Я терпѣть не могу учености.

— Смѣшно идти въ гувернантки, прибавила Лиза, пока мы еще можемъ жить дома. Вы знаете, какими глазами смотрятъ на гувернантокъ.

— Да, я согласна, что доставать себѣ хлѣбъ не легко, отвѣчала Александра Павловна. Но вы сами же сказали, что вамъ тяжело быть обязанными брату. Ну вотъ, прибавила она, теперь все скроено, можете шить.

— Душечка, Александра Павловна, какъ мы вамъ благодарны, заговорили сестры хоромъ.

Александра Павловна надѣла шляпу, и хотѣла было идти, но сестры не пускали ее и уговаривали взять лифъ съ собой домой и на досугъ окончить его. Та принуждена была согласиться и на это.

— Бѣдный Иларій! подумала она, спускаясь съ лѣстницы, и тяжело вздохнула. Она не скрояла бы лифа и не унесла бы его съ собой, еслибъ не чувствовала сильнаго желанія избавить ихъ брата отъ лишнѣхъ расходовъ. Мысль, что она безъ его вѣдома, можетъ оказать ему маленькую услугу, заставила ее весело улыбнуться.

По уходѣ ея, сестры принялись толковать и судить о ней же.

— Скажите, пожалуста, проговорила Копочка, выдумала совѣты давать, въ гувернантн! Я понимаю, къ чему это клонится.

— А что ты думаешь? спросила Лиза.

— Тутъ нечего и думать. Это ясно, какъ день. Она собирается замужъ за Иларія, такъ и намекаетъ намъ, чтобъ мы не мѣшали ей благополучію.

— А что, вѣдь онъ пожалуй женится на ней, проговорила Лиза зѣвая и потягиваясь.

— Ну нѣтъ. Онъ хоть и бредитъ разными гуманными и современными идеями, но съ ума еще кажется не сходящъ. Онъ понимаетъ, что если женится на ней, такъ только нищихъ прибавить.

— Такъ зачѣмъ же онъ такъ часто ходитъ къ ней?

— Отъ скуки. Вѣстѣ умничаютъ. Пожалуй, онъ ей намекнулъ что нибудь, а она и возмечтала.

— Рано или поздно Иларій женится на ней, сказала Люба, которая до сихъ поръ не принимала участія въ разговорѣ. — Онъ ее любитъ.

— Ну да, напророчъ еще, сказала Копочка съ досадою. Еще посмотримъ, какъ-то его допустятъ жениться.

— Да кто жъ помѣшаетъ? замѣтила Люба, которой хотѣлось и заступиться за брата и подравнить сестру. — Ужъ не ты ли?

— Маменьга благословенья не дастъ.

— Да онъ не посмотритъ на это благословенье.

— Отчего жъ онъ не женился на ней прежде? замѣтила Копочка насмѣшливо. Вѣдь они знакомы ужъ больше года.

— Отчего жъ? повторила Люба въ раздумьѣ, оттого, что онъ Иларій, мудрецъ — и держится пословицы: десять разъ от-

нѣрный да одинъ отрѣжь. Эхъ, терпѣть не могу такихъ людей,— точно нѣмцы. Будь я на его мѣстѣ, я бы ужъ двадцать разъ жемилась, хоть бы у меня была дюжина сестеръ, и десять маменекъ.

— Ну да, что ужъ про тебя и говорить. Выйди сперва хоть сама-то зашужь.

— Конечно выйду, отвѣчала Люба такъ самонадѣянно, какъ будто ужъ одѣбалась къ вѣнцу.

Между тѣмъ Александра Павловна подошла къ тому маленькому домику, гдѣ наканунѣ подъ окномъ Иларій слушалъ музыку. На встрѣчу ей выбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, очень похожая на нее.

— Саша! вскричала она радостнымъ голосомъ, какъ ты сегодня долго. Насилу я тебя дождалась. Маменька сердилась безъ тебя.

— За что?

— Да зачѣмъ тебя долго нѣтъ, говорить что кушать хочеть, а у Надежды еще супъ не готовъ.

Александра Павловна поспѣшно отворила дверь, и прежде всего заглянула въ кухню.

— Ради Бога, Надежда, проговорила она съ беспокойствомъ, подавай скорѣй обѣдать.

— Не подать же мнѣ все сырое на столъ, отвѣчала Надежда, на чуть не тронутая умоляющимъ голосомъ и встревоженнымъ лицомъ Александры Павловны. Сами вповаты, зачѣмъ такихъ сырыхъ дровъ жуннали, что не горять.

— Я сейчасъ приду тебѣ помочь. Вѣра, душа моя, накрой на столъ.

— Да ужъ я давно накрыла. Дай-ка мнѣ твои поты, да этотъ свертокъ. Вѣдь ты устала.

И дѣвочка, взявъ изъ рукъ сестры свертокъ и ноты, побѣжала въ комнаты. Александра Павловна пошла за ней.

— Тинь Вѣра; что ты посишься, какъ ураганъ. Никакихъ у тебя манеръ нѣтъ. Сердце болить, на тебя глядя, протворила съ неудовольствіемъ женщина лѣтъ сорока, сидѣвшая у окна въ длинномъ, покойномъ креслѣ.

Это была Евгения Яковлевна Ростнова, мать Александры Павловны и Вѣрочки.

Вѣрочка вошла на цыпочкахъ.

— Здравствуйте маменька, сказала Александра Павловна, подойдя къ ней и развязывая шляпку. — Что, какъ вы себя чувствуете теперь?

И ея добрые черные глаза пристально и съ бесновольствомъ остановились на лицѣ матери. Александра Павловна жончила еще, когда это лицо было красиво. Ребенкомъ она часто засматривалась на мать, празднымъ любопытнымъ взоромъ дѣтей, говорила ей: какая ты мама хорошепкая! И мать ея любила это. Она улыбалась, и выраженье ея лица было тогда и мягкое, и доброе. Теперь эти черты были искажены болѣзнью. Недостатки, горе, положили на нихъ почти постоянное выраженье неудовольствія и досады.

— Да помилуй, Саша, жалобно заговорила больная. Гдѣ это ты пропадаешь? Вѣдь я знаю, что у тебя сегодня, послѣ двѣнадцати часовъ, вѣтъ уроковъ, а теперь ужъ скоро два. Это ни на что не похоже. Очень ты много заботишься о больной матери.

Она закашлялась.

— Да развѣ вамъ меня для чего нибудь надо было, мамаша? спросила Александра Павловна робко.

— Вотъ вопросъ! Да когда жъ ты мнѣ не нужна бываешь? Вѣдь ты знаешь, что я сама ни за чѣмъ присмотрѣть не въ силахъ, даже въ кухню выйти не могу. А вотъ Надежда масло что ли пролила, чадъ такой пошелъ, что я не знала куда дѣваться. Должна была окна отворить, за то теперь кашель покою не дастъ.

— Право я не виновата, мамаша. Я шла мимо Струговыхъ, они и завали меня. Никакъ нельзя было отговориться.

— Еслибъ ты больше обо мнѣ думала, такъ съумѣла бы отговориться. Да будемъ-ли мы сегодня обѣдать-то?

Александра Павловна бросилась въ кухню. Благодаря ея стараніямъ, Надежда понесла наконецъ супъ на столъ.

— Суціе помом, сказала Евгенія Яковлевна, проглотивъ первую ложку супу. У ней вѣрно бульонъ на плиту выкинуть, а она и развѣла водой. Я такого супа ѣсть не могу. Пусть Надежда сама кушаетъ на здоровье

Новый пароксизмъ кашля не позволилъ ей продолжать.

Александра Павловна и Вѣрочка, молча и не подымая глазъ, съ усиліемъ глотали супъ. У нихъ проналъ авнетить.

Надежда сняла со стола супъ и подала бѣшкетсъ. — Евгенія Яковлевна взяла на тарелку кусокъ бѣшкетса, осмотрѣла его съ недовѣрчивой внимательностью со всѣхъ сторонъ и наконецъ рѣшилась попробовать. — Но и бѣшкетсъ не пришелся ей по вкусу.

Она встала изъ за стола, и опять усѣлась на покойное кресло.

Александра Павловна и Вѣрочка молча переглянулись. И сколько обоюднаго состраданія выражали унылыя глаза объихъ сестеръ.

Обѣ онѣ торопливо кончили обѣдъ, и тоже встали изъ за стола.

— Мамаша, сказала Александра Павловна, подойдя къ ней, чтобъ поцѣловать ея руку, — вы ничего не кушали. Скажите, что вамъ сдѣлать, я сейчасъ приготовлю. Плита еще горяча у Надежды, стоитъ только подложить дровъ немного, въ одну минуту будетъ готово. Не хотите-ли, я вамъ свѣжій бисштексъ сдѣлаю. Я сейчасъ схожу въ мясную.

— Я не хочу тратитъ денегъ для того, чтобы дѣлать два обѣда въ день.

— Ахъ, мамаша, что жадѣть денегъ. Деньги будутъ. Вотъ я сегодня опять получу за уроки. Были-бы вы только здоровы, да спокойны.

— Лучше бы домой-то приходила во время, такъ я была-бы спокойна.

Александра Павловна видя, что мать все еще не въ духѣ, отошла отъ нее и принялась убирать свои вещи. Вѣрочка помогала ей.

— Это что за свертокъ такой? спросила Евгенія Яковлевна, зашѣтывая въ углу на этажеркѣ завернутый въ бумагу лифъ Лизы.

— Это я, мамаша, принесла отъ Струговыхъ.

— Что это такое?

— Костяниниковъ балъ даетъ, такъ Лиза просила меня лифъ ей скроить. Я взяла сметать его.

Евгенія Яковлевна покачала головой.

— Господи, Боже мой, проговорила она, до чего я дожила. Изъ дочери моей швею ужъ дѣлаютъ! Ахъ Саша, Саша! ну для чего ты на себя такую роль берешь, да еще передъ такою дрянью, какъ Струговы. Да вѣдь при твоемъ покойномъ отцѣ, ихъ бы къ намъ не только въ гостиную, да и въ переднюю бы не пустили!

— Но вѣдь онѣ не богаты, мамаша. Онѣ должны платить деньги за шитье, а чтожъ мнѣ стоитъ скроить и сметать лифъ.

— Да того и стоитъ, что онѣ къ тебѣ всякое уваженъе потеряютъ. Что за швея ты на всѣхъ нищихъ? Отошли имъ этотъ лифъ, сейчасъ же. Я не хочу, чтобъ моей дочерью помыслили.

Александра Павловна взяла свертокъ, вышла съ нимъ въ кухню, гдѣ кое-какъ, растолковавъ Надеждѣ въ чемъ дѣло, убѣдила ее выйти,

востануть гдѣнибудь на улицѣ и сказать прохожимъ, что отвесла жизнь. Затѣмъ она вернулась въ комнату, чтобы ждать жениха.

— Или ты въ самомъ дѣлѣ хочешь сдѣлаться нѣтъ жидеи за тѣмъ, чтобы Иларій женился на тебѣ. Такъ я тебѣ скажу, что этому не бывать, пока я жива. Не хочу я, чтобы ты въ это семейство вступила. Это люди не нашего круга. Еслибъ твой покойный отецъ былъ живъ, такъ не такую-бы партію ты могла сдѣлать...

На этотъ разъ Александра Павловна не выдержала и заплакала.

— Ну что расплакалась! проговорила Евгенія Яковлевна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанья и раздумья. Вѣдь мнѣ тяжело; что мою дочь такъ третируютъ. Не того ждала я для тебя, когда ты росла. Ну поди поцѣлуй меня, не плачь.

Александра Павловна обняла мать. Евгенія Яковлевна стало жалъ дочери.

— Охъ, Саша, Саша, проговорила она, не сердись ты на меня. Саша чувствую, что обижаю тебя иногда, да вѣдь это все отъ болѣзни. Добрая ты душа у меня, никому и ни въ чемъ отказать не умѣешь. Конечно Иларій хорошій человекъ, да все хотѣлось-бы для тебя, чтонибудь получше.

— Мамаша, да подумайте только, проговорила Александра Павловна улыбаясь, какъ ему жениться на мнѣ, когда ни у меня, ни у него ничего нѣтъ. А вѣдь онъ долженъ содержать все семейство.

— Ну да, дуры дѣвчонки, за то я ихъ терять не могу. Пошли бы куда-нибудь въ люди жить, чѣмъ по баламъ-то ѣздить. Развѣ ты у меня хуже ихъ, да вѣдь трудиться же. Ты куда-же опять?

— Мнѣ пора на урокъ, мамаша. Четыре ужъ пробило, я опоздала.

— Такъ не бѣги же со всѣхъ ногъ. Что за бѣда, подождать.

Но Александра Павловна думала иначе и, выйдя изъ дому, пошла такъ скоро, какъ только могла. Часа черезъ два она возвратилась. Евгенія Яковлевна успѣла въ это время отдохнуть и встала, вышло, въ добромъ расположеніи духа. Она, какъ и утромъ, сядѣла въ своемъ любимомъ креслѣ и раскладывала пасьянсъ. Александра Павловна давно уже старалась достать гдѣнибудь *Élégie* любимого ея композитора. Въ этотъ день ей повезло. Ей дали эти ноты въ томъ домѣ, гдѣ она давала утромъ урокъ, но до снѣгъ поръ ей не выдалось еще ни одной минуты, чтобы размыслить ее. Музыка была ея страстью и источникомъ существованія для бѣдной дѣвушки. Она любила ее всей душой. Мелодическіе звуки не разъ

заставляли ее забывать на время тяжелый, неприятно проведенный день, болѣзнь матери, ея собственныя грустныя думы и все, что было горькаго въ ея положеніи. Не мудрено, что она рвалась къ фортепьяно каждую свободную минуту. И теперь, когда она видѣла, что мать ея спокойна, и когда окончились всѣ ея дневныя заботы, первымъ ея дѣломъ было, вмѣсто отдыха, открыть фортепьяно. Она принялась разыгрывать *Elégie* со всѣмъ увлеченіемъ истинной артистки, фортепьяно плакало, жаловалось, высказывало подъ ея пальцами все, что было у ней на сердцѣ.

Александра Павловна играла такъ, что ея игра могущественно дѣйствовала на слушателей. Можно было полюбить ее безумно за одну ея музыку...

— Ахъ, Саша, сказала вдругъ Евгенія Яковлевна, что это ты такое играешь? Всю душу вытапешь!.. Сыграй чтонибудь веселенькое. Мазурку Шопена, или польку какуюнибудь.

Дѣлать было нечего. Александра Павловна со вздохомъ положила *Elégie* въ сторону, и принялась за мазурки и польки. Но и это скоро наскучило больнои.

— Ну ужъ будетъ мой другъ, сегодня, сказала она. Завтра, можетъ я буду здоровѣе, такъ побольше поиграешь. Да вонъ, прибавила она, взглянувъ въ окно, Муза Петровна идетъ. Пусть поболтаетъ чтонибудь. Какъ живаго человѣка увидишь, да поговоришь съ нимъ, какъ будто и разсѣнешся.

Александра Павловна обрадовалась также посѣщенію Музы Петровны. Она могла теперь оставить мать и пойти отдохнуть въ маленькую садикъ, который послѣ фортепьяно былъ для нея любимымъ мѣстомъ отдыха.

Вѣрочка пошла за ней. Александра Павловна взяла лѣвъ Лизы, и сѣла въ маленькую бесѣдкѣ, поросшей плющомъ. Вѣрочка сѣла подлѣ нея на скамейкѣ. Нѣсколько минутъ сестры молчали. Александра Павловна прилежно шила.

— Саша, проговорила наконецъ Вѣрочка, не могу ли я помочь тебѣ. Дай я буду шить.

Александра Павловна улыбнулась.

— Нельзя душа моя, отвѣчала она, тутъ надо смеяться. А что ты сегодня Вѣрочка сдѣлала переводъ, который я дала тебѣ?

— Сдѣлала.

— Ну хорошо. Я посмотрю его, когда смечу эхоть лѣвъ.

— Саша, сказала Вѣрочка ласкаясь къ сестрѣ:— какъ мнѣ жалъ тебя. Тебѣ сегодня не удалось и поиграть.

— Что жъ за бѣда, поиграю завтра.

— Хоть бы мама поскорѣй выздоровѣла, а то она такая капризная. Хочетъ непременно, чтобъ ты сама ей страпала.

— Больные всегда бываютъ капризны. Не надо ихъ раздражать. Вѣрочка призадумалась.

— Слажи, пожалуйста, Саша, сказала она вдругъ, поднявъ голову и взглянувъ серьезно и пристально на сестру: — откуда ты берешь столько терпѣнья?

Александра Павловна улыбнулась.

— Жизнь научила терпѣнью. Намъ съ тобой, Вѣрочка, непременно надо выучиться быть терпѣливыми.

— Отчего-же намъ?

— Оттого, что намъ въ жизни много придется встрѣтить такого съ чѣмъ надо будетъ бороться.

— Съ чѣмъ же, Саша?

— Мало-ли съ чѣмъ! Вѣдь ты знаешь, что мы бѣдны. Надо бороться съ бѣдностью, вооружаться противъ нея трудомъ и терпѣнiемъ. Кроме того въ жизни встрѣчаются и болѣзни, и нехорошіе люди...

— Ахъ да, Саша, знаешь-ли что? Вотъ я сегодня еще объ этомъ думала. Вѣдь въ жизни больше худаго, чѣмъ хорошаго.

— Конечно. Противъ худаго-то и надо вооружаться терпѣнiемъ.

— А мнѣ очень досадно, что это такъ. То ли дѣло, еслибъ всѣ люди были счастливы. Маменька не была бы больна, мы не были бы бѣдны и ты не давала бы уроковъ, а ѣздила бы на балы, наряжалась, танцевала бы, какъ и всѣ. Мнѣ очень хочется видѣть тебя хоть разъ нарядною, въ бѣломъ тюлевомъ платьѣ... или нѣтъ... лучше въ розовомъ съ цвѣтами на головѣ... Ахъ Саша! Это такъ красиво, вапѣровое платье! ты была бы въ немъ прехорошенькая.

— Я никогда не была на балѣ, отвѣчала задумчиво Александра Павловна. Эти слова навели ее на воспоминанье о прежней жизни, совсѣмъ непохожей на ту, которую она вела теперь.

Евгенія Яковлевна была дочь одного помѣщика В — слаго уѣзда. Она выросла средя безтолковаго люблiя помѣщичьяго быта и получила изнѣженное, пустое воспитанiе, которое называютъ у насъ *сѣтскимъ*. Она немножко играла, немножко пѣла, много занималась нарядами, романами, но во всю жизнь едва-ли прочла хоть

одну дѣльную книгу. Вышла она за мужа по любви за прѣбываго изъ Петербурга Росткова. Ей дали въ приданое много кружевъ, много шелковыхъ платьевъ, бархатныхъ манталій, брошекъ и каме, но всего одну деревеньку въ пятьдесятъ душъ, да и то заложенную. Но расчетъ не входилъ въ женитьбу Росткова.—Вскорѣ послѣ свадьбы, онъ получалъ по протекціи родственниковъ, одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя у насъ называются теплыми. Много лѣтъ семейство его жило не только достаточно, но даже роскошно, какъ всегда почти живутъ русскіе люди, не запасаясь копѣйкой на черный день.

Александра Павловна получила блестящее образованіе и приготовилась совсѣмъ не къ той жизни, которую назначила ей судьба. Ей былъ шестнадцатый годъ, когда съ отцемъ ея случилось то, что, изъ вѣжливости, въ свѣтѣ называется несчастіемъ. Ростковъ черезъ чуръ уже усердно сталъ собирать доходы съ доходнаго мѣста, за что его отставили отъ службы, съ приказаніемъ впредь никуда не принимать. Самолюбіе его и сангвиническая натура не выдержали этого: онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. По смерти его, Евгенія Яковлевна продала деревеньку, превратила все оставшееся имущество въ деньги, переѣхала съ дочерью въ С., и здѣсь купила домикъ, въ которомъ онѣ живутъ теперь. Кромѣ этого дома, у ней не осталось ровно ничего.

До смерти отца, Александра Павловна была вполнѣ ребенкомъ, не смотря на свои пятнадцать лѣтъ. Но несчастье развло и образовало ее. Она скоро поняла практическій смыслъ жизни такъ же, какъ поняла людей. И то и другое показалось ей не хорошо. Она не возненавидѣла весь міръ, потому что ненависть не уживалась въ ея душѣ, не питала къ нему презрѣнья, потому что еще была молода и надѣялась, но она употребила всѣ свои усилія, чтобъ не упасть ниже своего положенія. Въ ней развилась самостоятельность и любовь къ труду, въ которомъ одномъ она видѣла для себя спасенье. И начала она трудить ся съ такой энергіей, какой нельзя было подозрѣвать въ ней, при взглядѣ на ея кроткое лицо, на ея глаза съ мягкимъ, невозмутимо яснымъ взглядомъ....

Въ эту минуту яркій лучъ вечерняго солнца, пробившись сквозь вѣтви плюща, освѣтилъ обѣ головки сестеръ, наклоненныя другъ къ другу. Эта картина остановила бы вниманіе художника, еслибъ художникъ могъ ее видѣть. Блѣдное личико Вѣрочки и темныя косы при-

давали ей дѣтской красотѣ что-то реальное.... Глаза ея, какъ будто пытались проникнуть въ душу сестры и усвоить себѣ все, что было чистаго и прекраснаго въ этой душѣ. На задумчивомъ лицѣ Александры Павловны выражалась почти материнская нѣжность, сниспанная съ трогательнымъ состраданіемъ къ сестрѣ. Видно было, что дума о будущей участи Вѣрочки тревожила ее даже въ тихія, спокойныя минуты жизни.

Вдругъ лицо молодой дѣвушки мгновенно измѣнилось. Глаза ея заблестали, щеки слегка вспыхнули, во всѣхъ чертахъ отразилась радость, близкая къ счастью. Она увидѣла черезъ низенькій частыяго, отдѣлявшій садъ отъ двора, какъ вошелъ въ калитку нашъ знакомецъ Иларій и пошелъ черезъ врыльцо въ комнаты. Александра Павловна проводила его взглядомъ, и съ лихорадочной дѣятельностью принялась за работу.

— Саша, сказала вдругъ Вѣрочка, развѣ ты не видѣла, Иларій Алексѣевичъ пришелъ?

— Такъ что же?

— Какъ что? Развѣ ты не пойдешь въ комнаты?

— Нѣтъ. Сходи лучше ты, спроси у мамаша, не пора ли самоваръ поставить.

Вѣрочка убѣжала, припрыгивая и папѣвая. Она не могла понимать полнѣ, что таилось на сердцѣ у сестры, но ей всегда становилось весело, когда приходилъ Иларій.

Черезъ нѣсколько минутъ, она снова появилась на крыльцѣ. Иларій шелъ за ней. Оба они смѣялись и болтали.

— Мамаша говоритъ, что еще рано ставить самоваръ, заговорила Вѣрочка, войдя въ садикъ, — только семь часовъ. А вотъ Иларій Алексѣевичъ все спорить, что мои левкои будутъ не махровые. Я и привела его посмотреть. — Вотъ посмотрите, спорщикъ, прибавила она, подбѣжавъ къ одной клумбѣ, одинъ бутончикъ уже распустился. Развѣ такіе бываютъ обыкновенные левкои?

Но, къ крайнему удивленію Вѣрочки, Иларій, который въ комнатѣ выказалъ такое живое сочувствіе къ ея левкоямъ, теперь во все не хотѣлъ обратить на нихъ вниманія. Онъ подошелъ къ ея сестрѣ, пожалъ ей руку и преспокойно усѣлся подлѣ нея на скамейкѣ.

— Кому вы это пьете? спросилъ онъ Александру Павловну.

— Себѣ.

— Но вѣдь это бальное платье?

— Я ѣду на балъ, отвѣчала она улыбувшись.

— Вы? повторилъ Иларій съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да я. Что жъ тутъ удивительнаго? Воть мы сейчасъ только толковали съ Вѣрочкой о томъ, что я еще никогда не была на балѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ вы ѣдете на балъ? проговорилъ Иларій недоувѣрчиво.

— Отчего жъ вы не вѣрите?

— Что-то не похоже на васъ. Да вотъ я сейчасъ узнаю всю правду. Вѣрочка, прибавилъ онъ подойдя къ дѣвочкѣ, которая, нагнувшись надъ клумбой, рассматривала свои левкои, — кому шьеть сестрица платье?

Александра Павловна бросилась было къ Вѣрочкѣ.

— Не говори Вѣра, не говори, закричала она.

— Отчего не говорить? спросила Вѣрочка, воднявъ голову и съ удивленіемъ взглянувъ на сестру.

— Скажите, Вѣрочка, пожалуйста, настаивалъ Иларій.

Дѣвочка лукаво посмотрѣла на сестру и, нагнувшись надъ ухомъ Иларія, прошептала:

— Она шьеть его для вашей сестры Лизы.

— Не стыдно тебѣ Вѣрочка? сказала Александра Павловна, замѣтивъ этотъ маневръ.

— Что за стыдно? Я не люблю, когда ты его мучишь.

Это было сказано такъ серьезно, что Иларій и Александра Павловна размѣялись. Молодой человѣкъ возвратился на прежнее мѣсто.

Онъ задумчиво слѣдилъ за проворными пальцами Александры Павловны, и ему пришло въ голову, что иногда на свѣтѣ бываютъ странныя вещи.

— Вотъ, думалъ онъ, этотъ прозрачный лоскутокъ, эта паутина, чего она стоитъ этому доброму существу? Она куплена на мои поселднія, трудовыя деньги, но это еще небольшое зло. Но она вызвала со дна моей души самыя ядовитыя вопросы и сомнѣнья. А эта благородная дѣвушка, послѣ труженческаго, тяжелаго дня, вмѣсто отдыха, шьеть эту паутину, и для кого? Для пустой, праздной дѣвочки, которая попрыгаетъ одинъ или два вечера въ этомъ платьѣ, не подозрѣвая даже, какой цѣлой оно куплено. И всю свою жизнь будетъ Лиза бессмысленно вертѣться въ платьяхъ, купленныхъ на чужой счетъ, сшитыхъ чужими руками. А ты тутъ жертвуешь для этихъ платьевъ счастьемъ всей жизни!

— О чемъ вы задумались? спросила Александра Павловна, взглянувъ на него.

— Жаль одного пріятеля.

— Что съ нимъ случилось?

— Да особеннаго-то ничего не случилось. Онъ по прежнему работаетъ, ходитъ, спитъ и ѣстъ, какъ и всѣ. Никто пожалуй и не замѣтитъ, что у него на душѣ большое горе.

— Скажите, что жъ у него за горе? спросила съ участіемъ Александра Павловна.

— Да, какъ бы вамъ это объяснить? Это горе — безвыходное положеніе. Иначе я не умѣю его опредѣлить.

— Развѣ могутъ быть безвыходныя положенія?

Лицо Александры Павловны стало серьезно, брови сдвинулись.

— Ннѣ кажется, гдѣ есть воля, тамъ не можетъ быть безвыходнаго положенія.

— Нѣтъ, можетъ. Вѣдь и Гордіевъ узелъ можно разрубить однимъ ударомъ, но разрубить не значить развязать. Не все можно рубить.

— Расскажите пожалуйста, что такое? Вашъ пріятель возбуждаетъ во мнѣ участіе и любопытство.

— А вы дадите ему совѣтъ?

— Конечно дала бы, еслибъ умѣла, но я начинаю сомнѣваться въ моей изобрѣтательности. Если вы не можете ничего придумать для вашего пріятеля, значить, положеніе затруднительно.

— Вы скорѣй придумаете, чѣмъ я. По моему, этому горемыкѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ именно разрубить Гордіевъ узелъ.

— Рассказывайте, это очень любопытно.

— Вотъ видите. Природа дала ему жизнь, но обстоятельства поставили въ такое положеніе, изъ котораго выйти трудно. Онъ любитъ дѣвушку, которая вполнѣ осуществляетъ для него идеаль женщины. Вѣдь такія дѣвушки встрѣчаются не на каждомъ шагу, а потому пріятель мой можетъ считать себя особеннымъ счастливецемъ. Не правда ли?

— Конечно. Если только онъ не слншкомъ пристрастенъ къ своему идеалу.

— Ну нѣтъ, за это я вамъ ручаюсь. Теперь, судите сами, каково моему пріятелю. Онъ, бѣднага, видитъ передъ собой цѣлу

жизнь, которую могъ бы пройти рука объ руку съ умной, и доброй подругой... А между тѣмъ онъ не смѣетъ, имѣть мало того, онъ не долженъ даже никогда напечатать ей на свое чувство.

— Отчего?—спросила Александра Павловна, быстро и вѣроисительно взглянувъ на него.

— Оттого, что вмѣстѣ съ своей любовью онъ можетъ предложить ей только вѣчный трудъ, вѣчную бѣдность и крекъ, того еще, вѣчныя семейныя дразги. Труда онъ конечно не боится. Дѣвушка, которую онъ любитъ, одарена энергической, благородной душой. Близкихъ было только двое, онъ небо яся бы за нее. Но, къ несчастью, судьба навязала ему на руки трехъ сестеръ и мать, которыя не могутъ существовать сами собою. Что тутъ дѣлать? Какъ вы думаете? Вѣдь тутъ можно сойти съ ума, прибавилъ Иларій.

Александра Павловна взглянула на него. Онъ смотрѣлъ на песокъ, по которому чертилъ длинной, засохшей вѣткой, попавшейся ему подъ руку. Лицо его выражало сильное, душевное страданіе. На губахъ бродила горькая, ядовитая усмѣшка.

— Да, можно, прошептала Александра Павловна, блѣдная какъ смерть.

Она давно и очень хорошо знала, что Иларій ее любитъ. Не разъ думала она объ этомъ, и не находила никакого выхода ни для него, ни для себя. Но она все-таки была счастлива тѣмъ, что любила сама, любила со всею свѣжестью молодого чувства, и не хотѣла думать о будущемъ.

Оба они, понявъ хорошо свое положеніе, поставили себя другъ передъ другомъ въ дружественныя отношенія, за границу которыхъ не выходили ни на шагъ. Они боялись всякихъ измѣній, особенно Александра Павловна. Она знала, что малѣйшій намекъ долженъ проивести перемѣну въ ихъ отношеніяхъ,—или окончателно сблизить ихъ, или навсегда отдалить другъ отъ друга. Вотъ почему, когда Иларій кончилъ говорить, работа выпала изъ ея рукъ, сердце сжалось. Вдругъ стало страшно ей и за себя, и за него, и какъ ни удерживала она слезы, онъ прорвался-таки сквозъ опущенныя рѣсницы.

Такъ бѣдняки привѣтствуютъ счастье.

— Вы плачете? сказалъ Иларій, отбросивъ вѣтку и придвинувшись къ Александрѣ Павловнѣ.

— Зачѣмъ вы рассказали эту исторію? Вы никогда не должны

бы рассказывать ее, проговорила она, стараясь улыбнуться.

— Отчего жь иногда? вскричала Иларій.

— Я была такъ счастлива...

Она облокотилась на столикъ обѣими руками и сиротала въ нихъ свои лица. Выраженіе лица Иларіи вдругъ помѣнилось. Что то радостное, веселое засіяло на ней.

— Кто жь подымааетъ намъ быть опять счастливыми еще лучше, еще долѣе прежняго? — вскричалъ онъ, прижавъ губами къ волосамъ Александры Павловны, и тихо отводя ей руки отъ лица. — Если ты любишь меня, если ты согласна дѣлать со мною трудъ, мы будемъ оба бороться. — Только скани: ты согласна?

— Конечно, вѣдь ты знаешь это; — прошептала дѣвушка краснѣя.

— Такъ ми разрушимъ Гордѣевъ уездъ! Мы его разрушимъ однимъ ударомъ.

— Что ты хочешь сказать отишь?

— Я хочу сказать, что я не виновата въ томъ, что у меня есть сестры, тогда такъ, какъ и въ томъ, что онѣ получили глупѣйшее воспитаніе. Я не обязанъ нянчиться съ ними всю свою жизнь, губить себя для ихъ счастья. Ты меня любишь. Этого довольно. Понравится мнѣ или нѣтъ, что я рѣшился наконецъ позаботиться о самомъ себѣ, — я не посмотрю на это. Пусть живутъ себѣ, какъ знаютъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя, задумчиво проговорила Александра Павловна, качая головой. Уездъ надо развязать. И знаешь ли, отчего нельзя?

— Отчего?

— Оттого, что всѣ тяжелыя послѣдствія, все, что будетъ неприятнаго въ положеніи твоихъ сестеръ, все это отвѣтается на тебѣ же. Я тебя хорошо знаю, Иларій. У тебя олимпкомъ мягкая, слишкомъ впечатлительная натура. Если твои сестры будутъ несчастны, ты будешь страдать за нихъ, больше чѣмъ онѣ сами. А я этого не хочу. ...нѣтъ, нѣтъ, лучше я сама добровольно отражусь отъ собственнаго счастья, нежели послужу поводомъ раздоровъ въ твоей семьѣ.

— Такъ что же дѣлать? Сойти съ ума? Больше ничего не этается.

— Я тебя нуачу, что дѣлать.

Иларій взглянулъ на нее такими глазами, въ которыхъ выражались и радость надежды и недоумѣніе.

— Говори, говори, я все сдѣлаю. Ты во сто разъ умнѣй и лучше меня, моя чудная Сапа.

— Надо, во-первыхъ, много любить и много вѣрить. Это первое условіе.

Иларій улыбнулся

— Во-вторыхъ, вооружиться терпѣніемъ и осторожно, ислѣдствуй развязывать узлы. Ты долженъ издалека понемногу приготовить твоихъ сестеръ къ мысли, что ты можешь когда нибудь жениться. Боночка не глупа. Она пойметъ это. Посоветуй ей серьезно заняться. Въ годъ, въ два она можетъ приготовиться, занять мѣсто гувернантки или компаньонки

— Какъ ты равнодушно встрѣчиваешь наше счастье на цѣлые годы, прервалъ Иларій съ досадою.

— Будь же справедливъ, Иларій. Съ увѣренностью, что насъ любить чистая и добрая душа, можно прожить нѣсколько лѣтъ въ надеждѣ на счастье... Вѣдь прожила же я цѣлый годъ, любя тебя, и была счастлива. И какъ скоро прошелъ онъ, этотъ годъ, точно одинъ день.

— Но вѣчно ждать и ждать! проговорилъ уныло Иларій. Такъ пройдетъ, можетъ быть, двадцать лѣтъ, и мы успѣемъ состарѣться.

— А случай. Разсчитывай не много и на него. Мало ли какъ могутъ измѣниться обстоятельства. Сестры твои могутъ замужъ выйти...

— Вотъ ужъ на это я никогда не буду разсчитывать.... Развѣ только Люба.

Иларій разсказалъ Александрѣ Павловнѣ, что, по его соображеніямъ, Костяничковъ думаетъ жениться на Любѣ, и высказывалъ свое мнѣніе на счетъ этого брака.

— Напрасно тебя такъ огорчаютъ замыслы Костяничкова, сказала она; если Люба любитъ его, то она не послушаетъ тебя, и все-таки выйдеть за него... она его удержитъ отъ мотовства. Притомъ же, вѣроятно, Костяничковъ будетъ помогать семейству своей жены. Будемъ, терпѣливы, Иларій, будемъ ждать благоспріятной минуты.

Александра Павловна говорила, стараясь перелить въ сердце Иларія больше надежды, больше упованія на лучшую будущность, чѣмъ надѣялась сама. Она говорила съ улыбкой, спомойно и весело, какъ будто рѣчь шла не о ней самой, не объ ея собственномъ счастьи.

Ея увѣренность и спокойствіе подѣйствовали, наконецъ, и на Иларіа. Будущность представлялась ему не въ такихъ уже мрачныхъ краскахъ, въ какихъ еще привыкъ ее видѣть.

Въ этотъ вечеръ они разстались почти счастливыми.

Иларій вдохновился новой энергіей. Поутру еще унылый, мучимый сомнѣніями, теперь онъ готовъ былъ смѣло вызвать обстоятельства на открытую, упорную борьбу.

Александра Павловна, оставшись одна, не хотѣла думать о томъ, что ждетъ ее впереди. Она вся предалась счастью любить и быть любимой. Она не рассуждала, даже не ожидала для себя отъ жизни ничего лучшаго. Она только припоминала то улыбку Иларія, то звуки его голоса, то выраженіе его лица. Она припоминала все, что прожило ея сердце, съ того дня, когда полюбила она Иларія.

— Онъ меня любить! Сколько въ этомъ счастья, Боже мой!

Это была послѣдняя ея мысль въ этотъ вечеръ и первая на другой день, когда разбудило ее раннее солнце, — свернувъ чрезъ опущенную сторону золотымъ лучомъ.....

III.

Наступилъ вторникъ, день, назначенный Иваномъ Тихонычемъ для празднованья новоселья. Поутру, въ этотъ день, онъ самъ и мать его сѣдѣли за чайнымъ столомъ, во флигелѣ, предназначенномъ собственно для жительства Матрены Трофимовны. Матрена Трофимовна принадлежала къ числу тѣхъ патриархальныхъ хозяекъ, которыхъ выработали намъ тяжелыя условія нашего стариннаго семейнаго быта. Весь кругъ мысли и дѣятельности Матрены Трофимовны, всѣ жизненные интересы ея ограничивались непрерывными попеченіями о томъ маленькомъ хозяйствѣ, какое выпало на ея долю. Сама, бывало, она доила корову и жала траву для нея на ближайшей лужайкѣ; сама полола гряды въ своемъ огородѣ, страдала кушанья, варила наливки и варенья; сама, наконецъ, ткала полотно для домашняго обихода и даже вышивала на полотнищахъ, красными нитками, обычные іероглифы, въ видѣ пѣтушковъ съ высокими гребнями и разныхъ диковинныхъ растений, и проч. Подобныя заботы, повторявшіеся съ механическимъ однообразіемъ въ теченіи всей жизни Матрены Трофимовны, сдѣлались, наконецъ, для

нея насущною необходимостью, перешли въ привычку, безъ которой она и дышать не могла. Запннутая обстановка жизни, конечно, не дала ей возможности испытать ни сильнаго человѣческаго чувства, ни мысли посторонней, такъ что подъ часъ трудно было отличить ея существованіе отъ существованій какой нибудь липы или березы. Въ силу привычки угождала она мужу; въ силу той же привычки старалась угодить и сыну, и такъ, отсчитывая день за днемъ, думала спокойно дотянуть свой вѣкъ до тихаго пристанища, какъ вдругъ сыномъ, получивъ послѣ тятеньки наслѣдство, задумалъ построить жизнь на иной манеръ. Иванъ Тихоничъ повелѣ дѣло очень круто. Схоронивъ родителя, онъ выстроилъ себѣ новый домъ и отъвѣлъ въ немъ для Матрены Трофимовны роскошное помѣщеніе съ разными барскими затѣями. Очень естественно, что такія нововведенія спутали съ толку бѣдную Матрену Трофимовну. Среди новой обстановки ей казалось какъ-то пусто, дико, точно она не дома, а гдѣ-то въ бусурманскомъ царствѣ. Перечить сыну она много не могла, потому что привыкла видѣть надъ собою какаго нибудь большака и играть въ семьѣ второстепенную роль, но зато, пользуясь отлучками Ванюши, старалась сообщить компаніѣ тотъ характеръ, къ которому она привыкла съ малолѣтства, и дать ей видъ болѣе сподручный для жизни. Съ помощью своей старой работницы Иринушки, она скоро перетаскала въ нее порядочнаго объема сундукъ, поставила его въ передній уголъ и прикрыла старенькимъ ковромъ, которыхъ прежде черезъ Илья покрывалъ буланаго. На сундукъ взгромодила она еще какой-то ящикъ, обитый верблюжьей шерстью и украшенный мѣдными гвоздиками. Стѣны также показались ей пустоваты.

— Не красиво, говорила она, Ирипѣ, помогавшей ей убирать на свой ладъ новыя хоромы. Стѣны-то совсѣмъ голы. Словно не жилой домъ. Вбей-ка вотъ тутъ, подлѣ зеркала, гвоздикъ, Иринушка, а картину повѣшу, того енараля, что у покойнаго Тихона Иваича надъ конторкой висѣлъ.

И стѣны украсились разнообразными картинками сообразно вкусамъ Матрены Трофимовны. Съ одной стороны большаго зеркала помѣстился енараль въ зеленомъ мундирѣ, съ другой танцующая Азія съ фруктами на головѣ. На другой стѣнѣ, она развѣсила картинки разнообразныхъ форматовъ и въ разнокалиберныхъ рамкахъ: тутъ были Наполеонъ, и турчанка съ гитарой, и буря на морѣ съ утопаю-

щимъ кораблемъ и разныя другія издѣлья родной оцтази.

Сынъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ новомъ шелковомъ халатѣ и съ неудовольствіемъ посматривалъ на лишнія украшенія, появившіяся въ маменькиномъ салонѣ.

Матрена Трофимовна сидѣла подлѣ самовара въ затрапезномъ платьѣ. Голова ея была повязана темнымъ платочкомъ. У ней хоть и были хорошія платья, но онѣ больше висѣли въ шпану. Она любила затрапезное, потому что оно казалось ей самымъ удобнымъ.

«Не люблю, говоривала она, ходить дома въ хорошей одежѣ. Все оберегаться надо. Молокомъ ли плеснешь, по мукѣ ли рукавомъ манешь, всегда пятны дѣлаются, слѣдъ остается. А вѣдь и жалко хорошаго-то платья».

Нѣсколько минутъ мать и сынъ молчали. Матрена Трофимовна усердно выпивала жестую чашку чаю, а Иванъ Тихонычъ сидѣлъ, опершись локоткомъ передъ четвертымъ стаянчикомомъ, и думалъ думу глубокую. Очень хотѣлось ему высказать эту думу Матренѣ Трофимовнѣ, только онъ не зналъ съ чего начать, потому что думата была «завѣтная».

А необходимо было высказать ее Матренѣ Трофимовнѣ, и притомъ сегодня же. Долго Иванъ Тихонычъ ѣжился на стулѣ и покашливалъ; наконецъ, выбравъ удобную минуту, началъ издадалека.

— Я, маменька, все на счетъ того... Надо такъ устроить, чтобъ все было прилично. Вы, маменька, что вечеромъ надѣнете?

— А не знаю, Ващюша, до вечера далеко.

— Пересмотрите пораньше ваши наряды. Одѣньтесь такъ, чтобы лицомъ въ грязь не ударить. Вѣдь сегодня у насъ все, что ни па есть лучшаго въ городѣ, будетъ.

— Извѣстно что будутъ, отвѣчала съ усмѣшкой Матрена Трофимовна; только клещъ клинни, всѣ какъ собаки сбѣгутся поѣсть, да попить. Угощай дармоѣдовъ, то на радостяхъ, что до денегъ дорвался, угощай. Послѣднюю фразу она проворчала сквозь зубы. Но Иванъ Тихонычъ разслушалъ ее.

— Нѣтъ, маменька, возразилъ онъ, вы напрасно меня такими рѣчами огорчаете, мнѣ сегодня и безъ того ужъ не весело, а вы меня еще больше разстроить хотите. Да вы знаете, какой сегодня день для меня?

— Конечно, сегодня вторникъ, не особый же ниней день для твоего бала Богу сдѣлать.

Иванъ Тихонычъ усмѣхнулся.

— Ну, помолчимъ, что вторникъ, да вѣдь вторникъ вторнику рознь. Вотъ вы меня укоряете, что я дармовцевъ кормить хочу, а я совсѣмъ не для нихъ и балъ-то дѣлаю. Что мнѣ въ нихъ! да жабы не задумалъ я одного дѣла, такъ никого бы не позвалъ, ей Богу не позвалъ бы!

— Какое жъ такое дѣло?

Иванъ Тихонычъ пересталъ шагать и, остановившись передъ Матреной Трофимовной, произнесъ съ таинственно-глубокомысленнымъ видомъ. — Я хочу жениться, маменька.

При этой новости Матрена Трофимовна какъ-то растерялась. Она, какъ мыла чашки, такъ и осталась неподвижна, съ полотенцемъ въ одной рукѣ, и съ недомытымъ блюдечкомъ въ другой. Не то чтобъ это благое намѣреніе Ванюши было ей не по сердцу. Въ купечествѣ бракъ всегда считается душевспасительнымъ дѣломъ. Но ее очень встревожилъ вопросъ: кто та счастливая смертная, которой судьба назначила быть ей невѣсткой?

— Ну чтожъ, проговорила она наконецъ, опомнившись отъ неожиданной новости и принимаясь, дрожащими отъ волненія руками, опять вытирать блюдечко. — Это дѣло нехудое. Оно ужъ пожалуй и давно бы пора. Ты къ кому думаешь сваху заслать?

— Обойдемся и безъ свахи, маменька: кто нонче знается съ свахами. Я самъ ей лично объяснюсь.

— Да съ кѣмъ же ты объясняться-то думаешь? кто она такая?

— Она, маменька? Она... Чудное созданіе! Звѣзда настоящая! коли не на ней, такъ ни на комъ никогда не женюсь! Клятву далъ! заговорилъ Иванъ Тихонычъ, одушевляясь при воспоминаніи о розовыхъ губахъ и объ огненныхъ глазкахъ Любочки.

— Ахъ ты Господи! Да ты назови ее хоть по имени, да по отчеству, какъ слѣдуетъ.

— Любовь Алексѣевна Стругова.

— Этъ-то изъ гимназій-то, учителя сестра?

— Она, она.

Матрена Трофимовна окончательно выпустила полотенце и блюдечко изъ рукъ, и скрестивъ ихъ на груди, прискорбно покачала головой.

— Что жъ вы головой-то закатали маменька? спросилъ Иванъ Тихонычъ, снова зашагавъ по комнатѣ. Развѣ важъ эта партія не правится?

— Эхъ Ванюша, Ванюша! Ужъ, какая тутъ партія! отозвалась Матрена Трофимовна. Это все голь безпардонная! Возьмешь ты на свою шею цѣлую ораву нищихъ кормить.

— Кто меня заставить всѣхъ ихъ кормить? Я женюсь на Любѣ, а до нихъ что мнѣ за дѣло. У нихъ брать есть. Какъ кормилъ до сихъ поръ, такъ пускай и кормить, хоть весь свой вѣтъ.

— Ну, а какъ брать-то, да жена, постараются ихъ на твою шею спихнуть...

Иванъ Тихонычъ остановился.

— Нѣтъ-съ, это дудки. Мы объ этомъ дѣлѣ ужъ подумали. Никогда этому не бывать. Я вѣдь не баранъ какой, маменька. Лишь бы только Люба вышла за меня, а тамъ я ее къ рукамъ приберу, какъ слѣдуетъ, чтобъ изъ моей воли ни на волосъ не выходила. Всѣ удовольствія ей буду дѣлать, а денегъ никогда ни гроша въ руки не дамъ. А вотъ погодите, маменька, дайте мнѣ сперва жениться, а то мнѣ никакое, право, дѣло на умъ пойдетъ. Вы ужъ меня благословите маменька, какъ хотите, благословите.

Долго еще шла бесѣда между матерью и сыномъ.

Матрена Трофимовна благословила Ванюшу, скрѣпивъ сердце, и долго еще потомъ она рассуждала объ этомъ дѣлѣ въ кухнѣ съ Иринушкою, и обѣ разводила руками и качала головой.

Съ этого дня фizioномія Матрены Трофимовны приобрѣла постоянно пасмурное выраженіе.

Наконецъ вождѣлѣнный часъ насталъ. Засвѣтили люстры, и кандѣлябры въ ново-отстроенныхъ хоромахъ Ивана Тихоныча. Сѣхались гости, и все пошло какъ слѣдуетъ.

Мы не намѣрены описывать балъ. Каждый читатель легко можетъ вообразить себѣ, какъ тамъ было весело. Никто даже изъ самыхъ важныхъ сановниковъ не побрезгалъ приглашеніемъ Ивана Тихоныча.

Онъ разыгрывалъ роль гостепріимнаго и современнаго хозяина, безъ большихъ промаховъ, только немножко суетливо и съектно, какъ будто игралъ эту роль назаказъ для удовольствія публики.

Матрона Трошикина, къ чести ея, не выходила ни на шагъ изъ своей сферы и не раздвигала никакой роли.

Когда официанты разносили чай и фрукты, она пользовалась этимъ случаемъ, чтобъ выказать свое гостепріимство, и обращалась къ гостямъ съ фразою. «Сдѣляйте одолженіе, не церемоньтесь, получайте.»

Струговы пріѣхали поздно. Ихъ задержала Лиза, которая долго провозилась съ своей прической, потому что парикмахеръ не могъ причесать по ея вкусу, а сама она не умѣла.

Начались танцы. Барышни веселились на сколько позволяли условія губернскаго этикета. Львомъ бала оказался армейскій офицеръ Сузиковъ, щеголь и танцоръ, какихъ мало даже между офицерами. Онъ чаще всего танцевалъ съ Копочкой, и такое предпочтеніе возбуждало зависть всѣхъ остальныхъ барышень.

Между тѣмъ Иванъ Тихонычъ воспользовался удобной минутой и пригласилъ на кадрили предметъ своего сердца. Долго онъ переминался, придумывая, какъ бы начать свѣтскій разговоръ, и не придумалъ. Послѣ первой фигуры онъ рѣшился, наконецъ, приступить прямо къ дѣлу.

— Любовь Алексѣевна, сказалъ Костянинковъ, мнѣ надобно съ вами поговорить.

Люба вспыхнула.

— Говорите, отвѣчала она.

— Я прошу вашего особеннаго вниманія.

— Я слушаю.

— Какъ вы думаете, для чего я сегодня даю балъ?

— Вѣдь вы говорили, что новоселье празднуете?

— Да, конечно, новоселье. Но новоселье только предлогъ. Неужели жъ я въ самомъ дѣлѣ радуюсь тому, что выстроилъ домъ? Домъ ничего не значить...

Костянинковъ замолчалъ, потому что началъ вторую фигуру. Когда Люба сѣла опять на свое мѣсто, онъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Знаете, Любовь Алексѣевна, что красить домъ?

— Мало ли что можеть украсить домъ, отвѣчала Люба. Картины, цвѣты, хорошая мебель...

— Нѣтъ-съ, это все ничего не значить. Все это мертво, никакого значенія для души не имѣеть. Одинокество убійственно....

Третья фигура снова пресѣкла краснорѣчіе Костянинкова.

«Доберется ли онъ до конца сегодня, подумала Люба, дѣлая шагъ. Выдумалъ же объясняться въ кадрили... Пожалуй еще не успеетъ...»

— Вѣдь вы не одни живете, а съ Матрешой Трофимовной, сказала она, возобновляя уже сама интересную бесѣду.

— Ну что такое маменька! Маменька сама по себѣ, живетъ отдѣльно во флигелѣ. При томъ же маменька стариннаго вѣка... Развѣ она можетъ сочувствовать мнѣ? Нѣтъ, Любовь Алексѣевна, вы не думайте, что я счастливъ, прибавилъ онъ, помотавъ головою, съ мрачнымъ видомъ. Мнѣ всѣ товарищи завидуютъ, говорятъ: чего тебѣ не достаетъ, Костянниковъ? а они того не знаютъ, что у меня на душѣ, не знаютъ, какъ я, можетъ быть, страдаю...

— Мнѣ жаль васъ, проговорила Люба.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ меня жаль? Вы это отъ чистаго сердца сказали? или такъ только?

— Нѣтъ, если вы несчастны, такъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль васъ.

Предательская четвертая фигура опять прервала объясненіе. Люба чуть не заплакала. Она больше всего боялась, что Иванъ Тихонычъ не успеетъ предложить ей сердце и руку, и что такая неудача заставитъ его, пожалуй, отложить свое намѣреніе до болѣе благоприятнаго случая, а ей очень хотѣлось поскорѣй быть невѣстой, чтобъ ѣздить, покупать, шить себѣ наряды, словомъ, чтобъ веселиться. Новый домъ Костянникова также ей очень нравился, и она уже представляла себѣ мысленно, какъ будетъ принимать гостей и какіе хорошенькіе балы будутъ они давать въ этой самой залѣ. Ужъ не въ бѣломъ, ваперовомъ платьѣ будетъ она тогда!

— И такъ началъ Костянниковъ, заикаясь и робко поглядывая на нее, вы мнѣ сочувствуете?

— Вѣдь я вамъ уже сказала, проговорила Люба, чуть не съ явной досадой.

— Такъ отъ васъ зависитъ мое счастье.

— Что вы хотите сказать этимъ? проговорила Люба, вступивъ глазами.

— Что я осмѣливаюсь предложить вамъ мое сердце, руку, этотъ домъ, все мое имущество, если вы согласны быть второй моей женой, разделить со мной мое одиночество, утратить, наконецъ, мое существованіе вашей любовью.

— Поговорите, Иванъ Тихоничъ, съ мамеюшкой, вѣдь вы знаете, что я не отъ себя завишу, проговорила тихо Люба, не подымая глазъ.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать, что вы сами думаете объ этомъ?

— Я согласна, если мамеюшка позволитъ.

Началась пятая фигура, и Костянниковъ отъ полноты сердца пожалъ Любѣ руку.

Когда кадрили кончился, Люба подошла къ матери и едва слышно шепнула ей: посватался. Марья Андреевна вспыхнула отъ радости, но почти въ то же время глаза ея инстинктивно, съ какой-то вопрошающей боязнью обратились къ Иларію, который въ другой комнатѣ говорилъ съ однимъ изъ своихъ товарищей.

— Что жъ ты ему отвѣчала? спросила она также тихо, не отводя глазъ отъ сына.

— Я сказала, чтобъ онъ поговорилъ съ вами. Вѣрно пріѣдетъ завтра.

— Не говори *ему* этого до завтра, шепнула Марья Андреевна, слегка кивая головой въ ту сторону, гдѣ стоялъ Иларій.

— Иларію? сказала она, увидѣвъ брата.

— Ну да, конечно. Я сама ему скажу лучше.

— Пожалуй, какъ хотите, мнѣ все равно. Только вѣдь я его не послушаю, что бы онъ ни говорилъ. Посмотрите, когда выйду замужъ, да заживу богато, такъ онъ самъ же радъ будетъ.

— Конечно такъ, а все лучше безъ лишнихъ ссоръ. Брата сердить не къ чему, надо ему это сказать осторожно.

Отъ матери Люба перешла къ Копочкѣ, которая ходила по залѣ, подъ руку съ одной дѣвицей, и сообщила ей на ухо то же, что и матери. Копочка также просіяла. Она давно уже разсчитывала на всѣ выгоды и интересы, могущія произойти отъ этого брака, лично для ея особы. Вскорѣ и Лиза узнала интересную новость. Она также не смотря на то, что гнушалась вупечествомъ, не прочь была повеселиться и пользоваться земными благами на счетъ этого сословія. Все семейство, за исключеніемъ Иларія, было такъ счастливо, такъ весело, какъ будто каждый изъ его членовъ получалъ по дароному, давно ожидаемому подарку.

Баль продолжался своимъ чередомъ. Иллюминація въ саду угасла въ полночь. Гости все съѣли и выпили, и разъѣхались подъ утро, довольные минувшимъ вечеромъ.

Всѣхъ счастливыхъ и довольныхъ своей судьбой былъ Иванъ Тихоничъ и Люба.

Осталась не довольна баломъ только одна Матрена Трофимовна.

На другой день, поутру, когда она помогала Ирипушкѣ мыть посуду, нагроможденную, послѣ бала, въ большомъ количествѣ на кухонномъ столѣ, каждая тарелка, за которую она бралась, вызывала на уста ея безчисленные потоки восклицаній и разсужденій.

— Посмотри-ка, говорила она Ирипушкѣ, посмотри-ка, вѣдь все пріѣли. Тарелки-то словно вылизаны. Шутка-ли, сколько онъ цапналъ ихъ... Охъ, хо, хо. Чуетъ мое сердце, что не будетъ добра, коли дальше такъ пойдетъ... Всталъ бы Тихонъ Ивановичъ, покойничекъ, да посмотрѣлъ бы на него! И откуда это у него такая прыть взялась? А вѣдь что станешь дѣлать! Зачнешь ему говорить, что-де по моему разуму, казалось бы, Ванюша, не такъ тебѣ слѣдовало жить, такъ куды! Забросаетъ теби новыми словами, какихъ я отрадяся не слышывала, такъ просто, словно, какъ одурачить, что въ тупикъ станешь. И поди-ка давно ль отецъ умеръ, а откуда онъ успѣлъ набраться этихъ словъ!

— Да все шематоны пріатели, отвѣчала Ирипушка.

— То то и есть, что эти пріатели, да знакомства никогда до добра человѣка не доведутъ. Вѣдь объ этомъ у меня, Ирипушка, и сердце-то болитъ.

Между тѣмъ Иванъ Тихоничъ, нисколько не подозрѣвая, что на каменьяминой половинѣ шла о немъ такая бесѣда, завился, разофрагтился, раздушился, принялъ на себя праздничный видъ и на парѣ лихихъ рысаковъ отправился къ Струговымъ.

Экипажъ его останоился у подъѣзда съ громомъ и шикомъ.

У Струговыхъ съ ранняго утра шли уже приготовленія для пріема жениха. Комнаты были давно выметены, пыль вытерта. Даже Люба была причесана и одѣта.

Марья Андреевна припасла и образъ благословить певѣсту и жениха. Она любила ноступать по русской пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо.

Только одинъ Иларій ничего не зналъ.

Марья Андреевна до поры до времени не хотѣла ему ничего говорить о сватовствѣ. Онъ, по обыкновенію, ушелъ изъ дому, въ девять часовъ. Люба, въ трепетномъ ожиданіи, прохаживалась по комнатѣ, поглядывая то въ то, то въ другое окно.

— Маманька пріѣхалъ! провозглашали хоромъ сестрицы, замѣтивъ жениха.

— Ну слава тебѣ Господи! отвѣчала Марья Андреевна. Она смутилась и, по обыкновенію, стала суетиться. Лишь бы Господь Богъ помогъ все окончить благополучно!

Молодой человѣкъ вошелъ не такъ, какъ входилъ всегда, и физиономія его была не та, къ какой привыкли ежедневно его знакомые. Для такого торжественнаго случая и важнаго шага въ жизни, Иванъ Тихоничъ счелъ обязанностью пмѣниться съ головы до ногъ, превратиться изъ самого себя — въ нѣчто другое.

Онъ раскланялся какъ-то по праздничному, съ торжественною форменностью. Лицо его отражало забавную смѣсь противоположныхъ чувствъ, которыми онъ счелъ нужнымъ наполнить свое сердце въ этотъ моментъ. Отъ всей его особы вѣяло чѣмъ-то тяжелымъ, удушливымъ, какъ отъ древней російской оды, а приторно-сладкая улыбка и томные взгляды на Любу, напоминали идилліи госпожи Дезульеръ, съ ея влюбленными пастушками.

Впрочемъ, Иванъ Тихоничъ повелъ дѣло какъ слѣдуетъ, по всѣмъ принятымъ правиламъ. Онъ сообщилъ Марьѣ Андреевнѣ, что желаетъ поговорить съ нею наединѣ объ очень важномъ дѣлѣ.

Выгнавъ такимъ вѣжливымъ образомъ дѣвицъ, онъ немедленно приступилъ къ объясненію.

Предложеніе его было принято одобрительно. Только Марья Андреевна замѣтила, что у Ли бы нѣтъ приданого и что буде онъ захочетъ на ней жениться, то пусть беретъ ее въ чемъ есть. Иванъ Тихоничъ великодушно вызвался сдѣлать приданое своей невѣстѣ. За тѣмъ позвали Любу и сестеръ. Она краснѣя и потупляя глазки, изъявила свое согласіе. Потомъ принесли образъ, и Марья Андреевна благословила счастливую чету.

Уже окончивъ этотъ обрядъ, она вспомнила объ Иларіѣ, и жениха попросили пріѣхать вечеромъ для того, чтобы и братъ благословилъ его и Любу.

— Вѣдь нельзя иначе, прибавила она, онъ имъ всѣмъ вмѣсто отца роднаго. На что Иванъ Тихоничъ отвѣчалъ, что онъ и безъ того бы пріѣхалъ вечеромъ, потому что считаетъ погибшимъ каждое мгновеніе своей жизни, въ которое разлученъ съ Любовью Алексѣевной.

Во всемъ городѣ С. не было въ этотъ день такой глупѣйшей фи-

зисмондъ, съ какой счастливейшей женщиной, витающей и утовающей въ нѣжныхъ мечтахъ, отправился обратно домой на своихъ рысакахъ.

Послѣ обѣда Марія Андреевна сообщила Иларію обо всемъ происшедшемъ.

Иларій спросилъ Любу, надѣется ли она быть счастлива съ Ко станинковичемъ.

Еще бы нѣтъ! отвѣчала Люба. Вѣдь онъ, слава Богу, не бѣденъ. Буду себя жить барыней, припѣваючи.

Иларій хотѣлъ еще что-то сказать, но Люба не слушала его. Она уже вертѣлась передъ зеркаломъ, весело напѣвая и прикладывая то къ волосамъ, то къ лицу какіе-то два лоскуточка, голубой и гро-зелевой, чтобъ удостовѣриться, который изъ этихъ двухъ цвѣтовъ лучше идетъ къ ней.

Иларій махнулъ рукой и не сказалъ больше ни слова.

— Одна другого стоитъ, подумалъ онъ. Человѣкъ дѣльный и образованный пропалъ бы съ ней...

Ж. Самоиловичъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ЛЭДИ КЛАРА ВЕРЬ-ДЕ-ВЕРЬ.

(Стихотворение Тенпсона).

О! Лэди Клара Верь-де-Верь!

Простите! къ вамъ я равнодушень.
 Не въ силахъ вы меня назвать.
 Отъ скуки, сердцемъ деревенскимъ
 Вамъ захотѣлось попутать;
 Но какъ ни строгы ваши взоры,—
 Не обожгутъ меня оны.
 Не вы мнѣ счастье подарите,—
 Хоть двадцать графовъ вашъ сродни!

О! Лэди Клара Верь-де-Верь!

Вы родословною гордитесь,
 Гордитесь именовъ, гербовъ.
 А мнѣ до предковъ дѣла мало,
 Крестьянникъ былъ мой отцовъ.
 Нѣтъ! не разбить вамъ это сердце!
 Иная ждетъ его судьба;
 Ему любовь крестьянина доброй
 Дороже всякаго герба.

О! Лэди Клара Верь-де-Верь!

Я не такой ручной, повѣрите,
 Какимъ, быть можетъ, вамъ кажусь.
 И будьте вы царицей міра,
 Я все предъ вами не склонюсь.
 Надъ бѣднымъ парнемъ для потѣхи
 Хотѣли опытъ сдѣлать вы...
 Но также холодно онъ смотритъ
 Какъ на воротахъ вашихъ львы.

О! Лэди Клара Верь-де-Верь!

Зачѣмъ тотъ день я вспоминаю,
 Когда подъ тѣнью старыхъ липъ,
 Лежалъ недвижливъ бѣдный Лоренцъ.
 (Лишь двѣ весны—какъ онъ погибъ!)
 Вы завлекли... Околдовали...
 Вамъ не учиться колдовать;
 Но этотъ черепъ раздробленный
 Вамъ страшно было-бъ увидеть!

О! Лэди Клара Верь-де-Верь!

Лежалъ онъ бѣдный. Мать рыдала...

И слово горькое у ней,
 Невольно вырвалось... Страданье
 Ожесточаетъ такъ людей..
 Не повторю я здѣсь, что слышать
 Пришлось мнѣ въ мигъ печальный тотъ...
 Да! Мать была не такъ спокойна,
 Какъ Верь-де-Веровъ знатный родъ!

О! Люди Клара Верь-де-Верь!

За вами тѣнь его повсюду,—
 И на порогъ вашемъ кровь!
 Бы сердце честное разбила,
 Когда бѣднякъ свою любовь
 Рѣшился высказать, улыбкой
 И взоромъ нежныхъ ободрять,
 Вы тотчасъ выдвинули предковъ...
 Ударъ былъ мѣтко нанесенъ!

О! Люди Клара Верь-де-Верь!

Съ какой наотъшкою взираетъ
 Съ небесъ нашъ праотецъ Адамъ
 На то, чѣмъ всѣ вы такъ гордитесь
 На эту ветость, этотъ хламъ!
 Повѣрьте тотъ лишь благородецъ,
 Чья незапятнанна душа...
 А ваши графскія коровы
 Ве стоять мѣднаго гроша!

О! Люди Клара Верь-де-Верь!

Вы свѣжи, молоды, здоровы;
 А утомленіе легло
 На ваши гордыя рѣсницы,
 На ваше гордое чело!
 Однообразно, безконечно,
 Идутъ для васъ за днями дни,
 И вотъ вы ставите отъ скуки
 Сердцамъ наивнымъ западни!

О! Люди Клара Верь-де-Верь!

Не зная что съ собою дѣлать,
 Вы умираете съ тоски;
 Но неужель къ вамъ не стучатся
 Рукою робкой бѣдняки?
 Найдите въ хижинѣ... учите
 А ужъ на васъ рукой махните
 Мы необтесанный народъ!

А. Мещеряевъ.

ГРАНИЦЫ

ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ.

Развитіе человѣчества обуславливалось до сихъ поръ двумя великими дѣятелями: ученіями метафизическими и научными въ тѣсномъ смыслѣ. Каждый изъ этихъ великихъ дѣятелей имѣетъ свой методъ изслѣдованія. Всматриваясь въ существующій хаосъ, въ повсемѣстную анархію, царствующіе въ общественной жизни, въ сложныхъ наукахъ, въ метафизикѣ, въ понятіяхъ о правственности и о наукѣ, о долгѣ, о представительствѣ и свободѣ, о консерватизмѣ и революціи, уже легко убѣдиться, что современное человѣчество не имѣетъ въ своихъ рукахъ неизмѣннаго, всѣми признаннаго критериума для распознаванія истины отъ лжи, дѣйствительнаго отъ мечтательнаго, возможнаго и необходимаго отъ утопическаго и нелѣпаго.

Такимъ критериумомъ, такимъ верховнымъ и безапелляціоннымъ судьей можетъ быть только *положительное знаніе*. Явленіе и распространеніе подобнаго убѣжденія должно открыть собою новую эру, полное и всестороннее раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣкѣ и въ человѣческихъ обществахъ. Положительное знаніе само назначаетъ себѣ границы, само опредѣляетъ себѣ цѣль, само строитъ

свою систему. Границы его положительныя, цѣль положительная, система положительная. Оно сказано тѣмъ, что человѣкъ знаетъ положительно, вѣрно, несомнѣнно; тѣмъ не менѣе границы его безпредѣльны, ибо оно необходимо должно охватить собою всѣ науки и связь ихъ, всѣ общества человѣческія и ихъ развитіе: ничего не произошло въ мірѣ, на что оно не должно бросить свѣта, ничто не можетъ случиться, до чего ему не было бы дѣла. Положительное знаніе не признаетъ безапелляціоннаго права индивидуальной личности, ибо оно подчиняетъ ее разряду болѣе высшихъ явленій и требованій, и убѣждаетъ, что въ этомъ подчиненіи и состоитъ ея верховное благо. Оно не вводитъ наукъ математическихъ въ область исторіи и нравственности, ибо, принявъ въ основаніе истину, что матерія и сила, предметъ и его свойства раздѣлены быть не могутъ, оно не признаетъ метода высшей простѣйшей сферы знанія въ области науки высшей и сложнѣйшей.

Тѣмъ не менѣе основою всякаго знанія, а слѣдовательно и основою всякаго правильнаго обученія, основою всей системы наукъ можетъ быть только математика; безъ наукъ математическихъ невозможно вступить въ болѣе высшія сферы знанія. Въ прежнія времена это не было необходимою, по крайней мѣрѣ ничто не говорило объ этой необходимости, и энергичскіе способные умы, склонные къ обобщенію, схватывались за любую гипотезу, чтобы вывести изъ нея логическія послѣдствія. За то и приходили они въ такія захоластья, въ которыхъ не видно было божьяго свѣту. Ни захоластье, ни безвыходныхъ переулковъ при положительномъ знаніи быть не можетъ: все должно быть разчищено, всѣ пути открыты.

Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что кто не умѣетъ разсуждать о предметахъ простѣйшихъ, тотъ бесплодно будетъ работать надъ явленіями сложными. Чтобы охватить труднѣйшія части и найти ихъ дѣйствительное значеніе, умъ требуетъ упражненія и приготовленія. Такова роль наукъ математическихъ въ воспитаніи ума: исключеніе ихъ не можетъ не отозваться пагубными послѣдствіями для общаго развитія. Безъ математики не можетъ идти впередъ ни астрономія, ни физика. Безъ физики искажена вся химія и не сведетъ концы съ концами. Безъ химіи не могутъ быть объяснены явленія питанія, а на нихъ основана жизнь организмовъ. Безъ біологіи законы жизни человѣческихъ обществъ останутся непонятными; безъ нея нѣтъ исторіи, нѣтъ социологіи.

Эта связь, эта общая цѣль наукъ, размѣщенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ, эта *система* положительнаго знанія еще недавно была вовсе неизвѣстна и не считалась даже необходимой.

Многія науки стояли совершенно отдѣльно и независимо отъ другихъ, цѣлыя отдѣлы существовали особнякомъ безъ всякой связи съ сопредѣльными отдѣлами.

Теперь уже легко, при первомъ взглядѣ на природу, видѣть эти явственныя ступени общей лѣстницы, эти естественныя границы. Только весьма незначительная часть матеріи способна переходить въ міръ органическій, одаренный способностью къ жизни; мало того: безъ матеріи неорганической жизнь органическая немислима. И та, и другая прежде подчиненія законамъ органической жизни подчинены законамъ общимъ всей матеріи: химическому сродству, тяжести, теплотѣ, электричеству. Жизнь растительная, составляющая сущность царства растительнаго и основу животнаго, не что иное какъ постоянное перемѣщеніе, круговоротъ, сочетаніе и разложеніе матеріи, сопровождаемая химическими явленіями; откуда становится ясно іерархія законовъ химическихъ или физиологическихъ.

Есть еще одно свойство, весьма важное для классификаціи и системы положительнаго знанія. Свойства химическихъ, принадлежа всей матеріи безъ исключенія, являются въ ней только при встрѣчѣ двухъ различныхъ матеріи: чтобы они явились—необходима пара различныхъ элементовъ, необходимо сочетаніе. Это — новое опредѣлительное различіе химическихъ законовъ относительно матеріи, уже опредѣленныхъ относительно законовъ органической жизни. Спускаясь за ними внизъ, встрѣчаемъ въ матеріи свойства физическихъ, принадлежащая всей матеріи, разсматриваемой въ массѣ, а не въ элементахъ; это—тяжесть, теплота, электричество, свѣтъ, упругость. Эти свойства—общія, для проявленія ихъ не нужно парнаго сочетанія. Напримѣръ, золото, сѣра, кислородъ отдѣльно не имѣютъ свойствъ химическихъ, но обладаютъ свойствами физическими. Это третья ступень положительной классификаціи.

Основую всего служитъ число, пространство и время, составляющія предметъ математическихъ наукъ: ариметики, геометріи, механики.

Пойдемъ обратно. Число, пространство и время, существующія въ природѣ, какъ и въ мысли, составляютъ основаніе положительнаго

знанія, первый циклъ наукъ. Матерія, разсматриваемая въ массѣ, представляетъ свойства физическія. Далѣ явленія обособляются: является парность и съ нею свойства химическія, или, какъ ихъ называютъ, атомистическія. Еще далѣ явленія обособляются еще болѣе: очень ограниченная группа элементовъ выказываетъ особыя свойства живенныя. Такимъ простымъ и естественнымъ ходомъ положительное знаніе точно указываетъ мѣсто всякому условію, всякому свойству: границы обозначаются, хаосъ исчезаетъ въ стройной системѣ. Теперь уже не ощупью, а съ полнымъ сознаніемъ, безъ боязни заблудиться, можно идти съ нижней ступени знанія до самой верхней, спускаться за изслѣдованіями съ верхней до самой нижней и изъ каждой частной науки дѣлать отрасль всей науки человѣчества: къ дѣйствительному могуществу каждой отдѣльной науки присоединилось дѣйствительное, общее, совокупное содѣйствіе остальныхъ. Преобразование всѣхъ существующихъ наукъ въ одну науку, представляющую тѣсную и неразрывную связь между мышленіемъ и природой, есть первая и главнѣйшая заслуга положительнаго знанія. Но это опять только одна ступень дальнѣйшихъ раскрытій и преобразований, со всѣми безчисленными ихъ послѣдствіями и приложеніями къ развитію человѣческихъ обществъ.

Возьмемъ для примѣра исторію, которая, по системамъ существовавшимъ доселѣ, составляла не частную, зависящую науку, а главную, отдѣльную и самостоятельную. Она составляетъ одну изъ составныхъ частей положительнаго знанія, безъ которой послѣднее немислимо. Она есть развитіе, обусловленное свойствами человѣческаго организма и свойствами окружающей его природы. То, что происходитъ съ развитіемъ одного индивидуума, служитъ основой для развитія всей природы. Узнать, какимъ образомъ раскрытіе свойствъ человѣческой личности преобразуется въ раскрытіе свойствъ человѣческой природы; какая часть индивидуальной жизни отбѣкается, стирается, какъ бесполезная для жизни коллективной; какимъ образомъ частное и личное принимаетъ характеръ общаго, безличнаго — вотъ задача исторіи. Изъ этого опредѣленія явствуетъ, что изъ исторіи выключается все случайное и сверхъестественное, неподлежащее законамъ, — остаются только одни законы. Естественное отношеніе исторіи, какъ раскрытія законовъ жизни коллективной къ жизни индивидуальной, тотчасъ назначаетъ ей мѣсто вслѣдъ за біологіей и вмѣняетъ непремѣнное знаніе послѣдней для изученія первой. Это

же отношеніе отстраняетъ возраженіе, столь часто приводимое отрицательной философіей, что повиповеніе естественному закону уничтожаетъ свободную волю. Это тоже самое, что сказать напримѣръ, что переходъ отъ дѣтства къ возмужалости и отъ возмужалости къ старости, обуславливающей индивидуальную жизнь, и совершенно независящей отъ насъ, стѣсняетъ нашу волю. Свободная воля остается въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она есть, подчиняясь неизмѣнному закону возрастовъ. Тоже самое и въ жизни коллективной: не измѣняя своей сущности, она проявляется подъ влияніемъ послѣдовательныхъ фазъ исторіи. Это наглядно доказывается безуспѣшными усиліями многихъ могущественныхъ личностей заставить идти назадъ исторію, надъ чѣмъ они работали съ полнымъ произволомъ и со всею энергіей, но цѣли не достигли *).

Изъ того же соотношенія между исторической и индивидуальной жизнью человѣчества явствуетъ неизмѣнность закона раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣчествѣ, или прогрессъ. Замѣтимъ, что это раскрытіе не исключаетъ, какъ и переходъ каждаго человѣка изъ одного возраста въ другой, болѣзней, возмущеній, отклоненій, происходящихъ вслѣдствіе тѣхъ же законовъ, встрѣчающихся другъ съ другомъ и часто заслоняющихся законы общаго раскрытія, которые тѣмъ неувимѣе, что они управляютъ отношеніями самыми сложными и высшими. Однимъ словомъ, положительное знаніе и явилось вслѣдствіе того, что исторія есть раскрытіе естественныхъ законовъ, а сама *соціологія* есть наука.

И такъ положительное знаніе разкрываетъ отношеніе мышленія къ природѣ и природы къ мышленію. Въ этомъ отношенія оно овладѣло существеннымъ содержаніемъ метафизики и, разрѣзавъ ее пополамъ, оставило ей начала и концы, то есть, первую и послѣднюю причину вещей. Теперь для всякаго положительнаго ума ясно, что эти концы и начала внѣ человѣческаго вѣдѣнія и погоня за ними должна быть оставлена, какъ совершенно тщетная.

Опытъ тысячу разъ доказалъ это. Много вѣковъ, много гениаль-

*.) Положительная философія и матеріалистическая не одно и тоже разумѣть подъ словомъ: свободная воля, что ясно видно и теперь. Къ тому же вопросу намъ придется вернуться ниже.

ныхъ умовъ сдѣланы разрѣшить эти неразрѣшимыя задачи, и ничего не сдѣлали: вопросы остались все въ томъ же видѣ. И методъ объективный, и методъ субъективный, — единственные способы нашихъ исследованийъ истины, равно безсилны въ этомъ вопросѣ: первыя нѣтъ возможности *путемъ опыта* прийти къ отысканію первой и послѣдней причины вещей, вторыя безумно искать разрѣшенія этого вопроса въ мысли (à priori), образовавшейся по явленіямъ внѣшней природы. Методомъ объективнымъ (внѣшними наблюденіями), какъ бы мы ни комбинируемъ полученные результаты, мы можемъ прийти только къ раскрытію законовъ, дальше идти безумно, ибо встрѣтить искомыя концы и начала невозможно. Путемъ субъективнымъ (спекулятивнымъ мышленіемъ) мы можемъ создать какой-либо типъ по своей волѣ, но необходимо придемъ или къ высшему человѣческому идеалу, который станетъ въ разрѣзъ съ естественными законами, или, дѣлая его все болѣе и болѣе безличнымъ, потеряемъ среди неизмѣнныхъ законовъ природы.

И такъ исторія, свободная какъ отъ сверхъестественныхъ вмѣшательствъ, такъ и отъ индивидуальнаго произвола, развивающаяся по опредѣленнымъ, ей свойственнымъ законамъ, естественно становится наукою, какъ, напримѣръ, біологія (наука объ органической жизни вообще), и занимаетъ свое мѣсто въ ряду прочихъ наукъ. Она есть наука высшая и главная, но нераздѣльная со всѣми остальными. Такимъ образомъ положительное знаніе строить свою систему на незыблемомъ основаніи. Оно охватываетъ всю общую науку или все міросозецаіе въ строгомъ, неразрывномъ, послѣдовательномъ и естественномъ порядкѣ. Три великія его подраздѣленія составляютъ: космологія, заключающая въ себѣ законы неорганическаго міра, біологія — законы органической жизни, исторія или соціологія — законы раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ. Ученія гипотетическія и метафизическія входятъ въ послѣднюю, какъ фазы раскрытія этихъ силъ. Въ этой системѣ все по законамъ, ничего мимо ихъ, вопреки имъ; знаніе послѣднихъ необходимо, чтобы, свободно подчинясь имъ, овладѣть ими и измѣнять ихъ одни другами, такъ что судьба человѣческихъ обществъ состоитъ въ сознательномъ согласіи съ этими общими законами міра. Въ послѣднемъ случаѣ положительное знаніе составляетъ положительную философію.

Къ такимъ простымъ и естественнымъ понятіямъ человѣкъ пришелъ мало по малу и только въ самое послѣднее время, когда за-

включенъ былъ тѣсный союзъ разума съ чувствомъ, составляющій высшее торжество человѣческой нравственности. Еще въ самое недавнее время они были въ непримиримомъ антагонизмѣ и противорѣчьи. Иначе и быть не могло: первый черпалъ силы свои изъ науки, второе основывалось на сверхъестественномъ. Исходя изъ двухъ такихъ противоположныхъ точекъ отправленія, родившіяся въ двѣ совершенно-различныя эпохи, эти двѣ великія силы сходятся въ положительномъ знаніи. Міръ представляется современному человѣку инымъ, чѣмъ онъ представлялся еще недавно: высшія понятія измѣняются, прежнія разлагаются, разрѣшаются; образуются, вырастаютъ новыя и принимаются новымъ человѣчествомъ. Изъ этого вытекаетъ новое воспитаніе, новая нравственная жизнь, новыя общественныя отношенія, совершенно отличныя отъ прежнихъ. Это возрожденіе, это отличное, небывалое доселѣ возобновленіе жизни подъ единственнымъ, исключительнымъ вліяніемъ положительнаго знанія и составляетъ новую и послѣднюю фазу неотвратимаго раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣчествѣ.

Въ послѣднемъ отношеніи положительная философія — наслѣдница, а не похитительница власти у прошлаго. Странно было бы встрѣтить теперь возраженія противъ нея такого рода: зачѣмъ не идти впередъ тѣми же путями, какими шли доселѣ? Зачѣмъ не оставить воспитанія, а слѣдовательно и нравственныхъ законовъ неизмѣнными? Вводите результаты положительнаго знанія въ науки и оставьте въ покоѣ массы, живущія преданіемъ. Этотъ голосъ постоянно раздавался въ средніе вѣка и проводился въ жизни всеми способами. Тѣмъ не менѣе изъ среднихъ вѣковъ вышла новая Европа. Какъ вычеркнуть изъ жизни послѣднія движенія дѣятельной мысли человѣческой? Геніальныя открытія, геніальные люди — дѣды своей эпохи. Всякій умъ, какъ послѣдній результатъ, проникнуть своей эпохой и всякое открытіе проникаетъ въ свою эпоху. Нельзя вычеркнуть изъ раскрытія силъ человѣческихъ Ньютона, Кеплера, Галилея, Декарта, какъ нельзя исключить изъ знанія открытыхъ ими законовъ тяготѣнія и небесной механики; точно также было бы безумно жаловаться на открытія за ихъ результаты и за ихъ вліяніе на возмущеніе прежняго порядка мыслей, чувствованій, вѣрованій, повлекшихъ за собою потрясенія религіозныя, политическія, экономическія, составившія собою новыя фазы человѣческаго развитія. Успѣхи наукъ естественныхъ, положительное знаніе, проникшее въ воспитаніе, въ

нравственность, необходимо должны имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія на развитіе всего общества. Они открылись въ протестантизмѣ, въ англійской революціи. Пробѣлы и трещины, образуемые этими возмущеніями, наполняются положительнымъ знаніемъ. Еще разъ, его пельзя обвинять въ насильственномъ похищеніи власти. Настоящее владычество принадлежит все такъ не ему; оно только надѣется на будущее наследство. Въ нему приходять люди всѣхъ отбѣнковъ, всѣхъ партій, всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній,—но не въ немъ они воспитывались и росли, и чтобы придти къ положительному знанію, они необходимо должны были побѣдять дорогія воспоминанія дѣтства и воспитанія, стать въ разрѣзъ съ семьей и со всѣмъ окружающимъ, отказаться отъ выгодной карьеры въ будущемъ. И такова сила положительнаго знанія, что оно влечетъ къ себѣ свѣжія силы, несмотря на всѣ кажущіяся невыгоды своего положенія.

Тѣмъ не менѣе положительное знаніе не имѣетъ того вызывающаго, заносчиваго характера, которымъ запечатаны атеизмъ и отрицательная философія XVIII вѣка. Несмотря на стремленіе популяризовать метафизическія истины, послѣднія требуютъ той же вѣры; положительное знаніе требуетъ одного: убѣдительности доказательствъ, и больше ничего. Теперь эта безвыходная, казалось, война кончилась, и почва разчищена. Отрицательная полемика теперь бесполезна и раздражительна,—положительное знаніе плодотворно и безстрастно; каждый успѣхъ его есть положительный успѣхъ всего общества. Оно не возмутитъ ничьего спокойствія, потому что къ нему придутъ умы, непринадлежащіе уже ни къ философіи сверхчувственной, ни къ философіи метафизической, освободившіеся и отъ той, и отъ другой.

Приложенія, выводы положительнаго знанія безграничны уже теперь при его молодомъ еще существованіи. Разсмотримъ его въ соотношеніи съ тремя важнѣйшими историческими явленіями послѣдней эпохи: съ современнымъ социализмомъ, съ атеизмомъ XVIII и съ пантеизмомъ XIX вѣка.

Политическая экономія, разрабатываемая лучшими и сильнѣйшими умами нашего времени, взявшаяся за изысканіе законовъ труда и производства, одушевляемая высокими и благородными желаніями внести всестороннее улучшеніе въ положеніе рабочихъ классовъ, явилась бы наукою тщетною, праздною и безумною, если бы не достигла своихъ прекрасныхъ и положительныхъ цѣлей. Дѣло въ томъ,

что въ современную эпоху массы почувствовали если не слѣбѣ, то совершенно иначе гнетъ привилегій, преимуществъ, вообще неравенствъ. Исторія переполнена возмущеніями массъ подъ вліяніемъ этого чувства: войны съ рабами въ древнемъ Римѣ, религіозныя секты въ XIII, Жаки въ XIV, анабаптисты въ XVI могутъ служить примѣромъ. Когда невыносимый гнетъ былъ отомщенъ пезнавшимъ пощады насиліемъ, безвыходная и неизбежная анархія приводила къ необходимости порядка, и власть возвращалась въ прежнія руки. Казалось бы, что и борьба была бесполезна и безумна. Но въ то же самое время происходило развитіе и столкновеніе мыслей, уничтожавшихъ рабство, отмѣнявшихъ крѣпостное состояніе, развивавшихъ могучія промышленныя силы и приготовлявшихъ новую фазу общественной жизни.

Въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ другъ другу доктринъ, въ этой непримиримой враждѣ ретроградныхъ и революціонныхъ стремленій съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе невозможнымъ имѣть два различныя и противоположныя руководящія начала: одно для науки, другое для жизни. Слить во едино два эти начала значитъ—разобрать перегородку, раздѣляющую исторію отъ остальныхъ наукъ и включить социологію въ область положительнаго знанія; — убѣдиться, что она развивается тѣми же неизмѣнными, правильными законами, которые для насъ только болѣе осязательны въ астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи. Задача положительнаго знанія въ будущемъ и состоитъ въ томъ, чтобы уловить и доказать это правильное и законное раскрытіе, какъ это уже сдѣлано въ остальныхъ наукахъ. Съ положительнымъ знаніемъ бороться не возможно: его открытія и выводы послѣ колоссальныхъ успѣховъ всѣхъ наукъ не могутъ встрѣтить еще памятнаго всѣмъ преслѣдованія. Одна наука узнаетъ, что земля наша обращается вокругъ солнца и есть не болѣе какъ крошечная частичка мірозданія, теряющаяся въ необъятной вселенной; другая объясняетъ всѣ быстрыя и сложныя движенія небесныхъ тѣлъ одною, простѣйшею силою матеріи; третья утверждаетъ, что явленіе между возбужденнымъ треніемъ янтареиъ и соломенкою повторяется въ воздухѣ въ видѣ молніи и грома; четвертая отрываетъ, что вся природа есть беспредѣльная химическая лабораторія; пятая раскрываетъ законы жизни органическихъ тѣлъ; — послѣ этого можетъ ли быть сомнѣніе, что одно развитіе*человѣчества идетъ внѣ этихъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы? Чтобы это не было такъ, слѣдова-

ло въ самомъ началѣ обрѣзать крылья мысли, задушить науку при ея зарожденіи—теперь поздно, и дальнѣйшее развитіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Богатства, собирающія положительнымъ знаніемъ, передаются отъ одного талантливаго поколѣнія къ другому, и раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, происходитъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ человекъ проходитъ дѣтство, отрочество, юность, возмужалость, старость. Великая истина: лучше и больше знать, чтобы лучше и больше желать—становится могущественнымъ двигателемъ лучшаго человѣчества. Теперь впервые предстоитъ человеку, вооруженному положительнымъ знаніемъ, наслажденіе съ рubeжа настоящаго охватить однимъ взглядомъ прошедшее и будущее, которое разомъ не могло еще никогда отразиться въ его смутномъ пониманіи, потому что было хаотично, безсвязно, беспорядочно, потому что знаніе никогда не сознавало призванія и счастья человѣческаго въ подчиненіи вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ міра.

Положительное знаніе не можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи метафизиковъ, создающихъ свои системы не по міру, а творящихъ міръ по своимъ системамъ. Философія ихъ есть философія прошлаго, а не будущаго и настоящаго. Положительное знаніе не можетъ наконецъ очутиться и въ отчаянномъ положеніи политическихъ и социальныхъ утопій, ибо оно требуетъ труднаго и настойчиваго приготовления, томительнаго и невыносимаго для людей, жаждущихъ немедленнаго рѣшенія мучащихъ ихъ вопросовъ и немедленнаго приобщенія ихъ неприложимыхъ идеаловъ. Но кто разъ вступилъ на путь положительнаго знанія, тотъ не можетъ остановить выводовъ, они вне его воли, неотразимы какъ сама дѣйствительность, и могутъ очутиться въ полномъ противорѣчій съ предвзятыми и дорогими мнѣніями.

Таково значеніе положительнаго знанія въ сферѣ наукъ, таково же значеніе его въ и жизни. Метафизикъ никогда не было никакого дѣла до жизни. Она всегда гордилась своею способностью отрѣшаться отъ сего міра, парить въ сферахъ абсолютнаго и упиваться въ нихъ блаженствомъ самосозерцанія. Вѣрованія и учрежденія—эти основы нравственности—были вне метафизическихъ системъ и подчинялись особымъ, невѣдомымъ имъ условіямъ. Отнынѣ же судьба человѣческихъ обществъ неразрывно слита съ развитіемъ знанія. Безъ положительнаго знанія исторія дѣйствительно представляется либо произвольное проявленіе силъ сверхъестественныхъ, либо ха-

тѣсное случайное соотношеніе атомовъ. Наука безъ общества тоже, что дерево безъ почвы и листьявъ, ненужный и лишній паразитъ, который можетъ быть отстраненъ безъ всякой потери для цѣлаго.

Каждая отдѣльная наука — необходимая ступень, чтобы дойти до социологін, изъ чего слѣдуетъ, что послѣдняя — самая сложная и трудная наука, притомъ къ которой рисковано безъ предварительнаго пригтовленія. До сихъ поръ на нее смотрѣли иначе. Исторія всегда считалась самобытною, отдѣльною, независимую наукою, и потому она дѣлала тамъ ничтожныя успѣхи; такъ что для положительнаго знанія на этой почвѣ придется класть первые камни будущаго фундамента. Тѣмъ не менѣе самымъ возникновеніемъ положительнаго знанія обозначается важнѣйшая фаза раскрытія силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, доселѣ управляемыхъ метафизическими ученіями. Мы уже говорили объ отношеніи къ нимъ положительнаго знанія; оно не можетъ имѣть съ ними ничего общаго ибо оно имѣетъ основаніе научное, положительное, между тѣмъ какъ тѣ этого научнаго основанія не имѣютъ, стремясь въ цѣли недостижимой, къ сущности природы. Положительное знаніе ограничивается изученіемъ силъ, принадлежащихъ матеріи и условій, при которыхъ онѣ проявляются. Больше мы ничего знать не можемъ; намъ неизвѣстна матерія безъ свойства, свойства безъ матеріи. Когда мы открыли какой-нибудь общій признакъ, общее условіе въ проявленіи этихъ свойствъ или силъ, мы говоримъ, что отыскали законъ. Законъ этотъ немедленно становится нашимъ могуществомъ нравственнымъ и практическимъ, нравственнымъ, потому что въ умѣ нашемъ онъ обращается въ орудіе мысли (логики), практическимъ, потому что въ рукахъ нашихъ онъ является средствомъ направлять въ свою пользу естественныя силы. Итакъ, какъ только естественныя явленія подлежатъ нашему знанію, а социальныя явленія — явленія естественныя, то что же подлежитъ положительному знанію въ исторіи? Матерія въ этомъ смыслѣ — человѣческія общества, сила ея — способности, свойства человѣческихъ обществъ, несомпѣнно раскрывающіяся, развивающіяся, ибо въ противномъ случаѣ и развитіе понятій и мыслей было бы невозможно, то есть, наука, знаніе не имѣли бы мѣста.

Въ числѣ силъ, проявляющихся въ человѣческихъ обществахъ и подлежащихъ тѣмъ же законамъ раскрытія, находятся силы нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ (мораль). Безспорно, что нравствен-

ность находится въ тѣсной связи со всею міросозерцаніемъ; она груба у грубыхъ народовъ, она изыскана у болѣе развитыхъ. Эта связь между развитіемъ народа и его моралью—естественна и законна. Но вслѣдствіе этой связи колебаніе или паденіе ученія, на которое она опиралась, влекло за собою измѣненія нравственныхъ законовъ. Безъ сомнѣнія, подобныя потрясенія страшны и нежелательны, они грозили бы распаденіемъ человѣческихъ обществъ и противорѣчили бы законамъ развитія, если нравственность не исходила бы естественно изъ природы человѣческой. Дѣйствительно, въ природѣ человѣческой мы видимъ двѣ великія силы, направляющія ея дѣятельность: личное или эгоистическое стремленіе и безличное, общественное — разумъ, судья той и другой. Но по мѣрѣ того какъ раскрывается разумъ, онъ все болѣе ограничиваетъ стремленія личныя и усиливаетъ, расширяетъ стремленія общественныя: это и есть раскрывающіяся нравственныя силы, а раскрытіе ихъ и доказываетъ ихъ естественное, положительное происхожденіе. Общественная совѣсть, то есть общее нравственное мнѣніе освящаетъ ихъ признаніемъ, а разумъ—сознаемъ. Нравственность человѣческая раскрывается по тѣмъ же законамъ, какъ и наука человѣческая: она результатъ работы разума надъ чувствами, какъ наука—результатъ работы разума надъ внѣшней природой. Если нельзя отрицать естественнаго происхожденія науки, то нельзя отрицать и естественнаго происхожденія морали. Власть *блага* надъ чувствомъ совершенно равносильна власти *истины* надъ разумомъ. Метафизики не могутъ не признать и дѣйствительно признаютъ высоконравственными множество личностей, отвергавшихъ абсолютное ученіе, но принимаютъ эти личности за счастливыя исключенія и не допускаютъ этой утилитарной нравственности для обществъ. Что можетъ сказать противъ этого положительное знаніе, основываясь на положительныхъ историческихъ фактахъ? Если развитіе и жизнь обществъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ метафизическихъ теорій, то чѣмъ устойчивѣе эти теоріи, тѣмъ выше и незыблемѣе общественная нравственность, и какъ только онѣ шатаются и рушатся, то и нравственность должна падать. Теперь, если обсудить судьбу этихъ теорій со времени возрожденія какъ наукъ, такъ и политическихъ обществъ, то должно придти къ заключенію, что нравственность спустилась на весьма низкую ступень и пошла ретроградно. Подобное явленіе немислимо; ибо оно проти-

ворѣнить жизни и законамъ естественнаго раскрытія силъ въ человѣческихъ обществахъ.

Истинною, положительною мѣрою для оцѣнки и развитія нравственности различныхъ эпохъ служатъ понятія о справедливости и человѣчности. Мѣра эта безошибочна, если припомнить то, что было сказано о двухъ силахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе человѣка: эгоистической и общественной. Съ такою мѣрою уже легко становится оцѣнить исчезновеніе варварства въ войнахъ, пытки, успѣхи общественнаго равенства, свободы совѣсти, благородныя стремленія улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и рѣшить животрепещущіе вопросы, волнующіе современное общество.

Раскрывъ главные характеристическія черты положительнаго знанія и представивъ примѣры его приложенія, мы снова обращаемся къ отношенію его къ метафизикѣ, ибо имѣемъ уже возможность глубже войти въ вопросъ. Отдавая должное значеніе философіи метафизической въ раскрытіи силъ человѣческихъ, мы сказали, что съ тѣхъ поръ, какъ стало возможно положительное знаніе, намъ нечего прибѣгать къ метафизикѣ, имѣющей цѣлью раскрыть не относительную, а безусловную сущность вещей и отыскать начала и концы. Мы сказали, что положительному знанію нѣтъ и не можетъ быть дѣла до всего этого. Теперь мы должны раскрыть, почему именно метафизика, слѣдовавшая всегда путями логическими, (способностями мышленія) и не прибѣгавшая къ сверхъестественнымъ гипотезамъ, тѣмъ не менѣе приходила къ недѣльнымъ выводамъ. Если припомнить то, что сказано нами вначалѣ о положительной системѣ, о классификаціи наукъ, то становится очевиднымъ, что положительное знаніе основывалось на дѣйствительномъ значеніи каждой науки, способствующей раскрытію законовъ, по которымъ происходитъ развитіе человѣчества. По этой классификаціи каждая наука имѣетъ цѣлью не частную—себя, а общую—человѣчество. Положительное знаніе не выдѣлило, напримѣръ, особеннаго значенія математическимъ наукамъ, на когорыхъ по мнѣнію весьма многихъ исключительно изопряются способности человѣческія, и показало истинное, дѣйствительное ихъ значеніе и отношеніе къ наукамъ болѣе сложнымъ и труднымъ. Оно не поставило особнякомъ и исторію по ея особенной, самобытной важности и показало, что къ изученію ея нельзя приступать безъ ознакомленія съ законами біологическими, а этихъ нельзя изучать безъ химіи, химіи безъ физики, а физики безъ математики. Методъ (сло-

собъ мышления) употребляемый въ ряду этихъ обобщеній положительнымъ знаніемъ, есть объективный методъ. Онъ состоитъ изъ обращенія нашей мысли къ предмету о которомъ вѣдъ насъ. Положительное знаніе убѣждаетъ насъ, что много безосновательно методы для построения общей системы знанія быть не можетъ. Противоположный ему методъ есть субъективный или спекулятивный, то есть, такой, по которому мышление начинается съ какого либо независимаго понятія (à priori) или метафизическаго принципа. (Напр. Cogito, ergo sum, т. е. думаю, стало быть существую. Методъ этотъ всегда употребляла метафизическая философія, и это-то положительное знаніе признаетъ совершенно негоднымъ для обобщенія, а обобщеніе и есть дѣйствіе односторонняго ума). Вопросъ этотъ весьма важенъ, и для разъясненія его мы должны обратиться къ тѣмъ доводамъ, которые приводятъ въ свою защиту метафизики.

Наука, занимающаяся формами мысли, есть логика. Формы мысли суть способы, употребляемые мыслью для приобрѣтенія понятій, знаній и для приведенія доказательствъ. Напримѣръ: выводить всѣ частныя явленія небесной механики изъ общаго закона притяженія, служащаго основаніемъ для астрономіи, значить идти путемъ дедукціи (выводнымъ); мыслить обратно—идти отъ частнаго явленія къ общему—значить дѣлать индукцію (наведеніе); мы не говоримъ объ умозаключеніи и силлогизмѣ и т. д. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что при обобщеніи явленій методомъ ли объективнымъ, методомъ ли субъективнымъ человекъ можетъ употреблять всякую форму мысли: и дедукцію, и индукцію и силлогизмъ. Метафизики въ оправданіе своихъ смѣниваютъ методъ субъективный съ дедукціей, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ послѣдовательности и цѣпи, сужденій; но точки отправленія, системы выводовъ, составляющихъ цѣпь совсѣмъ различны. Точка отправленія въ методѣ субъективномъ, мы уже сказали, независимая мысль, метафизическій принципъ а priori; въ дедуктивномъ способѣ точка эта—результатъ опытовъ и наблюденій, какъ, напримѣръ, математическая аксіома **) или приведенная сила тяготѣнія. Выводы субъективнаго способа отличаются тѣмъ же метафизическимъ харак-

**) Аксіома ничѣмъ не отличается отъ всякой истины много порядка кромѣ убѣдительности, требующей доказательствъ. Истина эта до того проста и очевидна, что мысль никогда не работала надъ ней и принимала ее какъ фактъ, напр. часть меньше дѣлаго. Многія истины получаютъ значеніе аксіомъ

таромъ, какъ и точка отправленія и удовлетворяютъ одному только условію—быть логическими, т. е., чтобы слѣдствія вытекали изъ основаній, что вовсе не требуетъ постоянной повѣрки ихъ путемъ опыта; они легко вытекаютъ одна изъ другой и дарко теряются изъ виду.

Въ дедукціи каждый выводъ получаетъ свое значеніе только послѣ того, какъ будетъ повѣренъ на опытѣ: дедукція улавливаетъ, опытъ повторяетъ; путь ея чрезвычайно медленъ и труденъ, подобно тому, которымъ создаются основанія, точки отправленія для него. Теперь становится яснымъ, почему субъективный методъ для обобщенія отвергается положительнымъ знаніемъ. Намъ могутъ возразить: если въ математикѣ изъ нѣсколькихъ аксіомъ выводятъ такой длинный рядъ плодотворныхъ и неопровержимыхъ результатовъ, почему же, иди тѣмъ же путемъ, метафизики должны на каждомъ шагѣ спотыкаться и приходить къ нелѣпости? Очень просто, математика наука прѣстая, занимается она числомъ, временемъ и пространствомъ; предметъ же метафизическихъ изысканій чрезвычайно сложенъ. Чѣмъ сложнѣе и выше наука (по естественной, положительной классификаціи), тѣмъ труднѣе и недоступнѣе она для дедукціи. Проще и легче всего дѣлать выводы въ математикѣ; благодаря открытіямъ Ньютона легко ихъ дѣлать въ небесной механикѣ; уже труднѣе въ физикѣ, и способность дедукціи въ химіи уже значительно ограничена, тѣмъ болѣе въ биологіи, и до крайне малаго размѣра доходитъ она въ социологіи. Метафизика стремится построить логически систему всего міра; дѣйствуя методомъ субъективнымъ, она широко употребляетъ, какъ вспомогательное средство, отличный способъ дедукціи, но ждать послѣдовательной повѣрки cadaго своего вывода путемъ опыта она не можетъ, и спѣшитъ съ своими не повѣренными и потому, можетъ быть, ложными выводами и такими же заключеніями. Критическій разборъ всякой метафизической системы, въ которыхъ часто выводы въ прямомъ противорѣчій съ основаніями, ясно подтверждаетъ это, равно какъ и бесплодность, несостоятельность, быстрое паденіе системъ. Еще безуспѣшнѣе и страннѣе бываетъ съ системами (немно-

для одного, между тѣмъ какъ для другаго онѣ требуютъ доказательствъ; дѣло въ томъ, что первый не позаботился поработать своей мыслию надъ этой истиной, и на доказательства ея посмотрѣлъ какъ на правдую для себя забаву ума. Но о всякомъ случаѣ аксіома получается нами путемъ наблюденія, эмпирически.

гнии напр. Огюста Конта, творца положительнаго знанія), во главѣ которыхъ стоитъ несомнѣнная, положительная истина, но послѣдствія выводятся негоднымъ методомъ субъективнымъ. Въ такихъ случаяхъ ничего нельзя сказать противъ точки отправленія, но тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ довѣрять послѣдствіямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для правильности всей системы не только необходима положительная, несомнѣнная истина, какъ цѣль, какъ точка отправленія, но столько же необходима правильность метода. Для положительнаго знанія эта точка отправленія, эта цѣль—раскрытіе силъ, лежащихъ въ человѣческихъ обществахъ, — есть способъ мышленія отнюдь не спекулятивный, а объективный, положительность, правильность, несомнѣнность котораго теперь очевидна.

Еще разъ повторимъ: метафизическія системы сдѣлали свое дѣло: въ союзѣ съ науками они способствовали раскрытію силъ человѣческихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они внесли въ насъ множество понятій, неслияющихся, враждебныхъ другъ съ другомъ, уже вслѣдствіе разнородности источниковъ, изъ которыхъ они вытекали. Возмущающее человѣчество не хочетъ болѣе пользоваться способностью метода субъективнаго ставить принципы à priori, ни выходить въ доказательствахъ изъ рамокъ, очерченныхъ каждой отдѣльной наукой и стѣсняющихся по мѣрѣ усложненія самой науки. Отнынѣ оно удовлетворится только такимъ мышленіемъ, которое принимаетъ за точку отправленія истину, доказанную опытомъ, и каждое послѣдствіе, каждый выводъ повѣряетъ тоже опытомъ. Только такимъ путемъ мало по малу можетъ водвориться однородное, положительное знаніе и исчезнуть ошибки и заблужденія, порожденныя гипотезами спекулятивными. Для будущаго положительное знаніе будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣетъ уже для прошедшаго. Въ приложеніи къ важнѣйшей изъ наукъ, социологій, ставъ на общую точку, оно указываетъ на явленія, выразившія собою правильное и постепенное раскрытіе силъ человѣческихъ обществъ, и отдѣляетъ ихъ отъ тѣхъ, которыя мѣшали или возмущали эту правильность, отъ какихъ бы причинъ они ни происходили: такимъ образомъ на началахъ положительнаго знанія является философія исторій. Такова же роль ея и для будущаго: она признаетъ явленія правильнаго развитія или отдѣляетъ ихъ отъ противоположныхъ. Но такъ какъ эти будущія явленія еще не существуютъ, а по запутанности и сложности историческихъ законовъ уловить

или предсказать их весьма трудно, то необходимо ожидать, чтобы хотя общія черты явленій обозначились, какъ, напримѣръ, мы упомянули въ вопросѣ о задачѣ политической экономіи. По этимъ общимъ чертамъ оно можетъ указать, какииъ силамъ предстоитъ развитіе, какія неизбѣжно должны замереть, какииъ должно и можно оказывать содѣйствіе, какъ имъ слѣдуетъ противиться,—разумѣется, все это въ извѣстныхъ предѣлахъ, ограниченныхъ сложностью и многочисленностью перекрещивающихся силъ въ человѣческихъ обществахъ. Вотъ почему мы не вездѣ употребляли и общепринятаго слова «развитіе» и замѣняли его раскрытіемъ, ибо въ обществѣ можетъ возникнуть сила, существованіе и развитіе которой было еще неудовлено мыслью.

Въ настоящее время очень часто раздаются сѣтованія на возмущеніе разума противъ сердца. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что въ прежнія времена, въ средніе вѣка, напримѣръ, существовало нѣчто противоположное, что разумъ былъ подчиненъ сердцу и теперь возсталъ противъ него. Но вѣдь это ложно. Противъ сердца, противъ чувства разумъ никогда не возставалъ и возстать не можетъ. Въ новѣйшее время, какъ и въ средніе вѣка, какъ и въ древности, разумъ всегда былъ опорой, путеводителемъ чувства. Изчезло ли хоть одно явленіе, принадлежащее къ великой области чувствованій? Ни семейныя узы, ни узы крови, ни значеніе и достоинство женщины, ни патріотическія чувства, ни состраданіе и милосердіе къ несчастію, ни любовь къ человѣчеству—ничто не погибло и все развивалось, расширяло свой горизонтъ, выросло. Мало того: сколько раскрылось въ человѣкѣ новыхъ добродѣтелей, прежде неизвѣстныхъ? Если бы было справедливо, что въ новѣйшее время происходитъ такое необыкновенное явленіе и гордый, злостный разумъ захватываетъ власть, законно принадлежащую чувству, то явленіе это необходимо должно было бы выражаться неизбѣжнымъ паденіемъ нравственнаго уровня; въ новѣйшихъ обществахъ должны были бы усиливаться пороки, ослабѣвать и падать добродѣтели по мѣрѣ удаленія отъ первобытной органической (животной по преимуществу) эпохи и вступленія въ эпоху критическую, сознательную, развивающуюся подъ руководствомъ разума. Естественно, что это нелѣпо и доказывать эту нелѣпость значитъ терять по напрасну время. Достаточно указать на смягченіе нравовъ, на успѣхи справедливости и гуманности.

Теперь взглянемъ на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія и

рассмотреть, означает ли возмущение разума против сердца то, что умственными способностями, покорными прежде сердцу, то есть, естественным чувствам, заняли непринадлежащее им место? Отношение между умственными способностями и чувствами проявляется в явлениях зоологических, в развитии возрастов и в развитии человеческих обществ. В развитии чувствований мы замечаем две великия силы, два великия стимула: стремления эгоистическія, замнутыя, личныя, (къ которымъ относится прежде всего удовлетвореніе законамъ питания и продолженія рода), и стремления общественныя, широкия, на которыхъ основывается семейство и общество. Тѣ и другія могутъ быть относительно добрыя и злыя, но не въ томъ вопросѣ.

Умственными способности животныхъ, несомнѣнными для всякаго, кто хоть не много знакомъ съ биологическими законами, слушать, и то въ крайне ограниченномъ размѣрѣ, исключительно для питания и продолженія породы. Немногимъ больше значеніе ихъ въ дѣтствѣ челоуѣка и еще нѣсколько больше въ дѣтствѣ человеческихъ обществъ. Въ этихъ условіяхъ умственные способности въ полномъ подчиненіи первыхъ потребностей, и все свои силы употребляютъ для ихъ удовлетворенія; нѣтъ имъ времени, ни возможности направить ихъ въ иную сторону. Это первая ступень развитія личности и общества. За нею слѣдуетъ вторая степень, — слабо различаемая въ животныхъ, но тѣмъ не менѣе проявляющаяся въ чадолубіи, въ социальныхъ стремленіяхъ нѣкоторыхъ породъ, въ прирученіи, — уже весьма забыта въ переходахъ изъ дѣтства челоуѣка въ юность, и принижена могущественные размѣры въ развитіи цивилизаціи, въ которой умственные способности изъ орудія исключительно животныхъ инстинктовъ становятся орудіемъ нравственныхъ способностей. Въ этотъ періодъ происходитъ великое явленіе: стремленіе обобщить и вывести нравственные законы. За тѣмъ челоуѣчество переходитъ къ слѣдующей ступени. Подъ вліяніемъ трудной работы — найти удовлетвореніе какъ эгоистическимъ, такъ и общественнымъ стремленіямъ, умственные способности окрепли, приобрѣли множество понатій и фактовъ — выскла возможность науки. Но по мѣрѣ того какъ раскрывались науки, явились двѣ помѣхи соединенію ихъ въ одну общую, неразрывную, стройную систему: раздѣльность между науками, имѣющими предметъ своимъ то эгоистическія, то общественныя стремленія (науки естественныя и историческія) и отстраненіе стремленій, стоящихъ

как бы въ сторонѣ, но значеніе которыхъ донь ото дня становилось болѣе очевиднымъ. Стремленія эти были до того естественны, что для удовлетворенія ихъ освобожденная мысль принялась за новую тяжелую работу—привести къ единству какъ тѣ, такъ и другія стремленія, уловить связь между ними и общіе законы ихъ взаимодѣйствія. Ясно, что найти это единство возможно было только положительному знанію: метафизическія системы, не захватывавшія всѣхъ явленій социологическихъ, были на это неспособны. Какую же общую черту, какой общій законъ можемъ мы уловить въ раскрытіи силъ человѣческихъ обществъ? Фундаментальный типъ человѣческаго развитія, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, состоитъ въ постоянномъ и прогрессивномъ раскрытіи нашей человѣчности на счетъ животности подъ двойнымъ преобладаніемъ разума надъ склонностью, инстинктовъ общественныхъ (симпатическихъ) надъ инстинктами личными (эгоистическими). Чтобы яснѣе было различіе между человѣческими свойствами и животными, припомнимъ методъ, о которомъ мы говорили выше: станемъ отбѣгать всѣ свойства, общія и человѣку и животнымъ, въ результатѣ получимъ свойства, исключительно принадлежащія человѣку.

Теперь ясно, что возмущеніе разума противъ сердца не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Разумъ не можетъ протестовать противъ того, что имъ создано и признано самимъ, а не открыто какою либо инымъ способомъ. Теперь онъ требуетъ, чтобы это возмущеніе было кончено, ибо въ положительномъ знаніи нѣтъ никакихъ сверхъестественныхъ гипотезъ, а подчиненіе личныхъ эгоистическихъ стремленій общимиъ человѣческимиъ есть законъ, раскрытый самимъ разумомъ.

Теперь можно отстранить оба понятія, подавшія поводъ къ сѣтованію, о которомъ мы говорили, и замѣнить ихъ настоящими и вполне определенными. Это умственные силы и желанія, вообще разумъ и страсти. Положительное знаніе признало, что развитіе нравственности лежитъ въ прогрессивномъ развитіи инстинктовъ, стремленій общественныхъ, социальныхъ, симпатическихъ на счетъ стремленій индивидуальных, эгоистическихъ, и съ тѣхъ поръ оно отдало первымъ свое предпочтеніе, свое содѣйствіе, такъ какъ въ развитіи ихъ лежатъ усѣхи человѣческой справедливости; оно показало, какъ вліяетъ нравственность личная на нравственность общественную, и какъ въ свою очередь дѣйствуетъ общественная нравственность на нравственность индивидуальную. Обратно, человѣческая нравственность

достигает своего полного развитія и горячей энергіи, опираясь на положительное знаніе, и требует отъ него указаній, что должно быть поддерживаемо, что сдерживаемо для достиженія справедливости и всеобщаго блага. Отличительный характеръ истины—ея безличность, ея безпристрастіе, ея независимость: противъ нея можетъ возставать и суевѣрное преданіе, и личное чувство, —тѣмъ не менѣе кончится тѣмъ, что она будетъ признана. Сила ея въ убѣдительности, въ органическихъ свойствахъ мозга. Сколько разъ разумъ съ трепетомъ и изумленіемъ отступалъ предъ выводимою имъ на свѣтъ новостью, приводившею въ ужасъ самыя дорогія убѣжденія, чувствованія, вѣрованія; но работа его постоянно продолжалась, и самая безличность истины вызывала уступки личныя, дѣлала возможнымъ прогрессъ нравственности и основала великую, человѣческую справедливость посредницей между разумомъ и страстью.

Можетъ ли положительное знаніе составить доктрину? Никогда. Подъ доктриною мы разумѣемъ узкое, ограниченное, далеко неохватывающее всѣхъ явленій жизни, ученіе; доктрина—это совокупность мнѣній и положеній, принятыхъ какимъ либо ученіемъ, школою,—это кружокъ адептовъ замкнутый, организованный и настроенный на тотъ или другой ладъ. Положительное знаніе не знаетъ и не хочетъ знать ничего этого; никакого замкнутаго, организованнаго кружка оно не предполагаетъ, въ приглашеніи адептовъ оно не нуждается. Безчисленное множество людей невольно, тайно, безсознательно ему служатъ: нѣтъ ни одного открытія въ наукѣ или въ исторіи, которыми бы оно не воспользовалось и не увеличило бы своего могущества; въ современномъ порядкѣ не происходитъ ни одного измѣненія или преобразованія, въ которомъ оно не приняло-бы дѣятельнаго, непосредственнаго участія; нѣтъ ни одного движенія въ раскрытіи человѣческихъ силъ, къ которому оно не послѣжило-бы съ своимъ содѣйствіемъ. Въ безконечной и постоянной работѣ всѣхъ—цѣль его указать столкновение частныхъ стремленій, указать мѣсто выработаннымъ матеріаламъ, раскрыть внутренней смыслъ, значеніе и цѣль, сокрытыя въ современномъ общественномъ движеніи. Почва для взращенія семянъ, бросаемыхъ положительнымъ знаніемъ, готова, рачительно вспахана вѣковой цивилизаціей, удобрена гниющими остатками суевѣрія, расчищена специальными науками. Ни дѣйствіе на воображеніе, ни увлеченіе шитимнымъ чувствомъ болѣе не нужны—нужны убѣдительныя доказательства, говоряція сами за себя. Знаніе и могущество

—одно и тоже: чѣмъ больше мы знаемъ, тѣмъ больше мы можемъ. Разуміется, много надобно трудовъ, чтобы разумъ, раскрываемый развитіемъ человѣчества, сталъ разумомъ каждаго человѣка; сколько потребовалось усилій, чтобы найти точки соприкосновенія всякой специальной науки съ наукой общечеловѣческой, шелькающей въ туманѣ будущаго; сколько побѣдъ должно было одержать въ колоссальной борьбѣ съ гипотетическимъ и метафизическимъ; сколько слѣдовало примирить противорѣчій, представляемыхъ самыми науками; сколько потребовалось времени, работы, изысканій, наблюденій, чтобы просвѣтлить только нѣсколько головъ положительнымъ знаніемъ, чтобы выработать приемы не обращения, а убѣжденія! За то и всеобщее возрожденіе, возобновленіе неизбѣжны. Въ будущее заглядывать нельзя, но общія черты ближайшаго очевидны: съ одной стороны общества просвѣщаются тѣмъ, что имъ не было извѣстно, съ другой стороны положительное знаніе обогащается новыми свѣдѣніями и приравливается, прилагивается къ обществу. Кто убѣдился, что исторія есть развитіе, подчиненное естественнымъ законамъ (для прочихъ областей знанія сомнѣнія этого не существуетъ); кто увѣрился, что все происходящее составляетъ безконечную, непрерывную цѣль причинъ и слѣдствій; кто удостовѣрился, что происхожденіе обществъ, всѣхъ его учрежденій, городовъ и государствъ, привилегированныхъ кастъ, аристократій, правительствъ, науки, искусствъ имѣло источникомъ способности человѣка, силы въ немъ заключавшіяся, — тотъ уже вошелъ въ область положительнаго знанія. Съ той минуты какъ все гипотетическое изгнано какъ изъ неорганическаго, такъ и изъ органическаго міра, какъ изъ явленій космическихъ, такъ и историческихъ, человѣкъ сталъ на твердую почву: ни наша земля, ни наше небо, ни наше время, ни наше пространство не выходятъ изъ подъ вѣчныхъ, имъ присущихъ законовъ. Что внѣ нашей земли, нашего неба, пространства и времени, то намъ недоступно для знанія. Мы не можемъ оставить этого пути, чтобы не заблудиться, чтобы не попасть въ области, недостижимыя для знанія.

Выше мы назвали истину безличною, мы объяснили какимъ путемъ она получается, какъ продуктъ дѣйствія вѣшняго міра на человѣка. Если явленіе дѣйствуетъ на одного человѣка такъ, на другого иначе, то изъ такого явленія нельзя вывести закона; предположить противное значитъ упичтожить единство человѣческое. Человѣкъ есть родовое понятіе, а родовое понятіе осповывается на общихъ признакахъ, и

свойствахъ. Слѣдовательно истина безличная не можетъ быть истинной и національной, имѣть личность національную, а можетъ быть только общечеловѣческой.

Положительное знаніе не различаетъ истины французской, англійской, или нѣмецкой, западной или восточной, европейской или американской. Оно не за консерваторовъ, ибо цѣль его изученія раскрытіе силъ человѣческихъ обществъ, которое есть поступательное и прогрессивное, оно не можетъ быть и за революціонеровъ, видя невозможность водворенія утомлѣнныхъ, вытекающихъ изъ одного страстнаго, горячаго желанія, но не всегда вооруженныхъ положительнымъ знаніемъ: оно ищетъ водворенія порядка, но не такого, о какомъ мечтаютъ консерваторы, оно стремится впередъ, но иными путями, за какія страстно схватываются революціонеры. Въ тяжелую хаотическую эпоху, переживаемую современнымъ человѣчествомъ, положительное знаніе, владѣя множествомъ доказанныхъ истинъ, уже можетъ преподавать не одинъ великій общественный урокъ партіямъ, дышащимъ злобою и ненавистью другъ къ другу.

Мы можемъ теперь резюмировать все сказанное въ коротенькомъ очеркѣ границъ положительнаго знанія. Мы привели согласную съ нимъ строгую систему наукъ (классификацію), переходя отъ простѣйшей къ самой сложной; въ общихъ чертахъ мы очертили вліяніе его на измѣненіе нашего взгляда на міръ, на воспитаніе, на нравственность; мы изслѣдовали методъ его въ сравненіи съ методами гипотетическимъ и метафизическимъ; мы указали на главный законъ развитія человѣческой нравственности; въ нѣсколькихъ словахъ мы обозначили значеніе, роль и характеръ положительнаго знанія для современной эпохи. Вотъ наше заключительное слово: всѣ явленія міра происходятъ по вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, которыми можно овладѣть только знаніемъ ихъ, дѣйствуя и направляя одинъ на другой, — такъ что по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ ихъ лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ подчиняемся имъ больше и больше, мы получаемъ все большую и большую власть надъ природою и самими собою, что и составляетъ цѣль всего нашего развитія.

— Нѣтъ, ваше новое ученіе о положительномъ знаніи также бессмысленно для будущаго, какъ и тѣ доктрины, противъ которыхъ вы восстаете съ такимъ холоднымъ безстрастіемъ. Мало того, оно пропущено всеми недостатками этихъ доктринъ, да еще не имѣя той возбуждающей, влекущей за собою силы, которая составляетъ ихъ сущность и значеніе. Отличительный характеръ вашего положительнаго знанія — пассивность, недѣятельность, неспособность къ дѣятельности въ современную намъ эпоху. Надѣюсь, что вы согласитесь въ этомъ со мною?

— Нѣтъ, не могу согласиться. Во-первыхъ, и прежде всего, я несогласенъ, чтобы положительное знаніе было доктриной, потому что оно не можетъ быть ни удѣломъ вражка людей, известнымъ образомъ настроенныхъ, ни удѣломъ какой-нибудь политической партіи. Вы также горячо и успѣшно служите ему, какъ и я. Во-вторыхъ, вы отказываете ему въ той силѣ, которая составляетъ сущность современныхъ теорій. Это тоже несправедливо. Сила ваша не въ чувствѣ, васъ увлекающемъ, а въ его вѣрности, въ его положительности. Не все ли равно: принимаете ли вы одну сторону, потому что проникнуты всеми симпатіями къ ней, потому что *считаете* въ ея правое дѣло и въ лучшее будущее, или потому, что *знаете*, увѣрены, что движеніе должно принять этотъ характеръ, что одному принадлежитъ будущее, а другое защищаетъ свое прошлое и настоящее? Ваше обвиненіе въ пассивности, въ недѣятельности знанія имѣетъ только кажущееся основаніе. Правда, что важнѣйшая, труднѣйшая, сложнѣйшая область знанія, представляемая социологіей, владѣетъ еще весьма незначительнымъ количествомъ истинъ, но въ будущемъ этого рода истинамъ и открыто теперь полное значеніе и развитіе.

— А до того времени жди, чтобы освободиться отъ печальной необходимости ступить невѣрно и не попасть на дорогу въ утопію?

— Ни чуть. Мы владѣемъ весьма ограниченнымъ числомъ истинъ историческихъ, но и того, что мы знаемъ, достаточно уже для указанія многихъ возможныхъ и справедливыхъ цѣлей, и другихъ, бесполезныхъ, никуда не ведущихъ, утопическихъ.

— Понимаю я васъ. Вы указываете путь, но не указываете цѣли, и дѣйствительно указать ее не можете, такъ какъ она уяснится вслѣдствіе безчисльнаго множества случайностей, не ставшихъ еще достояніемъ положительнаго знанія. Но кто же пойдетъ за вами, того

вы увлечете за собою, если вы не въ состояніи указать на это тихое пристанище, на эту мирную стоянку послѣ борьбы и бурь жванешныхъ? Какую роль сами вы играете или будете играть? Если вы будете послѣдовательны, вы не смѣете, не должны принимать участія въ жизни, не имѣя опредѣленной цѣли; ваше положеніе всегда будетъ или двусмысленно, или лицемерно.

— Такъ по вашему Республика Платона, Утопія Мура, Фаланга Фурье — опредѣленные цѣли или болѣе опредѣленные, чѣмъ создавшія ихъ чувства и убѣжденія?

— Но согласитесь, что эти благородныя, смѣлыя гипотезы, обратившіяся для многихъ въ опредѣленные цѣли, были богатѣмъ, свѣтлымъ родникомъ для дальнѣйшаго развитія человѣчества: за ними остались цѣлыя историческіе періоды, развивавшіеся на эти темы. Само ваше положительное знаніе безъ нихъ невысказано.

— Родники богатые—это правда, но не совсѣмъ свѣтлые. Если вы признаете хоть какую-нибудь заслугу положительнаго знанія, то, разумеется, только за удаленіе всего гипотетическаго. Будьте смѣлы и послѣдовательны — противорѣчіе въ вашей мысли станеть совсѣмъ очевидно: вы враждуете со старымъ, потому, что оно ложно. А ваши постройки не будутъ изуродованы и искалечены всѣми тѣми случайностями, которыя не могли войти въ соображеніе при вдохновенномъ ихъ созданіи? Не лучше ли заранѣе знать все это, чтобы не оступиться и не впасть въ новыя заблужденія?

— Если бы ваши выводы были и справедливы, они неприложимы, невозможны, бесполезны. Хорошо вамъ такъ разсуждать, сидя въ кабинетѣ, а каково тѣмъ, которые тамъ, на улицѣ, подъ гнетомъ давящей ихъ дѣйствительности? Кто же станеть работать безъ вѣры, безъ опредѣленной цѣли, которую вы отнимаете?

— Я ее и не отнимаю, а говорю только, что она должна быть признана, доказана положительно, несомнѣнно.

— Такъ пока мы съ вами виноваты, что забѣжали такъ впередъ; мы должны остановиться и ждать, когда остальные просвѣтятся, чтобы съ ними уже начать общее дѣло и идти уже вѣстѣ?

— Выходить, что да. Впрочемъ работа найдется и для насъ, такъ какъ не можетъ быть, чтобы истина была только *нашимъ* удѣломъ.

— Долго же придется намъ ожидать, пока въ великой лабораторіи мозговъ покажется искомое и желаемое улучшение съ тѣмъ несомнѣннымъ

результатомъ, что въ выводахъ мы разоидеся, и наша работа была бесполезна.

— Ну вотъ мы и пошѣнялись ролями: изъ моего противника вы стали моимъ союзникомъ, я долженъ защищать васъ противъ васъ же самихъ. Какъ же вы станете доказывать ваше посланничество, когда можете сомнѣваться въ томъ, чтобы оно было признано? Какъ же пойдутъ за вами тѣ, которые впоследствии необходимо должны разойтись съ вами. Не ясно ли, что истинность вашего посланничества въ прямомъ отношеніи съ пониманіемъ, съ положительнымъ знаніемъ всего того, что только есть общаго между вашей гипотезой и стремленіемъ времени?

— Быть можетъ, вы правы, но я повторю мое опроверженіе: между тѣмъ какъ небольшое число головъ довольствуется положительнымъ знаніемъ, милліоны ищутъ не столько его, сколько его приложенія; неужели вы думаете, что они удовлетворятся вашимъ холоднымъ и безстрастнымъ «не знаю и знать этого не могу и не хочу»? Развѣ вамъ, вооруженному положительнымъ знаніемъ, неизвѣстно, что страстное лихорадочное стремленіе всякаго бодрого, незаслушавшаго ума неудержимо направлено къ рѣшенію общихъ вопросовъ; развѣ вамъ незнакомо это свойство мысли постоянно подписывать итоги знанія, приводить все къ опредѣленному, хотя, я не могу не согласиться съ вами, и къ гипотетическому единству.

— Это прямой и непосредственный результатъ нашего воспитанія и современной нравственности.

— По мѣрѣ того какъ будутъ распространяться истины положительныя, должно необходимо произойти всеобщее возрожденіе и воспитанія, и нравственности. Въ указаніи необходимости и неизбѣжности этого возрожденія, основаннаго на положительномъ, а не на гипотетическомъ, и состоитъ главная наша заслуга.

— Ну, судя по тѣмъ микроскопическимъ успѣхамъ въ массахъ истиннаго просвѣщенія, не скоро наступитъ эта эпоха; но что же дѣлать съ тѣми вопросами, которые требуютъ немедленнаго, безотлагательнаго рѣшенія, не дожидаться же для этого вашей запоздалой санкціи?

— Не нашей санкціи, а санкціи того же общественнаго мнѣнія, безъ сочувствія котораго, какъ оно еще ни слабо нынче, все-таки не дѣлается ни одного дѣла. На него можно еще не обращать вниманія, но скоро безъ него нельзя будетъ сдѣлать ни шагу. А что такое общественное мнѣніе, какъ не результатъ положительнаго зна-

нѣ колеблющійся, потому что не имѣеть неизблѣнныхъ ногъ собою основъ, которыя и дасть ему положительное знаніе? Вы все говорите о безотлагательныхъ вопросахъ: называйте вамъ возвратитъ, во-первыхъ, что положительное знаніе не можетъ стоять комѣхомъ для изъ разрѣшенія; оно не можетъ даже отказать въ симпатіи въ правой сторонѣ, но не можетъ встрѣтить безъ улыбки той загадочной и туманной цѣли, которую составляетъ себѣ всякая утопія; во-вторыхъ, положительное знаніе не можетъ отказаться отъ всѣхъ историческихъ фактовъ, которыя петерцѣли всѣ утопіи. Ходить далеко за примѣрами нечего; проелѣдите исторію Европы со времени громкаго объявленія правъ человѣка. Далекое ли мы ушли впередъ, судя по незабвенной программѣ, начертанной великою эпохой. А обратитесь теперь къ качеству и количеству народившихся и распространившихся знаній: нѣма имъ легионъ. Такъ который путь плодотворитѣ? Я, какъ сторонникъ силы знанія, долженъ знать и значеніе этихъ благородныхъ программъ и ихъ вліяніе на общее развитіе; я не забываю даже и того оглушительнаго, захватывающаго душу треска, сопровождавшаго ихъ появленіе. Но мы вообще вышли изъ юношескаго, шиллероваго энтузіазма, мы знаемъ, что за февральскими днями долго еще будутъ слѣдовать іюньскіе, а за іюньскими—декабрьскіе. Кто же выиграетъ? Вотъ почему я настойчиво повторяю несправедливую вамъ фразу: нужно знаніе, положительное знаніе, какъ между передовыми людьми, такъ и въ массахъ, — не то они будутъ постоянно измѣнять другъ другу.

● — Берегитесь, ваше безстрастіе къ дѣлу, ваше пристрастіе къ знанію, исторически намъ знакомы нѣсколько: мы не забыли еще недавняго времени, когда нѣсколько доктринеровъ думало, что управлять народнымъ движеніемъ также легко, какъ академическими заведеніями. Это доктринерство, эта педантократія будетъ невыносима не только аристократіи, но и современной буржуазіи.

— Ваше возраженіе имѣеть большее основаніе, нежели вы думаете. Дѣйствительно, къ понятію знанія въ старой Европѣ непремѣнно присоединяется понятіе чего-то сухого, кабинетнаго и отвлеченнаго отъ жизни; дѣйствительно, при теперешнемъ воспитаніи и при ходячемъ кодексѣ морали легко впасть въ ту болѣзнь, которую мы называли педантократіей, но не смѣшивайте ни такого знанія, ни современной, подвергнутой несомнѣнному росту, морали съ истиннымъ знаніемъ, которое не можетъ быть сухо, котораго цѣль—жизнь че-

ловѣчества, а не кабинетная, разрывъ котораго съ дѣйствительно-стью—нелѣпость. Доктринеры безспорно впади въ страшныя ошибки, но именно вслѣдствіе своего незнанія, непониманія того, что произошло предъ ихъ глазами.

— На этомъ вопросѣ, какъ кажется, мы не сойдемся съ вами; я оставсъ при своемъ обвиненіи вашего положительнаго знанія въ недѣлятельности, въ неспособности на инициативу движанія въ прославленномъ вами раскрытіи силъ человѣческихъ обществъ, въ отсутствіи права на какое-либо содѣйствіе со стороны его, если вѣрность расчѣта не математически доказана. Но скажите мнѣ на милость: вы казните всѣ наши смѣлыя гипотезы за то, что цѣль ихъ въ облакахъ, а смѣшно гоняться за тѣнью, но я не понимаю, чѣмъ благороднѣе и возвышеннѣе ваша цѣль: гоняться за положительнымъ знаніемъ, имѣя въ отдаленности пріятную перспективу, что имъ кто-то воспользуется въ будущемъ, только не вы. Если съ нашей точки зрѣнія смѣшно ратовать за идеалы, созданныя Фурье, то не нелѣпѣ ли въ десять разъ служить сознательно какому-то орудію раскрытія силъ человѣчества, и двигаться по заданной впередъ программѣ, повинувшъ, какъ марионетку, шнурку, который кто-то держаетъ за кулисами? Ваше раскрытіе или разоблаченіе силъ человѣческихъ страдаетъ тѣмъ же суевѣріемъ, противъ котораго вы такъ возстаеае. Ваши старанія замаскировать общими цѣлями свободную волю совершенно не достигаютъ цѣли. Сознательно, или безсознательно она дѣйствуетъ, она находится въ томъ же раболѣпствѣ предъ авторитетомъ.

—Страшно это право дѣло! человекъ упавъ и вывихнулъ ногу—не сердится, переходитъ изъ возраста полнаго силы и энергіи въ старость—не возстаеае на свободную волю, которая, быть можетъ, этого вовсе не жадаеае, но не можетъ примириться съ тою же ея ролью во всѣхъ явленіяхъ жизни, не хочетъ замѣтить, что сама эта искомая сила измѣняется. Въ юности она дѣйствуетъ иначе чѣмъ въ старости, при здоровьи иначе чѣмъ при болѣзни, нождъ вліяніемъ страсти иначе какъ въ спокойномъ состояніи, а между тѣмъ она должна быть одна и всегда тождественна самой себѣ; но вѣдъ это нелѣпо. Мы нѣсколько непривыкли дѣлать простѣйшія обобщенія; мы не умѣемъ и не хотимъ умѣть дѣлать труднѣйшихъ, сложнѣйшихъ; но перья и приходять въ помощь вторымъ. Сѣмя, брошенное въ почву, выгоняеае стебель, стебель даеаеа почву, изъ которой

выбѣгаютъ листья и цвѣтокъ, сѣмянная пыль проникла въ рыльце матки, весь циклъ законовъ совершился—мы довольны, спокойны, потому что поняли, узнали, свели концы съ началами; тоже въ царствѣ животномъ. Въ вопросѣ, который насъ занимаетъ, мы недовольны, неспокойны, потому что не знаемъ, потому что не хотимъ знать, потому что этому пониманію мѣшаютъ ходячія мнѣнія и тотъ періодъ жизни, который называютъ воспитаніемъ. То, что мы знаемъ, не можетъ тяготить насъ, законъ всѣми признаваемый, не есть авторитетъ. Кого беспокоитъ и давить законъ, по которому всѣ тѣла стремятся къ центру земли? Было бы смѣшно, еслибы кто сказалъ, что ему ужасно не нравится, что пять и три составляютъ восемь, или что роза отцвѣтаетъ. Сложныя истины не такъ легко перерабатываются въ убѣжденія какъ простѣйшія, но того же достоинства: онѣ не тяготятъ, а усиливаютъ нашу власть надъ внѣшнимъ міромъ. Законъ тѣмъ не похожъ на шпурокъ, прикрѣпленный къ маріонеткѣ, что тѣсно и естественно выходитъ изъ вещей, составляя доступную для нашего ума часть ихъ сущности. Маріонетка двигается, движеніе есть свойство, выходящее изнутри движущейся вещи, а тутъ мы видимъ шпурокъ: для маріонетки это и было бы обидно, если бы она одарена была способностью понимать это. Въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы весьма часто обижаться: чувствуешь голодъ—обидно, холодъ—обидно, любовь—обидно, а вѣдь наша воля въ полной зависимости отъ всѣхъ этихъ явленій. И потому жалобы на подчиненіе какому—то авторитету, стоящему, какъ вы говорите, за кулисами, невозможны и только сантиментальны. Онѣ доказываютъ только присутствіе въ глубинѣ насъ недавно отложившейся формации, слои которой все еще поднимаются кверху при всякомъ безпорядкѣ или волненіи, происходящихъ на поверхности новаго осадочнаго образованія. Я и не думалъ замаскировать моего понятія о предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Всякая органическая жизнь предполагаетъ развитіе, которое есть результатъ отношеній организма къ окружающей его дѣйствительности. Силы, свойства человеческого организма, состояція въ принятіи внутрь себя явленій внѣшнихъ и обратное движеніе ихъ на внѣшній міръ есть то, что называютъ волей. Въ этомъ смыслѣ уничтожить ее нельзя, не замѣтить ея проявленій невозможно. Тоже и въ жизни цѣлыхъ обществъ. Вѣроятно общее развитіе присуще не однимъ человеческимъ обществамъ, оно, быть можетъ, свойственно всѣмъ животнымъ, но движенія его такъ мало

замѣтны, что теперь неуловимы. Сравнительной биологіи еще и не существуетъ, а она, нѣтъ никакого сомнѣнія, раскроетъ много еще неизвѣстнаго. Какъ бы то ни было, развитіе человѣческихъ обществъ не подлежитъ сомнѣнію: достаточно прослѣдить исторію любой науки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Я никогда не говорилъ, что это развитіе — цѣль вселенной. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла: я вижу только этотъ фактъ, и онъ такъ близокъ ко мнѣ, что я не могу признать болѣе важной цѣли и всё подчиняю этой. А быть можетъ паукъ, развившій геометрически правильную паутину на моемъ огнѣ, съ этой точки имѣетъ исключительно свой взглядъ на цѣли существующаго. Я ничего не имѣю возразить, если бы завтра нашей планетѣ вздумалось разорваться въ миллионный разъ въ осколки, расплавить все и начать съизнова, но пока этого не случится, я дальше моего носа, какъ говорятъ, не могу и не хочу видѣть. И такъ, я признаю главнѣйшимъ и важнѣйшимъ для меня общимъ закономъ, которому я подчиняю все, разоблаченіе силъ въ человѣческихъ обществахъ, или такъ называемый прогрессъ. Прогрессъ этотъ есть результатъ взаимодѣйствія человѣческихъ обществъ или коллективной человѣческой воли и внѣшняго міра. Утѣшаетъ или оскорбляетъ кого мой выводъ—это меня не касается. Я принимаю возраженія мысли и отвергаю возраженіе оскорбленнаго чувства. Закону этому также не трудно и не обидно подчиниться, какъ закону тяготѣнія, открытаго Ньютономъ, какъ законамъ движенія, открытымъ Галилеемъ. Изъ чего слѣдуетъ, что ваше сравненіе достоинствъ положительнаго знанія съ достоинствами гипотезъ совершенно неприемлемо.

— Ничуть; оно приемлемо уже потому, что еслибы истина и была на вашей сторонѣ, то ею вы никогда не сдержите гениальный полетъ мысли. Я стою на своемъ: важнѣйшія успѣхи сдѣлаемы человѣческимъ умомъ помощью гипотезъ.

— Надѣюсь, что вы не будете стоять по крайней мѣрѣ за тѣ, ложность, вредность или бесполезность которыхъ очевидно доказаны?

— Гипотезы—такой же законный и естественный продуктъ мысли, какъ и общіе положительные законы. Онѣ отвергаются мыслью, когда станетъ очевидна ихъ ошибочность, но вы не станете отвергать ни той пользы, которую онѣ приносятъ развитію знанія, какъ временно-принятыя истинные общіе законы, ни возможности отстранить той силы мысли, которая создастъ ихъ. Множество наукъ, по реп-

инициативе съ реальнымъ направлениемъ, уничтожаются цѣлѣныя при отстраненіи гипотезъ, на которыхъ онѣ построены. Что стѣнеть съ жизнью безъ атомистической гипотезы, что будетъ дѣлать теорія свѣта, электричества безъ гипотезы волнообразнаго колебанія эфиръ.

— Стану отвергать и то, и другое. Гипотезы такой же законны и естественны продуктъ мысли, какъ и положительныя законы,—согласенъ. Онѣ были необходимы во время младенческаго ея состоянія—и на это согласенъ. Но утверждаю, что мы стали на нихъ, и что съ этихъ поръ гипотеза потеряла свое значеніе, свою заманчивую прелесть. Думаю, что знанію можно теперь идти самому, безъ помощи. Я не отрицаю допущеніе, хоть къ математикѣ, заранѣе известной нецѣлѣности, которая должна привести къ еще болѣе осмысленной нецѣлѣности, но не допускаю возможности принять выдуманную и обыкновенно исполнимаскую нецѣлѣность, приложеніе которой имѣеть цѣлью не опровергнуть ее, а подтвердить, доказать. Гениальная мысль имѣеть склонность создавать гипотезы, весьма близкія къ истиннымъ законамъ,—это правда, но эта склонность вѣдѣной зависимости отъ воспитанія мысли: правильно воспитанная мысль вмѣсто гипотетическихъ обобщеній будетъ дѣлать обобщенія, основанныя на положительномъ знаніи. Существенно принадлежащее мысли свойство—дѣлать обобщенія положительныхъ знаній въ высшей степени не стѣняется, оно только правильно направляетъ волю ея. Вы хотите видѣть только позитивныя послѣдствія того метода, который слышеть подъ именемъ субъективнаго и апіористическаго, но не можете оцѣнить должнымъ образомъ невыгоды его и пагубныя послѣдствія. Весь сумбуръ, всё болѣзненное современнаго мышленія имѣють истинною это воспитаніе мышленія, и смѣю увѣрить васъ, что съ одной стороны не исчезаютъ этотъ хаосъ, пока всё бросячи въ беспорядкѣ понятія и теорія не будутъ просилтрованы положительнымъ знаніемъ, чтобы осадить все наносное и вредное и пустить въ оборотъ дѣйствительно необходимое и полезное; а съ другой стороны взгляните на то направленіе, которое приняли или принимаютъ всё науки; неужели вы не замѣчаете эту осторожность, съ которою онѣ двигаются впередъ, это стараніе обойтись безъ гипотезъ, на которыхъ онѣ были такъ падки еще весьма недавно. Вы говорите, что многія науки должны отказываться отъ своего существованія, если стбросить гипотезы, на которыхъ онѣ построены, и приводите въ при-

мѣръ химіи и часть физики? Я этого рѣшительно не понимаю. Да почему же химія не можетъ существовать безъ теоріи атомовъ? Она есть наука соединеній, основанныхъ на особенномъ свойствѣ матеріи — на химическомъ средствѣ; соединенія эти происходятъ на основаніи известныхъ пропорцій, въ большомъ или маломъ размѣрѣ, — это все равно. Для чего же тутъ атомы? А для того, чтобы проникнуть въ сущность вещей, добраться до началъ и концовъ. Но разъ доказано, что проникнуть въ эту сущность невозможно, добраться до началъ и концовъ безумно, и теорія атомовъ совершенно бесполезна; за ней остается только вредъ, который несетъ за собою всякая ложь и неправда. Вѣдь такого рода полетъ мысли — всемогущъ вожду. Тѣла соединяются химически по закону средства, но что такое средство, почему оно существуетъ? Физическія тѣла притягиваютъ другъ друга, стремятся другъ къ другу, но зачѣмъ стремятся, почему притягиваютъ — знать и невозможно и бесполезно. Опять такъ повторяю: мы остаемся недовольны, потому что не овладѣли закономъ; когда мы должны и вполнѣ овладѣли закономъ, намъ не приходится въ голову подобные вопросы, мы не мучимся надъ тѣмъ, почему пять и три — восемь, и принимаемъ это за фактъ мышленія и бытія. Очевидно, что всякой отвѣтъ будетъ колоссальной бессмыслицей въ послѣднемъ случаѣ, но, на основаніи какихъ то смутныхъ чувствованій, мы утѣшаемъ себя созданіемъ какого-то волнообразно-колеблющагося ээира, какой-то невидимой жидкости и проч. и наввно увѣряемъ себя, что поймали истину и повторяемъ бессмысленныя слова, для будущаго поколѣнія имѣющія такую же цѣну, какъ жизненная теорія, какъ алхимія, какъ какой-нибудь флогистонъ, объяснявшій законы горѣнія. Повѣрьте, немного пройдетъ времени, и всѣ эти гипотезы, какъ результаты болѣзненнаго отклоненія мозга, со стыдомъ и страшемъ будутъ изгнаны съ площадей и изъ закоулковъ науки.

— Чтобы подрѣзать крылья самому знанію и заставить его, какъ николина, повторять на каждомъ шагѣ: не знаю, не могу знать, и терять даже тотъ слабый кредитъ, который успѣли заслужить путемъ такого ужаснаго, египетскаго труда? Но кто же повѣритъ вамъ, кто пойдетъ къ вамъ, когда изъ устъ вашихъ будутъ раздаваться только такія свидѣтельствванія о вашей немощи и неспособности? Плокіе вы строители будущаго млі, вѣрнѣе, оно никогда не будетъ принадлежать вамъ. Когда рубятъ дрова — летятъ щепки,

иной ударъ ловко и прямо раскалываетъ полѣно, другой неудачно, требуетъ повторенія на тотъ или другой ладъ. Ошибки неизбежны? Вы отвергаете ихъ, потому что, говорите, ихъ видите, но предотвратить ихъ не въ вашей власти. По вашему такъ слѣдовало бы исторіи остановиться, пока знаніе не распространится въ массахъ, а ваше не улучшится. Но сами же вы знаете, что этого быть не можетъ, и тѣмъ печальнѣе роль ваша. Итакъ я началъ обвиненіемъ васъ въ недѣятельности, теперь кончаю обвиненіемъ васъ къ электизмѣ. У васъ тѣ же приемы, то же желаніе примиреній въ обобщеніяхъ.

— Право, я васъ не понимаю: честно сказать «не знаю», вмѣсто того чтобы сказать нелѣпость, значить урѣзать кредитъ свой. Повѣрьте, незнаніе это не смущало бы такъ насъ, если бы мы его привыкли слышать съ малолѣтства. Школьникъ ни разу не слышалъ этихъ словъ въ школѣ и привыкъ думать, что учитель все знаетъ. А вѣдь въ сущности между учителемъ и школьникомъ разница заключается не въ томъ, что одинъ все знаетъ, а другой — ничего, а въ томъ, что одинъ знаетъ больше, другой — меньше. Пытливый ученикъ часто ставитъ втупивъ учителя своими вопросами, это всѣмъ извѣстно, какъ извѣстно, что тѣмъ не менѣе онъ получаетъ удовлетворительные (?) отвѣты на свои вопросы или удовлетворительные подзатыльники за то, что мѣшается не въ свое дѣло. О необходимой ограниченности знанія мы не привыкли съ дѣтства составлять себѣ понятія, — что же удивительнаго, что съ тѣми же требованіями мы и взрослые подходимъ къ наукѣ. И будто бы сила и могущество знанія уменьшаются его ограниченностью: тѣмъ сильнѣе и неотраимѣе знаніе положительное. Вы называете насъ плохими строителями будущаго. Но мы и не думаемъ принимать на себя такой роли; задача эта столько же не по плечу намъ, какъ и вамъ. Раскрытіе, разоблаченіе силъ идетъ изъ взаимодѣйствія законовъ человѣческихъ и законовъ вѣшной природы, а не изъ дѣйствія первыхъ на вторые, — какіе же тутъ строители? Гдѣ рубятъ дрова, тамъ летать щепки, — согласенъ; отклоненія, промахи, ошибки, неизбежны, — и съ этимъ согласенъ. Но положительное знаніе могущественно только для тѣхъ ошибокъ, отстраненіе которыхъ возможно и необходимо, оно не мѣшается въ то, чего не знаетъ. Я уже говорилъ, что если мы не можемъ принять цѣли, то на основаніи положительнаго знанія, можемъ вѣрно оцѣнить

духъ, направленіе движенія, въ чемъ и состоитъ его дѣятельное значеніе. Но если мы знаемъ, что наносимый топоромъ ударъ по полѣну не вѣрещъ и не расколеть его, не можемъ же мы отказаться отъ своей увѣренности и не посовѣтовать не тратить напрасно силы, а сберечь ее, чтобы употребить съ большею пользою въ иное время и при другихъ обстоятельствахъ. Въ настоящую эпоху намъ трудно и невозможно предотвращать такіа бесполезныя отклоненія, дѣйствительная сила наша въ будущемъ, котораго вы ни отвратить, ни не признать не можете. Вы кончаете обвиненіемъ насъ въ электизмѣ. Сравненіе это основано только на одномъ внѣшнемъ признакѣ. Электизмъ принимаетъ въ свою разношорстную философію все, что найдено несомнѣнно истиннаго во всѣхъ школахъ съ цѣлью примиренія съ дѣйствительностью въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представляется въ настоящій моментъ. Задача его примирить, чтобы сохранить *statu quo*. Это философія посредственности, *juste-milieu* буржуазіи. Задача положительнаго знанія обобщить въ себѣ самымъ разношорстныя явленія, чтобы отыскать или уяснить законы общаго развитія. Цѣль его не толкотня на одномъ и томъ же мѣстѣ, или переливаніе изъ пустого въ порожнее, а движеніе. Электизмъ согласился на уступки демократическія, экономическія, социальныя, чтобы сохранить энергію силъ эгоистическихъ, личныхъ; второе, найдши законъ развитія въ постепенномъ разоблаченіи силъ социальныхъ на счетъ эгоистическихъ и личныхъ, видитъ необходимость, неизбѣжность движенія, которому предстоитъ измѣнить всѣ наши отношенія, начиная съ воспитанія и заключая общественной нравственностью.

— То есть, уловивши законы муравейника и пчелинаго улья, вы полагаете, что въ примѣненіи къ человѣческимъ обществамъ....

— Помилуйте, что это вы съ больной головы да на здоровую!...

И. Бибиковъ.

(ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА).

Стало мнѣ въ домѣ и скучно и тѣсно,
Тянетъ куда-то, куда неизвѣстно.
Въ садъ не пойти ль у цвѣтовъ допроситься,
Можетъ быть, мнѣ поразскажутъ они,
Что это нынче со мною творится,
И отчего въ эти ясные дни
Странной глубокой тоской удрученъ
Рвусь я куда-то все изъ дому вонь.

* *
*

Нить! на вопросы мои разрѣшенья,
Я никогда не дождусь отъ цвѣтовъ.
Нить не понять ни тоски, ни томленья
Тумо глядятъ они, нить у нихъ словъ.
Скучно мнѣ въ мертвомъ, безмолвномъ саду,
Въ лѣсъ я, въ зеленую чашу пойду.

* *
*

Вотъ я стою подъ листою изумрудной —
Тысячу радостныхъ звуковъ кругомъ!
Что же и здѣсь мнѣ все такъ и грустно,
Словно опять воротился я въ домъ.
Словно я въ комнату мрачной своей:
Вонь бы изъ этого мира скорѣй!

А. Плещинскій.

ЦВѢТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА.

1. Сатиры въ прозѣ. Н. ЩЕДРИНА.
2. Невинные рассказы. Н. ЩЕДРИНА.

1.

Плохо приходится въ наше время поэтамъ; кредитъ ихъ быстро понижается; безчувственные критики и бездушные свистуны подрываютъ въ публикѣ всякое уваженіе къ великимъ тайнамъ бессознательнаго творчества. Прежде говорили о вдохновеніи поэта, прежде поэта считали любимцемъ боговъ и интимнымъ собесѣдникомъ музъ; хотя эти мифологическія метафоры грѣшно было принимать буквально, однакожъ за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату вахлаку должно оставаться навсегда недоступнымъ; объ этомъ нашему брату позволялось узнавать только по неяснымъ рассказамъ художниковъ, которые «какъ боги, входятъ въ зевесовы чертоги», гдѣ имъ показываютъ весьма интересныя и часто нескромныя картинки. Теперь все это перемѣнилось; нашъ братъ вахлакъ большую силу забралъ, и обо всемъ разсуждать берется; и вдохновенія не признаетъ, и въ зевесовы чертоги не желаетъ забираться, не смотря на то, что поэтъ весьма наглядно разсказываетъ, какъ въ этихъ чертогахъ показывали одному худож-

Отд. II.

нигу въ «вѣчныхъ идеалахъ», «волнистость спинки бѣлой», и вообще разныя такія вещи, которыя «божество открываетъ смертнымъ въ доляхъ малыхъ» *). Все это нашъ братъ отрицаетъ съ свойственною ему грубостью чувствъ и дерзостью выражений; это, говорить, все цвѣты фантазій; а вы намъ вотъ что скажите: какова у поэта сила ума? и широко ли его развитіе? и основательно ли его образованіе?—Ну, что-жь это за вопросы? Умѣстны ли они? Деликатны ли они? Позволительно ли ставить передъ собою любимца боговъ, и допрашивать его, какъ провинившагося гимназиста? Когда уже дѣло дошло до такихъ неслыханныхъ вопросовъ, когда утрачена вѣра въ божественность вдохновенія; когда журналы находятъ болѣе интереснымъ держать корреспондентовъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, въ Саратовѣ или въ Иркутскѣ, чѣмъ на Парнасѣ или въ чертогахъ Зевеса, тогда, конечно, мирному поэту остается только повѣсить свою голубушку—лиру на гвоздикъ, и поступить на дѣйствительную службу или обратиться къ мрачнымъ заботамъ сельскаго хозяйства. Если такъ пойдетъ дальше, то наступитъ со временемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею къ послѣднему эстетикъ, и рыдая скажетъ ему: «другъ мой, мы съ тобою одни. Міръ проклясъ и развратился. Микроскопъ и скальпель не дадутъ намъ покоя. Если мы не спрячемся, или не притворимся натуралистами, то насъ съ тобою могутъ посадить за-живо въ спиртъ, чтобы сохранить въ полной цѣлости послѣдніе экземпляры исчезнувшей породы, имѣвшей удивительное внѣшнее сходство съ человѣкомъ. Другъ мой, когда мы умремъ, тогда послѣдняя калитка, ведущая въ зевесовы чертоги, будетъ заколочена, и на глухо заложена—не кирпичами, а всѣми нераспроданными экземплярами моихъ стихотвореній, и всѣми нераврѣзанными листами твоихъ критическихъ статей». Ну, скажетъ эстетикъ, если такъ, то все кончено. Калитка навсегда сдѣлается неприступною! Сквозъ мою критику и твою поэзію ни человѣкъ не пролѣзетъ, ни звѣрь не проскочитъ. И обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могилканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты, какъ маскарадные принад-

*) Эти свѣдѣнія о зевесовыхъ чертогахъ и о тамошнихъ картинкахъ съ буквальною вѣрностью заимствованы мною изъ стихотворенія г. Майкова «Анакреонъ скульптору».

лежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго и непроизвольнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетигъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, занимающихся медицинскою практикою, и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ непринично-твердымъ образомъ мыслей, и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ женственной граціи, т. е. слабости, глупости и жеманства. Дѣти этихъ двухъ счастливыхъ паръ услышатъ еще кое-какіе темные толки объ эстетикахъ и поэтахъ, а внуки и того не услышатъ. Обѣ породы сдѣлаются совершенно неизвѣстными, какъ неизвѣстны намъ теперь многіе слизняки первобытнаго міра, не оставившіе послѣ себя ни костей, ни раковинъ, ни другихъ слѣдовъ своего брэннаго существованія. По многимъ отдѣльнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ моей пророческой импровизаціи, читатель можетъ замѣтить, что осуществленіе ея принадлежитъ еще весьма отдаленному будущему; по всей вѣроятности, прадѣдушки и прабабушки послѣдняго эстетика и послѣдняго поэта въ настоящую минуту еще не находятся въ утробахъ своихъ матерей; но, не смотря на отдаленность рѣшительной катастрофы, зловѣщіе признаки показываются уже и въ наше время. Такъ, напримѣръ, г. Фетъ, рѣшившись посвятить всѣ свои умственныя способности неутожимому преслѣдованію хищныхъ гусей, сказалъ въ прошломъ 1863 году послѣднее прости своей литературной славѣ; онъ самъ отпѣлъ, самъ похоронилъ ее, и самъ поставилъ надъ свѣжею могилою величественный памятникъ, изъ подъ котораго покойница уже никогда не встанетъ; памятникъ этотъ состоитъ не изъ гранита и мрамора, а изъ печатной бумаги; воздвигнуть онъ не въ обширныхъ сердцахъ благородныхъ россіянъ, а въ тѣсныхъ кладовыхъ весьма неблагодарныхъ книгопродавцевъ; монументъ этотъ будетъ, конечно, не сокрушимѣ бронзы (æge regenpius), потому что бронза продается и покупается, а стихотворенія г. Фета, составляющія вышеупомянутый монументъ, въ наше время уже не подвергаются этимъ не эстетическимъ операціямъ. Эта невыблемая прочность монумента весьма огорчаетъ гг. книгопродавцевъ вообще, а г. издателя стихотвореній, купца Солдатенкова, въ особеннности; эти господа не понимаютъ трагическаго величія этого монумента, и готовы роптать на его несокрушимость; по этому-то я

и называть их неблагодарными; неблагодарность их, мнѣ кажется, можетъ даже дойти до того, что они современемъ сами разобьютъ монументъ на куски, и продадутъ его пудами для оклеиванія коннать подъ обои, и для завертыванія салныхъ свѣчей, мещерскаго сыра и копченой рыбы. Г. Фетъ унизится такимъ образомъ до того, что въ первый разъ станетъ приносить своими произведеніями нѣкоторую долю практической пользы. Согласитесь, что для вѣчнаго поклонника чистой красоты такое «порабощеніе искусства», не снившееся даже г. Ахшарумову должно казаться невыносимо обиднымъ. Я вижу, какъ растроганы всѣ мои чувствительные читатели, и спѣшу отвратить ихъ взоры, отуманенные слезами, отъ этихъ печальныхъ и зловѣщихъ явленій, исподволь подготовляющихъ для нашего потомства окончательное паденіе чистаго искусства. Спѣшу даже утѣшить моихъ стихолюбивыхъ читателей. Мы вѣдь не потомство, мы не люди будущаго. На нашъ вѣкъ хватаетъ и лирической поэзии, и кулачныхъ подвиговъ, и темнаго суевѣрія, и бурныхъ таракановъ, и всякаго другаго снадобья, въ которомъ выражаются даже до сего дня нашъ отечественный бытъ, нашъ доморощенный умъ, и наше народное самосознаніе. Чтобы утѣшить читателя еще болѣе, я кромѣ того попрошу его замѣтить, что въ наше время чистое искусство еще чрезвычайно сильно, и отдѣлаться отъ него почти невозможно, тѣмъ болѣе, что оно до безконечности измѣняетъ свои наружныя формы, и иногда появляется въ такомъ мѣстѣ, и въ такомъ видѣ, въ которомъ чрезвычайно трудно вывести его на свѣжую воду. Вы не думайте, что чистое искусство проявляется только въ пѣсенкахъ «о серебрѣ и колыханіи соннаго ручья», или «о волнахъ ллкующаго звука». Не думайте также, что въ одинъ разрядъ съ этими пѣсенками слѣдуетъ поставить только тѣ романы и повѣсти, которые изслѣдуютъ невысказанныя чувства и неразъясненные недоразумѣнія, растерзавшія два нѣжныхъ сердца, изъ которыхъ одно принадлежало существу мужскаго пола, а другое такому же существу пола женскаго. Это самыя невинныя видоизмѣненія чистаго искусства; ихъ уже давно взяли на замѣчаніе, и кто попадетса на эту удочку, тотъ обличитъ уже или крайнюю неопытность, или несправимую закоснѣлость. Но развѣ мало другихъ видоизмѣненій, болѣе утонченныхъ? Вотъ, напримѣръ, исполнителъ-ловецъ неутюжимо преслѣдующій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» всякую умственную ересь, толкуеть горячо и пространно о «пляшущихъ блудни-

цахъ», о «головкахъ и хвостикахъ недоузданной мысли», о томъ что онъ, московскій Немроудъ, часто превращающійся въ мычащаго Новуходоносора *), всѣхъ умнѣе, честнѣе и благонадежнѣе, и что онъ всякому честному человѣку будетъ смотрѣть прямо въ глаза, до тѣхъ поръ, пока тотъ отвернется, или сморгнетъ. Что долженъ думать читатель, при которомъ производятся такія конфиденціальныя бесѣды, пересыпанныя столь загадочными выраженіями, и столь неожиданными эксцентричностями? Онъ долженъ думать, что читаетъ лирическую пѣсню, и долженъ жалѣть о томъ, что эта пѣсня такъ длинна, и притомъ написана прозою, а неубаюкивающимъ стихомъ г. Фета. А вотъ, напримѣръ, платоническій любитель славянскихъ идей въ сотый разъ повторяетъ въ своей газеткѣ, что наша цивилизація есть ложь, и что свѣдѣнія о самой настоящей правдѣ слѣдуетъ собрать въ самыхъ пыльныхъ архивахъ и въ самыхъ заваливающихся пещерахъ; и все-таки онъ не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и не собираетъ никакихъ матеріаловъ, а только, бѣя себя въ перси, лепечетъ и выкликаетъ слово «ложь», какъ все-сильное заклинаніе противъ всѣхъ неблаголѣпій любезнаго отечества. Очевидно, что онъ, изъ любви къ искусству, пишетъ дифирамбъ, и читателю опять таки приходится пожалѣть, что онъ пишетъ его не стихами; во-первыхъ, онъ въ такомъ случаѣ писалъ бы не такъ быстро, и слѣдовательно, не такъ много; во-вторыхъ, его читали бы еще меньше, и осмѣивали бы больше, чѣмъ читаютъ и осмѣиваютъ теперь. А вотъ, напримѣръ, хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» ежемѣсячно производитъ инспекторскій смотръ прекраснымъ качествомъ своей собственной великой души, и, также ежемѣсячно, проливаетъ горькія слезы надъ печальными заблужденіями и чернило-пролитными ссорами своихъ журнальныхъ собратьевъ. Какъ жаль, скажетъ всякій безпристрастный читатель, что этотъ добрый человѣкъ не пишетъ элегій. Его произведенія можно было бы положить на ноты, и ему сказали бы большое спасибо всѣ уѣздныя барышни, находящія, что «Черная шаль», конечно романсъ неподобный, но что въ немъ, къ сожалѣнію, недостаетъ современнаго колорита граж-

*) Такъ какъ я человѣкъ очень добродѣтельный, и украсить себя павлиньими перьями не желаю, то я долженъ признаться, что уподобленіе московскаго атлета мычащему Новуходоносору взято мною на прокатъ у г. Зайцева.

данской спорби. А весь легионъ сотрудниковъ «Времени», всѣ эти гг. Григорьевы, Страховы, Косицы и всѣ «ихъ же имена богъ вѣсть», развѣ можно не признать ихъ жрецами чистаго искусства, и развѣ можно не поставить ихъ въ этомъ отношеніи гораздо выше гг. Фета, Случевского, Майкова и Крестовскаго. Вся политика, наука и критика «Времени» составляетъ очевидно одну длинную, сладкую, пресладкую, нѣжную, пренѣжную идиллію, написанную въ прозѣ Леонасіемъ Ивановичемъ собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерію Ивановну въ день ея шестьдесятъ седьмаго *) тезоименитства. Собственно, одна Пульхерія Ивановна только и должна была бы читать эту идиллію, а если у «Времени» было, какъ оно говорить, 4,000 подписчиковъ, то это доказываетъ только, что Пульхерія Ивановна у насъ на Руси составляетъ лицо не единоличное, а въ нѣкоторомъ смыслѣ коллегіальное. Да, чистое искусство, вытѣсненное задорными отрицателями изъ области «сладкихъ звуговъ и молитвъ», немедленно влетѣло въ міръ «ворысти и битвъ», и на этой новой почвѣ разрослось съ такою силою и быстротою, какой никто не могъ бы въ немъ предположить. — Читатель, вѣроятно, понимаетъ уже теперь, чтѣ я называю чистымъ искусствомъ, и почему я считаю несправедливымъ ограничивать область этого чужаедаго растенія тѣмъ крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ разводятся для барской потѣхи эстетическія рецензіи, розовые романы и благоухающія стихотворенія. Какъ-бы это было хорошо, кабы чистое искусство процвѣтало въ одномъ этомъ палисадникѣ; тогда можно было-бы уговорить и упросить всѣхъ задорныхъ критиковъ, чтобы они совсѣмъ и незаглядывали въ этотъ палисадничекъ; пускай себѣ растутъ и цвѣтутъ всѣ эти зеленныя милашки; они никого не трогаютъ, и ихъ пускай не трогаютъ. А теперь нельзя. Претъ чистое искусство во всѣ стороны, и поневолѣ приходится, изъ чувства самосохраненія, преслѣдовать его въ томъ самомъ убѣ-

*) Цифра 67 не имѣетъ здѣсь никакого таинственнаго значенія. Она означаетъ только, что Пульхерія Ивановна была уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда сожитель ея поднесъ ей идиллію. Старый дѣдушка писалъ эту идиллію для старой бабушки. Каждый догадливый читатель, вѣроятно, давно уже замѣтилъ это обстоятельство по смиренному тону изложенія и по сладкой неопредѣленности уметвованій. Такъ и слышится въ каждой строчкѣ: охъ-охъ-охъ! Всѣ то-ны люди, всѣ чоловѣки!

жищѣ, въ которомъ оно съ незапамятныхъ временъ устроило себѣ теплое гнѣздышко. Итакъ, что же такое чистое искусство? А вотъ видите ли, человѣкъ пользуется своимъ навыкомъ для того, чтобы выразить свои мысли, чувства и потребности; когда онъ дѣйствуетъ такъ, тогда разговоръ приноситъ пользу или удовольствіе ему, или его слушателю, или тому и другому вмѣстѣ. Тутъ разговоръ служитъ средствомъ, а цѣль разговора лежитъ внѣ его предѣловъ; стало быть, тутъ нельзя сказать, что разговоръ производится для разговора. Но въ большей части случаевъ, человѣкъ пользуется языкомъ для того, чтобы убить время. Разговоръ самъ себѣ становится цѣлью. Французы съ гордостью говорятъ о себѣ, что они создали искусство разговора—*l'art de la causerie*. За то, Базаровъ умоляетъ Аркадія не говорить красиво и по своей медвѣжьей грубости уверяетъ, что говорить красиво свойственно только людямъ совершенно пустоголовымъ. Если мы припомнимъ, что искусство *de la camserie* процвѣтало при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI, и что оно воздѣлывалось маркизами и графинями, систематически притуплявшими свои умственные способности съ самой ранней молодости, то мы принуждены будемъ сознаться, что нашъ грубый землякъ Базаровъ рассуждаетъ весьма не почтительно, но довольно основательно. Примѣненіе чистаго искусства къ человѣческому разговору оказывается вреднѣйшимъ средствомъ развратить и ослабить умственные способности, и вселить въ лужавое сердце человѣка необходимую любовь къ извивающейся фразѣ, и неодолимое отвращеніе ко всякому серьезному труду мысли. Вообразимъ себѣ теперь, что искусство салонной бесѣды успѣло развиться во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; очевидно, могло и должно было случиться, что изъ общей массы бесѣдующихъ выдѣлились бы специалисты своего дѣла, художники-болтуны, которымъ стали бы платить деньги, по столько-то за часъ или за вечеръ, какъ платятъ танеру, живцу или чтецу: поговори только, отецъ родной, небесѣдуй!—Этого не случилось въ отношеніи къ разговору даже во Франціи прошлаго столѣтія; но въ отношеніи къ письменному изложенію мыслей, это случилось во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы. Всякій умѣетъ говорить, но не всякій умѣетъ писать; поэтому и платятъ литературѣ деньги, не только за мысль, за изслѣдованіе, за умственный трудъ, а, сверхъ всего этого, за то еще, что вотъ ты, дескать, соколъ ясный, стужалъ связать слова въ предложенія, и предложенія въ періоды. И

это совершенно справедливо, потому что не всё умѣютъ это сдѣлать самыя хорошия и оригинальныя мысли часто становятся для общества недоступнымъ сокровищемъ, единственно оттого, что онѣ разбросаны въ такомъ безпорядкѣ, и покрыты такимъ туманомъ, въ которомъ безхитростный читатель, не видитъ ни начала, ни конца, ни середины, а видитъ только «хаоса бытность довременну». Когда принимается за дѣло какойнибудь умный и трудолюбивый человекъ, неимѣющий однако ни малѣйшаго притязанія на гениальность; онъ рассеиваетъ туманъ, и превращаетъ хаосъ въ прекрасный садъ, въ которомъ растетъ древо познанія добра и зла. Онъ овладѣваетъ тѣми матеріалами, которые даны ему въ хаотическихъ твореніяхъ оригинальнаго генія; онъ перерабатываетъ чужія мысли, но если бы онъ ихъ не перерабатывалъ, то онѣ остались бы мертвымъ капиталомъ, и не обнаружили бы ни малѣйшаго вліянія на умственную жизнь остальныхъ людей. За подобный трудъ стоитъ платить деньги, и, кромѣ того, стоитъ удѣлять популяризатору часть того уваженія, которое достается оригинальному гению. Но въ каждомъ обществѣ бывають между писателями люди неглупые и нелишенные дарованій, а между тѣмъ питающіе глубочайшее отвращеніе ко всякому умственному и тяжелому труду. Оригинальными гениями, бросающими въ міръ новыя идеи, эти люди не могутъ быть: силъ не хватаетъ. Терпѣливыми популяризаторами они не хотятъ быть: гѣмъ одолѣла. Читаетъ эти люди только то, что доведено предварительною обработкою до послѣдней степени ясности; мысли и взгляды свои они почерпаютъ изъ популярныхъ книгъ и статей; такимъ образомъ они учатся въ одной школѣ со всею массою читающаго общества; между тѣмъ въ этихъ господахъ бодрствуетъ бессмертный духъ Петра Ивановича Бобчинскаго; съ одной стороны, имъ хочется заявить о своемъ существованіи, а съ другой стороны, имъ желательно приобрѣсти побольше денегъ легкою работою литературнаго перетряхиванья изъ кулъка въ рогожку. Тогда они начинаютъ перефразировать мысли, полученныя ими изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; мысль, вполнѣ разъясненная первымъ популяризаторомъ, становится для этихъ милыхъ умственныхъ паразитовъ основнымъ мотивомъ, на которомъ разыгрываются десятки вариаций; если вы сравните вариацию съ мотивомъ, то увидите, что вариация нисколько не яснѣе самого мотива, и что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельную работу мысли. Вся работа паразита состоитъ въ томъ,

что онъ измѣнилъ слова и обороты. Такъ какъ о мысли уже заботиться нечего, то все вниманіе паразита сосредоточивается на формѣ; онъ не убѣждаетъ читателя, онъ ничего не доказываетъ, онъ просто повлоряетъ то, что уже доказано другими, и что уже проведено этими другими въ сознаніе читателя; поэтому, паразиту надо устроить только такъ, чтобы читатель не замѣтилъ избитости той мысли, которую ему подносить; надо прикрыть убожество паразитизма эффектностью внѣшней формы; надо и соловьемъ свистать, и лягушкой квакать, и въ грудь себя колотить, и слезами обливаться, и конструкція необыкновенныя употреблять, и главное трещать, трещать и трещать такъ, чтобы у читателя въ ушахъ зазвенѣло. Ну, читатель и ротъ разинетъ, бѣдность и безсиліе мысли, взятой съ барскаго плеча, проскользнуть незамѣченными, и счастливый паразитъ получить большія деньги, и приобрести репутацію блестящаго писателя и полезнаго двигателя отечественнаго прогресса.

II.

Литературныхъ паразитовъ чрезвычайно много, но изъ темной и жалкой толпы умственного пролетаріата выдвигаются только тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ усвоить себѣ гибкую и разнообразную форму выраженія. Эти блестящіе паразиты дѣйствительно доводятъ форму до невѣроятнаго совершенства. Они выдѣлываютъ на своемъ языкѣ такія-же изумительныя ругады, какія Контскій выдѣлываетъ на скрипкѣ, или Рубинштейнъ на фортепьяно. Когда эта виртуозность приобретена навыкомъ и практикою, тогда, разумѣется, слѣдуетъ ею пользоваться; это капиталъ, съ котораго надо брать проценты. И вотъ гдѣ всякому простодушному читателю приходится только глазами хлопать и диву даваться! Приходится присутствовать при сотвореніи міра въ малыхъ размѣрахъ: все творится изъ ничего; пустота прикидывается полнотою, и такъ естественно прикидывается, что остается только плечами пожимать: художникъ, артистъ, профессоръ бѣлой магіи, Беско и даже Михайла Васильевичъ! Разумѣется, публика ахаетъ и восхищается, да и нельзя не восхищаться; когда чудеса во очію совершаются! Когда паразитъ начинаетъ брать проценты съ своего капитала, тогда онъ просто и рѣшительно творитъ для того, чтобы къ чему-нибудь приглядывать

свою техническую ловкость. Онъ вовсе не имѣетъ потребности вы-
сказывать обществу какія-нибудь идеи; у него нѣтъ такого чувства,
которое настоятельно искало бы себѣ выхода и проявленія; онъ во-
все не желаетъ сознательно подѣйствовать на развитіе общества въ
томъ или въ другомъ направленіи; онъ не мыслитель, не обще-
ственный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь зна-
ченіи этого слова; онъ статейныхъ, романыхъ или стиховныхъ дѣлъ
мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы
его умѣніе пропадало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда вы-
учился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавро-
выхъ вѣнговъ, когда есть добрые люди, рассыпающіе въ приличномъ
изобиліи то и другое? Разсужденіе безукоризненно вѣрно, и это раз-
сужденіе ведетъ прямымъ путемъ къ полному торжеству и безгра-
ничному господству чистаго искусства. Одни люди пишутъ потому,
что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чув-
ства; ясно, что мысль и чувство ихъ, служащія причиною творче-
скаго процесса, возбуждены впечатлѣніями, независимыми отъ этого
процесса. Другіе люди пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на об-
щество; цѣль дѣятельности независима отъ процесса, какъ это мы
видимъ у Бѣлинскаго, Добролюбова и автора: «Что дѣлать?» Третьи
пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать и могутъ писать
безъ малѣйшаго труда, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоу-
хаетъ; у нихъ творчество безпричинно и безцѣльно; те есть, если
хотите, причина и цѣль есть, но онѣ не могутъ имѣть вліянія на
направленіе творческаго процесса; положимъ, что стиходѣлатель хо-
четъ принести къ своему теплomu пальто бобровый воротникъ; вотъ
побудительная причина, заставляющая его обмокнуть перо въ чер-
нильницу; между тѣмъ онъ, во всей вѣроятности, станетъ писать
не о бобровыхъ воротникахъ, а о превратностяхъ судьбы, дости-
вшихъ трехъ древнихъ мудрецовъ, или о несчастіяхъ бѣдной дѣвочки,
умершей весной подъ звуки отцовской сирени, или вообще о чѣмъ
нибудь высокомъ и прекрасномъ, неизмѣющемъ ничего общаго съ
обморозительною выставною сосѣдняго мѣховщика. Цѣль также есть,
стиходѣлатель желаетъ продать свое стихотвореніе въ журналъ, да
взять подарочекъ, да прихватить, коли дадутъ, хорошій задатокъ; но
смотря на то, Сенка, Луканъ и Люцій разсуждаютъ весьма горячо
о безсмертій души, а совѣтъ не о томъ, гдѣ больше дадутъ, въ
«Современникѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ»; и умирали

Мая также интересуется въ свои послѣднія минуты весеннею за-
лелью, вмѣсто того, чтобы смущать себя немотливымъ вопросомъ:
отпустить ли моль изъ «Русскаго Слова» рублей пятьдесятъ вне-
редъ? Ясно, стало быть, что критика и цѣль не проникаютъ въ
святилище творчества; святилище остается неоскверненнымъ, и люди,
тоскующіе о бобровомъ воротникѣ, и мечтающіе о плѣнительномъ
задаткѣ, могутъ быть признаны достойными жрецами чистаго искус-
ства. Вопросъ, конечно, нисколько не измѣнится, если вмѣсто бо-
броваго воротника я поставлю стремленіе къ литературной славѣ, а
вмѣсто задатка въ 50 рублей—рукопожатія на публичномъ чтеніи.
Жрецъ чистаго искусства въ томъ или въ другомъ случаѣ останет-
ся вѣренъ своему призванію, и въ томъ или въ другомъ случаѣ
останется великолѣпнѣйшимъ экземпляромъ породы паразитовъ. Если
читателю не совѣтъ ясно, почему наши лирическіе поэты, пред-
ставляющіе полное отсутствіе мысли, могутъ быть включены въ раз-
рядъ паразитовъ, покидающихъ чужую мысль, то я немедленно раз-
рѣшу это недоумѣніе. Лирическіе поэты наши питаютъ свое убоже-
ство тѣми мельчайшими крупницами мысли и чувства, которыя со-
ставляютъ всеобщее достояніе всѣхъ людей, глупыхъ и умныхъ,
образованныхъ и необразованныхъ, честныхъ и подлыхъ. Всякій че-
ловѣкъ ощущаетъ что нибудь, когда смотритъ на красивую женщи-
ну, и всякій знаетъ это ощущеніе и повимаетъ, что оно и другимъ
извѣстно, и что, стало быть, о немъ рассказывать бесполезно и он
интересно. Но лирики, подобно птицѣ колибри, питаются цвѣточною
пылью; они даже это мельчайшее и извѣстнѣйшее чувство обратили
въ свою собственность, и стали извлекать изъ него доходъ, благо-
даря своему умѣнію творить все изъ ничего, и надѣвать на неося-
заемую пыль легкотканная и весьма пестрая одежды изъ ямбовъ,
хореевъ, анапестовъ, дактилей и амфибрахіевъ. Лирики, какъ мел-
кія птички въ великой семьѣ паразитовъ, пробавляются тѣмъ, что
уже всѣ знаютъ, и чѣмъ никто, кромѣ лирика, не можетъ и не хо-
четъ пользоваться. Другіе паразиты, болѣе крупныя, эксплуатируютъ
въ свою пользу не крупницы чувства, и не зародыши мысли, а цѣ-
лыя большія чувства, и цѣлыя развившіяся мысли. Этими жрецами
чистаго искусства поглощаются замѣчательныя теоріи, и величе-
ственныя міросозерцанія. Есть между этими жрецами воробьи, но
есть и слоны, и такъ какъ большому кораблю и большое плаваніе,
то слоны, разумѣется, овладѣваютъ самыми широкими и самыми

смѣлыми міросозерцаніями. Они толкуютъ съ чужаго голоса о самыхъ важныхъ и великихъ вопросахъ жизни; они разыгрываютъ свои варіаціи съ такимъ апломбомъ и съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что читатель робѣетъ и почтительно склоняетъ передъ ними голову. Но храмъ чистаго искусства одинаково отворенъ для всѣхъ своихъ настоящихъ поклонниковъ, для всѣхъ жрецовъ, чистыхъ сердцемъ и невинныхъ въ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому обстоятельству, читатель, изумляясь, и не бѣря глазамъ своимъ, увидитъ за однимъ и тѣмъ же жертвенникомъ съ одной стороны, нашего маленькаго лирика, г. Фета, а съ другой стороны, нашего большаго юмориста, г. Щедрина. Это съ невыычки столь удивительно, что надо начать новую главу.

III.

Да, г. Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полною справедливостію можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Г. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣятельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватить его обличительная стрѣла — въ своихъ или въ чужихъ, «въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ»). Онъ пишетъ рассказы, обличаетъ неправду, и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ, и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора, его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны, и съ гигиенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху г. Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустные и серьезные ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя, и вообще

*) Сія послѣдняя острота, побивающая разомъ и титулярныхъ совѣтниковъ и нигилистовъ, украшаетъ собою страницы „Современника“, (см. „Наша общественная жизнь“) 1864 г. Января.

всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ. Г. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца, и смѣется не столько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ рассказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ значительно выдохнется и ослабѣетъ. Чтобы размѣшить читателя, г. Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе *salto-mortale*, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ; главное дѣло — ракету пустить, и смѣхъ произвести; эта цѣль оправдываетъ всѣ средства, узаконяетъ собою всякія натяжки, и, разумѣется, достигается, потому что все остальное безъ малѣйшаго колебанія приносится ей въ жертву. Эта особенность въ литературной дѣятельности г. Щедрина объясняетъ въ значительной степени постоянный успѣхъ его произведеній. Когда мы были расположены ворковать по голубиному, тогда мы упивались г. Фетомъ; когда мы пожелали смѣяться, тогда мы стали обожать г. Щедрина; смѣхъ во всякомъ случаѣ представляетъ собою болѣе нормальное отправленіе человѣческаго организма, чѣмъ воркованіе, и поэтому переходъ отъ г. Фета къ г. Щедрину обозначаетъ собою нѣкоторый прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ г. Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанію и нашему человѣческому совершенствованію такъ же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣльное воркованіе г. Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ, и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло, идемъ за вѣкомъ, и обновляемъ нашимъ невиннымъ смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ г. Щедрина убаюкиваетъ и располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собою этотъ серебристый смѣхъ, все тяжелое безобразіе нашей жизни производитъ на насъ легкое и отрадное впечатлѣніе. Мы смѣемся и теряемъ силу пегодовать; личность веселаго разсказчика и неистощимаго балагура заслоняетъ отъ насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій; мы смѣемся, и склоняемъ голову на подушку, и тихо засыпаемъ, съ дѣтскою улыбкою на губахъ. Вотъ тутъ мы и можемъ измѣрить громадное разстояніе, отдѣляющее людей, дѣйствительно чувствующихъ, отъ тѣхъ людей, которые служатъ съ безукоризненнымъ усердіемъ чистому искусству. Сравните, напримѣръ, Писемскаго съ г. Щедринымъ. —

Г. Щедринъ — писатель, пріятный во всёхъ отношеніяхъ; онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогресистовъ, сегодня съ «Русскимъ Вѣстникомъ», завтра съ «Современникомъ», послѣ завтра еще съ кѣмъ-нибудь, но непремѣнно въ первомъ ряду; для того, чтобы удерживать за собою это лестное положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя маленькія передвиженія, приводящія незамѣтнымъ образомъ къ полному повороту на лѣво кругомъ; въ концѣ пятидесятихъ годовъ, г. Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружалъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, авторъ «Губернскихъ очерковъ» не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ, котораго наши добрые соотечественники сначала на рукахъ носили, а потомъ, разумѣется, осмѣяли. Когда великосвѣтскій литераторъ такимъ образомъ опростоволосился, когда идеальный чиновникъ былъ доведенъ до послѣднихъ границъ картонности трудами чувствительныхъ писателей, подобныхъ г. Львову, тогда г. Щедринъ, счастливо выбравшійся изъ этого кораблекрушенія, тотчасъ началъ растирать въ порошокъ фигуру Надимова, и притомъ растирать ее тѣмъ же самымъ отрицаніемъ, которымъ онъ ее соорудилъ. Изъ тона г. Каткова онъ перешелъ въ тонъ Добролюдова. Держась постоянно хорошаго общества, то есть общества прогресистовъ, г. Щедринъ постоянно велъ себя, «чинно, благопристойно и вѣжливо», соблюдая «чистоту и опрятность въ одеждѣ», то есть, онъ никогда не огорчалъ своихъ товарищей по прогрессу какою-нибудь рѣзкою выходкою, хотя случалось не рѣдко, что онъ не попадалъ въ тактъ людей, къ образу мыслей которыхъ онъ пристраивался съ боку. Формулярный списокъ г. Щедрина какъ литератора совершенно чистъ; литературная служба его безпорочна: служилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», служить теперь въ «Современникѣ»; удовлетворялъ прежде однимъ требованіямъ, теперь также хорошо и отчетливо удовлетворяетъ другимъ; ни тогда, ни теперь онъ не произвелъ такого скандала, который бы изумилъ читателей, и привелъ въ негодованіе лучшихъ представителей нашего общественнаго сознанія. Г. Писемскаго, напротивъ того, нельзя назвать даже просто пріятнымъ писателемъ; сходится онъ съ людьми самыхъ сомнительныхъ убѣжденій, и ведетъ себя часто совершенно «безчинно, неблагопристойно и невѣжливо»; скандалы производитъ на каждомъ шагу, и упреки въ обскурантизмъ сыплются на него со всёхъ сто-

ровъ; онъ не развитъ и не образованъ, и вполнѣ заслуживаетъ эти упреки своею грубою безтактноcтью. Но вотъ что любопытно замѣтить. Г. Щедринъ, какъ дѣйствительно статскій прогрессистъ, долженъ очевидно осуждать нашу родиную безалаберщину гораздо строже и сознательнѣе, чѣмъ г. Писемскій, котораго образъ мыслей загроможденъ предразсудками, противорѣчiями и разлагающимися остатками кошихинской старины. Между тѣмъ, на повѣрку выходитъ, что произведенiя г. Писемскаго каждому не предубѣжденному читателю внушаютъ гораздо болѣе осмысленной ненависти и серьезнаго отвращенiя къ безобразiю нашей жизни, чѣмъ сатиры и рассказы г. Щедрина. Критикъ «Современника» въ ноябрьской книжкѣ 1863 года, разбирая «Горькую Судьбину» Писемскаго, жалуется на то, что произведенiя этого писателя производятъ невыносимо-тяжелое впечатлѣнiе, и заставляютъ читателя испытывать чувство нестерпимой духоты; причину этого обстоятельства критикъ ищетъ въ томъ, что у Писемскаго нѣтъ идеала; объясненiе это кажется мнѣ довольно страннымъ; жалоба также очень оригинальная. Проще было бы сообразить, что романъ или драма даютъ читателю тѣже впечатлѣнiя, какiя дала автору сама жизнь. Вѣроятно «Современникъ» не рѣшится отвергать присутствiе духоты въ нашей жизни, а если она существуетъ въ жизни, то я не вижу резона, за чѣмъ ее выкуривать изъ романовъ и драмъ. Г. Писемскому душно и больно, когда онъ берется за перо, и оттого каждый фактъ, изображаемый имъ, бьетъ читателя, какъ обухомъ по головѣ, а совокупность картины потрясаетъ всю нервную систему читателя неотразимымъ впечатлѣнiемъ ужасающей дѣйствительности. А тамъ ужъ ваше дѣло осмысливать себѣ испытанное ощущенiе, и отыскивать причины той духоты и того мрака, которые охватили васъ во время чтенiя. Авторъ заставилъ васъ перечувствовать то, что онъ чувствуетъ самъ, и вы можете быть на него въ претензiи только въ томъ случаѣ, если вы полагаете, что наша жизнь свѣтла, прекрасна и богата разумными наслажденiями, доступными для каждой человѣческой личности. Если же вы этого не думаете, тогда вы должны согласиться, что романы и повѣсти непрiятнаго обскуранта Писемскаго дѣйствуютъ на общественное сознанiе сильнѣе и живительнѣе, чѣмъ сатиры и рассказы прiятнаго во всѣхъ отношенiяхъ и прогрессивнаго г. Щедрина. Когда г. Писемскій начинаетъ разсуждать, тогда хоть святыхъ вонъ неси, но когда онъ даетъ сырые матеріалы, тогда читателю приходится за-

думываться надъ ними очень глубоко. Г. Щедринъ, напротивъ того, очень отчетливо и благообразно рассуждаетъ по Добролюбову, очень мило смѣшитъ читателя до упаду своею простодушною веселостью; но вы можете прочитать отъ доски до доски всё его сатиры и рассказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ будто-бы вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ, и посмотрѣли извѣстный французскій водевиль: «L'Amour qu'e qu'c'est qu'ca». Г. Писемскій способенъ написать романъ съ самыми не позволительными тенденціями, и онъ вполне обнаружилъ эту способность въ своемъ послѣднемъ, отвратительномъ произведеніи, но за то онъ способенъ написать и такую вещь, которая, какъ его «Тюякъ», характеризуетъ грязь нашего провинціального общества гораздо полнѣе и ярче, чѣмъ всё юмористическія диссертациі г. Щедрина о «нашихъ глуповскихъ дѣлахъ»; за то онъ создалъ «Горькую Судьбину» и «Батьку», и въ этихъ произведеніяхъ очертилъ трагическую сторону крѣпостнаго права съ такою страшною силою, которая останется на всегда недоступною для г. Щедрина. Г. Писемскаго вы сегодня можете ненавидѣть, и ненавидѣть за дѣло, но вчера вы его любили, и любили также за дѣло; что же касается до г. Щедрина, то его не за что ни любить, ни ненавидѣть; въ его книгѣ нельзя видѣть ни друга, ни врага; его книга ничто иное, какъ веселый собесѣдникъ, съ которымъ пріятно бываетъ побалагурить часъ-другой, послѣ хорошаго обѣда, или на сонъ грядущій. Зная беззаботные нравы нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ, и принимая въ расчетъ невинность щедринскаго юмора, и заразительную веселость его добродушнаго смѣха, мы съ читателемъ въ одну минуту сообразимъ, почему г. Щедринъ съ перваго появленія своего на литературномъ поприщѣ вошелъ во вкусъ нашей читающей публики, и преимущественно тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые сатира его преслѣдуетъ съ неумолимымъ постоянствомъ. Конечно, провинціальныя чиновники съ самого начала было перекопфузились, полагая, что сатира служить предвѣстницею грома; но, такъ какъ громъ не грянулъ, то догадливые провинціалы скоро успокоились, возлюбили веселаго г. Щедрина всѣмъ сердцемъ своимъ, и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. Оно и естественно. Въ томъ обществѣ, въ которомъ «Сынъ Отечества» имѣетъ десятки тысячъ читателей, г. Щедринъ неизбѣжно долженъ считать десятки тысячъ поклонниковъ. Легкая наука «Сына Отечества,» и легкій смѣхъ

г. Щедрина, и легкая мечтательность г. Фета связаны между собою тѣсными узами умственного родства. Всѣ эти писатели пишутъ для процесса писанія, а публика всѣхъ ихъ читаетъ для процесса чтенія. Изъ этого происходитъ удовольствіе взаимное, безгрѣшное и прелепорочное.

IV.

Но читатель мнѣ не вѣрить; читатель убѣжденъ, что я преувеличиваю. Я съ своей стороны совершенно одобряю недовѣріе читателя, потому что терпѣть не могу, чтобы мнѣ вѣрили на слово. Я тотчасъ выдвину впередъ доказательства; я выберу изъ сочиненій г. Щедрина нѣсколько смѣхотворныхъ пассажей, и мы съ читателемъ посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ юмористическая соль. Предупреждаю, что выписокъ будетъ премного, потому что коли доказывать, такъ ужъ доказывать неотразимо. Вотъ, напримѣръ, г. Щедринъ рассказываетъ, что одинъ губернаторъ имѣлъ привычку повторять по цѣлымъ днямъ какое нибудь слово; вздумаетъ говорить: *закона нѣтъ* такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона.» До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона.»

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный! замѣтить бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! возразить губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона,» начинаетъ пилить: «ахъ матушка.»

«Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями повергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтоваго сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка», и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія вышшаго начальства.

— На что это похоже! сказывалъ онъ мнѣ: у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!» Неправда ли читатель, что это замысловатая выдумка сатирика по своему остроумію и по своей безобидности не уступитъ лучшимъ карриатурамъ «Сына Отечества»? Это мѣсто находится въ книжкѣ «Сатиры въ прозѣ,» на страницѣ

286 — 287; исторія о губернаторскихъ поговоркахъ этимъ еще не оканчивается, но слѣдить за ея продолженіемъ я считаю дѣломъ роскоши. Перейдемъ къ другимъ забавамъ.

Говорится, напримѣръ, о провинціальныхъ смелтияхъ, и сатиричъ, объятый веселымъ волненіемъ, восклицаетъ: «Какое дѣло кабаней женѣ, что поросенковъ брать третьяго дни съ свиной племянницей черезъ плетень нюхался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до выступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять пороссячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные пороссячьи амурь.» — *A la bonne heure*, вотъ это сатира! Каковъ великодушный пылъ негодованья! Какова возвышенная смѣлость рѣчи! А главное, каково остроуміе, и какова неистощимая веселость въ самомъ разгарѣ душевнаго волненія! Что Ювеналъ! Ему и не грезались такіе обороты. Свиныи, говорить, вы, провинціалы! но говорить не просто, а съ тонкими намеками, указывая на «пороссячью безнравственность» и «пороссячьи амурь.»

Мягко, а между тѣмъ, язвительно! — Одинъ изъ героевъ г. Щедрина, Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда Глупова, говорить, ради остроты: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ» и потомъ спрашиваетъ на счетъ своей выдумки: «*joli*? Но до «тайныхъ пороссячьихъ амуровъ» самъ Пьеръ Уколкинъ никогда не возвысится; за то г. Щедринъ постоянно мигаетъ своему читателю и, подобно Пьеру Уколкину, постоянно спрашиваетъ на счетъ своихъ остротъ: «*joli*? Вопросы и миганія не выражены въ печати, но они живо чувствуются въ архитектурѣ самыхъ остротъ. Пороссячье мѣсто смотри на страницѣ 372. — Рассказывается эпизодъ изъ политической исторіи Глупова: «Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли, саміи, что называется, горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. — «Скажите, что жъ вы желали бы? настаивала Минерва, и даже топнула пошкой отъ петерифнѣя. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было!» Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали, и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться

Иванушка-дурачокъ, когда ему куклишь показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами» (Стр. 407.) Это забавное мѣсто заключаетъ въ себѣ философію исторіи, популярно изложенную г. Щедринымъ для пороссячьихъ братьевъ и для свиныхъ племянницъ. Изъ этого мѣста мы можемъ извлечь кое-какія поучительныя размышленія: во-первыхъ, мы усматриваемъ, что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ, который, вѣроятно, очень значительно отличается отъ смѣха г. Щедрина; во-вторыхъ, мы видимъ, что Минерва отличалась безконечною благодатью, и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, но теперь будемъ знать, и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты, что, впрочемъ, говорить уже намъ г. Гончаровъ, создавшій Обломова и выдумавшій Обломовщину, какъ болѣзнь, и Штольца, какъ лекарство; а въ третьихъ, мы замѣчаемъ, что по-вѣствовать о губернаторскихъ поговоркахъ, и разоблачать тайны пороссячьихъ амуры легче и безопаснѣе, чѣмъ пускаться на утлой ладѣ сатирическаго ума въ неизвѣстное и непонятное море историческихъ и политическихъ соображеній; ну, а въ четвертыхъ и въ послѣднихъ, мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ не всегда вывозитъ, и что г. Щедринъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, разсуждаетъ о высокихъ матеріяхъ не столько благоразумно и основательно, сколько развязно, игриво и простоудушно. Но, такъ какъ поросенковы братья и свиныи племянницы хохочутъ надъ потѣющими глуповцами, то цѣль великаго сатирика очевидно достигнута. «Joli?» спрашиваетъ онъ и мигаетъ.

Описываются глуповскія губернскія власти: «Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуховѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была страшная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется, бывало, губернский синклитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать — даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!»—(стр. 410) Здѣсь сатирикъ нашъ, очевидно, находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять составляетъ въ остроуміи и невинности съ «Сыномъ Отечества,» и опять одерживаетъ блиста-

тельную побѣду надъ своимъ опасѣйшимъ конкурентомъ. Всѣ плѣшивые — ахъ, забавникъ! А управляющій палатой кажется плѣшивымъ — каково? и *учнетъ* толковать, и *мухи умрутъ*, и *таково оно тошно!* Ну можно ли въ двухъ строкахъ собрать столько антической соли! Вѣдь явно посягаетъ человекъ на жизнь своихъ глуповскаихъ читателей; вѣдь уморить со смѣху хочетъ! Просто приходится пощады просить. А фантазія какова: «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ!»! Этого и Державинъ бы не выдумалъ, а ужъ на что, кажется, былъ проказникъ. Оно положимъ непонятно: какъ это мухи умрутъ. Оно, положимъ, и смысла нѣтъ; но развѣ Державинъ могъ бы писать, если бы отъ писателя всегда требовался смыслъ. Да и что такое смыслъ? Лукавый врагъ пріятныхъ и величественныхъ иллюзій. Прочъ здравый смыслъ, и да здравствуютъ иллюзіи, начиная отъ державинскихъ и кончая щедринскими! «Умъ молчитъ а сердцу ясно.» Ну, значить, милые глуповцы, понимающіе сердцемъ стихи Державина, будутъ также сердцемъ хохотать надъ сатирами г. Щедрина, потому что уму и здравому смыслу нечего дѣлать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Читателя изумляетъ, почему это я вдругъ Державина потревожилъ; а вотъ, видите ли, юмористическая фантазія г. Щедрина на счетъ мухъ напомнила мнѣ другія фантазіи торжественнаго свойства, менѣе забавныя, но еще болѣе нелѣпыя; ну, и тутъ, конечно, представился мнѣ самый торжественный изъ нашихъ одопѣвцевъ, а такъ какъ я очень люблю и уважаю г. Державина, то я и неутерпѣлъ, чтобы не приласкать его мимоходомъ, при семъ удобномъ случаѣ. Къ тому же г. Щедринъ, какъ новѣйшій жрецъ чистаго искусства, болѣе или менѣе приводитъ мнѣ на память всѣхъ своихъ товарищей и предшественниковъ на поприщѣ этого великаго служенія.

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: «Въ это хорошее, сторое время, когда собирались гдѣ либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлець, такъ смотришь? говорятъ одинъ «хорошій» человекъ другому.

— Помилуйте... отвѣчалъ другой «хорошій» человекъ, нравомъ помирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте,» а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый хорошій человекъ.

— Да помилюйте-съ...

... И баць въ рыло!..

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лахань (такъ въ просторѣчїи назывались лица «хорошихъ» людей!), виѣшивался, случавшійся тутъ, третій «хорошій» человѣкъ!

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя... (Стр. 418)

Вы смѣтаете, читатель, и я тоже смѣюсь, потому что нельзя не смѣяться. Ужъ очень большой артистъ г. Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужъ такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена-то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и прїятное, потому что вы видите передъ собою только смѣшныя слова, а не грязныя поступки; вы думаете только о затѣяхъ г. Щедрина, и совершенно забываете глуповскіе нравы. Я знаю, что эстетическіе критики называютъ это просвѣтляющимъ и примиряющимъ дѣйствіемъ искусства, но я въ этомъ просвѣтленіи и примиреніи не вижу ничего кромѣ одурающаго. Разсказъ долженъ производить на насъ тоже впечатлѣніе, какое производитъ живое явленіе; если же жизнь тяжела и безобразна, а разсказъ заставляетъ насъ смѣяться прїятнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ смѣхомъ, то это значитъ, что литература превращается въ щекотаніе пятокъ, и перестаетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Чтобы предлагать людямъ такое чтеніе, не стоитъ отрывать ихъ отъ карточныхъ столовъ. Здѣсь я опять укажу на Писемскаго. «Взбаломученное море,» при всей затхлости своихъ тенденцій, представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ. Припомните, напримѣръ, дѣянія Іоны-циника: тутъ ужъ не засмѣетесь; тутъ за человѣка страшно сдѣлается, а между тѣмъ Іона-циникъ вовсе не хуже щедринскихъ героевъ; среда таже самая, и порожденія ея одинаковы; да манеры-то у писателей бываютъ различныя: одинъ чувствуетъ, что калеки и изверги нашей общественной жизни все-таки люди, которыхъ можно ненавидѣть, презирать, отвергать, но къ которымъ невозможно относиться, какъ къ маріонеткамъ, созданнымъ нашими руками для нашей забавы; а другой ищетъ только случая носмѣяться, водить передъ читателями своихъ глуповцевъ, какъ медвѣдей на цѣпи, и заставляетъ ихъ показывать почтеннѣйшей публикѣ, «какъ малые ребята горохъ воруютъ,» и

«какъ старыя бабы на барщину ходить.» Если Писемскій своими грубыми ухватками оскорбляетъ наши временныя симпатіи, то г. Щедринъ своимъ юмористическимъ добродушіемъ обнаруживаетъ непониманіе вѣчныхъ интересовъ человѣческой природы. Есть язвы народной жизни, надъ которыми мыслящій человѣкъ можетъ смѣяться только желчнымъ и саркастическимъ смѣхомъ; кто въ подобныхъ случаяхъ смѣется ради пищеваренія, тотъ сбиваетъ съ толку общественное сознаніе, тотъ усыпляетъ общественное негодованіе, тотъ ругается надъ священною личностью человѣка, и, стоя въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ, юродствуетъ хуже всякаго обскуранта. Но зато выходитъ *joli*, и даже *trés joli*.

Гегемоніевъ преподаетъ наставленіе Потапчикову: «А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потапчиковъ, и Очинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же вещь становой есть, ни мало ни много, невещественныхъ отношеній невещественное изображеніе... шутка! («Невинные рассказы. Стр. 8.)» Ну, объ этомъ распространяться нечего; это очевидно «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ патнадцать, наше вамъ-съ;» шутка эта даже не отличается самостоятельностью; она заимствована изъ «Обыкновенной исторіи» г. Гончарова, гдѣ Александръ Адуевъ говоритъ о «вещественныхъ знакахъ невещественныхъ отношеній;» тамъ это выраженіе умѣстно, а здѣсь поставлено ни къ селу, ни къ городу; конечно, г. Щедринъ можетъ сказать, что онъ не заимствовалъ, и что геніальныя умы, идя самостоятельными путями, часто встрѣчаются между собою на одномъ и томъ же открытіи, но это возраженіе мало поможетъ нашему балагуру, потому что открытіе все-таки приписывается обыкновенно тому, кто первый его обнаружилъ; стало быть, въ этомъ случаѣ честь изобрѣтенія останется неотъемлемою принадлежностью г. Гончарова. А вѣдь много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная г. Щедрина, какъ весьма передоваго прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого нибудь высшаго и таинственнаго смысла; они даже не повѣрятъ заглавію книжки: «Невинные рассказы». Скажутъ: знаемъ мы тебя, какой ты невинный, и все-таки будутъ искать, и, разумѣется, каждый найдетъ все, что захочетъ найти. Въ бессмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего собственнаго, яснаго и опредѣленнаго смысла. И когда каждый найдетъ все, что захочетъ найти, то, конечно, слава г. Щедрина, какъ передоваго про-

грессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца, и давая чувствовать, что и радъ бы, да нельзя, потому что не время, потому что не поймутъ. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить ее и дразнить ея ребяческое любопытство гіероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которою Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться мировыми гениями. Для этого не надо обладать даже тою дозою дешеваго ума, которою обладали Меттернихъ и Тайлеранъ, для этого достаточно усвоить себѣ извѣстнаго рода споровку и жаргонъ. Какъ простодушна и довѣрчива наша публика, это можно видѣть на самомъ г. Щедричѣ; нашъ сатирикъ ухитрился самого себя обморочить жаргономъ и споровкою своего собственного изобрѣтенія; онъ, не шутя, принимаетъ себя за глубокомысленнаго прогрессиста, соединяющаго протость голубя съ мудростью амія; въ своемъ заглавіи «Невинные рассказы» онъ думалъ затанъ глубокую и горькую иронию; онъ думалъ, что невинность будетъ только внѣшнимъ лакомъ, сообщающимъ его рассказамъ необходимое благообразіе: но соскребите этотъ лакъ, и подъ нимъ вы опять увидите невинность; скребите дальше, скребите до самой сердцевины, и вездѣ одно и тоже, невинность да невинность, можетъ быть угнетенная, но угнетенная чисто по недоразумѣнію, угнетенная потому, что угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и споровки. А то и угнетать бы нечего было. Во всѣхъ сочиненіяхъ г. Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому пятнадцатилѣтнему гимназисту и кадету; но, такъ какъ эта идея показывается изъ подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую новѣйшую диковинку, и какъ вѣрнѣйшій талисманъ противъ всякаго умственнаго недуга; конечно публика разочаровалась бы, увидавши, что ей всучили мѣдную копѣчку вмѣсто червонца, но ей не дадутъ всмотрѣться въ дѣло; ее смѣшатъ до упаду, и она остается совершенно довольною, закрывая книгу въ нолюй увѣренности, что она и либерализмомъ побаловалась, и душу свою натѣшила. Ну, значить, сдѣлала дѣло, и спать ложись. Тактика хорошая, и плоды приносятъ обильные. Пуб-

ликъ весело, а г. Щедрина и подавно. Приведу еще три приѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая невѣжливость и несложность тѣхъ пружинъ, которыми г. Щедринъ надрываетъ животники почтеннѣйшей публикѣ. Его Сивушество Князь Полугаровъ (смѣйтесь же добрые люди!) всѣхъ кабановъ, выставокъ и штофовыхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель говорить рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ господа, ужь не то, что «плевъ сто рублей», тутъ пахнетъ милліонами, а запахъ милліоновъ—сильный, острый. всѣмъ любезный, совѣтъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти милліоны? Какую новую затылкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость?» Что можете сказать читатель, прочитавши это удивительное мѣсто? Можете сказать совершенно справедливо: «Кого ты своимъ благоглупостями благоудивять хочешь»? Эта фраза будетъ записана читателемъ у самого г. Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственного остроумія. Замѣьте еще, что исторія о князѣ Полугаровѣ, растянутая на нѣсколько страницъ, предлагается публикѣ въ то время, когда откупа уже не существуютъ; замѣйте, что, по рассказамъ самого г. Щедрина, шалимовскій гимназистъ, процвѣтающій въ городѣ Глузовѣ, уже отвертывается съ презрѣніемъ отъ администратора, желающаго поддержать откупную систему; сообразите-ко эти обстоятельства, и поставьте себѣ тогда вопросъ: не есть ли смѣхъ г. Щедрина бесплодное проявленіе чистаго искусства, подобное лирическимъ воздыханіямъ гг. Фета, Крестовскаго и Майкова? Посмотримъ, какъ-то вы на этотъ вопросъ отвѣтите. Положимъ, г. Щедринъ можетъ возразить, что онъ писалъ тогда, когда откупа еще существовали, и что въ 1863 году выходятъ только въ свѣтъ отдѣльнымъ книжкомъ тѣ сатирическіе рассказы, которые печатались прежде въ журналѣ, и имѣли нѣкогда животрепещущій интересъ современности. Но это возраженіе ни къ чему не ведетъ, потому что тутъ возникаетъ тотчасъ новый вопросъ: съ какой же стати вторично угощать публику объѣдками? Она наша матушка, разумѣется, все съѣстъ, да еще и второго изданія попросить, но не имѣшаетъ нашему брату писателю и честь знать, особенно когда писатель стоитъ въ первомъ ряду прогрессистовъ. Тутъ не дурно было бы и самому писателю относиться къ себѣ критически, и до нѣкоторой степени оберегать публику отъ ея собственной довѣрчивости и неразборчивости. Возврънія на публи-

ку, какъ на дойную корову, надо предоставить въ нераздѣльную собственность юродствующему лагерю обскурантовъ. Идеи наши только тогда будутъ дѣйствительно сильны, когда отношенія наши къ обществу будутъ строго безкорыстны и до послѣдней степенн деликатны. Кто думаетъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, тотъ не прогрессистъ, а эксплуататоръ прогрессивной идеи, паразитъ и отгупщикъ умственнаго міра. Если же г. Щедринъ погрѣшилъ здѣсь по необходимости, то онъ можетъ принести покаяніе и позаботиться объ исправленіи.

Въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ невинность смѣхотворныхъ пружинъ доходитъ до такого великаго совершенства, что она должна даже возбуждать умиленіе читателя.

Ходить по комнатамъ Кондратій Тихонычъ, «и ходитъ, и ходитъ по своимъ сараямъ, ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!» Читатель смѣется, а чему тутъ смѣяться?

Чиновникъ играетъ въ ералашъ, противъ своего начальника; вслѣдствіе этого обстоятельства онъ вовсе не радуется своимъ хорошимъ картамъ, которыя заставляютъ его, волею неволею, обыгрывать и огорчать великаго патрона. Положеніе дѣйствительно характеристическое, и комизма въ немъ много; но г. Щедринъ, здѣсь, какъ и вездѣ, вызываетъ смѣхъ читателя не самымъ положеніемъ, а неожиданно брошенной эксцентричностью. «Поэтому, онъ всячески старается оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье! дѣлая ходъ, не вклялъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырнулъ ее, какъ бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Еще бы тутъ читатель не расхохотался; но ясно, что онъ будетъ смѣяться надъ «сукинымъ сыномъ тузомъ», а не надъ мелочными слабостями начальника и подчиненнаго. Смѣхъ будетъ безгрѣшный.

Г. Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человекъ Трефандось! вослициаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трешъ. Мы всё хотимъ, хотя Трефандось этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣль! говоритъ генераль Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: — вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.»

Не кажется-ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что г. Щедринъ говоритъ вамъ: «Трефандось» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками, и, покатываясь со смѣху, кричите бессильнымъ голосомъ: «ой, да перестань же, пострѣль! Всю игру перепутаю».... Но неутомимый острякъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, то есть, сбиваетесь съ толку, и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно, «тайные пороссячьи амуры», «новая затыкаемость старой поглощаемости», и особенно «сукинъ сынъ тузь» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты г. Щедрина смѣльѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но за то и смѣется надъ остротами г. Щедрина не одинъ глуповскій генераль Голубчиковъ, а вся наша читающая публика, и въ томъ числѣ даже наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь. А ужъ это дѣло пора бы и бросить. Развращать умъ нашей молодежи «нутряннымъ смѣхомъ Иванушки-дурачка» такъ же предосудительно, какъ щекотать ея нервы звучными бессмыслицами лирической поэзіи. Первое опасеніе послѣдняго: надъ лириками молодежь уже смѣется, а сатирикамъ она еще довѣряетъ, особенно тѣмъ изъ сатириковъ, которымъ удалось прикрыться почтенною фирмою замѣчательнаго журнала, который еще долго будетъ представляться высокой силой его прошлаго дѣятеля. Какъ эти патентованные сатирики пользуются выгодами своего положенія, какъ они эксплуатируютъ довѣріе публики вообще и молодежи въ особенности — это мы съ читателями уже отчасти видѣли, и увидимъ еще впереди.

У.

Г. Щедрину приходится иногда изображать трагическія происшествія: у него въ разсказахъ встрѣчаются два сумасшествія и одно самоубійство. Но г. Щедринъ твердо убѣжденъ въ томъ, что глуповскаго чиновника всегда слѣдуетъ обличать и осмѣивать; поэтому онъ не разсказываетъ о помѣшательствѣ Зубатова и Голубчикова, а язвительно обличаетъ того и другого въ этомъ непрогрессивномъ проступкѣ. Трагическія происшествія передаются такимъ образомъ

читателю весело и игриво, а читатель, разувѣтся, принимаетъ ихъ съ благодарностью, какъ новую юмористическую интермедію. Что касается до самоубійства, то тутъ дѣло совсѣмъ другое; такъ какъ дѣйствующими лицами являются въ этомъ случаѣ два вѣрнопостные мальчишка, то г. Щедринъ, желая разыграть самымъ блистательнымъ образомъ роль гуманнаго прогрессиста, натягиваетъ трагическія струны своего повѣствовательнаго таланта такъ туго, что онѣ обрываются до конца разсказа; видя, что эпическая сила измѣняется ему, и что изъ нея ужъ не выжмешь больше никакого раздражительнаго эффекта, г. Щедринъ смѣло кидается въ лирическое юродство, и буквально начинаетъ голосить и выкликать надъ несчастными ребятами, которымъ и безъ того тошно на свѣтѣ жить. Дѣло доходитъ до того, что юмористъ нашъ обращается съ воззваніемъ сначала къ жестокой помѣщицѣ, Катеринѣ Афанасьевнѣ, а потомъ къ нашей планетѣ. Не вѣрите, такъ читайте: «Катерина Афанасьевна! если бы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ налѣпленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскочили бы съ постели, вы выбѣжали бы безъ кофты на улицу, и огласили бы ее неслыханными, раздражающими душу воплями.»

«Земля мать! Если бы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала бы, ты всколыхалась бы всѣми твоими морями, ты заговорила бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала бы всѣми твоими горами! («Невинные разсказы» стр. 168—169).

Ахъ мои батюшки! Страсти какія! Не жирно-ли будетъ, если земля мать станетъ производить всѣ предписанныя ей эволюціи по поводу каждаго страшнаго дѣла, совершающагося въ оврагѣ. Вѣдь ее, я думаю, трудно удивить; видала она на своемъ вѣку всякіе виды; не осталось на ней ни одного квадратнаго аршина, на которомъ ея возлюбленный сынъ не совершилъ бы надъ собою или надъ другими какой-нибудь невообразимой гадости; такъ ужъ гдѣ ей, старухѣ, возмущаться такимъ дѣломъ, которое даже въ слабомъ человѣкѣ, въ гуманномъ русскомъ прогрессистѣ, въ самомъ г. Щедринѣ не можетъ возбудить ни одной искры неподдѣльнаго чувства. Вѣдь не выражается же въ самомъ дѣлѣ истинное чувство въ этомъ завываніи, въ которомъ такъ мало смысла, и такъ много риторства. Вѣдь это

все поддѣлка съ начала до конца; вѣдь это — плаксивная гримаса, это — слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханія хрѣна, это — какая-то плохоустроенная мистификація, которая была бы возмутительна, если бы она не была такъ плоско смѣшна. «И кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь?» въ раздумьи вторяетъ читатель, и потомъ усмѣхается, пожимая плечами, но на этотъ разъ усмѣхается, конечно, не шуткамъ сатирика, а тому печально-комическому положенію, въ которое попалъ самъ сатирикъ. Но допустимъ невозможное предположеніе: положимъ, что г. Щедринъ былъ потрясенъ дѣйствительно сильнымъ приливомъ чувства въ ту минуту, когда онъ создавалъ свое воззваніе къ землѣ и къ Катеринѣ Афанасьевнѣ; тогда тѣмъ хуже для него; въ такомъ случаѣ онъ несетъ заслуженное наказаніе за хроническую невинность своего бесплоднаго смѣха; это значить, что человѣкъ можетъ превратить себя въ вертялую куклу; это значить, что вся нервная система человѣка можетъ быть безвозвратно исковеркана постояннымъ и однообразнымъ употребленіемъ умственныхъ способностей на мелкое и пустое увеселеніе публики; когда приходится выразить истинное чувство, тогда истасканные нервы отказываются служить, и подъ перомъ писателя не оказывается ни одного образа, ни одного выраженія, соответствующаго этой непривычной потребности. И выходитъ, вслѣдствіе этого, такая неестественная кислотина, что читатель не знаетъ, что ему дѣлать: жалѣть-ли бѣднаго художника, продавшаго свой душевный жаръ въ мелочную лавочку, смѣяться-ли надъ его тщетными усиліями, или просто отвернуться и плюнуть отъ негодованія. Но это еще не все. Желая во весь духъ ударить кулакомъ по лирическимъ струнамъ, г. Щедринъ не только риторствуетъ, но даже совершаетъ надъ самимъ собою нѣчто въ родѣ литературнаго самоубійства; онъ умышленно искажаетъ въ своемъ воззваніи къ Катеринѣ Афанасьевнѣ тотъ характеръ, который онъ самъ очертилъ довольно тщательно на предъидущихъ страницахъ. Если бы Катерина Афанасьевна зимою выбѣжала изъ дому «безъ кофты», не боясь простуды, и стала бы оглашать улицы города «неслыханными воплями», не боясь скандала и всѣхъ его неприятныхъ послѣдствій, тогда это значило бы, что она женщина взбалмошная, вспыльчивая, но, при всемъ томъ, способная почувствовать себя виноватою, способная, подъ вліяніемъ ~~сильнаго~~ потрясенія, придти въ себя и отбросить въ сторону систему своего хозяйственнаго терроризма. Меж-

ду тѣмъ, предъидущія страницы говорятъ намъ совсѣмъ другое; изъ нихъ мы видимъ, что Катерина Афанасьевна совершаетъ свои жестокости очень хладнокровно, и съ значительною примѣсью рабовладѣльческаго остроумія; мы видимъ, что строй нравственныхъ понятій, вытекающихъ изъ крѣпостнаго права, ограждаетъ ее самымъ надежнымъ и непроницаемымъ оплотомъ противъ всякихъ непослѣдовательныхъ припадковъ состраданія и человеколюбія. Мы узнаемъ, кромѣ того, что Катерина Афанасьевна—стрѣлянная ворона; ей уже не въ первый разъ приходится переживать, что люди по ея милости рѣшаются на самоубійство; сестра одного изъ мальчиковъ утопилась вслѣдствіе жестокаго обращенія, а стоицизмъ помѣщицы не колебался; помѣщица увѣрила себя и другихъ, что «поганка — Ольгушка» утопилась «для того, чтобы скрыть свой стыдъ», то есть беременность. Потомъ, когда тѣло не было найдено, и когда исправникъ увѣршилъ естественный стоицизмъ помѣщицы своею дѣловой опытностью, тогда Катерина Афанасьевна смѣло стала отрицать самый фактъ самоубійства, и подала объявленіе о побѣгѣ «дѣвки Ольги Нивандровой», которая не только бѣжала сама, но, усугубляя свою вину воровствомъ, «унесла съ собою данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта». Возьмите въ расчетъ, что наша бойкая помѣщица — женщина необразованная и суевѣрная, и тогда вы поймете, какую силу характера обнаружила Катерина Афанасьевна, взводя поклепъ въ побѣгѣ и въ воровствѣ на такую покойницу, которую она, Катерина Афанасьевна, почти собственноручно спровадила на тотъ свѣтъ. Правда, «поганка Ольгушка» явилась своей барынѣ во снѣ, и барыня высочила изъ спальни какъ полоумная; но во-первыхъ, это видѣла только ключница Матрена, а во-вторыхъ, что-же изъ этого слѣдуетъ? Помѣщица набивала свой желудокъ особенно плотно, потому что больше и дѣлать нечего было; а извѣстно, что переполненный желудокъ награждаетъ человѣка разнообразными и эксцентрическими сновидѣніями; это и случилось съ Катериною Афанасьевною; привидѣлась ей «поганка Ольгушка», но могъ привидѣться и чортъ съ рогами; тутъ не было бы ничего удивительнаго, и оба сновидѣнія заставили бы ее высочить изъ спальни съ одинаковою стремительностью. Гораздо характернѣе то обстоятельство, что на глазахъ Катерины Афанасьевны росъ маленькій братъ утопившейся дѣвушки, и что барынѣ не только не было тяжело смотрѣть на этого ребенка, который долженъ былъ ежеминут-

но напоминать ей совершившееся преступление, но что, напротив того, барыня имѣла даже храбрость мучить этого мальчишка наравнѣ съ другими домохозянами, и ежедневными мученіями постоянно толкать его къ тому оврагу, въ которомъ должно было произойти новое самоубійство. И вдругъ эта практическая женщина станетъ бѣгать по улицамъ въ одной рубашкѣ, и раздирать уши городскихъ обывателей неслыханными воплями. И отчего? Отъ того, что мальчишки, которыхъ она, вѣроятно, иначе и не называла, какъ «мерзавцами» и «паршивыми», вздумали полоснуть себя ножомъ по горлу. Да ей-то какое дѣло? Она постарается схоронить концы въ воду, она подаритъ кому слѣдуетъ сколько будетъ необходимо, и потомъ попрежнему будетъ найдаться до отвала, и въ случаѣ переполненія желудка, будетъ видѣть во снѣ не одну Ольгу, а цѣлую компанію знакомыхъ мертвецовъ. Велика важность—нечего сказать! Г. Федору Бергу или неизвѣстному поэту, вослѣвавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Слезы кукушки» позволительно не знать этихъ особенностей человѣческаго организма, а со стороны г. Щедрина такое незнаніе не только неприлично, но и не вѣроятно. Всякій здравомыслящій читатель хорошо понимаетъ, что это игнорированіе также искусственно, какъ и самое чувство, породившее лирическое обращеніе къ землѣ и къ помѣщикамъ. Надъ подобною искусственностью всегда слѣдуетъ смѣяться, и чѣмъ дороже вамъ тотъ предметъ, по поводу котораго она пускается въ ходъ, тѣмъ громче и рѣзче долженъ быть вашъ карающій смѣхъ, потому что искусственность унижаетъ и опошляетъ все то, къ чему она прикасается. Но и это еще не все. У читателя давно уже вертится на языкѣ вопросъ: да развѣ есть теперь крѣпостные мальчишки? — Нѣтъ, нѣту. — Такъ какъ же это они себя убивать могутъ?—Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно. — А если прежде, во время оно, то съ какой же стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время сіе? — Не знаю. Должно быть, г. Щедринъ позавидовалъ литературной славѣ нашего Вальтеръ-Скотта, графа А. Толстаго, описавшаго съ такою наглядностью всѣ кушанья, подававшіяся на столъ Ивана Грознаго? Или онъ хотѣлъ состязаться съ нашимъ Шекспиромъ, г. Островскимъ, изобразившимъ съ такимъ счастливымъ успѣхомъ Бозому Минина и всѣ его видѣнія? Или онъ боялся, что вновь возстанется крѣпостное право, и пожелалъ противоудѣствовать такому пассажиру кроткими мѣрами литературнаго увѣщанія? Или же онъ постарался поразить своимъ перомъ прошедшее, чтобы сдѣлать

пріятный и любезный сюрпризъ настоящему? Последнее предположеніе кажется мнѣ всего болѣе правдоподобнымъ, потому что всякому жрецу чистаго искусства должно быть чрезвычайно лестно соединить въ своей особѣ блестящую репутацію русскаго Аристофана съ полезными достоинствами современнаго Державина, который, какъ извѣстно, говорилъ истину съ улыбкою самого обезоруживающаго и обворожительнаго свойства. Г. Щедринъ прекрасно сдѣлаетъ, если пойдетъ впередъ по этому пути, но, становясь на чисто эстетическую точку зрѣнія, и заботясь о чистотѣ нашего литературнаго вкуса, я позволяю себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время, г. Щедринъ, слагая свои оды, построже придерживался литературныхъ преданій и приѣмовъ чисто-классической школы. Я возьму для примѣра отношеніе литературы къ нашему молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго находятся всѣ мои личныя симпатія, тѣмъ болѣе, что и самъ я принадлежу, къ нему тѣломъ и душою. Лучшіе органы нашей періодической литературы начали защищать умственные интересы молодаго поколѣнія противъ нападѣній дряклой и озлобленной бездарности, съ той самой минуты, какъ только въ нашемъ обществѣ обнаружился тотъ повсемѣстный разладъ, который всегда бываетъ неразлученъ съ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Междоусобная борьба въ литературѣ по поводу молодежи продолжается до сихъ поръ, и вѣроятно протянется еще довольно долго, хотя строгіе обличители юношества уже значительно послабили тону. Мыслящіе представители свѣжаго направленія въ нашей литературѣ защищаютъ до сихъ поръ молодыхъ людей противъ методичной клеветы и противъ грубаго непониманія. Защищеніе это вовсе не панегирикъ, и оно еще необходимо, во-первыхъ потому, что нельзя же оставлять общество въ печальномъ заблужденіи, а во-вторыхъ потому, что человѣкъ все-таки не камень, и что самого хладнокровнаго писателя все-таки нѣтъ, нѣтъ, да и взбѣсить, когда онъ услышитъ черезъ-чуръ нечлѣпую исторію, въ родѣ «Вабаламученнаго моря». А между тѣмъ, не смотря на полную законность и разумность этого защищенія, надо сказать правду, что для молодежи всего бесплоднѣе именно тѣ страницы нашихъ журналовъ, въ которыхъ всего больше толкуютъ о ней, и всего сильнѣе выражаютъ ей сочувствіе. Эти горячія и благородныя странички не дадутъ ей никакого новаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаютъ изъ нихъ молодые люди? Что они—хорошіе люди? Это они

сами знаютъ. Что имъ сочувствуетъ честное меньшинство литературы? Экое, подумаешь, благодѣяніе оно имъ оказываетъ. Да и потомъ, это само собою разумѣется. Какъ бы ухитрилось это меньшинство, оставаясь честнымъ, не сочувствовать тому, что также честно? Что они, молодые люди, думаютъ такъ и такъ? Да ужъ навѣрное сами-то молодые люди знаютъ это еще лучше, чѣмъ тѣ литераторы, которые объ этомъ пишутъ. Такимъ образомъ, всего полезнѣе для молодаго поколѣнія оказывается именно то, что всего ближе подходитъ къ восхваленію этого самого молодаго поколѣнія. Чѣмъ больше вы хотите приносить пользы молодымъ людямъ, тѣмъ меньше толкуйте о ихъ достоинствахъ, и тѣмъ больше думайте о ихъ умственныхъ потребностяхъ. Старайтесь помогать вашими статьями ихъ развитію, старайтесь давать имъ матеріалы для размышленія, старайтесь, чтобы молодой человекъ, берущій въ руки журнальную книжку для развлечения, постоянно находилъ бы въ ней, вмѣстѣ съ развлеченіемъ, полезныя и основательныя знанія, свѣжія и живыя идеи, разумную ширину взглядовъ и сознательную гуманность направленія; дѣлайте все это, посвящайте вашу жизнь этому дѣлу, и вы увидите, что молодость будетъ считать васъ своимъ истиннымъ другомъ, хотя бы вамъ ни разу не пришлось сказать ни одного слова въ ея похвалу. Такимъ образомъ, гораздо лучше выражать свою любовь полезнымъ дѣломъ, чѣмъ пріятною похвалою. Въ настоящее время, чисто отрицательныя отношенія литературы къ молодежи еще невозможны, потому что молодежь находится еще въ пассивномъ положеніи. Литература не можетъ поставить себѣ задачей постоянно указывать на недостатки и ошибки такого элемента, который еще въ значительной степени непзвѣстенъ, и, во всякомъ случаѣ, только что начинаетъ заявлять о своемъ существованіи. Но и теперь уже возможны нѣкоторыя частныя попытки въ отрицательномъ родѣ, попытки, которыя разумѣется *не могутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ сильнымъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ свирѣпствующихъ старцевъ*. Мнѣ кажется, что эти попытки принесутъ молодежи гораздо больше пользы, чѣмъ защитительныя статьи ея честныхъ адвокатовъ. Къ числу подобныхъ попытокъ въ отрицательномъ родѣ я отношу мою теперешнюю рецензію. Я знаю, что г. Щедрицъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые до поры до времени пользуются сочувствіемъ молодежи, но съ которою у нихъ нѣтъ ничего общаго; мнѣ кажется,

что съчувствіе это не обдуманно и не проверено критическимъ анализомъ; молодежь сибется, читая г. Щедрина, молодежь притягивае встрѣчать имя этого писателя на страницахъ лучшаго изъ нашихъ журналовъ, и молодежь поддается веселымъ впечатлѣніямъ, потому что ей не приходится въ голову отнести къ этимъ впечатлѣніямъ съ недоувѣріемъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Но мнѣ кажется, что влияние г. Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно; и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить пьедестальчикъ этого маленькаго кумира, и произвожу эту отрицательную работу съ особымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи. Я хочу уничтожить эти симпатіи, и если онѣ действительно приносятъ молодымъ людямъ только вредъ, то уничтоженіе ихъ, и, слѣдовательно, попытка въ отрицательномъ родѣ, будетъ полезнѣе для нашего поколѣнія, чѣмъ самая горячая похвала Базарову и Лопухову, и самая ѣдвая полемика противъ г. Каткова. Такимъ образомъ, разсмотрѣвши отношенія журналистики къ молодежи, я показалъ на этомъ примѣрѣ, какимъ образомъ дѣльное отрицаніе приноситъ обществу гораздо больше пользы, чѣмъ справедливая похвала, воздаваемая существующимъ фактамъ. Щедринъ поступаетъ какъ разъ на оборотъ.

VI.

Если мы, съ высоты птичьяго полета, бросимъ общій взглядъ на рассказы г. Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день, и на переходъ къ нынѣшнему дню; хотя этотъ переходъ совершился очень недавно, но онъ, очевидно, составляетъ для насъ прошедшее, совершенно законченное, и имѣющее чисто историческій интересъ; а исторію эту писать еще слишкомъ рано, да и совѣмъ это не щедринское дѣло. Конечно, крѣпостное право такъ глубоко отравило всѣ отправления нашей народной жизни, что тяжелая старина долго еще будетъ давать себя чувствовать въ разныхъ воспоминательныхъ ощущеніяхъ весьма непріятнаго свойства; конечно и чиновничество долго еще будетъ жить старинными преданіями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно съ требованіями повѣйшей моды; все это такъ, но всѣ эти отпрыски срубленныхъ деревьевъ надо изучать именно въ ихъ те-

перешшихъ видоизмѣненіяхъ; и чтобы изучать ихъ, нѣтъ никакой необходимости восходить ни къ тѣмъ вѣкамъ, когда деревья стояли на юрню, ни къ тѣмъ минутамъ, когда деревья стали трещать подъ топоромъ. Прошедше само по себѣ, переходъ самъ по себѣ, а настоящее тоже само по себѣ. Въ исторіи всѣ эти моменты, разумѣется, сваяны между собою, и объясняютъ другъ друга, какъ необходимое сдѣлание причинъ и слѣдствій, но опять таки никому въ голову не приходитъ требовать и ожидать отъ г. Щедрина исторіи, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мнѣ за охота и за интересъ смѣяться надъ тѣмъ, что не только осмѣяно, но даже уничтожено законодательнымъ распоряженіемъ правительства. «Довлѣетъ дневи злоба его» и «пускай мертвецъ сами хоронятъ своихъ мертвецовъ». Но г. Щедринъ игнорируетъ это простое требованіе здраваго смысла, и потому почти всѣ дѣйствующія лица его разсказовъ смотрятъ мертвецами, выкопанными въ могилъ, нарочью для того, чтобы повеселить читателя. Ретрограды, перепуганные зловѣщими слухами, чиновники, перепуганные невиданными предписаніями, и, кромѣ того, глуповцы, плюющие другъ другу въ лохань, выпивающіе «по маленькой», и каждый вечеръ потѣщающіеся «Трефандосами» — вотъ и все содержаніе сатирическихъ разсказовъ. Глуповъ, блаженствующій въ своемъ нетронутомъ спокойствіи, и Глуповъ, только что взбудораженный слухами о преобразованіяхъ — вотъ и все; а вѣдь, кажется, пора бы это бросить, потому что вся наша журналюштина молотила, молотила эту тошную кошку плохой ржи, да и молотить устала. Всѣмъ надоѣло — и писателямъ и читателямъ, да и наконецъ, кромѣ соломы, тутъ ничего больше и не осталось. Такъ ужъ это избито, что можно измѣнять только слова, а новой, нетронутой черты не отыщеть самый проникательный сатирикъ. Поэтому, бросьте прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной физиономіи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ выработываются эти новые черты, то бросьте сатиру, бросьте совсѣмъ нашу истрепанную беллетристику, обратившуюся съ нѣкотораго времени для нашихъ писателей въ какую то казенную или барщинную работу. — Эти слова обращены не къ г. Щедрину, а вообще ко всѣмъ нашимъ второстепеннымъ беллетристамъ. А кто же теперь не второстепенный? Чернышевскій, Тургеневъ, можетъ быть Островскій — и только. Разъ, два — да и обчелся. Но ясно, что сила Чернышевскаго заключается не въ са-

перою художественномъ талантѣ, а въ широкомъ умственномъ развитіи; ясно, что Тургеневъ и Островскій приближаются къ концу своей литературной карьеры; ясно, что разстроенная печень Писемскаго будетъ портить каждое новое произведеніе этого сильнаго таланта, и превращать каждый новый романъ его въ «взбаломученное море» авторской желчи. Ну, стало быть

И ползали изъ щелей
Мошки да букашки.

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики, и вижу въ ней очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственного развитія. Повесть, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться къ упадку со временемъ Пушкина; при Гоголѣ, романисты или вообще прозаики заняли въ литературѣ то высшее мѣсто, которое занимали поэты; съ этого времени, стихотворцы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ литературныхъ башибузуконъ, много вооруженныхъ, безсильныхъ, и неспособныхъ оказать регулярному войску никакого серьезнаго содѣйствія; теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и конечно этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ужъ ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на процизываніе чувствительныхъ сердець убійственными ямбами и анапестами. А кто знаетъ, какое великое дѣло — экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди сберегли себя въ цѣлости, и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. — Но, одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій; глядя на него, Русь православная начала понимать, что можно быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни повмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ, потому что добрые земляки наши выучились читать критическія статьи, и неоконному приготовились такимъ образомъ понимать разсужденія по вопросамъ науки и общественной жизни. Когда эти разсужденія сдѣлались возможными, тогда Добролюбовъ и Чернышевскій стали продолжать дѣло Бѣлинскаго; въ это же время «Русскій Вѣстникъ» проторилъ себѣ свою особенную дорожку, на которой онъ до сихъ поръ съ боль-

цимъ успѣхомъ вліяеть; но, какъ ни предосудительна его дѣятельность съ гражданской точки зрѣнія, однако надо отдать ему справедливость; своими статьями объ Англіи и своими политическими обзорѣніями, онъ также содѣйствовалъ тому общему движению мысли, которое постепенно оттѣсняло на задній планъ беллетристику и искусство вообще. Теперь это оттѣсненіе произведено: въ послѣднее пятилѣтіе не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была присланиваться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращающія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: «Подводный Камень» романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а «Дѣтство, отрочество и юность» графа Л. Толстаго, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно, и проходитъ почти незамѣчено. Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: не дурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ рассказъ, придуманный на эту тему, и обставленный ненужными подробностями и неважными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ, атотъ шагъ сдѣлается самъ собою, и можетъ быть онъ уже на половину сдѣланъ. Разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ ригоризмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выразить свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не сумѣли бы развить съ надлежащею полнотою и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика сумѣетъ отыскать, а общество сумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она не была выражена. Если Некрасовъ можетъ высказываться только въ стихахъ, пусть пишетъ стихи; если Тургеневъ умѣетъ только изобразить, а не объяснить Базарова, пусть изображаетъ; если Чернышевскому удобно писать романъ, а не трактатъ по фзіологій общества, пусть пишетъ романъ; этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ, и не остается въ накладѣ. Это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ

свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей, и особенно читательницъ, все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдныя лучи своего ложнаго ореола. — Но, если въ рукахъ писателей, имѣющихъ свои собственные идеи, беллетристическая форма можетъ еще приносить обществу пользу, то, напротивъ того, попадая въ руки писателей, нищихъ духомъ, эта форма становится положительно вредною. Она превосходно массируетъ ихъ бѣдность, вводитъ читателей въ ошибку и, что всего хуже, возбуждаетъ въ рядахъ молодежи охоту подражать такимъ произведеніемъ, которыя составляютъ пустоцвѣтъ и сорную траву нашей умственной жизни. Г. Щедринъ взявъ изъ Добролюбовскаго Свистка манеру относиться недовѣрчиво къ нашему оффиціальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-совнательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, въ кокарду, которую онъ прищипливаетъ къ своимъ рассказамъ для того, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Еслибы г. Щедринъ писалъ не рассказы, а научныя или критическія статьи, то эта форменная безукоризненность очень скоро надѣла бы всѣмъ читателямъ, и г. Щедринъ не былъ бы метеоромъ, а занялъ бы ту скромную роль, которую занимаетъ, напримѣръ, нашъ почтенный и возлюбленный сотрудникъ, В. П. Поповъ. Тогда онъ поневолѣ былъ бы полезенъ, потому что ему уже нельзя было бы ограничивать свою дѣятельность производствомъ безконечныхъ вариаций на весьма извѣстныя темы. Ему пришлось бы, за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей, популяризовать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія, а дѣйствительные факты. Ему пришлось бы побольше читать, а это принесло бы ему не малую пользу, потому что тогда бы онъ не сталъ намъ рассказывать мифы о Минервѣ, и постарался бы поосновательнѣе обдумать вопросъ, отчего это глуповцы спятъ такимъ глубокимъ сномъ, и показываютъ другъ другу «всевозможныя свѣтила небесныя». Теперь онъ, по видимому убѣжденъ въ томъ, что рыться въ глуповскомъ навозѣ полезно, что *молодое поколѣніе*, ради своего умственнаго совершенствованія, должно внимательно взглядываться въ каждую частичку этого вещества, каждую изъ нихъ должно *осмѣивать*, и спасительнымъ смѣхомъ своимъ должно ограждать себя отъ опошленія и отъ возвращенія къ

глуповской старинѣ. Если бы г. Щедринъ не былъ блестящимъ беллетристомъ, и если бы, вслѣдствіе этого, онъ былъ принужденъ побольше читать и размышлять, тогда онъ не питалъ бы вышеозначеннаго убѣжденія, и понималъ бы нѣкоторыя вещи, которыхъ онъ теперь не понимаетъ, и которыя поэтому стараюсь ему объяснить. — Смѣяться надъ безобразіемъ Глуповца все равно, что смѣяться надъ уродствомъ калѣни, или надъ лютостью дикаря, или надъ неопытностью ребенка; всѣ эти смѣхи не даютъ рѣшительно ничего ни тому, кто смѣется, ни тому, кого осмѣиваютъ. Смѣяться полезно только надъ идеею, потому что въ этомъ случаѣ смѣхъ есть самъ по себѣ новая идея, отрицающая старую, и становящаяся на ея мѣстѣ. Осмѣивать идею, значитъ доводить ее до абсурда, и показывать такимъ образомъ ея несостоятельность, но показывать такъ живо и такъ ясно, чтобы аргументація не утомяла читающую массу, чтобы эта аргументація иногда сосредоточивалась вся въ одномъ эпитетѣ, въ одномъ намекаѣ, въ одной веселой шуткѣ; такой смѣхъ дѣйствительно способенъ выворачивать на изнанку цѣлыя тысячелѣтнія міросозерцанія; стоитъ назвать только два имени, Вольтеръ и Гейне. Не всякій Вольтеръ и Гейне, но всякій человѣкъ, обладающій свѣтлымъ умомъ и сатирическимъ талантомъ, можетъ и долженъ пристраивать свой смѣхъ туда, гдѣ онъ имѣетъ какой нибудь смыслъ. А если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, то вѣдь его никто и не принуждаетъ смѣяться публично. Пусть смѣется надъ глуповскими «Трепанцосами» съ добрыми пріятелями, въ тиши своего уютнаго кабинета. Что же касается до огражденія молодежи отъ возвращенія къ старинѣ, то и тутъ смѣхъ г. Щедрина равняется нулю. Намъ ограждаетъ отъ пошлости не смѣхъ надъ пошлостью, а то внутреннее содержаніе, которое даетъ намъ чтеніе и размышленіе. Чтобы человѣкъ не ѣлъ испорченной пищи, надо дать ему свѣжую пищу; а если вы ему не дадите свѣжей, онъ будетъ ѣсть испорченную, потому что не умирать же ему съ голоду, изъ любви къ свѣжести. У насъ есть теперь это содержаніе, и есть основаніе думать, что дно у насъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться; это содержаніе заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ. Мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую грудку фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время не-

торія и политическая экономія прислужаются къ изученію природы, и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и приемы опытныхъ наукъ проникли, и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства; она формируетъ не спеціальнаго исследователя, а человѣка; она закаляетъ его умъ, она приучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ всендневной жизни; она входитъ въ общество и въ семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать, посредствомъ строгаго анализа, всѣ запутанные и щеголивые вопросы, которые прежде рѣшались на удачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячею струею чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и соверпанія великой истины; тѣхъ людей, которые дышатъ одною жизнью съ природою и человѣчествомъ, и у которыхъ повѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. Я исчезаетъ потому, что для этого я жить и любить есть одно и тоже; а если оно живетъ и любить, то оно, стало быть, живетъ милліонами жизней, живетъ въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлю той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчить страданія всемірныя. — И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая предъ человекомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма, и историческую жизнь человѣческихъ обществъ. Все это она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность необходимую для его счастья, и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ привычное отправленіе организма, позволяеть ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обсуживаніе и совершенствованіе всѣхъ между человѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образомъ перевоспитываетъ че

ловѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую кафедру, на фабрику и въ постель больного, въ степную деревню и въ унылый городъ, то, безъ сомнѣнія, скромное изученіе химическихъ силъ и органической вѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно — и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно — должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальные силы. Это уже и теперь замѣтно. Скромное изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая бы не подолжалась къ естествознанію, и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства? — Наша русская цивилизація находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того, чтобы принять въ себя эти обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство, что она находится еще въ колыбели или даже въ утробѣ матери; у ней нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городѣ легіона филистеровъ; нѣтъ фантастической рутинны средневѣковой науки; передъ нами лежитъ вся европейская наука: переводы, читай и учись! Не будемъ же мы въ самомъ дѣлѣ такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за негодностью? Нѣтъ, не будемъ. Это мы доказываемъ каждый день, потому что постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ, и выбираемъ все, что поновѣе и лучше. Если бы Добрелюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый повялъ и оцѣнилъ это явленіе. Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризацію европейскихъ идей естествознанія и антропологіи. Въ его время интересъ еще не былъ пробужденъ, и такія статьи рисковали остаться непрочитанными; теперь дѣло пошло на ладъ, и сообразно съ обстоятельствами, должна измѣняться задача прогрессивнаго литератора; но г. Щедринъ, разумѣется, этого не понимаетъ, и все тянетъ по прежнему старую ногу, завѣщанную ему его молодымъ учителемъ; и не замѣчаетъ онъ того, что его однообразное и невнятное хихиканье отвлекаетъ только отъ настоящаго дѣла нѣкоторую часть нашей свѣжей и умной молодежи. — Можетъ быть, мое благоговѣніе не-

редъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть, онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, издаются не для народа, и всѣ согрошадца, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. — На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ, неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ. Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди, выѣстъ съ тѣмъ, выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманывать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на бесполезныя сооруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народнои промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, не утверждать, что оно неосуществимо, значить утверждать, что капиталистъ не человѣкъ, и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ, точно такъ же какъ, сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ. Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вносить къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственные силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда,

разумѣется, дѣятельность нашего народа усилился чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ каждымъ десятилѣттемъ. А если народъ будетъ дѣятеленъ, богатъ и уменъ, то что же можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Конечная цѣль лежитъ очень далеко, и путь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ; быстро успеха ожидать невозможно; но, если этотъ путь, къ счастью, путь умственного развитія, оказывается необходимымъ, единственно вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы сдѣдовало исклѣчать изъ исторіи всѣ двигатели событій, кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остается при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести въ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ ни при чемъ; она ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства; журналистика старается обыкновенно попадать въ томъ общаго настроенія, но это попаданіе содѣйствуетъ только успѣху журнала, но вовсе не приноситъ пользы важному и общему дѣлу. Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей; это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. — Если даже чувство и энтузіазмъ приведутъ къ какому нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющие мыслить. Стало быть, размножать мыслящихъ людей — вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Стало быть естественное составляетъ въ настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу г. Щедрина: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣнъи владѣть русскимъ языкомъ, и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуховъ давно пора бросить.

Д. Ишаревъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Общая исторія Италіи съ 1846 по 50 годъ. Сочиненіе Дяго Сорія, переводъ Качаловскаго. Изданіе Висковатова. Спб. 1863. — Общее землевѣденіе Карла Риттера; лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ и изданныя Г. А. Даниелемъ. Переводъ Я. Вейнберга. Изданіе Глазунова. М. 1864. — Исторія землевѣденія и открытій по этому предмету; лекціи Карла Риттера, читанныя въ берлинскомъ университетѣ, изданныя Г. А. Даниелемъ, переводъ подъ ред. Н. Бакста (съ портретомъ автора). Изданіе О. Бакста. Спб. 1864. — Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и приспособленныя для домашняго и школьнаго образованія В. Пютца; переводъ Тихоновича. Часть I (выпускъ 1 и 2). Изданіе Юргенсона. М. 1861 и 1864. — Сборникъ историческихъ очерковъ В. Пютца, учебное пособіе для учащихся и преподавателей, перевелъ Л. Чацкинъ. Часть I. Древній міръ, выпускъ 1-й. М. 1864. — Отечествовѣденіе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученымъ изслѣдованіямъ; учебное пособіе для учащихся, составилъ Д. Семьоновъ. Изданіе Черевина и Михайловича. Спб. 1864. — Сочиненія Майнъ Рида. Охотничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Томъ I. Изданіе Вольфа. Спб. 1864.

Въ июльской книгѣ прошлаго года я говорилъ съ читателями о первомъ выпускѣ прекраснаго, но испорченнаго сквернымъ переводомъ сочиненія Д. Сорія: «Исторія Италіи съ 1846—50 г.» Въ первомъ выпускѣ былъ представленъ обзоръ событій, предшествовавшихъ революціи 1848 и описывалось начало ея, положенное неаполитанскими событіями. Вышедшій теперь второй выпускъ этой книги заключаетъ въ себѣ описаніе хода революціи отъ возстанія въ Миланѣ до войны Карла Альберта съ Австріей, т. е. самыя счастливыя и радужныя дни ея.

Война съ точки зрѣнія отвлеченной, нравственной, война, какъ принципъ, разсматриваемая на основаніи теоріи абсолютной справедливости, является какъ величайшее зло, какъ одно изъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, поражающихъ человѣчество; даже съ исторической точки зрѣнія — война остается тѣмъ же зломъ. Нельзя себѣ представить ничего негнѣбнѣе разсужденія старыхъ историковъ о такихъ предметахъ, какъ война, когда они хотятъ оправдать ихъ, ис-

Отд. II;

числѣя разныя благодѣтельныя послѣдствія войны: послѣдствія могутъ быть хороши, но они вовсе не оправдываютъ войны, ни въ глазахъ ея современниковъ, ни въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній. Можно ли утѣшить людей, которыхъ рѣжутъ, грабятъ, обременяютъ налогами, у которыхъ отнимаютъ сыновей и ведутъ ихъ на смерть, жгутъ имущество, истребляютъ поля — можно ли этихъ людей утѣшить и заставить забыть все это, говоря имъ, что бѣдствія ихъ будутъ полезны ихъ потомкамъ? Можно ли также убѣдить кого бы то ни было, что онъ долженъ считать войну благомъ, потому что ей онъ обязанъ тѣми или другими преимуществами? Какъ бы онъ ни цѣнилъ эти преимущества, но война все-таки остается для него войною, т. е. зломъ. Никакими офертами и увертками, никакой диалектикой нельзя никого убѣдить, что война есть вещь полезная и хорошая. Когда она является, какъ необходимость, когда желаютъ и съ нетерпѣвиемъ ожидаютъ войны, когда считаютъ священной обязанностью выступить на бой съ врагами, то и тогда все-таки можно лишь согласиться съ тѣмъ, что война есть необходимое въ данномъ случаѣ зло, а все-таки зло, и самый запальчивый боецъ предпочелъ бы достигнуть цѣли безъ войны. Войну для войны могутъ любить и находить благомъ только разбойники, кондотьеры и жемантели приключеній, однимъ словомъ всѣ тѣ, которые стремятся къ цѣли, недостижимой безъ войны, какъ на примѣръ, овладѣть безъ труда богатствомъ или получить славу великаго завоевателя.

Люди, видящіе тѣ условія, которыя пораждаютъ войну и считающіе возможнымъ устраненіе ихъ въ будущемъ, могутъ надѣяться, что потомки ихъ не будутъ терпѣть всѣхъ ужасовъ и бѣдствій войны, что, наконецъ, водворится миръ и людей перестанутъ рѣзать, какъ бароновъ. Эти люди очень хорошо понимаютъ, что условія, порождающія войну, въ свою очередь не основываются на высокихъ началахъ и не могутъ быть защищаемы кодексомъ нравственности, потому что прямо противоположны всякому понятію о нравственности. Война, такимъ образомъ, — разсматриваемъ ли мы ее въ прошедшемъ, въ настоящемъ или въ будущемъ, — исключаетъ всякую нравственность, кромѣ нравственности мародеровъ и завоевателей.

Изъ этого ясно, что, разсматривая войну, какъ фактъ, мы не можемъ отыскивать въ ней или примѣнять къ ней никакихъ нравственныхъ принциповъ. Когда мы видимъ передъ собой насліе, то будемъ ли мы отыскивать въ немъ справедливость? Такое смѣшеніе

двухъ противоположныхъ понятій могло происходить только въ среднѣе вѣка. Но среднѣе вѣка отличались именно разбойническимъ характеромъ, слѣдовательно не мудро, что ихъ рыцари, кондотьеры и завоеватели, прибѣгая къ войнѣ свои понятія о справедливости и нравственности, могли совмѣщать понятія для насъ несовмѣстными. Но дѣло въ томъ, что ихъ нравственность была основана на грабежѣ и эксплуатаціи, и слѣдовательно, какъ нельзя лучше подходила къ принципу войны. По ихъ мнѣнію казалось весьма великодушнымъ пощадить жизнь ограбленного и всячески избитеннаго неприятеля; историки единогласно, напримѣръ, восхваляютъ рыцарскую честь и великодушіе короля Іоанна, возвратившагося добровольно въ плѣнъ, не будучи въ состояніи заплатить выкупа; а между тѣмъ этотъ образцовый, по тогдашнимъ понятіямъ, рыцарь не считалъ предосудительнымъ спекулировать фальшивой монетой. Благороднѣйшіе вожди крестоносцевъ только и помышляли о томъ, какъ бы надуть другъ друга, и вообще, грабежъ, продажность, вѣроломство и другіе поступки, ведущіе теперь на галеры и висѣлицу, не мѣшали доброй славѣ благородныхъ рыцарей. Бертранъ Дюгесленъ былъ разбойникъ, Оливье де-Манинъ — вѣроломный плутъ, Францискъ Сюрца — кондотьеръ, Ричардъ Львиное—Сердце и Леопольдъ Красивый — грабители, Францискъ I «последній рыцарь» — соединялъ въ себѣ все эти качества, которые не препятствовали всеѣмъ этимъ господамъ слыть цвѣтомъ средневѣковаго геройства. Поэтому вносить въ войну принципъ нравственности — можно было тогда, когда самая нравственность имѣла характеръ рыцарскій.

Теперь же такое смѣшеніе невозможно; надо выбирать: или воевать или толковать о морали и добродѣтеляхъ; смѣшивать же эти понятія въ то время, когда всеѣмъ извѣстно, что гуманность есть гуманность, а не разбойничество или убійство—невозможно; даже не только логически невозможно, но и фактически, и всякая попытка совмѣстить столь враждебные принципы влечетъ за собой самые плачевные результаты.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы вѣрно судить о событіяхъ 1848 года.

Въ первыхъ числахъ января этого года дѣла дошли въ Миланѣ и Венеціи до крайняго состоянія. Радецкій не имѣлъ основанія думать, что народонаселеніе Ломбардіи питаетъ особенную нѣжность къ австрійцамъ, но, имѣя 85 тысячъ войска, онъ былъ увѣренъ, что, въ

случаѣ открытаго возстанія, побѣда будетъ на его сторонѣ. Но къ его великому огорченію миланцы не спѣшили навлечь на себя австрійскія пули, ядра и штыки: неудовольствіе выражалось молчаливо и спойно. Радецкій, хваставшій, что повторитъ въ Италіи галлійскую рѣзню, тщетно поручалъ своей полиціи составлять заговоры, а своихъ оцнерамъ и солдатамъ раздражать — народонаселеніе деревнями. Но граждане ограничивались тѣмъ, что не курили и выражали свои чувства слѣдующимъ образомъ:

«Народъ, говоритъ Діего Сорія, не посещалъ спектаклей; всѣ были въ траурѣ; передъ окнами тюрьмы мужчины снимали шляпы, женщины махали платками» (стр. 271). «Едва было получено извѣстіе о побѣдѣ палермцевъ, какъ огромная масса народа собралась въ соборную церковь для принесенія побѣдной благодарности Богу».

3 января драгуны изрубили на улицахъ человекъ сто гражданъ, тюрьмы были биткомъ набиты; хватали встрѣчныхъ и поперечныхъ, но народъ молчалъ и только выселялся изъ тѣхъ улицъ, гдѣ совершались убійства. А Радецкій, между тѣмъ, то и дѣло что издавалъ разныя постановленія о военныхъ положеніяхъ, чрезвычайныхъ законахъ и правилахъ, экстраординарныхъ комиссіяхъ и т. д., какъ вдругъ было получено извѣстіе о вѣнской революціи, и возстаніе Италіи вдругъ вспыхнуло на нѣсколькихъ пунктахъ.

Во главѣ возстанія въ Миланѣ находились два человекъ совершенно противоположныхъ свойствъ. Миланскій мэръ, графъ Казати, былъ доселѣ рабомъ австрійцевъ. Но, видя, что возстаніе неизбежно и что австрійское могущество, подорванное вѣнской революціей, можетъ быть разрушено въ Италіи народнымъ движеніемъ, онъ отъ Австріи обратился къ Сардиніи и, намѣреваясь дѣйствовать въ пользу Карла Альберта, рѣшился стать во главѣ движенія. Впрочемъ, онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ томъ, что австрійцы проиграютъ въ начинавшейся игрѣ, и потому хотѣлъ сыграть двойственную роль между обѣими партіями, пока время не покажетъ ему, къ какой выгодинѣ пристать.

Карлъ Каттанео, глава народной партіи, «которая», говоритъ Д. Сорія, «имѣла главною цѣлью благо отечества, а не интересы касты и двора».

Онъ, продолжаетъ авторъ, «отвергалъ систему италіанскаго единства; онъ говорилъ, что единство не можетъ установиться безъ при-

нужденія, а потому и не может обойтись безъ участія монархіи». (стр. 287). Въ монархіи же Каттанео не былъ расположенъ и не видѣлъ особенной выгоды промѣнять австрійцевъ на сардинцевъ или на когдъ бы то ни было. «Онъ былъ противъ союза Ломбардіи съ Пьемонтомъ, говоря, что предпріятіе гражданъ состоитъ въ завоеваніи свободы и независимости, и что поэтому онъ не хочетъ той независимости, которою пользуются въ Австріи». (ibid). О Карлѣ Альбертѣ, который между тѣмъ «подписывалъ смертные приговоры, заключалъ въ темницы, проливалъ кровь за одинъ крикъ: да здравствуетъ Ній IX!» — объ этомъ Пьемонтскомъ Филиппѣ II Каттанео былъ весьма не лестнаго мнѣнія. «Карлъ Альбертъ не любитъ свободы, да и не можетъ ее любить», говорилъ онъ. Д. Сорія приводитъ (стр. 324) слѣдующія слова Каттанео, сказанныя имъ миланскимъ аристократамъ:

Сдаваясь Карлу Альберту на условіяхъ, вы поступите болѣе, чѣмъ неблагоразумно, и заключать условія теперь не время; словомъ, ваше положеніе напоминаетъ бѣднаго передъ дверью ростовщика. Скажите, остались ли вы довольны своей сдачей австрійскому дому въ 1814 году?

Трудно было найти человѣка болѣе умнаго, болѣе благороднаго, болѣе самоотверженнаго и безкорыстнаго, болѣе проникнутаго любовью къ свободѣ и даже лучше понимающаго положеніе дѣлъ, потребности времени и характеры современниковъ. Но не смотря на все это, Каттанео былъ однимъ изъ числа тѣхъ людей, которые погубили итальянскую свободу въ 1848 г. Какъ и почему—мы увидимъ ниже, а пока обратимся къ событіямъ. Уже при первомъ порывѣ народа Радецкій долженъ былъ удалиться съ войскомъ въ цитадель; въ городѣ за нимъ осталось только нѣсколько зданій; владея ими, австрійцы причиняли гражданамъ большой вредъ. Съ колокольни собора они стрѣляли не только въ вооруженные отряды гражданъ, но и убивали женщинъ и дѣтей, остававшихся въ домахъ или проходившихъ по улицѣ. Дѣлая набѣги на улицы изъ своихъ притоновъ, австрійцы, между прочимъ, убили священника въ церкви св. Варфоломея, грабили, насиловали женщинъ.

«Изъ семейства Фортисъ они убили одиннадцать безоружныхъ человѣкъ и разграбили все, что было въ домѣ. На трупѣ одного солдата нашли женскую руку, украшенную кольцомъ; они вѣшали плѣнныхъ на де-

ревлять, безчестия даже мертвым тѣла невинныхъ дѣвушекъ, вздвигая на щипки малыхъ дѣтей и сжигали много семейство» (293).

«Было найдено восемь дѣтей, изъ которыхъ одни были разбиты объ стѣну, другіе брошены на землю и раздавлены погами. Нашли двоихъ пригвожденныхъ къ ящику. Двое были сожжены на скапидарѣ; одинъ ребенокъ, проткнутый штыкомъ, былъ пригвожденъ къ дереву, на которомъ онъ корчился въ жестокой агоніи предъ глазами своей матери. Другой, еще грудной ребенокъ, ради какой-то звѣрской шутки, былъ брошенъ на грудь матери, чтобъ продолжать сосать уже остывшую грудь. Другой былъ разсѣченъ на двое: объ половины разсѣченного трупа были связаны его же кишками. Пять дѣтскихъ головъ были положены передъ глазами ихъ умравшихъ отцовъ; зародышъ, вырванный изъ утробы матери, служилъ игрушкою злодѣямъ. Въ мѣшкѣ одного кроата найдена была женская рука, на которой были кольца. Многимъ были выколоты глаза, отрезаны языкъ, руки и ноги. Эти чудовища сперва мучили людей, а потомъ убивали ихъ штыками. Нѣсколько человекъ было сожжено въ извести, другіе были заживо похоронены въ водосточныхъ трубахъ и колодцахъ. Иныхъ сожгали, обмазавъ предварительно смолой. Восемь обгорѣлыхъ труповъ были найдены въ гостинницѣ у воротъ Тола; столько же въ другой гостинницѣ у воротъ Верцеллина; девять труповъ—въ роцѣ близъ Тессинскихъ воротъ были найдены раздавленными и страшно изуродованными. Видны были слѣды усилій, которая употребляла одна несчастная женщина, чтобы спастись изъ камина. Я умалчиваю объ убійствахъ, совершенныхъ въ домахъ, надъ спящими въ постеляхъ и въ другихъ мѣстахъ. Одного заставили стать на колѣна на трупъ его родного брата, и въ этомъ положеніи онъ былъ заколотъ штыкомъ. Двое несчастныхъ, отецъ и сынъ, были вмѣстѣ повѣшены на бульварномъ деревѣ. Сынъ Маріи Беллани былъ сожженъ. Братъ и сынъ Джіованно Пиацци были умерщвлены (*)». (Гарнье—Пажесь. Исторія революціи 1848 года. Т. I. стр. 89—70).

По всему этому видно, что австрійцы понимали войну, какъ войну, и были далеки отъ мысли считать ее чѣмъ-то въ родѣ дуэли между двумя маркизами, гдѣ прежде, чѣмъ убить противника, надо расшаркаться передъ нимъ.

Не смотря на энергію Радецаго и звѣрскую жестокость его дикихъ ордъ, онъ долженъ былъ просить перемирія. Хотя миланцы обращались съ плѣнными шпионами и офицерами, какъ съ друзьями, возвратившимися изъ далекаго путешествія, тѣмъ не менѣе Радецкій былъ не доволенъ ими за то, что они, по его словамъ, имѣли без-

(*) Бавтлю. Исторія итальянскихъ революцій.

совѣстность выхватить его войска въ распlochъ, *кромѣ междуна-
роднаго права*. Это доказываетъ, что престарѣлый фельдмаршалъ
соединялъ въ себѣ мужество и энергію воина съ мудростью и уче-
ностью законовѣда, потому что умѣлъ также хорошо располагать
всеми параграфами междунаго права, какъ и австрійскими
батальонами. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ его не столько занимало
нарушеніе гражданами междунаго права, сколько мысль дождаться
изъ Пьяченцы бомбъ, чтобы бомбардировать городъ, имѣвшій безче-
ловѣчіе не предупредить его заблаговременно о своемъ намѣреніи
возстать. Съ этой цѣлью онъ отправилъ къ итальянцамъ кроатскаго
майора Эттенгаузена просить трехдневнаго перемирія. Итальянцы о
бомбахъ не знали, но любопытство ихъ было возбуждено другимъ
обстоятельствомъ, а именно, они хотѣли знать: «гдѣ ручательство
за то, что ночью граждане не будутъ арестованы и отправлены на
висѣлищу»? Этимъ вопросомъ кроатъ, исполненный чувства военной
чести, оскорбился до крайности и не безъ основанія, потому что
дѣйствительно о такой штуцѣ не помышляли, а имѣли другое на-
мѣреніе, а именно на счетъ бомбъ.

Но такъ какъ перемирія не было дано, то 25 марта, послѣ
борьбы, продолжавшейся съ недѣлю, Радецкій вечеромъ выступилъ
изъ города. Ночью миланцы увидѣли зарево пожара: это Радецкій
жегъ своихъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ на гигантскомъ ко-
стрѣ. Подобное ауто-да-фе можетъ показаться страннымъ, особенно
вспомнивъ, что оно происходило не долѣе 16 лѣтъ тому назадъ; но
Д. Сорія говоритъ, что это фактъ вполне доказанный (стр. 310).

Но мы сейчасъ увидимъ, что итальянцы имѣли о войнѣ понятія,
приносящія честь не столько ихъ разсудительнымъ способностямъ,
сколько свидѣтельствующія о добротѣ ихъ сердца.

Въ Венеціи возстаніе вспыхнуло почти въ одно время съ милан-
скимъ. Здѣсь дѣло обошлось безъ особеннаго кровопролитія, потому
что австрійцы были слабѣе числомъ и поэтому добрѣе. Сначала
они хотѣли отдѣлаться хитростію и дешевыми уступками, находя для
себя выгоднымъ уступить то, чего нельзя было защищать. Губерна-
торъ графъ Пальфи, плутъ первой руки, даже выразилъ радость и
удовольствіе быть первымъ градоначальникомъ конституціонной Ве-
неціи. Генералъ Мартини выслалъ изъ города арсенальнаго началь-
ника полковника Мариновича, о личности котораго лучше всего
можно получить понятіе, вспомнивъ майора въ «Мертвомъ домѣ».

Этот полковникъ вѣроятно считалъ свое отсутствіе въ арсеналѣ необходимымъ, потому что вскорѣ возвратился туда. Тогда мастеровые убили его.

Подобное происшествіе, столь естественное въ такое время, когда въ Миланѣ варили итальянцевъ въ скандарѣ, почему-то сильно интересуетъ всѣхъ, описывающихъ событія этой эпохи. Даже Д Сориа говорить: «нѣсколько презрѣнныхъ бросились на него и убили», но дальше продолжаетъ такъ:

Намѣреніе Манини принять подъ свое знамя мастеровыхъ, *этихъ гнусныхъ убійцъ Марковича*, поразило ужасомъ всѣхъ честныхъ агитаторовъ, которымъ суждено было стать въ головѣ движенія въ другихъ итальянскихъ государствахъ. Но эти честные агитаторы самымъ несчастнымъ образомъ погубили свое отечество, между тѣмъ какъ Венеція пала послѣднею и пала со славою! Революція—бичъ человѣчества, и поэтому тѣ честные люди, о которыхъ я буду говорить позже, поступали весьма благоразумно, не принимая въ ней участія. Но кто посвящалъ себя дѣлу революціи, тотъ не можетъ безнаказанно не подчиняться ея ужаснымъ условіямъ; желать же участвовать въ революціи съ закономъ въ одной рукѣ и съ катихизисомъ въ другой—все равно, что добровольно подставлять шею подъ палку. Нельзя не возмутиться при мысли объ этой *подлой и ничьей не оправдываемой жестокости венеціанскихъ мастеровыхъ*; но Венеція грозило бомбардированіе, и Манини могъ рассчитывать только на революціонную силу; мастеровые же составляли самую сильную партію, а потому Манини не могъ обойтись безъ нихъ». (стр. 277).

Эти слова весьма справедливы, хотя нѣкоторыя выраженія, попадающіяся въ нихъ, противорѣчатъ общей мысли. Дѣйствительно, или воевать, или серьезно толковать о законѣ и справедливости. Честные же агитаторы воображали, что можно защищаться великодушіемъ отъ нападенія враговъ. Впрочемъ напрасно они ужасались кровожадности Манини, который самъ былъ умилительно наивенъ и не задумался отправить коварнаго Пальфи въ Триестъ. Эксъ-губернаторъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ велѣть австрійской эскадрѣ овладѣть венеціанскими судами, прежде чѣмъ моряки узнали о событіяхъ въ своемъ городѣ. Такимъ образомъ, Венеція лишилась флота, что не мало способствовало плачевному исходу дѣла; за то на этотъ разъ честные агитаторы и историки—моралисты не могли упрекнуть Манини за несоблюденіе вѣжливости относительно графа Пальфи.

Этого упрека, равно какъ и обвиненія въ честолюбіи, властолюбіи и другихъ «гнусныхъ» порокахъ честные агитаторы боялись

нуже австрийцевъ. Мы сейчас увидимъ, какъ они дѣйствовали подъ вліяніемъ этого страха.

Въ Миланѣ еще продолжался бой на баррикадахъ, когда начались интриги аристократіи въ пользу Карла Альберта; другими словами, миланцы еще не вылезли изъ кулуара, а заботливые патриціи уже готовили имъ рогожку. Они были бы готовы немедленно провозгласить Карла Альберта, но на ихъ бѣду вся дѣйствительная власть принадлежала не ихъ трусливой шайкѣ, а людямъ, дравшимся на улицахъ вмѣстѣ съ народомъ. Пока сраженіе продолжалось, до тѣхъ поръ въ Миланѣ была одна только власть—предводители народа, во главѣ которыхъ стоялъ Каттанео. Но Каттанео уже на первыхъ порахъ выказалъ, что онъ гораздо способнѣе написать трагикомію объ обязанностяхъ христіанина, чѣмъ стоять во главѣ народнаго движенія. Съ его стороны было очень благоразумно не соглашаться на провозглашеніе республики, покуда Радецкий былъ въ Миланѣ, по тому что онъ могъ не безъ основанія полагать, что аристократы рѣшатся въ такомъ случаѣ на самую рѣшительную мѣру. Но странно было, что онъ допускалъ Казати, который ожидалъ сначала себѣ негли, мало по малу не только ободриться, но и дѣлать распоряженія, несогласныя съ видами Каттанео. Казати все болѣе и болѣе забиралъ въ свои руки власть, назначалъ своихъ друзей—аристократовъ и бывшихъ австрийскихъ полицейскихъ, какъ Дурані, Порро, Гачіарди, Граццели членами муниципалитета, противился учрежденію временнаго правительства и призванію на службу опытныхъ офицеровъ. При этомъ онъ прямо говорилъ, что «я не хочу окружать себя людьми, запятнавшими свое имя участіемъ въ возмущеніи 1815 года». Правда, Казати съ своимъ муниципалитетомъ не имѣлъ никакого значенія, и учрежденный Каттанео военный совѣтъ вполне замѣнялъ временное правительство, но такъ какъ онъ не предпринималъ ничего, чтобъ воспрепятствовать Казати достигнуть интригами власти, то вскорѣ потерялъ добровольно всѣ выгоды своего положенія.

Когда побѣда явно склонилась на сторону гражданъ, Казати сталъ сильно опасаться, чтобы военный совѣтъ не объявилъ себя временнымъ правительствомъ. Члены этого совѣта, особенно храбрый Чернуски, дѣйствительно нахѣревались сдѣлать это, чтобы, взявъ въ свои руки власть, помѣшать дальнѣйшимъ плутнямъ аристократіи. Чернуски уже написалъ прокламацію и требовалъ, чтобы Каттанео

признавать ее. Но Каттанео гораздо больше помышлялъ о своемъ себѣ и о своей репутаціи, чѣмъ объ успѣхѣ дѣла, и отказался принять власть. Тогда партія Мадони ободралась и, видя ничтожество и недѣляемость неавлентинскихъ демократовъ, объявила себя временнымъ правительствомъ. Каттанео, какъ человѣкъ вполнѣ благонамѣренный, послушно отказался даже отъ той власти, которую нѣгаль, и на другой день военный совѣтъ былъ уничтоженъ.

Аристократы еще до изгнанія австрійцевъ завели переговоры съ Баркокомъ Альбертомъ. Сначала казалось, что переговоры эти не могутъ увѣчаться успѣхомъ, потому что во-первыхъ партія аристократовъ была слаба, а Каттанео, какъ мы выше видали, былъ весьма не расположенъ къ сардинскому королю; во-вторыхъ и самъ Карлъ Альбертъ былъ муть ума зрѣлаго и опытнаго и не могъ увлекаться глупой мечтой о чьей нибудь свободѣ, особенно когда эта свобода еще зависѣла отъ неравной борьбы почти безоружныхъ гражданъ съ многочисленнымъ войскомъ. Поэтому Карлъ Альбертъ, съ одной стороны, обудывая арестами и казнями нетерпѣніе туринцевъ, желавшихъ идти на помощь Милану, съ другой—не переставалъ увѣрять австрійцевъ въ своей преданности; преданность эту онъ доказывалъ и фактами: не давалъ туринскимъ и генуэзскимъ волонтерамъ оружія и не выпускалъ ихъ за границу; поучался воспренятствовать проходу изъ Швейцаріи отряда комбарцевъ подъ начальствомъ Симонетти, и т. д. Миланскимъ аристократамъ, предлагавшимъ ему корону, онъ далъ отвѣтъ, смыслъ котораго можно выразить поговоркой: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.

Но вотъ до него доходитъ извѣстіе, что побѣда склоняется на сторону миланцевъ. Аристократы продолжаютъ звать его; но, будучи лучшаго мнѣнія о народныхъ вождяхъ миланцевъ, чѣмъ они заслуживали и, зная безсиліе аристократической партіи, Карлъ Альбертъ хотя и на минуту соблазняется такимъ жирнымъ кускомъ, какъ желѣзная корона, но опасается, что она не достанется ему, вслѣдствіе сопротивленія Каттанео и его товарищей, и что онъ совершенно даромъ будетъ вовлеченъ въ войну съ австрійцами. Поэтому онъ поручилъ интриганшескому въ Туринѣ миланскому патрицію, графу Маринни, съѣздить въ Миланъ и продать гражданамъ свою королевскую поощенъ за корону Ломбардіи. Но, вѣроятно, онъ сильно сомнѣвался, чтобы, въ случаѣ побѣды гражданъ, они рѣшились купить

у него эту помощь цѣной только-что завоеванной свободы; поэтому онъ продолжалъ дѣйствовать какъ, какъ будто бы нагнѣвался оставаться вѣрнымъ другомъ Австріи. Но вдругъ обстоятельства измѣнились. Вечеромъ 23-го марта, послѣ окончательной побѣды миланцевъ, Мартини прибылъ въ Туринъ.

«Отвѣтъ, привезенный имъ изъ Милана», говоритъ Д. Сориа, «мало льстилъ честолюбію Карла Альберта, который, узнавши, что ломбардцы не хотятъ признать его своимъ королемъ, можетъ быть и не рѣшился бы на войну, еслибъ не примѣшалась къ этому болѣе побудительная причина. Мартини объявилъ, что побѣдившіе ломбардцы, сильно вооруженные и поощренные настоящими успѣхами, не замедлятъ провозгласить у себя республику, если пьемонтская армія не успѣетъ предупредить ихъ. При этихъ словахъ Карлъ Альбертъ поблѣднѣлъ; у него вдругъ мелькнула мысль, что и пьемонтцы, увлеченные примѣромъ ломбардцевъ, могутъ захотѣть подражать имъ, и потому обладаніе ломбардской короной отошло для него на второй планъ; теперь онъ дрожалъ при мысли о торжествѣ республики въ Италіи, которая могла поставить въ сомнительное положеніе его собственную власть; вотъ почему онъ рѣшился на войну, не будучи даже приготовленъ къ ней. Онъ считалъ въ Ломбардію, какъ будто для того, чтобы потушить тамъ страшный пожаръ».

(стр. 344).

Другими словами ему представлялась дилемма: или и журавль и синица, или ни того, ни другого; разумѣется, онъ выбралъ первое, и въ тотъ же вечеръ подписалъ объявленіе войны Австріи. Кромя того его смущало другое обстоятельство. Судя по себѣ и по своимъ товарищамъ, которымъ вовсе не нужно было изучать Маніфеста, чтобы быть послѣдовательными, онъ предполагалъ, что вожди миланцевъ и венеціанцевъ предпочтутъ, въ случаѣ надобности, обратиться за помощью къ республикѣ французской, чѣмъ къ тому, кто былъ столько лѣтъ врагомъ Италіи и другомъ Австріи и позорно измѣнилъ итальянцамъ въ 1831 году. Съ другой стороны, онъ полагалъ, что и французское республиканское правительство не откажется подать руку помощи республиканскому принципу въ Италіи, особенно въ виду всеобщаго вооруженія противъ него монархической и унитарной Европы. Призракъ Франціи, помогающей Италіи, не давалъ спокойно спать ни одному дипломату отъ Неаполя до Лондона. «Любезный другъ», писали они другъ другу: «Любезный другъ, лордъ Пальмерстонъ, сверженіе Людовика Филиппа, учрежденіе республики во Франціи внушили вамъ ужасъ. Помощь ей такъ же

страшна, мнѣ и вражда.» (Гарнье-Паньосъ. т. I, стр. 190, 233). Но если ктонибудь изъ представителей унитарнаго принципа болѣе дружелюбно относился къ Франціи, то, конечно, это былъ Карлъ Альбертъ.

«Ломбардо—Венеціанское правительство», говоритъ Д. Сорія, «стремилось съ себя австрійское иго; овладѣвъ своею будущаго, оно могло или только ограничиться совершеннымъ завоеваніемъ независимости, или шагнуть дальше по пути свободы. Маннини, провозгласивъ въ Венеціи республику, надѣялся, безъ сомнѣнія, возбудить этимъ сочувствіе французовъ. Сердца ломбардцевъ были также обращены къ нимъ. Такимъ образомъ Карлъ Альбертъ, желая отстранить вліяніе французовъ на Италію, не спѣшилъ официально признать французскую республику. Вступая одинъ въ Ломбардію, онъ могъ бы силою своей арміи сдѣлать изроченныя стремленія,—и еслибы вышелъ оттуда побѣдителемъ, то, разумется, удвоилъ бы свое королевство: выйдя побѣжденнымъ, онъ могъ бы возвратитъ Австріи занятую имъ страну, и получилъ бы отъ нея благодарность, по крайней мѣрѣ, за то, что спасъ Италію отъ заразы и погущества Франціи. Возвратясь усталымъ въ свое государство, онъ во всякомъ случаѣ нашелъ бы успокоеніе на пьемонтскомъ тронѣ.» (стр. 319).

Поведеніе его, правда, казалось неблаговиднымъ, но въ сущности намѣренія и цѣли его были таковы, что скорѣе обзывали Австрію благодарностью ему, чѣмъ враждою.

На случай недоразумѣнія онъ спѣшилъ изъяснить все это европейскимъ дипломатамъ, и, торгуясь съ миланцами изъ за своей помощи, онъ въ тоже время объяснялъ такимъ образомъ англійскому посланнику значеніе этой помощи:

«Охранять собственное существованіе есть первый долгъ и первая обязанность каждаго государства. Настроеніе провинцій и столицы способствуетъ распространенію волненія, готоваго въ самомъ непродолжительномъ времени перейти въ революцію, которая можетъ поставить тронъ въ большую опасность; послѣ французскихъ событій нельзя не признаться, что провозглашеніе республики въ Ломбардіи сильно угрожаетъ паденіемъ трону. Настроеніе умовъ въ Пьемонтѣ показываетъ, что и тамъ не замедлитъ обнаружиться подобное же движеніе. А потому, король поставленъ въ необходимость воспрепятствовать ломбардскому востанію принять республиканскій характеръ, чтобы удалитъ отъ Пьемонта и всей Италіи катастрофу, которая будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ введенія у насъ подобной формы правленія.» (стр. 320).

Для всѣхъ этихъ благонамѣренныхъ цѣлей Карлъ Альбертъ издавъ 24 марта слѣдующую прокламацію:

Карлъ Альбертъ, Божією милостію король Сардиніи, Кипра и Іерусалима и проч.

Народы Ломбардіи и Венеціи!

«Судьба Италиі приспѣла: счастливая будущность улыбается неустрашимымъ защитникамъ правъ, попранныхъ ногами (sic!).

Мы—ваши кровные друзья, понимающіе предстоящія времена и желающіе «одного съ вами,—мы первые провозглашаемъ всеобщее удивленіе къ вамъ Италиі. (А не дальше 20-го числа мы стрѣляли въ туринцевъ за провозглашеніе этого удивленія.)

Народы Ломбардіи и Венеціи!—Наше оружіе уже сосредоточивалось на вашей границѣ (sic, sic!), когда вы предупредили ваши желанія славнымъ освобожденіемъ Милана; теперь мы вамъ предлагаемъ въ вашихъ дальнѣйшихъ испытаніяхъ помощь, ожидаемую братомъ отъ брата и другомъ отъ друга (это вѣрно!).

Мы поможемъ вамъ исполнить ваши справедливыя желанія, полагаемъ свои надежды на Бога, видимо намъ покровительствующаго, на того Бога, который далъ Италиі Пія IX (но еще три дня тому назадъ мы разстрѣливали за крикъ: да здравствуетъ Пій IX!) и который своимъ чудотворнымъ дѣйствіемъ даетъ Италиі возможность самой устроить свою судьбу (*rose l'Italia in grado di fare da se*).» (Гарнье—Пажесь Т. I. стр. 423—26).

«Лучше гибнуть подъ гнетомъ Австріи, чѣмъ спастись при помощи французской республики: вотъ смыслъ рековыхъ словъ *Italia farà da se*,» говорить Д. Сорія (319).

Всѣ эти увертки, разумѣется, не повели бы ни къ чему и не могли бы сдѣлать того, что пришлось не по силамъ Революціи съ его арміей, если бы въ Миланѣ и въ Парижѣ во главѣ правленія были люди, достойные довѣрія народа, а не сентиментальныя и бездушныя риторы или чувствительные мечтатели, заботившіеся только о своей репутаціи. Но мы видѣли, что Бтанео добровольно предалъ миланцевъ кознямъ аристократовъ; мы видѣли, что ясный взглядъ на вещи не позволялъ ему допустить Казати навлечь себѣ нось. Онъ только рассуждалъ о томъ, что Карлъ Альбертъ *долженъ* дѣйствовать безкорыстно, въ то время когда патриціи продавали ему Ломбардію. Манини былъ, правда, умнѣе и энергичнѣе, и не смотря на свою благонамѣренность, доходившую до того, что не хотѣлъ выйти изъ тюрьмы безъ позволенія губернатора, бывшего уже агли-

ником народа, превозгласяя республику и, соорбявая, какъ въ годѣе, а не какъ красивѣе, не твердилъ безосмысленныхъ словъ въ родѣ *Italia farà da se*, а обратился за помощью къ Франціи.

Гарнье-Пажесь краснорѣчиво разглагольствуетъ о храбрости командира и экипажа фрегата «Асмодей», посланнаго Франціей къ Венеціи. Этотъ фрегатъ я былъ единственной помощью, данной Итали Ламартиномъ и его сподвижниками. Правда, Ламартинъ говорилъ много надутыхъ рѣчей и давалъ пропасть обѣщаній, но на дѣлѣ даже отказался *продать* венеціанскому правительству оружіе и казначейскія лодки, которыя оно желало купить. Ламартинъ, впрочемъ, откровеннѣе Гарнье-Пажеса и въ своей книгѣ говоритъ съ замѣчательнымъ безстыдствомъ о своемъ поведеніи въ это время, видимо, впрочемъ, любуясь и утѣшаясь собою и сохраняя для потомства всѣ сказанныя имъ въ это время рѣчи, въ которыхъ тупоуміе соперничаетъ съ ижднолюбіемъ.

(стр. 333). Заинтересованныя дѣломъ близкимъ къ сердцу, націи должны (если слушаться правилъ, подобныхъ *Italia farà da se*) дѣйствовать особо; но если онѣ подадутъ другъ другу руку и пожелають держаться вѣсть, зная, что народы торжествуютъ, только соединивъ свои силы, то по Ламартину это значить *нарушить политическую честность?*

Событія, послѣдовавшія въ Миланѣ, послѣ изгнанія австрійцевъ таковы, что незнаешь, чему болѣе удивляться, —наивности ли борцовъ за независимость или низости ихъ тайныхъ враговъ. Въ перыи же день граждане, опасаясь возвращенія Радецкаго, просили разрушить цитадель, которая годилась только врагамъ ихъ, потому что, по обычаю всѣхъ цитаделей благоустроенныхъ государствъ, она могла служить не для защиты города, а для бомбардированія его самаго. Капитанъ не согласился. Тогда граждане написали и напечатали прошеніе, въ которомъ контерили ту же просьбу. Но правители, видя, что имъ все слѣдить съ рукъ, не только не исполнили просьбу, но даже засадилъ въ тюрьму типограва Анжели, напечатавшаго и Джерцаги, написавшаго прошеніе. Цитадель была, такимъ образомъ, сохрана, и когда Радецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся назадъ, то могъ снова бомбардировать городъ. Вообще временное правительство ослѣдительно убѣдилось, что за наивнью и предательство

свѣта быть не можетъ, и безъ церемоній стало вѣнчать Ломбардію средствомъ къ защитѣ. Оно распустило 10,000 войска, приставшаго къ итальянцамъ «за бунтъ ихъ противъ Австріи» и, не стѣсняясь ничѣмъ, прямо объявило, что не желаетъ сильно преслѣдовать Радецаго, потому что «было бы неучтиво самимъ совершенно окончить войну, пригласивъ Карла Альберта.» Кавати дошелъ даже до того, что сказалъ, что «было бы безправственно взять въ плѣнъ Радецаго», и находились люди, восхищавшіеся такимъ предательскимъ великодушіемъ. Послѣ этого мы уже не удивимся, узнавъ, что однимъ изъ первыхъ распоряженій измѣнниковъ было уничтожить свободу слова. Каттанео же вполне довольный тѣмъ, что не подалъ повода заподозрить себя въ честолюбіи, занимался сочиненіемъ писемъ къ разнымъ націямъ. Д. Сорія приводитъ (стр. 467—70) слѣдующее письмо его къ венгерцамъ:

«Храбрые венгерцы! между плѣнными и ранеными, которые достались намъ послѣ пятидневной битвы, есть многіе изъ вашей благородной страны. Теперь мы возвращаемъ вамъ духовныхъ лицъ, потому что священный санъ избавляетъ ихъ отъ законовъ войны, и, наконецъ мы отправляемъ ихъ для того, чтобы они возвѣстали вамъ наше желаніе возвратить безъ выкупа или обмѣна всѣхъ другихъ плѣнныхъ и раненныхъ венгерцевъ. Съ этой цѣлю мы посѣтили госпитали и сдѣлали распоряженіе розыскать плѣнныхъ венгерцевъ въ другихъ городахъ. Когда мы собираемъ ихъ всѣхъ въ Павію или Кремонъ, то будемъ ожидать пріисылки вашихъ комиссаровъ, которые должны будутъ заняться отправленіемъ ихъ на пароходахъ по рѣкѣ По и Адриатическому морю до Триеста. Пусть будетъ на нихъ милость Божія, такъ какъ Богу угодно было нашей побѣдой избавить ихъ отъ службы въ арміи невольниковъ. Свидѣтемъ тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя преодолѣлъ нашъ народъ, почти безоружный, они вамъ расскажутъ примѣры неслыханной жестокости приверженцевъ тираніи. Когда они вамъ будутъ говорить о старикахъ, женщинахъ, дѣтяхъ, изрубленныхъ въ куски, сожженныхъ живыми, вы войдете изъ какой страшной бездны вынесъ насъ Господь. Когда они прибавятъ къ этому, что не смотря на всѣ ужасы тираніи, нашъ раздраженный народъ принималъ, какъ братьевъ, раненныхъ и плѣнныхъ, вы увидите, на сколько отъ достойнъ друзей всѣхъ благородныхъ людей и отбросите въ сторону ту недовѣрчивость и ненависть, которыя стараніями придворныхъ лицъ поселились между нами и нами. Венгерцы! 28-го апрѣля 1814 года, четыре недѣли спустя послѣ паденія Парижа, мы добровольно и охотно приняли австрійскую армію въ нашъ городъ, съ тѣмъ, чтобы принцъ изъ дома Маріи Терезіи упреждалъ нами, какъ независимыхъ государствъ. Съ тѣхъ поръ, про-

должны грабятъ теперь дѣтъ, имъ терпѣли вероломными ирландцами и постоянными грабительства: но величайшимъ для насъ оскорбленіемъ было то, что насъ и всѣхъ нашихъ соотечественниковъ представили передъ глазами цѣлаго свѣта, какъ выродившееся и трусливое покорное. (*) Кровь 300,000 воиновъ, оросившая въ войнахъ Франціи доли Кольберга, Аустерлица, Рааба, Жироны, Валепція, Каттаро, Малопроелица, Баудена, Дрездена, Гавау и Мантуй не доставила намъ чести и спасенія. Благодаримъ Бога, что онъ послалъ намъ, наконецъ, картенныя схваты въ Миланъ и Палермо. Народъ нашъ можно сравнить теперь съ дворяниномъ, который дуэлью уничтожилъ клевету. Этотъ народъ протягиваетъ вамъ руку, освященную побѣдой, но не запятанную ипшеніемъ и жестокостію. Онъ не проситъ у васъ дружбы, связавшей прежде тѣхъ самыхъ сподвижниковъ, которыхъ теперь судьба заставляетъ сражаться другъ противъ друга. Пусть, наконецъ, Богъ смягчитъ сердца народныхъ *украшителей* (?), которые направляютъ народъ на разню другъ съ другомъ. Велика бы была заслуга цивилизціи нашего времени, еслибъ народы подымали мечъ только для защиты родной земли. Венгрія, въ вѣковой борьбѣ съ оттоманами имѣла въ союзъ съ одной стороны Венецію, а съ другой — Польшу. Вспомните, чѣмъ вы обязаны Италіи. Плугъ, который провелъ первыя борозды на берегахъ Тиссы, былъ италіянскій; италіянскими руками построены первый мостъ черезъ Дунай: все ваше отечество покрыто останками нашихъ предковъ. Италія вамъ дала христіанскую религію. Италія вамъ давала продолженіи десяти вѣковъ языкъ алтарей и законовъ, главные узлы вашего народнаго единства. Слѣдуя законамъ новыхъ народныхъ правъ, мы можемъ смотрѣть на васъ, какъ на друзей, свободныхъ и довольныхъ въ неприкосновенныхъ предѣлахъ отечества. После победы для насъ всего дороже ваша дружба, она сдѣлаетъ насъ свободными.»

На это воззваніе венгерцы отвѣчали:

«Иностранецъ высасываетъ кровь и богатство Венгріи; при извѣстіи объ италіянской революціи мы отозвали свои полки. При чтеніи вашего адреса мы воскликнули, что преступная противъ васъ война не должна быть терпима, и мы отъ имени венгерскаго народа провозглашаемъ, что тотъ не будетъ символомъ свободной страны, кто возстанетъ противъ свободы. Наше пламенное желаніе — свобода Италіи; отъ нея зависитъ счастье наше и всей Европы» (стр.470).

Въ той части труда Д. Сорія, которая до сихъ поръ появилась въ русскомъ переводѣ, мы еще не находимъ горькихъ послѣдствій

(*) Принадлежало г. переводчику подумать о настроеніи этого періода.

образа дѣйствій честныхъ агитаторовъ, хотя уже можемъ предполагать ихъ, основываясь на свойствахъ и поступкахъ людей, которыми они предали управленію движеніемъ. Посмотримъ теперь, каковы были дѣйствія революціонной партіи въ Южной Италиі. Въ Неаполѣ, послѣ того какъ у короля съ такими усиліями вытребовали конституцію, положеніе обѣихъ партій имѣло видъ двухъ непріятельскихъ лагерей наканунѣ сраженія. Барберизи, имѣвшій въ столицѣ наиболѣе власти и вліянія, вмѣсто того, чтобы противиться реакціоннымъ попыткамъ, бесѣдовалъ о нихъ съ Фердинандомъ, покачивавшимъ при этомъ съ сожалѣніемъ головой и обѣщавшимъ «защищать конституцію.» Однажды, напримѣръ, онъ сказалъ Барберизи, что заставить уважать конституцію, которую желаетъ охранять, что доказалъ тѣмъ, что далъ ее.» Барберизи совершенно удовлетворился этими словами, забывъ, чего стоило добиться у короля этой конституціи и при какихъ обстоятельствахъ она была дана.

Про эти хитрости, - уловки, интриги и тайные замыслы Д. Сорія говоритъ (стр. 300), что «впослѣдствіи эта система для нѣкоторыхъ являлась мудрою, а въ глазахъ людей гуманныхъ она была просто подлостью.» Но таковой приговоръ въ высшей степени несправедливъ; о поступкахъ Фердинанда нельзя судить въ этомъ случаѣ съ революціонной точки зрѣнія, нельзя требовать, чтобы Фердинандъ пересталъ быть Бурбономъ и сдѣлался бы сразу человекомъ либеральнымъ. Тайное общество, интриговавшее теперь противъ конституціи, не было новостью. Члены его были отставные полковники и прочія должностныя лица, уволенные новымъ правительствомъ или лишившіяся при немъ прежнихъ выгодъ; слѣдовательно это было прежнее правительство, только съ той разницей, что прежде, когда оно было господствующимъ, оно дѣйствовало открыто, а теперь интриговало въ тайнѣ; притомъ и прежде, пользуясь властію, развѣ оно всегда дѣйствовало явно? Развѣ сикофанты, составившіе его, не прибѣгали къ тайнымъ мѣрамъ? Чтоже, слѣдовательно, было подлаго въ его нынѣшнемъ образѣ дѣйствія? Въ немъ не было ни особенной мудрости, ни особенной подлости, и иначе дѣйствовать оно не могло.

Но неаполитанскіе революціонеры воображали, что правительство могло поступать иначе и были увѣрены, что оно поступаетъ такъ, какъ имъ хотѣлось. Подобное заблужденіе было весьма странно, но тѣмъ не менѣе его раздѣляли всѣ, даже такіе люди, какъ Пэоріо или

Нене; наконецъ, самый замѣчательный и способный человекъ, поэтъ Леопарди, и тотъ, вернувшись послѣ 15-ти лѣтней ссылки, изъявлялъ желаніе возложить на голову Фердинанда лавровый вѣнецъ бессмертія.

«Чтобъ вырвать изъ рукъ правительства нить заговора, нуженъ былъ умный, хитрый человекъ, который, пользуясь своей популярностью и извѣстностью Боццелли, окруженнаго интригами, могъ бы сдѣлаться сильнѣе правительства и принудить его принять мѣры предосторожности для общественнаго блага. Въ Неаполѣ было много умныхъ и честныхъ гражданъ; но сильнѣе направляли свои удары на встряпныя мельницы, думая, что нападаютъ на гигантовъ, и ни одинъ изъ нихъ не обладалъ тѣми способностями, которыя необходимы каждому, желающему спасти государство отъ угрожающихъ ему несчастій, «(стр. 364).» Итальянцы не могли обольщаться надеждой пользоваться у себя упроченной свободой, тѣмъ болѣе они не должны были ожидать, что ихъ государи, принужденные отказаться отъ неограниченной власти, согласятся сами *запечатланы свое отрпченіе* (?) искреннимъ обязательствомъ сражаться противъ Австрійцевъ, этихъ угнетателей Италіи, и ихъ союзниковъ. (417).

Нельзя не сознаться, что Фердинандъ былъ не только хитръ, но и умнѣ своихъ министровъ; въ довершеніе всѣхъ глупостей, они наставляли, чтобы онъ отправлялся на помощь Карлу-Альберту. Д. Сорія справедливо *) говорить, что если они желали сами свергнуть австрійское иго, то какое право имѣли они считать Фердинанда такимъ Донъ-Вихотомъ, чтобы онъ сталъ трудиться на пользу Карла-Альберта, который вѣдь, не смотря на свой либерализмъ, не захотѣлъ вести войну безкорыстно. Поэтому Фердинандъ отвѣчалъ имъ какъ нельзя болѣе разсудительно: «вы хотите заставить меня проливать кровь моихъ солдатъ и расточать сокровища страны для того, чтобы покорить новое государство Карлу-Альберту?» Такого взгляда на предметъ слѣдовало бы пожелать всѣмъ честнымъ антагонистамъ Италіи. Впрочемъ, Фердинандъ не только не препятствовалъ, но весьма поощрялъ волонтеровъ, отправлявшихся на сѣверъ. Для него было бы весьма выгодно, еслибъ ихъ отправлялось какъ можно больше, потому что тѣмъ легче бы ему было справиться съ остающимися революціонерами.

Послѣ зрѣлища безчисленныхъ промаховъ и глупостей, надѣян-

*) Я не привожу этого мѣста въ подлинникѣ, потому что оно неудобочтимо. См. Стр. 407.

ныхъ на всемъ полуостровѣ защитниками свободы, намъ будетъ пріятно взглянуть на поведеніе ихъ на островѣ Сициліи. Но именно въ этомъ случаѣ я во многомъ не могу согласиться съ Д. Сорія.

Съ незапамятныхъ временъ Неаполь и Сицилія, какъ государства, были во враждѣ другъ съ другомъ. Частыя перемены династій, царствовавшихъ въ этихъ королевствахъ, съ одной стороны сдѣлали въ Неаполѣ народъ весьма равнодушнымъ къ подобнымъ событіямъ, которыя въ другихъ странахъ, гдѣ династіи прочтѣе, сопровождаются страшными волненіями. Сицилійцы же всегда имѣли при подобныхъ обстоятельствахъ одно желаніе — отложиться отъ неаполитанскаго правительства. Д. Сорія упрекаетъ ихъ за то, что напр. въ 1799 г. они радостно приняли Фердинанда I, бѣжавшаго изъ Неаполя и повторили это въ 1806 г. при новомъ изгнаніи этого короля Французами. Но этотъ упрекъ въ высшей степени не справедливъ и вовсе не можетъ идти въ сравненіе съ жалобами сицилійцевъ на неаполитанцевъ. Сицилійцы говорили, что 12-го января 48 года, когда Сицилія возстала — неаполитанцы «*съ подлымъ равнодушіемъ смотрѣли на отправленіе противъ нихъ солдатъ*»; что они сражались за свободу, а неаполитанцы стрѣляли въ нихъ картечью; что, узнавъ о возстаніи въ Калабріи, они послѣшили на помощь возставшимъ неаполитанцамъ, но ихъ взяли въ плѣнъ и отправили въ цѣпяхъ въ Неаполь, гдѣ лаццарони всячески надругались надъ ними.

«Наконецъ, если вспомнить», продолжаетъ Д. Сорія, «старья обиды (какія же старья?), то окажется, что неаполитанцы отняли у сицилійцевъ свободу, уничтожили ея конституцію, поглотили ея сокровища, заняли своими чиновниками сицилійскія должности, и, дѣлая всевозможныя злодѣянія, привели островъ въ отчаянное положеніе нищеты и рабства. Но всѣ эти упреки не могли имѣть отношенія къ неаполитанцамъ, такъ какъ преступленія совершались только королемъ, его министрами, солдатами и лаццарони.» (стр. 390—91)

Последній доводъ есть не болѣе, какъ софизмъ, который весьма легко опровергнуть. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эти чиновники, эти солдаты, эти лаццарони не были неаполитанцы? Развѣ не естественно было со стороны сицилійцевъ желать имѣть лучше своего короля и своихъ солдатъ и чиновниковъ, чѣмъ неаполитанскихъ? И поэтому нельзя имъ ставить въ упрекъ, что они предпочли Фердинанда I герцогинейской республикѣ или Юсину Бонапарту, потому что прежде всего

они не желали посторонняго ига. Потому же они имѣли полное право отвѣтить неаполитанцамъ въ 1820 г., когда тѣ хлопотали о свободѣ: «отдѣлится отъ васъ—вотъ наша свобода»; и Д. Сорія совершенно напрасно ставитъ имъ въ упрекъ эти слова. Слова эти—упрекъ неаполитанцамъ, а не сицилійцамъ, потому что, если они были сказаны, особенно въ такое время, то это показываетъ, что сицилійцы дѣйствительно не могли быть хорошаго мнѣнія о братствѣ съ неаполитанцами, что послѣдніе дѣйствительно заслужили эту ненависть, потому что иначе откуда ей было взяться? Теперь неаполитанцы находили, что они будутъ свободны, добившись отъ короля конституціи. А сицилійцамъ этого было мало: прежде всего имъ слѣдовало освободиться отъ неаполитанцевъ и ихъ правительства, какъ бы оно ни называлось, Фердинандъ II, парламентъ или партенопейская республика. Поэтому мнѣ кажется весьма естественнымъ, что они успѣли объявить Фердинанда Бурбона неаполитанскаго и его династію лишенными сицилійскаго престола. Поступать иначе—значило стать въ противорѣчіе съ общимъ ходомъ событій.

Вожди сицилійцевъ, благородный Руджіеро Сентимо, Ламаса и другіе, лучше всѣхъ итальянцевъ понимали въ чемъ дѣло, и были на столько дальновидны, что предугадывали послѣдствія образа дѣйствій континентальныхъ революціонеровъ. Противъ мнѣнія этихъ вождей, особенно въ виду послѣдовавшихъ событій и роковаго 15 мая Д. Сорія не знаетъ, что отвѣчать и сначала какъ будто соглашается съ ними. Но потомъ снова начинаетъ порицать сицилійцевъ за то, что они лишили престола Бурбоновъ, а не удовольствовались изгнаніемъ неаполитанскихъ войскъ и прекращеніемъ сношеній съ Фердинандомъ, что, по его собственнымъ словамъ, было бы равносильно отпаденію отъ Неаполя. Но это сводится на то, что онъ порицаетъ ихъ за то, что они не остановились на полдорогѣ, за то, что они объявили о своемъ поступкѣ, придали ему рѣшительный характеръ, однимъ словомъ, онъ порицаетъ ихъ за то, за упущеніе чего онъ упрекаетъ неаполитанцевъ!

Послѣ этого и соображая ходъ дѣла въ Неаполѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, зачѣмъ сицилійцы не отправили своихъ силъ въ Ломбардію. Не могли же они, предвидя развязку 15-го мая въ Неаполѣ, обезоружить себя. Дѣло другое, еслибъ Неаполь послѣдовалъ ихъ примѣру: тогда бы они могли дѣйствовать въ Ломбардіи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ, о лучшемъ переводѣ которыхъ не

нѣшало бы по заботиться г. издателю, мы увидимъ къ чему привела итальянцевъ политика честныхъ агитаторовъ. Здѣсь же я повторю еще то, что сказалъ, говоря о первомъ выпускѣ, что сочиненіе Д. Сорія принадлежитъ къ числу лучшихъ книгъ, изъ появившихся у насъ въ теченіе прошлаго года и не можетъ даже идти въ сравненіе съ такими жалкими наборами краснорѣчивыхъ фразъ, какъ напр. книга Гарнье Пажеса о томъ же предметѣ.

Географія, подобно всѣмъ другимъ отраслямъ знанія, подверглась, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, существенной реформѣ. Съ одной стороны, этому способствовали болѣе глубокой взглядъ на достоинство и значеніе науки, развившійся въ послѣднее время; съ другой же, новѣйшія путешествія и безчисленные открытія, сдѣланныя на этомъ пути въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ и на всѣхъ другихъ. Александръ Гумбольдтъ и, еще спеціальнѣе, Карлъ Риттеръ могутъ быть названы основателями новѣйшаго землевѣденія, не имѣющаго ничего общаго съ прежними схоластическими учебниками географіи. Два небольшія сочиненія Риттера являются теперь въ русскомъ переводѣ, и уже объявлено издателемъ Глазуновымъ о скоромъ выходѣ его «Европы». Отдавая полную справедливость заслугамъ Риттера и, желая наискорѣйшаго утвержденія у насъ разумныхъ началъ, на которыхъ онъ основалъ свою науку, нельзя не замѣтить, однако, что оба, явившіяся въ переводѣ, сочиненія его, едва ли достаточны для справедливой оцѣнки заслугъ этого ученаго. Небольшая книжка: «Общее землевѣденіе», составленная по его лекціямъ извѣстнымъ географомъ Даніелемъ, можетъ имѣть значеніе лишь на столько, на сколько она служитъ осужденіемъ стараго понятія о землевѣденіи. Здѣсь Риттеръ вполне основательно и справедливо доказываетъ недостаточность и даже совершенную негодность существующихъ учебниковъ, составленныхъ не на разумномъ основаніи наблюденія и личнаго знакомства съ предметомъ, а на догадкахъ, соображеніяхъ и гипотезахъ. Это относится не только къ описанію такихъ неизвѣстныхъ странъ, какъ внутренность Азіи, Африки или Австраліи, но даже къ самымъ извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ

*

Риттеръ, не смотря на безчисленное множество существующихъ описаній Германіи, не задумывается сказать, что изъ числа ихъ нѣтъ ни одного, сколько нибудь сноснаго. Съ этимъ, разумѣется, охотно согласится каждый, когда либо выдавшій тѣ сухіе, до нельзя скучные перечни, которые извѣстны подъ именемъ географій. Въ тоже время всякій, читавшій какое нибудь порядочное описаніе путешествія, знаетъ, что землевѣденіе, въ настоящемъ смыслѣ, можетъ представлять глубокой интересъ. Конечно для полнаго ознакомленія съ предметомъ недостаточно книжнаго знанія; тотъ, кто со смысломъ изучилъ сосѣднія къ нему 10 миль, будетъ гораздо болѣе знать въ землевѣденіи, чѣмъ человекъ, вызубрившій самый многотомный учебникъ «Всеобщей Географіи», какъ они обыкновенно себя величаютъ. Слѣдовательно и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ естествознанія, личное наблюденіе дороже книжной учености. Природа открыта для каждаго, желающаго изучать ее, и съ небольшого куска земли человекъ можетъ приобрести гораздо больше познаній, чѣмъ изъ цѣлой бібліотеки ученыхъ и глубокомысленныхъ сочиненій. Хорошія описанія путешествій драгоцѣнны потому, что отчасти могутъ замѣнить личное наблюденіе въ отношеніи странъ, недоступныхъ для желающихъ познакомиться съ ними. Образецъ такого рода сочиненій могутъ служить описанія Г. Форстера его путешествій. За то рассказы праздношатающихся туристовъ Риттеръ справедливо ставитъ на одну доску съ учебниками, потому что если послѣдніе надобѣдаютъ сухимъ перечнемъ собственныхъ именъ, то первые сбиваютъ съ толку вздоромъ. Подобныя соображенія особенно важны для всѣхъ, занимающихся преподаваніемъ географіи. Надо желать, чтобы имъ поскорѣ насучило набивать головы своихъ учениковъ разными Ободовскими, и чтобы они обратились къ болѣе живому и полезному способу преподаванія. Ободовскихъ пора бросить подъ лавку, потому что теперь уже есть много прекрасныхъ книгъ, чтеніе которыхъ представляетъ большой интересъ, и способствуетъ развитію ученика. Что касается до положительной стороны книжки Риттера, то она слишкомъ незначительна, чтобъ быть интересной. Большая часть ея посвящена установленію географическихъ понятій, доселѣ весьма неопредѣлительныхъ, какъ напр. понятіе о плоскогоріи, примѣнявшееся впривъ и вкось. Затѣмъ слѣдуетъ общій, весьма краткій взглядъ на форму и положеніе материковъ и морей, не лишенный, по моему мнѣнію, странностей въ уподобленіяхъ и опредѣле-

нійхъ. Такъ напр. нельзя не замѣтить нѣкоторой натяжки въ сравненіи Европы съ «вѣнчикомъ растенія, коего корень и стволъ представляеть средина Азіи», при чемъ замѣчается, что «Африка есть нѣгѣ разившійся побочный стволъ»; странно также уподобленіе Европы животному организму; я сомнѣваюсь, чтобы можно было сказать «что Европа есть лице планеты, лицевая сторона Старого Свѣта, изъ глазъ котораго (?) наиболее ясно проглядываетъ духъ народный и душа всего человечества, въ послѣдствительномъ, преуспѣвающимъ своемъ развитіи.» (стр. 170).

Что касается до «Исторіи Землеуѣденія» того же автора, то объемъ ея (200 стр. и 8) слишкомъ не великъ для того, чтобы она могла быть особенно интересной. Къ тому же при незначительности объема, въ ней множество повтореній неизбѣжныхъ при той системѣ изложенія, которую избралъ авторъ. Именно, онъ описываетъ успѣха землеуѣденія у каждаго народа въ отдѣльности (это особенно относится къ древнѣйшимъ вѣкамъ), вмѣсто того, чтобы слѣдить за ними относительно постепеннаго ознакомленія всемірной исторіи съ различными странами, подобно тому какъ онъ поступаетъ относительно Гренландіи и Сѣверной Америки. Къ тому же онъ совершенно упускаетъ о географическихъ измѣненіяхъ, происшедшихъ уже въ историческія времена и слѣдовательно прямо касающихся его предмета. Такъ, хотя онъ и говоритъ о томъ, что причиной забвенія Гренландіи и Сѣверной Америки, открытыхъ еще въ IX и X в., и гибели поселившихся тамъ норманскихъ колонистовъ были льды, окружившіе берега этихъ странъ и преградившіе доступъ къ нимъ, но не объясняетъ причину этого факта. На эту причину указываетъ между прочимъ Шлейденъ въ своихъ популярныхъ лекціяхъ. Именно, она состоитъ въ прекращеніи теплаго теченія, направлявшагося отъ устья Миссисиппи къ Сѣверу и дѣлавшаго климатъ Гренландіи и Исландіи болѣе умѣреннымъ, что доказываютъ колоніи, процвѣтавшія на этихъ берегахъ до XIV в. нашей эры. Теченіе это постепенно изчезало, какъ остатокъ того времени, когда сѣверозападная Африка, Азорскіе острова и Португалія были еще непосредственно соединены съ Юговосточной частью Сѣверной Америки. Такъ какъ такое распределеніе суши существовало въ концѣ третичнаго періода, то географъ, для уразумѣнія настоящаго и историческаго, долженъ бы былъ обращаться къ давно прошедшему. Но дѣло въ томъ, что при настоящемъ состояніи геологіи, ни географъ, ни историкъ не могутъ игно-

ризовать ее *. «Услыши палеонтологин, говорит профессор Риншмайеръ (Die Fauna der pfahlbauten in der Schweiz, untersuchungen über die geschichte der wilden und der Haus Säugethiere in Mitteleuropa), въ хронологии исторіи животнаго міра вѣдаютъ надежду сдѣлать много для исторіи домашнихъ животныхъ, которая тождественна съ нашей собственной. Надежда эта тѣмъ основательнѣе, что краниологія, получившая новое значеніе при помощи Редюса и Фонъ-Бера, уже пролила много свѣта на этотъ предметъ. Сверхъ того работа можетъ идти въ одно и тоже время въ восходящей линіи со стороны геологовъ и въ нисходящей—со стороны антикваріевъ. Уже стучитъ геологическій молотъ въ каменномъ періодѣ, и онъ проникъ уже рядомъ съ заступомъ антикварія до дилювія (потопнаго періода земли); границы между геологіей и исторіей съ каждымъ днемъ становятся уже.» Границы же между познаніемъ настоящаго вида земной поверхности и прѣжняго окончательно сравнялись. Братній очеркъ исторіи географическихъ открытій, набросанный Риттеромъ, показываетъ намъ, подобно исторіи всѣхъ прочихъ открытій, какъ несправедливы и преувеличены похвалы и почести, воздаваемыя отдѣльнымъ личностямъ. Людямъ, которымъ посчастливится пожать плоды трудовъ и усилій своихъ предшественниковъ остаются въ памяти потомства какими-то полубогами. Слава ихъ растетъ по мѣрѣ удаленія отъ нихъ, и, окончательно заслоня заслуги менѣе счастливыхъ дѣятелей, разрастается до невѣроятныхъ размѣровъ. Съ ними случается то, что съ древними вождями и царями, когда народныя легенды приписываютъ какому нибудь одному герою Нину или Сезострису подвиги и дѣянія, совершенныя дѣлами десятками поколѣній и ихъ предшественниковъ. Такъ велика склонность неразвитыхъ массъ создавать себѣ полубоговъ и героевъ, совершающихъ подвиги, наводящіе изумленіе и неподходящіе по мѣрѣ масштабы трезваго человѣческаго пониманія. Такъ велико пристрастіе изобрѣтать себѣ если не аристократію Олимпа, то аристократію геши, если не героевъ царей, то героевъ мудрецовъ!—такъ что надо годъ за годомъ, шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ открытія на поприщѣ землѣдѣнія, надо вспомнить безчисленное множество забытыхъ открытій и труженниковъ, сдѣлавшихъ ихъ, чтобы понять, что Васко-де-

* Въ этомъ отклоненіи надо отдать справедливость г. Семнову, составителю «Отче честговѣденія», который понялъ это, и о которомъ рѣчь впереди.

Гама и Колумбъ были не полубоги и не пророки, а только умные, энергическіе, неустрашимые, любознательные люди, подобно множеству своихъ предшественниковъ. Поэтому викарь нельзя согласиться съ Риттеромъ, когда онъ говоритъ:

Въ прежнія времена слѣзное влеченіе или истиникъ, бѣдствія или фанатическія страсти народовъ имѣли вліяніе на успѣхи открытій; въ послѣдніе вѣка отдѣльныя географическія открытія менѣе находятъ въ прямой связи съ судьбами цѣлыхъ народовъ и государствъ, — она зависятъ болѣе отъ судьбы отдѣльныхъ личностей, отъ успѣховъ промышленности, торговли, искусствъ и наукъ. Почти у всѣхъ народовъ отдѣльные личности дѣлаютъ великія открытія, отъ которыхъ зависитъ общее благо народовъ и государствъ, современниковъ и потомства.» (стр. 206—7.)

Вся книга Риттера служитъ опроверженіемъ этихъ заключительныхъ словъ его. Какъ ни кратко ее содержаніе, но его достаточно, чтобъ показать читателямъ, что каждая отрасль науки есть машина, въ которой всѣ части равно важны и равно необходимы, и золотая стрѣлка, указывающая часъ и движущаяся въ глазахъ зрителей такъ же важна какъ самый мелкій гвоздикъ, скрытый въ глубинѣ внутренности. Колумбы—только результаты дѣятельности тысячи другихъ, изъ коихъ каждый имѣетъ такое же значеніе, какъ и тотъ, на долю котораго досталось слыть полубогомъ въ глазахъ отдаленнаго потомства. Безобразный принципъ: «каждому по его достоинствамъ» могъ возникнуть только среди того общества, гдѣ понятіе о личности находится еще въ варварскомъ состояніи. Въ правильно организованномъ обществѣ такой мысли не могло бы прійти въ голову никому, тѣмъ менѣе передовому дѣятелю, потому что въ такомъ обществѣ не можетъ быть и рѣчи о сравнительныхъ заслугахъ и достоинствахъ. *Nec plus ultra* всякой заслуги состоитъ въ томъ, чтобы умѣть быть разумно полезнымъ себѣ; далѣе этого человѣческое достоинство можетъ шагать только въ воображеніи тѣхъ людей, которые на дѣлѣ хладнокровно взираютъ на какія угодно страданія своихъ ближнихъ, а на словахъ любить о нихъ скорбѣть и плакать. Слѣдовательно цѣнить заслуги каждаго, можетъ только онъ самъ, и потребности его должны опредѣляться не судьями его достоинствъ, а имъ самимъ. Но возвратимся къ географіи.

Надобно сказать, что вѣроятно составитель книжки Риттера сдѣлалъ нѣсколько довольно значительныхъ промаховъ, которые трудно отнести на счетъ ея ученаго автора. Такъ на стр. 118 онъ говоритъ, будто

архивы сохранились известны лишь съ IV вѣка по Р. Х., благодаря распространенію христіанства, между тѣмъ какъ малому ребенку известно, что сношенія ихъ съ римлянами, и особенно съ германцами, происходили еще до нашей эры. На стр. 145 каменъ Аль-Мамунъ названъ преемникомъ Аль-Рашида, между тѣмъ какъ между ними царствовалъ Амнъ (809-13). Странно также, откуда почерпнулъ авторъ или составитель извѣстія о томъ, что норманнъ Рюрикъ, получившій въ 826 г. вѣсть съ братомъ Гаральдомъ отъ Людовика Благочестиваго помѣстье на Эльбѣ и крестившійся въ Ингельгеймѣ, есть одно лице съ Рюриккомъ, о которомъ упоминается у Нестора. (Ист. Земл. стр. 158).

И такъ мы видѣли, что высшіе авторитеты объявляютъ существующій способъ изученія географіи нецѣльнымъ, а приспособленнымъ къ нему руководства недостаточными и требуютъ отъ учителей живой, занимательной науки, а не мертвой номенклатуры. Мы видѣли также, какое значеніе для преподаванія землевѣдѣнія должны имѣть рассказы путешественниковъ — натуралистовъ. Конечно такой новый способъ преподаванія на столько же выгоденъ для учениковъ, на сколько невыгоденъ учителямъ, смотрящимъ на свое дѣло съ казенной точки зрѣнія. Прежде, да и теперь еще, все дѣло для преподавателя состоитъ въ томъ, чтобъ задать урокъ и показать глобусъ или карту (большинство которыхъ, надо замѣтить, даютъ столько же вѣрное понятіе о поверхности земли, сколько произведенія маляровъ о наружности воображаемыхъ имъ лицъ); но при новыхъ требованіяхъ учитель долженъ выйти изъ роли машины, которую игралъ доселѣ. Онъ принужденъ тряхнуть мозгами и обратить нѣкоторое вниманіе на свой предметъ. Не говоря уже о наглядномъ ознакомленіи своихъ учениковъ съ природой, онъ долженъ знакомить ихъ съ разсказами путешественниковъ, огромная масса которыхъ принуждаетъ его, если онъ желаетъ быть добросовѣстнымъ, дѣлать строгій выборъ между вещами полезными и вредными. Эти условія могутъ поставить человѣка, желающаго честно исполнять свою обязанность, въ затруднительное положеніе, потому что къ сожалѣнію особенно у насъ, не всякому учителю доступны хорошія книги и многіе при всей своей доброй волѣ бываютъ принуждены ограничиваться Ободовскими. Не говоря уже о провинціи, даже въ Петербургѣ не всегда можно достать во время нужную книгу. Что же слѣдовательно пришло бы дѣлать учителямъ въ уѣздныхъ городахъ? Поэтому наша

не радоваться счастливой мысли составлять хрестоматию и сборники по разнымъ наукамъ. Въ настоящее время я имѣю передъ собою четыре такихъ сборника, изъ которыхъ одинъ русскій, оригинальный, а три переводныхъ Пютца. «Характеристики изъ сравнительнаго, землеописанія и этнографіи» Пютца, переведенныя г. Тихоновичемъ довольно значительны по объему, но къ сожалѣнію составлены не совсѣмъ удачно. За исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ Риттера, Грегоровіуса Гюйо, Гумбольдта все остальное заимствовано у различныхъ филистеровъ, и изобилуетъ мѣстами, пропитанными замѣчательною пошлостью. Впрочемъ немногіе хорошіе отрывки, помѣщенные въ сборникѣ, добавокъ изуродованы Пютцемъ, который говоритъ въ предисловіи, что «устранилъ все сомнительное въ религіозномъ, общественномъ и политическомъ отношеніи, *ослѣдствіе чего* книга эта можетъ быть весьма полезной для ученическихъ библиотекъ высшихъ учебныхъ заведеній.» Странно, что сомнительнаго ухитрился найти составитель въ землеописательныхъ очеркахъ; но сборникъ его доказываетъ, что, если полезно устранять вредное, то еще полезнѣе дѣлать хорошій выборъ. А то напр. въ статьѣ № 17 А. Роона (этнографическое, церковное и политическое раздѣленіе Европы) сказано слѣдующее.

Къ римской церкви принадлежатъ Иры и значительная часть шотландцевъ, половина нѣмцевъ, большая часть мадяровъ, поляки и часть литовцевъ; къ греческой — новогреческое и албанское населеніе христіанъ греческаго полуострова и архипелага, также и валахскіе народы нижне-дунайской равнины и части Семиградія и Венгріи.» (стр. 80).

Нельзя сказать, чтобы перечень этотъ отличался полнотой.

Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что италійскій полуостровъ включаетъ въ настоящее время 7 государствъ, и переводчикъ не потрудился исправить этого. Упоминается также о новогреческомъ королевствѣ, «дошедшемъ въ наше время до состоянія эманципаціи.» Риглеръ же, которому принадлежитъ отрывокъ *Османы* (№ 20), упоминаетъ о проявленіи фанатизма турокъ въ Албаніи, Сиріи и Курдистанѣ, но прибавляетъ, что «они противны противъ правиламъ султана». Это вѣроятно то самое, что называется *несомнительнымъ*: онъ хоть и турокъ, но все же султанъ, слѣдовательно ему должны быть свойственны правила кроткія. Хорошъ также Якобсъ, заключающій описаніе Греціи словами: «нечальная картина смѣнилась болѣе веселой съ тѣхъ поръ, какъ въ этой странѣ началъ господствовать нѣмецкій князь.» Къ этому теперь можно при-

бавить, что картина стала еще веселѣе съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкаго князя выгнали. Вообще нѣмецкіе филистеры, произведеніями которыхъ наполнена эта книга, доходятъ до немнѣвѣрной пошлости, когда рѣчь зайдетъ о нѣмцахъ вообще, а о нѣмецкихъ князьяхъ въ особенности. Такъ австрійскій Фрейгерръ-фонъ-Чернигъ увѣряетъ (№ 41), что ломбардцы уважаютъ нѣмцевъ, хотя не чувствуютъ къ нимъ симпатіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что образчики нѣмцевъ, Радецкіе и Гулан, которыхъ имѣли случай изучить ломбардцы, особенно способны внушить уваженіе къ этой націи. Что же касается до самихъ нѣмцевъ, то изъ словъ Рихтера (*Миланъ*, № 42) видно, что если они также не чувствуютъ влеченія къ ломбардцамъ, то за то Ломбардія имѣетъ для нихъ много привлекательнаго.

„Мы каждый день, говорятъ этотъ филистеръ, и не однажды ходилъ туда (на верхушку миланскаго собора) и все-таки чувствовалъ новую потребность войти опять: такое наслажденіе доставляетъ видъ на голубое, благоухающее полукружіе заоблачныхъ альповъ и на цветущія нивы Ломбардіи, столько разъ папитанная пѣмцкой кровью со времени Маріи (патріотизмъ почтеннаго филистера хватаетъ на цѣлое столѣтіе даже патріотизма самого Менцеля, который, какъ известно, начиналъ пылать имъ только со времени Германа, а не Кимровъ и Теттоновъ), а потому дорога сердцу каждого нѣмца.“ (186—87).

Разумѣется, каждому нѣмцу, не филистеру, зрѣлище *ниво Ломбардіи* представляетъ собою лишь памятникъ трехвѣковой народной глупости, который дорогъ сердцу быть не можетъ. На этотъ счетъ смотри особенно Шаоссера.

Хорошо также разсужденіе Мориса Вилькомма о Лиссабонѣ. (№ 77, стр. 334).

„Новыя части города содержатся теперь довольно чисто; улицы почти все безопасны, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ хорошо освѣщаютъ, и есть даже вооруженная, многочисленная уличная полиція, которая по ночамъ ходитъ дозоромъ въ наиболѣе опасныхъ частяхъ города. Но и самый пролетаріатъ не возбуждаетъ теперь такого ужаса, какъ прежде, когда половина жителей состояла изъ пролетаріевъ, между которыми по крайней мѣрѣ десятую часть составлялъ всякій сбродъ безъ кола и двора, которому жилищемъ служила улица, занятіемъ—постоянное бродяжничество. Однако и теперь еще Лиссабонъ есть мѣсто сбора всякаго сброда португальцевъ и иностранцевъ, и единственный городъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, который имѣетъ основательныя причины избѣгать серьезныхъ социалистическихъ или коммунистическихъ возмущеній. Вотъ почему здѣсь бездна мимидъ“.

Что должно произойти въ головѣ ученика, когда онъ прочитаетъ эту тираду? Если онъ мало мальски не глухъ, то, имѣть никакого сомнѣнія, ему будетъ весьма любопытно узнать, что есть нѣчто, называемое пролетариатъ, что пролетариатъ этотъ почему-то наводитъ ужасъ, что часть его состоитъ изъ сброда безъ кола и двора, но что, къ счастью, все это теперь уменьшилось. Далѣе ему представляется на видъ, что Лиссабонъ имѣетъ причины избѣгать социалистическихъ и коммунистическихъ побужденій, вслѣдствіе существованія остатковъ этого сброда и что вслѣдствіе этого тамъ много нищихъ. Куда же дѣлалась большая часть сброда, немнѣвшаго ни кола, ни двора? спросить онъ; неужели причиной его уничтоженія было хорошее освѣщеніе улицъ? И почему сбродъ безъ пристанища и нищія заставляютъ избѣгать коммунистическихъ побужденій? И что такое это за побужденія? Тщетно будетъ искать преподаватель въ сборникѣ Пютца отвѣтовъ на эти вопросы.

Но когда дѣло доходить до описанія разныхъ художествъ, то краснорѣчіе путешествовавшихъ филистеровъ достигаетъ своего апогея, такъ что читателя ознобъ беретъ. Приготовляясь описывать какую нибудь картинную галерею или музей антиковъ, филистеръ не скажетъ просто, что я де вошелъ въ музей, а изъясняется такъ: «съ священнымъ ужасомъ (вонъ оно какъ)! вступаю въ сокровищницу въ міръ искусствъ, въ трибуну и т. д.» или такъ: «съ священнымъ ужасомъ проходите вы по огромнымъ заламъ этого зданія и т. д. (№№ 48 и 99).

Видя всѣ эти эстетическія кувырнанья и достоинства отрывковъ, изъ которыхъ составлена хрестоматія Пютца, приходитъ въ голову, почему у насъ считаютъ нужнымъ полагаться въ выборѣ статей для хрестоматіи на вкусъ и соображенія каковаго нибудь немѣцкаго филистера. Это тѣмъ болѣе странно, что филистеръ этотъ руководствуется соображеніями, касающимися нѣмцевъ и ни мало до насъ не относящимися. Какая въ самомъ дѣлѣ надобность внушать русскимъ ученикамъ, что король Максъ—былъ великій человекъ и король Лудвигъ—былъ также великій человекъ и, что герцогъ Фридрихъ не уступалъ въ величій ни тому, ни другому. Достаточно будетъ разъ навсегда внушить, что всѣ они великіе люди, спеціального же разбора величій немѣцкихъ князей вовсе не зачѣмъ дѣлать. Неужели было бы трудно составить сборникъ по своему выбору? Было бы, я полагаю, даже легче, потому что, какъ видно, г. Тихоновичъ не слишкомъ

хорошо владѣеть русскими языкомъ, ибо нѣтъ ни перевода вовсе лишняго смысла. Напр. на стр. 31 находимъ такое мѣсто:

«Большую часть притоковъ Чернаго моря получаетъ изъ Европы, изъ которыхъ многія изъ большихъ рѣкъ напр. Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ и т. д. изливаются въ него, а съ ними принимается осадокъ в 32,000 кв. м.»

На стр. 61 грузины названы георгійцами; на стр. 475 читаемъ:

«Въ 1632 г. крѣпости Валленштейнъ и Альтрингеръ упорствовали, но съ тѣхъ поръ значеніе ихъ постепенно уменьшалось, по мѣрѣ того какъ совершенствовались осадныя орудія.»

Между мѣмъ какъ по смыслу видно, что упорствовали крѣпости Кобургъ и Вартбургъ противъ Валленштейна и Альтрингера, которые, какъ извѣстно, были не крѣпости, а kaiserlich koenigliche генералы.

Второй выпускъ «характеристикъ» вышедшій черезъ 3 года послѣ перваго, даже снабженъ примѣчаніями переводчика. Но было бы лучше, еслибъ ихъ вовсе не было, потому что на стр. 325 въ текстѣ упоминается о гороскопѣ, а переводчикъ внизу объясняетъ: гороскопъ значитъ «звѣздохозяинъ.» Нѣсколько лучше составленъ историческій сборникъ того же Пютца (переводъ Чапкина), хотя въ немъ предстоитъ гораздо менѣе надобности, чѣмъ въ географическомъ. Книгу въ этомъ родѣ издалъ въ прошломъ году г. Стасюлевичъ (о ней было своевременно сказано въ «Русскомъ Словѣ»), и нельзя не отдать ей преимущества передъ сборникомъ Пютца. Составленная болѣею частью изъ отрывковъ древнихъ авторовъ, она скорѣе можетъ служить дополнительнымъ чтеніемъ къ преподаванію исторіи, чѣмъ этотъ сборникъ, представляющій странную мозаику, такъ какъ отрывки, помѣщенные въ немъ, черезъ-чуръ кратки.

Такъ какъ г. Чапкинъ обѣщаетъ помѣстить въ слѣдующемъ выпускѣ отрывки изъ русскихъ сочиненій, относящихся къ этому предмету, то я бы совѣтовалъ ему не останавливаться на этомъ, но включить еще болѣе существенно нѣмецкую хрестоматию, включивъ въ свой сборникъ отрывки изъ французскихъ и англійскихъ писателей.

На этотъ разъ никто не упречетъ меня въ недостаткѣ патриотизма, такъ что самъ Натковъ не найдетъ возможности бузить и

точить подъ ножи. Дѣйствительно, говоря беспристрастно, нельзя не отдать г. Семенову, составителю сборника подъ страннымъ названіемъ «Отечествовѣденіе», должной справедливости. Сборникъ этотъ несравненно лучше хрестоматій Нютта, и это можетъ служить поощреніемъ къ самостоятельному выбору статей для другихъ сборниковъ. Заглавіе книжки г. Семенова дѣйствительно странно, тѣмъ болѣе, что съ перваго же выпуска рѣчь идетъ о Финляндіи. Но статьи, по большей части, выбраны удачно. Сюда вошли отрывки изъ сочиненій Гримма, профессора Костомарова (Сѣвернорусскіи Народоприваства и Очеркъ Торговли Московскаго Государства), г. Максимова (годъ на сѣверѣ), дневника Лапкина и статья самого г. Семенова (№ 12), составленная по хорошимъ источникамъ.

Я приписываю крайнему недостатку матеріаловъ то обстоятельство, что попадаются статьи совершенно неудачно выбранныя, какъ напр. № 4 *Водопадъ Кивачъ*, гдѣ между прочимъ цитируется Державинъ:

Алмазна сыплется гора

Съ высотъ четырема скалами и проч.

Еще несообразнѣе статья *Соловки* Я. Озерецковскаго, отличающаяся собственнымъ знахомахъ Булгарина и Греча. Слѣдующая статья самого составителя, *Общее обозрѣніе*, исмѣрена странными вопросами, поставленными въ скобкахъ *какъ? какія? что? почему?* и т. д. неизвѣстно къ кому обращенными. Въ чтеніи они производятъ странное впечатлѣніе. Очевидно, что они направлены противъ юныхъ читателей «Отечествовѣденія», для испытанія волнчества эманій, вынесенныхъ изъ чтенія 13 предъидущихъ отрывковъ. Но могу увѣрить г. Семенова, что подобные вопросы въ скобкахъ ни къ чему не ведутъ и даже производятъ нѣкоторую путаницу. Если 13 статей, предшествующихъ вопросамъ, выбраны удачно, то ученики запомнятъ содержаніе ихъ; если же г. Семеновъ промахнулся, (какъ напр. со статьей № 12), то сколько не спрашивай, ничего не добьешься, и придется вѣсть зазубривать, что-де «на двухъ полосахъ желѣза сивомъ двухъвѣловую ржавчину горять лучи пламеннаго патриотизма» (№ 12, стр. 114). Статья *Иматра* написана въ стилѣ Жуковскаго, и слѣдовательно отличается приторной эрудицией, а статья *Финскій Пасторъ* заставляетъ насъ недоумѣвать, за чѣмъ она сюда вошла. На сколько въ самомъ дѣлѣ могутъ относиться къ географіи свѣденія

о томъ, что подаютъ финскимъ пасторамъ на ужинъ и какую они предпочитаютъ водку. Впрочемъ живутъ эти пасторы не дурно, и ѣдятъ много и вкусно. Но всего лучше, что г. Семеновъ догадался помѣстить въ своемъ сборникѣ небольшой геологической очеркъ, составленный г. Пугачевскимъ; то есть я хочу сказать, что г. Семенову пришла на умъ счастливая мысль, но отъ этого до выполненія еще далеко. Статья же г. Пугачевского болѣе, чѣмъ неудовлетворительна и показываетъ совершенное незнакомство съ предметомъ. Чтобы доказать это, достаточно привести два рѣшительныхъ факта. Онъ считаетъ геологію и геогнозію однимъ и тѣмъ же (стр. 146, прим.), а на стр. 155 помѣщаетъ въ числѣ знаменитыхъ англійскихъ геологовъ Агассиса! Замѣчательнъ также перечень *знаменитыхъ* русскихъ геологовъ: Озерцовскій (не тотъ ли, который видѣлъ *пламенные лучи*?), Копшаровъ, Соколовъ, Куторга, Гельмерсенъ и др. Кстати о г. Куторгѣ; К. Фогтъ (*Vogel's 3 Lifer* стр. 123) говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ авторитетъ возбудилъ своими изслѣдованіями по другимъ отраслямъ величайшія сомнѣнія (*grüsten Zweifel*) въ своихъ наблюдательныхъ способностяхъ.» Не счастливится какъ-то у нѣмцевъ нашимъ такъ называемымъ авторитетамъ.

Безъ малѣйшей натяжки могу я сопоставить со всѣми книгами, о которыхъ шла рѣчь, «Охотничьи Разказы» Майнъ-Рида (составляющіе I т. его сочиненій изд. Вольфа). Это въ высшей степени занимательное сочиненіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе способны не только нравиться и интересовать учащуюся молодежь, но и оказать ей большую пользу. Во всякомъ случаѣ книги такого рода (кто напр. не зачитывался въ юности Куперомъ или «Лѣснымъ Бродягой» Ферри) могутъ быть гораздо полезнѣе сухихъ и скучныхъ учебниковъ, и на нихъ положительно нельзя смотрѣть, какъ только на увеселительное чтеніе. Въ изданномъ теперь первомъ томѣ, такъ хорошо и основательно изложена фауна Южной Аурійи, что Майнъ-Рида нельзя и сравнивать съ другими писателями въ этомъ же родѣ. Жаль только, что переводчикъ не потрудился поправить нѣкоторыя ошлябки, необходимыя при быстромъ ходѣ впередъ зоологіи, хотя число такихъ ошибокъ весьма незначительно. Весьма бы было желательно, чтобы выходило побольше такихъ книгъ, которыя, разумѣется, не претендуя на званіе учебныхъ, приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ послѣднія. Впрочемъ еслибъ даже и ока-

записъ наконецъ хорошіе учебники, то такія книги не потеряютъ своего значенія потому, что всегда будутъ читаться съ удовольствіемъ и служить къ развитію въ дѣтяхъ любви по естественнымъ наукамъ. Для дѣтей, достигшихъ тринадцати или четырнадцати лѣтъ, они даже должны составлять главную часть преподаванія наряду съ нагляднымъ знакомствомъ съ природой. Хорошіе учебники должны слѣдовать за ними для того, чтобъ привести въ систему накопившееся такимъ образомъ знаніе. Это единственный путь, на которомъ можно достигъ хорошихъ результатовъ въ ближайшемъ будущемъ.

В. З.

ГЛУПОВЦЫ, ПОПАВШІЕ ВЪ „СОВРЕМЕННОМЪ“.

Наконецъ-то, подумалъ я, прочитавъ фельетонъ первой книжки «Современника», наконецъ-то и этотъ блудный сынъ возвращается подъ родительскій кровъ, гдѣ, по всей вѣроятности, не замедлитъ найти упитаннаго тельца! Наконецъ-то нашъ маскарадъ, кажется, окончательно приходитъ къ концу: маски снимаются, сбрасываются таинственные домино, и загадочные турки и испанцы превращаются въ давно-знакомыя намъ лица. Невинная забава видимо утомила интриговавшихъ другъ друга съ такимъ увлеченіемъ масокъ, и онѣ спѣшатъ, разоблачившись, сѣсть за уготованный имъ ужинъ. Наиболее нетерпѣливые давно уже угощаются обильными яствами; нѣкоторые даже впали уже въ сладкую дремоту; другіе, болѣе упорные, только теперь рѣшаются снять съ себя различные интересные костюмы. Цѣлый годъ напримѣръ милый фельетонистъ «Современника», носилъ костюмъ Добролюбова, прежде чѣмъ рѣшился предстать передъ публикой въ своемъ собственномъ рубищѣ. А между тѣмъ, костюмъ этотъ давно уже тяготилъ его, потому что былъ слишкомъ великъ для него; давно

уже путался онъ въ его складкахъ, спотыкался и едва не ронялъ его, обнаруживая при этомъ: то свѣтлую пуговицу, то красивое золотое шитье своего самовническаго мундира. Но цѣлый годъ упорный фельетонистъ не рѣшался разстаться съ этимъ костюмомъ, и тщательно припрятывалъ выдающее его шитье. Теперь, наконецъ, онъ является намъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; мы смотримъ на него и говоримъ: да, это онъ, тотъ самый, который «благоденствовалъ въ Твери и въ Рязани», и который съ тѣхъ поръ, въ продолженіе цѣлаго года, представлялъ собою величественное зрѣлище будирующаго самовника.

Бѣдный сатирикъ! бѣдный публицистъ! сочувствую вамъ! И за что это васъ обидѣли, за что заставляли васъ будировать, между тѣмъ какъ вы всегда были готовы улыбнуться и развеселиться. Впрочемъ, подумайте, не сами ли вы виною этому? Не по вашему ли недоразумѣнію совершилось такое *qui pro quo*? Вы говорите теперь сами, что нечего чалть и ждать, потому что ожидаемая чаша давно стоитъ на столѣ. Для чего же медлили вы цѣлый годъ прикоснуться къ ней, для чего капризничали и опонировали? Вы говорите: «птенцы, внимайте мнѣ! Вы, которые еще полагаете различіе между старыми и новыми чадами (не безъ нѣкоторыхъ конечно любострастныхъ въ вашу собственную пользу надеждъ), вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда-нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснется засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ стучащіе и ни до чего не достукивающіеся, просящіе и не получающіе—всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру. Новый годъ навѣрное будетъ повтореніемъ стараго, потому что и старый былъ хорошъ; никакой чаши ни откуда не сойдетъ по той причинѣ, что она ужъ давно стоитъ на столѣ, да губы-то ваши не сдѣлали поймать ее» (стр. 25). Вотъ видите ли! Молодеже вы упрекаете за неумѣнье пользоваться изъ чаши, и смѣетесь надъ ней за ея недовольство ижѣющимися благами, полагая, что «крохоборническое назначеніе ея» есть именно вѣчно желать. Зачѣмъ же сами вы, почтенный мужъ, представлялись недовольнымъ и дѣлали видъ, что чего-то желаете? Разумѣется, мнѣ извѣстно, что желанія ваши не совпадали съ тѣми, за которыя вы упрекаете молодежь, мнѣ извѣстно, что ваше недовольство было будированіемъ, да и не мнѣ одному это извѣстно, а вся-

кому, кто со вниманіем проситъ наприѣръ рассказъ «Ваня и Миша», имѣющій солидарность съ вашими семейстонами; но спрашиваю и васъ, изъ-за чего же вы представлялись чающимъ и стучащимся? Очевидно, что вы или ошиблись, или приниживались; но вы хотя и не отличаетесь особенною проникательностью, но настолько сметливы, чтобы не ошибаться. Ваша сметливость такъ велика, что вы открыли чашу, о существованіи которой подозрѣвать только г. Катковъ. Вы наконецъ убѣдились, что изъ будировація проку мало, что стучать и просить нелѣпо, когда чаша и безъ того на столѣ. Но вы не своекорыстны; открывъ чашу, вы не спѣшите первые поглотить заключающійся въ ней напитокъ, а приглашаете къ ней и птенцовъ, надъ которыми подтруниваете. Но они брезгаютъ тѣми поддонками, которыя вы приглашаете ихъ раздѣлать съ вами, и вотъ—если хотите знать—различіе, существующее между ними и игривыми эксъ-администраторами!

Только вотъ что: ужъ если пошло дѣло на разоблаченіе, такъ извольте разоблачиться. Вы полагаете, что нигилисты вскорѣ преобразятся въ титулярныхъ совѣтниковъ, и что вскорѣ «всѣ тамъ будемъ». Скажите пожалуйста, какая безцеремонность и незастѣнчивость! Какже это вы не рассчитали, что найдутся люди, которые отвѣтятъ вамъ на это, что не вамъ бы это говорить и не намъ бы слушать? Неужели вы не предвидѣли этого возраженія? Что же вы за сирота казанская? Знаете ли вы, что, прочитавъ эти слова ваши, нашлись люди, подумавшіе, что вы упрекаете нигилистовъ за то, что дальше титулярныхъ совѣтниковъ они не пойдутъ. Видите ли, какъ скромность-то ваша вамъ не къ лицу. Нашли, что сказать: «всѣ тамъ будемъ!» Еще кто будетъ или нѣтъ, а вы вѣдь ужъ давно тамъ.

Конечно, на все это не стоило бы обращать вниманія, какъ не обращали вниманія на продѣлки Павла Мельникова, Воскобойникова и другихъ, ранѣе васъ поинянувшихъ взятыя на прокатъ костюмы; на это, конечно, не стоило бы тратить и того вниманія, которое было обращено на взыбломученную выходку г. Писемскаго, еслибъ вы выдѣлывали ваши курбеты гдѣ-нибудь, въ родѣ «Русскаго Вѣстника». Но нельзя равнодушно смотрѣть, какъ вы администраторствуете на тѣхъ

самыхъ страницахъ, гдѣ еще такъ недавно мы прочли «Что дѣлать?» Омерзительно видѣть самоковольнаго балагура, дошедшаго, изъ любви къ безпричинному смѣху, до осмѣиванія того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуновскую мораль въ родѣ слѣдующей: «яйца курицы не учать!» Ну что жъ, читатели «Современника», бросайте Добролюбова, отворачивайтесь отъ него—вѣдь онъ принадлежалъ къ числу «птенцовъ» и осмѣливался учить и даже проучивать такихъ почтенныхъ куръ, какъ г. Погодинъ или г. Аксаковъ, или даже г. Щедринъ, который не можетъ до сихъ поръ простить ему и въ отиѣстку старается ушинууть его въ своемъ курятникѣ. Фельетонистъ впрочемъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы куръ могли не слушаться, или чтобы яйца могли преодать что-нибудь курамъ. Подобный аэронтъ можетъ случиться, по его мнѣнью, лишь тогда, когда дѣти будутъ рождать отцевъ, что одинаково нелѣпо. Странно только, что, говоря это, фельетонистъ забылъ, что только—что самъ отрицалъ всякое различіе между старыми и молодыми годами. По его же выходитъ, что старости приличествуетъ научать юношество, а юношеству слушаться старости. Чего жъ еще? Юные нигилисты, имѣющіе поступить въ титулярные совѣтники, въ послѣднемъ случаѣ не замедлятъ испытать справедливость этого, особенно если судьба дастъ имъ юмориста-начальника.

Фельетонистъ видимо старается подражать г. Писемскому и его «Взбаломученному морю». Онъ вѣроятно нашелъ, что діалоги—форма весьма приспособленная для пораженія нигилистовъ и приводитъ такого рода бесѣду между собой и одной нигилисткой, бывшей въ оперѣ, гдѣ,—прибавляетъ острякъ,—давали конечно Карла Смѣлаго (при этомъ я вспоминаю «Занутое дѣло» разсказъ Н. Щедрина и размышляю о различіи между молодыми и старыми годами), нигилистка поставленная фельетонистомъ подъ удары своего сарказма, достойнаго самого Никиты Безрылова, негодовала будто бы на Шарлоту Карловну.

— «И какъ она смѣла, эта скверная, *сизмиво* заключила разсказчица, топан ножкой.

— Да вамъ то что до этого? спросилъ я, пораженный нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Помилуйте! я честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянь, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента смѣетъ всенародно показывать свои плечи—гдѣжь тутъ справедливость? и неужели правительство не обращаетъ наконецъ на это вниманія?

.....

— Ну согласились ли бы вы промѣнять вашу чистую совѣсть на ложу въ бель-этажѣ? спросилъ я въ заключеніе.

— Конечно нѣтъ! отвѣчала она, *но какъ-то такъ* невнятно, что и долженъ былъ повторить свой вопросъ....

Не дѣлаетъ чести вашему остроумію, обоюдоострый фельетонистъ, что вы не выдумали для пораженія нигилистовъ ничего лучшаго, какъ позаимствоваться отъ г. Писемскаго. Надѣюсь однако, что наконецъ наши записные острйки перестанутъ разсточать перлы своей сатиры на какихъ-то невѣдомыхъ юношей, подвизающихся на поприщѣ подслушиванія или завидующихъ Шарлотамъ Карловнамъ. Подобныя изображенія ровно ни къ чему не ведутъ, потому что ни для кого ни ново и слѣдовательно не любопытно знать, что существуетъ на свѣтѣ подслушивающіе юноши, точно также какъ и шпіоуствующіе старцы. Викторъ Басардинъ г. Писемскаго и нигилистка фельетониста могутъ быть, сколько угодно фантазій ихъ изобрѣтателей, гаден и пошлы, потому что всякій знаетъ, что Россія не населена сплошь героями и гениями. Гораздо болѣе любопытный субъектъ для сатирическаго ума представляютъ собою другія личности. Вотъ хоть бы напр. остроумный фельетонистъ, не дагѣе какъ годъ тому назадъ, распалившійся гнѣвомъ за то, что одинъ журналъ заподозрилъ искренность его нигилизма. Тогда фельетонистъ излилъ цѣлые потоки краснорѣчія, чтобы доказать, что на новую свою дѣятельность онъ не смотритъ какъ на перемѣну мѣста служенія, и чтобы вѣрить публику, что онъ есть истинный и непреложный нигилистъ. А, глядишь, черезъ годъ самъ проповѣдуетъ куришые *пренсимы* негодуетъ на птешцовъ. Въ прошедшемъ году фельетонистъ въ пылу гнѣва такъ распѣтушился, что вздумалъ подтрунивать надъ

«Мертвымъ домогъ». Онъ поддразнивалъ своихъ противниковъ, что они «смѣли въ роцѣ и смирно толковали», какъ будто самъ онъ не вѣсть какіе подвиги совершилъ. Тогда насмѣшка надъ «Мертвымъ домогъ» казалась просто безтактностью и слѣдствіемъ привычки къ повелительному наклоненію. Но теперь фельетонистъ съ успѣхомъ доказалъ что это было не болѣе какъ слѣдствіе особеннаго пристрастія его къ смѣху, вызываемому не столько внѣшними предметами, сколько игривостью нрава. Вотъ теперь его разбираетъ смѣхъ по поводу романа: «Что дѣлать?» Онъ юмористически, но въ сущности бессмысленно намекаетъ на него, изображая нигилистку, разсѣвающую трупъ и въ тоже время подпѣвающую: «Ни о чемъ я, Дуня, не тужила». Ибо, прибавляетъ фельетонистъ, со временемъ, какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ. Подобная выходка можетъ показаться совершенно ясной и достойной изумленія, ибо гдѣ же видано, чтобъ какой нибудь администраторъ издѣвался надъ учрежденіемъ, украшаемымъ его собственной персоной. Надо помнить также, что человѣкъ чувствующій неопредѣленный позывъ къ смѣху, за недостаткомъ другихъ матеріаловъ беретъ то, что находитъ. Да и изумляться рѣзительно нечему и не слѣдуетъ, а надо смотрѣть «въ корень», и тогда все покажется естественнымъ. Неужели же всякій разъ изумляться, когда кому нибудь приходитъ въ голову сбросить съ себя маскарадное платье? Вѣдь этакъ удивленія не хватитъ и наконецъ поневолѣ привыкнешь. Два года тому назадъ простиительно было изумляться, но пора же наконецъ перестать! Пора научиться узнавать людей не по вывѣскамъ и ярлыкамъ, которые они прицѣпляютъ, а по другимъ, болѣе существеннымъ признакамъ. Что касается до остроумнаго фельетониста, то я не стану здѣсь доказывать, что нынѣшній его курбетъ—вещь, которой удивляться не нужно, потому что всѣ относящіяся къ этому предмету доказательства читатель найдетъ въ статьѣ г. Писарева «*Цвѣты невиннаго юмора*». Я же спокойно скажу, что фельетонистъ не замедлитъ пойти и далѣе по открытой имъ торной дорожкѣ.

Прежде чѣмъ разстаться съ почтеннымъ фельетонистомъ, считая нужнымъ сказать ему нѣсколько словъ. Въ его обиходустрогѣ фельетонѣ между прочими прелестями виднѣются верхушки какой-то до-

волью северной, сколько можно судить по верушкамъ, выдумки. Фельетонисту должно быть извѣстно названіе того поступка, когда клевета является на свѣтъ божій въ видѣ темныхъ намековъ, и закулисныхъ сплетней, такъ что нѣтъ возможности ни опровергнуть ее, ни даже разобрать; такъ что не знаешь, чему болѣе удивляться пошлости факта или трусости того, кто желаетъ укутить въ потмахъ. Неробѣйте, милый мальчикъ, и объяснитесь попрозрачнѣй; авось въ верушкахъ и хвостикахъ вашей клеветы вы узнаете себя скорѣе, чѣмъ тѣхъ, на кого метите. Мы надѣемся, что онъ потрудится нѣсколько раскрыть свои намерки, дабы ихъ можно было опредѣлительно назвать соответствующимъ именемъ. На этомъ пока мы покончимъ съ почтеннымъ фельетонистомъ и обратимся къ «Современнику».

Мы можемъ сказать смѣло, что были всегда чужды барышническихъ расчетовъ о числѣ подписчиковъ, которыхъ такъ любятъ звать къ себѣ другіе журналы. Мы всегда полагали, что подобныя соображенія въ дѣлѣ оцѣнки достоинства журналовъ не достойны литературы и что умолчаніе о заслугахъ какого нибудь журнала или отрицаніе ихъ—дѣло, унижающее литературу. На этомъ основаніи мы всегда заявляли о нашемъ полномъ сочувствіи къ Современнику и не умалчивали о томъ, что это лучший изъ нашихъ журналовъ. И теперь, несмотря на потери, понесенныя имъ, наши симпатіи принадлежать ему вполне, и мы желаемъ ему полного успѣха, потому что считаемъ его полезнымъ.

Но, именно, вслѣдствіе всего этого, мы признаемъ себя вправѣ быть требовательнѣе относительно «Современника», чѣмъ относительно какой нибудь «Библиотеки для чтенія». Я полагаю, что подобный взглядъ на этотъ журналъ раздѣляетъ большинство его читателей. Поэтому обращаю вниманіе уважаемыхъ сотрудниковъ «Современника» на новое направленіе, придаваемое этому журналу г. Щедринымъ; прошу ихъ вспомнить обличенія, которыми они часто преслѣдовали литературное ренегатство, и замѣтить, что «Современникъ» находится въ эту минуту на весьма скользкомъ пути. Послѣ Добролюбова, каждое слово, котораго было запечатлѣно такой горячей симпатіей къ молодому поколѣнію, послѣ «Что дѣлать?» въ которомъ

не видно ни малѣйшаго желанія лизоблюдничать— было бы непріятно видѣть «Современникъ», подражающимъ «Русскому Вѣстнику» въ брани и злобѣ на все, что старается высвободиться изъ подъ рутинны и дышать по человѣчески. Теорія: «со временемъ», проповѣдуемая остроумнымъ фельетонистомъ могла бы особенно ловко красоваться на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», не становясь въ явный разрѣзъ съ противоположной теоріей Добролюбова; насмѣшки надъ «Что дѣлать?» могли бы съ успѣхомъ отличаться гдѣ нибудь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» или въ «Развлеченіи».

Г. Антоновичъ нѣкогда такъ сильно возставалъ противъ «Отцевъ и дѣтей» г. Тургенева. Но если онъ безпристрастенъ, то долженъ сознаться, что мудрое правило относительно обученія куръ яйцами выражено г. Тургеневымъ гораздо скромнѣе, чѣмъ остроумнымъ фельетонистомъ «Современника». Г. Пыпинъ до сихъ поръ еще не можетъ издать книжки, не упрекнувъ въ предисловіи г. Тургенева за пренебрежительный отзывъ его объ изученіи молодежью естественныхъ наукъ. Я не могу не согласиться съ г. Пыпинымъ, что таковой упрекъ справедливъ, хотя не могу не замѣтить, что отзывъ Тургенева—верхъ голубиной кротости сравнительно съ рычащими лѣснымъ воємъ остротами игриваго эксъ-администратора, издѣвающагося въ «Современникѣ» надъ «милыми пингвишками», безстрашною рукою расскѣкающими группы. Я понимаю, что обитателямъ Глуцова такое зрѣлище можетъ казаться увеселительнымъ; но меня изумляетъ, что веселое настроеніе, произведенное въ нихъ, можетъ находить себѣ убѣжище на страницахъ «Современника». Прошу васъ, господа, обратить вниманіе на эти соображенія, потому что въ противномъ случаѣ очень легко можетъ произойти то, что всѣ, нѣкогда обиженные вами за уживчивость, обрадуются случаю обратить ваши стрѣлы противъ васъ же самихъ. И они будутъ правы. Конечно сила авторитетовъ у насъ такова, что г. Щедринъ и подобные ему могутъ еще долго совершать публично все, что имъ угодно, питаясь славой своихъ предшественниковъ, но въ глазахъ всѣхъ мало мальски порядочныхъ людей этого недостаточно. Никто же не благоговѣетъ передъ г. Дудышинымъ за то, что онъ занялъ мѣсто, занимаемое нѣкогда Бѣлинскимъ. Всякій очень хорошо понимаетъ, что между ними нѣтъ ничего общаго, и что Бѣлинскій, еслибъ былъ живъ, не имѣлъ бы никакой солидар-

ности съ нынѣшними «Отечественными Записками». Поэтому можно предполагать, что не смотря на значеніе авторитетовъ, разница между Щедринскимъ стилемъ и направленіемъ Добролюбова, наконецъ выяснится. Скажу прямо: совмѣстить въ себѣ тенденціи остроумнаго фельетониста съ идеями Добролюбова журналъ, уважающій себя, не можетъ. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за авторомъ «Что дѣлать?» или смѣяться надъ нимъ. — Посмотримъ, какъ-то вы выйдете изъ этого по истинѣ глуповскаго положенія.

В. Вайцель.

ПОПРАВКА ЧУЖОЙ ВОРРЕКТУРЫ.

Въ Январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» помѣщено, въ видѣ разбора, простое искаженіе моей статьи, написанной по поводу русскаго перевода сочиненія Лелевеля: «Польша и Испанія» и напечатанной въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Слова» за прошлый годъ. Вступать въ *полемику* я не буду, потому что полемизировать можно только противъ мысли, а не противъ промаха, происходящаго отъ непониманія. Разборъ, о которомъ я говорю, можетъ имѣть только такое значеніе, какое бы имѣло перепечатаніе оглавленія моей статьи съ опечатками искажающими ее смыслъ, опечатками, происшедшими отъ неспособности корректора. Но приведеніе чьей-либо мысли, съ искаженіемъ ея опечатками, хотя и исключаетъ возможность полемики, однакоже вызываетъ необходимость оговорки, указанія опечатокъ тѣмъ, кому мысль принадлежитъ.

Одной изъ главныхъ задачъ моей статьи было выставить *противорѣчіе*, въ какое впала жизнь республики польской, въ послѣднемъ періодѣ, съ своими первобытными стремленіями, на «неестественное» отступленіе съ «естественнаго» пути, на фактическую «олигархію», въ которой утонули легальныя стремленія шляхты къ «демократіи» и т. д. Термины эти противоположны одинъ другому на столько, на сколько два термина противорѣчія, по необходимости должны быть противоположны другъ другу. Любопытное явленіе: въ «Библіотекѣ» нашелся такой писатель, который приписалъ указанное мною противорѣчіе—*мнѣ*; мнѣ поставилъ въ вину несогласіе конца польской исторіи съ ея началомъ и продолженіемъ, *меня* коритъ за тотъ фактъ, на который я указывалъ! Наборщикъ, неразличающій знака вопроса отъ точки, проделалъ еще слѣдующія опечатки:

1) Онъ напечаталъ, что я всѣ свои доводы взялъ изъ брошюры Лелевеля; конечно для дѣла все равно, откуда бы я

не взялъ свои доводы, если противъ нихъ могла быть предъ-
явлена только чепуха; но такъ какъ моя статья была помѣ-
щена не какъ компиляція изъ чужой брошюры, а какъ мое
собственное сочиненіе, то я вынужденъ пояснить: что въ 13
страницахъ, изъ которыхъ состоитъ моя статья, мною при-
ведены доводы и мнѣніе брошюры въ четырехъ мѣстахъ,
составляющихъ вмѣстѣ одну страницу; что, заимствуя изъ
брошюры, я всякій разъ на нее указывалъ; что за тѣмъ, во
всей моей статьѣ, нѣтъ ни одной мысли принадлежащей бро-
шюрѣ, даже ни одного факта взятаго изъ нея, для подкрѣп-
ленія моихъ доводовъ.

2) Онъ напечаталъ, что государственное устройство Прус-
сія не похоже на складъ республики польской, между тѣмъ
какъ я, будто бы ихъ сравниваю; я же говорилъ только, что
ученіе прусскихъ феодаловъ, «о равноправности трехъ факто-
ровъ власти» ведетъ къ безвыходности легальнымъ путемъ,
т. е. къ анархіи, изъ чему этотъ принципъ привелъ и Польшу.
Сравненіе же всего строя двухъ государствъ на основа-
ніи одного принципа проявляющагося въ нихъ въ различные
времена, въ разной степени и стало быть въ различной формѣ,
требованіе, чтобы вслѣдствіе напр. принципа невольничества,
существовавшаго въ древнемъ Римѣ и въ Соединенныхъ
Штатахъ, г. Линкольнъ былъ похожъ на Спартака — очевид-
ная опечатка. Смыслъ ея (если опечатка предполагаетъ
смыслъ) таковъ: въ Кіевѣ дуется вѣтеръ и въ огородѣ дуется
вѣтеръ; какъ же это можетъ быть, когда «въ огородѣ — ле-
бедá, а въ Кіевѣ — дядька?»

Л. Мелюцкий.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ГЕРМАНИЯ. Военныя дѣйствія австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Шлезвигъ. — Союзный сеймъ теряетъ свое значеніе въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи. — Запаальчивость и трусливость членовъ Національ-собранія и германскихъ мелкихъ владѣтелей. — Мнѣніе Пальмерстона объ австро-прусской политикѣ — Заносчивость Бисмарка и смиреніе прусскихъ депутатовъ. — Словъ, данный Германіи. — ФРАНЦІЯ. Впечатлѣніе, произведенное ірешіями объ адресѣ. — Превосходство оппозиціонныхъ ораторовъ передъ правительственными. — Заемъ, сдѣланный у народа. — Выгоды, извлеченныя изъ этой мѣры значительными капиталистами. — Увеселенія тюльерійскаго двора. — АНГЛІЯ. Затруднительное положеніе Сентъ-Джемскаго кабинета. — Новыя образчики англійскаго правосудія. — АМЕРИКА. Принужденное перемиріе. — Побѣды, одерживаемыя федералистами путемъ мирныхъ законодательныхъ мѣръ. — Рѣшительный тонъ, принимаемый правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіею и Франціею. — МЕКСИКА. Мексиканскій вопросъ съ точки зрѣнія Монитѣра и въ настоящемъ его видѣ. — Несчастный случай въ Сантъ-Яго.

«Первые выстрѣлы раздались на Эйдерѣ», замѣчаетъ Rotschafter, полу-офиціальныи вѣнскій журналъ. — «Благодареніе Богу! воскликнемъ мы отъ всей души. Каждый залпъ орудій, приводящій въ сотрясеніе шлезвигскую почву, служитъ для насъ сигналомъ освобожденія. Онъ содѣйствуетъ уничтоженію проклятія, которое въ теченіе нѣсколькихъ недѣль тяготѣло надъ патриотами, и ясно показываетъ настоящее положеніе дѣлъ. Когда въ воздухѣ начинаетъ раздаваться свистъ пулъ, тогда уже болѣе не пишутся дипломатическія ноты; слова замѣняются тогда дѣйствіемъ.

«Первая стычка съ непріятелемъ измѣняетъ взаимное отношеніе партій. Когда австро-прусскія войска влѣтъ идутъ въ огонь, они уже не представляютъ собою *войска протокола*: они тогда дѣтъ одной и той-же страны и братья по оружію. Мы видимъ, что первая линія занята самыми отборными германскими войсками; наши два знаменитые полка *Короля Бельгійскаго* и *Великаго герцога Гессенскаго* образуютъ авангардъ арміи. Мы желаемъ счастливаго успѣха этимъ храбрымъ сынамъ Штирліингъ горы и верхней Австріи, которые при Мадженто и Сольферино такъ славно освятили свои знамена!

«Мы бы хотѣли обратиться съ усердной просьбою къ господамъ датчанамъ, на которыхъ мы обыкновенно не тратимъ ласковыхъ словъ, — съ прозвобу, чтобъ они, эти господа датчане, не отступали и не очищали Шлезвига. Прошло время миролюбивыхъ пѣснопѣній; въ нашу эпоху мечъ превратился въ божество; теперь Германія молится у подножія алтаря войны».

«Что толку въ миролюбивомъ походѣ, отъ котораго солдаты выносятъ только болѣзни и лохмотья, а не честь и славу? Дѣла могутъ принять хорошій оборотъ, если вооруженная борьба замѣнить полемику; несогласія затихнуть въ Германіи, какъ скоро въ Шлезвигѣ раздастся громъ пушечныхъ выстрѣловъ. И такъ, впередъ, наши храбрые воины! Мы возлагаемъ на васъ самыя драгоценныя свои надежды».

1-го февраля въ четыре съ половиною часа утра, барабанный бой, возвѣщавшій зарю, разбудилъ австро-прусскія войска. Затѣмъ пруссаки перешли Эйдеръ и вступили въ Шлезвигъ черезъ Эккенферде. Австрійцы окружили крѣпость Рендсбургъ и заняли ея кронверки, которые покинуты были датчанами послѣ небольшой схватки. Погода была великолѣпная.

Австро-прусская армія состояла изъ десяти бригадъ инфантерій, содержащихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, съ восемью кавалерійскими полками и сотнею пушекъ. Кромѣ того ожидались новыя войска въ количествѣ тридцати тысячъ. Замѣьте, что сюда не включена федеральная дивизія, занимающая Голштинію подъ начальствомъ генерала Гакке. Датчане могли противопоставить своему непріятелю только армію въ тридцать пять тысячъ человѣкъ, которую притомъ необходимо было растянуть на весьма длинной оборони-

тельной линіи. На сторонѣ австро-прусскихъ войскъ была выгода, представляемая наступательнымъ движеніемъ, а на сторонѣ датчанъ — защита, доставляемая крѣпостями, болотами, морскимъ рукавомъ и большимъ Даниверскимъ рвомъ.

На чьей же сторонѣ было право? А, по всей вѣроятности, на той, гдѣ находилось болѣе батальоновъ.

По видимому планъ союзныхъ генераловъ состоялъ въ томъ, чтобы, оставивъ въ сторонѣ опасное Даниверское укрѣпленіе, произвести на непріятеля двѣ весьма серьезныя атаки, которыя бы истощили всѣ средства датчанъ. Эти двѣ диверсіи позволили бы союзникамъ перейти черезъ Шлей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ этотъ морской рукавъ узокъ и мало защищенъ. Планъ этотъ былъ не дурень, и притомъ приводился въ исполненіе арміею, которая вдвое превосходила численностью непріятельскія силы. Поэтому, пока австрійцы, находившіеся на лѣвой сторонѣ позиціи, атаковали датчанъ между Сотторфомъ и Готторфомъ, пруссаки бомбардировали и сожгли Миссуде. Между тѣмъ одна дивизія, находившаяся на крайнемъ правомъ флангѣ, готовилась выступить въ походъ, и три дня спустя приблизилась къ Арнису, перекинула мостъ черезъ Шлей и ночью перешла черезъ этотъ морской рукавъ. И вотъ датчане обойдены и въ опасности лишиться сообщенія съ моремъ, они принуждены поспѣшно отступить, оставить позади себя Даниверское укрѣпленіе, свои пушки и запасы, преслѣдуемые непріателемъ по пятамъ. При Оверсп одинъ датскій отрядъ пожертвовалъ собою для спасенія остальной арміи. Австрійскіе гусары на всемъ скаку напали было на зelandскіе батальоны, но датчанамъ удалось заманѣть ихъ въ засаду, скрывавшуюся за лѣсомъ, и произвести въ рядахъ ихъ страшное опустошеніе. Это было самое кровопролитное дѣло.

Извѣстіе объ этомъ событіи произвело невыразимое негодованіе въ Копенгагенѣ и всеобщее смущеніе въ Стокгольмѣ. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, пораженіе приписывалось измѣнѣ, другими словами—дипломатіи. Не только бранили главнокомандующаго, Мецу, котораго немедленно призвали въ Копенгагенъ, вмѣстѣ съ главнымъ его штабомъ, но нападали также на короля Христіана Глюксбургскаго. Вспомнивъ, что онъ самъ нѣмецъ по происхожденію, его обвиняли въ унижительной покорности англійской дипломатіи, которая будто бы хотѣла, чтобы датчане не защищались

ни за Эйдеромъ, ни за Шлеемъ, ни за Данивермомъ. Волненіе достигло крайнихъ предѣловъ и вѣстовщики поговаривали уже о революціи и о плевисцитѣ, которымъ корона передавалась шведскому королю....

Предоставляя событіямъ идти своимъ чередомъ и внезапно мѣнять положеніе дѣлъ, предоставляя саблѣ бесѣдовать съ саблею и штыкомъ, мы возвратимся къ вопросу о правѣ, болѣе для насъ важному, чѣмъ вопросъ объ успѣхѣ той или другой стороны, и продолжимъ разсказъ о политическихъ событіяхъ съ того самого мѣста гдѣ мы остановились въ послѣдней своей корреспонденціи, т. е. со вступленія въ Голштинію федеральныхъ войскъ, за которыми принцъ Аугустенбургскій обращался съ прокламаціями къ своему «вѣрному народу». Въ продолженіе мѣсяца мы видѣли, какъ понижались акціи этого аффериста, который смѣло требуетъ для себя возвращенія такъ называемаго наслѣдственнаго права, пять разъ проданнаго его семействомъ на наличныя деньги. На сколько онъ пользуется расположеніемъ Сейма, на столько же не благоволяетъ къ нему Бисмаркъ и Рекбергъ. Съ самого вступленія своего въ Голштинію, союзныя австро-пруссія войска срывали съ зданій гербы этого претендента и въ тоже время бросали въ грязь знаменитое знамя германскаго единства, золотое, красное, съ чернымъ. Однакожь, такъ какъ все это дѣло представляетъ противорѣчіе съ самимъ собою, то замѣтимъ, что въ Эккенфердѣ герцогъ Аугустенбургскій провозглашенъ былъ владѣтельнымъ княземъ въ присутствіи прусскихъ войскъ которыя, по увѣренію Бисмарка, пришли за тѣмъ, чтобы поддержать требованія Лондонскаго трактата. Это-то объявленіе, чисто-сердечное или притворное, сдѣланное Пруссією и Австрією, объявленіе, что онѣ намѣрены защищать договоръ 1852 года противъ претензій германскаго союзаго Сейма, и было главнымъ событіемъ, обращавшимъ на себя въ прошедшемъ мѣсяцѣ вниманіе остальной Европы.

Въ засѣданіи, происходившемъ 14-го января, Сеймъ совершилъ дѣло неслыханное: онъ освободился изъ подъ опеки Пруссіи и Австріи, и большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ пяти, отвергъ предложеніе, сдѣланное этими двумя великими державами, которыя хотѣли чтобъ Сеймъ потребовалъ отъ Даніи, чрезъ улынматумъ, немедленной отмены конституціи 18-го ноября, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, приступить къ насильственному занятію Шлезвигга.

Пять голосовъ, которые одни были въ пользу этого предложенія, принадлежали Австріи, Пруссіи, эрцгерцогству Гессенскому, обонимъ Мекленбургамъ и 16-ой куріи, состоящей изъ безконечно маленькихъ членовъ конфедераціи: Гамбурга, Реусса, Лихтенштейна, Липпе, Вальдекка и Шаумбургъ-Липпе. Рѣшеніе Сейма показывало совершенное разобщеніе обѣихъ великихъ державъ относительно остальной Германіи и означало, что гегемонія какъ Пруссія, такъ и Австрія уже ославивалась, если не приходила въ упадокъ.

Оба германскіе колосса, возмущенные, отвѣчали настоящимъ *coup d'état*, объявивъ, что они не намѣрены обращать никакого вниманія на это рѣшеніе. Они такимъ образомъ возстали противъ федеральнаго договора, отвергли свои обязательства относительно Сейма и явно перестали ему повиноваться, на что никогда не рѣшалась бѣдная Данія. Дѣло легкое отказаться отъ повиновенія, когда находишься во главѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ солдатъ. Итакъ, фактъ тотъ, что Рехбергъ и Бисмаркъ уничтожили всякое значеніе Сейма относительно ихъ самихъ, и Сеймъ перенесъ эту обиду. Онъ теперь имѣетъ вѣсь только въ виду маленькой Даніи.

Рехбергъ оправдывался весьма замысловатымъ аргументомъ: «На Сеймѣ, говорилъ онъ, — Австрія и Пруссія представлялись меньшинствомъ. Между тѣмъ народонаселеніе, принадлежащее большинству, относится къ народонаселенію нашего меньшинства, какъ 20 къ 80. Поэтому было бы странно, еслибъ такое меньшинство повиновалось подобному большинству». Итакъ, по мнѣнію этого великаго министра, легальность зависитъ отъ вопроса о количествѣ народонаселенія и правосудіе есть дѣло пушки. Пусть же Данія испытаетъ на себѣ справедливость этого заключенія!

Коалиція *National-Verein'a* и второстепенныхъ германскихъ государей была какъ громомъ поражена отъ этой выходки. Запальчивыя головы громко заговорили о гражданской войнѣ и о необходимости вооружиться въ одно и то же время и противъ Даніи, и противъ Австріи и Пруссіи. Но послѣ первой вспышки негодованія, эти запальчивые патриоты набили кнастеромъ свои большія трубки, и гнѣвъ ихъ разсѣялся подобно дыму. «*Kreuzwetter tausend sapperment!*», воскликнули они: «*Wasfür eine fatale Geschichte!*» Второстепенными государями овладѣлъ страхъ. «Прежде, чѣмъ кончится XIX вѣкъ», говорили они, — «Пруссія и Австрія, чего добраго! раздѣлять между собою Германію,

какъ вѣкогда они наступили съ Польшаю. Вѣдь собственно говоря, права, какія мы имѣемъ на наши земли, незначительнѣе правъ Дани на неприкосновенность ея владѣній, которая была гарантирована европейскими трактатами, нарочно заключенными для этой цѣли. Императору австрійскому и королю прусскому стоитъ только отыскать поводъ къ войнѣ, чтобы насъ покорить, медиатизировать, лишить собственности, конечно во имя Сейма!» — «Очевидно», думаютъ съ своей стороны либералы, покуривающіе трубку, — «Пруссія и Австрія заключили между собою тайный договоръ, первая для того, чтобы распространить свои владѣнія на сѣверѣ и на западѣ, а вторая — для того, чтобы увеличить, или, лучше сказать, обезпечить свое господство на востокѣ и на югѣ; Пруссія гарантируетъ Австріи Венгрію и Италію, а Австрія Пруссіи — приобрѣтеніе Шлезвига и Голштиніи. Безъ всякаго сомнѣнія, обѣ эти великія державы заключили подобныя же условія съ Россією. Это ничто иное, какъ повтореніе варшавскихъ конференцій, только на новыхъ основаніяхъ; это — возстановленіе такъ называемаго священнаго союза... Теперь погибла свобода Германіи, и какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вся бѣда обрушится на насъ, несчастныхъ либераловъ. Das ist fatal, höchst fatal! Mädels, Knaster her!»

Итакъ, вотъ къ чему повелъ новый союзъ германскихъ государей съ Готскими либералами, которые трубили во всеуслышаніе, что интересы феодаловъ солидарны съ интересами народовъ! Что касается насъ, то мы не знаемъ, что выйдетъ изъ всей этой исторіи; мы только можемъ засвидѣтельствовать запутанное, нелѣпое, ложное положеніе, въ какомъ находятся заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ стороны. Дѣйствительно вѣдь вотъ въ чемъ сущность:

— Цѣлость Датской монархіи была признана и провозглашена тремя четвертями европейскихъ державъ и тремя четвертями германскихъ государствъ. Теперь она объявлена дипломатическою мечтою, пустымъ подтвержденіемъ протокола фанатическими приверженцами вѣнскаго трактата.

— Нѣмецкіе либералы утверждаютъ, что датское правительство нарушило вѣнскіе договоры тѣмъ, что сдѣлалось конституціоннымъ; такъ какъ шлезвигъ-голштинцы, освободившись изъ-подъ чисто-личной зависимости отъ короля, сдѣлались зависѣвшими отъ министерства, которое въ свою очередь зависить отъ *риксрада*, а этотъ по-

слѣдній—отъ народнаго выбора. Сами шлезвигъ-голлштинцы болѣею частію жалуются на эту проклятую конституцію. Это напоминаетъ исторію англійскаго сержанта, который жалѣлъ о томъ, что его освободили отъ кожанаго галстука (похожаго на желѣзный обручъ), и увѣрялъ, что онъ съ тѣхъ поръ сильно страдаетъ судорогами въ шеѣ.

— Семейство Шлезвигъ-Голштейнъ-Зандербургъ-Аугустенбургское, соперничающее съ семействомъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Зандербургъ-Глюксбургскимъ, и которое пять разъ продавало свои права на наслѣдство, дѣйствительныя или мнимыя, и каждый разъ получало за нихъ наличныя деньги, теперь снова требуетъ для себя возвращенія этихъ правъ:

— Нѣмецкіе демократы, отвергая въ настоящую минуту принципъ всеобщей подачи голосовъ, встаютъ единодушно во имя права Аугустенбургскаго дома, и съ энтузіазмомъ восклицаютъ: послѣдній пріютъ государей заключается въ сердцахъ нѣмецкихъ республиканцевъ!

— Германскіе государи удостоиваютъ демагоговъ принятія въ секретари, домогаются помощи Національ-Ферейна и наконецъ выставляютъ на полѣ битвы общественнаго мнѣнія устарѣлую разбитую машину, называемую *великою Готскою партіею!*

— Пруссія и Австрія, эти двѣ вѣчныя взаимныя соперницы, ненавидящія другъ друга и по привычкѣ, и по традиціи, и вслѣдствіе географической и религіозной необходимости, теперь заключаютъ между собою дружественный договоръ. Бисмаркъ принужденъ оправдывать себя въ этомъ союзѣ передъ парламентомъ и въ свое извиненіе говорить, что это мѣра только временная. Рехбергъ, съ своей стороны, долженъ утверждать передъ рейхсратомъ, что дружба съ берлинскимъ кабинетомъ заключена только на время. Дѣло въ томъ, что въ общественномъ мнѣніи Австрія произошелъ сильный переворотъ, и австрійскіе либералы видятъ теперь въ добромъ согласіи съ прусскимъ правительствомъ величайшую опасность, какой только можетъ подвергнуться ихъ возникающая и еще весьма шаткая свобода.

— Хотя Голштинія составляетъ часть Германской конфедераціи, а Шлезвигъ не принадлежитъ къ этому союзу, тѣмъ не менѣе германскій союзный сеймъ объявляетъ оба герцогства нераздѣльными и на этомъ основаніи требуетъ покоренія Шлезвига, во имя одной

образы, вправшейся въ одну латинскую рукопись, и вопреки предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ трактатамъ.

— Данія хочетъ освободиться отъ Голштиніи, но не можетъ возвратить ее Германскому союзу, который не соглашается принять часть, ему принадлежащую, а намѣренъ овладѣть цѣлымъ, на которое онъ не имѣетъ права.

— Германскій союзный сеймъ, овладѣвающій Голштиніею въ интересахъ самой Даніи, какъ говоритъ онъ, и нисколько не касаясь вопроса о престолонаслѣдіи, допускаетъ однакожъ провозглашеніе герцога Аугустенбургскаго въ присутствіи своихъ войскъ.

— Австрія и Пруссія, объявляющія, что союзный сеймъ превышаетъ свои права занятіемъ Голштиніи, сами, подъ предлогомъ защиты Даніи отъ несправедливыхъ притѣсненій, нападаютъ на это государство въ самыхъ чувствительныхъ его мѣстахъ, предводительствуя страшною арміею.

— Мозанская Австрія, владѣющая Венеціей, частію Польши, Венгріею и Богеміею, становится поборницею національности и заступницею народовъ противъ чужеземнаго господства.

— Баварія, Саксонія, Баденъ и Ганноверъ протестуютъ противъ поведенія Австріи и Пруссіи и хотятъ запретить ихъ войскамъ переходъ чрезъ свои владѣнія. Герцогъ Ольденбургскій отправляется въ Берлинъ съ тѣмъ, чтобы лично жаловаться королю Вильгельму на нарушеніе своихъ территоріальныхъ и владѣтельныхъ правъ прусскою арміею.

— Пруссія и Австрія, эти представительницы дипломатическихъ приличій, нападаютъ на Данію, не объявивъ ей войны, если только не считать такимъ объявленіемъ требованіе, сдѣланное копенгагенскому кабинету, ниспровергнуть конституцію въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ. Утромъ авангардъ союзныхъ войскъ представляетъ этотъ ультиматумъ, а на другой день вся армія ихъ производитъ нападеніе. И такой государственный переворотъ требуется отъ конституціоннаго правительства конституціонными же правительствами! По закону, необходимо шесть недѣль для созванія народнаго собранія, а австрійскіе и прусскіе генералы даютъ на это одинъ день— время, достаточное только для полученія отвѣта по телеграфу! Замѣтьте притомъ, что еслибъ король Христіанъ согласился испол-

нить такое требованіе, то онъ совершилъ бы дѣйствіе незаконное и поэтому неимѣющее никакой силы.

— Война эта — дѣло неслыханное! Предпринята австрійцами и пруссаками съ тѣмъ, чтобы принудить Данію къ соблюденію условій, которыя освободили бы самихъ похитителей отъ исполненія ихъ собственныхъ обязательствъ! Союзники отправляются въ походъ подъ предлогомъ защиты цѣлости государства и сами раздробляютъ его, чтобы вознаградить себя за свое великодушіе. Уже въ официальныхъ газетахъ говорится, что они, въ вознагражденіе за расходы по экзекуции, сохраняютъ за собою Шлезвигъ и Голштинію. Неудивительно, что Пальмерстонъ находитъ такой образъ дѣйствованія несправедливымъ и торжественно нападаетъ на него въ британскомъ парламентѣ:

«Въ Берлинѣ утверждали», воскликнулъ этотъ министръ, «что если австрійскія и прусскія войска встрѣтятъ сопротивленіе въ Шлезвигѣ и если это сопротивленіе повлечетъ за собою столкновение, то возникнетъ война, которая владетъ конецъ трактатамъ. Англія отвѣтила на это, что такая доктрина лишена всякаго смысла (аподиссменты), и что если ее приять, то всякое могущественное государство, заключившее неудобный для себя трактатъ съ державою слабою, будетъ имѣть возможность освободиться отъ принятыхъ на себя обязательствъ, несправедливо напавъ на своего соперника, безъ предварительнаго объявленія войны. Могущественная держава скажетъ тогда, что вспыхнула война, и, упираясь на свое непростительное нападеніе, невызванное никакимъ непріязненнымъ поступкомъ съ противоположной стороны, объявитъ себя освобожденной отъ своихъ обязательствъ. Англія замѣтила, что ни одно правительство, уважающее себя, не станетъ проповѣдывать подобную доктрину и не захочетъ дѣйствовать такимъ образомъ».

Кромѣ того, могъ бы прибавить Пальмерстонъ, въ международномъ европейскомъ правѣ еще пѣть закона, по которому одна держава могла бы вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой и съ оружіемъ въ рукахъ требовать отъ нея уничтоженія или измѣненія конституцій, подъ тѣмъ предлогомъ, что этою конституціе недовольны мѣстные жители. Это повело бы далеко. На такомъ основаніи Франція могла бы занимать рейнскія провинціи, пока не осуществлена будетъ прусская конституція.

Наши прусскіе депутаты, недавно гордо отказавшіеся содѣйствовать субсидіями войнѣ шлезвиг-голштинской, тогда какъ австрій-

скій рейхсратъ осмѣлился отказать своему правительству въ этихъ субсидіяхъ только на половину, еще разъ позволили распустить себя, не постановивши въ палатѣ обвиненія противъ Бисмарка.

— Негодование Германіи противъ Пруссіи и Австріи утихаетъ, будто чудомъ, съ той минуты, какъ войска ихъ переходятъ черезъ Шлей. Старый генералъ Врангель, котораго либералы ненавидѣли, — этотъ самый Врангель вдругъ дѣлается предметомъ всеобщаго патристическаго восторга, современнымъ народнымъ героемъ.

— Англія, дававшая Даніи совѣты и подстрекавшая ее къ сопротивленію, теперь возвышаетъ свой голосъ съ тѣмъ, чтобы испугать Германію. Въ палатѣ лордовъ графъ Дерби сравнилъ графа Россета съ Боттомъ, однимъ изъ лицъ, представленныхъ въ шекспировскомъ *Снѣ въ лѣтнюю ночь*, съ человѣкомъ, который, во что бы то ни стало, хотѣлъ сыграть роль льва и, общавшись мычать самымъ свирѣпымъ образомъ, продолжалъ мычать такъ тихо, какъ воркуетъ голубь, чтобы, изволите видѣть, не испугать дамъ! Дѣйствительно, Англія, угрожавшая блокировать Триестъ и Гамбургъ, возбудить италянскую войну и высадить за Даниверкомъ тридцать тысячъ солдатъ, вдругъ понижаетъ свой голосъ, узнавши, что пушка маршала Врангеля прогремѣла и что орлы прусскій и австрійскій держутъ въ своихъ когтяхъ Шлезвигъ. Она оскорблена поведеніемъ австрійцевъ и пруссаковъ, разорвавшихъ трактатъ, за ненарушимость котораго она ручалась. Одна мысль, что Пруссія и Австрія, обрадованныя успѣхомъ своего предпріятія, чего добраго! вздумаютъ считать постояннымъ приобрѣтеніе земли, которую они, — такъ по крайней мѣрѣ онѣ объявляли, — хотѣли занять единственно какъ матеріальную гарантію уступокъ, справедливо требуемыхъ отъ Даніи, — одна эта мысль возбуждаетъ въ сердцахъ всѣхъ англичанъ невыразимое чувство негодованія, впрочемъ благоразумно ими подавляемое. Эта Англія, столь храбрая, когда дѣло касается безсильной Бразиліи, или Соединенныхъ Штатовъ, которые она считала навсегда раздѣленными вслѣдствіе междоусобной войны, вполнѣ поняла, что вліяніе ея въ Европѣ сильно поколебалось отъ щелчка, даннаго княземъ Горчаковымъ. Она, однакожъ, пятится. Ужели всегда она будетъ дѣйствовать такъ?

Что изъ всего этого выйдетъ, мы увидимъ впоследствии. Карты теперь такъ перетасованы, что мы не рѣшаемся дѣлать никакихъ

предложеній. Главная опасность, по нашему мнѣнію, заключается въ ослабленіи отдѣльныхъ лицъ, партій и народовъ. Теперь дѣло состоитъ не въ столкновеніи принциповъ, ни даже въ столкновеніи интересовъ, а въ столкновеніи страстей. Это — самая нелѣпая изъ всѣхъ сценъ замѣшательства, это — нѣмецкая Вальпургова ночь, это — Броккенскій кутежъ бѣсовъ, это — одна изъ тѣхъ грубыхъ, дикихъ и циническихъ фантазмагорій, тайною которыхъ владѣеть одна Германія. Никогда еще, съ самыхъ временъ распрей, бывшихъ во Флоренці, въ Генуѣ, Пизѣ, Луккѣ, распрей, усложнявшихся вмѣшательствомъ французовъ, сицилійцевъ, венеціанцевъ и нѣмцевъ, интригами Гвельфовъ и Гибеллиновъ и продѣлами вассаловъ Святой имперіи, съ одной стороны, и римскими кардиналами, папами и епископами, съ другой, — никогда еще Европа не видала подобной кутерьмы!

И да будетъ намъ позволено высказать Германіи наше строгое мнѣніе о ея поведеніи и дать ей безпристрастный совѣтъ.

Любостяжаніе влечетъ за собою несправедливость, которая, съ своей стороны, возбуждаетъ въ людяхъ ненависть другъ къ другу и порождаетъ между ними беспорядки, а за ненавистью и беспорядками легко можетъ слѣдовать разореніе! Вопросъ о національности заключается не только въ вопросѣ о пространствѣ, занимаемомъ какою-либо страной, или о естественныхъ ея границахъ, ни даже въ вопросѣ о языкѣ и происхожденіи мѣстныхъ жителей. Нѣтъ, это — вопросъ о нравственности, объ идеалѣ справедливости, о совѣсти. Конечно, что и говорить! — можно погибнуть, не смотря на свое правое дѣло; но чаще люди погибаютъ вслѣдствіе эгоизма и алчности. Если Германія не хочетъ быть ограбленною, то пусть сама не грабитъ никого, и если она желаетъ быть великою, то пусть напередъ будетъ безкорыстною!

Франція теперь развлекается и забываетъ тревоженія, возбужденныя преніями, бывшими по поводу адреса. Въ продолженіе шести недѣль, пока происходили эти дебаты, имперія потрясалась до самого мозга костей. При каждомъ ударѣ, наносимомъ ей оппозиціо-

ными ораторами, она сама сознавалась, что поражена въ самой чувствительной своей части. Въ томъ-то и состоитъ неудобство нашей современной политической системы, что она всякую мелочь признаетъ важною и всякое осужденіе правительственныхъ мѣръ считаетъ равносильнымъ мятежу. Самыя критики поставлены въ необходимость объявить ее или преступною или непогрѣшимою.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь подвиги, совершавшіеся на этомъ турнирѣ и не всегда отличавшіеся отпечаткомъ вѣжливости, подвиги, которые обращали на себя всеобщее вниманіе Европы. Господа Тьеръ и Берье блистательнымъ образомъ возвратились на политическую арену. Господа Жюль Фавръ, Пикаръ и Оливье поддерживали свою прежнюю репутацію и продолжаютъ быть фаворитами либеральной буржуазіи, которая желаетъ имѣть оппозицію весьма настойчивую и весьма категорическую, но невыступающую еще за предѣлы конституціи. Господинъ Глэ Бизуень, который, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, есть въ нѣкоторомъ родѣ un enfant terrible, дитя, служащее предметомъ ужаса родителей, этотъ Глэ Бизуень пользуется ярою привязанностью студентовъ и всѣхъ вообще радикаловъ.

Анализъ всѣхъ этихъ дебатовъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Притомъ пренія съ нѣкотораго времени производятся келейно, весьма келейно въ ожиданіи дебатовъ по поводу бюджета. Поэтому дошедшіе до насъ отрывки краснорѣчія теперь похожи на раскупоренныя бутылки, потерявшія свой букетъ. Къ тому же они не содержатъ ничего слишкомъ новаго для читателей нашего политическаго обозрѣнія, которые давно уже знакомы со взглядами французской оппозиціи. Намъ нѣтъ надобности повторять ни о злоупотребленіяхъ нашей централизаціи, ни о продѣлкахъ, употребляемыхъ при всеобщей подачѣ голосовъ, ни о льготахъ, которыя Франція, по мнѣнію министровъ, употребляетъ во зло, ни о лаврахъ, какіе она пожинаетъ въ отдаленныхъ экспедиціяхъ, въ Китаѣ, Кокхининѣ, Мексикѣ и другихъ странахъ.

Какъ бы то ни было, самолюбіе министровъ, правительственныхъ ораторовъ, получило сильный ударъ. Превосходство краснорѣчія ихъ противниковъ было слишкомъ очевидно. Быть защитниками неправого дѣла, уступая своимъ непріятелямъ въ талантѣ, это ужъ черезчуръ неудобно. Что касается господъ Пельтана и Жюля Симона, то эти новые денутаты въ своемъ родѣ производятъ удивленіе въ

публикѣ, по республиканцы, ихъ прежніе друзья, никогда не про-
 стятъ имъ ихъ вступленія въ число такъ называемыхъ «демократовъ,
 присягнувшихъ имперіи.» Господа Геру и Оливье все еще находятся
 во главѣ партіи, извѣстной подъ названіемъ республикано-имперіа-
 листской. Одно время даже, когда происходили волненія по поводу
 адреса, въ парижскихъ салонахъ разнесся было слухъ объ образова-
 ніи новаго министерства, подъ предѣдательствомъ Морни и Оливье.

Если правительство играло незавидную роль при превіяхъ, проис-
 ходившихъ въ законодательномъ собраніи, за то оно торжествовало
 при производствѣ внутренняго займа. Оно потребовало у народа
 около 315 милліоновъ, а народъ предложилъ ему 4 миллиарда 500
 милліоновъ Заемъ, назначавшійся по поводу италіанской войны,
 пять разъ покрывался суммою, предложенною 670 тысячами под-
 писчиковъ, а настоящій заемъ покрывается шестнадцать разъ
 542 тысячами подписчиковъ. Правда, что и въ этомъ торжествѣ
 есть сторона, достойная хвалы. Такъ какъ относительная цѣна
 билетовъ этого займа была ниже курса другихъ облигацій, по-
 добнаго рода, то большое число привратниковъ, лакеевъ и
 мелкихъ промышленниковъ увидѣли въ этомъ средство приобрести
 какіе нибудь пять или десять франковъ барыша, съ сохраненіемъ
 возможности перепродать впоследствии свои права на получе-
 ніе выдаваемыхъ ими правительству денегъ. Напротивъ, значитель-
 ные капиталисты, банкиры и другіе богатые спекулянты, которые
 большею частію вовсе не имѣли намѣренія воспользоваться этимъ
 случаемъ для помѣщенія своихъ капиталовъ въ казну, а только
 хотѣли сдѣлать финансовую операцію на короткій срокъ, подписались
 на суммы совершенно номинальныя, что дало имъ возможность за-
 владѣть почти всѣмъ займомъ. Такимъ образомъ 522,000 подписчи-
 ковъ подписались каждый на 6 франковъ репты, тогда какъ 20,000
 подписчиковъ раздѣлили между собою 11 милліоновъ. И это объ-
 ясняется просто. Благодаря своимъ сношеніямъ съ министерствомъ
 финансовъ, значительные банкиры ежедневно узнавали, какъ идетъ
 подписка и на какую сумму приблизительно простираются требованія
 подписчиковъ. Эти-то господа имѣли возможность устроить дѣло
 такъ, что, при раскладкѣ займа, на долю ихъ приходилась такая
 именно сумма, какая требовалась для ихъ арбитражей.

Въ этой привилегіи присоединилась новая. «Возвышенность процен-
 товъ, говоритъ министръ въ своемъ докладѣ, — и ограниченіе,

какое счелъ нужнымъ сдѣлать банкъ Франціи относительно выдачи денегъ подъ залогъ имущества, заставили допустить при подпискѣ представленіе рента и облигацій казначейства, вмѣсто обезпеченія звонкою монетою.» Такимъ образомъ, значительные капиталисты могли подписываться, не раскрывая своего кошелька, и возвышать свою подписку по мѣрѣ того, какъ возрастала сумма требованій со стороны подписчиковъ. При этомъ они не имѣли надобности справляться съ своею кассою и все-таки хорошо знали, какія они принимали на себя дѣйствительныя обязательства. Это вѣрно. Одинъ изъ подписчиковъ, даже послѣ сокращенія суммы, назначенныхъ по подпискѣ, имѣлъ право на ренту въ 2,700,000 франковъ (право, которое конечно онъ не намѣренъ сохранить для себя). Такимъ образомъ онъ взялъ капиталъ въ шестьдесятъ милліоновъ, которые представляютъ номинальную подписку приблизительно въ одинъ милліардъ, такъ какъ предложеніе въ шестнадцать разъ превышало требованіе. Но извѣстно, что ни одно частное лицо, даже сами Ротшильды не обладаютъ милліардомъ.

Не смотря на затруднительное положеніе правительства, при дворѣ Тюльерійскомъ господствуетъ веселье; балы и вечера даются своимъ чередомъ. Императрица вводитъ въ моду дамскую охоту. Предводительствуя шайкою амазонокъ, она поражаетъ копьемъ маленькихъ ландскихъ коровъ, которыхъ нарочно для этой цѣли загоняютъ охотники. Вотъ извѣстіе объ этомъ отъ 31-го января:

»Императрица, въ сопровожденіи внягини Меттернихъ, маркизы Галлифё, графини Пурталесъ, госпожи де-Дурнель и большей части придворныхъ дамъ, третьяго дня отправилась на охоту въ Рамбулье. Мужчины, удостоившіеся чести провожать ее, предварительно получили билеты, въ которыхъ приглашались на «une chasse de dames».

Тронная рѣчь, произнесенная въ англійскомъ парламентѣ, обнаруживаетъ довольно ясно безпокойство и затруднительное положеніе Сень-Джемскаго кабинета, который послѣ торжества, одержаннаго

надъ тюльерійской политикой, неловко вмѣшался въ споръ, возникшій между Данією и Германією. Англійскіе политики, повидимому, не скрываютъ отъ себя опасности, какой подвергается ихъ вліяніе въ Европѣ; но они не знаютъ или скорѣе не рѣшаются, какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Они не осмѣливаются ни послать флотъ въ Эккенферде, ни блокировать Гамбургъ; они знаютъ, что остановка громадной торговли этого города главнымъ образомъ производилась бы ко вреду самой Англии. Что же касается до отправленія на англійскихъ судахъ изъ Генуи въ Венецію италянкой дивизіи съ той цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ этой дивизією стать противъ австрійскихъ пушекъ, то такая мѣра означала бы подвергнуть себя всѣмъ случайностямъ революціонной войны, какъ одно время дѣлалъ императоръ Наполеонъ III. Такое воинственное предпріятіе вовсе не соответствуетъ темпераменту англичанъ—милордовъ и лавочниковъ. Притомъ Англія знаетъ, что лишь только она вступить въ войну съ австрійцами, какъ немедленно пятьсотъ американскихъ корсаровъ, водрузивъ на своихъ судахъ австрійскій флагъ, начнутъ производить яростную охоту на англійскіе купеческіе корабли, разсыянные тысячами по морямъ. Въ продолженіе какихъ нибудь шести мѣсяцевъ эти корсары похитятъ, потопятъ или сожгутъ англійскихъ товаровъ на два милліарда. И вотъ награда за злобу, коварство и трусость! Джонъ Буллъ полагалъ, что нашелъ удобный случай для убіенія своего брата Джонатана, но когда наступила рѣшительная минута, онъ не отважился на такой поступокъ, и удовольствовался тѣмъ, что сталъ грабить своего родственника врага. Теперь Джонатанъ, оправнившись отъ ранъ, снова размахиваетъ своимъ мечемъ. Джонъ Буллъ труситъ; онъ не осмѣливается выходить со двора и печально вторить: *Honesty is the best policy*—было бы хорошо, еслибъ мы были честны!

Надо замѣтить, что противорѣчія и запутанность, какими отличаются шлезвигъ-голштинскія дѣла, въ нѣкоторомъ родѣ отразились въ Англии. Лордъ Пальмерстонъ въ пользу воинственной политики, графъ Россель—въ пользу мирной. Народъ вообще склоняется на сторону послѣдняго, но желаетъ, чтобы Европа считала его благопріятствующимъ идеѣ Пальмерстона. Королевское семейство раздѣлено на двое: будущій наслѣдникъ престола на сторонѣ датчанъ, т. е. на сторонѣ своей жены, но королева, которая по своему браку столько же нѣмка, сколько и англичанка, выпедши изъ своего

летаргическаго состоянія, всею душою склоняется въ пользу Бобурговъ.

Въ Индіи и въ Японіи дѣла въ настоящую минуту запутанны. Въ новой Зеландіи продолжается война. Здѣсь дѣла Англій идутъ довольно хорошо.

У себя дома, англичане взволнованы двумя происшествіями, представляющими между собою рѣзкій контрастъ. Совершены были два убійства: одно преднамѣренно, при обстоятельствахъ самыхъ возмутительныхъ, однимъ джентльменомъ, а другое въ припадкѣ ревности, при обстоятельствахъ, смягчающихъ вину преступника, однимъ работникомъ. И что же? Джентльменъ былъ пощажень, а работникъ повѣшенъ. Рѣшеніе суда возбудило негодованіе народа. На улицахъ появились плакарды, гдѣ было сказано: «Неужели Райтъ будетъ повѣшенъ? Если будетъ, значить есть два различныхъ закона: одинъ для людей богатыхъ, а другой для бѣдныхъ.» Мы просимъ у читателей позволенія помѣстить здѣсь по этому случаю одну страницу, исполненную рѣдкаго сочувствія, и которая была послана въ газету Times однимъ великимъ писателемъ. Вотъ что говорится въ этой корреспонденціи:

»Не думаю, чтобы когда либо какая нибудь парадная площадь представляла здѣлище, болѣе трагическое, болѣе потрясающее и болѣе достойное вниманія философовъ, чѣмъ то, которое разыгрывалось здѣсь вчера, въ ту минуту, когда одинъ человекъ, Балкрафтъ, надѣлъ петлю на шею другого, Райта, и задушилъ его во имя человечества, въ присутствіи молящагося священника.

«Принцесса Уэйльская только что предъ тѣмъ родила сына. Едва еще успѣлъ замолкнуть торжественный звонъ колоколовъ, производившійся по этому случаю. Королева, имѣющая право миловать была въ восторгѣ.

«Толпа, собравшаяся на площади, услышала какъ пробило девять часовъ. Не вида появленія преступника, она стала надѣяться, что онъ помилованъ. Вѣдь отрадно, въ особенности въ минуту счастья, произнести слово милосердія, освобождающее челоуѣка отъ висѣлицы, а его мать, жену и дѣтей отъ безпокойствъ, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ смерть! Ужъ навѣрное послѣдовало помилованіе Самуэля Райта; такъ, по крайней мѣрѣ, надо было полагать...

«Такъ и дѣйствительно думала толпа. Повторяю, сердце каждаго присутствующаго билось отъ безпокойства и надежды.

«Толпа эта не была, какъ обыкновенно, воодушевлена грубымъ любопытствомъ. Она не ожидала съ нетерпѣнiемъ насладиться зрѣлищемъ одной изъ тѣхъ ужасныхъ драмъ, которыя человѣческое общество иногда выставляетъ на сцену. Она, напротивъ, дрожала за жизнь осужденнаго. Если она была менѣе значительна, чѣмъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, то именно потому, что наканунѣ большое число работниковъ, отправившихся узнать объ участи, ожидающей Самуэля Райта, возвратились, говоря: мы не хотимъ присутствовать при убійствѣ.

«Къ намъ мѣра не прибѣгали для предупрежденiя этого убiйства! Къ сэру Джону Грею посылалась одна депутація за другою. Судьи, обязанные посѣщать темницу въ Горсмонгеръ-Лейнъ, представили «меморiаль», въ которомъ доказывалось, что несчастный обвиненный не былъ бы приговоренъ къ смерти, еслибъ предварительно извѣстны были всѣ обстоятельства, сопровождавшiя преступленiе, и еслибъ была возможность узнать ихъ во время. Пришу Уэльскому было подано прошенiе, съ многочисленными подписями, также по этому поводу; королеву умоляли произнести слово помилованiя; работники совершали трогательныя процессiи, имѣвшiя цѣлью умилостивить тѣхъ, отъ кого зависѣла участь преступника; съ этою же цѣлью собирались многочисленные народные митинги въ Ламбетъ и Соутваркъ; журналы заговорили въ томъ-же смыслѣ; даже адвокатъ, который, по своей обязанности, игралъ роль публичнаго обвинителя во время производства суда, хлопоталъ объ отмѣнѣ приговора, произнесеннаго по его же представленiю; со всѣхъ сторонъ, а въ особенности отъ низшаго класса народонаселенiя, раздавался крикъ, требовавшiй пощады осужденнаго. А вчера, когда всѣ эти попытки остались тщетными, вчера, въ тотъ самый часъ, когда, согласно смыслу обычной фразы, «правосудiе должно было исполнить свое дѣло», скамьи, заранѣе приготовленные для любопытныхъ зрителей, были пусты; окна, вмѣсто того, чтобы быть отданными въ наймы по чудовищнымъ цѣнамъ и усѣянными народомъ, были завѣшаны, въ знакъ траура. Изъ тѣхъ людей, для которыхъ зрѣлище казни имѣетъ неотразимую силу, одни не выждали конца, а другiе оставались на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы произнести проклятiе не надъ преступникомъ, а надъ эшафотомъ.

«Правительство очень хорошо знало чувствованiя, волновавшiя на-

родъ, да и какъ могло оно ихъ не знать! и потому приняло чрезвычайныя мѣры къ предупреденію беспорядковъ. Оно созвало на этотъ случай всю полицію. Предосторожность излишняя, такъ-какъ присутствовавшіе считали нужнымъ выразить свое негодованіе не насильственными поступками, а проклятіями, еще болѣе ужасными.

«Какъ я уже замѣтилъ, въ толпѣ, какъ молніей, блеснулъ лучъ надежды. Но когда въ темницѣ раздался звонъ колокольчика, патетическое безмолвіе, господствовавшее до той поры, замѣнилось глухимъ, страшнымъ ропотомъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ: «Молюсь за нашего брата Самуэля Райта», и всѣ принялись молиться. Явились шерифы, и священникъ съ палачемъ, и осужденный. Тогда поднялась буря проклятій, ропота и воплей. «О, позоръ! о, ужась! это убійство!» вопили одни. «Браво, Райтъ, не робѣй! Да благословить тебя Господь Богъ, товарищъ!» кричали другіе. Раздавались даже крики, требовавшіе уничтоженія смертной казни.

«Осужденный, блѣдный, но твердый, старался выпрямиться и закинулъ свою голову назадъ. Потомъ онъ поклонился толпѣ такъ низко, что, казалось, онъ упадетъ. Но онъ снова выпрямился и опять поклонился. Когда веревка уже была у него на шеѣ, онъ поклонился еще разъ. Толпа заревѣла. Въ ту самую минуту, когда осужденный превратился въ трупъ, одинъ сильный, здоровенный мужчина лишился чувствъ.

«Тѣ, которые его окружали, взяли его на плечи и повесли по городу, какъ доказательство народной печали. Въ тоже время изъ рукъ въ руки передавался плакардъ, написанный наканунѣ, такого содержанія:

«Жители Лондона, и мужчины и женщины, не присутствуйте при этой несправедливой казни. Пусть Калкрафтъ и компанія исполняютъ свое дѣло, не имѣя другихъ свидѣтелей своего преступленія, кромѣ Бога».

А вотъ въ назиданіе еще другой примѣръ англійскаго правосудія:

«На дняхъ, въ ассизномъ судѣ Миддлсекса, одна пятидесятилѣтняя женщина, по имени Сара Паркеръ, была признана виновною въ покражѣ четырехъ ящцъ. Это было уже въ восьмой разъ, что ей присудили наказаніе за воровство. Судья Пейви приговорилъ ее къ каторжной работѣ на шесть лѣтъ».

И мы узнали, что одно англійское общество, основанное съ капиталомъ въ десять милліоновъ, для всоруженія судовъ, имѣющихъ

цѣлью обмануть бдительность блокадной эскадры, раздало въ прошломъ году своимъ акціонерамъ сумму въ двадцать милліоновъ франковъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, ледъ, свѣгъ и туманы принудили воюющихъ къ перемирію.

Послѣ неудачи, испытанной при Ноксвиллѣ, генералъ мятежниковъ, Лонгстритъ, получилъ значительныя подкрѣпленія, которыя дозволили бы ему снова начать наступательныя дѣйствія, еслибъ не помѣшалъ морозъ. Съ своей стороны, побѣдитель его, Греттъ, могъ бы проникнуть въ самую глубь Георгіи и обложить городъ Аяны, гдѣ конфедерація спрятала, какъ въ сундукъ, самое драгоценное свое имущество, два милліона тюковъ хлопка; но дороги, вслѣдствіе дождей и снѣговъ, находятся въ такомъ ужасномъ состояніи, что было бы верхомъ неблагоразумія выступить въ походъ. Война могла бы продолжаться только въ южной части Соединенныхъ Штатовъ, въ Техасѣ и у Чарльстона; но и тамъ также федералисты для пріобрѣтенія рѣшительнаго успѣха нуждались бы въ силахъ, болѣе значительныхъ, чѣмъ какія находятся въ ихъ распоряженіи. Они не осмѣлились уменьшить армію, расположенной въ Виргиніи и Теннесси, съ тѣмъ, чтобы усилить войска, находящіяся въ южной Каролинѣ и въ Техасѣ, зная, что мятежники только ожидаютъ удобнаго случая, чтобы разстроить окружающую ихъ линію солдатъ и въ третій разъ перенести войну въ Марилендъ.

Но если военныя дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ въ данную минуту ограничиваются только нѣкоторыми стычками, то изъ этого не слѣдуетъ, что наступилъ застой въ народной жизни. Мирная подача голосовъ одерживаетъ побѣды тамъ, гдѣ безсильны были бы пули и ядра. Законодательное собраніе Мариленда рѣшило почти единогласно, что необходимо созвать конвентъ для уничтоженія въ конституціи слово: *рабство*. Назадъ тому два года аболіціонисты считались въ рабовладѣльческихъ штатахъ такими преступниками, противъ которыхъ недостаточна была смертная казнь, и которыхъ слѣдовало подвергать пыткѣ, обливая ихъ смолою и покрывая перьями. Теперь аболіціонистами являются представители трехъ пѣзъ этихъ штатовъ: Луизианы, Арканзаса и Теннесси. Вскорѣ они, въ силу президентской прокламаціи, составятъ новыя конституціи, по которымъ уничтожено будетъ рабство. Другой переворотъ, еще болѣе значительный, заклю-

чается въ томъ, что негры, бывшіе преслѣнные рабы, дѣлаются собственниками. Въ Бофортскомъ архипелагѣ, въ Луизианѣ и въ другихъ мѣстахъ, многія земельныя имущества, плантаціи продавались въ пользу федеральнаго правительства, по случаю неплатежа податей хозяевами. Въ числѣ покупателей этихъ имуществъ не мало было людей изъ числа тѣхъ, которыхъ прежде называли *чернымъ скотомъ*. Въ Бофортскомъ архипелагѣ пятьдесятъ тысячъ акровъ земли раздѣлены были на участки, заключающіе въ себѣ каждый по двадцати акровъ. Одна половина этихъ участковъ продавалась съ аукціона, а другая была предоставлена бывшимъ невольникамъ. Эти люди, превратившись въ свободныхъ собственниковъ, въ то же время сдѣлались гражданами. Они-то завоевали землю, которую уніонисты отняли у мятежниковъ силою оружія.

Всѣ эти факты, такъ же какъ и успѣхи на поприщѣ войны, содѣйствуютъ къ возбужденію надеждъ въ федеральномъ правительствѣ и придають его рѣчамъ болѣе силы. Дипломатическія ноты въ этомъ отношеніи не оставляютъ никакого сомнѣнія. Въ своей перепискѣ съ графомъ Росселемъ, производившейся, по поводу корсарскихъ судовъ, чрезъ посредство г. Адамса, государственный секретарь Сьюардъ говоритъ совершенно непринужденно, тономъ чловѣка, готоваго, въ случаѣ надобности, поддержать свои требованія силою оружія. Онъ также рѣшителенъ въ депешахъ, отправляемыхъ въ Парижъ, а нисколько не затрудняется представить мексиканскій вопросъ въ настоящемъ его свѣтѣ (въ томъ именно свѣтѣ, въ какомъ этотъ вопросъ извѣстенъ читателямъ нашего обозрѣнія), сохраняя за Соединенными Штатами право дѣйствовать впоследствии въ этомъ дѣлѣ, какъ имъ заблагоразсудится.

Такъ какъ въ законодательномъ корпусѣ ожидаются дебаты по этому вопросу, то Парижанъ угощаютъ безчисленнымъ множествомъ корреспонденцій, въ которыхъ говорится, что семь восьмыхъ Мексика завоеваны французскими войсками, что негодный Куаресъ съ позоромъ убыжалъ въ Соединенные Штаты, и т. д. Недавно еще Монитёръ сообщилъ намъ извѣстія, которыя должны пристыдить всѣхъ пессимистовъ.

Официальный корреспондентъ говоритъ объ ожидаемомъ скорѣйшемъ прибытіи во Францію депутата, которой поручено поднести эрцгерцогу Максимилиану «ратификацію мексиканскими провинціями выбора, произведеннаго знатыми сановниками города Мексико». Итакъ мексиканскія провинціи находятся въ нашихъ рукахъ. Эта новость

произведетъ тѣмъ большее удовольствіе, что фактъ этотъ, какъ известно, былъ весьма энергически оспариваемъ. «Теперь, прибавляетъ корреспондентъ, — только немногіе тайные враги правительства распространяютъ слухи, противоположные возстановленію трона». Ожидаютъ также, что въ скоромъ времени къ дѣлу имперіи пристанутъ главнѣйшіе генералы мятежниковъ, между прочимъ Добладо, Уруга и Эчагаразъ. «Наконецъ», сказано въ заключеніи корреспонденціи, — «никогда еще ни одинъ государь не всходилъ на престолъ при болѣе благоприятныхъ предзнаменованіяхъ», эти извѣстія тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ будутъ приняты во Франціи, что послѣ нихъ почти не представляется никакой надобности оставлять наши войска въ Мексикѣ.

Теперь, спрашивается, что будетъ дѣлать эрцгерцогъ Максимилианъ? Онъ приметъ престолъ, увѣряетъ насъ тотъ же самый корреспондентъ и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ дѣйствительно весьма убѣдительное письмо, гдѣ эрцгерцогъ объявляетъ, что такъ какъ условіе, отъ котораго зависѣло его согласіе, исполнено, то онъ рѣшился принять предложенную ему корону. Эрцгерцогъ повидимому забылъ, что онъ говорилъ также о гарантіи со стороны европейскихъ державъ. Получилъ-ли онъ эту гарантію? Увѣренъ-ли онъ въ ней такъ же, какъ и въ выборѣ, произведенномъ мексиканскими провинціями? Если такъ, то остается только поздравить новое царствованіе и пожелать ему успѣха.

Нужно ли возстановить истину фактовъ? Нужно ли заботитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ генералы, предводительствующіе экспедиционными войсками, поссорились съ начальниками клерикальной реакціонной партіи, французы подвергаются измѣнѣ со стороны реакціонеровъ и пораженію со стороны прогрессистовъ? — Что между тѣмъ, какъ генералъ Базанъ дѣлаетъ движеніе на западъ, чтобы захватить Хуареса, этого новаго Абдель-Кадера, онъ принужденъ оставить безъ защиты востокъ и пути сообщенія съ Вера-Круцомъ? — Что Ормзаба и Тампиео безпрестанно разбиваются патриотами, пока французы, запершіеся въ городѣ, запасаются разными припасами, преспокойно вѣшаютъ нѣсколькихъ измѣнниковъ и удаляются, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи придти опять? — Что для доставленія извѣстій въ Вера-Круцъ каждый разъ необходима экспедиціонная колонна, въ 300 человекъ? И Монятёръ увѣряетъ, что успѣхи французовъ въ Мекси-

къ не прекращаются и что всё главные города провинцій заняты французскими войсками!

Въ Сантъ-Яго, въ Чили іезуиты созвали все народонаселеніе и въ особенности своихъ возлюбленныхъ овецекъ, дамъ мѣстной аристократіи, для охраненія отъ окружающихъ соблазновъ.

Повидимому мы въ Европѣ, зараженной, какъ говорятъ іезуиты, протестантизмомъ и жидовщиной, не имѣемъ никакого понятія о той мірской роскоши, какую католики по ту сторону океана употребляютъ при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Самая простодушная крестьянка, еслибъ она внезапно очутилась въ одной изъ туземныхъ церквей, не могла бы удержаться отъ улыбки при видѣ позы, выраженія и туалета, какими тамъ отличаются статуи святыхъ, при видѣ группъ, какія образуютъ эти статуи въ извѣстные праздничные дни.

Разныя драгоценныя вещи, кружева, шелкъ, бахрамы, ленты и матеріи самыхъ яркихъ цвѣтовъ разложены на алтаряхъ и развѣшаны между колоннами, представляя собою картину, богѣе отличающуюся блескомъ, тѣмъ вкусомъ, и озаренную свѣтомъ свѣчь, фонарей, люстръ и жирандоль, которыхъ количество соответствуетъ доходамъ монастыря или щедрости прихожанъ.

Въ Лимѣ, въ продолженіи богослуженія, пускаются на воздухъ петарды и ракеты, при яркомъ свѣтѣ тропическаго солнца. Трескъ ихъ смѣшивается съ звономъ колоколовъ. Ни одно церковное торжество не проходитъ безъ того, чтобы въ заключеніи, въ часъ послѣдняго вечерняго благословенія, передъ фасадомъ церкви, не былъ одущенъ фейерверкъ, въ видѣ букета.

Въ Сантъ-Яго, церковь іезуитовъ находится въ самомъ богатомъ, самомъ дѣятельномъ и самомъ населенномъ кварталѣ. Стеченіе народа въ ней было огромное. Подобно тому какъ въ другихъ мѣстахъ, іезуиты и тутъ съумѣли привлечь къ себѣ дамъ, которыя покинули соборъ и кругія приходскія церкви, и стали собираться у этихъ монаховъ. Они такимъ образомъ составили многочисленную конгрегацію женщинъ, называемыхъ *дочерьми Маріи*. Кромѣ своей исповѣдальни, изобрѣтательные священники устроили возгъ кружи, назначенной для лопты св. Петра, — *el bucon de la Virgen*, почтовый ящикъ для писемъ, адресуемыхъ на имя Мадонны. Этотъ

ящигъ заключалъ въ себѣ дѣлюю корреспонденцію, исполненную самыхъ пламенныхъ изъявленій преданности къ боготворямой дѣвѣ. Письма принимались на эту почту съ платою по 25, по 50 и по 100 су за каждое. Нѣкоторые впрочемъ изъ писемъ не дошли по адресу; они упали съ неба на землю и достались въ руки нечестивцамъ, которые напечатали ихъ съ разными комментаріями, въ назиданіе мірянъ.

Итакъ эти почтенные монахи занимались доставкою писемъ на небо. Они приносили также благочестивымъ поклонницамъ Мадонны ея отвѣты, большею частію благопріятные, и этимъ поддерживали довѣріе къ себѣ со стороны своихъ овецехъ. Въ случаѣ, если какую нибудь просьбу, изложенную въ письмѣ, было трудно или невозможно исполнить, тогда исповѣдальня представляла средство для объясненія молчанія, хранимаго Мадонной. Рассказываютъ, что душа одной кающейся грѣшницы была при подобномъ случаѣ осуждена въ продолженіи восьми дней скитаться въ аду. Невинная грѣшница говоритъ, что ей казалось весьма страннымъ, что она во все это время и ѣла, и пила, и спала, и молилась. Но такъ какъ присужденное ей наказаніе сообщено было священникомъ, то она не могла сомнѣваться въ дѣйствительности своего путешествія въ адъ.

8 декабря былъ день празднованія Маріи, обязательнаго для всѣхъ жителей Чили. Наканунѣ, священникъ рекомендовалъ своимъ овецехамъ быть на слѣдующій день какъ можно болѣе внимательными къ службѣ, такъ какъ «онъ имѣетъ сообщить имъ секретъ». Поэтому церковь въ день торжества стала наполняться уже съ трехъ часовъ по-полудни. Толпа у дверей ея была такъ велика, что тѣ, которые желали войти, становились, во избѣжаніе безпорядковъ, по-чередно одинъ за другимъ

Въ семь часовъ, когда должна была начаться церемонія, посетителей было такъ много, что церковь оказалась слишкомъ тѣсною. Полагаютъ, что число ихъ простиралось до 3000.

Убранство церкви было великолѣпное. Къ ослѣпительной иллюминаціи, устроенной на хорахъ, кастелянъ прибавилъ разноцвѣтные бумажные фонари, развѣшанные повсюду многочисленными рядами.

Богатыя драпировки изъ бархата и кисеи роскошными складками спускались съ галлерей. Гирлянды искусственныхъ цвѣтовъ висѣли красивыми дугами, или увивались вокругъ колоннъ. Боковыя стѣны озарялись свѣтомъ отъ десяти до двадцати тысячъ лампъ. Полумѣсць состоялъ изъ транспарана, за которымъ находилось множество лампъ.

Полагали, что эта картина, освященная сади, произведет магический эффектъ.

Началась молитва.

Изображеніе Мадонны сіяло лучезарнымъ блескомъ, окруженное сонмовъ керувимовъ, летѣвшихъ на розовыхъ облакахъ. При дрожащемъ свѣтѣ огней, оно, казалось, спускалось съ неба. Раздавались тихіе, мелодическіе звуки пѣснн:

Salve, Regina, Mater misericordiae,
Ora pro nobis!

У ногъ Мадонны вдругъ вспыхиваетъ полумѣсяцъ. Еще видна длинная палка пономаря, зажегшаго послѣднюю свѣчу. Новое пламя, отдѣляющееся своимъ краснымъ свѣтомъ отъ цѣлаго каскада огней, безъ сомнѣнія, одна изъ подробностей программы, —

Vita, dulcedo et spes nostra,
Salve!

Слова замираютъ на устахъ священника. Одинъ изъ присутствующихъ послѣдно кидаетъ свой плащъ на это пламя... Ужъ не вспыхнуло-ли оно случайно?

Пламя пробирается изъ-подъ плаща и, какъ будто пороховымъ слѣдомъ, сообщается всѣмъ рядамъ лампъ. Оно достигаетъ алтаря со всѣми его украшеніями изъ искусственныхъ цвѣтовъ и бумаги, и затѣмъ охватываетъ статую Мадонны. Благодаря жарѣ и сквозному вѣтру, производимому отверстиями, находящимися въ кусокѣ, пламя достигаетъ деревяннаго плафона, окрашеннаго масляными красками. Черезъ нѣсколько секундъ хоры въ огнѣ, потолокъ горитъ и пламя распространяется все далѣе и далѣе.

Изумленная толпа стоитъ безмолвно, неподвижно. Она слышитъ трескъ горящаго дерева, шелестъ пылающей кисей и видитъ возрастающіе огни. Ужъ не пожаръ-ли? возможно-ли это?

Тогда толпа поняла въ чемъ дѣло... Трепетъ пробѣжалъ по ней какъ вѣтеръ по полю... Внезапно всѣ обращаются назадъ, хотять устремиться къ дверямъ, хотять выдти... Но, о ужасъ! никто не

может сдѣлать шага... Давка такъ велика, что нѣтъ возможности двигаться.

А пожаръ все растетъ. Пламя перескакиваетъ отъ одной гирлянды на другую и путемъ искусственныхъ цвѣтовъ устремляется на драпировки, подобно потоку. Оно расширяется, испускаетъ клубы чернаго дыма и извергаетъ свергающія искры.

На фасадѣ церкви три двери, и изъ нихъ одна только, средняя, открыта; съ боку, на право, другая дверь, тоже открытая. Это единственные средства къ бѣгству для женщинъ. Мужчины, далеко не такъ многочисленныя, находятся по лѣвой сторонѣ, отдѣленные отъ женщинъ желѣзнымъ барьеромъ, устроеннымъ по приказанію кастеляна для предупрежденія скандаловъ, какіе обыкновенно совершаются во время вечернихъ празднествъ. Они имѣютъ сообщеніе съ боковою дверью и устремляются къ этому выходу.

Видали ли вы сявовъ солнечный микроскопъ борьбу инфузорій, истребляющихъ другъ друга въ каплѣ воды, которая при освѣщеніи южнымъ солнцемъ представляется озеромъ свѣта? Это борьба страшная, отчаянная. Глазъ не успѣваетъ слѣдить за всѣми движеніями этихъ животныхъ: какъ они съ яростью выдвигаются другъ на друга, какъ терзаютъ другъ друга, какъ внезапно исчезаютъ одни, и какъ судорожно корчатся отъ ранъ другія; но тамъ, на днѣ озера, одну за другимъ, являются смертельно раненыя и убитыя животныя и накопляется цѣлая груда труновъ.

Тоже самое происходило и въ церкви Сантъ-Яго. Женщины, хотѣвшія бѣжать, повергались на полъ, на нихъ опрокидывались другія; являлись третьи и испытывали ту же участь. Такимъ образомъ накоплялись груды тѣлъ, заслоняющія собою каждую изъ дверей. Несчастныя запутывались въ мантильяхъ, платяхъ, и въ особенности въ кринолинахъ, и не могли выйти изъ своего ужаснаго положенія. Если нѣкоторымъ изъ нихъ, благодаря отчаяннымъ усиліямъ, и удавалось освободиться, полунагими, окровавленными, растрепанными отъ страшныхъ оковъ, въ которыя держала ихъ эта свирѣпая, безумная, бѣшеная толпа; то немедленно они подвергались укушеніямъ, тысячи рукъ начинали ихъ душить и рвать на нихъ волосы, и несчастныя снова падали на кучу, гдѣ раздавались скрежетъ зубовъ и вопли отчаянія.

На объятую ужасомъ толпу огонь падалъ дождемъ, летѣли пылающія ~~древна~~ драпировки, и синеватыми струями лился растоплен-

ный свинецъ. Пламя охватывало платья несчастныхъ. Нѣкоторыя женщины вопили, тряслись, рвали на себѣ волосы, раздирали свое лицо и въ изнеможеніи падали навзничь. Другія, неимѣвшія силы шевелиться, становились бѣлыми, какъ мраморъ, потомъ синими; мгновеніе спустя ихъ волосы были въ огнѣ, и за тѣмъ сами онѣ превратились въ уголь. Видились неподвижныя группы, въ которыхъ нельзя было узнать ни одного человѣческаго образа. Женщины и дѣти вступали въ отчаянную драку при свѣтѣ пожара.

Не было возможности спасти даже тѣ жертвы, которыя находились у самого порога церкви. Входы были завалены трупами. Какъ волны на отмели рѣки, гдѣ встрѣчается приливъ съ отливомъ, здѣсь падали всѣ, и спасители, и тѣ, которымъ они хотѣли помочь. Сотня геркулесовскихъ рукъ протягивалась для спасенія одной изъ этихъ несчастныхъ жертвъ, которыя бились и кричали, и которыхъ нельзя было вытащить цѣлыми изъ этой груды тѣлъ.

Деревья, находившіяся на маленькой площади Аламеда, срывались и протягивались къ жертвамъ. Тысячи нѣжныхъ рукъ хотѣли за нихъ ухватиться. Полагали такимъ способомъ спасти несчастныхъ. Надежда тщетная; деревья вытаскивались, превратившись въ головни.

Одному крестьянину удалось спасти отъ смерти нѣсколько жертвъ. Среди всеобщей суматохи, онъ на лошади подѣхалъ къ дверямъ церкви и закинулъ во внутренность ея одинъ конецъ своего lazzo. Немедленно десять рукъ ухватились за этотъ lazzo и крестьянинъ, прикрѣпивъ другой его конецъ къ своему сѣдлу, поскакалъ, увлекая за собою нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ. Онъ повторилъ этотъ маневръ раза три или четыре, какъ вдругъ lazzo оборвался и не было возможности его поправить или добыть другой. Между тѣмъ пламя охватило двери и всѣ, искавшія здѣсь спасенія, погибли.

Большая часть мужчинъ успѣли спастись; однакожъ многіе изъ нихъ возвратились. Они взлезли на боковое окно и оттуда бросились въ пламя. Дѣлали ли они это съ тѣмъ, чтобы спасти жертвы, или съ тѣмъ, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ ними? Это осталось тайной. Всѣ они умерли. Одинъ молодой человѣкъ бросился въ огонь, увидѣвъ свою мать. Онъ настигъ ее, схватилъ и потомъ упалъ вмѣстѣ съ нею...

Въ это время въ Сантъ-Яго звонили во всѣ колокола въ честь празднеста и этотъ звонъ смѣшивался съ криками и воплями чащянія.

Такимъ образомъ прошли страшныя двадцать минутъ. За пронзительными криками послѣдовали жалобные звуки. Эти звуки, смѣшавшись съ предсмертными стонами, возбуждали непобѣдимый страхъ. Зрители въ ужасѣ обращались въ бѣгство. Наконецъ воцарилось страшное безмолвіе. На груди труповъ обрушились потолокъ, одна башня и колокольня. Въ девять часовъ огонь уже не имѣлъ болѣе пищи. Развалины покрыты были зловреднымъ смрадомъ, и столбы чернаго дыма подымались вверхъ.

Погибло около двухъ тысячъ человѣкъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей, старцевъ. На другой день жители посѣтили соборъ, обратившись въ подземное кладбище. Онъ содержалъ подъ своими сводами тысячу восемь сотъ труповъ. и сколько еще труповъ находилось подъ его развалинами! Въ среднемъ пространствѣ церкви, между главною дверью и каедрю, насчитывали по крайней мѣрѣ, пятьсотъ обуглившихся тѣлъ. Въ боковыхъ пространствахъ были группы, въ пятьсотъ человѣкъ каждая. Нѣкоторые сгорѣли только на половину, другіе задохлись отъ дыма и носили на лицахъ печать предсмертныхъ мукъ. Большая часть ихъ стояла подъ сводами, гдѣ они искали убѣжища отъ горящихъ угольевъ, падавшихъ съ потолка. Они были на ногахъ. Старцы упирались на своихъ палкахъ, женщины, казалось, обращались къ небу съ воплями, дѣти стояли, прижавшись къ матерямъ.

Большая часть тѣхъ жертвъ, которые считались спасенными, погибли ночью или на другой день въ страшныхъ мученіяхъ. Онѣ были безмолвны, не могли издать ни одного звука, страхъ отнял у нихъ душу!

Однакожъ ни одинъ священникъ не погибъ, ни одинъ пономарь не былъ раненъ, ни одинъ іезуитъ не получилъ даже царапины въ этой страшной катастрофѣ. Какъ только они увидѣли, что пламя приближается къ алтарю, они бросились въ ризницу, заперли на замокъ дверь въ церковь и поспѣшили спасать нѣкоторые образа, разную утварь, и свои сокровища. Нѣкоторые изъ жителей, большею частію иностранцы, англичане, американцы, хотѣли проломать дверь. Прочъ еретики! кричали іезуиты.

Однакожъ въ послѣдній моментъ, когда еще нѣкоторые замирающіе стоны смѣшивались съ трескомъ пылающихъ головней, преподобный отецъ Угарте вспомнилъ, что вся эта толпа умираетъ безъ исповѣди, не получивъ отпущеніе грѣховъ; онъ раскрылъ дверь риз-

ницы и, протянувъ руку надъ этою дымящеюся массою, мѣстами почернѣвшюю, мѣстами красною, и откуда раздавались еще нѣкоторые подавлейные стоны, глухимъ голосомъ промолвилъ отпущеніе.

Такъ кончилось празднество преподобныхъ отцовъ—іезуитовъ!

РЕГЕНТСТВО, соч. МИШЛЕ.

(La Régence, par. Michlet. 1864 Paris.)

До появленія послѣдняго сочиненія Мишле, мы, подобно всѣмъ, полагали, что вполне постигли смыслъ и значеніе эпохи регентства. Она была переходнымъ временемъ исторіи Франціи, или точнѣе, въ исторіи французскихъ королей. Послѣ пышной, жалкой, безнравственной страсти, отличавшейся ханжествомъ, Франція,—такъ говорили мы,—въслѣдствіе весьма простой, естественной реакціи, перешла отъ іезуитскаго начала къ другому, весьма неблаговидному, съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ царствованію Людовика XV; отъ лицемерной добродѣтели она обратилась къ хвастливому пороку, съ тѣмъ, чтобы освоиться съ развратомъ, этимъ предвѣстникомъ разрушенія, смерти и возрожденія.

Оказывается, что мы были слишкомъ строги. Ближайшее знакомство съ дѣломъ заставляетъ быть болѣе снисходительными и справедливыми. Мишле представляетъ намъ въ регентствѣ предчувствіе и даже болѣе—подготовленіе того переворота, который въ нѣсколько лѣтъ создалъ для Франціи новую исторію.

«Регентство», говоритъ онъ въ самомъ началѣ,—это дѣланный вѣкъ, заключающійся въ восьми годахъ. Оно въ одно и то же время представляетъ и открытіе, и революцію, и новое твореніе.—Это впе-

запное открытіе міра, подготовлявшагося, но скрывавшагося подъ маской, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Смерть короля послужила какъ-бы театральнымъ превращеніемъ. Все, находившееся подъ спудомъ, вышло паружу. Покрывала исчезли и все сдѣлалось очевиднымъ. Никогда не было общества, въ такой степени озареннаго дневнымъ свѣтомъ».

«И не только возвратился свѣтъ; возвратилось также движеніе. Регентство, это—революція экономическая и социальная, и притомъ самая великая изъ всѣхъ, бывшихъ у насъ до 1789 года.»

«Она по видимому не имѣла успѣха, но тѣмъ не менѣе была неизмовѣрно плодотворна. Регентство, это—созданіе тысячи новыхъ вещей, большихъ дорогъ, сообщенія между провинціями, дароваго образованія, ответственности административныхъ лицъ и т. д. Явились искусства, всѣ тѣ искусства, которыя служатъ къ доставленію удобства и удовольствія въ домашней жизни. Но что еще важнѣе, возникъ новый духъ кротости и гуманности въ противоположность духу варварства и набожной инквизиціи предшествовавшаго царствованія.»

«Эта революція имѣетъ надъ другими большое превосходство. Дѣло въ томъ, что она лишена была всякой формулы, ей не на что было сослаться, у ней не было текста, заранѣе приготовленнаго, который освобождаетъ отъ необходимости работать умомъ. Англія въ такой опорѣ не имѣла надобности: у нея былъ пуританизмъ. Даже нашъ 89-й годъ могъ обойтись безъ подобной поддержки: у него были Руссо и Вольтеръ. Владѣя такими авторитетами, 89-й годъ не нуждался ни въ какомъ литературномъ изобрѣтеніи. У него былъ цѣлый вѣкъ, на который онъ могъ сослаться. Но этимъ вѣкомъ служить для него регентство. Это—и Вольтеръ, и Монтескье, и Дидро, въ зародышѣ, и все, что потомъ развилось».

«Дитя, рожденное безъ отца»,—таково имя, такова странная привилегія восемнадцатаго вѣка».

«Онъ питаетъ отвращеніе и ужасъ къ семнадцатому столѣтію и, ужъ конечно, ничего не заимствуетъ у своего предшественника».

«О великомъ шестнадцатомъ вѣкѣ онъ не имѣетъ ровню никакого понятія. Онъ удивительнымъ образомъ не знаетъ своего собственнаго средства съ Монтенемъ и Раблэ, съ свободною эпохою возрожденія».

«Вотъ непростительное преступленіе вѣка Людовика XIV. От-

личаясь ловкою подражательностью, но въ то же время безпрестанно возобновляя избитые вопросы, этотъ вѣкъ разорвалъ нить великихъ изобрѣтеній. Онъ израсходовалъ свои силы на повторенія и подражанія. Даже его гении служили помѣхою прогрессу.»

Мишле резюмировалъ мысль своего сочиненія еще яснѣе.

«Мой принципъ», говоритъ онъ, — «простъ и обнаруживается въ во всемъ ходѣ событій. Вотъ онъ:

«Прошедшее было зломъ. Представителями его служили варварскіе средніе вѣка и Испанія, столь же жестокая при Альберони, какъ и при Филиппѣ II,—Испанія, которая во время самого регентства, бывшаго во Франціи, озарялась кострами, и которая, въ качествѣ побѣдительницы, остановила бы насъ на сотню лѣтъ и осудила бы на сожженіе Вольтера и Монтескье».

«Будущее явилось теперь добромъ. Въ немъ былъ и прогрессъ, и новый духъ.

«Таковъ именно характеръ регентства, проявляющійся въ его великихъ дѣятеляхъ. Мы въ этомъ должны сознаться, не смотря на ошибки и пороки этихъ людей. И регентъ, и Ноэль, въ особенности Ло, и даже Дюбуа, въ томъ или другомъ отношеніи, принадлежали къ партіи будущности. Надо отдать имъ справедливость; они отличались нѣкоторыми добрыми инстинктами, нѣкоторыми свѣтлыми идеями и нѣкоторыми благими намѣреніями».

«Но я въ отношеніи къ нимъ не слабъ, по строго. Я каленымъ желѣзомъ налагаю клеймо на Дюбуа, столь полезнаго сначала, и который былъ виновникомъ всеобщаго упадка силъ. Я вывожу на чистую воду сообщничество Ло съ мошенниками; — этого великаго, изобрѣтательнаго Ло, человѣка безкорыстнаго и великодушнаго, но отличавшагося слабымъ характеромъ. Что же касается регента, этого страстнаго поклонника всѣхъ наукъ, любезнаго, любимаго, кроткаго и добродушнаго,—увы! исторія должна поставить его къ поворному столбу за всѣ его постыдные поступки, частные и публичные».

Вотъ какимъ образомъ г Мишле обрисовываетъ памъ героя регентства.

«Этотъ человѣкъ былъ, конечно, не самымъ лучшимъ, но за то самымъ добрымъ человѣкомъ Франціи. Доброта была основною чертою его характера. Она очаровательнымъ образомъ проявлялась въ каждомъ его поступкѣ. Чуждый всякаго высокомерія, всякой запаль-

чивости, регентъ никогда не выходилъ изъ себя, не смотря ни на какія непріятности. Онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ выслушивалъ и переносилъ дерзкія замѣчанія однихъ и скорбительныя наставленія другихъ. Даже тѣ, которые наиболѣе пострадали отъ его позорной жизни, почувствовали при его смерти, что никто не могъ сравниться съ нимъ кротостью характера и свѣтлымъ умомъ».

«Регентъ великодушно вручилъ власть министрамъ совѣтамъ и требовалъ, чтобы государственные вопросы рѣшались посредствомъ преній. Свѣтъ при немъ въ первый разъ проникъ въ Какусову пещеру, я хочу сказать—во мракъ древняго всеобщаго произвола».

«Чтобы дать этимъ совѣтамъ полную свободу, регентъ опредѣлялъ въ нихъ всѣхъ своихъ враговъ и хулителей, желавшихъ его смерти, и которые изъявляли намѣреніе умертвить его. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «я буду его Брутомъ». Но это былъ человѣкъ необыкновенно способный, отлпчавшійся великимъ изобрѣтательнымъ умомъ. Регентъ сдѣлалъ его предсѣдателемъ финансоваго совѣта».

«Въ совѣтъ духовныхъ онъ опредѣлялъ людей безукоризненныхъ, отличавшихся добродѣтелью и строгостью нравовъ,—архіепископа Ноэля, д'Агессо, и даже Пюселя, этого врага янсениста, который былъ истиннымъ представителемъ своей партіи. Именно этихъ-то людей избрали бы тѣ лица, которыя, подвергались преслѣдованію. Регентъ надѣялся, но тщетно, что янсенисты, сами испытавшіе несчастье, будутъ отличатся терпимостью въ отношеніи къ протестантамъ.

Великій король оставилъ ему въ послѣдство положеніе нелѣпное, безвыходное, ужасное; три опасности, изъ которыхъ каждая могла бы быть смертельною для Франціи:

1) Пустую казну, банкротство, совершенное отсутствіе денегъ для уплаты жалованья войскамъ, невозможность производить вооруженія;

2) Ненависть Европы, вызовъ, сдѣланный Англіи, почти прерванный миръ, и потому необходимость вооруженій;

3) Роковое завѣщаніе, которое, вручая власть человѣку незаконно-рожденному, чуть было не дѣлало не предоставило ее королю испанскому. Полагали въ Мадридѣ и говорили въ Парижѣ, что Филиппу V стоило только лично явиться во Францію, одному, безъ войска, въ качествѣ дяди несовершеннолѣтняго короля, чтобы захватить въ свои руки опеку и низвергнуть регента. Оттого послѣдній находился въ крайне шаткомъ положеніи и долженъ былъ при та-

комъ безденежья, подкупать одного за другимъ князей и вельможъ, которыхъ преданность была продажна.

«И такъ, перспектива войны, отсутствіе средствъ къ веденію борьбы, необходимость употреблять дѣлаемые займы на удовлетвореніе алчности вельможъ, таково было положеніе Франціи».

«Филиппъ V жалѣлъ объ этой странѣ. Онъ считалъ себя французомъ, но опъ сдѣлался истымъ испанцемъ».

«Рожденный отъ нѣмки, Филиппъ V былъ смѣшаннаго баварско-австрійскаго происхожденія. Предкомъ его былъ страшный Фердинандъ II, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбу тридцатилѣтней войны. Филиппъ V подвергался помѣшательству, только по временамъ. Онъ не былъ лишень ума и часто говорилъ очень хорошо. Большею частью безмолвный, и веда, подобно своей матери, затворническую жизнь, онъ почти исключительно видался только съ своею женою. Половые отправления подавляли въ немъ всякую другую дѣятельность. Онъ былъ самымъ усерднымъ супругомъ. Его первая жена, большая при смерти, снѣдаемая золотухой, покрытая язвами, постоянно должна была раздѣлять съ нимъ супружеское ложе. Любилъ-ли онъ ее? Въ самый день ея смерти, онъ, по своему обыкновенію, отправился на охоту и, встрѣтивъ на обратномъ пути погребальную процессію королевы, посмотрѣлъ на эту церемонію хладнокровно».

«При такомъ темпераментѣ короля, надо было женить его, не теряя ни одной минуты. Княгиня искала для него невѣсту въ цѣлой Европѣ, но каждая принцесса наводила на нее страхъ. Княгиня особенно опасалась брака съ дочерью какого-нибудь могущественнаго короля, которая могла бы приобрѣсти власть въ дѣлахъ правленія. Почти не было государя менѣе значительнаго, чѣмъ герцогъ Парижскій. Поэтому она поддалась внушенію его посланника, Альберони, маркиза, забавлявшаго ее своими шутками, и который въ одинъ прекрасный день спросилъ: почему бы не избрать невѣстой короля, дочь герцога Фарнезы, дѣвушку воспитанную просто и занимавшуюся только шитьемъ? Княгиня повѣрила своему собесѣднику на слово и стала хлопотать о заключеніи этого союза. Впослѣдствіи, собравъ о невѣстѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, она хотѣла разстроить это дѣло, но уже было поздно: свадьба была уже отпразднована въ Парижѣ. Съ другой стороны, королемъ овладѣло страшное нетерпѣніе. Онъ съ жадностью слушалъ Альберони, который цинически описывалъ невѣсту, соображаясь съ его вкусомъ, и представлялъ ее *жирною*

исполнители, протестантскую пармезанскую маслож. Эту похвалу, впрочем, заслуживало все семейство Фарнезе, котораго послѣдній членъ умеръ отъ тучности, въ то время, когда половина Европы управлялась людьми больными и съ сумасшедшими.

Новая королева до того овладѣла королевемъ, что вскорѣ сдѣлалась повелительницею Испаніи. Это вовсе не была та наивная, безответная дѣвушка, какою ее представлялъ Альберони. Она успѣла испытать несчастіе, и прежде очень строго содержалась своею матерью. Ея новое положеніе, не смотря на затворничество, въ какомъ она находилась, сравнительно было для нея свободой. Королева была женщина съ сильнымъ характеромъ, заправчиная, властолюбивая. Она сдѣлалась веселою, очаровательною и совершенно запутала въ свои сѣти Филиппа V. Она раздѣляла съ нимъ и усилила затворничество, которое онъ любилъ. Супруги стали плѣнниками другъ друга и не разлучались почти вовсе. Даже съ своимъ исповѣдникомъ король оставался не болѣе, какъ на одну минуту. Когда королева исповѣдывалась слишкомъ долго, то онъ прерывалъ ея исповѣдь. Они вмѣстѣ причащались, вмѣстѣ молились Богу, вмѣстѣ охотились и вмѣстѣ ѣли. Ни днемъ, ни ночью они не разставались другъ съ другомъ».

«Эта женщина, которая постоянно вела затворническую жизнь, и потому не могла знать ни свѣта, ни людей, тѣмъ болѣе была отважна и сводила своего мужа съ ума въ продолженіи двадцати лѣтъ. Въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ она отличалась материнскою любовью кошки. Для нихъ она дѣйствовала слѣпо, пока не сдѣлала своего сына королевемъ, а своего супруга идиотомъ. Безсозвѣстное употребленіе пагубныхъ средствъ, воспламенявшихъ любовь на счетъ здоровья, повело къ эпилепсін. Дѣти Филиппа V наследовали эту болѣзнь отъ своего отца и перевели ее изъ дома испанскаго въ домъ австрійскій и неаполитанскій.

«Франція, какъ бы самымъ ходомъ событій, была вовлечена въ войну противъ этого неблагодарнаго Филиппа V, для возведенія котораго на престолъ Людовикъ XIV вступилъ въ борьбу съ Европой и пожертвовалъ двумя миллиардами денегъ и однимъ миллиономъ людей. Война съ Англіею казалась неизбѣжною. Дѣло въ томъ, что Франція страдала болѣзнію другаго рода: «она въ тайникѣ своего сердца хранила любовь къ *маленькому Іоу*, я хочу сказать—къ президенту. Этотъ Іоа, сдѣлавшись мрачнымъ капуциномъ, оставался

для многих чувствительных сердец тѣмъ интереснымъ романомъ, который представляетъ къ «*Athalie*».

«Эта была минная, злобредная поэзія, подъ личиною которой иезуиты, эти палачи, возмущавшіе костры въ Испаніи и ослѣпавшіе разными жестокостями въ Австріи и во Франціи, старались возбуждать жалость въ своихъ слушателяхъ»....

Бѣдствія, которыя должны были произойти отъ этой роковой войны, были несчастливы для Франціи. «Нашелся человекъ, который пренебрегая честью, гордостью, ясно видѣлъ взаимный интересъ обѣихъ націй и просвѣтилъ на этотъ счетъ самихъ англичанъ. Это былъ Дюбуа, плутъ, интригантъ, всю свою жизнь вышвырнувшійся въ чужія дѣла и который на этотъ разъ оказался весьма полезнымъ».

«Я уже говорилъ, какого я о немъ мнѣнія. Здѣсь дѣло идетъ не о добродѣтели этого человека. Замѣчу только, что нѣтъ на свѣтѣ такого плута, который бы хоть разъ въ своей жизни не дѣйствовалъ прямо. Надо сказать правду, Дюбуа, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ, обладалъ такимъ качествомъ, которое не всегда достается на долю людей умныхъ. Онъ имѣлъ свѣтлый, положительный взглядъ на вещи и былъ чуждъ всякой минной поэзіи, всякой иллюзіи. Притомъ у него было столько твердой рѣшительности и настойчивости, что онъ смѣло шелъ въ своей цѣли и увлекалъ за собою другихъ».

«Замѣтьте, что почти никто не раздѣлялъ съ нимъ его мнѣнія, что ни Англія, ни Франція не были очень расположены вступить другъ съ другомъ въ переговоры. У обѣихъ взоры были еще какъ будто омрачены дымомъ войны. Нельзя безнаказанно отдѣлаться отъ продолжительной, жестокой распри. Обѣ стороны еще страдали воспоминаніями нанесенныхъ другъ другу обидъ».

Итакъ, благодаря стараніямъ Дюбуа заключенъ былъ договоръ относительно тройнаго союза, между Франціею, Англіею и Голландіею.

Этотъ миръ былъ самымъ великимъ политическимъ дѣйствіемъ регента.

«Что касается Дюбуа, этого счастливаго дипломата, великаго и ротворца, то онъ вовсе не былъ похожъ на добродѣтельнаго мужа. Судя по его наружности, можно было принять его за прокурора-плута, за шулера, или за сводника, и тотъ, кто пришелъ бы къ такому заключенію, не слишкомъ бы ошибся. Портреты Дюбуа, которые дѣлались въ тѣ времена, когда онъ пользовался могуществомъ,

и которые представлялись ему вмѣстѣ съ стихами, гдѣ ичислялись его добродѣтели,—эти портреты, ужъ конечно нисколько не сатирическіе, возбуждаютъ страхъ. Рѣдко этотъ человѣкъ изображался обращеннымъ къ зрителю; глаза его имѣютъ слишкомъ зловѣщее выраженіе, и все лицо носитъ на себѣ отпечатокъ подлости. Большою частію Дюбуа представлялся художниками въ профиль. Тогда лицо его не лишено энергіи. Изъ ноздъ гадяго, маленькаго бѣлокураго парика, оно острыми углами выдается впередъ, подобно мордѣ хищнаго животнаго, или *каменной кунницы*, какъ выразился Сень-Симонъ; но послѣднее сравненіе слишкомъ деликатно. Лицо Дюбуа отличалось грубыми, рѣзкими чертами, выражавшими бестіальныя, чудовищныя наклонности какого нибудь постоянного посѣтителя пріютовъ разврата, или какого нибудь яраго искателя ночныхъ приключеній. Это было лицо проныры, лицо, похожее на морду врата, который роетъ подземные ходы, ведущіе неизвѣстно куда».

«Дюбуа обладалъ быстрымъ, проницательнымъ, хитрымъ умомъ. Но чтобы удобнѣе лгать, онъ притворялся размышляющимъ, заикался, шепелялъ. Въ своихъ письмахъ, напротивъ, онъ выражался языкомъ живымъ, свѣжимъ, гибкимъ, который можетъ сравниться съ языкомъ Вольтера. Это былъ человѣкъ дѣловой, увлекательный, неудержимо шедшій къ своей цѣли, и притомъ занимательный. Въ своихъ островахъ онъ былъ весьма неразборчивъ, но за то рѣшителенъ и рѣзокъ».

Мы теперь переходимъ къ той знаменитой финансовой *системѣ*, которая одна была бы достаточна для того, чтобы ознаменовать собою время регентства.

«Дюбуа заключилъ тайный союзъ съ шарлатаномъ искреннимъ и потому могущественнымъ. Этимъ союзникомъ его былъ блистательный Ло, шотландецъ по рожденію, но отличавшійся гениальностью и краснорѣчіемъ ирландца;—поэтъ въ дѣлѣ финансовъ, человѣкъ необыкновенно кроткій, любезный, очаровательный, какъ будто рожденный для того, чтобы расположить всѣхъ къ себѣ и чтобы возбуждать тревогу въ женскихъ сердцахъ. Его удивительная женственная красота (о которой свидѣлствуютъ его портреты) не мало содѣйствовала такому очарованію; она своимъ отблескомъ смягчала даже безобразіе Дюбуа».

«Шотландцы не рѣдко принадлежатъ къ двумъ расамъ, чему при-
мѣромъ можетъ служить Вальтеръ-Скоттъ. Ло, рожденный въ Эдин-

бургъ, въ положительной нижней Шотландіи, обладалъ притомъ геніальными качествами и пылкимъ воображеніемъ урожденца верхней, гордаго и безкорыстнаго. Отличаясь быстрымъ математическимъ воображеніемъ (наслѣдованнымъ отъ отца, банкира), безошибочнымъ расчетомъ въ игрѣ и возможностью быть богатымъ, онъ уважалъ только идею. Онъ очевидно родился поэтомъ и баринномъ. По своей матери, онъ происходилъ отъ лорда Айль. Это былъ Оссианъ банка».

«Онъ имѣлъ такъ много здраваго смысла и опытности, что не могъ, подобно настоящему банкиру, вѣрить, что благосостояніе края исключительно зависитъ отъ рѣшенія вопросовъ о звонкой монетѣ и бумажныхъ деньгахъ. Напротивъ, какъ истинный экономистъ, онъ зналъ очень хорошо и самъ говорилъ, что дѣйствительное богатство страны заключается въ ея жителяхъ и въ трудѣ, въ самомъ чловѣкѣ и въ природѣ. Этотъ рѣдкій финансовый умъ, казалось, просвѣщенъ былъ самымъ сердцемъ. Люди были для него цѣнами, а не нулями. Въ его проэктахъ проглядывала любовь къ человечеству. Онъ часто говорилъ, что каждая финансовая мѣра должна окончательно имѣть въ виду классъ рабочихъ, производительный, и что работникъ, выручающій двадцать су въ день, важнѣе для государства, чѣмъ капиталъ въ двадцать пять тысячъ ливровъ, заключающійся въ землѣ и т. д.»

«Мы не приписываемъ ему, какъ дѣлали другіе, слишкомъ систематическихъ идей настоящаго времени, революціонныхъ или социальныхъ; но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ силою самихъ вещей создалъ республику».

«Въ виду старой монархической машины, оставшейся безъ дѣйствія, и которую невозможно было исправить, онъ вызвалъ на свѣтъ два новыя творенія, соединенныя между собою такъ тѣсно, что они въ сущности образовали одно. Это были: *республика банка*, дѣйствовавшая и процвѣтавшая уже три года къ великой выгодѣ государства, и *республика торговли*, общество западное, которое вскорѣ сдѣлалось также обществомъ торговли восточной и всемірной».

«Онъ было предложилъ спасти разоренное государство посредствомъ принятія его въ банкъ, въ эту республику акціонеровъ; но онъ чувствовалъ, что государство, вслѣдствіе роковой силы притяженія, поглотить и вмѣстѣ съ собою повлечетъ къ погибели это учрежденіе».

«Прекрасная весна 1719 года представлялась социальною зарей.

Неожиданный успѣхъ, съ какимъ Ло совершилъ свое биржевое чуждо, подстрекнувъ его къ новому предпріятію, еще болѣе важному. Онъ чувствовалъ, что его блистательное финансовое вѣданіе нуждается въ серіозной основѣ, и для этого считалъ необходимымъ произвести великую государственную реформу. Вы назовете это безразсудною попыткою, химерою? Но онъ только что передъ тѣмъ совершилъ дѣло еще болѣе химерическое: онъ, при совершенномъ банкротствѣ, возвратилъ смѣлость деньгамъ; его акціи возрастали въ цѣнѣ съ часу на часъ. Вмѣстѣ съ ними возрастала и энтузіазмъ публики. Всѣ совѣтовали Ло отважиться на такое предпріятіе».

«Отважившись, онъ рисковалъ менѣе. Самая опасность его подстрекала. Не изъ чего не видно, чтобъ онъ прежде созидалъ подобныя мечты. Внѣ Франціи, онъ былъ только однимъ изъ многочисленныхъ утопистовъ въ дѣлѣ финансовъ, авторомъ теоріи о бумажныхъ деньгахъ, мало обратившей на себя вниманія. Во Франціи, гдѣ господствовалъ по крайней мѣрѣ хаосъ революціонныхъ идей, Ло, возносящійся такъ высоко, не отчаявался управлять этимъ хаосомъ и создать изъ него міръ».

«Мы поражены удивленіемъ при видѣ всего того, что было, въ 1719 году, предпріяно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Равенство образованія, открытіе университета, равномерность налоговъ, смѣлое упрощеніе администрацій, уплата долга, разныя превосходныя реформы, возобновленные потомъ Тюрго и Неккеромъ, — вотъ тѣ великія дѣла, которыя Ло и регентъ въ этомъ году хотѣли совершить и отчасти совершили».

«Перечислимъ въ кратцѣ осуществленные тогда мѣры: 1) упрощена была администрація; 2) Франція освобождена отъ долга, который былъ уплаченъ съ обоюдною выгодною для казны и для заимодавцевъ; 3) введенъ равномерный поземельный палогъ; 4) распродана разомъ половина имуществъ духовенства, при чемъ цѣна на земли назначена была такая низкая, что онѣ сдѣлались доступными для всякаго покупателя».

«Это было великолѣпнымъ созданіемъ мечты, возносящейся за облака. Но на чемъ, спрашиваю васъ, основалось оно?»

«На томъ предположеніи, что злоупотребленіе частное можетъ быть уничтожено посредствомъ злоупотребленія власти, что революція можетъ быть произведена тѣмъ же правительствомъ, которое не въ состояніи управлять самимъ собою».

«До очевидно былъ сумасбродъ. Увлеченіе утопією, борьба съ Дюверней, самолюбіе ступанили его голову».

«Онъ не замѣтилъ, что его система, любимое дѣтище его воображенія, попала въ яму, наполненную хищными животными и разными гадами. Онъ нослѣдовалъ туда за этимъ дѣтищемъ, и сдѣлался жертвою своего неблагоразумія. Его закидали грязью, обезчестили, заѣли. При быстромъ возвышеніи бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ, Ло поднялся на воздухъ, подобно воздушному шару, лишенному балласта, и, уносимый вѣтромъ, летѣлъ къ своей гибели».

«Онъ болѣе озадачилъ, чѣмъ поразилъ своихъ враговъ. Они все еще овружали его, съ тѣмъ, чтобы его разорить и погубить. Это была сплошная армія. Вмѣстѣ съ Дювернеями, главными предводителями въ дѣлѣ, пониженія бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ сюда принадлежалъ весь лихоимный людъ сборщиковъ податей, такъ навываемыя генеральныя откупщики, сотни тысячъ солянхъ кристаловъ, этихъ подвальныхъ крысъ, разнаго рода эвекutory и сыщики. Къ этому регулярному войску прибавьте огромныя шайки ихъ союзниковъ, людей аччыхъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, разнаго рода барышниковъ, подрядчиковъ, ихъ агентовъ и т. д.»

«Ло не былъ близоругъ. Онъ къ довершенію ужаса, видѣлъ у самыхъ ногъ своихъ и передъ единственною своею опорю, я хочу сказать—передъ регентствомъ,—Стѣрса, грозившаго ему кулакомъ, и его сообщника Дюбуа, который теперь старался подорвать могущество своего прежняго союзника. Дюбуа когда-то чувствовалъ расположеніе къ Ло и къ его кассѣ; но онъ, какъ великій гражданинъ, умѣлъ подавлять въ себѣ такую слабость. Благодаря Англіи, онъ сдѣлался министромъ и вслѣдъ за тѣмъ кардиналомъ, и сверхъ того гворятъ, пользовался небольшою пенсією въ одинъ милліонъ».

«Могъ ли Ло въ качествѣ англичанина, приобрести полное довѣріе регента? Притомъ, что это былъ за человекъ? Его любовницы увѣряли, что онъ холоденъ, какъ ледъ».

«Противъ Стѣржа, этой лютыя собаки, слалившей на него зубы, Ло защищалъ себя только бульдогомъ на менѣе смѣрными. Этотъ бульдогъ стоилъ ему большихъ денегъ. Еслибъ по временамъ неудовлетворяли его жадности, то онъ пожралъ бы своего собственнаго хозяина. Герцогъ Бурбонскій, я говорю о немъ, приобрѣлъ отъ Ло, еще до его успѣха, милліонъ на похуну маленькаго герцогства. Въ

августѣ мѣсяцѣ онъ получилъ восемь милліоновъ для биржевыхъ спекуляцій».

«Ло видѣлъ у ногъ своихъ двѣ пропасти: одну направо, куда хотѣли ввергнуть его сборщики податей и англичане; а другую на лѣво—глубокую тинистую яму дворянства, это гнѣздо распутства и нищенства».

«Ло въ прежнее время, когда еще занимался игрою, заказывалъ, для удобства расчетовъ, тяжеловѣсныя золотыя монеты, величиною въ ладонь, и этимъ приводилъ въ восторгъ игроковъ. Это повело его на мысль выпустить крупныя банковыя билеты, въ двѣнадцать тысячъ франковъ каждый. Онъ полагалъ, что при развивавшейся въ публикѣ страсти къ азіотажу такіе билеты найдутъ легкій сбытъ. Савояръ Шамбери, человекъ простой, чуждый хитрости, накупилъ ихъ на пять милліоновъ и предложилъ Дюбуа съ такимъ видомъ, съ какимъ бы онъ поднесъ ему рыбу или ягоды. Дюбуа расхохотался. Очень нужно было прибѣгать къ такой уловкѣ для того, чтобы подкупить такого добродѣтельнаго мужа».

«Разоренный своею такъ называемою системою, Ло въ 1724 году писалъ: «Ставятъ Эзопа въ примѣръ безкорыстія. Его враги утверждали, что у него хранятся сокровища въ сундукѣ, который онъ часто открывалъ. Оказалось, что въ этомъ сундукѣ находилось платье мудреца, которое онъ носилъ, прежде чѣмъ сдѣлался министромъ. Я, лишившись мѣста, остался безо всего. Я не спасъ даже своего платья».

«Это очень хорошо, но этого мало. Недостаточно выйти въ отставку ни съ чѣмъ: надо выдти чистымъ. Эзопъ, послѣ разразившейся надъ нимъ бѣды, нашелъ не только свое платье, но и свою честь. Можетъ-ли Ло сказать о себѣ тоже самое?»

«Не слѣдовало ли ему объяснить обстоятельства, которыя дѣлали его участникомъ производившагося при немъ грабежа? Не лучше ли было бы сознаться въ слабости своего характера, въ своей домашней зависимости и въ особенности въ увлеченіи, свойственномъ утописту, который посреди болотъ руководствуется миражемъ? Это въ глазахъ потомства уменьшило бы его вину. Онъ по видимому рассуждалъ такъ: надо допустить маленькое зло ради большого блага; часъ грабежа ради вѣчнаго затѣмъ благоденствія міра».

«Разсматриваемое въ самомъ себѣ, предпріятіе Ло было весьма рационально. Но для того, чтобы имѣть успѣхъ и чтобы осущест-

вить то, т. е. чтобы обратить въ пользу Франціи то, что сдѣлалось торговлею Соединенныхъ Штатовъ,—для этого необходимъ былъ цѣлый вѣкъ, а Ло имѣлъ въ своемъ распоряженіи только два года!»

Остальное извѣстно. Ло не былъ эксплуататоромъ; онъ первый сдѣлался жертвою эксплуатацій со стороны другихъ. Всѣ люди ловкіе, сильные міра сего, съ яростью напали на банки Ло и на Индійскую компанію. Они не отступно преслѣдовали этого человѣка, и заставляли его выкидывать колѣнца, подобно плясуну изъ картонна. Въ случаѣ надобности, они дѣлали прыжки сами для ускоренія погибели своего врага. Разбогатѣвъ отъ повышенія бумажныхъ денегъ въ цѣнѣ, они воспользовались пониженіемъ ихъ для того, чтобы снова набить свои карманы. Пострадали при этомъ люди цѣловкіе, не имѣвшіе шансовъ на успѣхъ, и великая и малая буржуазія. Они то платили расходы на эту гиганскую спекуляцію, которая въ двухъ словахъ, составляетъ банкротство государству, произведенное Миссисипскимъ банкомъ въ пользу одной сотни негодаевъ, достойныхъ висѣлицы. Но что еще любопытнѣе и назидательнѣе, это—реакція, возникшая противъ Ло. Она была организована финансистами—рутинерами, запальчивымъ Парисомъ Дюверне, хитрымъ Крозатомъ и Самуэлемъ Берпаромъ, этимъ почтеннымъ банкротомъ, и управлялась герцогомъ Бурбонскимъ, которому одинъ изъ товарищей Ло лично передалъ миллионъ семьсотъ тысячъ ливровъ золотомъ.

Эти знатные ажіотеры вполне поняли, что публика менѣе будетъ думать о нихъ, когда всякій станетъ опасаться за самого себя, и что она менѣе будетъ справляться о пріобрѣтенныхъ ими сокровищахъ, если они великодушно выдадутъ своихъ биржевыхъ товарищей, ажіотеровъ и барышниковъ второй руки. Въ томъ-то и заключался секретъ производившейся по этому дѣлу ревизіи, чтобы огордить большихъ воровъ и подвергнуть преслѣдованію мелкихъ.

Затѣмъ всѣ относившіяся сюда бумаги были спрятаны въ желѣзный ящикъ и тщательно преданы соженію, для того чтобы не сохранилось слѣдовъ, ни самыхъ фактовъ, ни въ особенности, произведеннаго слѣдствія. Парисъ Дюверне продолжалъ быть управляющимъ дѣлами герцога Бурбонскаго, а герцогъ сохранилъ свои миллионы, добытые мошенничествомъ. Говорятъ что послѣдній изъ Коиде былъ убитъ потому, что обладалъ этими миллионами.

Во время изслѣдованія финансовой сумятицы, надъ Франціею разразилось новое бѣдствіе: ее посѣтила чума. Ничто не можетъ быть

ужаснѣе разсказа господина Мишле объ этомъ бѣдствіи, разсказа, достойнаго знаменитыхъ описаній Манцони, Веккато и Маккавелли.

«Прежде всего», говоритъ историкъ регентства,—«этотъ бичъ напалъ на женщинъ и дѣтей, на людей самыхъ бѣдныхъ и вообще самыхъ слабыхъ..... Масса народа была въ отчаяніи вслѣдствіе бѣдности и беспомощности. Богатые бенедиктинцы св. Викторъ заперлись въ своемъ монастырѣ. Владѣя огромными припасами, они сами заложили свои ворота и не хотѣли знать о томъ, что происходило внѣ ихъ стѣнъ. Ничто не можетъ быть ужаснѣе вида этого города, гдѣ всякій укрывался отъ другихъ. На пустынныхъ площадяхъ костры, которыми полагалось очистить воздухъ, только усиливали удушливую августовскую жару и распространяли какой-то зловѣщій свѣтъ. На улицахъ бродили какія-то тѣни, страшныя и въ тоже время забавныя. Это были докторъ въ костюмахъ собственнаго изобрѣтенія, показывавшихъ только ихъ преувеличенный страхъ. Падѣвъ на ноги деревянныя лежени, закрывши себѣ ротъ и носъ, и окутавшись въ клеенку, на подобіе египетскихъ мумій, они своимъ видомъ возбуждали ужасъ» -

«Епископъ заранѣе приговорилъ городъ къ гибели. 16 августа, онъ со всѣмъ духовенствомъ совершилъ страшную процессію и представилъ торжественное зрѣлище раскаянія и искупленія грѣховъ. Проповѣдуя, что чума ниспослана небомъ въ наказаніе за пороки людей, онъ воспламенилъ воображеніе несчастныхъ жителей, сокрушилъ сердца, уже и безъ того пораженныя ужасомъ, и указалъ на вѣчныя муки, ожидающія грѣшниковъ послѣ смерти. Тѣ, которые лежали на смертномъ одрѣ у себя дома, не могли болѣе умереть спокойно. Нѣкоторые изъ нихъ, считая себя проклятыми на вѣки вычныя, въ ужасѣ и въ отчаяніи кидались изъ окна. Многіе несчастные до того страшились своихъ жилищъ, гдѣ всѣ ихъ домашніе перемерли, что они съ крикомъ и плачемъ выбѣгали на площади въ лохмотьяхъ и въ саванахъ. Это страшное зрѣлище началось 20 го августа. Весь городъ наполнился бродячими призраками».

«... Новый госпиталь, строившійся турками, былъ оконченъ только въ октябрѣ. Поэтому въ продолженіе августа и сентября больные сосредоточивались въ старомъ госпиталѣ, представлявшемъ для нихъ единственный пріютъ. Народъ толпился и дрожалъ у воротъ этого зданія. Всякій старался въ нихъ войти, но никто не возвра-

цался ступа живымъ. Тѣ, которые ухаживали за больными, видя какъ эти несчастные умираютъ одинъ за другимъ, старались ускорить ихъ неизбежную смерть, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность ограбить ихъ скорѣе. Больничный служитель превращался въ убійцу. Убійство производилось въ большихъ размѣрахъ. Въ дѣтскомъ пріютѣ помѣщено было три тысячи дѣтей. Какъ въ госпиталѣ, возникла такъ и здѣсь жестокая спекуляція на смерть. Всѣ три тысячи дѣтей умерли съ голоду!»

«...Надо было прибѣгнуть къ помощи галерныхъ невольниковъ. Эти развратные, жестокіе люди, воспользовавшись своею неожиданною свободою, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ представляли страшное зрѣлище царства каторжниковъ. Они въ жилища печали и бѣдствія вносили съ собою веселость ада. Въ качествѣ добрыхъ друзей смерти, двоюродныхъ братьевъ чумы, они не только не боялись этого бича, но устраивали въ честь его кутежи. Чума щадила этихъ веселыхъ людей и погубила изъ нихъ не многихъ. Въ Тулонѣ, они шеголяли въ великолѣпныхъ одеждахъ. Они не знали болѣе ни цѣпей, ни плетей. Весь городъ находился въ ихъ распоряженіи. Входъ для нихъ былъ вездѣ открытъ. Они уносили вмѣстѣ съ мертвыми тѣлами все, что имъ хотѣлось. Одинъ умирающій просилъ, умолялъ оставить его хоть нѣсколько времени въ покоѣ. «Какъ бы не такъ!» отвѣчалъ каторжникъ:—«если бы мы слушались этихъ людей, то не было бы ни одного мертваго!»—Въ Марсели покойники убирались посредствомъ желѣзныхъ крюковъ; въ Тулонѣ ихъ бросали въ тѣлѣги изъ окна четвертаго этажа, головою внизъ».

«...Чувственность самая грубая служила какъ бы душою чумы. И во Флоренціи, и въ Венеціи, и въ Марсели, эта страшная эпидемія сопровождалась картинами любовнаго распутства. Смерть похищавшая одну жертву за другою, казалось, возбуждала въ остальныхъ людяхъ жадность къ жизни. Вдовы пользовались народнымъ бичемъ для того, чтобы каждый мѣсяць вступать въ новый бракъ. Публичныя женщины почти перестали предаваться распутству за деньги. Подобно тому какъ во Флоренціи, монахини въ домахъ разврата удовлетворяли свои любострастные желанія, будто въ вознагражденіе за свое долгое плѣмудріе. Даже хирурги и вообще люди постоянно имѣвшіе предъ глазами своя смерть, въ самыхъ отвратительныхъ ея видахъ, и тѣ, не смотря на увѣренность въ неизбежной необходимости умереть, принимали въ себя вмѣстѣ съ ядомъ, чумы,

безумную жадность къ наслажденіямъ чувственною любовью и необузданно предавались этой страсти въ виду близкой своей кончины. Въ Тулонѣ, такъ называемыя сагабіны, студенты, хирурги, были въ этомъ отношеніи ужасны. При всеобщей затворнической жизни, отъ которой они одни были освобождены, они всегда находили случай, для удовлетворенія своихъ желаній, пользоваться одиночествомъ больныхъ женщинъ, покинутыхъ своими родственниками. Ни опасность, ни отвратительный запахъ, распространяемый чумою, ни грязь, въ которой находились несчастныя страдалицы, не могли отвратить безумныхъ сластолюбцевъ отъ оскверненія одра болѣзни. Они не щадили умирающихъ. Самая смерть не была отъ нихъ защищена!»

«Въ Марсели, 2-го сентября поднялся сильный сѣверозападный шиваль, и всё тѣ больные, которые находились на улицѣ, были имъ разбиты и уже болѣе не вставали. Съ этой минуты жители стали умирать толпами, по тысячи человекъ въ день. Люди, занимавшіеся погребеніемъ мертвыхъ, теряли голову. Они насильственно проникали въ церкви, наполняли подвалы трупами и известью, и потомъ закиривали ихъ герметически. Остальныхъ покойниковъ они хоронили въ общихъ могилахъ. Но эти могилы вскоре наполнились до нельзя. Въ нихъ начало происходить броженіе и—явленіе ужасное!—онѣ стали извергать нечистоты. Могильщики обратились въ бѣгство. Одинъ изъ консуловъ, отважный Мутье, самъ взявъ въ руки лопату и вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами, которымъ совѣстно было отстать отъ него, онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась эта безпокойная груда человѣческаго мяса. Онъ привелъ ее въ порядокъ и снова зарылъ въ землю»

«Но главная опасность заключалась въ грудѣ, состоявшей изъ двухъ тысячъ труповъ, которые были оставлены на одной эспланадѣ. Эти трупы разлагались уже въ теченіе трехъ недѣль, и образовали цѣлое гнилое море. Что тутъ было дѣлать? Какъ уничтожить этотъ источникъ заразы? Какимъ образомъ подойти къ этому отвратительному, страшному мѣсту? Ель счастью Швалье Розъ зналъ, что старыя бастионы заключали внизу сводчатое пространство, простиравшееся до уровня воды. Онъ велѣлъ пробить сводъ ихъ и, предводительствуя отважными солдатами и шайкою, состоявшею изъ сотни каторжниковъ, онъ въ теченіи тридцати минутъ свалилъ къ пропасть всю безобразную массу труповъ. Всѣ, принимавшіе личное участіе въ этомъ человѣколюбивомъ подвигѣ, получились живыми, за

исключеніемъ Роза и двухъ или трехъ изъ его помощниковъ Съ этого дня чума стала уменьшаться».

«Епископъ Бельзана, ототъ храбрый безумецъ, любившій величественныя сцены, являлся въ нихъ торжественно и производилъ сильное впечатаніе на толпу. На самой колокольнѣ церкви Аквуль, откуда представлялась великолѣпная панорама берега, холмовъ, Средиземнаго моря и несчастнаго города Марсели, онъ совершилъ странную церемонію, которая сильно потрясла больныя умы: онъ произнесъ проклятіе надъ чумою и, во имя церкви, запретилъ ей впредь являться въ этой сторонѣ. Это подстрекнуло чуму: она стала показываться снова, но только по временамъ, какъ будто по капризу».

«...Она свирѣлствовала во Франціи два года съ половиною. Извѣстно было сколько она похитила людей въ двухъ или трехъ городахъ, въ Марсели, Эксѣ, Тулонѣ; но никто не желалъ узнать опустошенія, произведенныя ею въ самомъ центрѣ страны, наиболѣе населенномъ. Чума болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, была бичемъ политическимъ, дочерью засторѣлыхъ бѣдствій и недавнихъ несчастій, смертоноснымъ послѣдствіемъ накопившихся страданій. Три генерации: генерация отъѣны нантскаго эдикта, генерация банкротства великаго короля и наконецъ генерация неудачъ, испытанныхъ регентствомъ; какъ будто искали чрезъ чуму успокоенія въ земаѣ. Ближайшія окрестности Парижа, представляли въ нѣкоторомъ родѣ пустыню. Одинъ извѣстный аббатъ, служившій проповѣдникомъ у короля, и путешествовавшій въ публичной каретѣ, вышедши изъ экипажа, подвергся нападенію собакъ и сдѣлался ихъ жертвою. Только кости его впоследствии найдены были на землѣ. Одна женщина, которая, во избѣжаніе заразы, предприняла опасное путешествіе изъ Прованса въ Парижъ, представляла страшную картину того, что она видѣла. Не желая патннуться на кордопъ, она избѣгала города и ходила полевъ. На горахъ Жеводана, въ долипахъ Оверни и Лимузена, болѣе чѣмъ въ двадцати селахъ, она не встрѣтила ни одной живой души. Вездѣ валялись мертвыя тѣла, оставленныя безъ погребенія. Не видя никого, кто бы могъ ей дать пріютъ, она входила въ безлюдныя дома и иногда находила въ нихъ хлѣбъ. Въ одномъ такомъ домѣ она увидѣла страшное зрѣлище: хозяинъ, священникъ, лежалъ въ постели одѣтый, но мертвый; тѣло его уже гнило; на другой кровати былъ трупъ служанки, также разлагав-

шійся. Въ шапу находились пятьсотъ ливровъ золотомъ, оставленныхъ на произволъ судьбы».

Послѣ заключенія такъ называемаго тройнаго союза, самымъ великимъ торжествомъ политики Дюбуа и регента было заключеніе союза, еще болѣе тѣснаго, между домомъ ГанOVERСКИМЪ и домомъ Орлеанскимъ и истребленіе испанскаго флота, который готовился произвести гражданскую войну во Франціи и въ Англіи. Но вскорѣ послѣ этого торжества регентъ разбитъ былъ параличемъ. Поэтому его царствованіе можетъ быть раздѣлено на два періода: одинъ, бывший до апоплексическаго удара, которому подвергся этотъ человѣкъ, а другой наступившій вслѣдъ за тѣмъ.

Другимъ великимъ успѣхомъ политики регентства было пріобрѣтеніе для плута Дюбуа кардинальской шапки. Надо читать книгу Мишле, чтобы видѣть, сколько эта шапка потребовала переговоровъ, денегъ, интригъ, грязныхъ и въ особенности пошлыхъ поступковъ. Пока регентъ отъ распутства переходилъ къ пьянству и отъ низости къ подлости, на административномъ горизонтѣ Франціи являлся герцогъ Бурбонскій.

«Два года онъ приближался, подобно зловѣщей кометѣ. Франціи пришлось жалѣть о регентѣ и даже о самомъ Дюбуа. Въ сравненіи съ пелѣнымъ и варварскимъ правленіемъ одноглазаго герцога, съ длинною администраціей, которая хотѣла *клеимить* бѣдныхъ и узаконяла такъ называемыя драгопнады, т. е. гоненія протестантовъ, правительственныя распоряженія мошенника Дюбуа представляются дѣйствіями добродѣтельнѣйшаго человѣка. Но намъ пришлось бы выписать всю кпигу, еслибъ мы захотѣли привести интересныя страницы Мишле о дѣтствѣ Людовика XV, о герцогинѣ Беррійской, этой, слишкомъ знаменитой, дочери регента, о разбойникѣ Картушѣ, о живописи Ватто, о романѣ Мононъ Леско, этомъ зеркалѣ тогдашнихъ нравовъ, о религіозной и философической революціи, при готовленіемъ къ которой служили *Персидскія письма* Монтескье.

Одинъ англійскій критикъ упрекаетъ Мишле въ томъ, что онъ какъ будто держитъ въ рукахъ глухой фонарь, который бросаетъ яркій свѣтъ на каждый отдѣльный предметъ, а все остальное оставляетъ въ потемкахъ. Мы бы такого сравненія не сдѣлали; по нашему мнѣнію, этотъ историкъ скорѣй заставляеть насъ смотрѣть въ большую зрительную трубку, которая до того приближаетъ къ намъ людей и предметы отдаленнаго времени, что мы какъ, будто

можем дотронуться до них пальцемъ. Однакожъ, есть и частица правды въ словахъ англійскаго критика. Дѣло въ томъ, что Мишле во врагѣ прошедшаго отыскиваетъ явленія рѣзкія, событія рѣшительныя, онъ не держитъ своего факела дрожащей рукою, направляя его на неопредѣленное множество предметовъ. Нѣтъ, онъ смѣло и ярко освѣщаетъ извѣстное пространство и потомъ указываетъ намъ на какойнибудь блестящій предметъ. Это и есть отыскиваемое кольцо, потерянное сокровище. Вотъ смотрите, говоритъ онъ. И что намъ за дѣло послѣ того до остальнаго?

Въ историческомъ искусствѣ мы замѣчаемъ такія же требованія, какъ и въ пейзажной живописи. Одна англійская школа (такъ называемыхъ дорафаэлитовъ, которыхъ произведенія всегда дѣйствуютъ на меня непріятно) имѣетъ претензію изобрѣтать природу съ самыми мелкими ея подробностями. Еслибъ напримѣръ, потребовалось написать поле, покрытое верескомъ, то, по мнѣнію приверженцовъ этой школы, пришлось бы изобразить на полотнѣ миллионы маленькихъ стебельковъ, десятки миллионовъ розовыхъ цвѣтковъ, сотни миллионовъ зеленыхъ листочковъ и миллиарды песчинокъ. Эти люди представляютъ пейзажъ, смотря въ микроскопъ; кистью для нихъ служить дюжина волосъ, собранныхъ въ косму. Истинный артистъ дѣйствуетъ иначе: онъ смѣло расписываетъ крупные предметы, и если иногда входитъ въ подробности, то съ намѣреніемъ, по расчету, а не случайно. Въ исторіи, какъ и во всякой другой наукѣ, тотъ, кто приписывается за обработку какогонибудь вопроса, сначала находится подъ его влияніемъ; но онъ долженъ вполнѣ овладѣть своимъ предметомъ, чтобы составить произведеніе художественное. Художникъ знаетъ, что можно пропустить; въ этомъ заключается великая тайна его искусства. Онъ знаетъ гдѣ приударить кистью, а въ этомъ другая его великая тайна.

Когда какоенибудь мастерское произведеніе окончено, оно подвергается строгой критикѣ со стороны людей полу-ученыхъ, которые упрекаютъ автора въ томъ, что онъ не перечислилъ всего того, что они знаютъ, или что имъ, по мнѣнію ихъ, извѣстно. Недавно я видѣлъ мальчика, который замѣтилъ художнику, снимавшему видъ съ натуры: «Развѣ ты не знаешь что за стѣною есть улей? Зачѣмъ же ты не представляешь его на бумагѣ?» Погоди, дитя, быть можетъ, и ты современемъ станешь обо всемъ судить свысока и, чего добраго, начнешь критиковать Исторію Регентства Мишле,

руководствуясь какими нибудь учебникомъ или пожалуй, энциклопедическимъ словаремъ.

Спеціальность Мишле заключается въ изображеніи не столько самыхъ событій, сколько значенія ихъ и еягономіи. Онъ обращаетъ вниманіе не столько на факты, сколько на ихъ причины. Онъ изучаетъ выраженіе лицъ, чтобы проникнуть въ тайныя чувства людей; въ каждомъ предметѣ онъ отыскиваетъ рѣшеніе какой-нибудь загадки; въ каждомъ человѣкѣ онъ желаетъ узнать сокровенныя его мысли. Конечно, трудно не ошибиться иногда въ распознаніи сердца, но въ этомъ то именно распознаніи, какъ извѣстно, и заключается гелій исторіи.

Влюбленный въ истину, въ какомъ бы видѣ она не являлась, Мишле не представляетъ исторіи болѣе приличною, болѣе скромною, ни даже болѣе нравственною, чѣмъ она на дѣлѣ. Поэтому его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ нецеремонно срываетъ покрывала съ событій, что онъ каждую вещь называетъ ея собственнымъ именемъ и что онъ вдается въ подробности, лишеныя поэзіи. «Весьма жаль, что эти подробности истинны» отвѣчаетъ на это Мишле. Дѣйствительно онъ не хочетъ знать ни величія слога, ни академической жеманности, которая заставляетъ писателя маскировать исторію. У него кошка остается кошкой, и такъ какъ кардиналъ Дюбуа былъ мошенникъ, то Мишле считаетъ нужнымъ это сказать. Впрочемъ, это дѣло темперамента. Не многіе люди осмѣливаются говорить истинну; не многіе даже рѣшаются ее выслушивать. Для тѣхъ, кто не въ состояніи ее терпѣть, изобрѣтены были поэтическія произведенія въ родѣ *D'elices des hardins* аббата Делия и біографіи, въ родѣ *Eloges Academiques*, которыя надо или читать самому, прикрывшись зеленымъ абажуромъ, или слушать черезъ слуховую трубу. Мишле образовался въ совершенно другой школѣ. Онъ въ исторіи то же, что Прео въ скульптурѣ, что Делакура въ живописи и что Викторъ Гюго въ поэзіи.

Чтобы охарактеризовать слогъ Мишле однимъ словомъ, замѣтимъ, что этотъ слогъ имѣетъ сходство съ однимъ изъ тѣхъ безпримѣрныхъ золотистыхъ винъ, которые составляютъ славу Жиронды. Онъ отличается ясностью и силою, живописью, быстротою и сжатостью, столько же естественною, сколько и искусственною, сосредоточивая въ наименьшемъ количествѣ фразъ возможно большее число идей. Но при этомъ Мишле не боится ни эллипсисовъ, ни повторенія; онъ

выше подобных мелочных безпомощствъ. Съ благородною гордостью онъ осмѣлился и съумѣлъ быть независимымъ и идти прямо по проложенной имъ-же самимъ дорогѣ. Однакожъ въ виду людей,—отстающихъ и увѣряющихъ, что они не могутъ слѣдовать за нимъ, мы полагаемъ, что Мишле поступить хорошо, если неусмирить болѣе своихъ шаговъ. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые обвиняютъ его въ утрированнѣ его собственной манеры, другіе, отглажившіеся знаніемъ дѣла, увѣряютъ, что это новѣйшее сочиненіе великаго историка—если не самое прекрасное, то по крайней мѣрѣ самое мастерское и наиболѣе удавшееся изъ всѣхъ его произведеній.

Что касается насъ, то мы чрезвычайно любимъ краткій, сжатый слогъ Мишле, слогъ который несетъ свою ношу идей и преодолѣваетъ препятствія безъ натуги. Этотъ слогъ отличается силою, ясностью и что еще важнѣе,—свѣжестью и молодостью. Такъ именно писала бы молодежь, еслибъ только она обладала необходимыми для этого свѣдѣніями. *Si jeunesse savait!*

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

БАНКРОТСТВО.

Въ эту пору не до жиру, быть бы только живу.

Купеческая поговорка.

Экономія въ домашнемъ и народномъ хозяйствѣ, экономія въ частныхъ, общественныхъ и государственныхъ расходахъ, вездѣ и во всемъ намъ нужна, говорить, экономія, экономія съ отчетностью и строгимъ контролемъ.

Какое, право, скaredное, противное время! Только и знай—считай и реэсчитывай! Экономія, сокращеніе издержекъ, отчетность, контроль... Да русские-ли русские, наконецъ, рѣшаются проповѣдывать такія новости? Какъ!—съ нашей широкой, размахистой натурой, съ нашей удаляю и беззаботностью, съ нашими завѣтнымъ «авось, да небось», мы станемъ соображать, рассчитывать каждое предпріятіе и дорожить каждой рублемъ, добытымъ трудомъ и лишениями?! Какъ!—мы откажемся отъ правилъ нашей безпечной жизни, будемъ учитывать своихъ дармоѣдовъ и заведемъ въ общественныхъ дѣлахъ контроль и отвѣтственность?! Быть не можетъ! А народность? Что станется съ нею, съ нашей народностью, если мы отречемся отъ преданій

почтенной старины, утратить добрые нравы и обычаи своих отцовъ и будемъ жить между собою не по душѣ, а по правилу—*свое береги и чужаго не бери?*... Нѣтъ, бережливость, расчетливость, однимъ словомъ — экономія вовсе не въ характерѣ русскаго народа и даже противна его привычкамъ и наклонностямъ. *Береги денежку про черный день.* Откуда занеслась къ намъ подобная поговорка? Какой прѣзрѣнный скряга придумалъ ее и оксвернилъ нашъ языкъ? Ни въ красные, ни въ черные дни, никогда мы не берегли и не копили денегъ, не отдавали ихъ въ ростъ иноплеменникамъ и не подражали, въ этомъ отношеніи, евреямъ или нѣмцамъ. *Денегка счетъ любитъ!* Нѣтъ, никогда мы не знали ни счета, ни цѣны своему богатству и съ незапамятныхъ временъ безъ толку и зря расточали его. И гдѣ только наша не пропала!...

Любо старичкамъ вспоминать о проказахъ своей молодости и о томъ блаженномъ, прошломъ времени, когда наши славные дѣды и отцы жили припѣваючи на всемъ готовомъ, безотчетно нотали добро и проживались въ свое удовольствіе. Дешево доставалась жизнь нашимъ чудо-богатырямъ, неиспытаннымъ на своемъ вѣку ни страха, ни сомнѣнья. Вотъ почему они были такъ наивно довольны собой и всѣмъ окружающимъ, до послѣдней минуты сохраняли самоувѣренность и умирали спокойно, безъ угрызенія совѣсти...

Мертвымъ срама нѣтъ: стыдиться могутъ только живые. И такъ оставимъ навсегда въ покоѣ нашихъ отпѣтыхъ предковъ и почтимъ забвеніемъ всѣ прошлыя дѣла, которыя намъ кажутся теперь ошибками или преступленіями. Дурно или хорошо наше прошлое—пусть судятъ о томъ записные историки, которые безстрашно тревожатъ мертвецовъ изъ боязни затронуть живыхъ. Все считалось въ свое время разумнымъ и необходимымъ, все стало, наконецъ, нелѣпо и неумѣстно, что отжило свою пору и насильно пытается удержать за собою старый смыслъ и прежнее значеніе. Что было, то прошло безвозвратно: исторія не повторяется. Не воскреснетъ минувшая жизнь и не заживетъ по старому наше поколѣніе, какъ бы ему ни хотѣлось. Правда, мы не успѣли еще отрѣшиться отъ преданій прошлаго и до мозга костей пропитаны старыми понятіями и предразсудками. Но время, неумолимое время не ждетъ, когда намъ вздумается освѣжить свой мозгъ: оно безжалостно отрезвляетъ насъ горькимъ опытомъ и поминутно заставляетъ глядѣть впередъ, а не назадъ. Жизнь не мечта, не фантазія, а логическая дѣя-

ствительность, которая является независимо от нашей прихоти и почти всегда наперекор нашимъ желаніямъ и ожиданіямъ, потому что мы грѣшны, какъ говорится, заднимъ умомъ. Пока еще сносно живется русскому человѣку, онъ не задумывается ни надъ чѣмъ и совершенно забываетъ, что на плечахъ у него голова, въ головѣ мозгъ, а въ мозгу способность разсуждать. Шевельнуть подобный мозгъ можетъ только нежданная бѣда, которая грянетъ въ голову какъ молнія, или уже такая горемычная жизнь, которая сдѣлается опончательно мстерпимомъ. Но и этого даже не бываетъ. Вѣрный своей любимой поговоркѣ—«стерпится, слюбится» русский свыкается со всеми превратностями жизни, со всякой бѣдой и невзгодой. Ничто его не занимаетъ, ничто не волнуетъ и не сокрушаетъ; онъ равнодушенъ во всему, даже къ своему положенію и какъ будто думать про себя—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Для большинства людей, для массы, разсудокъ, размышленіе будто природное наказаніе, наказаніе невыносимое. Вотъ почему невѣжда, и вообще человѣкъ неразвитый, всячески избѣгаетъ напряженія своихъ умственныхъ способностей, какъ самой мучительной боли. Вотъ почему онъ такъ охотно вѣрить всякому вздору, такъ легко подчиняется чужому уму и безропотно отрывается отъ своей воли. Мало того, невѣжда не только не мыслить, но и не живетъ самостоятельно: во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ руководится не личной даже прихотью, а табуннымъ чувствомъ и, какъ баранъ, инстинктивно ищетъ толпы массы, которая притянула бы его и поглотила. Въ такой массѣ, гдѣ пропадаетъ, затирается всякая личность, человѣкъ какъ будто перестаетъ чувствовать себя: онъ безстрастно переноситъ горе и страданіе, не беспокоится на счетъ будущаго и самая смерть не пугаетъ его, а чаще всего даже радуется, когда онъ умираетъ не одинъ. «На людяхъ и смерть красна». Тутъ невольно спросишь себя: доступно-ли развитіе, возможна-ли разумная жизнь для однородной, сплоченной толпы людей, которые дѣйствуютъ безъ званія и самосознанія? можетъ-ли, наконецъ, масса желать и стремиться къ лучшему, пока она остается массой?... Взгляните на царство ископаемыхъ: нѣтъ тамъ жизни, все мертво; неподвижны громады скалъ, и только тысячелѣтія оставляютъ на нихъ едва замѣтные слѣды, только землетрясенія и вулканическія изверженія нѣсколько оживляютъ ихъ. Тоже самое явленіе замѣчается и въ существованіи человѣческихъ массъ: подобно гранитнымъ глыбамъ

остаются онѣ въ неизмѣнномъ и неподвижномъ состояніи, подъ вліяніемъ однородности состава и *силы инерціи*.

Одни и тѣ же законы управляютъ природою и человѣчествомъ. Сила тяготѣнія, какъ извѣстно, разлагается на двѣ взаимно-противоположныя силы — центростремительную и центробѣжную. Безъ этого разложенія, безъ этой двойственности силъ была бы неммыслима и самая жизнь. Центробѣжная сила заставляетъ нашу земной шаръ и всѣ планеты вращаться около солнца и своей оси; дѣйствіемъ этой же силы образовалась вся планетная система. Сила притяженія или центростремительная могла дать начало только царству ископаемыхъ. Подобный же законъ дѣйствуетъ въ образованіи и развитіи человѣчества. *Сила инертности* образуетъ изъ людей сыпучія, однородныя массы, въ родѣ каменныхъ породъ, которыя стоятъ неподвижно вѣка и тысячелѣтія, пока другая сила, *сила знанія* не выведетъ ихъ изъ состоянія застоя, и не дастъ самостоятельнаго развитія каждому человѣку. Разумъ, знаніе — вотъ та центробѣжная сила, которая убиваетъ въ людяхъ стадное чувство, вызываетъ ихъ къ общественной жизни и заставляетъ изучать условія этой жизни, которая развивается по своимъ, определеннымъ законамъ. Знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы дѣйствовать и дѣлать дѣло — вотъ чего требуетъ жизнь отъ человѣка, какъ существа разумнаго и свободнаго. Человѣкъ становится господиномъ природы по мѣрѣ того, какъ онъ узнаетъ ее и открываетъ ея законы. Тотъ же самый человѣкъ освобождается и развивается въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ изучаетъ законы общественной жизни и перестаетъ ихъ выдумывать.

Общество! За чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, мы поспѣшно употребляемъ это слово, когда въ нашихъ глазахъ оно не имѣетъ дѣйствительнаго значенія? Для насъ слово — «общество» — одно лишь отвѣщенное понятіе, подъ которымъ разумѣтся произвольное собраніе людей. Этихъ предразсудковъ мы заражены съ дѣтства и усвоили его изъ первыхъ уроковъ грамматики, гдѣ постоянно говорится о томъ, что родовыя и видовыя понятія вовсе не выражаютъ дѣйствительностей. Нѣтъ, общество не выдумка, не отвѣщенное представленіе нашего ума, а живой организмъ, управляемый особенными законами, исследование и открытіе которыхъ доступно только наблюденію. Существованіе этого организма заявляется не въ формѣ физической, матеріально-осозательной, а во внутренней и взаимной связи его

членовъ. Разница между лицомъ и обществомъ прежде всего заключается въ томъ что существованіе человѣка познается высшими чувствами, между тѣмъ какъ общество подобнаго матеріальнаго выраженія не имѣетъ. Египтяне, индѣйцы и другіе древніе народы представляли себѣ общество въ видѣ чудовищной величины человѣка съ головой, зубами, руками, ногами. Такъ понимали общество даже греческіе мудрецы, и потому неудивительно, если самъ Платонъ каждый день благословлялъ боговъ за то, что они позволили ему родиться человѣкомъ свободнымъ, а не рабомъ, мужчиной, а не женщиной, грекомъ, а не варваромъ. Аристотель — тотъ до такой степени признавалъ природное отличіе людей, что, по его убѣжденію, для раба — немислима добродѣтель! А между тѣмъ рабы, во времена Платона и Аристотеля, составляли три четверти населенія!.. Въ наше время, при личной свободѣ человѣка, ни одинъ отчаянный сумасбродъ не рѣшится повторять нелѣпостей древнихъ мудрецовъ и не станетъ утверждать, что общество должно быть устроено по образцу животнаго организма и дѣлиться на касты благородныхъ и низкихъ душъ. Съ уничтоженіемъ рабства подобное раздѣленіе людей утратило всякое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и понятіе о самомъ обществѣ.

Но признавая личную свободу и достоинство человѣка, мы полагаемъ однако, что общество, въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ люди, не можетъ заявлять себя противно ихъ волѣ и желаніямъ, на томъ основаніи, будто общество само по себѣ не живетъ и не развивается. Мы рассуждаемъ такъ: безъ людей общество невозможно, пемыслимо; люди свободные дѣйствуютъ по личному расчету и взаимному соглашенію, другими словами — по своей доброй волѣ; слѣдовательно общество, какъ случайное собраніе людей, дѣйствующихъ вмѣстѣ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, должно непремѣнно выражать только волю, пожалуй даже прихоть большинства, а не заявляться по какимъ либо особымъ, независимымъ законамъ. При такомъ рассужденіи, безспорно, общество становится для насъ произвольной выдумкой, чистымъ мифомъ. Въ опроверженіе этого опаснаго предразсудка можно бы привести самыя положительныя доказательства. Но для краткости ограничимся слѣдующимъ простымъ вопросомъ: можетъ ли какое нибудь собраніе людей, при всемъ ихъ желаніи и взаимномъ согласіи, построить, напрямѣръ, домъ противно принципамъ статяки и законамъ равновѣсія, или заставить

тѣла падать вверхъ, а не внизъ?! Конечно нѣтъ, потому что подобное желаніе несогласно съ законами природы, то есть нелѣпо и неисполнимо. Почему же намъ думается, что общество живетъ и развивается по нашей волѣ, когда мы такъ ясно видимъ, что все въ природѣ совершается по неизбѣжнымъ и неотлѣнимымъ законамъ? Впую тому намъ незнаніе и узкій, безмысленный эгоизмъ. Пока намъ незнакомы законы общественной жизни,—разумѣется намъ по-неволѣ приходится блуждать въ области фантазій, нелѣпыхъ иллюзій и выдумокъ, считая себя игрушкой какой-то неумолимой судьбы. Не признавая, даже не подозрѣвая, что общество развивается по опредѣленнымъ законамъ, независимо отъ нашего личнаго соображенія или прихоти толпы, мы поминутно создаемъ разныя теоріи, системы, утопіи, для соглашенія личнаго интереса съ общественнымъ, и потомъ наивно удивляемся, почему всѣ наши опыты и затѣи остаются безплодными и даютъ результаты, противныя общему ожиданію!..

Общество — живой, своеобразный организмъ, который дѣйствуетъ по особому направленію, уклоняясь отъ направленія воли людей и личныхъ ихъ желаній. Общественная жизнь заявляется точно также, какъ механическая *равнодѣйствующая* сила, которая всегда уклоняется отъ направленія составныхъ, единичныхъ силъ. Изъ этого видно, что изучать направленіе общества, открывать и признавать постоянные законы его жизни — вотъ все что могутъ сдѣлать люди для улучшенія и обезпеченія своей участи. Общественная жизнь — предметъ науки, а не выдумки и фантазій. Вотъ почему экономическія отношенія между людьми составляютъ уже, въ настоящее время, предметъ особый науки — *общественной экономіи*, которая изучаетъ законы этихъ отношеній, принимая за принципъ справедливость и правило — *каждому по дѣламъ его*. Замѣтимъ однако, что общественная экономія, какъ наука, существенно, радикально отличается отъ экономіи частной, домашней, которая имѣетъ въ виду одинъ лишь личный или семейный интересъ. Одно уже это различіе, очевидно, доказываетъ намъ, что между лицомъ и обществомъ, между личными разсчетами и законами общественной жизни нѣтъ общихъ принциповъ. Человѣкъ способенъ и можетъ нарушать справедливость умышленно или безъ умысла, все равно какъ онъ воленъ пренебрегать своимъ здоровьемъ или морить себя голодомъ. Но если, за разстройство своего здоровья, человѣкъ подвергается болѣзнямъ и страданіямъ, то

и въ самомъ обществѣ, какъ въ живомъ организмѣ, всякое злоупотребленіе и нарушеніе правды не обходится даромъ, а выражается повальной бѣдой. Пора намъ убѣдиться, что каждое общественное явленіе— не случай, а неизбежное послѣдствіе, математическій, логическій результатъ всей системы нашихъ взаимныхъ отношеній, всѣхъ нашихъ понятій, стремленій, предразсудковъ и иллюзій.

Бѣда родитъ бѣду. Это какъ нельзя болѣе справедливо, особенно когда люди, отрекаясь отъ разума, дѣйствуютъ бессознательно, и слѣпо подражаютъ другъ другу. Для подтвержденія нашей мысли, приведемъ примѣръ, хорошо знакомый каждому. — Въ настоящую пору у насъ повсемѣстная дороговизна: ее чувствуютъ всѣ безъ различія классы общества; отъ нея страдаетъ народное и частное хозяйство. Что дѣлать въ такомъ положеніи? Безъ сомнѣнія, намъ слѣдуетъ избавиться во чтобы то ни стало отъ подобной повальной бѣды. Но какъ и въ чемъ искать спасенія? — вотъ вопросъ. Для разрѣшенія его, прежде всего нужно исследовать, вызнать дѣйствительную причину дороговизны, убѣдиться въ ея гибельномъ вліяніи на промышленность, торговлю и кредитъ; за тѣмъ сообразить какія она можетъ имѣть послѣдствія въ будущемъ и, наконецъ, прискаты такія средства, которыя бы обезпечили дешевизну и дали бы дѣламъ иной оборотъ. Вотъ что, казалось, должны были бы сдѣлать люди, для своей пользы, не только по внушенію здраваго смысла, но и по чувству самосохраненія. Дороговизна — опасная экономическая болѣзнь, болѣзнь не временная, случайная, а хроническая, которую слѣдуетъ лечить радикально, а не полумѣрами. Что же, спрашивается, рѣшили у насъ? Какими средствами надѣемся мы избавиться отъ убійственной дороговизны? Какъ у насъ объясняютъ, наконецъ, это явленіе экономической жизни и какихъ ожидаютъ отъ него послѣдствій? Думать, соображать, знать, предвидѣть и рѣшать — да разума ли нашего это дѣло?! *Авось* какъ нибудь проживемъ, кое-какъ переберемся: на нашъ вѣкъ еще хватитъ! Все подорожало у насъ отъ безденежья, всему виной безденежье—такъ рѣшили у насъ умные и глупые, ученые и неученые. Были бы деньги — и все бы уладилось къ общему удовольствію, а безъ денегъ, какъ безъ головы — ничего не придумаешь. Что же; однако, дѣлать? Спасайся, кто можетъ! Пусть каждый добываетъ денежку всѣми путями, кто во что гораздъ. Если, по пословицѣ, «клинь клиномъ выгоняютъ», то почему же не попытаться выгнать дороговизну дороговизной?! И такъ станемъ еще

сильнѣе набивать на все цѣны и брать втрое, десятеро за трудъ, услугу или службу. Это, кажется, единственное, практическое средство спастись отъ нищеты и раззоренія. Взгляните какое у насъ теперь согласіе: безъ разсужденій и всякихъ споровъ, всѣ дѣйствуютъ за-одно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый для себя, а случай или счастье за всѣхъ! И за чѣмъ намъ разсуждать, о чемъ спорить, когда мы такъ хорошо понимаемъ другъ друга и знаемъ заранѣе, чего каждый добивается! Всѣ нуждаются въ деньгахъ, и всякій промышленнѣе ихъ цо своему. Вотъ почему домовладелецъ, напримѣръ, возвышаетъ цѣны на квартиры, купецъ запрашиваетъ тройныя цѣны за товары, работникъ требуетъ увеличенія задѣльной платы, чиновникъ хлопочетъ о прибавкѣ жалованья и о выдачѣ единовременнаго пособія... Коротче — каждый заботится о своемъ личномъ интересѣ и пытается застраховать себя отъ дороговизны на счетъ другихъ. Чего же лучше?! Прибавьте къ этому, что каждый живетъ не по средствамъ, а въ счетъ будущихъ благъ, у каждаго расходы гораздо болѣе прихода, никто уже не сводитъ концовъ съ концами, и все продается и покупается въ кредитъ. Такова наша практика, наша экономія, залогъ общественнаго прогресса и благополучія!

„Въ надеждѣ славы и добра
Впередъ глядимъ мы безъ боязни.“

Такъ ли это, однако? Правда ли, что мы тронулись окончательно, и лопимъ на пропалюю по избранному пути прогресса, мечтая о будущемъ и забывая настоящее свое положеніе? Неужто горькая дѣйствительность не можетъ, по сіе время, разсѣять наши иллюзіи и привести насъ въ самосознаніе? Кто рѣшится отвѣтить на подобные вопросы? Г. Катковъ или никто.

Вотъ что вѣщаетъ намъ московскій кадѣстро: «Россія, какъ для самой себя, такъ и для посторонняго наблюдателя, представляетъ теперь цѣлый міръ шатаній, колебаній, недоразумѣній, которыя на каждомъ шагу сбиваютъ людей съ толку, заставляютъ ихъ принимать одну вещь за другую, искать пользу во вредѣ, а вредъ въ пользѣ, бояться того, въ чемъ спасеніе, и опрометью бросаться на явную опасность.» («Русск. Вѣстн.» май 1863 г.)

Знай нашихъ!.. Какая же, впрочемъ, причина нашихъ шатаній, колебаній, недоразумѣній? Что съ нами?

«Всего болѣе недоразумѣній возбуждаетъ повсюду замѣчаемое у насъ и преобладающее во всѣхъ замѣшательствахъ нашей промышленности и торговли, такъ называемое—*безденежье*.» (Слова г. В. Безобразова, сотрудника «Русск. Вѣстника»).

Съ воплемъ и стономъ вырывается изъ груди нашей жалоба на страшное безденежье, и каждый судорожно ощупываетъ рукой свой пустующій карманъ. — Горе, горе и бѣда намъ отъ безденежья! Безденежье произвело повсемѣстную дороговизну жизни, а дороговизна, въ свою очередь, стала разрѣшаться частнымъ развороніемъ, банкротствомъ и, наконецъ разстройствомъ всего народнаго хозяйства. Напрасно домовладелецъ, въ надеждѣ на увеличеніе дохода, возвышалъ цѣны на квартиры: жильцы его, отговариваясь безденежьемъ, отказываются платитъ въ срокъ, требуютъ отсрочки и притомъ горько упрекаютъ за жестокосердіе хозяина дома или его управляющаго. Бѣдные владельцы 10, 20 и 60 домовъ «Голосомъ» г. Краевскаго отчаянно просятъ покровительства полиціи и примѣрнаго, строгаго наказанія неисправныхъ плательщиковъ. Ахъ! зачѣмъ было дома возводить? и зачѣмъ было ихъ въ наемъ отдавать?! Напрасно купецъ, мечтая о барышахъ, сталъ запрашивать втрое за товары: дороговизна сократила только продажу, заставила покупателей обогать лавки и магазины, или забирать въ долгъ безъ отдачи, вызвала ропотъ публики противъ монополистовъ, спекуляторовъ и побудила безчестныхъ торгашей искать спасенія въ злостномъ банкротствѣ, въ маглой поддѣлкѣ и умышленной корчѣ товаровъ. Но, при безденежьи, и торговый обманъ не даетъ барышей, потому что купецъ во чтобы то ни стало долженъ сбыть съ рукъ свой товаръ, а сбыть его можетъ только съ убыткомъ. Ахъ! за чѣмъ же продавцу за прилавкомъ сидѣть? и за чѣмъ же ему покупателей звать?! Напрасно работники думаютъ о повышеніи задѣльной платы: никто теперь не станетъ дорого платитъ имъ, потому что каждый бережетъ послѣднюю копѣйку, трясется надъ ней, и скорѣй старается уволить рабочаго, чѣмъ нанять его. Много работниковъ, а мало работы; вотъ почему подешицу-ремесленнику или мастеровому поневолѣ приходится голодать или работать за ничтожную плату, когда ему по-счастливится добыть себѣ какой-нибудь трудъ. При безденежьи, каждый хозяинъ, фабрикантъ и заводчикъ, не получая заказовъ, разумѣется, сокращаетъ производство, отказываетъ рабочимъ и уменьшаетъ заработокъ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ оставляетъ у себя изъ

жалости. Ах! за чѣмъ же работы искать? и за чѣмъ же даромъ трудъ продавать?! Напрасно чиновникъ, взлелеявъ отъ дороговизны жизни, хлопочетъ о прибавкѣ жалованья: не тѣ ужъ нынче годы — говорится про государственные расходы. Для увеличенія окладовъ жалованья и выдачи пособій служащимъ потребуются новые налоги и подати, а при настоящемъ безденежьи каждый объ этомъ бьется и подумать. Въ тому же всякое увеличеніе государственныхъ сборовъ не только не ослабляетъ дороговизны, а напротивъ того — постоянно и неизбѣжно усиливаетъ ее въ страшной пропорціи. Вотъ почему прибавка жалованья, если она и возможна, нисколько не пособитъ чиновнику, и вскорѣ опять заставитъ его хлопотать о средствахъ существованія. Мечты, чиновничьи мечты! гдѣ ваша сладость??

Безденежье, невыносимое безденежье! Пропали мы безъ денегъ! Деньги паша вѣра, надежда и любовь; что же будетъ съ нами, если намъ не удастся какъ нибудь избавиться отъ безденежья? Страшно, невыразимо страшно за людей, за насъ самихъ, нуждающихся въ деньгахъ!

Чего испугались? Неужто китайцы или англичане отнимаютъ у насъ Сибирь и поселяются на Уралѣ! Или, можетъ быть, мы успѣли уже исчерпать всѣ сокровища своей земли и на днѣ нашихъ рудниковъ и розсыпей не осталось и фунта золота!... Ройте, взрывайте родимую почву, ищите, какъ слѣдуетъ, природные клады, ищите ихъ и найдете. Мало вамъ 1500 пудовъ ежегодной добычи прѣрѣннаго металла—добывайте три, пять, десять тысячъ пудовъ. Была бы только охота трудиться—и въ деньгахъ нуждаться не будетъ.

Но что я говорю! Развѣ у насъ возможенъ, наконецъ, недостатокъ въ золотѣ, когда мы по сіе время хлопочемъ только о томъ, какъ бы побольше сбыть его за границу? За чѣмъ же обманывать самихъ себя и жаловаться на безденежье, если намъ такъ пріятно бросать за море свои деньги! Мы щедро снабжаемъ Европу нашимъ золотомъ, поминутно даемъ денежное пособіе англичанамъ, нѣмцамъ, французамъ, подъ предлогомъ поощренія внѣшней торговли, и послѣ этого рѣшаемся просить у нихъ...въ займы...за проценты...тѣ самыя деньги, которыя отдавали имъ почти даромъ! Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, одной рукой отдавать, а другою просить?! Западная Европа, при всемъ своемъ тщеславіи, унижается передъ нами до лихоимства. Спасемъ себя отъ подобнаго

самоуниженія: не станемъ брать лихвы съ иностранцевъ и не будемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поощрять заграничныхъ ростовщиковъ. Лихоимство заразительнѣе и опаснѣе чумы; намъ слѣдуетъ не только беречь самихъ себя отъ этой заразы, но изъ человѣколюбія избавлять отъ нея и чужеземцевъ, будь они даже заятыми нашими врагами.

«Что имѣемъ—не хранимъ; потерявши плачемъ!» Деньги у насъ были, да сплыли. Нѣтъ ихъ ни въ обращеніи, ни въ Банкѣ, который прекратилъ размѣнъ и выдачу звонкой монеты, и сократилъ учетъ векселей и торговыхъ бумагъ. Вѣдное купечество отчаянно взываетъ о состраданіи къ своему жалкому положенію и прибѣгаетъ къ благодѣтельной гласности для защиты своихъ интересовъ «С.-Петербург. Вѣдомости» печатають для назиданія публики, слѣдующую «Замѣтку».

«Многіе изъ купцовъ жалуются на государственный Банкъ за то, что онъ остановилъ дисконтъ векселей на половину, если не болѣе. Такъ, напримѣръ, кто имѣлъ кредитъ на 10 тысячъ, теперь имѣетъ его только на 5 тысячъ и менѣе. *Купцы говорятъ*, что такая крайне-стѣснительная мѣра поведетъ ихъ къ *многочисленнымъ банкротствамъ*, и нехудрено, потому что прерваніе вдругъ кредита торговому челоѣку неминуемо влечетъ его къ несостоятельности, особенно при нынѣшнемъ застоѣ торговли и всеобщемъ безденежѣ».

Жаль, очень жаль, что почтенная редакція «С.-Петербург. Вѣдомостей» напечатала со словъ купцовъ подобную замѣтку, и тѣмъ самымъ заявила передъ публикой свое легковѣріе и непониманіе настоящихъ причинъ тѣхъ многочисленныхъ банкротствъ, которыя свирѣпствуютъ въ нашей торговлѣ, помимо денежнаго кризиса и разпоряженій Банка. Понятно, что банкротамъ всегда хочется выставить себя несчастными, невинными жертвами какихъ-то внезапныхъ, непредвидѣнныхъ бѣдствій, и потому не мудрено, если недобросовѣстные торгаши сваливають теперь всю вину своей несостоятельности на безденежье, застои торговли и жалуются на государственный Банкъ. Кто кого обманываетъ: купцы ли газетныхъ экономистовъ, или послѣдніе публику, которая такъ довѣрчиво читаетъ ихъ «хозяйственныя замѣтки»? Публика, разумѣется, не знаетъ и не замѣчаетъ продѣлокъ; улововъ и хитростей опытныхъ банкротовъ. Но почему же газеты и журналы такъ рѣдко оглашаютъ

подвиги героев торгового мира и не разжывают тайны лихоимства и злостного банкротства?!...

Въ апрѣлѣ прошлаго года «Московскія Вѣдомости» сообщали, что московское купеческое общество страшно негодуетъ на печать, за распространеніе навѣстій о банкротствахъ въ Москвѣ. Негодованіе купцовъ достигло такой степени, что они намѣрены были обратиться въ Петербургъ съ просьбою запретить литературѣ разсуждать о банкротствахъ, какъ о дѣлахъ, подлежащихъ глубокой тайнѣ. Напрасно! По всему видно, что московское купечество не читаетъ нашихъ газетъ, знаетъ о литературѣ только по слухамъ и вѣрно не подозреваетъ, что навѣстія о банкротствахъ оглашаются коммерческими судами. По сіе время наша литература знакомила публику съ одной лишь домашней жизнью купечества, съ его самодурствомъ и предрассудками, почти не касаясь его общественной дѣятельности, какъ сословія, захватившаго въ свои руки всю промышленность страны, все народное хозяйство. Что дѣлаютъ купцы при настоящемъ разстройствѣ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ? Гдѣ кроется причина этого разстройства? Что придумало купечество для выхода изъ своего положенія? Неужели ваша *ученая* литература не займется никогда обсужденіемъ этихъ вопросовъ, и намъ придется, по прежнему, смотрѣть на каждое банкротство, какъ на несчастный случай или умысленный торговый подлогъ не болѣе. Неужели банкротство, эта язва промышленности, не имѣетъ другаго особеннаго смысла въ экономической наукѣ, и подлежитъ обсужденію и рѣшенію только коммерческихъ судовъ и биржевыхъ комитетовъ?! Неужели факты банкротства — простые случаи, которые повторяются чаще или рѣже, сообразно тому, какъ ведутъ свои дѣла купцы и вообще торговые люди и какъ строго караетъ ихъ законъ за несостоятельность? Можно ли, въ настоящую пору, объяснить эти случаи только денежнымъ кризисомъ, сокращеніемъ банковаго кредита, прекращеніемъ размѣна билетовъ на звонкую монету и паденіемъ вексельнаго курса? Есть ли другія, органическія, коренныя причины банкротства въ купеческомъ сословіи? Попытаемся отвѣтить на эти сложные, запутанные и, признаться сказать, совершенно новые для насъ вопросы.

Не въ деньгахъ счастье, а въ безденежьи. Когда же мы поймемъ и оцѣнимъ это счастье? Когда же безденежье перестанетъ пугать насъ и казаться намъ причиною дороговизны, разоренія и нищеты?

Споро ли, наконецъ придетъ мы къ тому разумному убѣжденію, что можно легко обходиться и безъ денегъ. Нужда въ деньгахъ, для прекращенія застоя торговли, дороговизны и банкротства, — такая же нелѣпая иллюзія, какъ и тѣлесное наказаніе для преступленія кражи, разбоя, убійства и другихъ уголовныхъ преступленій. Съ точки зрѣнія экономической науки, употребленіе денегъ такое же варварство, какъ и наказаніе плетью, съ точки зрѣнія науки гражданского права. У насъ говорятъ: «Если бы удалось надѣлать всѣхъ деньгами, дать каждому много денегъ, то всѣ были бы богаты и никто не сталъ бы банкротиться». Въ подобномъ разсужденіи столько же здраваго смысла, сколько и въ слѣдующемъ: если бы удалось каждому больно высѣчь, дать каждому побольше ударовъ, то всѣ сдѣлались бы честными гражданами, и никто не рѣшился бы на преступленіе.

Умѣстно или неумѣстно вообще нуждаться въ деньгахъ, и не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, для водворенія экономического порядка и прогресса, изгнать ихъ совсѣмъ и навсегда изъ народнаго употребленія? — этотъ вопросъ мы обсуждали довольно подробно въ статьѣ нашей «Торговля безъ денегъ», помѣщенной въ февральской книжкѣ «Русск. Слова» за 1863 г. Въ той же статьѣ мы доказали, опираясь на опытъ и науку, что общественные банки могутъ и должны дѣйствовать безъ основнаго капитала и размѣннаго металлическаго фонда, посредствомъ одного лишь выпуска банковыхъ билетовъ, взаимѣ частныхъ векселей и торговыхъ бумагъ. Такой образъ дѣйствія банка, расширяя, развивая кредитъ и давая ему прочное начало, избавитъ насъ отъ пга золота, и обратитъ его въ простой товаръ, наравнѣ съ прочими. Тогда прекратятся всѣ денежныя и торговые кредиты, ростовщики и биржевые спекуляторы поневолѣ откажутся отъ своего гаденькаго ремесла, и всѣмъ намъ останется только работать, работать, для приобрѣтенія богатства и обезпеченія своего благосостоянія. Безденежье, крайнее безденежье — наше спасеніе! Забудемъ деньги, герестанемъ въ нихъ нуждаться, вспомнимъ о работѣ — и все пойдетъ къ лучшему! Теперь мы на пути къ спасенію, потому что у насъ повсемѣстное безденежье и золото становится мифомъ. Дайте совсѣмъ исчезнуть этому роковому мифу и положите конецъ царству денегъ, царству лихонства и разоренія. Если безденежье все еще кажется намъ злымъ, то припомнимъ, по крайней мѣрѣ, поговорку — *нѣтъ худа безъ добра* — и будемъ имѣть на столько

здравого смысла, чтобы воспользоваться опытом и инимое зло об-
ратить въ свою пользу.

Наше купечество, а за нимъ и публика, горько жалуется на го-
сударственный банкъ за прекращеніе выдачи звонкой монеты и раз-
мѣны кредитныхъ билетовъ. Эта жалоба — чистая напраслина и
вопиющая несправедливость, потому что Банкъ поступилъ такъ,
какъ желали и требовали того сами купцы и сама публика.
Дѣйствительно, чего требуютъ отъ Банка предразсудокъ и ру-
тина? Они требуютъ, чтобы Банкъ *имѣлъ постоянно* металлическій
фондъ, т. е. запасъ звонкой монеты, и въ то же время *постоянно*
лишался его по желанію и прихоти публики, которая считаетъ се-
бя въ полномъ правѣ мѣнять бумажки на серебро и золото, когда
ей вадумается. Что, спрашивается, дѣлать Банку, когда ему гово-
рятъ, въ одно и то же время, — «давай не давай; имѣй не имѣй»!
Можетъ ли Банкъ угодить публикѣ при такомъ явномъ противорѣчій
требованій? Можетъ ли Банкъ размѣнять кредитные билеты на весь
свой запасъ звонкой монеты и остаться безъ мѣднаго гроша? Ко-
нечно можетъ. Но согласится ли на это сама публика, которая не
можетъ себѣ представить Банка безъ запаса звонкой монеты? Разу-
мѣется, не согласится, потому что въ рукахъ ея останется масса
бумажекъ, которыя безъ размѣна не будутъ имѣть никакой цѣнно-
сти. И такъ — если, во избѣжаніе повальнаго банкротства и для
поддержанія дѣяности бумажнаго рубля, публика не можетъ требо-
вать постояннаго, непрерывнаго размѣна кредитныхъ билетовъ, то
она и неправѣ жаловаться на Банкъ, когда онъ превращаетъ этотъ
размѣнъ, вслѣдствіе истощенія металлическаго фонда. Что долженъ
предпринять Банкъ, когда публика отбираетъ у него ежемѣсячно по
десяти милліоновъ, и угрожаетъ изчерпать весь фондъ, до послѣд-
няго рубля? Ему остается одно средство: принять крайнія мѣры
предосторожности противъ алчной публики, т. е. не выдавать болѣе
звонкой монеты и объявить насильственный курсъ. Вотъ почему не
только нашъ, но и всѣ европейскіе государственные банки, основан-
ные на металлическомъ фондѣ, неоднократно прибѣгали къ подоб-
нымъ мѣрамъ, доказывая публикѣ, что запасъ звонкой монеты для
обезпеченія кредитныхъ бумагъ — чистая иллюзія, безцѣльная мечта.
У насъ говорятъ и пишутъ: «нѣтъ кредита, его стѣсняють, а вовсе
не поддерживаютъ даже такія учрежденія, какъ государственный
Банкъ, который обязагъ о томъ заботиться». Неправда! Не Банкъ

убиваетъ у насъ кредитъ, а наша неуѣдливость, наше постыдное равнодушіе къ собственнымъ интересамъ, наша трусость передъ бѣдой, наша лѣнь и наши предрасудки. Всего намъ подавай — и денегъ, и кредита, и богатства, а сами и пальцемъ не пошевелимъ, чтобы хотя чѣмъ нибудь заявить свою общественную дѣятельность. Вездѣ пора денежнаго и промышленнаго кризиса ознаменовывалась какими нибудь блестящимъ открытіемъ, какими нибудь важными и полезными изобрѣтеніями, — загляните въ исторію Англій, Франціи... а у насъ что? Ничего! — мы умѣли до сихъ поръ только охать, стонать, да жаловаться на свое горькое житье-бытье. Безденежье, безденежье, — только и слышится у насъ повсюду эта нелѣпая жалоба. Говорятъ, что у насъ много англомановъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, воспѣваютъ Англійю и ставятъ ее въ образецъ Россіи. Такъ отчего же эти доморощенные джентльмены не утѣшаютъ насъ, при настоящемъ денежномъ кризисѣ, примѣромъ возлюбленной ихъ Англій, которая выдержала столько банковыхъ банкротствъ! Съ 1727 до 1822 года англійскій банкъ постоянно выпускалъ въ обращеніе свои билеты и ни разу не мѣнялъ ихъ на золото. Этой мѣрою онъ достигъ того, что публика привыкла обходиться безъ звонкой монеты и принимала банковыя билеты по ихъ номинальной цѣнѣ. Мало того: въ теченіе двадцатипятилѣтняго денежнаго кризиса, не смотря на раззорительную войну съ Наполеономъ, Англійя сдѣлала громадныя успѣхи въ промышленности, развила свою торговлю и стала всемірнымъ рынкомъ. Что доказываетъ подобный примѣръ? Онъ доказываетъ, что для экономическаго прогресса вовсе не нужны деньги, а только трудъ и, послѣ труда, быстрое и правильное обращеніе его произведеній. Суммы различныхъ денегъ, которыя употребляетъ Англійя въ своей торговлѣ не превышаютъ 200 милліоновъ рублей; а между тѣмъ съ этимъ ничтожнымъ капиталомъ она производитъ на десятки тысячъ милліоновъ! Изъ этого факта наши англоманы должны были бы вывести то заключеніе, что страна, которая жалуется на безденежье, собственно говоря жалуется не на недостатокъ денегъ а на свою отсталость и неразвитость.

За чѣмъ намъ деньги? Для какаго употребленія? Неужто для поддержанія ремесленной, фабричной и заводской промышленности, для оживленія торговли или для развитія земледѣлія?! Совсѣмъ нѣтъ. Мы постоянно нуждались въ деньгахъ не для производства, а для

непроизводительнаго ихъ обращенія, для ажіотажа, барышничества, биржевой игры... Не смотря на томоженную систему, наши фабрики и заводы сдѣлали очень мало успѣховъ, а земледѣіе находится еще по сіе время въ первобытномъ состояніи. Причина такого поразительнаго застоя и разстройства нашего народнаго хозяйства объясняется довольно просто. Всякая производительная промышленность, для своего развитія, требуетъ усиленнаго труда и знанія, а мы мало и дурно работали, и ничему дѣльному, полезному не учились. Жалко того: всѣ наши оборотные капиталы постоянно и всевозможными путями обѣгали производство, и до сихъ поръ обѣгаютъ его; они истребляются тушедствомъ, отылекаются отъ дѣла на бездѣльища, меркантильныя спекуляціи, на торговый обманъ, лихоимство, азартную биржевую игру или поглощаются, наконецъ, тазими акціонерными предпріятіями, которыя прибыльны для однихъ лишь учредителей и директоровъ компаній. Для скорости и удобства движенія къ прогрессу, мы стали, напримѣръ, строить желѣзныя дороги, затрачивали на нихъ огромныя капиталы, изчерпали заразъ источники производства, убили множество мелкихъ промысловъ и нанесли большой ущербъ массѣ работниковъ. Сотни милліоновъ, зарытыхъ въ землю будто кладъ для потѣшства, пропали для земледѣія, фабрикъ и заводовъ, пропали для всѣхъ отраслей производства, и эта невознаградимая потеря породила отчасти ту безпрерывную дороговизну, отъ которой страдаетъ теперь все наше общество. Что же заставляетъ насъ такъ радоваться постройкѣ желѣзныхъ дорогъ? По всей вѣроятности—дороговизна самой постройки, а за тѣмъ скорость ѣзды по рельсамъ. Если бы мы ѣздили по сіе время не въ вагонахъ, а только въ дилижансахъ, тарантасахъ или либиткахъ, по шоссе и почтовымъ дорогамъ, то намъ кажется никогда не пришло бы въ голову увѣрить другъ друга въ своемъ прогрессѣ! Проезжая въ часъ по 10 верстѣ, даже по отличной проселочной дорогѣ, безъ особенной трески, мы все-таки не повѣрили бы, что это настоящій прогрессъ. Нѣтъ! Дайте намъ прокатиться по рельсамъ, со скоростью 30 или 40 верстѣ въ часъ, тогда мы и скажемъ—«вотъ такъ цивилизація: дорого да мило»!

Бѣда не въ томъ, что мы мечтаемъ о прогрессѣ: на это не сердятся болѣе консерваторы, и не жалуются даже прогрессисты. Бѣда наша въ томъ, что мы не знаемъ, какъ попасть на путь истиннаго, а не ложнаго прогресса, и чаще всего совершенно заби-

васиъ, что нѣтъ дѣйствительно пера начать новую жизнь не на словахъ, а на дѣлѣ. Правда, мы надѣемся на свое будущее, и какъ будто порываемся къ лучшему; но что значитъ надежда среди горькой дѣйствительности?!

«Странное дѣло!—Кажется во всемъ мы идемъ вѣстѣ со временемъ, говоримъ о свободѣ промысловъ, торговли, во-очью уничтожаемъ монополь, а характеръ стараго порядка вещей держится у насъ самымъ упорнымъ образомъ. Подъ прикрытіемъ новизны у насъ упорняется старое время; сила капитала, наврѣмь, пачиваетъ чувствоваться даже болѣе, чѣмъ прежде; характеръ спекуляціи въ бумажномъ дѣлѣ проглядываетъ самымъ замѣтнымъ образомъ; а торговые фокусы повторяются на Нижегородской ярмаркѣ, не смотря на нашу прославленную гласность». (Корресп. изъ Москвы, 10 сент. 1863 г. «С. П. Вѣд.»).

Вотъ и прогрессъ! И такъ у насъ нуждаются въ деньгахъ для спекуляціи, для ажіотажа, для порабощенія труда и поддержанія тунеядства. Отвращеніе отъ работы, жажда обогащенія путемъ обмана и прикрытаго насилія — вотъ смыслъ всѣхъ возгласовъ о нашемъ экономическомъ прогрессѣ! И послѣ этого находятъ у насъ экономисты, которые объясняютъ настоящую дороговизну *изломившихся отъ шума кредитныхъ билетовъ!* По ихъ увѣренію, намъ стоить только восстановить цѣнность бумажнаго рубля, запастись звонкой монетой, прекратить дальнѣйшій выпускъ бумажекъ — и все устроится къ лучшему... Такъ называемое безденежье, по опредѣленію нашихъ ученыхъ, — ничто иное, какъ избытокъ бумажныхъ денегъ и упадокъ ихъ цѣности, вслѣдствіе прекращенія размѣла и крайняго недостатка наличной звонкой монеты. Что же касается дороговизны, то она произошла неизбѣжно по причинѣ пониженія курса кредитныхъ бумагъ и возвышенія цѣнъ на всѣ товары. Такъ разсуждаютъ наши экономисты, такъ утѣшаютъ публику наши газеты и журналы, и добродушная публика съ удовольствіемъ слушаетъ ихъ, убавиваясь экономическими иллюзіями и софизмами! Какъ поучительно, въ самомъ дѣлѣ, внимать какому нибудь отъявленному экономисту, когда онъ приметъ доказывать вамъ цифрами, что безденежье произошло у насъ отъ дороговизны, а дороговизна отъ того, что у насъ завелось много денегъ!—«Сравнительно съ 1858 годомъ, когда было въ обращеніи 311 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, теперь находится ихъ одное болѣе, не считая 4% металлическихъ билетовъ, пещуще-

отвѣтственности въ 1853 г., и огромнаго количества серій». (В. Бобринковъ). Напроривные, усиленные выпуски кредитныхъ бумагъ— вотъ настоящая причина дороговизны, упадка нашего валютнаго курса, востоя торговыхъ дѣлъ и разстройства всего народнаго хозяйства. Такъ рѣшили наши руншеры.

Морочать насъ экономисты, и морочать потому, что не знаютъ сами, о чемъ говорятъ. Покончимъ сразу съ ихъ болтовней. Нѣтъ, не называешь бумажныхъ денегъ и не превращаешь ихъ равнѣна на звонкую монету порождая у насъ дороговизну, а порождая ее наша безснечность и праздность, наше тунеядство и отвращеніе отъ труда. Кто нѣмалъ намъ увеличить вдвое наше производство въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, когда удвоилась сумма бумажныхъ народныхъ обращеній?? Кто заставлялъ насъ бросаться, сломя голову, на самыя вздорныя и раззорительныя предпріятія, и непроизводительно губить время, трудъ и капиталы?! Гдѣ плоды нашей экономической дѣятельности за весь періодъ сломовизверженія и гримасничанья о прогрессѣ? Что сдѣлали мы путнаго для развитія земледѣлія, мануфактурной и заводской промышленности, для увеличенія массы полезныхъ вещей и товаровъ?... Нѣтъ, пусть экономисты докажутъ намъ прежде, что мы не тунеядствовали, не позирали настоящаго въ свѣтъ блгаго будущаго, не пускались на разныя забавныя аферы и спекуляціи, а дѣйствительно работали для обезпеченія дешовины и умноженія богатства,— пусть они докажутъ это—и мы охотно станемъ слушать ихъ о вредѣ нашихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. А теперь нрѣтъ остается только напомнуть лихомъ свое прошлое, и вспомнить заключеніе басни Крылова «Стрекоза и муравей».

— Кумушка, мнѣ странно это!
 Да работала ль ты лѣто?
 — До того ль, голубчикъ, было?
 Я безъ души

Лѣто цѣлое все пѣла.
 — «Ты все пѣла? это—дѣло:
 Такъ ноги же попляши!»!

Да пришла пора плясать намъ отъ дороговизны, мостѣ слышно-звучныхъ нѣвошей о прогрессѣ! Довадно только то, что мы даво и не пляшемъ, а просто вертима до головокруженія, какъ деревниа, приговаривая пошлутно— «безденежье, безденежье!» Денегъ, денегъ!

Дайте денегъ купцу, чиновнику, работнику; безъ денегъ каждый изъ насъ въ отчаяніи, какъ отецъ семерыхъ дѣтей, умирающихъ съ голоду. Какая жадность!

Наша публика, просвѣщенная публика охотно слушаетъ экономистовъ, вѣрить имъ на слово и, кажется, готова плясать по ихъ дудкѣ. Въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго, потому что наши экономисты—люди очень либеральные, и неустанно преподвигаютъ словесно и перомъ о свободѣ торговли, объ уничтоженіи монополій и цеховъ, о сокращеніи арміи и налоговъ, и пр. пр. Не странное дѣло!—Почему этиже ученые либералы никакъ не удается по сіе время убѣдить публику въ той экономической истинѣ, что деньги вовсе не богатство, а только посредникъ мѣны, и что единственное средство обогащенія страны—трудъ, трудъ и трудъ? Почему публика такъ мало вѣритъ въ дѣйствительность этого средства, и попрежнему считаетъ деньги талисманомъ противъ дороговизны и нищеты? Почему?! да потому, что наши, такъ называемые пероководы и ученые люди, сами заражены глубокими предразсудками, сами неубѣждены въ истинѣ того, что проповѣдуютъ, сами преклоняются передъ рутинной и похоть старую пѣсню на новый ладъ. Вотъ почему никто изъ этихъ людей не рѣшился сказать публикѣ—«забудь безденежье, не мечтай о деньгахъ, а работай, работай, работай!» Для прекращенія дороговизны намъ слѣдуетъ, во чтобы то ни стало, установить нарушенное равновѣсіе между производствомъ и потреблениемъ, между спросомъ и предложениемъ. Для достиженія этой цѣли. нужно только работать, услаивно работать, а вовсе не заботиться о возстановленіи цѣнности бумажнаго рубля посредствомъ запаса звонкой монеты и открытія размѣна. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ ясно доказалъ намъ, что никакой запасъ золота не обезопаситъ денежницы, не обогатитъ насъ ни на грошъ, и только втянетъ въ неоплатные долги, и ускоритъ денежный кризисъ. Куда дѣвалось наше золото послѣ того вѣннскаго государственнаго займа? Чѣмъ кончился размѣнъ кредитныхъ билетовъ, открытый банкомъ 1-го мая 1882 года? Золото ушло туда, откуда и пришло къ намъ, то есть—за границу, а размѣнъ прекратился. Въ этомъ скитѣ нѣтъ ничего поразительнаго: золото, какъ и всякій другой товаръ, подчиняется закону пропорціональности. На основаніи этого закона, увеличеніе количества золота и вообще звонкой монеты не можетъ увеличивать общественнаго богатства, если одновременно съ

этим не уменьшается масса прочих товаров и не усиливается производство. Въ той странѣ, гдѣ мало и дурно работаютъ, — золота держаться не можеть, потому что, при обиліи на товары, оно неизбежно тернеть свою цѣнность и, вследствие того, должно изчезать изъ обращенія и вывозиться за границу. Эта истина несомнима и вовсе не требуетъ тѣхъ многословныхъ доказательствъ, которыми такъ любятъ щеголять отсталые экономисты. Что же касается искусственнаго возвышенія курса бумажныхъ денегъ посредствомъ новаго займа и открытія развѣна, то это самая желанная мечта. Цѣнность всякой кредитной бумаги зависитъ не отъ количества звонкой монеты, находящейся въ обращеніи, а отъ свойства самого обращенія и цѣли кредита. Обращеніе бумажныхъ цѣнностей бываетъ двухъ родовъ: *производительное*, то есть полезное, и *непроизводительное*, вредное. Когда векселя, банковые билеты, акціи, облигаціи, короче — всѣ кредитныя бумаги обращаются съ полезною цѣлью и служатъ двигателями производства, тогда онѣ получаютъ иъновую цѣнность, ходять по рукамъ, какъ настоящая монета и даже предпочитаютъ ей, потому что приносятъ извѣстный процентъ или дивидендъ. Если какая нибудь промышленная компанія ведетъ свои дѣла успешно, то ея акціи и облигаціи охотно раскупаются, цѣна ихъ подымается выше номинальной и онѣ продаются съ преміей. Отсюда ясно видно, что, для повышенія курса кредитныхъ бумагъ, слѣдуетъ только дать имъ полезное, активное обращеніе и поддержать производство, а вовсе не обращать вниманія на то — есть ли въ банкѣ золото или нѣтъ его.

По сіе время ни одинъ изъ нашихъ экономистовъ не замѣтилъ и не выставилъ на видъ того факта, что обращеніе денегъ, государственныхъ и частныхъ облигацій идетъ у насъ по крайне-возможному и пагубному направленію. Наши кредитныя бумаги обращаются не для развитія частнаго кредита и поддержанія промышленности, а почти исключительно для обогащенія мѣняль, спекуляторовъ и ростовщиковъ. Съ той поры, когда у насъ укоренился азѣтажъ бумажными деньгами, столичныя биржи стали притягивать къ себѣ всѣ свободныя капиталы и тѣмъ самымъ разстроили народное хозяйство. Со-бращеніе фабричныхъ и заводскихъ работъ, упадокъ кредита, банкротство, дороговизна, жалоба на беденность — все это объясняется однимъ фактомъ непроизводительнаго обращенія нашихъ бумагъ. Гдѣ уже расплодился вредный классъ биржевыхъ игроковъ, барышниковъ

и всяких тунедщавъ, тамъ общество неизбежно страдаетъ отъ денежнаго кризиса и жаждется на недостатокъ и дороговизну капиталовъ.

Давно ли, однако, мы стали роптать на безденежье? Неужто съ конца прошлаго года, когда банкъ прекратилъ размѣнъ, увеличилъ дисконтъ и рассердилъ наше купечество отказомъ въ кредитъ? О нѣтъ — гораздо раньше и совсѣмъ не по случаю банковаго кризиса. Вотъ что говорятъ факты нашего денежнаго обращенія.

Съ 1858 до мая 1862 года, у насъ не было размѣна кредитныхъ билетовъ: онъ прекратился вслѣдствіе крайняго истощенія банковыхъ запасовъ золота и серебра. Съ 1853—58 года, въ теченіе пяти лѣтъ, изъ разнѣнныхъ кассъ нашихъ кредитныхъ учрежденій публика вынула болѣе 216 милліоновъ рублей звонкой монетой. Между тѣмъ масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи возрастала въ такой страшной пропорціи, что съ 1855—58 года сумма ихъ увеличилась съ 356 до 735 милліоновъ рублей, т. е. болѣе 206% въ три года!

Вскорѣ, послѣ усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и прекращенія размѣна, былъ пониженъ банковый процентъ за частныя вклады — и эта мѣра побудила владчиковъ взять изъ банковъ свои капиталы и пустить ихъ въ оборотъ. Такъ началась акціонерная лихорадка. Не взирая на банковый кризисъ и насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ, не взирая и на страшный упадокъ вексельнаго курса — мы громко возвѣстили міру о своемъ прогрессѣ и радостно привѣтствовали зарю новой жизни. И какъ было не радоваться, когда у насъ появилось тогда столько «обществъ, компаній, товариществъ съ разными промышленными, торговыми и благотворительными цѣлями!» Съ какою жаромъ и увлеченіемъ поощряла публика каждое вадорное предпріятіе, и какъ довѣрчиво разбирала она всевозможныя акціи и облигаціи, въ надеждѣ разбогатѣть въ самое короткое время! Какимъ широкимъ кредитомъ пользовались наши купцы, и какъ легко было имъ выдавать на себя векселя, на сумму втрое и даже вдесятеро болѣе той, какую могли уплатить! Славное, раздольное было у насъ время! Никому тогда и въ голову не приходило жаловаться на банкъ за прекращеніе размѣна или возвышеніе учета.

Но вдругъ все перемѣнилось — надъ нами разразилась экономическая буря. Вихремъ банкротства унесло нашъ кредитъ, подорвало промышленность и торговлю, разметало въ прахъ акціонерныя предпріятія, разсѣяло наши мечты о прогрессѣ, и вырвало изъ груди каждаго горькую жалобу на безденежье и дороговизну. Отчего же произо-

шелъ этотъ неожиданный переворотъ въ нашихъ дѣлахъ и понятіяхъ? Отъ непоумѣрнаго развитія тунеядства, лихоимства и вслѣдствіе непроеводительнаго денежнаго обращенія. Кто не понимаетъ теперь, что большая часть нашихъ «обществъ, товариществъ и компаній» были основаны не для полезныхъ цѣлей, а просто на просто для денежной спекуляціи. Вотъ почему они такъ скандально вели дѣла своихъ акціонеровъ и такъ скандально прекратили свое существованіе. Много было писано о безплодной дѣятельности нашихъ промышленныхъ ассоціацій, много было потрачено на ихъ счетъ юмора, сарказма и даже клеветы, но къ сожалѣнію во всемъ этомъ было мало смысла. Нѣтъ!.. вся тяжесть вины должна лежать на насъ, на насъ самихъ, а вовсе не на тѣхъ ловкихъ спекуляторахъ, которые такъ искусно воспользовались нашимъ легковѣріемъ и невѣжествомъ. Жаль, что никому изъ нихъ не пришла фантазія основать общество на акціяхъ для приготовленія золота или постройки желѣзной дороги на луну. Публика непремѣнно повѣрила бы успѣху этого предпріятія и раскуватила акціи.

Акціонерная мономанія, разумѣется, должна была породить биржевую игру со всеми ея прелестями и послѣдствіями. Для игры въ повышение и пониженіе курса акцій и облигацій потребовался, прежде всего, необходимый (для куртажа и размѣна) запасъ звонкой монеты, и потому биржевые ростовщики стали скупать ее и вынимать изъ обращенія. Но какъ наличной размѣнной монеты на биржахъ было очень недостаточно для ажіотажа акцій и облигацій, то, съ возвышеніемъ лажа на золото, цѣна ихъ должна была понизиться и продолжала постоянно понижаться по мѣрѣ накопленія новыхъ кредитныхъ бумагъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что на акціонерномъ рынкѣ обнаружился безвыходный застои: никто не хотѣлъ уже болѣе покупать, а каждый, напротивъ того, старался сбывать свои акціи, даже за безцѣнокъ.

Вслѣдъ за банкротствомъ и ликвидаціей акціонерныхъ предпріятій, обманувшихъ надежды легкомысленной публики, наше денежное обращеніе получаетъ новое направленіе — и слова съ безплодною, непроеводительною цѣлью. Когда акціи и облигаціи, за исключеніемъ весьма немногихъ, потеряли свою цѣнность и перестали быть предметомъ биржевой спекуляціи, тогда публика съ жадностью бросилась на государственные займы, и оставшая часть свободныхъ капиталовъ была употреблена на покупку серій, металлическихъ билетовъ

и пр. Въ настоящее время у нас находится въ народномъ обращеніи 95 разрядовъ серій, каждой въ три милліона, затѣмъ — 48 милліоновъ 1% металлнческихъ билетовъ, неопредѣленное количество облигацій соли вышннихъ государственныхъ займовъ и неопределеннаго количества облигацій, да кромя того — 630 милліоновъ кредитныхъ и 280 милліоновъ 5% банковыхъ билетовъ. Въ это исчисленіе не вошли акціи и облигаціи разныхъ обществъ, кредитныя обязательства которыхъ простираются до 500 милліоновъ, если не больше.

Для передачи, размѣла, учета нашихъ долговыхъ бумагъ, а тѣмъ болѣе для спекуляціи ими, конечно нужна звонкая монета — и въ ней, то ощущается крайній недостатокъ, потому что запросъ далеко превышаетъ предложеніе. Намъ хочется, во чтобы то ни стало, привести въ движеніе массу бумажныхъ на сумму 2000 или 2500 милліон.; монѣ хочется спускаться, перепродавать, мѣнять эти бумажки, барышничать ими... Но у насъ мало звонкой монеты; но наше золото постоянно уходитъ за границу — и потому намъ поневолѣ приходится стрѣдаться отъ безденежья, то есть отъ избытка бумажныхъ денегъ, а жаловаться на упадокъ кредита «Денегъ, денегъ! — мы готовы дать за нихъ 20, 50 процентовъ, и заабахать себя на вѣки». Вотъ до чего довела насъ и домыкала наша праздность и безпечность! Бро виноваты! — Продадимъ самихъ себя взаимному суду и чисто сердечна поведемъ кругъ другу. Поштыте: намъ не столько нужны деньги, сколько необходимы трудъ и показаніе. Работать, значить постыся.

Разсматривая поближе бѣдственное состояніе нашего народнаго хозяйства, мы пришли къ тому заключенію, что причина всеобщей жалобы на безденежье кроется въ чувствѣ нашего отращенія къ труду и въ томъ негладомъ предрасудкѣ, который заставляетъ насъ искать въ деньгахъ единственное средство спасенія отъ дороговизны и разоренія. Дорого же обходится намъ эта иллюзія! Кризисъ, продолжительный кризисъ, кризисъ денежный, финансовый, промышленный, торговый — вотъ чѣмъ является и будетъ являться наша нужда въ деньгахъ; цена, наконецъ, сила обстоятельствъ не дастъ намъ другихъ потребностей, болѣе дѣятельныхъ и полезныхъ, намъ направитъ — жажды знанія, справедливости и труда. Для развитія и удовлетворенія этихъ потребностей — деньги вовсе неумѣстны: знаніе приобрѣтается и распространяется не рублями, а работой моз-

га и свободнымъ обменомъ мыслей; справедливость не покупается и не продается, а только отдается каждымъ каждому по дѣланію его, безъ всякой платы; трудъ производитъ всё богатство изъ ничего и не требуетъ капиталовъ, потому что можетъ развиваться и поддерживаться самъ собой. Трудъ — необходимое условіе и средство нашей жизни. «Трудитесь другъ для друга, мѣняйтесь услугами и плодами вашихъ трудовъ» — вотъ основное правило житейскихъ отношеній, которое на экономическомъ языкѣ передается формулой — *произведенія мѣняются на произведенія, товары на товары*. Что нужно для практическаго приженія этой формулы? «Деньги, деньги» говорить слѣдующая рутинна; товары покупаются и продаются за деньги, слѣдовательно онѣ необходимы для поддержанія торговли. Нѣтъ, утверждаетъ въ свою очередь наука: торговля должна быть основана на безденежномъ, бесплатномъ кредитѣ, на упрощенной вексельной системѣ, на взаимности довѣрія и круговой поруки. Каждый изъ насъ должникъ и кредиторъ — поэтому нѣтъ должниковъ и кредиторовъ; что каждый даетъ, то и получаетъ, ни болѣе, ни менѣе; банкротство и банкротство — экономическія нелѣпости. «Для торговца нужны торговцы, говорить рутинна: чѣмъ болѣе купцовъ и свободнѣе ихъ соперничество, тѣмъ дешевле товары». Нѣтъ, утверждаетъ наука торговля, какъ взаимный обменъ, требуетъ только сокращенія числа посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, и конкуренціи въ производствѣ. Каждый изъ насъ потребляетъ, слѣдовательно каждый долженъ производить; чѣмъ больше и лучше станемъ мы работать, тѣмъ дешевле и вѣрнѣе будемъ сбывать другъ другу свои произведенія; отсюда слѣдуетъ, что, для развитія промышленности и торговли, всякій работникъ долженъ быть и купцомъ, а каждый купецъ работникомъ. Другими словами — потребитель, купецъ и работникъ — экономическая ложь. Поэтому если купецъ жалуется на то, что онъ не торгуетъ, то этикъ только хочетъ сказать про себя, что онъ не работаетъ.

Итакъ: если промышленность, кредитъ и торговля нуждаются въ деньгахъ, то нѣтъ ни производства, ни кредита, ни торговли. Если для дешевизны нужна конкуренція купцовъ, то нѣтъ и быть не можетъ дешевизны: купцы должны продавать дорого и банкротиться.

Постараемся доказать эту послѣднюю экономическую истину фактами и логическими выводами въ слѣдующей книгѣ «Рус. Слова.»

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Взглядъ на мѣръ сквозь зеленые и розовые очки.—Великосвѣтская жизнь, отвергающая нечесанныхъ нигилистовъ.—Великосвѣтская газетка, обоняющая ароматъ аристократическихъ переднихъ.—Листки изъ дневника свѣтскаго человѣка.—Переходъ отъ зимнихъ удовольствій къ великопостной скукѣ.—Эпитаѳи зимнему театральному сезону.—Гг. Ложиневъ и г. Тьеръ.—Гг. Костомаровъ и Погодинъ; ихъ новая полемика по поводу Куликовской битвы.—Диспута просятъ, милостивые государи,—диспута!—Полемика баронессы Фитинговъ.—Шельмъ съ г. Аскоченскимъ.—Обличеніе изъ города: *Волчел Дыра* и отставка обличителя.—Голосъ изъ захолустья, передвѣанный геродничать.—„Энергическіе мотивы жизни“ г. Юркевича, прилагасіе къ городѣ Заушинскѣ черезъ четвертаго къ пятому.—Сага міа, внушающая послушаніе посредствомъ заученій и семьдесятъ семь благодарственныхъ подписей.—Дворянскій предводитель, охраняющій матеріальные и моральные интересы юныхъ владимѣрскихъ артистокъ.—Кіевскій артистъ г. Милославскій, самъ себя превозносящій въ „Кіевскомъ телеграфѣ.“

Гейне говоритъ, что мѣръ иногда кажется намъ фуріей, а иногда прелестной женщиной: все зависитъ отъ очковъ, сквозь которыя мы глядимъ на все окружающее. Очки попадаютъ разные: мрачные, веселые, сантиментальные, клубничные, раздражающіе и успокоительные. На этотъ разъ наши петербургскіе журнальные носы (свой носъ я причисляю къ той-же категоріи) были такъ несчастливы, что на ихъ долю выпали очки именно раздражающаго свойства. Всѣмъ такимъ носамъ мѣръ показался фуріей сѣваго возмущающаго вида. Самъ я, къ общему неудовольствію своихъ читателей подчиняясь «вѣянію» проклятаго нигилизма, приучилъ смотрѣть себя сквозь темные очки, и на каждомъ шагѣ раздражался противъ какихъ-то не существующихъ призраковъ. Но—

Повязка съ глазъ долой — и спала пелена...

У каждаго человѣка бываютъ минуты прозрѣнія, когда онъ мгновенно сознаетъ свои прежнія заблужденія. Такъ было и со мной. Я вдругъ пришелъ къ сознанію, что мѣръ вообще — не фурія, а госпожа очень милая и любезная, что дерево русскаго прогресса гнибается подъ

тяжестью наливныхъ плодовъ своихъ, что всѣ явленія дѣйствительной жизни могутъ вызывать не зубной скрежетъ, не бессильное негодованіе или хохотъ, но слезы непритворнаго умиленія. Убѣдившись въ этомъ я теперь --

Стою какъ блѣдный *сыкъ* передъ лицомъ *отца*.
И плакать бы хотѣлъ, но плакать не умѣю.

Да, повязка спала съ главъ, какъ послѣ тяжелаго кошмара; я созналъ, что наша общая болѣзнь: —

Есть древняя вражда — къ каретамъ пшелода,
Лѣтливой нищеты къ богатому труду,
Къ бароду Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обманнаго къ законному еуду.

Когда во мнѣ совершилось это благодатное превращеніе — все въ окружающемъ меня мірѣ показалось мнѣ въ иномъ свѣтѣ. Я стыдливо опу-
скалъ глаза при встрѣчѣ съ какимъ нибудь нигилистомъ небритымъ и нечесаннымъ и, подобно одному изъ изланныхъ перетаскивателей Шиллера на русскій языкъ, восклицалъ: фи! какой онъ грязный!.. Лица разныхъ обличительныхъ прозаиковъ и «обличительныхъ по-
товъ» бросали мое тѣло въ испарину, и весь интересъ современной литературы сосредоточился для меня на салонныхъ повѣстяхъ гр. Е. Толстаго, на салонныхъ стихотвореніяхъ начинающаго поэта кн. Ва-
земскаго, и на фешенебельныхъ лѣтописяхъ газеты.. (названіе ея за-
быть) газеты издаваемой кажется au faubourg St-Germain п. Сла-
ратиннымъ и Юматовымъ.

Вотъ что значить перемѣна очковъ! Теперь я —

На жизнь смотрю, какъ старичка,
Не такъ какъ сморить молодежь,
И тайной зависти очки
Теперь не ставлю я ни въ грошъ.

Я даже не узналъ свою собственную Музу — эту сварливую, ничѣмъ не довольную и напразную любовницу, которая явилась ко мнѣ въ лицѣ увѣшанной фотографическими карточками русскихъ лириковъ — Майнова, Цоловскаго, Фета, Николаевскаго, Тютчева и Кешишова — Самарина, и запѣла самымъ примиряющимъ теноромъ:

Злобы вѣтъ въ мірѣ!
 Злость, заглуша,
 Пой ты на мѣрь:
 «Жизнь хороша!»
 Пой, хоть въ жилетѣ
 Нѣтъ ни гроша:
 — Людямъ на свѣтѣ
 «Жизнь хороша!»
 Скорбный бѣдняга,
 Гордый паша —
 Пойте во благо:
 «Жизнь хороша!»
 Мой пролетарій,
 Еще дыша,
 Съ двухъ полушарій:
 «Жизнь хороша!»
 Съ темныхъ подворьевъ,
 Изъ шалаша
 Пой, какъ Григорьевъ:
 «Жизнь хороша!»
 Дѣло прогресса,
 Разомъ сверша,
 Пой въ честь Зевеса:
 «Жизнь хороша!»

Разстроенный, взволнованный я упалъ на колѣна передъ своею преображенною музою.

— Жизнь, действительно, прекрасна! воскликнулъ я, — но научи же меня сознательно понимать ея прелести! Вѣдь не подслушивать мнѣ, какъ растетъ трава и цвѣты рандевируютъ съ звѣздами? — вѣдь подслушивать все-таки скверно, моя милая муза!.. Покажи же мнѣ самую настоящую жизнь —

И новыя пѣсни польются съ пера:
 Прославлю я то, что безславилъ вчера.

Укажи же мнѣ новый путь очищенія!..

— «Брось своихъ немытыхъ демократовъ, посѣщай аристократическія рауты и собранія, и тогда...

— Но, Муза, — воскликнулъ я съ отчаяніемъ, — кто-же пуститъ меня —

За дверь потеряннаго рая?

Я скорѣе, вмѣстѣ съ г. Страховымъ, могу совершить прогулку по истъ сосѣднимъ съ землей планетамъ, нежели попасть въ какой нибудь благоустроенный салонъ.

Но Муза уже скрылась, оставивъ передо мною связку фешенебельной газетки, на которую внушительно указала своимъ пальцемъ. Жадно перечитывая ея свѣтскую, бальную хроникку, я невольно втягивалъ въ себя носомъ запахъ аристократическихъ прихожихъ, и понималъ, что только опытный авторъ этихъ хроникъ можетъ дать мнѣ хоть приблизительное понятие о жизни «*новыхъ модей*».

Мое желаніе сбылось, и я лицомъ въ лицу встрѣтился съ аристократическимъ лѣтописцемъ. Что наше свиданіе съ нимъ не плодъ моего воображенія, то можно доказать № 4—6 одной псевдо-салонной газетки, гдѣ тоже самое повторено хроникеромъ публикѣ, что было сказано мнѣ.

Свѣтскій лѣтописецъ стоялъ передо мной и улыбался какой-то довито-ароматною улыбкой. Напрасно я старался приучить свои губы къ этой улыбкѣ, но онъ (о, мужички!) не слушался и не понималъ тайны новаго изгиба.

— «О, вы, пустословы, авторы неопратпаго остроумія и переситиванія! Чѣмъ занимаете вы въ вашихъ журналахъ публику? говорилъ мнѣ хроникеръ, на платьѣ котораго, кажется, были вылиты всѣ амбры, всѣ «сокровища востока?» — Какой мѣръ вы описываете? какихъ модей выводите? Вы взяли-бы хоть примѣръ съ писательницы Е. Туръ. Вотъ хоть ея парижскія письма въ «Голосѣ»... Она не хочетъ говорить о какихъ нибудь демократическихъ закоулкахъ Парижа, о напряженномъ состояніи парижскихъ умовъ, — нѣтъ — она ведетъ васъ прямо въ анекдотическую жизнь Люи Наполеона, вводитъ на костюмированные балы министра иностранныхъ дѣлъ Друэна де-Люиса и герцога Мориа, — а вотъ вы что пишете тутъ у себя? объ академическихъ конкурсахъ, о рысачкахъ, которые даютъ ротозѣевъ на улицѣ, о воспитательныхъ домахъ какихъ-то...»

— Но вѣдь это наши насущныя болячки! осмѣлился я замѣтить говорившему... Будуарный лѣтописецъ слушалъ одного только себя, а потому, не удостоивая меня отвѣтомъ, продолжалъ...

— «Вотъ для примѣра въ нашу газету загляните! Мы не хотимъ въ ней раздражать нервы читателей рассказами... ну хоть о какихъ нибудь акціонерныхъ компаніяхъ, мы не оскорбляемъ ничѣмъ ихъ вкусъ, а вотъ развлекаемъ ихъ такими анекдотцами. Прочтите».

Беру въ руки газету и читаю:

«Въ вѣннхъ жидакъ нѣтъ ни одной капли: кромѣ Великаго Нанделсона», сказалъ однажды въ шутку покойный принцъ Геронимъ свѣтому наеманину, императору.

— «Пусть такъ, отвѣчалъ Ладовицъ Намелонъ, но за то на моѣй шеѣ сидитъ все его семейство».

— А въ письмовникѣ Курганова остроумнѣе панадались анекдоты, — совершенно печально саркастично у меня съ языка.

Ораторъ только презрительно посмотрѣлъ на меня сквозь свои стеклышко, съ тою же адоште-ароматною улыбкою. Я смутился.

— «Вы хотите знать жизнь «Большаго свѣта», продолжалъ онъ, но въ тоже время смотрите на нее съ подозрительностию вѣловкаго демократа».

— Такъ ознакомьте меня съ этою новою жизнью — и моя подозрительность пропадетъ сама собою.

— «Для этого я посоветую читать вамъ газету «Вѣсть», которую выписываютъ швейцары всѣхъ великосвѣтскихъ домовъ Петербурга, газету, которая отрекается отъ своего демократическаго ризанія и старается заслужить вниманіе нашего *бюмонда*».

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана экземпляръ «Вѣсти».

— «Чтобъ ознакомить васъ съ пріемами этого наданія, я прочту нѣсколько мѣстъ на выдержку. Ну, вотъ хоть, напримѣръ:

«Наши демократы не благоволятъ вообще къ аристократическимъ собраніямъ. Наши демократы отзываются съ какимъ-то свѣтшнымъ презрѣніемъ о раутахъ и балахъ большаго свѣта. Мы однако напомнимъ нашимъ демократамъ ихъ собственныя собранія, напримѣръ, хоть демократическіе клубы. Неужели эти собранія не отличаются непоштрными пустотою, вздоромъ и скукой? Что въ нихъ, въ этихъ демократическихъ собраніяхъ такого, чѣмъ они могли бы гордиться передъ собраніями большаго свѣта, на что они изъявляютъ, во видимому, претензію? Что въ нихъ такого серьезнаго, достигающаго какого нибудь результата? Развѣ табакъ, пиво, да полупьяныя рѣчи?»

Въ эту минуту я съ ужасомъ вспомнилъ, что отъ меня пахнетъ сигарой Крафта и что я только сейчасъ выпилъ рюмку водки. Миѣ стало стыдно — и я опустилъ глаза, даже не догадавшись сдѣлать вопроса: да развѣ у насъ есть «демократическіе» клубы, о которыхъ Богъ вѣсть почему толкуеть «Вѣсть».

Чтець продолжалъ: «развѣ табакъ, пиво, да полупьяныя рѣчи? Къ

этому может еще прибавить какие-то шпаны, *епохида засаженные*, вместо черных фрактов и блестящих мундировъ.

Въ эту минуту я торжественно: не нѣтъ безъ не засаженный пиджакъ, а черный фракъ, и я сзади даже походить—но зашпаны не нѣтъ друзей—на собственномъ пиджакѣ «Вести».

— Слушайте дайте: «конечно на балетъ и рауты ни въ умственные лещи о потеряхъ изничтожить» (за то увидите множество прелестныхъ намерѣй, — състрилъ мой новый светской замкашъ); на балы и рауты съшиваются не для полу-ученой болтовни разныхъ *недоучившихся* профессоровъ... Здѣсь вы встрѣтите остроумъ, иногда кажу, но отнюдь не плоскую шутку, здѣсь вы встрѣчаете игривый, блестящій разговоръ, въ которомъ умъ охваченъ и найдеть отдохновение; здѣсь вы встрѣчаете изящество манеръ, изящную обстановку, изящные, *авансируя* глаза своею роскошью, парадъ дакъ... Нѣтъ, господа, не тѣмъ худы рауты и балы, что они будто-бы блестятъ только пустошью, а *тѣмъ, что они для насъ не доступны*, и недоступны не потому, что вы не богаты... Дайте умъ, изящество изъ съ чернца, и нѣтъ не отвергнуть въ раззолоченной гостиниѣ.

Я захлебывался отъ удовольствій, слушая это нѣсто объ аристократическихъ удовольствіяхъ и балахъ и, бросившись на грудь своего светскаго собесѣдника, могъ только воскликнуть:

Въ соблазѣ новомъ предвкушая
Великосвѣтскій ароматъ,
Твержу одно, провозглашая:
Нѣтъ, я теперь не демократъ!

* *

Пиджакъ мой новъ, безъ сальныхъ пятенъ,
Безъ дыръ прожженныхъ, безъ зыблгъ,
Миз мизъ Юнатовъ и Спаратинъ...
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!..

* *

Демократическое лоно
Готовъ я бросить безъ утратъ;
Нѣтъ, я родился для салона!
Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!

* *

Я сталъ не тотъ теверь... а нравъ-то?...
 Не пью я пива бурной яды,
 И не курю сигары Крафта...
 Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!

* * *

Съ шампанскимъ устрицы вкушавъ...
 (Въ сводхъ мечтахъ), —я всюду радъ
 Читатъ тебя лишь князь Кугушевъ...
 Нѣтъ, я совсѣмъ не демократъ!

* * *

Ты, міра моднаго газета
 Открыла мнѣ,—пойду-ль назадъ?—
 Что я — поэтъ большаго свѣта,
 Что я совсѣмъ не демократъ!..

Мнѣ было грустно только одно, что я такъ долго находился въ своемъ грубомъ невѣдннн, что неподозрѣвалъ даже о существованіи блестящаго міра среди раззолоченныхъ гостиныхъ. Напр. что такое былъ для меня великосвѣтскій балъ, куда по замѣчанію «Вѣсти» не пускаютъ нашего брата? Давно ли еще въ своемъ демократическомъ невѣжествѣ, говоря о прозябаніи столичныхъ, худосочныхъ барышень, говорилъ:

Первый балъ для нихъ есть школа,
 Гдѣ все учатся отлично
 После жи вода отличнн провозъ
 Глатъ съ достоинствомъ, публично,
 Глатъ улыбками, экстазомъ
 Подъ корою ледяною,
 Накладными волосами
 И любовью накладною.
 Въ этой жи есть уменье,
 И высокое искусство:
 Нарумяненные щеки,
 Нарумяненные чувства,
 Съи хитраго обмана
 И заботы о карьерѣ»...

* * *

Так я думалъ, во домини
Въ раззолоченныя двери.

Такъ я думалъ прежде, когда Базаровскій поцѣлуй на плечѣ губернской аристократки ни сколько не возмущалъ меня. Теперь не то; теперь великосвѣтская газета убѣдила меня смотрѣть на балъ иначе. Если *такой* умный человекъ какъ Пушкинъ, восклицаетъ она, чистосердечно сознавался, что онъ въ молодости своей былъ «отъ баловъ безъ ума», то слѣдовательно... что жъ изъ этого слѣдуетъ по ея мнѣнiю? а то, что

Балъ есть вещь — а прочее все глупь.

«Балы имѣютъ огромное значенiе для цѣлаго поколѣнiя, говоритъ газета. «Балами разстроиваются и поправляются состоянiя».

Лишь прочелъ—и упалъ на колѣни я,
И съ невольнымъ восторгомъ шепталъ:
Вѣрю я — для всего поколѣнiя
Ты имѣешь значенiе — балъ.

Въ этомъ замѣчанiи я нашелъ не пустую фразу, но мысль очень глубокою. Я увѣренъ, что если бы высшiй свѣтъ открылъ новый родъ благотворительныхъ баловъ, раззолоченныя двери которыхъ были бы раскрыты для званыхъ и незваныхъ изъ нашего поколѣнiя, то наши вновь обращенные, и новой средой исправленные «дѣти» не преобразились бы въ этихъ нечесанныхъ выгнiястовъ... Кто знаетъ, что могло тогда случиться?..

Оставшись одинъ, я съ увлеченiемъ началъ читать «хронику большаго свѣта». Слѣдя за живописными описанiями хроники, я видѣлъ передъ собой цѣлый рядъ блестящихъ вечеровъ и раутовъ. Передо мной мелькали швейцары съ булавой, лѣстинцы въ египетскомъ вкусу, гостиные à la Роттенуеппе, картинныя галлерей, мозаичныя каминныя и средневѣковыя росинсанныя стекла. Предо мной, какъ въ дѣйствительности, поднимались ярко освѣщенные залы; вращалась вереница гостей: мушкетеры, левты, дипломатическiя бакенбарды, англiйскiя проборы, праздничныя физиономiи и затылки. Вотъ грануль оркестръ и по паркету

Летали ножки милыхъ дамъ...

Прелестная картина, которую я созерцалъ, задыхаясь, какъ на первомъ любовномъ свиданiи.

Ридь пынѣть мѣль,
 Удыбн дѣль...
 Я трещеталь,
 Какъ будто сачь
 Попазъ на базь.
 Блестящій следь
 Шюоръ, эволетъ,
 Кадральникъ царь,
 Нардовъ цѣтъ
 Подъ цѣтъ спгарь.
 Изъ рамъ глядять
 Самъ Тицѣль;
 Оркестръ гремить...
 И, словно пьянь,
 Читая «Вѣсть»,
 Я все вздыхаль:
 Ахъ, если бь вѣзть
 На зотъ базь!..

Однимъ только былъ смущенъ я, при чтеніи бальной газетки. Автописецъ раззолоченыхъ гостинныхъ, описывая цѣлый рядъ праздниковъ въ залахъ князя В. А. Д., графа В. П. Д. и др., дѣлаетъ косвенное признаніе, что онъ на этихъ балахъ не былъ. Прямо въ этомъ онъ не признается, но со вздохомъ проговаривается, что передъ каждымъ великовѣтскимъ баломъ онъ желалъ бы быть *хромымъ бѣсомъ*, чтобъ имѣть способность невидимо проникать въ раззолоченныя гостинныя. Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло! Ниѣя право предполагать, что салонный хроникеръ не получалъ такой способности хромаго бѣса, я прихожу къ горькому сознанію, что и его, какъ и порицаемыхъ имъ демократовъ, *не пускаютъ* на эти вечера и рауты, и онъ только съ помощью своего художественнаго чутья воспроизводитъ описанія ихъ въ своихъ хроникахъ. Обидно!.. Впрочемъ усердіе все превозмогаетъ, и можно не бывать ни въ одной залѣ большого свѣта и въ тоже самое время собирать по крупицамъ все его маленькія тайны, сплетни и анекдоты. Была-бъ только охота! Чтобъ доказать, что это не такъ трудно, я сію же минуту расскажу вамъ анекдотъ изъ великовѣтскаго быта.

Я знаю одну великолѣпную аристократку. (Предположите, что я преподавалъ курсъ словесности по Шевьеру ея первой камеристкѣ). Эта великовѣтская барыня такъ богата, что даже считаетъ себя бѣдною. Она хороша собой. Глаза ея блестятъ, какъ червонцы; даже прекрасная ея головка наполнена червонцами, и каждая ея мысль выражается

грудой затрачиваемых золотых монетъ. Страдая постоянно своей золотой нищетой, красавица передъ самой природой кокетничаетъ своей роскошью, и однажды, говорятъ, въ порывѣ всепокоряющей власти, отдала приказаніе повару, чтобъ онъ къ обѣду приготовилъ лулу подъ рачьимъ соусомъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ поварь послушался ея приказанія, и луна, вѣроятно, явилась на званомъ обѣдѣ. Красавица «большаго свѣта» носила лѣтомъ только зонтики, ручки которыхъ могли на цѣлый мѣсяцъ дать средства мнѣ не писать своего «дневника» и на свободѣ изучать жизнь великосвѣтскихъ гостиныхъ. Когда она выѣзжала съ такимъ зонтикомъ, дождь, не смѣя дотрогиваться до него своей слякотью, съ благоговѣніемъ прекращался, а солнце пряталось стыдливо за тучку.

Вотъ эта самая богатая геронья является недавно въ модный французскій магазинъ.

— Есть новыя матеріи?

— Есть, только-что полученные изъ-за границы.

Передъ львицей выкладываютъ цѣлую гору атласныхъ, шелковыхъ и бархатныхъ матерій. Одинъ изъ такихъ кусковъ показался ей очень лакомымъ; спрашиваетъ цѣну. Изъ уваженія къ ней—цѣна укамыливается равной иному дому на Выборгской сторонѣ.

— Сколько въ вашемъ магазинѣ кусковъ этой матеріи? спрашиваетъ бѣдная милліонерша, желая поразить новымъ, еще неизвестнымъ въ Петербургѣ, нарядомъ одну изъ своихъ салонныхъ соперницъ.

Кусковъ оказывается болѣе десяти.

— Я оставляю ихъ все за собой, съ уговоромъ, чтобъ мнѣ промѣли все, что выписано изъ-за границы.

Прошло нѣсколько дней. Соперница богатой барыни прѣзжаетъ въ тотъ же магазинъ и съ запросами о тѣхъ же новостяхъ туалета. Ея указываютъ.

— А не покупала-ли что нибудь у васъ К-ва? спрашиваетъ она.

— Дѣнадцать кусковъ новой львиной матеріи, которой нѣтъ болѣе въ магазинѣ, отвѣчаютъ ей.

— Нѣтъ, но нельзя ли имѣть, по крайней мѣрѣ, образчикъ этой матеріи?

Образчикъ нашлась и она ушла. Тутъ-то началась великосвѣтская дуэль; дуэль совершенно особаго рода, вполнѣ сверхъвысшая ираны геронья раззолоченныхъ гостиныхъ.

Соперница капризной львицы К-ой прямо изъ Ліона выписала собо

точно такой же материн и пригласила на свой раутъ эту молодую миллионершу—аристократку. Последняя появилась на раутѣ съ полной надеждой своего торжества т. е. съ надеждой, что только на ней *одной* надѣто платье изъ самой модной и новой лондонской ткани. Она явилась съ сияющимъ лицомъ. Каково-же было ея отчаяніе и великосвѣтское бѣшенство, когда въ комнатѣ своей соперницы она нашла мебель, обитую *тою же самою тканью*, какъ на ея платьѣ.

Это была обида, оскорбленіе, это была проигранная битва.... Только одна темная ночь да горничныя этихъ батистовыхъ «страдалицъ» знаютъ о томъ, какъ онѣ переносятъ такіа ужасныя оскорбленія...

Поэтический образъ великосвѣтской женщины! Я нимъ рѣшительно начинаю увлекаться, по случаю вышеприведеннаго факта. Какое галантерейное мщеніе! Какое благородное страданіе!... Я увѣренъ, что какойнибудь демократъ, любящій «проводить свои принципы въ жизнь» посмѣется своимъ мужицкимъ, циническимъ смѣхомъ надъ этимъ оскорбленнымъ созданіемъ; я увѣренъ, что онъ скажетъ: «для какой жизни и дѣятельности годна такая барынька? Куда ее можно сузуть? Перенесите-ка ее въ школу, и заставьте учить крестьянскихъ ребятшекъ—чему она ихъ научить? Жена что-ли изъ нея хорошая выйдетъ? Мать семейства что-ли? Да ну ихъ совсѣмъ»!..

Такъ или почти такъ скажетъ онъ, и совершенно ошибется. Онъ не въ состояніи понять, что подобныя женщины рождаются и живутъ только для того,

Чтобъ возбуждать
Воображеніе поэтовъ,

только для того, чтобъ наслаждаться жизнью, не отравленной мозолями и заботами о насущномъ хлѣбѣ, въ совершенномъ незнаніи труда и мѣщанской зависимости отъ случая.

Послѣ метаморфозы испытанной мшой, я началъ особенно интересоваться жизнью «большаго свѣта». Большой свѣтъ! Правъ пѣвецъ говоря:

Не я ему названье это далъ,
Но смыслъ глубокій есть въ названьи этомъ.

Я эту мысль особенно оцѣнилъ, когда въ мои руки попала «записная тетрадь великосвѣтскаго льва» тетрадь, съ содержаніемъ которой я хочу теперь ознакомить своего читателя. Не стану рассказывать, какими судьбами листки этой тетради очутились въ моихъ рукахъ.

Въ повѣстяхъ сорочковыхъ годовъ, рукописи и исковѣди всякаго рода, обыкновенно, доставались писателямъ послѣ смерти чахоточнаго друга, который умрѣвъ завѣщалъ пріятелю бумажный свертокъ съ своими признаніями и воспоминаніями; а потомъ уже пріятель, въ память умершаго друга, печаталъ его записки. Моя рукопись досталась мнѣ совершенно иначе и гораздо проще, хотя ея автора я и въ лицо никогда не видывалъ. Но я изъ скромности умолчу объ этомъ, и начну прямо съ заѣтокъ.

ЛЮБКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

1 января

Вчера годъ новый встрѣтилъ дома,
 Маманъ болѣла, рарѣ игралъ,
 А я съ кухиной у альбома
 До самой полночи зѣвалъ.
 Тоска!.. Ноуживалъ отлично,
 Всѣ разошлись, лишь пробилъ часъ...
 Когда бъ хоть пѣскольку прилично,
 Ей Богу, радъ бы былъ — въ танцклассъ.

II.

У князя В. А. Д. на балъ
 Я былъ представленъ Мері II—а.
 О ней ужъ много толковали,
 А Мері только невѣрна.
 Былъ мужъ, слѣдилъ за нею зорко —
 И ревновалъ, какъ гимназистъ.
 Тамъ былъ еще федералистъ,
 Посланикъ Грей изъ Нью-Йорка.
 За ужинномъ съѣлъ рядомъ съ К.,
 Она, пока вокругъ шумѣли:
 — Вы будете въ Вильгельмъ-Телль?
 Спросила, всмыхнувши слегка.
 — А вы? — «Мы будемъ» — Буду тоже! —
 Она же: (право, не глупа)
 — «Зайдите къ намъ — и вамъ г-ра
 Предложитъ вѣрно мѣсто въ ложъ».

III.

Признаться, наши демократы
 Меня бросаютъ въ жаръ и потъ:
 Не бриты, грязны, бородаты,
 Не слушающа законовъ модъ.
 Они,—имъ только бы смѣяться,—
 Все отрицали съ висока,
 И грубость наглая сорваться
 Всегда готова съ языка.
 Въ костюмѣ ихъ, въ глазахъ, въ лицѣ
 Читалъ я прямо: мужики!...
 И тотъ, кто вышелъ изъ Лицея,
 Уже вѣрно имъ не дастъ руки

IV.

Изъ «Взбаломученнаго моря
 Узналъ я новый танъ одишъ,
 И соглашусь теперь не споря,
 Что списанъ вѣрно Басардинъ.
 Всѣ наши «новые» мальчишки
 Одишъ лишь только высоки,
 Что, почитавшись модной книжки,
 Крадутъ карманныя мыслишки,
 Крадутъ карманныя платки.

V.

Шестаго. Былъ въ салонѣ О-вой.
 Мужъ, какъ не хмурься, не юли,
 По рожки будутъ; той обновой
 Мы наградимъ его съ Жюли.
 Такихъ плечей, такого бюста,
 Какъ у Жюли, я не встрѣчалъ...
 На тройкѣ нынче до Огюста
 Я съ ней катаюсь и богата.

VI.

Смотрѣлъ Островскаго....ту пьесу...
 Забылъ названье. Такъ пошла!...
 Не понимаю нашу прессу:
 Что въ тѣхъ комедіяхъ нашла?
 Иныхъ—такъ любо придавить ей,
 Иныхъ же хвалить имъ въ замѣнѣ...

Я жь нахожу что даровантй
Островскихъ вѣкъ Печеникъ И.

VІІ.

Кто мной любима? захотѣла
Узнать вчера старуха Ш.
—“Любима мной: Надяны—тѣло
И Мери А-гниной душа...”

VІІІ.

Съ Мишелетъ былъ у фотографа,
Снимали вѣсть свой портрета.
Тамъ повстрѣчали ата-графа:
—Какъ старъ, а все-таки бронетъ.
Онъ былъ блондиномъ прежде, это
На сѣдну свѣнилъ старикъ,
Потомъ, купивъ себѣ парикъ
Преобразился вдругъ въ бронета.

ІХ.

—Поэму написалъ Некрасовъ,
Сказалъ мнѣ кто-то. Вотъ слышно!
Я знаю самъ, что то не Красовъ,
Который умеръ ужъ давно.

Х.

Пѣвцы съ лирическимъ сумбуромъ
Ведутъ насъ часто къ скаламъ буримъ
Съ луной и нимфой темныхъ водъ,
Но съ тонкой шуткой, съ казанбуромъ
Не появляются въ народъ.
Въ салонъ избранной графини
Они, старая отъ стыда,
Всѣ сожалѣли бы тогда,
Что у графини той въ графинѣ
Стоять не водка, а вода.
Heias!..

ХІ.

На балъ Д. Надяна О—ки,
Была мила. Что за уборъ...
Она явлася въ новомъ томъ

A la mode de l'Amstertroot.
 Мы танцовали vis-a vis съ ней.
 Съ ней рядомъ ставили дипломатъ
 Былъ всѣхъ людей мнѣ неавистый,
 А онъ-то, онъ-то былъ какъ радъ!

На этотъ разъ не продолжаю вышесокъ изъ свѣтлаго альбома, за которыми я признаю, по крайней мѣрѣ, одно достоинство—достоинство новости: онъ ни гдѣ не былъ напечатанъ. Да, впрочемъ, еслабъ и былъ даже напечатанъ, такъ что жъ за бѣда? А. Грегорьевъ, перепечатавшій *два* раза одну и ту же статью о Гейне, доказалъ намъ, что у насъ и такія штуки съ рукъ сходятъ.

Когда я перечелъ этотъ альбомъ, нѣсколько номеровъ «Вѣсти», когда я мимоходомъ въ театральныхъ корридорахъ и на гуляньяхъ вематривался и прислушивался къ болтовнѣ разныхъ героевъ «раззолоченныхъ», я пришелъ къ тому заключенію, что прежде чѣмъ вступить въ великосвѣтскій міръ, мнѣ нужно выдержать строгій искусь для постряженія въ модныя лвы, и совершенно перемѣнить образъ своей жизни.

Новая программа жизни мало по малу начала выясняться передо мною; новый идеалъ манилъ меня слѣдующими сентенціями:

Отдай голову свою въ постоянное распоряженіе парикмахера: его щипцы будутъ постоянно, вмѣстѣ съ волосами, прижигать всѣ твои старья, непотребныя мысли.

Иди всегда въ запасъ нѣсколько дюжинъ модныхъ фразъ, перчатокъ, любезностей и панталоновъ. Постоянно сиди въ первомъ ряду балета и коцниками своихъ пальцевъ слегка ударяй по ладони (видъ самаго взящнаго, классическаго аплодисмента), поощряя «музыку ногъ» танцующей примадоны или граціозныя движенія М-ле Фабръ.

Не шикай въ театрѣ ни подъ какими видомъ.

Шесть дней ничего не дѣлай, а седьмой посвящай визитамъ и галантерейному бродяжничеству по гостиннымъ. Избѣгай дружбы съ нишляками, отъ которыхъ отрекаются теперь самые лучшіе друзья ихъ; но умѣреннымъ либераломъ будь, ибо это твоего благородства не уничтожитъ.

Чтеніемъ времени не убивай, но читай только книги и журналы, съ твоими склонностями сходные.

Свои политическія нервы укрѣпляй передовыми статьями «Московскихъ Вѣдомостей».

Читай антично-клубничныя пѣсни А. Майнова, лирическія галлюцинаціи А. Фета.

Не пропускай въ «Русскомъ Вѣстникѣ» новаго романа «Марев», гдѣ на каждой страницѣ является феялевская тайна, гдѣ главный герой, какъ всадникъ въ балладѣ Жуковского, скачетъ на жертвой лошади и произноситъ монологи à la Леонидовъ!

Потомъ... но потомъ шелъ цѣлый рядъ совѣтовъ и правоученій въ великосвѣтскихъ прописей, и я, какъ послушный ученикъ, стараюсь ловить ихъ на лету и скоро, — о мой читатель! — ты меня совѣтъ не узнаешь и, если ты не выгнись (въ чемъ я и не сомнѣваюсь), то съ удовольствіемъ встрѣтишь мое перерожденіе...

Но что же дѣлается вокругъ насъ? Посмотримъ.

Мартовское солнце и мартовская грязь говорятъ намъ, что такъ называемый «зимній сезонъ» конченъ. Плачьте бѣдные фельетонисты. Нѣтъ ни оперъ, ни новыхъ піесъ, ни зимнихъ баловъ и маскараловъ, нѣтъ тѣхъ дощечекъ, изъ которыхъ складывается наша бѣдная общественная жизнь. Внѣшняя сторона ея обстановки исчезла и вся скудость этой общности ясно выходитъ передъ нами. Каждый остается при своемъ собственномъ дѣлѣ, (общаго дѣла нѣтъ никогда), при своихъ будняхъ, въ своей, очень часто на живую нитку сшитой, семейной жизни — начинается исторія формулярныхъ списковъ лавчинокъ, спекуляторовъ литературныхъ, протоколистовъ, лирическихъ клкушъ и различныхъ откупщиковъ журналистики, канцелярій, торговли и промышленности. За чертой своего зимняго сезона, когда мы не обманываемся видимымъ движеніемъ и лѣтнею суетливостью, Петербургъ нашъ, сошедшій съ своихъ зимнихъ подмостковъ, представляется какъ-то уѣздныхъ городомъ, перенесеннымъ въ каменные пріюты опустѣвшей столицы. Наша прославленная «общественная жизнь» разбивается на тысячи скорлупокъ, на тысячи раковинъ, къ которымъ мы припаемъ какъ устрицы. Лихорадочное движеніе зимы насъ утомляетъ; потому что мы даже въ люди, въ толпу привыкли являться съ какимъ-то невольнымъ замѣшательствомъ. Мы въ наши клубы являемся, какъ на службу въ канцеляріи и несколько не удивляемся (о, столличные провинціалы!), что въ этихъ клубахъ есть правила съ параграфомъ: «не драться и вести себя благочинно». Пусты улицы, пусты трактиры, даже гостинница, которая для удовольствія публики выписала новый органъ и какого-то ашвскаго вбаломученнаго поэта — въ эти не сезонныя будни — то же пустѣетъ. А отчего бы это такъ?

Видъ въ городѣ, гдѣ развита общественность, потребность сходиться вѣсть, потребность прочесть газету должна быть сильна одинаково, какъ во время шумнаго карнавала, такъ и въ весенніе дни поста? И все это оттого, что нашъ Петербургъ — все-таки узбдный городъ въ родѣ Бунеска, оттого что мы столичные провинціалы.

Мы только что проводили нашу маэстину—эту всероссийскую купчиху, которая цѣлую недѣлю до отупленія корнела насъ своими жирными блинами и возила по балаганамъ Берга, Легата и Александрійскаго театра. И вотъ дождутся балаганы, снимаются кулисы, забираются театральныя кассы и разные итальянскіе басы, тенора и альты улетаютъ

Въ теплый край, за синее море...

Зимній сезонъ кончился, занавѣсъ упалъ. Неужели же у насъ не осталось никакихъ воспоминаній объ этомъ сезонѣ?.. Увы!

Воспоминанія! Какъ острый ножъ—овъ!..

Странствуя по театральному кладбищу, мы съ грустью вспоминаемъ о театральномъ сезонѣ, оставившемъ послѣ себя только рядъ мѣльныхъ памятникѣвъ, съ полустертыми надписями. Прослѣдимъ затѣми надгробными эпитафіями къ погибшимъ, но милымъ пьесамъ нашего театра.

I.

НАДПИСЬ КЪ ПЬЕСѢ «*БЫЛО ДА ПРОШЛО!*»

Прохожіе! забудьте зло
И, успокоясь понемногу,
Скажите здѣсь: о, слава Богу,
Что это *было да прошло!*

II.

КЪ КОМЕДИИ Г. ДЬЯЧЕНКО; «*НЕРОВНЕЙ*»

Не насмѣхайтеся надъ «*Неровней*»,
Умоляю дерзкая хула:
За то, что было все старо въ ней—
Пьеса, эта умерла.

III

НАДЪ КОМЕДИЕЙ Г. ПАЛЬМА «БЛАГОДѢТЕЛЬ».

Отцы-ль тургеневскіе, дѣти-ль,
 Но всѣ твердятъ; о, calmet o. calmet!..
 Повѣрь; намъ всѣмъ твой «Благодѣтель»,
 Крупицы блага не дамъ, Вамъ-ль.

IV.

НАДЪ ДРАМОЙ: «ЛИЗА ОМИНА»

Путники! хоть вы-то
 Полноте сердито
 Писеу гнать, — она...
 Знайте: здѣсь зарыта,
 Шиканьемъ убита
 «Лиза Омина».

V.

КЪ КОМЕДИИ «БЫТЬ И СЛЫТЬ»

Она была
 Комедіей плохонь
 И прослыла,
 И умерла такою.

VI.

НАДЪ ДРАМОЙ «ГОРЕ — ДОЛЯ»

Себѣ нашъ авторъ знаетъ цѣну
 И мы нисколько съ нимъ не споримъ:
 Отдавъ комедію на сцену,
 Ее онъ мѣтко назвалъ *геремъ*.

VII.

НАДЪ ПЬЕСОЙ «ЧУЖАЯ ВИНА» — Г. УСТРЯЛОВА.

Эта драма назваться должна,
 Чтобъ избѣгнуть скандала не малаго,
 Ужъ со всѣмъ не „Чужая вина“,
 А вина — господинъ Устрялова.

VIII.

ПАМЯТИ АРТИСТОВЪ, ИГРАВШИХЪ ВЪ «ДОХОДНОМЪ МѢСТѢ»
ОСТРОВСКАГО.

Когда вы здѣсь играли мѣстѣ,
У всѣхъ бродило на устахъ:
Друзья! вѣдь вы въ „Доходномъ мѣстѣ“
Не на своихъ совѣснѣхъ мѣстахъ.

Миръ праху вашему почившія дѣти русской драматической музы!
Спите и не просыпайтесь даже къ будущему сезону. Спите, — Павелъ Губошлепъ не спитъ за васъ!..

И такъ, настоящій сезонъ кончился, масляница осталась назадъ. Въ жизни и журналистикѣ великопостная тишина и спокойствіе. Что за тоска такая! Хотя бы г. Феть развлекъ насъ новыми письмами «из деревни»!..

Впрочемъ, праздничное веселье масляницы отчасти отразилось и на нашей журналистикѣ. Такъ, напр. г. Лонгиновъ, желая развлечь публику, явившись на крылечкѣ московскаго «Дня», печатно обратился къ его редактору съ такою просьбою.

«М. Г. Въслѣдствіе нѣкоторыхъ возникшихъ недоразумѣній, (между кѣмъ?) я *считаю необходимымъ* заявить, что совершенно нераздѣльно мнѣніи, высказанныхъ въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшняго года, о первой рѣчи г. Тьера во французскомъ законодательномъ корпусѣ. Надѣясь на ваше доброе ко мнѣ расположеніе, я покорнѣйше прошу васъ напечатать настоящее письмо мое въ ближайшемъ номерѣ вашей газеты, такъ какъ помѣщеніе его въ ней, по разнымъ причинамъ, особенно для меня желательно. М. Лонгиновъ».

Понимаете ли вы здѣсь что нибудь, любезные читатели? А понять вы должны, потому что г. Лонгиновъ дѣлаетъ свое заявленіе единственно для публики. Разсудите, въ самомъ дѣлѣ, строго: русскую публику непременно долженъ былъ занимать вопросъ — раздѣляетъ ли г. Лонгиновъ мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» о рѣчи Тьера, или не раздѣляетъ. Я самъ объ этомъ думалъ три дня и три ночи; и все-таки ни до чего не додумался. А ну какъ раздѣляетъ? гадай я. А ну какъ эта рѣчь ему по сердцу пришла?.. Я увѣренъ, что вся Россія «отъ Перми до Тавриды» думала о томъ же самомъ, и терлась въ догадкахъ. Развязность самого г. Лонгинова спасла теперь Россію и она

должна успокоиться на той мысли, что мѣтвіа Моск. Вѣд. о Тьеръ г. Лонгиновъ не раздѣляется. При этомъ, не знаю почему, — аналогія ужъ такая странная, — приходитъ намъ въ голову Бобчинскій, обратившійся къ Хлестакову съ такой просьбой:

— Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ и Государю скажите, что вотъ живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ... Лонгиновъ (виновать!) Бобчинскій.

Вѣдливое объясненіе г. Лонгинова съ публикой также напомнило мнѣ другой случай изъ «добрыхъ старыхъ временъ». Случай тѣмъ скорѣе приходитъ на умъ, потому что о немъ сообщаетъ самъ же М. Н. Лонгиновъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

Нѣкто М. Л. Магницкій, послѣ поѣздки въ Грузію къ графу Аракчееву, написалъ ему большое письмо при такой припискѣ:

«М. Г. графъ Алексѣй Андреевичъ! Принося усерднѣйшую благодарность вашему сіятельству за милостивый приемъ и пріятнѣйшее угощеніе въ очаровательномъ Грузіи, я почитаю долгомъ возвратить вамъ, милостивый государь, то, что я уезду отсюда: *это сонъ, который я вамъ судила*. Онъ принадлежитъ вашему сіятельству».

За тѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ разсказывается сонъ.

А что М. Н. Лонгиновъ! Не раскутите ли и вы на такой же подарокъ? По боку Тьера, и расскажите намъ ваши московскіе сны. То-то, ноги славные сны вамъ греются!.. Разсказывать свои сны для весьма почтеное и солидное. Посмотрите, чѣмъ развлекаются русскіе ученые гг. Потодинъ и Костомаровъ. Изъ послѣдній полемическо-установительный рефератъ не лишить нѣкотораго интереса, не стало со стороны науки, сколько со стороны ученаго балагурства.

Странная доля у обоихъ этихъ ученыхъ. Давно ли они публично препирались о томъ — Норманомъ или Литвиномъ былъ Рюрикъ и, словно дѣлая серьезное дѣло, занимались ученымъ боксированіемъ надъ его формулярный списокомъ. Полемика эта, разумеется, кончилась вздоромъ и въ результатъ осталось нѣсколько колкостей и рѣзкихъ выраженій. И вотъ, прошло не такъ много времени съ тѣхъ поръ; оба историка не успѣли еще износить своихъ ученыхъ сандалій, какъ между ними завязался новый споръ, и вотъ по какому поводу!

Въ календарѣ нынѣшняго года появилась статья Н. И. Костомарова

о Куликовской битвѣ. Принимая въ соображеніе то, что календари расходятся въ громадномъ количествѣ по всей грамотной и полуграмотной Россіи, нельзя было не надеяться, почему именно была написана и помѣщена тамъ статья о Куликовской битвѣ? Почему Куликовская битва, а не Сивнопское сраженіе или поход Олега на Царьградъ? Все потому только, что поэтъ вы Николай Ивановичъ! Сталъ къ вамъ являться образъ Дмитрія Донскаго — вы и стали писать о немъ эпическое сказаніе для календаря, хотя намъ собственно дѣтъ и дѣла никакого теперь до Куликовской битвы, да и вообще до всевозможныхъ битвъ. Но поэты-ученые думаютъ, что они — сами по себѣ, а публика сама по себѣ. По этой самой причинѣ на Куликовскую битву Н. И. Костомарова никто не обратилъ никакого вниманія, но зоркій московскій ученый не дремалъ и, какъ разъ на масляницу, устроилъ для публики нѣкоторое «увеселительное представленіе», вступивъ въ комическую переключку съ петербургскимъ ученымъ. М. П. Погодинъ, какъ первый защитникъ до-петровской старины является здѣсь обвиненнымъ за личность Дмитрія Донскаго.

Тѣмъ Дмитрія его усыновляя,
Защитникомъ изъ гроба нарекла

и Михаилъ Петровичъ вступилъ съ противникомъ въ состязаніе. Ученые бадагуры всю свою полемику основали вотъ на чемъ:

— «Дмитрій, говорятъ г. Костомаровъ, какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой.»

— Какъ, что такое? возопилъ М. П. изъ Москвы? «Онъ былъ пылокъ и смѣлъ!». Читайте вотъ эти мѣста изъ Никоновой летописи, изъ Ростовской, изъ Софійской летописей...

Однимъ словомъ онъ начинаетъ пѣть —

Моего-ль вы знали князя?
Онъ былъ бравый молодецъ!..

Н. И. Костомаровъ такъ передаетъ объ участіи Дмитрія въ Куликовской битвѣ:

«Великаго князя между востыми воинами сблизилъ съ кономъ; онъ сблизилъ съ другомъ кономъ; но бросился на него четыре татарина, сблизилъ съ кономъ, погнались за нимъ. Князь Новосильскій оборонялъ его. Дмитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ нѣсколько ударовъ, побѣждалъ въ

гѣсь, запрятался подъ срубленное дерево и тамъ улегся, чуть не безъ чувствъ». (с. 21.)

Мих. Петр. Погодинъ не могъ вывести такого оскорбленія и воскликнуть:

— Побѣжалъ! запрятался! улегся! Послушайте, вѣдь это ни на что не похоже! *О комъ вы говорите такъ?* На какомъ основаніи?

Основаніе однакожь оказывается въ Никоновой лѣтописи, гдѣ сказано, что Донской «притруденъ вельми изыде съ побойща едва въ дубраву и вниде подъ новосѣчено древо много вѣтвенно и листовенно и ту скрывъ себя лежаще на землѣ.»

Вѣдь, кажется, смыслъ одинъ и тотъ же?

— Нѣтъ, замѣчаетъ М. П., защищая «*мобезнаго*,» какъ онъ выражается о Дмитріи Донскомъ. Нѣтъ, тутъ дѣло въ тонѣ: *le ton fait la musique...*

Вотъ самая серьезная сторона спора; далѣе идутъ выходки, касающіяся болѣе до собственной масляной битвы ученыхъ, чѣмъ до Куликовской битвы.

— Вы Москву не любите! упрекаетъ Мих. Петр. своего ученаго противника.

Противникъ вѣсто того, чтобы сказать: а вамъ какое до этого дѣло? Вѣдь это до спора не касается — начинаетъ увѣрять очень горячо г. Погодина, что онъ очень, очень любитъ Москву, «какъ собирательницу земель русскихъ» и пр. и пр.

— Помните вы эти стихи, декламируетъ М. П. Погодинъ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Г. Костомаровъ начинаетъ очень серьезно толковать о дурной версификаціи этихъ стиховъ и о нелѣпости ихъ мысли. (Если невѣрите, загляните въ № 62 «Голоса».)

— Въ заключеніе московскій историкъ называетъ петербургскаго — «предателемъ»...

Браво, браво русскіе ученые! Теперь недостаетъ только публичнаго диспута, подобнаго рюриковскому, на которомъ вы рѣшили бы важный историческій вопросъ русской исторіи: лежалъ ли Донской во время битвы подъ деревомъ или не лежалъ?

Диспута! публика просить диспута, милостивые государи!..

Принимайте жь строгій видъ вы,
И затѣйте новый бой!..
Мнѣ ужь снится поле битвы
Двухъ ученыхъ межъ собой.

* * *

Инь обоняя паросъ сроданъ
И по силамъ зтогъ грузъ...
— „Онъ былъ храбръ!“ кричить Погодинъ.
Костомаровъ: — „Онъ былъ трусъ!“

* * *

— „Сильнымъ подвигомъ великъ онъ!“
— „Съ поля битвы онъ бѣжалъ;
Никомъ самъ...“ — „О, вретъ вашъ Никонъ!“
Такъ Погодинъ убѣждалъ.

* * *

О Погодинъ! Дай примѣръ ты
Боя гласнаго! На судъ
И арбитры и эксперты
Видѣть съ публикой придуть.

* * *

Но довольно о полемикѣ, въ которой Михаилъ Петровичъ ужь очень безцеремонно ведетъ себя. Это учено-кулачная расправа по поводу Куликовской битвы напомнила мнѣ остроумное замѣчаніе одного изъ лучшихъ нашихъ публицистовъ. Читая Погодина, говорить онъ, слѣдя за его шероховатымъ, неметенымъ слогомъ, за его грубой манерой бросать корюшки, обгрызенныя отщипки и нежованныя мысли, все думаешь, что онъ бранится, и осматривается нѣтъ-ли дамъ въ комнатѣ. Вероятно изъ десяти молгъ читателей найдется хоть одна дама, а поэту и замочу, и лучше уложу своей читательницѣ на другую комнату; на полемикѣ баронессы Е. Фитингофъ-Шеель съ В. И. Аспеконикъ. Изъ этой полемики и именно изъ статьи баронессы Фитингофъ можно почерпнуть много наивныхъ идеекъ. Такъ, напримѣръ, полемистка извѣщаетъ насъ, что романъ «Отцы и дѣти» Тургеневъ «ос-

чинилъ воровъ не для женщинъ», или, что «общество Базаровыхъ и Фокиныхъ (вотъ онъ, женскій-то яд!) не идетъ для женщины, которая посвятила себя воспитанію дѣтей».

Теперь распростимся съ Петербургомъ. Въ Петербургѣ постомъ дѣлать рѣшительно нечего, и невской столицѣ предстоитъ только единственное удовольствіе въ великопостные дни — смотрѣть геологическія картины, которыя будутъ поставлены въ театрѣ нашимъ извѣстнымъ химикомъ М. Ѡ. Шинко. По этимъ картинамъ геологическаго образованія земной коры и постепеннаго развитія жизни на земномъ шарѣ, петербургская публика можетъ узнать, что наша планета — старушка очень и очень почтенныхъ лѣтъ...

Петербургскіе журналисты и редакторы журналовъ, не повѣривъ на слово г. Б. Чичерину, увѣравшему, что всѣ губерніи, голоса не подающія, наслаждаются всеми благами жизни, очень досаждаютъ на упорную молчаливость провинціальныхъ корреспондентовъ. Они вѣроятно забыли, что эти провинціальные корреспонденты преслѣдуются всегда семи няньками, готовыми имъ выколотъ глазъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Если въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ заведется несчастный человѣкъ, что-нибудь печатавшій, или же по разнымъ признакамъ способный печатать, то его съ утра до ночи весь городъ обнюхиваетъ, предполагая, что въ его карманѣ уже готова обличительная записка. Когда же появится гдѣ-нибудь на Москвѣ, или Невѣ такая статейка, то горе всѣмъ подозрѣваемымъ въ выбрасываніи сору изъ избы.

Есть одинъ городъ, *Волжскіе дыры* называютъ его. Въ таинственномъ учебномъ заведеніи начальствуетъ некто Идиотиковъ, и начальствующийъ Богъ на Думу ему положилъ: патриархально и бесцеременно. Отвергая прелесть его управленія, одинъ изъ служащихъ того заведенія, Пугляковскій, написалъ нѣсколько словъ о той педагогической извѣсти объ ея главномъ коноводѣ. Статейка послана въ петербургскую газету и напечатана, разумеется, безъ подписки.

Идиотиковъ прочелъ газету, и чуть рабынь не адлялся отъ злости. Узнавшійся въ заведеніе, онъ чуть-чуть узналъ своего пристрастнаго, и обратилъ къ нему съ грознымъ вопросомъ:

— Отвѣчайте мнѣ: что вы изъ *Волжскіе дыры* корреспондентомъ въ такую-то газету помѣстили.

Петляковскій вопросомъ не смущался и на него отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить: вы дѣлаете мнѣ вопросъ, какъ подчиненному лицу начальникъ, или просто, какъ знакомый знакомому?

— Конечно, спрашиваю васъ, какъ начальникъ, рывкнулъ Идиотиковъ.

— А если такъ, то вы не имѣете права дѣлать мнѣ подобныхъ вопросовъ.

— Не вамъ, сударь, разсуждать о моихъ правахъ. Я васъ, сударь, спрашиваю: ваша эта статья? Въ ней только ложь одна.

— Снова отвѣчаю вамъ, что вы не можете допрашивать меня по дѣлу, которое не касается моей службы... Если же въ статьѣ вы встрѣтили ложь, то и опровергайте эту ложь, тоже печатнымъ образомъ.

— Такъ вы не желаете дать мнѣ отвѣта?

— Вопросъ незаконный, а потому я на него не отвѣчу.

Идиотиковъ, привыкшій къ повиновенію и низкопоклонству своихъ подчиненныхъ, только сверкнулъ глазами и до крови укусылъ нижнюю губу.

Надъ Петляковскимъ стала собираться туча. Идиотиковъ подагъ на него жалобу «куда слѣдуетъ». Виновный въ скоромъ времени получаетъ бумагу съ мотивомъ изъ русской пѣсни:

Ахъ, зачемъ было огорошъ городить?

Ахъ, зачемъ было мажору садить?

Въ бумагѣ этой было сказано: «вы-ли это осмѣлились, поинимая или чужакомъ такую статью въ газетѣхъ напечатать?». Потомъ слѣдовали разныя угрозы, гряды, прощя и молнія. Но громы и молнія не испугали обвинителя; онъ тотчасъ отвѣтилъ, что подобныя запросы свѣтлы для себя обидными и, въ случаѣ, если они повторятся, онъ обратится къ общей защитницѣ—къ русской правдѣ (хороша защитница!). Разумѣется, эта защитница тамъ никого не задувала, и въ скоромъ времени провинціальный сочинитель получилъ письмо съ просьбой: «немедленно подать въ отставку, а иначе будете уволены безъ прошенія. На размышленіе дается 48 часовъ». Обличитель, какъ видно, еще не рваный жизнью, и думавшій о какой-то «справедливости», пишетъ опять отвѣтъ: «въ отставку я подамъ, если мнѣ будетъ объяснена моя недобросовѣстность въ исполненіи служебныхъ обязанностей».

Пока онъ дожидался логическаго доказательства—его безъ всякихъ объясненій уволили. *Finita la comedia!*...

Вотъ каково положеніе провинціального корреспондента. Какъ выйти изъ него? Какимъ способомъ избавить корреспондента отъ подобныхъ сюрпризовъ, а редактора избавить отъ ложныхъ корреспонденцій? Разрѣшеніемъ этого вопроса занялся г. Скарятинъ, и рѣшилъ его очень находчиво. По его мнѣнію, каждый провинціалъ, всѣ свои корреспонденціи долженъ представлять на рассмотрѣніе мѣстнаго начальства, и присылать ихъ въ столицу съ полицейскимъ удостовѣреніемъ въ личности автора. Пріятное предложеніе... Я знаю одного навиваго, добродушнаго провинціала, которому предложеніе это очень понравилось. Живетъ онъ въ одномъ скверѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ... но вотъ что самъ онъ мнѣ пишетъ, между прочимъ:

«Смѣйтесь—я самъ послѣ посмѣялся—но мысль г. Скарятина меня заняла: пусть, думаю, мы всѣ станемъ дѣйствовать откровенно, и наше мѣстное начальство, вѣроятно, будетъ считать умѣстными наши статьи. Заразившись такимъ предположеніемъ, я тотчасъ хотѣлъ приложить къ дѣлу правило, предлагаемое г. Скарятинымъ. Написалъ я стихи, въ которыхъ о нашемъ городѣ и его начальствѣ отзываюсь справедливо, но далеко не почтительно. Отправляюсь къ нашему городничему и въ дверяхъ застаю чувствительную сцену: нашъ градоправитель за косы волочилъ свою супругу по полу, съ приличнымъ къ такому случаю причитаньемъ. Супруга ревъла, такъ что стѣны тряслись... Увидѣвъ меня, городничій далъ послѣдняго пинка своей дрожавшей половинѣ, запахнулъ пальто и спросилъ: «что вамъ угодно?» Я объяснилъ, что такъ и такъ, стихи написалъ о нашемъ городѣ и желаю знать, одобрить-ли ихъ мѣстное начальство. Городничій сначала ошалелъ, потомъ взялъ у меня рукопись и сталъ читать. Когда онъ дошелъ до вѣстнаго отзыва о самомъ себѣ, ему, кажется, очень захотѣлось повторить на эту же самую экзекуцію, жертвою которой была сейчасъ его супруга, но потому-ли, что у меня не было женской косы, или по чему другому, онъ этого не сдѣлалъ, а только замѣтилъ:

— Какъ вы смѣете отзываться такъ о вашемъ начальникѣ?

— Я и пришелъ повтому просить вашего совѣта и позволенія напечатать эти стихи, для того, чтобы послѣ не было никакихъ недоразумѣній.

Городничій рѣшительно растерялся и не зналъ, при такомъ неосжи-

данномъ случаѣ, что ему дѣлать, какъ поступить, не теряя своего достоинства. Онъ читалъ рукопись и только шепталъ:

— Рѣзко, очень рѣзко... Хорошо, но рѣзко, особенно вотъ обо мнѣ...

Я объяснилъ ему, что хочу сегодня же послать эти стихи на почту.

Городничій измѣнился въ лицѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите молодой человѣкъ! Оставьте эти стишки у меня на недѣлку, а потомъ... потомъ зайдите ко мнѣ.

Я раскланялся и ушелъ.

Прошла недѣля и я получаю отъ городничаго стихи при формальномъ отношеніи, которое извѣщаетъ меня, что «въ измѣненномъ видѣ стихи могутъ быть посланы въ печать». Начинаю просматривать свою рукопись, всю перечеркнутую и перемаранную, и просто не вѣрю своимъ глазамъ: не нахожу никакого сходства между оригиналомъ и спискомъ. Какъ образчикъ, посылаю вамъ то и другое. Полюбуйтесь, и покажите при случаѣ г. Сквартину.

I.

Голосъ изъ закоулства.

(Стихи, отданные городничему).

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ—то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

2.

Залита грязью площадь базарная
И разбитый гниетъ тротуаръ;
Здѣсь не рѣдко команда пожарная
Привкатить безъ воды на пожаръ.

3.

Все начальство пропахло здѣсь взятками,
Всѣмъ берутъ,—что кладутъ на вѣсы:
Ситцемъ, сахаромъ, чаемъ, лошадаками
И, пожалуй, кускомъ колбасы.

4.

Здѣсь обычай такой горючичаго:
Если въ лавку пойдетъ жена—
Говорить: «ты, смотри, не купи чего—
Лавка даромъ давать намъ должна».

5.

Нашъ исправникъ стариннаго воровъ,
Пьетъ за двухъ онъ тринадцатый годъ,
А ужъ грабить—такъ грабить онъ здорово
Да и ухомъ себѣ не ведеть.

6.

Не боясь облаченья столичнаго,
Лихомъствомъ живетъ нашъ судья;
По словамъ стихотворца отличнаго:
«При колодецѣ пустыни онъ бадья».

7.

Сплески, карты, баталія съ женою,
Вотъ и все, что встрѣчаешь у насъ;
Съ крючкотворами теми прожженными
Не знавай, попадешься какъ разъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ, то душа возмущается,
Какъ пойдешь по усаднымъ дворамъ.

Въ этомъ видѣ стихотвореніе поступило на разсмотрѣніе мѣстнаго начальства.

А вотъ другой видъ.

II.

МИРНЫЙ УГОЛОКЪ.

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается,
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,

И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ ворота.

2.

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуаръ, какъ картинка на видъ,
Аккуратна команда пожарная,
Въ фонаряхъ керасинъ здѣсь горить.

3.

Здѣсь начальство гнушается ваятками,
И привычки такія давно
Называетъ привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грѣшно».

4.

Городничій у насъ... городничаго
Мы такого не сыщемъ нигдѣ,
(Не всегда лишь умѣютъ постичь его)
Онъ любому поможетъ въ бѣдѣ.

5.

Нашъ исправникъ безъ всякаго порока;
Видъ хивальнаго и въ ротъ не беретъ,
А войдетъ онъ вора котораго —
То его со слезами деретъ.

6.

Нашъ судья же не тронетъ и волоса,
Если видитъ, что правъ человекъ,
И въ статейкахъ изданія «Голоса»
Обряетъ онъ нынѣшній вѣкъ.

7.

Слети, пьянство, съ семействомъ батами —
Ихъ не знаетъ у насъ гражданинъ;
Здѣсь у женщинъ высокая талия
И высокая часть у мужчинъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается,
 Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ
 И неволью слеза проливается,
 Если ступишь ногой изъ ворота.

Дѣйствительно, между этими двумя стихотвореніями есть нѣкоторая разница, и система г. Скарятина не всѣмъ провинціальнымъ корреспондентамъ понравится. По этой системѣ, вѣсти изъ провинціи будутъ доходить къ намъ еще хуже газеты «Вѣсть», которая подслушиваетъ великосвѣтскія сплетни на парадныхъ подъѣздахъ, во время баловъ и ратушь.

Но возвратимся въ провинцію.

Страшное, драматическое приключеніе случилось съ зрителемъ уздаго училища въ городѣ: «*Заушинскъ*»! Ужасное происшествіе! На берегахъ немы я плачу о его несчастіи, и заочно пью съ нимъ на *брудершафтъ*. Такое дружеское предложевіе я дѣлаю ему потому что брудершафтъ ему, вѣроятно, очень по душѣ: только имъ однимъ объясню я привычку зрителя, который всѣмъ своимъ воспитанникамъ говорить *мы* т. е. вѣроятно, онъ совершилъ съ ними застольный обрядъ брудершафта. Но вернемся къ его несчастію.

Сидитъ однажды зритель въ своей комнатѣ, занимается, можетъ быть, отпращиваніемъ своихъ педагогическихъ или сузружескихъ обязанностей, сидитъ въ своемъ мирномъ угольѣ, такъ снѣзятъ у сенейнаго очага и вдругъ... (вы предчувствовали это *одручь*?) вдругъ въ оны раздается звонъ и разбитое стекло влѣтъ съ обломками кости или камня, падаетъ на полъ...

Я стражду! я плачу!

Вы можете теперь представить его благородное негодованіе! Каждый волосъ на его головѣ обратился въ березовый вѣтвь, каждый взглядъ изъ «энергической мотивъ жизни»...

На совершившейся фактъ онъ посмотрѣлъ именно съ той точки зрѣнія, съ которой зрителю училища смотрѣть надлежитъ. Онъ не хотѣлъ и думать о томъ, что какойнибудь шалуунъ, гонимый за голубши и нвыряя въ нихъ камешками, *случайно* разбилъ роковое окно. Нѣтъ, онъ какъ Фанусовъ, воскликнулъ:

А! бунтъ!.. Я такъ и жду содома!...

Кончились классы. Смотритель собираетъ въ залу учениковъ и начинаетъ доискиваться преступника. Онъ бранится, дѣлаетъ ударенія на сильныхъ выраженіяхъ и сыплетъ удары на слабыхъ мальчиковъ — виновный все-таки не открывается. Смотрительскія уста покрываются пѣной...

— «Разокъ сюда! Лѣсу!..» кричитъ смотритель. Онъ самъ въ эту минуту готовъ замѣнить собою скамью, на которой можно было бы совершить эту педагогическую расправу.

За лѣсомъ дѣло не стало: лѣсъ выросъ кругомъ его, какъ по волшебству... Рассказывать-ли дальше?... Догадливые россияне сами знаютъ конецъ этой драмы: «несчастный смотритель или разбитое окошко»... Ученики были построены въ рядъ и, черезъ четвертаго пятый позналъ, что деревья распускаются не для однихъ только умныхъ стихотворцевъ, любящихъ отдыхать подъ тѣнью деревьевъ...

— Ну, а виновный?

— Виновнаго все-таки не отыскали.

Жаль, очень жаль смотрителя, который, можетъ быть, простудился, доключивъ или гриппъ схватилъ у разбитаго окошка. Бѣдный смотритель!... Съ своей стороны я предлагаю обитателямъ города Заушниска устроить въ пользу его благотворительный спектакль. Право, устройте!..

Представьте теперь, мои любезные россияне, что гдѣ-то, далеко, есть городъ Таракановскъ, и что въ этомъ городѣ существуетъ «швейное заведеніе благородныхъ дѣвицъ». Если вы это вообразили, то я могу дальше развивать свою фантазію. Говорятъ, у всякаго барона своя фантазія. Г. Майковъ, напримеръ, мечтаетъ о римскихъ матронахъ, о колоннахъ солдатъ и о колоннахъ колизея, г. Фетъ грезитъ о розахъ и райскихъ птичкахъ, а я фантазирую теперь о содержательницѣ швейнаго магазина, о г-жѣ Сага нія, и о различныхъ ея похожденияхъ. Соглашаюсь исполнѣ, что грезы о матронахъ и о райскихъ птичкахъ гораздо повличнѣ моего мѣщанскаго вымысла, но... тѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Майкову снится весталка,
Фету — воздушныя феи;
Мнѣ же, и больно и жалко,
Снятся российскія швеи.

Продолжаю Г-жа Сага міа барыня почтенная, горожанами уважаемая и вполнѣ баркаралы достойная. Порадокъ въ ея заведеніи уму нечистопитимый. Все женское население этого магазина ходит по стрункѣ и обратилось въ какое-то живое подобіе скорострѣльной машины. Старшимъ изъ дѣвиць поочередно поручается занятіе хозяйственной частью, а сама хозяйка избрала благую часть слѣдить за обиднымъ порядкомъ. Наступила очередь хозяйничать одной изъ «старшихъ», идѣ Попиковой, 18-ти-лѣтней молодой дѣвушкѣ, оставшейся, по бѣдности, еще на годъ въ этомъ заведеніи. Очередная хозяйка приступила къ исполненію своей обязанности; выгнала, что слѣдуетъ кухаркѣ, а потомъ пошла, чтобы съѣсть за свою обычную работу. На встрѣчу ей поимается мать г-жи Сага міа и обливается, что репертуаръ обиды перемѣняется, и что поэтому нужно сдѣлать новыя распоряженія въ резиденціи кухарки. Дѣвушка, объяснивъ старухѣ, что у нея есть срочная работа, просила мать хозяйки, съ приличными случаями любезности, самой сдѣлать выдачу новой провизіи въ кухонномъ царствѣ, и вслѣдъ за тѣмъ ушла и съѣла зароботу. Старуха, которая уже при жизни *тронутася*, была въ то же время недотрога и такого афронта вынести не могла. Она взбѣсилась и нажаловалась дочери. И вотъ на сцену, какъ въ старыхъ драмахъ герои появляются только въ роковыя минуты, выплываетъ главное дѣйствующее лицо—сама г-жа Сага міа. Она влетаетъ въ мастерскую и мастерски начинаетъ ругать виновницу событія. Чтобы со славой завершить побѣду, она (о, благодареніе Юпитеру, что это только фантазія!..) бьетъ дѣвушку по лицу. Заварьскъ опускается. За тѣмъ слѣдуетъ эпилогъ.

Къ г-жѣ Сага міа приходитъ отецъ оскорбленной дѣвушки (исповните, что онъ бѣднякъ), и требуетъ объясненія возмутительнаго обращенія съ его дочерью. Г-жа Сага міа, пародируя на женскій ладъ извѣстный монологъ Крещинскаго: «сатисфакція! объясненіе!» и проч., выгоняетъ старика вонъ и тотчасъ же бросилась къ своимъ родственникамъ своимъ питомцамъ, прося и угрожая громкимъ именемъ одной своей покровительницы подписать ей благодарственный адресъ за ея попеченія и материнскую заботливость въ отношеніи юныхъ воспитанницъ. Адресъ составилъ изъ *семидесяти семи* подписей. Отецъ оскорбленной дѣвушки, послѣ безплодныхъ жалобъ и хлопотъ на мѣстѣ, собирается идти пешкомъ въ Петербургъ... Не напрасно-ли пойдешь ты, бѣдный старикъ?..

Чтобы хоть на время отдохнуть отъ своихъ славянскихъ фантазій и вымысловъ (а славянскіе вымыслы такъ щедры на музыку розокъ, на

мелодію пощечинъ), а переиду къ дѣйствительности, не столь мрачной. На этотъ разъ меня развлекаетъ и наводитъ на самый добродушный смѣхъ владимірскій корреспондентъ «Голоса»...

Какихъ, подумаешь, не встрѣтишь дѣлъ на свѣтѣ.

Почтенный судьятъ «Голоса» (почтенный, потому что пишетъ въ почтенной газетѣ наипочтеннѣйшаго Андрея Александровича) г. М—скій, говоря о владимірскомъ театрѣ, пишетъ между прочимъ вотъ что: «Здѣшнія актрисы живутъ во флигелѣ дворянскаго дома, чтобы находиться подъ всегдашнимъ наблюденіемъ и охраною губернскаго предводителя и его супруги отъ провинціальныхъ ловеласовъ и донъ-кихотовъ (?) и для попеченія о матеріальныхъ и моральныхъ интересахъ юныхъ артистокъ» («Голосъ», № 39).

О, мои прекрасныя и молодыя соотечественницы! Счастливы вы, сто разъ счастливы, если не живете въ этомъ ужасномъ городѣ Владимірѣ и, напротивъ — жалка ваша участь, если судьба закинула васъ въ гнѣздо самыхъ отчаянныхъ ловеласовъ. Вѣдь, опираясь на слова г. М—скаго, городъ этотъ, въ которомъ отъ любовныхъ преслѣдованій прячуть актрисъ въ губернской домъ, можно считать притономъ всѣхъ клубничныхъ русскихъ Донъ-Жуановъ, можно думать.. да мало-ли чего тутъ не прійдетъ въ голову по этому поводу. Ужасный, кромѣ шутокъ, городъ Владиміръ. Ужъ чего кажется смириѣ Донъ-Кихотовъ: они народъ тихой, дамскіе рыцари, а во Владимірѣ, по сказанію г. М—скаго и самые Донъ-Кихоты — озорники и шалуны, отъ которыхъ актрисамъ нужно жить подъ охраной тамошнихъ властей, наблюдающихъ даже за ихъ «моральными интересами». Ужъ если губернская власти приняли на себя эту обязанность (совсѣмъ кажется не по рангу), то значить ихъ моральнымъ интересамъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто угрожало. О, владимірскіе Ловеласы! не будьте же безчеловѣчны и обходите мимо, домъ дворянскаго собранія... А вы! —

Бѣгите, актрисы, со сцены!
Всѣ братья, отцы и супруги
Въ испугъ.

Здѣсь каждый трепещетъ жемъны
Подруги.

**

Владимира алчная раса!
Сидишь-ли тамъ утромъ за чашку —
Нечаемъ

И вдругъ предъ собой Ловеласа
Встрѣчаемъ.

* * *

Хоть типъ Ловеласовъ лукавый
Повсюду — хоть весь исходи миръ, —
Ужъ вымеръ,

Но ты воскресилъ ихъ со славой,
Владимиръ.

* * *

Не знаю, какъ и къмъ оберегаются матеріальные и моральные интересы артистовъ Кіевскаго театра, но я убѣдился, что между ними сохранилась самая простодушная наивность. Напишутъ, напримѣръ, въ губернской газетѣ рецензію объ игрѣ тамошняго актера, а онъ тотчасъ въ обиду вломится, и отвѣтъ печатаетъ, благо губернской редакторъ радъ каждому лишнему столбцу для своей газеты. Одному такому рецензенту вздумалось написать статью объ игрѣ г. Милославскаго въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» — и г. Милославскій тотчасъ возраженіе печатаетъ тамъ же. Г. Милославскій съ большимъ уваженіемъ относится съ самому себѣ и къ своему сценическому дарованію. Г. Милославскій игралъ въ разныхъ уголкахъ Россіи: игралъ въ Харьковѣ «Иголкина», въ Симбирскѣ — «Ляпунова», въ Казани — «Карла Моора и Кречинскаго», даже въ Петербургѣ Шекспиру и Павлу Федорову въ «Галетѣ» подсолонилъ, и въ настоящее время играетъ въ Кіевѣ. Мы видали г. Милославскаго и тамъ и сямъ: не знаетъ, какъ онъ играетъ въ карты или кегля, но на сценѣ онъ играетъ, увы! плохо. Не смотря на то, что рецензентъ въ статьѣ своей называетъ его актеромъ, «способнымъ спѣть куплетецъ съ подмигиваніемъ и только», кіевскій артистъ благодаритъ его за разборъ. «Актеръ, говоритъ онъ, заслуживающій такой подробной рецензіи, долженъ быть съ большими достоинствами». Вспомнивъ о собственныхъ достоинствахъ, г. Милославскій увлекся, и давай хвалить себя и публику, которая его любитъ. Онъ восклицаетъ:

— «Судь публики дороже всѣхъ рецензій въ мирѣ. Для публики актеръ жертвуетъ своими способностями, силами и здоровьемъ».

Г. Милославскій! Знаете-ли вы, что я вамъ скажу на это? Очень

просмотрительно поступили вы, пожертвовавъ публикѣ ваши «способности и силы». Если бы вы не приносили такой жертвы, то было бы лучше, а то, согласитесь сами, какой вы актеръ безъ силъ и безъ способностей? Вольно же было такъ веднодушничать!.. Публика таже веднодушная и не проситъ отъ артиста,

Но, г. Милославскій, кажется, не сознаеть къ чему привели его самопожертвованія. Онъ печатно самъ начинаетъ водхичаться самими собою и удвраеть, что его репутація, какъ актера, уже составлена, а что касается до критики, то «сдѣлчайшіе художники подвергались суду критики».

Вотъ какія художества водятся за г. Милославскимъ!

Ему и лавры и вѣнки

И слава додгая въ потомствѣ!..

Въ городкѣ «Саламандръ», Мрачной губерніи, вѣвие прогресса извело гражданъ на созиданіе новаго клуба. Созиданіе закипѣло. Возродились старшины, лакейскія ливреи, возродился казначей. Съ этого казначея, городского лекаря, и начались крушенія и бури новаго «собранія». Однажды — мѣсяць спустя послѣ открытія клуба — казначей объявляетъ, что онъ потерялъ собранныя деньги, «по разсѣянности», разумѣется... Старшины приуныли: казначей оказался неблагонадежный, а гдѣ взять другаго благонадежнаго? Трудно... На разрѣшеніи этого вопроса пока и остановились.

За тѣмъ послѣдовало другое событіе: въ собраніи случилось нѣчто въ родѣ мамаева побоища. Весь домъ дрожалъ точно отъ землетрясенія... стекла звенѣли... ребра и мебель трещали. Причиною погрома была карточная игра заздателя уѣзднаго суда съ г. Перевихлевымъ. Засѣдатель проигрываетъ деньги, но платить не желаетъ.

— Отчего вы не платите деньги?

— Да вѣдь если бы вы мнѣ проиграли, то вѣдь тоже не заплатили бы, поди!...

Затѣмъ и началось рукоприкладство и свирѣлая драка. Сторону Перевихалева приняло большинство присутствовавшихъ и на голову заздателя полетѣли стулья, подсвѣчники и «пошла писать губернія». Еще живой убѣжалъ заздатель изъ «собранія», а по дорогѣ въ домъ врага перебилъ всѣ стекла. На другой день является къ нему депутація.

— Потому-то и потому-то, отъ имени общества, предлагаемъ вамъ выйти въ отставку, иначе... не прогнѣвайтесь, хуже будетъ.

Засѣдатель подумалъ, подумалъ, и подалъ въ отставку и камъ Раппюевъ подумалъ про себя:

«Была игра, да, могу сказать, была игра!»

Въ городѣ *Черное Озеро* есть высшее частное училище. Одинъ изъ педагоговъ этого заведенія Митруевъ—Кобылкинъ составилъ записки своихъ лекцій и поручилъ одному изъ своихъ слушателей Верхоглядову редакцію литографированныхъ листковъ этихъ записокъ. Литографированныя тетради записокъ, наконецъ, были изданы, и заслужили общее порицаніе за ихъ содержаніе потому, что ученый педагогъ составлялъ свои лекціи изъ разныхъ обрывковъ чужихъ мнѣній и сшивалъ ихъ въ одно рубище, не заботясь о томъ, что изъ цѣлаго выходитъ какой-то сумбуръ и несвязанная цѣпь голыхъ фактовъ. Общее мнѣніе слушателей было противъ этихъ ученыхъ лохмотій, что дошло и до ушей самого автора. Г. Митруевъ—Кобылкинъ желая оправдать себя въ глазахъ своихъ худителей, сталъ всею разсказывать, что виноваты во всемъ его товарищъ по изданію, г. Верхоглядовъ, который небрежно составилъ записки его лекцій, и надалъ ихъ въ такомъ неисправномъ видѣ.

Г. Верхоглядовъ узналъ объ этомъ обвиненіи. На одну изъ лекцій Митруева—Кобылкина онъ явился съ подлинною рукописью ученаго, рукописью, составленною имъ самимъ для литографированныхъ записокъ.

— Вы-ли мнѣ доставили для печати эту рукопись, написанную вашею собственною рукою? спросилъ онъ публично педагога.

Педагогъ растерялся, но отпереться не могъ отъ своей тетради.

— Какимъ же образомъ вы обвиняли меня въ произвольномъ составленіи вашихъ записокъ?

— Но... позвольте... я говорилъ... я думаю...

У ученаго сдѣлался кашель.

— Такимъ образомъ, продолжалъ обвинитель, сдѣлавши ложное обвиненіе, вы вполне заслуживаете имя клеветника и лжеца.

Педагогъ совершенно потерялъ умственное равновѣсіе, и на обиду отвѣчалъ жалобой.

Послѣдствіемъ жалобы оказалось то, что обвинителя исключили изъ храма науки, а ученый попрежнему продолжаетъ читать посвоимъ обдерганнымъ запискамъ.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- Историческіе эскизы. (Статья вторая) . . . Д. И. Писаревъ. ✓
Причины вѣдности Т. З.
Московскія нѣры и трущобы. (Разсказъ). . . М. А. Вороновъ. ✓
Сонъ. (Стихотвореніе Байрона) П. И. Вейнбергъ.
Россия до Петра I. (Окончаніе). Н. В. Шелгуновъ. ✓
Записки тюремной надзирательницы. (Ан-
глійскій романъ).
Безвыходное положеніе. (Повѣсть). В. Самойловичъ. ✓
Лэди Клара Веръ-де-Веръ. (Стихотвореніе
Теннисона) А. Н. Плещеевъ.
Границы положительнаго знанія. П. А. Бибииковъ.
*** Стихотвореніе Морица Гартмана А. Н. Плещеевъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Цвѣты невиннаго юмора. (Сатиры въ прозѣ
и невинные разсказы Н. Щедрина). . . . Д. И. Писаревъ.
Библиографическій листокъ В. З.

Общая исторія Италіи съ 1846 по 1860 годъ. Сочиненіе Діега Сорія, пере-
водъ Качаловскаго. Изданіе Висковатова. Спб. 1863. Общее земледѣніе Карла
Риттера; лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ и изданныя Г. А. Да-
ніелемъ. Переводъ Я. Вейнберга. Изданіе Глазунова. М. 1864.—Исторія земле-
вѣденія и открытій по этому предмету. Лекціи Карла Риттера, читанныя въ
берлинскомъ университетѣ, издаваемыя Г. А. Даніелемъ, переводъ подъ редак-
ціей Н. Бааста (съ портретомъ автора). Изданіе О. Бааста. Спб. 1864.—Харак-
теристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, собранныя и при-
способленныя для домашняго и школьнаго образованія В. Шюгца; переводъ
М. Тихоновича. Часть 1 (выпуски 1 и 2). Изданіе Юргенсона. М. 1861 и 1864.—
Сборникъ историческихъ очерковъ В. Шюгца, учебное пособіе для учащихся съ
и преподавателей, переводъ Л. Чацкинъ. Часть I. Древній міръ, выпускъ 1.
М. 1864.—Отечественное. Россія по разсказамъ путешественниковъ и уче-
нымъ изслѣдованіямъ; учебное пособіе для учащихся, составилъ Д. Семеновъ.
Изданіе Черенина и Михайловичъ. Спб. 1864.—Сочиненія Майнъ Рида. Охо-
ничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Т. I.
Изданіе Вольфа. Спб. 1864.

- Глуповцы, попавшіе въ «Современникъ». В. А. Зайцевъ.
Поправка чужой корректуры Л. Полонскій.

ОТДѢЛЪ Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Леорешъ.

ГЕРМАНІЯ. Военныя дѣйствія австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Шлезвигъ.—Сюзный себѣ терять свое значеніе въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи.—Запальчивость и трусливость членовъ Националь-верейна и германскихъ мелкихъ владѣній.—Мнѣніе Пальмерстона объ австро-прусской политикѣ.—Заносчивость Бисмарка и смиреніе прусскихъ депутатовъ.—Советъ, данный Германіи.—**ФРАНЦІЯ.** Впечатлѣніе, произведенное преніями объ адресѣ.—Превосходство оппозиціонныхъ ораторовъ передъ правительственными. Заемъ, сдѣланный у народа.—Выгоды, извлеченныя изъ этой кѣры значительными капиталистами.—Увеселенія тюльерійскаго двора.—**АНГЛІЯ.** Затруднительное положеніе Сентъ-Джонскаго кабинета.—Новыя образчики англійскаго правосудія.—**АМЕРИКА.** Принужденное перемиріе.—Побѣды, одерживаемыя федералистами путемъ мирныхъ законодательныхъ мѣръ.—Рѣшительный тонъ, принимаемый правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіею и Франціею.—**МЕКСИКА.** Мексиканскій вопросъ съ точки зрѣнія Монитера и въ настоящемъ его видѣ.—Несчастный случай въ Свѣтъ-Яго.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Банкротство Н. В. Соколовъ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Взглядъ на міръ сивозъ зеленыя и розовыя очки.—Великосвѣтская жизнь, отвергающая нечесаныя нигилисты.—Великосвѣтская газета, обоняющая ароматъ аристократическихъ переднихъ.—Листки изъ дневника свѣтскаго человека.—Переходъ отъ зимнихъ удовольствій къ великопостной скукѣ.—Эпитафія зимнему театральному сезону.—Гг. Долгиновъ и Тьеръ.—Гг. Костомаровъ и Погодинъ; ихъ новая полемика по поводу Куликовской битвы:—Диспута просимъ, милостивые государи, — диспута! — Полемика бароцессы Фатинговъ-Шеель съ г. Аскоченскимъ.—Обличеніе изъ города—*Волчья дыра* и отставка обличителя.—Голось изъ захолустья, передѣланный городничинъ.—„Энергическія мотивы жизни“ г. Юркевича, прилагаемые въ городѣ Заушникѣ черезъ четвертаго къ пятому—Сага шіа, внушающая послушаніе посредствомъ заушней и семьдесятъ семь благодарственныхъ подписей.—Дворянскій предводитель, охраняющій матеріальные и моральные интересы юныхъ владимірскихъ артистовъ.—Кіевскій артистъ г. Милославскій, самъ себя превозносящій въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“.

CP
JW

MAR 30 1937

